

Ю.М.Галенович

ЧЖАО ЦЗЫЯН

И РЕФОРМЫ В КИТАЕ

Галенович Юрий Михайлович – китаевед, доктор исторических наук, профессор. Многие годы работал в Китае, в том числе в годы «культурной революции», – ведал культурными связями, был переводчиком встреч А.Н.Косыгина с Мао Цзэдуном и Чжоу Эньлаем, входил в состав делегаций на пограничных переговорах. В последние годы занимается научно-исследовательской деятельностью, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН. Профессор всеобщей истории, читает лекции по истории взаимоотношений России и Китая в РГГУ и МГИМО(У). Многие годы Юрий Михайлович является заместителем председателя Общества российско-китайской дружбы, первым вице-президентом совета Московско-Тайбэйской координационной комиссии по экономическому и культурному сотрудничеству. Ю.М.Галенович – автор многочисленных публикаций, в том числе более 50 монографий. В издательстве «Русская панорама» изданы: «Россия–Китай–Америка: от соперничества к гармонии интересов» (2006), «Мао Цзэдуи вблизи» (2006), «Возвращение Лю Шаоци» (2008), «Дао Ху-Гуна» (в 2-х кн; 2008), «История взаимоотношений России и Китая» (в 4-х кн., 2011), а также перевод и комментарии к классическому памятнику китайской культуры «Троеслоие» («Сань-Цзы-Цзин») (2012).

РУССКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

Ю.М.Галенович

ЧЖАО ЦЗЯН И РЕФОРМЫ В КИТАЕ

СПСЛ • РУССКАЯ ПАНОРАМА
Москва • 2012

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»

Галенович Ю.М.

Г15 ЧЖАО ЦЗЫЯН И РЕФОРМЫ В КИТАЕ. – М.: «СПСЛ»; «Русская панорама», 2012. – 752 с. – (Серия «Лидеры Китая»).

ISBN 978-5-93165-304-4

Чжао Цзыян (1919–2005) в 1980-х гг. действовал сначала в качестве главы правительства, а затем первого по рангу руководителя правящей политической партии Китая. Предлагал и осуществлял свои экономические реформы. В 1987 г. на XIII съезде КПК выступил с программой политических реформ. В 1989 г. не согласился с решением Дэн Сяопина ввести военное положение и силой подавить массовые мирные демонстрации с требованиями свободы и демократии, ушел с поста генерального секретаря ЦК КПК. С 1989 г. содержался под домашним арестом, был лишен возможности участвовать в политической жизни. Умер в 2005 г. Оставил людям в Китае тайно сделанные им записи своих воспоминаний и заветы перехода к демократической политической системе.

Для специалистов-востоковедов, историков, политологов и всех, интересующихся историей и проблемами современного Китая.

ББК 63.3(5Кит)6

На фронтиспise: Чжао Цзыян при посещении мемориала в Аризоне (США) в 1984 г.

ISBN 978-5-93165-304-4

© Ю.М.Галенович, 2012

© Оформление. «СПСЛ», 2012

© НП ИД «Русская панорама», 2012

О Г Л А В Л Е Н И Е

Предисловие 7

ВВЕДЕНИЕ 13

Глава 1. Молчание, которое вопиет 14

Глава 2. Жизненный путь Чжао Цзыяна 19

ТАЙНЫЕ ЗАПИСИ ЧЖАО ЦЗЬЯНА 25

Глава 1. Предварительные замечания 26

Глава 2. До и после событий 4 июня 1989 г. 48

Глава 3. Два руководящих центра 76

Глава 4. Два этажа общества 104

Глава 5. Запрос о политической честности 128

Глава 6. Раскол партии Дэн Сяопином 135

Глава 7. Беседа Джао Цзыяна с Горбачевым 146

Глава 8. Под домашним арестом 159

Глава 9. Обвинения в адрес Джао Цзыяна 178

Глава 10. «Домашняя тюрьма» 191

Глава 11. Экономические реформы Чжао Цзыяна 211

Глава 12. Выход из тупиков экономики 219

Глава 13. Заслоны на пути реформ 230

Глава 14. Поворот к либерализации 253

Глава 15. Ху Яобан и Джао Цзыян 260

Глава 16. Джао Цзыян и СССР 269

Глава 17. От изменений в структуре к изменениям в системе 285

Глава 18. Экономические кризисы 1984 и 1988 гг. 293

Глава 19. Открытость Китая по Джао Цзыяну 305

Глава 20. Самовозрождение класса собственников в деревне 314

Глава 21. «Золотое побережье» Джао Цзыяна 337

Глава 22. Джао Цзыян и коррупция	357
Глава 23. Ху Яобан и Дэн Сяопин	366
Глава 24. Борьба вокруг «либерализации»	414
Глава 25. Борьба в сфере идеологии	444
Глава 26. Подготовка XIII съезда КПК	454
Глава 27. 1988 год – Второй год Чжао Цзыяна	476
Глава 28. Переход к свободному ценообразованию	480
Глава 29. Психологическое состояние населения	487
Глава 30. Попытка реформы системы цен	493
Глава 31. Необходимость экономических реформ	497
Глава 32. Изменение положения Чжао Цзыяна у власти	506
Глава 33. Кампания борьбы против Чжао Цзыяна	516
Глава 34. Взгляды Дэн Сяопина	543
Глава 35. Взгляды Ху Яобана	563
Глава 36. Взгляды Чжао Цзыяна на политические реформы	568
Глава 37. События в Китае накануне XIII съезда КПК	583
Глава 38. Будущее Китая	605
ПЕРВЫЕ ДЕСЯТЬ ЛЕТ РЕФОРМ	617
Глава 1. Реформы в Китае глазами их участника	618
Глава 2. Конец десятилетия реформ и кризис 1989 года	645
ТЕЛЕСЕРИАЛ «ПЛАЧ ПО РЕКЕ»	653
Глава 1. Взгляд на историю Китая в телесериале «Плач по реке»	654
Глава 2. Рецензии на телесериал «Плач по реке»	686
Примечания	704
ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ	707
Глава 1. Китай на перепутье или Тяньаньмэнь 20 лет спустя	708
Глава 2. КПК перед своим XVIII съездом	723
Глава 3. Проблемы и прогнозы	734
Список иллюстраций	746
Перечень основных работ автора	747

Предисловие

В 2011 году население Земли составило семь миллиардов человек. Китайцев из них около двадцати процентов. Подавляющая часть из них живет в Китайской Народной Республике.

Из этого следует, что решение проблем, существующих в Китае, представляет собой важную часть решения проблем всего человечества.

Вместе с тем очевидно, что китайцы, при такой их численности, могут решить свои проблемы только сами внутри своей страны.

Внешние факторы могут при этом быть лишь некоторым дополнением к усилиям самих китайцев. Никто не может решить проблемы Китая за китайцев. Никто не может навязать китайцам пути и методы решения их проблем из-за границы.

В Китае «императором» может быть только китаец. Китаем могут управлять только китайцы. Политические деятели, руководящие Китаем, приемлемы для китайцев только тогда, когда они выражают, или заявляют, что выражают, так или иначе, интересы Китая. Вопрос тут в том, насколько правильно они понимают и выражают, а также осуществляют, реальные интересы своего народа.

История мира и Китая сложилась таким образом, что перед нацией Китая вот уже более ста лет стоят задачи осуществить реформы во всех областях жизни, чтобы избавиться от бедности, и невежества, «пройти заставы» рынка и демократии, овладеть научным подходом к решению вопросов.

Здесь возникает также проблема созревания общества для поддержки реформ, правильного осознания народонаселением Китая своих задач применительно к реформам, а также правильности действий тех, кто принимает и осуществляет политические решения. При этом в конечном счете состояние общества первично. Ситуация в руководящих кругах вторична.

Реформы и политические лидеры в Китае – вот тема, которая, на наш взгляд, заслуживает внимания, когда речь идет о современном и будущем Китае. Нам представляется возможным рассмотреть этот вопрос на примере процесса осуществления реформ в Китае в 1980-х гг. и деятельности сначала главы правительства, а затем руководителя ЦК правящей партии Чжао Цзыяна.

Эта книга о Чжао Цзыяне и о реформах в Китае.

Чжао Цзыян – лидер нации Китая, который понял проблемы Китая, осознал необходимость экономических и политических реформ, сделал то, что было в его силах для их осуществления, оставил заветы, указывающие направление движения по этому пути.

Китай и китайцы. При этих словах перед нашим внутренним взором встает неотъемлемая составная часть человечества, состоящего из разнообразных национальных сообществ, народов и стран или наций на мировой арене, среди которых, так произошло в истории человечества, самой многочисленной оказалась нация Китая, нация Чжунхуа, как она сама себя называет.

Необходимо повторить, что каждый пятый человек на Земле – китаец. Так есть, и так, очевидно, будет, во всяком случае, в обозримом будущем. При этом все люди на нашей планете по сути своей равны и одинаковы. Каждой национальной общности присущи свои особенности (некоторые любят термин «специфика», думается, что русские слова «особенности» или «самобытность» «своеобразие» предпочтительнее), но они – лишь дополнение к общей и одинаковой для всех людей сути человека. Человек рождается, существует, живет и умирает. Человек способен на труд и на творчество, Человек способен на попытки построения разумных отношений между людьми.

Отношения между людьми складываются в каждом отдельном их национальном сообществе, а также и между этими сообществами. При этом жизнь на нашей планете сложилась таким образом, что играет свою роль численность национальных сообществ, численность наций; именно численность в известных случаях предстает в качестве гарантии вечного выживания нации.

В настоящее время наряду с процессом, сближающим нации в различных областях жизни, процессом, который многие именуют глобализацией, столь же важную роль играет и процесс самоутверждения наций, каждой нации. Это относится и к крупным и к не крупным нациям, ко всем нациям. Из этого, в частности, следует, что каждая нация стремится выжить и самосохраниться.

Там, где это касается Китая, в прошлом и нынешнем веке весьма активным является процесс обретения и защиты своей самостоятельности и независимости, в частности, от ханьцев, в том числе и от ассимиляции их ханьцами, рядом соседних с Китаем наций, а также не ханьских наций внутри Китая.

В настоящее время становится все более очевидно, что встает вопрос о взаимоотношениях нации Чжунхуа, нации Китая, и остального человечества, или остального человечества и нации Чжунхуа, нации Китая. Это процесс взаимный. Им приходится и придется приспособливаться друг к другу.

При этом нации Чжунхуа, или нации Китая, приходится с все большей ясностью осознавать, что она, с одной стороны, должна действовать как неотъемлемая и равная остальным часть человечества, принимая общие для человечества понятия, особенно в сфере нравственности, согласовывая их со своими традиционными понятиями, и, с другой стороны, решать свои внутренние проблемы самостоятельно, не за счет природных ресурсов и земель соседей по планете.

Каждая нация, в том числе и нация Китая, стремится изменять условия своего существования и жизни. Эти изменения обычно именуют реформами. Реформы могут носить и революционный и эволюционный характер.

Начиная со второй половины XIX века, нация Китая стала осознавать, что она во многом отстала от передовых частей человечества, и должна осовремениваться, выходить на современный передовой уровень во всех отношениях.

Сначала в Китае представлялось, что, в первую очередь, необходимо и достаточно только перенять военно-технические достижения других наций, усилить военную мощь государства.

Возник лозунг: ГО ЦЯН что означало призыв к усилению военной мощи государства.

Затем к нему добавился курс на решение экономических проблем, что выразилось в лозунге: МИНЬ ФУ, что означало призыв добиться того, чтобы жизнь народа стала богатой.

Наконец, постепенно приходит осознание того, что без демократизации общественной и политической жизни сказанного выше недостаточно.

Так возникает и формируется стремление к осовремениванию, выходу на передовой мировой уровень, которое иной раз в переводе на русский язык именуют модернизацией. Применяемый в Китае термин СЯНЬ-ДАЙХУА буквально означает придание чему-то характера и сути современной эпохи, имея в виду самый высокий, достигнутый человечеством к настоящему времени, прогрессивный уровень развития в той или иной области. (В свое время в Китае для передачи на китайский язык смысла французского термина «МОДЕРН» применялось слово «МОДЭН».)

В настоящее время в Китае прогрессивные люди под термином СЯНЬ-ДАЙХУА – «осовременивание» имеют в виду следующее.

Удовлетворяющее чувство собственного, национального достоинства, независимое и равноправное положение своей нации на мировой арене среди сообщества всех других наций.

Обеспечение на начальном этапе выживания, а затем повышения уровня существования и уровня жизни для всего народонаселения страны.

И, наконец, установление в стране демократической формы правления, при которой осуществляется правление закона, и народ реально имеет возможность участвовать в определении и в осуществлении политики.

У нации Китая есть свои устремления в деле реформ и своя история процесса реформ.

В Китае веками копилась необходимость реформ, соответствовавших интересам народа и страны. Национальные интересы китайцев – это их интересы в целом ряде областей.

В социально-экономической области: избавление от бедности и нищеты, повышение качества и уровня материальной жизни.

В положении нации на мировой арене: признание за Китаем места страны, которая ни в чем не уступает никому во всем мире.

В политической области: правление закона в Китае.

В сфере культуры: избавление от невежества и признание верховенства понятий совести, нравственности и человечности.

К этим идеалам устремлены поколения китайцев, во всяком случае, с конца XIX века. Путь оказался долог и труден. До достижения этих целей еще далеко. Однако стремление добиться их не исчезает.

К настоящему времени лозунгами реформ являются:

- преодоление бедности и нищеты,
- преодоление невежества,
- прохождение заставы демократии,
- прохождение заставы рынка,
- признание пришедших в Китай впервые в начале XX века, понятий Науки и Демократии.

В конце XIX века в Китае случились кратковременные «сто дней реформ». Это было началом долгого пути реформ.

В первой четверти XX века произошла Синхайская революция. Это было начало освобождения от монархического феодального строя и начало установления в стране республиканского строя. Политический лидер того времени Сунь Ятсен предлагал основы и направления дальнейших реформ. На первый план он выдвигал мысль о необходимости сплочения народа или нации, осознания ею своего единства, а далее следовала задача повышения уровня материального существования и жизни народа или нации, и, наконец, осуществления принципа, согласно которому обеспечиваются права народа или нации.

Во второй четверти XX века Китай был погружен во внутренние и внешние войны.

Нация Китая в результате Второй мировой войны, при существенном вкладе в это нашего народа и нашей страны, освободилась от японской оккупации.

Затем имела место внутренняя или гражданская война между двумя политическими партиями – ЧЖУНГО ГОМИНЬ ДАН, то есть Партией Гоминьдан Китая (Партия Нации или Народа Китая) и ЧЖУНГО ГУНЧАНЬ ДАН, то есть Партией Гунчаньдан Китая (Партия Общего Имун-

щества Китая) или Коммунистической партией Китая (КПК). В результате нация оказалась расколота на две части.

В третьей четверти XX века к власти в континентальном Китае пришли Мао Цзэдун и КПК.

Чан Кайши и Гоминьдан удержали власть над островом Тайвань.

В КНР Мао Цзэдун под лозунгами «классовой борьбы» стремился удерживать свою личную власть над партией и государством. На путь реформ страну пытался поставить Лю Шаоци. Это была попытка сделать «прокладку» в виде «нового демократизма» между капитализмом и социализмом,

В четвертой четверти XX века, после смерти Мао Цзэдуна в континентальном Китае и исчезновения непосредственной военной угрозы для Тайваня, на острове, после ухода из жизни Чан Кайши, его сын Цзян Цзинго в добавление к экономическим реформам начал осуществлять политические реформы. На смену однопартийной пришла двухпартийная система.

В континентальном Китае после смерти Мао Цзэдуна последовательным реформатором в экономике и политике, наряду с Ху Яобаном, выступил Чжао Цзяян.

В начале XXI века к политическим реформам продолжал призывать, прежде всего, Вэнь Цзябао.

У процесса реформ есть две стороны. Одна сторона – это то, в чем нуждается народ, Другая сторона – это то, что осмыслено руководителями страны, и что делают в стране те люди, которые принимают решения.

Представляется полезным попытаться сопоставить то, что происходило в сознании народонаселения Китая применительно к реформам в стране и в сознании и политической деятельности активного автора реформ генерального секретаря ЦК КПК Чжао Цзяяна.

Итак, это книга о реформах и о политическом лидере. О политическом лидере, стремившемся осуществлять реформы, и о состоянии процесса реформ в современном Китае, начиная с 1980-х гг.

В 1989 году в истории Китая произошло важное событие.

На центральной площади столицы КНР города Пекина возникло противостояние сил, выступавших за демократизацию политической жизни в стране, и тех, кто в принципе хотел сохранить режим, созданный при самовласти Мао Цзэдуна.

Противостояние вылилось в движение студенчества и интеллектуалов, а также вызвало открытый раскол внутри высшего руководства правящей партии.

Дэн Сяопин, закулисный «хозяин партии», настоял на введении военного положения и подавлении демонстраций силами армии.

Генеральный секретарь ЦК КПК Чжао Цзыян не согласился с таким решением и ушел со своего поста.

Шестнадцать лет Чжао Цзыян находился под домашним арестом.

После его смерти в 2005 г. были изданы его секретные записи.

Это книга о событиях 1989 г., о столкновении взглядов Чжао Цзыяна и Дэн Сяопина, и о заветах, которые оставил Чжао Цзыян как сторонник одновременного прогресса Китая и в экономической, и в политической жизни страны.

В книге рассказывается:

- о Чжао Цзыяне, особенно о том периоде его жизни и деятельности, когда он находился во главе партии и правительства в Китае;
- о содержании книги директора Института реформы экономической структуры Чэнь Ицзы, посвященной первому десятилетию реформ и событиям 4 июня 1989 г.;
- о телевизионном сериале «Плач по Реке»;
- о ситуации 20 лет спустя после событий 4 июня 1989 г.;
- о Коммунистической партии Китая перед ее XVIII съездом.

ВВЕДЕНИЕ

МОЛЧАНИЕ, КОТОРОЕ ВОЛНЕТ

Осенью 1955 г. в городе Гуанчжоу, столице провинции Гуандун, открылась Выставка достижений экономического и культурного строительства СССР в КНР.

В дни работы Выставки ее посещали руководители Юга Китая Тао Чжу и Чжао Цзыян.

Мне довелось тогда работать переводчиком на нашей Выставке, видеть этих людей, переводить их. У меня в памяти остались воспоминания о Тао Чжу и о Чжао Цзыяне как о выдающихся руководителях. Они отличались от многих других тем, что были раскованы, вели себя по-человечески, дружелюбно, свободно обсуждая вопросы, которые возникали в беседах с ними у советских специалистов, работавших на выставке.

При работе в Гуанчжоу складывалось впечатление, что и провинция Гуандун – это довольно самостоятельная часть страны, и руководители этой провинции во многом идут впереди своего времени.

Кстати, думается, что далеко не случайно именно уроженец этих мест маршал Е Цзяньин устранил с политической арены после смерти Мао Цзэдуна в 1976 году «четверку» «выдвиженцев» «культурной революции»: Чжан Чуньцяо, Цзян Цин, Яо Вэньюаня и Ван Хунвэня.

В 1950-х гг. я сопровождал в Москве в качестве переводчика делегацию во главе с Е Цзяньином. Делегация побывала на представлении балета «Красный цветок» в Большом театре. В музыке балета прозвучала специально вставленная туда для того, чтобы порадовать товарищей из Китая, мелодия песни, которая в те времена исполнялась перед появлением Мао Цзэдуна на публике. Эта песня начиналась словами: «Восток стал Красным. Солнце взойшло. Это в Китае появился Мао Цзэдун. Он сотворил счастье для народа. Он – это Великая Звезда Спасения Народа». Меня удивили слова Е Цзяньина, который сказал, что «Эта песня в те времена не вписывается». Действие балета происходит в 1920-х гг. Тогда Мао Цзэдун действительно еще не главенствовал в Китае. Однако услышать такое от маршала КНР я тогда никак не ожидал.

Думается, что также далеко не случайно, а намеренно, Мао Цзэдун во второй половине 1960-х гг. погубил тогда первого по рангу руководителя Южного Китая Тао Чжу во время своей «культурной революции». Причем это было сделано обманным путем. Мао Цзэдун сначала как бы «повысил»

Тао Чжу, оторвав его от привычной и поддерживавшей его среды и переведя на высокий пост в Пекин. Затем он обрушил на Тао Чжу свои репрессии, поставив провинцию Гуандун под контроль своих «выдвиженцев».

Нечто подобное случилось спустя 30 лет, в конце 1980-х гг., во взаимоотношениях Чжао Цзыяна и Дэн Сяопина.

Чжао Цзыян в начале 1960-х гг. поддерживал курс Лю Шаоци, которому Мао Цзэдун был вынужден на время передать бразды правления на «первой линии» руководства страной. Речь шла о выводе сельского хозяйства из тяжелого положения путем введения в экспериментальном порядке системы семейного подряда в деревне (доведения производственных заданий до каждого конкретного крестьянского двора).

Чжао Цзыян, вслед за Лю Шаоци, также пострадал во времена «культурной революции» Мао Цзэдуна, хотя и пережил эту «революцию».

Однако после смерти Мао Цзэдуна, когда понадобилось выводить страну из тупиков, в которые он ее завел своей политикой, именно Чжао Цзыян оказался необходим стране во главе комитета КПК самой многонаселенной провинции Сычуань с населением более чем в сто миллионов человек. И именно он первым из руководителей такого уровня поддержал стихийное движение крестьян за ликвидацию системы коллективного хозяйства, системы «народных коммун» (точнее: «коммун народа»), и возвращение крестьянами своих семейных наделов. Тем самым Чжао Цзыян завоевал признательность очень многих людей в Китае.

К несчастью, история повторилась. Дэн Сяопин, приверженец и последователь Мао Цзэдуна, лишь на время вынужденно допустил начало существенных преобразований в Китае с целью вывода страны из тупиков, в которые Мао Цзэдун завел ее при своем правлении, и создания стабильного положения в стране под руководством генерального секретаря ЦК КПК Ху Яобана и премьера Госсовета КНР Чжао Цзыяна.

Когда в стране в результате активного осуществления экономических реформ положение стало более устойчивым, Дэн Сяопин взял курс на «шоковую терапию» в руководстве страны, то есть на поэтапное устранение с руководящих постов Ху Яобана и Чжао Цзыяна.

Сначала Дэн Сяопин обвинил Ху Яобана в потворстве «буржуазной либерализации» и отстранил его с поста генерального секретаря ЦК КПК.

Дэн Сяопин перевел Чжао Цзыяна с поста главы правительства, что более всего отвечало интересам и способностям Чжао Цзыяна, и где у него была большая поддержка сторонников осуществления реформ в сфере экономики, на пост генерального секретаря ЦК КПК, а затем путем интриг вынудил Чжао Цзыяна уйти с этого поста.

При этом имело место прямое столкновение взглядов Чжао Цзыяна и Дэн Сяопина.

Чжао Цзыян против Дэн Сяопина – это казус выступления Чжао Цзыяна, генератора существенных экономических и политических реформ, его

борьбы за рыночную экономику и демократическую политическую систему, против Дэн Сяопина, сторонника сохранения сути политического режима Мао Цзэдуна при допуске некоторых преобразований в экономике.

* * *

Люди, имеющие свое мнение и насильственно лишенные возможности его высказать, прибегают как к последней, имеющейся у них, форме протеста, к молчанию.

Это в обычае в Китае.

Во второй половине XX в. самыми выдающимися молчаливо протестующими, не согласными с Мао Цзэдуном, а затем с Дэн Сяопином, в КНР были председатель КНР Лю Шаоци, генеральный секретарь ЦК КПК Ху Яобан, генеральный секретарь ЦК КПК Чжао Цзыян.

Все трое – это антиподы Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина.

Все трое – представители альтернативной линии развития Китая.

Все трое в результате стечения объективных обстоятельств получили возможность начинать движение по пути, отличному от того, который навязывал Мао Цзэдун.

Все трое выражали подлинные чаяния народа и части членов КПК.

Все трое, к несчастью для народа Китая, потерпели, будем надеяться, лишь временное поражение, если говорить о продолжении альтернативного курса, борьбы за реформирование Китая в демократическую страну с рыночной экономикой благодаря усилиям их последователей в будущем.

В КНР практически в том или ином виде всегда существовала и существует борьба между двумя путями:

путем Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина, Цзян Цзэминя

и путем Лю Шаоци, Ху Яобана, Чжао Цзыяна.

Правящая в КНР политическая партия, то есть Коммунистическая партия Китая, это не монолит и не партия только и исключительно Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина, Цзян Цзэминя, но партия, состоящая из двух частей. Помимо упомянутой части в ней есть и другая часть, есть другая КПК, другая КНР, другой Китай – это КПК, КНР, Китай Лю Шаоци, Ху Яобана, Чжао Цзыяна.

В КНР, с самого момента ее создания и до настоящего времени, происходила и происходит борьба между двумя альтернативными путями:

путем Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина, Цзян Цзэминя, при котором стараются навечно законсервировать самовластие руководителя партии и режим правления одной партии,

и путем Лю Шаоци, Ху Яобана, Чжао Цзыяна, при котором стараются мирным образом, эволюционными методами постепенных, но существенных, преобразований изменить ситуацию в стране и создать подлин-

ную демократию в политической жизни в сочетании со свободной рыночной экономической системой.

Нам представляется, что второй путь в конечном счете одержит победу, потому что в нем находят свое выражение интересы народа страны.

Другое дело, что невозможно сказать, когда это произойдет, и возможно ли мирное преобразование КПК или потребуются революционные перемены, уход нынешней правящей партии и выход на сцену новых политических сил.

Возвращаясь к вопросу о молчании во времена безгласности Лю Шаоци, Ху Яобана и Чжао Цзыяна, необходимо сказать, что их молчание – протест против бесчеловечности, несправедливости, а главное против образа мыслей, образа действий, против вредоносной для своего народа политики Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина.

Их молчание – показатель того, что существовал и существует другой Китай, не согласный с Мао Цзэдуном и Дэн Сяопином.

Председатель КНР Лю Шаоци в знак протеста молчал с 1967 года по 1969 год, до самой смерти в тюремном застенке, куда его бросили по воле Мао Цзэдуна.

Генеральный секретарь ЦК КПК Ху Яобан молчал, не выступая публично, после того, как Дэн Сяопин путем интриг вынудил его уйти с поста генерального секретаря ЦК КПК в 1987 г. вплоть до своей смерти в 1989 г.

Генеральный секретарь ЦК КПК Чжао Цзыян молчал и не высказывался публично в знак протеста против решения Дэн Сяопина потопить в крови мирных демонстрантов на центральной площади Пекина, требовавших свободы и демократии.

В когорту «молчаливо вопиющих» по праву входит и член политбюро ЦК КПК, министр обороны КНР, «маршал правды» Пэн Дэхуай, который выступил в 1959 году против политики Мао Цзэдуна, обрекшей на голодную смерть десятки миллионов людей в Китае. Будучи брошен в тюрьму во время «культурной революции» Мао Цзэдуна, испытывая мучения от жестокой болезни, Пэн Дэхуай то молчал, то кричал тюремщикам: «Мне не нужны лекарства от Мао Цзэдуна!», «Я не буду есть пищу от Мао Цзэдуна!».

В связи с этим можно вспомнить и о том, как во время «культурной революции» к председателю Постоянного комитета ВСНП маршалу Чжу Дэ приходил его старый друг заместитель председателя КНР Дун Биу. Два почтенных мудрых старца усаживались друг против друга, молча смотрели друг другу в глаза и после такой часовой «молчаливой беседы» расходились, не произнеся ни слова. Они без слов понимали отношение друг друга к «культурной революции» Мао Цзэдуна.

Сам феномен молчания ряда политиков и честных людей в знак протеста – это непреходящий атрибут режима Мао Цзэдуна.

Молчали во времена правления Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина многие люди в Китае, будучи скованы страхом, который Мао Цзэдун и Дэн Сяопин насадили в стране, поставив превыше всего свою жажду власти.

Люди молчали, страшась репрессий. Молчание царило во многих семьях, потому что родители берегли детей от режима: «Меньше знаешь – меньше опасность».

«Молчание, которое вопиет» – это проявление осознанного или не осознанного неприятия произвола, самовластия Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина и китайским народом, и лучшими его представителями в высшем руководстве КПК и КНР.

Мне довелось писать о Лю Шаоци, о Пэн Дэхуае, о Ху Яобане*.

Пришла очередь написать о Чжао Цзыяне.

Поводом стали найденные и опубликованные после его смерти тайные записи на пленке его размышлений, главным образом, о времени, предшествовавшем событиям 1989 года, о самих этих событиях, о Пути, по которому необходимо пойти в Китае**.

* См.: Галенович Ю.М. Гибель Лю Шаоци. – М., 2000; *его же*. Возвращение Лю Шаоци. – М.: «Русская панорама», 2008; *его же*. Пэн Дэхуай и Мао Цзэдун. – М.: «Огни», 2005; *его же*. Дао Ху-гуна. (В 2-х т.) – М.: «Русская панорама», 2008; *его же*. Смерть Мао Цзэдуна. – М.: «ИзографЪ», 2005.

** См.: Zhao, Ziyang. Prisoner of the state: the secret journal of Zhao Ziyang. New York, 2009. [Чжао Цзыян. Пленник государства. Тайные записи Чжао Цзыяна. – Нью Йорк, 2009.] В дальнейшем, в случае ссылок на это издание они ограничиваются простым указанием его страниц.

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ ЧЖАО ЦЗЫЯНА

Чжао Цзыян родился 17 октября 1919 года, в год, когда в Китае возникло Движение 4 мая 1919 года. Иными словами, он родился в том, году, когда проявилось стремление китайцев к освобождению от насилия со стороны японских захватчиков в сочетании со стремлением к Науке и Демократии. Чжао Цзыян родился всего за два года до образования Коммунистической партии Китая. Сочетание всего этого в атмосфере жизни в стране окружало его с самого рождения.

Чжао Цзыян – уроженец провинции Хэнань. Хэнаньцы славятся своим упрямством, а точнее сильным самостоятельным и решительным характером. И это было всегда присуще нашему герою.

Политика интересовала его с детства. Он рано повзрослел. Его возмущение пришлось на годы, когда японцы начали оккупировать территорию Китая – Маньчжурию, а это случилось в 1931 г. Гоминьдановские власти не сопротивлялись японской оккупации и не действовали в интересах народа. Чжао Цзыян считал правильным путь, за который ратовали китайские коммунисты. Очевидно, что при этом исходным пунктом, тем, что побудило его к действиям, послужил именно призыв КПК к оказанию отпора японским оккупантам. В 13 лет, в 1932 г., Чжао Цзыян вступил в Союз коммунистической молодежи Китая. Думается, что с начала и до конца Чжао Цзыян был настоящим патриотом своей страны.

В августе 1933 г. он поступил в среднюю школу первой ступени в городе Кайфэне в провинции Хэнань. В возрасте 16 лет, в декабре 1935 г., принимал участие в организованном КПК по всему Китаю движении учащейся молодежи под антияпонскими лозунгами.

В августе 1936 г. поступил в среднюю школу второй ступени в Учане в провинции Хубэй. Таким образом, детство и отрочество Чжао Цзыяна прошли в провинциях, входящих в «сердце» нации ханьцев – провинциях Хэнань и Хубэй. В июле 1937 г., когда началось полномасштабное вторжение японской армии в собственно Китай, Чжао Цзыян оставил школу и вернулся в родную провинцию Хэнань, которая вскоре была оккупирована японскими войсками. КПК организовала в провинции движение сопротивления японским оккупантам. Чжао Цзыян принял участие в этом движении, а в феврале 1938 г. вступил в КПК.

Итак, для Чжао Цзыяна всегда существовала одна родина – Китай и одна партия – Коммунистическая партия Китая.

Он, с одной стороны, с молоком матери впитал любовь к родине и ненависть к военному врагу китайцев и Китая, то есть к японским оккупантам. И, с другой стороны, всю свою жизнь был связан с одной партией – с Коммунистической партией Китая; в 13 лет стал членом ее молодежной организации, а в 19 лет членом партии. Это произошло за десять лет до прихода КПК к власти в Китае.

В январе 1939 г. Чжао Цзыян стал секретарем уездного комитета КПК, а в марте 1949 г. секретарем окружного комитета КПК в провинции Хунань.

Чжао Цзыян принадлежал к той части КПК, которая действовала до образования КНР подпольно на территории, находившейся под властью Партии Гоминьдан Китая и ее государства – Китайской Республики. Эту часть партии в КПК иной раз называли «партией белых районов». Признанным лидером этих коммунистов был Лю Шаоци.

В 1951 г. Чжао Цзыяна перевели из Хунани в провинцию Гуандун.

Таким образом, первые полтора десятилетия КНР, практически почти с момента ее образования и вплоть до начала «культурной революции» в 1966 г., – это время, когда Чжао Цзыян был кадровым работником партии в провинции Гуандун. В 1962 г. он стал вторым секретарем комитета КПК провинции Гуандун.

На Чжао Цзыяна большое впечатление произвело выступление Лю Шаоци в 1962 г. на семитысячном форуме партийных кадровых работников. В этом выступлении Лю Шаоци публично показал, что он не согласен с Мао Цзэдуном по ключевым вопросам внутренней политики: речь шла о «великом скачке» и о «народных коммунах» («коммунах народа»).

В годы, когда Лю Шаоци находился «на первой линии» руководства партией и государством, то есть в первой половине 1960-х гг., Чжао Цзыян, проводя политический курс Лю Шаоци, осуществлял меры, направленные на выправление того катастрофического положения, в которое Мао Цзэдун завел страну своей политикой «народных коммун» и «великого скачка». На практике это выливалось в противодействие процессу «народнокоммунизации» китайской деревни и в возвращении в экспериментальном порядке крестьянам на условиях контракта их семейных земельных наделов.

Действия Чжао Цзыяна были настолько успешными, что в 1965 году в возрасте 46 лет он стал самым молодым из первых секретарей провинциальных комитетов КПК, заняв пост первого секретаря комитета КПК провинции Гуандун.

1966–1976 годы – это годы «культурной революции» Мао Цзэдуна.

С 1966 по 1971 год Чжао Цзыян подвергался проработкам, «чистке», содержался под арестом и работал слесарем на механическом заводе.

После первых пяти лет «культурной революции» понадобилось наводить порядок, прежде всего в экономике на местах. Чжао Цзыяна при-

шлось вернуть к работе. В апреле 1971 г. его направили секретарем парткома и заместителем председателя ревкома Автономного района Внутренняя Монголия. В апреле 1972 г. его возвратили в провинцию Гуандун в качестве заместителя председателя ревкома.

В августе 1973 г. Чжао Цзыян стал членом ЦК КПК, а в 1974 г. секретарем парткома провинции Гуандун. В октябре 1975 г. он был назначен на пост первого секретаря парткома КПК провинции Сычуань.

Иными словами, Чжао Цзыян, с одной стороны, не входил в состав высшего руководства страны в центре, не имел отношения к выработке генеральной линии партии, к внешней политике страны. Это способствовало тому, что он не стал одной из главных мишеней «культурной революции» Мао Цзэдуна.

С другой стороны, Чжао Цзыян за годы до «культурной революции» доказал, что он является умелым руководителем, способным решать сложные практические вопросы на уровне провинции. Благодаря этому после нескольких лет «завихрений» «культурной революции», несмотря на то, что он не был в числе «выдвиженцев» Мао Цзэдуна и тех, кто делал карьеру на активном участии в «культурной революции», его сначала пришлось вернуть в провинцию Гуандун, а затем направить руководить самой многонаселенной провинцией Китая – провинцией Сычуань.

Помимо прочего, здесь сказалась та особенность ситуации в партии и в стране, что между провинциями Гуандун и Сычуань существуют исторически сложившиеся отношения особенно тесной связи. Провинция Гуандун в каком-то смысле даже иной раз «покровительствует» провинции Сычуань. Хотя, в то же время, у каждой из этих двух провинций есть и свои амбиции.

После смерти Мао Цзэдуна в 1976 г. Чжао Цзыян и первый секретарь парткома КПК провинции Аньхой Вань Ли стали двумя первыми из секретарей провинциальных комитетов КПК, которые поддержали стихийное движение крестьян за возвращение себе своих земельных наделов. В этом большая заслуга Чжао Цзыяна перед страной и народом, особенно крестьянством. Это также стало, прежде всего, внутри КПК, для ее кадрового состава, проявлением значительной самостоятельности Чжао Цзыяна при принятии крупных решений политического характера.

По сути дела, Чжао Цзыян «осмелился» поддержать крестьян и выступить против политики Мао Цзэдуна в отношении крестьянства и сельского хозяйства страны, политики создания «народных коммун». Это означало, что после смерти Мао Цзэдуна именно Чжао Цзыян стал тем самым значительным лидером в КПК, который смело пошел на начало перемен в экономической жизни страны, прямо выступил против решений и резолюций Мао Цзэдуна, касавшихся политики в области сельского хозяйства. Очевидно, что в значительной степени именно благодаря этому, в августе 1977 г. Чжао Цзыян стал кандидатом в члены Политбюро,

а в сентябре 1979 г. членом Политбюро ЦК КПК. Это означало, что Чжао Цзыян, имея опыт руководителя крупнейших провинций страны, вошел в состав центрального руководства партии.

Это было закономерное выдвижение человека и политического деятеля, который умел решать практические вопросы, не ассоциировался ни с репрессиями, ни с массовыми политическими кампаниями типа «классовой борьбы» и «культурной революции».

В феврале 1980 г. Чжао Цзыян стал отвечать за вопросы экономики страны в качестве руководителя Руководящей Группы ЦК КПК по экономике и финансам. Так практически в основном сама жизнь (требования решать сложнейшие вопросы выхода из тупиков в экономике, куда страну завели своей политикой Мао Цзэдун и его приверженцы) закономерно вынесла Чжао Цзыяна на наиболее подходящее для приложения его способностей место. В апреле 1980 г. он был назначен заместителем премьера, а в сентябре 1980 г. стал премьером Госсовета КНР.

Таким образом, после смерти Мао Цзэдуна Чжао Цзыян стал одним из членов той «тройки», которая была реальным инициатором и двигателем реформ: сначала председатель, а затем генеральный секретарь ЦК КПК Ху Яобан, сначала премьер Госсовета КНР, а затем генеральный секретарь ЦК КПК Чжао Цзыян, сначала заместитель премьера Госсовета КНР, а затем председатель Постоянного Комитета Всекитайского собрания Народных Представителей Вань Ли (тот самый, кто вместе с Чжао Цзыяном поддержал «раскоммунизацию» китайской деревни).

В истории останется и тот факт, что именно Чжао Цзыян в качестве главы правительства КНР 19 декабря 1984 г. вместе с Маргарет Тэтчер подписал в Пекине Совместную декларацию Китая и Великобритании о возвращении Китаю суверенитета над Гонконгом 1 июля 1997 г.

Внешнеполитическая деятельность Чжао Цзыяна сыграла свою роль в истории. Упомянем здесь лишь о том, что в 1985–1986 гг. при активном участии Чжао Цзыяна в КПК отказались от установки Мао Цзэдуна на неизбежность мировой термоядерной войны.

В 1984 г. Чжао Цзыян также отмечал, что «продолжительная напряженность и конфронтация в китайско-советских отношениях не отвечает интересам двух стран и интересам мира и безопасности во всем мире. Мы за нормализацию отношений с Советским Союзом на основе пяти принципов мирного сосуществования» («Жэньминь жибао», 28.04.1984).

В октябре 1986 г. Чжао Цзыян возглавил новую структуру, имевшую право внесения предложений по осуществлению политических реформ. Это была Группа ЦК КПК по изучению реформы политической структуры. Другими членами этой группы были Ху Цили, Тянь Цзюнь, Бо Ибо и Пэн Чун. Это означало, что Чжао Цзыян исходил из необходимости разработки и осуществления реформ и в сфере экономики, и в области внутренней политики в Китае.

В январе 1987 г. после того, как Дэн Сяопин путем интриг добился ухода Ху Яобана с поста генерального секретаря ЦК КПК, Чжао Цзыян стал и. о. генерального секретаря ЦК КПК.

В октябре 1987 г. на XIII съезде КПК Чжао Цзыян выдвинул важное теоретическое положение о том, что Китай находится на «начальной стадии социализма» и таким образом расчистил путь для дальнейших рыночных преобразований; а также предложил единственный в истории КПК пакет политических реформ, предприняв попытку изменить тот «метод, с помощью которого партия управляет» Китаем, то есть внес предложение о такой реформе как разделение власти между партией и государством. Значение XII и XIII съездов КПК, равно как и значение внешней политики Ху Яобана и Чжао Цзыяна, со временем предстает во все возрастающей степени. Здесь есть многое такое, что заслуживает дальнейших исследований фактически предлагавшегося Ху Яобаном и Чжао Цзыяном альтернативного курса развития Китая, осуществления реформ во всех областях политики правящей партии.

После XIII съезда партии Чжао Цзыян стал генеральным секретарем ЦК КПК, заместителем председателя Военного совета ЦК КПК и остался членом Госсовета КНР. Здесь важно обратить внимание на то, что Дэн Сяопин, не являясь даже членом ЦК КПК, сохранил в своих руках пост председателя Военного совета ЦК КПК, что сыграло свою роль в событиях 4 июня 1989 г.

15 апреля 1989 г. умер Ху Яобан. Его смерть если не вызвала, то ускорила студенческие демонстрации.

22 апреля 1989 г. Чжао Цзыян предложил подход к студенческим демонстрациям из трех пунктов: побуждать студентов вернуться к занятиям; вести с ними диалог; наказывать на основе законов только тех, кто совершил преступления.

Чжао Цзыян во время студенческих демонстраций 1989 г. считал возможным решить поставленные вопросы мирно путем диалога с демонстрантами.

26 апреля 1989 г. по воле Дэн Сяопина в газете «Жэньминь жибао» студенческие демонстрации были осуждены как «антипартийные» и «антисоциалистические» действия, что привело к росту напряженности и к серьезному политическому кризису.

4 мая 1989 г. Чжао Цзыян выступил с речью перед участниками совещания Азиатского банка развития, призвав к тому, чтобы относиться к демонстрантам, «руководствуясь принципами демократии и законности».

17 мая 1989 года Чжао Цзыян принял участие в заседании в доме Дэн Сяопина, на котором Дэн Сяопин решил ввести военное положение. Чжао Цзыян утверждал, что голосования тогда не проводилось: «Я отказался быть тем генеральным секретарем, который призовет военных подавить студентов».

19 мая 1989 г. Чжао Цзыян решил поехать на площадь Тяньаньмэнь. Премьер Госсовета Ли Пэн, приверженец Дэн Сяопина, увязался с ним, но быстро уехал с площади, «ужаснувшись» тому, что он там увидел. С Чжао Цзыяном на площади остался Вэнь Цзябао, в начале XXI века премьер Госсовета КНР. Чжао Цзыян приехал на Тяньаньмэнь к демонстрантам и призвал их в своей речи, произнесенной экспромтом, покинуть площадь, зная, что действия вооруженных сил неминуемы. Это было его последнее появление на публике.

В июне 1989 г. на расширенном заседании Политбюро ЦК КПК Чжао Цзыян был раскритикован и снят со всех постов. Так начались 16 лет его изоляции и домашнего ареста.

Часть руководителей партии требовали от Дэн Сяопина вернуть Чжао Цзыяна. Дэн соглашался при условии, что Чжао Цзыян признает «правильность» решения применить войска против мирных демонстрантов в 1989 г. Чжао Цзыян не согласился на это.

19 февраля 1997 г. умер Дэн Сяопин. 12 сентября 1997 года Чжао Цзыян, находясь под домашним арестом, направил письмо XV съезду партии, призвал руководителей пересмотреть оценку подавления демонстрантов на площади Тяньаньмэнь в 1989 году. Ответа не последовало.

17 января 2005 г. Чжао Цзыян умер в Пекине. Правящая партия и население Китая были оповещены об этом сообщением в газете «Жэньминь жибао». Чжао Цзыяна похоронили на пекинском кладбище Бабаошань 29 января 2005 г.

Несколько штрихов, характеризующих Чжао Цзыяна как человека.

Чжао Цзыян женат. У них с женой четверо сыновей и дочь.

Подобно Ху Яобану, Чжао Цзыян был чрезвычайно неприязнителен в быту. В то же время он одновременно был и творческим, и чрезвычайно дисциплинированным человеком. Каждый свой шаг он продумывал.

Он всегда много курил. Друзья советовали ему бросить курить. Он не делал этого. Только став премьером Госсовета, он вдруг сказал: «Теперь пришло время бросить курить». Он прекратил курить и больше никогда не курил. В этом есть некоторое сходство между Чжу Дэ и Чжао Цзыяном. В свое время Чжу Дэ бросил курить опиум.

Итак, речь идет о человеке, который всю жизнь занимался политикой, стремясь создавать для людей благоприятные условия их существования и жизни. Он верил в идеалы и лозунги, которые пропагандировала КПК в ходе борьбы за власть в стране. Он вступил в КПК за десять лет до ее прихода к власти. Зарекомендовал себя в качестве компетентного руководителя, способного работать на любом уровне. Способности Чжао Цзыяна, его политическая интуиция, позволявшая продвигать вперед дело реформ и в экономике, и в политике, закономерно вывели его на роли сначала руководителя правительства, а затем и партии.

ТАЙНЫЕ ЗАПИСИ ЧЖАО ЦЗЫЯНА

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Находясь под домашним арестом, Чжао Цзыян в тайне от всех, в том числе и от своих домашних, записал на магнитофон тридцать часов своих размышлений. Судя по намекам, появившихся в мировых СМИ при издании его дневников, можно предполагать, что он начал вести свои записи не позже, чем в 1992 г., и закончил эту работу к 2000 г., осуществив большую ее часть, после смерти Дэн Сяопина в 1997 г. и вероятного смягчения условий ареста.

С помощью друзей Чжао Цзыяна его тайные записи после его смерти были изданы в Нью-Йорке в переводе на английский язык.

Итак, в истории Коммунистической партии Китая произошло значительное событие. Первый по рангу руководитель Коммунистической партии Китая оставил потомкам итоги своих размышлений о том, что его более всего волновало и касалось жизни и судьбы китайцев в современном и будущем мире.

Высказывания Чжао Цзыяна дают уникальную возможность лучше познакомиться с ним самим, как политическим деятелем и руководителем Китая в 1980-х гг., с тем, что происходило в узком кругу самых влиятельных лиц в партийной иерархии КПК, а также в Китае как стране, среди китайского народа.

Здесь возникает возможность задуматься о реформах в Китае вообще и в настоящее время, о возможности постепенных преобразований рыночного и демократического характера в условиях, когда у власти находится Коммунистическая партия Китая.

При размышлениях обо всем этом мы будем обращаться к записям высказываний Чжао Цзыяна, знакомя читателей с ними и с нашими соображениями по тем или иным вопросам.

Прежде всего, необходимо сделать некоторые общие предварительные замечания.

К 90-летию КПК в КНР была издана официальная версия истории Коммунистической партии Китая за время с 1921 года по 1978 год. Из этого следует, что пока еще не существует официально согласованной в КПК трактовки ее истории за последние тридцать с лишним лет, то есть за все время нынешних реформ в Китае.

В Уставе КПК говорится об «идеях Мао Цзэдуна», о «теории Дэн Сяопина» и о выдвинутом Цзян Цзэмином толковании вопроса о том, кого должна ныне представлять КПК. Из этого следует, что членам партии предписано сегодня высоко чтить в качестве главных руководителей партии на протяжении всей ее истории Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина и Цзян Цзэминя.

Таким образом, когда речь идет о последних трех десятилетиях, о времени осуществления политики реформ и открытости, белым пятном остается то, что связано с именами и деятельностью генеральных секретарей ЦК КПК Ху Яобана и Чжао Цзыяна. Очевидно, что в будущем в Китае предстоит дать оценку Ху Яобану и Чжао Цзыяну и их деятельности на постах руководителей партии. Давление в пользу принятия такого решения внутри КПК и КНР существует.

В своих записях Чжао Цзыян характеризовал Дэн Сяопина, как того, кто поощрял экономические реформы, но не допускал никаких изменений в положении КПК в качестве единственной правящей партии в КНР. При этом, по мнению Чжао Цзыяна, некие фигуры в партии умели манипулировать настроениями Дэн Сяопина.

Думается, что эти соображения Чжао Цзыяна заслуживают вдумчивого подхода. В настоящее время пока преобладает упрощенная трактовка этих его слов. Немало комментаторов в КНР и в других странах считают, что последовательно сменявшие в 1980-х гг. один другого генеральные секретари ЦК КПК Ху Яобан и Чжао Цзыян были всего-навсего «исполнителями», то есть теми помощниками Дэн Сяопина, которые вели борьбу под знаменем программы его реформ.

Такая трактовка того, что происходило в политической жизни КПК после смерти Мао Цзэдуна, с 1976 года по конец 1980-х годов, предназначена для того, чтобы вкладывать в умы читателей и слушателей во всем мире следующую схему.

На смену Мао Цзэдуну в качестве полновластного правителя, продолжавшего проводить политический курс Мао Цзэдуна в Китае, пришел Дэн Сяопин. Ху Яобан и Чжао Цзыян, дескать, не были самостоятельными и значительными фигурами в политической жизни в КНР.

Дэн Сяопин имел возможность по своему желанию, а иной раз и просто капризу, или в результате недопонимания, менять одних своих «подручных» на других, оставаясь «главноуправляющим» делами в Китае.

Такая интерпретация не дает ответа на вопросы, которые вытекают из фактов. А эти факты таковы, что после ухода из жизни и с политической арены Мао Цзэдуна, обстановка в стране характеризовалась существованием политических и экономических тупиков, из которых при власти Мао Цзэдуна, не могло быть выхода, поэтому продолжать бескомпромиссно, без изменений его курс оказалось невозможно. Слишком сильным

было давление в пользу перемен на руководителей КПК и внутри самой правящей партии, и в китайском обществе в целом.

Главными тупиками предстали безвыходность политической жизни, при которой в ходе сменявших одна другую политических кампаний под лозунгами «классовой борьбы», все решалось по слову или в соответствии с настроением одного вождя; а также безвыходность и полная неэффективность экономической и социальной системы порабощения крестьян в деревне, загнанных Мао Цзэдуном в клетку «народных коммун».

Одним словом, в политической жизни было необходимо движение в сторону той или иной формы демократии, а в экономической жизни движение в сторону той или иной формы рынка, рыночных отношений.

На этом пути требовалось устранить, прежде всего, такое политическое препятствие, как присутствие в центральном руководстве приверженцев абсолютной обязательности и неизменности установок Мао Цзэдуна. Поэтому через месяц после смерти Мао Цзэдуна были отстранены от власти и арестованы политические фигуры, выдвинувшиеся и выдвинутые Мао Цзэдуном во время его «культурной революции»: Чжан Чуньцяо, Цзян Цин, Яо Вэньюань, Ван Хунвэнь. Через некоторое время они оказались под судом и были осуждены, по сути дела, за активное участие в осуществлении политического курса Мао Цзэдуна во время «культурной революции».

Оставленный Мао Цзэдуном в качестве своего преемника на всех высших руководящих постах Хуа Гофэн попытался открыто навязывать стране и народу «следование уже определенному» Мао Цзэдуном «курсу», действовать в духе «Двух Абсолютно», то есть «Абсолютно Следовать Идеям Мао Цзэдуна» и «Абсолютно Выполнять Все Указания Мао Цзэдуна».

Такое «Абсолютное Послушание» оказалось неприемлемо для народа, да и для партии. Было очевидно, что такое возможно только при живом и действующем самовластном правителе. После его смерти, даже в случае, если у власти в течение какого-то срока будут оставаться его преемники, провозглашающие «Абсолютное Послушание» и «Следование Определенному Им Курсу», все это может оставаться без изменений только на протяжении короткого времени.

Поэтому, спустя всего четыре года после смерти Мао Цзэдуна, Хуа Гофэн был вынужден отойти от политической деятельности на отдых. Ныне его осуждают, главным образом, за то, что он сам не устранил упомянутую «четверку» выдвинутых «культурной революции».

Таким образом, стало очевидно, что страна и народ примут только фигуры, имя которых не запятнано участием в осуществлении курса Мао Цзэдуна, слишком большой близостью к Мао Цзэдуну, тем, что они в основном следовали за Мао Цзэдуном. Доверием в стране пользовались те, кто оказался не причастен к «культурной революции», «массовым политическим кампаниям» с целью осуществления «классовой борьбы», насаждению «народных коммун».

Одно это не давало возможности выдвинуть на пост первого по рангу руководителя ЦК КПК сохранившихся и пересидевших «культурную революцию» без дел, но и не пострадавших реально от репрессий, двух членов Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК времен правления Мао Цзэдуна до «культурной революции»: старшего из них по рангу Чэнь Юнь (в прошлом заместителя председателя ЦК КПК) и младшего по рангу Дэн Сяопина (в прошлом генерального секретаря ЦК КПК).

Для народа и партии в целом они были неприемлемы в качестве официальных руководителей партии и государства.

В то же время внутри партийной номенклатуры у них были прочные позиции, и они пользовались мощной поддержкой каждый своих сторонников.

Среди кадровых работников КПК было распространено мнение, что «Одного Слова» или «Всего Двух Слов» каждой из двух упомянутых фигур было достаточно для того, чтобы повелевать многими руководящими кадровыми работниками партии.

Дэн Сяопин и Чэнь Юнь обладали решающим словом при принятии важных решений, но быть в роли официальных вождей партии не могли. Партия должна была считаться с ситуацией и настроениями в стране.

Партии и народу оказались необходимы фигуры, которые до «культурной революции» продемонстрировали свои способности, не были ни организаторами, ни исполнителями «культурной революции», подвергались тем или иным притеснениям во время «культурной революции», после смерти Мао Цзэдуна доказали, что они способны осуществлять политику, которая идет решительно против политических кампаний Мао Цзэдуна, его курса в отношении крестьянства, и отвечает интересам народа.

А интересы народа после смерти Мао Цзэдуна потребовали перемен в двух областях.

Прежде всего, в деле возвращения доброго имени тем десяткам миллионов людей, которых унижали, оскорбляли и подвергали мучениям, вплоть до смерти, при правлении Мао Цзэдуна. Главным препятствием на этом пути было отношение к резолюциям и политическим решениям Мао Цзэдуна, на основании которых осуществлялись массовые репрессии.

Далее, интересы народа, подавляющей части населения КНР, то есть китайского крестьянства, потребовали ликвидации системы «народных коммун», насажденной в КНР Мао Цзэдуном.

Жизнь сложилась таким образом, что доброе имя десяткам миллионов репрессированных людей вернул Ху Яобан, открывший возможность решать вопрос о реабилитации, не взирая на резолюции Мао Цзэдуна. Так было начато движение по пути к демократии.

Ликвидацию системы «народных коммун», которую массы крестьян осуществили сами, не ожидая решения ЦК КПК, одним из первых

поддержал первый секретарь парткома КПК стомиллионной провинции Сычуань Чжао Цзыян. Так было начато движение по пути рыночных отношений.

Ни Чэнь Юнь, ни Дэн Сяопин не были ни инициаторами, ни активными руководителями кампании возвращения доброго имени репрессированным, а также движения за возвращение крестьянами себе своих семейных земельных наделов.

Поэтому Чэнь Юню, Дэн Сяопину, обладавшим рычагами решения в особенности кадровых вопросов внутри партийного аппарата, пришлось, скрепя сердце, согласиться с тем, что официальным первым лицом в КПК, председателем, а затем генеральным секретарем ЦК КПК в 1980–1987 гг. стал Ху Яобан, а премьером Госсовета КНР с 1980 г. по 1987 г., а затем генеральным секретарем с 1987 г. по 1989 г. стал Чжао Цзыян.

Дэн Сяопин был приверженцем и последователем Мао Цзэдуна. После смерти Мао Цзэдуна он понял, что Мао Цзэдун завел страну в тупик. Однако Дэн Сяопину представлялось, что дело только в иной политике в сфере экономики, что экономика может быть по своей структуре (но не с точки зрения экономической системы) перестроена, и при этом возможно и необходимо сохранение незыблемого порядка управления Китаем со стороны КПК.

Ху Яобан отвергал «культурную революцию» Мао Цзэдуна, а вместе с ней и все методы управления страной.

Чжао Цзыян выступал за реформы в области экономики, а также считал, что при правлении Мао Цзэдуна в КНР так и не началось строительство демократии. Он полагал, что следует не просто и только «совершенствовать» то, что якобы существовало в политической жизни Китая при жизни и правлении Мао Цзэдуна, а начинать «строить» демократию в Китае заново, с нуля закладывать фундамент демократии.

Именно расхождение в вопросе о демократии в Китае, о реформах в сфере политической жизни и привели к расколу в руководстве КПК, к противостоянию Ху Яобана и Дэн Сяопина, а затем Чжао Цзыяна и Дэн Сяопина.

Что же касается экономических реформ, то Дэн Сяопин, как уже упоминалось, всего лишь открывал возможность для специалистов осуществлять реформы того, что именовалось экономической структурой, а не экономической системой, не экономическим строем, в КНР.

Ху Яобан создавал в КПК и в КНР возможность разработки и начала реформ и в политической, и в экономической области. Таким образом, он выполнял задачу, которую и должен был выполнять первый по рангу руководитель партии. Ху Яобан и Чжао Цзыян, по сути дела, были единомышленниками.

Они не находились в отношениях союза между собой, но каждый совершенно самостоятельно и независимо, по отдельности, считали необхо-

димым параллельно и одновременно, и в то же время, весьма осторожно, но осуществлять движение Китая таким образом, чтобы страна смогла, по выражению Ху Яобана, «преодолеть две "могучих водных преграды": Нищету и Невежество» (при этом Ху Яобан еще и упоминал о том, что в начале двадцатого столетия, еще раньше марксизма, в Китай пришли «две Госпожи»: «Госпожа Дэ», то есть «Госпожа Демократия – по-английски Demosgasy», и «Госпожа Сай», то есть «Госпожа Наука – по-английски Science»), а, по выражению Чжао Цзыяна, «пройти Две Заставы: Заставу Рынка и Заставу Демократии».

Необходимо повторить и подчеркнуть, что Дэн Сяопин допускал продвижение только по пути изменений экономической структуры (а не экономической системы, не экономического строя), но не допускал изменений на пути к демократии.

Необходимо повторить и подчеркнуть, что именно поэтому и возник раскол в высшем руководстве КПК. Возникло сначала противостояние Ху Яобана с Дэн Сяопином, а затем Чжао Цзыяна с Дэн Сяопином.

Процесс возникновения упомянутых противоречий, противостояния и, наконец, раскола, был сложным.

Пожалуй, здесь не обойтись без обращения к обстоятельствам, которые определяли положение в руководстве КПК после смерти Мао Цзэдуна. Мы уже упоминали, что «высочки», вознесшиеся, по выражению Дэн Сяопина, как «на вертолете», на вершину власти в годы «культурной революции», а это были, в частности, те четверо, имена которых мы приводили: Чжан Чуньцяо, Цзян Цин, Яо Вэньюань, Ван Хунвэнь, да и Хуа Гофэн, неизбежно сошли со сцены. Вся партия, вся ее номенклатура, за исключением выдвинутых «культурной революции», была едина в этом требовании.

Особую роль здесь сыграло то, что для КПК оказалась свойственна традиция получения постов в руководстве партии «по своеобразной очереди», то есть в зависимости от времени вступления в партию, от стажа пребывания в рядах партии, а также в зависимости от того, кого, какую полевую армию, какую провинцию или какую часть партии представляла та или иная политическая фигура.

Несмотря на все усилия Мао Цзэдуна, во время «культурной революции» ему не удалось полностью обновить состав высшего эшелона руководителей КПК.

Выжили, пережили Мао Цзэдуна (в порядке старшинства по положению внутри партии) уже упоминавшиеся Чэнь Юнь, Дэн Сяопин, Ли Сяньнянь, Е Цзяньин, Пэн Чжэнь, Бо Ибо, Ян Шанкунь, Ван Чжэнь.

Их в партии обычно признавали и именовали «старейшинами», исходя из того, что, вне зависимости от официального положения в аппарате партии и государства, они обладали реальной властью и могли влиять на происходившие события.

Так после смерти Мао Цзэдуна в КПК сложилась ситуация, при которой для внешнего мира, формально и официально, существует одна структура управления партией и государством, а на самом деле параллельно с ней существует еще одна теневая структура, которая играет еще более важную роль, прежде всего, при распределении властных полномочий, а также при определении основных направлений внутренней и внешней политики.

Весь этот процесс был начат в свое время Мао Цзэдуном в 1959 г., когда он был вынужден, оказавшись виновен в провалах во внутренней, прежде всего, экономической, политике, отойти на «вторую линию», оставив на «первой линии» в качестве председателя КНР Лю Шаоци. Так, с тех пор и вплоть до настоящего времени в КПК фактически, в том или ином виде, существуют упомянутые «вторая линия» и «первая линия».

В 1980-х гг. за каждым из упомянутых «старейшин» стояла когорта кадровых работников партии. Каждый из них считал, что его положение основано на стаже пребывания в партии, на длительном и медленном подъеме по «крутым ступеням» власти, поэтому слова Дэн Сяопина о тех, кто взлетел на вершину власти «как на вертолете», благосклонно воспринимались этими людьми.

Оказалось также, что каждая из упомянутых фигур существовала отдельно. Прочных союзов между ними возникнуть не могло. Могли образовываться временные объединения для решения отдельных задач, достижения конкретных единичных целей.

Одним словом, «выдвиженцев» «культурной революции» быстро убрали, а «возвращенцы» оказались в состоянии раздробленности. Они не могли договориться между собой о том, кто из них должен быть «главным». Очевидно, и это обстоятельство, в дополнение к уже обрисованной нами объективно сложившейся обстановке, сказалось выдвижением на первый план Ху Яобана и Чжао Цзыяна.

Чжао Цзыян был тем человеком, который оказался способен и на интуитивно верную оценку экономической ситуации, и на творческое выдвижение идей, и на разработку и осуществление экономических реформ, и на приступ к политическим реформам.

Ситуация в области руководства экономикой страны после смерти Мао Цзэдуна оказалась весьма не простой.

Дэн Сяопин имел возможность влиять на ход событий и пользовался этой возможностью. Вместе с тем, Дэн Сяопин не был специалистом в области экономики. Он был вынужден прислушиваться к мнению тех, кому на практике приходилось рассматривать и решать эти вопросы.

После смерти Мао Цзэдуна таких людей оказалось трое. В прошлом заместитель председателя ЦК КПК Чэнь Юнь, в прошлом член Политбюро ЦК КПК Ли Сяньнянь и в настоящем премьер Госсовета КНР Чжао Цзыян. При этом ситуация оказалась такова, что Чэнь Юнь и Ли Сянь-

нянь воздействовали на нее как бы из-за кулис, не неся ответственности, а отвечать за то, что конкретно происходило, пришлось Чжао Цзыяну. До той поры, пока это было допустимо, с точки зрения Дэн Сяопина, он поддерживал действия Чжао Цзыяна в определении и осуществлении хозяйственной политики партии, в руководстве экономическим развитием КНР.

Деятельность Чжао Цзыяна осложнялась позицией Чэнь Юня и Ли Сяньняня.

Чэнь Юнь и после смерти Мао Цзэдуна продолжал считать, что при правильном планировании из единого центра в КНР будет работать централизованная экономика в соответствии с очередными пятилетними планами. С точки зрения Чэнь Юня, изначально «птичка китайской экономики» должна была содержаться в «клетке плановой системы управления такой экономикой». Чэнь Юнь полагал, что такая система принесла свои плоды в СССР. По мнению Чэнь Юня, в Китае успехам на этом пути помешали ошибки Мао Цзэдуна.

После ухода Мао Цзэдуна с политической сцены Чэнь Юнь ратовал за то, чтобы продолжать относиться к экономике как «птице в клетке». Это означало, что «птице» необходимо давать возможность перепархивать с жердочки на жердочку, но ее свободу нужно ограничивать прутьями клетки. Плановая экономика была, с его точки зрения, клеткой, а рыночная экономика – птичкой в этой клетке. По мнению Чэнь Юня, следовало ограничивать рынок рамками плановой экономики.

Чжао Цзыян хорошо знал о том, что Чэнь Юнь не раз при правлении Мао Цзэдуна выводил экономику КНР из тупиков, в которые ее заводил Мао Цзэдун. Поэтому он относился к Чэнь Юню с уважением, докладывал ему о ходе дел, убеждая в необходимости тех или иных шагов. Если этого оказывалось недостаточно, Чжао Цзыян просил Дэн Сяопина поговорить с Чэнь Юнем. В то же время Чжао Цзыян в принципе отвергал необходимость держать упомянутую «птицу» в упомянутой «клетке».

Ли Сяньнянь вызывал неприятие у Чжао Цзыяна. Дело тут было в том, что во время «культурной революции» Ли Сяньнянь выполнял при Чжоу Эньлае, как главе правительства, роль руководителя сектора экономики.

Когда Чжоу Эньлай умер, и Мао Цзэдун выдвинул на первый план Хуа Гофэна, Ли Сяньнянь занял при Хуа Гофэне пост несменяемого советника по экономическим вопросам.

Ли Сяньнянь утверждал, что то, что ему удалось сделать во времена правления Хуа Гофэна, пусть этот период и оказался кратким, заложило основу успехов КНР в сфере экономического развития в дальнейшем. Ли Сяньнянь считал, что успехи в экономике в 1980-х гг. не были достигнуты целиком благодаря реформам. Он полагал, что основа успехов была заложена во времена Хуа Гофэна, то есть тогда, когда он руководил экономическими делами.

На самом деле в период руководства со стороны Хуа Гофэна осуществлялось то, что носило название «великого скачка, направленного вовне» Китая. На практике Ли Сяньнянь закупал много заводов за границей для их эксплуатации в КНР. Это перенапрягало экономику страны.

Никто, однако, в том числе и Чжао Цзыян, не имел возможности открыто упрекать Ли Сяньняня, потому что он был одним из «старейшин» в партии, наряду с Чэнь Юнем и Дэн Сяопином.

В то же время сам Ли Сяньнянь осуждал Чжао Цзыяна за то, что он полагается на иностранцев, за желание Чжао Цзыяна учиться у «Азиатских тигров» (Сингапура, Южной Кореи, Тайваня) и даже у Запада успехам в экономическом развитии.

Ли Сяньнянь в 1983 г. занял пост председателя КНР и выступал в качестве самого главного оппонента реформ. Чжао Цзыян, имея это в виду, говорил, что «он ненавидел меня за то, что я проводил в жизнь реформы Дэн Сяопина, но, так как прямо выступать против Дэн Сяопина было для Ли Сяньняня затруднительно, он сделал меня мишенью своих нападок». В каком-то смысле, из двух лидеров прогрессивного направления в политике, Ху Яобана и Чжао Цзыяна, Чжао Цзыян оказался на время в менее уязвимом положении. Чжао Цзыяну доставлял проблемы, главным образом, Ли Сяньнянь.

В то же время Ху Яобан оказался под главным прицелом «старейшин» и приверженцев «старинны» в КПК. Они до поры до времени меньше интересовались вопросами экономики, полагая, что там что-то делать надо, и пусть кто-то этим занимается, а, в большей мере сосредоточились на проблемах политики и идеологии. А именно этим занимался Ху Яобан как генеральный секретарь ЦК КПК. По мнению Чжао Цзыяна, который тепло писал о Ху Яобане, это происходило потому, что Ху Яобан симпатизировал интеллектуалам и не желал подвергать их гонениям, как это происходило при правлении Мао Цзэдуна, особенно во время «культурной революции». Кроме того, Ху Яобан не стеснялся в выражениях.

Иной раз в работах зарубежных специалистов по Китаю встречаются утверждения, что разница между Ху Яобаном и Чжао Цзыяном состояла в том, что Ху Яобан стремился к быстрому экономическому прогрессу, в то время как Чжао Цзыян выступал за медленное, но неуклонное и стабильное продвижение вперед. Оба выступали за введение рыночной экономики. При этом Ху Яобан стремился осуществлять в области экономики нечто подобное тому, что делалось в форме массовых движений еще при Мао Цзэдуна. Утверждают также, что в 1983 г. Дэн Сяопин, беседуя с Ху Яобаном и Чжао Цзыяном, дал указание Ху Яобану не вмешиваться в распоряжения тех, кто в правительстве непосредственно отвечает за экономику.

На самом деле, представляется, что есть основания полагать, что расхождения между Ху Яобаном и Чжао Цзыяном, с одной стороны, и Дэн

Сяопином и другими «старейшинами» заключались в принципиальном взгляде на вопрос о «прохождении Китаем Заставы рынка».

Ху Яобан и Чжао Цзяян выступали за то, чтобы экономика Китая в конечном счете стала рыночной экономикой или по преимуществу рыночной экономикой. До той поры, пока речь шла о частичном продвижении по этому пути, это было приемлемо для Дэн Сяопина и прочих. Противоречия стали неразрешимыми, когда встал вопрос о существенных изменениях не только экономической структуры, но экономической системы. Пока же Дэн Сяопин имел возможность сдерживать экономические реформы и даже пытался играть на расхождении относительно темпов преобразований между Ху Яобаном и Чжао Цзяяном. Хотя, по сути дела, существенных разногласий между ними не было.

Гораздо более важным, чем некоторые возможные разногласия по тактике осуществления экономических преобразований, был для Ху Яобана и Чжао Цзяяна вопрос о преодолении совместными усилиями сопротивления «старейшин» курсу на существенные экономические и политические реформы в целом.

Чжао Цзяян полагал, что Дэн Сяопин утратил доверие к Ху Яобану задолго до студенческих волнений 1986 г., которые стали поводом для смещения Ху Яобана с поста генерального секретаря ЦК КПК. С точки зрения Чжао Цзяяна, то, что при обстоятельствах того времени Ху Яобан в 1987 г. остался членом Политбюро ЦК КПК, было не самым худшим из вариантов.

Из этого следует, что Ху Яобан и Чжао Цзяян понимали, что ситуация, при которой они пока временно находились «на первой линии», и в то же время существовала «вторая линия», с которой имелась возможность изменять расстановку фигур в руководстве партией и государством, является чрезвычайно хрупкой и даже персонально опасной для каждого из них. Тем не менее, они бесстрашно делали свое дело до конца.

Из этих высказываний Чжао Цзяяна, в частности, следует и то, что и он, и, вполне вероятно, Ху Яобан прекрасно понимали, чем со стороны Дэн Сяопина может обернуться их самостоятельный курс на демократию и рынок. И, тем не менее, продолжали свое дело, будучи уверены в том, что то, что они делают, отвечает интересам народа.

Между Ху Яобаном и Чжао Цзяяном существовала разница.

Ху Яобан на протяжении большей части своей жизни работал в центре, возглавляя Коммунистический Союз Молодежи Китая (КСМК). Поэтому у него было определенное положение. А также связи. Это давало свои возможности. И это же еще во времена правления Мао Цзэдуна использовалось недоброжелателями Ху Яобана для нападок на него, для того, чтобы упрекать его в том, что он «подмял» под себя аппарат КСМК, где главенствуют «САНЬ ХУ И ВАН», то есть «Трое Ху и один Ван – Ху Яобан, Ху Цили, Ху Кэши и Ван Чжаохуа».

Чжао Цзыян на протяжении своей жизни работал большей частью в провинции, в различных частях страны. Его перевели в центр только в 1980 г. Поэтому у него там было мало связей. По этой же причине многие закулисные интриги оставались вне его поля зрения. Чжао Цзыян пользовался определенной поддержкой Дэн Сяопина. В то же время Дэн Сяопин был подвержен воздействию на него других «старейшин» в партии.

Известно, что Чжао Цзыян просил Дэн Сяопина не уходить с политической сцены.

В апреле 1989 г., всего за месяц до конца пребывания Чжао Цзыяна на посту генерального секретаря ЦК КПК, Дэн Сяопин заверил его в том, что он заручился согласием Чэнь Юня и Ли Сяньняня на то, что Чжао Цзыян пробудет на посту генерального секретаря два полных срока, то есть с 1987 года по 1997 год. Один этот факт свидетельствует о том, какие интриги плелись в кругу «старейшин», и как трудно было таким «новым людям», как Ху Яобан и Чжао Цзыян, даже отвечая интересам и настроениям масс людей в КНР, оставаться на своих постах и вести страну к прогрессу и в экономике, и в политике.

Прежде, чем говорить о завершении пребывания Чжао Цзыяна на посту генерального секретаря ЦК КПК, необходимо остановиться на том, какую роль он играл в процессе осуществления политики реформ и открытости в Китае.

Официальная пропаганда КПК–КНР называла Дэн Сяопина «архитектором реформ». Многие люди в мире вторили этой пропаганде и повторяли этот термин применительно к Дэн Сяопину.

Действительно, если бы Дэн Сяопин не выступил за то, чтобы начать и продвигать вперед дело открытости Китая для внешнего мира, реформ в КНР просто не было бы. В то же время Дэн Сяопин вряд ли усидел бы на своем месте, если бы не считался до такой степени с интересами народа. Он был вынужден искать и поддерживать тех людей, которые стремились осуществлять необходимые реформы и знали, что надо делать. Чжао Цзыян был именно таким человеком.

Дэн Сяопин не был тем мыслителем, который знал, что именно нужно делать. Он только ощущал, что что-то делать надо. Он обладал властью для того, чтобы выдвинуть на место руководителя правительства КНР того, кто, как это было тогда очевидно, лучше других был способен именно выдвигать идеи относительно реформ и осуществлять эти идеи в качестве премьера Госсовета КНР. Одним словом, Чжао Цзыян оказался на своем месте, когда его перевели в центр и назначили руководить правительством Китая.

Дэн Сяопин играл роль своего рода главного среди «старейшин», и при этом предпочитал оставаться как бы в тени, то есть непосредственно не отвечать за практику осуществления реформ, выходя из своего уединения только в тех случаях, когда требовалось, так или иначе, защитить дело

дальнейшего продвижения по пути реформ, но в определенных рамках или пределах.

По сути дела, Дэн Сяопин лишь номинально сохранял за собой образ «архитектора реформ». В то время как их подлинным архитектором был именно Чжао Цзыян.

Это становится очевидным, если обратиться к политике в отношении крестьян. Уже упоминалось о том, что Чжао Цзыян был первым секретарем комитета КПК провинции Сычуань. Население этой провинции самое многочисленное в КНР. Оно превышало тогда сто миллионов человек. Когда крестьяне начали стихийно разбирать свои семейные наделы, Чжао Цзыян самым внимательным образом ознакомился с положением на местах и пришел к однозначному выводу о том, что политика коллективизации сельского хозяйства, включая политику Мао Цзедуна по созданию «народных коммун» в деревне, совершенно не годится. Здесь сыграл свою роль и опыт, который Чжао Цзыян получил в начале 1960-х гг., когда ему довелось ратовать за послабления в отношении крестьян, чтобы выправить катастрофические последствия «великого скачка» и «народных коммун».

После смерти Мао Цзедуна Чжао Цзыян осуществил прорыв в понимании этой проблемы. Он со всей решительностью выступил за то, чтобы содействовать возвращению крестьянам на условиях аренды их семейных наделов. Это означало ликвидацию и «народных коммун» и вообще всего пути коллективизации сельского хозяйства в Китае.

Чжао Цзыян не только решительно выступил за такой путь, но и предложил Дэн Сяопину поддержать эту политику. Дэн Сяопин понял пагубность курса Мао Цзедуна по отношению к крестьянам, пагубность «народных коммун» и был вынужден поддержать Чжао Цзыяна.

Без поддержки Дэн Сяопина, которая означала согласие с таким решением и других «старейшин», осуществить курс на возвращение крестьянам семейных наделов мирным путем, просто согласившись со стихийным движением крестьян и оформить его поддержкой со стороны партии, было бы невозможно или крайне затруднительно. Есть основания предполагать, что «старейшины» были вынуждены согласиться на это, понимая, что в противном случае им пришлось бы столкнуться с волей стихийного массового движения крестьян, требовавших вернуть им их семейные наделы.

Прорыв в понимании проблемы и в понимании необходимости для КПК поддержать движение крестьян был совершен Чжао Цзыяном, а также первым секретарем парткома провинции Аньхой Вань Ли. Именно Чжао Цзыян, в первую очередь, стал в этом отношении основателем реформ в Китае.

Далее, именно Чжао Цзыян предложил стратегию развития в первую очередь экономики прибрежных районов Китая. Чжао Цзыян считал, что

у Китая есть это его «золотое побережье», развивая которое в первую очередь, можно вывести Китай из трясины и тупика, в которые его завел Мао Цзэдун в области экономической и социальной жизни страны.

Чжао Цзыян выдвинул мысль о том, чтобы во всех прибрежных провинциях КНР началось развитие экономики, ориентированной на экспорт. При этом предполагалось ввозить в эти провинции сырье, перерабатывать его в опоре на дешевую рабочую силу и экспортировать готовую продукцию за пределы КНР. На этом пути Чжао Цзыяну пришлось преодолеть множество препятствий.

Поддержка Дэн Сяопина помогла осуществить перемены, предложенные Чжао Цзыяном. И в данном случае Дэн Сяопин был вынужден соглашаться с Чжао Цзыяном, так как это помогало решать экономические и социальные проблемы в стране. Политику развития прибрежных районов Чжао Цзыян активно продвигал, будучи генеральным секретарем ЦК КПК в 1987–1989 гг.

В конце 1980-х гг. Чжао Цзыян сначала ратовал за реформу ценовой политики. Однако после дебатов отказался от этой идеи, по крайней мере, на время. Состояние экономики страны не позволило тогда начать осуществление этих преобразований. Это была неудача Чжао Цзыяна, но думается, что она носила временный и ограниченный характер. Это не была принципиальная ошибка. Просто направление было верным, однако следовало выждать, чтобы созрели соответствующие условия.

Тогда же Чжао Цзыян согласился со своими оппонентами. Главными из них оказались премьер Госсовета КНР Ли Пэн и отвечавший в Госсовете за экономику Яо Илин.

Формально Дэн Сяопин согласился с тем, чтобы Чжао Цзыян, даже будучи генеральным секретарем ЦК КПК, продолжал в целом курировать экономику, однако на практике Ли Пэн и Яо Илин ставили палки в колеса тому, что предлагал Чжао Цзыян.

Здесь необходимо вернуться к тому, какой оказалась конструкция власти после смерти Мао Цзэдуна, и к вопросу о том, какую позицию занимали приверженцы и последователи Мао Цзэдуна.

Мы уже говорили о том, что всем волей-неволей пришлось считаться с тем, что Мао Цзэдун завел все дела в стране, и политические, и экономические, и социальные, не говоря уже о культуре и образовании, в тупик. Все понимали, что нужно искать выход из создавшегося положения. В то же время люди в руководстве партии разделились, главным образом, в вопросе о том, что должны означать реформы, на что они должны быть направлены, каковы должны быть цели реформ. Расхождения вытекали из отношения к Мао Цзэдуну и его политике.

«Старейшины» исходили из того, что у Мао Цзэдуна, как об этом заявил Дэн Сяопин, его достоинства и достижения вдвое превышали то, что Дэн Сяопин назвал «ошибками» Мао Цзэдуна. Дэн Сяопин говорил о

соотношении: семь к трем или семьдесят процентов («правильного») к тридцати процентам («ошибочного»). На практике это означало желание в принципе не допускать изменения режима, созданного Мао Цзэдуном, не допускать, по крайней мере, изменений общественного строя, политической системы, созданной при правлении Мао Цзэдуна.

Ху Яобан, Чжао Цзыян, Вань Ли, их приверженцы считали, что нужно решать проблемы Китая, не оглядываясь на мнение Мао Цзэдуна, на его политику. Иными словами, в конечном счете речь шла о замене прежней системы новой системой и применительно к экономике, и применительно к политике.

Обстоятельства в Китае сложились таким образом, что «старейшинам» пришлось, особенно в первой половине 1980-х гг., считаться с новыми людьми, с Ху Яобаном, Чжао Цзыяном. Это было вынужденным и, как оказалось, временным, шагом, продиктованным тем, что сами «старейшины» не обладали ни политической интуицией, ни творческими способностями, позволявшими вывести страну из тупика, созданного политикой Мао Цзэдуна. В то же время их коньком были интриги внутри руководства партии, а также возможность изменять расстановку сил в этом руководстве.

В первой половине 1980-х гг. ситуация сложилась таким образом, что во главе практической политики, решения каждодневных проблем оказались Ху Яобан, сосредоточившийся на проблемах политики и идеологии, и Чжао Цзыян, сконцентрировавшийся на проблемах экономики. Именно благодаря этому, Китай начал осуществление необходимых ему реформ и добился таких успехов, которые заложили основу развития, в частности, экономики КНР на десятилетия вперед. Это десятилетие, 1980-е гг., в КНР в свое время называли «золотым веком реформ».

Когда положение в середине 1980-х гг. в Китае было, по крайней мере, на первоначальном этапе реформ, исправлено, и это напоминало то, что произошло во времена правления Мао Цзэдуна в середине 1960-х гг., «старейшины», прежде всего, Дэн Сяопин сосредоточились на маневрах с целью осуществить персональные изменения в руководстве.

Сначала Дэн Сяопин исподтишка, путем закулисного сговора и интриг подготовил и осуществил удар из-за угла по Ху Яобану, обвинив его в «буржуазном либерализме». На самом деле речь шла в 1986 году о том, что Ху Яобан путем диалога сумел мирно разрешить политический кризис, назревавший в стране в связи с требованиями демократии, выдвигавшимися, прежде всего, студенческой молодежью.

Дэн Сяопин и сам, и используя своих сторонников, оболгал Ху Яобана и вынудил его уйти с поста генерального секретаря ЦК КПК.

После ухода Ху Яобана «старейшины» нуждались в определенном продолжении курса экономических реформ. Поэтому руководство экономикой в целом было номинально оставлено в руках Чжао Цзыяна, которого

перевели на пост генерального секретаря ЦК КПК. В то же время премьером Госсовета КНР, а также заместителем премьера, ведающим вопросами экономики, поставили соответственно приверженцев и последователей Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая Ли Пэна, и Яо Илия.

Так постепенно Дэн Сяопин готовил устранение и Чжао Цзыяна.

Чжао Цзыяна методично на практике лишали возможности оказывать решающее воздействие на ход экономических реформ. Вместе с тем на посту генерального секретаря ЦК КПК ему пришлось заниматься вопросами политики и идеологии, а здесь столкновение с Дэн Сяопином и прочими было неизбежным.

На ситуацию наложились события 1989 г., когда от расстройства, вызванного его подлым отстранением от практической работы, 15 апреля неожиданно скончался Ху Яобан. Одновременно в связи с ухудшением материального положения населения городов и назревшим протестом особенно чувствительной к этому интеллигенции, студенческой молодежи против произвола и разложения партийного и государственного чиновничества, люди вышли на улицы, на центральную площадь Пекина под лозунгами свободы и демократии.

Тогда Дэн Сяопин и проявил свою подлинную суть, принял решение применить против демонстрантов бронетехнику и армию, подавить в крови массовое демократическое движение, ссылаясь на необходимость «защитить КПК, защитить КНР».

При этом Чжао Цзыяна Дэн Сяопин поставил в такие условия, что он был вынужден пойти на открытый раскол с Дэн Сяопином и всеми приверженцами и последователями Мао Цзэдуна, и заявить о невозможности в условиях принятия Дэн Сяопином решения о применении армии против своего народа, выполнять обязанности генерального секретаря ЦК КПК.

Чжао Цзыян оказался на посту генерального секретаря не по своему желанию, не в результате осуществления им интриг, чем он никогда не занимался, а по стечению обстоятельств и, очевидно, в связи с осуществлением Дэн Сяопином его далеко идущих планов.

Заняв пост генерального секретаря ЦК КПК в 1987 г., Чжао Цзыян на себе ощутил, насколько трудно приходилось Ху Яобану действовать в этой роли. Дело в том, что тут, в сфере политики и идеологии, генеральному секретарю, сначала Ху Яобану, а затем и Чжао Цзыяну постоянно мешали приверженцы Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина, идеологи и выразители настроений значительной части партийной номенклатуры Ху Цяому и Дэн Лицунь. Ху Цяому был «пером» Мао Цзэдуна и одно время его политическим секретарем. Он был насквозь пропитан «идеями» Мао Цзэдуна.

Дэн Лицунь на протяжении многих лет руководил исследовательским центром при Секретариате ЦК КПК, что давало ему возможность пропа-

гандировать взгляды Мао Цзэдуна, направляя острие своих высказываний против политики реформ.

Ху Яобан вел идеологические битвы против Ху Цяому и Дэн Лицюня. Чжао Цзыян не был склонен к тому, чтобы заниматься этим. В то же время ему пришлось дать отпор этим идейным противникам осуществления политики реформ и открытости.

Ху Цяому и Дэн Лицюнь организовали атаку на Чжао Цзыяна в качестве генерального секретаря ЦК КПК, обвиняя теперь уже и его, а не только Ху Яобана, в «буржуазном либерализме», то есть, выполняя задачи, поставленные Дэн Сяопином. При этом сам Дэн Сяопин оставался как бы «в тени».

Чжао Цзыян был вынужден ликвидировать исследовательский центр при Секретариате ЦК КПК, которым руководил Дэн Лицюнь, а также закрыть центральный партийный журнал «Хунци».

В качестве компенсации Чжао Цзыян предложил, чтобы Дэн Лицюнь на очередном съезде партии в 1987 г. вошел в состав Политбюро ЦК КПК.

Однако при выборах на съезде членов ЦК КПК, из которых формируется Политбюро ЦК КПК, кандидатура Дэн Лицюня не прошла. Последователи Мао Цзэдуна возненавидели Чжао Цзыяна за это, считая, что он «еще хуже, чем Ху Яобан».

Трудно сказать, почему так получилось с выборами Дэн Лицюня. Нельзя исключать и того, что тогда значительная часть делегатов съезда, по крайней мере, в душе поддерживала Ху Яобана и Чжао Цзыяна. Дэн Сяопин был вынужден считаться с реалиями, и открыто не опротестовал результаты голосования на съезде.

Здесь можно подчеркнуть, что в истории КПК в годы КНР были три съезда партии, на которых, по сути дела, был продемонстрирован протест большей части членов партии против политического курса Мао Цзэдуна, а также его приверженцев и последователей. Мы имеем в виду VIII съезд КПК в 1956 г., XII съезд КПК в 1982 г. и XIII съезд КПК в 1987 г. На XIII съезде КПК в целом верх взяла линия на продолжение курса Ху Яобана – Чжао Цзыяна.

Думается, что именно это побудило Дэн Сяопина вплотную заняться интригами, которые в конечном счете привели к устранению Чжао Цзыяна из руководства.

Здесь нельзя исключать предположение о том, что Дэн Сяопину было выгодно раздувать масштабы демонстраций на площади Тяньаньмэнь в 1989 году.

На самом же XIII съезде партии Дэн Сяопин был вынужден согласиться с главным содержанием отчетного доклада Чжао Цзыяна.

Чжао Цзыян учитывал расстановку сил в партии. В то же время он стремился сделать политический курс партии определенным. Снять тот вопрос, который весьма беспокоил членов КПК. Ведь до той поры в пар-

тии считалось, что в 1950-х гг. социалистическая революция в Китае была уже совершена или завершена, что социалистическая революция в КНР победила. В этой связи и вставал вопрос о том, почему же в 1980-х гг. понадобилось обращаться к капиталистическим методам решения экономических, да и социальных проблем?

Чжао Цзыян выдвинул мысль, благодаря которой снимался этот вопрос. Он внес в текст отчетного доклада на XIII съезде партии формулировку: КНР в настоящее время находится всего лишь на начальной стадии социализма. Благодаря такой постановке вопроса, оказывалось возможным не отрицать неких достижений в строительстве социализма, и, в то же время, освободиться от догматического восприятия социализма, как того, что уже было построено в 1950-х гг.

Вспомним, что Чжао Цзыян считал, что при правлении Мао Цзэдуна строительство подлинной демократии в КНР еще и не начиналось, и его требовалось «начать строить» заново, а не «совершенствовать» якобы уже имевшуюся при правлении Мао Цзэдуна демократию в партии и в стране.

Все это позволяло отводить политическому курсу Мао Цзэдуна место вне реального строительства социализма в Китае.

Чжао Цзыян ввел в текст упомянутого доклада и положительную оценку тех «Четырех Основных Принципов», о которых Дэн Сяопин говорил в 1979 г.: путь социализма, диктатура пролетариата, руководящая роль коммунистической партии, марксизм-ленинизм – идеи Мао Цзэдуна.

Собственно говоря, здесь мог быть доволен и Дэн Сяопин, так как, с его точки зрения, именно признание этих Четырех Основных Принципов и позволяло удерживать Китай на пути, определенном Мао Цзэдуном.

Для Чжао Цзыяна главным тогда было то, что и при признании таких принципов можно было продолжать курс на осуществление политики реформ и открытости.

Чжао Цзыян предложил, чтобы в КПК было признано, что Четыре Основных Принципа и политика реформ и открытости находятся в равном положении. Так появилась сформулированная помощником Чжао Цзыяна по политическим вопросам Бао Туном установка: «один центр, два исходных пункта».

Под «центром» подразумевался упор, прежде всего, на экономическом развитии. Под «двумя исходными пунктами» подразумевались Четыре Основных Принципа и политика реформ и открытости. Эта формулировка стала основным содержанием доклада на XIII съезде КПК.

Дэн Сяопин принял тогда эту формулировку. Думается, что он сделал это вынужденно, считая, что временно можно поступить таким образом. В то же время он продолжал искать путь к устранению Чжао Цзыяна.

Когда начались студенческие демонстрации 1989 г., «старейшины» тайно собрались и решили устранить Чжао Цзыяна с политической сцены, найдя ему замену в качестве генерального секретаря ЦК КПК.

Возможно, что Чжао Цзыян даже не знал об этом решении.

Ни Ху Яобан, ни Чжао Цзыян никогда не занимались интригами, не строили заговоры с целью захвата или удержания власти, никогда не обманывали своих недоброжелателей. Ху Яобан и Чжао Цзыян, как, впрочем, и Лю Шаоци, а также Пэн Дэхуай были честными людьми. В этом важное отличие людей, составлявших прогрессивное направление в политической жизни Китая второй половины XX века от Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина и иже с ними.

В случае с Чжао Цзыяном обман со стороны Дэн Сяопина, Ли Пэна, Яо Илия окружал его.

Когда начались студенческие выступления с требованиями осудить коррупцию среди чиновников, осуществлять демократические и либеральные реформы, Чжао Цзыян должен был выехать на несколько дней с давно запланированным визитом в КНДР. Перед отъездом оставшийся руководить работой Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК вместо Чжао Цзыяна Ли Пэн дал Чжао Цзыяну слово вести дело к диалогу со студентами и к мирному решению вопросов с тем, чтобы после демонстраций уговорить студентов вернуться в университетские городки.

Как только Чжао Цзыян уехал в Северную Корею, Ли Пэн сфабриковал доклад пекинских властей, в котором перевирались факты и осуждались выступления студентов; делался вывод о том, что если не восстановить немедленно контроль над ситуацией, возможен государственный переворот. В отсутствие Чжао Цзыяна, фактически у него за спиной, что весьма характерно для политики Дэн Сяопина и его приверженца Ли Пэна, доклад был в срочном порядке представлен Постоянному комитету Политбюро ЦК КПК, а затем и Дэн Сяопину.

Дэн Сяопин охарактеризовал демонстрации студентов, как «антипартийный и антисоциалистический бунт».

Чжао Цзыяна, находившегося в КНДР, постфактум уведомили о развитии событий, не дав ему полную информацию о происходящем.

Чжао Цзыян в этих условиях согласился с оценкой Дэн Сяопина.

По настоянию Ли Пэна оценка Дэн Сяопина появилась в «Жэньминь жибао». Но это не испугало студентов, которые были возмущены такой трактовкой их патриотических действий и несправедливостью. Они стали еще более решительно протестовать.

Так Ли Пэн обманул Чжао Цзыяна. Дэн Сяопин, как обычно, предпочитал оставаться как бы в тени, но внес свою долю в провоцирование студентов на продолжение и обострение их демонстраций.

Чжао Цзыян, возвратившись из КНДР, и ознакомившись с ситуацией, понимал, что студентов можно успокоить, лишь отменив действие статьи, помещенной в «Жэньминь жибао».

Оказалось, однако, что Дэн Сяопин не собирался отказываться от своих слов.

Чжао Цзыян попытался решить ситуацию своими действиями. Но это оказалось невозможным.

Произошел открытый раскол внутри руководства КПК, между позициями Чжао Цзыяна, полагавшего, что, как в 1986 г., можно путем диалога со студентами, мирно разрешить конфликт, и Дэн Сяопином, который решил подавить демонстрации силами армии, в том числе бронетехники. 17 мая 1989 г. на заседании Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, которое проходило в доме Дэн Сяопина, с развернутыми нападениями на Чжао Цзыяна и на его политическую деятельность выступили Яо Илинь и Ли Пэн. При этом речь шла и политике, и об идеологии, и об экономике.

В результате Чжао Цзыян в знак протеста против решения Дэн Сяопина ушел с поста генерального секретаря ЦК КПК. Это уникальный случай в истории КПК.

Вся история с устранением Чжао Цзыяна свидетельствует о том, что Дэн Сяопин путем закулисных интриг и обмана сначала передвинул Чжао Цзыяна на пост генерального секретаря ЦК КПК, где было возможно осуществлять нападки на Чжао Цзыяна по политическим и идеологическим причинам.

Эти атаки были организованы и осуществлены, используя и демонстрации студентов на площади Тяньаньмэнь в Пекине.

Убрать Чжао Цзыяна с политической сцены, пока он находился на поле экономики, оказалось невозможно.

Поэтому Дэн Сяопин перевел борьбу на поле политики и идеологии.

Все это означало, что и Ху Яобан, и Чжао Цзыян по идеологическим и политическим вопросам, не говоря уже об экономике, занимали позиции, которые коренным образом отличались от позиций Дэн Сяопина.

После смерти Мао Цзэдуна, опираясь на поддержку и требования сотен миллионов людей, Ху Яобану, Чжао Цзыяну и другим прогрессивно настроенным людям, удалось вернуть крестьянам их семейные наделы, реабилитировать сто миллионов пострадавших от репрессий в годы правления Мао Цзэдуна, выдвинуть на первый план решение экономических проблем.

В то же время после смерти Мао Цзэдуна его приверженцы и последователи, прежде всего, Дэн Сяопин, сохранили в своих руках и власть над вооруженными силами и силовыми ведомствами, и власть в сфере идеологической и политической работы, то есть, прежде всего, над партийным аппаратом.

В опоре на все это им удалось, практически подряд, то есть в 1987 г. и в 1989 г., устранить с политической арены двух генеральных секретарей ЦК КПК (это можно называть «шоковой терапией» или «операцией без анестезии» Дэн Сяопина над живым организмом партии и страны) сначала Ху Яобана, а затем и Чжао Цзыяна.

Так высшая партийная номенклатура времен Мао Цзэдуна пережила и «культурную революцию», и его самого, и вернула себе политическую власть в стране.

Благодаря деятельности Ху Яобана и Чжао Цзыяна в Китае были решены важные экономические и политические проблемы и возникла новая ситуация в деревне, да и среди значительной части городского населения, интеллигенции, что позволяло вернувшимся к власти приверженцам Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина править страной в относительно стабильной обстановке.

Это стало возможно, конечно же, только в результате применения Дэн Сяопином «операции без анестезии», то есть в результате подавления вооруженными силами (применения армии против своего народа) мирных выступлений 1989 г. в пользу свободы и демократии, а также последовавшей вслед за подавлением демонстраций в Пекине и других городах КНР широкой чистки всех причастных к упомянутым демонстрациям.

Ху Яобан и Чжао Цзыян сыграли свою прогрессивную роль в истории КПК. Во всяком случае, они указали на возможность перемен, которые могли открыть путь к рыночной экономике и демократии в Китае.

В добавление к сказанному, можно отметить, что 16 мая 1989 г. при встрече с М.С.Горбачевым Чжао Цзыян говорил, что положение КПК в качестве правящей партии не претерпит изменений, однако все в стране должно будет решаться в соответствии с законами, а не по произволу чиновников. Тем самым Чжао Цзыян указал на необходимое, с его точки зрения, движение в пользу осуществления реформ в политической жизни в стране.

Чжао Цзыян после событий 1989 г. был помещен под домашний арест вплоть до 2005 г., когда он ушел из жизни.

В своих размышлениях он пришел к мысли о необходимости перехода Китая к рыночной экономике и к демократической политической системе. Он выступал за прозрачность или гласность и за создание множественных каналов для диалога с различными слоями общества. Он полагал, что все прогрессивные силы внутри общества в Китае должны получить возможность самоорганизации. Они не должны находиться в подчинении у партийных организаций КПК. Он выступал за свободу выбора, то есть за выборность органов власти в Китае. Более того, он пришел к выводу, что система парламентской демократии Запада является наиболее жизненной, что это лучшая из возможных систем. Одним словом, стоит повторить, что Чжао Цзыян выступал и за рыночную экономику, и за демократическую политическую систему.

* * *

Сделав эти приведенные выше замечания, можно обратиться к содержанию тайных записей Чжао Цзыяна.

Он возвращался мыслями к тому, что происходило в 1989 г., как началось тогда студенческое движение в Пекине.

Стихийные, то есть не организованные властями, студенческие выступления неоднократно имели место в XX веке именно в Пекине и именно на площади Тяньаньмэнь.

4 мая 1919 г. студенты провели свою демонстрацию, выдвинули свои требования к властям.

5 апреля 1976 г. при значительном участии студентов прошли демонстрации, фактически с протестом против последствий «культурной революции». Власти жестоко подавили эти выступления, однако впоследствии были вынуждены признать это подавление ошибочным.

15 апреля 1989 г. умер пользующийся уважением многих людей в Китае демократично настроенный политический деятель Ху Яобан.

Это событие вызвало волну траурных действий, сопряженных с выражением протеста против имевшего место двумя годами ранее отстранения Ху Яобана с поста генерального секретаря ЦК КПК, что произошло под нажимом Дэн Сяопина и других «старейшин» в партии.

Иными словами, демонстрации, начавшиеся после ухода из жизни Ху Яобана отразили раскол общества в Китае на тех интеллектуалов и ту молодежь, которые поддерживали курс на реформы, и ту часть кадровых работников партии, ту номенклатуру, которая фактически отстранила Ху Яобана от власти и погубила его, наклеив на него ярлык сторонника якобы «буржуазной либерализации», хотя на самом деле речь шла о продвижении к политической и экономической свободе и демократии.

Протест вылился на улицы в тот момент, когда в условиях начавшихся, но не доведенных до конца, реформ городское население Пекина было обеспокоено «ножницами», возникшими между начавшим повышаться уровнем жизни крестьян, и относительно низким уровнем жизни городского населения, а также ростом цен и возростающей коррупцией чиновничества. В то же время речь тогда не шла о требованиях приостановки реформ. Молодежь и интеллектуалы ощущали необходимость сочетания продвижения к рынку с продвижением к демократии. На демонстрацию поднялись сотни тысяч студентов. Нужно отметить, что материальное положение студенчества было ужасным.

Ситуация характеризовалась одновременно движением в массах, по преимуществу, городского населения, прежде всего молодежи, студенчества, а также интеллигенции, служащих, и одновременно расколом внутри руководства правившей в КНР политической партии – Коммунистической партии Китая.

Внутри руководства ЦК КПК имел место раскол. Те, кто ратовали за устранение Ху Яобана, настаивали на подавлении демонстраций. Чжао Цзяян, который заменил Ху Яобана на посту генерального секретаря ЦК

КПК, думал о политических последствиях применения силы. В третьей декаде апреля 1989 г. во время его визита в КНДР в «Жэньминь жибао» была опубликована редакционная статья, в которой власти осудили демонстрации как направленные «против партии, против социализма». Степень серьезности ситуации состояла в том, что процитированная оценка политического характера демонстраций принадлежала теневому или закуливному «хозяину партии» Дэн Сяопину.

Тон этой публикации побудил студентов к еще более решительным демонстрациям.

В этих условиях сузилось поле для маневра со стороны Чжао Цзыяна.

В своих тайных записях Чжао Цзыян впервые размышляет об источниках протеста. Он разъясняет, почему эти демонстрации не были прямой угрозой властям, и о том, как можно было решить вопросы задолго до событий 4 июня 1989 г., то есть до бойни на центральной площади Пекина Тяньаньмэнь.

ДО И ПОСЛЕ СОБЫТИЙ 4 ИЮНЯ 1989 ГОДА

Чжао Цзыян еще в 1992 г. сделал заметки для памяти о событиях 1989 г. В 1999 г. он сделал эту часть своих тайных записей на основе упомянутых заметок.

Мы изложим основное содержание того, что Чжао Цзыян говорил на эту тему. Запись высказываний Чжао Цзыяна, голос Чжао Цзыяна будем давать курсивом.

Начало событиям положило желание почтить память Ху Яобана.

В ночь с 18 на 19 апреля (1989 г.) студенты собрались у входа в резиденцию ЦК КПК, то есть у ворот Синьхуамэнь Зимнего дворца в Пекине.

Студенты выкрикивали лозунг: «Мы требуем порядка (соблюдения правил и обычаев при похоронах)!» Требовали встречи с некоторыми членами руководства.

22 апреля состоялась церемония похорон Ху Яобана. На площади Тяньаньмэнь собрались десятки тысяч студентов. Демонстрации были санкционированы. На площади была организована трансляция с места траурной церемонии.

Такой была обстановка накануне публикации редакционной статьи в газете «Жэньминь жибао».

Какими причинами объясняется столь сильная реакция студентов в те дни, когда люди чттили память Ху Яобана.

Причины были сложными. (С. 4)

Во-первых, в глазах народа образ Ху Яобана всегда был прекрасным. Он взял на себя ответственность за пересмотр многочисленных несправедливых репрессий во времена пост-Мао; он всегда выступал за реформы; еще более важно то, что, находясь у власти, он не был коррумпирован. Возмущение коррупцией в стране было сильным, и это выразилось при поминовении Ху Яобана.

15 апреля 1989 г. умер Ху Яобан. Сторонники Дэн Сяопина в руководстве КПК хотели так организовать похороны Ху Яобана, чтобы к этому не имели отношения студенческие массы. Студенты требовали, чтобы им дали возможность принимать участие в его похоронах. Чжао Цзыян полагал, что надо было удовлетворить законное желание студентов почтить память Ху Яобана.

Чжао Цзыян исключительно положительно характеризует Ху Яобана.

После четверти века пребывания у власти в Китае Мао Цзэдуна люди страны «изголодались» по гуманности. Отношение к Ху Яобану было отношением к человеку, который во всем был противоположностью Мао Цзэдуну.

Мао Цзэдун осуществлял репрессии. Ху Яобан восстанавливал попранное Мао Цзэдуном достоинство людей, попранную Мао Цзэдуном справедливость, реабилитировал репрессированных. Никто из «старейшин» партии, в том числе Дэн Сяопин и Чэнь Юнь, не говоря о Ли Сяньняне и прочих, не взял на себя ответственность за пересмотр решений Мао Цзэдуна. Ху Яобан сделал это. Люди в Китае спустя несколько лет после смерти Мао Цзэдуна потребовали такой справедливости. Они поддерживали Ху Яобана.

Люди в Китае также понимали необходимость изменения экономической и политической системы. В Ху Яобане они видели человека, который искренне и решительно выступал за реформы.

Люди в Китае ненавидели чиновников, номенклатуру, которая была коррумпирована. Они хотели, чтобы во главе страны, во главе партии был «честный чиновник». В их глазах Ху Яобан был безукоризненно честным человеком.

Во-вторых, многие были недовольны и даже оскорблены смещением Ху Яобана в 1987 году. Многие были недовольны кампанией борьбы против буржуазной либерализации, начатой в 1987 году, и продолжали выражать свой протест против этой кампании. Плюс к тому люди были недовольны тем, как были осуществлены изменения в руководстве. В целом люди выражали возмущение тем, как отнеслись к Ху Яобану.

С приходом к руководству Ху Яобана, с восстановлением доброго имени тех, кто был несправедливо репрессирован при правлении Мао Цзэдуна, людям в Китае показалось, что наконец-то эпоха Мао Цзэдуна кончилась, закончилась эра самовластия, закулисных интриг в руководстве.

Дэн Сяопин сместил Ху Яобана неожиданно для людей в Китае, даже для членов партии. Он сделал это из-за угла, путем интриг. Он продемонстрировал людям в Китае, что на смену самовластию Мао Цзэдуна пришло самовластие Дэн Сяопина. Люди в Китае были возмущены отношением Дэн Сяопина к Ху Яобану.

После четверти века правления Мао Цзэдуна люди в Китае хотели дышать свободно, требовали политической либерализации. Дэн Сяопин начал кампанию борьбы против того, что он именовал «буржуазной либерализацией». При этом вину за эту «буржуазную либерализацию» Дэн Сяопин возложил на Ху Яобана.

Люди в Китае были возмущены действиями Дэн Сяопина, возмущены тем, как он осуществил изменения в руководстве.

То, как Чжао Цзыян излагает этот вопрос, говорит о том, что он был вместе с теми людьми Китая, которые проявляли скорбь в связи со смертью Ху Яобана и возмущение действиями Дэн Сяопина.

В-третьих, после того, как в 1988 году была предложена программа реорганизации власти, программа реформ была урезана по всем направлениям. Ничего не предпринималось в области политических реформ. И в то же время для экономических реформ были характерны застой, и даже движение вспять. Студенты были недовольны общей ситуацией в стране, и через такую форму, как траур по Ху Яобану, выражали свое желание, чтобы реформы были продолжены.

Чжао Цзыян считал, что демонстрации 1989 года были также вызваны тем, что люди в Китае ощутили, что политические реформы не начинались, а экономические реформы были остановлены, и в этой области началось движение вспять.

На улицы выразить протест вышли люди трех категорий: подавляющее большинство принадлежало к той категории, о которой я уже говорил.

Были и те, кто выражал недовольство нашей политикой в прошлом, и воспользовался случаем, чтобы поднять некоторый шум.

И, конечно же, было незначительное число людей, которые находились в оппозиции к партии и к социализму, и стремились превратить ситуацию в более серьезную.

На заседании Постоянного комитета Политбюро (дата заседания не ясна) я сказал, что мы не должны запрещать действия студентов, которые просто выражают свой траур, в то время как ЦК КПК проводит траурную церемонию. У нас не было никаких оснований сохранять только за собой право выражать скорбь по Ху Яобану, и запрещать студентам делать то же самое.

Я предложил, чтобы мы действовали в соответствии с законом и наказывали лишь тех, кто избивает, крушит, грабит, поджигает или переходит через установленные ограничения. При всех иных нормальных ситуациях должны предприниматься попытки уменьшать напряженность.

Чжао Цзыян констатирует, что в руководстве ЦК КПК в связи с демонстрациями студентов существовали два взаимно исключающих один другой подхода.

Противники Чжао Цзыяна стремились запрещать выступления студентов, фактически создавали все большую напряженность.

Чжао Цзыян считал необходимым уменьшать напряженность, не запрещать студентам выражать свою скорбь, действовать в соответствии с законом, наказывать только тех, кто избивает, крушит и грабит, а таких среди студентов не было.

Путь Чжао Цзыяна вел через диалог к договоренности и компромиссу, к демократизации. Путь его противников вел к подавлению демонстраций и навязыванию диктатуры во имя того, что противники Чжао Цзыяна именовали «стабильностью».

После окончания официальной траурной церемонии прощания с Ху Яобаном я предложил курс действий из трех пунктов:

1. Теперь, когда траурная церемония завершена, социальная активность должна войти в рамки нормы (вернуться к нормальному состоянию). Студентов необходимо убедить прекратить демонстрации на улицах и возвратиться в аудитории. (С. 5)

В этот момент я ощущал, что, какими бы мотивами они не руководствовались, фактически студенты демонстрировали траур по Ху Яобану, и не более того. Поэтому с окончанием траурной церемонии, причем им была предоставлена возможность самим участвовать в этом мероприятии, у них больше не было никаких причин продолжать демонстрации. Пришло время вернуться в аудитории.

2. В соответствии с принципиальной целью снизить напряженность, диалог следовало вести на различных уровнях и по разным каналам и различном формате, чтобы добиться взаимопонимания и учитывать различные мнения. Причем, какими бы ни были выдвигаемые ими требования, всем студентам, преподавателям и интеллектуалам должно быть позволено выражать их свободно.

3. Кровавопролития следовало всячески избегать. Однако все те, кто будут вести себя противоправно, то есть так, как об этом уже было сказано, – заниматься избиениями, крушить, грабить, поджигать или кто переходит рамки установленных ограничений, те должны наказываться в соответствии с законом.

Все мои предложения были приняты премьером Госсовета КНР Ли Пэнном и всеми членами Постоянного комитета Политбюро, что и было официально задокументировано. Упомянутая оценка положения и принципы действий были доведены по различным каналам до местных властей. Таковы были те три пункта, которые я предложил перед моей поездкой в Северную Корею. После окончания траурной церемонии я говорил об этом главным руководителям ЦК партии, а затем высказался на этот счет в официальном порядке.

После похорон Ху Яобана Чжао Цзыян предложил убеждать студентов возвратиться в аудитории; вести диалог со студентами и интеллектуалами по различным каналам, позволяя им свободно выражать свое мнение; избегать кровавопролития; руководствоваться законом.

Во второй половине дня 23 апреля, когда я готовился выехать на поезде в КНДР, Ли Пэн пришел проводить меня. Он спросил, хочу ли я что-нибудь

добавить. Я ответил, что моя позиция суммирована в упомянутых трех пунктах. Впоследствии я слышал, что Ли Пэн доложил эти три пункта Дэн Сяопину, который также выразил свое согласие с ними.

Не было несогласия между членами Постоянного комитета Политбюро, по крайней мере, открытого. Я помню только об одном: вечером 19 апреля Ли Пэн неожиданно позвонил мне и в тоне осуждения потребовал: «Студенты пытаются прорваться через ворота Синьхуамэнь (в расположение руководителей ЦК КПК)! Почему не принимаются ответные действия?». Я сказал ему, что непосредственно ответственность за это лежит на Цяо Ши, члене Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, отвечавшем за безопасность... (С. 6)

На самом деле к утру 20 апреля большинство студентов уже покинули часть улицы перед воротами Синьхуамэнь. Тех, кто оставался, полиция посадила в автобусы, которые и развезли их по учебным заведениям.

Таким было положение со студенческими демонстрациями перед тем, как я отправился с визитом в КНДР, а также политика Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК в это время. (С. 7)

Что следует из этих высказываний Чжао Цзыяна?

Чжао Цзыян одобрял политическую деятельность Ху Яобана.

В первую очередь Ху Яобана и Чжао Цзыяна объединяло несогласие с внутренней политикой Мао Цзэдуна, с осуществлявшимися им политическими кампаниями по принципу «классовой борьбы» «острием против острия», то есть борьбы против тех, кого Мао Цзэдун приказывал считать смертельными врагами, а, следовательно, не видеть в них людей, подвергать их всяческому издевательству, оскорблениям, всяческим пыткам, прежде чем осуществлять их физическое уничтожение, или доведение их до самоубийства.

Именно протест против бесчеловечности Мао Цзэдуна объединял Ху Яобана и Чжао Цзыяна.

Этот же протест был присущ настроением студентов, вышедших на демонстрации в апреле 1989 г.

Чжао Цзыян полностью одобрял действия Ху Яобана, который осуществил по всей стране кампанию реабилитации, восстановления доброго имени всех тех, кто пострадал во время упомянутых массовых политических кампаний Мао Цзэдуна: от «борьбы против правых» до «культурной революции».

И это объединяло Ху Яобана, Чжао Цзыяна и молодежь, которая вышла на демонстрации.

Далее, Ху Яобана, Чжао Цзыяна и демонстрантов в Пекине в 1989 г. объединяло общее выступление за осуществление реформ в Китае.

Наконец, все они со всей решительностью выступали против коррупции. При этом ни Ху Яобан, ни Чжао Цзыян, ни члены их семей ни в малейшей

степени не были «замараны» участием в коррупции. Ху Яобан и Чжао Цзыян были теми, кто в истории Китая именовались «чистыми чиновниками», «благородными мужами, то есть высоконравственными людьми.

Итак, Ху Яобана, Чжао Цзыяна и прогрессивную часть населения Китая объединяло отвращение к политике Мао Цзэдуна, к коррупции и настрою на необходимость реформ.

И это было тем, что создавало их противостояние с частью «старейшин» партии, причем настолько влиятельных, что они держали в своих руках и силовые структуры, и партийный аппарат.

Эти силы, во главе с Дэн Сяопином, стремились сохранять имя и дело Мао Цзэдуна. Они лишь провозглашали лозунг борьбы против коррупции, фактически не ведя борьбы против нее должным образом. Они также лишь весьма ограничено продвигались по пути реформ, исходя из желания не допускать изменения политической системы, созданной при правлении Мао Цзэдуна.

Вот в чем была суть противостояния и столкновения в 1989 году.

Чжао Цзыян был не согласен с Дэн Сяопином и согласен с Ху Яобаном в вопросе о свободе в Китае. Ху Яобан и Чжао Цзыян выступали за свободу для китайцев. Дэн Сяопин выступал против свободы для китайцев. Он наклеил ярлык «буржуазной либерализации» на понятие свободы. Так Дэн Сяопин в свое время, и придавая этому свою форму, продолжал «классовую борьбу» Мао Цзэдуна, навязывал партии и народу классовый подход к вопросу о свободе.

Чжао Цзыян был не согласен с методами, с помощью которых Дэн Сяопин решал дела внутри партии, решал судьбы руководителей партии, прежде всего, судьбу Ху Яобана. И в этом вопросе разошлись мнения Чжао Цзыяна и части китайского общества и Дэн Сяопина и тех «старейшин» партии, которые его поддерживали. Дэн Сяопин продолжал практику Мао Цзэдуна, самовластно, не имея на то не только фактических оснований, но даже формальных оснований, производил перемены в составе руководства партии.

Сам процесс отстранения Ху Яобана от власти свидетельствовал о стремлении Дэн Сяопина продолжать политическую практику самовластия, присущую Мао Цзэдуну. В этом Дэн Сяопин был продолжателем политики Мао Цзэдуна. И это было неприемлемо для Чжао Цзыяна. Это было неприемлемо и для молодежи, вышедшей на демонстрации в 1989 г. в Пекине.

Еще одной причиной возникновения противостояния в Пекине в 1989 г. было то, что Чжао Цзыян, его сторонники в аппарате партии, а также демонстранты в Пекине, так или иначе, выражали своей протест против фактической остановки реформ в КНР в 1988 году.

В 1987 г. на XIII съезде партии Чжао Цзыяну удалось добиться принятия партией курса на реформы, причем и на продолжение реформ в сфере

экономики, и на начало и развертывание реформ в сфере внутривнутриполитической жизни.

Однако, из-за того, что Дэн Сяопин и те, кто поддерживал его, создали тормоз на пути реформ в обеих указанных областях, реформы фактически остановились или не начинались.

Именно требование продолжения реформ было фактически требованием Чжао Цзыяна и демонстрантов в Пекине. Именно отношение к реформам и разделило Чжао Цзыяна и Дэн Сяопина, а также стоявшие за каждым из них политические силы в стране.

Чжао Цзыян был за выражение траура по Ху Яобану. В этом находило свое выражение единое отношение к реформам, к Мао Цзэдуна в Китае. Дэн Сяопин и его приверженцы были против траура по Ху Яобану. Они считали своим кумиром Мао Цзэдуна. Они полагали, что Ху Яобан пошел против Мао Цзэдуна. Для них Ху Яобан, да и Чжао Цзыян, были противниками Мао Цзэдуна и его политического курса. Реформы, за которые ратовали Ху Яобан и Чжао Цзыян, они рассматривали как действия, направленные на то, чтобы полностью отвергнуть политику Мао Цзэдуна, чего они не хотели допустить.

После похорон Ху Яобана Чжао Цзыян выступал за диалог со студентами, за свободное выражение людьми в ходе этого диалога своих мнений, против применения насилия по отношению к студентам.

Фактически, заняв такую позицию, Чжао Цзыян открывал путь к реальным политическим реформам в КНР.

Для Дэн Сяопина возникла ситуация, при которой он сам не желал допустить ничего из того, что предлагал Чжао Цзыян. Он не был согласен с переходом на практике к реформам в сфере политической жизни.

В то же время перед Дэн Сяопином возникли два препятствия.

Первое препятствие – это позиция генерального секретаря ЦК КПК Чжао Цзыяна.

Второе препятствие – это демонстрации интеллектуалов и молодежи, главным образом, на площади Тяньаньмэнь в Пекине.

Дэн Сяопин не желал допустить осуществления того, за что ратовали Чжао Цзыян и демонстранты в Пекине по той причине, что все это представлялось ему угрозой для продолжения существования КПК и КНР. По сути дела, это была угроза положению у власти Дэн Сяопина, его приверженцев среди «старейшин» партии, значительной части номенклатуры партии. По этой причине Дэн Сяопин и был готов убивать столько китайцев, сколько понадобится, ради сохранения у власти себя и своих приверженцев.

Действительно, для государств, где правящими были или остаются коммунистические партии, рано или поздно встает вопрос о том, что прежняя или существующая политическая, экономическая система не только не эффективна, но и не обеспечивает стабильность, не обеспечивает прочное положение компартии у власти в стране.

Из этой ситуации есть два выхода.

Либо идти на преобразования, пытаться осуществить их мирным путем и добиться появления в стране демократии и рыночной экономики.

Либо сохранять политическую систему, допуская определенные изменения в структуре экономической жизни.

В первом случае речь идет о необходимой людям свободе экономической и политической жизни.

Во втором случае о предоставлении людям ограниченных свобод в экономической жизни, но при отсутствии политических свобод.

Дэн Сяопин твердо выступал за второй путь.

Из этого следовала необходимость, с его точки зрения, устранения Чжао Цзыяна с поста генерального секретаря ЦК КПК, и подавление силой демонстраций в Пекине.

События развивались одновременно и на «первой линии» и на «второй линии» или за кулисами.

На «первой линии» Чжао Цзыян предложил разумный курс действий, курс на диалог с демонстрантами. В руководстве партии никто открыто не возражал против этого. Так Дэн Сяопин путем интриг «успокоил» и, может быть, даже несколько дезориентировал Чжао Цзыяна.

Однако Дэн Сяопин использовал отсутствие Чжао Цзыяна в Пекине, его поездку в КНДР, а также то, что в эти дни обязанности руководителя повседневной работы ПК ПБ ЦК КПК исполнял приверженец Дэн Сяопина премьер Госсовета Ли Пэн.

Используя все эти обстоятельства, удалось опубликовать в «Жэньминь жибао» 26 апреля 1989 г. оценку студенческих демонстраций как направленных якобы «против партии, против социализма». Это была оценка, для которой не было никаких фактических обоснований.

Однако с ее помощью Дэн Сяопин поставил не только студентов, но и призывавшего к диалогу с ними Чжао Цзыяна, в положение обвиняемых в том, что они либо являются классовыми врагами, либо действуют в интересах классовых врагов.

Чжао Цзыян далее рассуждает следующим образом:

Поэтому возникает вопрос о том, почему студенческие демонстрации впоследствии превратились в такой беспорядок?

Суть вопроса – события 26 апреля 1989 г., появление упомянутой редакционной статьи газеты «Жэньминь жибао».

Студенты испытывали недовольство, которое они, так или иначе, должны были выразить. Если бы они не вышли на демонстрации тогда, они вышли бы на них позднее. Они действительно были недовольны!

Однако масштабы демонстраций, тот беспорядок, в который они превратились, и ответ на вопрос, почему так произошло, сводится к результатам появления редакционной статьи, напечатанной 26 апреля 1989 г.

в газете «Жэньминь жибао». Ситуация до появления этой статьи, и ситуация после появления этой статьи, была разная. Если бы были приняты правильные меры, чтобы разрешить ситуацию, не было бы таких последствий (результатов). (С. 8)

Я посетил Дэн Сяопина 19 апреля с тем, чтобы обсудить мой визит в КНДР, чтобы поговорить с ним о студенческих демонстрациях и рассказать ему о том, как, на мой взгляд, можно было урегулировать положение. Тогда Дэн Сяопин поддержал меня. Но события приняли странный оборот впоследствии.

Вечером того дня, когда я выехал из Пекина, Ли Симин и Чэнь Ситун из комитета КПК города Пекина попросили председателя ПК ВСНП Вань Ли созвать заседание Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК для того, чтобы выслушать их доклад. Вань Ли попался на их удочку. (Вань Ли и я были полностью согласны во взглядах на протесты студентов.) Вань Ли адресовал их просьбу Ли Пэну, поскольку Ли Пэн временно руководил работой ПК ПБ ЦК КПК, пока я находился за границей. На следующий день вечером Ли Пэн созвал заседание ПК ПБ ЦК КПК.

На заседании, которое вел Ли Пэн, Ли Симин и Чэнь Ситун представили студенческие демонстрации как угрожающую ситуацию.

Они игнорировали тот факт, что студенческие демонстрации уже успокаивались, пошли на спад. Фактически студенты начали расходиться во мнениях.

Некоторые студенты считали (верили), что они должны вернуться в аудитории, и уже сделали это, в то время как меньшинство возражало против возвращения к учебе. Внутренние трения становились явными в некоторых вузах. Некоторые студенты попытались вернуться в аудитории, в то время как другие, более экстремистки настроенные, заблокировали вход в аудитории, чтобы не дать им вернуться туда. Это показывало, что некоторые студенты полагали, что действия, которые они предпринимали, не удовлетворяли их полностью в том, чтобы выразить свой гнев. И если бы были приняты меры с тем, чтобы снизить напряженность, вести диалог, и дать студентам возможность внести предложения, высказать некоторые рациональные просьбы, это был тот момент, когда это можно было сделать.

Однако в своем докладе Ли Симин и Чэнь Ситун дошли до того, что заявили: «Демонстрации всекитайского масштаба, с участием студентов вузов и рабочих, были организованы и подстрекались». Они также утверждали в этом докладе, что «студенты университетов в Пекине разослали связанных по всей стране; они также собирают деньги на улицах, готовя действия еще больших масштабов». Они приводили, осуждая их, экстремистские мнения нескольких студентов, в особенности, высказывания, направленные прямо против Дэн Сяопина. Они характеризовали демонстрации как оппозицию Коммунистической партии и имеющие своей целью лично Дэн Сяопина.

С началом реформ студенты, особенно студенты университетских колледжей, познакомились со многими вещами на Западе. (С. 9)

Критические замечания в адрес политических лидеров делались время от времени и считались не имеющими последствий; напряженная обстановка страха, которая существовала во время великой культурной революции и раньше, больше не существовала. (С. 10)

Многие из этих студентов направляли острие своих ремарок против меня. Например, обвиняли моих детей в занятии бизнесом с использованием административного ресурса, или заявляли, что составы с удобрениями направляются в мой родной город.

Здесь с все большей очевидностью проявляются характерные черты политических действий Чжао Цзыяна, с одной стороны, и Дэн Сяопина и его приверженцев, с другой стороны.

Чжао Цзыян стремился к тому, чтобы в стране исчез страх, созданный в особенности во время «культурной революции». Он исходил из того, что настроения недовольства в стране объективно существуют, и, так или иначе, рано или позже, будут проявляться. Вопросы, которые поднимают люди, необходимо открыто и широко обсуждать, принимая соответствующие меры для удовлетворения разумных требований народа.

Дэн Сяопин и прочие исходили исключительно из желания самим удержаться у власти. Поэтому они обвиняли тех, кто ставит новые вопросы, в «классовой враждебности», в стремлении выступать «против партии, против социализма». При этом они играли на настроениях Дэн Сяопина, намекая на то, что речь идет о выступлениях против него лично.

Так для Чжао Цзыяна речь шла о ситуации в стране и о необходимости реформ, а для Дэн Сяопина о том, как любыми путями, даже пролив кровь, удержать свою власть над Китаем.

* * *

Воспоминания Чжао Цзыяна дают возможность прикоснуться к течению мыслей этого человека.

Когда в события вовлечены сотни тысяч людей, совершенно невозможно избежать экстремистских и односторонних высказываний. Дело представлялось чрезвычайно серьезным и мрачным, если бы вы выбрали с десятков, и ограничились десятком, наиболее экстремистских заявлений, сделанных теми, кто был вовлечен в происходящие события. При этом я не был уверен в том, что именно стояло за поведением Ли Симины и Чэнь Ситуня; то ли тут продолжал оказывать свое воздействие старый менталитет классовой борьбы, то ли у них были иные внутренние побуждения. Студенческие демонстрации были расценены как «организованная и тщательно спланированная путем заговора политическая борьба».

И именно такая формулировка и была внесена в документы заседания (ПК ПБ ЦК КПК). Ли Пэн, Ли Симин, и Чэнь Ситун в первую очередь несут ответственность за это.

Вот подход разумного человека, руководителя правящей партии в Китае. Он исходил из того, что в его стране руководителю приходится иметь дело с событиями, в которые вовлечены огромные массы, с настроениями сотен тысяч и миллионов людей. С его точки зрения, политический руководитель несет ответственность за то, чтобы понять преобладающие, общие настроения, а не хвататься за отдельные высказывания, которые можно трактовать в удобном для себя смысле.

Чжао Цзыян считал менталитет времен правления Мао Цзэдуна старым менталитетом классовой борьбы.

Из этого следует, что ему претил такой менталитет. Из этого можно сделать вывод о том, что внутри Коммунистической партии Китая и при правлении Мао Цзэдуна, и в любые периоды ее существования, могли находиться люди, которые постепенно понимали, и все более глубоко осознавали, вредоносность для людей, для народа менталитета классовой борьбы. Думается, что эти мысли созревали у Чжао Цзыяна в особенности уже после того, как КПК пришла к власти в Китае, то есть в годы КНР.

Да – классовой борьбе в период борьбы за власть. Нет – классовой борьбе после прихода к власти. Думается, что именно в этом было существенное отличие взглядов Чжао Цзыяна и таких, как он, от взглядов Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина и таких, как они.

Чжао Цзыян был за новое мышление, мышление, которое исключало классовую борьбу внутри страны.

Чжао Цзыян понимал, что старое мышление складывалось, или могло складываться, из двух частей.

Из «теории», то есть из ссылок на «классовую борьбу».

И из практики политической жизни, которая, с этой точки зрения, состояла в политических заговорах.

Дэн Сяопин и его приверженцы времен событий 4 июня 1989 г. исходили в своих мыслях и практической деятельности из того, что не должно доверять никому. Должно везде видеть заговоры против себя, которые объявлялись политическими заговорами, выражением «классовой борьбы».

Политикам с новыми взглядами, таким, как Ху Яобан и Чжао Цзыян, приходилось жить и действовать в «окружении» именно таких политиков со старым мышлением, которые, к несчастью для людей в Китае, составляли тогда ту силу внутри партии, которая принимала решения и осуществляла их в опоре на силовые структуры и ведомства, прежде всего, на вооруженные силы и аппарат общественной или государственной безопасности.

Именно такого рода «старейшины» политического режима и вооруженные исполнители их воли из армии и государственной безопасности и

являлись тогда главным препятствием на пути Китая и китайцев к политическим свободам и свободной экономической деятельности.

Чжао Цзыян прямо возложил ответственность за то, что произошло в 1989 году на тех, кто характеризовал студенческие демонстрации как «организованную и тщательно спланированную путем заговора политическую борьбу».

Заговорами тогда занимались Дэн Сяопин и его сторонники. Они действовали при этом как последователи Мао Цзэдуна. Заговорами не занимались ни Ху Яобан, ни Чжао Цзыян.

25 апреля Ли Пэн и (председатель КНР) Ян Шанкунь доложили Дэн Сяопину о заседании Постоянного комитета. Дэн Сяопин всегда отдавал предпочтение жестким мерам, когда речь шла о студенческих демонстрациях, потому что он был убежден, что демонстрации подрывают стабильность. Выслушав их доклад, Дэн немедленно согласился наклеить на студенческие демонстрации ярлык «антипартийного, антисоциалистического бунта», и предложил покончить с ситуацией быстро, в духе «отсечения гнойника острым ножом». Когда я посетил его 19 апреля, он согласился с моим мнением. 25 апреля, будучи информирован Ли Пэном и Ян Шанкунем, он изменил свой взгляд, согласившись с их выводами. В конце концов, это совпадало в большей степени с тем, во что он верил всегда.

Следовательно, события развивались следующим образом.

После смерти Мао Цзэдуна практически всем тем, кто играл ту или иную, но существенную, официальную или теневую, роль в руководстве КПК, стало очевидно, что необходимы те или иные перемены практически во всех областях жизни. Эпоха Мао Цзэдуна закончилась. Началась эпоха без Мао Цзэдуна.

Положение дел сложилось таким образом, что людям, массам, так сказать, обычным людям или простому народу, нужны были исправление последствий эпохи «государственного страха», царившего в КНР при правлении Мао Цзэдуна. Людям были необходимы изменения их материальной жизни, позволявшие повысить крайне низкий ее уровень при правлении Мао.

Для того чтобы осуществлять шаги в этих направлениях, понадобились не просто политические руководители, не запятанные участием в преступлениях Мао Цзэдуна, особенно в преступлениях периода «культурной революции», но те, кто действительно считал необходимым по-новому строить политическую и экономическую жизнь в стране, не будучи скован ни старым мышлением времен Мао Цзэдуна, ни его взглядами и указаниями. Такие люди требовались народу, и они появились. Это были, прежде всего, Ху Яобан и Чжао Цзыян.

В то же время партия, высший эшелон партийной номенклатуры, пе-

режил Мао Цзэдуна и остался прежним. Он, скрепя сердце, соглашался с необходимостью и неизбежностью каких-то реформ, но не хотел упускать власть из своих рук.

А сохранять власть, как ему представлялось, да и в существенной степени, так оно и было, можно было только при условии сохранения в неприкосновенности утверждения о Мао Цзэдуна как о непогрешимом вожде, у которого ошибки составляли всего лишь «тридцать процентов», и о его основном политическом курсе как о совершенно правильном курсе, а также при условии сохранения, в первую очередь, и в особенности, в неприкосновенности политического строя, политической системы, политического режима, созданного при Мао Цзэдуна.

Так, к концу 1980-х гг., накопились противоречия между чаяниями народа, а также той частью руководителей, которые стремились действовать, идя навстречу этим чаяниям, и тем слоем партийной номенклатуры, которая прочно держала в руках рычаги власти и не допускала осуществления тех чаяний народа, которые угрожали стабильности существующей власти, то есть положению номенклатуры у власти.

Таким образом, столкновение, противостояние было неизбежным.

На практике оно произошло в тот момент, когда из жизни ушел один из сторонников реформ Ху Яобан, когда молодежь и интеллектуалы в Пекине, в ряде больших городов, предпринимали те или иные шаги, выступали с требованиями начала политических и продолжения экономических реформ. Эти шаги показались старой номенклатуре во главе с теневым «хозяином партии» Дэн Сяопином угрожавшими их власти.

Поэтому Дэн Сяопин, думается, совершенно сознательно, пошел на обман, обещая Чжао Цзыяну поддержать его шаги в создавшейся обстановке. Дэн Сяопин, следуя за Мао Цзэдуном, применял в тактике своих действий такой прием, как нарушение данного им слова.

На самом деле, дав 19 апреля слово Чжао Цзыяну поддерживать его курс на мирное решение возникших вопросов, Дэн Сяопин, в отсутствие Чжао Цзыяна в Пекине, 25 апреля вызвал к себе главу правительства Ли Пэна, который формально имел право вводить военное положение, и председателя КНР Ян Шанкуня, который имел возможность через свои родственные связи воздействовать на вооруженные силы, заставить их выполнять приказ о введении военного положения, и принял решение вести дело к тому, чтобы «отсечь гнойник острым ножом».

Впоследствии Чжао Цзыян полагал, что решение Дэн Сяопина было для него вполне естественным, как раз потому, что «это совпадало в большей степени со всем тем, во что он верил всегда». Это означало, что Чжао Цзыян был решительно не согласен с Мао Цзэдуном и Дэн Сяопином, которые всегда предпочитали в борьбе за власть пользоваться «острым ножом». Здесь столкнулись бесчеловечность Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина и человечность Чжао Цзыяна.

Предполагалось, что обсуждение вопроса Дэном с Ли Пэном и другими 25 апреля останется внутренним делом (руководства партии). Однако Ли Пэн решил распространить содержание замечаний Дэна тогда же вечером для сведения кадровых работников партии на всех уровнях, и перефразировал их беседу в форме редакционной статьи, которую он опубликовал в газете «Жэньминь жибао» 26 апреля. Таким образом, студенческие демонстрации были публично названы «заранее подготовленным и организованным бунтом антипартийной и антисоциалистической направленности».

Перед моей поездкой в Северную Корею ни Ли Пэн, ни руководители Пекина не упоминали об этих своих взглядах в беседах со мной. (С. 10) Немедленно после моего отлета из Пекина они созвали заседание ПК ПБ ЦК КПК и получили поддержку со стороны Дэн Сяопина. (С. 10–11) Так сформировалась позиция, которая представляла собой отход от предшествующей позиции и принципов, которые были одобрены Постоянным комитетом.

Дэн не был доволен тем, как Ли Пэн сделал его замечания публичными. Дети Дэна также были недовольны тем, что Дэн был поставлен в положение прямой конфронтации с обществом. Когда я готовил выступление по случаю годовщины движения 4 мая (1919 года), Маомао (дочь Дэна) предложила Бао Туну (советнику Чжао Цзыяна), который готовил проект текста этого выступления, включить в речь упоминание о том, как сильно Дэн любил и защищал молодежь.

Позднее, 17 мая во время заседания в доме Дэна, где и было принято решение о введении военного положения, Дэн потребовал от Ли Пэна: «Не повторяй больше того, что ты сделал ранее; не раскрывай того, что я принял решение о введении военного положения!». Ли Пэн несколько раз сказал: «Не буду! Я не буду!».

Чжао Цзыян предлагает в какой-то степени сочувствовать Дэн Сяопину.

Однако если основываться исключительно на фактах, становится очевидно, что Дэн Сяопин пошел на обман Чжао Цзыяна, на закулисные интриги у него за спиной. На практике Дэн Сяопин, скорее всего, принял решение о подавлении демонстраций еще в третьей декаде апреля, то есть более чем за месяц до событий 4 июня 1989 г., и постепенно вел дело к подавлению демонстраций в Пекине. При этом он создавал завесу обмана и Чжао Цзыяна, и студентов. Через своих родственников Дэн Сяопин предлагал включить в речь Чжао Цзыяна упоминание о том, как он, Дэн, дескать, любил и защищал молодежь. Мао Цзэдун, а за ним Дэн Сяопин, стремились внушать молодежи, что именно они являются ее защитниками, что они с любовью относятся к молодежи. На самом деле они либо использовали молодежь в целях борьбы за власть, удержания власти в своих руках, либо жестоко расправлялись с молодежью, когда она оказывалась не нужной им.

Дэн также, сам приняв решение о введении военного положения, то есть о пролитии крови молодежи на площадях и улицах Пекина, приказывал Ли Пэну «не раскрывать (для людей в Китае, для партии) того, что я принял решение о введении военного положения».

Было совершенно ясно, что кое-кто попытался использовать экстремистские высказывания студентов с тем, чтобы накалить ситуацию и подтолкнуть власти к прямой конфронтации. Принимая во внимание осуществление реформ, не должно было раздувать значение того, что студенты критиковали лидеров. Ведь это было всего-навсего выражение разочарования, и не было вызовом всей нашей политической системе.

Чжао Цзыян исходил из того, что для народа Китая главное в то время было в том, чтобы продолжалось осуществление политики реформ и открытости. Эта политика давала надежду на осуществление чаяний народа.

В этой обстановке вопрос о критике того или иного лидера представлял второстепенным. Во всяком случае отношение к такого рода критике не должно было перевешивать намерения продолжать осуществлять реформы.

Чжао Цзыян при этом ставил в равное положение всех лидеров партии. С его точки зрения, критика любого из них была возможна, и реагировать на нее следовало, не выпячивая свои личные амбиции.

При этом Чжао Цзыян считал, что критика лидеров, в том числе Дэн Сяопина, была в тот момент проявлением разочарования их действиями или их недействием, результатами их политики, но не была «вызовом всей нашей политической системе».

Иными словами, Чжао Цзыян полагал, что у Дэн Сяопина не было никаких оснований приравнять себя к партии и государству (к КПК и КНР), а следовало допускать критику в свой адрес. Более того, из всего этого следовало, что с точки зрения Чжао Цзыяна, в партии и в государстве не должно было быть такого положения, при котором Дэн Сяопин оставался бы вне критики, в положении теневого «хозяина партии», верховного правителя, и, кстати сказать, верховного главнокомандующего, которого запрещается критиковать.

Для Чжао Цзыяна Мао Цзэдун, Дэн Сяопин были такими же людьми, как и все остальные, если говорить об их правах, и в то же время их положение в аппарате власти предъявляло к ним требования нести ответственность за то, как они распоряжались властью и употребляли власть.

Здесь и проявлялось противоречие между Чжао Цзыяном и Дэн Сяопином. Чжао Цзыян полагал, что власть должна нести ответственность перед законом, что закон выше партии, выше личной власти. Дэн Сяопин считал, что он выше закона, что он выше критики, что у него должна быть личная верховная власть, власть без ответственности за принимаемые решения. Дэн Сяопин стремился скрывать от народа свои решения, когда он чувствовал, что они вызовут возмущение в Китае

Однако специально отобразить все, что являлось персональной критикой (в его адрес) и зачитать это вслух самому Дэну было огромным оскорблением для старого человека. Эти люди отобрали отдельные крайние высказывания очень небольшого числа студентов и подали их как главное направление движения, которое, как они утверждали, было направлено специально против Дэн Сяопина лично. Дэн же имел тенденцию к тому, чтобы думать в определенном направлении. Такой подход сформировался у него на протяжении тех лет, когда классовая борьба была первой целью. Поэтому, как только он услышал доклад Ли Пэна, он и отреагировал соответственно. Боюсь, что именно это и было одной из главных причин его решения.

Вот объяснение, с точки зрения Чжао Цзыяна, поведения Дэн Сяопина. Чжао Цзыян исходил из того, что действовать приходилось в условиях своего времени, жить среди людей своего времени. К Дэн Сяопину приходилось приспосабливаться. Понимать его настроения. Понимать, что у кого-то есть возможность пользоваться настроениями Дэн Сяопина.

В то же время Чжао Цзыян не был согласен ни с линией поведения Дэн Сяопина, ни с действиями тех людей в партии, которые играли на настроениях Дэн Сяопина.

Главное для Чжао Цзыяна здесь было в том, что в партии на протяжении многих лет, при правлении Мао Цзэдуна, под воздействием Мао Цзэдуна, который и несет ответственность за это, сформировалась устойчивая тенденция думать в том направлении, что классовая борьба была первой целью.

Это, в частности, означает, что уже после того, как КПК официально отвергла классовую борьбу как основу политики партии, Дэн Сяопин и многие, такие как он, по своим настроениям и убеждениям функционеры в партии продолжали исходить из того, что классовая борьба была первой целью.

За словами классовая борьба у них при этом скрывалась борьба за сохранение личной власти, за уничтожение всего того и всех тех, в ком они видели угрозу своей личной власти. Они прикрывались при этом еще и термином стабильность. Однако эта их стабильность не была стабильностью в обществе, а прочностью их собственного положения у власти.

Чжао Цзыян отвергал такую позицию Дэн Сяопина и его приверженцев. Он считал, что народу в то время нужно было продолжение реформ. Что ситуация в обществе не угрожала положению КПК у власти. Недовольство людей Дэн Сяопином или другими функционерами внутри партии, во властном партийно-государственном аппарате было вызвано, главным образом их неспособностью или нежеланием реально бороться с процессом маркетизации власти, сращением властных и предпринимательских структур, разложением чиновничества, с коррупцией и взяточничеством.

К этому добавлялось недовольство разрывом в материальном положении подавляющего большинства людей и партийной номенклатуры.

Наконец, китайское общество, его представители, в то время интеллектуалы и молодежь, требовали контроля над партийными и государственными чиновниками со стороны народа, прозрачности, диалога, свободы слова, демократии.

Чжао Цзыян считал, что можно идти навстречу этим предложениям, осуществляя разумную политику.

Дэн Сяопин и его приверженцы были против движения в этом направлении.

Когда я был в Северной Корее, протокольная запись заседания Постоянного комитета от 24 апреля и ремарки Дэн Сяопина пришли ко мне через посольство. Я ответил телеграммой: «Я полностью согласен с решением товарища Дэн Сяопина относительно политики в отношении нынешних беспорядков». (С. 11)

Когда я получил эти документы, я должен был ответить, и я ни в коем случае не мог выражать несогласие, потому что я был за границей и не имел непосредственной возможности знать, что происходило дома. (С. 11–12) Однако я не выразил своего отношения к протокольной записи заседания Постоянного комитета. Читая ремарки Дэн Сяопина, я не думал, что против студентов будут приняты какие-либо немедленные меры. Моя первая мысль состояла в том, что возможно начало новой кампании против либерализма, возможно даже в еще более широких масштабах, чем ранее (мне не пришло в голову, что протесты студентов не утихнут, потому что я не думал о них, как о главной проблеме). Новая кампания могла бы нанести вред тому движению, которое приобрели реформы, начиная с XIII съезда КПК, состоявшегося в октябре-ноябре 1987 года, особенно в области политических реформ. И все это из-за того, что Дэн был убежден в том, что студенческие демонстрации были долгосрочным результатом отсутствия осуществления кампании борьбы против буржуазной либерализации.

Каждый политик живет в мире своих представлений о происходящем. Свой мир был у Чжао Цзыяна. Свой мир был у Дэн Сяопина.

Для Чжао Цзыяна главное было в том, чтобы действовать в интересах людей, а это означало осуществление и продолжение, углубление реформ. При этом он находился под впечатлением успехов съезда партии, который состоялся в 1987 году, и на котором ему удалось в отчетном докладе определить и линию на политические реформы.

Иными словами, Чжао Цзыян имел основания исходить из того, что Дэн Сяопин, все «старейшины» партии, вся партия официально утвердила линию на последовательное продолжение реформ в экономике и на начало реформ в области политической жизни в стране.

Однако все дело было в том, что это, так сказать, внешнее непротивление курсу на реформы, было обманом, возможно намеренным обманом, с целью притупить бдительность Чжао Цзыяна и других сторонников реформ.

Чжао Цзыян также полагал, что движение студентов можно успокоить, особенно пойдя на диалог с ними.

Дэн Сяопин жил в ином мире. Для него главное было в том, чтобы удерживать власть в своих руках. Из этого следовало, что надо было решать некоторые экономические вопросы, чем он и позволял заниматься Чжао Цзыяну.

Однако Дэн Сяопин считал, что после смерти Мао Цзэдуна главная борьба внутри партии и общества в Китае идет между теми, кто выступает за «буржуазную либерализацию» и теми, кто борется против «буржуазной либерализации». Для него классовая борьба после смерти Мао Цзэдуна обернулась, главным образом, такой своей ипостасью, как борьба против либерализма, против свободы и прав человека.

Все это он считал и называл «буржуазной либерализацией». Дэн Сяопин исходил, очевидно, из того, что недопустимы ни малейшие уступки в этом отношении.

Он говорил о том, что не может допустить гибели КПК и КНР, а угрозу им, с его точки зрения, представляло то, что он считал «буржуазной либерализацией».

Поэтому Дэн Сяопин путем интриг устранил Ху Яобана с руководящего поста в партии тогда, когда он стал полагать, что Ху Яобан способен потворствовать тому, что Дэн Сяопин называл «буржуазной либерализацией».

Затем Дэн Сяопин счел, что главную силу «буржуазной либерализации» стало представлять движение студентов. Именно в этой связи Дэн Сяопин и принял решение военной силой подавить это движение.

Наконец, Дэн Сяопин пришел к выводу о том, что «буржуазной либерализации» внутри руководства партии сочувствует и потворствует Чжао Цзыян. Поэтому Дэн Сяопин и взял курс на смещение Чжао Цзыяна с поста генерального секретаря ЦК партии. Причем так же, как и Ху Яобана, то есть путем интриг, а не прямого, в том числе личного, выступления против него на пленуме или на съезде партии.

Смещение с поста генерального секретаря ЦК КПК практически подряд двух пользовавшихся уважением за уход от политического курса Мао Цзэдуна и осуществление курса на реформы политических лидеров – Ху Яобана и Чжао Цзыяна, вкупе с подавлением вооруженной силой на центральной площади Пекина мирных демонстраций с требованиями свободы и демократии, есть основания считать «китайской шоковой терапией со спецификой Дэн Сяопина».

Позиции Чжао Цзыяна и Дэн Сяопина были принципиально несовместимы. В конце апреля – начале мая 1989 года дело пошло к разрыву меж-

ду ними, к расколу руководства партии, а точнее, к насильственному, то есть без проведения съезда партии или пленума ЦК партии, изменению состава руководства партии, избранного на съезде КПК.

Однако после публикации редакционной статьи в «Жэньминь жибао» 26 апреля ситуация немедленно изменилась. И произошла эскалация процесса конфронтации. Студенты были разгневаны тем, что было сказано о них в редакционной статье и обвинениями в их адрес. «Антипартийные», «антисоциалистические» действия, «заговор» – этих слов много лет никто не слышал, поэтому они вызвали громадный взрыв эмоций. Те студенты, которые до тех пор придерживались умеренных взглядов, теперь были вынуждены встать бок о бок с экстремистами.

Чжао Цзыян говорил об эскалации процесса конфронтации. При этом он имел в виду конфронтацию между теми, кто открыто на главной площади столицы страны выступил с требованиями демократии, с осуждением коррупции партийно-государственного чиновничества, и теми, кто не соглашался вступить с ними в диалог, искать компромисс путем обмена мнениями, но вместо этого шел к решению ввести военное положение и подавить такие выступления вооруженной силой.

Очень важным здесь представляется то, что для Чжао Цзыяна было весьма существенным подчеркнуть, что фактически после смерти Мао Цзедуна, то есть с 1976 года, то есть более 10 лет, в КНР много лет никто не слышал таких слов, как: «антипартийные», «антисоциалистические» действия и «заговор».

Это были понятия из политической практики Мао Цзедуна.

Оказалось, что, несмотря на то, что партия, КПК официально еще в 1978 году осудила «классовую борьбу» внутри страны, Дэн Сяопин сохранил в своем сознании эти понятия, эти методы в своем арсенале, и обратился к ним, продолжая политику Мао Цзедуна, в 1989 г.

Требования свободы и демократии внутри Китая по Мао Цзедуна и Дэн Сяопину следовало «срезать острым ножом».

Чжао Цзыян также констатировал, что возрождение политической практики Мао Цзедуна Дэн Сяопином вызвало в Китае громадный взрыв эмоций, сплотило экстремистов и умеренных. Фактически, именно тогда Дэн Сяопин стал ассоциироваться у многих людей в Китае с Мао Цзедуном; а после событий 4 июня 1989 г. они стали считать его «вторым Мао Цзедуном».

Когда я вернулся из Северной Кореи, я пригласил несколько человек из университетов для обмена мнениями. Все они говорили о создавшейся ситуации. Многие были недовольны публикацией редакционной статьи 26 апреля, включая людей в различных правительственных учреждениях. Многие восклицали: «Как же нам положить конец этим вещам?!».

Думается, что и Чжао Цзыян разделял такие настроения и думал о том, «как же нам положить конец этим вещам?», существовавшим при самовластном правлении Мао Цзэдуна, которое в КНР продолжалось с 1949 по 1976 год, то есть 27 лет.

Китайцы устали от Мао Цзэдуна. Многие из них осознали на своих судьбах то, что лозунги, под которыми Мао шел к власти, это одно, а его политика после прихода к власти, это другое.

Можно сказать и по-иному: идеалы, в которые верили люди в КПК, борясь за власть, для многих из них были действительно идеалами; политический режим Мао Цзэдуна, как и режим любой коммунистической партии, который она устанавливает в стране, придя к власти, пытаясь сохранить власть, это другое. В этом нет никаких идеалов. Это противоречит упомянутым идеалам. В этом царит бесчеловечность, как главное содержание политики и режима.

Многие люди пострадали во время многочисленных политических кампаний преследования инакомыслящих, то есть думающих самостоятельно, а не выполняющих, как к этому призывали во время «культурной революции», все указания Мао Цзэдуна, вне зависимости от того, поняли они эти указания, или не поняли их; в ослеплении кричащих: «МАО ЧЖУСИ ВАНЬСУЙ! – Десять тысяч лет Председателю Мао!».

Люди стали мечтать о том времени, когда все это кончится.

Вообще при самовласти Мао Цзэдуна, подобных ему диктаторов, людям приходила в голову мысль о том, что надо ПЕРЕЖИТЬ «хозяйина» людских судеб.

Естественно, что после смерти Мао Цзэдуна у людей появилась возможность хотя бы перевести дух. Многие думали, что «все это кончилось».

Поэтому тогда, когда из уст Дэн Сяопина прозвучали ярлыки «антисоциалистический», «антипартийный», «заговор», люди были вынуждены думать, говорить, а то и взывать: «Когда же все это, наконец, кончится?».

После смерти Мао Цзэдуна китайцы разделились. Часть из них, открыто или в душе, хотела, чтобы был положен конец самовластию одного «хозяйина» или его «слуг», то есть номенклатуры его партии, над судьбами людей в стране. Эти люди хотели, чтобы все люди были равными друг другу. Вот из-за чего начались демонстрации в Пекине в 1989 г.

27 апреля на улицах были десять тысяч демонстрантов. Суровые слова, содержащиеся в редакционной статье, побуждали студентов ощущать, что их действия могут привести к подавлению. Некоторые даже оставляли прощальные письма дома, прежде чем отправиться на демонстрации на улицы.

Из этих слов Чжао Цзыяна есть основания заключить, что уже в конце апреля 1989 года противостояние стало приобретать такой характер, что люди, выходявшие на мирные демонстрации на площади Тяньань-

мэнь, были в душе готовы к тому, что власти Дэн Сяопина будут их бесчеловечно подавлять. По древней китайской традиции некоторые студенты, отправляясь на демонстрации, даже оставляли дома прощальные письма, то есть предупреждали родных о том, что они понимают, что идут на смерть от руки властей Дэн Сяопина. При этом они не поднимали вооруженного восстания и были готовы вести диалог с властями.

Редакционная статья не только возбудила студентов, но и оставила в состоянии неудовлетворения людей в различных правительственных учреждениях, организациях, других политических партиях. Они нашли эту статью неподобающей, и были недовольны или даже разгневаны ею. Они верили, что студенты действовали, исходя из искренней заботы о важных делах страны и о судьбе реформ, и выражали свои взгляды по горячим вопросам, волновавшим общество, всегда исходя из доброй воли и патриотизма. Правительство не только провалилось в деле выражения поддержки или руководства движением студентов, но с помощью составленной в резких словах редакционной статьи встало в оппозицию по отношению к студентам, наклеив им ярлыки «антипартийные» и «антисоциалистические». Реакция со стороны интеллектуалов была особенной критичной.

Итак, возникало противостояние. С одной стороны, были молодежь, студенты, служащие различных учреждений, члены различных политических партий. С другой стороны, Дэн Сяопин, представителем которого выступал премьер Госсовета КНР Ли Пэн. Чжао Цзыян полагал, что диалог между сторонами возможен. При этом он также подчеркивал, что угрозы для партии и государства демонстрации в Пекине не представляли. Наконец, он считал необходимым учитывать мнение интеллектуалов и молодежи, других политических партий. Это была разумная позиция.

Ответ правительства подогрел общественные симпатии и поддержку студентов. Кадры хроники показывали, что там, где шли студенты, толпы людей стояли вдоль улиц, аплодируя им и приветствуя их. (С. 12)

Некоторые даже присоединялись к протестам. Даже полиция, которая стояла цепью, ограждая демонстрации, делала только формальные попытки остановить их, а затем позволяла всем следовать дальше. Некоторые из заграждений на улицах были открыты тогда, когда студенты приближались к ним; дело обстояло так, как если бы никто не собирался останавливать их.

Испуг Дэн Сяопина объяснялся тем, что он продолжал видеть ситуацию в Китае глазами Мао Цзэдуна. А это побуждало Дэн Сяопина подавлять проявление массами населения, в данном случае, прежде всего, столицы КНР, своих требований демократии и обуздания партийной номенклатуры, ее разложения.

Необходимо отметить, что в апреле–мае 1989 г. в КНР имело место такое массовое движение, в ходе которого люди не только выдвигали свои политические требования, но и проявляли свои искренние чувства. Думается, что и с требованиями, и, в особенности, с накопившимися чувствами людей в конечном счете коммунистическим партиям пришлось считаться в других странах, придется считаться и в Китае. К несчастью, в 1989 г. Китаю еще предстояли десятилетия пути, прежде чем власти осознают необходимость идти навстречу чаяниям граждан страны.

Многие кадровые работники старшего поколения проявляли большое беспокойство о студенческих демонстрациях. После появления ремарок Дэн Сяопина они опасались того, что эскалация может привести к кровопролитию. Снова и снова они предупреждали Центральный Комитет, призывая его проявлять сдержанность и избегать применения силы. (Влиятельный старейшина партии) Пэн Чжэнь позвонил прямо в ЦК партии несколько раз, чтобы сказать, что ни при каких обстоятельствах не должно применять силу. Он надеялся, что Центральный Комитет не будет усиливать напряженность.

Очень важной представляется констатация Чжао Цзыяном того факта, что и среди «старейшин» партии имеет место раскол.

В свое время, в 1965 г., первый секретарь парткома Пекина, член ПБ ЦК КПК и фактический заместитель генерального секретаря ЦК партии Пэн Чжэнь публично призывал к осуществлению правила: «Перед законом все люди равны». Начиная «культурную революцию», Мао Цзэдун первый удар нанес по Пэн Чжэню. Его отправили в глухомань. Однако Пэн Чжэнь пережил «культурную революцию», пережил Мао Цзэдуна.

После смерти Мао Цзэдуна Пэн Чжэнь неизменно стремился внедрять верховенство закона в КНР.

Вот и в данном случае, в 1989 г., Пэн Чжэнь несколько раз звонил в ЦК КПК, высказывая свое мнение: ни при каких обстоятельствах не должно применять силу. Он надеялся, что ЦК КПК, то есть Чжао Цзыян, не будет усиливать напряженность. Это была поддержка позиции Чжао Цзыяна.

Характерно, что Пэн Чжэнь обращался в Центральный Комитет партии, а не к Дэн Сяопину или Чэнь Юню.

Это означало, что он продолжал настаивать на принципе равенства всех перед законом и косвенно упрекать Дэн Сяопина за его поведение в партии.

Можно также упомянуть о том, что Вань Ли, который после смерти Мао Цзэдуна вместе с Чжао Цзыяном поддержал движение крестьян за возвращение ими своих семейных земельных наделов, в свое время был заместителем Пэн Чжэня по руководству Пекином, а в первом десятилетии реформ стал председателем ПК ВСНП.

Из слов Чжао Цзыяна также следовало, что раскол в КПК был не только расколом между Чжао Цзыяном и Дэн Сяопином, но и между последователями Мао Цзэдуна, то есть Дэн Сяопином, Ли Пэном и прочими, с одной стороны, и теми, кто стремился и сам освободиться от «наследия» Мао Цзэдуна и способствовать людям Китая в их стремлении освободиться от «наследия» Мао Цзэдуна и дышать свободно. Это был раскол и в партии, и в ее руководстве, и в стране в целом.

Исключением был (старейшина в партии и председатель НПКСК) Ли Сяньнянь, который, услышав о ремарках Дэн Сяопина, позвонил Дэну и сказал: «Мы должны принять решение и быть готовы арестовать сотни тысяч людей!». Я допускаю, что я цитирую не совсем точно. (Другой старейший в партии) Ван Чжэнь также предложил арестовать побольше людей.

Чжао Цзыян ощущал поддержку очень многих людей и в партии, и вне ее. В том числе некоторых старейшин партии.

Он считал исключением из этой общей тенденции позиции Ли Сяньняня и Ван Чжэня. Именно Ли Сяньнянь и Ван Чжэнь вместе с Дэн Сяопином несут ответственность за применение военной силы против мирных демонстрантов, за отказ вступить с ними в диалог.

Дэн Сяопин, Ли Сяньнянь, Ван Чжэнь и такие, как они, оказались на поверку настоящими приверженцами Мао Цзэдуна в том, что касалось вопроса о власти, об их личной власти в стране. С их точки зрения можно и нужно было арестовывать сотни тысяч людей по всей стране.

Поведение Дэн Сяопина в 1989 года, позиция, которую занимали Ли Сяньнянь, Ван Чжэнь, Ли Пэн, Яо Илин и прочие, все это свидетельствовало о том, что «Мао Цзэдун жив», что «дело его живет». Они применяли методы Мао Цзэдуна, руководствовались взглядами и идеями Мао Цзэдуна.

Всему этому противостояли Чжао Цзыян и его сторонники.

Оказавшись лицом к лицу с десятками тысяч демонстрантов и заявлениями всех этих старейших членов партии, те, кто по своему положению должен был что-то делать с демонстрантами, то есть люди из парткома Пекина и Ли Пэн, внезапно оказались в ситуации, когда они не знали, как им поступить. Это, конечно же, было позитивным явлением. Студенты предвидели подавление демонстраций, но когда этого не произошло, они возвратились в свои учебные заведения праздновать свою победу и чувствами большее воодушевление и большее бесстрашие, чем когда бы то ни было.

В ходе событий, в конце апреля 1989 г., проявился характер Дэн Сяопина. Он предпочитал оставаться за сценой. Держать власть в своих руках, но «не высовываться» самому, не подставляться, а создавать ситуа-

цию, при которой можно свалить ответственность при любом, неблагоприятном, повороте событий на других, в частности на премьера ГС КНР Ли Пэна и на первого секретаря парткома КПК Пекина Чэнь Ситуну.

Дэн одобрил характеристику движения студентов. В то же время он не дал тогда указания армии подавить демонстрации. Он, очевидно, надеялся, что это удастся сделать руками пекинских властей и правительства КНР.

Однако ситуация в государствах, где у власти находились или находятся коммунистические партии, в такие кризисные моменты приходит к тому, что тот, кто является теневым «хозяином», должен взять на себя ответственность и отдать лично приказ о применении вооруженной силы. Обычно же оказывается, что эти «теневые хозяева» всячески увиливали от личной ответственности.

Вот и в апреле 1989 года Дэн Сяопин произнес «решительные» слова, а затем спрятался в свою скорлупу, закрыл глаза руками, надеясь, что кто-то решит вопрос.

В результате пекинские власти не применили силу, не имея личного приказа Дэн Сяопина.

Участники демонстраций не были наказаны. Более того, они испытали радость. Они были вдохновлены тем, что власти не стали стрелять в них после заклинаний Дэн Сяопина об «антипартийном», «антисоциалистическом» «заговоре».

Дэн Сяопин оказался тогда «не совсем Мао Цзедуном». Тот бы не колебался.

Так как ремарки Дэна были разосланы в администрацию учебных заведений и редакционная статья была опубликована, многие члены партийных организаций, ректора университетов и преподаватели сначала предприняли значительные усилия с тем, чтобы удержать студентов от демонстраций, призывая их не выходить на улицы города. Когда же студенты вернулись после демонстраций и не пострадали во время них, те, кто их отговаривал, были посрамлены. Им не нравилось думать, что они были дезориентированы. Оказалось, что они действовали, но это была пустышка.

(Мэр Пекина) Чэнь Ситун и многие другие, такие же, как он, разделяли эти чувства. На заседании Постоянного комитета Политбюро 1 мая Чэнь Ситун был полон гневных чувств, представляя доклад от имени парткома Пекина. Он сказал, что администрация учебных заведений чувствует себя так, как будто бы ее просто «продали». Я отверг его замечание и спросил его: «Кто кого продал?».

Здесь речь идет о ситуации внутри КПК и вне ее в конце третьей декады апреля 1989 г.

Чжао Цзыян подводит читателей и слушателей своих воспоминаний

к мысли о том, что в партии и в стране спустя тринадцать лет после смерти Мао Цзэдуна создалась следующая ситуация.

Люди отвыкли слышать от руководителей партии, а это были, прежде всего, в 1980-х гг., Ху Яобан и Чжао Цзыян, разглагольствования о заговорах против партии, против социализма.

Атмосфера в стране стала освобождаться от привычной во времена Мао Цзэдуна подозрительности и настороженности в отношении заговоров «врагов внутренних», выступающих «против социализма», «против партии».

И вдруг Дэн Сяопин, находясь для многих людей «за бамбуковым занавесом», вылез с этим заклинаниями.

Он, имея о себе представление, как о «национальном лидере», а точнее как о «хозяине партии и государства, вооруженных сил» думал, что одного его слова достаточно, чтобы все нагнули головы и признали свою вину. А ведь именно так характеризовали «слово Дэн Сяопина» партийные функционеры. Мне доводилось слышать это от одного из послов КНР в нашей стране в то время.

Оказалось, что страна уже не та. Это было неожиданностью для Дэн Сяопина. Он никак не мог уразуметь, почему же тогда, когда ОН, не кто-нибудь, а ОН, лично произнес обвинения в «заговоре» против «социализма», какие-то молодые люди, студенты, которые еще в 1984 г. шли на демонстрации с плакатом, на котором было написано: «СЯОПИН, НИНЬ ХАО! – Здоровья Вам, Сяопин!», теперь не послушались, не склонили голову и не признали своей вины.

Возможно, что Дэн Сяопин на некоторое время растерялся.

Что же касается конкретных исполнителей его воли, его «слова», то есть партийных функционеров, прежде всего, в Пекине и в столичных вузах, то они были обескуражены. Выражая их мнение, глава парторганизации Пекина Чэнь Ситун и говорил, что все они чувствуют себя так, как будто бы их предали.

Но ведь реально предательство, о котором они говорили, выжалось в том, что Дэн Сяопин тогда сказать-то сказал, но не приказал армии стрелять в людей.

Оказалось, что номенклатура партии без поддержки огнем вооруженных сил КНР с народом ничего поделать не может. Слова Дэн Сяопина оказалось недостаточно. Слово Дэна оказалось не равно слову Мао.

Народ стал освобождаться от страха и от беспрекословного и бездумного подчинения даже намеку, жесту, приказу, слову «хозяина».

В Китае начинало появляться понимание того, что людей следует, прежде всего, выслушивать, а затем вступать с ними в диалог на равных, и принимать меры, учитывая пожелания и чаяния людей. Такую позицию занимал Чжао Цзыян. Не согласен с такой позицией был Дэн Сяопин.

Вот суть ситуации на рубеже апреля и мая 1989 г.

Многочисленные демонстрации 27 апреля прояснили кое-что. (С. 13) Ведь изначальное намерение тех, кто организовал появление редакционной статьи от 26 апреля, состояло в том, чтобы с помощью таких слов, как «антипартийные», «антисоциалистические» сдержат студентов. (С. 13–14) Результат, однако, оказался противоположным: демонстрации стали более мощными. Это показало, что старые методы наклеивания политических ярлыков, которые работали в свое время, теперь уже больше не являются эффективными.

Во-вторых, поскольку ремарки внутреннего характера, сделанные Дэн Сяопином 25 апреля, были широко распространены, студенты сделали вывод о том, что Дэн Сяопин выступил в поддержку редакционной статьи. Тем не менее, они вышли на улицы с протестами, доказывая, что даже символ высшего лидера потерял свою эффективность.

В-третьих, городская администрация Пекина только что выпустила новые правила, регулировавшие демонстрации, согласно которым вводились строгие ограничения и предусматривались контрмеры, но и это было проигнорировано, и новые правила остались клочком бумаги. Даже блокирование с помощью полиции провалилось.

Чжао Цзыян констатировал, что за время, прошедшее после смерти Мао Цзэдуна, а это было время, когда Ху Яобан и Чжао Цзыян, их сторонники много сделали для создания в стране атмосферы, отличающейся от времен правления Мао Цзэдуна, когда началось развитие демократии и активное осуществление реформ, люди в Китае стали уже иными.

Оказалось, что их уже нельзя было запугать словами и политическими ярлыками.

Более того, Чжао Цзыян сделал важный вывод о том, что даже символ высшего лидера потерял свою эффективность. Это означало, что Дэн Сяопине так и не стал новым «ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ МАО», и никто другой не стал им. Это означало изменение отношения и к Мао Цзэдуну, и к любому тому, кто хотел было занять его место «единоличного хозяина» над судьбами людей в Китае.

Наконец, оказалось, что партийные администраторы-чиновники, даже с помощью полиции, не могли усмирять людей.

У Дэн Сяопина, и вообще у всех наследников Мао Цзэдуна, оставалось одно средство удержаться у власти сохранить режим, существовавший при нем: пустить в ход оружие против своего народа.

И когда я принял во внимание все эти обстоятельства после возвращения в Пекин, я понял, что если ситуация будет развиваться без уменьшения напряженности, тогда насильственное решение окажется почти неизбежным. Ситуация в настоящее время была совершенно иной, чем она была до 27 апреля, потому что студенты стали более бесстрашными. Они были убеждены в том, что правительство уже использовало все ме-

тоды, которые были в его распоряжении, и все они оказались не эффективными, оставалось только одно – мобилизовать армию. Но студенты не могли себе и представить, что правительство на самом деле мобилизует армию против них.

Когда я проезжал через Шэньян, возвращаясь из Северной Кореи, мне представили доклад руководителей Шэньяна относительно ремарок Дэн Сяопина. Они выражали сомнения: «Могут ли еще использоваться методы такого рода?» Они сказали мне, что многие люди настроены критически в отношении Дэна, узнав о его ремарках.

Итак, когда я вернулся из поездки в Северную Корею, то ситуация стала более опасной. Широкомасштабное кровопролитие становилось слишком возможным. (С. 14)

Что же показал первый этап развития ситуации, то есть то, что произошло во второй половине апреля 1989 г.?

Прежде всего то, что за первое десятилетие реформ, пусть они были, в основном реформами экономическими, изменилась и политическая обстановка в стране.

Приверженцы и сторонники Мао Цзэдуна, во главе с Дэн Сяопином, на время притихли. Они сохраняли рычаги власти за кулисами, но оказались оторваны от настроений и чаяний народа.

Люди требовали продолжения и углубления реформ. Дэн Сяопин попытался осадить людей с помощью выдвижения «Четырех Основных Принципов» и кампании «борьбы против буржуазной либерализации».

Он добился только одного. Ему удалось путем интриг снять с поста генерального секретаря ЦК КПК Ху Яобана. Однако Дэн Сяопин не мог, даже не был способен по своей натуре, прямо выступить против продолжения и углубления реформ. Дэн Сяопин искал пути к тому, чтобы переломить ситуацию в стране, готовил свой заговор в тайне, плел интриги.

В это время атмосфера в стране продолжала развиваться в сторону усиления требований демократии.

15 апреля 1989 г. внезапно умер Ху Яобан. Он был знаменем борьбы за реформы, за демократию. Массы потребовали отдать дань его памяти. Дэн Сяопин сопротивлялся тому, чтобы должным образом оценить деяния Ху Яобана. Люди в стране, особенно в Пекине, это хорошо почувствовали. Они продолжали демонстрации.

И тогда Дэн Сяопин проявил свою сущность последователя и наследника взглядов и политики Мао Цзэдуна. Он попытался запугать людей одним своим словом.

Оказалось, что это не помогло.

Люди хотели, чтобы в стране имел место диалог, а не монолог одного «хозяина». Так было при Мао Цзэдуне. Оказалось, что это невозможно при Дэн Сяопине в конце 1980-х гг.

Требования людей становились все настойчивее. Дэн Сяопин, несмотря на разумные предложения Чжао Цзыяна, не хотел вступать в диалог, идти на перемены политической структуры, а далее, вероятно, и системы, идти мирным путем.

Становилось ясно, что из этой ситуации есть только два исхода.

Либо диалог, договоренности, мирное решение проблем, ослабление напряженности, продолжение реформ.

Либо кровопролитие, насильственное сохранение режима, созданного при правлении Мао Цзэдуна.

Хорошо зная и Мао Цзэдуна, и Дэн Сяопина, Чжао Цзыян сделал вывод о том, что широкомасштабное кровопролитие становилось «слишком возможным».

ДВА РУКОВОДЯЩИХ ЦЕНТРА

Я уже рассказал о том, как во время моей поездки в Северную Корею линия поведения в отношении студенческих демонстраций была изменена Ли Пэном и другими в стране. Теперь я хотел бы обратиться к вопросу о борьбе между двумя резко противостоявшими один другому подходами к студенческим демонстрациям, которая происходила после моего возвращения из Северной Кореи.

Практически с самого начала студенческих демонстраций в Пекине Чжао Цзыян исходил из того, что эти демонстрации не представляют угрозы положению КПК у власти, так как таких требований никто из демонстрантов не выдвигал.

Далее, исходя из прошлого опыта, Чжао Цзыян считал возможным вступить с демонстрантами в диалог и искать разумный компромисс.

Чжао Цзыян, безусловно, был против подавления демонстраций.

И дело было не только в позиции персонально или только одного человека, Чжао Цзыяна, а и в том, что его авторитет внутри партии был настолько прочен, что его предложения были утверждены в качестве официально принятой позиции Постоянного комитета ПБ ЦК КПК. Это была официальная линия партии.

Вот тогда-то, именно в такой обстановке, когда существовала официальная линия руководства партии, когда эта линия позволяла решать возникавшие вопросы мирным путем, вступив в диалог с демонстрантами, и стало очевидно, что у КПК в то время были «два руководящих центра».

Один руководящий центр – это центр, сформировавшийся во времена правления Мао Цзэдуна. Этот центр видел в демонстрантах врага своей власти, называл демонстрантов «заговорщиками, выступавшими против партии и социализма», то есть «классовыми врагами», а с «классовыми врагами» и разговор с ними, с его точки зрения, мог быть тогда только один: «К стенке!».

Другой руководящий центр появился после смерти Мао Цзэдуна в ответ на чаяния людей, которые больше не желали терпеть взгляды и политику Мао Цзэдуна, которые требовали перемен в сторону демократии и рынка.

Старый руководящий центр, обладая властью над вооруженными силами, в партии и в государстве, держа эту власть в своих руках, был вы-

нужден в первые годы после смерти Мао Цзэдуна допустить возникновение и появление нового руководящего центра, потому что только это позволяло всей партии, в том числе и старому ее центру, который отодвинулся в тень, выжить и сохраниться на политической сцене или за политической сценой.

Новый центр действовал открыто, и не занимался интригами. Линия поведения была предложена Чжао Цзыяном и утверждена на заседании ПК ПБ ЦК КПК.

Прежний центр действовал так, как он привык это делать при правлении Мао Цзэдуна. В отсутствие Чжао Цзыяна в стране, за кулисами официальных руководящих органов партии, был вызван «дух мертвых костей Мао Цзэдуна», то есть произошло, или было инспирировано обращение к Дэн Сяопину, который представлял собой единолично реальную власть, превосходящую по своей силе и значимости официальную власть руководства партии, в том числе ЦК партии, ПБ ЦК, ПК ПБ ЦК, генерально-го секретаря ЦК.

Система единовластия в Китае (воспринятая в КПК из арсенала конфуцианства) при Мао Цзэдуна была облачена в форму поста «председателя ЦК КПК». Во времена Дэн Сяопина это оказалось невозможным. Поэтому существовала тайная от внешнего мира договоренность внутри КПК о том, что окончательное решение по важным вопросам будет принимать Дэн Сяопин.

КПК пришла, таким образом, к признанию принципа подчинения всех и вся воле одного человека, который мог не быть даже членом ЦК партии. Очевидно, что такое обращение приверженцев прежнего режима к Дэн Сяопину могло произойти исключительно в ситуации, когда сам Дэн Сяопин был склонен выступить против официального руководства партии. Возглавить антипартийный заговор, если говорить языком, принятым в КПК при Мао Цзэдуна.

Итак, ЦК КПК принял одно решение. Дэн Сяопин принял противоположное решение. Причем сделал это за спиной у ЦК КПК.

Так обозначились два резко противостоящие один другому подхода к студенческому движению.

Решение Ли Пэна распространить ремарки Дэн Сяопина от 25 апреля и 26 апреля в Пекине и довести их содержание до властей на низовом уровне имело своим результатом много критических замечаний в адрес Дэна. Это по-настоящему расстроило Дэна и его семью. Семья Дэна осуждала Ли Пэна за то, что он выдвинул Дэна на передовую, сам играя роль доброго (или хорошего) парня.

Имея в виду эту ситуацию, а, также учитывая то, что редакционная статья спровоцировала еще более массовые демонстрации 27 апреля и широкую критику, Ли Пэн был вынужден попросить Бао Туна (политичес-

кого секретаря Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК *представить проект редакционной статьи от 29 апреля и просить, чтобы Юань Му (пресс-секретарь Госсовета КНР) и Хэ Дунчан (заместитель министра образования) вступили в диалог со студентами.* (С. 15)

Во время состоявшегося диалога они (Юань Му и Хэ Дунчан) положительно реагировали на многие жалобы студентов, допуская, что многие из целей студентов совпадают с целями Партии и правительства, а, также объясняя, что редакционная статья не была направлена против студентов. Они даже заявили, что 99,9% студентов являются хорошими, и только крайне незначительное меньшинство – это антипартийные и антисоциалистические элементы.

В той номенклатурной среде, которую создавал, формировал Мао Цзэдун, взаимная подозрительность и взаимные упреки стали обычным делом. Вот и в данном случае, приверженцы и последователи Мао Цзэдуна Дэн Сяопин и Ли Пэн, столкнувшись с трудностями, с сопротивлением масс людей на улицах столицы КНР, попытались свалить ответственность друг на друга. Каждый при этом хотел остаться в стороне и не нести ответственность за применение вооруженных сил, хотя с удовольствием одобрил бы «достижения» в этом деле партнера по политической позиции.

Ли Пэн практически спровоцировал Дэн Сяопина на выдачу характеристики движения студентов. При этом он воспользовался реально существовавшими настроениями и мыслями Дэн Сяопина.

Дэн Сяопин хотел при этом представить дело таким образом, что он продолжает сидеть за занавесом, выдает свои оценки, а уж дело Ли Пэна, Чэнь Ситуна и прочих осуществлять его решения на практике, но так, чтобы никакая тень кровопролития не падала на Дэн Сяопина.

Из этих построений ничего не получилось ни у Дэн Сяопина, ни у Ли Пэна. Дело было в том, что они оказались оторваны от настроений очень многих людей в Китае, в данном случае, жителей Пекина.

Они полагали, что все еще продолжают иметь дело с запуганной безропотной массой, которую в страхе держал Мао Цзэдун. Они не поняли, что с физическим исчезновением Мао Цзэдуна исчезает и страх перед его именем, перед теми, кто конкретно осуществляет властные полномочия.

Оказалось, что Ли Пэн на какое-то время был вынужден действовать самостоятельно.

И здесь он отступил, пошел на организацию диалога со студентами. Следовательно, сам по себе, без поддержки Дэн Сяопина, Ли Пэн был слабым политиком.

Из всего этого также следовало, что Дэн колебался, проявлял нерешительность, вовсе не был «вторым Мао Цзэдуном». На то время, пока он колебался, в стране, в Пекине, возникла возможность продолжать демон-

страции. Это также означало, что были возможности вести диалог с демонстрантами.

Это также означало, что была возможность мирного решения проблем.

И это, наконец, означало, что Чжао Цзыян по сути дела был прав, а Дэн Сяопин и Ли Пэн не были правы.

В то же самое время они были крайне озабочены вероятностью опровержения редакционной статьи от 26 апреля; их особенно страшило то, что я не поддержу их действия после своего возвращения. Янь Минфу (заведующий отделом единого фронта ЦК КПК) докладывал мне, что Ли Пэн говорил ему, что если после возвращения я не поддержу редакционную статью от 26 апреля, у него, Ли Пэна, не останется никакого иного выбора, кроме как уйти в отставку. Ли Пэн и Яо Илин (член ПК ПБ ЦК КПК) сговаривались между собой, стремясь побудить меня выразить поддержку. Они неоднократно просили, чтобы я добавлял такие выражения, как «оппозиционный бунт», «оппозиционная буржуазная либерализация» в речь, которую я готовился произнести по случаю годовщины движения 4 мая 1919 года. Когда проект речи был направлен им для комментариев, Ли Пэн и Яо Илин оба просили добавить замечания с осуждением буржуазной либерализации.

Думается, что Дэн Сяопин в глубине души был тверд в следовании политическому курсу Мао Цзэдуна. В то же время для него размах и сила студенческих демонстраций явились, очевидно, полной неожиданностью. Свою роль тут могло играть и совершенно особое отношение в Китае в XX веке к массовым студенческим выступлениям стихийного характера на центральной площади Пекина. Официально КПК до 1989 г. в конечном счете поддерживала такие выступления (1919 года и 1976 года).

Выступить против молодежи, против будущего страны, было не просто для Дэн Сяопина.

Он колебался, узнав о том, что слова, произнесенного им, политического ярлыка, который он наклеил на выступления студентов, оказалось совершенно недостаточно.

Впервые в истории Дэн Сяопин оказался перед ситуацией, когда надо было принимать решение о применении вооруженных сил КПК против народа Китая.

Ли Пэн и Яо Илин были теми двумя из пяти членов ПК ПБ ЦК КПК, которые являлись приверженцами и последователями Мао Цзэдуна, и, следовательно, Дэн Сяопина. (Другие трое членов ПК ПБ ЦК КПК, т. е. Чжао Цзыян, Цяо Ши и Ху Цици, придерживались иной или иных позиций.) Оба они, узнав о нерешительности Дэна, испугались и попытались просить Чжао Цзыяна сжалиться над ними, не разрушать их карьеру, судьбу, политическую жизнь. В частности, принять предложенные ими поправки в текст его выступления по случаю 70-й годовщины движения 4 мая 1919 г.

Таким образом, Дэн Сяопину в момент политического кризиса оказалась присуща нерешительность и стремление прятаться за спины других, не брать на себя ответственность. Ли Пэну и Яо Илиню оказались присущи трусость и двуличие. Они то бежали впереди Дэн Сяопина, то просили Чжао Цзыяна пожалеть их.

В этой обстановке Чжао Цзыян вел себя достойно.

Дальше больше. Из-за широкого распространения ремарок Дэн Сяопина, Дэн чувствовал, что его образу среди молодых людей был нанесен ущерб. Дэн Жун (дочь Дэн Сяопина, также известная под именем Маомао) довела до меня через Бао Туна, что слова о любви и защите Дэн Сяопином молодежи должны быть добавлены в мою речь. При создавшихся обстоятельствах я действительно решил добавить в речь один абзац, посвященный тому, как сильно Дэн любил молодежь и защищал ее.

Открытого противостояния внутри руководства партии в то время еще не было. Чжао Цзыян считал возможным продолжать демонстрировать стране, что и он, и Дэн Сяопин занимают, в принципе, одни и те же позиции. Поэтому он вставил, практически по просьбе Дэн Сяопина, в свою речь по случаю годовщины движения 4 мая 1919 года, слова о том, как сильно Дэн любил молодежь и защищал ее.

Это не была уступка Дэн Сяопину, а шаг навстречу, направленный на то, чтобы создавать условия для постепенного поворота к компромиссам с демонстрантами и к уменьшению напряженности в Пекине путем мирных акций.

Как только я вернулся из Северной Кореи, утром 30 апреля, Ли Пэн, спеша и нервничая, потребовал, чтобы я созвал заседание для того, чтобы я смог услышать доклад парткома города Пекина. Цель его при этом состояла в намерении вынудить меня поддержать те действия, которые они уже осуществили.

1 мая, когда я созвал членов Постоянного комитета, я был уже в курсе сильной реакции против редакционной статьи от 26 апреля. Однако, поскольку я сам знал еще очень мало о том, что реально происходило, а также с той целью, чтобы избежать внезапного поворота в политике, я выразил некое одобрение работы Ли Пэна. по крайней мере, в форме туманного намека.

Однако я подчеркнул, что чрезвычайно важно получить поддержку со стороны главного течения. Мы должны отделять крайне незначительное меньшинство от главного или основного течения и не подталкивать большинство людей на сторону оппозиции. Это означает, что мы не должны сами создавать ситуацию, при которой большая часть людей будет чувствовать, что мы пытаемся подавить ее. (С. 16) И какими бы тут ни

были резоны, мы должны хладнокровно признать тот факт, что взгляд, выраженный в редакционной статье от 26 апреля, намного отличается от взглядов огромного большинства людей, в особенности студентов, интеллектуалов и других политических партий. (С. 16–17) Я указал на необходимость провести широкую серию диалогов. Мы должны были встретиться и выслушать мнения не только студентов, но и преподавателей и рабочих.

Что же касалось определения характера событий, то я подчеркнул, что мы могли бы дать новое объяснение, касающееся того, что было сказано в статье от 26 апреля, показав, что только крайне незначительное меньшинство было фактически антипартийным и антисоциалистическим и толкающим к хаосу. Я надеялся сгладить эффект статьи от 26 апреля. Я также указал на то, что мы должны ратовать за возвращение к занятиям, в аудитории, потому что это было приемлемо для родителей учащихся, для их преподавателей и для большинства людей в обществе. Когда занятия возобновились бы, тогда ситуация могла бы быть стабилизирована, а эмоциональный накал мог бы снизиться. После этого остальные вопросы можно было бы решать в дальнейшем.

После возвращения Чжао Цзыяна из КНДР он по просьбе Ли Пэна 1 мая провел заседание постоянного комитета ПБ ЦК КПК.

Таким образом, власть в ЦК партии, в ПК ПБ ЦК КПК, продолжал прочно держать в своих руках Чжао Цзыян.

Исходя из стремления сохранять единство партийного руководства, Чжао Цзыян одним штрихом намекнул на своего рода одобрение деятельности Ли Пэна во время его отсутствия в стране.

В то же время Чжао Цзыян занял чрезвычайно принципиальную и твердую позицию в отношении ситуации, создавшейся в Пекине и в стране.

С его точки зрения, ЦК КПК следовало исходить из требований и настроений огромного большинства людей в стране.

В этом состояло принципиальное отличие позиции Чжао Цзыяна от позиции Дэн Сяопина и иже с ним. Давно пора было понять, очевидно, считал Чжао Цзыян, что большинство людей в Китае требуют реформ и экономического и политического характера. Чжао Цзыян при этом также уже в то время прекрасно понимал, что остановить это движение людей Китая можно только с помощью большого кровопролития. Поэтому он пытался убеждать Ли Пэна, да и Дэн Сяопина, таким аргументом, что перемены требуют не просто какие-то демонстранты, но большинство людей в Китае.

Студенты, интеллектуалы и большая часть деятелей из других политических партий, с точки зрения Чжао Цзыяна, не были согласны с ярлыками, которые на их движение наклеили Дэн Сяопин, Ли Пэн и прочие.

Чжао Цзыян предложил провести широкую серию встреч и диалогов представителей КПК со студентами, преподавателями и рабочими. Это был реальный мирный путь к взаимопониманию и выработке компромиссных разумных решений.

Чжао Цзыян также предложил сгладить эффект от статьи в «Жэньминь жибао» от 26 апреля, внести поправки в выдвинутые обвинения. Перенести острие критики на «крайне незначительное число» тех, кто был «антипартийным, антисоциалистическим» и «толкающим» людей «к хаосу».

Наконец, Чжао Цзыян предложил добиваться возвращения студентов к занятиям.

Это была разумная и целостная программа урегулирования возникшей напряженности.

Возвратившись из Северной Кореи, я попытался собрать информацию со всех сторон. Прежде всего, я затребовал кадры съемок демонстрации 27 апреля. 2 мая я ответил на просьбы лидеров других политических партий – Фэй Сяотуна, Сунь Цимэна и Лэй Цзеюн созвать заседание для обсуждения вопроса о студенческих демонстрациях. Утром 5 мая я попросил ректора Пекинского университета Дин Шисуня и проректора Пекинского Педагогического университета Сюй Цзялу о встрече. Я попросил их сжато доложить о ситуации в их учебных заведениях и об их соображениях. Во второй половине дня я участвовал в дискуссии, которая была организована ЦК Демократической Лиги Китая для преподавателей вузов – членов их организации.

Собрав информацию и оценив ситуацию, я в еще большей степени уверился в том, что студенческие демонстрации пользуются широкой симпатией во всех слоях общества, и что редакционная статья от 26 апреля и тот метод, который ЦК партии применил в отношении демонстрантов, находились в противоречии с желаниями народа. И если никакие меры не будут приняты для того, чтобы снизить напряженность, вызванную редакционной статьей от 26 апреля, студенты будут продолжать бояться, что они находятся под угрозой наказания, а напряжение будет продолжать сохраняться.

Я также ощущал, что если вопрос о подходе к студенческим демонстрациям будет решен на основе принципов демократии и закона, путем диалога и снижения напряженности, это может стать стимулятором реформ в Китае, включая политические реформы. С другой стороны, если мы будем подавлять демонстрации, проявляя насилие, тогда наверняка будет поднята еще одна, еще более масштабная, кампания борьбы против буржуазной либерализации. (С. 17) Консерваторы смогут добиться отката назад, и программа реформ забуксует или даже будет повернута вспять. (С. 17–18) И тогда история Китая снова пройдет через период зигзага. Два подхода обещали два совершенно разных результата.

Овладев информацией, Чжао Цзыян пришел к выводу, что студенческие демонстрации пользуются широкой поддержкой всех слоев населения, а метод, к которому прибегли Дэн Сяопин и Ли Пэн, находится в противоречии с желаниями народа.

Итак, для Чжао Цзыяна возникшее противостояние было противостоянием желаний народа с методами, применявшимися при правлении Мао Цзэдуна, методами «классовой борьбы».

По мнению Чжао Цзыяна существовали два подхода к студенческим демонстрациям.

Один состоял в том, чтобы подходить к студенческим демонстрациям на основе принципов демократии и закона, путем диалога и снижения напряженности.

С точки зрения Чжао Цзыяна, и это он стремился донести до Дэн Сяопина и других «старейшин» в партии, применение такого метода могло стать стимулятором реформ в Китае, включая политические реформы.

Чжао Цзыян исходил из того, что Дэн Сяопин был заинтересован в продолжении и углублении реформ.

Другой подход состоял в том, чтобы подавлять демонстрации, проявлять насилие, провести еще одну широкую кампанию борьбы против «буржуазной либерализации».

В этом случае консерваторы смогли бы добиться отката назад, того, что программа реформ забуксует или даже будет повернута вспять. История Китая будет снова переживать то, что в КПК именовалось «зигзагом».

Выдвигая эти положения, Чжао Цзыян надеялся убедить такими доводами Дэн Сяопина.

Однако ключ к проблеме был в самом Дэн Сяопине. В то время я надеялся, что он сможет просто дать возможность ситуации расслабиться. Например, сказав, что-нибудь, вроде: «Кажется, что тогда, когда Ли Пэн представил свой доклад, мы излишне отреагировали на ситуацию. И теперь представляется, что студенческие демонстрации вовсе не такая уж сверхважная проблема». Имея возможность работать с кем-нибудь, вроде этого, я мог бы повернуть ситуацию в другую сторону, даже не возлагая никакой ответственности на Дэна. Постоянный комитет Политбюро и я могли бы взять ответственность на себя.

Это совершенно четкое изложение позиции Чжао Цзыяна в этот момент.

Из его слов следует, что он исходил из необходимости иметь дело, прежде всего и главным образом с Дэн Сяопином. В этом смысле противостояние 1989 года было противостоянием Чжао Цзыяна и Дэн Сяопина.

Чжао Цзыян был уверен в своей правоте, в том, что он выражает чаяния большинства членов КПК и народа страны, требующих демократии и верховенства закона.

Единственное, чего не было у этого большинства, у Чжао Цзыяна, это власти над вооруженными силами. «Винтовка, из дула которой и родилась власть Мао Цзэдуна над Китаем», осталась последним аргументом Дэн Сяопина, который, не будучи членом ЦК КПК, сохранял за собой пост председателя Военного совета ЦК КПК.

Чжао Цзыян предлагал Дэн Сяопину не прибегать к оружию, а идти на компромисс, фактически на уступки требованиям демонстрантов.

В этом случае Чжао Цзыян обещал «сохранить лицо» Дэн Сяопина в неприкосновенности.

Однако если Дэн отказывался смягчить свою позицию, для меня не оставалось никакой возможности изменить позиции двух представителей жесткой линии, Ли Пэна и Яо Илия. И если они не меняли своих взглядов, то было бы трудно для Постоянного комитета воплощать в жизнь принципы ослабления напряженности и открытия диалога. Я очень хорошо понимал, что Дэн всегда занимал очень жесткую позицию по такого рода вопросам. Плюс к тому, он был настроен предвзято докладами Ли Пэна, поэтому было чрезвычайно трудно для меня заставить его изменить его позицию.

Я желал поговорить с Дэном и заручиться его поддержкой. Я позвонил Ван Жуйлиню (его секретарю), попросив о встрече с Дэном, но Ван сказал, что Дэн в последнее время не очень хорошо себя чувствует и обеспокоен тем, что состояние здоровья может не позволить ему встретиться с Горбачевым, что было бы действительно серьезным делом. Поэтому он попросил, чтобы я в то время ни о чем не докладывал ему. Вплоть до сегодняшнего дня я верю, что Ван говорил правду; Дэн действительно находился в плохом состоянии здоровья, в то время.

Факты, о которых рассказал Чжао Цзыян, свидетельствовали о том, что Дэн Сяопин в те дни был в нерешительности, метался и не знал, как поступить.

Если посмотреть на ситуацию с исторической точки зрения, то недовольство большинства людей в Китае режимом, созданным Мао Цзэдуном, накапливалось и дошло до той стадии, когда все это стало выплескиваться наружу. Смерть Мао Цзэдуна, уход из жизни сторонника реформ Ху Яобана, который, как имелись основания полагать, мог скончаться из-за переживаний, связанных с противодействием Дэн Сяопина реформам, побудили людей в столице КНР и в почти двух десятках крупных городов Китая выйти на демонстрации с требованиями демократии и обуздания разложившейся партийной номенклатуры.

Все средства, применявшиеся Мао Цзэдун и его последователем Дэн Сяопином ранее, были использованы, и не принесли результата. Оставалось одно: поднять оружие против своего народа. Власть Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина оказалась враждебна народу до степени вооруженного про-

тивостояния или, точнее, применения властью оружия для стрельбы в людей, для того, чтобы давить людей гусеницами танков Освободительной Армии Народа Китая.

Оказавшись приперт к этой стенке, Дэн Сяопин колебался, хотя в самой глубине души он, скорее всего, будучи продолжателем дела Мао Цзэдуна, его бесчеловечного отношения к людям, был способен на применение оружия против народа Китая.

И все это хорошо понимал Чжао Цзыян. Очень важно, что в этой ситуации, Чжао Цзыян не проявлял никаких колебаний и твердо стоял на стороне большинства народа Китая.

Это, кстати, свидетельствует и о том, что Чжао Цзыян был уверенным в себе, сильным и решительным руководителем ЦК КПК. Он ни в коем случае не был тем, кто при всех обстоятельствах сначала обращался к Дэн Сяопину и действовал, только получив его инструкции.

Здесь также отмечается, что Дэн Сяопин испугался даже встретиться в эти дни с Чжао Цзыяном. Чжао Цзыян был готов к таким встречам. Он был уверен в своей правоте и ощущал поддержку большинства народа.

Дэн Сяопин переоценил свой авторитет и свою власть. Он просто растерялся тогда, когда его слова о «бунте» или «заговоре» «против партии, против социализма» не сыграли никакой роли, а только побудили людей в еще большей степени возмутиться партией, которую представлял Дэн Сяопин, режимом, политической системой, которую представлял Дэн Сяопин, да и самим Дэн Сяопином.

Впервые после 1949 года, Дэн Сяопин осознал, что существует вероятность того, что и КПК, и КНР могут сойти со сцены. Далеко не случайно, что он сам заговорил об этом. Вероятно, это было самое большое потрясение в жизни для Дэн Сяопина.

2 мая я объяснил мою мысль Янь Минфу и попросил его установить контакт с Дэном через Ян Шанкуня и других, кто был близок к Дэну.

3 мая я навестил Ян Шанкуня у него дома. Ян сказал, что он уже говорил с Ван Жуйлинем и детьми Дэна, и они уверены, что будет трудно перевернуть позицию, которая была изложена в редакционной статье от 26 апреля, однако думают, что свою роль могло бы сыграть предоставление событиям возможности развиваться естественным образом, плыть по течению, в то же время постепенно отходя и от нее. Они сказали, что если я тогда хочу поговорить с Дэном только для того, чтобы еще более утвердить его в его позиции, то будет еще более трудно повернуть дело вспять в будущем.

Ян сказал: «Те из вас, кто находится на первой линии, могут повернуть все радикально». Ян Шанкунь также продемонстрировал, что он может обратиться к другим членам Постоянного комитета. В тот же день Янь Минфу пришел ко мне домой и сказал мне, что Ван Жуйлинь и

дети Дэна сказали, что те, кто руководят Центральным Комитетом, должны поступать со студенческим движением так, как они видят это должным, в соответствии с ситуацией. (С. 18) И если мы поговорили бы с Дэном только для того, чтобы побудить его не согласиться, тогда мы сделали бы все только хуже. (С. 18–19)

Единственное, что придумал тогда Дэн Сяопин, было его мыслью о том, что хотел выгадать время, создать впечатление, что он предоставляет событиям развиваться естественным образом, дает возможность членам ПК ПБ ЦК КПК (напомним, что у них были несовместимые взгляды на ситуацию) действовать по своему усмотрению.

Дэн Сяопин хотел внушать всем им, что он не допустит того, чтобы его слова и решения подвергались изменениям, что он пока будет обдумывать свои дальнейшие шаги.

Вполне вероятно, что ему было нужно время для разработки конкретного плана подавления демонстраций вооруженными силами и для того, чтобы начать осуществлять этот план.

Дэн Сяопин хотел наблюдать за действиями, прежде всего, Чжао Цзыяна и других членов ПК ПБ ЦК КПК, также очевидно с тем, чтобы кого-то затем подбодрить (Ли Пэна и Яо Илия), а кого-то наказать (Чжао Цзыяна).

В следующие дни события развивались в соответствии с этой идеей движения к окончанию игры (предоставления им возможности плыть по волнам, вниз по течению, спокойно завершиться, и постепенно изменяться). Моя речь по поводу движения 4 мая тоже основывалась на этой идее: по тону, она определенно отличалась от редакционной статьи от 26 апреля, и в то же время я не использовал в ней ничего, что противоречило этой статье.

Собственно говоря, это были «дни выжидания» обеих сторон перед решающим столкновением. Чжао Цзыян выступил с речью, которая определенно отличалась от позиции Дэн Сяопина, выраженной в статье из газеты «Жэньминь жибао» от 26 апреля. В то же время Чжао Цзыян зарезервировал свое мнение об этой статье, и тоже выжидал, давая возможность Дэн Сяопину «сохранить лицо», решить дело миром, изменить позицию и разрядить обстановку.

После речи по случаю годовщины движения 4 мая Ян Шанкунь рассказал мне о результатах своих бесед с другими членами Постоянного комитета Политбюро: Ху Цили и Цяо Ши согласились с новым подходом; Ли Пэн и Яо Илинь высказались против. Товарищ Вань Ли, с кем я говорил непосредственно, был полностью согласен с новым подходом. Это означало, что среди членов Постоянного Комитета и тех, кто присутствовал на заседаниях Постоянного Комитета, большинство поддерживало меня.

Конфигурация высшего руководства страны в то время характеризовалась тем, что помимо игравшего важнейшую роль Дэн Сяопина, оказывавших громадное воздействие на решения, прежде всего, персонального характера, «старейшин» партии: Чэнь Юня, Ли Сяньняня и других, свою, также большую, роль играли заседания Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК.

На этих заседаниях имели право присутствовать, участвовать в обсуждении вопросов, кроме членов ПК ПБ, председатель КНР Ян Шанкунь и глава парламента, то есть председатель ПК ВСНП Вань Ли.

Таким образом, имевших, в той или иной степени и форме, «право голоса» было семь человек.

Когда Дэн Сяопин пустил на несколько дней ситуацию как бы на самотек, председатель КНР Ян Шанкунь, весьма вероятно, по поручению Дэн Сяопина, выяснял позиции членов этого органа в его, так сказать, расширенном составе.

При этом оказалось, что за позицию Дэн Сяопина твердо выступают только двое: Ли Пэн и Яо Илинъ.

Трое членов ПК ПБ, то есть Чжао Цзыян, Цяо Ши, Ху Цици, практически были за развитие ситуации в направлении, которое обеспечивало решение вопроса, предложенное Чжао Цзыяном. За это же выступал председатель ПК ВСНП Вань Ли. Колебания проявлял и Ян Шанкунь.

Чжао Цзыян имел все основания считать, что большинство поддерживало его.

Таким образом, Дэн Сяопин оказался в ситуации, при которой, за Чжао Цзыяном было и большинство членов официального органа, руководившего партией, и большинство населения страны. Дэн Сяопин оказался в меньшинстве, но у него в руках была «винтовка Мао Цзедуна». На его стороне была сила, но не право, была номенклатура и ее вооруженный отряд, но не разумная часть руководителей партии, и не народ страны.

Ян также сказал мне, что он говорил с Пэн Чжэнем (влиятельным старейшим членом партии), который полностью поддержал мою позицию. Пэн сказал ему, что если Дэн ищет кого-то, на кого можно свалить ответственность, тогда «Цзыян не должен быть оставлен в одиночестве нести ответственность», что он и Ян тоже должны нести ответственность. Это была форма, в которой он выразил свою решимость поддержать меня.

Пэн Чжэнь, кстати, в прошлом руководитель парторганизации Пекина, следовательно, человек, который хорошо знал настроения в городе, твердо поддерживал Чжао Цзыяна.

Мало того, Пэн Чжэнь предлагал Ян Шанкуню в случае, если Дэн Сяопин согласится пойти на компромисс, но при условии, что он не будет

нести ответственности за появление статьи в «Жэньминь жибао» от 26 апреля, взять на себя, вместе с ним, Пэн Чжэнем, и Чжао Цзыяном, ответственность за выступление с этой статьей. Все это говорило о том, что у Дэн Сяопина была возможность сохранить, по крайней мере, видимость своей верховной власти, согласившись на мирное разрешение ситуации.

Перед моим возвращением, когда партком Пекина предложил ввести военное положение, Ян Шанкунь ответил на это резкой критикой: «Как можем мы оправдать перед всем остальным миром введение военного положения в нашей столице?». Я уверен, что Ян придерживался умеренных взглядов на студенческие демонстрации до того момента, когда Дэн решил навязать военное положение.

О колебаниях Ян Шанкуня говорит тот факт, что еще до возвращения Чжао Цзыяна из Северной Кореи, но после появления статьи от 26 апреля, когда партком Пекина предложил ввести в городе военное положение, Ян Шанкунь не был согласен с этим предложением. Возможно, он тогда еще не знал о том, что Дэн Сяопин, вероятно, стоял за появлением такого предложения.

Как бы там ни было, а у Чжао Цзыяна были основания опираться не только на требования народа, но и на большинство тех, кто имел право участвовать в заседаниях ПК ПБ ЦК КПК. Народ и руководство партии оказались едины в своем отношении к демонстрациям.

4 мая я выступил с речью перед делегатами конференции Азиатского Банка Развития, рассмотрев и вопрос о студенческих демонстрациях. Проект речи был составлен Бао Туном в соответствии с моими взглядами.

В этой речи я обосновывал необходимость разрешать дело хладнокровно, рационально, проявляя сдержанность и соблюдая порядок, основанный на принципах демократии и закона. Я также указал на то, что студенческие демонстрации в одно и то же время выражают и одобрение, и неудовлетворение партией и правительством, и что они никоим образом не направлены против базовых установлений нашей системы. Напротив, они просто просят нас скорректировать некоторые из наших законов. Я также заявил, что при демонстрациях такого размаха никто не может исключать тот факт, что некоторые могут хотеть манипулировать вещами в соответствии со своими интересами, но это ни приведет к такому результату, как обший обвал в Китае.

После этой речи были получены положительные отклики из многочисленных источников и в стране и за рубежом. (С. 19)

После 5 мая и в последующие дни многие университеты в Пекине возобновили занятия. (С. 19–20) Директор Агентства Синьхуа в Сянгане Сюй Цзятунь, который находился тогда в Пекине, прислал мне свои

соображения, написанные от руки, в которых он отмечал, что тогда, когда он встретился с Ян Шанкунем 4 мая, Ян выразил полное согласие с моей речью.

Чжао Цзыян выступил с публичной речью 4 мая. Предложенная им оценка ситуации и пути решения проблем на принципах демократии и на основе закона с целью скорректировать некоторые из существующих законов при том понимании, что демонстрации не направлены против базовых установлений существующей системы, получили одобрение практически повсеместно, и в массах, и среди руководства, включая председателя КНР Ян Шанкуня.

В то время, когда я получал всестороннюю поддержку, Ли Пэн пришел ко мне домой вечером 4 мая и был вынужден сказать что-то о моей речи. Он сказал, что будет говорить о некоторых вопросах, которые я поставил, когда сам встретится с делегатами конференции Азиатского Банка Развития. Однако когда я отметил, что редакционная статья от 26 апреля проблематична, он не согласился.

В силу того, что я не мог встретиться с самим Дэн Сяопином, я обсуждал вопрос с другими товарищами, упомянутыми ранее, и пытался поворачивать ситуацию постепенно. И действительно, ситуация постепенно поворачивалась. Когда такой подход начал применяться, ситуация начала успокаиваться и большинство студентов вернулись в свои аудитории. Однако они ждали того, что произойдет дальше; иными словами, ждали того, как обещания, данные в речи по случаю годовщины движения 4 мая, будут реализовываться.

Я думал, что лучше всего использовать время относительного спокойствия с тем, чтобы принять активные меры и провести диалог со студентами и с другими социальными группами, ответить на вопросы, которыми студенты глубоко интересовались, и принять некоторые из разумных мыслей студентов. Такими могли бы быть конкретные шаги в направлении начала диалога и снижения напряженности.

Когда я и другие члены Постоянного комитета Политбюро и те, кто присутствовал на заседаниях Постоянного комитета, активно пытались осуществить этот поворот в политике, Ли Пэн и прочие из его группы, активно пытались заблокировать, отложить и даже саботировать процесс, так что предполагаемый диалог и методы, направленные на снижение напряженности, предложенные в речи по случаю годовщины движения 4 мая, не были осуществлены.

Эти дни были временем относительного спокойствия.

Благодаря обещаниям, содержавшимся в речи Чжао Цзыяна, произнесенной 4 мая, студенты вернулись в свои вузы. Однако они ждали выполнения обещаний, то есть диалога с властью.

Чжао Цзыян стремился осуществить диалог.

Ли Пэн сразу же после речи 4 мая приходил к Чжао Цзыяну и подавал признаки сделать некоторые шаги в правильном направлении. В то же время ощущалось, что он не отступал от линии, выраженной в статье от 26 апреля.

Далее, очень скоро, стало ясно, что Ли Пэн и Яо Илинь стремятся не допустить диалога со студентами.

Думается, что к этому моменту Дэн Сяопин принял решение о применении армии против народа, о введении военного положения и искал повод для того, чтобы объявить об этом решении. Именно исполняя волю Дэн Сяопина, Ли Пэн и Яо Илинь создавали ситуацию, которая вынуждала студентов на новые активные демонстрации. Дэн Сяопин провоцировал кровавое подавление демонстраций. Он выступил в роли их закулисного провокатора.

Тем временем по тем вопросам, которые более всего волновали людей и которые поднимались студентами, – таким как коррупция (разложение), прозрачность правительства (властей, органов власти), демократия, правление закона, общественный контроль над правительством (органами власти), было необходимо принять активные меры. Я предложил создать комиссию по борьбе против коррупции с реальным авторитетом в рамках ВСНП, которая могла бы независимо принимать доклады и проводить расследования незаконной деятельности членов семей высших руководителей Партии; усилить способность и возможность общества в деле контроля над правительством (органами власти); усилить прозрачность правительства и ускорить процесс принятия закона о прессе (о печати) и о демонстрациях; и принять общепринятую в мире практику защиты демократических прав народа путем установления специальных законов.

Далее я предложил созвать заседание Постоянного комитета ВСНП для проведения общественных слушаний по вопросу об аудите (проверке деятельности) нескольких главных корпораций, которые, по общему мнению, были коррумпированы. (С. 20) Все приготовления и дальнейшие расследования должны были осуществляться ВСНП, потому что в представительстве многих людей ВСНП было более прозрачным, чем Партия или правительство. (С. 20–21)

Поэтому мой общий подход состоял в том, чтобы осуществлять реформы в тех областях, которые были объектом внимания людей, с тем, чтобы мы могли снизить уровень недовольства, неудовлетворения среди народа и студентов, чтобы уменьшить и положить конец студенческим демонстрациям; и в то же самое время мы могли бы воспользоваться представившейся возможностью для того, чтобы запустить политические реформы; занявшись этими специфическими вопросами, ВСНП могло бы

играть правильную роль высшего авторитета нации, в то же время, перекладывая или направляя внимание студентов на дальнейшие политические реформы.

Дэн Сяопин, как нам представляется, двинулся к применению оружия против людей Китая.

Это происходило в обстановке, когда, в известной мере из-за провокационных действий или позиции сторонников Дэн Сяопина, Ли Пэна и Яо Илина, студенты снова вышли на демонстрации.

Ли Пэн и Яо Илин не допустили начала официального диалога властей с демонстрантами. При этом они осуществляли тактику Дэн Сяопина, его провокационный замысел. Им нужны были демонстрации как предлог для применения танков против народа Китая.

Чжао Цзыян в этой ситуации сделал, пожалуй, свой самый решительный шаг в области продвижения к демократическим политическим реформам в КНР.

Это был шаг, который вызвал ненависть к Чжао Цзыяну со стороны Дэн Сяопина и всей той номенклатуры партии, во главе с известными ее «старейшинами», которые цеплялись за власть, стремились удержать власть любой ценой, то есть ценой убийства и крови людей своей страны, людей Китая.

Чжао Цзыян, полагая необходимым публично заявить о своей позиции и фактически оставить такое свое политическое завещание, выдвинул ряд предложений.

Речь шла об удовлетворении требований большинства людей в Китае. Это были требования:

- обуздать разложение номенклатуры (коррупцию партийно-государственного чиновничьего аппарата);
- сделать прозрачной работу того, что в КНР именуется обычно правительством (то есть властей на всех уровнях);
- осуществить подлинную демократии, начать, наконец, в КНР ее настоящее строительство (вспомним, что Чжао Цзыян полагал, что к началу строительства демократии во времена правления Мао Цзэдуна даже и не приступали, поэтому демократии в Китае еще не было);
- осуществить принцип правления закона в Китае (это означало, что закон выше правящей партии);
- осуществить общественный контроль над органами власти в КНР.

Это была целостная программа, выполнение которой могло бы поставить КПК и КНР на путь эволюционных демократических преобразований.

Мало того, Чжао Цзыян выдвинул и предложение, которое, по сути дела, означало постановку партии, ее аппарата, ее номенклатуры, под контроль народа через представителей народа в ВСНП. Это означало, что

парламент оказывался исполнителем воли народа и органом контроля народа над правящей в КНР партией.

При этом речь шла о расследовании деятельности высших руководителей партии и государства, вплоть до заместителей министров, и членов их семей. Гласный контроль над их доходами и расходами – вот что означало это предложение Чжао Цзыяна.

Далее, Чжао Цзыян «замахнулся на святое», на собственность высших руководителей партии, их семей, их кланов, на собственность номенклатуры. Он предложил, чтобы ВСНП поставила под контроль, осуществила аудит, применительно к главным корпорациям внутри страны. Эти корпорации были созданы в условиях правления в КНР Коммунистической партии. Собственность в стране делилась в соответствии с принципом подчинения ее «кусков» тем или иным «старейшинам» партии.

Иными словами, партийная номенклатура распределяла между собой экономические рычаги управления собственностью и саму собственность в Китае.

Чжао Цзыян исходил из того, что в представлении большинства людей в КНР ВСНП было более прозрачно, чем партия, КПК, и правительство, то есть органы управления в центре и на местах, находившиеся в полной власти и даже «собственности» КПК.

Чжао Цзыян предложил принять специальные законы, гарантирующие свободу печати, демонстраций с целью реального обеспечения демократических прав народа.

Чжао Цзыян стремился так подать все эти предложения, так формулировал их, чтобы это давало возможность Дэн Сяопину и «старейшинам», не «теряя лица», принять эти предложения как обеспечивающие продвижение по пути реформ.

Чжао Цзыян при этом подавал свои предложения и таким образом, чтобы это воспринималось как реальный путь к прекращению демонстраций, к удовлетворению желаний народа и к осуществлению желания людей продолжать реформы, в том числе и в данном случае, прежде всего, политические реформы.

Это выступление Чжао Цзыяна было его главным политически заявлением. Оно означало, что внутри КПК созрели лидеры, которые были способны трансформировать КПК и КНР на путях осуществления демократии, если бы им позволили бы это сделать.

Однако реальная власть, военная власть, танки и автоматы, были в руках вооруженного отряда номенклатуры во главе с Дэн Сяопином. Эта номенклатура считала, что предложения Чжао Цзыяна – это путь к концу ее власти в Китае. Поэтому она сплотилась вокруг Дэн Сяопина и поддержала кровавое подавление им мирных демонстраций с упомянутыми демократическими требованиями. Номенклатура Коммунистической партии Китая, поддержав Дэн Сяопина, совершила преступление перед

китайским народом. Думается, что народ Китая не забудет и не просит убийства людей во имя сохранения режима самовластия, сохранения личной власти Дэн Сяопина и номенклатуры КПК.

13 мая, когда я и Ян Шанкунь пришли к Дэн Сяопину, чтобы обсудить вопросы, касавшиеся приближавшегося визита Горбачева, я также говорил с ним о ситуации последнего времени, касающейся студенческих демонстраций. Я выразил свой взгляд на открытый диалог, касающийся коррупции и прозрачности. В принципе он согласился и сказал, что «имелась необходимость воспользоваться возможностью затронуть коррупцию, сделать концентрированные усилия». Он также упомянул, что имелась необходимость возрастающей прозрачности.

Ситуация, сложившаяся в связи с не прекращавшимися демонстрациями на площади Тяньаньмэнь, во второй декаде мая уже давала Дэн Сяопину возможность приступить к их решительному подавлению.

Можно предположить, что задержка на несколько дней была вызвана предстоявшим тогда визитом в Пекин М.С.Горбачева с целью объявления о нормализации отношений между КПСС и КПК, СССР и КНР. Дэн Сяопин стремился осуществить все это таким образом, чтобы подчеркнуть свою роль и свой авторитет.

13 мая, накануне визита М.С.Горбачева, состоялась встреча Чжао Цзяяна с Дэн Сяопином.

Во встрече участвовал Ян Шанкунь. Им, всем троим, предстояло по отдельности провести встречи с М.С.Горбачевым. Очевидно, что требовалось согласование действий и позиций.

Кроме того, во время этой встречи Чжао Цзяян поставил вопрос о необходимости открытого диалога, касающегося коррупции и прозрачности, со студентами.

Можно заметить, что Дэн Сяопин этого разговора не начинал. Очевидно, что он не хотел по своей инициативе касаться этой темы.

В то же время он был вынужден реагировать на постановку вопроса Чжао Цзяяном, и согласился, что необходимо говорить и о коррупции, и о прозрачности. Так он как бы поощрял Чжао Цзяяна или внушал ему, что в принципе не протестует против его позиции. На самом деле, это было своего рода продолжение провоцирования Чжао Цзяяна на дальнейшие шаги в этом направлении, которые Дэн Сяопин хотел использовать в ближайшем будущем как основание для обвинений в адрес Чжао Цзяяна.

Ходило много слухов о сыновьях и дочерях высших руководителей, которые занимались бизнесом, пользуясь преимуществами доступа к официальным правительственным (властным) ресурсам. Многие из этих слухов были обвинениями в адрес моих собственных сыновей и дочерей. Поэтому

во второй половине дня 1 мая я предложил на заседании Постоянного комитета Политбюро, чтобы Политбюро дало указание Центральной комиссии по проверке дисциплины и министерству гражданской администрации начать расследования, касающиеся членов моей семьи. Позднее я направил в Политбюро официальное письмо с просьбой поддержать мое предложение.

Нельзя исключать того, что в ходе острейшей политической борьбы Дэн Сяопина против Чжао Цзыяна, в лагере Дэн Сяопина были сфабрикованы и распространены слухи о том, что дети Чжао Цзыяна занимались бизнесом, пользуясь административным ресурсом.

На самом деле этого не было. Никто и никогда не доказал, что так было.

Чжао Цзыян не только просто отвергал эти слухи, но на заседании ПК ПБ ЦК КПК выступил с предложением о проведении проверки этих слухов в партийном и государственном порядке. Позднее он даже направил в ПБ ЦК КПК официальное письмо с просьбой поддержать его предложение.

Все это свидетельствовало, что политические интриги, безусловно осуществлявшиеся лагерем приверженцев Дэн Сяопина, включали и распространение этих необоснованных слухов и личных нападок на Чжао Цзыяна. Это лишний раз говорило о правоте и чистоте Чжао Цзыяна и о совершенно противоположной сути Дэн Сяопина и его сторонников.

Другим вопросом, который беспокоил студентов, было вопрос о свободе прессы. 6 мая во время обсуждения вопроса о реформе политики в отношении прессы с товарищем Ху Цици (членом ПК ПБ) и Жуй Синвэнем (членом Секретариата ЦК) я предложил, чтобы при выработке проекта нового закона о прессе (печати) внимание было уделено смягчению ограничений на передачу новостей, редакционных статей и комментариев.

Чжао Цзыян дал прямые указания аппарату ЦК КПК при подготовке закона о печати уделить внимание смягчению ограничений на передачу новостей, редакционных статей и комментариев. Это подчеркивало, что Чжао Цзыян не боялся открытости СМИ. Дэн Сяопин и иже с ним занимали противоположную позицию.

3 мая я побывал дома у Вань Ли (председателя ПК ВСНП) и разговаривал с ним о студенческих демонстрациях. Я комментировал то, что некоторые из состава руководства чрезмерно реагировали на студенческие демонстрации, что явилось результатом главным образом устаревших взглядов, сформировавшихся длительной постановкой в фокус внимания классовой борьбы. Времена изменились, и нам необходимо изменить эту ментальность, чтобы совпадать с тенденцией демократии и правлением закона. Он полностью согласился со мной и сказал, что многие руково-

дители из Пекина и Тяньцзиня жаловались ему на то, что Центральный Комитет проявлял слишком большую мягкость в отношении студенческих демонстраций; это был еще один пример того, что старый менталитет продолжает оказывать свое воздействие. Он также сказал, что эти проблемы требуют решения. (С. 21)

На заседании Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, которое состоялось 8 или 10 мая (я не помню, на каком именно), он (Вань Ли) внес очень хорошие предложения относительно следования в русле общемировой тенденции к демократии и прямо обратился к вопросу о том, о чем говорили студенты во время своих демонстраций. Он выразил полную поддержку моих предложений Политбюро, когда он провел заседание ПК ВСНП. Он также назначил дату следующего заседания ПК ВСНП, которое должно было состояться вскоре, и поставил эти вопросы в повестку дня.

В 1980-х гг., в этот «золотой период реформ», как его тогда называли в Китае, практически единомышленниками в своем отношении к реформам в стране, в том числе и политическим реформам, были генеральный секретарь ЦК КПК Ху Яобан, глава законодательной власти, председатель ПК ВСНП Вань Ли и глава исполнительной власти, премьер ГС КНР Чжао Цзыян.

Благодаря их усилиям, началось и развивалось практическое осуществление реформ в Китае. Их вклад в дело реформ необходимо оценивать объективно и в полном объеме.

В своих воспоминаниях о том, что происходило в 1989 году, Чжао Цзыян неоднократно говорил о позиции, которую занимал Вань Ли.

Чжао Цзыян считал, что многим руководителям КПК присущи устаревшие взгляды, сформировавшиеся под воздействием длительной постановки в фокус внимания классово-борьбы. Следовательно, речь у Чжао Цзыяна шла об отрицании того, что сформировалось во времена правления Мао Цзэдуна.

С точки зрения Чжао Цзыяна, требовалось изменить эту ментальность, действовать в соответствии с тенденцией демократии и правлением закона.

Правление закона и тенденция демократии вместо определяющей роли мысли о классово-борьбе при подходе к развитию общества, страны. Вот к чему уже тогда пришел Чжао Цзыян.

Думается, что эти мысли формировались у него давно. Главное расхождение между Лю Шаоци, Ху Яобаном, Вань Ли, Чжао Цзыяном, с одной стороны, и Мао Цзэдуном, Дэн Сяопином и их приверженцами, с другой стороны, заключалось именно в этом. Одни были за демократию и законность. Другие против демократии и законности, за подавление тех, кого они именовали «классовыми врагами».

На самом деле речь шла об ином. О замене единовластия Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина демократией в Китае. Речь шла и о том, чтобы с тех или других позиций подходить к известным положениям марксизма относительно классовой борьбы.

Вань Ли поддерживал Чжао Цзыяна со всей решительностью. Вань Ли выступал в духе общемировой тенденции к демократии. Он планировал поставить в повестку дня ПК ВСНП предложения, выдвинутые Чжао Цзыяном.

Из позиции Вань Ли следует, что Дэн Сяопин выступал за отделение Китая от остального мира, за противопоставление Китая и остального мира с помощью идеи о так называемой «специфике» Китая или своеобразии, самобытности, «особости» Китая, которая важнее и главнее того, что объединяет китайцев и все остальное человечество. Для Вань Ли преваляющей была общемировая тенденция к демократии.

Осознание себя частью человечества, осознание того, что у человечества есть общие тенденции, что демократия – это и есть такого рода тенденция, – вот что отличало взгляды Вань Ли и Чжао Цзыяна от взглядов Дэн Сяопина.

9 мая Вань Ли пришел ко мне домой, чтобы сказать, что он собирается с официальным визитом в Канаду и в США. Он думал поговорить с Дэн Сяопином об этих вопросах перед отъездом, но у него не оказалось времени для этого. В нескольких случаях в Канаде и в США он называл движение студентов патриотическим и демократическим, давая ему высокую оценку.

Позиция Вань Ли в отношении студенческих демонстраций никоим образом не была случайной. Он всегда верил (был убежден) в открытое восприятие демократии и всегда поддерживал политические реформы. Он выступал против кампании, направленной против буржуазного либерализма в 1987 году, и выступал с речами специально по вопросу о демократизации процесса принятия решений. Среди старейших членов Центрального Комитета он был тем, кто наиболее сильно поддерживал реформы.

Чжао Цзыян и Вань Ли выступили как единомышленники после смерти Мао Цзэдуна в конце 1970-х гг., когда в качестве первых секретарей провинциальных комитетов КПК в Сычуани и в Аньхое поддержали движение крестьян за возвращение своих семейных земельных наделов и ликвидацию системы народных коммун, насажденной Мао Цзэдуном. Это и явилось началом пересмотра политики Мао Цзэдуна и отправной точкой осуществления реформ в Китае.

Вань Ли был убежденным сторонником демократии. Очевидно, что он полагал, что и крестьяне в Китае могут обойтись без маоцзэдуновского кооперирования, и вообще все люди в Китае могут обойтись без системы концентрации власти, которую навязал в Китае Мао Цзэдуна.

Отношение Вань Ли к Мао Цзэдуну и периоду его правления было сугубо отрицательным. За 20 лет, с 1958 года по 1978 год, вложения в капитальное строительство достигли в КНР 600 миллиардов долларов. Из них треть пошла прахом из-за ошибок в решениях по вопросам вложения капиталов. Другая треть не формировала производительные силы. И всего лишь одна треть пошла на формирование производительных сил. В 1979 году первый секретарь парткома провинции Аньхой Вань Ли говорил: «Узнай об этом рабочие, крестьяне, интеллигенция, удивляться пришлось бы лишь тому, что Коммунистическая партия не оказалась свергнутой!» (*Чэнь Ицзы*. Китай: десятилетие реформ. Институт Дальнего Востока Российской Академии Наук. Информационный бюллетень № 10. Москва. 1996. Часть 1. С. 17).

Вань Ли выступал против кампании, которую в 1987 году развернул в КНР Дэн Сяопин под лозунгом борьбы против «буржуазного либерализма».

Он выступал с речами по поводу демократизации процесса принятия решений. Очевидно, что он был против самовластия Дэн Сяопина.

Если Дэн Сяопин охарактеризовал демонстрации студентов в Пекине в 1989 году как «заговор» с целью «выступления против партии, против социализма», то Вань Ли в мае 1989 года в ходе своей поездки в США и Канаду называл движение студентов демократическим и патриотическим и давал ему высокую оценку.

Думается, что далеко не случайно Вань Ли оказался вне Китая в острый момент столкновения мнений народа и Чжао Цзыяна, с одной стороны, и Дэн Сяопина и номенклатуры, поддерживавшей Дэн Сяопина, с другой стороны. Вань Ли не дали лично поддержать Чжао Цзыяна в этот решающий момент.

По мнению Чжао Цзыяна, среди старейших членов ЦК КПК Вань Ли был человеком, которой больше всех поддерживал реформы.

Ли Пэн, Яо Илунь и секретарь парткома Пекина Ли Симин предпринимали яростные попытки блокировать, оказывать противодействие и откладывать осуществление моих предложений. Они не выражали публично возражений против моей речи по случаю годовщины движения 4 мая на протяжении нескольких последующих дней, и даже произносили несколько слов похвалы. Но фактически они неистово пытались дискредитировать эту речь.

Они заявляли, что моя речь фактически совпадала, если говорить о линии, с редакционной статьей от 26 апреля, однако просто в этой речи взгляд был брошен несколько с иного угла. Затем они попросили Хэ Дунчана (заместителя министра образования) распространить на совещании, которое проводилось Госсоветом КНР с руководителями партийных организаций нескольких университетов, сообщение о том, что речь Чжао Цзы-

яна это лишь его личное мнение и не представляет точку зрения Центрального Комитета. Это сообщение было быстро распространено среди студентов.

Они пытались даже еще более яростно оказывать сопротивление и откладывая любой диалог со студентами. В оригинале речь шла о диалоге со студентами, которые проводили демонстрации, однако они не только отрицали, участие каких бы то ни было студенческих организаций, которые возникли во время демонстраций, но они также запрещали студентам выбирать своих представителей. Они настаивали на том, чтобы позволить только студентам из официальных студенческих организаций принимать участие (в диалоге), а эти люди ни в коем случае не могли быть представителями студентов, которые проводили демонстрации. (С. 22) И разве так вести диалог не означало полностью отвергнуть его? (С. 22-23) Таким образом, когда они не вели диалог, они не обсуждали вопрос открыто или не обращались к иным мнениям, проявляя искренность. Вместо этого они просто болтали, то есть поступали точно таким же образом, каким они поступали всегда, когда устраивали пресс-конференции для иностранных корреспондентов, декларируя тот свой образ, который приносил им политическую выгоду. Все это оставляло у студентов впечатление, что предложение правительства (властей) вести с ними диалог было абсолютно неискренним.

В своей борьбе против Чжао Цзыяна и требований демократии в стране Дэн Сяопин действовал руками Ли Пэна, Яо Илия и руководства парткома Пекина.

Они, с одной стороны, особенно в те дни, когда Дэн Сяопин еще пребывал в нерешительности, даже хвалили Чжао Цзыяна. Однако, с другой стороны, четко проводили курс на то, чтобы не допустить никакого реального диалога с демонстрантами.

При этом использовался обычный для такого рода властей прием. Они соглашались «вести диалог» только с представителями официальных, то есть их же «карманных» студенческих союзов.

Это было просто еще одно проявление политической линии Мао Цзэдуна – Дэн Сяопина, согласно которой следовало всю власть сконцентрировать в одних руках, в руках Мао Цзэдуна, а после его смерти Дэн Сяопина, номинально в руках КПК, а все остальные общественные и политические организации в стране допускать к участию в политике только в том случае, когда они действуют исключительно по указаниям из ЦК правящей политической партии или ее руководящего центра.

Я неоднократно критиковал такое поведение, но это игнорировалось. Когда же речь шла о борьбе против коррупции или об увеличении прозрачности, они были еще более бесстыжими. Ли Пэн возражал даже против внесения этих вопросов в повестку дня заседания ПК ВСНП. Он звонил мне

специально с тем, чтобы возражать против постановки этих вопросов в повестку дня.

Одной из составных частей позиции Дэн Сяопина и его приверженцев было их стремление не допустить проверки законности перехода многих хозяйственных или экономических высот, предприятий экономического характера, в руки как бы новых собственников, а фактически либо непосредственно членов номенклатуры, либо их родственников или доверенных лиц.

Именно по этой причине Ли Пэн и возражал даже против внесения в повестку дня заседания ПК ВСНП вопросов о борьбе против коррупции или об увеличении прозрачности.

Так все более обнажалась суть противоречий и противостояния между Чжао Цзыяном, его сторонниками в КПК, особенно рядом «старейшин» партии, прежде всего Пэн Чжэнем и Вань Ли, с одной стороны, и Дэн Сяопином с его приверженцами, рядом других «старейшин» в партии типа Ли Сяньняня и Ван Чжэня, с другой стороны. Это были противоречия по вопросу об отношении к политической системе, созданной Мао Цзэдуном и при его правлении. Речь шла о том, сохранять ли в принципе и в главном эту систему самовластия и концентрации власти, или начать ее реформировать. Чжао Цзыян выступал за реформы. Дэн Сяопин был против реформ.

Из-за всего этого после того, как студенты возвратились в аудитории и прошло несколько дней, они не увидели со стороны правительства никаких реальных действий. Диалоги, которые проводились, казались направленными только на то, чтобы отделаться от них; и, конечно же, никаких конкретных действий не было предпринято в плане реформ; так фактически росли сомнения относительно моей речи по случаю годовщины движения 4 мая. Еще более интенсивная конфронтация становилась поэтому неизбежной.

У происходивших тогда событий было несколько взаимосвязанных сторон.

Наряду с борьбой в руководстве партии, свою роль играли массовые демонстрации и настроения молодежи и интеллектуалов.

Усилия Чжао Цзыяна приводили к некоторому ослаблению напряженности на несколько дней. В то же время Чжао Цзыян показывал своими выступлениями, что он на стороне требований демократии, что он требует от правительства, то есть, прежде всего, от Ли Пэна, реальных действий, диалога со студентами.

Студенты видели, что правительство саботирует призывы Чжао Цзыяна, то есть видели, что в руководстве партии назревает раскол и открытое противостояние принципиальных позиций.

Поэтому у Чжао Цзыяна имелись основания полагать, что еще более интенсивная конфронтация на улицах Пекина становилась поэтому неизбежной. Это означало, что Чжао Цзыян и сам оказывал нажим на Дэн Сяопина и считал, что такой нажим производят студенческие демонстрации.

С точки зрения Чжао Цзыяна, требования демократии и законности следовало выполнять, реформы надо было начинать. И сделать это было возможно. Причем можно было мирным путем решить существующие вопросы.

Теперь мы должны ответить на вопрос: «Почему движение студентов продолжалось на протяжении столь длительного времени?»

Они заявляли, что моя речь по случаю 4 мая раскрыла раскол внутри Центрального комитета, что превратилось в появление так называемых «двух голосов». Но это не было правдой! Действительной причиной было то, что указания относительно линии поведения, которые были сделаны после моего возвращения из Северной Кореи, т. е. указания снизить напряженность, открыть диалог, решать проблемы путем применения демократии и закона, и начать иметь дело с горячими проблемами путем осуществления политических реформ – все это блокировалось, всему этому оказывалось сопротивление, все это саботировалось Ли Пэном и компанией.

Как раз перед приездом Горбачева Ли Пэн сказал мне: «Ты ведь не собираешься продолжать использовать мягкие меры в отношении студенческих демонстраций, так? После того, как прошло так много времени, разве эти мягкие меры не показали свою бесполезность?»

Это замечание во всей полноте раскрыло его скрытые злые намерения. Он использовал сопротивление и саботаж для того, чтобы доказывать, что попытки разрешить вопрос о студенческих демонстрациях на основе демократии и законов провалились. И все это было сделано с намерением найти оправдания для того, чтобы раздавить студенческие демонстрации с помощью насильственных мер.

Думается, что, также с одобрения Дэн Сяопина или, во всяком случае, с его ведома, Ли Пэн и другие приверженцы Дэн Сяопина уже в первой половине мая 1989 года ставили вопрос таким образом, что в руководстве ЦК КПК произошел раскол, поэтому в КНР была создана обстановка, при которой партия говорила одновременно «двумя голосами». Иными словами, они хотели создать впечатление, что существуют якобы два равно-великих мнения в ЦК партии.

Отсюда они делали вывод о том, что раскол внутри партии и создал условия для затяжных демонстраций.

Так они пытались взвалить на Чжао Цзыяна вину за затянувшиеся демонстрации.

Чжао Цзыян со всей решительностью возражал. Он настаивал на том, что мнение руководства партии было совершенно определенным. При

этом он считал, что изложенные им предложения давали все возможности для смягчения напряженности и решения вопросов. С точки зрения Чжао Цзыяна, следовало действовать методами диалога, демократии и главенства закона, начинать политические реформы.

Ли Пэн и прочие шли против мнения ЦК партии, то есть против мнения большинства в ПК ПБ ЦК, изложенного Чжао Цзыяном и поддержанного ПК ПБ ЦК КПК политического курса. Поэтому всю вину за напряженность ситуации Чжао Цзыян возлагал на Ли Пэна, Яо Илина и руководителей горкома партии Пекина.

Спротивление и саботаж предложенных мер со стороны Ли Пэна были намеренным курсом на то, чтобы открыть путь к применению насильственных мер.

Таким образом, обе стороны понимали, что вопрос стоит прямо: решать проблемы мирно или применять силу против собственного народа.

Думается, что Дэн Сяопин искал подходящий момент для того, чтобы бросить на подавление людей в Пекине «вооруженный отряд» своей номенклатуры, пролить кровь, убить людей и «восстановить» «государственный страх» и «порядок», существовавшие при правлении Мао Цзэдуна.

Инцидент с газетой «ШИЦЗЕ ЦЗИНЦЗИ ДАОБАО» в Шанхае также произошел во время моей поездки в Северную Корею. Это началось тогда, когда газета опубликовала сообщение о мероприятиях, связанных с увековечиванием памяти Ху Яобана. Партком Шанхая нашел содержание этого сообщения неподходящим и приказал газете снять сообщение, но газета отказалась сделать это. (С. 23) Партком Шанхая тогда решил закрыть газету на реорганизацию и снял главного редактора Цинь Бэньли. (С. 23–24)

В соответствии с тем, что мне довелось услышать, Цзян Цзэминь (секретарь парткома Шанхая) позвонил Дэн Сяопину, чтобы получить директивы относительно того, как поступить в этом деле. Там, в Шанхае, студенты и массы находились в большом эмоциональном возбуждении. Сделав то, что он сделал, Шанхайский партком не только разгневал сотрудников упомянутой газеты, но и спровоцировал массовую оппозицию со стороны сотрудников других органов печати в Пекине, Шанхае и в других местах страны. Многие (сотрудники этих органов печати) вышли на улицы, чтобы поддержать упомянутую газету и потребовали, чтобы партком Шанхая пересмотрел свое решение относительно этой газеты. Их действия совпали со студенческими демонстрациями, и обе группы усиливали одна другую.

Когда я возвратился в страну, я почувствовал, что подход Шанхайского горкома партии к этому вопросу был слишком жестким (узким) и примитивным. Шанхайский горком также выбрал плохое время для того, чтобы делать это. Однако поскольку дело уже было сделано, я не коммен-

тировал это; мне казалось неподходящим упрекать (делать выговор, замечание) партком Шанхая и становиться на сторону органа печати. Поэтому Центральный Комитет занял следующую позицию: не вмешиваться, позволив парткому Шанхая разрешить проблему самому.

2 мая, когда у меня была беседа с членами нескольких политических партий, Янь Минфу доложил, что некто, представлявший местный (шанхайский) единый фронт, сказал ему, что партком Шанхая хотел отойти от своей прежней позиции. Они надеялись, что руководство единым фронтом в центре (то есть в Пекине) будет содействовать в этом. Я ответил: «Поскольку партком Шанхая обращается с такой просьбой, вы должны помочь им найти решение».

10 мая Цзян Цзэминь приехал в Пекин и говорил со мной о планах ослабления напряженности. Я сказал ему, что вопрос должен быть решен в Шанхае без вмешательства Центрального Комитета, чтобы обойти подозрения в том, что власти Шанхая просто поддались нажиму со стороны Центрального Комитета. Цзян Цзэминь был рад услышать это, а после 4 июня включил этот инцидент в перечень обвинений в мой адрес. (С. 24)

Здесь раскрывается роль Цзян Цзэминя в событиях того времени.

Цзян Цзэминь в то время был первым секретарем парткома КПК города Шанхая. В свое время в КНР писали, что Цзян Цзэминь был зятем Ли Сяньняня. В то же время он старался доказать свою лояльность Дэн Сяопину.

Это удалось Цзян Цзэминю, в первую очередь, благодаря тому, что он продемонстрировал одновременно и свою решительность в недопущении развития гласности и свободы печати в Шанхае и свое отрицательное отношение к Ху Яобану.

Прогрессивная шанхайская газета выпустила номер с материалами о Ху Яобане, стремясь увековечить память о нем и о том, что было им сделано для китайского народа. Цзян Цзэминь приказал закрыть газету и снял с поста ее главного редактора.

Чжао Цзыян считал, что этого делать не следовало.

В то же время, учитывая, что все это произошло тогда, когда Чжао Цзыян находился в КНДР, он не стал делать выговор руководству парткома Шанхая, призвав его самостоятельно исправить положение.

После событий 4 июня 1989 года Цзян Цзэминь резко критиковал Чжао Цзыяна, особенно упирая на его позицию в «деле» органа печати, который выступил с положительными отзывами о Ху Яобане.

В то время ходили также слухи о том, что в Шанхае Цзян Цзэминь вооружил обрезками труб и бейсбольными битами «боевые дружины» рабочих города и натравил их на студентов, которые вышли в Шанхае на демонстрации. Так без применения армии в Шанхае было подавлено студенческое движение.

Цзян Цзэминь доказал Ли Сяньняню и Дэн Сяопину, что он выступал против прогрессивной интеллигенции и против студентов, требовавших демократии.

«Заслуга» Цзян Цзэминя была отмечена. Его сделали генеральным секретарем ЦК КПК вместо Чжао Цзыяна. Тем самым был укреплен союз Дэн Сяопина и Ли Сяньняня. Таким образом, Цзян Цзэминь, как и Дэн Сяопин, Ли Пэн и прочие, несет ответственность за то, что произошло в 1989 году в Китае. Цзян Цзэминь выступал против пересмотра оценки событий 4 июня 1989 г., так как это коснулось бы и его самого.

ДВА ЭТАЖА ОБЩЕСТВА

Будучи полностью лишены иллюзий в результате диалогов с правительством, студенты решили использовать визит Горбачева, чтобы начать широкомасштабные уличные демонстрации и голодовку. Они верили, что это была лучшая возможность для того, чтобы оказать давление на правительство, возможность, которая вынуждала демонстрировать толерантность во время государственного визита. Однако студенты ошибались, потому что чем больше они старались продвинуться вперед, тем больше предлогов премьер Ли Пэн и его сообщники имели для того, чтобы подавить их насильственным образом.

Когда до меня дошли сообщения об этом, я воспользовался возможностью произнести речь на митинге рабочих 13 мая. Грубо говоря, я сказал им, что для студентов было бы неразумно нарушать международные переговоры и наносить ущерб Китайско-Советским отношениям, так как их требования не будут удовлетворены. Более того, они могут не получить поддержки со стороны большинства людей. Я выразил надежду на то, что они примут во внимание всю большую картину событий в целом, и не нанесут ущерба нашим друзьям, в то же время, действуя к удовольствию наших врагов.

События 1989 года развивались как будто бы на двух этажах существования общества в Китае.

На одном этаже были действия масс населения, прежде всего, студенческой молодежи и интеллектуалов.

На другом этаже взаимоотношения внутри руководящего слоя КПК.

Эти два потока были в одно и то же время и отдельны и взаимосвязаны, то есть было что-то, присущее каждому потоку внутри него, не зависящее от внешних обстоятельств, было и взаимное влияние и воздействие.

Важно иметь в виду, что демонстранты, и партийные круги не имели между собой прямой связи. Это, в частности, означало, что никто «сверху» не руководил демонстрациями.

Это также означало, что тогда существовал разрыв между массами и партией, ее руководящими кругами.

Здесь высвечивается то обстоятельство, что, в данном случае в КНР, после прихода к власти или захвата власти коммунистической партией,

она устанавливает такой политический режим, для которого характерно появление номенклатуры и массы простых людей. Между ними со временем возникают противоречия. Эти противоречия обостряются.

В КНР Мао Цзэдун и его партия пришли к власти в 1949 году. Через полтора десятка лет ненависть огромных масс населения к партийной номенклатуре достигла таких масштабов, что Мао Цзэдун использовал ее в своих интересах, объявив себя «вождем» масс в борьбе против «идущих по капиталистическому пути», то есть против номенклатуры. При этом он поделил номенклатуру на две части. Одну ее часть он представил как «Группу по делам культурной революции», то есть как своих помощников и выдвиженцев. Ее трогать не разрешалось. Более того, она, в опоре на органы общественной безопасности, руководила действиями масс. Другая была объявлена «классовыми врагами». Против нее Мао направил ненависть простых людей, в первую очередь, молодежи.

После «культурной революции» прошло еще около 15 лет. В обществе снова накопилась ненависть к номенклатуре. Теперь это носило характер разложением партийно-государственного чиновничества.

Движение в КНР против номенклатуры было естественным и массовым.

По сути дела, массы требовали реформ политического характера.

Внутри руководства партии также произошло разделение на сторонников политических реформ и противников таких реформ.

Такой и была ситуация в апреле – мае 1989 года. В частности в тот момент, когда должен был состояться визит М. С. Горбачева в Пекин. И должно было быть объявлено о нормализации двусторонних отношений после трех десятилетий противостояния и конфронтации, навязанной действиями Мао Цзедуна.

Здесь Чжао Цзяян касается вопроса о состоянии в то время двусторонних отношений нашей страны и КНР.

Он выступает за налаживание этих отношений. Он хотел бы, чтобы ничто не мешало их нормализации.

В то же время Чжао Цзяян понимал, что студенты пытались использовать пребывание М. С. Горбачева в Пекине в надежде на то, что власть в этих условиях пойдет навстречу их требованиям. Чжао Цзяян попытался довести до рабочих, молодежи, интеллектуалов, что они напрасно надеются на это.

Более того, усиление напряженности в результате действий студентов могло, по мнению Чжао Цзяяна, только дать Ли Пэну дополнительные аргументы в пользу применения вооруженных сил для подавления демонстраций с требованиями демократии.

Чжао Цзяян предупреждал студентов, что большинство населения Китая не поддержит их еще более решительные действия. Он также предупреждал о том, что такие действия с их стороны могут осложнить по-

ложение тех людей в руководстве партии, которые настроены в пользу осуществления политических реформ в стране.

К сожалению, голос Чжао Цзыяна не был услышан возбужденными молодыми людьми.

К этому следует добавить, что действия Чжао Цзыяна были в достаточной степени взвешенными, чтобы, при соответствующих условиях, не провоцировать излишнее нагнетание противоречий и внутри руководящих кругов, и в обществе в целом.

Высказывания Чжао Цзыяна свидетельствовали о том, что он трезво оценивал ситуацию и понимал, что, несмотря на большой размах студенческих демонстраций, у Дэн Сяопина вполне хватит вооруженных сил, чтобы потопить в крови движение студентов, а страна в целом не поднимется на защиту студентов, никакого восстания в их поддержку ждать не приходилось.

Он также хорошо понимал, что вероятное развитие событий может привести к тому, что внутри руководящих кругов партии возобладает Дэн Сяопин со своими сторонниками и приверженцами, а сторонники реформ политического характера вполне возможно будут устранены из руководства.

Таковы были объективные тенденции вероятного развития обстановки. К такому исходу нужно было быть готовым. Вместе с тем Чжао Цзыян не отступал от своей принципиальной позиции, то есть был уверен в необходимости продолжения экономических реформ и в необходимости начала политических реформ.

Мое обращение было напечатано во всех главных газетах. Однако студенты не отозвались на него вовсе; они продолжали свои действия, несмотря ни на что. (С. 25) Во второй половине дня 13 мая более двухсот студентов из более чем двадцати вузов и более чем тысяча тех, кто выступал в качестве их защитников, пришли на площадь Тяньаньмэнь для того, чтобы провести там сидячую голодовку. (С. 25–26) Начиная с этого дня, студенты заняли площадь, и так продолжалось вплоть до кровавых событий 4 июня.

Голодовка студентов пользовалась всеобщими симпатиями и поддержкой. Десятки тысяч людей из различных правительственных учреждений и других организаций, как и рядовые городские жители, проводили демонстрации в их поддержку. Их число увеличивалось день ото дня. Численность тех, кто принимал участие в голодной забастовке, тоже увеличивалась. Она достигала максимум двух или трех тысяч человек. Студенты были воодушевлены такой ситуацией, и становилось еще более трудным убедить их покинуть площадь.

В это время действия студентов носили все еще по большей части спонтанный характер. Даже хотя они и сформировали командный центр, ни один вожак среди них не мог принимать хладнокровные решения. И да-

же когда решение было принято, оно никоим образом не оказывалось действенным. Возжаки менялись постоянно в командном центре, и дела делались во исполнение идей тех, чей голос оказывался наиболее громким и наиболее пронзительным. Мы пытались убеждать студенческих вожakov, мобилизовав руководителей и профессоров университетов, попросив их поговорить с ними, но эти попытки были попытками поговорить с глухими. Из-за Ли Пэна и его сообщников принципиальная линия на то, чтобы снизить напряженность, открыть диалог и таким образом убеждать людей, не была воплощена в жизнь.

На четвертый день голодной забастовки некоторые студенты начали падать в обморок. Я чрезвычайно беспокоился из-за того, что если это будет продолжаться, некоторые студенты могут умереть. И тогда для нас настали бы трудные времена, когда мы должны были бы отвечать перед нашим народом.

В ночь на 17 мая, после встречи с Горбачевым, я созвал заседание Постоянного комитета Политбюро для того, чтобы обсудить вопрос обращения с публичным заявлением от имени пяти членов ПК ПБ с призывом к студентам прекратить голодовку. Проект содержал предложение: «Пассионарный патриотизм студентов вызывает восхищение, и Центральный Комитет и Государственный Совет одобряют их действия».

Ли Пэн выступил против, сказав: «Тут сказано о “восхищении”, этого совершенно достаточно. Нужно ли нам еще и говорить, что мы “одобряем”?»

Ян Шанкунь ответил: «Студенты предлагают действия против коррупции. Мы можем сказать, что одобряем это».

Я был крайне возмущен позицией Ли Пэна, и сказал: «Если мы не упомянем об “одобрении”, то это будет означать, что мы вообще ничего не скажем. Тогда с какой целью мы будем выступать с заявлением? Наша нынешняя задача состоит в том, чтобы выпустить заявление, которое успокоит эмоции студентов. Мы не должны препираться относительно формулировок».

Большинство членов Постоянного комитета согласились включить эту формулировку, поэтому такое предложение прошло с незначительным перевесом. (С. 26)

Итак, к 17 мая, к тому дню, когда Дэн Сяопин навязал решение ввести военное положение, ситуация сложилась следующим образом.

Студенты действовали стихийно и стремились применять все более сильные формы выражения своих требований.

Их недовольство действиями партийной номенклатуры, особенно правительства во главе с Ли Пэном, было в те дни всепоглощающим.

Они выражали готовность погибнуть, но не отступали от своих требований демократии и борьбы с разложением партийной номенклатуры. Студенты начали массовую голодовку на площади Тяньаньмэнь.

Они не слышали трезвый голос Чжао Цзыяна.

Чжао Цзыян делал все, что было в его силах, стремясь удовлетворить требования студентов, пойти им навстречу и снизить напряженность. В первую очередь, добиться прекращения голодовки, так как это грозило смертью ее участникам.

Чжао Цзыян предложил от имени ПК ПБ ЦК КПК и ГС КНР выступить с обращением к студентам, в котором назвать их действия патристическими и одобрить их. Ли Пэн был против одобрения акций студентов. ПК ПБ ЦК КПК незначительным большинством, очевидно голосами Чжао Цзыяна, Ху Цили и Цяо Ши, против голосов Ли Пэна и Яо Илия, одобрил предложение Чжао Цзыяна. Это показало Дэн Сяопину, что он может оказаться перед мнением большинства руководства партии при принятии официальных шагов. Возможно, что это подтолкнуло Дэн Сяопина к выступлению на сцену и к решительным действиям.

Дэн Сяопин все эти дни отсиживался у себя дома и очевидно выбирал момент для того, чтобы начать насильственное подавление студенческих демонстраций. Он не участвовал в заседании ПК ПБ ЦК.

Есть основания предполагать, что он стремился вынудить студентов на крайние меры, а также побудить Чжао Цзыяна к демонстрации поддержки действий студентов, чтобы затем «прихлопнуть» и студентов, и Чжао Цзыяна.

Однако к этому времени я был убежден в том, что ситуация в своем развитии дошла до такой стадии, когда даже это заявление не положило конец голодной забастовке, потому что самым главным требованием было требование отозвать те характеристики демонстрантов, которые сохдержались в редакционной статье от 26 апреля. Я ощущал, что это была та проблема, которую мы больше не можем обходить. Если бы этот главный вопрос не был решен, не было бы никакой возможности прекратить голодовку и продолжить диалог. А если бы голодовка продолжалась, непредсказуемые, но чрезвычайно серьезные, последствия, могли бы иметь место.

Поэтому я впервые официально предложил пересмотреть оценки, содержащиеся в редакционной статье от 26 апреля на заседании Постоянного комитета Политбюро. Ли Пэн немедленно выступил против этого.

Он сказал, что формулировки, содержащиеся в редакционной статье от 26 апреля, были составлены строго в соответствии со словами Дэн Сяопина, и потому не могут быть изменены. Мой ответ состоял в том, что проект редакционной статьи был составлен в соответствии с протокольной записью заседания Постоянного комитета Политбюро от 24 апреля, и что Дэн просто своим голосом выразил поддержку того обсуждения, которое тогда имело место.

Ян Шанкунь предостерег от пересмотра редакционной статьи от 26 апреля, потому что это нанесло бы ущерб образу Дэн Сяопина. Я от-

ветил, что мы могли бы повести дело таким образом, чтобы избежать нанесения какого бы то ни было ущерба репутации Дэна; Постоянный комитет Политбюро мог бы взять на себя коллективную ответственность. Я также сказал, что поскольку я послал телеграмму из Северной Кореи, согласившись с решением Дэна, я должен взять на себя ответственность за редакционную статью от 26 апреля. Если необходимо, то можно было бы добавить, что это я одобрил ее.

Ли Пэн резко заявил: «Это позиция недостойная политического деятеля!». В результате пересмотр редакционной статьи от 26 апреля оказался невозможным.

В ночь на 17 мая Чжао Цзыян на заседании ПК ПБ ЦК КПК прямо предложил пересмотреть оценки, содержащиеся в статье «Жэньминь жибао» от 26 апреля. Дэн Сяопин своими закулисными ходами вынудил Чжао Цзыяна пойти на это. А это давало Дэн Сяопину возможность обратить острие своих нападков лично против Чжао Цзыяна.

Ли Пэн и Ян Шанкунь возражали, ссылаясь на то, что нельзя пересматривать мнение Дэн Сяопина.

Пересмотр статьи оказался невозможным. Поэтому невозможно было и пойти навстречу студентам. Противостояние на площади Тяньаньмэнь и в руководстве партии дошло до высшей точки.

У меня не было иного выбора, кроме как высказать свои взгляды лично Дэну, во время встречи лицом к лицу. 17 мая я позвонил с просьбой о встрече с Дэном. Позднее член штаба Дэна попросил меня прибыть во второй половине дня на заседание в дом Дэна.

Все члены Постоянного комитета Политбюро плюс Ян Шанкунь были уже там. В это время Вань Ли, который должен был бы присутствовать, все еще находился за границей. Поскольку я просил о личной встрече с Дэном, а оказалось, что Дэн созвал заседание Постоянного комитета в полном составе в его доме, я понял, что дело обернулось скверно.

17 мая 1989 г. Дэн Сяопин сделал один из самых важных шагов в своей политической жизни.

Он провел у себя совещание высших руководителей КПК – КНР.

По существу это была встреча «двух Китаев».

После прихода к власти в Китае Мао Цзэдун и его приверженцы называли себя и государство, над которым они властвовали, «Новым Китаем».

Однако после смерти Мао Цзэдуна постепенно становилось все более ясно, что появляется еще более Новый Китай. Можно было говорить о **Старом** Новом Китае и о **Новом** Новом Китае. Или о Китае Мао Цзэдуна и о Китае без Мао Цзэдуна.

При этом Дэн Сяопин знал о том, что в официальном органе руководства партией, то есть в ПК ПБ ЦК КПК, у Чжао Цзыяна было большин-

ство: Чжао Цзыян, Ху Цили и Цяо Ши против Ли Пэна и Яо Илия. Поэтому Дэн Сяопин попытался представить дело таким образом, как будто бы во время встречи 17 мая Чжао Цзыян якобы оказался в меньшинстве.

Дэн Сяопин, Ли Пэн, Яо Илия, Ян Шанкунь во время встречи в доме Дэн Сяопина 17 мая 1989 года представляли Старый Новый Китай или Китай Мао Цзэдуна.

Чжао Цзыян, Ху Цили и Цяо Ши представляли Новый Новый Китай или Китай без Мао Цзэдуна.

Когда мы говорим тут о Китае без Мао Цзэдуна, это означает, что речь шла о Китае, освобождающемся от пут идеологии и политической системы, навязанной Китаю Мао Цзэдуном и его приверженцами и последователями.

Конечно, никто прямо об этом в самом Китае не говорил.

Однако рассмотрение и анализ сути позиций сторон свидетельствовали именно об этом.

Попутно можно отметить, что Дэн Сяопин вел себя как самовластный «хозяин партии и государства», что нашло свое выражение в том, что он организовал эту встречу у себя дома, где выступал в роли полновластного хозяина и дома, и партии и государства.

В этом смысле Дэн Сяопин подражал Мао Цзэдуну, который проводил иной раз заседания руководства партии у себя дома в спальне, лежа в спальном халате в своей постели.

Прежде всего, я изложил мои взгляды. В общем и целом, они состояли в следующем:

Ситуация в ходе студенческих демонстраций ухудшилась, и становится чрезвычайно серьезной. Студенты, преподаватели, журналисты, и даже некоторое правительственные чиновники принимают участие в протестах на улицах. (С. 27) Сегодня приблизительно от 300 до 400 тысяч человек. Довольно большое число рабочих и крестьян тоже симпатизируют. Кроме того, существуют острые вопросы, касающиеся коррупции и прозрачности властей (правительства); главный побудительный мотив для всех этих различных социальных групп состоит в том, что они хотят объяснения того, как Партия и правительство могут быть такими бессердечными (холодносердными) перед лицом объявивших голодовку бастующих студентов, ничего не предпринимая для того, чтобы спасти их. Главное, что блокировало диалог со студентами, это оценки, содержащиеся в редакционной статье от 26 апреля. Статью, которая вызвала такое ошибочное понимание, следовало бы считать не ясной или содержащей в известном смысле не точные выражения. Единственный путь к какому-то решению состоит в том, чтобы как-то смягчить оценки, содержащиеся в данной статье. Это ключ к решению вопроса, и если это будет принято, это получит широкую общественную поддержку. Если мы

устраним ярлыки со студенческого движения, мы вернем себе контроль над ситуацией. Если же голодная забастовка будет продолжаться, и кто-то умрет, это будет бензином, которым плеснули в огонь. Если мы встанем в конфронтацию с массами, может возникнуть опасная ситуация, и мы в этой ситуации полностью потеряем контроль над ней.

Чжао Цзыян в своих воспоминаниях полностью излагает свое выступление во время встречи 17 мая в доме Дэн Сяопина.

Это означает также, что Чжао Цзыян был смелым и решительным политическим лидером, убежденным в своей правоте и в том, что он выражает интересы большинства народа Китая.

Чжао Цзыян не боялся ни Дэн Сяопина, ни кого бы то ни было из сторонников Дэн Сяопина, в том числе военных.

Чжао Цзыян прекрасно понимал, на что он шел. Он выступил от имени Китая Будущего, и высказало в лицо Китаю Прошлого свои принципиальные соображения. Чжао Цзыян был уверен, что, рано или поздно, но Китай Будущего победит, а Китай Прошлого сойдет со сцены.

Чжао Цзыян не только поддержал требования протестующих масс народа, но и бросил прямо в лицо Дэн Сяопину обвинение в бессердечности, то есть в бесчеловечности или людоедстве. Именно бесчеловечность была главной сутью политики Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина. Именно против него протестовали в то время люди в Китае.

Чжао Цзыян прямо в лицо Дэн Сяопину сказал, что народ в Китае протестует против его позиции.

Он предупредил Дэн Сяопина и весь Старый Новый Китай, Китай Мао Цзэдуна, что уже началась конфронтация людей Китая, народа Китая с этим Китаем Мао Цзэдуна. Разумный путь для власть предержащих в этой ситуации был только один: пойти на уступки и искать компромисс с массами.

Было также совершенно очевидно, что за годы правления Мао Цзэдуна, да и Дэн Сяопина, в Китае, внутри даже руководства КПК, нашлись люди, которые понимали необходимость принципиальных и существенных изменений, политических реформ, и были готовы заявить об этом прямо, а также отстаивать свои взгляды до конца.

Когда я излагал свой взгляд, Дэн казался очень нетерпеливым и недовольным. Когда я кончил говорить, Ли Пэн и Яо Илинь немедленно встали, чтобы критиковать меня.

Они возложили ответственность за эскалацию демонстраций целиком на мою речь по случаю годовщины движения 4 мая и на речь, которую я произнес в Азиатском Банке Развития. Тогда я впервые услышал критику с их стороны моего выступления в Азиатском Банке Развития. Хотя они, по сути, выступали против нее, никогда до той поры они не говорили об этом открыто. Напор обвинений с их стороны был для меня полной нео-

жиданностью. Судя по тому, что они, атакуя меня, не сдерживали себя, я мог увидеть, что они уже заручились молчаливым одобрением со стороны Дэн Сяопина.

Чжао Цзыян отметил, что у Дэн Сяопина, когда он слушал Чжао Цзыяна, был нетерпеливый и недовольный вид.

Это говорило не только о характере Дэн Сяопина, который, как и Мао Цзэдун, не терпел иных мнений, инакомыслия, но и о том, что он уже все решил, а потому был глух к доводам разума. Это также означало, что для Дэн Сяопина его собственная власть была превыше всего, была важнее, чем интересы и желания народа.

Было также очевидно, что перед этой встречей Дэн Сяопин встречался с Ли Пэнгом, Яо Илинем и Ян Шанкунем и потребовал от них осудить позицию Чжао Цзыяна, что они и сделали. Атакуя Чжао Цзыяна, они не сдерживали себя. Это также было проявлением и характера Дэн Сяопина, того, чего он требовал от своих приверженцев.

Ху Цили выразил свое мнение, полагая, что редакционная статья должна быть пересмотрена. Цяо Ши отделался экивоками. Ян Шанкунь возражал против пересмотра редакционной статьи, ссылаясь на то, что это окажет весьма дурное воздействие на общество. Он сказал: «Ляо Ханьшиэн убежден, что военное положение должно быть введено. Вероятно, мы должны рассмотреть введение военного положения...» До того времени Ян Шанкунь всегда выступал против введения военного положения, но на сей раз он процитировал высказывание Ляо Ханьшиэна (военачальника – ветерана), в то время как фактически он сам изменил свою позицию.

Высказались все участники встречи.

Ху Цили поддержал мнение Чжао Цзыяна.

Ху Цили был в свое время близким к Ху Яобану человеком. В КПК существовало мнение о том, что после ухода со своего поста Чжао Цзыяна следующим генеральным секретарем ЦК КПК может быть Ху Цили.

Цяо Ши, как отмечал Чжао Цзыян, отделался экивоками. Во всяком случае, он не выступил против Чжао Цзыяна, что было важно в создавшейся ситуации.

Ян Шанкунь повел себя как один из тех «старейшин» партии, которые в конечном счете поступали так, как требовал от них Дэн Сяопин.

Более того, именно Ян Шанкунь, который до этого поддерживал Чжао Цзыяна, изменил свою позицию и предложил ввести военное положение. Так Ян Шанкунь проявил свою натуру политика, который способен на обман.

В конце Дэн Сяопин принял окончательное решение. Он сказал: «Развитие ситуации только подтвердило то, что оценки, содержащиеся в ре-

дакционной статье от 26 апреля, были правильными. Причина, по которой студенческие демонстрации не утихли, кроется где-то внутри Партии, и это выступления Чжао Цзыяна по случаю (годовщины движения) 4 мая и на заседании Азиатского Банка Развития. С того времени обратного хода нет; в настоящее время ситуация развиваясь по спирали, полностью вышла из-под контроля; решение состоит в том, чтобы ввести войска в Пекин, чтобы установить военное положение». (С. 28)

Он также назначил Ли Пэна, Ян Шанкуня и Цяо Ши в качестве группы из трех человек, которая должна была осуществить введение военного положения.

То, что сказал Дэн Сяопин, свидетельствовало о том, что он изначально был настроен в пользу применения силы с целью подавления уличных демонстраций. Все, что делал Дэн Сяопин в апреле-мае 1989 года до 17 мая, было игрой, обманом, интригами, возможно, тактическими ходами, которые он считал необходимым делать, идя к поставленной цели.

Дэн Сяопин обвинил Чжао Цзыяна в том, что студенческие демонстрации не утихли, хотя для таких обвинений не было никаких оснований.

Дэн Сяопин не понимал, и не желал понимать, что народ Китая был недоволен системой, созданной при Мао Цзэдуне, что Чжао Цзыян всего лишь проявлял понимание настроений народа.

Дэн Сяопин, как и Мао Цзэдун, стремился представить дело таким образом, как будто бы неразумные массы были спровоцированы некими людьми в руководстве партии на демонстрации, а эти люди в руководстве партии просто боролись за власть, за отстранение от власти Дэн Сяопина. Вот в чем была суть выступления Дэн Сяопина.

Кроме того, он проявил себя, как верный последователь Мао Цзэдун, заявив, что нельзя допускать выхода обстановки из-под контроля, то есть попытался внушать, что он-то выступает, дескать, за стабильность, а стабильность можно в Китае устанавливать, только введя войска в Пекин, и установив военное положение.

Вот в этом выступлении Дэн Сяопина проявилось то, что «дело Мао Цзэдуна живет», что контроль над народом Дэн Сяопин будет держать в опоре на силы общественной безопасности и на вооруженные силы.

Когда Дэн закончил, я сказал, что иметь решение всегда лучше, чем не иметь никакого решения; но меня чрезвычайно беспокоят те серьезные последствия, которые это может иметь. В качестве генерального секретаря для меня было бы затруднительно вводить и эффективно осуществлять такое решение. Дэн сказал: «Если это окажется ошибочным решением, мы все будем нести ответственность за него».

Психологически Дэн Сяопин вероятно ожидал, что никто не будет прямо возражать против принятого им решения.

Чжао Цзыян и здесь проявил принципиальность.

Во-первых, он дал оценку выступлению Дэн Сяопина, что само по себе было непривычно для Дэн Сяопина.

Чжао Цзыян отметил, что наконец-то удалось заставить Дэн Сяопина прямо высказаться и принять решение. Следовательно, ответственность пала на Дэн Сяопина.

Во-вторых, Чжао Цзыян, обращаясь и к Дэн Сяопину, и к присутствующим, но и к потомкам, сказал, что его беспокоят последствия решения, принятого Дэн Сяопином. Это было обвинение в адрес Дэн Сяопина и всех, кто поддержал его решение, кто осуществлял его решение. Они оказывались виновны в смерти китайских людей в мирное время от руки солдат армии Коммунистической партии Китая.

В-третьих, Чжао Цзыян заявил, что он не будет осуществлять решение Дэн Сяопина в качестве генерального секретаря ЦК КПК. Это означало, что генеральный секретарь ЦК КПК не был согласен с подавлением демонстрантов на центральной площади Пекина с помощью НОАК.

Возникла ситуация, при которой оказалось, что первый по рангу официальный руководитель ЦК КПК не был согласен с рядовым членом партии, но председателем Военного совета ЦК КПК Дэн Сяопином, который, вопреки позиции генерального секретаря ЦК КПК, вводил военное положение и был намерен давить народ Китая танками, а также открыть стрельбу по безоружным людям в столице КНР.

В ответ Дэн Сяопин не сумел сказать ничего. Он лишь попытался снять с себя одного, или с себя лично, ответственность за принятое решение. Дэн Сяопин сказал, что если когда-либо выяснится, что это окажется ошибочным решением, то «мы все будем нести ответственность за него».

И здесь Дэн Сяопин не был оригинален. Он просто, по сути дела, повторил то, что в свое время Мао Цзэдун говорил Пэн Дэхуаю: «Возможно, истина на твоей стороне. Пусть история сделает вывод».

Во время этого заседания Ли Пэн также заявил, что содержание заседаний Постоянного комитета Политбюро просачивается в публику, и что внутри есть некоторые плохие люди; Бао Тун (политический секретарь ПК ПБ) – это один из них. Я ответил: «Ты должен нести ответственность за такое свое заявление! Какие доказательства есть у тебя?» Он сказал: «У меня есть доказательства, и я их раскрою тебе позднее».

Подлость тех, кто входил в политическую систему Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина, состояла еще и в том, что они всегда искали внутри партии тех, в ком видели опасность своему положению у власти. Поэтому они искали «классовых врагов», «лазутчиков, предателей и агентов». Вот и в данном случае Ли Пэн попытался обосновать будущую широкую чистку партии от сторонников Чжао Цзыяна, обвинив его политического секретаря Бао Туна в раскрытии секретов партии. Чжао Цзыян уличил Ли Пэна

во лжи, потребовав тут же представить доказательства. Ли Пэн не смог этого сделать.

Вообще Ли Пэн вел себя тогда так, как будто бы именно он должен был по воле Дэн Сяопина занять место генерального секретаря ЦК КПК.

На практике после отстранения Чжао Цзыяна Бао Туна действительно, не имея никаких доказательств его вины, бросили в тюрьму на семь лет. Это необходимо отметить, говоря о Дэн Сяопине, и о его честности.

Я ушел, как только заседание закончилось. Мне неизвестно, просил ли Дэн Сяопин остальных остаться, чтобы обсуждать другие вопросы.

В этом момент я был чрезвычайно расстроен. Я говорил себе, что, как бы там ни было, а я отказался быть тем генеральным секретарем, который мобилизовал военных на подавление студентов. Возвратившись домой, находясь под сильным давлением эмоций, я позвонил Бао Туна и велел составить проект письма о моей отставке, чтобы направить его в Постоянный комитет.

После встречи в доме Дэн Сяопина, Чжао Цзыян ушел с нее первым. Остальные остались, очевидно, выслушать инструктаж Дэн Сяопина.

Чжао Цзыян полагал, что главное ему удалось. В создавшейся обстановке он отказался быть тем генеральным секретарем, который мобилизовал военных на подавление студентов. На нем не было крови китайского народа, в отличие от Дэн Сяопина.

Чжао Цзыян также тут же велел составить проект письма о своей отставке с поста генерального секретаря ЦК КПК.

Так в 1987 и в 1989 гг. Дэн Сяопин путем интриг и закулисной деятельности, не совместимой с уставом партии, добился ухода с поста генерального секретаря ЦК КПК подряд двух человек: Ху Яобана и Чжао Цзыяна. Если говорить о «шоковой терапии со спецификой Дэн Сяопина», это две из трех ее составных частей. Еще одной составной частью был расстрел и подавление мирных демонстраций в Пекине 4 июня 1989 г.

Вечером того же дня на заседании Постоянного комитета я отказался принять поручение быть председателем на совещании кадровых работников, где объявлялось о введении военного положения. Я сказал: «Кажется, моя миссия в истории уже завершена». Ян Шанкунь ответил мне: «Такого рода вопрос не может быть поднят в настоящее время. Никакие изменения в руководстве не должны производиться». Он имел в виду, что мое положение генерального секретаря не должно быть изменено.

Как только мое письмо с просьбой об отставке попало в Управление делами ЦК партии, Ян Шанкунь получил его. Он позвонил мне и настойчиво убеждал меня пересмотреть мое решение. Ян Шанкунь сказал: «Если эта информация просочится, ситуация станет еще хуже. Мы не должны подливать бензина в огонь».

Я согласился с его аргументами и 18 мая уведомил Управление делами, дав указание остановить рассылку письма. Мой секретарь (Ли Шуцяо) позднее вернул его.

Дэн Сяопин предпринял попытку заставить Чжао Цзыяна участвовать в его акции по введению военного положения в Пекине.

Очевидно, он рассчитывал на то, что, даже отказавшись поддержать это решение, Дэн Сяопина во время встречи 17 мая, Чжао Цзыян, подумав, не пойдет против его воли.

Поэтому на заседании ПК ПБ ЦК КПК Чжао Цзыяну было предложено председательствовать на совещании, где Ли Пэн должен был выступить с объявлением о введении военного положения. Чжао Цзыян со всей твердостью подтвердил свою принципиальную позицию, сказав: «Кажется, моя миссия в истории уже завершилась».

Это показало, что Чжао Цзыян мыслил масштабно, глобально-исторически, хорошо понимая, что речь идет о столкновении и противостоянии двух исторических течений: про-маоцзедуновского течения Дэн Сяопина и его приверженцев, и течения в пользу экономических и неразрывно связанных с ними политических реформ в Китае с целью мирного эволюционного преобразования китайского общества, китайского государства в рыночную экономическую и демократическую политическую систему.

Чжао Цзыян знал, что сила, вооруженные силы, находится в руках Дэн Сяопина. Заставить Дэн Сяопина понять историческую обреченность системы, созданной при правлении Мао Цзэдуна, в то время оказалось невозможно.

Следовательно, оставалось лишь подтвердить свою приверженность принципиально иному подходу к проблемам Китая. Это Чжао Цзыян и сделал.

О характере Дэн Сяопина свидетельствует и то, что, практически от его имени, на Чжао Цзыяна попытались оказать воздействие, призывая его «сохранять лицо» Дэн Сяопина и «лицо» той части руководства КПК, которая шла на введение военного положения.

Чжао Цзыян не согласился на это.

Далее, Чжао Цзыяну пришлось испытать на себе давление с целью заставить его отозвать поданное им заявление об уходе с поста генерального секретаря ЦК КПК.

Это сторонники Дэн Сяопина обосновывали необходимостью не усугублять положение внутри самой партии, а также сохранять образ партии как монолита среди населения КНР.

Чжао Цзыян пошел на то, чтобы забрать назад это свое заявление. Думается, что этот вопрос, с его точки зрения, с одной стороны, не был столь же принципиальным, как заявленная им позиция, и как его отказ быть причастным к решению Дэн Сяопина о введении военного положе-

ния и председательствовать на совещании с выступлением Ли Пэна. Думается также, что, с другой стороны, Чжао Цзыян всю свою жизнь связал с КПК, а потому он все еще считал, что следует подождать, пока внутри КПК созреют более мощные тенденции и силы в пользу продвижения в том направлении, в котором партии предлагали идти вперед Ху Яобан, Чжао Цзыян, Вань Ли.

Здесь я хотел бы прояснить кое-что относительно того заседания, которое созвал Дэн, и которое решило ввести военное положение и подавить студентов. В обществе ходили слухи, что ПК ПБ проголосовал за это решение тремя голосами против двух. Однако фактически не было голосования: «три против двух». На заседании присутствовали всего несколько человек. (С. 29) Среди членов Постоянного комитета соотношение было: два против двух. Ху Цили и я были за то, чтобы пересмотреть редакционную статью. Яо Илин и Ли Пэн были яростно против. Цяо Ши остался нейтральным, не высказав никакого ясного мнения. (С. 29–30)

Так что не было ничего такого, что называют «трое против двоих». Ну, конечно, если сюда добавить мнения Дэна и Яна, которые не были членами Постоянного комитета, тогда, считая всех тех, кто присутствовал на заседании, они, конечно, составляли большинство. Однако фактически Постоянный комитет не проводил официального голосования.

Чжао Цзыян счел необходимым оставить потомкам свое свидетельство того, каким было соотношение голосов в ПК ПБ ЦК КПК при обсуждении вопроса в доме Дэн Сяопина 17 мая 1989 года, и того, что голосование по этому вопросу не проводилось.

О характере Дэн Сяопина, о том, что он предпочитал действовать путем интриг и распространения слухов, и свидетельствовало то, что в общество, в партию был запущен слух о том, что решение о введении военного положения якобы принималось путем голосования, и что это голосование якобы было голосованием большинства против меньшинства. Чжао Цзыян, дескать, остался в меньшинстве.

Все эти слухи были распространены еще и с той целью, чтобы попытаться снять с Дэн Сяопина персональную вину и ответственность за смерть людей в результате расстрела и подавления демонстрации на главной площади и улице Пекина. Дэн Сяопин очень боялся того, что люди в Китае узнают, что именно он несет ответственность за кровь, пролитую его солдатами во время событий 4 июня 1989 года.

На протяжении всех этих дней многие известные люди и старейшие члены партии звонили или присылали письма мне и в Центральный Комитет, призывая нас должным образом отнестись к студентам, признать, что действия студентов носили патриотический характер, и изменить ошибочное отношение к студентам. Среди них были и те, к кому Дэн Ся-

опин всегда относился с большим уважением, например, такие, как старый товарищ Ли Иман.

18 мая я направил подборку этих писем Дэну и написал ему, чтобы напомнить о своей позиции, в надежде, что он пересмотрит свою. Хотя я знал, что надежды на это очень мало, я предпринял последнюю попытку. Вот текст моего письма:

Товарищ Сяопин!

Направляю несколько обращений влиятельных старых товарищей. Надеюсь, что ты их прочитаешь.

Ситуация в настоящее время представляется чрезвычайно серьезной, причем самым важным из всего является необходимость остановить голодную забастовку студентов (а этому люди очень сочувствуют), чтобы избежать смертей. Решающая просьба, которую должно выполнить с тем, чтобы остановить голодную забастовку, это пересмотр ярлыков и оценок, которые были даны им в редакционной статье, датированной 26 апреля, и признание их действий патриотическими.

Я со всем вниманием подошел к этому и чувствую, что мы должны, какую бы боль это не причиняло, решиться пойти на эти уступки. И когда наши главные руководители лично выйдут к массам и признают это, накал эмоций будет в громадной степени снижен, и затем могут быть решены другие вопросы. Даже если ты должен в конечном счете принять некие решительные меры в целях поддержания порядка, мы должны сделать этот шаг первым. В противном случае, принимая жесткие меры, которым решительно противится большинство людей, можно привести дело к серьезным последствиям, которые грозят судьбе партии и государства.

С глубокой озабоченностью я снова обращаюсь к тебе с просьбой рассмотреть это предложение.

Чжао Цзыян.
18 мая. (С. 30)

Вот то первое письмо, которое я направил ему после состоявшегося в его доме 17 мая заседания, на котором было решено ввести военное положение. Как я и ожидал, никакого ответа не последовало.

Чжао Цзыян до последнего предпринимал попытки со всей определенностью высказать свое мнение. В том числе зафиксировать свою принципиальную позицию и в письменной форме. А также показать, что он обращался к Дэн Сяопину, предупреждая о том, что принятое им решение о введении военного положения и о подавлении силой демонстраций в Пекине, «может привести к серьезным последствиям, которые грозят судьбе партии и государства». Дэн Сяопину не удалось ни на миллиметр сдвинуть Чжао Цзыяна с его позиций.

Здесь важно также отметить, что Чжао Цзыян пользовался авторитетом у многих членов партии. В частности, он упоминает Ли Имана. В 1990-х гг. мне довелось выслушать рассуждения Ли Имана на тему о Конфуции.

Ли Иман с гневом и болью осуждал тех внутри КПК, кто пытался превозносить Конфуция, напоминая, что старые члены КПК несколько десятилетий проливали кровь и отдавали свои жизни ради того, чтобы освободиться от ярма идеологии Конфуция.

Думается, что и это может дать понять, каким было настроение Ли Имана в 1989 г., когда речь шла, собственно говоря, о проявлении самовластия внутри КПК, самовластия, которое прогрессивные и разумные люди в Китае считают порождением идеологии Конфуция и той части старой культуры Китая, которая нанесла вред народу Китая, нации Китая.

Вечером 17 мая Канцелярия Центрального Комитета подготовила посещение руководителями Центрального Комитета тех студентов, участников голодной забастовки, которые находились в больницах. Ли Пэн сначала сказал, что он не поедет, но когда машина готовилась стартовать, он показался. Думается, что он изменил свое решение, услышав, что я поеду.

То же самое произошло ранним утром 19 мая, когда я поехал к студентам на площадь Тяньаньмэнь. Он препятствовал моей поездке и призывал Канцелярию остановить меня. Я чувствовал, что в ситуации, когда так много студентов участвовали в голодной забастовке, причем уже на протяжении семи дней, становится недопустимым то, что никто из руководителей Центрального Комитета не посетил их. Я настоял на поездке, сказав, что если никто другой не поедет, я поеду один. Когда он увидел, что я намерен ехать и меня невозможно удержать, он изменил свое решение. Однако он был напуган и сбежал вскоре после того, как мы приехали на площадь.

Я приветствовал студентов и выступил с импровизированной речью, что имело своим результатом то, что она была напечатана во всех главных газетах столицы. Когда я говорил, я просто старался убедить их закончить голодную забастовку; я сказал им, что они еще молоды и должны ценить свои жизни. Я знал слишком хорошо, что хотя их действия и пользуются широкой симпатией и в стране, и за рубежом, все это было бесполезно в ситуации противостояния с группой стариков, которые заняли жесткую позицию. И было уже не важно, будет ли голодная забастовка продолжаться или умрут ли люди; они (старики) не будут тронуты этим. Я чувствовал, что было напрасно для этих молодых людей заканчивать свои жизни таким образом.

Однако студенты не понимали то, что я имел в виду. И еще менее они могли представить, как с ними готовятся поступить. Конечно, позднее

я оказался мишенью грубой критики и обвинений за это выступление перед студентами.

После заседания в доме Дэн Сяопина 17 мая 1989 г. Чжао Цзыян не только письменно подтвердил свою принципиальную позицию, но и не устранился от участия в политической жизни. Насколько это было в его силах и возможностях, Чжао Цзыян пытался спасти жизни людей, собравшихся на площади Тяньаньмэнь и проводивших там голодовку и забастовку.

Чжао Цзыян навестил студентов, которые оказались в больницах в результате голодовки. Он побывал и на площади Тяньаньмэнь, где обратился с импровизированной эмоциональной речью к студентам.

Чжао Цзыян давал понять студентам, что им грозит смерть.

Когда в Китае происходят массовые движения такого стихийного порядка, нет возможности достучаться до их участников с помощью доводов разума.

Спасти жизни людей тогда можно было, только остановив военную машину, запущенную Дэн Сяопином. Чжао Цзыян пытался сделать и то, и другое. К несчастью, ему это не удалось.

В своих воспоминаниях Чжао Цзыян прямо говорит о том, что решения тогда принимала «группа стариков, которые занимали жесткие позиции». Речь шла о Дэн Сяопине, Ли Сяньняне и других таких «стариках», которые были бесчеловечны, жестокосердны, которых, по словам Чжао Цзыяна, не трогала смерть людей, молодых людей.

Так в воспоминаниях Чжао Цзыяна проясняется то, что именно разделило его с Мао Цзэдуном и Дэн Сяопином. Человечность или бесчеловечность, выдвигание на главное место вопроса о жизни и смерти, мысли о том, как спасти жизни людей, молодых людей, или жестокосердие и безразличие к жизни других, в данном случае, молодых, людей, тогда, когда речь идет о сохранении власти в своих руках. Вот что разделяло Чжао Цзыяна и его сторонников и Дэн Сяопина и его приверженцев.

После заседания в доме Дэна 17 мая, Ли Пэн и его сообщники действовали не нормальным образом по многим направлениям. Ездил ли я в больницу и или на площадь к студентам, он неоднократно пытался заблокировать меня. Когда я приехал и выходил из машины, он встал у меня на пути, что противоречило обычаям. Позднее кто-то сказал мне, что он инструктировал людей, намекая кинооператорам на то, что они не должны включать кадры с моим изображением, так как это могло быть «неудобным» в случае будущих изменений в руководстве.

С вечера 17 мая по 19 мая ничто, касавшееся военного положения, не было доведено до меня. Я узнал о диалоге Ли Пэна со студентами 19 мая, только когда увидел это по телевизору. (С. 31)

Однако вечером 19 мая меня внезапно уведомили о совещании, на котором объявлялось о введении военного положения, и мне был дан текст его (Ли Пэна) речи. Меня просили председательствовать и выступить на этом совещании. (С. 31–32) И в то же время меня не уведомили о том, каким образом это совещание должно было проходить, где оно будет проходить, кто на нем будет присутствовать, какие иные вопросы будут на повестке дня.

Его речь даже включала заявление: «Студенческие демонстрации усилились после 4 мая». Позднее они должны были почувствовать, что таким заявлением слишком в лоб бросали обвинение в адрес моей речи по случаю (годовщины событий) 4 мая, поэтому, когда его выступление было опубликовано в печати, в него были внесены изменения, и оно звучало следующим образом: «Демонстрации студентов усилились в начале мая». Это был явный намек на то, что моя речь по случаю 4 мая вызвала эскалацию демонстраций. Ли Пэн также объявил членам Государственного Совета, что я совершил большую ошибку. Они также провели специальное заседание перед тем, как провести большое совещание с целью объявить о введении военного положения.

Чжао Цзыян делал тогда то, что считал необходимым. Дэн Сяопин руками, прежде всего, Ли Пэна, вводил военное положение, а в опоре на военачальников готовил подавление демонстраций силами солдат своей армии.

Ли Пэн при этом, вполне очевидно, с одобрения Дэн Сяопина, пытался дискредитировать Чжао Цзыяна и его действия после смерти Ху Яобана в период массовых выступлений молодежи и городского населения.

Все это усилило понимание мною того, что я был отстранен от принятия решений. Вплоть до сегодняшнего дня я так и не знаю, когда такое решение было принято. 17 мая в доме Дэна, когда было решено ввести военное положение, даже хотя Ли Пэн, Ян Шанкунь и Цяо Ши и были назначены осуществлять это, Дэн также заметил: «Чжао все еще остается генеральным секретарем». Однако фактически на протяжении нескольких следующих дней я был полностью отстранен.

19 мая я попросил предоставить мне трехдневный отпуск из Политбюро. Я предполагал, что Ли Пэн будет председательствовать на заседаниях Постоянного комитета Политбюро и отказался присутствовать на совещании, где было объявлено о введении военного положения.

17 мая 1989 г. произошел раскол в руководстве КПК.

После этого Чжао Цзыян еще мог предпринимать некоторые шаги, и делал это, но фактически он был отстранен от реального руководства партией.

Важно, что он не принимал участия в том, что касалось выполнения решения Дэн Сяопина о введении военного положения.

В это время численность демонстрантов, которые поддерживали голодную забастовку на площади Тяньаньмэнь, намного уменьшилась. От голодной забастовки отказались, заменив ее сидячей забастовкой. Многие студенты пекинских университетов уже вернулись в свои вузы. Оставшиеся на площади были главным образом студентами из других городов.

Объявление о введении военного положения 19 мая (в действительности 20 мая; Чжао Цзыян тут ошибся) стало еще одним стимулятором, мобилизовавшим массы. Участники сидячей забастовки и те, кто их поддерживал из других социальных групп, загрохотали улицы. Жители Пекина были особенно возмущены решением ввести войска в Пекин с целью осуществления военного положения. Войска, получившие приказ, были блокированы по пути следования повсюду. Группы старых женщин и детей спали прямо на мостовых. Войска были остановлены в пригородах Пекина, они не были в состоянии войти в город. Такое противостояние продолжалось десять дней.

21 мая Цяо Ши пришел ко мне домой, чтобы обсудить положение. Он сказал: «Довольно многие чувствуют себя так, как если бы они «оседлали тигра, но не в состоянии слезть с него». И если бы не настойчивость Дэна и его решение вызвать в Пекин большие войска, великой трагедии можно было бы избежать. (С. 32) Однако в настоящее время войска блокированы и не могут войти, военное положение не эффективно, и миллионы студентов, городских жителей, рабочих и служащих правительственных учреждений находятся на улицах или собираются на площади Тяньаньмэнь. (С. 32–33) Если это будет продолжаться, столица окажется под угрозой паралича».

В апреле – мае 1989 года, главным образом, в Пекине стихийно была создана обстановка, при которой не было никакой связи между демонстрантами на площади Тяньаньмэнь и Чжао Цзыяном.

В то же время Чжао Цзыян глубоко разбирался в ситуации и старался содействовать разрешению кризиса.

Представляется, что Дэн Сяопин лишь постепенно осознал, что Мао Цзэдун своей политикой создал такое положение в Китае, что между номенклатурой партии во главе с ним, Дэн Сяопином, и народом Китая образовался разрыв.

Дэн Сяопин попытался воздействовать на обстановку по привычке, выработанной у него, как у приверженца и последователя Мао Цзэдуна. Сначала он попытался запугать молодых людей, наклеив им ярлык «заговорщиков», выступающих «против партии, против социализма». Эти «магические» слова из арсенала «классовой борьбы» по Мао Цзэдуну – Дэн Сяопину, не сработали. Они вызвали не страх и подчинение, а новый взрыв возмущения.

Затем Дэн Сяопин попытался воздействовать на людей угрозой физического уничтожения, объявив о введении военного положения. И эта угроза не сработала. Перед танками Дэн Сяопина, перед солдатами Дэн Сяопина вышли на улицы не только молодые люди, но дети и старики.

Коммунистическая партия Китая, а точнее, ее номенклатура, которая и командовала в партии, оказалась перед собственным народом, который выдвигал требования политических реформ, требования демократии.

Только после всего этого Дэн Сяопин перешел к реальному подавлению людей танками, пустив против них тех же китайцев, но солдат с автоматами, заряженными боевыми патронами. Так КПК вторично после 1949 года пришлось в виде вооруженной силы входить в Пекин.

Дэн Сяопин оказался в ситуации, когда речь для него пошла не просто об объявлении о введении военного положения и о попытке ввести это положение путем простой демонстрации вооруженных сил. Но о сосредоточении громадных по численности войск для вооруженного подавления масс населения города Пектина. Речь пошла о кровавой военной операции, о массовом убийстве людей.

И Дэн Сяопин, как настоящий последователь Мао Цзэдуна, не колебался, а пошел на это. Он считал, что тем самым он спасает КПК и КНР. На самом деле он спасал собственную власть и власть той номенклатуры, которая шла за ним. А эта номенклатура была ненавистна народу Китая, который видел, насколько она разложилась и, как говорят в Китае, «обменяла власть на деньги», захватила «экономические высоты» в стране, то есть в условиях пребывания КПК у власти в качестве правящей партии, захватила и распределила между собой значительную часть собственности, ранее формально считавшейся принадлежащей государству, народу, не допускала демократии, которой требовали люди.

Кстати сказать, события 1989 года свидетельствовали и о том, что нет оснований для утверждений о том, что в Китае люди не созрели для демократии. Такие утверждения можно слышать только от тех, кто стремится сохранять в своих руках власть, сохранять режим концентрации власти, не допускает ни свободы, ни демократии, ни реальной свободной рыночной экономической жизни при гарантии права собственности.

В этот момент я думал, что возможно, если мы созовем заседание Постоянного комитета ВСНП ранее намеченного срока, мы сможем дать возможность (позволить) ВСНП, организации с должными полномочиями, использовать методы демократии и закона для того, чтобы повернуть ситуацию, изменить обстановку. 21 мая я говорил с Янь Минфу (секретарем ЦК КПК) об этой идее и попросил его поговорить с Ян Шанкунем, чтобы узнать, насколько это реально.

Кроме того, Пэн Чун (заместитель председателя ПК ВСНП) пришел ко мне поговорить. Он сказал, что поскольку Вань Ли находился за границей,

он (Пэн Чун) провел совещание с руководителями комиссий ВСНП. Все они чувствовали, что должно быть созвано заседание ПК ВСНП. Он также ездил в Юйцюаньшань (район к западу от Пекина) к Пэн Чжэню (влиятельному старейшине партии), который также согласился с тем, что это должно было быть сделано. Они уже написали доклад в Центральный Комитет с просьбой, чтобы Вань Ли вернулся в страну ранее запланированного срока.

Во второй половине дня 21 мая Ху Цили (член ПК ПБ ЦК КПК) пришел ко мне домой, чтобы доложить, что никто не ответил на просьбу возвратить Вань Ли. Об этом забыли. Я сказал Ху Цили, чтобы он сказал Пэн Чуну, чтобы тот дал телеграмму Вань Ли прямо от имени партийной группы ВСНП с просьбой вернуться. Ху Цили спросил, может ли он сказать, что я согласен с этим, и я сказал: «Да».

Затем я позвонил У Сюецяню (заместителю премьера ГС КНР) и попросил его найти способ отправить такую телеграмму. Позднее я узнал, что Ли Пэн дал другую телеграмму Вань Ли, сказав, что тот не должен возвращаться. Возможно, что Ли Пэн заручился предварительным согласием Дэна, поэтому Вань Ли оказался не в состоянии вернуться раньше.

Создавалось ли такое впечатление или дело действительно обстояло таким образом, что Дэн Сяопин на протяжении более десяти дней после объявления о введении военного положения так и не решался приступить к решительным действиям, но это дало Чжао Цзыяну возможность легальным путем попытаться способствовать уменьшению напряженности.

Он попытался содействовать созыву заседания ПК ВСНП с тем, чтобы улучшить ситуацию методами демократии и закона.

С этой целью Чжао Цзыян предложил направить телеграмму главе высшего законодательного органа власти в КНР, председателю ПК ВСНП Вань Ли, который находился в поездке по зарубежным странам. Речь шла о том, что Вань Ли было необходимо вернуться и провести заседание ПК ВСНП.

Ли Пэн, вполне очевидно, выполняя волю Дэн Сяопина, не допустил этого. Это лишний раз показало, что Дэн Сяопин действовал самовластно, идя на раскол в партии, выступая против и руководства партии, то есть против генерального секретаря ЦК КПК Чжао Цзыяна, и руководства парламента, то есть председателя ПК ВСНП Вань Ли.

Следовательно, Дэн Сяопин выступал и против Устава партии и против Конституции КНР. Дэн Сяопин, по сути дела, совершил тогда государственный переворот. У Дэн Сяопина формально были в руках подчинившийся ему премьер ГС КНР Ли Пэн, а также вооруженные силы, то есть солдаты, выполнявшие его приказ стрелять в безоружных людей, в народ Китая. Так Коммунистическая партия в лице Дэн Сяопина и Армия Освобождения Народа Китая под командованием Дэн Сяопина не освобождала, а вооруженной силой подавляла народ Китая.

Таким был этот политический переворот 1989 года, осуществленный Дэн Сяопином.

В ночь с 3 на 4 июня, когда мы сидели с членами моей семьи во дворе возле нашего дома, я услышал интенсивную артиллерийскую стрельбу. Трагедию, которая потрясла мир, оказалось невозможным предотвратить, и, несмотря ни на что, это случилось.

Чжао Цзыян пытался предотвратить трагедию всеми силами, которые были в его распоряжении.

Это была, прежде всего, позиция генерального секретаря ЦК КПК. Это было прямое заявление и письменное обращение к «хозяину партии, армии, государства» Дэн Сяопину. Это была попытка решать вопрос путем законных и демократичных процедур через ПК ВСНП.

Чжао Цзыян занял правильную позицию. Он сделал все возможное, чтобы не допустить кровопролития.

К несчастью, КПК в то время находилась во власти Дэн Сяопина, «стариков», командовавших большими частями номенклатуры партии.

КПК не сумела поддержать Чжао Цзыяна.

Наконец, возмущение народа не было достаточным для того, чтобы справиться с вооруженными силами Дэн Сяопина. Дэн Сяопин, часть «стариков», «номенклатура» подавили тогда тенденцию к мирному преобразованию партии и государства на путях демократии и законности.

В то же время, очевидно, что, рано или поздно, но победа в Китае будет на стороне сил демократии, свободы, прогресса, закона, не говоря уже о рыночной свободной экономике.

Я готовил тот материал, который изложен выше, три года спустя после трагедии 4 июня. Много лет минуло после этой трагедии. Активисты, вовлеченные в эти события, за исключением немногих, которые бежали за границу, по большей части были арестованы, приговорены к тюремному заключению, и их неоднократно допрашивали. Правда должна быть определена сейчас. Конечно же, сейчас должны быть даны ответы на три следующих вопроса.

Первый вопрос. Тогда утверждалось (было определено), что студенческое движение было «запланированным конспиративным действием» антипартийных и антисоциалистических элементов внутри руководства. Поэтому сейчас мы должны спросить, кто были эти руководители? Каким был этот план? В чем состояла конспирация? Какие доказательства, подтверждающие это, существуют? Было также сказано, что были «черные руки» внутри партии. Тогда, кто же это был, кто они? (С. 33)

Чжао Цзыян поставил несколько вопросов, на которые Дэн Сяопин и его приверженцы не смогли дать ответ, потому что правда была на стороне Чжао Цзыяна.

Чжао Цзыян фактически утверждал, что Дэн Сяопин лгал, когда его представители говорили о том, что внутри руководства партии существовали антипартийные и антисоциалистические элементы, которые, дескать, руководили действиями студентов.

Чжао Цзыян утверждал, и имел для этого все основания, что ни его самого, ни его сторонников не было оснований называть антипартийными и антисоциалистическими элементами.

Более того, если считать действия Дэн Сяопина и его приверженцев партийными и социалистическими, то это означает, что уже тогда, в 1989 году, Дэн Сяопин и его приверженцы называли партийной политикой, называли социализмом применение оружия против собственного народа с корыстной и эгоистической целью удержать власть в своих руках. Власть превыше всего, власть без ответственности за ее использование, без колебаний идти на то, чтобы лилась кровь людей, чтобы убивать людей ради своей власти – вот чем обернулись для народа Китая «партия и социализм» по Дэн Сяопину. Жизнь людей превыше всего – вот что такое партия и социализм, в данном случае, по Чжао Цзыяну.

В 1989 году столкнулось две «партии», два «социализма», два пути Китая.

Второй вопрос. Было сказано, что эти события имели своей целью свержение Народной Республики и Коммунистической Партии. Где доказательства этого? Я говорил в свое время, что большинство людей просили только исправить наши недостатки, не пытайтесь свергнуть нашу политическую систему.

После стольких лет, какие доказательства были добыты, благодаря допросам? Было ли доказано, что прав был я, или что они? Многие из активистов демократов, находясь в изгнании, говорили, что до 4 июня они все еще верили в то, что партия способна сама исправить себя. После 4 июня, однако, они увидели, что партия безнадежна, и единственное, что им остается, это встать в оппозицию по отношению к партии. Во время демонстраций студенты выдвигали много лозунгов и требований, однако проблема инфляции (среди этих лозунгов и требований) явно отсутствовала, хотя инфляция была острой и горячей темой, которая могла легко резонировать и воспламенить все общество. Если бы студенты имели намерение встать в оппозицию к Коммунистической Партии еще тогда, почему же они не использовали эту острую (чувствительную) тему? Если бы их намерение состояло в том, чтобы мобилизовать массы, не было бы легче поднять такие вопросы, как этот? В ретроспективе очевидно, что причина, по которой студенты не подняли тему инфляции, состояла в том, что они знали, что эта тема связана с программой реформ, и если поднять именно ее, чтобы мобилизовать массы, то это могло бы обернуться обструкцией самого процесса реформ.

Очень важным является и второй вопрос, поднятый Чжао Цзяном. Речь идет об отношении китайских людей к КНР и к КПК. Выступать за КНР и КПК, или выступать против КНР и КПК.

Чжао Цзян обоснованно утверждает, что до событий 4 июня 1989 года, даже в ходе демонстраций студентов, большинство людей в Китае выражали свой протест, выдвигали требования, не выступая против партии и республики. Они надеялись, что ситуацию можно исправить внутри партии. Собственно говоря, Чжао Цзян занимался именно этим.

Дэн Сяопин своими действиями 4 июня 1989 года если не полностью подорвал эту веру и надежду, то весьма существенно поставил это под вопрос.

Чжао Цзян доказывает, что студенты выступали в 1989 году за осуществление политических реформ, но не вообще против курса КПК на реформы, то есть не против партии, исходя из того, что она способна на реформы.

После событий 1989 года у части людей в Китае появилось убеждение в том, что партия безнадежна, не реформируема.

Думается, что вплоть до сих пор в партии и в китайском обществе продолжается борьба между сторонниками и тех, и других взглядов.

Наконец, третий вопрос. Можно ли доказать, что движение 4 июня было «контрреволюционным беспорядком», чем оно было названо? Студенты вели себя порядочно. Многие доклады показывают, что тогда, когда на НОА нападали, во многих случаях в защиту армии выступали студенты, они приходили ей на защиту. Многочисленные жители Пекина блокировали вход Народной Освободительной Армии в Пекин. Почему? Были ли у них намерения свергнуть Республику?

Конечно, всегда, когда в дело вовлечены большие массы людей, находится меньшинство в толпе, которое стремится напасть на НОА. Это была ситуация хаоса. Вполне возможно, что некоторые хулиганы воспользовались возможностью причинять беспокойство (создать неприятности), но как можно эти действия приписывать большинству граждан и студентов? В настоящее время ответ на этот вопрос должен быть ясным. (С. 34)

Чжао Цзян обращается к термину «контрреволюционные беспорядки», которыми сторонники Дэн Сяопина характеризовали действия людей в Пекине в 1989 году. Главным образом речь идет об отношении жителей Пекина к НОАК в те дни, когда армия была введена в столицу для осуществления военного положения.

Чжао Цзян считает, что, несмотря на всю сложность ситуации, люди не выступали в принципе против армии республики. Иными словами, люди были не против продолжения существования государства.

ЗАПРОС О ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЧЕСТНОСТИ

Здесь я хотел бы обратиться к другому вопросу, а именно к вопросу о нечестном отношении ко мне из-за политических волнений в Пекине.

Для политической партии, для политиков важен вопрос о честности.

Чжао Цзыян твердо стоит на том, что он был безукоризненно честным в своей политической деятельности. Одновременно это означает, что Дэн Сяопин и те «старейшины» партии, которые вслед за Дэн Сяопином или вместе с ним, выступили против Чжао Цзыяна, не были честными. Сохранение себя у власти, удержание власти было для них важнее совести и чести. Нечестность присуща Мао Цзэдуну, Дэн Сяопину, всем тем в КПК, кто следовал за ними в их политике. В частности, так обстояло дело и в том, что касалось Чжао Цзыяна.

Я отказался присутствовать на собрании 19 мая, на котором было объявлено о введении военного положения. Это привело Дэна и других старейшин в страшный гнев. 20 мая Дэн позвал Чэнь Юня, Ли Сяньняня, Ван Чжэня, Пэн Чжэня, Ян Шанкуня, Ли Пэна, Цяо Ши и Яо Илия к себе на совещание. Конечно же, меня об этом в известность не поставили. Они не уведомили Ху Цили также, поэтому он не присутствовал.

Мне довелось услышать, что на этом совещании Ван Чжэнь яростно осуждал меня как контрреволюционера. Ли Сяньнянь обвинял меня в создании «второй штаб-квартиры». В конце Дэн решил сместить меня с поста генерального секретаря. Но добавил, что объявление об этом для публики он откладывает до завершения некоторых необходимых процедур. Я был отброшен в сторону вот просто таким образом. Это не было заседанием Постоянного комитета Политбюро, поскольку присутствовали только трое его членов. Ни Ху Цили, ни я не были отстранены от своих постов до того, как это заседание началось, то есть мы все еще оставались членами Постоянного комитета Политбюро. (С. 35) Мое мнение состоит в том, что не может считаться законным принятие такого решения тогда, когда два члена Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК даже не были поставлены об этом в известность. (С. 35–36)

Близкий к Дэн Сяопину «старейшина» партии Ван Чжэнь, который в большинстве случаев выражал взгляды Дэн Сяопина, назвал Чжао Цзыяна контрреволюционером. Это было голословное обвинение.

Следовательно, партии и народу Китая предлагалось считать революционерами Дэн Сяопина, Ван Чжэня и таких «старейшин», как они. После того, что совершил Дэн Сяопин 4 июня 1989 года в отношении народа Китая, считать его революционером было невозможно.

Ли Сяньнянь использовал терминологию Мао Цзэдуна периода «культурной революции», когда Мао Цзэдун призвал «открыть огонь по штабу», имея в виду Лю Шаоци и его сторонников. Лю Шаоци не занимался интригами, не создавал никакого «второго центра» или «штаба» по руководству партией. Обвинения в адрес Лю Шаоци были выдуманы Мао Цзэдуном. Дэн Сяопин и его приверженцы копировали Мао Цзэдуна.

Ли Сяньнянь предлагал считать «штабом» или «штаб-квартирой», по которой следовало «открыть огонь», Чжао Цзыяна и его сторонников.

Нервная реакция Дэн Сяопина, Ли Сяньняня и прочих была вызвана тем, что они никак не ожидали, что Чжао Цзыян «не склонит голову и не признает своей вины» перед обвинениями в его адрес с их стороны.

Мало того, Чжао Цзыян считал, что Дэн Сяопин поступал против Устава партии, когда решение о смещении Чжао Цзыяна принималось не на заседании Постоянного комитета ПБ ЦК КПК и в отсутствие двух из пяти членов ПК ПБ ЦК КПК. Так Чжао Цзыян последовательно показывал, что он выступает за то, чтобы действовать по закону, а Дэн Сяопин поступает незаконно. Все это лишний раз свидетельствует о том, что и при правлении Мао Цзэдуна, и при правлении Дэн Сяопина в правящей политической партии Китая все решалось не по Уставу КПК, а по воле самовластного правителя; в КПК и КНР существовала система предельной концентрации политической власти.

Я взял отпуск на три дня, с 19 по 21 мая. Никто по сути дела не сказал мне, что я смещен со своего поста. Конечно же, никто также не вступал в контакт со мной ни по каким рабочим вопросам. Существенные каналы коммуникации были перерезаны, и я был изолирован. По другим каналам я слышал, что Ли Пэн, Ян Шанкунь, Яо Илинь и Сун Пин (заведующий организационным отделом ЦК) каждый по отдельности провели совещания в разных отделах ЦК, на которых объявили о моих «преступлениях». Они также создали рабочие группы и составили проекты документов к предстоящему пленуму Центрального Комитета, на котором они планировали объявить о моем деле. Тем временем они собрали в Пекине первых и вторых руководителей провинциального звена, парткомов провинций и крупных городов, чтобы информировать их об этом.

В то время, когда проводились эти важные мероприятия, Политбюро не провело ни одного заседания; Постоянный комитет Политбюро не принял ни одного решения. Постоянный комитет Политбюро был сформирован из пяти членов; поэтому без меня и Ху Цили имевшее законную силу

заседание Постоянного комитета было невозможно. Все, что делалось, не имело под собой никакой законной силы.

В Уставе партии сказано: «В отсутствие пленума Центрального Комитета, Политбюро действует от его имени... На заседаниях Политбюро председательствует генеральный секретарь». Очевидно, что ни одно из этих решений не было проведено через заседания Политбюро, и, конечно же, я на них не председательствовал. Поэтому, вне зависимости от того, какая организация проводила эти заседания, или кто председательствовал на них, все они нарушали Устав партии.

При таких обстоятельствах, когда никто не объявил, что я смещен со своего поста, я был лишен возможности использовать свою власть. Я был обеспокоен тем, что я буду в конечном счете обвинен в том, что я оставил свой пост. Поэтому я поговорил с Вэнь Цзябао (начальником канцелярии ЦК КПК) о предложении созвать заседание Политбюро. Вэнь Цзябао ответил, что фактически Канцелярия ЦК КПК тоже отставлена в сторону. Все, что делалось, делалось Ли Пэном и Ян Шанкунем в обход Канцелярии ЦК КПК. Он сказал, что если я действительно хочу созвать заседание, Канцелярия может разослать сообщение об этом, но он был уверен, что последствия не будут благоприятными, и выразил надежду, что я внимательно еще раз подумаю.

Чжао Цзыян к тому времени уже 50 лет состоял в партии. Он хорошо знал и ее Устав и ее традиции.

Оказавшись в положении, когда он фактически был лишен возможности использовать полномочия, предоставленные ему Уставом партии, Чжао Цзыян, тем не менее, продолжал активно действовать.

Он использовал то обстоятельство, что в соответствии с Уставом партии между пленумами ЦК партии работой партии руководило Политбюро, на заседаниях которого председательствовал генеральный секретарь ЦК КПК.

Дэн Сяопин не имел возможности созывать и проводить заседания Политбюро ЦК КПК. Он действовал обходными путями. Чжао Цзыян называл все это незаконным.

Поскольку я не мог созвать заседание, я попросил своего секретаря позвонить Ян Шанкуню и попросить его о встрече. Я был намерен просить его прояснить, смещен ли я уже со своего поста. Я также хотел объяснить ему, почему я говорил с Горбачевым относительно положения Дэн Сяопина в партии. (С. 36)

2 июня Ван Жэньчжун (заместитель председателя ПК НПКСК) и Дин Гуаньгэнь (заместитель председателя Госплана) пришли ко мне домой и сказали, что в качестве ответа на мою просьбу говорить с Ян Шанкунем, они направлены Центральным Комитетом, и им доверен обмен мнениями. (С. 36–37) Они сказали, что Центральный Комитет вскоре созывает засе-

дания Политбюро и Центрального Комитета по моему делу, и что я должен тщательно подготовить самокритику.

Чжао Цзыян потребовал соблюдения Устава партии в том, что касалось заседаний ПК ПБ и ПБ ЦК КПК.

В ответ Дэн Сяопин направил к Чжао Цзыяну тех, кто представился в качестве представителей ЦК партии. Эти представители потребовали от Чжао Цзыяна представить самокритику на предстоящем заседании ПБ и ЦК партии. Это означало, что Чжао Цзыян требовал соблюдения Устава партии, а Дэн Сяопин продолжал нарушать Устав партии и упрямо требовал от Чжао Цзыяна признать «правоту» Дэн Сяопина при введении им военного положения в Пекине. Дэн Сяопин здесь был прямым наследником Мао Цзедуна в проявлении ими самовластия в партии.

Я начал с того, что объяснил им мою беседу с Горбачевым. Затем я поднял вопрос о том, как могут органы Центрального Комитета функционировать тогда, когда два члена Постоянного комитета отставлены в сторону. Кто участвовал в заседаниях? Ван Жэньчжун сказал, что переводов Постоянного комитета не было, не было и никаких его заседаний.

Я сказал, что, взяв три дня отпуска по состоянию здоровья, я мог бы понять, если бы мне не разрешили вернуться к работе. У меня также не было бы вопросов, если бы меня попросили отойти в сторону. Но я не должен был допустить того, чтобы впоследствии меня обвиняли в том, что я пренебрегал (манкировал) своими обязанностями и покинул свой пост. Именно по этой причине я просил о беседе с Ян Шанкунем. Что же касается подготовки самокритики, то я сказал, что мне об этом ничего не говорили. Критика в мой адрес была повсеместно. Однако без каких-либо попыток справиться у меня относительно фактов. Документы критического содержания циркулируют везде, но никто не показал их мне. Как я могу написать самокритику при таких условиях? Если бы мне была предоставлена возможность в будущем изложить свое мнение по вопросам, в которых, как это допускается, я совершил ошибки, я мог бы выступить с самокритикой.

Это был продолжительный разговор. Он длился более двух часов. Большую часть времени говорил я. Я говорил об условиях и о моем видении редакционной статьи от 26 апреля, о выступлении перед молодежью 3 мая, о выступлении 4 мая на заседании Азиатского Банка Развития, и о моем отказе присутствовать 19 мая на собрании, где было объявлено о введении военного положения.

Хорошо понимая то, что Дэн Сяопин не просто способен, но непременно обрушится на него с обвинениями в бездеятельности после 17 мая, Чжао Цзыян довел до представителей Дэн Сяопина, что он ни на секунду не выключался из работы и требовал созыва заседаний ПБ и ПК ПБ ЦК КПК.

Чжао Цзыян также разоблачил нечестную постановку вопроса представителями Дэн Сяопина, которые потребовали от него представить «самокритику». Чжао Цзыян резонно указал на то, что выступать с «самокритикой» можно лишь тогда, когда предъявлены в письменном виде обвинения, а Дэн Сяопин этого не делал.

Для Дэн Сяопина было характерным в ходе этих событий запугивать людей, в том числе Чжао Цзыяна, с помощью выдвижения политических ярлыков, в то же время уклоняясь и от ответственности, и от вступления в обмен мнениями, в диалог, в диспут. На это политики типа Дэн Сяопина, руководители коммунистических и подобных им партий, находящиеся у власти, не способны.

И, наконец, я коротко выразил протест против метода, с помощью которого был задержан Бао Тун. 28 мая Бао Тун был вызван в организационный отдел ЦК КПК для беседы, с которой он так никогда и не вернулся. Тем временем они провели обыск в его кабинете. Я немедленно попросил своего секретаря позвонить заведующему организационным отделом Сун Пину, чтобы заявить свой протест. Ван Жэньчжуну и Дин Гуаньгэню я сказал: «Если они уверены в том, что Бао Тун сделал что-то неверно, соответствующие партийные организации должны провести расследование, однако они должны действовать в соответствии с Уставом партии и с законом. Партийные органы, и менее всего организационный отдел, не имеют никакого права лишать его личной свободы. Мы живем сегодня в 1980-х гг.; мы не можем применять прежние методы прошедших политических кампаний». Я потребовал, чтобы они передали мои слова Центральному Комитету. (С. 37)

Чжао Цзыян защищал своего политического секретаря Бао Туна, что означало и защиту всех, кого в связи с «делом Чжао Цзыяна» Дэн Сяопин подверг в связи с событиями 4 июня 1989 года политическим преследованиям и репрессиям.

Чжао Цзыян указал на нечестный, как и обычно, прием Дэн Сяопина и его чиновников, которые вызвали Бао Туна в организационный отдел ЦК КПК, а когда он туда пришел, арестовали его, «лишили личной свободы». Чжао Цзыян подчеркнул, что партийные органы не имеют права арестовывать людей.

При этом Чжао Цзыян снова напомнил о своей принципиальной позиции: «Мы живем сегодня в 1980-х гг.; мы не можем применять прежние (то есть маоцзэдуновские) методы прошедших политических кампаний». Именно в вопросе о такого рода методах и было расхождение между Чжао Цзыяном, *Новым* Новым Китаем, Китаем без Мао Цзэдуна и Дэн Сяопином, *Старым* Новым Китаем или Китаем Мао Цзэдуна.

Судя по тому, как они восприняли мои слова, они сочли мою позицию очень плохой. Ван Жэньчжун и Дин Гуаньгэнь снова пришли ко мне домой

17 июня. (С. 38) Они сказали, что 19 июня Центральный комитет созывает заседание Политбюро для рассмотрения моего дела, и они попросили, чтобы я вел себя скромно, проявлял сдержанность и оставался спокойным, даже если некоторые из старейшин будут говорить резко. Я могу выбирать: говорить или молчать, но я не должен вступать в длительный спор.

Я ответил: «Если это заседание по моему делу, то мне должна быть предоставлена возможность говорить свободно».

Дин Гуангэнь также попросил меня серьезно реагировать на свою вину и должным образом вести себя во время заседания. Ван Жэньчжун раскрыл, что внутри они решили сохранить за мной пост члена Центрального Комитета, а за Ху Цили пост члена Политбюро ЦК. Он также сказал, что они уже передали мое мнение относительно «изоляции и расследования» по делу Бао Туна Центральному Комитету; Бао Тун находится в настоящее время «под наблюдением и домашним арестом», что подтверждает осуществление законных процедур.

Мне показалось, что цель их визита состояла в следующем: во-первых, уведомить меня о предстоящем заседании, и, во-вторых, убедить меня не бросать вызов или свести мои аргументы к минимуму. Когда Ван Жэньчжун и Дин Гуангэнь пришли ко мне домой в первый раз 2 июня, чтобы информировать меня о заседании для рассмотрения моего дела, они сказали, что Дэн Сяопин упомянул, что то, как поступили с Ху Яобаном, обернулось критикой и в Китае, и за границей, поэтому на сей раз в деле Чжао мы должны следовать установленному порядку. Он дал им указания подготовить должную документацию, и тогда, когда все эти документы будут готовы, провести заседание.

Это была убийственная ирония. Фактически я был отстранен и изолирован ими без каких-либо оснований или законов. Сначала они незаконно отстранили меня от поста генерального секретаря, а затем они заявили, что это делается в соответствии с правилами. Это показывает, что они были полны страха; они боялись критики со стороны.

Они провели бы это заседание ранее, но оно было отложено из-за событий 4 июня. (С. 38)

Дэн Сяопин, столкнувшись с твердостью Чжао Цзыяна, не знал, что делать, как воздействовать на Чжао Цзыяна. Дэн Сяопин, как и Мао Цзэдун, терялся тогда, когда встречался с решительными и принципиальными возражениями. Он боялся обстоятельного обсуждения вопросов. Он вообще боялся обсуждения вопросов. Поэтому он пытался заставить Чжао Цзыяна не отвечать на предъявляемые ему обвинения.

Чжао Цзыян демонстрировал принципиальное различие между своей позицией и позицией Дэн Сяопина. Разница состояла в том, что Чжао Цзыян выступал за то, чтобы люди могли говорить свободно. Дэн Сяопин мог делать то, что ему хотелось, только в условиях, когда все либо

славословили его, либо молча соглашались с ним или не высказывали противоположных мнений. Это – особенность политического бескультурия коммунистической партии и политиков, которые исходят из принципа концентрации политической власти в одних (своих) руках.

Здесь проявилась и трусость Дэн Сяопина. Ощущалось, что он испугался того, как реагировали в мире на тот случай, когда он путем интриги, не имея на то никаких оснований, добился ухода Ху Яобана с поста генерального секретаря ЦК КПК. Это было сделано в нарушение Устава и правил нравственности. Поэтому Дэн Сяопин требовал от своих подчиненных, на сей раз, в случае с Чжао Цзыяном, подготовить все документы, с помощью которых можно было бы, хотя бы формально, доказывать, что правила были соблюдены.

Чжао Цзыян в этих обстоятельствах разоблачал эту нечестную позицию Дэн Сяопина. Чжао Цзыян заявлял, что «сначала они незаконно отстранили меня от поста генерального секретаря, а затем они заявили, что это делается в соответствии с правилами».

Ко всему этому можно добавить, что времена к 1989 г. изменились. Дэн Сяопин уже не мог, как это могло бы случиться во времена Мао Цздуна, убить Чжао Цзыяна, не мог даже бросить его в тюрьму. Дело тут было в том, что тогда Дэн Сяопину пришлось бы взять на себя формальную и личную ответственность за это, а он боялся личной ответственности за свои преступления. Общей чертой Мао Цздуна и Дэн Сяопина было то, что они руководствовались правилом: власть, но не ответственность. Что же касается той партийной номенклатуры, которая подчинялась Дэн Сяопину, то она подчинялась до определенной степени. Эта степень доходила то той грани, где начиналась личная ответственность за преступления. Такую ответственность чиновники не желали брать на себя, а предпочитали, чтобы ее взял на себя Дэн Сяопин.

В случае с введением военного положения он взял такую ответственность на себя на словах, однако формально указ о введении военного положения был подписан не Дэн Сяопином, как председателем Военного совета ЦК КПК, а Ли Пэном в качестве премьер-министра Госсовета КНР. Ли Пэн пошел на это, вероятно, надеясь, что Дэн Сяопин после этого назначит его генеральным секретарем ЦК КПК, то есть Ли Пэн исходил из карьерных соображений, стремясь занять высший пост в партии.

Затем произошли события 4 июня 1989 г. Были убиты люди. И после этого никто из подчиненных Дэн Сяопина не желал ни лично, ни коллективно, брать на себя еще и ответственность за лишение Чжао Цзыяна жизни или за его заключение в тюрьму.

Кстати, оказалось, что и Ли Пэн не может стать ген. секретарем ЦК КПК. Здесь можно отметить, что Дэн Сяопин, возможно, обещал Ли Пэну это, но, как это обычно и бывало, не выполнил своего обещания, не сдержал своего слова, «повесив» на Ли Пэна ответственность за события 4 июня 1989 г.

РАСКОЛ ПАРТИИ ДЭН СЯОПИНОМ

Расширенное заседание Политбюро состоялось с 19 по 21 июня. Сначала Ли Пэн, от имени четырех членов Постоянного комитета, задал тон обсуждению, представив доклад, в котором обвинил меня в серьезных ошибках: «расколе партии» и «поддержке беспорядков». Он предложил, чтобы я был смещен с поста генерального секретаря, члена Политбюро и члена Постоянного комитета Политбюро. Он также сказал, что будет проводиться дальнейшее расследование моей деятельности.

Расширенное заседание Политбюро Центрального Комитета КПК по «делу Чжао Цзыяна» состоялось 19–21 июня 1989 года. Это произошло две недели спустя после событий 4 июня 1989 года, что наложило свой отпечаток на обсуждение вопроса.

На упомянутом заседании первым выступил Ли Пэн. Можно предположить, что он «все поставил на карту». Ли Пэн, идя навстречу желанию Дэн Сяопина, и принимая на себя официально ответственность за решение, принятое Дэн Сяопином, подписал документ о введении военного положения. Очевидно, что он надеялся на то, что ему удастся сменить Чжао Цзыяна на посту генерального секретаря ЦК КПК. Возможно, что первоначально Дэн Сяопин обещал ему это.

Ли Пэн выдвинул в адрес Чжао Цзыяна два обвинения. Во-первых, в «расколе партии». Во-вторых, в «поддержке беспорядков».

Итак, Дэн Сяопин решил сместить Чжао Цзыяна с поста генерального секретаря ЦК КПК, прежде всего, за то, что Чжао Цзыян не принял беспрекословно его решение о вооруженной расправе с народом на главной площади страны и открыто выразил свое несогласие с этим.

На самом деле это был раскол, внесенный в партию Дэн Сяопином. Это было раскольническое выступление Дэн Сяопина против официального руководства партии. Из пяти членов Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК лишь двое твердо выступали с позиций Дэн Сяопина: Ли Пэн и Яо Илунь. Дэн Сяопин стремился выдать свои раскольнические махинации и интриги за выступление против «раскола», якобы внесенного Чжао Цзыяном.

Что же касается «беспорядков», то и здесь существовала принципиальная разница во взгляде на происходившие события. Чжао Цзыян считал, что студенты руководствовались патриотическими побуждениями. Дэн

Сяопин, как уже отмечалось, хотел называть это «выступлениями против партии, против социализма».

Ли Пэн предложил сместить Чжао Цзыяна с трех постов: генерального секретаря, члена ПК ПБ и члена ПБ. Очевидно, что и это было решение Дэн Сяопина. Ли Пэн также сказал, что в отношении деятельности Чжао Цзыяна будет проведено дальнейшее расследование.

После этого один за другим выступали участники заседания, каждый, расширяя критику. Самым лживым и клеветническим атакам меня персонально подверг Ли Сяньнянь. В начале этого заседания с целью критики, Дэн Сяопин отсутствовал. Чэнь Юнь также не появился, но представил письменное заявление в две строки. Там говорилось, что я не оправдал ожидания партии, и что он поддерживает решение партии наказать меня. (С. 39) Ремарки Ван Чжэнь были, главным образом, на тему о том, как Дэн Сяопин был слишком снисходителен при наказании Ху Яобана, позволив ему сохранить место члена Политбюро и устроив ему государственные похороны, тем самым поощряя буржуазный либерализм. (С. 39–40)

Дэн Сяопин не присутствовал при начале заседания. Тем самым он, вероятно, стремился продемонстрировать то, насколько выше он ставит себя по отношению к Политбюро ЦК партии. С точки зрения Дэн Сяопина, Политбюро должно было просто выполнить его распоряжение.

Чэнь Юнь не отстал в этом от Дэн Сяопина и вообще не появился на заседании Политбюро. Чэнь Юнь прислал записку из двух строк. Во-первых, он отметил, что Чжао Цзыян не оправдал ожидания партии. Во-вторых, он поддержал решение партии наказать Чжао Цзыяна.

Так Чэнь Юнь попытался уйти от ответственности за инициативу в принятии решения по «делу Чжао Цзыяна», косвенно возложил главную вину за происшедшее на Дэн Сяопина, в то же время согласившись с мнением большинства «старейшин» партии. Когда Чэнь Юнь в данном случае употреблял термин «партия», он, по сути дела, имел в виду решение большинства «старейшин» партии, то есть решение неформального синклита «хозяев» партийной номенклатуры.

Ли Сяньнянь выступил с лживыми обвинениями в адрес Чжао Цзыяна, проявив себя, как его ярый враг. Здесь можно принять во внимание то, что, занимая такую позицию, Ли Сяньнянь стремился поставить на место Чжао Цзыяна своего ставленника Цзян Цзэминя.

Наконец Ван Чжэнь, который всегда выражал мнение Дэн Сяопина, фактически связал имена Чжао Цзыяна и Ху Яобана как представителей одной «линии» внутри руководства партии в период, последовавший за смертью Мао Цзэдуна, обвинив их в главном, с точки зрения Дэн Сяопина, «грехе», то есть в «буржуазном либерализме», а также подчеркнув, что Дэн Сяопин слишком снисходительно отнесся к вопросу о наказании Ху

Яобана. Это означало, что, по мнению Дэн Сяопина, Чжао Цзыяна следовало наказать более жестко.

Выступление Ван Чжэня свидетельствовало о том, что Дэн Сяопин продолжал стоять на идеологических позициях Мао Цзэдуна, продолжал «классовую борьбу» в ее новых формах, прежде всего, в виде кампании борьбы против того, что он именовал «буржуазной либерализацией». Дэн Сяопин был врагом свободы и демократии. Чжао Цзыян выступал за политическую свободу и демократию. Конечно, в разумных пределах и при постепенном достижении их должного уровня.

Во второй половине последнего дня критических выступлений Яо Илинь выступал в качестве председательствующего на заседании. Создавалось впечатление, что у них не было намерения дать мне возможность высказаться.

Когда Ван Жэньчжун и Дин Гуаньгэнь в первый раз пришли ко мне домой, они попросили, чтобы я подготовил самокритику. Когда они пришли во второй раз, они поняли, что я не собираюсь писать это, поэтому они попытались побудить меня промолчать. Когда заседание подходило к концу, я попросил дать мне возможность высказаться.

Он (Яо Илинь) посмотрел на свои часы и сказал: «Мы исчерпали время. Если тебе надо что-то сказать, вот тебе десять минут».

Я был этим очень расстроен. Я сказал: «После того, как на протяжении всего этого времени на заседании речь шла о моем деле, после двух полных дней критики, как ты можешь давать мне говорить так мало времени?».

Не дожидаясь ответа с его стороны, я начал читать громко вслух речь, которую я подготовил. Я потом посмотрел на часы: мне понадобилось на это двадцать минут. В моей речи я изложил истину и действительный контекст дебатов, и опроверг обвинения, которые были выдвинуты против меня во время заседания. Для участников заседания это стало неожиданностью. У некоторых из них на лицах появилось напряженное выражение. Они выглядели нетерпеливыми, раздраженными и беспокойными в то время, когда я говорил.

Как только я закончил говорить, Яо Илинь резко закрыл заседание. Я немедленно покинул место действия. Никто больше не двинулся с места. Было очевидно, что они были проинструктированы заранее, что они должны были выразить недовольство моей речью и моей позицией.

Председательствовавший на заседании Яо Илинь явно вел дело к тому, чтобы закрыть слушания, не дав слова Чжао Цзыяну. Дэн Сяопин, очевидно, надеялся, что хотя бы здесь ему удастся вынудить Чжао Цзыяна промолчать. Чжао Цзыян настоял на своем. Он произнес заранее заготовленную речь, в которой опроверг все выдвинутые в ходе заседания Политбюро против него несостоятельные обвинения.

Впервые в период фактического «хозяйничания» Дэн Сяопина в партии на заседании руководства ЦК КПК кто-то выступил, как все хорошо понимали, против Дэн Сяопина, его мнения и его решения. Это был вызов и призыв к участникам заседания найти в себе смелость и поднять голос. Многие участники заседания не ожидали такой смелости от Чжао Цзыяна. Не ожидал ее и Дэн Сяопин.

Яо Илинь испугался того, что кто-то может выступить после речи Чжао Цзыяна и поддержать его. Поэтому Яо Илинь тут же закрыл заседание.

Чжао Цзыян ушел. Остальные остались сидеть в ожидании инструкций от Дэн Сяопина. Такова была обстановка в ЦК КПК в то время.

Заседание возобновилось на следующий день. Было проведено голосование, чтобы решить мое дело. Они приняли заявление, которое содержало решение снять меня со всех моих официальных постов. В первоначальном докладе Ли Пэна и в речах других все они предлагали сместить меня с постов генерального секретаря, прекратить мое членство в Политбюро и в Постоянном комитете, но сохранить за мной пост члена Центрального Комитета. Однако в этом заявлении, меня лишили и членства в Центральном Комитете.

Очевидно, что после того, как я выступил с речью накануне, они все остались для обсуждения и затем решили, что за мою плохую позицию, должно последовать еще более суровое наказание. Поскольку Дэн Сяопин и Чэнь Юнь не присутствовали во время моей речи, они должны были доложить Дэну и Чэню после принятия этого решения. (С. 40)

Фактически, мне было все равно, сохранится ли за мной место в ЦК, поскольку никакой разницы не было. (С. 40–41) Однако в Уставе партии ясно сказано, что любой член партии, отказывающийся принять административное наказание, имеет право на апелляцию. В документе, озаглавленном «Несколько правил осуществления политической линии партии» также содержится четкое заявление о том, что когда речь идет об административных взысканиях в партии, члены партии имеют право выступать с заявлениями, просить об апелляции, зафиксировать свои жалобы и защищаться. Усугубление тем, кто налагает взыскание, наказания того, кто защищается или того, кто подает жалобу на предъявленное обвинение, запрещено. Однако я был подвергнут дополнительному наказанию за то, что выступал с самозащитой. Это являлось полнейшим нарушением Устава партии и правил партии. Первый доклад Ли Пэна и другие выступления содержали рекомендации сохранить за мной место в Центральном Комитете, но когда я позднее был наказан, то не было никаких показателей или объяснений того, что же изменилось. Это было в крайней степени не нормально.

Прежде чем началось голосование, я почти сделал следующее заявление: «Так как я выступил в свою защиту, наказание было усилено, что

явилось плохим прецедентом, явно нарушающим Устав партии, первым такого рода прецедентом со времени 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва (1978 год)». Однако я передумал. Ведь если бы я сделал заявление в присутствии всех старейших, Дэн Сяопина и маршала Не Жунчжэня и других, они почувствовали бы себя обиженными в еще большей степени. Поэтому как раз тогда, когда слова были готовы сорваться с моих губ, я сдержал себя.

Однако когда началось голосование по резолюции, я не только отказался голосовать за нее. Я поднял руку в знак несогласия с предложенными мерами и одновременно заявил: «Я не делаю проблемы из моего смещения с постов, но я не согласен и не принимаю оба обвинения!» После того как я это произнес, никто, ни даже Дэн или Ли Пэн, который председательствовал на заседании, не произнес ни слова. Возможно, они уже ожидали этого.

Это заседание Политбюро, на котором было проголосовано наложение наказания на меня, нарушало Устав партии и правила во многих иных отношениях, о чем я только что упомянул. Прежде всего, какая процедура была применена при принятии решения о созыве расширенного заседания Политбюро? Предварительно не было проведено никакого заседания Политбюро для обсуждения этого вопроса. Исключение меня и Ху Цили из заседания Постоянного комитета Политбюро также было незаконным. Когда Ван Жэньчжун приходил ко мне домой, он сказал, что не было никаких заседаний Политбюро. Поэтому спрашивается, как было принято решение о созыве расширенного заседания Политбюро, и кто принял такое решение – все это было проблематичным, вызывало вопросы.

В Уставе партии ясно сказано, что на заседаниях Политбюро председательствует генеральный секретарь. (С. 41) Однако до того как мой титул был законным образом с меня снят, я уже был лишен права быть председателем на заседании Политбюро; право председательствовать было передано Ли Пэну. (С. 41–42) Это также было незаконно.

Особой иронией было то, что тогда, когда голосование должно было начаться, Дэн Сяопин фактически сказал: «Все участники, вне зависимости от того, являются они членами Политбюро или нет, имеют право голосовать». На расширенном заседании Политбюро не члены Политбюро, участвующие в заседании, имеют право слушать и выступать. Но как можно было позволить им участвовать в голосовании? Вероятно, они хотели набрать больше поддержки. Ли Сяньнянь объяснял, что это право голосовать было дано Ли Пэном, председателем на заседании. Это было целиком и полностью навязано силой! На основании какого Устава или правил, они действовали? Старейшины, на протяжении длительного времени привыкли к обычаю партии: «не считать себя связанными ни законом, ни ограничениями Небес»; конечно же, они не обращали внимания на это.

Теперь я говорю об этом; я не знаю, как это будет зафиксировано в истории партии.

Чжао Цзыян не имел реальной возможности добиться иного решения. Однако в своих воспоминаниях он оставил свою принципиальную оценку того, что тогда происходило.

Прежде всего, очевидно, что и после смерти Мао Цзэдуна в руководстве партии, в партии в целом, продолжал господствовать принцип самовластия. Теперь уже самовластие Дэн Сяопина, а не Мао Цзэдуна. Одно это нарушало Устав партии.

Далее, в партии были два руководящих центра. Один – официальный – Постоянный комитет Политбюро ЦК КПК. Именно он должен был взять на себя тяжелую работу по руководству партией и государством, вести все практические дела, решать возникавшие проблемы.

Другой – не официальный – совет старейшин или «хозяев» партийной номенклатуры. Этот орган беспокоился, главным образом, о том, как бы как можно дольше удерживать реальную власть, особенно при распределении постов, в своих руках и руках своих представителей.

Решения главного «хозяина» партии Дэн Сяопина и совета «хозяев» партии, или ее «старейшин», оказывались тогда важнее, главнее, чем решения официального органа руководства, то есть Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК.

Чжао Цзыян, по сути дела, прямо заявил, что «хозяева партии», «хозяева партийной номенклатуры», «старейшины» на протяжении длительного времени привыкли к обычаю партии: «не считать себя связанными ни законом, ни ограничениями Небес». Это означало, что при правлении Мао Цзэдуна Устав партии, нормы морали и нравственности, законы государства существовали лишь формально, на словах.

На деле Мао Цзэдун, Дэн Сяопин, «старейшины» руководствовались своими желаниями, навязывали свою волю, ставили ее выше всех законов, Устава и установлений. В КПК, а, следовательно, и в Китае, не было ни закона, ни законности.

Чжао Цзыян обвинял Дэн Сяопина в том, что он созвал расширенное заседание Политбюро, во-первых, не в соответствии с Уставом, и, во-вторых, с тем, чтобы включить в число участников заседания «старейшин» и дать им право голосовать, то есть оказаться в равном положении с членами Политбюро, даже если они и не входили в Политбюро, для того, чтобы обеспечить принятие решения заранее навязанного этому заседанию Политбюро Дэн Сяопином.

Чжао Цзыян констатировал, что и это было нарушением Устава партии. Наконец, Чжао Цзыян указывал на то, что вплоть до того момента, когда решением Политбюро он был смещен со своего поста генерального секретаря ЦК партии, по Уставу партии, именно он имел право и должен был быть председателем на этом заседании.

И тут Дэн Сяопин нарушил Устав, передав в обход Устава партии, фактические полномочия генерального секретаря ЦК партии Ли Пэну.

Чжао Цзыян оставался тверд и последователен. Он прямо заявил, что не согласен ни с одним из двух обвинений в свой адрес. Он считал их не обоснованными. Чжао Цзыян проголосовал против этого решения.

Чжао Цзыян, в известной степени, учел возраст и состояние здоровья некоторых старых участников заседания и не стал травмировать их, то есть не стал выступать с заранее подготовленным им заявлением о том, что после смерти Мао Цзэдуна, начиная с 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва, никто в партии не нарушал Устав партии так, как это позволил себе сделать Дэн Сяопин, когда решался вопрос о Чжао Цзыяне.

Иными словами, после смерти Мао Цзэдуна у партии, у Китая были десять лет относительного движения в сторону законности и демократии, а затем Дэн Сяопин повернул партию назад к обычаям времен правления Мао Цзэдуна, к беззаконию и самовластию.

Одним словом, Чжао Цзыян официально отверг все обвинения и фактически возложил на Дэн Сяопина ответственность за нарушения Устава КПК, за отсутствие законности внутри партии.

Пленум Центрального Комитета проводился 23–24 июня с той целью, чтобы расширить рамки того политического и административного решения, которое было принято в отношении меня. Я был уведомлен о пленуме и присутствовал на заседании группы, в которую был включен, группы (членов ЦК от) Северного Китая. Я выслушал нескольких товарищей, которые критиковали меня, а затем высказался коротко.

Я сказал: «Спасибо за ваши советы. Я подготовил письменное заявление, которое представляет собой исправленную версию заявления, которое я приготовил для расширенного заседания Политбюро. Я уже передал его в секретариат пленума. Я надеюсь, что копии моего письменного заявления будут распространены для сведения всех присутствующих товарищей».

Ван Жэньчжи (заведующий отделом пропаганды ЦК) также был в этой группе. Он сказал, что Центральный Комитет согласился распространить копии заявления для всех участников пленума. Однако, фактически, заявление было распространено среди участников только перед концом заседания и затем быстро отобрано обратно. Однако возражения Чэнь Ситуна (мэра Пекина) и Ли Теина (председателя государственного комитета по образованию) в связи с моим заявлением были распространены ранее. Поэтому, во время заседания была создана странная ситуация, когда его участники читали критику моего заявления, не видя самого моего заявления, а затем в конце им было показано мое заявление только с тем, чтобы немедленно отобрать его. В результате, я боюсь, что многие просто бегло пробежали глазами мое заявление, либо вообще не имели возможности прочитать его.

Чжао Цзыян в письменном виде довел свое мнение и до членов пленума ЦК КПК, который состоялся 23–24 июня 1989 г. Однако, очевидно,

выполняя волю Дэн Сяопина, это заявление попытались не довести до участников пленума.

Можно отметить, что Чжао Цзыян сделал все, что было в его силах, для того, чтобы оставить в партийных архивах целый ряд своих письменных заявлений и протестов против нарушения Устава партии при решении его «дела» Дэн Сяопином и его приверженцами. Таким образом, партия еще может вернуться к этим документам.

Так называемая «базовая информация» о событиях 4 июня была также распространена от имени Канцелярии. Она включала массу материалов со всей страны и из-за рубежа, где подразумевалось, что я был конспиратором, представлявшим контрреволюционные силы в стране и за рубежом, имевшие своей целью свергнуть Коммунистическую партию и Дэн Сяопина. (С. 42) В ней также содержались материалы с фальшивыми обвинениями моих сотрудников в сотрудничестве со студентами, в направлении им информации, и в раскрытии военных секретов – планов по введению военного положения. Было очевидно, что цель напечатания этого «базового материала» состояла в создании общего впечатления, что я действительно был виновен в самых отвратительных преступлениях и был непростительно слаб.

Они хотели полностью уничтожить мой политический и моральный авторитет. Некоторые из речей, которые были произнесены во время заседания, были целиком и полностью в стиле культурной революции, то есть выдавали черное за белое, преувеличенные персональные нападки, выхватывая цитаты из контекста, распространяя ложь и клевету – и все это на языке культурной революции. В то время я думал про себя, что если бы на этих материалах не было четко написано «4-й пленум ЦК КПК 13-го созыва», их можно было бы легко ошибочно принять за документы культурной революции.

Чжао Цзыян отметил, что от имени ЦК КПК была распространена информация, в которой его обвиняли в намерении свергнуть КПК и Дэн Сяопина. Это выдавало нервное состояние Дэн Сяопина. Ему не удалось своими политическими ярлыками, грозными словами запугать людей на главной площади Пекина. Он пошел на то, чтобы стрелять в них и давить их танками. Он понимал, что этого пятна ему с себя не смыть никогда.

И тут к этому добавилось то обстоятельство, что первый руководитель ЦК партии, ее генеральный секретарь Чжао Цзыян открыто выступил против его решения, то есть в будущем истории предстояло сказать свое слово, определяя, кто был прав: Чжао Цзыян или Дэн Сяопин.

Дэн Сяопин был, очевидно, взбешен и в то же время не смог контролировать свои эмоции. Он обвинил Чжао Цзыяна в намерении свергнуть КПК и его, Дэн Сяопина. Никаких доказательств у него не было. Это лишь свидетельствовало о слабости Дэн Сяопина.

Чжао Цзыян продолжал, отмечая особенности организованной против него кампании, подчеркивать, что это было своего рода возвращение к временам «культурной революции» Мао Цзэдуна. Очевидно, что, с точки зрения Чжао Цзыяна, Дэн Сяопин оставался в прошлом, во временах Мао Цзэдуна тогда, когда речь шла о власти закона, об Уставе партии, о свободе высказываться, о демократии.

Согласно Уставу партии решение о лишении члена партии статуса члена ЦК партии требует голосования за него двумя третями голосов на пленуме ЦК. Было очевидно, что руководители наверху не были уверены, что им удастся добиться этого. Если бы имело место тайное голосование, возможно, что они не набрали бы необходимого большинства в две трети голосов. Вместо этого они отказались от тайного голосования и призвали голосовать поднятием рук. Вполне очевидно, что в такой атмосфере и под таким давлением, будучи принуждены публично поднимать руки, многие люди были лишены возможности голосовать в соответствии со своим реальным мнением. Когда на тебя все смотрят и камеры снимают на пленку, некоторые люди были вынуждены поднимать руки, даже если они были против. Таким путем резолюция была принята единогласно.

Я должен указать, что в прошлом, шла ли речь о генеральном секретаре или о членах Политбюро или членах Постоянного комитета Политбюро, все выборы проводились путем тайного голосования. Голосование, таким образом, поднятием рук, было совершено ненормальным. В такой атмосфере, под таким давлением, и в ситуации, когда уже продолжалось расследование в отношении событий и людей, которые были связаны со мной, как могли люди чувствовать себя свободно при выражении своего мнения, если это делалось путем поднятия рук?

Чжао Цзыян последовательно указывал на нарушения демократии в партии, ее Устава и правил. В данном случае он напоминал о том, что после смерти Мао Цзэдуна, то есть тогда, когда в 1980-х гг. генеральными секретарями ЦК КПК были Ху Яобан и Чжао Цзыян, все выборы проводились путем тайного голосования.

Дэн Сяопин, подражая Мао Цзэдуну, вынуждал людей голосовать путем поднятия рук, что было, с точки зрения Чжао Цзыяна, совершенно ненормальным.

Чжао Цзыян также прекрасно знал, что у него существовала тогда в партии широкая поддержка. Он считал, что Дэн Сяопин испугался дать людям возможность тайно голосовать, потому что не был уверен, что получит необходимое большинство в пользу решения о смещении Чжао Цзыяна на пленуме ЦК партии.

Наставив на своих взглядах на демонстрации студентов и отказываясь принять решение о том, чтобы сломить их сопротивление силой, я

знал, какими будут последствия, и чему я буду подвергнут. Морально я был полностью к этому готов. Я знал, что если я буду настойчив в отстаивании моих взглядов, то в конечном счете буду вынужден потерять свои посты. Я уже рассматривал это. Если бы я хотел сохранить свои посты или сдать свои позиции, действовать в стиле спасения лица, я должен был бы отказаться от своих взглядов и стать конформистом. Если бы я продолжал настаивать, тогда я должен был быть готов к свержению вниз. (С. 43)

После неоднократного и тщательного продумывания ситуации, я решил, что я лучше сойду вниз, чем проявлю конформизм в отношении их взглядов. (С. 43–44) Я говорил с женой и детьми дома о том, что я думаю, и просил их быть готовыми к этому.

Чжао Цзыян прямо писал о том, что он прекрасно понимал, что перед ним был выбор: настаивать на своих взглядах или потерять свои посты. Карьера или принципы – вот перед каким выбором был Чжао Цзыян. Он выбрал принципы. Он не желал быть конформистом. Думается, что он сделал это, и писал об этом, с тем, чтобы побудить своим примером своих потомков, если она окажутся в его положении, пойти тем же путем, что и он.

Это было еще одно принципиальное различие между Лю Шаоци, Ху Яобаном, Чжао Цзыяном, с одной стороны, и Мао Цзэдуном и Дэн Сяопином, с другой стороны. Для первых главное было в поисках путей решения проблем народа, для вторых главным была их власть над людьми, недопущение никакой демократии и свободы.

Я также был ментально готов к последствиям своего выступления на расширенном заседании Политбюро. Я думал, что могу быть исключен из партии; это необходимость для того, кто совершил ошибку и решил положить на плаху свою голову ради того, чтобы его судили за правильную позицию. Я думал, что вероятно я не буду заключен в тюрьму, так как я не сделал ничего неправильного. В отношении таких людей, как я, у которых было определенное влияние и в стране, и за рубежом, они, возможно, не пойдут на абсолютно секретное судилище. Поэтому я определился в своих мыслях: лишение постов – это наверняка, исключение из партии – это худшее, что могло случиться, и тюремное заключение – это вряд ли.

В такой политической системе, как наша, разница между тем, останешься ли ты в партии или тебя исключают из партии, очень невелика. Люди в моем положении, которых оставляли в партии, не имели нормальных прав членов партии, как бы там ни было. Более того, исключение из партии не скажется на моих убеждениях и идеалах.

После 4-го пленума ЦК КПК 13-го созыва тактика в стиле культурной революции, которая была осуждена и отброшена давным-давно, снова была применена против меня. Эта тактика включала публикацию

статей в газетах, где меня критиковали как врага, и пренебрежение моей личной свободой. Сразу же после культурной революции, извлекая болезненные уроки из этой практики, партия приняла новый Устав на XII съезде партии (в 1982 году), а также документ «Несколько правил осуществления политической линии партии». Эти правила были направлены на то, чтобы никогда снова не допускать культурной революции.

После 4 июня они полностью игнорировали эти правила в своем отношении ко мне; вместо того открыто нарушали их и заново применили тактику культурной революции. Это было то, чего я не предвидел (не ожидал). (С. 44)

Чжао Цзыян подчеркнул, что для него важнее всего в этой ситуации были его убеждения и идеалы. Он был уверен в своей правоте, исходя из уроков, которые он сам и многие в партии вынесли из периода правления Мао Цзэдуна, особенно из времен «культурной революции». Ху Яобан, Чжао Цзыян, собственно большинство людей в партии, осудили «культурную революцию» и установили правила для партии. Чжао Цзыян не ожидал того, что Дэн Сяопин и те, кто поддерживал его, нарушат и Устав партии, и эти правила и станут снова применять тактику «культурной революции». Итак, разница между Чжао Цзыяном и Дэн Сяопином была в отношении к практике «культурной революции». С точки зрения Чжао Цзыяна, нельзя было никогда снова допускать «культурную революцию». С точки зрения Дэн Сяопина, можно и нужно было применять ее практику, если это помогало удерживать власть над партией и страной.

БЕСЕДА ДЖАО ЦЗЫЯНЯ С ГОРБАЧЕВЫМ

146

Здесь я хотел бы прокомментировать вопрос о моей беседе с Горбачевым 16 мая.

Политическое противостояние протестующей молодежи, других слоев городского населения с партийной номенклатурой Дэн Сяопина, прежде всего, на главной площади и улицах столицы Пекина, политическое противостояние генерального секретаря ЦК КПК Чжао Цзыяня и поддерживавшего его члена ПК ПБ ЦК Ху Цили, а также еще одного члена ПК ПБ ЦК КПК Цяо Ши, который не выступал против него, с двумя оставшимися членами ПК ПБ ЦК КПК, Ли Пэном и Яо Илинем, действовавшими по указке Дэн Сяопина, совпало с моментом нормализации находившихся до того времени на протяжении практически почти трех десятилетий не нормальными отношений между КПСС и СССР, с одной стороны, и КПК и КНР, с другой стороны, визитом в Пекин генерального секретаря ЦК КПСС и председателя президиума Верховного Совета СССР М. С. Горбачева,

В Пекине нормализация была закреплена тремя встречами М. С. Горбачева: с Дэн Сяопином, с генеральным секретарем ЦК КПК Чжао Цзыянем и с председателем КНР Ян Шанкунем.

16 мая 1989 г. сначала прошла встреча М. С. Горбачева с Дэн Сяопином. Затем встреча М. С. Горбачева с Чжао Цзыянем.

М. С. Горбачев, не сумевший понять, что, с точки зрения китайской стороны, единственным символом нормализации и межпартийных и межгосударственных отношений была только и исключительно его встреча с Дэн Сяопином, не проявил должной осмотрительности и осторожности и в начале встречи с Чжао Цзыянем в присутствии целого ряда людей, в том числе представителей СМИ, сказал, что, с его точки зрения, его встреча с Чжао Цзыянем, то есть встреча двух генеральных секретарей своих политических партий, знаменует собой нормализацию двусторонних межпартийных отношений. М. С. Горбачев этим своим высказыванием поставил Чжао Цзыяня в положение человека, который был вынужден разъяснить реальное положение вещей, то есть подчеркнуть главную роль Дэн Сяопина в нормализации отношений между КПК и КПСС.

Дэн был очень недоволен моей речью 4 мая на конференции Азиатского Банка Развития. Однако боюсь, что моя беседа с Горбачевым не просто

привела его в гнев, но реально ранила его чувства (принесла ему боль). После 4 июня он сказал профессору Ли Цзундао (лауреату Нобелевской премии американскому физику, китайцу по происхождению), что я выставил его на передний край во время студенческих волнений. По сути дела, он имел в виду, что я оставил его в одиночестве перед обществом. Разговоры такого толка до сих пор имеют хождение среди людей.

Этот случай является примером необходимости глубоко разбираться во внутривнутриполитическом положении в Китае перед встречами с руководителями этой страны.

Чжао Цзыян считал, что суть вопроса состояла в том, что у Дэн Сяопина сложилось ошибочное представление о позиции и действиях Чжао Цзыяна.

Судя по тому, что сказал Чжао Цзыян, Дэн Сяопин мог думать, что перед лицом мощных массовых демонстраций в Пекине под лозунгами протеста против политики властей Чжао Цзыян якобы попытался обратить гнев демонстрантов против Дэн Сяопина, выставить его в качестве закулисного «хозяина» партии, который должен нести ответственность за разложение номенклатуры.

Дэн Сяопин мог ошибочно считать, что Чжао Цзыян таким образом попытался, дескать, «свергнуть» его в опоре на массовый протест молодежи.

Дэн Сяопин мог думать, что Чжао Цзыян проявил неуважение к старшему по возрасту и стажу пребывания в партии и посмел вступить с ним в прямое противостояние. Здесь Дэн Сяопин, следуя за Мао Цзэдуном, выступал в качестве наследника худшего в конфуцианстве, то есть чинпочитания и утверждения принципа самовластия в партии и в государстве.

Дэн Сяопин мог подумать, что Чжао Цзыян оказался неблагодарным человеком по отношению к нему, Дэн Сяопину, который до этого времени во многом помогал Чжао Цзыяну, поддерживал его.

Одним словом, у Дэн Сяопина могло сложиться неверное представление о нравственности Чжао Цзыяна. Это беспокоило Чжао Цзыяна.

В рассуждениях Чжао Цзыяна здесь проскочила и мысль о том, что Дэн Сяопин мог подумать, что Чжао Цзыян, дескать, замыслил оставить Дэн Сяопина в одиночестве перед обществом.

Если объективно посмотреть на ситуацию, то действительно общество было недовольно поведением и политикой разлагавшейся партийной номенклатуры, общество требовало политических реформ, прозрачности политики партии и демократии.

С точки зрения Чжао Цзыяна, следовало искать пути осуществления этих обоснованных требований общества.

С точки зрения Дэн Сяопина, такие настроения следовало искоренять, так как они вели к свержению КПК и КНР.

Дэн Сяопин считал, что вся партия, все партийное чиновничество, начиная с генерального секретаря ЦК КПК, должно беспрекословно выполнять его решения, направленные на то, чтобы покончить с демонстрациями и на «наведение порядка» в интересах сохранения политического режима, созданного еще при правлении Мао Цзэдуна.

Дэн Сяопин считал недопустимыми публичные разговоры о том, кто из руководителей внутри партии находится на переднем крае, кто в первую очередь несет ответственность за решения, которые формально принимают руководящие органы партии. Дэн Сяопин предпочитал, чтобы люди в Китае знали, что ими управляет «Партия», но чтобы этот термин не персонифицировался. Дэн Сяопин, как и Мао Цзэдун, был за принцип: «обладать властью, но не нести никакой ответственности за использование власти».

Таким образом, получается, что, Чжао Цзыян был готов соблюдать уважение к старости, и к принятым внутри партии установлениям, но в то же время он предпочитал, чтобы дело двигалось к внедрению законности в дела партии, внедрение прозрачности в дела партии, с тем, чтобы всем было известно, что, кто и как решает в ЦК партии.

Дэн Сяопин предпочитал сохранять сложившийся еще со времен Мао Цзэдуна порядок, при котором внутренняя жизнь партии есть великая тайна от всех, кому это знать «не положено».

Что же касается руководителей нашей страны, в данном случае, М.С. Горбачева, то при общении с представителями КПК и КНР им необходимо четко представлять себе механизм власти в современном Китае. М.С. Горбачев приехал в 1989 г. в Китай в качестве главы партии и главы государства. Китайская сторона, соблюдая внешние приличия, провела встречи с ним формального или официального главы партии Чжао Цзыяна и формального или официального главы государства Ян Шанкуня. Однако китайская сторона провела, прежде всего, главную встречу – встречу не формально и официально, но реально «главного» в Китае Дэн Сяопина с реально «главным» тогда в СССР М.С. Горбачевым. Нужно было исходить из понимания того, что в Китае есть реальная власть и декоративная власть или власть для формальных случаев. При встрече с представителями власти для внешнего мира, власти для формальных случаев, то есть при встречах с Чжао Цзыяном и Ян Шанкунем, не нужно было делать вид и, тем более, подчеркивать, что эти встречи и знаменовали собой нормализацию двусторонних межпартийных и межгосударственных отношений. Надо было «побереечь» и Чжао Цзыяна и Ян Шанкуня. Особенно Чжао Цзыяна. Для того чтобы правильно вести себя, М.С. Горбачеву нужно было перед поездкой в Китай глубоко разобраться в ситуации, посоветоваться с китаеведами, понять, как обстоят дела в КПК – КНР. К сожалению, М.С. Горбачев этого не сделал. Из-за этого он подвел Чжао Цзыяна, подвел человека, который действительно стремил-

ся осуществлять нужные китайскому народу реформы в Китае, а также человека, действительно настроенного в пользу нормальных дружественных отношений с нашей страной.

Когда я беседовал с Горбачевым, я говорил о роли Дэн Сяопина в нашем государстве и в партии. (С. 45) Эти комментарии делались исключительно с намерением повысить престиж Дэна, однако их следствием стало великое недопонимание, неправильное понимание. (С. 45–46) Люди думают, что я уклонялся от ответственности, выдвигая Дэна на передний край перед публикой в критический момент. Я абсолютно не предвидел этого.

Здесь важно обратить внимание на то, что Чжао Цзыян был чрезвычайно осторожен в своих действиях и высказываниях.

Он упомянул о своей беседе с М. С. Горбачевым, но не стал говорить о наших двусторонних отношениях с Китаем.

Главным для Чжао Цзыяна и в этой ситуации оставались внутриазиатские события в Китае.

Чжао Цзыян подчеркнул, что он имел исключительное намерение повысить престиж Дэн Сяопина в глазах иностранцев, в данном случае М. С. Горбачева. Поэтому Чжао Цзыян и говорил о роли Дэн Сяопина «в нашем государстве и в партии». Тем самым Чжао Цзыян заранее отводил возможные упреки в недостаточном почтении к Дэн Сяопину с его стороны.

Чжао Цзыян описывал ситуацию, существовавшую в то время внутри КПК.

Если говорить о сути дела, то нельзя не обратиться к истории.

Когда КПК боролась за власть в стране, тогда можно было понять стремление беречь «партийную тайну».

Когда КПК взяла власть в стране, стала правящей политической партией в государстве, остается в этой роли уже несколько десятилетий, тогда встает вопрос о том, какими должны быть взаимоотношения между правящей партией, причем единственной в стране правящей партией, и обществом, народонаселением страны. Пока правил Мао Цзэдун он навязал понятие «классовой борьбы», выискивал «классовых врагов» и «предателей нации» (в первую очередь и главным образом, тех, кто якобы был шпионом нашей страны и народа). Все это обернулось смертью для десятков миллионов людей Китая. Когда Мао Цзэдун умер, партия была вынуждена признать, что классовых врагов внутри страны нет. Ху Яобан, Чжао Цзыян прилагали усилия с тем, чтобы повести партию и страну по пути, альтернативному пути Мао Цзэдуна.

Этот путь, в частности, предполагал прозрачность деятельности правящей партии, контроль общества над партией.

А это, в свою очередь, требовало, чтобы людям в Китае было известно, кто и как действует внутри правящей партии, какую роль играет, как построена система управления государством.

Так в деятельности Чжао Цзыяна соединились уважение к закону и нравственности. Чжао Цзыян был за то, чтобы все дела в партии и в стране решались по совести. Конечно, не сразу, но постепенно продвигаясь в этом направлении.

Дэн Сяопин продолжал выступать за сохранение внутренней жизни партии в тайне от народа. По сути дела, Дэн Сяопин не желал, чтобы дела в партии и в стране решались по совести.

Чжао Цзыян в беседе с М. С. Горбачевым сказал, что по всем важным вопросам руководители ПК ПБ ЦК КПК в соответствии с решением 1-го пленума ЦК КПК 13-го созыва обращаются к Дэн Сяопину.

Таким образом, Чжао Цзыян стремился сделать ясной роль Дэн Сяопина. При этом он подчеркивал, что Дэн Сяопин играет главную руководящую роль законно с точки зрения решений, принятых внутри самой партии. Чжао Цзыян сделал гласными решения, принятые внутри КПК.

Чжао Цзыян отметил, что часть людей думали, что он, таким образом, уклонялся от ответственности, выдвигая Дэн Сяопина на передний край перед публикой в критический момент.

Такие люди в Китае были. В то же время думается, что очень многие в Китае считали, что всем должно быть ясно, кто и какую роль играет. Большинство требовало прозрачности ведения дел внутри партии и в государстве.

Дэн Сяопин предпочитал утаивать от людей Китая свою подлинную роль. В этом-то и проявлялось отклонение Дэн Сяопина от нормальной человеческой нравственности, от жизни по совести.

Всегда после XIII съезда партии (состоявшегося в 1987 году), когда я встречался с лидерами иностранных государств, особенно с несколькими лидерами партий, я всегда информировал их о том, что даже хотя Дэн больше не входил в Постоянный комитет Политбюро, его роль как главного человека, принимающего решения, в нашей партии не изменилась. Это стало своего рода обыкновением. В апреле я информировал об этом Ким Ир Сена в Северной Корее. Отличие на этот раз состояло в том, что это послание стало известным, благодаря передачам телевидения и сообщениям газет.

Чжао Цзыян подчеркнул, что он не в первый раз и не только в этот раз говорил об этом. Это к моменту встречи с М. С. Горбачевым стало практически ритуалом.

Чжао Цзыян, особенно при встречах с лидерами политических партий, с которыми у КПК существовали те или иные связи, всегда подчеркивал роль Дэн Сяопина. Так он поступил в апреле 1989 года во время своей встречи с Ким Ир Сенем.

Чжао Цзыян также подчеркивал, что на практике ситуация в КПК была такова, что даже несмотря на то, что Дэн Сяопин больше не входил

в состав ПК ПБ ЦК КПК, его роль, как человека, принимающего главные решения, в КПК не изменилась.

Отличие ситуации в беседе с М. С. Горбачевым от того, что было прежде, заключалось в том, что СМИ широко оповестили население КНР об этом высказывании Чжао Цзяяна.

Почему я так поступил?

Публикация ремарок Дэна от 25 апреля Ли Пэню и его сообщниками вызвала громкий публичный протест. Студенты и молодежь были в особенности недовольны Дэном. Будучи не удовлетворены его замечаниями, они сосредоточили огонь на его особом положении. Мне довелось слышать много высказываний типа: «Почему Постоянный комитет Политбюро должен докладывать Дэн Сяопину, хотя тот даже не является его членом? Это не соответствует принципам организации партии!» Распространялась фраза: «находясь за занавесом управлять делами государства». Имея все это в виду, я думал, что должен выйти с прояснением и разъяснением.

13 мая, за два дня до прибытия Горбачева, у меня был диалог с представителями рабочих и профсоюзными работниками. Рабочий поднял вопрос в этом духе. Я ответил, объяснив, что это делается в соответствии с резолюцией 1-го пленума ЦК 13-го созыва. Этот пленум решил, что мы должны консультироваться с Дэн Сяопином по всем вопросам большой важности. Это было в интересах всей партии, потому что политическая мудрость и опыт Дэна были богаче, чем у любого члена Постоянного комитета Политбюро. Казалось, что ответ оказался удовлетворительным, поскольку рабочий больше не развивал этот вопрос. Поэтому я думал, что если мы дадим то же самое объяснение через прессу, это будет иметь положительный эффект для публичного образа Дэна. По крайней мере, это проясняло бы то, что Дэн не прибирает власть к рукам, но, скорее, то, что имеет место коллективное решение, принятое на 1-м пленуме Центрального Комитета партии.

И тогда, когда я встретился с Горбачевым, я сказал ему, что на 1-м пленуме ЦК партии 13-го созыва было официально решено, что по важным вопросам мы все еще нуждаемся в том, чтобы Дэн выступал в качестве рулевого. С XIII съезда партии мы всегда информировали его и запрашивали его мнение по важным вопросам. (С. 46) Дэн всегда в полной мере поддерживал нашу работу и наши коллективные решения. (С. 46-47) Фактически сама оригинальная резолюция предусматривала не только то, что мы могли запрашивать его мнение и информировать его, но также и то, что он мог созывать заседания и принимать окончательные решения по важным вопросам. Принимая во внимание то, что публика будет в состоянии принять, я намеренно не упомянул о последнем пункте. Я верил, что публичное разъяснение, которое я сделал, будет в пользу Дэна, и, в

конце концов, сделает ясным, что тут имела место не незаконная ситуация, а фактически законная ситуация.

Из разъяснений Чжао Цзыяна следовало, что в Китае нарастала волна требований во всем поступать «по закону».

В Китае есть известное выражение: «находясь за занавесом, управлять делами государства». Так бывало в истории императорского Китая. Такое существовало при правлении Мао Цзэдуна, когда руководители партии, находившиеся на «первой линии», занимавшие, скажем посты Председателя КНР (Лю Шаоци), председателя ПК ВСНП (Чжу Дэ), фактически должны были выполнять решения того, кто не занимал официальных постов, находился «на второй линии», то есть решения Мао Цзэдуна.

После смерти Мао Цзэдуна Дэн Сяопин добился положения, при котором его слово стало законом для всех и вся в партии и в государстве.

Конечно, существовали обстоятельства, которые вынуждали партию идти на это. Тут нужно было считаться с наличием целого ряда «старейшин», которые тоже претендовали на ту или иную власть, и которые могли находить общий язык, только общаясь между собой, в «своем кругу», который включал и Дэн Сяопина, роль которого признавалась «старейшинами» почти поголовно.

Чжао Цзыян трактовал необходимость создания системы, при которой ПК ПБ ЦК КПК должен был фактически по всем важным вопросам спрашивать мнение Дэн Сяопина, необходимостью считаться с тем, что политическая мудрость и опыт Дэна были богаче, чем у любого члена ПК ПБ ЦК КПК.

Одним словом, на практике, по крайней мере, пока был жив Дэн Сяопин, приходилось считаться с необходимостью иметь «верховного арбитра», в роли которого выступал Дэн Сяопин.

В то же время очень многие в Китае, особенно молодежь и интеллектуалы, не могли мириться с таким положением.

Их требовалось успокоить.

Чжао Цзыян полагал, что аргументом здесь может выступать утверждение о том, что роль Дэн Сяопина закреплена вполне законно решением пленума ЦК КПК.

В своих воспоминаниях Чжао Цзыян говорит еще и о том, что резолюция, принятая пленумом ЦК партии предусматривала не только то, что ПК ПБ должен был запрашивать мнение Дэна и информировать его, но и то, что он мог созывать заседания и принимать окончательные решения по важным вопросам. Фактически это была резолюция, с помощью которой было «узаконено» пожизненное самовластие Дэн Сяопина в партии.

Важно отметить, что Дэн Сяопин не хотел, чтобы об этом стало широко известно и внутри партии и вне ее. Это говорило о слабости пози-

ции Дэн Сяопина перед лицом требований, с которыми все настойчивее выступали люди в Китае.

Был и еще один резон для меня выступить с такими замечаниями. Визит Горбачева представлял собой встречу на высшем уровне между Китаем и Советским Союзом. Кто именно персонально встречается с Горбачевым – это имело символическое значение при определении такого рода встречи на высшем уровне (то есть того, встреча между кем и кем и представляет собой встречу на высшем уровне). Конечно, и дома, и за границей, все знали, что то, что именовалось «Китайско-Советской встречей на высшем уровне» было встречей между Горбачевым и Дэн Сяопином. Однако Горбачев был президентом СССР и генеральным секретарем ЦК Коммунистической партии, в то время как Дэн не был ни президентом государства, ни генеральным секретарем партии, но только председателем Военного совета ЦК КПК. Мое искреннее намерение состояло в том, чтобы со всей ясностью заявить, что встреча на высшем уровне определяется (и означает) встречей между Горбачевым и Дэном, а не между Горбачевым и кем-нибудь еще.

Чжао Цзыян тем самым подчеркнул, что для внутренней политики в Китае, для внешней политики КНР, для двусторонних отношений нашей страны, тогда такого государства, как СССР, и КНР, важное значение имел символ. Символом здесь была встреча М. С. Горбачева и Дэн Сяопина. Чжао Цзыян считал необходимым сделать совершенно ясным, что именно и только встреча между М. С. Горбачевым и Дэн Сяопином и означала нормализацию наших двусторонних межпартийных и межгосударственных отношений. Такого значения не имели ни встреча Чжао Цзыяна с М. С. Горбачевым, ни встреча Ян Шанкуня с М. С. Горбачевым.

Чжао Цзыян рассматривал это обстоятельство, как требующее разъяснения и применительно к ситуации внутри Китая, и за его рубежами. Чжао Цзыян принимал во внимание то, что положение Дэн Сяопина было различным в глазах тех, кто был погружен во внутреннюю политическую жизнь в Китае, и тех, кто видел все это из-за границ Китая.

Для части людей важным было то, что Дэн Сяопин не занимал официально ни высшего руководящего поста в государстве, ни высшего руководящего поста в партии. Чжао Цзыян исходил из того, что дело можно было поправить, доведя до всеобщего сведения законно утвержденное решением ЦК КПК положение Дэн Сяопина в правящей партии Китая.

С точки зрения здравого смысла, это представлялось естественным. Однако, с точки зрения Дэн Сяопина это, особенно в обстоятельствах того времени, когда проходили массовые демонстрации и демонстранты, массы предъявляли требования к главному руководителю или руководителям партии и государства, поступать так, как поступил Чжао Цзыян, ни в коем случае не следовало. Это представлялось Дэн Сяопину попыткой Чжао

Цзыяна перевести огонь критики со стороны тех, кто участвовал в демонстрациях, на Дэн Сяопина. Это означало, с точки зрения Дэн Сяопина, попытку Чжао Цзыяна уйти от ответственности, которая падала на него как на официально первого человека в партии.

Так получалось, что Дэн Сяопин, с одной стороны, хотел держать в своих руках главные рычаги власти, и, с другой стороны, выставлять в качестве мишени для требований тех, кто проводил демонстрации, участвовал в демонстрациях, официально первого руководителя партии, то есть Чжао Цзыяна. Дэн Сяопин последовательно добивался осуществления важного для Мао Цздуна и для него принципа: иметь власть и не нести при этом никакой ответственности за действия власти.

Первоначально министерство иностранных дел планировало разрешить обстановку, выпустив сообщение, в котором и не обходить вопрос вообще, и не быть слишком формальным в этом отношении; этот вопрос не включался в декларации или какие бы то ни было официальные дискуссии между двумя партиями. Они попросили меня сказать Горбачеву: «Наша встреча как генеральных секретарей соответствующих партий естественно означает восстановление отношений между нашими двумя партиями». Однако 13 мая, за два дня до того, как я встретился с Горбачевым, когда я говорил с Дэном у него дома о визите Горбачева, Дэн заявил, что отношения между двумя партиями будут восстановлены после его встречи с Горбачевым. Это был отход от первоначального плана министерства иностранных дел. Я обратил особое внимание на это соображение Дэна.

Исходя из всех этих соображений, после того, как Горбачев уже встретился с Дэном, я начал нашу встречу с ним, сказав, что отношения между нашими двумя партиями уже восстановлены его встречей с Дэном, что его встреча с Дэном и была кульминацией визита. Естественно, что я тогда продолжил рассуждением о положении Дэна и о решении 1-го пленума ЦК КПК 13-го созыва.

Мои комментарии означали, что я стремился разъяснить одновременно два вопроса: почему встреча Горбачева с Дэном определила то, что имела место встреча на высшем уровне, и тот факт, что конституированное положение Дэна как верховного руководителя, принимающего решения в Коммунистической партии Китая, было определено Центральным Комитетом, а, следовательно, законным. В то время я ощущал, что мои соображения являются чрезвычайно правильными, решающими проблемы естественным образом. (С. 47)

Чжао Цзыян раскрывает в своих воспоминаниях ситуацию внутри КПК и КНР. Эта ситуация была такова, что до встречи Чжао Цзыяна с М. С. Горбачевым, когда ЦК КПК и МИД КНР согласовали позицию по вопросу об отношениях КПК и КПСС, они пришли к выводу о том, что

никаких письменных документов относительно нормализации межпартийных отношений не будет, что дело ограничится устным заявлением Чжао Цзыяна о том, что именно встреча двух генеральных секретарей и означает восстановление нормальных отношений между партиями. За два дня до встречи Дэн Сяопин единолично и самовольно, самовластно изменил это решение.

Думается, что Дэн Сяопин сделал это, исходя из уже принятого им решения о предстоявшем смещении Чжао Цзыяна с поста генерального секретаря ЦК КПК. Дэн Сяопин не хотел оставлять в истории такую веху, как встречу Чжао Цзыяна и М. С. Горбачева в качестве символа восстановления межпартийных отношений.

(Можно предположить, что Дэн Сяопин был недоволен и тем, что возвращение Сянган в состав Китая было отмечено подписями под соответствующим двусторонним документом глав правительств двух государств: Чжао Цзыяна и М. Тетчер.)

Поэтому Дэн Сяопин при встрече с Чжао Цзыяном 13 мая 1989 года заявил, что отношения между двумя партиями будут восстановлены после его встречи с М. С. Горбачевым.

Это, в частности, либо лишало смысла, либо принижало значение и самой встречи Чжао Цзыяна с М. С. Горбачевым в качестве генерального секретаря ЦК КПК. Оказывалось, что Чжао Цзыян низводился до уровня простого исполнителя воли и решения Дэн Сяопина. Тем самым Дэн Сяопин фактически демонстрировал бы всем, что он занимает более высокое положение, чем генеральный секретарь ЦК КПК.

В создавшейся ситуации даже человеческое достоинство Чжао Цзыяна, не говоря уже о достоинстве всей КПК, требовало расставить все точки над «і», то есть оповестить всех о реальном положении дел внутри КПК.

Дэн Сяопин, очевидно, добивался того, чтобы Чжао Цзыян смиренно склонил голову и не заявлял о том, что именно встреча двух генеральных секретарей и означает восстановление межпартийных отношений.

Оказавшись в ситуации, когда Дэн Сяопин добивался этого, а М. С. Горбачев, очевидно, не разобравшись в ситуации, начал встречу с того, что заявил о том, что именно она означает нормализацию отношений между партиями, Чжао Цзыян сделал два заявления. Одно о том, что отношения между КПК и КПСС восстановлены встречей Дэн Сяопина с М. С. Горбачевым. Другое о том, что существует решение ЦК КПК, согласно которому Дэн Сяопин занимает такое положение, которое позволяет ему законно играть главную роль при принятии такого рода решений.

Здесь попутно можно отметить, что М. С. Горбачев, вероятно, не понимал в полной мере и того, что для китайской стороны восстановление межпартийных связей было, чуть ли не главным пунктом при нормализации двусторонних отношений.

Чжао Цзыян в ответ на заявление М. С. Горбачева, учитывая наказ Дэн Сяопина, сделал упомянутые заявления и тем самым защитил свое человеческое достоинство, достоинство КПК, а также расставил все на свои места с точки зрения соблюдения законности.

После беседы я сначала получил положительные отклики. Позднее, я узнал, что, напротив, Дэн и его семья не только не довольны моими сообщениями, но чрезвычайно разгневаны ими. Это было за гранью того, что я мог предвидеть. Вопрос в точности состоит в том, почему Дэн принял мысль о том, что я намеренно двинул его в конфронтацию с публикой, в то время как я выполнял мои обязанности? Я все еще хотел бы узнать, кто или как это лицо сумело спровоцировать Дэна.

Мои намерения были добрыми: поддержать и защитить его престиж, и выполнять свою часть ответственности. Однако это неожиданно привело к такому результату как великое ошибочное понимание, и стало причиной того, что он почувствовал, что я намеренно сделал ему больно. Я действительно глубоко сожалею об этом. Я бы предпочел не делать ничего вовсе. Фактически это не было необходимым. Я действительно сожалею об этом.

Чжао Цзыян анализировал вопрос со всех точек зрения

Чжао Цзыян твердо стоял на той точке зрения, что в личных взаимоотношениях с Дэн Сяопином он не сделал ничего такого, что должно было причинить боль Дэн Сяопину как человеку. Особенно как старому человеку.

Чжао Цзыян предположил, что Дэн Сяопин почувствовал, что Чжао Цзыян намеренно сделал ему больно только под воздействием чьих-то наговоров. Конечно, Дэн Сяопин был предрасположен к такого рода восприятию ситуации, но, с точки зрения Чжао Цзыяна, здесь кто-то дурно повлиял на Дэн Сяопина.

Почему я уделяю такое особое внимание этому делу? Потому что другие проблемы были вызваны различием в идеях и точках зрения. Поскольку я настаивал на своей позиции, постольку даже мое смещение с поста генерального секретаря было понятным. Я начал только с добрыми намерениями. Вне зависимости от того, какими бы ни были мои расхождения с Дэном по вопросу о 4 июня, это была разница между политическими мнениями.

Перед событиями 4 июня я всегда чувствовал, в общем и целом, что Дэн относился ко мне очень хорошо и показывал большое доверие ко мне. Существует традиция в Китае, ценить прямоту характера и преданность во взаимоотношениях. Если я произвел на Дэна такое впечатление, что я переносил огонь в разгар кризиса, то это не только глубоко ложное впечатление обо мне, но это могло стать причиной его глубокого недо-

вольства и даже ощущения эмоциональной боли. Мысль о человеке его возраста, который, возможно, скоро покинет этот мир, страдая от такого впечатления, действительно невыносима для меня.

Чжао Цзыян отделяет друг от друга два вопроса.

Один – это вопрос о различиях в идеях и точках зрения между людьми, о различиях между политическими мнениями. Здесь Чжао Цзыян тверд в своих убеждениях. Он считал, что поступал правильно.

Другой – это вопрос о человеческих отношениях, о взаимоотношениях характеров, о личностном поведении человека.

Чжао Цзыян отмечает, что до событий 4 июня 1989 года Дэн Сяопин проявлял доверие к Чжао Цзыяну и хорошо относился к нему. Чжао Цзыян ценил это и с уважением относился лично к Дэн Сяопину.

Здесь возникает и вопрос о соблюдении своеобразного кодекса чести во взаимоотношениях между людьми. В Китае, по словам Чжао Цзыяна, традиционно ценились прямота характера и преданность во взаимоотношениях. Очевидно, что Чжао Цзыян полагал, что он всегда, с начала и до конца, именно так относился к Дэн Сяопину.

В этой связи Чжао Цзыяну и не понятно появление у Дэн Сяопина глубоко ложного впечатления о Чжао Цзыяне, появление у Дэн Сяопина мнения о том, что в разгар политического кризиса Чжао Цзыян, дескать, оказался способен попытаться снять с себя ответственность и перенести огонь критики людей в Китае на Дэн Сяопина. Чжао Цзыян таких попыток никогда не предпринимал.

Откуда и почему у Дэн Сяопина появилось такое мнение осталось загадкой для Чжао Цзыяна.

Поэтому, я написал Дэну 28 мая специально, чтобы объяснить свои соображения в беседе с Горбачевым. Однако я сказал тогда ему только об одном из моих соображений, о которых я говорил здесь ранее, то есть о том, что я считаю, что встреча на высшем уровне была официально между Дэном и Горбачевым, и что для того, чтобы опровергнуть популярное мнение о том, что он стремится к власти (голоден до власти), продолжает контролировать Постоянный комитет Политбюро, даже не будучи его членом, принимая во внимание критику в обществе, какое-то объяснение было необходимым. На письмо, которое я послал, не было никакого ответа.

Чжао Цзыян защищал свое человеческое достоинство, отводил ложное представление о своих действиях. Он направил Дэн Сяопину письмо, в котором разъяснил мотивы своего заявления в беседе с М. С. Горбачевым. Чжао Цзыян тем самым доказывал, что он заботился о престиже Дэн Сяопина.

Дэн Сяопин не ответил на это письмо. Поведение Дэн Сяопина в этой ситуации заслуживает раздумий.

Я все еще надеюсь, что до того, как он покинет этот мир (это я писал семь лет тому назад, то есть в 1992 году), он придет к правильному пониманию моих намерений и моих соображений в беседе с Горбачевым. Не потому, что, зная это, он сможет успокоиться каким-то образом применительно к тому, что касается моего дела: у меня нет такого желания. (С. 48) Я знаю, что даже если он узнает правду, это не принесет ему облегчения ни на йоту. (С. 49) Я только хочу, чтобы Дэн знал, что, пользуясь на протяжении длительного времени его доверием и мощной поддержкой, даже тогда, когда я отказался принять решение о том, чтобы сломить студенческие демонстрации, я не был тем человеком, который пожертвовал бы кем-то другим ради того, чтобы защитить себя во время кризиса.

Я верю, что таким образом поняв ситуацию, он мог бы чувствовать себя лучше. Я действительно не хочу, чтобы он покинул этот мир с таким ошибочным пониманием. И все же я знаю, что шансов на то, чтобы получить его понимание, очень, очень мало. (С. 49)

Чжао Цзыян был человеком, который руководствовался своими убеждениями. При этом он заявил, что хотел довести до Дэн Сяопина следующее: «пользуясь на протяжении длительного времени его доверием и мощной поддержкой, даже тогда, когда я (Чжао Цзыян) отказался принять решение о том, чтобы сломить студенческие демонстрации, я не был тем человеком, который пожертвовал бы кем-то другим ради того, чтобы защитить себя во время кризиса».

Все действия Чжао Цзыяна говорят именно о таком его человеческом поведении. Действия Дэн Сяопина вызывают много вопросов, на которые нет ответов. Ясно одно: Дэн Сяопин руководствовался ложным представлением о Чжао Цзыяне как человеческой личности, когда навязывал свои решения во время событий, связанных с тем, что произошло 4 июня 1989 года.

Дэн умер в феврале 1997 года. Чжао Цзыян и Дэн Сяопин никогда не встречались после 1989 года. Чжао Цзыян высказал эти соображения в 1999 году.

Здесь, пожалуй, можно упомянуть о том, что Чжао Цзыян родился в 1919 году, а Дэн Сяопин – в 1904 году. Думается, что есть основания считать их людьми одного поколения. Это тем более выставляет Чжао Цзыяна в качестве благородного человека, который с уважением относился не только к людям предшествующих поколений, но и своего поколения.

ПОД ДОМАШНИМ АРЕСТОМ

В своих воспоминаниях Чжао Цзыян рассказывает о том времени, когда он находился под домашним арестом после того, как его лишили поста генерального секретаря ЦК КПК. (Фактически сразу же после событий 4 июня 1989 г. Дэн Сяопин и его приверженцы лишили Чжао Цзыяна личной свободы, ограничив ее стенами его жилища, где ему и предстояло провести последние шестнадцать лет его жизни: с 1989 по 2005 год.) На протяжении первых трех лет его домашнего ареста осуществлялось то, что именовалось расследованием его деятельности. Чжао Цзыян не согласился с предъявленными обвинениями. Дэн Сяопину и исполнителям его воли не удалось ни доказать предъявленные обвинения, ни сломить Чжао Цзыяна.

Далее Дэн Сяопин попытался воздействовать на Чжао Цзыяна рассуждением на тему о том, что подавление мирных демонстрантов на площади Тяньаньмэнь, дескать, уберегло КПК и КНР от краха, а потому Чжао Цзыян, дескать, должен признать правоту действий Дэн Сяопина. Чжао Цзыян не поддался и на эту уловку. У Чжао Цзыяна и Дэн Сяопина были различные взгляды на суть событий, которые происходили в 1989 году.

Фактически Дэн Сяопин был вынужден, в том числе и положением внутри партии, позицией ряда «старейшин», оставить следствие по «делу Чжао Цзыяна» без выводов, кроме смещения его с поста генерального секретаря ЦК КПК и голословных утверждений о том, что он, дескать, «поддерживал беспорядки» и «раскалывал партию».

Спор между Чжао Цзыяном и Дэн Сяопином остался незавершенным. Конечный вывод не был сделан внутри самой КПК. Истории предстоит сказать свое слово.

4-й пленум ЦК КПК 13-го созыва (июнь 1989 года) отстранил меня от всех постов и принял решение продолжить расследование. Это само себе не имело прецедентов в истории. (С. 53) Поскольку суровое административное взыскание уже было наложено, не было никакой необходимости продолжать расследование. (С. 53–54) Ведь если дело не было прояснено и требовало дальнейшего расследования, тогда политические и административные решения не должны были быть уже приняты. Я предполагаю, что тут имело место то, что вы можете назвать «специальным отношением» ко мне, «специальным обращением» со мной.

Чжао Цзыян последовательно и неумолимо для Дэн Сяопина продолжает показывать противоустановность и противозаконность действий, обращенных против него и осуществлявшихся по воле Дэн Сяопина.

Чжао Цзыян обращает внимание на то, что в истории КПК до Дэн Сяопина не было такого прецедента, когда сначала принималось решение по персональному делу члена партии, а затем проводилось расследование его деятельности.

Но именно так Дэн Сяопин поступил с Чжао Цзыяном. Это было еще одно проявление самовластия Дэн Сяопина внутри партии.

Расследование продолжалось в общей сложности три года и четыре месяца. С июня 1989 года по октябрь 1992 года. На протяжении всего этого времени мне было отказано в свободе передвижения. При этом с одной стороны, они говорили, что расследование по своей сути является внутрипартийным. С другой стороны, они, однако, не соблюдали законы государства и поместили меня под домашний арест. В документе «Несколько правил, которыми следует руководствоваться при осуществлении политической жизни в партии» ясно сказано, что даже против членов партии, которые допустили ошибки, не должно предприниматься никаких действий в нарушение закона. Я не знаю, как они надеются в будущем объяснить это грубое попрание и нарушение норм партии и законов государства.

Для Мао Цзэдуна и его последователя Дэн Сяопина главным, что определяло их действия, было их желание, их воля. Она ставилась Мао и Дэном выше законов государства и Устава партии.

Мао Цзэдун, очевидно, «учел» опыт Сталина, опыт политических репрессий в СССР, в том смысле, что там судьбы репрессированных решались органами государства, пусть и «особыми совещаниями», не говоря уже о разного рода судах. Мао Цзэдун учел то, что при пересмотре отношения к репрессированным в нашей стране оказалось возможным действовать в рамках государства, говорить об отмене решений, принятых органами власти государства.

Поэтому в Китае Мао Цзэдун решил, что он будет осуществлять репрессии против тех, кого он сочтет своими врагами, врагами его пожизненного пребывания у власти, внутри партии. Так оказывалось, что люди погибали, страдали, но даже в случае восстановления их доброго имени речь шла о восстановлении в рамках партии, о делах партийного характера. А не о пересмотре дел в рамках государства.

При этом исполнение воли Мао Цзэдуна, исполнение решений, формально принимавшихся внутри партии, осуществлялось органами безопасности государства, органами исполнения наказаний государства.

Так Мао Цзэдун ставил на службу исполнения своих желаний, своей воли и партию, и государство, проявляя свое самовластие.

Так Мао Цзэдун поступил с миллионами людей. Прежде всего, с председателем КНР, заместителем председателя ЦК КПК Лю Шаоци.

Следуя рецептам Мао Цзэдуна, повел себя и Дэн Сяопин в отношении Чжао Цзыяна. Вся разница состояла в том, что Мао Цзэдун довел Лю Шаоци до смерти, заставил его перед смертью испытывать страшные мучения. А Дэн Сяопин физически не имел возможности уничтожить Чжао Цзыяна, но отгородил его от мира, поместил под домашний арест, как оказалось, на целых шестнадцать лет вплоть до самой смерти Чжао Цзыяна.

3 сентября 1989 г. Ван Жэньчжун (заместитель председателя ВК НПКСК) и Дин Гуаньгэнь (заместитель председателя государственного планового комитета) вызвали меня в Хуайжэньтан в Чжуннаньхае (штаб-квартира партии) для беседы. Они официально уведомили меня о решении 4-го пленума ЦК КПК 13-го созыва создать специальную группу для расследования по моему делу. Ван Жэньчжун должен был возглавить группу, а членами группы должны были стать Чэнь Епин (заведующий организационным отделом ЦК) и Ли Чжэнтин (заместитель секретаря Центральной комиссии по проверке дисциплины ЦК партии).

29 сентября эти трое, Ван, Чэнь и Ли вызвали меня для разговора в зал заседаний Бюро Безопасности. Это был мой первый разговор со Специальной группой по расследованию. Я больше никогда не видел Чэнь Епина и Ли Чжэнтина. Я слышал, что группа была реорганизована, причем Чэня и Ли больше не было в ее составе, но я никак не мог узнать, почему это произошло.

Дэн Сяопину не сразу удалось подобрать членов группы, которая должна была «расследовать» «дело Чжао Цзыяна». Есть основания предполагать, что, по крайней мере, один из членов первоначального состава группы, Чэнь Епин, был в свое время тесно связан по работе с Ху Яобаном. Возможно, что именно из-за этого его в дальнейшем исключили из этой группы.

Впоследствии Ван Жэньчжун разговаривал со мной наедине три раза: 8 декабря 1989 г., 14 февраля 1990 г. и 2 марта 1990 г. Он также направил мне три письма, одно 6 июля 1989 г., а другие 8 августа 1989 г. и 14 ноября 1989 г. Я также ответил ему тремя письмами: 25 июля 1989 г., 1 сентября 1989 г. и 7 октября 1989 г. С помощью этих разговоров и писем они задали мне ряд вопросов. Я в ответ разъяснял и давал пояснения.

Поимо расследования вопроса о том, манипулировал ли я беспорядками непосредственно или опосредованно, или допускал утечку какой-либо информации во вне, расследование было в основном сосредоточено на вопросе о том, почему я занял позицию и проводил политику, которая была противоположной по сравнению с политикой Дэна. Каковы были мои мотивы? Они требовали, чтобы я допустил, что мои действия были непра-

вильными. Они также хотели создать дело в связи с годами моего пребывания на постах, обвиняя меня в том, что я был слишком толерантен, терпим по отношению к некоторым вещам, и что я продвигал некоторых людей, которые считались буржуазными либералами. (С. 54)

В чем же состояла задача упомянутой группы?

Прежде всего, в том, чтобы побудить Чжао Цзыяна признать, хотя бы в малейшей степени, что он занимал позицию и проводил политику, которая была противоположна позиции и политике Дэн Сяопина. Главное, чего добивалась, группа, это признания Чжао Цзыяном того, что он был не прав, в то время как Дэн Сяопин был прав.

Далее, Дэн Сяопину было важно доказать, что Чжао Цзыян проявлял совершенно недопустимую, с точки зрения Дэн Сяопина, терпимость к тому, что Дэн Сяопин именовал «буржуазной либерализацией». Мало того, Чжао Цзыян, дескать, продвигал тех, кого Дэн Сяопин считал «буржуазными либералами».

Наконец, группа пыталась доказать, что Чжао Цзыян, так или иначе, но руководил «беспорядками» в Пекине в 1989 году.

Естественно, что по всем этим вопросам Чжао Цзыян занимал принципиальные позиции и не поддавался ни на какое давление со стороны Дэн Сяопина, не признал правоту Дэн Сяопина ни по одному из перечисленных тут вопросов.

Они проявляли жадный интерес к моим «не выраженным в словах мотивам» и «личным амбициям». Они цитировали материалы из публикаций за рубежом, к которым они добавляли свои собственные спекулятивные рассуждения, и делали вывод о том, что, начиная с 1988 года, имело место движение, и в стране и за рубежом, под лозунгом «Свергнуть Дэна и поддержать Чжао», целью которого было вынудить Дэна отступить, уйти и передать власть мне. При этом подразумевалось, что я был идеальным кандидатом для того, чтобы руководить контрреволюционными силами дома и за рубежом с целью восстановить капитализм, поэтому «надежды возлагались на меня».

Здесь раскрываются «тайны политической кухни» Дэн Сяопина.

Обвинения, которые его комиссия предъявляла Чжао Цзыяну, показывали скрытые до той поры мотивы действий Дэн Сяопина.

Он сам, как и Мао Цзэдун, никому не верил и не доверял. Поэтому он и считал, что у Чжао Цзыяна были «не выраженные в словах мотивы», то есть Дэн Сяопин обвинял Чжао Цзыяна в том, о чем Чжао Цзыян якобы думал, хотя эти его мысли и не выражались в словах, в высказываниях и выступлениях Чжао Цзыяна.

Дэн Сяопин действовал как те персонажи М.Е.Салтыкова-Щедрина, о которых говорилось, что они «мысли испытывать будут»; речь шла об

«испытании мыслей» тех, кого подозревали в «руволюции» (в данном случае, в Китае при Дэн Сяопине в «контрреволюции»).

Дэн Сяопин был исключительно амбициозным человеком. При этом он считал, что все другие люди тоже амбициозны. Амбиции, с точки зрения Дэн Сяопина, значили больше, чем разумные рассуждения. Амбиции, с точки зрения Дэн Сяопина, определяли действия человека. Амбиции оказывались важнее разума.

Дэн Сяопин не верил никому. Поэтому у него речь шла о «невысказанных мотивах» и об «амбициях».

О движении мыслей Дэн Сяопина свидетельствуют замечания Чжао Цзыяна о том, что в предъявленных ему обвинениях сочетались высказывания иностранных журналистов и политиков с собственными спекулятивными утверждениями тех, кто предъявлял обвинения, то есть, по сути дела, Дэн Сяопина.

Дэн Сяопин и прислуживавший ему аппарат специально подбирал в зарубежных СМИ все, что могло быть использовано для подтверждения спекулятивных рассуждений Дэн Сяопина. А он спекулировал, главным образом, на тему о том, кто и как «покушался» на его самовластие.

Поэтому Чжао Цзыяна и обвиняли в том, что и в стране, и за рубежом начиная с 1988 г., то есть с того момента, как Чжао Цзыян после состоявшегося в конце 1987 г. съезда партии стал генеральным секретарем ЦК КПК, дескать, имело место движение под лозунгом «Свергнуть Дэна, поддержать Чжао», «целью которого было вынудить Дэна отступить, уйти и передать власть мне (Чжао Цзыяну)».

Такая поставка вопроса показывала, что мысли Дэн Сяопина в 1980-х гг. были заняты, во все большей степени, тем, как бы убрать генеральных секретарей ЦК КПК, сначала Ху Яобана, затем Чжао Цзыяна, видя в них тех, кто добивается «свержения» Дэн Сяопина.

Реформы в Китае для Дэн Сяопина были лишь попутными вопросами, относительное решение которых помогало ему оставаться у власти. Главное было в том, чтобы не потерять власть, не допустить «свержения». При этом Дэн Сяопин, как идейный наследник Мао Цзэдуна, обвинял Чжао Цзыяна в том, что тот якобы действовал с помощью или в опоре на некие силы из-за рубежа, т.е. фактически был «предателем нации». Здесь можно вспомнить, что Мао Цзэдун обвинял в «предательстве нации» Лю Шаоци.

При этом Дэн Сяопин подразумевал, что Чжао Цзыян якобы был «идеальным кандидатом для того, чтобы руководить контрреволюционными силами дома и за рубежом с целью восстановить капитализм», поэтому «надежды возлагались на меня (Чжао Цзыяна)».

Так становилось очевидным, что Дэн Сяопин соглашался даже на часть реформ в сфере экономики вынужденно. При этом он все время думал о том, что все это ведет к реставрации капитализма, а фактически к отстранению от власти, прежде всего, его самого.

С точки зрения Дэн Сяопина, Чжао Цзыян был идеальным руководителем контрреволюционных сил. Очевидно, что Дэн Сяопин пытался представить свою борьбу сначала против Ху Яобана, а затем против Чжао Цзыяна, как борьбу якобы за продолжение революции, против контрреволюционеров и против контрреволюции. Дэн Сяопин стремился внушать, что он, как и Мао Цзэдун, всегда, дескать, оставался революционером и стремился устранять опасность или угрозу контрреволюции в Китае.

Итак, курс Дэн Сяопина – это курс на продолжение линии Мао Цзэдуна на сохранение самовластия в Китае, на недопущение никаких движений в сторону «буржуазного либерализма», «капитализма», «контрреволюции», то есть, по сути дела, на недопущение реальных реформ, особенно на недопущение никаких политических реформ в Китае.

Что касается 1992 года и «разрешения» Дэн Сяопина продолжать реформы, то это было вынужденное согласие Дэн Сяопина с осуществлением тех экономических реформ, без которых нельзя было обеспечить существование народонаселения. На это Дэн Сяопин пошел лишь тогда, когда счел, что у него, пока он жив, достаточно сил, чтобы не допустить никаких политических реформ в Китае.

Они также атаковали меня за так называемый «нео-авторитаризм» и заявляли, что буржуазные либералы рассматривали меня в качестве «нео-авторитета», и что телевизионный сериал «Плач по Реке (Речная элегия)» был создан для того, чтобы прославлять меня.

Судя по тому, о чем говорил Чжао Цзыян, после его смещения с поста генерального секретаря ЦК КПК, Дэн Сяопин поощрил организацию пропагандистской кампании, в ходе которой Чжао Цзыяна обвиняли в «нео-авторитаризме». Представители Дэн Сяопина из комиссии по расследованию деятельности Чжао Цзыяна заявляли, что «буржуазные либералы рассматривали меня (Чжао Цзыяна)» в качестве лидера «нео-авторитаризма».

Действительно, в конце 1980-х гг. в КНР, в средствах массовой информации, в научных работах, появился термин «нео-авторитаризм». Те, кто применяли этот термин, исходили из того, что в КНР после смерти Мао Цзэдуна и начала периода осуществления политики реформ и открытости, страна нуждалась в новом авторитетном руководителе, который обладал бы решительностью, но не был диктатором. Авторы такого рода статей полагали, что Китай нуждался в экономических и политических реформах. Для проведения таких реформ стране, с их точки зрения, и требовался политик, обладавший признанным авторитетом.

Никто и нигде в этих статьях не говорил о Чжао Цзыяне. Более того. Чжао Цзыян не организовывал написание таких статей. Между ним и авторами этих статей не было никакой связи.

Тем не менее Дэн Сяопин, умом которого владела мысль о том, что Чжао Цзыян якобы «подсиживал» его, через исполнителей его воли предъявлял Чжао Цзыяну обвинения в организации и поощрении кампании прославления в Китае «нео-авторитаризма».

После XIII съезда партии, состоявшегося в конце 1987 г., в 1988 г. в Китае был показан телевизионный сериал «ХЭ ШАН – Плач по Реке (Элегия Реки)». Авторы сериала пропагандировали мысль о единстве человечества, о том, что китайцы являются неотъемлемой частью человечества, о необходимости открытости Китая для мира и мира для Китая. Сериал был создан в то время, когда Чжао Цзыян был генеральным секретарем ЦК КПК. В то же время между Чжао Цзыяном и авторами сериала не было никакой связи.

Дэн Сяопин был обуян мыслью об «особости» китайцев, о том, что у Китая есть своя «специфика», своя «самобытность», свое «своеобразие», которое важнее общности китайцев с человечеством, о том, что социализм в Китае – это социализм только китайский, обладающий своим своеобразием, своей самобытностью – «социализм с самобытностью Китая – Ю ЧЖУНГО ТЭСЭ ДЫ ШЭХОЙЧЖУИ». По Дэн Сяопину, сохранение китайцами и Китаем своей «самобытности», своего «своеобразия» было единственной надежной гарантией недопущения влияния на Китай иностранной политической культуры.

Приверженцы Дэн Сяопина обвиняли Чжао Цзыяна в том, что телесериал «Плач по Реке» был якобы сделан «для того, чтобы прославлять меня (Чжао Цзыяна)». Они также утверждали, что, этот сериал был сделан с ведома Чжао Цзыяна и при его поощрении. На самом деле для таких обвинений не было оснований.

Таким образом, в целом, можно сказать, что в 1980-х гг. в кругах интеллектуалов в Китае было широко распространено мнение о том, что Китай нуждается в осуществлении политики реформ и открытости, которая предполагает проведение и экономических и политических реформ, налаживания взаимных связей между Китаем и остальным человечеством (между прочим, это предполагало и нормализацию отношений с нашей страной, причем без каких бы то ни было условий). Проявлением этих взглядов и являлись работы о «нео-авторитаризме» и создание телесериала «Плач по Реке».

Все это было недопустимо, с точки зрения Дэн Сяопина. Он считал, что Чжао Цзыян был центральной политической фигурой, способствовавшей проникновению в Китай и распространению в Китае идей «буржуазного либерализма», а далее реставрации капитализма в КНР.

Они были убеждены, что мой решительный отказ согласиться с Дэн Сяопином не был единичным и случайным явлением, но что я имел связи и сотрудничал с людьми из этих движений на протяжении всего времени.

Они также думали, что из-за того, что я не чувствовал себя в безопасности в моем положении из-за экономических и политических трудностей, я и попытался уклониться от ответственности и нажать политический капитал, используя студенческие демонстрации для того, чтобы защитить себя.

Эти беспочвенные обвинения в адрес Чжао Цзыяна говорят о том, что Дэн Сяопин был весьма обеспокоен стремлением людей в Китае к углублению экономических и началу политических реформ. Он не хотел этого, видя в этом угрозу своему положению у власти; как он выражался, «угрозу для КПК и КНР».

Одновременно в момент острого политического кризиса проявилась натура Дэн Сяопина: предъявлять объекту своих нападок обвинения в закулисной деятельности, в интригах, то есть судить о человеке по себе.

Так называемый «базовый материал», распространенный на 4-м пленуме ЦК КПК 13-го созыва, вместе с «Докладом о 4 июня» Чэнь Ситуня (мэра Пекина) от имени Госсовета, представленным ВСНП, выступлениями Ли Сяньняня (влиятельного старейшего в партии) и других, а также письма Ван Жэньчжуна, которые он писал мне, все это по пунктам поднимало те же самые вопросы и обвинения.

Во-первых, вообще не существовало такой вещи, как движение с 1988 года «свергнуть Дэна и поддержать Чжао». Кто-то сфабриковал это с определенными целями. Ходило действительно много слухов в этот период; они касались, однако, не «свержения Дэна», но, наоборот, того, как «сбросить Чжао». Было много дискуссий дома и за рубежом относительно неустойчивости моего положения, относительно того, что моя власть уменьшилась, и что консерваторы оказывали давление на Дэна, требуя перемен в руководстве. (С. 55) Я написал им, что общественное мнение и дома, и за рубежом всегда связывало мою судьбу и мое политическое будущее с Дэном. (С. 55–56)

«Свергнуть Дэна» и «поддерживать Чжао» не могло соединяться в одном лозунге (высказывании). Если кто-то хотел «свергнуть Дэна», он в то же время не мог «поддерживать Чжао» и наоборот.

Чжао Цзыян утверждал, что обвинение в его адрес в том, что он якобы поддерживал движение за то, чтобы «свергнуть Дэна и поддерживать Чжао» не имело под собой никаких оснований, прежде всего, потому, что такого движения в реальной жизни Китая вообще не существовало.

Чжао Цзыян разъяснял, что ситуация в руководстве страны характеризовалась в те годы тем, что Дэн Сяопин поддерживал действия Чжао Цзыяна, а Чжао Цзыян при осуществлении политики, опирался на поддержку Дэн Сяопина.

В то же время в стране, особенно в партии, существовали требования сместить Чжао Цзыяна. В этих целях и оказывался нажим на Дэн Сяопина.

Чжао Цзыян подводил читателей к мысли о том, что вопрос о его политической судьбе всегда был в руках Дэн Сяопина.

Чжао Цзыян со всей решительностью и принципиальностью отвергал обвинение в намерении «свергнуть Дэна». У Дэн Сяопина и его приверженцев не было никаких фактов, на основании которых можно было бы опровергнуть это утверждение Чжао Цзыяна.

Во-вторых, в то время когда повсюду распространялись слухи о том, что «положение Чжао неустойчиво», что «его власть уменьшилась», что «он не способен непосредственно руководить экономикой», Дэн много раз оказывал мне поддержку. Он подтверждал, что он не только не имеет намерений изменить структуру руководства, но что он хочет, чтобы я оставался генеральным секретарем еще на два дополнительных срока. Как раз после Нового года, 1989 года, Дэн говорил об этом с Ли Пэном и наказал ему довести это до сведения других членов Постоянного комитета Политбюро. Это была реакция на административного характера заседание Постоянного комитета Политбюро в начале 1989 года, на котором Ли Пэн и Яо Илунь критиковали меня и выдвигали обвинения в мой адрес по экономическим вопросам. Когда Ли Пэн разъяснил этот инцидент Дэн Сяопину, Дэн раскрыл свои намерения, а это было желание стоять за меня. Он просил их также поддерживать меня.

В конце января 1989 года, как раз перед тем, как Дэн уехал в Шанхай на Праздник Весны, он говорил лично со мной и искренне, и сказал мне, что в последнее время он рассматривает вопрос о том, должен ли он уходить с поста председателя Военного совета ЦК КПК, и передать этот пост мне. Он сказал: «Если я сделаю это, ты сможешь лучше выполнять свою работу».

Он выразил свою решимость и доверие ко мне. Он также сказал, что если он не уйдет на покой, то и другие старейшие не уйдут, а это будет еще более затруднять работу. Уйдя на покой, ему будет легче убедить других сделать это. Во время этого разговора я также сказал ему очень искренне, что, как бы там ни было, а он не должен делать этого: «Если вы будете оставаться, то это поможет мне». Мы встретились с трудностями, которые выражались в колебании цен на рынке, поэтому момент был подходящим для того, чтобы поднять такой вопрос. Согласование проблем со старейшими в то время было полезным для моей работы. Таким было содержание нашего разговора в конце января 1989 года.

Даже в апреле 1989 года, когда я посетил его в его доме перед своей поездкой в Северную Корею, он сказал мне, что после моего возвращения из Северной Кореи, он созовет заседание специально для того, чтобы поговорить о том, чтобы я занимал пост генерального секретаря еще два дополнительных срока; и речь не шла тогда не только о переменах в структуре руководства, но я должен был продолжать работать на том

же посту и на следующий срок. Он также говорил с Чэнь Юнем и Ли Сяньнянем, которые выразили свое согласие. (С. 56)

Когда я написал письмо Ван Жэньчжуну, Дэн был еще жив, поэтому он мог подтвердить, что это правда. (С. 56–57) При таких обстоятельствах ясно, что у меня не было ощущения, что отсутствует безопасность применительно к моему положению.

Чжао Цзыян приводит ряд высказываний Дэн Сяопина, которые, если принимать их за чистую монету, являлись поддержкой положения Чжао Цзыяна в качестве первого по рангу официального руководителя партии.

Думается, что в целом ряде случаев Дэн Сяопин действительно хотел, чтобы Чжао Цзыян решал проблемы страны. Практика 1980-х гг. доказала, что именно он находит правильные пути решения, прежде всего, экономических проблем. Поэтому Дэн Сяопин и был заинтересован в том, чтобы Чжао Цзыян продолжал играть свою роль в руководстве делами партии и государства.

Вместе с тем, необходимо принимать во внимание и практические действия Дэн Сяопина, которые, в конечном итоге, привели к смещению Чжао Цзыяна с поста генерального секретаря ЦК КПК.

Здесь особенно важно обратить внимание на то, что Дэн Сяопин «испытывал мысли» Чжао Цзыяна, хотел проникнуть в его «тайные замыслы», когда стал выяснять отношение Чжао Цзыяна к вызревавшей якобы у Дэн Сяопина мысли о том, чтобы передать Чжао Цзыяну пост председателя Военного совета ЦК КПК, то есть отдать власть над вооруженными силами. Это главная реальная власть в современном Китае.

Чжао Цзыян был человеком мудрым и искушенным в политике внутри КПК. Он отказался от предложения Дэн Сяопина, заявив, что продолжение пребывания Дэн Сяопина на посту председателя Военного совета ЦК КПК – это единственная прочная гарантия продолжения работы Чжао Цзыяна на его нынешнем посту. Так Чжао Цзыян отвел подозрения в желании «свергнуть» Дэн Сяопина.

В-третьих, я не думаю, что экономическое положение было настолько плохим. Должно быть признано, что за десять лет реформ были громадные достижения. Экономические силы общества расширились в огромной степени. Жизненный уровень также значительно повысился. Хотя инфляция нанесла удар в 1988 году, я уверен, что условия не были ни настолько серьезными, ни настолько трудными для решения. Не было правды и в замечании, что мой образ настолько пострадал из-за моей неудачи справиться с экономикой, что я должен был наживать политический капитал, манипулируя студенческими демонстрациями, чтобы улучшить свой образ. (Конечно, было много проблем в области экономики в том году. Однако к настоящему времени я все еще уверен в том, что они не

были столь же серьезными, как это показала реальность замедления /падения/ рынка весной 1990 года; я буду говорить об этом позднее.)

Как бы вскользь, то есть как бы о том, что совершенно очевидно, и это действительно так, Чжао Цзыян упоминает о больших достижениях в области экономики именно в 1980-х гг., то есть тогда, когда ему довелось решать на практике экономические вопросы. Вообще говоря, именно то, что было сделано в 1980-х гг. и явилось основой успехов в развитии экономики в дальнейшем, и в 1990-х гг. и в 2000-х гг.

В 1988 году возникли определенные экономические затруднения. Однако, с точки зрения Чжао Цзыяна, имелась реальная возможность наладить дела. Во всяком случае, для обвинений в адрес Чжао Цзыяна в том, что он якобы стремился в опоре на студенческие демонстрации, «манипулируя студенческими демонстрациями, наживать политический капитал», «поправить» свой престиж, не было никаких оснований.

В-четвертых, я напомнил Ван Жэньчжуну в своих письмах о том, что я находился в партии на протяжении нескольких десятилетий. И для меня было невозможно НЕ понимать, как делается политика на высоком уровне внутри партии. Манипулировать студенческими демонстрациями ради своих интересов? Невозможно, чтобы я был настолько неграмотен или наивен!

Здесь можно задуматься лишь над вопросом о том, откуда взялись такие обвинения? Если все это имело своим источником мнение Дэн Сяопина, а вряд ли можно себе представить здесь что-то иное, то это лишний раз добавляет свои характеристики к портрету самого Дэн Сяопина как того, кто был способен даже на такие утверждения.

В-пятых, причина, по которой я отказался принять реакцию Дэна на студенческие демонстрации, была, как я уже объяснял ранее, в разнице мнений относительно и того, и другого, то есть и характера демонстраций, и последствий их подавления. Я чувствовал, что я несу ответственность перед историей. Я отказался превратиться в генерального секретаря, который подавил студентов.

Вот главный пункт разногласий между Чжао Цзыяном и Дэн Сяопином. Для Чжао Цзыяна важно было видеть весь этот вопрос так, как он предстанет перед судом истории.

Чжао Цзыян считал демонстрации студентов рожденными патриотизмом и желанием бороться с отрицательными явлениями в поведении чиновников.

Чжао Цзыян полагал необходимым вступить в диалог со студентами и искать компромисс на стезе мира.

Дэн Сяопин считал демонстрации студентов порождением волны реставрации капитализма, проявлениями «буржуазного либерализма», смертельно опасными для КПК и КНР.

Дэн Сяопин видел только одно действенное средство борьбы против всего этого: пустить в ход солдат и бронетехнику против мирных демонстрантов.

При всем этом Дэн Сяопин стремился вести дело таким образом, чтобы все было сделано по его желанию, в соответствии с его самовластным решением, а формально историческая ответственность пала на генерального секретаря ЦК КПК, то есть Чжао Цзыяна. В этом, кстати, проявилась особенность той политической культуры, которая присуща Мао Цзэ-дуну, Дэн Сяопину и их приверженцам и сторонникам.

Чжао Цзыян в этой ситуации, исходя из идейных разногласий с Дэн Сяопином, отказался превратиться в генерального секретаря, который подавил студентов.

Самое резкое обвинение, выдвинутое Ван Жэньчжунем, содержалось в его письме от 14 ноября 1989 г., за чем последовала беседа 8 декабря. После этого ситуация, казалось, стала менее напряженной. Возможно, после расследования моего дела на протяжении полугода они обнаружили, что их первоначальный анализ и заключения не подтверждались фактами.

14 февраля 1990 г. Ван Жэньчжун также попросил меня высказаться по поводу драматических изменений, которые произошли в СССР и в Восточной Европе. До этого разговора кипа документов, относящихся к этим событиям, написанных исследовательскими организациями ЦК, была доставлена мне. Ван попытался вынудить меня написать хорошую самокритику, раскрывая мне то, что некоторые люди предложили исключить меня из партии. Имея в руках мою самокритику, ему (по его словам) было бы легче изменить ход мыслей этих людей.

Я сказал Вану, что я надеюсь, что вскоре длительный процесс расследования подойдет к концу. (С. 57) Что же касается каких бы то ни было неправильных действий, в которых меня обвиняли, то я уже изложил свое мнение в речи на 4-м пленуме. (С. 57–58) Если я напишу другую самокритику, это будет абсолютно то же самое, что было раньше.

Я также предложил, чтобы при расследовании уделялось больше внимания именно расследованию и проверке фактов, а не ограничивались так называемой «проблемой» моей «позиции» («моего отношения»). Расширенное заседание Политбюро было недовольно позицией, которую я изложил в своем выступлении, и уже вынесло мне резкое наказание в результате этого. Что еще они могли сделать сейчас в ответ на мою позицию?

В последний раз Ван попросил меня о беседе 2 мая 1990 г. 20 февраля, то есть до этой беседы, я снова написал Дэну, в третий раз. Что касается моих писем Дэну, то первое было сопроводительным письмом к пись-

мам от старших кадровых работников, предназначенных для того, чтобы просить его пересмотреть его реакцию на студенческие демонстрации; второе письмо разъясняло мои соображения, высказанные в беседе с Горбачевым. В этом, третьем письме я просил завершить расследование по моему делу как можно скорее.

Ван подтвердил, когда мы встретились, что ему известно о письме, которое я написал Дэну. Вскоре должен был состояться 6-й пленум ЦК КПК 13-го созыва (состоялся 9–12 марта 1990 г.), но он сказал, что моя проблема не может быть решена на этом пленуме. Он даже упомянул, что возможно не будет необходимым разрешить мою проблему на пленуме партии. Я не знаю, что именно он имел в виду, говоря это. В любом случае, он имел в виду довести до меня, что проблема не будет решена в это время. Наш разговор происходил очень спокойно.

В начале расследования комиссия попыталась предъявить Чжао Цзыяну ряд обвинений. Чжао Цзыян со всей твердостью и принципиальностью разъяснил, что все эти обвинения не обоснованы.

Тогда комиссия попыталась заставить Чжао Цзыяна пойти на формальное признание своей вины. Это обосновывалось тем, что в таком случае окажется якобы легче смягчить позицию тех в ЦК партии, кто требовал исключить Чжао Цзыяна из партии. Иными словами, Чжао Цзыяна попытались запугать исключением из партии, надеясь, что он пойдет на самоговор ради призрачной возможности или в обмен на обещание оставить его в партии, что было совсем не обязательно, судя по настроению Дэн Сяопина; здесь мог иметь место очередной обман.

Чжао Цзыян остался тверд и не поддался на эту уловку.

21 июня (1990 г.) Ван Жэньчжун препроводил ко мне доклад о расследовании «Вопросы, имеющие отношение к товарищу Чжао Цзыяну и к политическим волнениям 1989 г.». Он запросил мою реакцию. Документ состоял из 30 пунктов.

Даже если оставить без внимания много цитат, вырванных из контекста, извращений оригинального смысла заявлений, и противоречий фактам, даже если бы все эти 30 заявлений были точны, их все равно было недостаточно для того, чтобы поддержать суждение (решение), вынесенное в отношении меня: «поддержка беспорядков» и «раскол партии».

27 июня я ответил Ван Жэньчжуну письмом с моими предложениями по поправкам в упомянутом выше документе. Я опроверг 12 пунктов из 30. Но после этого Ван так никогда больше не вступал со мной в контакт, да и никто другой не приходил проверить какие-либо материалы у меня. Фактически расследование было абортировано без подведения итогов.

Я узнал позднее, что после того, как Специальная Группа по расследованию представила свой доклад, руководители Центрального Комитета думали объявить о завершении расследования после Азиатских игр 1990 г.,

но затем их стала беспокоить возможная реакция и дома и за рубежом. Они также были обеспокоены моим свободным передвижением и участием в мероприятиях. (С. 58) К этому надо добавить сильные возражения нескольких старейших членов партии. Вместо этого они решили оставить дело без выводов; оставить его подвешенным на неопределенное время, а тем временем продолжать держать меня под домашним арестом под предлогом проведения расследования.

Я написал три письма: 28 августа 1990 года, 7 декабря 1990 года и 9 мая 1991 года Цзян Цзэминю (который был взят из Шанхая, чтобы заменить Чжао в качестве генерального секретаря), Ли Пэну и Постоянному комитету Политбюро соответственно. Главная мысль этих писем состояла в просьбе закончить расследование и домашний арест, и ограничение моей личной свободы как можно раньше.

Я также упомянул в этих письмах о том, что поскольку прошло уже так много времени с того времени, как 4-й пленум ЦК КПК 13-го созыва начал это расследование, что я убежден в том, что не осталось больше ничего, что все еще можно было бы прояснить. И у меня действительно не было никаких мыслей относительно того, что именно могло быть причиной того, что расследование моего дела идет так долго. С июня 1992 года никто не приходил ко мне поговорить со мной о вопросах, имеющих отношение к расследованию, никто не приходил и для того, чтобы проверить какие-либо соответствующие материалы. Если что-либо оставалось не ясным, почему они просто не спросили меня об этом? Я мог бы помочь выяснить дело. Такая тактика тянуть дело без какого бы то ни было решения, в вечно подвешенном состоянии под предлогом продолжающегося расследования, не шла на пользу ни мне, ни партии.

Я также подчеркнул, что, начиная с 4-го пленума ЦК партии, руководители Центрального Комитета неоднократно объявляли местным и иностранным репортерам, что я свободен в своих передвижениях, что я не нахожусь под домашним арестом и даже не нахожусь частично под домашним арестом. Однако в чем состоит правда? Фактом является то, что после 4-го пленума меня постоянно удерживают в моем доме.

В прошлом общая практика состояла в том, чтобы лишать личной свободы высокопоставленных кадровых работников, которые имели противоположные взгляды или совершили ошибки, особенно (так делалось) во время культурной революции. Однако 3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва вынес уроки из прошлого, и теперь, спустя более десяти лет осуществления реформ, причем тогда, когда ныне делается упор на установлении главенства закона, мы не должны продолжать повторять такого рода поведение.

Поэтому я требовал своего немедленного освобождения из-под домашнего ареста и возвращения мне моей личной свободы, вне зависимости от того, закончено расследование или нет.

Все эти мои письма упали, как камни в море, исчезли без следа. Их тактика состояла в том, чтобы никогда не отвечать на письма.

При правлении Дэн Сяопина, который после событий 4 июня 1989 года в еще большей степени утвердился в положении теневого «хозяина партии», официальные главные посты в партии в правительстве занимали Цзян Цзэминь в качестве генерального секретаря ЦК КПК и Ли Пэн в качестве премьера Государственного совета КНР. Все трое несут личную ответственность за то, что Чжао Цзыян находился под домашним арестом, был лишен личной свободы. Это было продолжением практики Мао Цзэдуна особенно во время его «культурной революции», хотя уже и без самого Мао Цзэдуна.

Итак, с июня 1989 г. Чжао Цзыян был фактически лишен свободы передвижения, заключен, главным образом, в своем доме.

Фактически ограничения моей свободы передвижения начались в июне 1989 г. Однако я никогда не был официально уведомлен, и не было никакого письменного документа на этот счет. (С. 59) Для того, чтобы доказать, что такого рода ограничения действительно существуют, а также потому, что я находился в мрачном настроении из-за продолжительного домашнего ареста, в октябре 1990 г., как раз накануне Азиатских игр, я принял решение выйти из дома, чтобы поиграть в гольф. (С. 59-60)

Когда Бюро Безопасности Канцелярии ЦК КПК обнаружило мой план выйти из дома и отправиться играть в гольф, они велели секретарю, работавшему у меня в доме, посоветовать мне не делать этого. Они сказали: «Никогда не было сказано, что выход из дома разрешен». Я ответил, что никто и никогда не говорил мне, что мне НЕ разрешено выходить из дома. Если было такое правило, тогда они должны показать мне его. Они никогда не показывали мне никакого документа, содержащего правила запрета, и не позволили мне выйти из дома.

Они приказали шоферу не вести машину, когда настало время. Я хотел поехать на автобусе. Конечно же, они боялись, что это произведет сенсацию в обществе.

В это время ни Цзян Цзэминя, ни Ли Пэна не было в Пекине. Они попросили Цяо Ши (члена Политбюро, который отвечал за вопросы безопасности) дать им инструкции, но Цяо Ши тоже не мог принять решение. Он просил Бюро Безопасности сымпровизировать решение, которое было подходящим в создавшейся ситуации.

В конечном счете Бюро Безопасности позволило шоферу вести машину, и послало полицейскую машину сопровождать нас. После того как я сыграл в гольф в гольф-клубе, совместном китайско-японском предприятии, японцы, которые обслуживали гольф-клуб, сообщили об этом в японское посольство. Новость быстро распространилась среди японских и других иностранных репортеров. Сообщение об этом появилось в печати в

тот же день и передавалось всеми ведущими информационными агентствами, а также СМИ в Сянгане и на Тайване. Телевидение в Сянгане даже показало старые кадры, на которых я играю в гольф, сообщая об этом событии.

Оба, Цзян Цзэминь и Ли Пэн, были чрезвычайно обеспокоены. Они осудили принятое решение и начали расследование с целью установить, кто позволил мне выйти и отправиться играть в гольф. После этого беспорядка они устно уведомили меня от имени Центрального Комитета, что мне запрещено выходить из дома во время расследования. Тем самым сам факт того, что они ограничили мою свободу и подвергли меня домашнему аресту, в конечном счете был подтвержден официально.

Перед своими и иностранными репортерами они, однако, продолжали утверждать, что я свободен. Очевидно, что они не хотели, чтобы общественное мнение узнало правду, потому они осознавали, что поступают не верно.

Чжао Цзыян сумел настоять на поездке из своего дома в принадлежащий частично японцам гольф-клуб. После этого Цзян Цзэминь и Ли Пэн, то есть этот «тандем», назначенный Дэн Сяопином, устно уведомил Чжао Цзыяна от имени ЦК КПК о том, что ему на время расследования запрещается выходить из дома. И при этом иностранцам продолжали заявлять, что Чжао Цзыян не лишен личной свободы. Все это характеризует лично Дэн Сяопина и обстановку внутри КПК при Дэн Сяопине и его последователях.

8 октября 1992 г. Цяо Ши и Сун Пин (члены Политбюро) пригласили меня в Хуайжэньтан в Чжуннаньхае на беседу. Дин Гуангэнь и Ли Теин также присутствовали при этом. Цяо Ши от имени Центрального Комитета объявил, что ЦК решил закончить расследование, сохраняя политические и административные решения против меня, принятые 4-м пленумом ЦК КПК 13-го созыва. (С. 60) Объявление об этом должно было быть включено в публичное заявление о заседании Центрального Комитета, которое вот-вот должно было закончиться. (С. 61) Они пришли уведомить меня накануне того дня, когда это должно было произойти.

После этого я ответил, выделив три пункта.

Первое. Что касается решения по моему делу, вынесенному против меня на 4-м пленуме, обвинений в «поддержке беспорядков» и «расколе партии», то я не согласен с ними, и сделал заявление относительно своих оговорок. Я не изменил своего мнения и продолжаю настаивать на своих оговорках.

Второе. Я потребовал, чтобы Центральный Комитет объявил о своем решении на соответствующих уровнях внутри партии в официальном документе. При объявлении и изложении изначального решения должны быть равным образом изложены факты, на основе которых вынесено это

решение. Что это за факты, которые подтверждают изначальное решение? Имеется ли в виду то, о чем сказано в известных 30 пунктах? И если это так, то я требую, чтобы все эти пункты были включены в официальный документ.

Третье. Поскольку расследование закончено, должна быть немедленно восстановлена моя личная свобода. Что же касается того, что я должен учитывать в своей деятельности, то Центральный Комитет может внести предложения, и буду уважать их, однако я никоим образом не принимаю неразумные и принудительные правила, ограничивающие мою свободу.

Цяо Ши и другие сказали, что они доведут мой ответ до Центрального Комитета и уведомят меня о результатах.

Когда я излагал свое мнение по второму пункту, — то есть относительно требования публично объявить о решении, — Цяо Ши вставил: «Ты должен думать о том, как избежать какого бы то ни было воздействия на стабильность». Когда я высказывался по третьему пункту, требуя восстановления своей личной свободы, они сказали, что XIV съезд партии (октябрь 1992 года) привлечет много иностранных репортеров. «Ваше дело очень болезненное (деликатное), и после того, как будет сделано публичное заявление, может быть большой наплыв иностранных репортеров, которые соберутся вокруг вашего дома». Они выразили надежду, что я буду соблюдать партийную дисциплину и принимать во внимание обстановку в целом.

В ответ я предложил воздержаться от того, чтобы действовать во время XIV съезда партии. Услышав это, они, казалось, вздохнули с облегчением. Сун Пин сказал, что после съезда партии моя внешняя деятельность может увеличиваться постепенно с той целью, чтобы приглушить вопрос и двигаться медленно на протяжении длительного периода времени. На этом разговор завершился.

Позднее мне довелось слышать, что когда они объявили об итогах расследования и о подтверждении изначального решения, они не сказали больше ничего, даже на заседании Политбюро. Они не распространили доклад группы, занимавшейся расследованием. (С. 61) А это означает, что после более чем трех лет расследования конкретно то, что было обнаружено, и то, каковы те факты, которые легли в основу решения из двух пунктов обвинения в мой адрес, все это завершилось всего лишь объявлением об окончании расследования. (С. 61–62) Конечно, никаких возражений не последовало. В публичном заявлении о пленуме была только одна фраза об «окончании расследования и подтверждении решения». Не были распространены никакие иные материалы. Пленум Центрального Комитета принял изначальное решение о проведении расследования, поэтому, когда пленум заявил об окончании расследования, это должно было быть подтверждено заключительным докладом пленуму. Но этого сделано не было.

Наоборот, они сказали на заседании, что будет достаточно только упомянуть об этом вопросе внутри каждой группы без какого-либо дальнейшего обсуждения этого вопроса.

Оценивая с позиций сегодняшнего дня то, как все это тогда осуществлялось, я могу видеть, насколько они нервничали в связи с моим делом. У них было много опасений, и они говорили с огромной осторожностью.

Когда Цяо Ши объявил мне о решении Политбюро, он просто зачитал вслух соответствующее заявление. Я сначала был намерен сделать заметки в то время, когда он читал документ. Но он говорил слишком быстро. Боясь, что я не буду в состоянии получить возможность ухватить содержание документа в письменном виде, я попросил Цяо Ши дать мне копию документа. Цяо Ши сказал: «Да», и сказал товарищу, который делал пометки: «Дайте копию этого уведомления товарищу Цзыяну». Впоследствии, однако, когда я велел своему секретарю позвонить им и попросить копию документа, они отказали. Они даже не дали никаких дальнейших разъяснений. Я не знаю, чего они боялись.

Принимая во внимание сложившуюся ситуацию, я боялся того, что они не передали мое заявление из трех пунктов в полном виде, то есть так, как я его выразил, особенно потому, что эти три пункта им неприятно было слушать. Поэтому, когда я вернулся домой после этой встречи, я направил им мои три пункта в виде меморандума. Конечно, как и всегда, ответа не последовало.

Как бы там ни было, они завершили расследование без представления какой-либо документации ни Политбюро, ни пленуму Центрального Комитета. После трех лет расследования и в связи с подведением итогов расследования, почему было не довести факты до общественности? Фактически, дело было просто в том, что они боялись.

Какие же проблемы они вскрыли реально за три года расследований? 21 июня 1990 года Ван Жэньчжун передал мне проект Доклада о расследовании, состоящего из 30 пунктов, с сопроводительным письмом, в котором говорилось, что если я с чем-то не согласен, я могу поднять вопрос, представив свои письменные комментарии по этому документу и возвратив его ему. (С. 62)

Спустя три года после событий 1989 года расследование было завершено. При этом до партии было доведено лишь сообщение о том, что оно закончено, и что подтверждены выводы, сделанные в отношении Чжао Цзыяна в 1989 году.

При этом никто никому ничего не разъяснял. Чжао Цзыян сделал вывод о том, что «хозяева» партии просто боялись говорить об этом.

Сам он заявил о том, что не согласен ни с одним из двух главных обвинений: в «поддержке беспорядков» и в «расколе партии». Чжао Цзыян потребовал, чтобы до партии были доведены факты, на которых осно-

ваны сделанные в отношении него выводы. Наконец, он потребовал, чтобы в связи с окончанием расследования ему была возвращена личная свобода.

Ответом ему, как и всегда, было молчание. Все это характеризует то, чем являлась КПК при Дэн Сяопине и его приверженцах и последователях.

Проект обвинительного заключения по «делу Чжао Цзяяна» так и не был доведен до членов КПК. Его содержание не только не давало оснований для уголовного преследования Чжао Цзяяна, но и могло свидетельствовать о его правоте применительно ко многому из того, что говорилось в этом документе.

ОБВИНЕНИЯ В АДРЕС ДЖАО ЦЗЫЯНЯ

Далее Чжао Цзыян высказал свое мнение о содержании обвинительного заключения по его «делу».

Проект (соответствующего документа) был озаглавлен: «Вопросы, имеющие отношение к товарищу Чжао Цзыяню и к политическим беспорядкам 1989 года». Ниже приводятся 30 пунктов, составлявших содержание этого документа:

1. Вечером 15 апреля (1989 г.) товарищи Ху Цили и Жуй Синвэнь (секретарь парткома Шанхая) доложили товарищу Цзыяню о ситуации, возникшей после кончины товарища Ху Яобана: существует потенциальная угроза уличных демонстраций и собраний; кто-то может воспользоваться ситуацией, чтобы вызывать волнения. Они предложили, чтобы Центральный Комитет выпустил уведомление с тем, чтобы предупредить региональные власти, побудить их быть настороже. Цзыян не воспринял серьезно предупреждение о волнениях и считал направление упомянутого предупреждения преждевременным. 16 апреля министерство общественной безопасности, будучи уверено в том, что положение может стать более серьезным, издало соответствующее уведомление по регионам внутри системы органов министерства общественной безопасности.

2. В период, когда отдавалась дань памяти товарища Ху Яобана, признаки волнений с каждым днем становились все очевиднее. Многие товарищи в Центральном Комитете и в городском правительстве Пекина были уверены в том, что природа событий (характер событий) уже изменилась. Во многих случаях они привлекали внимание Чжао Цзыяня к необходимости для Центрального Комитета иметь ясную стратегию и план действий с тем, чтобы остановить ситуацию от дальнейшего развития. Однако он всегда избегал какого-либо серьезного обсуждения вопроса о природе (о характере) событий. 23 апреля как раз перед тем, как он отправился с визитом в Северную Корею, товарищи из Центрального Комитета снова предложили созвать заседание, но он отклонил это предложение.

3. 19 апреля шанхайская газета «ШИЦЗЕ ЦЗИНЦЗИ ДАОБАО» и журнал «СИНЬ ГУАНЬЧА» совместно провели симпозиум, посвященный памяти Ху Яобана, открыто осудили кампанию борьбы против буржуазной либерализации (1987 г.). Они говорили, что эта кампания была не популярна, подвергали атакам старейших товарищей из Центрального Коми-

тета, и требовали, чтобы Центральный Комитет допустил, что он ошибался; они были первыми, кто предложил всеобъемлющие руководящие принципы для политических беспорядков. 24 апреля газета «ШИЦЗЕ ЦЗИНЦЗИ ДАОБАО» подготовила детальный доклад об этом заседании (симпозиуме) и поторопилась напечатать его, это было эхом волнений (беспорядков) в Пекине. 26 апреля партийный комитет города Шанхая наложил административное взыскание, приказал газете остановить распространение тиража и реорганизовал редакцию газеты. Все это было совершенно правильно. (С. 63) Однако, после того как Чжао Цзыян вернулся из поездки в Северную Корею, он не только отказался оказать поддержку этому решению, но обвинил партком Шанхая в том, что он усугубил ситуацию и повернул развитие событий в менее благоприятном направлении. (С. 63–64) 2 мая, когда он беседовал об этом с Фэй Сяотунном (председателем Демократической Лиги Китая) и лидерами других политических партий, он сказал: «Было бы лучше для обеих сторон снизить накал ситуации. Дать знак парткому Шанхая соответственно дать задний ход». 11 мая, когда он говорил с товарищем Цзян Цзэминем (в то время руководителем партийной организации Шанхая) о «ШИЦЗЕ ЦЗИНЦЗИ ДАОБАО», он сказал: «Я не оказываю давление на тебя, и я не буду сам вовлечен в это дело. Это тот вопрос, который ты должен решить сам. Если кто-нибудь спросит меня об этом в будущем, я отвечу, что ничего не знаю».

Итак, первое значительное проявление конфликта между двумя мнениями, двумя взглядами в стране и внутри партии имело место 19 апреля 1989 года.

Разными оказались взгляды на роль и значение для партии и страны в прошлом генерального секретаря ЦК КПК Ху Яобана. Разными были взгляды на понятие свободы и демократии.

Уход из жизни Ху Яобана, фактически смещенного со своего поста Дэн Сяопином в результате закулисных интриг, вызвал такие «поминки» по Ху Яобану, которые означали, что люди поддерживали и его лично, и его политический курс, прежде всего, на то, чтобы «стремиться к истине, опираясь на факты», даже если для этого приходилось пересматривать установки Мао Цзэдуна. С этой точки зрения, Китай и китайцы давно созрели для свободы и демократии.

По сути дела, после смерти Мао Цзэдуна люди в Китае двинулись по пути к свободе, к освобождению от оков «идей» правления Мао Цзэдуна.

Дэн Сяопин видел в этом движении к свободе и демократии опасность, как он выражался, «для КПК и КНР», хотя на самом деле, речь шла о сохранении власти в руках партийной номенклатуры, о сохранении принципа единовластия и самовластия.

Дэн Сяопин наклеил на стремление людей в Китае к свободе и демократии ярлык «буржуазной либерализации» или «буржуазного либерализма».

И вот 19 апреля 1989 года интеллектуалы Шанхая в органах СМИ выступили с уважением к памяти Ху Яобана и с решительным протестом против кампании борьбы против «буржуазного либерализма».

Первый секретарь парткома КПК города Шанхая Цзян Цзэминь обрушился с репрессиями на этих интеллектуалов. Иными словами, открыто выступил в поддержку Дэн Сяопина. (Примечательно, что и во время «культурной революции» Мао Цзэдун организовал для себя первую поддержку тоже из парткома Шанхая.)

По сути дела, первое обвинение в адрес Чжао Цзыяна состояло в том, что он не только не поддержал действия Цзян Цзэминя, но и мягко посоветовал ему «умерить прыть». Это Дэн Сяопин и его приверженцы и рассматривали как «вину» Чжао Цзыяна», как «поддержку беспорядков» и «раскол партии». Конечно же, для таких обвинений не было оснований, Чжао Цзыян с ними не соглашался.

4. 3 мая, перед тем как товарищ Чжао Цзыян выступил с речью на собрании, посвященном празднованию 70-й годовщины Движения 4 мая, несколько товарищей, Ян Шанкунь. Ли Пэн, Яо Илин и Ли Симин, выразили свое убеждение в том, что антипартийные антисоциалистические беспорядки, которые развивались, были прямым пагубным следствием распространявшегося на протяжении длительного времени буржуазного либерализма. Поэтому они неоднократно предлагали Чжао, чтобы он использовал свое выступление для того, чтобы направить его против политической повестки дня, предложенной архитекторами беспорядков, добавив в свое выступление недвусмысленное осуждение буржуазного либерализма. Эти предложения были, однако, отвергнуты Чжао.

В этом документе последовательно проводилась мысль о том, что главное, против чего выступал Дэн Сяопин и его приверженцы, а здесь перечислена все та же малочисленная группа, состоявшая из Ли Пэна и Яо Илина, как членов ПК ПБ ЦК КПК, Ян Шанкуня, как имевшего право присутствовать на заседаниях этого органа, и Ли Симины, как руководителя парткома Пекина, это то, что они именовали «буржуазным либерализмом».

Таким образом, Дэн Сяопин, идя вразрез с сутью решений 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва и XII съезда партии о недопустимости классовой борьбы в Китае, навязывал продолжение маоцзедуновской классовой борьбы в форме дэнсяопиновской кампании «искоренения» стремления людей к свободе и демократии, которое он характеризовал как «буржуазное».

5. 23 апреля перед поездкой в Северную Корею Чжао вызвал к себе для разговора (своего помощника) Бао Туна, приказав ему держать в поле зрения развитие студенческих демонстраций. 30 апреля, немедленно по возвращении Чжао в Пекин, Бао Тун встретился с Чжао и доложил, что ре-

дакционная статья от 26 апреля написана в слишком резком тоне, не охватывает ситуацию во всей ее полноте, и вызывает противоречивые чувства у тех студентов, которые ранее были нейтральными. Через несколько дней Чжао сказал Бао, что он также чувствует, что в редакционной статье от 26 апреля есть недостатки.

В документе в вину Чжао Цзыяну ставилось то, что у него было свое мнение относительно содержания статьи, опубликованной в «Жэньминь жибао» 26 апреля 1989 г. Речь шла о расхождении между Чжао Цзыяном и Дэн Сяопином относительно характеристики студенческих демонстраций. Чжао Цзыян не считал их направленными против партии и против социализма. Он понимал, что студенты руководствовались чувством патриотизма. Дэн Сяопин стремился подавить стремление народных масс к демократии и свободе и устранить Чжао Цзыяна из руководства. Он пытался добиться этого, наклеивая политические ярлыки демонстрантам и обвиняя Чжао Цзыяна в том, что он поддерживал демонстрации. Во всем этом Чжао Цзыян и демонстранты были правы, а Дэн Сяопин не был прав. Ему удалось удержаться у власти только в опоре «на штыки», только убив много людей из числа мирных демонстрантов на главной площади столицы КНР.

6. 1 мая Чжао попросил своего секретаря Ли Юна доложить о ситуации в ходе студенческих демонстраций. При обсуждении студенческих демонстраций, состоявшихся 27 апреля, Чжао сказал, что они явились показателем того, что студенты недовольны редакционной статьей, однако поскольку Центральный Комитет принял решение, было бы трудно изменить позицию, выраженную в редакционной статье.

7. Вечером 2 мая Чжао Цзыян провел симпозиум с лидерами других политических партий для обсуждения вопроса о студенческих демонстрациях: Фэй Сяотунюм, Лэй Цзеюн и Сунь Цимэном. (С. 64) К тому времени Центральный Комитет уже в полной мере предложил стратегию бескомпромиссного открытого противодействия беспорядкам. Чжао Цзыян должен был воплощать в жизнь стратегию Центрального Комитета, однако когда некоторые люди поставили под вопрос точность определения студенческого движения как «беспорядков», считая, что это определение было дано без предварительного анализа этого движения, Чжао Цзыян не только не стал их идеологически переубеждать, но даже сказал: «Ваши соображения сегодня помогают нам лучше понять вопрос», и согласился с их взглядами. После упомянутого симпозиума (2 мая) Чжао сказал товарищу Янь Минфу (руководителю отдела единого фронта), что определение характера событий, сделанное в редакционной статье газеты «Жэньминь жибао» за 26 апреля, является неправильным, что представляется, что товарищи из Постоянного комитета Политбюро в своем докладе (Дэну) представили лишь односторонние взгляды парткома Пекина. И те-

перь очень трудно изменить ход вещей. Ключ к проблеме состоит в ответе на вопрос о том, как убедить товарища Дэн Сяопина. Если бы он смог сказать однажды, что имела место переоценка ситуации, это могло бы объединить унифицировать мысли членов Постоянного комитета, и партия могла бы совершить поворот. Чжао попросил Янь Минфу довести его взгляды до Ян Шанкуня, и выразил надежду на то, что товарищ Шанкунь вместе с ним посетит товарища Дэн Сяопина. В тот же вечер, после того, как товарищ Янь Минфу встретился с товарищем Шанкунем, он доложил Чжао, что ответ товарища Шанкуня заключается в том, что взгляды товарища Сяопина на беспорядки были уже тщательно продуманы и не могут измениться.

8. Утром 3 мая Чжао Цзыян говорил с Ян Шанкунем о редакционной статье от 26 апреля, после чего Чжао сказал своему секретарю Ли Юну, что кажется, будет трудно изменить позицию, занятую в статье. Вместо этого эффекта нужно добиться постепенно, меняя ситуацию медленно.

9. Утром 4 мая Чжао Цзыян устно изложил основные мысли, а Бао Тун составил речь Чжао Цзыяна, которую он должен был произнести на годичной конференции совета директоров Азиатского Банка Развития. Без консультации с кем бы то ни было из остальных товарищей из Постоянного комитета, он во второй половине того же дня произнес речь, находящуюся в полном противоречии со стратегией Центрального Комитета, которая была направлена на то, чтобы остановить прекратить беспорядки. В это время серьезные беспорядки уже имели место, однако он сказал нечто совершенно противоположное: «Не будет никаких больших беспорядков в Китае. Я полностью уверен в этом». Центральный Комитет со всей ясностью показал, что беспорядки обращены на то, чтобы подорвать руководящую роль Коммунистической партии, устранить социалистическую систему, но он сказал: «Они абсолютно не противостоят нашей фундаментальной системе, но скорее просят нас исправить ошибки в нашей работе». (С. 65) Когда всевозможные факты свидетельствовали о том, что крайне незначительное меньшинство манипулирует студенческими демонстрациями, ведя дело к беспорядкам, он все еще говорил: «Неизбежно, что кое-кто может попытаться манипулировать действиями студентов». (С. 65–66) После этой речи Чжао лично инструктировал репортеров из Агентства Синьхуа, наказав им поместить его выступление полностью. Это создало демонстративное расхождение мнений, противопоставление его мнения мнению Центрального Комитета. После того как его выступление было напечатано, опубликовано, кадровые работники, члены партии и широкая аудитория реагировали на это смущением умов, так как казалось, что есть два разных голоса внутри Центрального Комитета. В некоторых университетах начался бойкот занятий, и уличные демонстрации усилились. В ситуации в целом произошел поворот к худшему.

В докладе пытались доказывать, что Чжао Цзыян якобы виноват в том, что в партии и в стране сложилось мнение о том, что в ЦК КПК существуют «два голоса».

На самом деле, это Дэн Сяопин вносил разногласия, выступив против мнения руководства ЦК КПК, мнения генерального секретаря ЦК КПК, которого поддерживали два члена ПК ПБ ЦК КПК. На стороне Дэн Сяопина выступили два члена ПК ПБ из пяти членов ПК ПБ ЦК КПК. Таким образом, в руководстве ЦК КПК большинство, то есть три голоса, было, у Чжао Цзыяна. В то время как у Дэн Сяопина было меньшинство – два голоса.

10. Утром 5 мая Чжао Цзыян встретился с ректором Пекинского университета Дин Шисунем и проректором Пекинского Педагогического университета Сюй Цзялу. Чжао сказал: «Я намеренно пытаюсь уменьшить напряженность с помощью своего выступления на годичной конференции Азиатского Банка Развития. Мы не должны заниматься обсуждением характера движения в настоящее время. Откровенно говоря, мы даже не знаем, кто те люди, которые составляют незначительное меньшинство».

11. Во второй половине дня 5 мая товарищ Чжао Цзыян (сам пригласил себя) по своей инициативе присутствовал на симпозиуме молодых работников нескольких пекинских университетов, организованном Центральным Комитетом Демократической лиги Китая. Некоторые выразили неодобрение редакционной статьи от 26 апреля и поддержку речи Чжао на конференции Азиатского Банка Развития. Когда заседание закончилось, Чжао сказал: «Все говорили хорошо. Спасибо!» Таким образом, он выразил свое согласие с тем, что говорилось на заседании.

12. Даже тогда, когда ситуация в ходе беспорядков повернулась к худшему, а пропагандистские сообщения в некоторых публикациях начали подаваться в очевидно неправильном направлении, утром 6 мая Чжао Цзыян пригласил для разговора Ху Цили и Жуй Синвэня и сказал им: «В настоящее время свобода печати – это жгучий вопрос. Мы можем вынести некоторые уроки из недавних сообщений печати. Сначала контроль был более жестким, но затем он стал более свободным. Стали сообщать об уличных демонстрациях, и пресса стала, как кажется, становиться более открытой. В этом нет большого риска». Он даже сказал: «Перед лицом популярных желаний людей (народа), и прогрессивных тенденций мировых масштабов, единственное, что мы можем сделать, это управлять ситуацией, отвечая на обстоятельства. Студенческие демонстрации высветили такой вопрос: люди (народ) с силой требуют реформ; их беспокоит всеобщая остановка реформ». 9 мая Ху Цили организовал доведение до прессы релиза с изложением высказываний Чжао после того, как Чжао просмотрел и одобрил его содержание. (С. 66) 12 мая товарищ Ху Цили и Жуй Синвэнь (секретарь Секретариата ЦК партии) устроили

брифинг для руководителей СМИ в Пекине в форме диалога. К тому времени более тысячи работников СМИ Пекина подписали петицию и вышли на улицы, чтобы выразить протест. Некоторые газеты опубликовали статьи с нападками на партию и правительство, что стало причиной еще большего выхода из-под контроля пропаганды и общественного мнения. «Жэньминь жибао» и многие другие организации освещали уличные протесты, сидячие демонстрации, и в особенности голодовки, показывая тем самым свою поддержку демонстрантам и побуждая к участию в демонстрациях все большее число людей. Общественный порядок в Пекине был обращен в хаос.

Судя по тому, что сказано в докладе, член ПК ПБ ЦК КПК Ху Цили был на стороне Чжао Цзыяна. При перечислении тех, кто выступал на стороне Дэн Сяопина, не упоминалось имя другого члена ПК ПБ ЦК КПК Цяо Ши. Это лишний раз говорило о том, что в ПК ПБ ЦК КПК за Чжао Цзыяном было большинство, не говоря уже о том, что среди трех членов ПК ПБ, составлявших в нем большинство, был и генеральный секретарь ЦК КПК.

13. 21 апреля, а затем и 21 мая товарищ Чжао Цзыян встречался с товарищем Ду Жуньшэном (который руководил усилиями по реформе политики в отношении деревни) с тем, чтобы обсудить студенческие демонстрации. После этих встреч товарищ Ду Жуньшэн дважды провел заседания в Доме Науки. Каждый раз в них участвовали более 10 человек, чтобы поговорить об идеях Чжао. Они обсуждали выдвигавшиеся мнения и выдвигали предложения относительно того, как вести себя в отношении студенческих демонстраций. Чжао с большим одобрением относился к предложениям каждого из участников и выражал надежду на то, что удастся превратить студенческие демонстрации в тот поворотный пункт, благодаря которому окажется возможным решить несколько важных проблем, которые тогда находились в поле внимания публики.

В 1980-х гг., когда Ду Жуньшэн был проездом в Москве, мне довелось сопровождать его. Он, в частности, говорил, что гордится тем, что после смерти Мао Цзэдуна осуществлял такую политику в отношении крестьянства, благодаря которой, по его словам, «удалось спасти от голодной смерти сто миллионов китайских крестьян».

Тот факт, что Чжао Цзыян и Ду Жуньшэн в 1989 году находили общий язык, свидетельствует о том, что речь у них шла о том, как продолжать и углублять реформы, в том числе и в сфере экономики, в частности, в деревне, и в области политики, в частности, применительно к городу, к молодежи и интеллектуалам.

Одним словом, для Чжао Цзыяна студенческие демонстрации были проявлением поддержки реформ в Китае. Чжао Цзыян был за продолже-

ние реформ. Дэн Сяопин, цепляясь за власть, фактически остановил на несколько лет реформы. Дэн Сяопин был вынужден продолжить экономические реформы в 1992 году на основе, которая была создана благодаря реформам, проведенным в 1980-х гг. по инициативе Чжао Цзыяна и Ху Яобана.

14. Постоянный комитет Политбюро провел заседание 8 мая для того, чтобы заслушать доклад, подготовленный Группой по прекращению беспорядков. Они должны были обсудить вопрос о том, как принять строгие меры, чтобы остановить беспорядки, но Чжао Цзыян вместо этого на эмоциональном подъеме говорил о так называемых «антикоррупционных» усилиях. 10 мая Политбюро провело заседание, на котором Чжао доложил о заседании Постоянного комитета 8 мая и предложил 6 конкретных мер в целях борьбы против разложения (коррупции) и способствования политическим реформам. Эти меры не были обсуждены и одобрены на заседании Постоянного комитета.

Дэн Сяопин считал своей главной целью подавление мирных демонстраций с требованиями политических свобод и демократии, с требованиями отмены привилегий номенклатуры.

Чжао Цзыян искал пути компромисса с демонстрантами. В частности, он предложил несколько важных мер, благодаря которым можно было бы поставить под контроль номенклатуру, начиная с самого верха. Речь шла, в частности, о лишении привилегий чиновников, начиная с уровня заместителя министра и выше. Это перепугало номенклатуру. Это использовал Дэн Сяопин, чтобы на основе поддержки со стороны номенклатуры обрушиться на Чжао Цзыяна.

Так в партии действительно возник раскол между Чжао Цзыяном и теми, кто выступал за отмену привилегий номенклатуры, и Дэн Сяопин и теми, кто выступал за сохранение упомянутых привилегий номенклатуры.

15. На двух упомянутых заседаниях вопрос о том, как реагировать на незаконные студенческие организации ставился много раз. Товарищ Чжао сказал: «Во многих местах, там, где официальные студенческие организации не способны получить поддержку большинства, можно провести перевыборы. Они не должны бояться того, что им придется сойти со сцены, и позволить другим прийти им на смену в результате выборов».

Чжао Цзыян был за выборность органов власти, начиная со студенческих союзов. Дэн Сяопин, следуя за Мао Цзэдуном, «не верил в выборы».

16. 9 и 10 мая в Пекине был проведен симпозиум по современному социализму. (С. 67) На заседании было предложено, чтобы социалистические реформы преодолели барьеры на пути к рыночной экономике и де-

мократии; считалось, что вопросы социалистической демократии, свободы и прав человека все являются важными и значительными вопросами. (С. 67–68) Чжао Цзыян встретился с товарищами, принимавшими участие в симпозиуме, и сказал: «Главный урок, который мы должны вынести из студенческого протеста, состоит в том, что мы должны ускорить процесс политических реформ». 12 мая в газете «Жэньминь жибао» на первой полосе было помещено сообщение об этом заседании под заголовком: «Реформы должны преодолеть барьеры на пути к рыночной экономике и демократии». По сути дела, это создавало теоретические основания для беспорядков и содействовало эскалации беспорядков.

Чжао Цзыян считал, что необходимо «пройти через две заставы: заставу рынка и заставу демократии». Естественно, что, с его точки зрения, реформы в КНР должны были быть направлены на преодоление барьеров на этом пути.

Рано или поздно это должно было произойти. Дело было в том, как постепенно добиться этого.

Дэн Сяопин видел в реформах, за которые ратовали Ху Яобан, Чжао Цзыян и Вань Ли, в их взглядах то, что он и его приверженцы называли «теоретическими основаниями для беспорядков». По Дэн Сяопину, стабильность заключалась в недопущении политических реформ в Китае вообще и в определенном ограничении экономических реформ такими рамками, которые не допускали бы осуществления «с черного хода» все тех же политических реформ.

17. Во второй половине дня 16 мая товарищ Чжао Цзыян встретился с Горбачевым. Как только беседа началась, он сказал: «По важным вопросам партия все-таки нуждается в том, чтобы Дэн Сяопин был у руля. Начиная с XIII съезда партии, тогда, когда мы встречаемся с важными вопросами, мы всегда информируем товарища Дэн Сяопина и запрашиваем его руководящих указаний». Он также сказал, что это он в первый раз раскрывает такое решение Коммунистической партии Китая. На следующий день после этой беседы, лозунги, применявшиеся в ходе уличных протестов, были сосредоточены на атаках против Дэн Сяопина. Лозунги типа «Свергнуть Дэн Сяопина» и «Поддержим Чжао Цзыяна» заполнили улицы, где высказывался протест, и площадь Тяньаньмэнь.

В докладе комиссии утверждалось, что Чжао Цзыян якобы хотел «свергнуть» Дэн Сяопина. Для таких утверждений не было никаких оснований. Чжао Цзыян дал по этому поводу исчерпывающие и убедительные разъяснения, о которых уже говорилось ранее.

18. Вечером 16 мая состоялось чрезвычайное заседание Постоянного комитета Политбюро. Товарищ Чжао Цзыян предложил сказать студентам, что редакционная статья от 26 апреля это ошибка. Он предложил,

чтобы было сказано, что проект редакционной статьи был послан в Северную Корею ему на одобрение, и что он несет за это полную ответственность. Он неоднократно говорил, что редакционная статья от 26 апреля содержит такие проблемы, объяснение которых является существенным, и что без такого шага никакого прогресса не может быть достигнуто. Если студентов не удастся повернуть, не будет никакого выхода.

19. Во второй половине дня 17 мая состоялось еще одно заседание Постоянного комитета. Товарищ Чжао Цзыян продолжал придерживаться своей неправильной позиции, в то время как большинство товарищей из Постоянного комитета твердо выступали против него. Они были уверены в том, что продолжение отступления будет иметь своим результатом громадный переворот общенационального значения и непредсказуемые последствия. Товарищ Дэн Сяопин твердо поддержал позицию большинства товарищей из Постоянного комитета. Для того чтобы положить конец беспорядкам, на заседании было решено вызвать в Пекин войска, и военное положение было введено в ряде районов Пекина. Чжао был уверен, в противовес этому, что введение военного положения будет иметь серьезные последствия. Он заявил, что не в состоянии выполнить это.

Дэн Сяопин путем закулисных интриг навязал введение военного положения. При этом были нарушены положения Устава КПК. Мнение Дэн Сяопина на заседании 17 мая поддержали Ли Пэн и Яо Илин. Чжао Цзыян и Ху Цили не поддержали это мнение. Цяо Ши не занял определенной позиции.

Чжао Цзыян твердо заявил, что он не согласен быть тем генеральным секретарем ЦК КПК, который будет подавлять демонстрации студентов силами вооруженных солдат.

20. После заседания Постоянного комитета Политбюро, состоявшегося 17 мая, товарищ Чжао Цзыян игнорировал решение Постоянного комитета и осмелился немедленно выступить с предложением о своей отставке. (С. 68) Он попросил Бао Туна составить проект заявления об отставке, которое он затем подписал и отправил немедленно. На следующий день, после критики со стороны товарища Ян Шанкуня, Чжао отозвал письмо.

21. На заседании Постоянного комитета Политбюро, состоявшемся 17 мая, была утверждена главная стратегия Центрального Комитета. Товарищ Дэн Сяопин особо подчеркнул необходимость того, чтобы каждый товарищ, присутствовавший на заседании, со всей серьезностью хранил строгую секретность. Однако товарищ Чжао Цзыян сказал Бао Туну и своему секретарю Чжан Юеци: «Постоянный Комитет сегодня во второй половине дня принял решение. Я подвергся острой критике на заседании. Я первоначально предложил ослабить позицию, выраженную в редакционной статье от 26 апреля с тем, чтобы было бы легче управляться с

ситуацией. Но мое предложение было отвергнуто. Постоянный комитет раскритиковал меня, заявив, что мое выступление по случаю годовщины движения 4 мая (1919 года) усугубило положение. Я заявил о своих оговорках по этому вопросу». Он также сказал Бао Туну, что Ли Пэн обвинил Бао Туна в разглашении тайны. После того, как Бао Тун вернулся к себе на работу в Канцелярию по исследованию политических реформ, он немедленно созвал часть работников своей Канцелярии на заседание. Он сказал, что кое-кто обвиняет его в разглашении секретов, и что он вскоре может быть снят со своего поста и может стать объектом расследования, проводящегося Центральным Комитетом. Он попрощался с присутствовавшими. Он раскрыл нескольким людям, что существует разница во мнениях между членами Постоянного Комитета, и что предложение Чжао было отвергнуто.

22. 18 мая Чжао Цзыян написал письмо Дэн Сяопину, продолжая призывать к изменению определения характера событий, что было сделано (определено) в редакционной статье от 26 апреля. В этом письме он заявил, что в том, что касается требований студентов, главная проблема, к которой необходимо обратиться для того, чтобы положить конец забастовке с помощью голодовки, это снятие ярлыков и изменение характеристик, сделанных в редакционной статье от 26 июня, а также признание того, что действия студентов носили патриотический характер: «Я обдумал все это тщательно, и ощущаю, что мы должны, какую бы боль это не приносило, решиться на то, чтобы пойти на уступки».

23. Рано утром 18 мая товарищ Чжао Цзыян побывал у студентов, которые проводили голодовку-забастовку на площади Тяньаньмэнь. Он сказал студентам, что вопрос о характеристике и об ответственности демонстрантов в конечном счете должен быть решен. Он также заявил: «Вы еще молоды, перед вами продолжительное будущее, не то, что у нас; мы уже стары и от нас больше ничего не зависит». Таким образом, он раскрыл, что существуют разногласия на самом высоком уровне в руководстве партии, и что он может быть смещен. (С. 69)

24. Вечером 19 мая Центральный Комитет партии и Государственный Совет провели митинг кадровых работников партии и политических организаций, чтобы объявить о решении, принятом Центральным Комитетом, принять решительные меры, чтобы остановить (прекратить) беспорядки. (С. 69–70) Перед этим митингом Постоянный комитет Политбюро неоднократно пытался побудить товарища Чжао Цзыяна присутствовать на этом митинге, но Чжао отказался. Это, таким образом, раскрыло его намерения пойти на открытый раскол с партией.

25. 19 мая партийная группа Постоянного комитета ВСНП направила письмо и попросила указаний Постоянного комитета Политбюро. В этом письме содержалось предложение о том, чтобы товарищ Вань Ли, имея в виду кризисную ситуацию, завершил свой государственный визит за рубе-

жом и возвратился домой. 21 мая Ху Цили спросил у Чжао Цзыяна, как ответить на эту просьбу. В то время Чжао уже попросил об отпуске. Без консультации с товарищем Ли Пэном, который отвечал за дела Центрального Комитета, и на котором лежали обязанности в сфере внешнеполитических дел, он взял это на себя и согласился направить телеграмму Вань Ли с просьбой возвратиться домой ранее запланированного срока.

26. Утром 21 мая Чжао Цзыян сказал Янь Минфу, что если студенческие демонстрации будут тянуться, и будут продолжаться на протяжении длительного времени, тогда невозможно будет предвидеть последствия. Единственный путь к разрешению ситуации – это созыв заседания Постоянного комитета ВСНП.

27. 21 мая Чжао Цзыян также сказал своему секретарю Ли Юну: «Я думаю, что мы должны созвать еще одно заседание Политбюро», и попросил Бао Туна подготовить проект своего выступления.

(Пункт 28 отсутствует в записях Чжао Цзыяна.)

29. Товарищ Чжао Цзыян подчеркивал, что должно быть меньше контроля и меньше вмешательства в литературу и искусства.

30. На протяжении многих лет поощрялись те немногие, которые прямо придерживались буржуазного либерализма; им доверялась большая ответственность; они находились под защитой Чжао Цзыяна. Среди них были (ученый с либеральными взглядами) Янь Цзяци и Чэнь Ицзы (руководитель мозгового центра Чжао Цзыяна в области экономических реформ), которые и стали важными фигурами при организации заговора, направленного на создание беспорядков, и конспиративной активности во время беспорядков. После подавления контрреволюционного мятежа, эти люди улизнули за границу и продолжали свою мощную активную деятельность, выступая против Коммунистической партии Китая и социализма Китая. Бао Тун, который всегда пользовался доверием Чжао Цзыяна, и которому Чжао Цзыян доверял важные полномочия, осуществлял нападки на Ли Пэна и других руководителей партии и государства после объявления о введении военного положения, вместе с Чэнь Ицзы и другими. (С. 70)

Дэн Сяопин и его приверженцы необоснованно обвиняли Чжао Цзыяна в нарушении решений, принятых руководством партии. На самом деле, Дэн Сяопин и его приверженцы нарушали Устав партии и ее документы в своем отношении к Чжао Цзыяну. Необоснованными являются и нападки на Бао Туна, Чэнь Ицзы, других людей, которые помогали Чжао Цзыяну в его работе. В этом документе также необоснованно употреблен термин «мятеж» в отношении мирных демонстраций на площади Тяньаньмэнь в Пекине.

То, что сказано в приведенном выше документе, и представляет собой те «факты и доказательства», которые были использованы в поддержку

обвинений в мой адрес, состоявших в том, я виновен в «поддержке беспорядков» и «расколе партии», и явились результатом длительного расследования. (С. 71) Если даже и не принимать во внимание то, сколь многие из 30 пунктов противоречат фактам, даже если бы все они соответствовали фактам, с моей точки зрения, их все равно не достаточно для того, чтобы поддержать приговор (заключение), выдвинутый против меня.

Чжао Цзыян решительно и обоснованно отвергает обвинения в свой адрес, то есть обвинения в том, что он, дескать, «поддерживал беспорядки» и «раскалывал партию».

«ДОМАШНЯЯ ТЮРЬМА»

После событий 4 июня 1989 г. на площади Тяньаньмэнь в Пекине Дэн Сяопин поместил Чжао Цзыяна под домашний арест. Это был максимум того, что оказалось в силах Дэн Сяопина. Он не имел возможности ни физически уничтожить Чжао Цзыяна, ни упрятать его в настоящую тюрьму. Времена постепенно менялись в Китае. Иным стало отношение людей к власти. Дэн Сяопину не удалось стать полноценным «вторым Мао Цзэдуном».

Однако ненависть Дэн Сяопина к Чжао Цзыяну и страх перед ним у Дэн Сяопина были настолько велики, что Дэн Сяопин попытался «заживо замуровать» Чжао Цзыяна политически, то есть лишить его какой бы то ни было возможности прямого или косвенного участия в политической жизни партии и страны.

Чжао Цзыяну пришлось провести в таком положении шестнадцать лет.

Первые три года были заняты расследованием его деятельности, которое проводили исполнители воли Дэн Сяопина.

Чжао Цзыян оказался «не по зубам» Дэн Сяопину. Он не дрогнул. Он был уверен в своей исторической правоте, в том, что он всегда действовал в интересах народа своей страны, находясь на постах после смерти Мао Цзэдуна.

Расследование практически оборвалось. Дэн Сяопин был вынужден бросить его, даже не доведя до партии своего мнения по конкретным вопросам, связанным с деятельностью Чжао Цзыяна.

И тогда для Чжао Цзыяна наступили тринадцать лет «жизни в безгласности». Это был максимум того, что Дэн Сяопину удалось.

В 1997 году Дэн Сяопин умер. Через несколько месяцев после смерти Дэн Сяопина Чжао Цзыян обратился к партии с призывом пересмотреть отношение к событиям 4 июня 1989 года.

Известно, что внутри партии у Чжао Цзыяна всегда была определенная поддержка.

Однако Дэн Сяопин, а также в свое время Ли Сяньнянь, поставили вместо Чжао Цзыяна во главе ЦК партии в качестве ее генерального секретаря Цзян Цзэминя. Цзян Цзэминь был обязан своим возвышением и лично упомянутым «хозяевам партии», и своей позиции во время событий 4 июня 1989 года. Пересмотр отношения к этим событиям мог обернуться отставкой Цзян Цзэминя. По этим причинам Цзян Цзэминь и пос-

ле смерти Дэн Сяопина не изменил ни отношение к Чжао Цзяяну, ни оценку событий 4 июня 1989 г.

Затем, в начале 2000-х гг., в партии произошли перемены. Генеральным секретарем ЦК стал Ху Цзиньтао. Известно о предложениях пересмотреть отношение к событиям 4 июня 1989 г. и при правлении Ху Цзиньтао. Однако в положении Чжао Цзяяна так ничего и не изменилось вплоть до его кончины в 2005 году. Правда, сообщение об этом появилось в газете «Жэньминь жибао».

Так закончилась жизнь Чжао Цзяяна и период его пребывания «в безгласности». Думается, что в Китае еще предстоит дать оценку тому, что произошло 4 июня 1989 г., а также тому, какой была роль Чжао Цзяяна в истории страны и народа, в процессе реформ в Китае, в ходе борьбы альтернативных путей развития Китая.

После окончания расследования они продолжали держать меня под домашним арестом, ограничив мою личную свободу.

Во время расследования они держали меня дома на протяжении трех лет. Когда расследование было окончено, моя личная свобода должна была бы быть в основном восстановлена. Я уже поднимал вопрос о восстановлении моей личной свободы, когда Цяо Ши и Сун Пин пришли ко мне, чтобы объявить об окончании расследования. Тогда они ничего не сказали, кроме как предложили, чтобы расширение моей свободы должно быть постепенным и дозированным с тем, чтобы влияние этого было бы минимальным.

Фактически, как только они объявили об окончании расследования, они немедленно установили шесть правил, ограничивающих мою деятельность. (С. 72) Однако, навязав эти шесть правил, они никогда не показывали их мне и не говорили со мной о них лицом к лицу; возможно потому, что они оищцали себя виноватыми и боялись столкнуться с очевидностью, которая могла бы быть показана внешнему миру и привлекла бы внимание СМИ в стране и за рубежом. (С. 72–73)

Вместо этого они дали указания Бюро безопасности Канцелярии ЦК и обслуживающему меня персоналу выполнять эти правила. Конечно же, товарищи, работавшие в моем доме, были вынуждены подчиняться приказам сверху. Но поскольку они не могли сказать, что эти правила были навязаны их начальниками, они часто надоедали мне своими деланными извинениями. Из-за того, что они действовали столь не разумно, на протяжении определенного периода времени часто возникали трения и конфронтация между мной и ими. Позже я обнаружил, что их винить было не за что, потому что они лишь выполняли указания сверху.

Я чувствовал, что они должны были бы сказать мне специально, что это за правила, – что было позволено, а что не позволено, – чтобы я мог понять это. Например, после того, как расследование было завершено, я

попросил организовать поездку в провинцию Гуандун на зиму из-за проблем с трахеитом, что вызывало у меня зимой страшный кашель в сухом северном климате, но я чувствовал себя намного лучше при южном климате. Они ответили, сказав, что губернатор Сянган Крис Паттен попытался расширить демократические выборы в Сянгане (граничащем с провинцией Гуандун), поэтому ситуация была чрезвычайно деликатной, и моя поездка в Гуандун была сочтена неудобной.

Я считал, что это было смехотворно! Что бы ни делал Крис Паттен в Сянгане, это относилось к области дипломатии; какое это имело отношение к моему пребыванию в Гуандуне? Однако они настаивали, утверждая: «Ты не должен ехать в Гуандун, но ты можешь поехать в Гуанси, Юньнань или Гуйчжоу».

Я решил поехать в Гуанси, но как раз в тот момент, когда я был готов к отъезду, они добавили еще одно условие: я должен был находиться только в Наньнине в провинции Гуанси. Фактически, когда я приехал в Наньнин, они использовали все, что только возможно, чтобы заблокировать меня от поездки, куда бы то ни было еще.

Когда я вернулся в Пекин, я хотел играть в гольф в гольфклубе Чанпин, но мне было сказано, что это не разрешено. Я спросил, откуда исходит такое правило. Они не сказали мне, но продолжали говорить, что я не должен туда ездить. Я вызвал офицера охраны (безопасности) Ван Тунхая и сказал ему, что я хочу сделать заявление. Содержание заявления было следующим:

Сегодня Бюро безопасности не разрешило мне поехать в Чанпин играть в гольф. Мне даже не позволили поехать в гольфклуб в уезде Шуньи (тоже находившийся под управлением японцев), где я был в декабре прошлого года. Я уверен в том, что в этом случае Бюро безопасности вышло за рамки своих полномочий, нарушило намерения Центрального Комитета. (С. 73) Они даже предостерегли меня, посоветовав мне принимать во внимание картину в целом, обстановку в целом. (С. 73-74) Я даже не знаю, как вы сможете объяснить это! В прошлом году, во время проведения XIV съезда партии, когда Цяо Ши и другие, четверо старших товарищей, приходили говорить со мной, я ясно высказал просьбу восстановить мою свободу по окончании расследования. Что же касается моей деятельности, то я выразил желание принять во внимание ограничения. Если будут предложения со стороны центрального руководства, я буду уважать их. Но я никоим образом не принимаю никаких спорных принудительных правил, которыми бы ограничивалась моя свобода. В то время четверо старших товарищей не высказали возражений против моего заявления. Я не понимаю, какое право имеет Бюро безопасности не позволять мне пойти сегодня играть в гольф. Я не приму никаких подобных ограничений в будущем.

Я попросил Ван Тунхая передать это заявление в его полном виде его начальникам.

Повседневное отношение обслуживающего персонала домашней тюрьмы, в которой он находился, к Чжао Цзыяну определялось личным отношением к нему Дэн Сяопина и отношением, которое было традиционным в КПК со времен правления Мао Цзэдуна.

Чжао Цзыяну, человеку, в свое время занимавшему пост первого по рангу руководителя партии, пришлось на себе испытать, каково приходится тем, против кого партия, воспитанная при Мао Цзэдуне и продолжавшая воспитываться в том же духе при Дэн Сяопине, через свой внутренний аппарат насилия относится к людям, которых она в чем-либо по-дозревает.

Мелочность, стремление не давать никаких письменных разъяснений или ответов на разумные вопросы тех, кого подвергают репрессиям, нежелание брать на себя какую бы то ни было ответственность, выдвижение фальшивых предлогов для того, чтобы отказывать людям в самых естественных просьбах и т. д. и т. п. – все это был букет отношения к людям в свое время Мао Цзэдуна, а во времена Чжао Цзыяна и отношения к людям Дэн Сяопина.

Это было проявление сути Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина и как политиков, и как человеческих особей. Оба они были бесчеловечны.

Оба были мелочны до мерзости.

При этом все определялось личной неприязнью и подозрительностью Дэн Сяопина. Он не мог доказать свои подозрения. Однако сохранял систему, созданную Мао Цзэдуном во времена «культурной революции» для содержания в изоляции Чжао Цзыяна, внося в нее некоторые изменения, то есть заменив настоящую тюрьму домашним арестом.

В другой раз я попросил поехать в клуб Янфэнцзядао поиграть в пул. Сначала они отказали, но я настаивал. Они сказали, что шофер не повезет меня. Я сказал, что могу поехать на автобусе. В конечном счете они согласились, но ограничили посещение двумя поездками по утрам в неделю. Я побывал там два или три раза, и во время своих посещений не видел никого в клубе. Позднее я узнал, что они выпроводили всех из клуба, предотвратив возможность того, что какие-нибудь товарищи могли бы быть там, что создало бы возможность «личных контактов» для меня. Почему? Потому что клуб Янфэнцзядао – это клуб для старших кадровых работников, и они опасались того, что я встречу со старыми друзьями и знакомыми. Конечно же, они не могли быть столь наивны, чтобы поверить, что, общаясь с этими людьми, я буду произносить провокационные речи и начну создавать свою сеть.

Опасения относительно «влияния» (любых внешних сил) было лишь поводом для того, чтобы скрыть их план, состоявший в том, чтобы я больше никогда не появлялся на публике – и таким образом добиться того, чтобы люди постепенно забыли меня, погрузив меня в забвение через мол-

чание. Так называемый «страх воздействия» подразумевал, что само звучание моего имени может вызывать социальную нестабильность (нестабильность в обществе).

Дэн Сяопин, как главный закулисный «хозяин» партии, а также целый ряд «старейшин» партии, уже после смерти Мао Цзэдуна, будучи сами, по своей сути, столь же бесчеловечны, как и Мао Цзэдун, использовали в борьбе против Чжао Цзыяна, даже после того, как они вроде бы добились своего, то есть отстранили его от власти, методы, которые выдавали их мелочный и мстительный характер. Они стремились «заживо похоронить» Чжао Цзыяна. Он сам охарактеризовал их метод как стремление добиться «забвения (имени Чжао Цзыяна) через молчание». Дэн Сяопин до самой смерти боялся Чжао Цзыяна. Боялся того, что само упоминание этого имени в Китае может сказаться на положении Дэн Сяопина у власти.

Возможно, что в конечном счете они поняли, что продолжать добиваться этого упомянутыми мерами было не практичным, и что будет лучше внести ясность. Мэн Сяньчжун из партийного отдела Канцелярии ЦК был прислан ко мне, чтобы объявить о позиции Канцелярии ЦК КПК, то есть о шести правилах, ограничивающих мою деятельность.

Четыре из этих шести правил специально определяли эти ограничения:

- 1. Гостей можно принимать дома, но не разрешается посещение никакими репортерами или иностранцами. (С. 74)*
- 2. Активность вне дома требует сопровождения охраной от Бюро безопасности. (С. 74–75) Прогулки в пригородных парках дозволяются. Однако охрана должна не допускать визитов в места скопления людей.*
- 3. Принимая во внимание то, что все гольфклубы в районе Пекина находятся под управлением иностранных компаний или являются совместными предприятиями, и игроки в этих клубах все являются иностранцами или людьми из Сянгана или Аомэня, рекомендовано избегать в ближайшем будущем посещения таких гольф-клубов. В качестве альтернативы можно пользоваться гольфклубом в уезде Шуньи, которым управляют местные китайские крестьяне.*
- 4. Поездки вне Пекина могут быть организованы, но в настоящее время только во внутренние провинции. Прибрежных или чувствительных (деликатных) районов должно избегать. Детальное расписание таких поездок должно быть утверждено Центральным Комитетом.*

Так как это были официальные правила, установленные Центральным Комитетом для того, чтобы ограничить мою свободу, я ответил письмом Цзян Цзэминю и Постоянному комитету Политбюро. Вот текст моего письма:

- 1. 25 июня заместитель секретаря отдела партии Канцелярии ЦК товарищ Мэн Сяньчжун зачитал несколько ограничений, лимитирующих*

мою активность, одобренных Центральным Комитетом. Только после этого я узнал о том, что по окончании проводившегося в отношении меня расследования, многие ограничения моей личной свободы продолжают действовать, и это осуществляется в соответствии с правилами, утвержденными Центральным Комитетом. Я уверен, однако, что эти правила несовместимы с тем принципом, что партия должна действовать в рамках Конституции и законов. Они также нарушают тот принцип, что «против члена партии не должны приниматься никакие меры, нарушающие дисциплину и Устав (законы) партии» (Смотри Статью № 10 «Нескольких правил, которыми следует руководствоваться при проведении политической линии партии», изданных Центральным Комитетом). Поэтому я требую, чтобы Центральный Комитет пересмотрел и отменил эти правила.

2. Правилами мне запрещается посещение «в ближайшем будущем» гольф-клубов, управляемых компаниями с иностранным капиталом или совместно управляемых (китайцами и иностранцами). Мне также не позволено ездить в прибрежные провинции «в настоящее время». У меня нет никакого представления о том, что означают термины «ближайшее будущее» и «настоящее время». Эти правила были составлены в октябре прошлого года; с тех пор прошли восемь месяцев. Какое значение могут сейчас иметь термины «ближайшее будущее» и «настоящее время»?

3. Реальные ограничения моей свободы в последние полгода выходили за рамки этих правил. Например, если правилами мне запрещается посещение прибрежных (приграничных) провинций, почему же в этом случае я был допущен в Наньнин, когда я ездил туда ранее в этом году? (С. 75) И еще, если этими правилами мне запрещается посещать места скопления людей в Пекине, почему эти ограничения распространяются на то время, когда я могу поехать в клуб Янфэнцзядо? (С. 75–76) Считается ли клуб для старших кадровых работников местом скопления людей? Вот уж действительно это никто не способен понять.

Вся история с появлением документа, в ответ на который Чжао Цзянь и отправил свое письмо, свидетельствует не только о нарушении Цзянь Цзэмином как генеральным секретарем ЦК КПК Устава партии и правил, принятых в партии, но и о том, что на стороне Чжао Цзяня были доводы разума. Дать ответ на эти доводы не были способны ни Цзянь Цзэминь, ни все те, кто имел отношение к составлению этого документа.

Думается, что в принципе при бесчеловечном режиме, созданном Мао Цзэдуном и поддерживавшемся в КПК Дэн Сяопином, создавалась ситуация, когда все происходило по принципу «ДИ И ШУЦЗИ ШУОЛА СУАНЬЛА», то есть «Как сказал первый секретарь, так и будет». Иными словами, речь шла о единовластии, о власти без ответственности за свои решения.

Свобода и демократия требуют от людей проявления ума, убедительных доводов. Размышления Чжао Цзыяна свидетельствуют о том, что режим Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина. Цзян Цзэминя не требовал проявления ума от тех, кто находился у власти и руководствовался принципом самовластия.

Само собой, после того, как я отправил это письмо, никакого ответа не последовало.

Они всегда очень нервничали, когда им приходилось иметь дело с подобными делами.

Когда Мэн Сяньчжун был отправлен объявить мне о шести правилах, я попросил показать мне документ. Он сказал, что он может прочитать его мне вслух, но не может дать мне документ. Я попросил своего секретаря написать то, что он прочитал вслух; ему было трудно запретить это. Когда же я попросил его подтвердить то, что было записано с его слов, он отказался: «Что вы там написали, за это вы и несете ответственность. Я не буду читать это».

Существовал страх оказаться на свету, страх перед тем, что что-то просочится во внешний мир. Таким образом, они снимали с себя ответственность в надежде избежать непредсказуемых последствий. Это, действительно было не нормальным.

Собственно говоря, речь тут идет не только о страхе перед тем, что что-то, связанное с именем Чжао Цзыяна, просочится во внешний мир. Хотя и это тоже было.

Представляется необходимым обратить внимание на поведение каждой самой мелкой частицы номенклатуры при режиме Мао Цзэдуна – Дэн Сяопина. Эту частицу разъедал страх перед ответственностью за любой шаг, который начальство может истолковать как «не верный». Поэтому отказывали в передаче в письменном виде того, что было сказано устно, поэтому отказывались подтвердить то, что только что было сказано самим представителем власти.

Они сказали, что я могу принимать дома гостей, если это не репортеры и не иностранцы. Однако в действительности никого не допускали внутрь (дома) и без предварительного согласования. Не говоря мне об этом, они давали всем от ворот поворот. Я даже не знал, кто приходил. Я уведомил их заранее о нескольких посетителях, которых я ожидал, но и тут нужно было ждать согласия. Когда они приходили, их подвергали досмотру, устанавливали личность и регистрировали; принимались все меры, чтобы блокировать визиты. Мой дом всегда оставался очень чувствительным объектом; к этому надо добавить множество правил и процедур. В результате это становилось слишком мучительным для многих людей. В результате двери моего дома были холодным безлюдным местом.

Я встречался с еще меньшим числом людей тогда, когда я ездил вне Пекина. Кроме того, кроме обслуживающего персонала и высоких провинциальных руководителей никому не разрешалось знать о моих поездках. Они хранили это в секрете.

Например, мой старый знакомый товарищ Хэ Ижань позвонил и захотел встретиться со мной. Ему не позволили. Другой пример. Мой старый друг Ли Чжэнвэнь в провинции Аньхой, который ныне уже ушел в мир иной. Когда я приехал в Хэфэй, он попытался навестить меня. Он позвонил, но ему сказали, что я выехал (на экскурсию). Когда он позвонил во второй раз, ему сказали, что я уже совсем уехал. Они боялись моих встреч с людьми.

Когда я был в Сычуани, и об этом узнали некоторые кадровые работники городского и уездного уровня, они хотели встретиться со мной. Когда позднее об этом доложили в Центральный Комитет, Центральный Комитет критиковал провинциальных руководителей Сычуани и потребовал объяснений, почему секрет не был строго храним, а в результате так много людей попыталось навестить Чжао.

Я уезжал из города (Пекина) каждую зиму, за исключением 1997 и 1998 гг. (С. 76) Я написал семь писем Цзян Цзэминю и в Политбюро о поездке в Гуандун, но не получил ответа. Я получил ответ только через Канцелярию, в котором говорилось, что я не могу поехать в Гуандун, но могу поехать в другие места. В январе 1993 г. я ездил в Наньнин в Гуанси, проездом был в Чанша на обратном пути. В 1994 г. я ездил в Гуйчжоу и провел неделю в Чэнду. В 1993 г. я провел некоторое время в Хэйлуницзяне. В 1994 г. я побывал в Чанчуне и в Харбине. В 1995 г. в Цзянси и в Аньхое. В 1996 г. в Уси в Цзянсу и в Чжэцзяне. В 1997 г. в Ханчжоу и затем в Сычуани. С зимы 1997 по весну 1998 г. я не покидал Пекин. В 1999 г. я сначала съездил в Ханчжоу, а затем в Яньтай. В январе этого года, т. е. 2000 г., я ездил в Гуйлинь и затем в Сычуань. Сфера передвижений постепенно расширялась.

В добавление к ежегодным отказам на мои просьбы поехать в Гуандун и на Хайнань, было отказано также в поездках в Уси и в Сучжоу в 1995 г., то же случилось с просьбами о поездках в Гуандун, на Хайнань и в Фуцзянь зимой 1999 г. и весной 2000 г. Вместо того, я ездил в Гуанси и был проездом в Сычуани по пути обратно в Пекин.

В результате всего этого я пришел к заключению, что тогда, когда они говорили, что «не допускаются поездки в прибрежные районы», они тем самым скрывали свое намерение не допустить моей поездки в Гуандун. Если бы они упомянули только о Гуандуне, это слишком бросалось бы в глаза. Но ведь и Яньтай и Ханчжоу расположены в прибрежных районах? Мне разрешили поездки в эти районы, но не в Гуандун. Почему Гуандун был исключением, я не имею ни малейшего представления.

Отношение Дэн Сяопина, а затем Цзян Цзэминя к Чжао Цзыяну определялось их страхом перед встречами Чжао Цзыяна с людьми, особен-

но в провинции Гуандун. Дэн Сяопин и Цзян Цзэминь стремились исключить любую возможность просто напоминания о том, что Чжао Цзыян еще жив, особенно в тех местах, где ему довелось работать на протяжении многих лет. Все это было косвенным признанием высокого авторитета Чжао Цзыяна и в КПК и в Китае.

Осенью 1995 года товарищ Чэнь Юнь умер. Я находился в Пекине в это время. Я был очень опечален, услышав эту новость. Даже если я не всегда был согласен с его мыслями относительно реформ, я тем не менее ощущал что, во многих отношениях, он заслуживал уважения. Я очень хотел навестить семью Чэня, чтобы выразить свои соболезнования и свои чувства. Я обратился с просьбой в Канцелярию, и они быстро ответили, сказав, что это было неудобно. В конечном счете мне не разрешили поехать. Позднее я узнал, что после того, как я обратился с просьбой, Канцелярия связалась с семьей Чэня, выразив надежду на то, что они выразят желание удержать меня от поездки. Вместо того, семья выразила желание принять меня, поэтому Канцелярии не оставалось ничего иного, как сказать мне, что это «неудобно». Они всегда лишали меня права посещения в подобных случаях, и в то же время они не желали, чтобы в окружающем мире знали, что они накладывают такие ограничения.

Необходимо отметить, что Чэнь Юнь занимал в «деле Чжао Цзыяна» позицию, которая отличалась от позиции Дэн Сяопина. Чэнь Юнь не был среди тех, кто резко осуждал Чжао Цзыяна. Чэнь Юнь явно хотел, на всякий случай, сохранять возможность наведения неких «мостов» между собой и Чжао Цзыяном в случае изменения ситуации. Далеко не случайно, семья Чэнь Юня немедленно положительно откликнулась на желание Чжао Цзыяна посетить дом Чэнь Юня, чтобы выразить свои соболезнования его родным после смерти Чэнь Юня. И не менее существенно то, что Дэн Сяопин не допустил этого «контакта». Очевидно, что Дэн Сяопин исходил из того, что об этом «контакте», а, следовательно, и об отношении Чэнь Юня к Чжао Цзыяну, станет известно в партии.

Когда товарищ Дэн Сяопин ушел в мир иной (в феврале 1977 г.), я отдыхал в Ханчжоу. Я был очень опечален, услышав эту новость. (С. 77) Я немедленно позвонил в Канцелярию, попросив передать послание Центральному Комитету: прежде всего, выразить мои соболезнования и, во-вторых, попросить немедленно вернуться в Пекин, чтобы принять участие в траурных мероприятиях. (С. 77-78) Центральный Комитет быстро ответил, сказав, что не будет церемонии прощания с усопшим, и попросил меня не возвращаться в Пекин.

Чжао Цзыян выразил желание принять участие в траурной церемонии по случаю смерти Дэн Сяопина. Цзян Цзэминь не допустил этого. Мож-

но предположить, что это было согласованное решение семьи Дэн Сяопина и Цзян Цзэминя.

В мае 1997 г. по пути в Пекин из Чэнду я услышал, что товарищ Пэн Чжэнь умер. Как только я приехал в Пекин, я позвонил семье Пэн Чжэня и сказал им, что навещу их, чтобы выразить свое почтение. Затем я позвонил в Бюро безопасности, чтобы информировать их о своем визите в дом Пэн Чжэня. Как только Канцелярия узнала об этом, они послали Мэн Сяньчжуну в мой дом, чтобы удержать меня от этого визита. Мэн сказал: «Семья Пэн Чжэня еще не оборудовала траурный зал». И он сказал мне, что я должен «принимать во внимание обстановку в целом» и «принимать во внимание последствия».

Я был взбешен тем, что Мэн лгал мне в глаза, и мы поссорились. Почему мне не разрешалось отдать дань уважения умершему старому товарищу? Чего тут было страшиться?

Итак, в 1995 г. умер Чэнь Юнь, в начале 1997 г. умер Дэн Сяопин, в мае 1997 г. умер Пэн Чжэнь.

В Китае, в КПК есть традиция, есть обычай, при согласии внутри руководства партии, использовать траурные церемонии для уведомления партии о сдвигах по «деликатным» вопросам.

В данном случае, Цзян Цзэминь не допустил участия Чжао Цзыяна в церемонии похорон Пэн Чжэня.

При этом чиновник из номенклатуры КПК нагло лгал в глаза Чжао Цзыяну, говоря, что «семья» Пэн Чжэня, дескать, еще «не подготовила траурный зал». Он также требовал от Чжао Цзыяна «принимать во внимание обстановку в целом», намекая на необходимость считаться с желанием Цзян Цзэминя сохранять известную оценку событий 4 июня 1989 года.

По сути дела, и Дэн Сяопин, и Цзян Цзэминь боялись того, что в партии вспомнят о том, что и Чэнь Юнь не разделял полностью отношение Дэн Сяопина к Чжао Цзыяну, и Пэн Чжэнь всегда поддерживал Чжао Цзыяна. Все это могло наводить людей на мысль о том, что внутри КПК нет монолитного единства, а существуют альтернативные взгляды.

12 сентября 1997 г. я направил письмо XV съезду партии и 9 другим лицам через Бюро обслуживания Канцелярии ЦК с просьбой довести это письмо до делегатов съезда. В добавление к семи членам Постоянного комитета Политбюро, одно письмо было адресовано Ян Шанкуню, а другое Вань Ли, поскольку оба они были вовлечены в (события того времени). Письма были направлены через Бюро обслуживания Канцелярии ЦК партии. Позднее я узнал, что по крайней мере двое из девяти так никогда и не получили моих писем: Ян Шанкунь и товарищ Вань Ли. Что же до членов Постоянного комитета Политбюро, то я предполагаю, что они

могли и получить их. Я просил их передать копии всему съезду, но это было заблокировано.

Теперь я расскажу о содержании письма, так как в обществе ходили слухи о его содержании, часть из которых не соответствовала действительности. В оригинале письмо было следующим:

Президиуму XV съезда и всем его делегатам.

Товарищи!

XV съезд нашей партии – это последний съезд в двадцатом столетии. Как раз через два года мы вступим в двадцатый первый век. В этот решающий момент размышлений о прошлом и выработки планов на будущее, я искренне желаю съезду полного успеха. Разрешите мне предложить внести на рассмотрение вопрос о событиях 4 июня (1989 года), который, как я надеюсь, будет обсуждаться. (С. 78)

К настоящему времени после событий 4 июня, которые потрясли мир, прошло восемь лет. (С. 78–79) В ретроспективе существуют два вопроса, на которые должен быть дан ответ с позиции проявления уважения к фактам.

Во-первых, вне зависимости от того, в какой степени экстремальными, неверными или неудовлетворительными были те вещи, которые происходили в ходе студенческих демонстраций, не было никаких свидетельств, позволявших поддержать их определение в качестве «контрреволюционного мятежа». А если это не было «контрреволюционным мятежом», тогда и военный метод подавления их никогда не должен был бы использоваться.

И даже если военное подавление быстро привело к завершению ситуации, у нас нет иной альтернативы, чем допустить, что народ, армия, партия и правительство, и действительно вся наша страна, дорого заплатили за это решение и эти действия. Негативное воздействие продолжает существовать в отношениях между нашей партией и массами, в отношениях между двумя сторонами Тайваньского пролива, и во взаимоотношениях нашего государства с другими странами.

Из-за воздействия этих событий политические реформы, начатые XIII съездом партии, погибли в зачатке (в молодости) и на середине (на полпути), задержав реформу политической системы в серьезной степени позади. Как результат этого серьезного положения, в то время как в экономических реформах в нашей стране имеется существенный прогресс, всевозможные социальные изъяны возникли, развивались и быстро распространялись. Социальные конфликты усугубились, и коррупция внутри и вне партии быстро распространяется и становится неудержимой.

Во-вторых, а мог ли быть найден лучший метод ответа на студенческие демонстрации с тем, чтобы можно было избежать кровопролития, и в то же время добиться успокоения ситуации? В свое время я предлагал

«решать вопрос на основах демократии и закона», и действительно стремился к такому результату. Сегодня, я все еще уверен, что, используя такие меры, ситуацию можно было закончить мирно без кровопролития. По крайней мере, можно было избежать серьезной и кровавой конфронтации.

Как известно каждому, большинство студентов требовали наказывать за коррупцию и выступали за содействие политическим реформам; и они не выступали за то, чтобы свергнуть Коммунистическую партию или подорвать Республику. Ситуация могла бы успокоиться, если бы мы не интерпретировали действия студентов как антипартийные и антисоциалистические, но приняли бы их разумные требования и приняли методы терпеливых переговоров, диалога и уменьшения напряженности. (С. 79)

Если бы мы действовали таким образом, тогда можно было бы не только избежать всех негативных последствий кровавой конфронтации, но можно было бы установить новую форму общения и взаимоотношений между политическими партиями, правительством, и народом, и это явилось бы мощным стимулирующим импульсом реформы политической системы, и таким образом мы могли бы не только добиться существенного прогресса в экономических реформах, но расширить новые перспективы реформирования политической системы в нашей стране. (С.79-80)

Рано или поздно, но вопрос о пересмотре отношения к 4 июня должен быть решен. Даже если это будет отложено на длительное время, люди этого не забудут. Лучше разрешить этот вопрос раньше, чем позже, лучше инициативно, чем пассивно, и в стабильные, а не в тревожные времена.

В нынешней стабильной ситуации в стране общим мнением (согласием) многих людей является желание стабильности и отвращение к хаосу. Достижение высокого уровня эмоции прошлого улеглись. Если наша партия сможет взять на себя инициативу выйти с предложением переоценить события 4 июня в таких условиях, и возглавить этот процесс, тогда имеется полная возможность не подпасть под воздействие экстремальных эмоций, имеющих разнообразные источники, и двинуть процесс разрешения сложного исторического вопроса по правильной колее разума и терпимости. При этом окажется возможным следовать таким принципам разрешения исторических проблем, как «не утопать в деталях» и «сфокусировать внимание скорее на уроках, которые должны быть вынесены, чем на осуждении кого-то лично».

Если это было бы сделано, можно было бы не только разрешить трудную ситуацию исторического порядка, но и можно было бы укрепить стабильность положения, одновременно создавая лучшую международную среду для осуществления нами политики реформ и открытости.

Я надеюсь, что мы сумеем проанализировать ситуацию и вскоре принять решение. Эти предложения предлагаются на рассмотрение съезда.

Чжао Цзыян.

12 сентября 1997 года.

По сути дела, Чжао Цзыян продолжал играть свою, возможную для него в его положении, роль внутри партии.

Конечно, о его письме узнали только Цзян Цзэминь и, возможно, всего несколько доверенных лиц Цзян Цзэминя. От партии, от съезда письмо было скрыто.

Но оно существует.

Чжао Цзыян, спустя восемь лет после событий 4 июня 1989 г., спустя несколько месяцев после смерти Дэн Сяопина, со всей принципиальностью и твердостью поставил перед очередным съездом партии вопрос о необходимости пересмотреть оценку событий 4 июня 1989 г. Он настаивал на том, что это придется сделать, рано или поздно.

Чжао Цзыян оставался при своем мнении: кровопролития можно и нужно было избежать.

Цзян Цзэминь не допустил даже того, чтобы это письмо было доведено до сведения всех тех, кому оно было адресовано, не допустил обсуждения письма на заседании ПК ПБ ЦК КПК. Так Цзян Цзэминь продолжил курс Дэн Сяопина без Дэн Сяопина. Цзян Цзэминь поставил собственные эгоистические интересы сохранения за собой привилегий, которые давало ему его положение в номенклатуре, выше интересов народа Китая.

Я не распространял это письмо, и не доводил его через кого бы то ни было до общественности. И тем не менее СМИ за рубежом мгновенно узнали о нем, за чем последовали волнения.

Мэн Сяньчжун вскоре пришел ко мне. Он подчеркнул, что условия жизни в нашей стране были великолепными в это время, и попросил меня не подрывать великую обстановку и дисциплину партии. Он подразумевал, что я будто бы не соблюдал упомянутую дисциплину. (С. 80) Я немедленно возразил, сказав, что я член Коммунистической партии, и что Устав партии со всей ясностью предоставляет членам партии право вносить предложения съезду партии. (С. 80–81) Он сказал, что относительно 4 июня выводы уже были сделаны. Я сказал, что съезд партии, являясь высшим авторитетом в партии, имеет право решать вопрос о том, дать заново оценку 4 июня или не давать. И даже если уже была резолюция, переоценка все равно может быть произведена. Конечно же, можно избрать переподтверждение решения, принятого в прошлом, но это прерогатива съезда. Съезд может обсуждать любое решение партии.

Он также сказал, что я не должен был распространять письмо. Я ответил, что я послал его только девяти людям, причем через Бюро обслуживания. Фактически, я хотел знать, кому они доставили мое письмо? Естественно, что разговор был очень неприятным.

Примерно в то же время умер товарищ Юн Вэньтао. Мы с ним были старыми коллегами и работали вместе в Гуандуне. Я попросил дать мне

возможность принять участие в похоронах. До того мне разрешали присутствовать на похоронах людей на министерском уровне, но не членом центрального руководства. Однако на сей раз, они сказали мне, что я нарушил партийную дисциплину, и мне не было позволено выехать на похороны.

За этим последовало запрещение посещать меня в моем доме всем посетителям. Запрет был еще строже, чем во время расследования. Старая женщина из провинции Гуандун, которая когда-то одно время помогала мне по дому, и теперь была весьма пожилым человеком, проехала тысячи километров, чтобы увидеться со мной, однако ее продержали у моего дома несколько часов. Даже когда моя жена возвращалась домой с покупками, охрана у дверей проверяла содержимое ее сумочки. Очевидно, что стоявшие на постах солдаты не несут ответственности за это; приказ им отдавали, по крайней мере, на уровне Канцелярии ЦК КПК. И тогда я написал в Канцелярию следующее письмо:

Руководителям Канцелярии Центрального Комитета.

Приветствую вас!

В последнее время Бюро безопасности Канцелярии дало инструкции часовым у моего дома запретить мне принимать гостей, выходить из дома и играть в гольф.

Присутствие на похоронах товарищей было также запрещено. Даже моих родственников, приезжавших издалека, останавливали у ворот. Однако все это разрешено даже теми навязанными после XIV съезда партии, шестью правилами, которыми ограничена моя свобода. (С. 81) Это должно было означать, что после пяти с половиной лет домашнего полу-ареста, я теперь подвергнут полному домашнему аресту. Это серьезное нарушение закона. Очевидно, что Бюро безопасности или военнослужащие, несущие охрану, не могли сами принять такое решение. В чем реальные причины этого? Отменены ли изначальные правила и не заменены ли они новыми правилами? В любом случае, я об этом не был проинформирован.

Нет иной альтернативы, кроме как рассматривать этот вид необъявленного домашнего ареста, как грубое нарушение социалистической системы законов. Как член партии, если я нарушил партийную дисциплину (а фактически, это не так), партийные органы имеют право принять дисциплинарные меры, в том числе исключение меня из партии; однако у них нет никакого права ограничивать мою личную свободу или лишать меня моих прав гражданина. Устав партии строго запрещает применение к членам партии методов, нарушающих Устав партии или законы государства. Те органы или персоны, которые нарушили эти правила, должны быть наказаны путем принятия партией дисциплинарных мер и на основе законов государства.

Ограничение моей свободы или передвижения как гражданина, даже если бы я нарушил закон (а это абсолютно не так), должно осуществляться-

ся в соответствии с предусмотренными законом процедурами, и только закон дает право государственным органам применять эти процедуры. Это ясно сказано в законах государства. Хотя Канцелярия и является чрезвычайно важным органом Центрального Комитета, это не государственное учреждение, которое имеет право осуществлять законы, и у нее нет никакого права осуществлять те права, которые принадлежат законным органам государственной власти.

В прошлом на протяжении тех лет, когда мы «не признавали ни людских законов, ни власти (или ограничений) Неба», подобное тому, что я описал выше, случалось, и это формировало определенную ментальность и поведение некоторых людей. Тем не менее та эпоха давно ушла в прошлое.

С тех пор, как мы осуществляем политику реформ и открытости, наша партия и государство всегда подчеркивали главенство закона. Особенно после недавнего XV съезда партии подобные случаи не должны допускаться.

Товарищ Цзян Цзэминь в своем докладе XV съезду партии торжественно поклялся перед всем миром в намерении улучшить социалистическую систему законов, включая осуществление принципа главенства закона, гарантию того, что все дела в государстве будут осуществляться в соответствии с законом, декларировав, что все законы будут соблюдаться, что нарушители будут наказываться, и что ни одна личность или орган не будут обладать специальными полномочиями, выходящими за рамки закона; что все правительственные учреждения будут вершить свои дела в соответствии с законом; и что права граждан будут защищаться в каждом конкретном случае. (С. 82–83) Я верю, что генеральный секретарь Цзян Цзэминь серьезно говорил об этом, и его намерение выполнить все это не было просто словами.

Позвольте мне задать вопрос как гражданину: кому не разрешают выходить из дома и принимать гостей, а также лишают других прав? Соответствует ли это принципу: поступать по закону? Правда ли, что вы поставили себя в положение того, кто обладает специальной властью, выходящей за рамки закона? Канцелярия – это партийный орган, который находится как раз под носом у высшего руководства. Как это может быть, что вы не сверяете свое поведение с принципом главенства закона, о котором было объявлено на XV съезде партии?

После смерти Дэн Сяопина Чжао Цзыян проявил непримиримость к поведению Цзян Цзэминя.

Он обосновано критиковал его за то, что тот, фактически, продолжал вести себя, как во времена правления Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина, когда для «хозяев партии» не существовало никаких законов: ни людских, ни Небесных.

Чжао Цзыян обоснованно осуждал Цзян Цзэминя как того, кто не разграничивает партию и государство, права и обязанности члена партии и права и обязанности гражданина. Чжао Цзыян обвинял Цзян Цзэминя в том, что его права, как гражданина КНР, нарушаются без всяких на то оснований.

Чжао Цзыян обвинял Цзян Цзэминя в том, что он на съезде партии публично говорил одно, а на деле все это оказывалось только словами и не претворялось в жизнь.

Чжао Цзыян писал, что после того, как он, пользуясь предоставленными ему Уставом КПК правами, направил письмо в адрес съезда партии, его «домашний полу-арест» превратили в «полный домашний арест».

Одним словом, Чжао Цзыян совершенно обоснованно, используя все имевшиеся в его руках возможности, протестовал против самоуправства и самовластия Цзян Цзэминя.

Как и Дэн Сяопин, Цзян Цзэминь не осмелился ответить Чжао Цзыяну.

Конечно же, это письмо не принесло никаких результатов.

Поскольку я не получил никакого ответа, спустя некоторое время я снова написал Постоянному комитету Политбюро, то есть каждому из семи членов Постоянного комитета, которые были заново избраны на XV съезде партии. Ранее, когда я посылал письма Постоянному комитету, их получали только один или два человека. Поэтому, на сей раз, я направил каждому из них экземпляр. Это было письмо следующего содержания:

Товарищ Цзян Цзэминь,

Приветствую!

12 сентября я написал письмо XV съезду партии с предложением дать заново оценку событиям 4 июня. Я верю, что все вы видели это письмо. С тех пор, как я послал это письмо, мне запрещено принимать гостей или выходить из моего дома. Моя личная свобода полностью ограничена. Прежние условия моего домашнего полу-ареста преобразованы в полный домашний арест.

Имея в виду серьезное нарушение закона, я написал письмо в Канцелярию Центрального Комитета с требованием решить этот вопрос. Однако мой домашний арест продолжается по сей день. Поэтому у меня не остается иного выбора, кроме как привлечь к этому ваше внимание.

Как член партии я нормально осуществил свое право как члена партии внести предложение съезду партии. Об этом со всей ясностью сказано в Уставе партии. (С. 83) Вне зависимости от того, правильным или не правильным является предложение, а также вне зависимости от того, обсуждено оно или не обсуждено на съезде партии, я не нарушил ни Устав партии, ни законы государства. (С. 83-84) Однако домашний арест и ограничение моей личной свободы как гражданина предполагает, что со

мною обращаются как с преступником. Мне даже не известно, какой именно закон я нарушил; мне также не известно, какой орган государственной власти, и какая процедура, предусмотренная законом, были задействованы, чтобы санкционировать мой домашний арест. И как можно подвергать человека такого рода необъявленному домашнему аресту и лишать его прав гражданина, не совершая грубого нарушения социалистической системы законов?

В истории нашей партии, за исключением лет культурной революции, лишение личной свободы и помещение под домашний арест за высказывание иных взглядов случалось редко. Даже на пике осуществления председателем Мао классового боя в 1962 году, даже будучи тогда в такой степени разгневан, в какой он был разгневан пространством критическим заявлением маршала Пэна (Пэн Дэхуая), он не лишил Пэна личной свободы и даже направил его на работу в центр по руководству развитием (страны). Однако после того как наша партия получила жестокий урок того, что означает быть слишком «левой», и после того, как мы неоднократно подчеркивали на протяжении предшествующих десяти лет, что мы устанавливаем главенство социалистической законности, особенно после того, как генеральный секретарь Цзян Цзэминь только что торжественно заявил, что наша партия будет руководить нашей нацией на основе закона, и установит главенство закона, поистине невозможно понять, как может происходить такое грубое нарушение социалистической законности под носом у Центрального Комитета.

С июня 1989 года я был незаконно подвергнут или домашнему аресту или домашнему полу-аресту. И это продолжается уже восемь с половиной лет. Мне не известно, как долго еще будет продолжаться это лишение меня личной свободы. Это, несомненно, наносит громадный физический и психический ущерб моему здоровью, поскольку мне скоро исполнится семьдесят лет.

Тем не менее еще более серьезный ущерб наносится образу нашей партии и Центральному Комитету партии. Разве люди не будут сопоставлять то, что случилось со мной, с принципами, объявленными на XV съезде партии, и на этом основании делать свои выводы относительно доверия этим вновь провозглашенным принципам? Более того, когда будущие поколения будут давать оценку этому периоду в истории партии, они определенно не будут считать славным делом этот продолжительный домашний арест и лишение личной свободы члена партии за то, что у него были иные взгляды.

Я надеюсь, что это письмо привлечет к себе внимание генерального секретаря и товарищей из Постоянного комитета. Я надеюсь, что это вызывающее поведение, нарушающее законы и правила под самым носом у Центрального Комитета, вскоре будет прекращено. (С. 84) Я надеюсь, что мой домашний арест будет снят, и моя личная свобода будет восста-

новлена, и, таким образом, мне не придется провести остаток моих лет в условиях одиночества и давящей изоляции.

Приветствую!
Чжао Цзыян (С. 84–85)

Несколько писем, направленных Чжао Цзыяном Цзян Цзэминю и членам ПК ПБ ЦК КПК свидетельствуют о той политической атмосфере, которая царила тогда в руководстве партии. Это также показатель политической культуры, а точнее, бескультурья, присущего Мао Цзэду, Дэн Сяопину, Цзян Цзэминю и их приверженцам и последователям.

Чжао Цзыян написал эти письма для того, чтобы рассказать потомкам о том, что собой представляет та часть Коммунистической партии Китая, номенклатуры КПК, которая считает себя приверженцами и последователями Мао, Дэна и Цзяна.

Из писем Чжао Цзыяна видно, что власть Мао, Дэна и Цзяна – это высшее проявление системы предельной концентрации власти, власти бесчеловечной и бессовестной.

Это письмо было отослано, но, как и прежде, ответа не было. Позднее Канцелярия сообщила моему секретарю, что они получили письмо. Они сказали, прежде всего, что это не домашний арест (они боялись самого слова «домашний арест»); и, во-вторых, что я сам виноват. Возможно, они подразумевали, что меня должно осуждать за то, что письмо, адресованное XV съезду, (просочилось) за рубеж. Это был единственный ответ, который я получил на мои два письма. Реалии состояли в том, что меня продолжали удерживать под домашним арестом.

Прошло некоторое время. И вот как раз перед поездкой Цзян Цзэминя в США, когда не было никаких признаков намерений ослабить мои ограничения, вдруг, весьма странно, однажды наш семейный врач, прикрепленный ко мне отделом здравоохранения Чжуннаньхая (штаб-квартира партии) пришел ко мне домой и неожиданно заметил, что не хорошо для меня оставаться дома по целым дням.

Я рассмеялся и сказал: «А какой выбор у меня есть?»

Он сказал: «Почему бы нам не написать письмо в Канцелярию ЦК и не поднять этот вопрос, ведь тогда вы смогли бы выходить из дома и играть в гольф?»

Я сказал: «Мне не разрешают даже принимать гостей здесь, а не то, что поехать играть в гольф».

Он сказал: «Мы составим докладную записку».

Такое поведение было беспрецедентным для врача из отдела здравоохранения Чжуннаньхая, и ни в коей мере не в соответствии с линией, с обычаями и правилами. (Врачи из отдела здравоохранения) никогда не позволяли себе вмешиваться в дела такого рода, и этот врач никогда не предлагал ничего подобного раньше.

Мне представлялось, что возможно Цзян Цзэминь надеялся, что во время его поездки в США, если кто-либо спросит его о Чжао, то он сможет ответить, что Чжао не находится под домашним арестом, а недавно даже выезжал играть в гольф. Имея это в виду, я ответил врачу: «Вы не должны быть вовлечены в это. Как бы там ни было, у меня нет никакого желания играть в гольф в эти дни».

Я холодно встретил его демарш. Почему, собственно говоря, врач вмешивается в такого рода дела? Только по приказу Канцелярии ЦК. Затем отдел партии Канцелярии вызвал моего секретаря, чтобы сказать, что играть в гольф сейчас разрешается. (С. 85) Хотя ранее мне было отказано в праве присутствовать на похоронах Юн Вэньтао, присутствие в будущем на подобных похоронах теперь будет разрешаться. (С. 85–86) Ничего не было сказано о визитах посетителей.

Так стало ясно, что наступило послабление в правилах. Не разрешалось принимать посетителей или делать другие вещи вне дома. Однако, исходя из некой заинтересованности в публичных вещах, мне было позволено играть в гольф и посещать похороны. Я даже не знал, как на все это реагировать: смеяться или плакать. Я просто отказался играть в гольф и абсолютно отказался выходить за пределы дома; не посещал я и никакие похороны.

Как результат всего этого, в 1997 году я нигде не выходил зимой. Я провел всю зиму в Пекине. Даже хотя в Пекине было сухо и пыльно, что усугубляло мои проблемы с дыханием, и заставляло меня сильно кашлять, я все-таки отказывался выходить.

Говорить об этих тривиальных вещах бессмысленно. Однако это иллюстрирует тот род ментальности, который им присущ. С одной стороны, они не считались с законом и без разумных оснований ограничивали мою активность; с другой стороны, они боялись того, что об этом узнают и боялись иностранных СМИ.

С октября 1997 г. по декабрь 1999 г. не только не было послаблений применительно к шести изначальным правилам, но были добавлены строгие ограничения; мне было отказано в возможности принимать посетителей и покидать мой дом. Эти условия существовали более двух лет.

Со временем появилось некое послабление. Было дано разрешение посещать меня моим родственникам, а также и некоторым товарищам, занимавшим посты на низком уровне, или товарищам, которые по возрасту ушли на пенсию. Но вот многим вышедшим на пенсию старшим руководителям, например тем, кто занимали посты министров или заместителей министров, все еще не позволялось посещать меня. Конечно же, они никогда не выражали ясно эти условия.

Во второй половине прошлого (1999) года я попросил товарища Чжао Цзяньмина (губернатора провинции Шаньдун) навестить меня, однако Канцелярия немедленно сказала мне, что ему не разрешается прийти ко

мне. В другой раз я попросил товарища Сяо Хунда (начальника канцелярии Военного совета ЦК) прийти ко мне, но это было также запрещено Канцелярией ЦК.

В 1999 году, когда мой прежний секретарь товарищ Ван Вэньчао, достиг пенсионного возраста, был назначен новый секретарь. Для того чтобы объявить о назначении нового секретаря, два товарища из партийного комитета Канцелярии были посланы для разговора со мной.

Я использовал эту возможность для того, чтобы поднять два вопроса: во-первых, это была просьба выехать из Пекина на зимний сезон, желательно в Гуандун или на Хайнань; во-вторых, я потребовал положить конец десяти годам домашнего ареста, особенно полного домашнего ареста, условия которого были навязаны после XV съезда партии. (С. 86)

Спустя некоторое время, они передали мне через секретаря, что мне не разрешаются поездки в Фуцзянь, Гуандун или на Хайнань, но в другие места разрешаются, следовательно, их позиция несколько смягчилась. (С. 86–87) Посещение было, в общем, разрешено, как и раньше. Некоторым позволяли навещать меня, другим не позволяли.

Я немедленно попросил, чтобы ко мне пришел товарищ Чжао Цзяньминь. Его визит был разрешен, и он пришел, и мы пообщались. Позднее, товарищи Сяо Хунда, Ду Даочжэн (директор главного управления прессы и публикаций) и Яо Сихуа (главный редактор «Гуанмин жибао») тоже навестили меня. В целом, представляется, что вернулись к тому положению, которое существовало в соответствии с изначальными шестью правилами. (С. 87)

Очевидно, что годы, последовавшие непосредственно за смертью Дэн Сяопина, характеризовались проявлением особой боязни Цзян Цзэминя того, что будет поднят вопрос о событиях 4 июня 1989 г.

В это время Цзян Цзэминь не считался с законом и фактически обрек Чжао Цзьяна на полный домашний арест. Он также чрезвычайно страшился того, что какие-то новости о Чжао Цзьяне просочатся в СМИ за рубежами КНР.

Затем, очевидно после достижения некоей договоренности в узком кругу руководителей КПК, в начале XXI века Чжао Цзьян снова оказался под тем, что он именовал «домашним полу-арестом».

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕ- ФОРМЫ ЧЖАО ЦЗЫЯНЯ

Чжао Цзыян рассказывает о процессе экономических реформ в Китае с самого их начала, а это стало возможно тогда, когда с политической сцены ушел Мао Цзэдун и «выдвиженцы» его «культурной революции».

После 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва (который в 1978 г. открыл эпоху реформ) существовали две точки зрения внутри центрального руководства. И даже ранее того, будет честным сказать, что их было две: одну представлял Дэн Сяопин и другую Чэнь Юнь. Дэн верил в расширение экономики с упором на скорость и открытие для окружающего мира, принимая реформы, которые вели к рыночной экономике. Чэнь Юнь придерживался подхода первого пятилетнего плана в 1950-х гг.; эта группа настаивала на плановой экономике и высказывала оговорки относительно программы реформ.

Всем в Китае было очевидно, что при правлении Мао Цзедуна он своей политикой завел экономику страны в тупик. Все понимали, что ее нужно выводить из тупика.

После ухода из жизни Мао Цзедуна и изоляции в тюрьме «выдвиженцев» «культурной революции», в партии оказались одновременно два теневого «хозяина»: Чэнь Юнь и Дэн Сяопин.

Чэнь Юнь до «культурной революции» был одним из пяти заместителей председателя ЦК КПК Мао Цзедуна.

Дэн Сяопин был генеральным секретарем ЦК КПК, т. е. генеральным секретарем, при упомянутом ареопаге, администратором и исполнителем политической воли этого ареопага, прежде всего, Мао Цзедуна. При этом Дэн Сяопин в партийной иерархии находился на ступень ниже Чэнь Юня.

В партии было широко распространено мнение о том, что Чэнь Юню и Дэн Сяопину достаточно «сказать два слова», и вся партия начинала работать в указанном одним или другим из них направлении.

Чэнь Юнь и Дэн Сяопин были едины в стремлении сохранять политический режим, политическую структуру, политическую систему, сформированную при правлении Мао Цзедуна и Мао Цзэдуном.

В то же время у них были разные взгляды на пути развития экономики страны.

Чэнь Юнь был приверженцем той экономической системы и структуры, которая сформировалась и существовала в КНР, начиная с 1949 г. и

вплоть до начала «культурной революции». Ее стержнем была плановая экономика при общественной собственности на средства производства.

Дэн Сяопин соглашался с необходимостью поисков путей расширения и ускорения развития экономики. В этой связи Дэн Сяопин соглашался с политикой открытия Китая для окружающего мира и с началом осуществления реформ, которые вели, в той или иной степени, к созданию экономики рыночного характера.

Иными словами, Чэнь Юнь некоторым образом ограничивал или сдерживал экономические реформы, а Дэн Сяопин допускал начало экономических реформ и даже содействовал ему.

После более чем десяти лет движений назад и вперед идея Дэна победила, и была принята все большим числом людей. Реальная жизнь доказала, что это было правильно. (С. 91)

Целых десять лет, с конца 1970-х гг. по конец 1980-х гг., Китай находился в состоянии, когда то происходил откат назад при осуществлении экономических реформ, то имело место продвижение вперед.

Следовательно, все это происходило в ситуации, когда сосуществовали два разных принципиальных подхода к экономическим реформам. Чэнь Юнь не отступал от своих принципов. Продвижение вперед происходило исключительно благодаря тому, что Чжао Цзыяну и его единомышленникам удавалось на практике доказывать не только необходимость экономических реформ, но и их эффективность, пользу для народа страны.

Чжао Цзыян был тем, кто творчески выдвигал новые предложения относительно реформ и осуществлял их на практике.

В то же время Чжао Цзыян подчеркивал, что в ситуации, которая сложилась тогда в Китае, самым важным было в принципе открыть возможность для проведения реформ, добиться принципиального решения об осуществлении политики реформ и открытости.

Итак, Чжао Цзыян отдает Дэн Сяопину заслугу утверждения принципиального положительного отношения к самой мысли о необходимости осуществления политики реформ и открытости. Чжао Цзыян стремится не навредить делу реформ. Поэтому он скромно оставляет в стороне, в своего рода тени, свою собственную роль и работу. А это теоретическая и практическая разработка экономических реформ и их осуществление на практике.

Дэн Сяопин, с точки зрения Чжао Цзыяна, принципиальный сторонник курса на реформы в области экономики. Сам Чжао Цзыян – генератор реформаторских идей и тот, кто осуществлял эти идеи на практике.

Чжао Цзыян был необходим Дэн Сяопину, потому что Дэн Сяопин сам не был способен ни предлагать идеи экономических реформ, ни осуществлять их на практике. Здесь важно подчеркнуть и то, что Чжао Цзыян в те годы оказался единственным и самым лучшим генератором идей,

если говорить об экономических реформах, в которых нуждался Китай. Чжао Цзыян лучше всех и воплощал эти идеи на практике.

Поэтому Дэн Сяопин нуждался в Чжао Цзыяне. По этой же причине Дэн Сяопин был необходим Чжао Цзыяну как щит, обеспечивавший прикрытие реформам, которые выдвигал и проводил в жизнь Чжао Цзыян.

У Чжао Цзыяна были все основания говорить о том, что такое сочетание усилий Дэн Сяопина и его самого, то есть Чжао Цзыяна, дало возможность осуществлять экономические реформы, сравнительно с прошлым повышать уровень жизни людей, в особенности крестьянства. Поэтому-то Чжао Цзыян и сказал, что «реальная жизнь доказала, что это было правильно».

(Ху) Яобан и я в основном находились на той же стороне, что и Дэн Сяопин. (С. 92) (Влиятельный старейший) Ли Сяньнянь был полностью на стороне Чэнь Юня, причем был еще более экстремистки настроен и упрям. Главное различие между ним и Чэнь Юнем состояло в том, что Чэнь Юнь искренне верил в свои взгляды, в то время как Ли Сяньнянь думал больше о том, какой подход может принести ему лично выгоду или вред. Во время культурной революции он в основном отвечал за экономику. Вместе с Юй Цюли, который руководил Госпланом на протяжении длительного времени, они оба отвечали за экономику.

Это происходило и на протяжении тех двух лет, которые следовали непосредственно за падением Группы Четырех (в 1976 году), и тогда они осуществляли кампанию под лозунгом «действовать самым решительным образом и быстрыми темпами», которая явилась причиной несбалансированности экономики, и во время которой были выдвинуты недостижимые цели импорта главных проектов (крупных предприятий) в ходе так называемого «Великого скачка вперед в области импорта». Все это было совершено под его (Ли Сяньняня) и Юй Цюли руководством.

По мере того, как реформы продвигались вперед, Ли Сяньнянь, чувствуя, что его работа отвергается, часто выражал недовольство с помощью такого рода замечаний, как: «Означает ли утверждение о правильности всего того, что делается в настоящее время, то, что вся работа в прошлом была неправильной?» Он всегда был в оппозиции к реформам и часто жаловался на них.

Среди других, кто поддерживал точку зрения Чэнь Юня, был Яо Илнь, который впоследствии унаследовал пост Юй Цюли как руководителя Госплана. Он был заместителем премьера, ответственным за общую экономическую политику в Госсовете.

В то время за экономические реформы в направлении рыночной экономики, каждый по-своему, выступали и теновой «хозяин партии» Дэн Сяопин, и генеральный секретарь ЦК КПК Ху Яобан и премьер Госсовета КНР Чжао Цзыян.

Реформы в той или иной степени сдерживали или и ограничивали, а то и просто выступали против них, Ли Сяньнянь, Юй Цюли и Яо Илин.

Наиболее резким оппозиционером был Ли Сяньнянь.

Здесь играло свою роль желание Ли Сяньняня лично возвыситься и добиться признания внутри партии его ведущей роли в «достижении успехов» в области экономики как во время «культурной революции», так и в первые два-три года после смерти Мао Цзэдуна. Ли Сяньнянь навязывал партии мнение о том, что успехи экономического развития в 1980-х гг., достигнутые благодаря принципиальной поддержке со стороны Дэн Сяопина, но, главным образом, благодаря практической работе Чжао Цзыяна по претворению в жизнь его творческих идей относительно этих реформ, стали возможны якобы на основе той политики, которую Ли Сяньнянь проводил после смерти Мао Цзэдуна.

Чжао Цзыян был в корне не согласен с таким утверждением. Он критиковал проводившуюся Ли Сяньнянем и его приверженцами политику ускоренного развития в опоре на массовый импорт в Китай оборудования для ряда крупных промышленных предприятий из-за рубежа.

Я всегда полностью поддерживал реформы Дэна. И действительно, я испытывал громадный энтузиазм в этой связи, и прикладывал большие усилия для того, чтобы они осуществлялись. Однако у меня были оговорки относительно упора Дэна на скорости (темпах реформ). Конечно, если все остальное продвигается хорошо, и управление экономикой проходит гладко, тогда лучше продвигаться быстрее; никто не будет возражать против этого. Однако наша ошибочная тенденция в прошлом сфокусироваться на оценке достижений по валу продукции (достижении в сфере стоимости продукции) научила нас тому, что чрезмерный упор на темпах может иметь своим результатом слепую погоню за высокими показателями и темпами за счет эффективности.

Мои цели в сфере производства были относительно скромными, и я делал упор на экономической эффективности. Дэн понимал мой взгляд на это дело. Конфликта тут не было.

Чжао Цзыян указывал на разницу в подходах к процессу экономических реформ между ним и Дэн Сяопином.

Чжао Цзыян считал главным при оценке достижений показатель эффективности производства. Дэн Сяопин придавал чрезмерное значение темпам и высоким показателям производства продукции. Собственно говоря, когда Чжао Цзыян говорил о «реформах Дэна», он, скорее всего, имел в виду принципиальное выступление Дэн Сяопина за реформы, а также его упор на темпах реформ.

Чжао Цзыяну в 1980-х гг. удавалось отстаивать свой реальный взгляд на вещи в беседах с Дэн Сяопином по вопросам экономического развития страны.

В вопросе о реформах у (Ху) Яобана и у меня были в основе своей одни и те же взгляды. Оба мы были энтузиастами. Однако между нами существовала разница, когда речь шла о конкретных шагах, подходах и методах, в особенности по вопросу о темпах. Здесь Яобан был даже более агрессивен, чем Дэн. Дэн просто хотел, чтобы дело продвигалось быстрее. Яобан активно и повсеместно способствовал концепции (реформ), и требовал, чтобы люди делали такие вещи, как «учетверить это, сделать досрочно (раньше плана)». И поскольку я отвечал за работу в сфере экономики в целом, разница между нашими подходами была очевидной.
(С. 92)

Чжао Цзыян говорит и о том, что в вопросе о реформах, у него и у Ху Яобана были в основе своей одни и те же взгляды. Оба активно ратовали за реформы.

При этом Ху Яобан, и в этом у него было некое сходство подхода с Дэн Сяопином, проявлял заинтересованность в том, чтобы экономические реформы осуществлялись как можно более быстрыми темпами.

Чжао Цзыян, который оказался в то время самым знающим экономистом среди руководителей страны, мыслил и действовал наиболее рационально и взвешенно. Для него решающее значение имели не темпы, а экономическая эффективность.

Думается, что именно по этой причине столь успешно были начаты экономические реформы в 1980-х гг. Тогда была заложена прочная основа дальнейшего продвижения по пути экономических реформ в последующие десятилетия.

Что же до товарища Чэнь Юня, то я испытывал огромное уважение к нему в те годы, когда я только начал работать в центральном руководстве. Я чувствовал, что среди лидеров старшего поколения товарищ Чэнь Юнь был тем, кто обладал наиболее глубокими знаниями в экономике; он обладал уникальной и глубоко проникающей интуицией.

Его первый пятилетний план, конечно же, был очень успешным; он основывался на советской экономической модели. После 1957 года он настаивал на независимом мышлении, и он не согласился с великим скачком вперед председателя Мао.

Чжао Цзыян умел объективно оценивать людей, в том числе Чэнь Юня, Дэн Сяопина, других «старейших» в партии.

О Дэн Сяопине речь уже шла.

Чэнь Юнь, по мнению Чжао Цзыяна, среди руководителей старшего поколения обладал наиболее глубокими знаниями.

Попутно отметим, что это означает, что Дэн Сяопин, с точки зрения Чжао Цзыяна, обладал менее глубоким пониманием экономики, чем Чэнь Юнь.

Очень важно, что Чжао Цзыян подчеркивал значение политической интуиции. Успехи, которых Чэнь Юнь удавалось добиваться в решении экономических вопросов, рождались потрясающей интуицией Чэнь Юня. Выражаясь другими словами, это в свое время признавал Мао Цзэдун.

Во времена правления Мао Цзэдуна Чэнь Юнь, судя по оценке Чжао Цзыяна, прошел несколько этапов в своем подходе к экономическим проблемам.

В первые годы существования КНР он считал необходимым использовать модель, которая уже существовала в СССР.

Начиная с 1957 года, по словам Чжао Цзыяна, Чэнь Юнь настаивал на независимом мышлении, то есть на решении вопросов в Китае в необходимых случаях без оглядки на СССР, и в то же время на решении вопросов в Китае в необходимых случаях без оглядки на мнение Мао Цзэдуна. Возможно, что именно это рождало у Чжао Цзыяна чувство уважения к Чэнь Юню, когда речь шла об экономике страны.

Наконец, важно, что Чжао Цзыян одобрил поведение Чэнь Юня тогда, когда Мао Цзэдун навязал Китаю свою политику «великого скачка». Чэнь Юнь оказался настолько предан своему экономическому знанию, настолько самостоятелен в своем экономическом мышлении, что он не согласился в этом с Мао Цзэдуном.

Думается, что Чжао Цзыян уважал Чэнь Юня и за это. Возможно, что именно позиция Чэнь Юня в какой-то степени в свое время подтолкнула Чжао Цзыяна к осмыслению проблем экономики Китая.

Здесь попутно есть смысл напомнить о том, что «великий скачок» Мао Цзэдуна был начат им в 1958 году. Мао Цзэдун тогда призвал массы людей в Китае сделать громадные и простые физические усилия, думая, что таким образом можно добиться экономического развития быстрыми темпами; за несколько лет «догнать Англию». На практике это не только привело к экономическому краху, но и к гибели от голода десятков миллионов людей в мирное время.

В то время, когда вся партия заблуждалась, было не легко придерживаться собственных взглядов. К тому же, после осуществления Трех Преобразований в 1950-х гг. он (Чэнь) первым предложил, чтобы внутри по преимуществу плановой экономики должна была бы быть позволена небольшая доля свободы. Он верил, что допущение этой свободы в целях оживления рынка возможно внутри структуры плановой экономики.

Судя по словам Чжао Цзыяна, он поддерживал предложения Чэнь Юня в 1950-х гг.

Тогда Мао Цзэдун навязал партии и стране то, что именовалось социалистическими преобразованиями сельского хозяйства, подсобных или кустарных промыслов (в деревне и в городе) и сектора торговли. Мао Цзэдун думал, что это и есть движение по пути социализма.

Чэнь Юнь в то время, когда, как подчеркнул Чжао Цзыян, вся партия заблуждалась, то есть слепо шла по пути, указанному Мао Цзэдуном, сумел проводить мысль о необходимости допущения хотя бы некоторой экономической свободы внутри плановой экономики.

Вполне очевидно, что Чжао Цзыян, как и Чэнь Юнь тогда, а впоследствии в еще большей степени, был предрасположен к тому, чтобы не поддаваться всеобщему заблуждению партии в экономических вопросах. Иными словами, Чжао Цзыян не был ослеплен «идеями» Мао Цзэдуна.

Чжао Цзыян считал правильными предложения Чэнь Юня о допущении некоторой свободы внутри структуры плановой экономики в то время в целях оживления рынка. Можно сказать и прямо: в целях спасения от голодной смерти миллионов людей в Китае на рубеже 1950–1960-х гг.

Вот откуда шла убежденность Чжао Цзыяна в необходимости экономических реформ в Китае. Именно размышления на эту тему и привели его к мысли о том, что в Китае необходимо «пройти заставу рынка».

А это было не легко, поскольку в то время партия была захвачена идеей расширять роль планирования до тех пор, пока это не охватит всю экономику. Также в 1962 г., когда экономика была в кризисе, он спас ситуацию. Он принял очень эффективные меры, включая повышение цен на сахар, импортируемые соевые бобы, и воюя с эпидемией задержки мочи, вызванной голодом. Он быстро добился поворота в делах. Конечно, усилия также были предприняты товарищем Лю Шаоци (председатель КНР в 1959–1968 гг.) и премьером Чжоу Эньлаем (премьер ГС КНР с 1949 по 1976 г.), однако товарищ Чэнь Юнь предложил многие из этих мер.

Чжао Цзыян, по сути дела, всегда был одним из тех людей в партии, которые имели дело с реальными экономическими проблемами.

Эти люди давно пришли к мысли о том, что плановость не должна распространяться на всю экономику страны.

Эти люди спасали страну в моменты кризиса, в частности, в первой половине 1960-х гг.

Чэнь Юнь предлагал и осуществлял эффективные меры в те годы, в том числе повышение цен на сахар, импорт соевых бобов, а также борьба с эпидемиями.

Если Мао Цзэдун бросал страну и народ с пучину трудностей, то Лю Шаоци, Чэнь Юнь, Чжоу Эньлай (если брать только экономическую сторону его деятельности в те или иные периоды) должны были принимать меры с тем, чтобы спасти положение. Они действовали в центре. Чжао Цзыян был одним из тех руководителей, которые делали то же самое на уровне провинций и городов центрального подчинения, а также автономных районов.

После того как я переехал в Пекин, я согласился с его противодействием чрезмерному упору на темпах с тем, чтобы избежать существенных

(главных) экономических колебаний. А он выразил поддержку моим экономическим реформам в городе, направленным на снижение (облегчение) опоры на государство там, где дело касается рабочих мест, и расширение автономии предприятий. В первые несколько лет у нас с ним были хорошие отношения. Я даже был в состоянии выступить в качестве посредника и облегчать общение (коммуникацию) между Дэном и Чэнем. Поскольку я отвечал за экономку, я просил их обоих высказать свое мнение, и затем предлагал свои собственные идеи. В основном они основывались на мнении Дэна, в то же время я принимал во внимание соображения Чэнь Юня. В результате они оба могли достичь соглашения между собой.

Чжао Цзыян, по сути дела, прослеживает процесс развития реформ в экономике страны. Всем, в том числе и Чжао Цзыяну, и Чэнь Юню, было ясно, что сосредоточиться было необходимо на эффективности, а не на темпах. Здесь их взгляды совпадали.

В самом начале реформ Чжао Цзыян принимал меры с тем, чтобы уменьшать опору на государство там, где дело касается рабочих мест, и на расширение автономии предприятий. В этом случае Чэнь Юнь также поддерживал Чжао Цзыяна. Более того, сложилась ситуация, при которой на протяжении некоторого времени Чжао Цзыяну удавалось выступать в роли посредника между Чэнь Юнем и Дэн Сяопином. И именно при таком положении вещей и начался тот период, когда Чжао Цзыян смог и сумел выдвигать творчески новые идеи в процессе экономических реформ. Ему удавалось проводить свой экономический курс, добиваясь того, что и Дэн Сяопин и Чэнь Юнь соглашались с предлагаемыми им мерами.

Проблемы развивались по мере углубления реформ. Возникали новые вопросы по мере нашего продвижения вперед, однако идеи Чэнь Юня оставались неизменными. (С. 93) Внутри партии взгляды Чэнь Юня на экономику могли рассматриваться как проявление взгляда с открытыми глазами, открытого ума в 1950-х и 1960-х гг. (С. 93-94) Однако, поскольку он настаивал на своем убеждении в правильности тезисов о том, что допустима «небольшая свобода при доминирующей плановой экономике» и о том, что «плановая экономика – это основа, а рыночное урегулирование – это дополнение», он во все большей степени оказывался вне общего направления и всеобщих целей реформ и реалий времени. Дистанция между нами все более увеличивалась. (С. 94)

Чжао Цзыян считал, что и в 1950-х, и в 1960-х гг. Чэнь Юнь смотрел на экономику с открытыми глазами. Однако в 1980-х гг. состояние экономики потребовало перехода к рыночной экономике. Это понял Чжао Цзыян. Этого не смог понять Чэнь Юнь. Из-за этого дистанция между Чжао Цзыяном и Чэнь Юнем начала увеличиваться.

ВЫХОД ИЗ ТУПИКОВ ЭКОНОМИКИ

Мао Цзэдун умер в 1976 году. Через месяц после его смерти в результате решительных насильственных действий от власти наверху были отстранены «выдвиженцы» «культурной революции»: Цзян Цин, Чжан Чуньцяо, Ван Хунвэнь и Яо Вэньюань. Во главе вооруженных сил, партии и государства еще оставался «выдвиженец» «культурной революции» Хуа Гофэн. Однако через несколько лет и ему пришлось оставить свои посты. К власти снова пришли либо «старейшины» партии, либо руководители, которым удалось или довелось пережить эпоху правления Мао Цзэдуна и которые имели свои представления об экономическом и политическом курсе развития страны.

Встала задача возвращения доброго имени тем, кого Мао Цзэдун либо погубил, либо заставил страдать во времена своего правления. Этим людей были миллионы и миллионы. Этот тяжелый труд взял на себя Ху Яобан.

Одновременно в конце 1970-х гг. оказалось совершенно необходимым выводить страну из экономического тупика, в который ее загнал своей политикой Мао Цзэдун.

Основа для осуществления этой работы была положена стихийным движением самих крестьян Китая, большинства населения страны, которые разобрали землю по семейным наделам. В этом им первыми начали содействовать два первых секретаря провинциальных комитетов КПК: Чжао Цзыян в провинции Сычуань и Вань Ли в провинции Аньхой.

Чжао Цзыян тогда оказался во главе провинции с самым многочисленным населением в стране. Его действия были успешными. Так, закономерно, Чжао Цзыян оказался в столице, где ему довелось взять на себя груз осуществления экономических преобразований в совершенно новой, по сравнению со временами правления Мао Цзэдуна, обстановке. При этом Чжао Цзыяну пришлось действовать в ситуации, когда у партии были два теневого «хозяина» или «старейшины»: Чэнь Юнь и Дэн Сяопин, у каждого из которых был свой подход к проблемам Китая, прежде всего, в сфере экономики.

После смерти Мао Цзэдуна всеобщим было желание как можно скорее добиться успехов в экономике. Погоня за темпами развития вела к возникновению новых проблем, в частности, к росту инфляции. Чэнь Юнь и Дэн Сяопин понимали необходимость снижения темпов с тем,

чтобы избежать инфляции. Чжао Цзыян также понимал это. В то же время Чжао Цзыян уже тогда, действуя в целях обуздания инфляции, будучи вынужден реагировать на меры, которые предлагали Чэнь Юнь и Дэн Сяопин, начал осознавать, что те грубые административные рычаги, которые они зачастую предлагали использовать, не решали по существу проблем экономики Китая. Надо было искать экономические способы решения экономических проблем в условиях своего времени.

В 1979 и 1980 гг. было произведено урегулирование под руководством товарища Чэнь Юня с тем, чтобы выправить дисбаланс в экономике. Центральный Комитет создал тогда комиссию по финансам и экономике, и товарищ Сяопин побудил Чэнь Юня возглавить ее. Это случилось еще до того, как я приехал в Пекин. Позднее под моим руководством название группы было изменено. Она стала называться Центральной руководящей группой по экономике и финансам.

Цель того экономического урегулирования, которое осуществлялось на протяжении двух лет, состояла в том, чтобы правильно решить проблемы, которые возникли в период руководства Ли Сяньняня (заместителя премьера, ведавшего вопросами экономики) и Юй Цюли (заместителя премьера). Юй Цюли и Кан Шизнь (другой заместитель премьера) были настроены критически и в основном находились в оппозиции этому урегулированию. Это помогло объяснить, почему Юй Цюли был позднее передвинут из Госплана и заменен Яо Илинem.

Решение экономических проблем было тесно связано с тем, кто именно руководил экономикой страны.

Здесь необходимо принять во внимание, что Мао Цзэдуну и во время «культурной революции» требовались те, кто был способен, не мешая осуществлению его политических, внутривластных и внешнеполитических планов, поддерживать существование экономики страны. И такие находились. Точнее, Мао Цзэдун и подобные ему находят таких и используют их в своих интересах. Они являются неотъемлемой составной частью системы Мао Цзэдуна, режима Мао Цзэдуна.

В том, что касается экономики, такими были Ли Сяньнянь и Юй Цюли.

Они не только руководили экономикой во времена правления Мао Цзэдуна в годы «культурной революции», но и продолжали играть роль в руководстве экономикой и на протяжении нескольких лет после смерти Мао Цзэдуна. Их, «наследников экономической политики Мао Цзэдуна», не отстранили от власти, не судили и не посадили в тюрьму, как «идейно-политических наследников Мао Цзэдуна» Цзян Цин, Чжан Чуньцяо, Ван Хунвэня и Яо Вэньюаня.

На рубеже 1970–1980-х гг. Ли Сяньнянь и прочие продолжали пытаться проводить прежний курс. Иными словами, страна сначала двинулась

прочь от времен политических репрессий, но, в какой-то степени, продолжала оставаться во власти экономических оков политики Мао Цздуна.

После двухгодичного урегулирования 1979–1980 гг. дальнейшее урегулирование было предложено осуществить в 1981 г. Это был первый важный вопрос, с которым я столкнулся, когда взял в свои руки руководство Госсоветом.

Когда шестой пятилетний план обсуждался в мае и июне 1980 г., я надеялся удвоить экономические показатели за десять лет. Цель состояла в том, чтобы добиться экономического роста от 5 до 6 процентов в год в 1980–1985 гг., и соответственно еще более быстрого роста в следующие пять лет. (С. 95)

Однако когда Госплан выработывал план на 1981 год, было обнаружено, что финансовый дефицит превысил 10 миллиардов юаней в 1979 и 1980 гг., и по прогнозу дефицит в 1981 г. также должен был быть высоким. (С. 95–96) В то же самое время цены росли, вызывая повсеместные жалобы.

Когда Чэнь Юнь узнал о ситуации, он предложил, чтобы мы добились и финансового и кредитного баланса в 1981 г. Он был уверен в том, что будет лучше пожертвовать быстрыми темпами роста для того, чтобы добиться финансового баланса. Его беспокоило то, что год за годом дефицит будет порождать ухудшение ситуации с инфляцией. Ли Сяньнянь шел дальше, предлагая, чтобы не только бюджет был сбалансирован, но чтобы это было сделано с превышением доходов над расходами. Поскольку у них обоих (у Чэнь Юня и Ли Сяньняня) был долговременный опыт в области формирования экономической политики, дальнейшее урегулирование экономики в 1981 г. стало определенным. Это означало, что откладываются планы осуществления проектов строительства и замедляются темпы развития.

Пересмотренный план Госплана был представлен для обсуждения на заседании Постоянного комитета 28 ноября. После того, как Сяопин, Чэнь Юнь и Ли Сяньнянь одобрили его, он был доведен до страны благодаря рабочему совещанию Центрального Комитета 16 декабря, на котором присутствовали руководители провинций и городов центрального подчинения.

В начале 1980-х гг. насущной стала задача ликвидации финансового дефицита, который возник в 1979–1980 гг.

Все руководители согласились с необходимостью урегулирования. Это должно было принести определенное оздоровление экономики, хотя и ценой замедления темпов развития и отказа на некоторое время от планов строительства.

В последующие годы реформы принесли хорошие урожаи и вибрирующий (чутко реагирующий) рынок, вследствие чего повысился уровень жизни.

При таких хороших условиях многие товарищи в стране видели урегулирование как необходимость. Урегулирование означало пересмотр некоторых контрактов с иностранными компаниями; оборудование, которое было доставлено для определенных проектов, должно было быть складировано.

В результате возникли некие разговоры за границей о том, что экономика Китая испытывает затруднения. В других случаях слышалось одобрение. Из тех материалов, которые мне довелось читать, следовало, что лишь в Японии верили, что урегулирование было необходимо в целях перевода экономики на правильную колею.

Чэнь Юнь и Ли Сяньнянь предложили провести урегулирование. И даже при том, что Дэн Сяопин согласился с этим на заседании Постоянного комитета Политбюро и выступил с соответствующей речью на рабочем совещании Центрального Комитета, это (урегулирование) все же было не то, чего он действительно хотел. Он был недоволен тем, что было установлено выполнение важных проектов, связанных с импортом, и что оборудование было складировано. Он согласился с взглядами Чэнь Юня и Ли Сяньняня только для того, чтобы показать, что он поддерживает Чэнь Юня.

Вплоть до того времени Дэн Сяопин все еще считал Чэнь Юня главным при принятии решений по экономическим вопросам. С его точки зрения, десятилетия опыта показали, что Чэнь Юнь глубже всех разбирается в вопросах экономики, и был мудрее, чем он. Поэтому даже тогда, когда ситуация ему не нравилась, он выражал поддержку Чэнь Юню.

Ху Яобан (генеральный секретарь ЦК КПК) ничего не сказал во время заседания. (С. 96)

По моему мнению, он не был полностью согласен, но находил трудным высказывать возражения, поскольку один из двух старейших предложил некие меры, а другой согласился с этим. (С. 96–97) Однако по прошествии года, то есть весной 1982 года, когда Яобан инспектировал во время своих поездок ряд провинций, он сказал: «урегулирование 1981 года вызвало провал в экономике». Естественно, когда слухи об этом высказывании дошли до Чэнь Юня, он не был доволен.

В начале 1980-х гг. руководители КНР с большим трудом находили пути решения экономических проблем.

Это происходило в ситуации, когда не было в живых Мао Цзедуна. Это давало возможность выдвигать решения и пробовать их осуществлять без него. Появилась некоторая свобода.

В то же время было необходимо искать такие решения, которые, в той или иной степени, удовлетворяли и Чэнь Юня, и Дэн Сяопина.

Чэнь Юнь имел опыт решения экономических проблем.

Дэн Сяопин не был экономистом. Он до поры до времени считался с мнением Чэнь Юня.

В то же время Чэнь Юнь был как бы «обращен в прошлое», никак не мог понять, что Китай стал иным, общество стало иным, экономика требовала иного.

Дэн Сяопин инстинктивно понимал в большей степени, что возникла иная обстановка и требуются иные решения проблем.

Чэнь Юнь, в данном случае вместе с Ли Сяньнянем, предложили урегулирование, то есть применение административных рычагов для сдерживания и темпов развития, и осуществления крупных проектов, для которых оборудование уже было закуплено за границей.

Дэн Сяопин согласился с этими предложениями. Чжао Цзыян считал, что Дэн Сяопин сделал это «через силу», то есть предпочел бы искать иные методы решения проблем.

Ху Яобан отмолчался, но через некоторое время прямо заявил, что политика урегулирования, а всем было известно, что она была предложена Чэнь Юнем, привела к падению экономики Китая.

Так оказывалось, что были найдены только временные методы решения экономических проблем, пути ликвидации финансового дефицита. Задача развития оставалась нерешенной.

Это беспокоило Дэн Сяопина, Ху Яобана, Чжао Цзыяна.

Хотя я и был руководителем Центральной группы по руководству экономикой и финансами, я в то время лишь недавно стал членом центрального руководства, и еще не был хорошо знаком с ситуацией в экономике в целом. Я искренне доверял Чэнь Юню. Даже тогда, когда его мнение отличалось от моей мысли об «удвоении объема экономики за десять лет», я соглашался с идеями товарища Чэнь Юня. Глядя в прошлое, в ретроспективе, дальнейшее урегулирование было необходимо, и в конечном счете результаты были хорошими.

Путь Чжао Цзыяна к сформировавшимся у него впоследствии представлениям о политике относительно экономических реформ был трудным. Важно, однако, что Чжао Цзыян был человеком, который на протяжении всей своей жизни был способен творчески осмысливать происходящее, понимать новизну, и искать пути решения новых проблем в новых условиях новыми методами.

В то же время важно и то, что Чжао Цзыян умел отдавать должное успехам других людей в условиях своего времени при решении проблем. В частности, он одобрял урегулирование начала 1980-х гг.

На протяжении некоторого времени после 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва (1978 год) наша экономика все еще была в трудном положении. На протяжении многих лет, и до, и во время культурной революции, мы отставали во многих отношениях, включая строительство в городах, сельское хозяйство и жизненный стандарт населения. Для того чтобы изменить ситуацию и добиться более здорового состояния экономики, мы дол-

жны были пройти через процесс «переобучения». В такой ситуации было невозможно добиться быстрого экономического развития. Невозможно было и заниматься широкомасштабным созданием инфраструктуры.

Например, для того, чтобы оживить экономику деревни и создать побудительные мотивы для крестьян (фермеров), цены на сельскохозяйственную продукцию были повышены. Цель при этом состояла в том, чтобы сократить разрыв между городом и деревней. Я находился все еще в Сычуани, когда эта политика была предложена, и я принял участие в обсуждении. Тут были два ключевых вопроса. Во-первых, цены на продукты сельского хозяйства и другие продукты, производившиеся в деревне, должны были быть повышены, в противном случае у крестьян не было побудительных мотивов производить продукцию. Во-вторых, даже если в то время было невозможно устранить государственную монополию на продукцию сельского хозяйства и на другую продукцию, производимую в деревне, квоты на производство продукции должны были быть снижены, особенно в главных районах производства зерна. На протяжении многих лет эти квоты были слишком высоки. Крестьяне должны были слишком тяжело работать, чтобы выполнить эти задания.

Новая экономика, новые экономические решения, новые экономические реформы – вот то, чего потребовали реалии Китая после смерти Мао Цзэдуна, когда всем стало ясно, что «при такой системе в деревне» «жить больше нельзя». Крестьяне сами ликвидировали систему «коммун народа», насажденную Мао Цзэдуну. Они разобрали землю по семейным наделам.

Именно это создало основу новых условий, в которых предстояло начать осуществлять экономические реформы в Китае.

Мао Цзэдун своей политикой не допускал развертывания строительства в городах, решения проблем в деревне, повышения жизненного уровня населения.

Все это требовалось исправить. Для того чтобы осмыслить ситуацию и настроиться на реформы, требовалось время. Требовался процесс переобучения.

Начинать реформы в Китае пришлось с деревни.

Мао Цзэдуну не удалось ликвидировать китайское крестьянство. Слишком много оказалось крестьян. Решить проблему деревни Мао Цзэдун не сумел за все двадцать шесть лет своего правления.

Эту проблему решали уже после смерти Мао Цзэдуна. При этом решать ее начали стихийно сами массы крестьян. Они знали, интуитивно чувствовали, что для этого требуется в первую очередь. Для этого требовалось осуществить завет Сунь Ятсена: «Каждому пахарю свое поле».

Попутно отметим, что Чан Кайши осуществил, причем раньше Мао Цзэдуна, этот завет на Тайване, в результате чего и были начаты успешные экономические реформы на острове.

В Китае во времена Чжао Цзыяна надо было, прежде всего, повысить цены на продукцию сельского хозяйства. Далее надо было сократить государственные задания для крестьян по производству зерна.

Эти планы начали обсуждать еще тогда, когда Чжао Цзыян работал в Сычуани. Он был активным сторонником движения по этому пути.

Иными словами, если Чэнь Юнь привык «урегулировать» то, что было создано при правлении Мао Цзэдуна, не меняя суть существовавшей системы, то Чжао Цзыян был нацелен на то, чтобы коренным образом *изменить суть* и основы политики в отношении крестьян, сельского хозяйства и деревни.

После 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва несколько лет подряд были хорошие урожаи: в 1979, 1980, 1981, 1982, 1983 и 1984 гг. Сельские районы вступили в период нового процветания, по большей части благодаря тому, что мы разрешили вопрос (или осуществили принцип) «каждому пахарю свое поле», осуществив политику «контракта на землю в деревне» (контракта на сельскохозяйственные угодья, доведения производственных заданий до крестьянских дворов). Прежняя ситуация, при которой крестьяне были лишь наемными работниками производственных бригад, была изменена, крестьяне начали планировать сами для себя.

Энергия, исходившая из деревни в то время, была магической; это превосходило все, что кто бы то ни было мог себе представить. Проблема, которая, как думалось, была неразрешимой, разрешила сама себя всего за несколько лет. (С. 97) Ситуация с продовольствием, которая на протяжении определенного времени была столь серьезной (угрожающей), преобразилась в ситуацию, когда, в 1984 году, крестьяне имели больше зерна, чем они могли продать. (С. 97–98) Государственные зернохранилища были заполнены до отказа за счет годичной программы закупок.

Оказалось, что в государстве, которое правившая в нем Коммунистическая партия Китая называла социалистическим, можно было разрешить проблему обеспечения населения продовольствием просто в результате снятия ограничений, которые ввел Мао Цзэдун. Это были ограничения на применение принципа «каждому пахарю свое поле».

Речь шла об ограничении фактической собственности на землю для крестьян. А также об ограничении, заключавшемся в том, что при социализме КПК и Мао Цзэдуна крестьяне оказывались всего лишь наемными работниками у государства, будучи членами производственных бригад, больших производственных бригад или коммун народа. Вместо этого крестьяне должны были бы быть, по сути дела, хозяевами на своей земле. Во всяком случае, они должны были бы сами планировать что и когда производить на своих семейных наделах.

Право собственности не осуществлено в Китае в полной мере, но даже то, что в действительности стихийно удалось сделать крестьянам, принес-

ло поразительный эффект, оказалось благоприятно для людей, в интересах народа.

Помимо всего прочего, это создало новую среду в Китае, в экономике страны, создало основу для экономических реформ, потребовало экономических преобразований в экономике страны в целом, не только в деревне, но и в городе.

Именно с такой проблемой встретилось руководство КПК. И тогда в нем и выделились различные позиции. Чжао Цзыян выступал за максимальное развитие в направлении, необходимом людям. Отсюда и весь процесс его созревания до мысли о том, что Китаю и китайцам необходимо «пройти через заставу рынка», то есть прийти к рыночной экономике.

Изменениям содействовали и два других фактора. Одним было поднятие цен на продукцию сельского хозяйства. Крестьяне смогли получать выгоду от занятия сельским хозяйством. Другим было сокращение квот обязательных закупок (поставок зерна государству, госзакупок) государства, что означало изъятие меньшего объема пищи из ртов крестьян.

На протяжении более двух десятилетий крестьянам было нечего есть после того, как они после каждого сбора урожая сдавали государству то зерно, которое производили. Конечно же, основанием для того, чтобы мы могли ввести эту новую политику, было решение 3-го пленума ЦК 11-го созыва о том, что Китай может импортировать зерно. Товарищ Чэнь Юнь сказал, что импорт допускается, но таким образом, чтобы посевы производственного характера могли быть сохранены. Однако, фактически, за счет импорта удовлетворялись потребности обеспечения питанием городов, благодаря чему уменьшалась квота сельскохозяйственного налога (частично зерно покупалось для городских рынков). В те годы закупалось огромное количество зерна, от 10 до 20 миллионов тонн. Главные районы, производившие зерно, могли продавать избыток по более высоким ценам и получать выгоду. Все это вместе взятое давало сельским районам возможность стабильного процветания.

Осуществление такой политики давалось определенной ценой. В то время как цены на сельскохозяйственную продукцию росли, цены на продовольствие в городах было невозможно немедленно поднять, поскольку покупательная способность городских рабочих была ограничена. В то же самое время иностранная валюта требовалась для оплаты импорта зерна, что сказывалось на импорте (машин и оборудования) станков. Плюс к тому, нужно было расширять городское строительство. А поскольку промышленные предприятия теперь обладали большей автономией (самостоятельностью), зарплата и надбавки к ней у рабочих подвешивались. Все это влекло за собой дополнительные расходы. Однако все это являлось частями процесса выздоровления, который прокладывал путь к хорошей ситуации в последующие годы.

Сама экономическая ситуация в деревне и в городе ставила перед руководителями партии и государства все новые вопросы.

Руководители сначала поняли, что следует идти навстречу требованиям большинства населения страны, то есть навстречу требованиям крестьян. С этой целью были повышены цены на продукцию сельского хозяйства. В то же время крестьянам было разрешено сдавать государству меньше сельхозпродуктов, чем раньше.

Чжао Цзыян со всей откровенностью пишет о том, что фактически в годы КНР, с 1949 года до конца 1970-х гг., то есть более двух десятилетий пребывания у власти КПК, крестьянам нечего было есть после того, как они после каждого сбора урожая сдавали государству то зерно, которое производили.

Это и был тот беспощадный приговор, который китайские крестьяне вынесли Мао Цзэдуну, его приверженцам и последователям за их политику в отношении крестьян, тех, на кого Мао Цзэдун опирался, идя к власти, кого он обманул своими лозунгами, идя к власти.

Суровая правда жизни в КНР при правлении Мао Цзэдуна заключается именно в этом.

Именно в этом и истоки мыслей о реформах, которые созрели у близких к народу, к крестьянству, руководителей Китая, в данном случае у Чжао Цзыяна.

Чжао Цзыян понимал, что в ходе осуществления реформ возникают проблемы у городского населения, у рабочих.

В то же время он считал, что обязанность руководителей была в том, чтобы искать пути решения проблем и в деревне, и в городе с тем, чтобы осуществлять процесс выздоровления от болезни, вызванной последствиями политики Мао Цзэдуна, в данном случае, в сфере экономики, а далее доводить до конца реформы в экономике Китая.

После 3-го пленума ЦК 11-го созыва финансовые доходы нашего государства постепенно уменьшались, если говорить о том, какую долю они составляли в валовом национальном продукте, и в то же время расходы постоянно увеличивались; результатом всего этого был дефицит. Такова была цена, которую мы должны были платить; это было нормально, и это был разрешимый вопрос. В 1984 г. я начал предлагать постепенное увеличение доходной части ВВП (GNP). Для того чтобы уменьшить дефицит, мы временно сократили строительство инфраструктуры и замедлили темпы экономического развития. Другого выбора не было.

Если бы мы игнорировали создавшуюся ситуацию, и развернули кампанию под лозунгом: «за ускоренные темпы (развития)», мы оказались бы перед лицом серьезной высокой инфляции и были бы вынуждены наложить громадную нагрузку на крестьян и рабочих. Урегулирование в 1979 и в 1980 гг. и снова в 1981 г. было необходимым. (С. 98) В результате урегу-

лирования 1981 г. сельскохозяйственный сектор продолжал пользоваться благами высоких урожаев, рынок продолжал процветать, а в экономике страны не было негативных показателей (если говорить о ее росте). (С. 98–99) Наоборот, экономика росла ежегодно на 4 процента. И, по мере углубления урегулирования в 1981 г., рост этот продолжался. В первом квартале показатели роста были относительно низкими, во втором квартале были лучше, в третьем квартале были выше, а в четвертом квартале были значительно выше. Это доказывало, что урегулирование сыграло хорошую роль, и экономика оздоравливалась.

Мы поддерживали экономику в состоянии роста следующим образом: мы отменили проекты создания инфраструктуры и сократили тяжелую промышленность, производство чугуна и стали, и продукцию машиностроения; расширяли легкую промышленность, например, производство текстиля, и в то же время, позволяя и способствуя частному предпринимательству; развивали сферу обслуживания (сервиса). Города продолжали процветать, а уровень жизни продолжал повышаться. Процент занятости рос. В конце мы добились сбалансированного бюджета, и люди были в основном более удовлетворены.

Нужно сказать, что у этой политики были и свои недостатки. Мы все еще не смогли полностью поправить (скорректировать) традиционный метод (путь), с помощью которого Госплан (Плановая комиссия) сокращал расходы на инфраструктурные проекты, который состоял в следующем: «сокращать наотмашь». В условиях, когда этот старый подход (система) все еще продолжал существовать, было трудно (действовать иным путем) не поступать таким образом, поэтому мы ввели квоты для каждого региона.

С той целью, чтобы спасти проекты, которые действительно не должно было сокращать, я, однако, попросил Госплан проявить гибкость в отношении части бюджета с тем, чтобы мы смогли оживить часть этих проектов. Осуществив общее сокращение расходов, мы определили то, какие расходы сокращать нельзя, ибо это повлечет за собой слишком большие потери, или какие проекты настолько выгодны, что их следует продолжать. Конечно, здесь не могло быть много исключений, но мы были в состоянии сократить негативное воздействие установки на «сокращение наотмашь».

И все же, в ретроспективе, урегулирование было слишком суровым. Мы должны были делать исключения в отношении всех тех проектов, оборудование для которых уже было получено или было крайне необходимо, и могло быть установлено и запущено в производство быстро. Это (сокращение, урегулирование) (в данном случае) могло оказаться более затратным, особенно если принимать во внимание стоимость хранения. Если даже некоторые проекты были возобновлены год спустя, время и деньги были потеряны. Для восстановления некоторых проектов понадобились годы.

Причина, по которой мы не обратились к более гибким мерам, состояла главным образом в том, что нам не хватало достаточных внутренних фондов, чтобы оплатить все эти проекты; дефицит требовалось сокращать, чтобы достичь финансового баланса. Все это было слишком механическим.

Например, если бы дефицит не был устранен немедленно, и какая-то часть бюджета была бы потрачена на проекты, которые того стоили, вложения вернулись бы через год или около того. (С. 99) И при политике открытых дверей, мы могли решить проблему, взяв большие займов за границей. (С. 99–100)

Однако Чэнь Юнь был озабочен и (твердо) настойчив. Он боялся исключительных и слишком больших проектов и настаивал на сокращении. В то время были такие вещи, ясного понимания которых у нас не было, так как у нас не было достаточного опыта. (С. 100)

Понимание того, как следовало действовать приходило постепенно и с опытом. В целом, судя по словам Чжао Цзыяна, его общий подход к решению проблем был интуитивно верным. Он был против «резких движений». В то же время он был за неуклонное продвижение вперед в области осуществления существенных реформ. Чэнь Юнь с годами представлял собой все большее препятствие на пути необходимых реформ, так как он привык действовать в прежнем духе, что не предполагало должной гибкости при руководстве экономическим развитием страны.

ЗАСЛОНЫ НА ПУТИ РЕФОРМ

230

Товарищ Чэнь Юнь был глубоко обеспокоен политикой открытых дверей, и его разногласия с Дэн Сяопином были довольно четко артикулированы.

Чжао Цзыян считал, что экономические реформы в Китае – это реформы, при которых в неразрывной связи между собой находятся осуществление политики самих реформ и политики открытых дверей. Одно, с его точки зрения, было немыслимо без другого.

Чжао Цзыян использовал ту ситуацию, что примерно той же точки зрения придерживался Дэн Сяопин. Во всяком случае, Дэн Сяопин понимал, что без открытости Китая для внешнего мира осуществление реформ в Китае невозможно. Конечно же, Дэн Сяопин при этом не желал допускать ничего такого в экономических связях с границей, что наносило бы вред политической и экономической социалистической системе в КНР.

Чэнь Юнь был согласен допускать лишь кое-что в той области, которую называли открытием Китая для зарубежья.

В 1980-х гг. в КНР образовались благоприятные условия для начала практического осуществления политики открытости. Разногласия между Дэн Сяопином и Чэнь Юнем по вопросу об открытости создавали возможность для активных действий Чжао Цзыяна.

Специальные экономические зоны были предложены Дэн Сяопином. Он дал согласие на создание таких зон в Шэньчжэне и Чжухае в провинции Гуандун, и в Сямэне в провинции Фуцзянь, а впоследствии и остальных. Чэнь Юнь всегда возражал против самой идеи создания специальных экономических зон. Он никогда не бывал ни в одной из них. Мне доводилось слышать, что он направлял своих гонцов в эти зоны, которые сначала возвращались с негативными докладами, но позднее эти доклады стали более позитивными. Но он всегда высказывал сомнения и возражения.
(С. 101)

Дэн Сяопин предложил создавать специальные экономические зоны (СЭЗ). Речь шла о «точечном» открытии Китая, то есть создания на побережье КНР целого ряда специально выделенных районов для организации в них более или менее широких и специальных связей с иностранным капиталом, с иностранными предпринимателями.

Судя по тексту воспоминаний Чжао Цзыяна, Дэн Сяопин дал согласие на создание ряда таких зон. (СЭЗ) Следовательно, Чжао Цзыян внес ряд предложений о создании СЭЗ, а Дэн Сяопин утвердил план создания некоторых из них. В то же время Чжао Цзыян подчеркивал, что Чэнь Юнь никогда не соглашался в принципе с созданием СЭЗ. Очевидно, что с точки зрения Чэнь Юня, через эти зоны в КНР должна была проникать недопустимая «буржуазная» или «капиталистическая» «зараза».

В декабре 1981 года на совещании секретарей парткомов провинций и городов центрального подчинения и во время своей беседы с руководителями Плановой комиссии, которые посетили его во время Праздника Весны, Чэнь Юнь подчеркивал, что первостепенной целью создания специальных экономических зон (СЭЗ) было экспериментирование и учеба. Он добавил, что СЭЗ нельзя более расширять, и что мы должны подмечать их негативные стороны.

Итак, Чэнь Юнь ориентировал партийных руководителей на то, чтобы они воспринимали создание СЭЗ лишь как эксперимент, как дело еще не вполне решенное. Более того, Чэнь Юнь считал, что надо пока только изучать, что получится из этих СЭЗ, что ни в коем случае нельзя их расширять, а также требовал от партийных руководителей подмечать негативные стороны СЭЗ.

Первоначально должно было быть больше СЭЗ вдоль морского побережья, в том числе в Шанхае и в провинции Чжэцзян. Но Чэнь Юнь сказал, что эти районы не для создания там СЭЗ. Этот регион, как поставил вопрос Чэнь Юнь, знаменит тем, что это место сосредоточения оппортунистов, которые будут, проявляя свои коммерческие способности, вылезать из всех щелей, если только дать им хотя бы малейший шанс. Отдел исследований Секретариата ЦК КПК, возглавляемый Дэн Лицюнем, также собирал материал, представлявший собой попытку доказать, что СЭЗ будут дегенерировать в «зоны иностранных концессий». На протяжении некоторого времени такого рода критические соображения были широко распространены; таков был результат воздействия Чэнь Юня и Дэн Лицюня.

Думается, что именно Чжао Цзыян изначально предлагал создать больше СЭЗ вдоль морского побережья, в том числе в Шанхае и в провинции Чжэцзян. Чэнь Юнь резко возразил против этих предложений.

Таким образом, с самого начала осуществления политики открытости, с начала 1980-х гг., на пути этой политики появился «двойной заслон».

Чэнь Юнь в качестве одного из двух главных теневого «хозяев» партии, не занимая формально официального поста руководителя ЦК КПК, предостерегал партийную номенклатуру против увлечения идеями СЭЗ. Это играло сдерживавшую роль.

В самом аппарате ЦК КПК активно действовал секретарь ЦК КПК Дэн Лицюнь, который возглавлял Отдел исследований Секретариата ЦК КПК.

Иными словами, наряду с «заслоном» на высшем уровне, появился и «идеологический заслон» Дэн Лицюня. Идеологическая работа в то время играла большую роль.

Таким образом, Чжао Цзыян, пользуясь согласием Дэн Сяопина, продвигал осуществление политики открытости в форме создания СЭЗ.

Чэнь Юнь и Дэн Лицюнь всячески препятствовали продвижению в этом направлении.

По вопросу об иностранных инвестициях Чэнь Юнь полностью расходился с Дэн Сяопином. Сяопин был уверен в том, что для развивающейся экономики, такой, как в Китае, трудно обойтись без иностранных инвестиций. Конечно, он занимался только главными вопросами и не вмешивался в то, как это можно было осуществить на практике. Однако он все это поддерживал: преференциальные займы, непреференциальные займы, совместные предприятия. Чэнь Юнь чрезвычайно настороженно относился к иностранным инвестициям. Предложение о совместном предприятии Шанхай-Фольксваген лежало у него дома на протяжении длительного времени, прежде чем он наконец дал свое согласие.

Чэнь Юнь был уверен в том, что прямые иностранные инвестиции – это не решение вопроса о развитии Китая. Он часто говорил, что иностранные капиталисты ищут не только нормальной выгоды, но «сверхвыгоды (сверхприбыли)». Иными словами, невозможно будет получить какие бы то ни было выгоды из прямых иностранных инвестиций. Он часто предостерегал Гу Му, который отвечал за внешнюю торговлю и экономические вопросы, требуя повышения бдительности. Он говорил, что преференциальные займы, предоставляемые Китаю иностранцами, предназначены для закупки (Китаем) оборудования. И хотя внешне они представляются преференциальными, однако цель (иностранных компаний) состоит в желании экспортировать свою продукцию, и что скидки по упомянутым займам делаются ради получения выгоды при продаже их продукции. Беря такого рода займы, мы лишаемся свободы выбора (при их использовании), но бываем обязаны покупать обговоренную продукцию. Прямые иностранные инвестиции без соответствующих ограничений требуют очень высоких процентов, чего мы не можем себе позволить.

На практике Чэнь Юнь противился всему, что предлагал Чжао Цзыян, ратуя за осуществление политики открытости Китая для внешнего мира. При этом Чэнь Юнь, как подчеркивал Чжао Цзыян, полностью расходился с Дэн Сяопином в вопросе об иностранных инвестициях.

Следовательно, и в вопросе об иностранных инвестициях Чжао Цзыяну удалось получить принципиальную поддержку Дэн Сяопина. В то же время Дэн Сяопин не занимался экономической конкретикой. Конкрет-

ную политику в сфере привлечения инвестиций из-за рубежа разрабатывал, предлагал и осуществлял, прежде всего, Чжао Цзыян.

Чэнь Юнь стремился вообще не допускать иностранных инвестиций, призывая к бдительности, а также к тому, чтобы видеть в предложениях инвестиций со стороны иностранных капиталистов только их стремление получать такую выгоду, которая фактически означала, что Китай не получал при этом ничего. Чэнь Юнь считал, что иностранные инвестиции это в принципе не решение вопроса о развитии Китая. По сути дела, это показывало, что Чэнь Юнь остался в прошлом, во времена правления Мао Цзэдуна, в 1950-х – 1960-х гг.

Он также был критически настроен в отношении совместных предприятий. Я ощущал, что в своих мыслях на эту тему Чэнь Юнь заклинил на теоретическом выражении «финансовый капитал», обнаруженном им в работе Ленина «Об империализме». (С. 102) После того как реформы были начаты, он перечитал работу Ленина «Об империализме». (С. 102–103) Как-то он сказал мне, что характеристика, данная Лениным, остается в силе, и что мы все еще находимся в эпохе империализма.

Этот пассаж из воспоминаний Чжао Цзыяна свидетельствует о том, что он не был начетчиком. Это проявлялось в понимании Чжао Цзыяном того, что жизнь не стоит на месте, что эпохи сменяют одна другую, что в 1980-х гг. уже нельзя было руководствоваться тем, что писалось об «империализме» в начале двадцатого века.

Чжао Цзыян также всегда в эти годы исходил из необходимости видеть реальную ситуацию в Китае, исходить из этой ситуации. Он не ориентировался на то, что когда-либо писалось или делалось в России до 1917 года и в СССР. Во всяком случае, с его точки зрения, это могло учитываться, быть неким подспорьем, но не образцом или моделью для решения вопросов современного ему Китая.

Чжао Цзыян был политиком, который исходил из проблем Китая и искал пути решения проблем, пригодные для Китая. Сочинения Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, опыт СССР не были для него ни учебником, ни образцом.

«Кампания нанесения сильных ударов по экономическим преступлениям» началась в прибрежных регионах в январе 1982 года. Она началась со срочного уведомления, разосланного от имени Центрального Комитета, и имела огромные последствия. В это время я находился в Чжэцзяне. Позднее я узнал о том, что эта кампания началась как ответ на доклад о контрабанде в Гуандуне, который был прислан в Центральную комиссию по проверке дисциплины.

На этом докладе Чэнь Юнь написал резолюцию, призывая нанести «мощный и окончательный удар, подобный удару молнии». Вслед за тем

Ху Яобан (генеральный секретарь ЦК КПК) провел заседание секретариата ЦК КПК, и вышло упомянутое срочное уведомление. В марте, после моего возвращения в Пекин, Центральный Комитет провел специальный симпозиум в провинциях Гуандун и Фуцзянь и распространил по всей стране документ, обобщающий итоги этого совещания, дав указания другим регионам действовать в духе этого документа. В апреле Центральный Комитет и Государственный Совет снова выпустили «Решение о нанесении мощного удара по серьезным экономическим преступлениям».

Итак, после смерти Мао Цзэдуна в 1976 году внутри правящей партии на несколько лет на первый план вышла борьба за руководящие посты и позиции. Активисты или «выдвиженцы» «культурной революции» были либо посажены под арест и отданы под суд, либо отстранены от власти.

К власти пришли, или на руководящих постах укрепились, главным образом либо «старейшины» партии, которые так или иначе пережили «культурную революцию» (Дэн Сяопин, Чэнь Юнь, Ли Сяньнянь), либо те, кто, также так или иначе, пострадали во время «культурной революции», до «культурной революции» еще не входили в высшие руководящие органы партии, но уже были членами ЦК КПК (Ху Яобан, Чжао Цзыян).

И здесь начало проявляться нечто новое по сравнению с периодом правления Мао Цзэдуна. «Возвращенцы» или «старейшины», оказались в весьма значительной части носителями идеологии, воспитанной при правлении Мао Цзэдуна, под воздействием Мао Цзэдуна. С их точки зрения, Мао Цзэдун, затеяв «культурную революцию», всего лишь несколько, «на тридцать процентов», отклонился от «правильной линии». В то же время «на семьдесят процентов» линия Мао Цзэдуна была, с их точки зрения, правильной. Даже в случае с Дэн Сяопином, который понимал, в известной степени, необходимость реформ, следовало продолжать бороться за «чистоту» «идей» Мао Цзэдуна, «за чистоту коммунизма» против «буржуазного либерализма».

Другие вообще исходили из того, что до «культурной революции» все было правильно.

Третьи считали, что даже во время «культурной революции» в сфере экономики, особенно в последние годы «культурной революции» и в первые годы после смерти Мао Цзэдуна, тоже все было правильно.

Одним словом, в стране и в партии после смерти Мао Цзэдуна обозначился раскол, началась и продолжается борьба двух альтернатив, двух путей развития Китая.

Один из них – старый путь Мао Цзэдуна лишь с некоторыми поправками, с учетом современных требований, которые невозможно не учитывать при любых обстоятельствах.

Другой – это путь либерализации, экономической либерализации и политической либерализации.

Народ и страна, а, следовательно, и партия, нуждаются в такой либерализации. Она отвечает их насущным интересам.

Именно как выразители интересов народа и страны, самых широких масс, и появились политические деятели, со всей принципиальностью, решительностью и убежденностью выступавшие за упомянутую либерализацию. Это были, прежде всего, Ху Яобан, Чжао Цзыян, Вань Ли.

Им пришлось действовать в условиях, когда надо было преодолевать сопротивление мощных заслонов на уровне практически большинства «старой гвардии», старых руководителей и членов партии, да и определенной части общества.

Они действовали методом постепенного продвижения, причем, во многих случаях, путем точечных прорывов, экспериментальных действий. Одним словом, речь шла о мирной эволюции, об эволюционном сдвиге от старой маоцздуновской модели общества к новой его модели.

Чжао Цзыян рассказывает о том, как трудно было начинать борьбу за эту экономическую либерализацию, за экономические реформы в начале 1980-х гг.

Ху Яобан и Чжао Цзыян при определенной поддержке Дэн Сяопина начали экономические реформы, пошли на послабления в сфере экономики, которые были необходимы для ее оживления.

Чэнь Юнь и его сторонники были настроены жестко. Они использовали такой мощный инструмент, как Центральная комиссия по проверке дисциплины.

Дело в том, что в то время в партии фактически существовали две «линии» высшего руководства. Официально на «первой линии» руководили Ху Яобан и Чжао Цзыян. На «второй линии», то есть на формально называвшейся «второй» линией, находились реальные «хозяева партии», не занимавшие главных официальных постов в партии, но обладавшие решающим голосом при принятии решений: Чэнь Юнь и Дэн Сяопин, Дэн Сяопин и Чэнь Юнь.

При этом Дэн Сяопин «полуподдерживал» реформы. А Чэнь Юнь пристально следил за тем, чтобы не внедрялось ничего нового по сравнению с тем, к чему он привык в 1950-х гг.

Кроме этих «двух линий» у партии фактически были два центральных комитета. Один – официальный ЦК КПК. Другой – назывался Центральной комиссией по проверке дисциплины (руководителем этой Комиссии был Чэнь Юнь). Один должен был решать реальные проблемы, другой осуществлял надзорные функции за первым.

При таких обстоятельствах «первой линии» и официальному ЦК партии разрешалось решать практические проблемы. «Вторая линия» и Центральная комиссия по проверке дисциплины были надзорными, контролирующими органами, которые бдительно следили за деятельностью «первой линии» и официального ЦК КПК.

Так оказывалось, что Ху Яобан и Чжао Цзыян имели определенные права и обязанности и в то же время постоянно находились под контролем и подозрением.

Дэн Сяопин и Чэнь Юнь имели власть, но не отвечали ни перед кем за свои действия. Как и при Мао Цзэдуне у них была власть без ответственности, во всяком случае, без формальной ответственности перед законом, перед Конституцией государства, или перед Уставом партии.

В данном случае с подачи Центральной комиссии по проверке дисциплины и Чэнь Юня ЦК КПК и ГС КНР должны были осуществлять по всей стране кампанию, которая именовалась «борьбой против экономических преступлений».

Так Ху Яобан и Чжао Цзыян оказались в ситуации, когда им нужно было и продолжать осуществлять экономические реформы, и, хотя бы формально, доказывать «старейшинам», что они ведут борьбу против упомянутых «экономических преступлений».

В 1981 г. реформы все еще были внове. Кампания, развернувшаяся в масштабах всей страны, и осуществлявшаяся в прибрежных регионах, нанесла огромный ущерб реформам. Реформы оживили экономику, но одновременно привели к активизации таких явлений как контрабанда, спекуляция, взяточничество, и хищение государственной собственности. Но все это нужно было делать на основе индивидуального подхода к каждому такому случаю.

Чжао Цзыян вскрывал суть различий в подходе к экономическим реформам. С его точки зрения, против разного рода экономических преступлений следовало бороться не «глобально», а «индивидуально», то есть на основе индивидуального подхода к каждому такому случаю.

Чэнь Юнь и другие, в известной степени подражая Мао Цзэдуну, требовали осуществлять по всей стране широкую массовую кампанию. Вся разница была в том, что Мао Цзэдун призывал карать за «политические преступления», а Чэнь Юнь – «за экономические преступления».

Чэнь Юнь тонко чувствовал, что все начинается с экономики, а может дойти и до идеологии и политики. По сути дела, Чэнь Юнь защищал «бастион идей Мао Цзэдуна», в первую очередь его «экономический редут», подвергшийся, с его точки зрения, атаке сил, ратовавших за «экономическую либерализацию».

Вместо этого, масштабы проблемы были завышены, и были приняты не надлежащие решения. Неизбежные обстоятельства, сопровождавшие усилия по смягчению правил в интересах стимулирования экономики, были охарактеризованы как «результат саботажа и эрозии нашей системы классовыми врагами, которые использовали вводящее в обман капиталистическое мышление».

Было также заявлено, что «буржуазный образ жизни находится на подъеме». И было предложено, чтобы «с настоящего момента борьба против коррупции, возникающей под воздействием упадочнических буржуазных идей, должна быть усилена. Ударение делается на сохранении чистоты коммунизма в процессе реформ».

С самого начала процесса реформ или попыток осуществления реформ, причем реформ еще не политического, а экономического характера в Китае, возникла идеологическая и практическая борьба.

Силы, противодействовавшие реформам, силы, главными фигурами среди которых выступали, прежде всего, Чэнь Юнь, Ли Сяньнянь, Дэн Лицзюнь, Ху Цяому, поставили вопрос максимально резко.

Они фактически обвиняли сторонников реформ, а, следовательно, это, так или иначе, относилось, и к Чжао Цзыяну, и он это прекрасно понимал, в том, что сторонники реформ – это классовые враги, это те, кому присуще капиталистическое мышление, кто руководствуется упадочническими буржуазными идеями. Борьбу против сторонников реформ предлагалось считать борьбой за сохранение чистоты коммунизма.

Чжао Цзыян предлагал видеть вводившиеся им меры как усилия в интересах стимулирования экономики.

Это означало, что Чжао Цзыян руководствовался убеждениями, которые созрели у него в ходе практической деятельности, вероятно, на протяжении десятилетий в годы КНР.

Он видел, что при системе, за которую ратовали Мао Цзэдун и Чэнь Юнь, было невозможно стимулировать развитие экономики страны.

А без стимулирования развития экономики страны было невозможно решать проблему улучшения жизни народа в Китае.

Вот в чем была главная идея Чжао Цзыяна.

Поэтому его не пугали обвинения в нарушении чистоты коммунизма. Он прекрасно видел, что для Чэнь Юня, да и для Дэн Сяопина, чистота коммунизма была чистотой главного в идеях Мао Цзэдуна, чистотой сформированной им политической и экономической системы.

Чжао Цзыяна было невозможно запугать такими ярлыками, как капиталистическое мышление и буржуазные идеи.

При столкновении двух альтернативных путей развития Китая для Чжао Цзыяна главным была забота о реальной экономической жизни народа, если говорить об экономических реформах. И при этом бедственное положение людей в Китае, как хорошо видел и знал Чжао Цзыян, вызывалось именно проведением экономической политики Мао Цзэдуна, прикрытой осуждением капитализма и буржуазии.

Такой метод навешивания ярлыков и то, каким образом эта кампания проводилась, с неизбежностью сказались на вопросах, которые возникали по ходу реформ. Преувеличенная реакция на контрабанду в Гуандуне и в

других прибрежных регионах в значительной степени обусловлена возражениями товарища Чэнь Юнь и его подозрениями в отношении реформ и экономического стимулирования. Он был уверен в том, что это опасная политика.

Когда было внесено предложение нанести удар по экономическим преступлениям, было объявлено, что в специальных экономических зонах должно осуществляться «плановую экономику как что-то первостепенное, рыночное урегулирование как что-то вспомогательное». (С. 103)

Это делало специальные экономические зоны бессмысленными. (С. 103–104) Он (Чэнь Юнь) также объявил об усилении контроля над внешней торговлей: не должно было быть никакой торговли или экономической активности с иностранцами, за исключением тех случаев, когда в это вовлечены компании, назначенные государством, и все это должно было осуществляться в соответствии с официальными правилами и процедурами. В результате некоторые силы в стране, которые уже были вовлечены в специальные экономические зоны, были отстранены. Он также установил правила увеличения квот на сельскохозяйственную и продукцию и продукцию сельских промыслов, которые надо было в обязательном порядке сдавать государству, и правила сокращения объемов продукции, имеющей высокие цены. Он затем предложил ограничить дополнительные выплаты рабочим в прибрежных регионах до уровня, который был лишь немногим выше, чем такой же уровень во внутренних провинциях.

Если Чжао Цзыян вводил ряд мер, способствовавших развитию экономики, то Чэнь Юнь вводил ряд мер, которые препятствовали развитию экономики.

Удар по экономическим преступлениям обернулся кампанией против экономической либерализации. Это отбросило назад те силы, которые развивали экономику. Разрешение провинциям Гуандун и Фуцзянь осуществлять особую и гибкую политику, было сведено почти к нулю.

Чжао Цзыян прямо сказал о борьбе за и против того, что он назвал экономической либерализацией.

С его точки зрения, дело было не в «измах», а в обеспечении существования и жизни народа. А это можно было осуществить только в результате проведения политики экономической либерализации.

Осуществлять экономическую либерализацию в Китае пришлось, преодолевая с самого начала заслоны, которые ставили мощные силы внутри самой правящей партии Китая. Их первое выступление проходило под лозунгом кампании борьбы против экономических преступлений.

Чэнь Юнь играл главную роль в создании такой ситуации. Спусковым крючком здесь послужил доклад Центральной комиссии по проверке дис-

циплины, однако без директив указаний Чэнь Юня, которые были реакцией ответом на этот доклад, такой кампании не было бы. Ху Цяому (консервативный член Политбюро, который в свое время был секретарем Мао) также сыграл очень вредную роль.

Дэн Сяопин, возможно, не осознавал серьезность ситуации, потому что он всегда пытался, с одной стороны, осуществлять реформы, с другой стороны, обуздывать экономические преступления. Казалось, что он не был обеспокоен тем, как могла сказаться эта кампания на осуществлении реформ в целом. Оба, Ху Яобан и я, были поставлены в пассивное положение. Хотя срочное уведомление было выпущено заседанием Секретариата под председательством Ху Яобана, он, в этом случае, просто выполнял приказ.

Хотя совещание в провинциях Гуандун и Фуцзянь проводили мы оба, и оба мы выступали на этом совещании, мы были ограничены. Во время совещания товарищи из обеих провинций выражали глубокую озабоченность. Они были уверены в том, что такая кампания затруднит осуществление любых особых политических установок или гибких мер. С одной стороны, мы оба призывали их принять уведомление Центрального Комитета, но, с другой стороны, нам было необходимо побудить товарища Чэнь Юня защищать программу реформ в максимально возможной степени, минимизировать вред тому блестящему положению, которое реформы принесли прибрежному региону.

В то время возникли и существовали сложные взаимоотношения в «четырёхугольнике», составленном из главных реальных руководителей партии и государства: Ху Яобан, Чжао Цзыян, Дэн Сяопин, Чэнь Юнь.

Здесь, в этом рассуждении Чжао Цзыяна, просвечивает тот факт, что Ху Яобан и Чжао Цзыян были на одной стороне, были убежденными сторонниками либерализации, в данном случае, экономической либерализации, то есть экономических реформ, а еще конкретнее политики открытости морского побережья Китая для внешнего мира.

Им способствовало то, что Дэн Сяопин, по крайней мере, с одной стороны, оказывал поддержку проведению таких реформ.

В то же время они не могли исходить из того, что Дэн Сяопин полностью находится на их стороне.

Наконец, что касается Чэнь Юня, то с ним, прежде всего, приходилось считаться, ибо у него в партии был тогда большой авторитет.

Чжао Цзыян и Ху Яобан полагали, что существует возможность убеждать Чэнь Юня в необходимости осуществления программы реформ. При этом в работе с Чэнь Юнем они опирались на реальные успехи в сфере экономики в тех районах страны, прежде всего на морском побережье, где и начиналось действительно болезненное, но и благотворное, открытие Китая внешнему миру.

И в то же время даже в первые годы реформ, когда их необходимость была в принципе ясна или, во всяком случае, прямо никем не оспаривалась, Ху Яобан и Чжао Цзяян оказались в пассивном положении, руки у них были связаны. Они были вынуждены, прежде всего, позицией Чэнь Юня, но и отношением к делу Дэн Сяопина, от имени ЦК партии и правительства страны выступать с документами и речами, отражающими требования бороться против того, что именовалось экономическими преступлениями.

Во время этого совещания товарищ Чэнь Юнь предложил переместить Жэнь Чжунъи, секретаря провинциального комитета КПК провинции Гуандун. Он был уверен в том, что в таких местах, как Гуандун и Фуцзянь, не должно быть таких руководителей, как Жэнь Чжунъи, который был «такой умный», но должны быть руководители, которые были бы принципиальными, или, говоря словами Чэнь Юня, «такими же твердыми, как несгибаемый ноготь». (С. 104)

Весьма характерным для Чэнь Юня представляется предпочтение им в качестве исполнителей его политической воли не тех, кто «такие умные», а тех, кто «тверды как несгибаемый ноготь». Для политических систем, типа маоцзэдуновской, нужны «винтики», «твердокаменные», те, из кого «можно делать гвозди», те, у кого «Мао Цзэдун в башке» и «наган в руке».

Яобан и я неоднократно обращались к нему до тех пор, пока Чэнь Юнь, наконец, уступил. Причина этого состояла в том, что он не смог быстро предложить подходящего кандидата. У одного кандидата, которого он предложил, были проблемы со здоровьем, поэтому он был вынужден уступить.

Кампания, которая продолжалась более года, вызвала массу проблем. Некоторые ошибки или недостатки в работе у тех или иных людей, были приняты за преступления. Было множество обвинений без преступлений под ними и суровые наказания на незначительные проступки. Ситуации, которые изначально виделись как польза от реформ, рассматривалась как спекуляция или растрата.

Например, следующие действия считались преступлениями: когда технические специалисты, работавшие на коллективы, имели свой частный бизнес или оплачиваемую работу в свое свободное время; когда организации, которые использовали избыточную иностранную валюту, которую им разрешалось оставлять у себя после того, как они экспортировали товары или занимались торговлей на основе другой валюты; когда имели место расходы на внешние связи между поставщиками и их торговыми партнерами. Многих людей осудили безвинно. Позднее, эти дела должны были быть пересмотрены, и репутации восстановлены.

Все это побуждало людей начинать испытывать сомнения относительно реформ. Они не знали, что же было позволено, а что нет. Они были в замешательстве. Некоторые товарищи, работавшие в сфере экономики, должны были подождать и посмотреть, прежде чем предпринимать какие-либо действия. Кое-кто из поставщиков и торгового персонала отказывался выходить на работу на протяжении нескольких месяцев.

В результате уведомления Центрального Комитета работники дисциплинарных и организационных учреждений по всей стране, которые придерживались своих традиционных взглядов и которые чувствовали себя не в своей тарелке, когда дело касалось реформ, взяли привычку ходить на фабрики или предприятия, чтобы проводить раз за разом инспекции и расследования, что вызывало страшную головную боль у предпринимателей. Многие программы реформ оказались заморожены.

Разногласия наверху сказывались ущербом для реформ на местах.

При бюрократической системе, существовавшей в то время в КНР, было множество учреждений, которые номинально должны были осуществлять функции контроля и слежения за соблюдением дисциплины. В этих учреждениях работали многие тысячи людей. Это были кадровые работники партийного и государственного аппарата.

Когда Чэнь Юнь вдохновил начало кампании борьбы против экономических преступлений, они рьяно взялись за привычное для них занятие. Это сковывало действия активных деловых людей по всей стране.

Осенью 1988 г. имели место опасения относительно проекта в Янпу на острове Хайнань.

Район Янпу был трудно осваиваемой заброшенной землей. И для нас было трудно освоить его, но если бы мы сдали его в аренду иностранным бизнесменам, они могли бы быстро освоить и развить этот район. Сюй Шицзе (секретарь парткома острова Хайнань) и Лян Сян (губернатор острова Хайнань) вошли в контакт с Кумагай Куми (сянганским филиалом японской строительной компании) с таким предложением, и компания согласилась вложить несколько миллиардов.

Я доложил о проекте Янпу Чэнь Юню, но он не выразил своего мнения. Тогда я доложил об этом Дэн Сяопину, который очень поддержал и сказал, что это должно быть сделано быстро.

В это время многие в стране еще не имели возможности осмыслить это и согласиться с этим. В прошлом Китай был превращен в колонию или в полуколонию, поэтому люди были очень чувствительны, когда дело касалось суверенитета. (С. 105) Чжан Вэй (проректор Университета Цинхуа) провел исследование и написал доклад, заявив, что большие участки земли, сданные в аренду иностранцам, существовали как независимые территории внутри государства, под этим подразумевалась продажа суверенитета. Это превратилось в важный вопрос в ВСНП в 1989 г., выз-

вало волнения. Сьюй Шицзе дал объяснения в ВСНП, но многие не желали слушать его; оппозиция была яростной. Мне не известно, были ли у оппозиции скрытые (неблаговидные) мотивы, но они были настроены решительно отменить проект, и хотели призвать чиновников с острова Хайнань к ответственности.

Судя по высказываниям Чжао Цзыяна, он был человеком, свободным от предрассудков, которыми наполняли свои идеологические послылы и Мао Цзэдун, и Дэн Сяопин и их приверженцы и последователи.

Дело тут касается утверждения о том, что Китай в прошлом был полукOLONиальным и полуфеодальным обществом, что Китай обижали и оскорбляли иностранцы, что из-за этого Китай оказался слабым и униженным. Из этого делался вывод о необходимости требовать от иностранцев «склонить голову и признать вину», понять, что «долг крои придется платить кровью», понять, что они, иностранцы, находятся, и будут находиться, в вечном долгу перед китайцами как нацией.

В то же время в Китае были и есть люди, которые исходят из того, что то, что происходило в Китае в два предшествующих столетия – это, прежде всего, результат внутренней слабости самого Китая, результат политики его правителей, чем пользовались те или иные иностранцы.

Однако с тех пор прошло много времени. Нынешний Китай – это далеко не Китай прошлых лет.

Поэтому сегодня необходимо сосредоточиться на решении проблем современного Китая. Помнить об истории, но не заклиниваться на требованиях к тем или иным иностранцам признать свою историческую вину перед китайцами. Пожалуй, единственное исключение это зверства японских оккупантов на территории Китая в 1931–1945 гг.

Нет также необходимости считать, что в настоящее время или в будущем возможно вновь превращение какой-либо части Китая, если сдать землю в аренду, в территории, которыми будут управлять иностранцы. Чжао Цзыян исходил здесь из того, что Китай давно стал иным, и все упомянутое больше в принципе никогда не возможно, и бояться этого не следует. Чжао Цзыян полагал, что при открытии Китая для внешнего мира в 1980-х гг. можно исходить из ситуации сегодняшнего дня, извлекать выгоду из сдачи в аренду участков земли Китая, если сам Китай пока не может их окультурить, и извлечь из такой сдачи в аренду пользу для развития Китая.

В то же время в 1980-х гг. в ВСНП были сильны возражения против «продажи суверенитета».

Чжао Цзыян считал такие взгляды устаревшими. Думается, что здесь можно подумать и о том, что, не в пример Дэн Сяопину, Чжао Цзыян не выдвигал никаких предварительных условий перед нашей стороной в процессе подготовки нормализации наших двусторонних отношений.

Когда Ли Сяньнянь (старейший член партии) узнал о том, что проект Янпу продвигает Тянь Цзяюнь (заместитель премьера ГС КНР), имея мое одобрение, он написал документ, обвиняя проект в том, что это «утрата чувства собственного достоинства, оскорбление нашей нации, предательство суверенитета нашей нации». Это был еще один пример сопротивления Ли Сяньняня реформам и его бдительности, находившей проявление в поисках возможности атаковать меня, и подстрекать других быть в оппозиции ко мне. До того времени у меня никогда не было никаких конфликтов с товарищем Ван Чжэнем (старейшим в партии), и я всегда был в состоянии обсуждать с ним вопросы и добиваться его поддержки. Однако положение изменилось в 1988 г., когда он начал активно быть в оппозиции ко мне. После событий 4 июня он обвинил меня в том, что я «контрреволюционер», и «находящийся за сценой хозяин жалкой кучки конспираторов». Изменение его настроения, возможно, было результатом работы Ли Сяньняня и Дэн Лицюня.

Ли Сяньнянь также направил письмо товарищу Дэн Сяопину, осуждая проект. Дэн не был в курсе деталей, однако после того, как он увидел, как много людей находится в оппозиции к этому проекту, он сказал: «В настоящее время этот проект не должен быть пущен в ход». Как раз перед этим товарищ Чэнь Юнь тоже направил мне документ и попросил меня «проявлять осторожность в этом деле».

В центре противоречий находился вопрос о суверенитете, поэтому я поручил подготовить детализированный документ, объясняющий, почему освоение и развитие Янпу не имеет никакого отношения к вопросу о суверенитете. Я направил письмо и некоторую информацию Дэну. Я писал: «Является ли сдача в аренду выгодной сделкой или нет, это может быть изучено. Однако это не имеет абсолютно никакого отношения к суверенитету».

Позднее, когда Дэн спросил меня о деталях, я сказал: «Янпу это совершенно непригодная земля. Если мы не сдадим ее в аренду иностранному бизнесу, то на протяжении десяти или двадцати лет она будет все так же оставаться совершенно непригодной землей. Если же мы сдадим ее в аренду, и они не побоятся вложить несколько миллиардов сянганских долларов, чего нам тут бояться? Абсолютно противно всякому здравому смыслу утверждать, что это затронет наш суверенитет».

Дэн ответил: «Это хорошая мысль. Мне это не было ясно раньше». (С. 106)

Позднее руководители острова Хайнань Лян Сян и Сюй Шицзе написали непосредственно Дэн Сяопину, чтобы разъяснить детали плана развития района Янпу. Прочитав это письмо, Дэн отправил его мне с комментарием: «Изначальные обвинения не были точными. Я говорил о том, чтобы не приступать в настоящее время, но если ситуация иная, как разъяснено в этом письме, тогда мы должны приступить с энтузиазмом». И хотя Ван Чжэнь (старейший член партии) никогда не проявлял энтузи-

азма в отношении экономических реформ, после того, как я рассказал ему о соображениях Дэн Сяопина, он также выразил согласие.

Чжао Цзыян выступал за то, чтобы те участки земли, которые были непригодны для освоения, которые в Китае оставались бы в этом состоянии на десятки лет, сдавались в аренду иностранцам, что приносило бы выгоду Китаю.

Силы, противодействовавшие экономическим реформам, прежде всего, Чэнь Юнь, а также Ли Сяньнянь, ставили препятствия на этом пути. Они пытались превратить вопрос об экономической выгоде для Китая, вопрос, никоим образом не затрагивавший суверенитет Китая, в политический вопрос.

Ли Сяньнянь утверждал, что тут имеет место оскорбление нации и предательство суверенитета нации. Важно отметить, что борьбу против Чжао Цзыяна эти люди вели под предлогом защиты интересов нации, а не только коммунизма и революции, а также интересов классово-борьбы.

По сути дела, политические ярлыки наклеивались, прежде всего, с той целью, чтобы подорвать авторитет Чжао Цзыяна.

Дэн Сяопин, как это случалось неоднократно, занимал позицию в зависимости от обстоятельств. Он то советовал не торопиться с осуществлением сдачи земли в аренду на острове Хайнань, то соглашался с тем, что это экономически выгодно и не ущемляет суверенитет Китая.

Ван Чжэнь то выступал против сдачи земли в аренду, то, следуя за изменениями в позиции Дэн Сяопина, не возражал против этого. Ван Чжэнь был типичным приверженцем и последователем Дэн Сяопина. После событий 4 июня 1989 г. он яростно нападал на Чжао Цзыяна, называя его «контрреволюционером» и закулисным хозяином жалкой кучки конспираторов.

Мы говорим здесь о Дэн Сяопине, Чэнь Юне, Ли Сяньняне и Ван Чжэне, прежде всего, потому, что о них говорил Чжао Цзыян.

Каждое из этих имен было символом целой группы влиятельных функционеров партии, которые занимали именно такие позиции в отношении экономических реформ, о которых рассказал Чжао Цзыян. Все это показывает сложность ситуации, в которой Чжао Цзыяну приходилось продвигать дело реформ в Китае.

Если говорить о прошлом, то для Китая было не легким делом осуществлять политику реформ и открытости. Ведь как только возникали вопросы, касающиеся отношений с иностранцами, люди проявляли страх, и появлялось множество обвинений в адрес реформаторов: люди боялись того, что их будут эксплуатировать, что наш суверенитет будет подрываться или наша нация будет страдать от оскорблений.

Я подчеркивал, что тогда, когда иностранцы вкладывают деньги в Китае, они опасаются изменений в политике Китая. Но чего бояться нам? Например, были голословные утверждения, что специальные эконо-

мические зоны могут стать колониями типа Аомэня; при этом подчеркивалось то, что изначально Аомэнь был сдан в аренду португальцам для того, чтобы они имели возможность сушить там свои рыболовные сети, а в конечном счете превратился в их колонию. Однако династия Цин была коррумпирована и бессильна, а это совсем не то, что в случае с Республикой Народов Китая. Опасения существуют только у иностранцев; это они опасаются, что Китай может взять, да и пересмотреть предыдущие соглашения, и даже конфисковать их инвестиции. Но какие есть основания у китайцев бояться иностранцев? Если они инвестировали свои капиталы в Китае, чего тут бояться Китаю?

Другим примером такого рода является пробное бурение в целях разведки нефти в прибрежных морских водах. Здесь нам был нужен иностранный капитал, но при заключении контрактов с нашей стороны выдвигалось слишком много требований, просто из опасений, что мы будем подвергаться эксплуатации. Такой подход был слишком консервативным, и представлял собой копание в мелочах, при этом терялось видение стратегических интересов.

В общем и целом, некоторые боялись быть эксплуатируемыми. Китай закрывал свои двери на многие годы во имя независимости и опоры на свои силы, но фактически это была самоизоляция, изоляция, которую мы сами навязали себе. Цель осуществления политики открытых дверей была в том, чтобы осуществлять внешнюю торговлю, торговлю с иностранцами, чтобы в результате такой торговли получать то, что было нам необходимо, в чем мы нуждались. Кое-кто был смущен, опасался оказаться в положении опозоренных, при мысли об импорте. Но что тут было позорного? Мы же не милостыню просили! Речь шла о взаимном обмене, который тоже был формой опоры на свои силы. Этот вопрос стал причиной того, что мы совершили много дорого стоивших нам ошибок. Это было проявление ментальности закрытого ума, провал попыток понять, как извлечь выгоду из нашей собственной силы.

Премьер Госсовета Ли Пэн тоже не поддерживал проект Янпу. (С. 107) Он дал приказ управлению специальных экономических зон, в котором сказал, что осуществление проекта развития Янпу не должно начинаться без получения разрешения (уведомления) Государственного Совета. (С 107–108) В результате проект был отложен в долгий ящик. Ли Сяньянь и Ли Пэн совместно нанесли ущерб развитию Янпу, и было очень трудно восстановить это впоследствии (оздоровить ситуацию впоследствии).

Чжао Цзыян выделялся среди руководителей Китая в 1980-х гг. тем, то он сумел по-новому взглянуть и на историю взаимоотношений Китая с иностранцами, и на место Китая в нынешнем мире.

Против Чжао Цзыяна внутри партии, в правительстве КНР, в стране выступали люди, которые, с одной стороны, были политическими про-

тивниками Чжао Цзыяна и использовали разного рода политические ярлыки и обвинения для прикрытия желания убрать Чжао Цзыяна с его постов, но, с другой стороны, они руководствовались ставшими привычными за годы КНР представлениями о взаимоотношениях Китая и иностранцев.

Здесь для них на первый план выходила мысль о том, что иностранцам удалось на протяжении длительного времени ущемлять независимость и самостоятельность Китая, его суверенные права, пользоваться частями его территории в своих интересах.

Отсюда рождалось желание закрыть двери Китая, самоизолироваться, не допускать новых унижений, нового национального позора. Это делалось под предлогом защиты независимости и опоры на собственные силы.

Чжао Цзыян видел, что ситуация в мире изменилась. Изменилось и положение Китая в мире.

В прошлом остались времена, когда кто-то в мире имел возможность обижать Китай, ущемлять его суверенитет.

Чжао Цзыян доводил до своих соотечественников простую и обобщенную мысль о том, что в настоящее время ни народ Китая, ни руководители Китая больше не находятся в положении тех, кого можно обидеть, чьему суверенитету можно нанести ущерб.

Все это осталось в прошлом.

Чжао Цзыян подчеркивал, что в настоящее время иностранцы опасаются того, что Китай может менять условия соглашений между Китаем и внешним миром.

Китаю же бояться тут совершенно нечего.

Поэтому тогда, когда речь шла об аренде или о торговых, или экономических отношениях, то это теперь только сделки, приносящие пользу обеим сторонам. Для Китая, во всяком случае, речь при этом идет о его экономической выгоде.

В этом Чжао Цзыян и видел цель осуществления политики открытости Китая для внешнего мира.

Чжао Цзыян, в частности, указывал на то, что тормозом реформ стали совместные усилия Ли Сяньяня, который руководил экономикой страны во время «культурной революции» и в первые годы после нее, и Ли Пэна, который стал руководить ГС КНР в конце 1980-х гг. Оба они нанесли экономический ущерб Китаю. Это оказалось возможным в ситуации, когда Дэн Сяопин принимал половинчатые решения, а Чэнь Юнь способствовал такого рода торможению процесса экономических реформ.

Я буду говорить о другом вопросе, связанном с рынком недвижимости и с привлечением иностранного бизнеса для широкомасштабного развития: речь идет о проблеме покупки и продажи с целью получения

быстрой выгоды (прибыли в короткие сроки) (скептики называли это «спекуляциями с помощью получения специальных лицензий»). Если бы мы могли решить эту проблему, тогда открытие рынка недвижимости могло бы в значительной степени приносить нам выгоду, шло бы на пользу нашим реформам, так как это способствовало бы быстрому развитию городов и улучшению инвестиционной среды. Подход к земле как к товару, превращение ее в то, что доступно для обмена на рынке, и формирование (создание) индустрии недвижимости – все это были вопросы перво-степенной и огромной важности, главные вопросы политики. На протяжении многих лет Конституция ограничивала передачу или сдачу земли в аренду, поэтому вопрос оставался не решенным в течение длительного периода времени.

В начале реформ, только Шэньчжэнь был тем местом, где разрешалось сдавать землю в аренду. Это земля была сдана в аренду Ху Инсяну (сянганскому бизнесмену, более известному как Гордон У) с целью развития (освоения). В свое время это было тем вопросом, который вызвал большие дебаты. При этом аргументом служило утверждение о том, что территория, предназначенная для сдачи в аренду, слишком велика.

В ранние дни осуществления реформ первая проблема на пути привлечения иностранцев с целью открывать фабрики и заниматься бизнесом (в Китае) состояла в том, что наша инфраструктура была недостаточно хороша. Для того чтобы создать инфраструктуру, мы нуждались в крупных инвестициях. И поскольку у нас таких денег не было, дело зашло в тупик. Что же касается зон развития (освоения земли), то все это начиналось следующим образом: прежде всего сама земля (территория) осваивалась (окультуривалась), она превращалась в землю, представлявшую собой товар, затем туда подводились вода, электричество и дороги, создавались основные объекты инфраструктуры, и только потом строились фабрики, промышленные объекты и административные управленческие здания. Подсчеты, которые были сделаны в то время, показывали, что один квадратный километр при этом требовал затрат в сто миллионов юаней; сегодня, возможно, и больше. Поэтому темпы создания зон развития были очень низкими.

Вероятно в 1985 или в 1986 г., когда я говорил с Хо Индуном (сянганский миллиардер, более известный как Генри Фок) и упомянул о том, что у нас нет средств для развития городов, он спросил меня: «Если у вас есть земля, то, как это может быть, что у вас нет денег?»

Я, было, подумал, что это странное замечание. Владение землей – это один отдельный вопрос, а нехватка средств – это совсем иной вопрос. И в какой связи одно находится с другим? Он сказал: «Если городские власти имеют землю, тогда они должны иметь разрешение сдавать в аренду часть этой земли, получать определенные доходы, и позволить другим людям развивать (или осваивать) землю». (С. 108)

Чжао Цзыян был подлинным мотором экономической либерализации или экономических реформ в Китае. Он рождал идеи, он предлагал воплощать их в жизнь.

Ему принадлежала конкретная разработка мысли о проведении политики открытости Китая.

Он выдвинул мысль о том, что прибрежные районы Китая, китайское побережье, с северо-востока до юго-запада, это «золотое побережье». Он считал, что Китай может начать экономически развиваться именно за счет развития, в первую очередь, этого «золотого побережья».

Он выступал за то, чтобы при выгодных для Китая условиях, не допуская никакого ущерба для суверенитета Китая, сдавать некоторые участки земли в аренду иностранцам.

Он в свое время поддержал стихийное движение крестьян за возвращение ими себе своих земельных наделов, то есть за фактическую ликвидацию политики, проводившейся Мао Цзэдуном, при правлении и под воздействием Мао Цзэдуна, то есть политики кооперирования сельского хозяйства, а затем создания в деревне «коммун народа».

Фактически тогда Чжао Цзыян поддержал переход земли на практике в руки крестьян, каждой крестьянской земли. Хотя по Конституции КНР земля оставалась собственностью государства, но на практике Чжао Цзыян тогда содействовал осуществлению в Китае принципа, выдвинутого Сунь Ятсеном: «Каждому пахарю свое поле».

Очевидно, что к такому выводу Чжао Цзыян пришел за долгие годы практической работы на различных постах еще при жизни Мао Цзэдуна.

После смерти Мао Цзэдуна, при начале и разворачивании экономических реформ в Китае, Чжао Цзыян пошел дальше. Он подумал о возможности и выгоде для народа Китая взгляда на землю как на товар, если речь шла об освоении земель и развитии экономики в результате привлечения в Китай капитала иностранцев, в первую очередь, китайцев по происхождению.

Именно по инициативе Чжао Цзыяна в КНР начали сдавать землю в аренду при создании СЭЗ. Это принесло народу и стране большие выгоды.

И действительно, я заметил, как быстро строятся в Сянгане здания и улицы. (С. 108–109) Место может быстро преобразиться. Но для нас это было очень трудно.

Я подумал, что в том, что он говорил, был свой резон, поэтому я предложил ему поехать в Шанхай и поговорить там с мэром и секретарями парткома. Мне не известно, ездил ли он туда. Его взгляды побудили меня задуматься. У нас была земля, но не было денег. В то же время власти Сянгана ежегодно выставляли на аукцион участки земли, что не только приносило выгоду властям, но и позволяло району быстро развиваться.

Я подумал об этом позднее, когда побывал в Шанхае. Район Пудун расположен на другом берегу реки как раз напротив центра Шанхая.

В целях развития Шанхая заняться строительством именно в этом районе (районе Пудун) – это требовало меньше вложений, и было более эффективным. Район Пудун был чрезвычайно удобно расположен. Однако для того, чтобы развивать этот район, нам была необходима огромная сумма денег, чтобы создать инфраструктуру, и затем привлечь иностранный бизнес.

Примерно в 1987 г. Шанхай обратился к американцу китайского происхождения Линь Тунъяню (основателю компании «Т.Я. Линь Интернэшнл»), чтобы он поговорил со мной в Пекине. Он спросил, нельзя ли взять в аренду Пудун. Срок аренды был довольно длительным: от 30 до 50 лет. Беря землю в аренду, он нуждался в праве трансферта. Тогда инвесторы могли получить займы на ипотеку из банков. Я спросил, думает ли он, что иностранцы захотят инвестировать после трансферта земли, и что еще было необходимо. Он сказал, что это легко, и что в условиях специальной экономической зоны нет необходимости; условия экономической зоны Миньхан в Шанхае были достаточны. Я подумал, что предлагавшиеся им условия были даже более выгодны для нас, чем условия в зоне Миньхан, тем более еще и, имея в виду условия специальных экономических зон, поэтому я был действительно заинтересован. Поскольку этого американца китайского происхождения рекомендовал товарищ Ван Даохань (партийный руководитель Шанхая), я и попросил товарища Ван Даоханя взять в свои руки это дело.

Так как речь шла о Шанхае, этот шаг, конечно же, привлек всеобщее внимание. Поэтому для того, чтобы убедить все стороны, я подумал добавить к Ван Даоханю нам необходимо включить также Чэнь Годуна (руководителя шанхайской комиссии советников), исходя из его отношений с Чэнь Юнем. Товарищ Чэнь Юнь легче примет то, что исходит от него. Я знал, что Чэнь Годун был осторожен и, возможно, у него даже будут возражения в связи с самой этой идеей, но этого не случилось. Это могло изучаться далее. И тогда я сказал товарищам Вану и Чэню, чтобы они поддерживали контакты с Линь Тунъянем. (С. 109)

Это было важным делом, потому что, когда у нас ранее были мысли о том, как нам открыть Шанхай, Чэнь Юнь выражал обеспокоенность. Он говорил, что когда речь идет о таких регионах, как Шанхай и Чжэцзян, следует проявлять осторожность, так как люди в этих районах были особенно умелыми и хорошо знакомыми с поведением капиталистов. (С. 109–110) (Чэнь Юнь и сам был уроженцем Шанхая.) Реформы в Шанхае отставали по двум причинам.

Во-первых, это был решающий (важнейший) регион, и, во-вторых, речь шла об отношении к этому Чэнь Юня.

Поэтому вопрос был отложен на длительное время. Я слышал, что в прошлом (1992) году, когда Дэн Сяопин совершил поездку по южным районам страны, он отметил, что реформы в Шанхае чрезмерно отклады-

ваются. Я согласен. Если бы они начались раньше, положение было бы совсем иным.

Еще в 1986 или 1987 гг. были разработаны планы развития Пудуна с использованием метода предоставления земли в аренду. Я доложил вопрос о Пудуне Чэнь Юню. Но он не прокомментировал. Я также доложил об этом Дэну. Он чрезвычайно поддержал, сказав: «Делайте это, как можно быстрее!» Но в то время я чувствовал, что, поскольку не было консенсуса между старейшими в партии, это должно быть изучено в будущем.

При рассмотрении хода реформ Чжао Цзяян постоянно обращается к тому, в какой ситуации приходилось тут добиваться прогресса.

Всегда действовал фактор мнения двух главных «хозяев партии»: Дэн Сяопина и Чэнь Юня, Чэнь Юня и Дэн Сяопина.

Нужно было добиваться того, чтобы оба они, по крайней мере, не возражали против того или иного дальнейшего продвижения по пути реформ.

При этом Дэн Сяопин в ряде случаев не возражал, но и не принимал активных усилий, предоставляя Чжао Цзяяну самому добиваться согласия Чэнь Юня.

Мне приходилось читать или слышать о том, что в последние два десятилетия прошлого столетия Чэнь Юнь никогда не приезжал домой к Дэн Сяопину. Дэн Сяопин один раз в год ездил к Чэнь Юню домой, чтобы проявить свое уважение и высказаться по некоторым вопросам.

Одним словом, Чжао Цзяяну приходилось действовать, учитывая характер взаимоотношений между Чэнь Юнем и Дэн Сяопином.

Далее, с точки зрения Чжао Цзяяна, ему пришлось надолго отложить осуществление политики реформ и открытости применительно к Шанхаю. Это происходило из-за позиции Чэнь Юня, который имел резиденцию в Шанхае, сам был родом из Шанхая, а главное видел исторический Шанхай, как «гнездо капитализма».

Чэнь Юнь сдерживал реформы в Шанхае, исходя из того, что Шанхай был тем пунктом, той «заставой», которая играла решающую роль в «защите социалистической экономики» в КНР. Если бы реформы начались в Шанхае, весь Китай был бы охвачен этими экономическими реформами.

Чжао Цзяяну в известной степени удалось сдвинуть с мертвой точки дело реформ в Шанхае. Здесь сыграли свою роль сложные взаимоотношения внутри руководства партии.

В те годы, о которых идет речь, фактическим «хозяином» Шанхая был Ван Даохань.

О том, насколько важной фигурой был Ван Даохань можно судить по тому, что компетентные эксперты – китайцы, находящиеся вне КНР, считают, что Ван Даохань был ментором Цзян Цзэминя. Цзян Цзэминь на-

ходился на своем посту генерального секретаря ЦК КПК в значительной степени благодаря поддержке Ван Даоханя.

Ван Даохань в те годы определял политику КНР в отношении Тайваня. Властям в Пекине приходилось отправлять специально людей из столицы в Шанхай, чтобы получать согласие Ван Даоханя на предложения относительно дальнейших шагов в политике по отношению к Тайваню.

Ван Даохань был заинтересован в развитии Шанхая. Он хотел начать реформы в Шанхае.

И Чжао Цзыян и Ван Даохань исходили из того, что здесь большую роль может сыграть преобразование шанхайского района Пудун.

Ван Даохань внес на рассмотрение Чжао Цзыяна предложение о сдаче в аренду фактически на 50 лет района Пудун американцу китайского происхождения.

Чжао Цзыян в принципе был согласен с этими планами и решил добиваться согласия на это Чэнь Юнь через руководителя Шанхайской комиссии советников Чэнь Годуна, к мнению которого благосклонно относился Чэнь Юнь.

В результате в конце 1980-х гг. предложение о передаче в аренду земли в Пудуне было при одобрении со стороны Чжао Цзыяна и Ван Даоханя доложено Чэнь Юню и Дэн Сяопину. Дэн Сяопин одобрил это предложение. Чэнь Юнь предпочел не говорить тогда ни да, ни нет. Так осуществление этой идеи было отложено.

Возможно, в первой половине 1990-х гг. положение дел в стране после нескольких лет экономического застоя после событий 4 июня 1989 года стало настолько требующим продолжения реформ, что в 1992 году Дэн Сяопин публично высказался за реформы в Шанхае. Чжао Цзыян в своих воспоминаниях одобрил это решение, отметив, что все это можно было начать и раньше.

Чжао Цзыян упоминает здесь о своих размышлениях в 1993 году. Попутно можно отметить, что Чжао Цзыян в основном диктовал эти свои воспоминания в 1999–2000 гг.

Было и еще одно дело. Ван Цзикуань (консультант мозгового центра Госсовета КНР) доложил о том, что американские производители автомобилей предложили построить автомобильный завод в Хойяне, в провинции Гуандун, который мог бы выпускать 300 тысяч автомобилей в год. Некоторые детали могли бы производиться в Китае, чего было достаточно для того, чтобы от 30 до 40 китайских промышленных предприятий были бы вовлечены в этот бизнес, поставляющий продукцию наверх. Это было предприятие одного владельца, которое не требовало никаких наших вложений.

Я написал письмо Яо Илиню (руководителю Плановой комиссии), сказав, что это хорошее дело. В то время многие иностранные бизнесме-

ны опасались отката назад в китайской политике, и боялись инвестировать, особенно в предприятия с одним единственным владельцем. Если бы мы двинули вперед это дело, и если бы оно двинулось хорошо, это мог бы быть хороший пример.

Яо Илнь, однако, отрицательно относился к этому. Он отправил вопрос для экспертной оценки в Министерство машиностроения, но так как это министерство всегда хотело строить независимую свою (китайскую) автомобильную промышленность, оно было против иностранных инвестиций в эту промышленность. Яо Илнь согласился и сказал, что это не должно быть разрешено. Ли Пэн немедленно принял их сторону, сказав, это не должно быть одобрено, и затем препроводил доклад мне.

Очень хорошее дело, таким образом, было отброшено. (С. 110)

Чжао Цзыян одобрял и предложение о создании в КНР предприятий на иностранном капитале, в частности, автомобильного завода. Яо Илнь и Ли Пэн заблокировали это предложение, выступив сторонниками создания в КНР только своей китайской независимой автомобильной промышленности.

Это был еще один пример экономической прозорливости Чжао Цзыяна и экономической некомпетентности тех, кто выступил в 1989 году в качестве главных сторонников Дэн Сяопина при подавлении мирных демонстраций с демократическими требованиями и устранения Чжао Цзыяна с поста генерального секретаря ЦК КПК.

Так проявилась та особенность ситуации в Китае, что Чжао Цзыян и Ху Яобан выступали за прогресс, за либерализацию, экономическую и политическую либерализацию, за реформы в политической и экономической области, а Дэн Сяопин и его приверженцы своими действиями в связи с событиями 4 июня 1989 года фактически не только остановили на десятилетия прогресс в области политической либерализации, осуществления демократических реформ, но и застопорили экономическую либерализацию на несколько лет. Жизнь заставила Дэн Сяопина вернуться к экономической либерализации Чжао Цзыяна уже в 1992 году.

ПУТЬ К ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ

Я представил доклад о работе правительства (на 4-й сессии ВСНП 9-го созыва) в ноябре 1981 года. Доклад был озаглавлен «Современное экономическое положение и принципы экономического развития». В этом докладе я внес предложение добиться того, чтобы темпы экономического развития были более реалистичными, чтобы это развитие было более эффективным, и чтобы оно приносило народу (более) конкретные плоды.

В 1981 году, пять лет спустя после смерти Мао Цзэдуна, Китай официально, формально и номинально оказался в ситуации, когда первыми по рангу руководителями партии и правительства стали деятели, убежденные в необходимости осуществления реформ: Ху Яобан как генеральный секретарь ЦК КПК и Чжао Цзяян как премьер Государственного Совета КНР.

Чжао Цзяян представлял собой тип руководителя, который был современным человеком по всем мировым меркам. Он исходил из китайских реалий. Он учитывал мировой опыт решения экономических проблем.

Чжао Цзяню довелось на собственном опыте и раньше, и, в особенности, во время работы в провинции Сычуань, осознать правоту китайских крестьян, требовавших вернуть им их семейные земельные наделы. Он понял, что экономика КНР при правлении Мао Цзэдуна была крайне неэффективна. Из этого следовало, что здесь необходимы преобразования. Постепенно Чжао Цзяян пришел к мысли о неизбежности замены планового хозяйства рыночной экономикой.

Он прошел все ступени, по которым шагал руководящий партийный работник: с самого низа до самого верха.

При этом Чжао Цзяян был главой правительства КНР, который не входил в число «старейшин» партии, то есть ряда самых высоких номенклатурных чинов, которые десятилетиями жили «в центре», близко от Мао Цзэдуна и для которых политические интриги и политические ярлыки были повседневностью.

При правлении Мао Цзэдуна премьерами ГС КНР были Чжоу Эньлай и Хуа Гофэн. Оба они были, пожалуй, можно так сказать, «политическими» премьерами. Их действия определяли «идеи» и политика Мао Цзэдуна.

Чжао Цзяян в этом смысле не был «политическим» премьером. Его деятельность определяли не «идеи» и политика Мао Цзэдуна, а практи-

ческий опыт решения реальных задач тех людей, которые жили в уездах и провинциях, которые ему довелось возглавлять.

Нацеленность не на политические интриги и борьбу за власть, и удержание власти в своих руках, на высказывания в рамках политических лозунгов из области теории марксизма, «идей» Мао Цзэдуна, а на поиск реальных путей решения реальных проблем с целью улучшения жизни людей в Китае – вот в чем было отличие Чжао Цзыяна и от прежних руководителей правительства КНР, и от когорты «старейшин» партии, которые продолжали распоряжаться в партии или в отдельных ее частях, и после смерти Мао Цзэдуна.

Можно сказать, что Чжао Цзыян от природы имел иммунитет от такой «болезни», как «идеи» и установки Мао Цзэдуна. В отличие от Мао Цзэдуна он был близок к реальной жизни людей в реальном Китае своего времени.

Мао Цзэдун завел Китай в тупики и в сфере экономики, и в области политики, не говоря уже о нравственности. Понимание необходимости поиска путей выхода из этих, прежде всего, экономических, тупиков, а также того, что сами они были не способны сделать это, побудило «старейшин», «хозяев» партии» согласиться с выдвиганием на пост главы правительства страны Чжао Цзыяна.

В 1981 г. он получил возможность впервые на всекитайском форуме изложить свое понимание ситуации и путей выхода из нее.

Чжао Цзыян, по сути дела, предложил начать осуществлять стратегический поворот в экономической жизни страны.

Он считал, что до той поры, особенно при правлении Мао Цзэдуна, темпы экономического развития страны были не реалистичными, и это развитие было не эффективным. Он поставил задачу изменить эти темпы, сделать развитие экономики эффективным, с тем, чтобы экономическое развитие страны приносило людям Китая конкретные плоды.

По сути дела, это означало, что отвергалась сама суть и теории, и практики, которой руководствовался Мао Цзэдун, его приверженцы и последователи. Это была своего рода революция сверху в экономической жизни страны, государства при правившей в нем коммунистической партии. Предлагалась реальная экономическая политика, которая шла вразрез с общепринятой до той поры в коммунистических партиях теорией и практикой.

Если сразу же сказать о сути того, что происходило в Китае в 1980-х гг., то надо подчеркнуть, что Ху Яобан в политике, а Чжао Цзыян в экономике предложили начать совершать стратегический поворот в сторону политической и экономической либерализации. К несчастью для китайского народа Дэн Сяопин в конце 1980-х гг. путем интриг устранил со своих постов сначала Ху Яобана, потом Чжао Цзыяна и затормозил, отложил на десятилетия осуществление предложенного ими стратегического переворота.

В поддержку такого направления я предложил руководящие установки экономического развития. Их было десять. Это было мое первое иностранное выступление по вопросам экономики с тех пор, как я стал премьером Государственного Совета КНР. Некоторые люди в то время называли их моими «административными принципами».

Чжао Цзыян пришел руководить правительством КНР, будучи твердо убежден в своей правоте и в своих способностях справиться с этой работой.

Он смело и решительно выдвинул руководящие установки, принципы управления экономикой страны.

После культурной революции, когда я работал в Сычуани, я интенсивно изучал систему хозяйства. Постепенно в моем сознании выкристаллизовалось понимание двух вещей.

Одна состояла в следующем: старые методы (пути) руководства экономикой (осуществления экономических дел) внешне представлялись направленными на развитие соответствующим образом, однако в результате эффективность была необычайно низкая. Люди (народ) практически не получали ничего.

Вторая состояла в следующем: даже при том, что масштабы экономики были необычайно широки, старые методы не могли раскрыть ее полный потенциал.

Нужно было найти новое направление (развития экономики), которое бы фундаментально реформировало старые методы (и пути руководства, управления экономикой).

Чжао Цзыян подчеркнул, что после «культурной революции», работая в провинции Сычуань, он активно изучал методы, с помощью которых можно управлять хозяйством.

Мне доводилось слышать, что именно в то время и именно в провинции Сычуань был создан центр по изучению советского и иного зарубежного опыта. Чжао Цзыян не полагался на те оценки, которые вырабатывались в Пекине и направлялись в провинции, на места для ориентировки провинциальных руководителей. Он сделал вывод из правления Мао Цзэдуна: необходимо самостоятельно понять, какими именно методами можно эффективно управлять хозяйством.

Методы, применявшиеся при правлении Мао Цзэдуна, для этого явно не годились. Даже усилия Чэнь Юня были направлены лишь на то, чтобы «подлатать дыры», путем «урегулирования» некоторым образом исправить ситуацию, но не обеспечить нормального, удовлетворяющего реальные интересы людей, развития.

Чжао Цзыян из правления Мао Цзэдуна вынес тот вывод, что теория марксизма, «идеи» Мао Цзэдуна не могли решить экономические проблемы Китая.

При правлении Мао Цзэдуна, при социализме со своеобразием или с самобытностью Китая, если называть его так, идя навстречу формулировке существующей в настоящее время, с 1949 года по начало 1980-х гг. то есть на протяжении 30 лет, эффективность китайской экономики была настолько низкой, что китайским людям от этого практически ничего не доставалось.

Другой вывод Чжао Цзыяна состоял в том, что масштабы и потенциальные возможности развития экономики Китая громадны. В то же время пути и методы руководства экономикой за 30 предшествующих лет управления экономикой Китая со стороны КПК, руководствовавшейся марксизмом, «идеями» Мао Цзэдуна, не раскрывали во всей полноте экономические возможности, потенциал экономики Китая.

Надо было думать о путях эффективного управления экономикой, о полном раскрытии экономических возможностей, существовавших у Китая. Ни о том, ни о другом при правлении Мао Цзэдуна не думали.

Чжао Цзыян пришел к выводу о необходимости фундаментальных изменений применительно к принципам и практике руководства экономикой страны, управления хозяйством Китая.

Для него речь шла не о сохранении прежнего основного курса, прежних основ управления экономикой, не о внесении лишь поверхностных изменений или об очередном «урегулировании» того, что в основе своей «правильно», ибо делается на основе «идей» Мао Цзэдуна, а о переменах фундаментального значения. Сам фундамент экономики Китая при КПК как руководящей партии в стране на протяжении 30 лет был не надежным, не обеспечивавшим раскрытие потенциала этой экономики, ее эффективного развития, выгод для народонаселения страны.

В 1981 г. в докладе от имени правительства я заявил: «Суть вопроса в том, чтобы повысить эффективность производства, строительства, распределения и других областей экономики любыми возможными способами». (С. 111)

КПК в 1978 г. сделала своей официальной установкой отказ от классово-борьбы и перенесение центра тяжести в работе на экономику.

В 1981 г. Чжао Цзыян обнародовал свой главный вывод из изучения 30-летнего опыта управления хозяйством страны: главное – это повышение эффективности производства, строительства, распределения и других областей экономики. Имелась в виду экономика в целом.

При этом чрезвычайно важным было заявление Чжао Цзыяна о том, что повышения эффективности следовало добиваться любыми возможными способами.

Здесь не упоминалось о «социализме» или о «капитализме». Это был совершенно иной подход к вопросам, сравнительно с взглядами Мао Цзэдуна и его последователей.

В то время я пересмотрел проблемы нашего экономического развития с момента учреждения Республики Народ Китая. В 1980 году по сравнению с 1952 годом (в этом году экономика страны считалась полностью выздоровевшей после внутренней войны) объем промышленного производства вырос в 8,1 раз. Валовой национальный продукт (GDP) вырос в 4,2 раза, а зафиксированные промышленные активы выросли в 26 раз. Однако среднее потребление только удвоилось. Представлялось, что хотя зафиксированные промышленные активы значительно выросли, объем промышленной продукции не увеличился столь же сильно, то же относилось к ВВП; среднее потребление еще менее того. Показатель роста ВВП был намного ниже, чем показатель роста в сельском хозяйстве и роста промышленной продукции; рост стандартов жизни (уровня жизни) был также значительно или существенно ниже, чем рост ВВП, и это при том, что фиксированные активы промышленности выросли намного больше.

Все это показывало, что экономическая эффективность у нас была очень низкой. Улучшение жизненных стандартов (уровня жизни) не соответствовало (не было соизмеримо) тому, что народ вкладывал своим трудом. Поэтому, я был убежден, что ключевая проблема нашей экономики это наша эффективность, а не номинальная скорость роста производства (темпы роста производства).

Чжао Цзыян вскрыл главный недостаток самих принципов развития экономики в КНР при социализме, при коммунистической партии в качестве правящей партии в стране.

С его точки зрения, при таком управлении хозяйством, которой было построено при правлении Мао Цзэдуна, народ трудился, вкладывал в развитие хозяйства свой труд, а должного или соразмерного повышения уровня жизни народа не происходило.

С точки зрения Чжао Цзыяна, целью производства должны были быть не темпы роста производства, а повышение эффективности экономики. Тот марксизм, те «идеи» Мао Цзэдуна, которыми на протяжении 30 лет руководствовались в КНР, не решали вопрос о повышении эффективности экономики.

Позднее на Всекитайской конференции по вопросам промышленности и транспорта, которая была проведена в Тяньцзине в 1982 г., я выступил с речью по вопросу об эффективности экономики. Я подчеркнул: «Продолжительное пренебрежительное отношение к эффективности в области продукции промышленности и слепая погоня за объемом выпуска выпускаемой продукции и темпами роста в результате привели к многочисленным абсурдным действиям. Мы часто попадаем в ситуацию «хороших новостей из промышленности, плохих новостей там, где речь идет о продажах; наши склады (закрома) полны, а в области финансов ощущается дефицит». В конечном счете наш банк должен печатать деньги, чтобы заткнуть

ими дыры, а это приносит вред государству и народу». Я предложил концепцию подхода к вопросу об эффективности экономики: «Нужно производить больше той продукции, в которой общество действительно нуждается, используя при этом минимальное количество труда и материальных ресурсов». Это означало сокращение потерь (излишних трат) настолько, насколько это возможно, в то же время увеличение благосостояния общества; ключ здесь в том, чтобы продукция, которую мы производим, действительно пользовалась спросом (чтобы ее требовали). В противном случае увеличение выпуска продукции будет означать производство все большего объема того, что никому не нужно. Слишком много мы занимаемся гонкой за ускорением выпуска продукции ради выпуска продукции. Наши заводы (фабрики, промышленные предприятия) производят в большом количестве то, что никто не желает покупать. И тогда приходится их складировать, и в конечном счете они превращаются в мусор.

Как можно повысить эффективность экономики? Как можно добиться производства такой продукции, которая удовлетворяла бы потребности общества? У этой проблемы много аспектов. Однако фундаментально дело касается экономической системы. Решение состоит в том, чтобы урегулировать структуру экономики и реформировать систему. Другого пути нет.

Фактически Чжао Цзяян предложил руководствоваться при управлении хозяйством страны, при подходе к проблемам экономики страны, законами рыночного ведения хозяйства, то есть производить с минимальными затратами лишь то, что пользуется массовым спросом.

Чжао Цзяян также изложил свое понимание того, что необходимо делать применительно к структуре и к системе экономики. Он полагал, что структура экономики нуждалась в урегулировании, то есть настраивании, в преобразовании ее соответствующим образом, а система экономики нуждалась в реформировании.

Таким образом, с точки зрения Чжао Цзяяна, в КНР речь должна была идти об экономической либерализации, которая складывается из двух взаимосвязанных частей: урегулирования структуры и реформы системы.

Причина, по которой у меня был такой глубокий интерес к экономической реформе (реформе экономики), и почему я посвятил себя отысканию путей осуществления упомянутой реформы, состояла в том, что я преисполнился решимости в корне излечить болезнь экономической системы Китая. (С. 112)

Без понимания недостатков экономической системы Китая, я, возможно, не мог бы иметь столь сильный позыв к реформам. Конечно же, мое ранее понимание того, как проводить реформы, было поверхностным и не ясным. Многие подходы, которые я предлагал, могли всего лишь облегчить симптомы (болезни); они не могли затрагивать фундаментальные проблемы.

Самое глубокое понимание мною разрушительных недостатков экономики Китая состояло в том, что сама система должна быть реформирована в рыночную экономику; и что проблема прав собственности должна быть решена. И это понимание пришло в результате практического опыта, только после длительной серии разнообразных, разнонаправленных шагов назад и вперед.

Чжао Цзыян исходил из того, что при правлении Мао Цзедуна, при правлении КПК на протяжении 30 лет экономическая система в КНР была больна. Ее болезнь состояла в том, что она не была рыночной экономикой. Чжао Цзыян на основании своего личного опыта и изучения проблемы пришел к выводу, что сама система должна быть реформирована в рыночную экономику. При этом должна быть решена проблема прав собственности. Итак, рынок и право собственности, неизбежность этого права – вот лекарство, которое Чжао Цзыян в конечном счете предложил экономике Китая.

Но в чем же состояла фундаментальная проблема? В начале это не было мне ясно. Мое общее осознание вопроса состояло лишь в том, что надо повысить эффективность. После того как я приехал в Пекин, руководящим принципом моей экономической политики не были ни прямодушная погоня за показателями производства продукции, ни темпы экономического развития, но, скорее, поиск путей для китайского народа получить конкретную отдачу от своего труда. Таков был мой отправной пункт. Темпы роста от 2% до 3% рассматривались фантастическими для продвинутых капиталистических стран наций, но, в то время как наша экономика показывала рост в 10%, жизненный уровень нашего народа не улучшался, не повышался.

Что же касается вопроса о том, как определить новый путь, у меня в голове не было никакой заранее выработанной предваряющей объявление об этом модели или систематизированной идеи. Я начал лишь с желанием повысить экономическую эффективность. Это убеждение было очень важным. Отправным пунктом были повышение эффективности, и народ, который увидит практическую пользу от этого. Имея это в качестве цели, подходящий путь в конечном счете был найден, после многочисленных поисков. Постепенно мы создали правильный план. (С. 113)

Чжао Цзыян подчеркнул, что в то время как экономика в КНР показывала рост в 10%, жизненный уровень народа Китая не улучшался, не повышался. В этом и находили свое выражение пороки системы. Чжао Цзыян также прямо сказал о том, что для него важным отправным пунктом было желание повысить эффективность работы экономики страны с той целью, чтобы китайский народ получил конкретную отдачу от своего труда. К пониманию сути проблемы, к ее решению Чжао Цзыян шел путем трудных и длительных поисков в процессе практической работы и осмысления всей истории экономики КНР за три десятилетия ее существования.

ХУ ЯОБАН И ДЖАО ЦЗЫЯН

В 1980-х гг. на вершине власти в КПК-КНР оказалась «четверка»: Дэн Сяопин, Чэнь Юнь, Ху Яобан, Чжао Цзыян. Отношения между ними были весьма не простыми.

Все понимали необходимость перемен, изменений по сравнению со временами правления Мао Цзэдуна. Слишком сильным было давление, которое, осознанно или не осознанно, оказывали в своих интересах люди Китая на высших руководителей партии и государства.

Представление о переменах у каждого из этих четверых было свое.

При этом двое – Дэн Сяопин и Чэнь Юнь – практически, по большей части, оставались во временах Мао Цзэдуна. Они полагали, что в основном, на семьдесят процентов, при Мао Цзэдуне осуществляли правильный генеральный курс, правильную генеральную линию.

Исправления или урегулирования допускались только в некоторой части, преимущественно в области экономики.

Но и здесь Дэн Сяопин мог соглашаться с большими изменениями, чем Чэнь Юнь.

Двое других – Ху Яобан и Чжао Цзыян – стремились отвечать требованиям народа. По сути дела, хотели оставить в прошлом времена правления Мао Цзэдуна, не видели ничего хорошего, по крайней мере, в его «культурной революции».

По сути дела, они выступали за новый курс, за полный отход от политического режима и экономической политики Мао Цзэдуна.

Таким образом, в принципиальном отношении к реформам Ху Яобан и Чжао Цзыян были вместе.

Оба при этом понимали необходимость пользоваться разногласиями между Дэн Сяопином и Чэнь Юнем по вопросу о реформах в Китае.

Оба понимали необходимость считаться с тем, что последнее слово при решении любого важного вопроса принадлежало Дэн Сяопину и Чэнь Юню. При этом ничто не могло быть сделано, если не было согласия между Дэн Сяопином и Чэнь Юнем.

Между самими Ху Яобаном и Чжао Цзыяном тоже имелись различия в том, какими они видели пути осуществления реформ.

Ху Яобан и Чжао Цзыян считали, что народ ничего не получал от существовавших при Мао Цзэдуне порядков. Оба стремились изменить эти порядки.

При этом Ху Яобаном владела мысль о необходимости как можно быстрее добиться роста экономики страны. Поэтому он выступал за ускорение темпов развития, за наращивание объемов производства. Можно сказать, что Ху Яобан создавал ту атмосферу, в которой оказывалось возможным осуществлять экономическую либерализацию.

Чжао Цзыян был единственным из всей «четверки», кто, владея экономическими знаниями, разбираясь в экономике, мог предложить реальные пути и методы решения экономических проблем, вывода страны из экономических тупиков.

Методы, которые предлагал Чжао Цзыян, требовали работы и времени. Ху Яобан хотел, чтобы цель достигалась быстрее. Вот здесь и появлялись разногласия между ними.

Однако и это необходимо повторить, оба они были сторонниками реформ, причем таких существенных реформ, на которые, по сути дела, не были согласны Дэн Сяопин и Чэнь Юнь.

Поэтому реформы приходилось осуществлять дозированно, проходя сквозь такое «игольное ушко», как согласие с тем или иным предложением, согласие в той или иной степени, и Дэн Сяопина, и Чэнь Юня.

Чжао Цзыян в своих воспоминаниях счел необходимым разъяснить характер своих взаимоотношений с Ху Яобаном, особенно по экономическим вопросам.

Думается, что, возможно, именно такие, далеко не простые, взаимоотношения между ними, объективно создали обстановку, при которой и Дэн Сяопин, и Чэнь Юнь, соглашались с тем, чтобы у власти в 1980-х гг. находились одновременно Ху Яобан и Чжао Цзыян.

Если же говорить о практическом объективном результате работы Ху Яобана и Чжао Цзыяна в упомянутом десятилетии, то это оказалась работа двух единомышленников, которая принесла плоды, была в интересах народа Китая.

Именно потому, что я был не согласен со старыми методами погони за показателями и за темпами производства, и вместо этого подчеркивал значение эффективности экономики, между (Ху) Яобаном и мной возникло столкновение по экономическим вопросам после того, как я прибыл в Пекин.

Различия во мнениях возникли еще в 1982 г. Когда Яобан готовил проект политического доклада XII съезду партии, возник вопрос о том, что сказать об экономике. Сначала большинство членов комитета готовило проект доклада в соответствии с основным тоном моего доклада о работе правительства в 1981 г. Однако Ху Яобан с этим не согласился. Он предложил иной подход. Процесс подготовки проекта по разделу экономики остановился.

Когда вопрос был доложен Дэн Сяопину, он решил, что экономический

раздел должен был фактически соответствовать линии доклада о работе правительства. Яобан с неохотой принял это. (С. 114)

Поскольку я не принимал участия в процессе составления проекта, я и не знал о том, как много конфликтов, столкновений мнений возникло. (С. 114–115) Этот вопрос не поднимался на заседании Постоянного комитета Политбюро или на заседаниях Секретариата, поэтому я не знал (не был уверен в том), в чем состоят взгляды Яобана, или почему он не согласился с моим докладом о работе правительства.

Судя по его замечаниям и действиям, однако, казалось, что он не соглашался с моей мыслью об акценте на эффективности экономики вместо акцента на показателях объемов производства и его темпах. Когда бы он не говорил о вопросах экономики, он делал упор на ее росте по объемам и темпам производства продукции, редко упоминая об эффективности. Он часто говорил об «четверении» или о «досрочном четверении»

Мое предложение «гарантировать 4% и стремиться к 5% роста» во время шестого пятилетнего плана было умеренной целью. Даже хотя товарищ Дэн Сяопин тоже считал объем продукции чрезвычайно важным, часто задавая вопрос о том, каков годичный рост, он выражал понимание моего взгляда с фокусированием на эффективности. Тем не менее, Яобан не соглашался. Даже хотя доклад XII съезду партии был в проекте составлен в соответствии с директивой Дэна и следовал основному тону доклада о работе правительства, направление его (Ху Яобана) мыслей не изменились.

После XII съезда партии, когда он поехал по провинциям, он был даже еще более решительно настроен в пользу упора на повышении показателей объемов производства. Куда бы он не приезжал, он призывал к «досрочному (по сравнению с планом) четверению». Он хвалил положение там, где показатели производства были высокими, и резко критиковал ситуацию, если она не была такой, не уделяя внимания экономической эффективности или анализу специфических причин разницы в росте.

И как результат всего этого, местные руководители, действуя в соответствии с директивой Яобана, требовали выделения фондов, разрешений на осуществление проектов и больше электрической энергии, а также и сырья и поставок от Плановой Комиссии (Госплана) и от Государственного Совета. На протяжении определенного периода времени существовало резкое соревнование между разными регионами в борьбе за быстрый рост и при выдвигании требований сырья и фондов. Мне пришлось столкнуться с многочисленными трудно разрешимыми ситуациями.

В 1983 году разница между Яобаном и мной по этому вопросу увеличилась и стала еще более очевидной. Он даже развернул массовую кампанию за экономическое развитие. Например, куда бы он не приезжал, он активно пропагандировал кампанию с целью «повышения среднего годовичного дохода в деревне на сто юаней», которая была инициирована в уезде Бао-

дин провинции Хэбэй. Он был уверен, что доходы будут расти темпами в сто юаней в год на протяжении всех тех лет, пока будет продолжаться эта кампания. В прошлом, мы страдали от такого рода методов, которые с легкостью обращались в пустой формализм. (С. 115)

Во время моей поездки в Африку в январе 1983 года Яобан выступил с докладом, в котором предложил заимствовать схему семейных подрядов (контрактов) в деревне (доведения производственных заданий до каждого крестьянского двора) для использования ее при проведении реформы в городах. (С. 115–116) В принципе это было прекрасно. Однако условия в городах были намного более сложными. Какую форму такие контракты должны были принять в различных отраслях промышленности и на различных же предприятиях, и как «переводить на контракты» – все это требовало проведения эксперимента и осторожного постепенного продвижения. Мы не могли перевести на контракты все; в равной степени мы не могли двинуться сразу на всех фронтах.

После этого выступления Яобана некоторые государственные универмаги в Пекине начали переходить на контракты. Немедленно возникли проблемы с ценами, которые росли, и с «серийными продажами». Что такое были такого рода продажи? Имелась в виду ситуация, при которой государственные универмаги продавали все товары индивидуальным перепродавцам, которые получали прибыль от продажи этих товаров покупателям по высоким ценам. Таким образом, государственные универмаги оказывались в состоянии быстро продать большие объемы товаров, выполняя таким путем свои обязательства по контрактам. Но это не тот путь, по которому следовало осуществлять торговлю.

Как только я возвратился из Африки, я остановил это. Я предложил осуществлять реформы в городе путем эксперимента и постепенно. В том же году, во время Праздника Весны 1983 года, я говорил об этом на праздничном собрании. В это время Яобан проводил Праздник Весны на острове Хайнань. Он обратился к кадровым работникам: «Разве мы делаем это все немедленно, и сразу?» – задал он вопрос. И ответил: «Фактически ситуация больше похожа на следующую: “Никто не сдвигается с места, даже тогда, когда ты его толкаешь”!»

В то время, когда он отправился по провинциям с инспекцией, он часто критиковал, или высказывал замечания, которые подразумевали критику, в адрес той работы в сфере экономики, которую вел Государственный Совет. Его замечания записывались и распространялись повсюду, что означало, что люди оказывались в курсе разногласий между Яобаном и мной по вопросам экономики.

Дэн Сяопин узнал об этой ситуации. 15 марта 1983 г. Дэн пригласил Яобана и меня к себе в дом для разговора. Я выразил мои взгляды и доложил об экономике, В это время Яобан выслушал все это молча. Он выразил согласие с некоторыми моими положениями и дал свое объяснение по

другим пунктам. Разговор прошел относительно хорошо. В конце Дэн Сяопин сказал, что он поддерживает мои взгляды по вопросам экономики.

Судя по тому, о чем говорил здесь Чжао Цзыян, можно предположить, что Ху Яобан на протяжении некоторого времени находился под воздействием мысли о том, что перевод сельского хозяйства на систему, при которой производственные задания доводятся до каждого конкретного крестьянского двора, не только способен решить все проблемы экономики Китая в деревне, но и может найти применение в сфере городской экономики. Ху Яобан был увлечен этой мыслью и пытался на ее основании добиться роста благосостояния людей Китая год за годом на протяжении нескольких лет подряд.

Чжао Цзыян видел и достоинства и ограниченность рамок применения метода доведения производственных заданий до крестьянского двора. Он искал и находил новые методы развития экономики страны. Чжао Цзыян делал упор на поисках методов, ведущих к повышению эффективности хозяйства страны. Чжао Цзыян убедительно показывал и доказывал свою правоту в экономических вопросах. Ху Яобану и Дэн Сяопину пришлось следовать за Чжао Цзыяном в этих вопросах.

При этом очевидно, что между Ху Яобаном и Чжао Цзыяном на протяжении нескольких первых лет в 1980-х гг. не было не только тесного взаимопонимания, но даже и достаточного общения.

И это могло способствовать тому, что им удавалось продолжать находиться на своих постах, потому что у Дэн Сяопина и Чэнь Юня не было никаких оснований обвинять их в каком-либо сговоре.

Когда же пришлось, так или иначе, выяснять отношения, то оказалось, что Ху Яобан не претендовал на то, чтобы формировать экономическую политику, но его более всего беспокоила апатия и инертность китайского общества, глухое сопротивление чиновничества каким бы то ни было изменениям. Ху Яобан очень часто сталкивался с пассивным сопротивлением реформам, с тем, что никто не хотел сдвигаться с места. В присутствии Дэн Сяопина Чжао Цзыян дал разъяснения по своей политике. Думается, что его позиция оказалась приемлемой для Ху Яобана.

Он (Дэн Сяопин) критиковал Яобана за слишком неосторожные высказывания и за то, что он был недостаточно осторожен, и сказал, что для генерального секретаря быть резким это серьезный недостаток.

Дэн также сказал: «Массовые кампании не должны использоваться для осуществления реформ. Реформы должны проходить через процесс четырех модернизаций». (С. 116)

Это не тот вопрос, который может быть решен за несколько коротких лет». (С. 116–117) Он также сказал: «Ситуация очень хорошая, но мы должны сохранять трезвость ума».

Думается, что для Китая и китайцев оказалось удачей то, что Дэн Сяопину пришлось выступить посредником при налаживании взаимопонимания между Ху Яобаном и Чжао Цзыяном.

При этом разговоре Дэн Сяопин в присутствии Ху Яобана и Чжао Цзыяна сказал, что он выступает за реформы. Дэн Сяопин считал реформами то, что именовалось им «четырьмя модернизациями».

Дэн Сяопин имел в виду (1) сельское хозяйство, (2) промышленность, (3) науку и технику и (4) военно-промышленный комплекс. Таким образом, с точки зрения Дэн Сяопина, следовало добиваться развития и роста именно в этих четырех областях.

Можно вспомнить о том, что изначально вопрос о выходе на современный уровень (по-другому это называют модернизацией) был выдвинут Лю Шаоци. Для Лю Шаоци речь шла о мирной модернизации в трех областях: в сельском хозяйстве, в промышленности и в области науки и техники. Это Мао Цзэдун через Чжоу Эньлая добавил сюда и военный аспект. Дэн Сяопин продолжал здесь проводить «линию Мао Цзэдуна».

Дэн Сяопин был за четыре модернизации. При этом он считал, что их осуществление требует большого времени. Таким образом, Дэн Сяопин понимал необходимость осуществления преобразований с осторожностью, без «скачков» или «революций».

Далее, Дэн Сяопин понимал, что исторический опыт КНР при правлении Мао Цзэдуна показал, что в стране больше нельзя проводить массовые кампании, в том числе не только политического, но и экономического характера.

Наконец, Дэн Сяопин на том этапе развития предпочитал обсуждать вопросы в группе «старейшин», так сказать «келейно» и не допускать выступлений руководящих деятелей с резкими или недостаточно осторожными заявлениями. Здесь он имел в виду некоторые высказывания Ху Яобана.

Думается, что во время этого разговора Ху Яобан понял и планы Чжао Цзыяна и то, что существует возможность использовать позицию Дэн Сяопина.

После этой беседы между Ху Яобаном и Чжао Цзыяном установилось своего рода взаимопонимание без слов.

Для того чтобы избежать появления разных голосов, исходящих из центрального руководства, было установлено правило в ходе этого разговора: Государственный Совет и Центральная руководящая группа по экономическим и финансовым вопросам будут отвечать за экономические дела. Важные решения и указания, а, в равной степени, и высказывания по поводу того, что правильно, а что не верно, должны обсуждаться на заседаниях упомянутой руководящей группы и распространяться по ее каналам. Не должно быть нескольких ораторов или нескольких политик, ис-

ходящих из различных мест (органов). Конечно же, Секретариат будет вести некоторыми экономическими делами, но, главным образом, тех, что касаются принципов и главных направлений в политике. Это не означает вмешательства в специфические задачи в сфере экономики.

Не в результате «сговора» между Ху Яобаном и Чжао Цзыяном, прежде всего потому, что такого «сговора» никогда не существовало, а как бы «естественным путем» в высшем руководстве Китая весной 1983 года была достигнута важная договоренность о «разделении властей». Партийная власть и экономическая власть были разделены. И это разделение состоялось с ведома, и даже как бы по инициативе, Дэн Сяопина.

Он был заинтересован в тот момент в том, чтобы Чжао Цзыян получил возможность продолжать трансформации в экономике. Он был также заинтересован в том, чтобы между Чжао Цзыяном и Ху Яобаном сохранялась некая «дистанция».

Так, тактически, Дэн Сяопин был удовлетворен.

Однако, по сути дела, все это оказалось на пользу проведению реформ в Китае на протяжении нескольких последующих лет, потому что Чжао Цзыян в экономике, а Ху Яобан в области политики получили возможность продолжать и углублять свою деятельность.

После этого разговора непосредственное вмешательство Яобана в экономические дела Государственного Совета уменьшилось и критика с его стороны в адрес Государственного Совета сократилась. Но глубоко в своем сердце он не отказался от своих взглядов. Он продолжал выражать свое мнение.

После разговора, который у нас был с товарищем Сяопином, я ощутил, что дело стало делать легче. С этого времени мой подход состоял в том, чтобы принимать все, что было возможно принять. Это означало, что я следовал его (Ху Яобана) идеям во всех тех случаях, когда я думал, что это правильные мысли. Если он говорил что-то, что не было практичным, он все равно имел право выражать свое мнение. Но поскольку его взгляды не представляли коллективного решения, мы не были вынуждены следовать всему, что он говорил. Яобан знал об этом, исходя из нашего разговора с Дэном. Он все равно имел свои идеи, с которыми я не соглашался, но если мы не действовали в соответствии с этими идеями, он не настаивал.

Важные экономические предложения или мнения Государственного Совета выносились на заседания Постоянного комитета Политбюро или Секретариата ЦК. Иной раз, даже если Яобан не соглашался, ему было затруднительно высказывать оппозиционное мнение. Он предпочитал сказать: «Прекрасно, пусть будет так». Но после этого он говорил члену Постоянного комитета Ху Цили: «Это была вынужденно поставленная подпись. Мы даже не знаем, как в Государственном Совете обсуждался

этот вопрос, поэтому у нас нет иного выбора, кроме как согласиться». В 1960-х гг., когда председатель Мао не был удовлетворен деятельностью Государственной плановой комиссии, он говорил нечто подобное, употребляя выражение «вынужденно поставленная подпись». Поэтому тогда, когда Яобан выражал подобного рода чувства, я должен был обращать на это внимание.

С той целью, чтобы улучшить общение с Яобаном, я предложил, чтобы тогда, когда Государственный Совет и Центральная руководящая группа по вопросам экономики и финансов обсуждают вопросы, мы будем приглашать Ху Цили и Хао Цзяньсю (заместителя руководителя Государственной плановой комиссии) и других товарищей из Секретариата участвовать в этих обсуждениях, чтобы таким образом они могли доложить о дискуссии Ху Яобану. (С. 117) Я также предложил Яобану посылать своих сотрудников присутствовать на заседаниях Государственного Совета и Центральной руководящей группы по экономике и финансам. (С. 117-118) Однако по причинам, которые мне не известны, Яобан не сделал этого.

Я также предложил, чтобы по важным экономическим вопросам, которые должны быть внесены для официального обсуждения на заседание Постоянного комитета и Секретариата, доклады должны быть представлены персонально Яобану до такого обсуждения в интересах лучшего общения и чтобы дать ему достаточно времени для тщательного рассмотрения и обдумывания. Яобан согласился с мыслью относительно наших докладов ему перед заседаниями Постоянного комитета Политбюро. В начале он был в это вовлечен, однако после нескольких таких случаев, он потерял к этому интерес и попросил прекратить делать это. Этот вопрос никогда не был решен.

Кажется, что по фундаментальным вопросам, касающимся различающихся направлений в мыслях по проблемам экономики, включая различия в стиле работы, Яобан не мог навязывать свое мнение Государственному Совету и Центральной руководящей группе по экономике и финансам потому, что Дэн Сяопин установил правила. Возможно, поэтому проблема и не могла быть разрешена благодаря лучшему общению или путем приглашения его для участия в дискуссиях в Государственном Совете по вопросам экономики.

И даже если эта проблема продолжала существовать, после разговора дома у Дэн Сяопина, оба мы были осторожны в вопросе о том, как нам вести себя во взаимоотношениях друг с другом, и наши отношения не стали слишком напряженными. По крайней мере, в том, что касается внешней стороны дела, больше не было двух разных голосов по экономическим вопросам. (С. 118)

Очевидно, что у Ху Яобана были свои представления по некоторым экономическим вопросам.

Очевидно также, что Чжао Цзяян был убежден в правильности своих решений и настойчиво проводил их в жизнь.

Не менее очевидно, что Ху Яобан, с одной стороны, принимал во внимание необходимость считаться с мнением Дэн Сяопина, а, следовательно, и других «старейшин», и, с другой стороны, ощущал, что экономическая политиками Чжао Цзяяна, по сути дела, приносила пользу народу Китая.

Ху Яобан, если объективно посмотреть на его поведение в вопросе о взаимодействии с Чжао Цзяяном по экономическим вопросам, проводил единственно возможную и правильную линию невмешательства в дела Чжао Цзяяна, и в то же время линию, при которой он никоим образом не мешал Чжао Цзяяну осуществлять преобразования в экономике, которые тот считал нужным осуществлять.

При всем этом сохранялась ситуация, при которой ни у Дэн Сяопина, ни у кого бы то ни было из «старейшин», не было оснований говорить о «сговоре» или «союзе» Ху Яобана и Чжао Цзяяна.

Возможно, что именно в такой, объективно сложившейся обстановке, в КНР в 1980-х гг. не только удалось осуществлять экономические и некоторые политические преобразования, что тогда именовали «золотым периодом реформ», но и после того, как Ху Яобан перестал быть генеральным секретарем ЦК КПК, оказалось возможным появление на этом посту Чжао Цзяяна, что еще на два года продлило период реформ в Китае.

ДЖАО ЦЗЫЯН И СССР

Чжао Цзыян работал в условиях, когда ему приходилось добиваться согласия или «не возражения» с предлагавшимися им экономическими реформами и Дэн Сяопина, и Чэнь Юня.

Здесь требовалось, с одной стороны, использовать настроения и отношение к вопросам экономического развития со стороны Дэн Сяопина, и, с другой стороны, применяться к воззрениям Чэнь Юня, которого приходилось как-то «обходить».

Товарищ Дэн Сяопин на протяжении длительного времени подчеркивал силу рынка. «Социализм не исключает рыночную экономику», – говорил он. И он повторял это много раз. Он говорил, что, сочетая плановую и рыночную экономики, мы можем быть гибкими в том, чему из этих двух отдавать активную роль, какая из этих двух (экономик) реально играла ведущую роль. В Решении по экономической реформе, которое было принято на 3-м пленуме ЦК КПК 12-го созыва (в 1984 г.) подчеркивалась важность естественных законов спроса и предложения и сила рынка. В нем экономика социализма определялась как «экономика товара» («товарная экономика»).

Что касается Дэн Сяопина, то ситуация была сложной, но предоставляла определенные возможности реально осуществлять необходимые экономические реформы.

Дело в том, что из времен правления Мао Цзэдуна Дэн Сяопин вынес мысль о том, что на одной «плановой централизованной социалистической экономике» не только «далеко не уедешь», но при движении только по этому пути попадешь в тупик.

Поэтому, в принципе, Дэн Сяопин не исключал рыночного хозяйства при социализме. Это не значит, что он был за то, чтобы вся экономика, при том, что он понимал как социализм, была рыночной, но он допускал присутствие, наличие и развитие рыночного хозяйства в той или иной форме и пропорции.

Дэн Сяопин не был специалистом в области экономики. Поэтому он ограничивался принципиальным подходом. Этот подход заключался в том, что можно сочетать плановую и рыночную экономику. Вопрос о том, что здесь должно играть ведущую роль, Дэн Сяопин оставлял открытым. Это зависело, с его точки зрения, от обстоятельств. Именно этим и мог пользоваться Чжао Цзыян.

В 1978 году КПК приняла официальный курс на постановку экономики, решения экономических проблем в центр своей деятельности. С этим были согласны практически, или на словах, все. Все понимали, что пренебрежение законами экономического развития при правлении Мао Цзэдуна нанесло ущерб Китаю и китайцам. Надо было соответствовать требованиям народа. Партия была вынуждена своей же историей, ее уроками пойти это.

Отсюда курс на выдвижение экономики в центр внимания и деятельности партии.

Отсюда и официальное подчеркивание важности естественных законов спроса и предложения, принятие терминов «рынок» и «товарная экономика». Последним термином пользовались как переходным к термину «рыночная экономика».

Все это взял на вооружение Чжао Цзыян. Причем не просто употреблял эти термины, но стал наполнять их реальным содержанием.

Дэн высоко ценил это решение, и даже рассматривал его как «новую теорию политической экономии». В частном разговоре, который я имел с Дэном в 1988 г., имея в виду мысли Чэнь Юня и Ли Сяньяня, Дэн сказал, что наша экономика была создана по модели Советского Союза. (С. 119) Но поскольку советские сами отбросили эту модель, почему же тогда мы все еще так крепко держимся за нее? (С. 119–120) Конечно, в 1992 г. Дэн выражал эту мысль более ясно в своих высказываниях. И даже хотя он говорил разные вещи в разные времена, он всегда склонялся к товарной экономике, к законам предложения и спроса и к свободному рынку.

Чжао Цзыян, очевидно, с самого начала имел задатки и способности человека, который, прежде всего, исходил из реалий своей страны, а далее, из реалий экономики своей страны.

Из этого следует, что в КПК всегда были люди, подобные Чжао Цзыяну.

Иной раз в нашей научной литературе при анализе ситуации в Китае, в КНР, когда речь идет о 1920–1980-х гг., как бы естественно на ум приходит мысль о выделении среди руководителей КПК – КНР тех, кто были «прокитайски настроенными» политиками или даже «националистически настроенными политиками», то есть тех, кто «плохо относился к нам, к нашей стране», и тех, кто как бы «склонялся в сторону Советского Союза, в сторону КПСС», то есть тех, кто как бы априори были «просоветскими политиками» или тех, кто «хорошо относился к нам, к нашей стране».

По размышлении дело представляется иначе. Жизнь, история наших двух стран, действительно, сложилась таким образом, что русских и китайцев, советских и китайских коммунистов, членов КПСС и КПК, на протяжении ряда десятилетий многое объединяло. И это было в национальных интересах обеих стран, в совпадавших национальных интересах.

Поэтому, симпатии в нашей стране к Китаю, это не «прокитайские» настроения и не принижение чувства собственного достоинства. Симпатии в Китае к нам это также не «просоветские настроения» и не принижение чувства собственного достоинства. Мы говорим о большинстве тех, кто разделял такие симпатии. Было и меньшинство или отдельные люди с иными настроениями и иными их проявлениями. Но они не играли практически никакой роли, так как речь шла о двух больших нациях.

Всегда и в нашей стране, и в Китае большинство людей исходило из интересов своей страны. И это естественно и отвечает интересам народа той или иной страны.

Чжао Цзыян принадлежал к тем членам КПК, которые понимали, что существует необходимость иметь нормальные отношения с нашей страной, развивать те связи, которые приносят пользу Китаю, причем в случае, если в нашей стране считают, что те же связи приносят пользу нашей стране и согласны на такие связи.

Чжао Цзыян, во всяком случае, насколько это известно, никогда не был подвержен воздействию мысли о том, что можно или нужно либо «идти по пути русских» (Мао Цзэдун), либо «копировать все советское». В то же время он не замечен и в симпатиях к курсу на то, чтобы «готовиться к войне» против нашего народа и нашей страны.

Он принадлежал к тому слою китайских руководителей провинциального уровня, которым пришлось решать реальные проблемы на провинциальном уровне до «культурной революции», а также после смерти Мао Цзэдуна.

Очевидно, по этой причине Чжао Цзыян естественным образом, исходя из ситуации в Китае, пришел к принятию мыслей о том, что Китай и китайцы нуждаются в рыночном хозяйстве, в том, чтобы руководствоваться законами спроса и предложения, в том, чтобы идти к свободному рынку и к товарной или рыночной экономике.

Чжао Цзыян не был зашорен в сфере экономической мысли и практики так, как оказались зашорены Чэнь Юнь и Ли Сяньнянь, которые никак не могли освободиться от воздействия того, что было принято в СССР.

Важно подчеркнуть, что Чжао Цзыяна никто в Китае, в КПК не имел никаких оснований обвинять в том, что он «копирует СССР», и, тем более, «имеет связи с заграницей (то есть с СССР)», СССР, ни в общеполитическом, ни в экономическом смысле.

Имея в виду именно это, нам и представляется возможным утверждать, что Чжао Цзыян при формировании и осуществлении своей политики исходил, во-первых, из реалий своей страны, то есть Китая, и, во-вторых, из реалий экономики своей страны, то есть того же Китая.

Думается, что именно по этим причинам Чжао Цзыян фактически стал тем реформатором, который, по крайней мере, в сфере экономики, ука-

зал реальный и практический путь выхода из того социализма, который завел Китай и китайцев в тупик, из социализма Мао Цзэдуна.

Может быть, есть основания говорить, что Чжао Цзыян стал первым человеком во всем мире, который сумел найти пути мирного эволюционного движения из социализма в мир рыночной экономики и демократии.

Товарищ Ху Яобан был подобным же образом не энтузиастом плановой экономики. Судя по моим наблюдениям, он был уверен в том, что именно в высшей степени сконцентрированная пронизывающая все сверху донизу плановая модель и лимитировала мотивации людей и их творчество и ограничивала собственную инициативу на уровне предприятий и на местном уровне. Он был убежден в том, что построение закрепляющего порядка социалистического общества допускает то, что люди, предприятия и местные власти могут действовать независимо, в то время как государство будет продолжать руководить и мобилизовать их с помощью социальных движений.

Чжао Цзыян утверждал, что Ху Яобан и Дэн Сяопин, оба, не были энтузиастами плановой экономики.

Применительно к Дэн Сяопину, пожалуй, скорее, можно говорить о том, что Дэн Сяопин допускал элементы рыночного хозяйства. И этим можно было пользоваться сторонникам продвижения в сторону преодоления «заставы рынка» в Китае, то есть Чжао Цзыяну и всем тем, кто разделял такие взгляды.

Что же касается Ху Яобана, то тут, пожалуй, вырисовывалась всесторонняя идейная близость Ху Яобана и Чжао Цзыяна.

Ху Яобан и Чжао Цзыян оказывались вместе в борьбе против в высшей степени сконцентрированной, пронизывающей все сверху донизу, плановой модели. Эта модель рождалась и пониманием марксизма в Китае, и «идеями» Мао Цзэдуна. Эта модель тоталитарной экономики при тоталитарном политическом режиме и была тем, что следовало устранить.

Ху Яобан и Чжао Цзыян видели, что эта модель лимитировала мотивации людей и их творчество.

При социализме Мао Цзэдуна людей лишали творческого начала, у них не было стимула работать ни в сфере экономики, ни в любой иной сфере.

Человек без творчества – вот идеал Мао Цзэдуна. Творчество Мао Цзэдун допускал только для самого себя. Отсюда и появились «идеи» Мао Цзэдуна. Это и было единственное, допущенное в КПК и в КНР, творчество.

Чжао Цзыян и Ху Яобан поняли, что Китаю, китайцам необходима свобода творчества, свобода в проявлении мотиваций, побуждающих работать и творить.

Из всего этого следует, что термином «социализм» Ху Яобан и Чжао Цзыян обозначали одно, а Мао Цзэдун обозначал другое. С точки зрения

Чжао Цзыяна и Ху Яобана, от того, что существовало при правлении Мао Цзэдуна, нужно было освобождаться. Во всяком случае, это следовало из их практической деятельности.

Итак, в сфере экономики у Ху Яобана и Чжао Цзыяна в принципе были одни и те же воззрения.

Этого мало. У них были одни и те же воззрения и в сфере политики.

Оба выступали за самостоятельность действий каждого конкретного человека, каждого предприятия, каждого местного органа государственной власти.

Децентрализация и демократия – вот за что выступали Ху Яобан и Чжао Цзыян.

По сути дела, то, о чем здесь шла речь применительно к области экономики и к области политики, и было либерализацией: экономической либерализацией и политической либерализацией, которые и являлись целью политики Ху Яобана и Чжао Цзыяна.

Не сговариваясь, не имея контактов между собой, они, каждый по-своему, пришли к этим убеждениям и активно осуществляли то, что было в их силах в этих целях.

Чэнь Юнь и Ли Сяньнянь, однако, подчеркивали важность плановой экономики; в особенности Чэнь Юнь, чьи взгляды так и не изменились с 1950-х гг. Он включил фразу «плановая экономика как ведущая, рыночные механизмы как вспомогательные» в каждую речь, с которой он выступал. Тон его речей не изменился даже тогда, когда реформы успешно осуществлялись. Его взгляды состояли в том, что иметь дело с экономикой это все равно, что иметь дело с птичками; вы не можете связывать птичек слишком туго, в противном случае они погибнут, задохнутся, но вы не можете отпустить их на волю, поскольку в этом случае они улетят; поэтому наилучший способ обращаться с птичками это держать птичек в клетке. Вот та основная идея, которая была за хорошо известной «Экономической Моделью в виде Клетки для Птичек».

В 1980-х гг. в КНР естественным образом возникла ситуация, при которой оказались возможными и приход Чжао Цзыяна на пост главы правительства и начало осуществления им экономической либерализации, постепенного продвижения к рыночной экономике в условиях мирного времени и мирной трансформации.

Здесь, действительно, сыграла свою роль разница во взглядах на состояние и перспективы развития экономики страны между Дэн Сяопином и Чэнь Юнем.

Взгляды Чэнь Юня сформировались у него на протяжении всей его работы, в том числе и до создания КНР, поэтому он был убежденным приверженцем не просто планового ведения хозяйства, но модели, принятой в СССР. После образования КНР Чэнь Юнь получил возможность,

по сути дела, в теоретическом и практическом плане определять основные направления экономического развития государства. Он делал это, ориентируясь на опыт в сфере управления хозяйством в СССР.

Чэнь Юнь считал, что предложенная им модель развития экономики КНР в первые годы ее существования дала результаты.

Далее последовали эксперименты Мао Цзэдуна. Чэнь Юню довелось исправлять явные ошибки Мао Цзэдуна в экономической политике. Это в еще большей степени убедило его в правильности использования опыта плановой экономики в СССР.

Поэтому и после ухода из жизни Мао Цзэдуна Чэнь Юнь продолжал настойчиво и неуклонно настаивать на том, чтобы принципы плановой экономики главенствовали в Китае.

Дэн Сяопин исходил из того, что главное – решать реальные экономические проблемы Китая. При этом Дэн Сяопин допускал применение рыночных механизмов в относительно широких масштабах. Конечно с тем, чтобы это не изменяло того, что, с его точки зрения, было основой социалистического характера экономики Китая.

Чэнь Юнь смотрел на вещи иначе. Он считал, что главное состоит в том, чтобы социалистическая система, то есть плановость в ведении хозяйства, всегда оставалась главным, а все, что относилось к рыночным механизмам, всегда оставалось лишь вспомогательным.

В этом и были различия между взглядами Дэн Сяопина и Чэнь Юня.

Чжао Цзыян глубоко разбирался в экономике Китая, в том числе Китая 1980-х гг. На этом основании он предлагал такие экономические решения, которые отвечали потребностям экономики Китая именно этой эпохи. С ним трудно было спорить по конкретным вопросам.

Чжао Цзыян добивался успехов в осуществлении предлагавшихся им экономических преобразований.

Чэнь Юнь не мог ничего противопоставить Чжао Цзыяну в этих случаях. Единственное, что он продолжал делать, это утверждать, что для той экономики, которая существует в Китае, должна существовать клетка, из которой эту экономику нельзя выпускать, иначе социализм превратится в капитализм.

Чжао Цзыян был решительно не согласен с этими, по сути дела, демагогическими, то есть не обоснованными на практике, заявлениями Чэнь Юня. Чжао Цзыян считал, что экономика Китая нуждается именно в экономических свободах, в экономической либерализации, в создании условий, при которых у людей Китая будут возможности и стимулы мыслить и действовать творчески.

Он не только был убежден в том, что первый пятилетний план Китая был успешным, но также, вплоть до конца 1980-х г. он был убежден в том, что именно плановая экономика всего за несколько десятилетий

преобразовала Советский Союз из недоразвитой нации в мощную страну, вторую по мощи только по отношению к Соединенным Штатам. Он видел это как доказательство того, что экономическое планирование может быть успешным. Он был уверен в том, что причина, по которой дела в Китае при плановой экономке не идут хорошо, главным образом состоит в разрушениях, вызванных политикой Мао, в сочетании с разрушительной культурной революцией. Если бы вещи происходили так, как это было во время первой пятилетки, результаты были бы весьма позитивными.

Чжао Цзыян считал, что вся экономическая система, созданная сразу же после образования КНР в 1949 году, нуждалась в реформировании.

Он не боялся при этом ни свободного рынка, ни действия законов спроса и предложения.

Думается, что Чжао Цзыян пришел к своей самостоятельной позиции в результате самостоятельного обдумывания многочисленных проблем, с которыми он сталкивался на протяжении своей работы в годы КНР.

Чжао Цзыян не был связан мыслью о том, что, только идя путем СССР, можно догнать по мощи США.

Чжао Цзыян, естественно, отрицал экономическую политику Мао Цзэдуна в годы «культурной революции» и «великого скачка». Однако он не ограничивался только этим. Он отрицал систему, существовавшую в КНР и во все остальное время правления Мао Цзэдуна.

Это, в частности, говорило о свободе мышления Чжао Цзыяна от того стереотипа, что экономическая модель должна была быть общей для СССР и КНР.

В этом, в частности, и заключалось нечто общее во взглядах Чжао Цзыяна и Дэн Сяопина.

Если говорить о внешних делах, то Чэнь Юнь оставался тем, кто испытывал имеющее глубокие корни восхищение Советским Союзом и недоверие Соединенным Штатам. Его взгляды тут очень отличался от взглядов Дэн Сяопина, и имели место трения между ними.

Для нас в России представляется важным отметить и то, что для Чжао Цзыяна не было такой проблемы, как теоретическая концепция общности социально-экономического строя в нашей стране и в КНР, а, следовательно, и необходимости в экономической политике следовать за СССР.

Более того, думается, что здесь можно обратить внимание на то, как Чжао Цзыян говорил об СССР и США.

Ощущается, что Чжао Цзыян был совершенно не согласен с Чэнь Юнем, который восхищался СССР и не доверял США.

Думается, что у Чжао Цзыяна не было ни мысли, ни чувства восхищения СССР.

Возможно, он не стремился сводить отношение к США, прежде всего, к недоверию.

Чжао Цзыян полагал, что в его времена Китай уже стал настолько мощным и значительным, что он мог не бояться США, а просто строить с ними взаимовыгодные экономические отношения.

Другое дело, что тут имели место сложные взаимоотношения между Чжао Цзыяном и Дэн Сяопином. Дэн Сяопин, следуя за Мао Цзэдуном, видел в нашей стране врага. Думается, что Чжао Цзыян не разделял эти взгляды.

Дэн Сяопин восхищался США, питал необоснованные надежды на возможность создания с ними единого всемирного фронта борьбы против нашей страны. И в этом Чжао Цзыян не разделял взглядов Дэн Сяопина. Он был за нормальные взвешенные отношения с нашей страной, и с США.

В 1980-х гг. Иван Архипов (экономический советник) прибыл в Китай. СССР послал его (в 1950-х гг.) помочь Китаю в области экономического планирования, и у него были хорошие отношения с Чэнь Юнем. Дэн дал Чэнь Юню тезисы для беседы во время встречи с ним и приказ следовать им. Сяопин был озабочен тем, что мог Чэнь Юнь сказать Архипову, и опасался того, что это могло вызвать путаницу во внешней политике. Чэнь Юнь с неохотой последовал приказам (установкам). (С. 120) Подобных взглядов придерживался (начальник генерального штаба НОАК) Сюй Сянцян. Он тоже был уверен в том, что в конечном счете Советский Союз был социалистической страной, в то время как США были империалистической нацией.

Действительно, в 1950-х гг. И.В.Архипов был руководителем всех советских советников и специалистов в КНР. У него тогда сложились хорошие отношения с Чэнь Юнем. Попутно можно отметить, что связи между людьми из нашей страны и Чэнь Юнем существовали с середины 1920-х гг.

После смерти Мао Цзэдуна советская и китайская стороны начали нащупывать пути нормализации отношений, которые Мао Цзэдун привел в состояние конфронтации, настроив КПК и КНР на враждебность к нашей стране и народу.

В 1984 году в ситуации, когда нормализация еще официально не произошла, по взаимной договоренности И.В.Архипов в качестве заместителя председателя Совета Министров СССР приехал в КНР.

Дэн Сяопин не стал встречаться с И.В.Архиповым.

Чэнь Юнь не только встретился с ним, но при встрече под телекамеры обнялся с И.В.Архиповым. И здесь можно отметить, что в Китае имеет значение каждый жест. В 1989 году перед встречей с М.С.Горбачевым Дэн Сяопин дал указание сопровождавшим его китайским чиновникам: «Не следует обниматься с русскими».

Если говорить о главном, то встреча И.В.Архипова с Чэнь Юнем в 1984 г. была полезна. Благодаря телевидению в Китае увидели, что можно

встречаться, обниматься и нормально беседовать с людьми из нашей страны. Встреча показывала, что у сторон есть совпадающие национальные интересы. Она говорила о том, что у обеих сторон есть желание прокладывать путь к продолжению процесса поисков нормализации отношений.

Чжао Цзыян акцентирует в данном случае внимание на другом.

Он подчеркивает, что существовало различие между позициями внутри руководства КПК.

Чэнь Юнь и маршал Сюй Сянцян исходили из того, что, в принципе, СССР и КНР были социалистическими странами, и это их сближало, а США были империалистической страной, и это разделяло КНР и США.

Здесь можно также вспомнить, что Линь Бяо в 1969 г., в разгар «культурной революции», после событий на острове Даманском, будучи тогда первым и единственным заместителем Мао Цзэдуна как председателя ЦК КПК, в докладе на съезде КПК утверждал, что ссора между СССР и КНР – это, по сути дела, ссора в своей семье, семье социалистических государств, и в то же время резко критиковал президента США Р. Никсона, к договоренности с которым тогда стремился Мао Цзэдун. Можно также вспомнить и о том, что практически ни один из маршалов КНР не поддержал Мао Цзэдуна в его «пограничной войне» в 1969 г. против нашей страны и народа.

Здесь необходимо вспомнить о том, что Дэн Сяопин был последователем взглядов Мао Цзэдуна, который считал необходимым создавать единый фронт с США для выступления против нашей страны и народа.

По этой причине Дэн Сяопин выдвигал предварительные условия ультимативного характера для нормализации наших отношений.

Дэн Сяопин хотел, чтобы все руководители, в том числе Чэнь Юнь, занимали ту же позицию.

Из слов Чжао Цзыяна следовало, что Дэн Сяопин дал такие указания Чэнь Юню.

Чэнь Юнь был вынужден выполнить этот приказ, но Чэнь Юнь был не доволен такой постановкой вопроса. Для нас, как страны и народа, здесь, прежде всего, важно, что Чэнь Юнь был за восстановление нормальных отношений между нами. Другое дело – это взгляды Чэнь Юня на управление экономикой страны с использованием опыта СССР, что касалось, прежде всего, и главным образом, внутрикитайских дел.

Думается, что одной из причин, по которым Дэн Сяопин поддерживал назначение Чжао Цзыяна на пост главы правительства КНР, было то, что Чжао Цзыян не считал, что у КПК и КНР должно быть особое отношение к нашей стране, не считал определяющим наши взаимоотношения тезис о социалистическом характере обоих государств.

В то же время еще раз подчеркнем, что Чжао Цзыян, в отличие от Дэн Сяопина, не считал нашу страну врагом и не считал необходимым предлагать США создавать единый фронт для борьбы против нашей страны.

Таким образом, Чжао Цзыян занимал разумные позиции, предпочитая иметь ровные и равные, нормальные отношения и с нашей страной, и с США. В этом Чжао Цзыян отличался и от Чэнь Юня, и от Дэн Сяопина.

Когда мы начали осуществлять систему перехода на семейный контракт в сельском хозяйстве, Чэнь Юнь выступил с речью на Рабочем совещании по вопросам села в декабре 1981 года. Он сказал, что сельская экономика тоже должна быть, главным образом, планируемой, с рыночными механизмами в качестве вспомогательных. По зерну, хлопку, табаку и другим продуктам должно установить квоты для районов, определенные в порядке планирования. Для свиноводства также должны иметься свои показатели.

Во время Китайского Нового года в 1981 г. Чэнь Юнь снова собрал руководителей Государственной плановой комиссии, чтобы поговорить об усилении экономического планирования, и затем распространил эти новости для газет. Он сказал, что из-за того, что экономическое планирование было непопулярным, стало трудно осуществлять работу Плановой комиссии, но от плановой экономики не должно отказываться.

1980-е гг. были, как говорили в самом Китае, «золотым периодом реформ». Действительно, давление большинства людей в пользу изменения положения, существовавшего, в данном случае, в области экономики, экономической жизни населения, было настолько большим, что власти, «старейшинам» КПК пришлось вынужденно согласиться с необходимостью тех или иных реформ в экономике. Все дело было в том, что эта номенклатура ощутила, что без осуществления экономических реформ дело может дойти до ее свержения массами народа в Китае.

В этой ситуации Чжао Цзыяну и удавалось осуществлять некоторые реформы. Чжао Цзыян не был скван мышлением периода 1950-х гг., а точнее, мышлением периода правления Мао Цзэдуна

Ему приходилось работать в ситуации, когда в партии большое значение имели даже одно – два слова Чэнь Юня.

Но и положение самого Чэнь Юня было не простым. Он тоже был вынужден в некоторой степени изменять свои установки.

В начале 1980-х гг. Чэнь Юнь попытался снова «надеть узду» на крестьян. Это произошло после того, как крестьяне стихийно разобрали землю по семейным наделам. Были заключены соответствующие контракты.

Чэнь Юнь тогда выдвинул установку, согласно которой экономика сельского хозяйства должна была оставаться централизованной, плановой. Чэнь Юнь настаивал на том, чтобы партийные работники на местах проводили политику в отношении крестьян таким образом, чтобы рыночные механизмы были лишь дополнением к планируемой сельской экономике. На практике осуществить это было невозможно, или можно было добиться лишь создания той или иной декорации.

Практика, законы рынка, законы спроса и предложения требовали предоставления возможности действовать свободному рынку. Чэнь Юнь продолжал выдвигать мысль о том, что важнее всего в Китае государство, а прочность государства зависит от прочности плановой экономики в стране.

Так практика жизни, на которую ориентировался Чжао Цзыян, вступала в конфликт с номинальной официальной политикой руководства партии, прежде всего с мнением Чэнь Юня.

На 3-м пленуме ЦК КПК 12-го созыва в октябре 1984 г. товарищ Чэнь Юнь представил письменное заявление. Даже хотя он все еще настаивал на том, что мы были правы тогда, когда не обращали внимания на законы предложения и спроса в нашей политике относительно продуктов питания в 1950-х гг., он согласился с проектом Решения по экономической реформе, которое было предложено пленуму.

Прежде чем этот проект был внесен на пленум, я написал письмо пленуму. Я написал письмо Постоянному комитету Политбюро об экономической реформе. Дэн Сяопин, Чэнь Юнь и Ли Сяньнянь все выразили свое одобрение. Чэнь Юнь даже написал в своем заявлении, что в силу расширения масштабов нашей экономики многое из практики 1950-х гг. больше невозможно. Я думаю, что его заявление было хорошим: он поддержал идею реформ.

Чжао Цзыян осуществлял экономические реформы на практике. Это давало хорошие результаты.

Одновременно Чжао Цзыян предложил на пленуме ЦК партии в 1984 г. принять документ – Решение по экономической реформе.

Чэнь Юнь сначала согласился с представленным проектом этого документа.

Чэнь Юнь даже признал, что экономика страны в середине 1980-х гг. стала иной по сравнению с экономикой в 1950-х гг. Действительно, кардинально изменилась ситуация в сельском хозяйстве. Возник рынок, стали играть свою роль спрос и предложение. Ситуация в сельском хозяйстве благотворно сказывалась на положении в городах. Чэнь Юнь был вынужден признать это.

Тем не менее на всекитайской конференции в сентябре 1985 г. он снова заявил: «Экономика должна основываться на «плановой экономике как основе и рынке как вспомогательном факторе»; эта формулировка не вышла из моды».

Это заявление могло создавать проблемы. Это выражение было использовано в годы, предшествовавшие 3-му пленуму ЦК КПК 12-го созыва, но с тех пор решение о реформе было принято, и мы согласились, что социалистическая экономика – это товарная экономика, и что мы должны в полной мере реализовать потенциал рынка. Мы также отказались от

идеи о том, что «сначала планирование, а цены потом», за которую выступал Мао. Как могли мы все еще говорить, что «плановая экономика это главное, рыночные механизмы это вспомогательное»? Было ясно, что если это заявление начнет циркулировать, оно войдет в конфликт с решением, принятым на 3-м пленуме ЦК КПК 12-го созыва.

Чэнь Юнь послал мне проект своей речи для рассмотрения, и я себя почувствовал в затруднении, читая его. (С. 121) Его речь была очевидным отказом от (его же) заявления на съезде партии в прошлом году. (С. 121–122) Если бы он произнес эту речь, это определенно вызвало бы замешательство на конференции. И к тому же я также знал, что поскольку он уже написал ее, то даже если он ее и не произнесет, будет все равно невозможно побудить его изменить свои взгляды.

Я навестил его в его доме и предложил, чтобы он добавил в речь один абзац: «То, что называется “рыночным регулированием как дополнительным фактором”, относится к объемам продукции, уровень производства которой устанавливается в соответствии с требованиями рынка без планирования. Это регулирование свободное от планирования». Он и сам использовал подобные выражения в 1950-х гг., поэтому он с радостью принял мое предложение и попросил секретаря добавить это положение в его речь немедленно.

Почему я выступил с таким предложением? Потому что, добавив эту фразу, мы могли лимитировать объем «рыночного регулирования как дополнительного фактора» применительно к мелким товарам, которые были свободны от государственного планирования. Мы не были обязаны включать сюда большую часть товаров, которые на 3-м пленуме ЦК КПК 12-го созыва характеризовались как «не непосредственно планируемые», что следовало из требований рынка.

Благодаря добавлению этой фразы товары подразделялись на три группы: первая это «планируемые товары»; вторая это «не непосредственно планируемые», что включало в себя большинство товаров; третья это так называемые мелкие товары «вторично приспособленные к рынку». Две последних группы, которые вместе составляли, по крайней мере, половину всех товаров, производились в соответствии с требованиями рынка, потребностями рынка. Прибавив эту фразу, мы могли объяснять все это, и тут не было видимых противоречий с Решением по экономической реформе.

Конечно, товарищ Чэнь Юнь не объяснял ситуацию таким образом; он имел в виду нечто совсем иное. Но, по крайней мере, мы могли объяснять это таким образом. Без такой фразы он мог бы просто сказать «плановая экономика как главное, рыночная как дополнительный фактор» и лимитировать объем регулирования в соответствии с потребностями рынка.

Все это кажется игрой в семантику, но ничего иного было сделать нельзя. Чэнь Юнь был необыкновенно влиятелен внутри Коммунистичес-

кой партии и в экономической политике. Если бы мы распространили его заявление без модификации, это могло вызвать серьезное замешательство внутри партии.

Чжао Цзыяну удалось побудить Чэнь Юня принять предложенную Чжао Цзыяном корректировку установки Чэнь Юня на то, чтобы считать плановую экономику главным, а рыночную дополнительным фактором. Формулировка, предложенная Чжао Цзыяном, при той интерпретации, которую ей давал Чжао Цзыян, позволяла проявлять гибкость при реальном осуществлении экономического курса и не запирает всю экономику в клетку плановости.

В 1987 г. я сказал в политическом докладе XIII съезду партии, что при продвижении вперед экономический механизм должен быть следующим: «государство совершает интервенцию в рынок, а рынок ведет за собой предприятия». И поскольку общий политический климат был очень положительным по отношению к реформам, проекты моих докладов всегда направлялись Чэнь Юню с тем, чтобы иметь его мнение. И даже хотя он никогда открыто не выражал оппозиции (не возражал), он никогда их и не одобрял. (С. 122)

Он никогда больше официально не выражал своей поддержки, как он это сделал на 3-м пленуме ЦК КПК 12-го созыва. (С. 122–123) Когда я начал представлять мой политический доклад при открытии XIII съезда партии, он встал и вышел из зала заседания. Таким был метод выражения несогласия с моим докладом. Почему я так думаю? В то время у него не было неважно со здоровьем, поэтому он не должен был испытывать проблем, оставаясь и слушая. По контрасту, когда я представлял Десять стратегических установок для экономического развития, после того, как я стал премьером ГС КНР в 1981 г., а в то время у него было неважно со здоровьем, и люди пытались уговорить его остаться дома и отдохнуть, он все же отказался остаться дома и сказал: «Мне нужно послушать до конца доклад Цзыяна». Его действия тогда были знаком поддержки. В целом старейшие в партии часто покидали совещания во время их проведения, но если сопоставить два упомянутых эпизода, его отношение было ясным.

Итак, в начале 1980-х г. Чэнь Юнь поддержал курс Чжао Цзыяна, предложенные им направления действий применительно к экономике страны.

К концу 1980-х гг. Чэнь Юнь демонстрировал несогласие с экономическими преобразованиями Чжао Цзыяна.

Чэнь Юнь, очевидно, не имея аргументов, не имея возможности противопоставить разумные доводы реальным успехам экономических реформ Чжао Цзыяна, был вынужден молчать, выжидая, когда появится возможность снова выступать со своими установками.

В дополнение к этому Чжао Цзыян заметил, как бы на полях, что после событий 4 июня 1989 года Яо Илин, который считал Чэнь Юня своим ментором в экономике, предложил «разрушить и выкинуть политическое влияние Чжао Цзыяна» путем публичного осуждения выражения «государство вмешивается (совершает интервенцию на рынок) в рынок, а рынок ведет за собой предприятия».

Из этого можно сделать вывод о том, что, с точки зрения Чэнь Юня и его приверженцев, в данном случае Яо Илина, Чжао Цзыян оказывал на КПК политическое влияние, выступив с утверждением о том, что предприятия в КНР должны действовать, подчиняясь законам рынка, а государство, в необходимых случаях должно вмешиваться в то, что происходит на рынке.

По сути дела, все это означало, что Чжао Цзыян был убежденным сторонником рыночной экономики, как необходимой в условиях Китая, а Чэнь Юнь и его последователи выступали против рыночной экономики или, во всяком случае, против того места, которое Чжао Цзыян отводил рынку в экономике Китая.

Я также прошел через несколько стадий в ходе понимания того, что такое плановая экономика. В начале я был озабочен тем, что в такой большой стране как Китай, с его различными условиями и неразвитыми средствами сообщения (коммуникациями) и транспортной системой, если все товары, начиная с процесса их производства и вплоть до процесса их распространения, управлялись и планировались в централизованном порядке, тогда казались неизбежными бюрократизм, разруха и ошибки.

Позднее, когда я пришел работать в Центральный Комитет, я понял, что экономическая неэффективность и разруха, разрывы между производством и потреблением имели внутреннюю причину, и это было сама плановая экономика. Единственным выходом из этой ситуации была реализация рыночного потенциала, допущение того, чтобы имели эффект потребности предложения и спроса. У меня не было никакой идеи относительно того, сможем ли мы, или не сможем, как социалистическая страна, принять фундаментальные основы свободного рынка наций Запада.

Из-за моей неопределенности, в своем докладе о работе правительства за 1981 год относительно «Десяти стратегических установок в области экономического развития» я разделил плановую экономику на четыре сектора в соответствии с характером предприятий и товаров. Первый сектор был определен как сектор производства продукции; он находился полностью под контролем государства, включая ключевые предприятия, которые составляли спинной хребет экономики и главные товары, существенные для обеспечения жизни людей. Второй сектор составлялся из многочисленных малых товаров, которые производились в соответствии с тем, как это планировали сами производители и продавцы распростра-

нителю в ответ на потребности рынка. (С. 123) Я также идентифицировал два остальных сектора: один, в котором планирование играло доминирующую роль, в то время как потребности рынка играли меньшую, регулирующую роль; и еще один, где рыночные силы играли главную роль, в то время как государство играло меньшую роль. (С. 123–124) В то время эта классификация была также одобрена Чэнь Юнем.

Когда готовились проекты документов для 3-го пленума ЦК КПК 12-го созыва, я представил группе, составлявшей проекты, несколько соображений, которые позднее включил в письмо, направленное Постоянному комитету Политбюро. Это были следующие соображения:

1. Экономика Китая – это плановая экономика, это не свободный рынок Запада.
2. Характер экономики Китая – это «экономика товаров (товарная экономика)» а не «экономика продукции».
3. Планирование состоит из прямого или непосредственного планирования и не прямого или не непосредственного планирования; прямое планирование должно сокращаться, в то время как не прямое планирование должно расширяться.
4. Не прямое планирование означает, главным образом, реакцию на потребности рынка с вмешательством с помощью экономических методов, в то время как прямое планирование должно также уважать (учитывать) потребности предложения и спроса.

Эти соображения были в конечном счете включены в Решение по экономической реформе, принятое 3-м пленумом ЦК КПК 12-го созыва. После этого формула «экономика товаров (товарная экономика)» была со всей ясностью определена. Помимо мелких товаров, которые не планировались, сектор «не прямого планирования» должен был опираться на рыночное регулирование и должен был продолжать расширяться. Таким образом, пропорции экономики Китая, опирающиеся на рыночное регулирование, должны были расти.

Ко времени моего доклада XIII съезду партии было ясно, что механизм экономики Китая должен был быть следующим: «вмешательство государства в рынок, рынок ведет за собой предприятия». Другими словами, мы уже реализовали зависимость экономики от принципов свободного рынка. Это произошло только благодаря тому, что не был использован такой идеологический барьер как термин «свободный рынок». (С. 124)

Чжао Цзыян обоснованно полагает своей заслугой то, что на практике ему удалось поставить экономику Китая на рыночные рельсы. Чжао Цзыян добился этого, благодаря тому, что при формулировании соответствующих документов ему удалось обойти и не использовать такой термин, как «свободный рынок». Более того, Чжао Цзыяну пришлось пря-

мо заявить, что экономика Китая – это не свободный рынок Запада. Чжао Цзяян признает и подчеркивает, что он руководствовался реальными потребностями экономики Китая, реальными интересами людей в Китае. Озарения пришли к нему далеко не сразу. Он хотел решать экономические проблемы, выводить страну из тупика, в который ее завел Мао Цзэдун. Чжао Цзяян стал искать причины бедственного положения в экономике. Сначала они явились как плановое начало в экономике, но затем, при более глубоком проникновении в проблему, оказалось, что дело в самой плановой системе экономики Китая. Чжао Цзяян пришел к пониманию того, что экономическая неэффективность экономики КНР, разрыв между производством и потреблением имели внутреннюю причину, и это была сама плановая экономика. Единственным выходом из этой ситуации была реализация рыночного потенциала, допущение того, чтобы имели эффект потребности предложения и спроса. Так Чжао Цзяян нашел свой путь экономической либерализации в Китае.

ОТ ИЗМЕНЕНИЙ В СТРУКТУРЕ К ИЗМЕНЕНИЯМ В СИСТЕМЕ

Представляется, что процесс осуществления на практике на нашей планете в XX и XXI вв. марксистских идей в сочетании с особенностями, присущими той или иной стране и народу, в разные сроки, но с неизбежностью приводит к необходимости либо полного, либо частичного отказа от них, но, во всяком случае, к поиску изменений, реформ, удовлетворяющих насущные запросы населения.

В Китае были свои особенности, которые определяли свой путь движения в направлении экономических реформ.

Прежде всего, Китай – это государство с самым многочисленным населением на Земле. Большая часть этого населения – это крестьяне. Мао Цзэдун не сумел решить вопрос о земле, не решил проблемы, с которыми сталкивалось китайское крестьянство. Он лишь на время «загнал» эти проблемы вглубь, установил политический режим, «обуздавший» крестьянство в годы его жизни и пребывания у власти.

При этом, несмотря на все «опыты», которые Мао Цзэдун ставил над китайским крестьянством, он не смог ни фактически и физически ликвидировать его, ни даже ликвидировать наиболее работоспособную часть крестьянства. И не потому, что он этого не хотел, а просто потому, что китайских крестьян оказалось слишком много, чтобы их можно было «уполовинить» при коллективизации.

Китайские крестьяне терпели порядок, установленный Мао Цзэдуном в деревне, только в условиях, когда Мао Цзэдун был жив и был у власти, и в условиях, когда политический режим в Китае при правлении Мао Цзэдуна был режимом предельной концентрации власти в руках одного вождя или диктатора, был, по сути дела, режимом самовластия. Режим осуществлялся в опоре на самый многочисленный в мире и бесчеловечный аппарат подавления всех не согласных с Мао Цзэдуном и его режимом. Жизнь показала, что такой режим мог существовать только при живом диктаторе.

Как только Мао Цзэдун умер, крестьяне отбросили порядок «кооперации» или «коммунизации народа», насажденный Мао Цзэдуном в деревне. Крестьяне стихийно, не под руководством Дэн Сяопина или других вернувшихся или утвердившихся у власти в КНР после смерти Мао Цзэдуна «старых хозяев партии», вернули себе свои семейные земельные наделы. Некоторые мудрые партийные руководители провинциального зве-

на (прежде всего, Чжао Цзыян в Сычуани и Вань Ли в Аньхое) поддержали это стихийное движение китайского крестьянства.

Компартии Китая пришлось согласиться с антимаоцзэдуновской крестьянской революцией в деревне, с фактическим переходом земли в руки крестьян по семейным наделам. Пусть это не был переход к частной собственности. Все равно это было создание ситуации, которая требовала учета правил рынка, спроса и предложения.

Более того, это означало, что Китай после смерти Мао Цзэдуна фактически, в том, что касалось большинства населения страны, то есть крестьянства, возвратился к временам до создания КНР в 1949 году. Китай вернулся к «ДОСОЦИАЛИЗМУ», к до социалистическому положению в деревне.

Оказалось, что китайское крестьянство при правлении Мао Цзэдуна как будто бы впало в политический анабиоз, или поделило свою жизнь надвое. Внешне откликалось на лозунги Мао Цзэдуна или вынужденно подчинялось его политике. Внутренне лелеяло мечту вернуть «свою землю». Так в Китае китайский собственник, кем в душе всегда оставался китайский крестьянин и при режиме Мао Цзэдуна, пережил Мао Цзэдуна и проснулся, вернулся к жизни, «взял свое», свой семейный земельный надел. Это и была антимаоцзэдуновская аграрная революция в Китае. Именно она создала прочный фундамент бескровного перехода Китая к рынку, к рыночной экономике.

Такое возвращение Китая до состояния «ДОСОЦИАЛИЗМА», возрождение в Китае крестьянина как частного собственника земли, по крайней мере, фактически, на практике, и создало в Китае необходимые условия для рыночных преобразований, для движения в сторону рыночной экономики. Китай получил возможность начать реформы с ситуации «ДОСОЦИАЛИЗМА» и постепенно продвигаться по пути «БЕССОЦИАЛИЗМА».

Таким «БЕССОЦИАЛИЗМОМ» оказалась ситуация, при которой внешне, номинально прежний режим, созданный при Мао Цзэдуна, прежде всего политический режим, сохранялся, а под этой оболочкой возникало, развивалось, крепло и мужало «БЕССОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ» ядро, то есть экономика, вышедшая за рамки централизованной плановой социалистической экономики. Конечно же, процессы в экономике влекли за собой необходимость политических изменений. На все это требовалось время.

Если вернуться к началу этого процесса изменений в стране, то можно отметить, что ситуация в деревне воздействовала на город. Все это требовало новых подходов.

Старые руководители КПК были вынуждены в принципе согласиться с изменениями в руководстве экономикой, в управлении экономическими делами или хозяйством страны.

В то же время сами они на практике осуществлять преобразования были не способны.

Поэтому им пришлось согласиться с тем, что это будут делать те, кто разбирался в проблемах и был способен нащупывать пути их решения. Таким человеком оказался, прежде всего, Чжао Цзыян.

Чжао Цзыян сумел найти ключ к решению проблем в то время. С его точки зрения, дело было в самой системе экономики КНР. Там следовало переходить к рынку. Этим и занялся Чжао Цзыян. При этом ему не нужно было преодолевать главную трудность, то есть преобразовывать ситуацию в сельском хозяйстве. Это китайские крестьяне сделали сами без Компартии Китая.

Таким образом, экономическая либерализация по Чжао Цзыяну имела основу перед началом преобразований, которые он начал осуществлять сам. Чжао Цзыян, на основе новой ситуации в сельском хозяйстве, начал постепенно осуществлять свои реформы. Чжао Цзыян разъяснил суть своих действий.

Как Китай пришел к принятию постепенного подхода? На протяжении тех десяти лет, когда я занимался экономикой в Центральном Комитете, – вплоть до того времени, как я ушел, – мы продвигали и осуществляли постепенный переход.

Чжао Цзыян называет свой подход к экономическим преобразованиям постепенным подходом.

Думается, что здесь, прежде всего, необходимо принимать во внимание то, о чем было сказано ранее. В Китае стихийно были созданы условия для преобразований, прежде всего, экономических преобразований, начиная с преобразований в деревне.

Чжао Цзыян выступал за постепенный подход к осуществлению преобразований применительно к экономической и политической структуре, на первом их этапе не затрагивая, по крайней мере, формально, экономической системы и политической системы.

В КНР, благодаря переменам в деревне, появилась возможность, не меняя систему «одним махом», идти шаг за шагом по пути, который в конечном счете вел к изменению системы.

Именно таким путем и шел Чжао Цзыян на протяжении 1980-х гг. В этом, в этой, по сути дела, постепенно осуществлявшейся экономической либерализации, и был залог успеха экономических реформ в Китае.

Здесь имели место два аспекта, две главных стороны этого процесса. Первый – это появление новой рыночной экономики, которая постепенно мужала (росла и крепла) вне рамок плановой системы.

Первая и главная особенность ситуации в Китае, состояла в том, что в стране появилась рыночная экономика. Эта экономика, что необходи-

мо лишний раз подчеркнуть, появилась не в результате политики КПК. КПК получила в каком-то смысле «готовую рыночную экономику». Пусть в зачатке, но готовую к дальнейшему развитию. Эту экономику не нужно было создавать с помощью законов и указов. Поэтому в Китае и не было никакой необходимости в «шоковой терапии» или в одномоментной и всеобщей реформе, если говорить о сельском хозяйстве, главной отрасли экономики страны. Все это китайские крестьяне сделали сами и, так сказать, «преподнесли на блюде» Компартии Китая готовые условия для экономической либерализации, экономических реформ.

Например, по мере того, как шли реформы села, государственные квоты на производство продукции (задания по производству продукции) были уменьшены; по мере сокращения установленных объемов (квот) происходил рост объема сельскохозяйственной продукции, таким образом, процент (доля) государственных заданий сокращался год за годом. Возраставшее количество продуктов создавало рынок.

В 1985 году, делая шаг дальше по этому пути, мы отменили программу обязательного производства продуктов сельского хозяйства, и в основном стали рыночно ориентированными, свободными от плановой экономики, за исключением нескольких видов сельскохозяйственной продукции, таких, как хлопок.

Идти по пути реформ, разрабатывать и осуществлять все новые шаги по пути реформ, было необходимо. В том, что и как это происходило, состоит заслуга Чжао Цзяяна и всех тех, кто этим занимался.

Вместе с тем, необходимо отметить, что все эти шаги были своего рода оформлением естественных процессов, к которым китайские крестьяне были готовы, которых они требовали.

Китайские крестьяне сначала сами стали на практике собственниками своих семейных земельных наделов, а затем государство приняло меры по закреплению уже возникшего рынка в деревне. Вот с чего начались реформы, если говорить о китайской деревне.

Появление поселковых и сельских предприятий, частного производства и коммерческих предприятий, совместных предприятий и предприятий с одним иностранным владельцем (совместных с иностранцами предприятий и предприятий, принадлежавших исключительно иностранному владельцу) – все это возникло вне рамок плановой экономики (за рамками плановой экономики). Все это вместе взятое формировало тот сектор экономики, который отвечал (реагировал) только на воздействие рыночных сил (только на рынок). (С. 125) Этот сектор начал с нуля и добился выдающихся результатов развития в последние годы, возрастая до такого уровня (такими темпами), который далеко превосходил тот, что имелся на предприятиях, находившихся в государственной или коллективной соб-

ственности. (С. 125–126) Он принес процветание экономике Китая и новую экономическую систему: экономику рынка (рыночную экономику).

Именно появление частного собственника – крестьянина в китайской деревне и создало условия для создания и развития в поселках и деревнях поселковых предприятий. Таким образом, крестьянская антимаоцздуновская революция в Китае после его смерти создала слой крестьян – частных собственников. Это повлекло за собой необходимость принятия мер государством с тем, чтобы ответить на требования крестьян предоставить им возможность вести свободную экономическую деятельность применительно к их семейным земельным наделам и применительно к их желанию создавать свои поселковые предприятия.

Далее движение за экономическую либерализацию охватило и город, всю страну, где стали появляться частное производство, коммерческие предприятия, совместные с иностранцами предприятия и предприятия на исключительно иностранном капитале.

Так сначала в деревне, а затем и в городе стал возникать и расти не государственный сектор экономики. Так мирная антимаоцздуновская эволюция стала распространяться на весь Китай, побеждать в Китае сначала в сфере экономики.

Так в Китае стал возникать рыночный сектор экономики. При этом он приносил стране процветание. Он значительно превосходил по темпам роста государственный сектор экономики.

Так в Китае появились и стали сосуществовать два сектора экономики или две экономики: экономика рынка и плановая экономика.

И по мере того, как рыночный сектор рос (увеличивался) день ото дня, экономическая система Китая (система экономики Китая, в Китае) переживала количественные изменения (в системе экономики Китая происходили количественные перемены), и даже без фундаментальных реформ оригинальной (изначальной) экономической модели (модели экономики) при государственном планировании. В этом состоит принципиальная причина того, что экономическая реформа в Китае не только способствовала процветанию, но и создавала политическую стабильность.

Количественное преобладание рыночной экономики, которая появилась и росла в условиях, когда плановая экономика оставалась в прежнем состоянии, и номинально изменения экономической системы не происходило, привело к тому, что экономическая реформа, экономическая либерализация в Китае приводила к укреплению страны, к ее процветанию, способствовала политической стабильности в Китае.

Здесь лишний раз проявилось фундаментальное значение того факта, что крестьянство в Китае сумело пережить Мао Цздуна и возродиться как феникс в своем ДОСОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ виде.

Второй важный аспект или вторая важная сторона этого процесса заключалась в сокращении планового сектора экономики. Причем это изменение не было мгновенным. Вместо этого все это началось с небольшого числа небольших изменений. Но это постепенно приводило к все большим изменениям.

Вводились политические установки и осуществлялись такие меры, в результате которых происходила передача больших властных полномочий на более низкий уровень администрирования и расширение самостоятельности или автономности предприятий. В целях реформирования системы экономического планирования производилось постепенное сокращение прямого планирования, расширялись рамки не прямого планирования, производилось сокращение объемов тех материальных ресурсов, которые предоставляло государство, а также увеличение (расширение) числа видов (типов) и количества продукции, которую продавали сами предприятия, находившиеся в собственности государства. Была разрешена торговля ключевыми (главными) материальными ресурсами за пределами выполнения квот, установленных государством, и даже внутри упомянутых квот часть их могла также продаваться прямо и непосредственно. В добавление ко всему этому мы также внедряли контрактную схему в целях реформы предприятий и цен. Все эти меры сыграли вспомогательную роль, в то время как рыночный сектор продолжал расти.

Второй стороной реформ было постепенное сокращение планового сектора экономики. Здесь существенную роль играла децентрализация, передача полномочий на более низкий уровень. И предоставление экономической самостоятельности предприятиям. Чжао Цзыян перечисляет ряд конкретных мер в этом направлении.

Главное же состояло в том, что рыночный сектор появился и вырос, превзойдя государственный сектор, естественным путем, имея под собой такую основу, как изменения применительно к законам рынка, спроса и предложения в китайской деревне.

В это время главными компонентами рыночного сектора были: сельское хозяйство, продукция, производившаяся в сельской местности, легкая промышленность, текстильная промышленность, и потребительские товары. Что касается той продукции, которая представляла собой средства производства, то она по большей части все еще контролировалась предприятиями, находившимися в собственности государства.

Еще одной важной особенностью реформ в Китае было то, что там было крестьянство, физически существовало крестьянство, была возможность у крестьян перейти к пользованию семейными земельными наделами, была возможность позволить крестьянам наладить производство местной продукции в селе, была легкая промышленность, работу кото-

рой можно было наладить, особенно текстильная промышленность. Наконец, в Китае была возможность производить потребительские товары в условиях рынка.

Именно на основе возрождения и создания этой части экономики Китая и удалось начать успешно осуществлять реформы в экономике в 1980-х гг.

Высказывалась критика в адрес такого подхода, который носил переходный характер: «отсутствие всеобъемлющей стратегии», «делается один шаг, и ждут, чтобы посмотреть, что произойдет», «отсутствие предвидения», «действия вслепую» и т. д. В настоящее время такого рода критики стало меньше.

Критика в адрес Чжао Цзыяна в процессе осуществления им экономических реформ или экономической либерализации свидетельствовала, что его противники были способны лишь на демагогические утверждения, на выдвижение «политических ярлыков». При этом содержание этих «ярлыков» было таким, что становилось ясно, что их авторы продолжали быть скованы шаблонами и рамками марксизма, «идей» Мао Цзедуна и не могли понять сути новой экономической ситуации в Китае, требований самых широких слоев населения КНР, прежде всего, китайского крестьянства.

Чжао Цзыяна обвиняли в «отсутствии всеобъемлющей стратегии». Это была реакция на то, что он не допускал обвинений в свой адрес в том, что он «покушается» на экономическую систему в КНР. Его обвиняли в том, что он «делал один шаг и ждал, кто произойдет». Это также говорило о том, что противники Чжао Цзыяна привыкли к тому, чтобы в соответствии с «идеями» Мао Цзедуна знать все сразу и наперед.

Чжао Цзыяна обвиняли в «отсутствии предвидения» и в «действиях вслепую». И это говорило о том, что противники Чжао Цзыяна не понимали того, что страна и народ движутся по неизведанному во всем мире пути, что нет «всесильного учения», последователи которого все знают наперед.

Чжао Цзыян констатировал, что к концу 1980-х гг. критических высказываний стало меньше.

Это могло означать, что успехи «золотого десятилетия реформ» Чжао Цзыяна были настолько очевидными, что с ним трудно было спорить.

Однако тут были и недостатки, проистекавшие из сосуществования двух систем; эти недостатки не должно недооценивать. Когда негативное воздействие превосходит то, что общество способно выдержать, проблемы будут проявляться. Только достигая успехов в ходе дальнейшего осуществления экономических и политических реформ, можно решать такие проблемы. Было правильным принять метод постепенного продвижения на

ранней стадии, но это нельзя продолжать на протяжении длительного времени. (С. 126)

Продвижение Китая по пути экономических реформ затруднялось одновременным существованием двух систем: плановой и рыночной системы.

Возникали свои новые проблемы при этой ситуации. Чжао Цзыян понимал, что неизбежным является появление негативного воздействия либо соревнования между двумя системами, либо следствий той или другой системы.

Чжао Цзыян также понимал, что общество способно терпеть те или иные недостатки, но есть предел такого терпения.

С его точки зрения, за этим необходимо следить тем, кто осуществляет реформы.

Чжао Цзыян также понимал, что необходимо одновременно осуществлять и экономические и политические реформы. Благодаря этому можно устранять появляющиеся проблемы.

Наконец, Чжао Цзыян подчеркнул, что возможность постепенного продвижения ограничена первым периодом осуществления реформ. За этим периодом наступает время определенных и необходимых решительных действий.

Все эти соображения Чжао Цзыяна представляются важными. Они характеризуют его как человека, который не только был способен на творчество, на выдвижение все новых реформ, но и на то, чтобы глубоко понимать суть экономических и политических процессов, и занимать позиции, которые позволяли искать и находить правильные решения возникающих проблем.

По всем этим причинам очевидным представляется то, что Чжао Цзыян был подлинным генератором идей, реформ, и тот факт, что его изолировали от общества во времена правления Дэн Сяопина, нанес громадный ущерб интересам народа Китая.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ КРИЗИСЫ 1984 И 1988 ГГ.

Чжао Цзыян в своих воспоминаниях рассказывает о том, какими были кризисы в экономике Китая в 1984 году и в 1988 году.

Экономическое урегулирование, осуществлявшееся в 1981 году, позволило снизить процент экономического роста применительно к продукции сельского хозяйства и промышленности до 4%. В следующем году экономика начала расти быстрее и в конечном счете встала на путь здорового развития. Экономическое развитие в 1983 и в 1984 годах было очень хорошим; при этом не только отмечался быстрый рост экономики, но предложение и спрос были относительно синхронизированы. Разнообразные индикаторы показывали более здоровое развитие; эффективность экономики заметно улучшилась, и жизненный уровень населения namного повысился.

Однако, начиная с четвертого квартала 1984 года, темпы роста стали чрезмерно высокими, объем выдаваемых кредитов превысил все разумные нормы, и масштабы строительства инфраструктуры в стране были слишком велики. В результате, цены росли еще быстрее.

В ходе осуществления экономических реформ в 1980-х гг. путь не был гладким. Время от времени возникали проблемы, и нужно было искать пути их решения. Это удалось сделать в начале десятилетия.

Меры, которые предлагал Чжао Цзыян, дали результат.

Однако в середине 1980-х гг. снова появились признаки перегрева экономики страны.

В начале 1985 года все эти признаки перегрева были налицо, Центральная руководящая группа по вопросам экономики и финансов и Государственный Совет пытались охладить экономику, усиливая макроэкономический контроль, сокращая кредиты и строительство инфраструктуры. Однако, поскольку банковская система все еще не была реформирована, контроль над кредитованием и сдачей в аренду приходилось осуществлять административными методами, сокращая квоты кредита до более низкого уровня.

Реакция на все это со всех сторон была сильной, и явилась причиной значительных трудностей в деле плавного руководства экономикой. (С. 127) Квоты по кредитам были снижены Государственным Советом

через Центральный банк и доведены до его отделений в провинциях и уездах. (С. 127–128) В результате местные власти заполнили эти квоты, отдав их тем проектам, которые они предпочитали, в особенности специальным строительным объектам (объектам строительства), и при этом ничего не осталось на те проекты, которые нельзя было позволить проигнорировать. Это вынудило центральное правительство увеличить квоты кредита.

Например, как только был введен контроль над кредитованием, многие органы власти на местах стали жаловаться, что им не хватает фондов для обеспечения годичных закупок зерна, хотя выделенные им кредиты они использовали в других целях. Таким образом, лимитирование кредитов было «туго натянуто» всего лишь с тем, чтобы вскоре снова «отпустить поводья».

Поэтому в 1985 году показатель или процент роста был все еще исключительно высоким, хотя макроконтроль был введен в начале этого года. Перегрев стал значительнее (хуже).

И как же нам можно было справиться с этой ситуацией? Рассматривались два подхода. Мы могли использовать традиционный метод: повторить урегулирование 1981 года, снова «затормозив» экономику и сократив строительство инфраструктуры.

Другой путь состоял в том, чтобы применить постепенный подход к решению проблемы. Первый из этих двух методов имел бы своим результатом громадные повсеместные громадные потери; и это не было бы практичным, поскольку многие инфраструктурные проекты были только что возобновлены после того, как он были отложены при урегулировании 1981 года. Если бы мы сократили их снова, это могло бы стать причиной нанесения значительного ущерба и внутри страны, и за рубежом. Вот почему я решил принять меры для осуществления «мягкой посадки», то есть осуществлять постепенное урегулирование на протяжении нескольких лет вместо того, чтобы провести его в течение только одного года.

Было принято решение продолжать осуществлять относительно строгий (тесный) контроль над кредитной и финансовой политикой на протяжении еще двух лет. Строительство инфраструктуры должно было оставаться на уровне 1985 года с поправками на приоритеты и сроки тех или иных проектов. Если бы темпы роста оставались одними и тем же на протяжении двух лет, ситуация могла бы легко вернуться к нормальному состоянию. Благодаря выполнению этого плана условия в целом в 1986 году были хорошими.

Положительные результаты имели продолжение. В 1987 году GNP (ВНП – валовой национальный продукт) и GDP (ВВП – валовой внутренний продукт) каждый выросли более чем на 10%. Объем промышленного производства увеличился более чем на 17%. В сельском хозяйстве рост составил около 6%. Розничные цены выросли на 7,3%. Ситуация с фикс-

рованными активами инвестиций и со строительством инфраструктуры в основном была хорошей.

В целом после двух лет подхода, состоявшего в осуществлении политики «мягкой посадки» («мягкого приземления»), положение улучшилось. Экономическое развитие в целом больше не было напряженным. Когда Центральный Комитет и Государственный Совет подводили итоги и рассматривали ситуацию в конце года, они признавали, что метод «мягкой посадки» смог работать лучше, чем применение мер, предусматривающих резкое урегулирование.

Чжао Цзыяну удалось найти способы справиться с перегревом. В результате ситуация в 1986 и 1987 гг. была хорошей.

Такой же была изначально стратегия и на 1988 год. (С. 128) Когда мы обсуждали планы на 1988 год на всекитайском совещании по работе в области планирования в сентябре 1987 года, я выступил с речью от имени Центрального Комитета. (С. 128–129) Я подчеркнул, что в целях проведения политики, направленной на стабилизацию экономики, – особенно имея в виду рост цен, – в области финансов и кредитования, необходимо затянуть пояса. Строительство инфраструктуры нуждалось в сокращении, фонды потребления нуждались в контроле над ними, и в то же самое время необходимо было сохранить устойчивый рост выпуска продукции. Стратегию в сфере экономики в 1988 году можно суммировать в двух пунктах: дальнейшая стабилизация экономики и углубление реформ.

Чжао Цзыян не плыл по течению. Он умел оставаться тем, кто направлял и выправлял развитие экономики. При этом его целью всегда оставалось углубление реформ. Этого он добивался в условиях стабилизации экономики. Чжао Цзыян умел сочетать стабилизацию экономики с последовательным осуществлением и углублением реформ.

Но если стратегия была определена, почему же тогда инфляция была такой высокой, с индексом розничных цен, выросшим на 18,5%? Такого никогда не случалось с начала реформ.

Инфляция была результатом совпадения (комбинации) ряда факторов. Я упоминал тогда, и я уверен в этом и сегодня, что первой причиной был несоответствующий ответ в 1988 году при реформировании системы цен.

Реформа цен – постепенное урегулирование механизма цен, это чрезвычайно важный вопрос в сфере экономических реформ. Мы всегда были уверены в том, что если цены не будут рассортированы, то экономическая реформа не сможет быть осуществлена.

После двух лет осуществления подхода по принципу «мягкой посадки», в 1986 и 1987 годах, в 1988 году уже существовали условия для того, чтобы совершить самый большой шаг в области реформы системы цен. Однако, предложенная реформа – «совершить прорыв там, где имеются

трудности в системе цен» – был целиком и полностью ошибочным и с точки зрения его руководящих принципов, и по тому, как он осуществлялся (проводился в жизнь). Результатом была серьезная ошибка, которая стала причиной серьезного отката в экономике.

Осуществление реформ, которыми занимался Чжао Цзыян, было делом совершено новым. В мире не было подобного опыта.

Ошибки здесь были неизбежны. Важно было понять ошибочность тех или иных действий и исправлять совершенные ошибки.

Чжао Цзыян смело признал, что в 1988 г. он совершил ошибку. Эту ошибку он совершил при решении самой трудной проблемы в ходе экономических реформ такого рода.

Самой трудной здесь является реформа цен.

Чжао Цзыян понимал, что осуществлять реформу цен придется в любом случае. Это, действительно, было неизбежно.

Весь вопрос был в том, как именно делать это.

Чжао Цзыян принял тогда решение «действовать там, где имеются трудности» при реформе цен.

Он признает, что здесь он совершил ошибку.

Как же это могло случиться? Как я уже упоминал, первоначально ожидалось, что политика «мягкой посадки» будет продолжена. Однако весной 1988 года имела место сильная реакция на рост цен и на двухколейную систему цен, которая поощряла коррупцию. Также Дэн Сяопин неоднократно предостерегал нас, требуя проявлять решительность при реформе цен, которая, как он был уверен, требовала прорыва, и говоря: «мгновенная и резкая боль лучше, чем затянувшаяся боль».

Чжао Цзыян ни на кого не сваливал свои ошибки. Он брал ответственность на себя.

В данном случае он принял не верное решение «пошел на штурм» в области реформы цен.

В какой-то степени сказалось и то, что Дэн Сяопин, по сути дела, толкал его на это, подталкивал к такому именно решению.

Дэн Сяопин высказывался, в данном случае, по вопросу о методе осуществления стратегии реформ.

Дэн Сяопин перенес свой политический опыт на область экономики. Он считал, что лучше решать вопросы «одним ударом».

Чжао Цзыян не осуждает Дэн Сяопина, но упоминает о его взгляде на ситуацию. Известно, что с позицией Дэн Сяопина в те времена приходилось считаться.

Имея все это в виду, я начал колебаться, отходить от шагов прежнего характера, то есть от постепенного движения по нарастающей, по направлению к мысли: «все и сразу». Следовательно, хотя фиксированные

цены повысились, положение, при котором ценообразование было не правильным, не изменилось, поэтому возможно было бы лучше совершить главное урегулирование сразу же в один присест. За определенный период времени, скажем, за два или три года, мы могли бы в определенной степени повысить цены, например, на 30–50%, чтобы вывести цены на товары на рациональный уровень, и, таким образом, ликвидировать искаженную и не разумную систему цен. (С. 129)

После того как это мое предложение было принято в принципе на расширенном заседании Постоянного комитета Политбюро весной 1988 года, Яо Илин был назначен руководить Государственной Плановой Комиссией в процессе изучения специфики осуществления упомянутой политики. (С. 129–130) Летом 1988 года план, предложенный Яо Илинем и Государственной плановой комиссией, был принят после дискуссии, в ходе которой высказывались за и против, на расширенном заседании Постоянного комитета Политбюро в Бэйдайхэ. Осуществление плана было назначено на четвертый квартал 1988 года или на начало 1989 года, однако это было отменено из-за высокой инфляции.

С 3-го пленума ЦК КК 12-го созыва наша стратегия в области реформы цен представляла собой комбинацию (сочетание) урегулирования с ослаблением контроля. Некоторые цены были урегулированы правительством в духе снижения максимального уровня цен, в то время как применительно к другим было позволено осуществлять урегулирование в соответствии с действием сил рынка. Некоторые товары, цены на которые были определены (установлены) правительством в рамках квот внутри сектора, подлежавшего планированию, могли впоследствии продаваться на рынке по открытым ценам. Это и была система двойных цен.

Наше намерение состояло в том, чтобы реагировать на рынок и постепенно ослаблять контроль над ценами, позволяя рынку брать верх. Однако предложенная реформа цен не встраивалась в стратегию постепенных реформ, а основывалась на урегулировании цен в широких масштабах путем административных мер, принимавшихся правительством. В этом находили свое отражение чувства того времени: поторопиться, одним рывком пройти через реформу цен, и ликвидировать двойную систему цен с той целью, чтобы унифицировать или, по крайней мере, уменьшить разрыв между фиксированными (установленными правительством) ценами и рыночными ценами.

Это не был правильный путь осуществления реформы цен, так как в конечном счете это не было сдвигом (продвижением) от контроля над ценами к рыночным механизмам. Это было использование методов планирования с тем, чтобы урегулировать цены. Это все еще был старый (прежний) путь планируемых цен. В настоящее время ясно, что если бы даже высокая инфляция и не возникла, и эта реформа цен была бы осуществлена, это не решило бы проблему, и могло отбросить назад реформу цен.

Итак, Чжао Цзыян поддавался желанию «одним рывком» добиться решения проблемы реформы цен. Сыграли свою роль настроения в обществе. Сыграла свою роль поощряющая позиция Дэн Сяопина.

Впоследствии Чжао Цзыян осознал, что то, что было им тогда предложено и что осуществлялось, между прочим, при значительном участии его противника Яо Илия, не было сдвигом от контроля над ценами к рыночным механизмам. Это было использование методов планирования, методов плановой экономики, для урегулирования цен. Таким образом, это не было продвижением по пути рыночных реформ. Трудно было оторваться от привычной плановой экономики и ее методов. Чжао Цзыян не сразу избавился от их воздействия.

Самой прямой (непосредственной) причиной высокой инфляции в 1988 г. явилось то, что еще даже до того, как были выработаны планы осуществления реформы цен, стартовала кампания в средствах массовой информации. Абсолютно неожиданно широко распространились слухи: «Цены подскочат на 50%, зарплаты будут удвоены». Эти слухи вызвали панику в обществе, в огромной степени сказавшись на людских ожиданиях скачка цен. «Психологические ожидания» – это было то, чего мы не понимали в свое время. Однако нации с рыночной экономикой уделяют большое внимание этому вопросу тогда, когда испытывают нужду в том, чтобы контролировать инфляцию. Они пытаются найти пути для того, чтобы избежать сверх реакции (чрезмерной реакции), которая возникает из-за «психологических ожиданий»; мы же наоборот вдохновляли и стимулировали их.

В конечном счете ничего не произошло, но люди были убеждены в том, что цены вырастут, и мы не могли предоставить убедительные доказательства обратного с помощью, например, повышения банковской процентной ставки по сбережениям, что могло бы стать обещанием людям того, что их банковские вклады будут расти темпами, превышающими инфляцию; или предоставляя депозиты с гарантированной ценностью. (С. 130) В то время, когда люди ожидали грядущего длительного повышения цен, не были даны убедительные заверения применительно к банковским сбережениям, поэтому каждый беспокоился, что подскочившие цены обесценят (девальвируют) годы сбережений, которые они держали в банках. С 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва (1978 год) люди, которые жили скромно и делали сбережения, вложили более 100 миллиардов юаней в банк. Когда они ожидали, что их с таким трудом сделанные (накопленные) сбережения будут девальвированы в результате инфляции, они бросились изымать свои сбережения из банков и закупать товары. Это вызвало наплыв людей в банки за своими сбережениями и панический спрос летом 1988 года.

Паника закупки тех или иных из предлагавшихся товаров случалась много раз в прошлом, поэтому это не было нам незнакомо. Но на сей раз,

она была иной. В прошлом паника закупок вызывалась нехваткой товаров; люди беспокоились, задумывались о том, где они в будущем возьмут мыло, столовую соль, муку. Но на сей раз цель закупок была не в том, чтобы удовлетворить личные нужды, но в том, чтобы наполнить ценностью свои сбережения, поэтому ситуация была даже более серьезной и более широко распространенной, чем раньше.

Многие магазины и предприятия подняли цены, и банковские сбережения сократились на 40 миллиардов юаней более чем ожидалось. Банки должны были печатать деньги, чтобы покрыть изъятия, результатом было большое увеличение денежной массы, которая находилась в обращении.

Как только паника, выражавшаяся в стремлении покупать, началась, мы должны были немедленно и решительно принять меры, чтобы повысить ставки депозитов или объявить о депозитах с гарантированной ценностью. Если бы мы это сделали, ситуация могла бы быть лучше, и потери могли бы быть меньше.

В обществе распространились слухи о грядущем повышении цен. Люди стали изымать сбережения из банков и превращать деньги в товары.

Чжао Цзыян считает, что можно было справиться с ситуацией, повысив ставки банковских депозитов и объявив о депозитах с гарантированной ценностью.

В это время Центральная руководящая группа по экономике и финансам предложила меры Государственному Совету, но Ли Пэн и Яо Илинь были обеспокоены тем, что повышение ставок депозитов (процента на сбережения) может иметь своим результатом повышение ставок по банковским займам предприятиям за пределами возможного для предприятий, что отразилось бы на производстве. Они не приняли немедленных мер, и в результате потери, которые могли бы быть уменьшены, вместо этого увеличивались.

Премьер ГС КНР Ли Пэн и его заместитель Яо Илинь вместо того, что было бы разумным, с точки зрения Чжао Цзыяна, не сделали этого, объясняя это заботой об интересах государственных предприятий.

Так оказалось, что Чжао Цзыян думал об интересах людей, общества, а Ли Пэн и прочие об интересах государства.

Здесь, пожалуй, можно отметить, что в начале 1980-х гг. экономические реформы, экономическая либерализация в Китае происходила относительно естественно и была, в известном смысле, оформлением того, что по сути своей уже произошло или происходило в стране на практике.

Здесь необходимо еще раз сказать, что произошло то, что китайское крестьянство после смерти Мао Цзэдуна само, без участия или руководства со стороны КПК, произвело или совершило антимаоцзэдуновскую аграрную революцию, ликвидировало кооперативную систему в деревне.

Хотя земля формально осталась в собственности кооперативов, но фактически она перешла в руки крестьян. Китайское крестьянство пережило Мао Цзэдуна, очнулось от анабиоза, и снова превратилось в частных собственников, то есть вернулось к досоциалистическому состоянию, к ДОСОЦИАЛИЗМУ, существовавшему в Китае до 1 октября 1949 года.

В ситуации, когда в Китае возник слой из большинства населения, являющегося частными собственниками, возникла необходимость юридически оформить это, что и приняло форму экономических реформ 1980-х гг. Эти реформы осуществлялись относительно плавно. Здесь не было необходимости осуществления решительных и резких мер, «шоковой» терапии.

Однако оказалось, что на определенном этапе необходимо переходить к реформе цен. Это потребовало новой тактики. В том числе продуманных, постепенных, но решительных и существенных изменений.

Борьба вокруг реформы цен и стала борьбой Чжао Цзыяна за продолжение реформ с Ли Пэнном и прочими, которые хотели не только остановить реформы, но и повернуть вспять.

Нужно также добавить к этому то, что Дэн Сяопин путем интриг удалил Ху Яобана с поста генерального секретаря ЦК КПК. Он также переместил Чжао Цзыяна на пост генерального секретаря ЦК КПК. Таким образом, Чжао Цзыян был лишен возможности продолжать непосредственно руководить хозяйством страны. Именно по этой причине Ли Пэн и прочие смогли тормозить осуществление экономических реформ в КНР в конце 1980-х гг.

В конечном счете у них не оставалось выбора, кроме как действовать. После объявления о депозитах с гарантированной ценностью, банковские депозиты быстро стабилизировались, и постепенно вернулись к прежнему состоянию. Это доказало, что тогда, когда мы оказались перед лицом наплыва людей в банки с тем, чтобы изъять оттуда свои сбережения, и паники, выразившейся в стремлении покупать, если бы мы предоставили гарантии сбережений, мы могли бы в громадной степени уменьшить потери.

Во время высокой инфляции 1988 г. цены повысились на 18,5%. Проблема была не в потере контроля над кредитами и займами, и не в том, что были чрезмерными расходы на инфраструктуру. Оба этих фактора не превышали лимиты, установленные политикой «мягкой посадки».

Главная проблема состояла в уменьшении депозитов по сбережениям, что было вызвано ошибками при проведении реформы цен. (С. 131) Ретроспективно обращаясь к вопросу, можно сказать, что если бы мы продолжали политику сочетания урегулирования с ослаблением контроля, или даже если бы мы двигались быстрее в целях ослабления контроля, в то же время, повышая процентную ставку выше уровня роста цен с тем, чтобы

гарантировать стоимость депозитов, можно было бы избежать высокой инфляции в 1988 году. (С. 131–132)

Оказавшись перед лицом высокой инфляции и наплыва людей в банки за своими сбережениями, а также паники, выразившейся в покупках товаров, для того, чтобы быстро стабилизировать ситуацию, мы объявили об отмене реформы цен и о сдвиге экономической политики к «урегулированию и реорганизации». Эти предложения были инициированы мной и приняты на заседании Политбюро и на пленуме Центрального Комитета. В ретроспективе я уверен, что отмена реформы цен была правильной, а вот сдвиг от изначальной политики «стабилизации экономики и углубления реформ» к «урегулированию и реорганизации» был неподходящим.

Чжао Цзыян в условиях того времени совершил ошибку. Возможно, что это произошло и под воздействием мысли о том, что в прошлом урегулирование приносило разрешение проблем.

Чжао Цзыян впоследствии пришел к выводу о том, что отмена реформы цен в тот момент была правильной мерой, в то время как сдвиг от изначальной правильной, и оставшейся по существу правильной, политики «стабилизации экономики и углубления реформ» к политике «урегулирования и реорганизации» было большой ошибкой.

И даже хотя предложенные тогда «урегулирование и реорганизация» помогли быстро стабилизировать экономику, это послужило причиной еще и отката в реформах.

Прежде всего, для того, чтобы замедлить рост цен, почти все административные меры по контролю над ценами были восстановлены. Чиновники на всех уровнях правительственных учреждений были сделаны ответственными за осуществление этого. Это означало, что мы отказались от лет оживления в пользу старых методов контроля над ценами.

Действуя во имя «урегулирования и реорганизации», Ли Пэн и другие в Государственном Совете отобрали обратно власть, которая до этого была передана на более низкий уровень, и взяли в свои руки контроль (обратно) над теми мерами, которые означали освобождение. Все пошло в направлении, противоположном реформам, было возвращено по сравнению с тем, что уже было реформировано, применительно к системе экономики. Именно по этой причине менее чем через год имела место рецессия в экономике и депрессия рынка. Другие серьезные экономические проблемы продолжались вплоть до речи Дэн Сяопина во время его поездки на юг страны (1992 год).

Здесь и сказался отрицательный эффект интриг Дэн Сяопина. Фактическая передача Дэн Сяопином власти в сфере экономики и в руки Ли Пэна и иже с ним имела своим следствием движение в направлении, про-

тивоположном реформам. Уже в 1989 году возникли рецессия в экономике и депрессия на рынке.

Иными словами, Дэн Сяопин в конце 1980-х гг. затормозил экономические реформы в КНР. Он остановил их. Эта остановка продолжалась несколько лет. Только в 1992 году, поняв, что положение в экономике снова становится безвыходным, Дэн Сяопин согласился продолжить осуществление реформ. Так самой жизнью была подтверждена правота реформатора Чжао Цзяяна.

В итоге мы делали одну ошибку за другой. Я вынес их этого очень глубокий урок.

Чжао Цзяян откровенно признает, что во второй половине 1980-х гг. он совершил две ошибки.

Во-первых, до начала реформы цен информация об этом была доведена до населения.

Во-вторых, не были во время повышены ставки по депозитам населения.

Чжао Цзяян берет на себя ответственность за то, что произошло.

В то же время, если объективно анализировать ситуацию, то Дэн Сяопин своей позицией подтолкнул Чжао Цзяяна к решению «одним махом» осуществлять реформу цен, что противоречило глубокой собственной позиции Чжао Цзяяна. Не считаться с мнением Дэн Сяопина было в условиях того времени затруднительно.

Чжао Цзяян довольно быстро внес предложение о гарантировании вкладов населения, но Ли Пэн и иже с ним затянули решение этого вопроса. Формально власть в сфере экономики была тогда уже передана Дэн Сяопином Ли Пэну. Чжао Цзяян сделал в этих условиях то, что было в его силах.

Такова объективная картина событий.

Весной 1989 г. я направил товарища Ань Цзывэня (заместителя руководителя Государственной Комиссии по экономической реформе) и других товарищей в Сянган и пригласил несколько экономистов, чтобы обсудить проблемы Китая. Шесть экономистов приняли участие, все они были членами Академии Синика на Тайване. Среди них был Цян Шо-чэнь, руководитель Китайского (Чжунхуа) Института по экономическим реформам, который был необычайно влиятелен на Тайване.

Здесь попутно можно отметить, что Чжао Цзяян упоминает о том, что он сделал смелый шаг. Посоветовался по экономическим вопросам с экспертами с острова Тайвань. Это было важное событие в области связей между Чжао Цзяяном, между КПК, и Тайванем в конце 1980-х гг., как раз накануне событий 4 июня 1989 г.

Важно отметить и то, что Чжао Цзяян доверил миссию общения с экспертами с острова Тайвань Ань Цзывэню. Ань Цзывэнь известен как

тот человек, который в свое время, при Лю Шаоци на «первой линии» руководства, был заведующим организационным отделом ЦК КПК. Пострадал от репрессий Мао Цзэдуна во время «культурной революции». Доброе имя Ань Цзывэню возвратил Ху Яобан.

Так получается преемственность между людьми, которые ратовали за альтернативный маоцзедуновскому курс развития Китая: Лю Шаоци – Ань Цзывэнь – Ху Яобан – Чжао Цзяян.

Во время обсуждения они выразили мнение относительно инфляции 1988 года. (С. 132) Во-первых, они согласились, что на континенте очень многое было достигнуто за десять лет реформ, и что, даже хотя и были проблемы, с экономической точки зрения, они не были серьезными, в том числе и рост цен на 18,5%. (С. 132–133) Если бы должные меры были приняты, эти проблемы могли бы быть решены.

Чжао Цзяян смело обращался к тем, кто действительно был авторитетом в сфере экономики, будь то американцы или тайваньцы. При этом он также смело заявлял о том, что на Тайване одобряли успехи реформ в экономике Китая в 1980-х гг. Сторонники Дэн Сяопина этого не делали.

Во-вторых, что касается реформы цен, то они были уверены в том, что экономическое развитие нуждается в подчинении правилам рынка, вне зависимости от политической системы. Поскольку инфляция ухудшилась в прошлом году, были разговоры о том, что реформа цен замедляется и происходит возвращение к административному контролю над некоторыми ценами. Однако, хотя было понятно, что такие действия предпринимаются в качестве временной меры, это не должно продолжаться долго. Если неправильная реформа цен не будет реформирована, экономика не сможет продолжать функционировать. Выход из ситуации – это баланс между предложением и спросом и установление контроля над денежной массой, находящейся в обращении. При этих условиях контроль над большинством цен на товары может быть ослаблен, в то время как малая часть цен, таких как цены на публичные услуги (обслуживание интересов общества), может устанавливаться (определяться) правительством в соответствии с определенными коэффициентами прибыли. Они подчеркнули, что цены должны решаться рынком. В противном случае никогда не будет правильных цен.

В подтверждение своей правоты по экономическим вопросам Чжао Цзяян обращается к мнению компетентных тайваньских экспертов.

Их общее мнение сводится к тому, что экономическое развитие нуждается в подчинении правилам рынка, причем вне зависимости от политической системы.

Экономика может эффективно функционировать только при том условии, что будет осуществлена реформа цен. Цены должны определяться

рынком. В противном случае никогда не будет правильных цен. Это также общий вывод Чжао Цзыяна и тайваньских экспертов.

Другой вопрос, который они обсуждали, это политика с помощью, которой можно справиться с инфляцией. Они были уверены в том, что причина инфляции на континенте состояла, главным образом, в фискальном и финансовом дефиците, и что ключ к решению этой проблемы был в повышении процентной ставки до уровня, который выше возрастающего индекса цен и в допущении свободного плавления курса валюты в соответствии со спросом и предложением валюты на рынке применительно к денежной массе. Это было бы на пользу возрастанию сбережений и контролю над размерами займов.

После того, как я прочитал рекомендации Цян Шо-цзе и других, я напечатал выжимку (главное содержание) из их мнений товарищу Сяопину, и дал указание Государственной комиссии по экономической реформе организовать соответствующее обсуждение вопроса.

Я был намерен переоценить весь наш подход к экономике и реформе цен, но из-за студенческих демонстраций, это было отложено в сторону. (С. 133)

Чжао Цзыян всегда, в любой ситуации, стремился действовать в соответствии со своими убеждениями. Вот и в данном случае он понимал, что действия Ли Пэна и прочих наносят вред народу страны. Поэтому он обратился к китайцам, живущим на Тайване, попросил их выразить свое мнение. Чжао Цзыян доложил об их выводах Дэн Сяопину, надеясь убедить его в том, что в экономике разумным является тот путь, за который он ратовал. Чжао Цзыян также был намерен настоять на выправлении экономического положения, создавшегося в 1988–1989 гг.

Действия Дэн Сяопина в связи с событиями 4 июня 1989 г. не дали Чжао Цзыяну возможности успешно продолжить осуществление экономической либерализации, экономических реформ в Китае.

ОТКРЫТОСТЬ КИТАЯ ПО ДЖАО ЦЗЫЯНУ

Чжао Цзыяну принадлежит наполнение конкретикой мысли о необходимости открытости Китая. Чжао Цзыян предстает при этом, как умный человек, который умел осознавать необходимость выходить за рамки, созданные общепринятым до того времени пониманием в Китае теории марксизма, практики социализма и «идей» Мао Цзэдуна.

На протяжении многих лет наши усилия с целью экономического развития приносили ничтожные результаты. Они требовали огромнейших усилий, и в то же время давали незначительную отдачу. Помимо самой системы экономики, тут имели место и иные проблемы, такие, как политика закрытых дверей, которая превращала опору на собственные силы в абсолютное лекарство. Она становилась идеологическим фетишем (тем, за чем гнались, исходя из идеологии) (наполнялась идеологическим содержанием) и была политизирована.

Чжао Цзыян, очевидно, из всей своей жизни и работы в годы правления Мао Цзэдуна сделал вывод о том, что в те времена людей в стране заставляли тяжело трудиться, но этот труд не приносил результатов. С точки зрения Чжао Цзыяна, экономика страны фактически почти не развивалась. За этим, также с очевидностью, стоит осознание того, что теория марксизма, «идеи» Мао Цзэдуна, практика того, что именовалось строительством социализма в КНР, в данном случае, в сфере экономики, страдали такими пороками, что народ, люди в Китае от всего этого ничего, или почти ничего, не получали.

Все это происходило из-за того, что сама экономическая система в КНР была основана на общей собственности. Ее можно именовать государственной, общенародной или общественной собственностью. Суть от этого не меняется. Это была собственность, которая не принадлежала каждому конкретному человеку (имеется в виду рядовой человек). Человека в общегосударственных масштабах в результате осуществления политики правящей политической партии, руководствовавшейся марксизмом, лишали собственности. Она, по сути дела, принадлежала, в первую очередь, «вождю», «главному хозяину» над партией и государством, особенно над вооруженными силами. Она также частично принадлежала номенклатуре, частицы которой имели возможность пользоваться тем, что им «было положено» тем же вождем или «хо-

зияном». Большинство людей в КНР не ощущали, что им что-то принадлежит.

Кроме этого причиной такого состояния экономики страны было и то, что Мао Цзэдун называл политикой опоры на собственные силы. Установка об опоре на собственные силы считалась абсолютным лекарством от всех болезней. В этом не дозволялось сомневаться. У Мао Цзэдуна эта установка была связана с тезисом о том, что он, дескать, главный борец за независимость Китая от иностранцев. На практике в 1960-х – 1970-х гг. стало ясно, что Мао Цзэдун, главным образом, стремился противопоставить народ Китая нашему народу и нашей стране. Таким образом, в установке о необходимости опираться на свои силы имелось и важное содержание, направленное против нашей страны и народа.

На практике установка Мао Цзэдуна об опоре на собственные силы выражалась в политике закрытых дверей. Мао Цзэдун, придя к власти, создав свое государство, то есть КНР, закрыл двери Китая. Политика Мао Цзэдуна была в сфере экономики автаркией. Она была направлена на обособление национального хозяйства и на подготовку агрессивных, захватнических войн.

В целом, Чжао Цзыян называл двумя главными причинами того, что при правлении Мао Цзэдуна огромные усилия народа давали незначительную отдачу, практически не обеспечивали развития экономики страны, экономическую систему и политику закрытых дверей. Это означало, что он в своих экономических реформах, в своих действиях, направленных на экономическую либерализацию, исходил из необходимости изменить систему экономики и отказаться от политики закрытых дверей. Это и был альтернативный маоцзэдуновскому курс в сфере экономики, проводившийся Чжао Цзыяном. В первую очередь, это касалось сельского хозяйства.

Давайте рассмотрим сельское хозяйство, в качестве примера. Если там речь идет о том, чтобы добиться эффективности, тогда первейшим принципом должно быть стремление опираться на силу, на потенциал местных условий, имея в виду землю, то есть на те условия, которые предоставляет земля. Каждый должен был бы выращивать то, что в наибольшей степени подходит именно для этой земли, для этих земель. Однако на протяжении длительного периода времени, нам не дозволялось делать именно это.

Чжао Цзыян, говоря о ситуации в сельском хозяйстве Китая при правлении Мао Цзэдуна, по сути дела, противопоставлял подход здравомыслящего, мудрого человека взглядам Мао Цзэдуна. Чжао Цзыян подчеркивал, что на протяжении длительного времени Мао Цзэдун, его приверженцы и последователи, номенклатура, партийно-государственный аппарат, не позволяли крестьянам выращивать то, что в наибольшей степени подходило именно для тех или иных земель. Иными словами, не позволяли

заниматься сельским хозяйством, исходя из того, каким может быть потенциал, содержащийся в земле на том или ином ее участке, в том или ином районе. Политика Мао Цзэдуна, мышление Мао Цзэдуна были оторваны от силы земли Китая.

Мао Цзэдун, придя к власти, отнял свои участки земли у каждой китайской крестьянской семьи, то есть оторвал крестьян от земли, принудительно заставил их ощущать, что земля, в прошлом их земля, им больше не принадлежит. Это и было проявление того, что лежит в основе идеологии Мао Цзэдуна и его партии. Партия Мао Цзэдуна по-русски именуется в переводе с китайского языка Коммунистической партией Китая. По-китайски она называется Чжунго Гунчань Дан. В буквальном переводе это означает: «Партия Общего Имущества Китая». Мао Цзэдун лишил каждого конкретного крестьянина Китая его собственного имущества, лишил крестьянина его собственности, превратив крестьянина в человека без имущества, без собственности.

Мао Цзэдун после прихода к власти в Китае лишил крестьян их собственности, то есть земли, и таким образом насильственно превратил китайское крестьянство в «пролетариат, то есть класс неимущих, со спецификой (со своеобразием или самобытностью) Китая». Имущество крестьян Мао Цзэдун превратил номинально в общее имущество, а, по сути дела, в имущество, которым распоряжался он сам и, с его дозволения, его номенклатура. Мао Цзэдун совершил, таким образом, насилие над крестьянами Китая. Далее Мао Цзэдун также совершил насилие над землей Китая. Не дав ей рожать то, что было естественно для нее в том или ином районе.

Чжао Цзыян подходил к вопросу о сельском хозяйстве с позиций рачительного хозяина земли, который любит землю и учитывает ее возможности, ее потенциал. Любовь к крестьянам, любовь к земле – вот что отличало Чжао Цзыяна от Мао Цзэдуна. Зная все это, можно понять, почему Чжао Цзыян первым из провинциальных руководителей КПК (наряду с Вань Ли) выступил в поддержку стихийного и массового движения крестьян, вернувших себе свои семейные земельные наделы после смерти Мао Цзэдуна. Чжао Цзыян считал нормальным существование и жизнь крестьянина как фактического собственника, частного собственника своей земли, своего семейного земельного надела.

Чжао Цзыян считал нормальным возделывание крестьянами по их усмотрению того на каждом конкретном участке земли, что давало наибольший эффект, то есть отвечало потенциалу, заложенному в земле. Чжао Цзыян считался с естественными или природными качествами крестьян и земли Китая. В этом было отличие Чжао Цзыяна от Мао Цзэдуна.

Один случай в особенности имел глубокое воздействие на ход моих мыслей. В 1978 г. (на самом деле в 1979 г.), когда я все еще работал в

Сычуани, я возглавлял делегацию в Англию и во Францию, а также оставался в Греции и в Швейцарии по пути домой.

Прежде всего, я приехал тогда на юг Франции, на берег Средиземного моря, то есть в тот регион, который известен во всем мире своим экономическим развитием. Климат там очень сухой и летом не выпадают осадки. И при таких условиях, если подходить к этому с мерками нашего прошлого мышления, образа мыслей, для того, чтобы получать урожай, мы должны были бы «изменить условия, которые определены Небом и Землей», создавая громадные ирригационные проекты. (С. 134) Они не делали ничего подобного, а вместо этого выращивали виноград и другие культуры, для которых подходил именно сухой климат. (С. 134–135) Результатом явилось естественное появление французской винной индустрии. Фермеры там были очень богатыми людьми.

В свое время Чжао Цзыян стал первым секретарем комитета КПК провинции Сычуань (по количеству населения это тогда была самая большая провинция Китая). Следовательно, Чжао Цзыяну пришлось думать и заботиться о почти ста миллионах крестьян. Это было для него на первом месте.

В 1979 г. Чжао Цзыян во главе делегации своей провинции побывал в Европе.

Его интересовал подход к развитию сельского хозяйства в самых развитых в мире районах: на юге Франции и в Великобритании.

Чжао Цзыян искал выход из тупика, в который сельское хозяйство Китая загнал Мао Цзэдун.

При этом Чжао Цзыян, как, кстати сказать, и китайское крестьянство, пережил времена Мао Цзэдуна, и не был связан «идеями» и «установками» Мао Цзэдуна.

В КНР большая часть населения после смерти Мао Цзэдуна и часть руководителей партии, можно сказать, вышли из состояния политического анабиоза и взялись смело жить и действовать без оглядки на Мао Цзэдуна.

Особенность ситуации того времени в Китае состояла в том, что наряду с такими людьми в КПК и КНР были и последователи и приверженцы Мао Цзэдуна, которые занимали важные властные посты, и с которыми приходилось считаться при продвижении вперед в ходе необходимых народу Китая реформ.

Чжао Цзыян отмечал, что для прошлого мышления, то есть образа мыслей Мао Цзэдуна, и для людей при правлении Мао Цзэдуна, в Китае обычно было характерно исходить из необходимости прокормить людей, то есть получить урожай зерна.

Очевидно, что Мао Цзэдун до конца своей жизни находился во власти мысли о том, что людей в Китае так много, что главное для партии и

вождя, которые хотят удержаться у власти, – это выращивать зерно на всей пригодной для земледелия земле Китая, чтобы собирать урожай зерна и кормить народ, хотя бы поддерживая его существование.

Поэтому при Мао Цзэдуне главную задачу видели в том, чтобы с каждого клочка земли собирать урожай зерна.

Отсюда вытекала следующая мысль Мао Цзэдуна: для того, чтобы получить урожай, надо изменить условия, которые определены Небом и Землей. В этих целях следует осуществлять громадные ирригационные проекты.

Так при Мао Цзэдуне насильствовали землю и издевались над природой. Это имеет свои большие негативные последствия сегодня.

Чжао Цзыян был не согласен с таким подходом к земле, к сельскому хозяйству. Он подчеркивал, что максимальный эффект и богатство приносили на юге Франции учет местных климатических условий и того, какой там была почва.

Я видел другой пример в Англии, где пшеница произрастала очень хорошо вдоль восточного побережья, в то время как западное побережье было покрыто лугами. Это была моя первая поездка за границу и, будучи озадачен увиденным, я задал вопрос, почему это именно так. Мне сказали, что на восточном побережье достаточно солнечного света, что делает его пригодным для производства пшеницы, в то время как западное побережье – это место, где очень много дождей, но мало солнечных дней, а потому там лучшие условия для травы. А, следовательно, для развития там скотоводства, выращивания телят и производства молочной продукции.

По пути домой через Грецию товарищи из посольства сопровождали меня в поездке в холмистую местность, где климат был сухим и где летом не выпадали дожди. В соответствии с нашим подходом, условия должны были бы видаться очень не пригодными для сельского хозяйства. Мы бы там действовали в соответствии с тем образцом, которым для нас являлась коммуна Дачжай, то есть разбивали бы террасированные поля и осуществляли бы ирригационные проекты. Но они так не поступали. Холмы были покрыты оливковыми деревьями, и там процветала индустрия производства оливок. Жизненный уровень фермеров был очень высоким. Почему же они были способны поступать именно таким образом? Да потому, что они жили не при автаркии, но вместо того полагались на торговлю с внешним миром, и использовали свои сильные стороны для того, чтобы экспортировать свои товары в обмен на то, что в чем они нуждались.

К руководству хозяйством страны в 1980-х гг. в Китае пришел человек, который прямо называл политику, при которой пришлось жить людям Китая во времена правления Мао Цзэдуна, автаркией.

Чжао Цзыян предлагал альтернативу этой политике Мао Цзэдуна. Он предложил полагаться на торговлю с внешним миром, использовать свои сильные стороны для того, чтобы экспортировать свои товары в обмен на то, в чем люди нуждались в Китае.

В 1981 г., уже после того, как я приехал работать в Пекин, я побывал в уезде Ланькао (в провинции Хэнань) и поговорил там с крестьянами. Это был регион с песчаными почвами. Там можно получить высокие урожаи земляных орехов. Но из-за того, что наша политика состояла в том, чтобы отдавать приоритет производству зерна, то есть сосредоточиться на производстве той продукции, которая обеспечивала нас самих едой, им не позволялось выращивать земляные орехи, а вместо этого предписывалось выращивать кукурузу. Кукуруза на полях у них была низенькой, и крестьяне очень критиковали такую политику.

Другим примером был регион на северо-западе провинции Шаньдун, где щелочные почвы. Большая часть этого региона подходила для выращивания хлопчатника, который давал там довольно высокие урожаи. Однако на протяжении многих лет политика препятствовала им заниматься хлопчатником, позволяя производить только пшеницу. В результате, чем больше пшеницы они производили, тем ниже были ее урожаи, и с тем большей вероятностью крестьяне должны были голодать.

В 1983 г. я разговаривал с товарищами из провинции Шаньдун, и спросил, могут ли они производить хлопок. Они сказали, что проблема состоит в недостатке зерна. Позднее мы решили, что на северо-западе Шаньдуна должно обратиться к разведению хлопчатника. (С. 135) Они будут продавать хлопок государству (в то время государство импортировало много хлопка), и взамен государство будет снабжать их зерном. (С. 135–136)

Результатом было то, что всего за один – два года они изменили (перевернули) трудную экономическую ситуацию (справились с трудной экономической ситуацией, переделали ее) и стали получать высокие урожаи хлопчатника. В то время хлопок потоком хлынул на рынок, в результате возникло перепроизводство хлопка. Доходы крестьян быстро увеличились, и условия жизни в деревне в громадной степени улучшились. Производство хлопка принесло им еще и дополнительный продукт: семена хлопка. А то, что оставалось после отжимания масла из семян хлопчатника, становилось удобрением. На тех землях, которые не содержали много калийных солей (на не щелочных почвах), продолжалось выращивание пшеницы, и там тоже наблюдался рост урожаев благодаря поставкам удобрений. Тут выигрывали все.

Местный фольклор: «одно му под пшеницей накормит всех, половина му под хлопчатником даст сверх урожай». Ранее, когда они обрабатывали полтора му под пшеницу, они едва могли прокормить сами себя; позднее одного му под хлопчатником было достаточно, и они даже имели возмож-

ность продавать произведенное сверх установленной нормы государству. Шаньдун и Ланькао получили возможность заниматься теми культурами, которые были пригодны для их природных условий, потому что мы стали осуществлять политику открытых дверей; импортировать большие объемы пшеницы из-за границы – миллионы тонн ежегодно в те годы. И когда мы позволили крестьянам производить то, что отвечало их природным условиям, и получать высокие урожаи, тогда ситуация в сельском хозяйстве улучшилась. Без политики открытых дверей мы были вынуждены производить все сами, и если бы мы оставались, привержены принципу опоры на собственные силы, ничего не могло бы произойти.

Одной из причин того, что громадные усилия давали жалкие результаты в сельском хозяйстве, была общественная (общенародная) собственность. Другой причиной была навязанная нами самими себе автаркия, которая и препятствовала нам извлекать выгоду, которую предоставляли нам наши преимущества, когда речь шла о земле, и которая имела своим результатом следующее: «Усилия удваивались, а результаты уменьшались наполовину». На протяжении многих лет мы были вынуждены производить пшеницу в тех районах, которые не были пригодны для производства пшеницы, поэтому мы были вынуждены прилагать много усилий, чтобы создавать сельскохозяйственную инфраструктуру и осуществлять ирригационные проекты. Некоторые из этих проектов были действительно необходимы, но если бы мы могли использовать преимущества, которые предоставляла нам наша земля, у нас не было бы в них никакой необходимости. Также ирригационная система могла бы быть более эффективной, и тут можно было бы сконцентрировать усилия на тех районах, где это было в наибольшей степени необходимо.

Итак, Чжао Цзыян констатировал, что при правлении Мао Цзэдуна, при осуществлении его политического курса, из людей правящая партия выжимала все соки, заставляла их делать невероятные усилия, а результаты, в данном случае, в области сельского хозяйства, были просто жалкими. Так Чжао Цзыян, по сути дела, отвергает главное утверждение Мао Цзэдуна и его пропаганды, а именно утверждение о том, что Мао Цзэдун и его политическая партия, взяв власть в Китае, и осуществляя «идеи» Мао Цзэдуна, дескать, принесли «освобождение» китайским крестьянам. С точки зрения Чжао Цзыяна, причиной такой ситуации было то, что Мао Цзэдун навязал крестьянам общественную собственность. Следовательно, с точки зрения Чжао Цзыяна, надо было менять систему собственности в Китае.

Другой причиной, с точки зрения Чжао Цзыяна, была навязанная китайцами в Китае самим себе автаркия. Именно из-за этого в КНР на протяжении многих лет были вынуждены производить пшеницу в тех районах, которые не были пригодны для ее выращивания. С этим было

связано и осуществление ирригационных проектов и создание инфраструктуры там, где этого можно было не делать при другой постановке вопроса. Чжао Цзыян был инициатором возрождения или даже создания в Китае широкой и свободной внешней торговли. Именно эта мысль Чжао Цзыяна и позволяла на практике покончить с автаркией и пойти по пути создания эффективной структуры экономики страны.

То же самое верно (правда) и применительно к промышленности. Наша стратегия развития в области индустрии в прошлом (стратегия нашего промышленного развития в прошлом) состояла в следующем: «Не начинать готовить еду до того, как у тебя уже есть рис». Мы пытались начинать все с самого начала, вплоть до сырья. (С. 136)

Например, при производстве стали мы начинали, прежде всего, с поиска и отбора железорудных рудников, затем угля, строительства железных дорог, выплавки железной руды, производства стали и в конечном счете производства машин и оборудования. Однако у нас были только железорудные рудники, где руда была с низким содержанием железа. Нужно было добыть много тонн для того, чтобы получить одну тонну железа. Наши главные рудники и шахты по производству железа и угля находились на западе, поэтому было необходимо транспортировать их на большие расстояния. Представьте себе, сколько же времени это занимало, чтобы создать сталеплавильный комбинат; огромную инфраструктуру; как много времени требовалось для возвращения капиталовложений; и как происходило возвращение инвестиций.

С переходом к реформам мы теперь много умнее. Мы импортируем железную руду из Канады и Австралии, где она дешевле и с более высоким содержанием железа; транспортировка на судах дешевле, чем по железной дороге. В некоторых прибрежных городах можно создавать соответствующие производства, начиная с проката металла. Где же им взять чушки металла? Импортировать. И как только эти процессы были запущены, появилась и выгода. Вложения быстро окупались из доходов, а эти доходы инвестировали в обработку стали и в импорт железа из-за границы.

Производство синтетического волокна было связано с теми же проблемами. Ранее если мы хотели произвести синтетическое волокно, мы должны были начинать с производства нефти и ее очистки, прежде чем производить синтетическое волокно. Позднее некоторые из фабрик по производству синтетического волокна начинали с производства самой продукции, а затем уже занимались иными (предварительными) процессами. В 1981 г., во время периода урегулирования, мы импортировали производственные линии по производству синтетического волокна: от обработки сырья до производства продукции. Дело было поставлено в этом порядке. Когда мы затем возобновили это еще раз, мы стали умнее, поэтому мы начали с производства конечной продукции. Так начинала

свою работу фабрика синтетического волокна Ичжэн в провинции Цзянсу. Она быстро расширялась, и вскоре имела доходы, которые инвестировались в производственный процесс, осуществляемый в обратной последовательности.

Чжао Цзыян отвергает и курс, который осуществлялся при правлении Мао Цзэдуна в области развития промышленности. Тогда и там тоже исходили из установки: опираться на собственные силы. Это означало, что все хотели сделать сами. Промышленность решили создавать с самого начала своими силами.

Это, в частности, также было связано с политическим курсом Мао Цзэдуна во взаимоотношениях с нашей страной. Мао Цзэдун, с одной стороны, стремился разорвать все связи между нашими странами и народами. С другой стороны, он стремился выдавить иностранцев, то есть нас, из Китая, чтобы все в Китае делали сами китайцы.

На практике в Китае, например, при создании металлургической промышленности стремились все делать на своей территории. Это было крайне не рационально. Чжао Цзыян применительно к развитию промышленности предлагает опираться на внешнюю торговлю, то есть продавать иностранцам то, что есть в Китае и в продаже чего заинтересован Китай, а на вырученные деньги покупать за границей то, что нужно Китаю. И здесь речь идет об отказе от автаркии и о переходе к свободной и широкой внешней торговле.

Все это иллюстрирует, что только в условиях осуществления политики открытых дверей мы имеем возможность воспользоваться преимуществами, которыми мы обладаем, и путем внешней торговли закупать то, в чем мы нуждаемся. Каждый район и каждое общество имеют свои преимущества; даже бедные регионы имеют свои преимущества, такие как дешевый труд. Это великое преимущество в области международной конкуренции (интернационального соревнования).

Результат стремления делать все самим состоял в том, что мы не делали того, в чем мы сильнее всего, что у нас имеется возможность делать лучше всего. Из-за этого мы несли громадные потери. В настоящее время я понимаю во все большей и большей степени, что если нация закрыта, не интегрирована в международный рынок, или не использует преимущества международной торговли, тогда она будет оставаться позади, и модернизация будет невозможна. (С. 137)

Одно из предложений Чжао Цзыяна при осуществлении экономической либерализации, экономических реформ в Китае состояло в отказе от автаркии, от политики закрытых дверей и в переходе к политике открытых дверей и к внешней торговле. Чжао Цзыян выступал за интеграцию нации Китая в международный рынок, за использование преимуществ международной торговли.

САМОВОЗРОЖДЕНИЕ КЛАССА СОБСТВЕННИКОВ В ДЕРЕВНЕ

314

Т
Е
К
С
Т
А
Т
У
Р
А
С
С
С
Р
С
К
О
Й
Ф
Е
Д
Е
Р
А
Ц
И
И

Чжао Цзыян в своих воспоминаниях обращается к тому, что произошло в сельском хозяйстве Китая после смерти Мао Цзэдуна. Речь идет о существенных изменениях и об отходе от созданной при Мао Цзэдуне системы «коммун народа», о стихийном движении крестьян, которые, узнав о смерти Мао Цзэдуна, стихийно и самовольно вернули себе свои семейные земельные наделы.

КПК и КНР, сохраняя лицо, были вынуждены задним числом согласиться с этими изменениями и оформить их, введя систему, которую называли системой контрактов на землю для крестьянских хозяйств (дворов) или системой ответственности сельских крестьянских дворов (дворовым подрядом) (доведением производственных заданий до каждого крестьянского двора).

Никто не предвидел того, насколько прекрасными будут результаты, или того, что изменения будут столь разительными. Никто не планировал введение по всей стране системы контрактов на землю для крестьянских хозяйств (дворов) или даже распространение ее на большинство сельских районов. Это был процесс, в ходе которого продвижение шло шаг за шагом; в ходе этого процесса мы последовательно все глубже понимали то, что происходило. (С. 138)

Чжао Цзыян констатировал, что то, что произошло с сельским хозяйством в КНР после смерти Мао Цзэдуна, никоим образом не было осуществлено самой правящей партией, ее руководством. У них нет никакой заслуги в пересмотре политики Мао Цзэдуна в отношении китайского крестьянства.

КПК, ее руководители только постепенно понимали то, что происходило вопреки «заветам» Мао Цзэдуна, да и марксизма вообще. Коммунистической партии Китая спустя тридцать лет после захвата политической власти в континентальном Китае пришлось приспособливаться к требованиям большинства населения страны – крестьянства. А это большинство, осознав, что Мао Цзэдуна больше нет, совершило само стихийно аграрную революцию, возвратив себе то, что Мао Цзэдун и возглавлявшаяся им партия, придя к власти, отняли у крестьян – землю.

Так в Китае вопрос о земле решался во второй половине XX в. дважды. Сначала Мао Цзэдун лишил крестьян земли. Потом крестьяне верну-

ли свое – землю, которая снова фактически стала принадлежать крестьянским семьям.

Человек Китая в деревне снова стал, по сути дела, собственником. Класс собственников самовозродился в китайской деревне. Это и стало основой экономических реформ в Китае, основой экономической либерализации в Китае. В этом состояло громадное преимущество и отличие ситуации в Китае и ситуации в нашей стране в тот момент, когда в каждой из этих стран власть была вынуждена под давлением человека, людей приступить к реформам, прежде всего экономического характера. И это было благо. Благо вопреки Коммунистической партии Китая. Во всяком случае, вопреки политике Мао Цзэдуна, его приверженцев и последователей.

В исправленных Правилах Работы Коммун Народа, принятых 3-м пленумом ЦК КПК 11-го созыва (в 1978 году), которые получили наименование «Правил из 61 пункта», в том пункте, где речь шла об управлении и оперативных действиях, было со всей ясностью заявлено, что никакие контракты на землю для крестьянских хозяйств (дворов) не допускаются, иными словами, что земля не должна делиться на семейные хозяйства, по дворам. (С. 138–139)

Официально в КПК считается, что партия начала осуществлять политику реформ и открытости в конце 1978 года, после 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва.

Чжао Цзыян констатирует, что на этом пленуме был принят документ, в котором речь шла о «правилах работы» «коммун народа». Следовательно, с официальной точки зрения речь шла о продолжении существования «коммун народа».

В этом документе прямо говорилось, что никакие контракты на землю для крестьянских дворов не допускаются, иными словами партия считала, что земля не должна делиться на семейные хозяйства, по дворам.

Одним словом, начиная реформы, КПК была намерена не допускать изменения кооперативного строя, более того, системы «коммун народа». Партия не собиралась возвращать землю крестьянам, крестьянским дворам.

Думается, что такая позиция партии в то время была естественной для верхушки партийной номенклатуры, для «старейшин» или старых «хозяев партии», которые были несколько отодвинуты от власти во время «культурной революции», но особенно не пострадали и вернулись к власти со всем грузом в виде образа мышления, внушенного им Мао Цзэдуном. Во всяком случае, применительно к вопросу о земле и о крестьянстве.

Это лишний раз свидетельствовало о том, что Мао Цзэдун, его приверженцы и последователи в свое время обманом, фальшивыми лозунгами привлекли крестьян на свою сторону, идя к власти, а затем, захватив власть, обманули крестьян. До прихода к власти Мао Цзэдун и его

приверженцы не говорили крестьянам, что собираются лишить крестьян земли, отнять землю, находившуюся в распоряжении у крестьянских дворов после ликвидации помещичьего землевладения. В этом и состоял обман Мао Цзэдуном китайского крестьянства.

После смерти Мао Цзэдуна засилье последователей Мао Цзэдуна внутри партии было настолько велико, что они в документе, принятом на пленуме, начавшем реформы, подтвердили свое намерение продолжать держать крестьян в узде «коллективных хозяйств», то есть подтвердили намерение не возвращать крестьянам их землю.

В этом состояла не только ошибка приверженцев и последователей Мао Цзэдуна, но непонимание ими своей страны, непонимание КПК того, что китайское крестьянство (собственно, *человек* в Китае, да и в любой стране) считает своими насущными интересами.

В сентябре 1979 г. в решении 4-го пленума «Об ускорении развития сельских районов» точно так же содержалось заявление: «Раздел земли по дворам или контракты на землю по дворам не допускаются, за исключением тех случаев, когда требуются особые условия для производства определенных технических культур, или когда индивидуальные хозяйства (дворы) расположены в удаленных горных регионах, где отсутствуют обычные средства транспортировки (коммуникации, сообщения)». По моему предложению, первоначальная формулировка «не разрешаются, не позволяют» была изменена и заменена словами «не поощряются». В целом, мы все еще продолжали верить, что семейные контракты на землю (по крестьянским дворам) не должно создавать, хотя тон этого заявления уже не был столь жестким.

Итак, Мао Цзэдун умер в 1976 г. В том же году от власти были устранены выдвигенцы «культурной революции»: вдова Мао Цзэдуна и ее сообщники. В 1977 г. во власть официально вернулись Дэн Сяопин и другие «старейшины», которых Мао Цзэдун не уничтожил, а держал в качестве «бронепоезда, который стоит на запасном пути» во время «культурной революции». Это были те, кто разделял многие «идеи» и установки Мао Цзэдуна, в том числе и его политический курс, враждебный нашему народу и нашей стране. Конечно, кроме них к участию в политической жизни вернулись и люди, пострадавшие во время «культурной революции», но выжившие и пережившие и Мао Цзэдуна, и «культурную революцию».

КПК после смерти Мао Цзэдуна в определенном смысле вернулась к ситуации до или перед «культурной революцией». Это означает, что ее возглавили те же, кто еще тогда уже были в «первом» или «во втором», или «в третьем» эшелоне власти. Они понимали, что народ Китая нуждается в реформах. В частности, возможно, в «самой главной» частности, в реформе в области сельского хозяйства.

Эта мысль постепенно пробивала себе дорогу. В 1979 году на пленуме ЦК партии было принято решение «Об ускорении развития сельских районов». Из самого заголовка этого документа следовало, что руководители партии осознавали необходимость развития села. Это означало, что они, в разной степени, понимали, что при Мао Цзэду не было развития у китайского села. В документе речь шла об «ускорении развития». Термин «ускорение» отвечал общим представлениям о политике партии. В КПК считалось, что, в общем, партия осуществляла и осуществляет такой курс, при котором развитие в стране было, и применительно к экономике, и применительно к политике. На самом деле, развития при правлении Мао Цзэдуна не было. Его требовалось начать с самого начала. Впоследствии часть руководителей КПК поняли, что страна нуждается в рынке, рыночную экономику следовало создавать с самого начала. Страна нуждалась в демократии. Ее также следовало начинать строить с самого начала.

В то же время последователи Мао Цзэдуна исходили из того, что при правлении Мао Цзэдуна и демократия была, и экономика развивалась, и надо было всего лишь как-то ускорить эти процессы.

Чжао Цзыян отметил, что в документе пленума ЦК КПК, датированном 1979 годом, то есть спустя три года после смерти Мао Цзэдуна, говорилось, что раздел земли по дворам или контракты на землю по дворам не допускаются.

Преобладающим среди руководителей партии было мнение о том, что семейные контракты не должно создавать.

В тот момент Чжао Цзыян сыграл свою роль, или начал играть роль в центральном руководстве партии. Он руководил тогда провинцией Сычуань. Он уже начал понимать необходимость согласиться с требованиями крестьян. Только в этом случае партия могла оставаться приемлемой для крестьян. Чжао Цзыян на пленуме ЦК КПК первым выступил с предложением фактически поддержать движение крестьян за стихийное возвращение семейных земельных наделов. Он предложил в документе говорить не о том, что раздел земли по дворам не допускается, а о том, что такой раздел «не поощряется».

Иными словами, Чжао Цзыян был первым руководителем высокого ранга, провинциального уровня, который посоветовал партии не возражать против стихийного движения крестьян, возвращавших свою землю своим семьям. Предложение Чжао Цзыяна было принято на пленуме. Очевидно, что при этом сыграло свою роль то, что снизу в партии лучше понимали реальное положение дел в деревне. Можно также отметить, что именно с этого выступления Чжао Цзыяна в 1979 году и начался его путь к руководству партией. Именно то, что он первым понял, что надо делать в отношении крестьянства, создало ему авторитет в партии, да и среди народа.

Передача земли по контракту группам хозяйств (дворов) или индивидуальным хозяйствам (дворам) сначала была инициирована самими крестьянами, в бедных сельских районах. Это началось в провинциях Аньхой и Сычуань. В то время допущение таких контрактов в бедных регионах не вызвало много споров.

Итак, Чжао Цзыян констатирует факт. После смерти Мао Цзэдуа первыми против навязанной им системы хозяйствования в деревне начали протестовать самые бедные из крестьян. Беднейшее крестьянство оказалось первым врагом политики Мао Цзэдуна в отношении крестьян. Можно сказать и по-иному. Политика Мао Цзэдуна в отношении китайского крестьянства оказалась наиболее неприемлема именно для беднейшего китайского крестьянства. Мао Цзэдун оказался первым врагом для беднейшего крестьянства в Китае.

Движение бедных крестьян началось в двух провинциях: в провинции Сычуань, где руководителем был Чжао Цзыян, и в провинции Аньхой, где руководителем был Вань Ли. Оба они первыми в КПК поддержали крестьян. Заметим, что ни Дэн Сяопин, ни другие «старейшины» партии не сделали этого.

В 1960-х гг., когда экономика страдала, переживала трудности, Цзэн Сииэн (руководитель партийной организации в провинции Аньхой) применил «определенную систему ответственности за землю» в Аньхое. Я ввел «систему ответственности при оплате пропорционально производству (продукции)» в Гуандуне (там Чжао Цзыян был в то время руководителем высокого ранга). Провинция Хэнань ввела «схему заимствования земли (передачи земли в аренду)», в Чжанцзякоу в провинции Хэбэй выступили за «схему группового контракта на землю», в других провинциях использовались различные варианты той же идеи. Во всех этих районах оказалось возможным увеличить объем продукции и облегчить ситуацию с нехваткой продовольствия в то время. Поэтому такого рода схемы были признаны многими кадровыми работниками, поскольку они давали возможность увеличить объем продукции и улучшали трудное положение. Поскольку культурная революция была закончена, и в нашей политике был сделан поворот к экономическому развитию и к содействию идеям «высвобождения мышления», «практика – это критерий истины», люди стали меньше бояться, и обрели способность думать более реалистично.

Чжао Цзыян возвращается к практике политики в отношении крестьянства во время трех голодных лет, или как их именуют в Китае сторонники политики Мао Цзэдуна, «трех лет стихийных бедствий». В эти три года (1959–1961 гг.) из-за преступной политики «великого скачка» и «коммун народа», инициированной и осуществлявшейся Мао Цзэдуном и его приверженцами, в стране от голода погибли десятки миллионов людей. В поисках пищи люди массами бежали, куда глаза глядят.

Тем партийным руководителям на местах, в провинциях, которые были близки к народу, при помощи председателя КНР Лю Шаоци, удалось постепенно исправить положение, применив те «схемы» и «системы», о которых говорил Чжао Цзыян. Суть того, что они тогда делали, была одной и той же: речь шла о прямых отношениях крестьянина (крестьянской семьи) и государства. Исключалось такое звено, как кооперативы (производственные бригады, большие производственные бригады), а также «коммуны народа». У них оставались только некоторые административные функции.

Иными словами, Мао Цзэдун, идя к власти, обещал крестьянству за поддержку этого его похода землю в результате ликвидации помещичье-го землевладения.

Крестьянство поверило Мао Цзэдуну и его партии. Они пришли к власти в континентальном Китае в 1949 году. Затем с помещиками покончили. Их дети, потомки и родственники были отнесены к числу классовых врагов.

Сталин советовал не трогать богатых крестьян или кулаков. Лю Шаоци придерживался той же точки зрения. Какую-то роль это сыграло. Но не надолго.

Через некоторое время, уже в годы КНР, Мао Цзэдун осуществил кооперирование сельского хозяйства. У крестьян, у крестьянских семей отобрали их главную собственность – землю.

Далее Мао Цзэдун в ходе своих преступных экспериментов над народом Китая осуществил «великий скачок» и навязал крестьянам «коммуны народа». Политика Мао Цзэдуна привела к катастрофическим последствиям, к массовому голоду и людоедству. От голода погибли десятки миллионов китайцев в мирное время.

В этой ситуации Мао Цзэдун «ушел в тень», «на вторую линию», предоставив Лю Шаоци и руководителям на местах выправлять положение.

Оказалось, что для выправления положения существовал единственный способ. Надо было от кооперации вернуться к индивидуальному семейному хозяйству и заключать те или иные контракты на производство продукции сельского хозяйства с крестьянскими семьями (дворами).

Это была первая попытка нормализовать положение и ликвидировать систему, введенную Мао Цзэдуну.

Когда в середине 1960-х гг. Лю Шаоци и другие, в том числе Чжао Цзыян, исправили положение, Мао Цзэдун обрушил на них и на страну свою «культурную революцию».

У «культурной революции» были два главных аспекта.

Один – внешнеполитический. Мао Цзэдун вел дело к тому, чтобы вместо дружбы и союза между нашими народами и странами создать военное противостояние, внушить китайцам, что наш народ и наша страна, дескать, являются военными врагами китайцев. Мао Цзэдун

идеологически открыл путь к войне против «социалистической страны», то есть, в данном случае, против нас. Затем он подчинил всю политику партии и государства лозунгу: «Готовиться к войне». Имелась в виду война против нашего народа и нашей страны. Наконец, он начал эту «пограничную войну», пролил кровь наших людей, и на смертях наших людей, на этой пролитой им крови установил контакты и отношения с США в целях о создания общего фронта борьбы против нашего народа и нашей страны.

Другой – внутренний аспект «культурной революции» был в том, чтобы настроить массу китайского населения, в особенности молодежь, против партийного чиновничества. В стране к началу «культурной революции», то есть к середине 1960-х гг., накопилось много недовольства людей своим, прежде всего, материальным, положением. Мао Цзэдун обратил гнев людей против Лю Шаоци и других партийных руководителей, которые на самом деле исправляли последствия его преступной внутренней политики и исправляли положение в экономике страны. Мао Цзэдун назвал Лю Шаоци и других классовыми врагами, обвинил их в бедах и несчастьях китайского народа при его правлении. Он натравил на них созданные им же молодежные организации, которые действовали по указаниям «органов».

К этому необходимо добавить, что Мао Цзэдун также назвал Лю Шаоци «предателем нации» Китая. Кампания борьбы против «национальных предателей» вписывалась в кампанию «подготовки к войне» против нашего народа и нашей страны.

Мао Цзэдуну удалось одержать верх над Лю Шаоци и другими. Он до конца своей жизни сохранял установленный им «порядок», в том числе и в деревне.

Однако когда Мао Цзэдун умер, как отмечал Чжао Цзыян, «культурная революция» закончилась, и в политике был сделан поворот к экономическому развитию и к содействию идеям «высвобождения мышления» и «практика – это критерий истины», люди стали меньше бояться, и обрели способность думать более реалистично.

В этих словах весь Чжао Цзыян. Он не боялся Мао Цзэдуна и его последователей. Очевидно, что он считал их остатками того прошлого, которое со временем непременно уйдет в небытие.

Он думал более реалистично, чем Мао Цзэдун, а точнее он был реалистом применительно к ситуации в Китае, не в пример Мао Цзэдуну.

Важно и то, что Чжао Цзыян подчеркнул, что после окончания «культурной революции» в политике был сделан поворот к развитию экономики Китая. С точки зрения Чжао Цзыяна, экономикой пришлось полностью пересмотреть, идти на изменение системы, создавать новую систему с самого начала. В этом подходе к экономике Чжао Цзыян отличался от многих «старейшин» партии.

Общим для них всех было понимание того, что больше «так жить нельзя», то есть экономика времен Мао Цзэдуна не давала эффекта, более того, экономике надо было выдвигать на главное место. Этого требовали массы людей в Китае.

Но вот относительно того, как именно это делать, и что делать с экономикой, между Чжао Цзыяном и многими «старейшинами» были разногласия. Они были не в состоянии даже понять необходимость изменения системы, необходимость перехода от плановости к рынку, не говоря уже о том, что они не были способны на практике осуществлять этот переход.

Чжао Цзыян оказался в состоянии делать и то, и другое.

Важно и то, что Чжао Цзыян подчеркнул, что в Китае после смерти Мао Цзэдуна был сделан поворот к содействию идеям: «высвобождение мышления» и «практика – это критерий истины». К этому Чжао Цзыян добавил, что люди стали меньше бояться, и обрели способность думать более реалистично.

Здесь заложены очень важные вещи.

Чжао Цзыян тут выступает как единомышленник Ху Яобана. Именно Ху Яобан выступал действительно за высвобождение мышления людей в Китае от пут «идей» Мао Цзэдуна, выступал за то, чтобы исходить из практики, а не из установок и указаний Мао Цзэдуна.

Благодаря этому своему подвигу Ху Яобан вернул доброе имя десяткам миллионов людей, репрессированных в ходе политических кампаний Мао Цзэдуном.

Спустя несколько лет после смерти Мао Цзэдуна Ху Яобан был выдвинут на пост генерального секретаря ЦК КПК благодаря тому, что он пользовался поддержкой и сочувствием миллионов реабилитированных и всех тех, кто ненавидел «культурную революцию» Мао Цзэдуна, его бесчеловечное обращение с людьми.

Спустя несколько лет после смерти Мао Цзэдуна Чжао Цзыян был выдвинут на пост главы правительства КНР благодаря тому, что он пользовался поддержкой и сочувствием 800 миллионов крестьян, которые были благодарны ему за свое подлинное «освобождение», за закрепление в законах и решениях партии возвращения семейных земельных наделов крестьянам по всему Китаю.

Наконец, Чжао Цзыян опирался в своей политике на мысль о том, что со смертью Мао Цзэдуна люди в Китае стали меньше бояться. Исчезновение страха перед режимом, перед государством, перед правящей партией – все это вдохновляло Чжао Цзыяна.

Он также опирался на мысль о том, что люди в Китае всегда были реалистичны. Во времена правления Мао Цзэдуна «высовываться» с реалистичным подходом означало обрекать себя на смерть. После смерти Мао Цзэдуна возродилось стремление людей мыслить более реалистично. Так мыслил сам Чжао Цзыян. На таких людей он возлагал свои надежды.

В то время я видел ситуацию таким образом, что сельские регионы страны можно было разделить на три категории: первая – это районы, где общественная собственность была относительно стабильной, уровень производства продукции и жизненный уровень были высокими, и масштабы общественной собственности были большими или коллективные хозяйства (предприятия) были развиты; вторая – это средняя группа; и третья – это районы, где производительным силам был нанесен серьезный ущерб, и люди находились на грани голода.

Я был уверен в том, что людям в районах, относившихся к третьей категории, в высшей степени жизненно необходима система семейных контрактов на землю, которая была самым быстрым и самым эффективным средством изменения ситуации. (С. 139) В 1980 году, после того, как я начал работать в центральном правительстве, я предложил на совещании, чтобы схему семейного контракта (или подряда) на землю начали применять в беднейших коммунах народа, население которых в общей сложности составляло 100 миллионов человек. (С. 139–140)

Это было главное политическое решение, которое означало стабилизацию сельских регионов и позволяло крестьянам восстановить силы. Оно даже получило поддержку со стороны Яо Илня (руководителя Государственной плановой комиссии). Что же касается второй категории, то я думал, что мы можем подождать и посмотреть, стоит ли нам применять там ту же схему. Что же касается первой категории, то я не думал, что там эта схема будет в какой бы то ни было степени востребована.

Чжао Цзыян, придя на пост премьера Государственного Совета КНР, то есть главы правительства страны, выдвинул предложение перевести на семейный контракт сто миллионов беднейших крестьян Китая. Никто не смог возразить против этого. Чжао Цзыян считал, что это в то время было главное решение. Оно позволяло стабилизировать положение в деревне.

В то же время Чжао Цзыян не думал останавливаться. Он всегда опирался на развитие реальной ситуации. Вот и в данном случае он предпочитал подождать и посмотреть, окажется ли возможным и необходимым распространять эту схему на другие слои крестьянства.

Внутрипартийные споры относительно семейного подряда (контракта) на землю стали публичными в тот момент, когда это должно было быть распространено с третьей на вторую категорию в сельских регионах. Те, кто выступал против, ставили вопрос ребром с принципиальных позиций.

Ху Цяому (член Политбюро) попросил меня проявлять осторожность. Он сказал: «Схема семейного контракта на землю в провинции Аньхой уже распространяется с северного берега реки Хуайхэ на юг от этой реки. Даже в уезде Уху, благополучном уезде, тоже ввели систему семейного подряда на землю». Он явно был против этого. Ли Сяньнянь (старейший в партии) вернулся из поездки в провинцию Цзянсу с жалобами на систему

семейных подрядов (контрактов) на землю в провинции Аньхой, ссылаясь на мнение парткома КПК провинции Цзянсу. Ван Жэньчжун (заместитель премьера ГС КНР) также выступал против системы семейного подряда на землю. В свое время ранее он возглавлял Государственную комиссию по сельскому хозяйству, и в начале 1979 г. попросил газету «Жэньминь жибао» опубликовать письмо, предположительно из Лояна (города в Хэнане), с критикой индивидуальных хозяйств и группового подряда на землю. Провинция Шаньси протестовала против ослабления политики в отношении деревни и крестьянства, и критиковала реформы в провинциях Аньхой и Сычуань даже еще раньше; в 1978 и 1979 гг., они наводнили газеты критическими статьями.

В это время и Хуа Гофэн не поддерживал систему семейных контрактов на землю. Он был уверен в том, что в сельских районах, в особенности на юге, необходимо коллективное хозяйствование для того, чтобы так осуществлять все: от возделывания урожаев на полях до обмолота, сушки и транспортировки.

Чэнь Юнь прямо не говорил, поддерживает он это, или возражает. Однажды он отправил кого-то спросить у меня: во время сбора урожая на юге часто идут дожди, поэтому если быстро не высушить зерно, оно может сгнить – не возникала ли эта проблема с той поры, как началось введение системы семейных подрядов на землю? Изучив вопрос, я ответил ему, что после введения системы подрядов (контрактов) на землю, процесс идет еще более гладко, чем ранее. Он не выступил с дальнейшими комментариями. Первый секретарь провинции Хэйлуцзян также выступал против системы семейных подрядов на землю. (С. 140) На совещании по вопросам сельского хозяйства, проведенном Центральным Комитетом, на котором многие руководители провинций поддержали эту систему, он выступил со ставшим знаменитым высказыванием: «Давайте вы шагайте вперед по вашему столбовому (широкому) пути, а я уж продолжу идти по моему мостику из одного бревнышка». (С. 140–141) Он имел в виду, что даже если все остальные провинции перейдут на систему семейного подряда, на землю, провинция Хэйлуцзян не последует за ними.

Первый секретарь провинции Фуцзянь также выступил против этой системы, в результате произошел большой раскол между ним и остальными секретарями парткома в его же провинции. Первый секретарь парткома провинции Шэньси запретил использование этой системы в районе Гуанчжун в этой провинции. Оба, первый секретарь и губернатор провинции Хэбэй, выступали против этой системы. Губернатор провинции Хэбэй ранее был секретарем парткома в провинции Шэньси. Когда этот товарищ работал в Шэньси и когда в других регионах начали ослаблять политику по отношению к деревне, он напротив перешел от финансового управления на уровне большой производственной бригады к управлению на уровне простой производственной бригады.

Судя по словам Чжао Цзыяна, сопротивление распространению семейного подряда на другие слои крестьянства встретилось с противодействием. Ряд чиновников в центре, прежде всего Хуа Гофэн (преемник Мао Цзэдуна на высших постах в вооруженных силах, в партии и в государстве), Ли Сяньнянь (руководитель экономики страны во времена «культурной революции» и при Хуа Гофэне), Ху Цяому (один из главных идеологов при правлении Мао Цзэдуна) возражали против этого. Они находили поддержку со стороны некоторых провинциальных руководителей.

Чэнь Юнь вел себя крайне осторожно. Он ограничивался вопросами, из которых следовало, что его позиция будет зависеть от реального развития событий.

Введение по всей стране системы семейного подряда (контракта) на землю было невозможно без поддержки Дэн Сяопина. Тот факт, что это не встретило большого сопротивления со стороны руководителей в центре, во многом связан с отношением (позицией) Дэна. Хотя он не высказывался пространно и много по этому вопросу, он всегда показывал поддержку тем взглядам, которых придерживались я, (Ху) Яобан и Вань Ли. Он сказал, что он был доволен изменениями, которые имели место после введения системы семейных подрядов (контрактов) на землю. В 1981 г. некоторые из крестьян в районе бедствий в уезде Дунмин в провинции Шаньдун написали коллективное письмо Дэн Сяопину с выражением благодарности, сказав, что у них теперь есть еда, благодаря системе семейных подрядов (контрактов) на землю. Он направил это письмо всем руководителям в центре.

Несмотря на некоторое сопротивление, система семейного подряда на землю была введена по всей стране.

Это произошло, в первую очередь, как результат требований крестьянства. Противостоять их желанию обеспечить свое существование в отсутствие Мао Цзэдуна оказалось невозможно.

Сыграла свою роль и позиция Дэн Сяопина. Чжао Цзыян подчеркнул, что без его поддержки введение семейного подряда в стране было бы невозможным.

Но и для Дэн Сяопина было невозможно не поддержать эти изменения.

Думается, что Дэн Сяопин был тем политиком, который «имел два лица». Одно проявлялось тогда, когда требовалось решать вопрос об обеспечении существования населения.

Здесь, еще со времен действий Лю Шаоци «на первой линии», на рубеже 1950-х – 1960-х гг., когда надо было исправлять последствия «великого скачка» и проедания всех запасов зерна в «коммунах народа», когда Лю Шаоци исправлял положение, идя навстречу требованиям крестьян, Дэн Сяопин понял, что приходится отступать от политики Мао Цзэдуна по отношению к крестьянству.

Поэтому после смерти Мао Цзэдуна, в условиях, когда крестьяне сочли нетерпимым свое положение и разобрали из кооперативов свои земельные семейные земельные наделы, Дэн Сяопин утвердился в мысли о том, что противостоять этому и оставлять в неприкосновенности систему, созданную Мао Цзэдуном в деревне, невозможно.

Именно по этой причине Дэн Сяопин направил всем руководителям полученное им от крестьян письмо, с благодарностью за введение семейного подряда, в результате чего у крестьян появилась еда.

При Мао Цзэдуне еды не было. Еду надо было дать. Это понял Дэн Сяопин.

Далеко не случайно Чжао Цзыян, когда речь идет о распространении семейного подряда на землю по всей стране, прямо называет имена тех, кто возглавлял отход от политики Мао Цзэдуна в отношении крестьянства и земли, кто ратовал за экономическую либерализацию, прежде всего, в деревне.

Это была «святая троица Китая»: Ху Яобан (официально первый по рангу руководитель партии), Чжао Цзыян (первый по рангу руководитель правительства страны), Вань Ли (в дальнейшем первый по рангу руководитель парламента страны).

Именно на основе общего отношения к политике в отношении крестьянства на некоторое время, в 1980-х гг., и образовалась конфигурация, при которой при покровительстве Дэн Сяопина как главного реального «хозяина партии», получили возможность осуществлять реформы, начиная с сельского хозяйства, эти первые лица в руководстве партии, правительства и парламента. Это и был «золотой период реформ» в Китае.

Другое лицо Дэн Сяопина проявлялось тогда, когда речь шла о политической системе, созданной при правлении Мао Цзэдуна, и о внешней политике, сформированной при правлении Мао Цзэдуна. Здесь Дэн Сяопин до конца жизни остался твердым последователем Мао Цзэдуна, что нашло свое выражение и в его действиях по вооруженному подавлению мирных демонстрации с требованиями свободы и демократии в ходе событий 4 июня 1989 года на площади Тяньаньмэнь в Пекине, и в его предложении создавать всемирный единый фронт борьбы против нашего народа и нашей страны в составе: КНР, США, Япония, государства Западной Европы и мусульманские страны.

Итак, Дэн Сяопин допускал в определенных ограниченных пределах экономическую либерализацию и не допускал ни в малейшей степени политическую либерализацию в Китае при своей жизни. Собственно говоря, Дэн Сяопин допускал экономическую либерализацию, исходя из понимания того, что без этого, в определенных пределах, он не сможет удержаться у власти в Китае. Власть, удержание власти, а не мысли о человеке и его потребностях и нуждах, оставалась предметом главных забот Дэн Сяопина.

В начале января 1981 г. я побывал в Ланькао в провинции Хэнань, в Дунмине в провинции Шаньдун и в других бедных сельских районах. Я видел своими глазами изменения, которые явились результатом введения системы семейных подрядов на землю в этих регионах, и ощутил горячую поддержку кадровых работников на местах и народа. Это произвело на меня чрезвычайно глубокое впечатление. Когда кадровые работники выразили желание людей возобновить семейные подряды (контракты) на землю на следующие три года, я тут же ответил: «Да». Даже хотя я не изменил тогда немедленно свое мнение, состоявшее в том, что система семейных подрядов на землю была лишь временным решением, я продвинулся к уверенности в том, что это следует заново обдумать и переоценить.

На практике мысль Чжао Цзыяна работала напряженно и постоянно.

Думается, что тут играла свою роль то, что он был раскрепощен, его мышление было раскрепощено, и это было мышление разумного человека.

Он постепенно пришел к мысли о необходимости распространить на всю страну систему семейных контрактов на землю. В то же время он всегда исходил из необходимости обеспечить развитие сельского хозяйства в широких масштабах и в коммерческих целях.

При этом Чжао Цзыян в своих воспоминаниях не скрывает того, что он постепенно продвигался в осмыслении вопроса о том, что было необходимо и возможно делать в конкретной обстановке в тот или иной момент.

Опорой политики Чжао Цзыяна была его убежденность в том, что сто миллионов беднейших крестьян Китая наконец-то получили возможность обеспечить себя едой.

В 1981 году Чжао Цзыян побывал в бедных районах страны, увидел, что там происходит, тут же на месте согласился на продление семейных контрактов на землю еще на три года.

Вернувшись в Пекин, Чжао Цзыян доложил о своих впечатлениях высшим руководителям: Дэн Сяопину и Ху Яобану. И они одобрили его действия.

В это время Чжао Цзыян все еще придерживался того мнения, что система семейных подрядов была лишь временным решением вопроса об обеспечении существования бедных крестьян, однако он уже начал понимать, что следует продумать все это заново, по-иному оценить значение системы семейных контрактов на землю.

Чжао Цзыян был подлинным мотором экономических реформ в Китае. Именно он творчески рождал все новые и новые предложения относительно конкретного продолжения и углубления реформ. Другие руководители в эти годы соглашались с Чжао Цзыяном.

Вернувшись в Пекин, я доложил Дэн Сяопину, Ху Яобану и другим руководителям в центре о том, что я видел. Не было сомнений в том, что

система семейных подрядов (контрактов) на землю помогла увеличить объем производства сельскохозяйственной продукции и повысила жизненный уровень крестьян.

Однако было невозможно не задаваться вопросом о том, сможет ли применение системы, при которой люди осуществляют свои действия на мелких участках земли, и это происходит по отдельности в каждой семье, поддерживать развитие сельского хозяйства на протяжении длительного времени. (С. 141) Ключ к ответу на этот вопрос заключался в том, как объединить (соединить, сочетать, интегрировать) энтузиазм держателей индивидуальных подрядов (контрактов) на землю с необходимостью развивать ведение дел в крупных масштабах в сфере коммерческого производства продукции и избежать превращения сельского хозяйства в экономику, которая состоит из мелких хозяйств. (С. 141–142) Я думал, что контракты на семейные предприятия обещают решение этого вопроса. Такая система родилась из практического опыта кадровых работников и граждан, и позднее была названа «индивидуальными контрактами в комбинации с совместными операциями (действиями)».

Чжао Цзыян сам убедился в том, что система семейных подрядов на землю необходима крестьянам. Это позволяло решить вопрос о том, как прокормить самих этих крестьян, и как накормить всю страну.

С этим уже никто не спорил.

Оставался вопрос о том, как сочетать фактически покрывавшую все страну систему мелких единоличных семейных хозяйств с потребностями развития страны в целом, да и с тем, что предстало для руководителей КПК в качестве «социалистического строя».

Чжао Цзыян нашел решение этого вопроса. Он предложил создавать систему контрактов на семейные предприятия. Эта система позволяла объединять усилия частников и государства.

Другим вопросом было появление сельских поселковых предприятий (предприятий поселковой промышленности). Когда я побывал в Западной Европе в 1978 г. (на самом деле в 1979 г.), я заметил, что многие формы деятельности в сельском хозяйстве вовсе не были очень крупными (большими). Много делалось небольшими (маленькими) фермами. И все то, что они не были в состоянии сделать сами, они делали с помощью ассоциаций кооперативного характера. При этом результаты могли быть такими же, что и при широкомасштабных действиях. Швейцария в особенности произвела на меня глубокое впечатление. Мое предшествующее убеждение в том, что высокая продуктивность сельского хозяйства требует огромных по масштабам хозяйств, начала меняться. Я больше не видел осуществление на основе семейных подрядов на землю совместного производства продукции в сельских районах как подразумевающее возвращение к прошлому, к мелкому крестьянскому хозяйству.

Чжао Цзыян был человеком, который изначально, от природы, всегда стремился охватить разумом всю ту или иную проблему и искать ее наиболее рациональное решение. При этом он никогда не был догматиком.

В свое время он пришел к выводу о том, что порядки, существовавшие в Китае в 1930-х гг. при власти Партии Гоминьдан Китая, не открывали возможности решать проблемы внутри страны, не давали возможности по-настоящему вести борьбу против японских оккупантов.

Вот почему Чжао Цзыян стал членом Коммунистической партии Китая. Он видел в ней организацию, которая стремилась и могла изменить порядки, которые ему не нравились, так как не позволяли освободить страну от японских оккупантов и развивать освобожденную страну разумным образом.

Думается, что это было главным в его мировоззрении, а не догмы коммунистического порядка.

Когда Мао Цзэдун взял власть над континентальным Китаем, Чжао Цзыяну было 30 лет. Он начал тогда свой путь руководителя сначала уездного, а затем провинциального масштаба.

Когда страна попала в трудное экономическое положение на рубеже 1950-х – 1960-х гг., Чжао Цзыян осуществлял некоторые необходимые разумные шаги по выводу своей провинции из этого положения, солидаризируясь с Лю Шаоци и его единомышленниками.

Чжао Цзыян оказался в те годы на юге Китая, где сформировалась группа политических руководителей во главе с Тао Чжу, пытавшаяся рационально решать практические внутренние для страны вопросы.

Во время «культурной революции» Мао Цзэдун обманом и интригами выманил Тао Чжу из Гуанчжоу и физически ликвидировал его. Пострадал и Чжао Цзыян. Во всяком случае, он был отстранен от руководящей деятельности и не был в числе выдвиженцев «культурной революции».

Все прошлое сформировало отрицательное отношение Чжао Цзыяна к Мао Цзэдуну, его сторонникам и «культурной революции».

Чжао Цзыян всей своей предшествующей жизнью и практикой работы был настроен на то, чтобы поддержать стихийное движение крестьян за возвращение своих семейных земельных наделов.

Его первая заслуга и его первый важный инициативный шаг при осуществлении экономических реформ в Китае состояли именно в поддержке движения крестьян и в узаконивании системы семейных земельных подрядов.

Далее Чжао Цзыян постепенно пришел к мысли о необходимости распространить эту систему на всю страну и добился осуществления своего предложения.

Второй заслугой Чжао Цзыяна и его вторым важным инициативным шагом при осуществлении экономических реформ в Китае было введение системы поселковых предприятий.

Чжао Цзыян не скрывает того, что очевидно под воздействием того обстоятельства, что на протяжении всей своей предшествующей жизни, с 1919 года по 1979 год, то есть на протяжении 60 лет, он никуда не выезжал из Китая, у него были представления, ограниченные практикой политики Мао Цзэдуна в отношении крестьянства, а именно представление, что проблемы страны можно решать только на путях развития огромных по своим масштабам кооперативных хозяйств.

Однако, побывав в Западной Европе, Чжао Цзыян понял, что эффекта можно добиваться и на основе фермерского хозяйства. Чжао Цзыяну принадлежит заслуга применения в Китае опыта эффективной организации сельского хозяйства в Западной Европе.

Вот почему он выступил за поселковые предприятия в Китае.

Чжао Цзыян пришел к убеждению, что семейные наделы в Китае – это не возвращение к прошлому, к мелкому крестьянскому хозяйству. Именно такая постановка вопроса помогла Чжао Цзыяну добиваться поддержки своей идеи поселковых предприятий внутри КПК. Чжао Цзыян вышел на уровень понимания этих вопросов, присущий передовой в области организации и ведения хозяйства части человечества.

Еще тогда, когда я был в Сычуани, я ратовал за заключение подрядов (контрактов) на производство продукции сельского хозяйства, рыбного промысла, цветоводства, и выращивания травы с теми людьми, которые обладали специальными знаниями и опытом, а также умением организовать производство. Позже я посетил много хозяйств, где разводили цыплят, свиней и молочные фермы, а также хозяйства, где производилась продукция сельского хозяйства и занимались пошивом одежды на селе. В 1981 г., когда я побывал с инспекцией в Шаньси, я говорил, что появление частных сельских семейных хозяйств (предприятий) знаменует собой появление сельской товарной экономики (экономики, производящей товары на продажу).

Преобразование заведенного Мао Цзэдуном в тупик сельского хозяйства Китая, где у крестьян не было никакого стимула работать, хозяйства, которое практически не приносило результатов, в эффективное сельское хозяйство, где у крестьян был стимул работать, – это величайшая заслуга Чжао Цзыяна, причем не только перед народом Китая, но и перед человечеством, так как речь шла об одной пятой части населения Земли.

Конечно, это было решение вопросов в определенный период. Дальше общество развивалось, изменялось, возникали новые, прежде всего, экономические, вопросы, которые требовалось решать по-новому. Но все это было впереди, а в свое время Чжао Цзыян сделал максимум того, что было тогда возможно.

Чжао Цзыян способствовал появлению сельской товарной экономики, то есть фактически, превращению сельского хозяйства Китая в рыночное

хозяйство. Тем самым была заложена основа для экономической либерализации, экономических реформ в Китае в целом.

Попутно можно отметить, что Чжао Цзыян способствовал и появлению предприятий по пошиву одежды в поселках и деревнях. Именно это стало основой превращения Китая во всемирную фабрику той продукции, благодаря продаже которой в Китае в свое время удалось существенно повысить жизненный уровень. Другое дело, что в дальнейшем возникали новые проблемы. Это неизбежно. Но решать их должны новые люди, новые поколения.

Трансформация существовавшей в масштабах всей страны трехступенчатой системы собственности коммун народа (народных коммун) в систему семейного подряда на землю было главным изменением в политике и глубокой революцией. Понадобилось менее трех лет, чтобы все это гладко осуществить. Я уверен в том, что это был самый здоровый главный сдвиг в истории нашей нации. Это было осуществлено даже в ситуации, когда большинство руководителей и кадровых работников продолжали быть настроены скептически. Однако никто не был наказан, никто из старших руководителей не был открыто раскритикован. Конечно, спустя два года, некоторые провинции все еще направляли людей на то, чтобы предотвратить осуществление системы семейного подряда на землю, и в этих случаях мы отдавали административные указания с тем, чтобы остановить их.

Чжао Цзыян в своих воспоминаниях дал оценку тому, что ему и его единомышленникам удалось тогда сделать в Китае.

При правлении Мао Цзэдуна он навязал сотням миллионов китайских крестьян систему того, что Мао Цзэдун именовал «коммунами народа». Тем самым он обманывал людей, обманывал народ, обманывал крестьян, стараясь внушить им, что сами эти административно-хозяйственные ячейки общества, названные им коммунами, то есть ядром его идеологии, якобы принадлежали народу.

На самом деле в этих «коммунах народа» существовала трехступенчатая система собственности. Иными словами, все принадлежало либо «коммуне народа», либо входившим в коммуну большой производственной бригаде или производственной бригаде. Крестьянину не принадлежало ничего. Он был лишен собственности и превращен в пролетария. Такова была аграрная политика Мао Цзэдуна и официальная политика Коммунистической партии Китая.

После смерти Мао Цзэдуна положение в Китае изменилось. Оказалось, что в стране с режимом предельной концентрации власти с исчезновением с политической арены и из жизни «штыря», в данном случае, Мао Цзэдуна, перестает четко функционировать режим, ослабевает система подавления инакомыслящих, несогласных.

Дело в том, что исчезает тот, кому или чьему имени, привыкли беспрекословно подчиняться. Для того чтобы режим выполнял свои карательные функции, от находящегося в кресле руководителя требуется отдать письменный приказ, а все начальники боятся сделать это, боятся ответственности. Ведь «вождь» типа Мао Цзэдуна приучил номенклатуру «править и не отвечать», действовать по принципу: «власть без ответственности».

В этой обстановке китайское крестьянство обрело возможность выразить свою волю. Оно самовольно и стихийно ликвидировало то, что было навязано ему Мао Цзэдуном и КПК, то есть систему коммун народа.

Крестьяне совершили аграрную революцию, вернув себе свои семейные наделы. Тем самым, как уже говорилось, они вернули страну к ДОСОЦИАЛИЗМУ, то есть к положению перед образованием КНР 1 октября 1949 года.

Так китайский народ продемонстрировал, что ему не подходит политика Мао Цзэдуна и его партии, в данном случае, применительно к ситуации и в деревне.

Чжао Цзыян и его единомышленники оказались теми, кто понял правоту крестьян, согласился с их революцией, узаконил в документах партии и государства, произведенные крестьянами изменения.

На практике это выразилось в том, что система «коммун народа» с трехступенчатой формой собственности в них была заменена на систему семейных контрактов на землю.

Система собственности была изменена. Китай оказался страной с фактически частной собственностью для всего китайского крестьянства, которое составляло подавляющее большинство населения страны.

Это изменение Чжао Цзыян и назвал главным изменением в политике и глубокой революцией, самым здоровым главным сдвигом в истории нации Китая.

На это у Чжао Цзыяна ушло всего три года. Причем в обстановке, когда большая часть номенклатуры КПК была настроена, по словам Чжао Цзыяна, скептически.

Это – важное замечание.

До сих пор скептическое отношение не изжито. Тут возможны различные повороты в ситуации в Китае.

Чжао Цзыян был демократом. Именно поэтому он осуществлял свой политический курс таким образом, что никто из номенклатуры на местах, которая возражала, была недовольна его курсом, препятствовала его осуществлению, не был наказан.

Что же касается высоких руководителей, особенно в центре, а именно они составляли костяк противодействия реформам Чжао Цзыяна, то никто из старших руководителей не был открыто, или публично, раскритикован. Так все люди сохранили лицо.

Действия Чжао Цзыяна, как и действия Ху Яобана, в этом плане были полностью противоположны действиям Мао Цзэдуна и его последователей.

Чжао Цзыян опирался в своих реформах на интересы большинства народа. Поэтому его реформы были успешными и эффективными.

Сопrotивление этим реформам Чжао Цзыяна продолжалось до середины 1980-х гг. Чжао Цзыян предотвращал такие попытки административными мерами, но не репрессиями и не с помощью массовых политических кампаний и наклеивания политических ярлыков.

Собственно говоря, Чжао Цзыян в практике своей политической деятельности проявлял два качества: человеческий, демократичный подход к людям, и к руководителям, и к людям вообще; осторожность, постепенность при осуществлении любого политического шага.

По мере расширения сферы осуществления системы семейного подряда на землю, начиная с низов и распространяясь вверх, ее преимущества как системы становились все более очевидными. Огромное большинство руководителей и кадровых работников постепенно отошли от своих прежних позиций. Это было значительное развитие и опыт, которому стоило поучиться.

Итак, после смерти Мао Цзэдуна сначала вне партийно-государственного чиновничества, вне партийных ячеек КПК в китайской деревне, массы крестьян стихийно стали возвращать себе свои семейные земельные наделы. В этом участвовали и крестьяне – члены партии, но индивидуально, в своем личном качестве, наравне с остальными крестьянами.

Руководители КПК и кадровые работники КПК в своем большинстве оказались оторваны от массы крестьян Китая.

Появился своего рода разрыв между КПК и крестьянством Китая.

Возникла новь, новое состояние китайского крестьянства. Новая ситуация стимулировала активность крестьян в труде. Труд стал эффективным. Китайские крестьяне обрели еду, которой у многих из них не было во времена правления Мао Цзэдуна. Жизненный уровень их повысился. В это время отдельные руководители провинциальных комитетов КПК, в первую очередь, Чжао Цзыян и Вань Ли, поддержали инициативу крестьянских масс. Партии в целом, в том числе ряду «старейшин партии», начиная с Дэн Сяопина, пришлось смириться с новым состоянием китайского крестьянства.

Постепенно большинство руководителей и кадровых работников КПК отошли от прежнего, то есть маоцзэдуновского, понимания того, как должна быть устроена система собственности в китайской деревне.

Так началось развитие китайской деревни, которого, собственно говоря, не было во времена правления Мао Цзэдуна. Мао Цзэдун затормозил это развитие на все годы своего правления.

Чжао Цзыян называл эту перемену в ситуации в Китае «самым здоровым главным сдвигом в истории нашей нации».

Именно это, к чему приложил свою мысль и руку Чжао Цзыян, и было главной революцией, главным событием в истории Китая, во всяком случае, в двадцатом веке.

Здесь приходится по-иному взглянуть на события 1949 г., то есть на приход к власти Мао Цзэдуна, и на образование КНР.

Эта революция, осуществленная в 1980-х гг., была не насилием, а свободным выбором людей.

Во время этих кардинальных изменений в политике, центральное правительство не применяло единый унифицированный стандарт, не издавало директив, рассчитанных на все и вся. Местные власти имели свободу выбирать: решать вопросы о том, вводить ли эту систему, и каким образом делать это. (С. 142) Разрешалось и то, и другое: и «движение по широкому пути, и хождение по мосту из одного бревнышка». (С. 142–143) Местным руководителям было сказано, чтобы они не вмешивались в тех случаях, когда люди сами инициировали заключение семейных подрядов на землю. В то же время центральное правительство стремилось изучать ситуацию (положение дел) в целом и извлекало уроки из достижений, прежде чем давать указания.

Принятие этого метода принесло великую пользу и не замедлило темпов перемен. Поскольку право выбирать было дано руководителям и кадровым работникам на местах, и им было дано время для того, чтобы они сделали выбор (время, достаточное для того, чтобы от нежелания перейти к желанию), сдвиг происходил добровольно. Это снижало вероятность конфликтов и уменьшало негативный эффект. Это предоставляло руководителям на местах достаточно времени, чтобы сделать выбор, осознать преимущества системы и представить себе то, как применить систему при имевшихся у них условиях для развития. Поскольку все это продвигалось от беднейших районов к зажиточным, политика постепенно совершенствовалась.

На подходе партии к создавшемуся положению сказались взгляды Чжао Цзыяна.

Это выразилось в том, что центральное руководство КПК не навязывало никаких унифицированных инструкций местным руководителям. По сути дела, это было проявление своего рода демократических начал в работе партии, децентрализации руководства происходящими в стране процессами.

Впервые в истории КПК руководители на местах получили возможность самостоятельно ВЫБИРАТЬ пути решения вопросов.

Одновременно из центра местным властям было сказано, что они не должны препятствовать крестьянам в селах самим выбирать, или не выбирать, переход на семейный земельный подряд.

Принцип добровольности впервые в истории КПК и КНР начал действовать, причем одновременно и применительно к массам крестьян, и применительно к массе партийных кадровых работников.

Так и массы населения Китая в деревне, и массы кадровых работников впервые на своем опыте узнали, что такое добровольность при выборе решений, а не приказная система, которая только и существовала при правлении Мао Цзэдуна.

Итак, децентрализация, свобода выбора, недопущение запретительных действий – все это были части понимания Чжао Цзыяном принципа демократии применительно к ситуации в Китае.

Я уже упоминал о том, что я испытывал энтузиазм относительно системы контрактов на сельские семейные предприятия. Мои взгляды на этот вопрос были во всей полноте изложены в документах совещания первых секретарей парткомов провинций и городов центрального подчинения по вопросу о системе семейного подряда на землю, состоявшегося в сентябре 1980 года. В обобщенном виде содержание этих документов было распространено по всей стране Центральным Комитетом 29 сентября 1980 года.

В обобщении говорилось: «Специализированная система семейных подрядов – это такая система, при которой под управлением производственных бригад люди, обладающие специальными знаниями в производстве продукции сельского хозяйства, будут уполномочены подписывать контракты на землю; люди, обладающие опытом и знаниями в области растениеводства, скотоводства, рыбозаговления и в торговле, будут уполномочены подписывать специальные контракты для своих групп или (индивидуальных) хозяйств (дворов)». Руководящий принцип состоял в том, чтобы использовать побудительные мотивы индивидуальных контрактов и в то же время избегать ничего не дающего возвращения к мелкому крестьянскому хозяйству, где одна семья занимается абсолютно всем.

Однако, эта идея (представлявшая, вводящая инициативы для крупномасштабных и специализированных сельскохозяйственных предприятий) не была реализована, потому что при этом имел место провал, не сумели признать, тот факт, что коммерциализированная сельская экономика (хозяйство) еще не была в полной мере развита. Диверсификация оперативной деятельности (ведения хозяйства на земле), производства индустриального плана и коммерческого аспекта только начинались. Не было достаточного опыта в специфических вопросах, так как люди все еще были в плену своего прежнего образа мышления. Поэтому за исключением нескольких специалистов и немногих главных контрактов на производство зерна, на просторах большей части наших сельскохозяйственных земель контракты заключались в соответствии с тем, что думал глава семьи.

тов, на некоторое время удовлетворяло всех, соответствовало состоянию развития сельского хозяйства и уровню его тогдашней продуктивности. Эти меры стимулировали развитие экономики в китайской деревне.

Конечно же, схема, при которой землю делили поровну и заключение семейных контрактов (или подрядов) не изменило в корне состояние проблемы низкой эффективности труда в сельском хозяйстве. (С. 143–144) По мере увеличения масштабов сельскохозяйственной коммерческой деятельности будут развиваться и специализированные предприятия и сельская промышленность. Со временем снова придется иметь дело с проблемами специализации в той или иной области, с миграцией труда, с крупномасштабными хозяйствами. Конечно, это больше не примет форму коллективизации, которая существовала в 1950-х гг. Весьма возможно, что наиболее подходящей формой станет предприятие, основанное на семейном хозяйстве. Для того чтобы применить к такого рода требованиям, должно быть разрешено умение свободно заниматься торговлей, рентой, и наследовать землю, а самый важный ресурс сельского производства, то есть земля, должна быть свободно доступна на рынке, и получить защиту со стороны закона. Это тот вопрос, с которым придется иметь дело (столкнуться). (С. 144)

Чжао Цзыян понимал, что при всех упомянутых переменах состояние низкой эффективности труда в сельском хозяйстве не изменилось. Это была проблема, которую предстояло решать в будущем. Чжао Цзыян понимал необходимость перехода в будущем к крупномасштабным хозяйствам. Однако он полностью исключал возвращение в Китае к той коллективизации, которая была навязана в 1950-х гг. Чжао Цзыян указывал и на проблемы, которые в Китае придется решать в будущем в области сельского хозяйства. Это разрешение крестьянам свободно заниматься торговлей, сдавать в аренду и наследовать землю. Чжао Цзыян также считал, что земля в Китае должна быть свободно доступна на рынке, и что это должно быть гарантировано законом. Таким образом, очевидно, что Чжао Цзыян начал самые важные реформы в китайской деревне и имел четкие представления о том, что означает их доведение до логического конца.

«ЗОЛОТОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ» ДЖАО ЦЗЫЯНА

Итак, Чжао Цзыян в 1980-х гг. на протяжении всех почти 10 лет пребывания на высших руководящих постах (сначала премьера Госсовета КНР, а затем генерального секретаря ЦК КПК) последовательно и неуклонно выступал со стратегическими инициативными предложениями по развитию экономики страны. Это и было реальным воплощением экономической либерализации, то есть экономических реформ в Китае.

Сначала он сосредоточил усилия на поиске и нахождении пути решения «трех проблем села»: крестьянства, деревни, сельского хозяйства. Здесь шагом, представлявшим собой, по его же словам, главный и важнейший поворот в истории нации Китая (то есть народа и страны), был переход от кооперативного строя по Мао Цзэдуну к системе семейных контрактов на землю.

Осуществив этот стратегический шаг, Чжао Цзыян предложил стратегию полного решения крестьянского вопроса в Китае на путях создания крупномасштабных сельскохозяйственных предприятий, в основе которых должны были лежать контракты между ассоциациями индивидуальных крестьянских хозяйств, специализирующихся в производстве того или иного вида сельскохозяйственной продукции, с государством.

В конце 1980-х гг. Чжао Цзыян, поставив на правильные рельсы развитие сельского хозяйства и обеспечив китайскому крестьянству в масштабах всей страны возможность, при продолжении правильного курса, постепенно выходить на передовой мировой уровень развития этой отрасли экономики, сделал следующий шаг стратегического значения.

Он выдвинул мысль о превращении всего морского побережья Китая в район развития экономики, целиком ориентированной на экспорт. С точки зрения Чжао Цзыяна, морское побережье Китая могло стать «золотым побережьем». Именно там можно и нужно было развивать отрасли экономики, ориентированные на экспорт, на включение в глобальную экономику, и обеспечивающие высокий уровень жизни сначала для той части населения Китая, которая жила в прибрежных районах, а далее, на этой основе, и для остального населения страны.

Зимой 1987 года я побывал с инспекцией в регионах на морском побережье, после чего, в январе 1988 года, я предложил стратегию развития этого побережья.

Во время упомянутой поездки я начал приходить к убеждению, что международный рынок предоставляет прекрасные условия нашим прибрежным регионам для ускорения их развития, потому что производство, требующее интенсивного труда, всегда будет сдвигаться туда, где трудовые ресурсы имеются в изобилии, и где труд дешев. Некоторые развитые государства двинулись к производству такой продукции, которая требует больше знаний и технологий или интенсивных капиталовложений, а все это создает возможности для развивающихся государств. Это своего рода закон природы. По этому пути пошла Япония, как и четыре азиатских тигра: Тайвань, Сингапур, Сянган и Южная Корея. Четыре упомянутых тигра взяли старт и взлетели именно таким образом.

Образ мыслей Чжао Цзыяна ритмично отличается от образа мыслей многих других руководителей КПК.

Чжао Цзыян в этом смысле предстает действительно, а не на словах, как это попытался сделать Дэн Сяопин, «человеком мира». Он видел себя, своих соотечественников, как неотъемлемую часть человечества. Он не заклинивался на идее о «специфике» или «своеобразии», «самобытности» Китая, сторонники которой частенько обособляют китайцев от остального человечества, а то и противопоставляют китайцев остальному человечеству или его частям.

Чжао Цзыян принял во внимание опыт человечества, которое в своей истории много раз использовало прибрежные районы разных морей и океанов для производства такой продукции, которой можно было торговать с заморскими странами.

Чжао Цзыян выносил свои идеи и предложения из своих поездок и ознакомления с ситуацией в том или ином регионе.

После XIII съезда КПК, будучи избран генеральным секретарем ЦК КПК, Чжао Цзыян побывал в прибрежных районах Китая. Во время этой поездки он начал приходить к убеждению, что международный рынок предоставляет прекрасные условия прибрежным районам Китая для ускорения их развития, потому что производство, требующее интенсивного труда, всегда будет сдвигаться туда, где трудовые ресурсы имеются в изобилии, и где труд дешев.

Собственно говоря, Чжао Цзыян наполнил реальным содержанием уже принятую к тому времени в КПК – КНР мысль о необходимости осуществления политики открытости Китая для внешнего мира, для связей с остальным человечеством.

Чжао Цзыян ориентировался при этом на то, что он называл законом природы.

В современном мире развитые страны начали в большей степени создавать экономику знаний, высоких технологий, экономику, требующую интенсивных капиталовложений.

В этой обстановке у развивающихся государств появлялись возможности для организации у себя производства, требующего дешевой рабочей силы и интенсивного труда.

Чжао Цзыян исходил из того, что взлет экономики Тайваня, Сингапура, Сянгана и Южной Кореи произошел именно на этой основе.

Он предложил распространить действие этого закона природы на Китай.

Это также означало, что Чжао Цзыян был тем руководителем Китая, который не выступал прямо против марксистского учения или «идей» Мао Цзэдуна, но фактически ориентировался на здравый общечеловеческий разум, в данном случае, в области экономического развития.

Наши прибрежные регионы обладают великими преимуществами. Там есть богатое предложение высококвалифицированного труда, лучшего, чем в других развивающихся странах. Сообщение (транспортирование) там удобное, информация доступна, и люди становятся во все большей степени в курсе того, что такое международный рынок и конкуренция (соревнование), и могут реагировать быстрее, чем внутренние провинции. (С. 145) Также там лучше инфраструктура, и район обладает великой способностью для производства в области легкой и текстильной промышленности. (С. 145–146) Наш прибрежный регион обладает всеми условиями, которые необходимы для того, чтобы добиться того, чего добились азиатские тигры.

Чжао Цзыян считал, что в прибрежных районах Китая есть все материальные условия для того, чтобы они могли пройти тот путь, который прошли Сингапур, Тайвань, Сянган и Южная Корея. При этом речь шла о реальных вещах. Чжао Цзыян не говорил о некоем «конфуцианском социализме», «конфуцианской модели организации труда», о некоей общности районов, входящих в «регион конфуцианской цивилизации». В равной степени он нигде в своих воспоминаниях не обращался к теориям, идеям и высказываниям Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина и Мао Цзэдуна.

Такой подход в гигантской степени ускорил бы развитие прибрежных регионов. Предложенная стратегия призывала к развитию экономики, ориентированной на экспорт, а это означало, что от 100 до 200 миллионов людей присоединились бы к глобальному рынку и стали бы принимать участие в международном обмене и конкуренции (соревновании). Это усилило бы осуществление установки на то, чтобы «выходить за границу в обоих направлениях», то есть, что готовые продукты стали бы кормить интернациональный рынок, в то время как сырье и другие ресурсы ввозились бы с международного рынка. Если бы при производстве всех экспортных товаров мы полагались бы вместо предложенного только на наши внутренние ресурсы, это могло привести к нехватке вещей (дефициту) внутри страны. Конкуренция или борьба за сырье между восточными, цен-

тральными и западными регионами могла бы дестабилизировать нашу национальную экономику.

Чжао Цзыян излагал суть предложенной им стратегии.

Речь шла о развитии там экономики, ориентированной на экспорт.

Если действия Чжао Цзыяна в поддержку введения в Китае системы контрактов на семейные земельные наделы, в частности, спасли от голода 100 миллионов беднейших крестьян, то предложенная им стратегия ориентации на производство товаров на экспорт в прибрежных районах Китая означала открытие возможности для от 100 до 200 миллионов жителей этих районов повысить свой жизненный уровень.

Вот что сделал Чжао Цзыян для сотен миллионов людей Китая.

Стратегия Чжао Цзыяна позволяла «выходить за границу (вовне) в обоих направлениях», то есть и обретать экспортные возможности и импортировать необходимое из-за рубежа.

Чжао Цзыян, благодаря внесенной им стратегической мысли, избавлял от конкуренции за ресурсы между собой восточные, центральные и западные регионы Китая.

Когда эта стратегия была предложена, товарищ Сяопин был настроен в ее поддержку и высоко оценивал ее. Он сказал, что мы должны ухватиться за эту возможность, осуществлять смелые и решительные действия с тем, чтобы не потерять такую возможность. В некоторых из прибрежных регионов также поддерживали предложения и проявляли энтузиазм. Они видели, каким блестящим могло бы быть их будущее.

Дэн Сяопин поддерживал упомянутые инициативные шаги Чжао Цзыяна, как применительно к ситуации в сельском хозяйстве, так и применительно к ситуации в прибрежных районах Китая. Дэн Сяопин не был архитектором экономических реформ в Китае, но он был закулисным «хозяином» партии, поэтому от его позиции зависело практическое осуществление стратегии, предложенной Чжао Цзыном.

Однако существовала противоположная точка зрения. Яо Илинь (руководитель Госплана) и Ли Пэн проявляли озабоченность. Все еще существовала проблема перегревшейся экономики страны и осуществления (достижения) «мягкой посадки». И если бы прибрежные регионы ускорили свое развитие, не перегрелась ли бы вновь экономика?

Постоянное противодействие экономическим реформам Чжао Цзыяна оказывала часть номенклатуры, прежде всего, руководители правительства КНР Ли Пэн и Яо Илинь. Они исходили из отсталых и не верных представлений об экономике страны. С их точки зрения, надо было противопоставлять какой-то «стратегии будущего развития морского побережья» заботу о вероятном перегреве экономики.

Фактически, в такого рода опасениях не было необходимости. Так называемый «перегрев» не был просто вопросом о том, что темпы развития оказывались слишком медленными или слишком быстрыми, но вопросом о том, не были ли темпы более высокими, чем это можно было амортизировать. Вопрос тут был в чрезмерных инвестициях, в возвращении инвестиций позже необходимых сроков, или в таких инвестициях, отдача от которых была очень низкой. В добавление к этому, громадными были фонды потребления, а это служило причиной избыточности (слишком большого объема) денежной массы, находившейся в обращении.

Чжао Цзыян и в этом случае демонстрировал более глубокое понимание экономики, чем его оппоненты.

Он вполне основательно полагал, что тут все решает способность руководителей удерживать темпы развития ниже того уровня, на котором существует возможность амортизации создавшегося положения. Он обращал внимание на чрезмерность инвестиций и фондов потребления, а все это имело своей причиной, зачастую, административные методы руководства экономикой, к чему привыкли Ли Пэн, Яо Илин и их сторонники.

Эти проблемы не существовали бы, если бы прибрежные регионы начали осуществлять предложенную стратегию. Прежде всего, не было никакой необходимости для таких громадных капиталовложений; во-вторых, продукция, которую они производили бы, могла бы быть продана быстро; и, в-третьих, сырье можно было бы импортировать из-за рубежа.

Экономики четырех азиатских тигров доказали это. Именно во времена относительно высокой инфляции, они развили свою экономику, ориентированную на экспорт, экспортировали продукцию, которая требовала вложения интенсивного труда, и в то же время импортировали сырье. В результате имело место ускоренное развитие экономики в этих странах, за чем последовали годы устойчивого роста. В то же время уровень инфляции там снизился, и их экономики росли более стабильно.

Чжао Цзыян ссылаясь на опыт экономического развития Сингапура, Тайваня, Сянган и Южной Кореи. Он говорил исключительно о реальных вещах, об экономике. Лишний раз можно обратить внимание на то, что он не вводил сюда рассуждения о «конфуцианской идеологии» или о «конфуцианской цивилизации».

Китай – это большая страна с отличающимися друг от друга условиями в разных его регионах. (С. 146) Мы часто пытаемся применять один и тот же подход к стране в целом, но это ведет к игнорированию сильных сторон и характерных особенностей регионов. (С. 146–147) Например, прибрежные регионы могли развиваться быстрее без проблемы перегрева экономики, однако, поскольку мы пытались уменьшить эту проблему в общенациональных масштабах, мы ограничивали и развитие прибрежных

регионов, а это стоило нам потери возможностей. И мы действовали именно таким образом на протяжении многих лет. Если мы делали что-то, мы должны были делать это сразу по всей стране; и когда мы осуществляли урегулирование, чтобы замедлить развитие, мы замедляли его в каждом регионе. Прибрежные районы много раз пропускали возможности для развития.

Чжао Цзыян в данном случае фактически осуждает существенную часть идеологии, образа мышления Мао Цзэдуна и его приверженцев и последователей.

При правлении Мао Цзэдуна типичным было подход к проблемам, скажем, в соответствии с лозунгом: «Вся страна варит сталь».

У Мао Цзэдуна были принципиальные подходы к решению любых проблем:

- предельная концентрация власти в одних, его собственных, руках;
- внушение населению страны, что и сам он «великий» и единственный «вождь»;
- и все его «деяния» – «великие»: «великая партия», «великое государство», «великая армия»;
- а далее организация всекитайских массовых кампаний с обязательным участием в них всех и каждого.

Всю страну Мао Цзэдун видел как единую «шашечную доску», на которой и все клетки одинаковы, и заполняющие эти клетки кругляши для игры в «облавные шашки» тоже совершенно одинаковы. Важно отметить, что и при самой игре в облавные шашки не важно, какие человеческие жертвы приходится нести, а важна только приобретенная территория.

Именно имея все это в виду и важно представлять себе значение того, о чем здесь говорит Чжао Цзыян. Он выступает за то, чтобы видеть разнообразие, считаться с индивидуальностью, с каждой отдельной частью целого.

Отсюда и мнение Чжао Цзыяна о том, что при правлении Мао Цзэдуна на протяжении многих лет ошибочно не делали различий между частями страны, не учитывали сильные и слабые стороны каждого из регионов. А это не только мешало развитию, но зачастую вообще исключало развитие экономики страны.

Но вот некоторых немногочисленных старейших в партии заботило иное. Например, Чэнь Юнь был обеспокоен тем, что хотя концепция «выходить за границу в обоих направлениях» и была хороша, это было не легко доказать (на практике). Я понимал его страхи: ведь если бы мы согласились импортировать сырье, но при этом не смогли бы экспортировать нашу продукцию за рубеж, как бы мы сводили баланс применительно к валюте? Однако хотя его опасения были понятны, реально вопрос состоит в следующем: если у нас имеются такие благоприятные условия, и если

четыре азиатских тигра сумели сделать это, почему мы не сможем добиться того же? Почему мы окажемся не способны конкурировать?

Важно обратить внимание на сам подход Чжао Цзыяна к этой проблеме и на характер взаимоотношений в этой связи между Чжао Цзыяном и Чэнь Юнем.

Чжао Цзыян на протяжении довольно длительного времени с уважением относился к Чэнь Юню. Помня о его заслугах по выводу страны из трудного положения в экономике во времена правления Мао Цзэдуна. И ценя его проникновение в суть экономических проблем. В то же время Чжао Цзыян не делал кумира из Чэнь Юня. Он спокойно анализировал ситуацию и делал из нее объективные выводы.

Здесь Чжао Цзыян высказывал понимание озабоченности Чэнь Юня, но в то же время указывал на то, что у Китая есть все возможности пройти тот же путь, который прошли Сингапур, Тайвань, Сянган и Южная Корея. Позиция Чжао Цзыяна была резонной. Никто, в том числе Чэнь Юнь, не мог найти аргументы для возражений.

Вообще Чэнь Юнь во времена деятельности Чжао Цзыяна проявлял осторожность, очевидно, понимая, что Чжао Цзыян, как никто, умел прокладывать новые пути решения старых экономических проблем, а также вновь возникавших проблем.

На этом пути были два препятствия: система внешней торговли и предприятия, находившиеся в собственности государства. Для того чтобы осуществлять стратегию развития морского побережья, внешняя торговля должна была быть реформирована, и тем, кто был вовлечен в эту торговлю, должна была быть предоставлена возможность нести ответственность за свои прибыли и убытки. В это время я предложил разрешить осуществлять «экспорт и импорт в громадных масштабах, причем безотлагательно». В системе внешней торговли надо было убрать барьеры с тем, чтобы позволить осуществлять в громадных масштабах импорт и экспорт.

При правлении Мао Цзэдуна в КНР существовала монополия государства на внешнюю торговлю.

Чжао Цзыян предложил ликвидировать эту монополию, предоставить право и возможности всем тем, кто желал заниматься внешней торговлей, нести ответственность за свои прибыли и убытки.

Чжао Цзыян предложил разрешать осуществлять «экспорт и импорт в громадных масштабах, причем безотлагательно». Таким образом, он убрал существовавшие до того времени на протяжении всех лет существования КНР барьеры на пути свободной внешней торговли. Это был революционный шаг Чжао Цзыяна в области внешней торговли. Это была очередная реформа Чжао Цзыяна в сфере экономики Китая.

Другой вопрос заключался в том, как реформировать предприятия, находившиеся в собственности государства. Было нелегко изменить привычку «есть рис из одной плошки» или «пользоваться (общей) прибылью, однако делить потери на всех». Я подчеркивал в первую очередь развитие предприятий, находившихся в собственности небольших городов (муниципалитетов) в прибрежных районах – поселковых предприятий. Эти предприятия действовали более гибко, и было легче иметь дело с ними. Я познакомился со многими поселковыми предприятиями (предприятиями, находившимися в собственности городов), и увидел, что они доставляли (свою продукцию) во время, обращали внимание на качество и имели очень хорошую репутацию.

При правлении Мао Цзэдуна в КНР имели отношение к внешней торговле только предприятия, находившиеся в собственности государства.

Вся эта система работала в соответствии с принципом «общего котла», то есть все это было в руках государства. Государство было единственным владельцем всех этих предприятий.

Предприятия, находившиеся в собственности государства, привыкли к введенному при власти Мао Цзэдуна правилу, согласно которому они фактически не несли ответственности за убытки в результате их деятельности.

Из-за всего этого у предприятий, у тех, кто работал на этих предприятиях, не было никакой заинтересованности в своем труде, в его результатах, в реализации плодов своего труда. Стимула к работе в КНР и в этой области хозяйства не было.

Чжао Цзыян стал подчеркивать значение для развития внешней торговли, в первую очередь, поселковых предприятий. Они действовали гибко, были заинтересованы в качестве своей продукции, в том, чтобы иметь хорошую репутацию.

Это был второй шаг Чжао Цзыяна с целью открыть «ворота» внешней торговле Китая. Чжао Цзыян смело разрушал неразумные правила, существовавшие во времена правления Мао Цзэдуна.

Была и третья озабоченность, которую в большинстве своем выражали академики и ученые, вовлеченные в процессы планирования и внешней торговли. Они указывали на то, что азиатские тигры были очень маленькими, в то время как мы были намного больше, и у нас было такое многочисленное население. Они задавали вопрос о том, окажется ли возможным продать нашу продукцию за границей.

Эти опасения должно было рассматривать следующим образом: при условии, что эта продукция будет хорошего качества, и будет продаваться по низким ценам, она найдет свое место на рынке. Рынок не был заморожен или статичен в фиксированных размерах, то есть, закреплен таким образом, что если у вас была там своя доля, то там не будет ничего

дополнительного. Конечно, на международном рынке не было вакуума, и не было такой ситуации, что на этом рынке недоставало какого-либо товара. (С. 147) Вопрос был в доле на рынке: в том, какую долю берешь ты, и какую долю беру я. (С. 147–148) Общий объем будет возрастать по мере экономического развития и роста. Однако доли на рынке варьируются и зависят от конкуренции. Вот почему развитые государства прекратили производство продукции, требующей интенсивного труда, и урегулировали свою промышленность. И как только начинается рост экономики, стоимость труда в таких странах возрастает, и они постепенно утрачивают свои преимущества. Например, Япония передвинула свое производство, требующее интенсивного труда, в государства – четыре азиатских тигра. Но в настоящее время азиатские тигры потеряли свои преимущества на этом фронте.

Такая страна, как Китай, обладает таким преимуществом, как невероятные ресурсы рабочей силы. И тут нет необходимости проявлять беспокойство о будущем. Сделав первый шаг, мы сможем сделать и второй, а затем и третий. И как только мы начнем экспортировать продукцию, при производстве которой требуется интенсивный труд, мы аккумулируем капитал и более продвинутые технологии, и мы сможем тогда конкурировать на международной арене там, где дело касается продукции, где требуется интенсивный труд или интенсивные технологии. Но все это – вопрос для развития в будущем, и тут нет никакой необходимости испытывать опасения. Это было только самое начало. Мы вовсе не собирались немедленно толкнуть 200 миллионов людей с тем, чтобы они оказались непосредственно лицом к лицу с конкуренцией на международном рынке. Все это представляло собой процесс развития.

Рассуждения Чжао Цзыяна на экономические темы были разумным подходом современного мирового лидера.

Вот и в данном случае он убедительно и обоснованно показывал, что у Китая были условия для того, чтобы начать свой путь к такой цели, как включение в глобальную экономику.

Чжао Цзыян также показывал, что у Китая есть не только возможности включиться в эту систему на первом этапе, но и в перспективе, по мере развития экономики страны и ее выхода на новый уровень.

Были также и некоторые люди, которые с неохотой оставляли претензии на то, чтобы выступить в качестве мировой державы. Они задавали вопрос: как же может социалистическая Республика Народа Китая делать упор на производстве продукции, которая требует интенсивного труда, и полагаться на экспорт товаров, которые производятся на поселковых предприятиях (предприятиях небольших городков в сельской местности)? Они были уверены в том, что правильный путь состоял в том, чтобы организовать гигантские группы предприятий, которые бы произ-

водили и экспортировали продукцию с применением высокой и продвинутой технологии.

Но это было абсолютно не реально в условиях нашей страны. Что мы экспортировали в то время? Главным образом продукцию сельского хозяйства, не промышленную продукцию, и по большей части это было сырье. Мы представляли собой развивающуюся страну, и, вне зависимости от того, насколько сильно мы могли стремиться к тому, чтобы производить высокотехнологичную продукцию, делать это в крупных масштабах было невозможно, а потому было невозможно и улучшить положение с безработицей в прибрежных регионах. Мы нуждались в том, чтобы начать с производства продукции, требующей интенсивного труда, и осуществить экспорт в громадных масштабах. А уж после того, как положение в экономике стабилизируется, и сама экономика станет более крепкой и сильной, мы могли бы вернуться к такой цели, как экспорт высокотехнологичной продукции и всех товаров с высокой прибавочной стоимостью.

Чжао Цзыян оказался единственным в Китае, в КПК, человеком, который предложил новые пути развития экономики страны.

В КПК в то время в силу инерции, заложенной, пожалуй, всей историей существования КПК и КНР, всем теоретическим багажом, на котором десятилетиями воспитывалась партия, преобладало устойчивое представление о том, что нужно гордиться «величием» своего государства, своей партии. Ставить превыше всего необходимость утверждать свою партию, свое государство в качестве самого главного государства на Земле, свою партию в качестве самой великой и самой правильной на Земле.

В соответствии с такими представлениями, нужно было всемерно утверждать в мире престиж своего государства. Это государство по-китайски было названо Мао Цзэдуном ЧЖУНХУА ЖЭНЬМИНЬ ГУНХЭГО, что в нашей стране, следуя навязанному нам в конце 1949 г. чиновниками КПК-КНР предложению, мы именуем обычно Китайской Народной Республикой, хотя, на самом деле, если перевести это наименование точно, оно должно звучать как «Республика Народа (Нации) Китая (Чжунхуа)».

Следовательно, идея Мао Цзэдуна, который внушал, что его главная заслуга состоит в том, что он, дескать, добился независимости Китая в мире (тут в немалой степени имелась в виду «независимость» от нашей страны), идея Мао Цзэдуна, который играл на чувстве национальной гордости китайцев и внушал им, что его государство – это государство их нации, нации Чжунхуа, нации Китая, это – государство народа этой нации, это – республика народа этой нации, глубоко проникла в обыденное сознание многих, если не большинства, людей в континентальном Китае.

Исходя из таких представлений, в КНР находились и те, кто возражал против упора Чжао Цзыяна на роли поселковых предприятий на первом этапе развития свободной внешней торговли, утверждая, что все это сле-

довало бы делать только в гигантских масштабах, причем с применением высокой продвинутой технологии.

Чжао Цзыян обращал внимание на то, что такой подход не реалистичен. Заметим попутно, как и многое в «идеях» Мао Цзэдуна. Собственно говоря, главное отличие Чжао Цзыяна от Мао Цзэдуна состояло в том, что Чжао Цзыян был реалистом, он выражал реальные интересы людей Китая, в то время как Мао Цзэдун был обуян исключительно жаждой власти над людьми и Китая и других стран.

Чжао Цзыян призывал людей быть ближе к земле. Понять, что надо исходить из реальной ситуации своего времени, развивать внешнюю торговлю на основе имевшихся возможностей. Только в будущем можно было переходить к иным формам этой работы.

Были и еще возражения иного рода. Некоторые кадровые работники в центральном регионе и в западном регионе страны, либо те, кто были вовлечены в планирование и в макроэкономику, задавали вопрос: почему это мы хотим еще больше и дальше развивать районы морского побережья, в то время как они уже опережают в своем развитии внутренние районы страны, внутренние провинции страны? Не станет ли в результате всего этого разрыв еще большим? Товарищи из внутренних провинций были уверены в том, что само это развитие прибрежного региона просто сделает богатых еще богаче. Они желали знать: почему не сделать богаче бедных? (С. 148)

Фактически ускорение развития вдоль морского побережья не только приносило выгоды самому этому побережью, но и двигало вперед экономику страны в целом, включая и внутренние провинции. Без развития прибрежных регионов, где бы нашли работу все эти мигранты рабочие? Если бы прибрежные регионы добились развития, закон продукции, требующей интенсивного труда, оказался бы также приложен внутри нашей страны, и произошел бы сдвиг туда, где труд был еще дешевле. По мере того, как стоимость труда начала бы расти в прибрежных регионах, они были бы вынуждены осуществить урегулирование применительно к производимой ими продукции. Поэтому мы не могли осуществлять развитие с единой скоростью (одними и теми же темпами для всей страны), и мы нуждались в том, чтобы продвигать вперед развитие одного региона, которое способствовало развитию другого региона (повлекло бы за собой развитие другого региона). Продвижение в едином строю (унифицированным и единым шагом) тем более не означало бы, что они могли бы продвигаться вперед быстрее. Прибрежные регионы были частью Китая; если их преимущества (сила) будут использованы, это будет благоприятно для страны в целом, включая центральные и западные регионы. С точки зрения развития страны в целом, было необходимо отдать приоритет в развитии прибрежным регионам.

Чжао Цзыяну пришлось преодолевать сопротивление тех людей, особенно из центральных и западных районов Китая, которые были обеспокоены тем, что и так более богатые прибрежные районы станут еще богаче, и разрыв между бедными и богатыми районами только увеличится.

Здесь, опять-таки, играла роль идеология, воспитанная на протяжении всей предшествующей истории партии, особенно при правлении Мао Цзэдуна: идеология стремления «все делить поровну».

Чжао Цзыян и в этом случае демонстрировал свою свободу от «идей» Мао Цзэдуна. Он, опираясь на доводы разума, показывал, что у Китая в то время просто не было иного выхода, что надо было начинать с прибрежных районов, причем утверждал, что их развитие не только предоставляет рабочие места людям из других районов страны, но и повлечет за собой со временем развитие и центрального и западного Китая.

Несмотря на множество опасений, стратегия развития прибрежных регионов была принята Политбюро и стала воплощаться в жизнь. После 4 июня об этой стратегии больше не упоминали, то есть не произносился сам этот термин. Но в реальной жизни ее осуществление продолжалось. Так произошло по той причине, что, благодаря устойчивому развитию экономики морского побережья, страна стала всего за несколько лет экспортировать огромные объемы продукции и запасы иностранной валюты составили колоссальную сумму. И разве все это не было результатом того, что пошли по этому пути? Конечно же, после 4 июня никто не мог говорить об этой стратегии как о политике, так как это подрывало еще более активное воплощение в жизнь этой стратегии.

Я однажды говорил с богатым бизнесменом с Тайваня Чан Юн-фа, председателем правления компании (группы) «Эвергрин». На Тайване он был столь же знаменит, как Ван Юн-цин (одно время председатель правления компании «Формоза Пластик»). Во время беседы я сказал ему: «То, что вы на Тайване оказались в состоянии аккумулировать десятки миллиардов долларов валютного резерва – это не тривиальная вещь для такого маленького региона; как вам удалось добиться этого?»

Он сказал: «Это не было трудно. Только продолжайте вашу нынешнюю политику реформ и открытости и развивайте внешнюю торговлю. И не пройдет много времени, как вы будете обладать огромными валютными резервами. Если Тайвань смог сделать это, континент тоже может сделать это». Он говорил об этом с большим оптимизмом и конфиденциально.

В то время у меня были сомнения. Да может ли это быть столь легко? Это теперь очевидно, что это действительно не было так уж трудно. Ключ был в том, чтобы твердо придерживаться политики открытости. Я много раз упоминал об этом ранее, чтобы иллюстрировать следующее: пока мы воплощаем в жизнь политику реформ и открытости (дверей в Китай), наша экономика будет в состоянии развиваться быстро. (С. 149)

Чжао Цзыян добился того, что предложенная им стратегия развития китайского морского побережья (стратегия развития прибрежных регионов) была принята на заседании Политбюро ЦК КПК.

Он также отмечает, что после событий 4 июня 1989 г. в КНР–КПК официально этот термин больше не употребляется, об этом больше не говорится.

В то же время на практике осуществление этой реформы Чжао Цзыяна продолжается.

Чжао Цзыян подчеркнул, что по политическим причинам после событий 4 июня 1989 г. никто в Китае больше не мог говорить об этой стратегии как о политике. Очевидно, что это происходило потому, что стратегия была связана с именем Чжао Цзыяна, а Дэн Сяопин добивался, чтобы это имя было вычеркнуто из истории КПК и КНР.

Чжао Цзыян отметил, что ситуация, которая была создана событиями 4 июня 1989 года, подрывала более активное осуществление этой стратегии.

Это означало, что Дэн Сяопин и его сторонники затормозили получение Китаем выгод от внешней торговли, получение огромных валютных запасов на несколько лет.

Чжао Цзыян имел основания подчеркивать, что именно последовательное и неуклонное воплощение в жизнь политики реформ и открытости, в частности, развитие внешней торговли, принесет с собой не только громадные запасы валюты, но и быстрое развитие, ускорение развития экономики страны.

Чжао Цзыян также не стеснялся советоваться по экономическим вопросам с бизнесменами с острова Тайвань. Он был ориентирован на это, а не на «идею» Мао Цзедуна об «освобождении» Тайваня.

Жизнь показала, что Чжао Цзыян был прав. Дэн Сяопину через несколько лет пришлось продолжить проводить политику, предложенную Чжао Цзыяном, только уже без Чжао Цзыяна.

С осени 1987 г. по январь 1988 г. я путешествовал по Фуцзяни, Гуандуну, Чжэцзяну; это была длительная инспекционная поездка; я разговаривал с местными кадровыми работниками на уровне уездов, поселков, округов, и провинций. (С. 149–150) Я также обменивался мнениями с соответствующими учреждениями центрального правительства, после чего я и предложил стратегию регионального развития побережья. Самым важным пунктом этой стратегии было развитие в прибрежных регионах экономики, ориентированной на экспорт и импорт, для того, чтобы в полной мере использовать те преимущества, которые предоставляет глобальная экономика, находящаяся в состоянии перехода. Этот план охватывал регион вдоль морского побережья с населением от 100 до 200 миллионов человек. План включал в себя следующие пункты:

1. Развитие региона морского побережья по сути дела должно представлять собой формирование экономики, ориентированной на экспорт. Используя преимущества, предоставляемые структурным урегулированием глобальной экономики, мы должны сконцентрироваться на производстве, требующем интенсивного труда и на производстве, при котором интенсивными должны быть одновременно и то и другое: и труд, и технология.

2. Громадный объем импорта и экспорта должен быть достигнут благодаря «действиям в двух направлениях за рубежом» Капитал, оборудование, и продажа нашей продукции – все это мы обретем на международном рынке с той целью, чтобы привлечь зарубежные инвестиции и импортировать оборудование и сырье. Производство будет организовано у нас в стране, и затем изготовленная продукция будет экспортироваться. Огромные объемы импорта и экспорта должны быть разрешены безотлагательно.

3. Во время развития экономики, ориентированной на экспорт, потенциал поселковых предприятий должен быть реализован в полной мере, и они должны стать главной или даже доминирующей силой. Это означает полное использование потенциала поселковых предприятий и использование их в качестве укладчика пути для экономики, ориентированной на экспорт. В конечном счете большая часть рабочей силы, находящейся в деревне, в прибрежных регионах будет интегрирована в упомянутую экономику, ориентированную на экспорт, и в международный рынок.

4. С той целью, чтобы адаптироваться к такого рода трансформации, должна быть реформирована система централизованного импорта и экспорта в сфере внешней торговли с заграницей. Все компании или предприятия, обладающие возможностями производить товары на экспорт, и те предприятия, которые занимаются экспортом и импортом в области внешней торговли, должны нести ответственность за свои доходы и убытки в ситуации, когда им разрешается свободно заниматься своим бизнесом.

В итоге это означало разрешение от 100 до 200 миллионам людей в регионе побережья и предприятиям этого региона интегрироваться в международный рынок и принимать участие в обмене и в конкуренции на международном рынке. (С. 150)

Чжао Цзыян внес предложение относительно стратегии развития морского побережья Китая в 1988 году после того, как зимой 1987–1988 гг. он совершил длительную поездку с инспекционными целями по ряду прибрежных провинций.

В предложении Чжао Цзыяна были обобщены соображения, о которых речь уже шла ранее.

За пределами Китая урегулирование структуры международной экономики было уже в разгаре, и в некоторых из промышленно развитых государствах или в возникающих индустриализирующихся государствах, жиз-

ненный уровень людей повысился, поэтому цена их труда тоже повысилась. (С. 150–151)

В АТР США первыми передвинули производство некоторых видов продукции, требующей интенсивного труда, в Японию. Япония воспользовалась этой возможностью для того, чтобы развиваться самой. Позднее США и Япония передвинули некоторые производства, требующие интенсивного труда, в четыре азиатских тигра. По мере того, как четыре азиатских тигра развивались, Япония и азиатские тигры двинули некоторые отрасли своей промышленности в страны АСЕАН (группа из десяти государств ЮВА).

Структурное урегулирование экономики в глобальной перспективе или применительно к АТР, не остановится. Этот постоянно действующий процесс предоставляет возможности развивающимся государствам. В прошлом, из-за того, что мы закрыли наши двери в мир и осуществляли жесткую высоко централизованную систему без свободного потока информации, мы упустили много возможностей. Теперь мы не должны упустить еще один шанс!

Чжао Цзыян считал необходимым как можно более обоснованно и глубоко разъяснить эту свою концепцию.

Здесь важно обратить внимание на то, что у Чжао Цзыяна было свое обоснованное представление о состоянии дел в мировой экономике. Он вносил предложения относительно осуществления экономических реформ в КНР, исходя из возможностей, которые имелись у Китая при нынешнем состоянии экономики в мировых масштабах.

Важно и то, что Чжао Цзыян последовательно и неоднократно отрицал то, что делалось в Китае при правлении Мао Цзэдуна.

Чжао Цзыян осуждал Мао Цзэдуна за, что тот закрыл двери между Китаем и остальным человечеством.

Чжао Цзыян осуждал Мао Цзэдуна за то, что тот навязал китайцам жесткую высоко централизованную систему без свободного потока информации.

И то, и другое – суть неотъемлемые части ядра системы, созданной Мао Цзэдуном и его приверженцами.

В то же время наши прибрежные регионы обладают прекрасными подходящими условиями: близость к портам на побережье с удобным сообщением, лучшая инфраструктура сравнительно с внутренними провинциями, и качество труда в культурном и в техническом смысле. Прибрежные регионы были ближе к международным рынкам, и у них была традиция торговать с внешним миром. Обладая и тем, и другим, то есть, имея и возможности и условия, если только мы ликвидируем препятствия у себя в мышлении и примем в качестве руководства соответствующую политику, прибрежные регионы смогут развиваться быстрыми темпами.

Принципиальный подход Чжао Цзыяна к экономической либерализации, которую он считал необходимой, состоял том, что, с его точки зрения, в Китае китайцам надо было ликвидировать препятствия у себя в мышлении, а также принять в качестве руководства соответствующую политику.

Таким образом, очевидно, что, с точки зрения Чжао Цзыяна, было необходимо, прежде всего, отбросить образ мышления, навязанный Мао Цзедуном.

При этом условии можно было принять в качестве руководства иную, нежели при правлении Мао Цзедунa, политику.

Чжао Цзыян предложил такую политику. Во всем упомянутом его заслуга перед народом Китая.

Если же мы не примем эту стратегию, регионы будут испытывать все большие трудности. Если мы будем продолжать действовать нашими прежними старыми методами, регионы будут ограничены, в первую очередь из-за недостатка природных ресурсов. Концентрированная в высокой степени плановая экономика смотрела на нашу страну, как на громадную шахматную (шашечную) доску, и опиралась на государство в вопросе об инвестициях в развитие природных ресурсов в западных регионах и транспортировки их на далекие расстояния в прибрежные районы для производства продукции. Таким путем больше нельзя продолжать идти.

Продолжая обосновывать предложенную им стратегию развития прибрежных районов страны, Чжао Цзыян подчеркивает необходимость для китайцев отказаться от концентрированной в высокой степени плановой экономики, отказаться от того, чтобы рассматривать Китай как громадную шахматную доску (доску для игры в облавные шашки), отказаться от опоры на государство в вопросе об инвестициях в развитие природных ресурсов в западных регионах и транспортировки их на далекие расстояния в прибрежные регионы для производства продукции. Чжао Цзыян подчеркивал, что таким путем больше нельзя продолжать идти, иными словами, говорил, что так больше жить нельзя.

Утверждая все это, Чжао Цзыян оказался первым среди руководителей КПК, который именно так поставил эти вопросы.

Поскольку внутренние провинции не желали продавать свои ресурсы дешево прибрежным провинциям, конфликт между внутренней частью страны и побережьем усиливался. Поэтому трансформация прибрежных регионов в существенно иную экономику, ориентированную на экспорт, была главным вопросом, имевшим решающее значение.

Это предложение имело также и важное политическое значение. Высоко концентрированная плановая экономика делала развитие всей страны унифицированным развитием, поэтому преимущества прибрежных ре-

гионов не могли быть использованы. Ни внутренние, ни прибрежные регионы не могли развиваться быстрыми темпами. (С. 151) До освобождения Шанхай был в высокой степени развитым мегаполисом (Метрополем) в АТР, более продвинутым, чем Сянган, не говоря уже о Сингапуре и Тайване. (С. 151–152) Однако, спустя каких-то 20 лет, Шанхай растерял свои позиции и остался далеко позади Сянгана, Сингапура и Тайваня. И тогда люди стали задавать вопрос: «А в чем же, собственно, преимущества социализма?»

И если бы один из районов Китая, район с населением в сотни миллионов людей, смог бы развиваться столь же быстро, как и они, тогда ситуация могла бы быть намного лучше, и люди не говорили бы, что социализм – это препятствие (это помеха) на пути развития производства. С точки зрения политической перспективы, это уменьшило бы людские сомнения и страх людей перед перспективой возвращения Сянгана и Аомэня (возвращены Великобританией в 1997 году и Португалией в 1999 году) и объединением Тайваня с континентом. Это пробуждало бы в людях больше энтузиазма в пользу воссоединения с Отечеством.

Чжао Цзыян прямо говорил о том, что результаты правления Мао Цзэдуна побудили людей в Китае задавать вопрос: «А в чем же, собственно, преимущества социализма?» Именно до такого состояния Мао Цзэдун и довел народ и страну в результате своего более чем четвертьвекового правления в КНР.

Я предложил стратегию развития морского побережья после многочисленных наблюдений, экспериментов и обдумывания. Это было также сделано в качестве ответа на необходимость дальнейшего осуществления реформ.

Я много лет работал в Гуандуне, который примыкает географически к Сянгану и Аомэню, поэтому у меня издавна сложилось глубокое понимание того, что такое международный рынок и внешняя торговля с иностранными государствами. Очень давно я пришел к убеждению, что выигрышным было бы разрешить прибрежным регионам использовать международную торговлю с тем, чтобы развивать в полной мере свой потенциал.

Чжао Цзыян подчеркивает и то обстоятельство, что именно тот факт, что ему довелось много лет работать в провинции Гуандун, которая примыкает к Сянгану и Аомэню, у него издавна сложилось глубокое понимание того, что такое международный рынок и внешняя торговля с иностранными государствами.

Например, если бы провинции Гуандун было разрешено возделывать сахарный тростник, то производительность сахара могла бы составить 1000 кэйти (мера веса в странах Дальнего Востока, равняется 604,8 грам-

ма) с одного гектара. А ведь насколько же выше цена 1000 кэйти сахара по сравнению с 1000 кэйти риса! Доходы от экспорта 1000 кэйти сахара могли бы принести закупку по импорту нескольких тысяч кэйти риса. Однако в прошлом мы не извлекали преимуществ из международной торговли. Для того чтобы решить вопрос о недостатке пищи, мы не могли расширять плантации сахарного тростника, поэтому всегда существовала проблема конкуренции между сахарным тростником и рисом, когда речь шла о выделении под них земель.

В провинции Гуандун также было несколько сортов риса высокого качества, который можно было бы продать по высоким ценам на международном рынке. Один кэйти такого риса мог принести доход от нескольких кэйти обычного риса. Когда я был в Гуандуне, я использовал метод экспорта одного кэйти риса высокого качества для того, чтобы импортировать (купить и вернуть) один кэйти обычного риса плюс несколько кэйти удобрений, и затем использовать удобрения для обмена на большее количество риса внутри страны. Делая это, мы имели зерно, удобрения и иностранную валюту. Однако в прошлом мы механически делали акцент на самообеспечении и не извлекали пользу из наших преимуществ на международных рынках, таким образом, мы сами подрывали нашу собственную силу. (С. 152)

Внешняя торговля с иностранцами имеет огромный потенциал. Я думал об этом тогда, когда я работал в Гуандуне. Если бы одно предприятие или один регион получили свободу импорта сырья и экспорта своей собственной готовой продукции, это было бы выгодным. Причина, по которой некоторые районы страны были не в состоянии производить продукцию на экспорт, состояла в том, что во многих местах не хватало материальных ресурсов, поэтому либо оказывалось невозможным вообще произвести должную продукцию, либо качество производимой продукции не было в достаточной степени высоким. Если бы мы могли импортировать сырье, использовать наше собственное промышленное оборудование для обработки этого сырья, и экспортировать конечный продукт, мы могли бы также добывать иностранную валюту.

В 1960-х гг. я писал в Центральный Комитет, внося предложение увеличить нашу внешнюю торговлю, и использовать импорт с тем, чтобы генерировать доходы от экспорта. Мы всегда пытались использовать этот метод в Гуандуне. С согласия Е Цзичжуана, министра внешней торговли, мы осуществляли в определенных объемах наш собственный импорт и экспорт, и полученные в результате доходы в иностранной валюте делили на уровне местных властей. Выздоровление экономики в Гуандуне было сравнительно быстрым в 1960-х гг., главным образом благодаря именно этому.

Еще в 1960-х гг. Чжао Цзыян в первый раз внес предложение в ЦК КПК об использовании в провинции Гуандун импорта с тем, чтобы гене-

ривать доходы от экспорта. Чжао Цзыян получил тогда согласие министра внешней торговли КНР Е Цичжуана. Это произошло именно в тот период, когда Лю Шаоци находился на «первой линии» и выправлял последствия преступного «великого скачка» Мао Цзедуна.

Я был совершенно уверен еще тогда в существовании громадного потенциала в области внешней торговли в прибрежных регионах. Наша система и наша политика ограничивали и душили это. Дело было не в недостатке возможностей или не в том, что это было невозможно, но скорее в том, что это не разрешалось.

Чжао Цзыян нигде не осуждает Мао Цзедуна, называя его по имени.

В то же время ясно, что он доводит до своих читателей то, что еще в 1960 году он был совершенно уверен в существовании громадного потенциала внешней торговли в прибрежных районах.

Чжао Цзыян фактически осуждает Мао Цзедуна за то, что тот и его приверженцы, то есть «наша система и наша политика ограничивали и душили это». С точки зрения Чжао Цзыяна, уже тогда можно было развивать экономику Китая таким путем, однако Мао Цзедун этого не разрешил.

Непонимание Мао Цзедуну вопросов экономики, навязывание им своей воли, своего самовластия КПК и КНР – вот причина того, что экономика Китая была заведена во времена его правления в тупики.

В 1981 году, когда я был в инспекционной поездке по предприятиям в Тяньцзине, этот вопрос тоже поднимался. Многие текстильные фабрики в Тяньцзине испытывали нехватку поставок сырья, и потому были не в состоянии обновить свое оборудование, а это затрудняло осуществление производства. Это случилось в период урегулирования, и многие фабрики были вынуждены прекратить выпуск продукции. Я обсуждал это с ними, и спрашивал: если бы они получили разрешение импортировать сырье, могли бы они, в этом случае, затем экспортировать свою продукцию. Они говорили, что, конечно, могли бы. И тогда я задумался о том, что могло бы произойти, если бы прибрежные регионы были все ориентированы на развитие экспортноориентированных отраслей промышленности. Позднее, из-за возникновения других вопросов, это было прекращено.

После того, как началось осуществление реформ, с 1981 по 1984 год, Гуандун начал развитие по принципу: «три вложения плюс субсидии для экспорта» Они импортировали образцы сырья, образцы и чертежи, использовали существующее оборудование и рабочую силу, чтобы производить все это, и затем экспортировали конечный продукт с соответствующими субсидиями. И хотя это было несколько примитивно тогда, стандарты быстро улучшались. Гуандун, в особенности, районы Дунгуань, Наньхай и дельта реки Чжуцзян, развивались очень быстро. (С. 153)

В начале, куда бы ни приезжали бизнесмены из Сянганя, политика по принципу «три вложения плюс одна субсидия на экспорт» осуществлялась в этих краях, поэтому они в конечном счете двинули свое промышленное оборудование и базы своих производственных мощностей на континент. (С. 153–154) После того, как это сделали в провинции Гуандун, Фуцзянь, Шаньдун, Чжэцзян и Цзянсу последовали тем же путем. Результаты были хорошими. Все это снова доказало, что потенциальная сила прибрежных регионов просто ждала того, когда ее реализуют.

Конечно, все это случилось в приморских регионах уже в годы реформ. Однако если смотреть на дело как на всеобъемлющую стратегию, то необходимо выводить это на уровень стратегического мышления и стратегического воплощения в жизнь. Это как раз и есть ответ на вопрос о том, почему была предложена стратегия развития морского побережья. Это было сделано не без оснований, и не под воздействием какого-то временного импульсивного движения; скорее, это был вывод из долгих лет наблюдений, исследований и осознания проблемы. (С. 154)

Чжао Цзыян подчеркивал, что его экономические реформы необходимо выводить на уровень стратегического мышления и стратегического воплощения в жизнь. Это – планы на десятилетия. Он также подчеркивает, что его предложения явились выводом из долгих лет наблюдений, исследований и осознания проблемы. Чжао Цзыян пришел к пониманию этих проблем, по крайней мере, к началу 1960-х гг. Это означает, что его предложения начала 1980-х гг. вызревали у него более 20 лет. Представляется, что Чжао Цзыян был не одинок в таком взгляде на экономическую либерализацию в КНР и в годы правления Мао Цзэдуна, и после смерти Мао Цзэдуна.

ДЖАО ЦЗЫЯН И КОРРУПЦИЯ

В то время, когда Чжао Цзыян находился на посту генерального секретаря ЦК КПК, а в особенности в конце 1987 года и в 1988 году, ему довелось предложить осмысление такого явления, которое именуется коррупцией, и, что самое главное, предложить принципиальный подход к ликвидации этого явления.

Само слово коррупция имеет латинский корень и означает подкуп. Обычно под коррупцией имеют в виду подкупность и продажность государственных чиновников и должностных лиц.

Чжао Цзыян сумел глубоко разобраться в появлении в КНР, особенно в конце 1987 года – 1988 году, этого явления.

Он увидел, что это явление, сопутствующее переходному периоду от прежней системы, при которой все экономические рычаги находились в руках партии-государства, к новой системе, когда происходило постепенное отделение друг от друга государства и рыночного хозяйства. Люди, действующие на рынке в условиях конкуренции, стремятся к максимальной выгоде. Реальное положение дел в стране при этом оказывается в том, что в руках партийно-государственного чиновничества остаются, или сохраняются, многочисленные рычаги, обладание которыми создает преимущества при действиях на рынке как внутри страны, так и на международной арене. Поэтому люди рынка стремятся обменивать власть на деньги. Это в КНР называется «маркетизацией власти» или «приданием власти определенной рыночной стоимости, как любому товару, находящемуся на рынке». Люди рынка подкупают партийно-государственных чиновников, получая от них привилегии, с помощью которых оказывается возможным обретать громадные доходы.

С точки зрения Чжао Цзыяна, вопрос о коррупции заключается в обладании чиновниками тех властных полномочий, которые представляют собой своеобразный «товар» на рынке.

Чжао Цзыян делает из этого вывод о том, что необходимо со всей решительностью доводить до конца процесс экономической либерализации, процесс экономических реформ, переход к рыночному хозяйству, которое будет полностью отделено от государственного, или партийно-государственного, аппарата. Тогда не будет предмета купли-продажи, не будет и основы для появления той коррупции, с которой пришлось столкнуться в КНР в конце 1980-х гг.

С точки зрения Чжао Цзыяна, борьба внутри руководства КПК, в среде номенклатуры КПК, по вопросу о коррупции была борьбой двух позиций. С одной стороны, приверженцы старой системы, системы Мао Цзэдуна, требовали возвращения снова к этой системе, фактически ликвидации рыночных отношений, что, с их точки зрения, и могло положить конец коррупции.

С точки зрения Чжао Цзыяна, Китай не мог развиваться без экономической либерализации, без доведенных до конца рыночных преобразований. Чжао Цзыян считал, что следовало продолжать реформы, что и принесет победу над коррупцией, ибо при полной рыночной системе у чиновничества не будет той власти, которая будет представляться людям рынка товаром, который они хотели бы купить, то есть «обменять деньги на власть».

Коррупция возникла как важный вопрос в 1988 году. Вызов тогда состоял в том, чтобы решить, как интерпретировать и разрешать эту проблему, и как повернуть озабоченность коррупцией и создать чистое правительство применительно к возможностям углубления реформ – и в то же время, не давая оппонентам шанс эксплуатировать вопрос и восстановить прежнюю систему.

Проблема коррупции стала очень серьезной в конце 1980-х гг. Это означает, что в первые годы осуществления рыночных реформ проблема коррупции не носила столь серьезного характера. Очевидно, что она возникла лишь на определенном этапе осуществления реформ, то есть тогда, когда для ее возникновения созрели определенные условия.

Чжао Цзыян совершенно правильно отмечает, что, прежде всего, следовало решить вопрос о том, как интерпретировать эту проблему.

Ясно, что внутри КПК здесь боролись разные мнения.

Все были озабочены коррупцией, или делали вид, что они ею озабочены, ибо «не чистыми» оказались многие чиновники.

Возникал также вопрос о том, как «очистить» власть.

При этом с точки зрения Чжао Цзыяна, было совершенно необходимо продолжать экономические реформы.

Борьба внутри партии развернулась по вопросу о восстановлении прежней системы, существовавшей до начала реформ. Именно в этих целях часть «старейшин» КПК, противников реформ, эксплуатировала вопрос о коррупции.

Будучи во время Праздника Весны в Гуандуне, я читал материалы, в которых вскрывалось много примеров обмена власти на деньги. В то время как нельзя было допускать, что все это было результатом реформ, мы должны были осознать, что это связано с меняющейся экономической средой. Мы не могли игнорировать этот вопрос. Я предложил: «Экономика

должна процветать, в то же время правительство (власти) должно оставаться чистым».

Реакция Чжао Цзыяна на появление многочисленных фактов коррупции, обмена власти на деньги, выразилась в его предложении: одновременно и продолжать реформы, и бороться против нечестных чиновников.

Я осознавал во все большей и большей степени, что «оставаться чистым» – это главный вопрос. Если им пренебрегать, это могло использоваться в качестве оправдания теми, кто выступал против реформ, в то же время, раздражая людей. Последствия могли быть ужасными. В то же самое время, мы могли использовать вопрос о борьбе против коррупции как возможность для углубления реформ. Дело ведь было в том, что эти проблемы возникали в новой обстановке (среде), их было невозможно решать прежними методами. (С. 155) Во-первых, нужно было изучить причины появления этих проблем. (С. 155–156) Только после этого мы могли найти эффективные методы их решения.

Например, в Сянгане коррупция была очень сильной в 1960-х гг. Правопринудительные ведомства (правоохранительные учреждения, ведавшие соблюдением законов) стали в серьезной степени коррумпированными. И тогда в 1970-х гг. была создана Независимая комиссия по борьбе против коррупции. Был даже сделан фильм под названием «Шторм против коррупции». После всего этого ситуация очевидно улучшилась.

Коррупция обычно возникает тогда, когда культура в сфере экономики достигает определенной стадии; однако позднее, когда качество чиновников гражданской администрации и персонала правоохранительных органов улучшается, и возрастают и их заработная плата и вознаграждение, ситуация меняется. Сегодня Сянган весьма отличается от прежних времен. Подобные ситуации существовали и в других развивающихся странах. Ранние стадии рыночной экономики влекут за собой обмен власти на деньги. По мере развития экономики, с очищением (усовершенствованием) системы законов и установлением демократической системы, ситуация улучшается. У некоторых государств АСЕАН имеется подобный опыт.

Чжао Цзыян постоянно проводил мысль о том, что Китай – это вовсе не «особая», «специфическая» страна, что Китаю присущи те же преимущества и недостатки, что и многим другим государствам. Чжао Цзыян смело (а в партии, воспитанной в духе «идей» Мао Цзэдуна о ее «величии» и «особой роли» надо было обладать особой смелостью, чтобы так ставить вопросы) ссылался на опыт борьбы против коррупции в Сянгане и странах АСЕАН.

В январе 1989 года газета «Да гун бао» в Сянгане опубликовала статью под заголовком «Попытка анализа коррупции на континенте (в континентальном Китае)». Это был систематизированный анализ

наших проблем с коррупцией. Я направил эту статью Бао Туна (директору нашего Института исследования политических реформ) с резолюцией: «В этой статье исследуется коррупция. Нам необходимо организовать группу специально для исследований в этой области и анализа проблем коррупции, а затем предложить нашу стратегию и объяснить ее в нескольких убедительных статьях».

У Чжао Цзыяна на протяжении всех 1980-х гг. имелись два опорных исследовательских центра, где разрабатывались предложения, направленные на осуществление реформ: центр исследования экономических проблем (Институт исследования экономических реформ) во главе с Чэнь Ицзы, и центр исследования политических проблем (Институт исследования политических реформ) во главе с Бао Туном.

После событий 4 июня 1989 г. Чэнь Ицзы был вынужден бежать из Китая. Бао Туна посадили в тюрьму, где он провел семь лет.

Чжао Цзыян понимал необходимость анализа проблемы коррупции и ее убедительного разъяснения в средствах массовой информации.

В это время я был уверен в том, что этот вопрос требует систематического изучения. Только после такого расследования и обретения (достижения) ясности в этом вопросе, мы могли предлагать решение. Если бы мы прибегли к повторению нашей прежней тактики, это не сработало бы. Возвращение к высокоцентрализованной плановой экономике не принесло бы ничего хорошего, даже если бы это делалось ради борьбы против коррупции. Это было бы подобно тому, как если бы кто-то отказывался от пищи, боясь подавиться (поперхнуться). Использование таких методов, как массовые кампании и классовая борьба, то есть того, как мы поступали в ранние годы Республики Народа, например, расстреливая виновных, не работало бы.

Чжао Цзыян предлагал исходить из того, что в Китае существует государство, которое, по своей сути, должно быть Республикой Народа.

Для него понятие «народ» было на первом месте. Он не употреблял здесь понятие «нации». Думается, что в этом случае он подчеркивал необходимость сосредоточиться, прежде всего, на решении внутренних проблем Китая, или проблем, существующих для народа Китая, с использованием экономической ситуации в мире в целом.

Чжао Цзыян также исходил из того, что в то время в руководстве партии преобладавшими были настроения вернуться к системе хозяйства, существовавшей во времена Мао Цзэдуна.

Чжао Цзыян был самым решительным противником методов, которые применял Мао Цзэдун. Чжао Цзыян напоминал, что речь идет о массовых политических кампаниях, о классовой борьбе, о смертной казни для чиновников, уличенных во взяточничестве.

Чжао Цзыян полагал, что эти методы не только отвергнуты народом, не приемлемы для народа, но и не будут работать в новых условиях.

Одним словом, для Чжао Цзыяна все это было тесно связано с вопросом о том, идти ли вперед к преодолению застав рынка и демократии, или возвращаться назад в «эру Мао Цзэдуна» с ее массовыми политическими кампаниями, классовый борьбой и казнями несогласных и провинившихся.

Нынешний вид коррупции возникал в ходе процесса переходного характера в экономике и в обществе. Прежняя система при этом ослабевала и происходила ее разрушение, но новая система еще не утвердилась. Вот почему были необходимы дальнейшие экономические и политические реформы для того, чтобы решить эту проблему фундаментально.

Возьмем в качестве примера обмен власти на деньги. В настоящее время, когда экономика становится более свободной, когда существуют товары и рынок, многие предприятия и объекты (ячейки экономики) становятся объектом конкуренции на рынке. Но власть все еще монополизирована в руках у правительственных учреждений. (С. 156) Другими словами, в ходе экономической реформы еще не завершён сдвиг к свободному рынку. (С. 156–157) Многие остаточные элементы эпохи плановой экономики все еще существуют. И если определенные участники рыночной конкуренции добиваются (извлекают) благосклонного отношения к ним со стороны учреждений, обладающих властью, они могут получать громадную выгоду, обладая условиями, которые не равны для их конкурентов.

Например, переводя снабжение изнутри плановой экономики во вне плановой экономики, то есть, покупая товары по контролируемым низким ценам внутри плановой системы у учреждений, ведающих снабжением, и затем, продавая их по рыночным ценам, можно получить гигантскую выгоду. Другой пример – это ситуация, при которой тот, кто может заполучить разрешение на экспорт или импорт определенных товаров, может получить преимущество, выражающееся в разнице (в разрыве) цен, чтобы получить огромную выгоду. При таких условиях власть и деньги взаимосвязаны, и обмениваются таким образом, что некоторые бизнесмены извлекают выгоду из неравных условий конкуренции. Часть громадной прибыли, которая получена таким путем, затем может быть использована на взятки (на подкуп).

Единственное решение этого вопроса состоит в том, чтобы продолжать углублять реформы с тем, чтобы разделить правительственные учреждения и предприятия, передать вниз власть, ныне находящуюся в руках правительства, администрации отраслей промышленности, и, таким образом, разрешить вопрос о монополии или чрезмерной концентрации власти. Поступая таким образом, мы ограничиваем (лимитируем) среду

для обмена власти на деньги. Такого рода проблемы могут быть решены только путем осуществления дальнейших реформ.

Чжао Цзыян был убежден в том, что необходимо разрушить старую систему и перейти к новой системе. Сделать это можно только в процессе последовательного и доведенного до конца процесса политических и экономических реформ.

Чжао Цзыян повторял, что для того, чтобы фундаментально решить проблемы Китая, необходимы дальнейшие экономические и политические реформы. Это означало, что Чжао Цзыян был, во-первых, за реформы и за доведение их до конца. Во-вторых, для Чжао Цзыяна политические и экономические реформы были неразрывно связаны. Вот кредо, главное в убеждениях Чжао Цзыяна.

Вот почему Дэн Сяопин и его сторонники устранили Чжао Цзыяна от власти в Китае. Они боялись его. Сами они не были способны ни на осмысление проблем, ни на нужные народу Китая преобразования. Более того, они боялись того, что эти преобразования будут иметь своим следствием отстранение их от власти. Для них власть была превыше всего. Для Чжао Цзыяна превыше всего были интересы народа.

Чжао Цзыян был за свободный рынок. Он был за отделение органов партийной и государственной власти, с одной стороны, и хозяйственных единиц, предприятий, с другой стороны.

Чжао Цзыян был за то, чтобы разделить функции правительства и отраслей хозяйства, экономики.

Чжао Цзыян был за ликвидацию монополии на власть, против чрезмерной концентрации власти.

Это очень важно для Китая. При правлении Мао Цзэдуна власть была сконцентрирована предельно, власть была полностью монополизирована в центре, в руках «вождя», аппарата его партии.

Чжао Цзыян полагал, что Китай и китайцы не только могут существовать без системы предельной концентрации власти, монополии на власть, но китайцы только и смогут жить по-настоящему, по-человечески, в условиях, когда властные полномочия будут переданы вниз, на места.

Другой императив – это институционализация, создание институтов. Товарная экономика требует соответствующих институтов: налоговой службы, полиции, филиалов банков, и различных учреждений, предназначенных для того, чтобы навязывать и осуществлять правила (регулирующие правила). Если все процедуры будут прозрачными, и если результаты будут предаваться гласности, становиться известными общественности, тогда будет меньше попыток заниматься коррупционной деятельностью.

Я слышал, что в провинции Хэйлуницзян в одном районе каждый год публично объявляли о сельскохозяйственных займах: кто получил такие

займы, и какова ситуация с возвращением взятых займов. Это позволяло людям принимать участие и проверять действия власти. Чем меньше прозрачности, тем легче обманывать (мошенничать). Это и есть вопрос о создании институтов с целью борьбы против коррупции. В районе Дунчэн в Пекине хорошие достижения в этой области. Такой метод ведения дел легко привлечет поддержку со стороны общества.

Чжао Цзыян ставил вопрос об институционализации в интересах товарной экономики. Создание соответствующих институтов, следящих за выполнением и соблюдением законов и правил, и осуществление всей этой работы в обстановке полной прозрачности, гласности – вот за что ратовал Чжао Цзыян.

Для того чтобы вести борьбу против коррупции, должно реформировать политическую систему. Поднимающиеся нации проходят через периоды широко распространенной коррупции на ранних стадиях своего развития. Экономика растет высокими темпами, в то время как политическая власть остается в высокой степени концентрированной. Поведение официальных лиц (чиновников) не контролируется обществом. Если политическая партия распоряжается властью и не контролируется в этом, тогда ее официальные лица (чиновники) с легкостью становятся коррумпированными. Ситуация в конечном счете исправляется с созданием демократической политики, широкого спектра политической активности, с расширением слоя населения, участвующего в процессе, и в условиях контроля над властью со стороны общественного мнения. (С. 157) В некоторых из государств АСЕАН, а в равной степени и на Тайване, они прошли через это. (С. 157–158) По мере изменения экономической основы политическая система также нуждается в реформировании.

Чжао Цзыян считал реформирование политической системы непрерывным условием решения проблемы коррупции.

Он был против того, чтобы правящая политическая партия распоряжалась властью и не контролировалась обществом.

Для Чжао Цзыяна политические реформы включали в себя создание демократической политики, широкого спектра политической активности, расширение слоя населения, участвующего в процессе, контроль над властью со стороны общественного мнения.

Таким образом, Чжао Цзыян указывал путь осуществления политических реформ в Китае.

Очевидно также, что тогда, когда в КПК появился генеральный секретарь ЦК партии с такими взглядами, это предвещало возможность мирного и эволюционного преобразования всей существующей политической системы, а это грозило «старейшинам», номенклатуре потерей власти. Вот почему Дэн Сяопин и его сторонники устранили Чжао Цзыяна от влас-

ти. Повторим, что тем самым они задержали развитие Китая, совершили преступление перед народом Китая.

Другой важный вопрос, – а фактически самый существенный вопрос – это независимость юридической системы и правление закона. Если нет независимого осуществления закона, и политическая партия, находящаяся у власти, способна вмешиваться, тогда вопрос о коррупции никогда не будет эффективно решен.

Я подчеркивал все эти вопросы на заседании Секретариата Центрального Комитета. Однако, кажется, что вплоть до сегодняшнего дня, проблемы не решены.

В КПК–КНР, думается, всегда, начиная с 1949 г., господствовало мнение сначала Мао Цзэдуна, а затем Дэн Сяопина. На практике это означало, что законы существуют лишь формально, или не существуют вовсе, а все вопросы решаются «первым лицом» на каждом уровне. Это и есть система предельной концентрации власти.

И в то же время в 1965 г. первый секретарь горкома КПК Пекина Пэн Чжэнь публично заявил: «Перед законом все равны». (Лишний раз вспомним, что единомышленник Ху Яобана и Чжао Цзыяна, сторонник реформ, председатель ПК ВСНП Вань Ли в то время был заместителем Пэн Чжэня.)

В КНР вспыхивала дискуссия по вопросу о том править, ли, руководствуясь законом, на основе закона, или должен править сам закон.

В этом находили свое выражение, с одной стороны, взгляды сторонников Мао Цзэдуна, которые и ратовали за то, чтобы «править на основе закона». На практике это проявление их желания поворачивать закон, как дышло, туда, куда им заблагорассудится.

Здесь, с другой стороны, находили свое выражение взгляды Лю Шаоци, Ху Яобана, Чжао Цзыяна, которые считали, что в Китае должен «править закон», что воля «первых лиц» не должна быть выше закона. Первые лица не должны иметь право толковать закон.

Чжао Цзыян именно поэтому и говорил о необходимости независимости судебной системы и о правлении закона.

Это, в частности, означает, что партия, ее «вождь» не должны быть выше закона, а должны подчиняться закону.

Чжао Цзыян использовал возможности, которые были в его руках, чтобы добиться правления закона в Китае. До сих пор в КПК – КНР все обстоит в этом смысле так же, как при правлениях Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина.

После 4 июня, когда Ли Пэн и его компаньоны критиковали меня, они осуждали меня за то, что я сказал, что коррупция неизбежна в процессе реформ, и что поэтому я занимаю позицию «непустительства» в отно-

шении коррупции. Они никогда не избавятся от стремления манипулировать словами, выдвигая против меня беспочвенные обвинения!

Фактически, вопрос о коррупции занимает большое место в моих размышлениях. Я говорил о борьбе против коррупции на 2-м пленуме ЦК КПК 13-го созыва в марте 1988 года и на заседании Политбюро в июне того же года. Я также провел несколько обсуждений специально для того, чтобы послушать людей, у которых был опыт на низком административном уровне. Я активно изучал вопрос о борьбе против коррупции в надежде найти решение, которое могло бы действительно разрешить эту проблему. Абсолютно несправедливо со стороны Ли Пэна и его компаньонов выдирать мои высказывания из контекста с той целью, чтобы инкриминировать мне что-то.

Представляется, что эта проблема продолжает существовать вплоть до этих дней. (С. 158)

Чжао Цзыян был мыслителем, который прокладывал путь вперед для Китая, по крайней мере, на десятилетия, если не на века.

Он был занят тем, что было действительно необходимо народу Китая, то есть прохождением через две заставы: заставу рынка и заставу демократии.

А в это время Дэн Сяопин был занят интригами внутри руководства, сохранением своего положения у власти в Китае. Дэн Сяопин был также занят тем, как затормозить процесс нормализации отношений КНР с СССР. Он стремился даже при нормализации отношений оставить в подвешенном состоянии понимание ряда вопросов истории, что угрожало самой основе взаимопонимания. Дэн Сяопин стремился продолжать и углублять политику Мао Цзэдуна, направленную на противопоставление наших двух народов и стран.

Для Чжао Цзыяна на первом месте был поиск путей решения насущных проблем народа Китая, прежде всего, в экономике и в области внутренней политики.

Для Дэн Сяопина на первом плане было сохранение за собой до конца жизни власти над номенклатурой и населением Китая, а также обеспечение преемственности власти для своих последователей. Кроме того, для Дэн Сяопина на первом плане было продолжение в разных формах курса на борьбу против нашей страны и народа.

В этом была принципиальная разница между Чжао Цзыяном и Дэн Сяопином.

ХУ ЯОБАН И ДЭН СЯОПИН

366

И
С
Т
О
Р
И
Я
К
И
Т
А
Й
С
К
И
Х
И
С
С
Л
У
С
У
Ж
Е
С
Т
В
Е
Н
Н
О
В
О
С
Т
А
Н
О
В
К
И

Чжао Цзыян в своих воспоминаниях считал необходимым рассказать о перипетиях борьбы в руководстве КПК в конце 1980-х гг.

Практическая деятельность Чжао Цзыяна, в первую очередь, главным образом, была сосредоточена на поиске путей решения важнейших проблем экономического и внутривластного характера. Чжао Цзыян понимал значение внутривластной борьбы, делал то, что было возможным с целью защиты своего курса. В то же время он, очевидно, принимал в расчет и вероятность того, что ему не дадут действовать долго. Думается, что он решил использовать тот небольшой промежуток времени, который оказался в его распоряжении на высших постах в руководстве КПК и правительства КНР, чтобы ставить страну на правильный путь решения проблем, которые загораживали народу Китая выход в будущее, преодоление, по словам Чжао Цзыяна, «двух застав» на этом пути: «заставы рынка» и «заставы демократии».

(Ху) Яобан был вынужден подать в отставку в январе 1987 года. Было много разговоров об этом. Одна из версий состояла в том, что Дэн под давлением старейшин партии был вынужден отказаться от Ху с тем, чтобы защитить Чжао. Я не думаю, что это правда. Конечно, были и такие, кто подстрекал, создавая неприятности в отношениях между Дэном и Ху, выдвигая (создавая) обвинения против Ху в присутствии Дэна. Однако я не думаю, что это было главной причиной. (С. 161)

Чжао Цзыян начинает с констатации того, что Ху Яобан был вынужден подать в отставку в начале 1987 г. Это означает, что Ху Яобан стал генеральным секретарем ЦК КПК по итогам съезда партии в 1982 г., и ему не удалось быть на этом посту полные пять лет до следующего съезда партии.

Ху Яобан был вынужден уйти со своего поста не добровольно, а под давлением обстоятельств, под давлением на него других людей.

Отставка Ху Яобана явилась результатом закулисных интриг «хозяев» партии. Им не подходил политический курс, который проводил Ху Яобан. В то же время ни среди членов партии, ни среди населения КНР не было требований к Ху Яобану уйти в отставку.

Наоборот, у людей в Китае было и сохранилось самое благоприятное впечатление о Ху Яобане и позитивное отношение к его деятельности на посту генерального секретаря ЦК КПК.

Силы, видевшие для себя, для своего положения у реальных рычагов власти в партии и в государстве, опасность в политическом курсе Ху Яобана, сумели вынудить его подать в отставку.

Ху Яобан пришел к руководству ЦК КПК на волне практически всенародной поддержки, на волне такого доверия, которым не пользовался никто из других руководителей партии в то время, в том числе и старейшины, то есть закулисные «хозяева» партии, включая, Дэн Сяопина.

Ху Яобан был свободен в своем мышлении от пут «идей» и «установок» Мао Цзэдуна. Он выдвинул мысль о том, что при реабилитации миллионов репрессированных, пострадавших во время «культурной революции» Мао Цзэдуна и его других политических кампаний, следует решать вопросы, исходя из фактов, а, не слепо следуя резолюциям и указаниям Мао Цзэдуна.

Вопрос о реабилитации был тогда вопросом первостепенной важности. Ху Яобан осуществил эту реабилитацию, и по праву стал на волне всенародной поддержки сначала, в 1980 году, председателем ЦК КПК, а после того, как, в 1982 году, по его инициативе, в целях борьбы с самовластием в партии, такой пост был упразднен, генеральным секретарем ЦК КПК.

Таким образом, «время Ху Яобана» – это семь лет, с 1980 по 1986 год, а «время Чжао Цзыяна – это два с половиной года, с 1987 по середину 1989 года.

Иными словами, у Китая и китайцев было «золотое десятилетие» мира и начала движения по пути к освобождению от Нищеты и Невежества (о чем говорил Ху Яобан), по пути к Демократии и Науке (о чем говорил Ху Яобан), по пути к Рынку и Демократии (о чем говорил Чжао Цзыян). Это было «золотое десятилетие» реформ и открытости. Это было «золотое десятилетие» Ху Яобана и Чжао Цзыяна.

Ху Яобан был антиподом Мао Цзэдуна, демократом, для которого была характерна близость к народу.

Дэн Сяопин и прочие «хозяева» партии на рубеже 1970-х – 1980-х гг. были вынуждены под давлением большинства людей в партии и большинства населения страны, настроенных в пользу реабилитации репрессированных и изменения политического климата, существовавшего при правлении Мао Цзэдуна, временно согласиться на назначение и избрание Ху Яобана на высший руководящий пост в ЦК КПК.

Чжао Цзыян обращается к вопросу о Дэн Сяопине и его взаимоотношениях с Ху Яобаном.

Чжао Цзыян упоминает о том, что в то время существовало мнение о том, что Дэн Сяопин, который принимал тогда, находясь за кулисами, окончательные решения о назначении на посты и о снятии с постов в партии и государстве, устранил Ху Яобана не по своей воле, а под давлением других «старейшин».

Чжао Цзыян не согласен с такой трактовкой. Очевидно, что он считал, что Дэн имел возможность сам принимать окончательное решение. В случае с Ху Яобаном Дэн определял его положение в партии сам, исходя из собственного отношения к тому, что делал Ху Яобан.

Чжао Цзыян констатирует, что нашлись те, кто подстрекал Дэна к такому решению, выдвигал обвинения в адрес Ху Яобана. Однако главным для Дэна было его собственное отношение к Ху Яобану.

Таким образом, Чжао Цзыян фактически утверждает, что точно так же, как в свое время Дэн Сяопин сам, тогда вынужденно, согласился на приход Ху Яобана на высший руководящий пост в партии, по прошествии нескольких лет он сам, теперь уже исходя из своих убеждений и стремления сохранять власть в своих руках, пришел к решению устранить Ху Яобана.

Дэн Сяопин был вынужден в обстановке, сложившейся в стране в годы непосредственно после смерти Мао Цзэдуна, согласиться с приходом Ху Яобана на пост руководителя партии, в частности, потому, что это позволяло и самому Дэн Сяопину, и другим старейшинам или «хозяевам» партии, как бы под прикрытием имени и авторитета Ху Яобана в партии и в стране, оставаться у власти в КПК – КНР.

Так было на рубеже 1970-х – 1980-х гг. В конце 1980-х гг. ситуация в стране и в партии, благодаря усилиям Ху Яобана и Чжао Цзыяна, политически стабилизировалась, экономическое положение улучшилось. Иными словами ситуация изменилась таким образом, что для Дэн Сяопина оказалось возможным устранить Ху Яобана с поста генерального секретаря ЦК КПК.

Чжао Цзыян не согласен с тем, что Дэн Сяопин устранил Ху Яобана с тем, чтобы защитить Чжао Цзыяна.

Из этого также следует, что «хозяева» партии к концу 1980-х гг. пришли к мысли о необходимости устранить от руководства всех сторонников реформ, прежде всего, Ху Яобана и Чжао Цзыяна. Думается, что Дэн Сяопин осуществил эту операцию, просто, принимая во внимание объективные и субъективные обстоятельства, растянув ее по времени.

Здесь необходимо отметить, что ситуация внутри руководства КПК после смерти Мао Цзэдуна сложилась таким образом, что явно ощущалось деление на тех, кто хотел сохранения сути режима, созданного Мао Цзэдуном, и тех, кто хотел покончить с этим режимом и поставить Китай на рельсы рынка и демократии, то есть на нормальный путь развития.

Во главе одной части руководителей, а точнее «хозяев» партии, находился председатель Военного совета ЦК КПК Дэн Сяопин.

Во главе другой части руководителей находились генеральный секретарь ЦК КПК Ху Яобан, премьер Госсовета КНР Чжао Цзыян, председатель Постоянного комитета ВСНП Вань Ли.

Причина, по которой Дэн отказался от Ху состояла не в том, что он был вынужден (направлен кем-то) идти по неверному пути, или что он должен был искать компромисс под давлением давления на него извне. (С. 161–162) Скорее отношение (позиция) Дэна к Ху постепенно изменялось, и дело дошло вплоть до того, что в конечном счете он утратил доверие к Ху.

Чжао Цзыян говорит, что, с его точки зрения, Дэн Сяопин постепенно утратил доверие к Ху Яобану.

Это замечание свидетельствует о том, что во времена правления Дэн Сяопина, как и во времена правления Мао Цзэдуна, в КПК главенствовал унаследованный из конфуцианства принцип самовластия. Это означало, что «хозяин» партии самовольно решал вопросы, решал, кого наградить на время своим «доверием», а кого лишить такого «доверия». Утрата доверия «хозяина» влекла за собой устранение любого кадрового работника партии, какое бы официальное положение он не занимал, с руководящего поста. Этим и занимался Дэн Сяопин.

Кстати, собственно говоря, именно это было его основным занятием. Он не был мыслителем, не был глубоким знатоком экономических проблем. Дэн Сяопин по своим качествам не мог быть, и не был, архитектором экономических реформ в Китае. Он лишь вынужденно соглашался с теми или иными предложениями авторов экономических реформ, прежде всего, Чжао Цзыяна. Более того, он на рубеже 1980-х – 1990-х гг. на несколько лет затормозил осуществление таких реформ в Китае.

Другое дело, что внешнеполитическая пропаганда Дэн Сяопина в КПК–КНР, льстила Дэн Сяопину, «хозяину» партии и государства, вооруженных сил, называла его архитектором реформ в Китае. За границей, либо по незнанию, либо будучи тем или иным образом заинтересованы в этом политически или материально, нашлись те, кто повторял это утверждение за пропагандой Дэн Сяопина и его последователей в руководстве КПК.

С 1980 по 1986 год Дэн во все возрастающей степени чувствовал, что Яобан все больше расходился с ним в вопросе о тенденции либерализации среди интеллектуалов. Разногласия между ними со временем увеличивались. Начиная с 1980 года, когда Дэн выступил с осуждением либерализации или предложил осуществлять кампании против нее, он почти всегда реагировал на доклады, которые он получал от (влиятельных левацки настроенных лидеров) Ху Цяому и Дэн Лицуня. Однако фактом было то, что Дэн и Яобан имели искренне разные взгляды на этот вопрос. Даже и без того, что кое-кто провоцировал неприятности в отношениях между ними, их конфликт с непременноостью становился все более серьезным. Конечный результат был неизбежным.

При правлении Мао Цзэдуна вопроса о либерализации для приверженцев и последователей Мао Цзэдуна не существовало. Мао Цзэдун не допускал и тени свободы для китайцев в их стране. Именно такой взгляд на свободу сформировался и у Дэн Сяопина.

После смерти Мао Цзэдуна дело стало обстоит иначе.

В КНР настоятельно требовал решения вопрос о реабилитации, или о возвращении доброго имени, многим миллионам людей, репрессированных во время массовых политических кампаний Мао Цзэдуна.

На пути к реабилитации стояла такая преграда, как резолюции Мао Цзэдуна, указания Мао Цзэдуна, выполнение которых и имело своим следствием гибель или страдания миллионов и миллионов людей.

Ху Яобан оказался единственным человеком в руководстве партии, который взял на себя ответственность за принятие решений о возвращении людям их доброго имени на том основании, что следовало пересматривать дела, исходя из фактов, а не из «резолюций и указаний» Мао Цзэдуна.

Ху Яобан, заняв такую позицию по вопросу о реабилитации, пошел против режима Мао Цзэдуна, за начало движения по пути к свободе и демократии в Китае.

Именно по этой причине возникли разногласия между Ху Яобаном и Дэн Сяопином. Их разделяло отношение к свободе и демократии. Ху Яобан был за свободу и демократию. Дэн Сяопин был за сохранение политической системы предельной концентрации власти и политического режима самовластия, против свободы и демократии.

Вот кое-что о том, что происходило в те годы.

Дэн выступил с докладом на заседании с целью проведения дискуссии по вопросам теории в связи с тем, что он предложил твердо придерживаться Четырех Основных Принципов в 1979 году. С тех пор было ясно, что Ху и Дэн имеют разные взгляды на вопрос о либерализации.

Разногласия между Ху Яобаном и Дэн Сяопином проявились уже в 1979 году.

Тогда Дэн Сяопин выступил за то, чтобы твердо придерживаться Четырех Основных Принципов.

- (1) Социализма.
- (2) Демократической Диктатуры Народа.
- (3) Руководства со стороны Коммунистической партии.
- (4) Марксизма-ленинизма, идей Мао Цзэдуна.

Собственно говоря, это означало, что Дэн Сяопин был не согласен с политическим курсом Ху Яобана на демократизацию политической жизни в партии и в стране.

Дэн Сяопин настаивал на сохранении политического режима, созданного при правлении Мао Цзэдуна. Это был призыв Дэн Сяопина продолжать осуществлять в Китае политический курс Мао Цзэдуна без Мао Цзэдуна.

Так за Ху Яобаном оказались силы, стремившиеся к демократизации политической жизни. За Дэн Сяопином оказались силы, стремившиеся продолжать идти по пути Мао Цзэдуна в политической и идеологической жизни партии и страны.

Дэн Сяопин и его сторонники, то есть те, кого Мао Цзэдун на время начала «культурной революции» отвел на «запасной путь», где они благополучно пережили годы «культурной революции», а затем были возвращены Мао Цзэдуном к власти или вернулись к власти после смерти Мао Цзэдуна, заняли позиции реальных «хозяев» партии, тех, кто распоряжался распределением властных полномочий, переждали период возмущения репрессиями Мао Цзэдуна, и снова занялись интригами, активной деятельностью по сохранению власти в своих руках на долгое время, желательно навсегда. Они считали, что их государство должно основываться именно на тех четырех столпах, которые были обозначены Дэн Сяопином как Четыре Основных Принципа. Они были намерены устранить от власти Ху Яобана и всех тех внутри партии, кто выступал за демократизацию политической жизни в Китае.

По мере того, как шел год за годом, их разногласия становились все более очевидными, а позиции все более расходились. В июле 1981 г. Дэн Сяопин обвинил теоретический фронт в «бесхребетности и слабости» и говорил об этом. На 2-м пленуме ЦК КПК 12-го созыва в октябре 1983 г. Дэн Сяопин сказал, что теоретический фронт не должен быть вовлечен ни в какие «духовные поллюции (духовное загрязнение)». Он выступил с этими замечаниями, потому что он чувствовал, что либеральный уклон среди интеллектуалов завоевывает свои основы (почву), и он был уверен в том, что Ху Яобан должен нести ответственность за это, поскольку эта сфера находилась в ведении Ху.

Ху Яобан, будучи генеральным секретарем ЦК КПК, имел возможность влиять на работу органов, ведающих в партии идеологией.

Дэн Сяопин был крайне недоволен начавшейся демократизацией политической и идеологической жизни партии и страны.

Дэн Сяопин последовательно наносил удары по «фронту идеологии» во главе с Ху Яобаном.

В 1979 Дэн Сяопин призвал твердо придерживаться Четырех Основных Принципов.

В 1981 году Дэн Сяопин обвинял своих противников в «бесхребетности и слабости» с точки зрения защиты установок Мао Цзэдуна.

В 1983 году Дэн Сяопин наклеил на своих политических оппонентов ярлык сторонников «буржуазной либерализации».

Это означало, что Дэн Сяопин стремился возродить классовую борьбу, осуществлявшуюся при правлении Мао Цзэдуна, в новых формах. Дэн Сяопин фактически обвинил Ху Яобана и его сторонников в том, что они

либо сами являются классовыми врагами, либо содействуют классовым врагам своей деятельностью, которую он назвал «буржуазной либерализацией».

Таким образом, с точки зрения Дэн Сяопина, не существует общечеловеческого нравственного понятия свободы, а существует классовое понятие «буржуазной либерализации».

Ху Яобан сам никогда не поднимал такого рода вопросы. Он также никогда не докладывал Дэну о вопросах такого характера. Скорее Дэн ощущал это сам, или слышал об этом от Ху Цяому или Дэн Лицюня, поэтому он и чувствовал необходимость вмешаться. Это, естественно, подразумевало неудовлетворение Ху Яобаном.

Ху Яобан, Чжао Цзыян не были ничьими марионетками. Они были вынуждены действовать в условиях своего времени, в условиях существования внутри партии тех, кого именовали «старейшинами», кто были, по сути дела, «хозяевами» партии или отдельных отрядов номенклатурных работников.

В то же время Ху Яобан и Чжао Цзыян были совершенно самостоятельными, независимыми политическими фигурами. У каждого из них были свои твердые убеждения, которыми они и руководствовались. При этом в этот период Ху Яобану не было равных на посту генерального секретаря ЦК КПК. Чжао Цзыяну не было равных на посту премьера Государственного совета КНР.

Ху Яобан не отчитывался перед Дэн Сяопином в своей деятельности в области теории и идеологии.

Внутри партийного аппарата у Дэн Сяопина были две фигуры, которые «работали на него» в сфере идеологии. Это были Дэн Лицюнь и Ху Цяому. Практически именно эта «троица» – Дэн Сяопин, Дэн Лицюнь, Ху Цяому – вела политическую и идеологическую борьбу против Ху Яобана на фронте теории и идеологии.

Я бы хотел особо упомянуть дело относительно Кампании против духовного загрязнения. (С. 162)

Чжао Цзыян придавал большое значение кампании борьбы против «духовного загрязнения».

Эта кампания была начата Дэн Сяопином в 1983 г. под предлогом борьбы против влияния на КПК и КНР иностранцев, Запада, их идеологии.

Дэн Сяопин исходил из того, что за годы, прошедшие после смерти Мао Цзедуна, 1976–1983 гг., атмосфера в Китае изменилась, повеяло демократией, свободой. С точки зрения Дэн Сяопина, это было смертельно опасно для КПК и КНР. Дэн Сяопин хотел сохранять КПК и КНР в принципе в том же виде, в каком они политически и идеологически существовали при Мао Цзэдуне. Не случайно в 1981 г. Дэн Сяопин ввел

установку о том, что Мао Цзэдун был на 70% прав, и только на 30% ошибался. Дэн Сяопин не считал то, что творил Мао Цзэдун, в том числе те политические действия Мао Цзэдуна, которые повлекли за собой голодную смерть миллионов людей в КНР в мирное время, преступлениями против народа Китая.

Я чувствую, что то, каким образом Ху Яобан относился к этому делу, сделало конфликт между ними намного более серьезным. (С. 162–163) Это в конечном счете сыграло решающую роль в финальном разрыве между ними.

Ху Яобан не сдал своих позиций. Дэн Сяопин ощущал это.

Таким образом, Ху Яобан использовал все возможности для того, чтобы осуществлять политический курс и в сфере идеологии в соответствии со своими убеждениями. Дэн Сяопин не смог поколебать Ху Яобана.

После 2-го пленума ЦК КПК 12-го созыва Кампания борьбы против духовного загрязнения Дэн Сяопина была распространена повсеместно по стране. «Левацкое» мышление вернулось, не только в сфере культуры, духовности и экономики, но и в повседневной жизни людей. Даже прически и фасон одежды товарищей женщин попали под контроль Кампании борьбы против духовного загрязнения, и еще одна культурная революция казалась почти появившейся на горизонте. Возникла сильная реакция на это со стороны интеллектуалов по всему Китаю и со стороны комментаторов за рубежом.

Дэн Сяопин попытался вернуть Китай во времена правления Мао Цзэдуна в сфере культуры, духовности и экономики, и даже в повседневной жизни людей. Чжао Цзыян отмечает, что тогда начали даже заставлять женщин – членов партии носить партийные френчи и короткие прически. По мнению Чжао Цзыяна, в результате этих действий Дэн Сяопина на горизонте в КНР снова появился призрак новой «культурной революции».

И это происходило в середине 1980-х гг., спустя всего семь-восемь лет после смерти Мао Цзэдуна и спустя пять лет после начала осуществления политики реформ и открытости в Китае.

Иными словами, Дэн Сяопин, как только Китай немного оправился от ужасов правления Мао Цзэдуна и как только в результате реформ чуть повысился жизненный уровень людей в Китае, что привело к некоторому успокоению и стабилизации ситуации в стране, попытался навязать обновлявшемуся обществу в Китае старые порядки времен правления Мао Цзэдуна, вплоть до новой «культурной революции».

Таким образом, организовав кампанию борьбы против «духовного загрязнения», Дэн Сяопин стал тормозом на пути осуществления политики реформ и открытости в Китае, на пути идеологической либерализации в стране.

Той зимой я находился с визитом в США, и где бы я ни был, мне пришлось отвечать на вопросы об этом и облегчать их опасения. Инерция кампании была в достаточной степени сильна, чтобы нести с собой угрозу политике и реформам в сфере экономики.

Вань Ли (заместитель премьера ГС КНР) и я объявили о том, что Кампания борьбы против духовного загрязнения не будет касаться вопросов экономики или сельского хозяйства, с тем, чтобы избежать внесения хаоса в экономику. Мы внесли также предложение: кампания не должна была затрагивать область привычек людей. Это произвело охлаждающий эффект на всеобщую атмосферу. Поскольку кампания борьбы против либерализации была непопулярна с самого начала, и поскольку мы продемонстрировали (показали), что сферы экономики, сельского хозяйства и науки и техники находятся «вне рамок» этой кампании, движение потеряло инерцию, даже в сфере духовности и в области культуры. Даже Дэн Сяопин проявлял беспокойство относительно того, как разворачивались события, и раскрывал некоторые свои чувства относительно этого. Итак, кампания борьбы против духовного загрязнения не могла прожаться долго.

Именно в ходе борьбы против этой кампании объединили свои усилия Ху Яобан и Чжао Цзыян.

Первая попытка Дэн Сяопина затормозить и остановить реформы провалилась.

Прежде всего, обстановка в стране оказалась такова, что большинство населения не приняло кампанию Дэн Сяопина и не поддержало ее.

Ху Яобан не изменил направления работы в сфере идеологии.

Чжао Цзыян и Вань Ли в качестве премьера и заместителя премьера Государственного Совета КНР наложили ограничения на кампанию.

Они заявили, что в ходе кампании недопустимо распространять ее на область экономики, сельского хозяйства, науки и техники. Они также возражали против того, чтобы кампания затрагивала привычки людей в быту. Их позиция пользовалась поддержкой в обществе, так как люди в Китае помнили о том, что происходило в ходе «культурной революции». Собственно говоря, Чжао Цзыян и Вань Ли напоминали, что нельзя повторять ошибки «культурной революции».

Дэн Сяопин был вынужден считаться со всем этим. В особенности его, очевидно, останавливала мысль о том, что кампания может нанести урон положению в экономике.

В целом кампания борьбы против «духовного загрязнения» в то время оказалась непродолжительной и захлебнулась.

У Яобана всегда были сомнения относительно этой кампании. Он явно хотел облегчить гнев интеллектуалов и уменьшить негативное воздействие со стороны мнения на мировой арене. При посещении руководите-

лей партии в Шанхае в 1984 году и еще раз при встрече с визитерами из Японии он сказал, что выражение «Очиститься от духовного загрязнения» было неуместным. Он сказал, что эта фраза ведет к слишком большому расширению кампании, и что это не будет использоваться снова.

Ху Яобан со всей решительностью выступал против призыва «очиститься» от «духовного загрязнения». Дело в том, что Дэн Сяопин употребил термин «очиститься», а из истории КПК следовало, что это призыв расправляться путем применения суровых мер с теми, кого заблагодарасудится объявить проповедниками «духовного загрязнения».

Ху Яобан, демонстрируя и свою самостоятельность, верность своим убеждениям, и свое отношение к Дэн Сяопину, называл термин «очиститься» «неуместным». Причем Ху Яобан сделал это и внутри КПК – КНР, в Шанхае, и во время встречи с иностранцами из Японии.

Ху Яобан знал, что так сказал Дэн Сяопин. Несмотря на это, а, возможно, именно потому, что это было так, Ху Яобан говорил, что это выражение не будет больше использоваться, а также, что такой призыв может привести к слишком большому расширению этой массовой политической кампании.

В столкновении взглядов Ху Яобана и Дэн Сяопина в данном случае проявилось то, что Ху Яобан был убежденным сторонником прекращения политических кампаний маоцзедуновского типа. Дэн Сяопин проявил себя как сторонник такого рода кампаний. Ху Яобан показал, что он с Дэн Сяопином решительно не согласен.

Ху Яобан отражал при этом мнение разумной части китайского общества. Он также учитывал реакцию на такого рода призывы и действия Дэн Сяопина в мире.

Этот случай также демонстрировал то, что Ху Яобан, будучи генеральным секретарем ЦК КПК, имел возможность не соглашаться с Дэн Сяопином. Для этого человеку нужно было только обладать смелостью и решительностью, не отступать от своих убеждений. Ху Яобан был именно таким человеком.

Это был очень болезненный вопрос. По мере того, как его высказывание распространялось, люди, в особенности интеллектуалы, получили впечатление, что Кампания за очищение от духовного загрязнения была ошибочной. Яобан специально пояснил, что «Сяопин в оригинале призвал к "борьбе против духовного загрязнения"; но кампания в печати искажила эти слова, и стали говорить о необходимости "Очиститься (т. е. необходимости вымести) от духовного загрязнения", результатом явилась реакция, выходящая за рамки». Другими словами, не Дэн допустил ошибку, а, скорее, дело было в том, что это было проведено в жизнь неправильно. (С. 163) Фактически же кампания основывалась на речи Дэн Сяопина, поэтому, когда эта речь была напечатана в газетах, или упоминалась ру-

ководителями в их выступлениях, термин «Очиститься» был использован много раз. (С. 163–164) Все и каждый знали, что кампания осуществлялась в соответствии с высказываниями Дэна. Поэтому объяснение Яобана не могло уменьшить ответственность, которую люди в своих умах возлагали на Дэна.

Ху Яобан высказывался также таким образом, чтобы дать возможность Дэн Сяопину «сохранить лицо», возложить вину на СМИ и исполнителей на местах. Ху Яобан поступал таким образом, потому что он был совершенно убежден в своей правоте. Ху Яобан стремился никоим образом не допустить ничего подобного «культурной революции» Мао Цзэдуна.

Чжао Цзыян в своих воспоминаниях, говоря о Ху Яобане, называет его во многих случаях просто по имени: «Яобан». Так было принято в то время в КПК и в стране. В этом проявлялось уважение многих людей к Ху Яобану, своего рода «родственные чувства» людей по отношению к нему.

В то же время Чжао Цзыян в своих воспоминаниях, говоря о Дэн Сяопине, обычно называет его просто по фамилии: «Дэн». Это – иное дело по сравнению с отношением к Ху Яобану.

Дэн был недоволен такими высказываниями Ху Яобана. И хотя Дэн в то время ничего не говорил об этом, он ни на шаг не отступил от своей первоначальной позиции, как бы вы ее не именовали: «борьбой против духовного загрязнения» или «борьбой против либерализма».

15 января 1987 года на заседании по вопросам внутривнутрипартийной жизни, на котором был подведен итог дела Ху Яобана, Ху Цили (член Политбюро) раскрыл и тот факт, что 28 июня 1984 года Дэн говорил с ним индивидуально. Дэн тогда сказал: «Главная причина, по которой я пригласил тебя сюда сегодня, состоит в том, чтобы поговорить о Яобане. Не только о том, как он ведет себя с Го Лоцзи, Ху Цзивэем и Ван Жошуйем, но о том, что следует твердо придерживаться Четырех Основных Принципов и прилагать усилия в борьбе против либерализации; выступая в качестве генерального секретаря ЦК партии, Яобан проявляет слабость, а это фундаментальный недостаток». Дэн не говорил с Яобаном непосредственно, однако попросил Ху Цили передать его слова, причем даже такие жесткие выражения, как «проявление слабости в отношении либерализации это фундаментальный недостаток генерального секретаря».

Это вызывало вопрос: если Яобан не мог измениться фундаментально, продолжал ли он все-таки подходить в качестве генерального секретаря? Ху Цили передал Яобану то, что сказал Дэн, слово за словом, но даже после этого Яобан не обращал внимания или не реагировал серьезно на это. Это было в 1984 году.

Дэн Сяопин был недоволен тем, что главный редактор газеты «Жэньминь жибао» Ху Цзивэй и его заместитель Ван Жошуй с согласия Ху

Яобана опубликовали в этой газете в 1979 году статью ученого Го Лоцзи, который ратовал за то, чтобы людям было позволено свободно обсуждать политические вопросы. Так Дэн Сяопин показывал, что он, как и Мао Цзэдун, был против политической и духовной свободы, за принцип самовласти в партии и в государстве. Ху Яобан был против упомянутого принципа, против единовласти Мао Цзедуна и Дэн Сяопина.

В первой половине 1980-х гг. в Китае, в КПК сложилась ситуация, при которой фактически имело место своеобразное двоевластие.

Был центр власти во главе с Ху Яобаном. Был центр власти во главе с Дэн Сяопином.

Ху Яобан, по сути дела, не докладывал Дэн Сяопину и не испрашивал у него указаний.

Дэн Сяопин сам не обращался к Ху Яобану.

Ху Яобан пользовался поддержкой фактически на волне массового протеста против порядков, насаждавшихся Мао Цзедуном. За Ху Яобаном были массы, а также значительная часть интеллектуалов, интеллигенции, студенчества, молодежи.

За Дэн Сяопином были теньевые «хозяева» партии, «вожди» номенклатуры либо в центре, либо на местах.

Это была та номенклатура, которая так или иначе пострадала во времена правления Мао Цзедуна или просто пережила времена Мао Цзедуна, но после смерти Мао Цзедуна постепенно вернулась к убеждению, что только политический режим, созданный при нем, не допускающий свободы духовной, свободы политической, свободы экономической, обеспечивает ей, номенклатуре, обладание властью и деньгами.

Столкновение между Ху Яобаном, как сторонником упомянутых свобод, и Дэн Сяопином, как противником упомянутых свобод, было неизбежным.

На протяжении всех 1980-х гг. шел процесс изменения ситуации в стране, изменения соотношения сил.

Острота ощущения неприемлемости системы и политического строя Мао Цзедуна по мере улучшения экономического положения, чего добились благодаря своим усилиям сторонники реформ, прежде всего Ху Яобан и Чжао Цзыян, ослабевала.

Люди успокаивались и «отходили» от политики. Остро чувствовать момент продолжали только интеллектуалы и студенчество, но не массы членов партии и даже не массы городского и тем более сельского населения.

Это говорило, в частности, о состоянии, в котором находилась в то время Коммунистическая партия Китая. Ее можно было заставить поддерживать призывы Дэн Сяопина к борьбе против «буржуазной либерализации». Уроков правления Мао Цзедуна оказалось недостаточно. Играло свою роль и то, что быстро входили в жизнь поколения новых молодых людей; у людей в Китае историческая память оказывалась короткой.

Этот процесс открывал в конечном счете для Дэн Сяопина возможность устранить Ху Яобана с поста генерального секретаря ЦК КПК методом интриг внутри руководства КПК, решениями «старейшин», номенклатуры, но не партии в целом, и не народа.

Орудием своей борьбы против Ху Яобана Дэн Сяопин избрал призывы выступать против «духовного загрязнения» и «либерализма». Вот два обвинения Дэн Сяопина в адрес Ху Яобана.

То, что для Дэн Сяопина было «либерализмом» и «духовным загрязнением», для Ху Яобана было естественной борьбой за свободу в духовной, политической и экономической жизни, борьбой за демократию.

С точки зрения Дэн Сяопина, слабость Ху Яобана, как генерального секретаря ЦК КПК, была в том, что он не вел бескомпромиссной борьбы против того, что Дэн Сяопин именовал «либерализмом» или «буржуазным либерализмом», «духовным загрязнением». Ху Яобан был убежденным сторонником свободы и демократии, их основания и развития в Китае в возможных для своего времени пределах и масштабах.

Главным обвинением в адрес Ху Яобана со стороны Дэн Сяопина и его приверженцев было обвинение в приверженности свободе, что, с их точки зрения, было «слабостью», недопустимой слабостью и недостатком для генерального секретаря ЦК КПК.

Ху Яобан знал об обвинениях в его адрес со стороны Дэн Сяопина, но продолжал твердо осуществлять свой политический курс.

Думается, что Ху Яобан мог учитывать историю КПК, ситуацию, которая существовала при правлении Мао Цзэдуна, и которую хотел возродить Дэн Сяопин. Ху Яобан понимал, что у Дэн Сяопина есть рычаги для того, чтобы попытаться изменить ситуацию в свою пользу. Поэтому Ху Яобан стремился в отведенное ему историей время осуществить в максимально возможной степени продвижение Китая по пути к свободе в духовной, политической и экономической жизни.

В июле 1985 года Дэн Сяопин пригласил Ху Цили и (заместителя премьера ГС КНР) Цяо Ши на беседу. Он снова указал, что реальная проблема состоит в усиливающейся тенденции в сторону либерализации. Дэн сказал: «Некоторые люди (он имел в виду таких людей, как Ван Жошуй) вдохновляют Яобана, и в то же время используют имя Яобана, чтобы противостоять нашей внутренней и внешней политике. Вы должны сказать Яобану, чтобы он чаще поднимал вопрос о борьбе против либерализации». Цили и Цяо Ши поступили в соответствии с инструкциями Дэна и передали его слова Яобану и мне в Бэйдайхэ. (С. 164)

Здесь важно обратить внимание на то, что заочное противостояние между Ху Яобаном и Дэн Сяопином продолжалось фактически на протяжении всего времени пребывания Ху Яобана на постах руководителя партии, с конца 1970-х гг. по 1987 год.

Не менее важно отметить, что Дэн Сяопин считал, что у него с Ху Яобаном разные взгляды и на внутреннюю и на внешнюю политику.

Думается, что в том, что касается внешней политики, разница состояла в том, что Дэн Сяопин считал первостепенной задачей создание единого фронта с США для борьбы против нашей страны, ставил китайско-американские отношения в основу всей внешней политики КПК-КНР.

Ху Яобан полагал, что Китаю следует укрепить отношения с крупными государствами, в том числе с нашей страной, и на этой основе выступать с более прочных и независимых позиций во взаимоотношениях с США.

Кроме того, Дэн Сяопин всемерно тормозил нормализацию наших двусторонних отношений, оттянув ее на 10 лет после смерти Мао Цзэдуна, создавал препятствия на этом пути. Ху Яобан в 1984 г. демонстративно побывал на китайской пограничной заставе на границе с нашей страной и оставил там надпись: «Да здравствует дружба между народами Китая и СССР!».

Дэн Сяопин не встречался с Ху Яобаном, а передавал ему свой указания через других людей. Ху Яобан продолжал твердо проводить свой политический курс.

Можно также обратить внимание на то, что посредники доводили высказывания Дэн Сяопина до Ху Яобана и до Чжао Цзыяна.

Я думал, что поскольку Дэн неоднократно подчеркивал этот вопрос, было необходимо провести заседание Секретариата для того, чтобы серьезно обсудить его в качестве подходящего ответа на слова Дэна. (С. 164–165) Я предложил это Яобану, но когда Цили спросил у Яобана, когда будет проведено такое заседание, единственным ответом Яобана было то, что он сказал, что он должен вот-вот вылетать в Синьцзян. Позднее он действительно съездил в Синьцзян, и дело было отложено. Он должен был заняться этим вопросом еще до отъезда в Синьцзян; он не рассматривал его как серьезное дело.

Чжао Цзыян полагал, что можно было как-то исправить положение, наладить отношения, обсудив слова Дэн Сяопина на заседании Секретариата ЦК КПК.

Ху Яобан не стал этого делать.

Вероятно, Чжао Цзыян вплоть до событий 4 июня 1989 г., то есть вплоть до того времени, когда отношение Дэн Сяопина коснулось его самого, все еще думал, что с Дэн Сяопином можно договориться.

Ху Яобан понимал, что Дэн Сяопин – это бескомпромиссный последователь Мао Цзэдуна, и никакой договоренности с ним быть не может. Такие политики как Мао Цзэдун и Дэн Сяопин считали, что все должны беспрекословно выполнять их распоряжения. Они не шли ни на какие уступки.

В 1985 году Сяопин снова говорил об этом. Почему? Я уверен в том, что это было связано с четвертым съездом Союза китайских писателей, состоявшемся в декабре 1984 года.

Этот съезд был проведен после того, как кампания очищения от духовного загрязнения была бесцеремонно окончена в обстановке негативной реакции на нее как в стране, так и за рубежом. В соответствии с предложением Яобана в послании Центрального Комитета этому съезду не упоминалось о борьбе против духовного загрязнения или о борьбе против либерализации. Когда проект текста послания был подготовлен, Яобан сказал, что он хотел бы, чтобы выражение «борьба против либерализации» постепенно исчезло. Было также решено, что Организационный отдел ЦК партии не будет вмешиваться в вопрос о формировании руководства Союза китайских писателей, позволив этой группе избрать своих собственных лидеров. Была подчеркнута полная свобода творчества.

Все это было сделано правильно. Проблема, однако, была в том, что при существовавших тогда обстоятельствах, те, кого критиковали или наказывали в ходе Кампании борьбы против духовного загрязнения, почувствовали себя свободными в своем желании выплеснуть свой гнев во время соответствующих собраний, иногда допуская экстремальные или неподходящие заявления против тех, кто активно участвовал в упомянутой кампании (осуществлял эту кампанию). Что же до состава руководства этого Союза, то почти все те, кто были «левыми» или активно участвовали в кампании, проиграли во время выборов.

Итак, в середине 1980-х гг. Ху Яобану удалось прекратить развязанную по воле Дэн Сяопина массовую политическую кампанию в масштабах всей страны под лозунгом «Очиститься от духовного загрязнения».

Дэн Сяопин был вынужден считаться с Ху Яобаном, с поддержкой курса Ху Яобана в Китае, с реакцией в мире на возникновение в КНР снова массовой политической кампании, подобной тем, что осуществлялись Мао Цзэдуном.

Ху Яобан был единственным из руководителей ЦК КПК, кто встречался с замечательными писателями, имел добрые отношения с некоторыми из них. Никто из остальных «первых лиц», от Мао Цзэдуна до Ху Цзиньтао, этого не делал. Все они жили вне поля культуры в Китае.

Ху Яобан считал важным показать, что призывы Дэн Сяопина «очищаться от духовного загрязнения», «бороться против либерализации» должны постепенно кануть в лету. Во всяком случае, Ху Яобан стремился показать писателям, творческой интеллигенции, что ей предоставляется свобода творчества.

До тех пор, всегда руководство Союза китайских писателей формировалось Организационным отделом ЦК КПК. Ху Яобан впервые принял решение о том, что писатели будут делать это сами, свободно и самосто-

ательно. В результате те, кто придерживался «левых» взглядов, то есть литераторы – ярые приверженцы Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина не были избраны в состав руководства Союза китайских писателей.

Чжао Цзыян полностью одобряет эти действия Ху Яобана.

В то же время ощущается, что существовала разница между Ху Яобаном и Чжао Цзыяном.

Если Ху Яобан исходил из того, что с политиками типа Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина договариваться и договориться ни о чем невозможно, то Чжао Цзыян долгое время считал, что можно как-то приспособливаться к взглядам Дэн Сяопина.

Конечно же, это привело в смущение (консервативных идеологов) Ху Цяому и Дэн Лицюня, и в то же время спровоцировало или вызвало недовольство старейших в партии. В конечном счете это оставило у Дэн Сяопина впечатление, что Ху Яобан поощрял людей, работавших в области литературы и искусства, изливать свое недовольство дэнсяопиновской Кампанией борьбы против духовного загрязнения. Вот по какой причине он неоднократно повторял свои просьбы в разговорах с Цили и Цяо Ши, и просил доносить его слова до Яобана, с просьбой, чтобы он больше говорил о борьбе против либерализации. Он использовал очень суровую лексику; он говорил, что некоторые люди находятся в оппозиции к политике во внутренних и внешних делах, прикрываясь (используя имя) именем Яобана; другими словами, «используют имя Яобана для того, чтобы противостоять Дэн Сяопину».

Дэн Сяопин не был в состоянии убедить людей в обоснованности своей позиции. Он цеплялся за последний аргумент. Дэн Сяопин практически просил Ху Яобана не настраивать людей в Китае прямо против Дэн Сяопина, против Дэн Сяопина лично. Все это свидетельствовало о том, что Ху Яобан был прав, действовал в интересах народа, пользовался поддержкой народа, а Дэн Сяопин действовал интригами, методом подготовки политического переворота внутри высшего руководства партии.

Однако Яобан не принимал все это всерьез. По такого рода вопросам обычно устраивались заседания Секретариата; Яобан выступал с речью, и затем, после этого, отправлялся поговорить с Дэном. (С. 165) В это время было невозможно занимать позицию против Дэн Сяопина. (С. 165–166) Конечно, можно было высказывать различные мнения, и вопросы можно было обсуждать с Дэном.

Вопрос, на который я все еще до сих пор не могу ответить, состоит в следующем: почему все это не привлекло к себе внимания Яобана? Почему он не воспринял все это серьезно? Возможно, что он был уверен в том, что метод Дэна был неподходящим, что сам он не сделал ничего неправильного, и поэтому он не желал изменять курс. И, возможно, он был уве-

рен в том, что вопрос не мог быть разрешен разговором с Дэном, что Дэн не принял бы его позицию, и потому он (уклонялся) обходил этот вопрос. Все это усугубляло у Дэна мысль о том, что Яобан сдвигался все дальше и дальше от его него в вопросе о борьбе против либерализма.

Нельзя сказать, что встреч Ху Яобана и Дэн Сяопина не было. Они время от времени происходили после заседаний Секретариата ЦК КПК. Обойти Дэн Сяопина, игнорировать его, формально было невозможно.

Однако оказывалось, что Ху Яобан не говорил по своей инициативе с Дэн Сяопином о таких острых вопросах, как борьба против «буржуазной либерализации». Дэн Сяопин со своей стороны тоже не поднимал этот вопрос.

Тут, как говорится, нашла коса на камень.

Дэн, будучи учеником Мао Цзэдуном, его подражателем, считал, что все сами должны идти к нему на поклон.

Ху Яобан был убежден в своей правоте и в том, что договориться с Дэном по вопросу о свободе невозможно.

Чжао Цзыян думал, что можно было как-то приспособливаться к Дэну, но продолжать осуществлять правильный курс, который проводил Ху Яобан.

С октября 1983 года, когда Дэн предложил провести Кампанию борьбы против духовного загрязнения, по июль 1985 года, когда Дэн предположил, что некоторые люди занимаются либерализацией, прикрываясь именем Яобана, диспут концентрировался на вопросе о правильности кампании. Несогласие между ними стало во все возрастающей степени очевидным и интенсивным; они становились во все возрастающей степени в оппозицию один другому.

Последние дебаты по вопросу о Кампании борьбы против либерализации, прежде чем Яобан ушел с поста, случились в конце 6-го пленума ЦК КПК 12-го созыва в сентябре 1986 г., когда Центральный Комитет принял «Резолюцию о строительстве духовной цивилизации». Первый проект этой резолюции был составлен под руководством Яобана. Там не было упоминания о борьбе против либерализации. Когда этот проект обсуждался в Бэйдайхэ, Ху Цяому и Дэн Лицзюнь предложили вставить упоминание о борьбе против либерализации, и большинство присутствовавших, включая меня, согласились. Яобан пошел на уступку, приняв поправку.

Начиная с 1983 г. существовали непримиримые разногласия между Ху Яобаном и Дэн Сяопином по вопросу о свободе и демократии внутри КПК, в Китае в целом. Пока это было так, существовали условия для продолжения своей творческой и политической деятельности для людей, которые в Китае стремились к свободе и демократии. Эту свободу для них обеспечивал Ху Яобан своей позицией.

Ху Яобан на пленуме ЦК КПК в сентябре 1986 года продолжал стоять на той точке зрения, что в партийных документах не должно употребляться термин «борьба против либерализации»

Ху Цяому и Дэн Лицюнь, два главных сторонника идеологии Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина в руководстве КПК, предложили ввести в документ пленума упоминание о «борьбе против либерализации».

Большинство участников пленума, включая Чжао Цзыяна, согласились с их поправкой. Никто не хотел прямо вступать в спор с Дэн Сяопином.

Однако когда этот вопрос был вынесен на обсуждение на уровне групп участников 6-го пленума ЦК КПК 12-го созыва, Лу Динъи и некоторые другие заявили, что они не согласны с этим. Когда резолюция была поставлена на голосование, Лу Динъи выступил с речью экспромтом, в которой он сказал: «Группа Четырех использовала термин «буржуазная либерализация» во время культурной революции в качестве метода, с помощью которого наказывали людей, и потому этот термин не подходит». Речь Лу вызвала аплодисменты участников заседания.

При дальнейшем обсуждении нашелся человек, который выступил против использования этого термина. Это был Лу Динъи, который до «культурной революции», то есть тогда, когда на «первой линии» руководства находился Лю Шаоци, руководил отделом пропаганды ЦК КПК. Во время «культурной революции» Мао Цзэдун и его приверженцы обвиняли Лу Динъи как «классового врага». Лу Динъи истязали на массовых митингах. Он был репрессирован Мао Цзэдуном, но пережил «культурную революцию».

Выступая в 1986 году, Лу Динъи сказал, что именно во время «культурной революции» ее активные организаторы применяли термин «буржуазная либерализация».

Так дело, фактически, дошло до прямого выступления против идеологии Мао Цзэдуна. Это означало, что Дэн Сяопин продолжал навязывать партии идеологию Мао Цзэдуна с ее классовой борьбой против буржуазии внутри партии и вне ее.

(Консерваторы) Ван Чжэнь и Бо Ибо выступили с речами, настаивая на оставлении в тексте термина «борьба против либерализации», и тоже получили аплодисменты. Яобан дал на это неопределенный ответ. Я тоже выступил с простым заявлением, сказав, что проект обсуждался много раз, и что поскольку большинство поддерживает эту формулировку, я согласен с тем, чтобы она осталась без изменений.

Так на пленуме ЦК КПК в 1986 г. произошло прямое столкновение противников «культурной революции» Мао Цзэдуна и ее защитников. Противниками были те, кто действительно пострадал от рук подручных

Мао Цзэдуна. Защитниками была часть номенклатуры, которая благополучно пережила «культурную революцию». Они разделяли идеологию Мао Цзэдуна, идеологию классово-борьбы.

Затем Дэн Сяопин выступил чрезвычайно серьезно. Он сказал: «Я говорил о борьбе против буржуазной либерализации больше, чем кто-либо другой, и проявлял при этом самую большую настойчивость (был при этом самым настойчивым). Мы должны упомянуть об этом не только сейчас, но мы будем продолжать упоминать об этом на протяжении следующих десяти, двадцати лет. (С. 166) И не имеет значения, когда эта формулировка была использована, и кто ее использовал в прошлом. Это не важно». Вот и все; он покончил с этим. Пленум принял резолюцию путем поднятия рук всеми присутствовавшими.

Итак, спустя 10 лет после смерти Мао Цзэдуна на пленуме ЦК КПК произошло столкновение взглядов с противниками идеологии и политического курса Мао Цзэдуна, его политической практики, и сторонников продолжения этого политического курса.

Главным сторонником Мао Цзэдуна, продолжения его идеологического и политического курса, выступил Дэн Сяопин.

Дэн Сяопин ситуацией внутри партии, ее руководства, был вынужден занять четкую политическую позицию. Эта позиция состояла в том, что, с точки зрения Дэн Сяопина, после смерти Мао Цзэдуна в Китае, в КПК появилось стремление к свободе, что было, с его точки зрения, недопустимо. Дэн Сяопин наклеил политический ярлык на позицию противников Мао Цзэдуна и его самого, назвав их сторонниками «буржуазной либерализации», то есть его классовыми врагами.

Более того, как в свое время Мао Цзэдун и его сторонники говорили о том, что нужно будет еще неоднократно снова вершить «культурную революцию», так и в 1986 году, 10 лет спустя после смерти Мао Цзэдуна, Дэн Сяопин заявил, что КПК должна будет продолжать борьбу против «буржуазной либерализации» еще и 10, и 20 лет.

Людям внутри партии, ее партийного аппарата, после такого заявления Дэн Сяопина стало ясно, что наступил период идеологической реставрации, реставрации идеологии и политического курса Мао Цзэдуна, и что придется выбирать линию поведения, во всяком случае, пока жив Дэн Сяопин.

Все это также означало, что период, когда в Китае, в том числе в аппарате ЦК КПК, оказалось возможно, так или иначе, осуществлять курс на свободу, на духовную, политическую и экономическую свободу, был прерван Дэн Сяопином. Продолжать этот курс в сфере духовности и в политической области было либо невозможно, либо можно было это делать с большим трудом. Оставалась более или менее свободной дорога к экономической свободе.

В то же время ситуация в стране была такова, что Дэн Сяопин и его подручные не могли взять ее под идеологический и политический контроль. У них в руках оставался только аппарат репрессий. Улица могла сказать свое слово. Дэн Сяопин мог подавить уличную демократию вооруженным путем. Таковы были перспективы развития ситуации после пленума ЦК КПК, состоявшегося в сентябре 1986 года.

Поскольку заседание проходило под председательством Яобана, генерального секретаря, и его неопределенная позиция стала причиной прямого вмешательства Дэна в последний момент, неудовлетворение Дэна Яобаном невозможно было отрицать. Когда впоследствии были распространены сообщения об этом заседании, Яобан направил для распространения только резолюцию, которая была принята, не упоминая о дискуссии, которая имела место, или о речи Дэна. Позднее Бо Ибо атаковал Яобана по этому вопросу, спросив, почему речь Дэна не была распространена.

На поверхности (или внешне) дебаты на заседании касались критики Дэном речи Лу Динъи. Однако было ясно, что Дэн, по сути дела, критиковал Яобана, потому что он знал, что взгляды Лу представляли точку зрения Яобана.

Здесь важно обратить внимание на то, что Ху Яобан был твердым человеком. Он до последней возможности отстаивал свою позицию. После пленума, пользуясь своим положением генерального секретаря ЦК КПК, он распространил для сведения партийных организаций только официальный документ пленума, не распространил высказывания Дэн Сяопина о «буржуазной либерализации». Так Ху Яобан уже после прямого заявления Дэн Сяопина продемонстрировал, что он не согласен в этих вопросах с Дэн Сяопином и готов идти до конца, отстаивая свое мнение.

Здесь важно также обратить внимание на то, что Чжао Цзыян прямо говорит о том, что Ху Яобан и Лу Динъи занимали одну и ту же позицию. Это означает, что после смерти Мао Цзэдуна руководители КПК делились на противников «культурной революции» и сторонников сохранения политического курса и идеологии Мао Цзэдуна.

Однако сами дебаты во время 6-го пленума ЦК КПК 12-го созыва не имели никакого значительного влияния на отношение Дэна к Ху. Перед этим инцидентом Дэн уже принял в уме решение отстранить Ху. Дэн планировал мягкий переход в ходе переформирования руководства на XIII съезде партии, но не путь резких перемен. Поэтому, даже хотя Дэн и выразил свое неудовлетворение Ху Яобаном во время заседания, это не носило характера проявления его желания решать вопрос о продолжении пребывания Ху на посту генерального секретаря.

Дэн Сяопин был вынужден считаться с популярностью Ху Яобана и в партии, и в стране. Он планировал отстранить Ху Яобана от поста гене-

рального секретаря как бы в обычном порядке по итогам очередного съезда партии в 1987 году.

Были и другие стороны у Ху, которые Дэн критиковал. Например, Дэн был уверен, что Ху недостаточно осторожен. (Прежде, чем он сделал Ху генеральным секретарем, Дэн уже считал это недостатком.) В области внешней политики Ху проявлял слишком теплое отношение к Ким Ир Сёну, слишком небрежно шел навстречу требованиям Северной Кореи: например, требованию, чтобы Китай поставил самолеты, обучал корейских пилотов на базах ВВС Китая и перебазировал ВВС КНР в случае срочной необходимости. Немедленно после возвращения Ху в Пекин, Дэн отклонил эти предложения. Когда Ху посетил Японию, он пригласил 3 тысячи молодых японцев приехать в Китай, не обсудив предварительно этот вопрос с Дэном. Дэн чувствовал себя не в своей тарелке (был этим расстроен). И все же Ху был генеральным секретарем, и уже направил приглашение, поэтому было трудно изменить ситуацию. Яобан обменивался письмами с премьер-министром Японии Накаоне, и устроил для него банкет у себя дома. Дэн был этим также недоволен, сказав: «Китай никогда не был вовлечен в личную дипломатию. Кажется, что некоторым из нас недостает способности должным образом обращаться с Накаоне».

Думается, что дело тут не в «осторожности» или «неосторожности».

Дэн Сяопин публично призвал США вместе с КНР создать единый всемирный фронт борьбы против нашего народа и нашей страны. Это никак нельзя назвать проявлением осторожности. Дэн начал военную авантюру против Вьетнама в 1979 году. Это также никак нельзя назвать проявлением осторожности.

Что же касается политики в отношении Северной Кореи, то здесь просвечивает желание Дэн Сяопина не «раздражать» США.

А в случае с Японией Дэн Сяопин стремился сохранять возможность играть внутри страны на антияпонских настроениях.

Ху Яобан последовательно осуществлял свою линию. В данном случае она заключалась в том, чтобы налаживать отношения и с Северной Кореей, и с Японией с тем, чтобы иметь более прочный дипломатический тыл во взаимоотношениях КНР с США.

Тем не менее я уверен в том, что ни один из этих вопросов не оказал значительного воздействия на отношения между Дэном и Ху, поскольку Дэну всегда были ясны сильные стороны (положительные качества) Ху, точно так же, как и его недостатки. (С. 167) И даже хотя Дэн критиковал Ху в этих вопросах, это не сказывалось на его фундаментальном доверии к Ху и на его мнении о Ху. (С. 167-168)

Представляется, что Дэн Сяопин был вынужден ситуацией в стране, настроениями и требованиями большинства людей в Китае согласиться

с тем, чтобы Ху Яобан был выведен на «первую линию», был представлен народу Китая, членам Компартии Китая как «чистый человек». Не причастный к преступлениям Мао Цзэдуна. Как человек, внушавший людям обоснованное доверие. Как человек, способный создавать в стране обстановку, в которой оказалось возможным исправить определенным образом и в некоторой степени то, что натворил Мао Цзэдун с людьми в ходе своих массовых политических кампаний, прежде всего, «культурной революции». Все это вело к стабилизации политической атмосферы и обстановки в Китае. Стабилизация была необходима Дэн Сяопину и иже с ним для того, чтобы снова прочно взять в свои руки политическую власть над Китаем.

В добавление к вопросу о либерализации, был и еще один вопрос, который повлиял на отношение Дэна к Ху. Это было интервью, которое Яобан дал (известному в Сянгане журналисту) Лу Кэну. При встрече с Цили и Цяо Ши в июле 1985 года Дэн сказал, что беседа (Ху) Яобана с Лу Кэном была в высшей степени неуместной. Лу Кэн пренебрежительно говорил о нашей внутренней и внешней политике, маскируя свое мнение лестью в адрес Яобана. Яобан отвечал фривольно, не подбирая слова с осторожностью; фактически Яобан вдохновлял его. Мне об этом не рассказали в свое время.

Летом 1986 года Дэн Сяопин сказал Ян Шанкуню (председателю КНР): «Тебе известно о беседе Яобана с журналистом?» Он попросил Яна найти время и прочитать интервью. Шанкунь сказал мне об этом, когда он вернулся из Бэйдайхэ, и сказал, что Дэн думал, что беседа Ху с Лу Кэном была отклонением от линии, и был очень разгневан этим. Шанкунь позднее попросил Канцелярию прислать мне копию.

Лу Кэн был высокопоставленным журналистом, который в свое время был назван «правым». Он попросил разрешить ему выехать в Сянган в 1978 году и стал главным редактором журнала «Бай син» («Простой народ»). Во время интервью с Яобаном он сказал, что одной из целей этой беседы было позволить миру лучше узнать Яобана.

Лу сказал, что образ нации тесно связан с образом Яобана. Он похвалил Яобана, как просвещенного, честного и ведущего прямо вперед политического лидера; того, кто никогда не занимался заговорщической деятельностью, был великодушным человеком, человеком открытого ума, понимающим, полным энергии. Похвалив Яобана, Лу Кэн также спросил его: «Почему вы не возглавите Военный совет ЦК КПК в то время, пока Дэн Сяопин еще жив? Если вы этого не сделаете, то как вы будете справляться с ситуацией, если в будущем военачальники выступят против вас? Сможете ли вы держать ситуацию под контролем?».

Яобан ответил, сказав, что он никогда не думал об этом: «(Чжао) Цзыян и я заняты вопросами экономики и делами партии. А армия – это

то место, где почитается старшинство, поэтому в настоящее время, когда нет войн, пусть Сяопин и занимает этот пост. Таким образом, Цзыян и я сможем сосредоточиться на делах в области экономики и в партии».

Во время этого интервью Лу Кэн также выступил с унижительными комментариями относительно Чэнь Юня, Ван Чжэня, Ху Цяому и Дэн Лицюня.

Эта беседа наверняка вызвала неудовольствие Дэн Сяопина. Особое неудовольствие вызвало упоминание о Военном совете ЦК КПК. Дэн мог интерпретировать это таким образом, что это означает то, что в глубине души Яобан согласился с тем, что сказал Лу Кэн. (С. 168)

Когда Дэн говорил с Цили и Цяо Ши в июле 1985 г., то для того, чтобы дать знак Яобану, Дэн упомянул об интервью с Лу Кэном. Летом 1986 г. во время заседания в Бэйдайхэ Дэн снова упомянул об этой беседе и обсуждал этот вопрос со старейшими в партии, с такими, как Ян Шанкунь.

Я предполагаю, что неудовольство Дэн Сяопина тем, как Яобан смотрел на либерализацию, было гальванизировано (усилено) интервью с Лу Кэном, и поэтому Дэн решил сместить Яобана.

Ху Яобана и Дэн Сяопина разделяло отношение к свободе, к духовной свободе или свободе творчества, к политической свободе и к экономической свободе.

Ху Яобан свободно высказывался, отвечая на вопросы, которые перед ним ставили.

Это было, в частности, проявление новой атмосферы, которую Ху Яобан считал необходимым вносить в китайское общество, создавать в китайском обществе.

Дэн Сяопин в 1985 году высказывал неудовольство тем, как Ху Яобан отвечал на вопросы журналиста из Сянган Лу Кэна.

Дэн Сяопин считал, что Лу Кэн пренебрежительно высказывался о внутренней и внешней политике КПК. Дэн Сяопин обвинял Ху Яобана в том, что он якобы поощрял Лу Кэна на такие высказывания. Дэн Сяопину также не понравилось то, что он назвал лестью в адрес Ху Яобана. Дэн считал, что Ху Яобан «отклонялся от линии». Все эти свои оценки Дэн дал не прямо в беседе с Ху Яобаном, а, следуя своей манере, доводил до него через других людей.

Для того, чтобы понять, что именно не понравилось Дэн Сяопину, можно обратиться к тому, что Чжао Цзыян сказал об этой беседе Ху Яобана с Лу Кэном.

Лу Кэн в 1950-х гг., будучи журналистом, был репрессирован Мао Цзэдуном. На него наклеили ярлык «правого элемента».

После смерти Мао Цзэдуна в 1978 году Лу Кэн попросил разрешить ему уехать в Сянган. Ему это разрешили. В Сянгане Лу Кэн стал издавать

журнал под названием «Простой народ», очевидно намекая на свое желание выражать мысли и чувства простых людей Китая.

Лу Кэн обратился к Ху Яобану с просьбой дать интервью с тем, чтобы мир лучше узнал Ху Яобана.

Дэн Сяопину могло не нравиться то, что мир узнает кого-то еще, кроме него самого.

Лу Кэн считал, что в то время для внешнего мира образ нации Китая был связан с образом Ху Яобана, то есть, с точки зрения Лу Кэна, Ху Яобан был в то время воплощением нации Китая.

И это могло не понравиться Дэн Сяопину, который, как и Мао Цзэдун, делал все, что было в его силах для того, чтобы пропагандировать только себя как якобы единственного представителя нации Китая на мировой арене.

Лу Кэн считал, что Ху Яобан – это просвещенный, честный политический лидер, который ведет нацию Китая по пути прямо вперед.

И это не нравилось Дэн Сяопину, потому что он был против движения нации Китая по пути свободы, по которому Ху Яобан вел нацию Китая. Дэн Сяопин предпочитал оставлять нацию Китая, во всяком случае, в том, что касалось духовности, идеологии, политической системы на том пути, на который ее поставил Мао Цзэдун.

Лу Кэн утверждал, что Ху Яобан никогда не занимался заговорщической деятельностью, был великодушным человеком, человеком открытого ума, человеком, понимающим людей, человеком, полным энергии.

Мнение Лу Кэна было мнением тех многочисленных китайских людей, которые пострадали от репрессий Мао Цзэдуна, которые могли сравнивать, с одной стороны, Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина, и, с другой стороны, Ху Яобана. Сравнение было в пользу Ху Яобана.

Все положительные качества Ху Яобана, которые перечислил Лу Кэн, отсутствовали у Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина. Именно по этой причине Дэн Сяопину и не нравилось интервью Ху Яобана Лу Кэну. Именно это Дэн Сяопин и называл «отклонением от линии».

Дэн Сяопину особенно не понравилось то, что в этом интервью был затронут вопрос о положении Дэн Сяопина. Лу Кэн спросил у Ху Яобана, почему еще при жизни Дэн Сяопина ему не передан пост председателя Военного совета ЦК КПК.

Реалии жизни в Китае под властью КПК таковы, что там существует разделение, и в то же время взаимосвязь, в какой-то степени, взаимозависимость, между собой трех главных ветвей власти. Это власть над вооруженными силами (пост председателя Военного совета ЦК КПК), власть над партией (пост генерального секретаря ЦК КПК), власть над правительством (пост премьер-министра Государственного Совета КНР). Можно сказать и по-иному: власть военная, власть партийная (идеологическая и организационная), власть экономическая.

Главная власть в этом Китае – это власть военная. Именно по этой причине Мао Цзэдун всегда оставался председателем Военного совета ЦК КПК, Дэн Сяопин, даже не будучи членом ЦК КПК, оставался председателем Военного Совета ЦК КПК.

Отвечая на вопрос о том, почему ему не передается власть над вооруженными силами, Ху Яобан сказал, что он никогда не думал об этом.

Можно предположить, что это действительно было так. Ху Яобан никогда не боролся за власть и не занимался интригами, в отличие от Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина. Он исходил из той ситуации, которая складывалась естественным образом.

Более того, он делал то, на что он был более всего способен. Это – область идеологии, внутренней политики, организационной работы в партии.

Ху Яобан, насколько это было в его силах, определял и осуществлял внутривластный курс и внешнеполитический курс Китая. В то же время он был занят тем, чтобы глубже понимать то, в чем состоят коренные интересы народа, делать то, что оказывалось возможным для удовлетворения этих интересов, налаживать связи между народом и партией.

Если Мао Цзэдун и Дэн Сяопин тем, что они творили, разрушали связи между КПК и народом Китая, то Ху Яобан стремился сохранять эти связи, превращать партию в инструмент осуществления чаяний народа Китая.

Именно по этой причине ни Мао Цзэдун, ни Дэн Сяопин не могли идти ни в какое сравнение с Ху Яобаном, если говорить об уважении и признательности со стороны народа Китая.

Ху Яобан, отвечая на вопрос Лу Кэна, констатировал, что в создавшейся ситуации каждый находится на своем месте: Ху Яобан в партии, Чжао Цзыян в правительстве, занимаясь экономикой, а Дэн Сяопин в армии, где царит чиновничество, власть, передающаяся «по старшинству».

Раскрытие этого «секрета» и не понравилось Дэн Сяопину.

Из того, что говорил Лу Кэн, следовало, что для мыслящих прогрессивно настроенных людей Китая было ясно, кто и какую линию проводит. Лу Кэн выделил главных сторонников Дэн Сяопина, назвав имена Чэнь Юня, Ван Чжэня, Ху Цяому и Дэн Лицюня. Именно они составляли ядро той группы «старейшин» или «хозяев» партии, которые стремились не допустить того, чтобы Китай пошел по пути, альтернативному дороге, на которую Китай поставил Мао Цзэдун.

Чжао Цзыян обоснованно приходит к выводу о том, что Дэн Сяопин в середине 1986 года решил сместить Ху Яобана с поста генерального секретаря ЦК КПК. Именно это свое решение Дэн Сяопин донес до «старейшин» партии при встрече с ними в то время.

Здесь остается только сказать, что в воспоминаниях Чжао Цзыяна неоднократно говорится о том, что Дэн Сяопин имел возможность назначать

и смещать людей с постов. Это было проявлением самовластия, присущего Мао Цзэдуну и Дэн Сяопину. Именно против этого и боролись Лю Шаоци, Ху Яобан, Чжао Цзыян.

Яобан ушел в отставку в январе 1987 г., но еще летом 1986 г. в Бэйдайхэ (или даже раньше) Дэн принял это решение. Критика Дэном беседы Яобана с Лу Кэном стала широко известна. Когда Яобан был с визитом в Европе, репортеры задавали вопросы о перестановках в руководстве, и о том, не уйдет ли на покой товарищ Сяопин. В обычае у Ху Яобана было не стесняться себя соображениями относительно осторожности, и говорить свободно. Кое-что из того, что он сказал, было неподходящим. Некоторые старейшие в партии начали открыто спекулировать на мысли о том, что Яобан создает у общественности впечатление, что Дэн уйдет на покой. Это также сказалоь на взглядах Дэна на Ху.

По всем этим причинам Дэн сказал Ян Шанкуню и другим старейшим товарищам летом 1986 г. в Бэйдайхэ, что он совершил большую ошибку: что он составил себе неправильное суждение о Яобане. Это было решающее замечание. Затем он раскрыл им, что на XIII съезде партии Ху больше не будет генеральным секретарем. Другими словами, решение о том, что Ху Яобан больше не будет генеральным секретарем было окончательно принято Дэном и старейшими в партии летом 1986 года в Бэйдайхэ.

Как и с какими именно старейшими в партии Дэн обсуждал это, я не знаю. Но после этого было ясно, что некоторые старейшие в партии, включая Ян Шанкуня и Бо Ибо, изменили свое отношение к Яобану. До того, даже хотя они критиковали Ху, и не были согласны с некоторыми его высказываниями, они все же проявляли некоторое уважение к Ху. Затем их неуважение, неудовлетворение и пренебрежение – все выплеснулось на поверхность.

В середине 1980-х гг., благодаря усилиям Ху Яобана и Чжао Цзыяна, ситуация в стране стала относительно стабильной. Удалось в определенной степени исправить то, что натворил Мао Цзэдун и в отношении людей, общества в Китае, и в экономике страны. Реформы привели к улучшению ситуации, привели к определенной стабилизации.

История повторялась. Точно так же, как Мао Цзэдун, после того, как Лю Шаоци исправил ситуацию к середине 1960-х гг, начал «культурную революцию», сделал главной целью своих нападок Лю Шаоци, так и Дэн Сяопин, подражая Мао Цзэдуну, в середине 1980-х гг., когда Ху Яобан исправил ситуацию, принял решение путем интриг сместить Ху Яобана с поста генерального секретаря ЦК КПК. Дэн Сяопин поощрял «старейшин» выступать с нападками на Ху Яобана.

Все это имело место тогда, когда Яобан составлял проект «Резолюции о построении духовной цивилизации» для 6-го пленума ЦК КПК 12-го

созыва. Проект не прошел в результате обсуждения. И тут имели место не только просьбы о небольших исправлениях, но многие чувствовали, что этот проект был фундаментально неадекватным, и некоторые даже высказывали сомнения в том, нужна ли эта резолюция вообще. Дэн Лицюнь выступил с пространной речью во время обсуждения, и предложил исправленный проект, который разительно отличался от проекта Ху, при этом Дэн Лицюнь обильно цитировал Дэн Сяопина. Дэн Сяопин не согласился с речью Дэн Лицюня и с его исправленным проектом. Он сказал: «Хотя Дэн Лицюнь использовал мои высказывания, его цель состояла в том, чтобы сдвинуть нас влево». И все же большинство не согласилось с первоначально предложенной резолюцией, и она не прошла. (С. 169)

Дэн Сяопин думал, что он ведет хитрую игру, когда осуждал Дэн Лицюня за «слишком левые» взгляды. На самом деле Дэн Лицюнь остался тогда на своем посту.

После возвращения из Бэйдайхэ Яобан передал мне через своего секретаря Чжэн Бицзяня, что он уверен в том, что такой документ иметь необходимо, однако тот факт, что было высказано так много несогласия, ставит его в трудное положение. Он хотел услышать мое мнение. Я сказал, что я всегда даже задавался вопросом о том, нужна ли нам такая резолюция, но если Яобан уверен в ее необходимости, я буду поддерживать ее. Что же до оппозиционных мнений, то мы могли бы принимать все, что можно принять, и использовать силу убеждения с тем, чтобы добиваться ее принятия. Сейчас я был готов активно поддерживать резолюцию. После нескольких пересмотров, она была принята.

Когда резолюция обсуждалась на 6-м пленуме ЦК 12-го созыва, то возник вопрос о том (обсуждалось то), добавить ли в резолюцию формулировку относительно «воспитания у людей коммунистического сознания», что предполагало программу всекитайских масштабов по воспитанию коммунистической идеологии. Оба, Ху Цяому и Дэн Лицюнь, предлагали вставить эту формулировку, и Чэнь Юнь заявил о своем согласии. Яобан и товарищи из комиссии по подготовке проекта не согласились. Они были уверены, что осуществление «программы коммунистического обучения (образования)» среди населения в целом (как противоположность осуществлению ее только внутри Коммунистической партии) было не реальным и не практичным. Однако, поскольку Чэнь Юнь выразил свое согласие, с этим было трудно справиться.

Я предложил: цитируя статью председателя Мао «О Новой Демократии» (1940 года), поддержать идею опустить это положение. Председатель Мао говорил: «Наша система – это коммунистическая система, но наша текущая политика – это политика Новой Демократии». Товарищ Ху Яобан согласился с этим, поэтому мы вместе подписали письмо и направили его Дэн Сяопину и Чэнь Юню. Дэн быстро ответил, что он со-

гласен с нами, поэтому Чэнь Юнь не настаивал. Дело было, таким образом, решено.

В тот момент, когда в середине 1980-х гг., Дэн Сяопин решил устранить Ху Яобана с поста руководителя партии, Чжао Цзыян активно поддержал Ху Яобана.

В частности, когда Чэнь Юнь, Ху Цяому и Дэн Лицзюнь, то есть главные проповедники того понимания коммунистической идеологии, которое было сформировано еще во времена правления Мао Цзэдуна, предложили развернуть в масштабах всей страны кампанию воспитания не только членов партии, но всего населения Китая в духе «коммунистической сознательности», а Ху Яобан считал это не возможным, Чжао Цзыян также выступил против этого, ссылаясь на мнение Мао Цзэдуна, который, правда, в 1940 г., то есть еще за 9 лет до прихода к власти, говорил, что КПК выступает за коммунистическую систему, но текущая политика партии, направленная на население страны, это политика «новой демократии».

Попутно, можно отметить, что Чжао Цзыян, очевидно, всегда считал, что Китай – это страна, которая еще и не начала движение к социализму, что Китай находился на этапе «нового демократизма». (Можно вспомнить о том, что за «новый демократизм» в свое время выступал и Лю Шаоци.)

В 1980-х гг. это было напоминание о том, что ситуация в стране, в обществе, в народе Китая такова, что тут не только рано, но невозможно говорить о «программе коммунистического обучения». И обучение коммунизму и внедрение коммунистической сознательности было невозможно в условиях того времени. Чжао Цзыян был реалистом и хорошо понимал это.

Чжао Цзыян и Ху Яобан довели это мнение до Дэн Сяопина. Он был вынужден согласиться с ними. Из этого также следует, что Дэн Сяопин был вынужден считаться с экономической реальностью и с реалиями состояния общества в Китае. В то же время он полагал, что партия должна вести классовую борьбу против «буржуазной либерализации». Такова была обстановка в то время. Она отличалась большой сложностью.

В течение этого периода высказывания старейших в партии с критикой стиля работы Яобана, его усилий в сфере внешней политики, экономической политики и реорганизации партии становились публичными. Это было частично следствием того, что произошло в Бэйдайхэ. Они также говорили, что Ху не сосредоточился на администрировании (управлении) в партии, но, скорее, был в слишком большой степени вовлечен в дела экономики. Они говорили, что генеральный секретарь Коммунистической партии не должен проявлять такой энтузиазм, когда речь идет о поездках (при поездках) в капиталистические страны. И они глумились над тем, что в печати писали о том, что он отвечал на тысячи писем от простых людей и посетил много сельских уездов всего за несколько дней.

В это время, Яобан не мог делать что бы то ни было (правильно или эффективно). Большая часть предложений Яобана встречала сопротивление (возражения) на заседаниях Секретариата и отвергалась старейшими. Ему уже становилось очень трудно работать в качестве лидера. (С. 170)

Ощущалось, что при определенном поощрении Дэн Сяопина в 1986 г. сторонники Дэн Сяопина и противники Ху Яобана начали наступление с нападениями на Ху Яобана со всех сторон.

Им не нравился стиль работы Ху Яобана. Мао Цзэдун и Дэн Сяопин не были близки к людям. Ху Яобан был близок к людям. В этом была разница в стиле работы.

Им не нравилась внешняя политика Ху Яобана. Ху Яобан выступал за то, чтобы решить вопросы, которые существовали во взаимоотношениях, в особенности, с соседями Китая. Мао Цзэдун и Дэн Сяопин были в принципе за то, чтобы сохранять так называемые «подвешенные» ими же вопросы в двусторонних отношениях.

Им не нравилась позиция Ху Яобана по экономическим вопросам. И здесь Ху Яобан стремился решать экономические проблемы на местах, чем ни Мао Цзэдун, ни Дэн Сяопин никогда не занимались.

Они были недовольны тем, что Ху Яобан делал в области реорганизации работы партии. Ху Яобан требовал, чтобы партийные функционеры были ближе к народу. И это шло вразрез с привычками, выработанными под воздействием Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина.

Они считали, что руководитель КОММУНИСТИЧЕСКОЙ партии не должен ездить в КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ страны. В этом находил свое отражение тезис о том, что Дэн Сяопин, дескать, стремился, следуя за Мао Цзэдуном, «сохранять» социализм в Китае.

Ху Яобан посетил больше уездов Китая, чем Мао Цзэдун и Дэн Сяопин, вместе взятые. Это вызывало раздражение у Дэн Сяопина и его сторонников.

Одним словом, Дэн Сяопин повел наступление на Ху Яобана, в ком он видел альтернативу и антипод и Мао Цзэдуну, и самому себе.

Вскоре после 6-го пленума ЦК КПК 12-го созыва Яобан сказал мне, что товарищ Сяопин говорил с ним. Дэн сказал, что он собирается уйти с постов члена Постоянного комитета Политбюро и председателя Центральной комиссии советников. Он хотел, чтобы Яобан последовал за ним и позволил более молодому человеку стать генеральным секретарем. Дэн сказал Ху, что если это произойдет, он возглавит огромное число уходов на пенсию среди старейших в партии. Яобан также сказал мне, что он предложил меня на пост генерального секретаря, поскольку я был моложе, чем он, в то время как более молодые еще не были готовы для такого поста.

Поскольку Дэн никогда не говорил со мной о том, уйдет ли он на пенсию, или о том, каковы будут сферы ответственности Яобана, я не мог комментировать все это в то время. Что же до рекомендации меня на пост генерального секретаря, то я ответил Яобану: «Я много раз говорил, что среди руководителей в возрасте от 60 до 70 лет, ты единственный подходящий для этого. Ты и я находимся в одной и той же группе по возрасту; если ты уйдешь на пенсию, как я могу выступить в роли преемника? Если это будет сделано, это должен быть кто-то помоложе».

Я также сказал: «Если ты думаешь, что никто из более молодых еще не готов, тогда можно подумать о вакансии поста генерального секретаря. Председательствовать на заседаниях Постоянного комитета Политбюро и Политбюро могли бы поочередно члены Постоянного комитета Политбюро. Это могло бы помочь подготовке более молодых товарищей».

Яобан сказал, что о моем предложении можно подумать. В тот момент я говорил походя, так как это не было формальным (официальным) обсуждением, и было просто в контексте того, что относилось ко мне, в условиях, когда Дэн предложил, и того, как он (Яобан) на это реагировал. Более важным было то, что я фактически не хотел быть генеральным секретарем, но хотел оставаться премьером, чтобы осуществлять экономическую реформу. Когда Ху передавал мне то, что сказал Дэн, он казался спокойным, и не показывал никаких признаков того, что он был расстроен.

В 1986 году состоялась беседа Ху Яобана с Дэн Сяопином.

Дэн Сяопин фактически предложил Ху Яобану обмен: Ху Яобан уходит с поста генерального секретаря ЦК КПК, и ему на смену приходит человек помоложе, а Дэн Сяопин уходит с поста члена ПК ПБ ЦК КПК и председателя Центральной комиссии советников. При этом Дэн Сяопин обещает, что вслед за ним уйдут на покой многие старейшие в партии.

При этом оказывалось, что Дэн Сяопин сохранял за собой главный пост – пост председателя Военного совета ЦК КПК. По сути дела, это было выражение желания Дэн Сяопина, чтобы Ху Яобан перестал быть генеральным секретарем ЦК КПК.

Ху Яобан предложил Дэн Сяопину выдвинуть на пост генерального секретаря Чжао Цзыяна.

Чжао Цзыян не хотел перемещаться на пост генерального секретаря ЦК КПК, считая, что ему лучше всего оставаться премьером, чтобы осуществлять экономическую реформу.

Таким образом, становилось ясно, что Дэн Сяопин в то время считал главной задачей отстранение Ху Яобана.

Чжао Цзыян считал, что лучше всего сохранять существующее положение: Ху Яобан – руководитель партии, Чжао Цзыян – руководитель правительства, осуществляющий экономические реформы.

После 6-го пленума ЦК КПК 12-го созыва, товарищ Яобан, казалось, был в очень хорошем расположении духа и был с энтузиазмом (активно) занят своей работой. Он посетил провинцию Цзянсу, Шанхай и много других мест. Он выступал с речами и радовался тому, как это громко освещалось в газетах. Я чувствовал, что он интерпретировал беседу с Дэном просто как предложение «омолодить руководство», как то, что Дэн уйдет на пенсию, а он унаследует нынешний пост Дэна с тем, чтобы заставить всю эту группу старейших в партии уйти на пенсию. Возможно, что он интерпретировал это именно так, не замечая того, что позиция Дэна по отношению к нему фундаментально изменилась.

Чжао Цзыян думал, что Ху Яобан не понимал, что Дэн Сяопин хотел устранить его с поста руководителя партии. Трудно сказать, как дело обстояло в действительности. Можно, однако, сказать, что Дэн Сяопин был по самой сути своей интриганом. Ху Яобан не занимался интригами.

В декабре 1986 года произошли студенческие демонстрации в нескольких городах. (С. 171) В Шанхае они были очень большими. Имели место не только протесты на улицах, но демонстранты штурмовали здание городского правительства.

Вызывавшие споры выборы на местах вызвали студенческие протесты более чем в десятке городов в 1986 году. Демонстранты требовали большей политической свободы, хотя их протесты имели своим результатом ускоренное смещение с поста Ху Яобана.

Этот инцидент вызвал шок у Дэна Сяопина. 30 декабря он вызвал Яобана, Вань Ли, Ху Цили, Ли Пэна, (заместителя министра образования) Хэ Дунчана и меня к себе домой поговорить о студенческих протестах. Он сказал: «Студенческие демонстрации, которые имели место недавно, не возникли случайно. Они являются результатом (утраты контроля) отсутствия контроля над буржуазной либерализацией». Он назвал (диссидента астрофизика) Фан Личжи и (либерального писателя) Ван Жована, затем обвинил Яобана в том, что он (возражал) проигнорировал предложение исключить Ван Жована из партии. Он попросил его сделать это очень давно, почему это не было сделано? Что же до демонстраций, он предложил принять твердые меры, чтобы подавить их, даже если это означает применение методов диктатуры.

Фактически Дэн возложил всю ответственность за демонстрации на Яобана. Эмоциональный взрыв раскрыл возрастающий глубокий разрыв между ним и Ху по вопросу о либерализации. Запись выступления Дэна была немедленно напечатана и распространена на различных уровнях администрации, поэтому многие люди знали об этом.

Итак, в 1986 году Дэн Сяопин в беседе с Ху Яобаном сделал заявление о желании «омолодить» руководство, то есть уведомил Ху Яобана, что

он не будет рекомендовать его на пост генерального секретаря ЦК КПК на съезде партии, который должен был состояться в 1987 году.

События развивались быстро. В конце 1986 года в ряде городов Китая прошли студенческие демонстрации.

Дэн Сяопин возложил вину за это, практически, на Ху Яобана.

С точки зрения Дэн Сяопина, это было результатом «отсутствия контроля над буржуазной либерализацией». Дэн Сяопин уже тогда заговорил о том, что против студентов необходимо применять «методы диктатуры».

Так Дэн Сяопин вынудил Ху Яобана подать в отставку, учитывая обвинения в том, что он, дескать, неправильно относился к угрозе «буржуазной либерализации» и не сумел методами диктатуры подавить демонстрации студентов.

Иными словами, Дэн Сяопин стал тормозом на пути продвижения Китая по пути к духовной и политической свободе.

4 января я получил уведомление о том, что меня вызывали в дом Дэна на заседание. Когда я пришел, примерно в 10 часов утра, Чэнь Юнь, Вань Ли, Ян Шанкунь, Бо Ибо, Ван Чжэнь и Пэн Чжэнь уже были там. После того, как все пришли, Дэн раздал письмо, чтобы показать его нам.

Это было письмо Яобана об отставке, адресованное Дэну. Главная мысль в письме состояла в том, что он (Ху Яобан) не был в достаточной степени осторожен, осуществляя руководство, что он сделал много глупостей во внутренних и в международных делах. Однако, главное, он сказал, что он проявил слабость в том, чтобы твердо придерживаться Четырех Основных Принципов и в ходе Кампании борьбы против либерализации, был амбивалентен в своей позиции, что стало причиной потока либерализации и стало прикрытием для некоторых негодяев. Поскольку ошибки, которые он допустил, были серьезными, он просил разрешения уйти с поста, чтобы заново все продумать и дать должный отчет партии.

После того как каждый присутствовавший на заседании прочитал письмо, Дэн сказал, что отставка должна быть принята. Никто не выразил несогласия. Дэн сказал, что после ухода Яобана Чжао Цзыян, Бо Ибо, Ян Шанкунь и Вань Ли должны отвечать за дела Постоянного комитета Политбюро и XIII съезда партии. (С. 172) Я предложил, чтобы Ху Цили был включен, так как он является постоянным секретарем Секретариата и отвечает за повседневные дела. (С. 172-173) Дэн согласился.

Это и стало той Группой из пяти человек, за работу которой отвечал я, и которая вела повседневные дела Постоянного комитета Политбюро вплоть до XIII съезда партии. Дэн сказал, что мягкие методы могут использоваться в деле Ху Яобана. За ним сохранится пост члена Постоянного комитета Политбюро с тем, чтобы минимизировать реакцию как внутри страны, так за рубежом. Он также сказал, что Централь-

ная комиссия советников может провести заседание по внутривнутрипартийной жизни с тем, чтобы высказать критику и поправить Яобана, и затем объявить об отставке Яобана на расширенном заседании Политбюро, а не на пленуме Центрального Комитета.

В то время я думал, что причина не созыва пленума была в желании уменьшить шок и допустить мягкие меры, а не в озабоченности тем, что это могло не пройти (на пленуме). Конечно, меры не соответствовали настоящим правилам партии, но его намерение состояло в том, чтобы решить вопрос, в то же время уменьшая последствия. После выступления Дэна никто из товарищей не высказал иного мнения.

Чэнь Юнь был более активен, чем другие на этом заседании. Он казался очень внимательным к организационным принципам и должной процедуре. Он боялся, что будут комментарии, и в стране и за рубежом, о приемлемости отставки генерального секретаря на заседании Политбюро, поэтому он указал на необходимость объявить, что это было законным и соответствовало принятым правилам.

Дэн сам никогда не придавал этому серьезного значения. Конечно, то, каким образом осуществлялось дело Яобана, особенно критика в его адрес на заседании по внутривнутрипартийным вопросам Центральной комиссии советников, вызвало осуждение (критику) и в стране и за рубежом, при этом говорилось, что изменение в руководстве осуществлялось с помощью незаконных методов.

Итак, в самом начале 1987 года Ху Яобан был вынужден подать заявление с просьбой освободить его от поста генерального секретаря ЦК КПК.

Ху Яобан пошел на это потому, что у него не было никаких реальных возможностей возражать против мнения Дэн Сяопина и его последователей.

Весь процесс отставки Ху Яобана осуществлялся вне рамок Устава КПК. Свое заявление Ху Яобан направил лично Дэн Сяопину.

Обсуждение этого документа состоялось в доме Дэн Сяопина в присутствии нескольких «старейших» в партии и членов руководства партии и государства.

Это не было сделано на заседании ЦК КПК, или Политбюро ЦК КПК, или ПК ПБ ЦК КПК.

Дэн Сяопин внес предложение о том, чтобы делами ЦК партии ведала группа из нескольких человек. Дэн Сяопин сам назвал этих людей. Чжао Цзыяну удалось добавить к ним Ху Цили. Таким образом, он вывел Ху Цили, близкого по своим взглядам к Ху Яобану человека, из-под огня критики.

В ходе этого заседания стало ясно, что Чэнь Юнь стремился хоть как-то формально соблюдать существующие правила.

Дэн Сяопин, по словам Чжао Цзыяна, никогда не придавал этому серьезного значения. Это лишний раз свидетельствовало, что при правлении Дэн Сяопина, как и при правлении Мао Цзэдуна, не существовало такого понятия как законность. Все определялось самовластным решением Мао Цзэдуна или Дэн Сяопина. Таким образом, устранение Ху Яобана было незаконным актом, если придерживаться Устава КПК.

Во время заседания в доме у Дэн Сяопина (старейший в партии) Ли Сяньнянь был в Шанхае. После заседания Дэн Сяопин немедленно послал Ян Шанкуня в Шанхай, чтобы информировать его и запросить его мнение. После того, как Ян Шанкунь информировал Ли Сяньняня о том, что произошло, Ли, конечно же, всем сердцем согласился с результатом; для него это было как бы сбывшейся мечтой. Он сказал Яну: «Я всегда знал, что это нестойкий человек!»

Он также намекал на то, что Ху был сладкоречив и полон хитростей. Ли сказал, что когда Ху Яобан недавно был в Шанхае, Ли попросил встречу с Яобаном, а тот имел наглость отказать. Ли продолжил изливать свой гнев на Ху. Он также согласился с тем, чтобы сделать меня исполняющим обязанности генерального секретаря, но сказал Ян Шанкуню: «Цзыян слишком многому научился за границей. Продолжение этого неприемлемо. Ты должен сказать ему это». (С. 173)

Дэн Сяопин, Ли Сяньнянь и прочие «хозяева» партии ликовали, добившись отставки Ху Яобана.

Ли Сяньнянь бросал в адрес Ху Яобана необоснованные обвинения.

Согласившись с тем, чтобы Чжао Цзыян исполнял обязанности генерального секретаря, Ли Сяньнянь передал Чжао Цзыяну, что от него требуется, чтобы он не применял в Китае то, чему он «научился за границей».

Это и было главным требованием «хозяев» партии к Чжао Цзыяну. Они, прежде всего Дэн Сяопин, ставили во главу угла «специфику» Китая, «своеобразие» или «самобытность» Китая, с их точки зрения нельзя было допускать в Китай нравственные ценности, общие для человечества, общечеловеческие законы экономики.

7 января 1987 г. Бо Ибо, Ян Шанкунь, Вань Ли, Ху Цили и я провели первое заседание Группы пяти для обсуждения специфики заседания по внутривластным делам. Мы приняли решение провести заседание в как можно более (умеренном) сдержанном тоне.

А в это время Пэн Чжэнь, Бо Ибо и другие старейшие стремились обвинять Ху в том, что он продвигал «клику» кадровых работников, так называемую «Фракцию комсомольцев».

Я чувствовал, что этого советовать было нельзя, по той причине, что последствия могли быть серьезными, и могли привести к широкому распространению ощущения отсутствия безопасности, к повторению при-

влечения людей по ассоциации (обвинения на основе участия в группировках). После того как я изложил свои опасения, все выразили свое согласие, поэтому мы согласились не поднимать вопросы о «Фракции комсомольцев» и о «кликах кадровых работников».

В ходе подготовки заседания с обсуждением вопроса о Ху Яобане выяснилось, что у некоторых «старейшин» существует намерение вспомнить о том, что Ху Яобан много лет возглавлял КСМК. На этом основании хотели выявлять всех тех, кто когда-либо работал в китайском комсомоле вместе с Ху Яобаном, и подвергать их шельмованию.

Чжао Цзыян со всей решительностью воспротивился этому. Он говорил, что в этом случае в партии и в стране будет возрождена обстановка, в которой все будут чувствовать себя в опасности, что в этом случае возможно возрождение в партии обстановки, в которой начнется охота за ведьмами, будут выделять те или иные группировки, возродится борьба группировок. Доводы Чжао Цзыяна возымели действие, и вопрос о «Фракции комсомольцев» не поднимался. Однако сама возможность постановки такого вопроса свидетельствовала о том, что внутри партии можно было с легкостью восстановить атмосферу, которую в свое время создавал Мао Цзедун. Страна менялась, общество менялось, а «хозяева» партии отставали от жизни.

Ночью перед заседанием с обсуждением внутрипартийной жизни, я побывал дома у Яобана с тем, чтобы сказать ему о том, как именно будет проходить заседание. Я также сказал ему, каким было обсуждение в доме Дэна, и что за ним будет сохранено место в Постоянном комитете Политбюро.

Я также поднял несколько вопросов. Я сказал: «Дэн несколько раз предупреждал тебя, ставил вопрос о борьбе против либерализма. Почему ты не принял это всерьез? Неужели ты намеренно выдерживал дистанцию от Дэна?» Он сказал, что это никогда не приходило ему на ум.

Я также сказал: «После того, как о твоей отставке станет известно, возможно, что кое-кто будет создавать затруднения под предлогом поддержки тебя». Я искренне предполагал, что такое могло случиться, поэтому я хотел, чтобы он озаботился этим и был готов к этому.

Он ответил, что он будет абсолютно на стороне партии. Позднее, во время заседания с обсуждением внутрипартийной жизни, я доложил обо всем, что мы сказали в этом разговоре.

В КПК проводятся собрания с повесткой дня: «Обсуждение внутрипартийной жизни». На этих собраниях обычно разбираются «личные дела» «провинившихся» членов партии. Было решено, что вопрос о Ху Яобане будет обсуждаться на таком собрании Центральной комиссии советников. Это означало, что Дэн Сяопин замыслил «отдать» Ху Яобана

«на растерзание» «старейшинам», закулисным «хозяевам» партии, старой номенклатуре.

Перед этим заседанием Чжао Цзыян пришел домой к Ху Яобану и рассказал ему, как предполагается проводить это заседание.

Чжао Цзыян спросил Ху Яобана, почему он не придавал должного значения тому, что Дэн Сяопин ставил вопрос о борьбе против либерализма; и не выдерживал ли Ху Яобан сознательно дистанцию между собой и Дэн Сяопином.

Ху Яобан сказал, что это никогда не приходило ему на ум, то есть что он просто никогда не думал об этом.

Думается, что Ху Яобан и Дэн Сяопин жили в разных мирах. Ху Яобан жил в мире, где не было места интригам. Он шел своим путем. Он хотел сделать максимум возможного. Он не видел оснований в обвинениях в «буржуазной либерализации».

Ху Яобан хорошо понимал, что в существовавшей тогда ситуации не было возможности убедить оппонентов в своей правоте. Поэтому оставалось только принять решение «старейшин».

Заседание с обсуждением внутривнутрипартийной жизни было проведено 10 января от имени Центральной комиссии советников. На заседании председательствовал Бо Ибо. Заседание проводилось на протяжении шести дней – утренние заседания каждый день (включая одно заседание, которое продолжалось целый день). Участниками заседания были члены Постоянного комитета ПБ ЦК, члены Центральной комиссии советников, члены Политбюро, секретари Секретариата, члены Государственного Совета, заместители председателя ВСНП, заместители председателя Всекитайского комитета НПКСК, руководители различных отделов Военного совета ЦК КПК и руководители различных отделов ЦК партии. Дэн Сяопин и Чэнь Юнь не участвовали. Ли Сяньнянь был в Шанхае. (С. 174)

Дэн Лицунь выступил с длинной речью, в которой подверг систематизированной критике Яобана за то, что он не следовал указаниям Дэн Сяопина; и за попустительство или даже поощрение буржуазной либерализации на протяжении длительного периода времени. (С. 174–175) Другие выступления были в духе обычном для стиля партии, в них с разных точек зрения критиковали Ху. (Второй секретарь Центральной комиссии по проверке дисциплины) Ван Хэшоу раскрыл во время заседания, что тогда, когда он пришел к Ху Яобану домой повидаться с ним, Яобан был очень расстроен и жаловался на то, что старейшие в партии готовились напасть на него. Наше намерение состояло в том, чтобы выдерживать заседание в духе сдержанности, однако тогда, когда Ван Хэшоу говорил, атмосфера стала более напряженной. Мы немедленно предупредили Ван Хэшоу, потребовав, чтобы он не продолжал развивать эту тему. К счас-

тью, в то время, когда он выступал, некоторые из старейших в партии не присутствовали.

Дэн Сяопин, проявляя свою суть интригана и мстительного политика, организовал форменное «шестидневное избиение» Ху Яобана. Собрание было составлено из врагов всего того, что делал Ху Яобан, стремясь вывести народ и страну из туника, в который их завел Мао Цзэдун. Людям Китая, той части членов партии, которые поддерживали Ху Яобана, не дали возможности сказать слово в защиту Ху Яобана.

402

Собрание началось речью Дэн Лицюня, который претендовал на то, чтобы стать генеральным секретарем ЦК КПК. Главное обвинение в адрес Ху Яобана состояло в том, что он, дескать, не следовал должным образом указаниям Дэн Сяопина.

Один из тех, кто приходил домой к Ху Яобану, раскрыл тот «факт», что Ху Яобан «посмел» быть «расстроенным» из-за того, что «старейшины» готовились выступить с нападками на него. Одним словом, это было нападение на Ху Яобана, как на человека.

Характерным было и то, что главные среди «хозяев» партии даже не соизволили присутствовать при этом «избиении». Дэн Сяопин, Чэнь Юнь, Ли Сяньнянь отсутствовали.

Все это ярко рисует обстановку в КПК в момент, когда приверженцам и последователям политического курса Мао Цзэдуна удалось вынудить Ху Яобана уйти со своего поста.

Самым неожиданным заявлением (самым большим сюрпризом) во время заседания была речь (влиятельного военачальника – ветерана) Юй Цюли. Яобан и Юй Цюли в свое время были очень близки. При подготовке XII съезда партии Ху Яобан сделал Юй Цюли ответственным за расстановку постов в руководстве. Тогда я был в Государственном совете и не занимался этим вопросом. Я не знал, почему Юй Цюли должен был быть сделан ответственным за расстановку людей в руководстве для XII съезда партии, но это показывало, что Ху Яобан доверял Юй Цюли. В те годы Яобан не только посещал приграничные регионы и инспектировал войска вместе с Юй Цюли, но, в силу того, что Юй был в армии и был начальником главного политического управления, они также вместе посещали фабрики и поля в деревне. Во время заседаний Секретариата Яобан часто запрашивал мнение Юй Цюли по экономическим вопросам, затем хвалил его взгляды. Возможно, Ху испытывал затруднения тогда, когда ему нужна была поддержка по экономическим вопросам; взгляды Юй Цюли совпадали с его взглядами, поэтому он использовал высказывания Юй Цюли как метод выражения своего мнения, или для того, чтобы добиться консенсуса. Их отношения были довольно близкими.

Однако во время заседания по вопросам внутривнутрипартийной жизни Юй Цюли неожиданно выступил с резкой речью против Яобана. Он собрал вы-

сказывания Яобана по вопросу о том, должны ли Дэн и старейшие в партии уйти на покой, и затем спросил Яобана в тоне обвинителя: «В чем тут был твой замысел? Почему ты говорил это?»

Тем самым Юй Цюли раскрыл себя как человека, который обычно казался честным, но в критический момент оказывался, способен на то, чтобы нанести удар сзади, чтобы спасти себя. Это было единственное проявление его подлинной натуры. Возможно, он почувствовал, что из-за того, что у них (с Яобаном) были тесные отношения, поэтому, если Дэн решил отделаться от Яобана и сместить его с поста, если он (Юй Цюли) будет считаться (рассматриваться) близким к Яобану, то, возможно, он также будет привлечен. Поэтому он хотел использовать эту возможность, чтобы вывести себя из-под удара.

Подлость высшего круга номенклатуры, воспитанной Мао Цзедуном при его правлении проявилась тут в полной мере.

Один из тех, кто был в близких отношениях с Ху Яобаном в то время, когда тот находился на посту генерального секретаря ЦК КПК, кому Ху Яобан доверял, спасая свою шкуру, обрушился на Ху Яобана с обвинениями в том, что он якобы добивался ухода на покой всех «старейшин». Это был подлый удар из-за угла.

В конце заседания с обсуждением вопросов внутривнутрипартийной жизни Яобан выступил с самокритикой, допуская, что он совершил серьезные политические ошибки. В конце своего выступления он очень расчувствовался и открыто плакал. (С. 175)

Ху Яобан вел себя по-человечески. Его потрясла несправедливость тех, кто формально числились его «товарищами по партии» на протяжении многих десятилетий.

На расширенном заседании Политбюро 16 января отставка Яобана была принята поднятием рук. Я был назначен исполняющим обязанности генерального секретаря. Даже хотя я повторял при разных обстоятельствах, что среди руководителей в возрасте от 60 до 70 лет Ху Яобан – это единственный подходивший для того, чтобы быть генеральным секретарем, на обоих заседаниях, 4 января на заседании в доме Дэна и на расширенном заседании Политбюро, я не возражал против решения принять отставку Яобана, но только сделал ремарку, что я не подхожу для поста исполняющего обязанности генерального секретаря и надеюсь, что более подходящая кандидатура будет найдена вскоре. Я не отказывался.

Первая причина тут состояла в том, что дело уже было решено Дэном и другими старейшими в партии летом 1986 года. Хотя я не принимал участия в принятии этого решения, я слышал о нем, и, как я уже упоминал ранее, Дэн говорил с Яобаном, и Яобан согласился – даже хотя он и не знал, в чем подлинная причина, по которой Дэн хотел сместить его

с поста. Другими словами, Ху должен был в конечном счете уйти, только это случилось несколькими месяцами раньше, чем предполагалось.

Вторая причина была в том, что после того, как Дэн 30 декабря выступил со своими ремарками относительно студенческих демонстраций, Яобан был лишен способности (возможности) продолжать работать. Как я упоминал ранее, после лета 1986 года стало трудно для Яобана делать свою работу в Центральном Комитете. Многие старейшие в партии больше не обращали на него внимания (не замечали его). Многие его предложения не получали поддержки, особенно после того, как Дэн вину за студенческие волнения возложил на буржуазную либерализацию, и осуждал его за то, что он не исключил из партии такого-то и такого-то после того, как Дэн попросил его сделать это. Речь Дэна была записана и распространена в официальных кругах. Поскольку было трудно для Яобана руководить, у него не оставалось иного выбора, как только уйти в отставку.

Еще одно обстоятельство заключалось в том, что в деле Яобана и был затронут и Ху Цили, (так как он был близким помощником Яобана; но они не были связаны никакими «отношениями»). Заполучить Ху Цили в состав Группы пяти помогло держать его вне причисления к тем, кого «критиковали», что было наилучшим сценарием при создавшихся обстоятельствах. Было невозможно добиться того, чтобы Ху Цили наследовал Ху Яобану (стал преемником Ху Яобана). Было трудно найти подходящего кандидата в такое короткое время. При создавшихся обстоятельствах было ни легким делом, ни правильным отказываться взять на себя роль исполняющего обязанности генерального секретаря.

Чжао Цзыян отмечает, что само решение об отставке Ху Яобана было принято на заседании Политбюро ЦК КПК поднятием рук. Это – не демократичная форма голосования. Ее можно рассматривать как незаконную.

Чжао Цзыян обосновывает свое решение взять на себя исполнение функций генерального секретаря ЦК партии.

Думается, что благодаря этому удалось в 1987–1988 годах и в начале 1989 года продолжать правильный курс на экономическую и политическую либерализацию.

Чжао Цзыян также говорил о Ху Цили. Ху Цили был кандидатом на пост генерального секретаря ЦК КПК вслед за Ху Яобаном. В создавшейся обстановке он оказался в опасности, его могли обвинять вместе с Ху Яобаном. Его нужно было спасать, вывести из-под огня критики. Чжао Цзыяну удалось это сделать, хотя, конечно, не было никаких возможностей добиться назначения Ху Цили на пост генерального секретаря ЦК КПК.

В обществе распространялись слухи о том, будто бы я написал письмо Дэн Сяопину, в котором содержались обвинения и злобные ремарки в адрес Яобана. Некоторые даже говорили, что я побуждал Дэн Сяопина покон-

чить с ним. В этом нет ни слова правды. (С. 176) В 1984 году я всего один раз написал письмо Дэн Сяопину о том, как улучшить систему центрального руководства, а именно, как действительно создать демократический централизм (осуществить принцип демократического централизма) в Центральном Комитете, особенно в Политбюро и Постоянном комитете. Копия письма была направлена товарищу Чэнь Юню. Там не было ничего, что касалось Яобана. Содержание письма было следующим:

Товарищ Сяопин!

Препровождаю вам копию предложения товарища Чэнь Цзюньшэна из провинции Хэйлуницзян (секретарь парткома провинции). Пожалуйста, прочитайте его для сведения.

Хотя его предложение не обязательно затрагивает фундаментальные проблемы, он поднимает чрезвычайно важный вопрос о том, как в нашей стране навсегда сохранить мир и хорошее управление.

В настоящее время различные стороны положения улучшаются, и представляется определенным, что эта тенденция будет продолжаться. Однако это не означает, что вопрос о вечном мире и хорошем управлении фундаментально решен. Поддержание стабильности фундаментальных законов страны это, конечно, один аспект; однако, поскольку мы являемся социалистическим государством, находящемся под руководством Коммунистической партии, я озабочен тем, что недостаточно рассматривать вопрос только с точки зрения Конституции. Я уверен в том, что фундаментально и наиболее важно то, что мы должны затронуть систему руководства партией. Только поступая таким образом, можно по-настоящему решить проблему.

Тогда, когда вы оба, вы и товарищ Чэнь Юнь, еще полны энергии и находитесь в добром здравии, и в ситуации, когда главные и фундаментальные направления политики уже определены, различного рода задачи выполняются на правильных рельсах под вашим руководством и согласно вашим решениям, настоящий период вне всяких сомнений один из лучших в истории нашей партии. Именно благодаря этому я искренне надеюсь, что вы приложите больше энергии и сконцентрируетесь на разрешении этого главного и важного вопроса, который будет сказываться на нашей партии и на нашей стране при жизни следующих поколений; имеется в виду установление чрезвычайно необходимой системы руководства для нашей партии и затем персонального наблюдения и стремления к согласию с тем, чтобы превратить это в обычай (в привычку) и в культуру, которая не будет изменяться в соответствии с изменением персоналий, и, таким образом, будет длиться, и передаваться из поколения в поколение.

Пожалуйста, примите мое предложение для рассмотрения.

Шлю привет!

Чжао Цзыян. (С. 177)

Чжао Цзыян раскрывает тут и некоторые черты, присущие многим людям в Китае, значительной части китайского общества. В особенности они присущи номенклатуре КПК.

Когда Чжао Цзыян стал генеральным секретарем ЦК КПК вместо Ху Яобана начали распространяться слухи о том, что Чжао Цзыян даже добивался от Дэн Сяопина устранения Ху Яобана.

Ходили слухи о том, что Чжао Цзыян написал Дэн Сяопину письмо, в котором содержались злобные нападки на Ху Яобана.

Чжао Цзыян все это с негодованием обоснованно отвергает.

Он приводит полный текст письма, которое он направил Дэн Сяопину в 1984 году. Это было единственное письмо по такому вопросу, написанное Чжао Цзыяном.

Чжао Цзыян в этом письме, копию которого он отправил и Чэнь Юню, высказал мысли, которые ставили с головы на ноги всю систему руководства партией и государством в Китае. Чжао Цзыян предлагал подумать о том, чтобы отказаться от того, чтобы возлагать надежды на того или иного политического лидера, на личность. Он говорил о создании системы, институтов общества в Китае, которые навсегда обеспечили бы исключение повторения культа личности в Китае, исключали бы систему самовластия в Китае.

Чжао Цзыян не получил ответа ни от Дэн Сяопина, ни от Чэнь Юня. Это свидетельствовало, что Чжао Цзыян шел впереди своего времени. Его советы могут пригодиться в будущем.

Это было 26 мая 1984 года, перед поездкой в Европу.

Это было одно-единственное письмо, которое я послал Центральному Комитету или Дэн Сяопину в связи с вопросом о центральном руководстве. Я написал это письмо и отправил его вместе с предложением Чэнь Цзюньшэна.

Причиной отправки такого письма было то, что тогда, когда в годы, последовавшие за нанесением сокрушительного удара по «Группе четырех», центральное руководство пересматривало жестокости (зверства) культурной революции, мы часто обсуждали вопрос о том, как можно было бы предотвратить повторение снова этой трагедии. Мы видели необходимость разрешить вопрос относительно системы руководства со стороны партии с тем, чтобы предотвратить концентрацию власти и спорное использование (употребление) власти одним человеком.

Однако после XII съезда партии, в силу того, что условия и внутри страны и на международной арене были хорошими и улучшались, обсуждение этих вопросов было свернуто (сошло на нет, прекратилось). Но даже хотя мы и продвигались вперед в области наших реформ, — наша экономика росла быстро, жизненный уровень людей улучшался, и наша культура демократии усиливалась внутри центрального руководства, —

проблема системы руководства, относилось ли это к пленуму, Политбюро или к Постоянному комитету Политбюро, не была решена. Все это оставалось, более или менее, таким же, как раньше.

В результате я ощущал необходимость поднять этот вопрос снова. Если вопрос не был бы решен в условиях, которые были относительно хорошими, то все еще трудно было бы гарантировать, что не будет проблемы с будущими лидерами.

Мое письмо было написано, исходя из этой перспективы, и не относилось ни к кому из руководителей в особенности (персонально). Я не ощущал, что существовали какие-либо крупные проблемы в руководстве. Положение было относительно хорошим. Однако сегодняшние хорошие условия не могли гарантировать хороших условий в будущем, поскольку вопрос системного характера (о системе) не был решен. Я не имел в виду какую-то проблему в руководстве, не указывал я на Яобана или на какого-либо другого из лидеров.

Письмо не означало, и не было предназначено для того, чтобы подразумевать, что из-за существования вопроса о Яобане, поднимается вопрос о системе руководства. Однако это также не означало, и этим не подразумевалось, что в силу того, что Яобан был довольно просвещенным человеком, не было необходимости улучшать систему центрального руководства.

Яобан был дружелюбен и был непредубежденным человеком; он был способен выслушивать различные мнения. Он был очень великодушен по отношению к людям и не любил ставить людей в трудное положение. Люди могли аргументировать в разговоре с ним и даже спорить (ссориться) с ним. (С. 178) Я много раз говорил, что именно по той причине, что он был непредубежденным человеком по своей натуре, это не означает, что мы все еще не должны рассматривать вопрос относительно системы руководства. (С. 178–179) Поскольку ему было уже 70 лет, после того, как старейшие в партии уйдут, кто знает, как долго он будет в состоянии руководить (вести)?

В своем выступлении на заседании по вопросам внутрипартийной жизни я сказал, что мы должны опираться (полагаться) на систему, не на личности, поскольку люди могут меняться. Без хорошей системы даже великие лидеры, такие как Сталин и председатель Мао, имели проблемы. Я упомянул о своем письме Сяопину, не объясняя содержания письма. Более того, в своей критике Яобана я также коснулся вопроса о подчинении правилам демократического централизма и партийной дисциплине. Поэтому возможно, что мои комментарии относительно Яобана были интерпретированы как изложение содержания письма. Возможно, что это ответ на вопрос о том, как стали распространяться слухи.

И в данном случае проявилась полная самостоятельность Чжао Цзыяна.

Он со всей искренностью напомнил о том, что после смерти Мао Цзэдуна и устранения от власти «выдвиженцев» «культурной революции» в среде руководителей КПК обсуждался вопрос о том, что следует сделать, дабы не повторялась эта трагедия.

Существовало ясное понимание того, что источником зверств «культурной революции», источником всего того, что составляло содержание политической системы при правлении Мао Цзэдуна, было сосредоточение власти в руках одной личности и использование власти этой личностью. Вместо власти личности надо было создать институты власти, не допускающие самовластия личности. К этому дело шло.

Однако, в значительной степени из-за того, что благодаря усилиям Ху Яобана в политической области и усилиям Чжао Цзыяна в сфере экономики, дела в стране наладились, показалось, что остроты в этой проблеме нет. Ее обсуждение постепенно сошло на нет.

Думается, что Дэн Сяопин и иже с ним в немалой степени способствовали этому.

Ху Яобан и Чжао Цзыян увлеклись тем, что уровень жизни людей в Китае повысился, а культура демократии внутри руководства партией и государством улучшилась.

При этом они оставили без внимания продолжение существования скрытой опасности со стороны номенклатуры времен правления Мао Цзэдуна. Можно предположить, что они думали, как обычно думают реформаторы, что сам ход событий, изменение экономической ситуации, появление слоя предпринимателей, дает гарантии невозможности возвращения к прежнему режиму.

Чжао Цзыян после смещения Ху Яобана констатировал, что система руководства партией оставалась прежней, не была изменена. Думается, что Дэн Сяопин не допустил этого.

Чжао Цзыян понимал это, и в первой половине 1980-х гг. Поэтому он и обратился с письмом к Дэн Сяопину, предложив подумать о создании системы руководства, исключающей самовластие.

По мнению Чжао Цзыяна, Ху Яобан был тем человеком, который обладал всеми качествами, позволявшими решать вопросы в обстановке политической свободы и демократии.

Письмо Чжао Цзыяна не было направлено против Ху Яобана. Он беспокоился о том, что будет с Китаем после ухода людей старшего поколения, рассчитывая на сохранение существующего положения при их жизни.

Чжао Цзыян считал, что следует опираться на систему, а не на личности.

Понимая, к кому он обращается, Чжао Цзыян во время собрания с критикой Ху Яобана говорил, что даже такие великие люди, как Сталин и Мао Цзэдун, имели проблемы, встречались с трудностями.

Чжао Цзыян призывал к демократическому централизму. Он понимал, что его высказывания могут быть истолкованы, как обращенные против Ху Яобана.

Были и другие слухи, которые не были столь широко распространены. Я услышал об этом много позже. Яобан часто говорил о том, что старейшие в партии, возможно, уйдут на пенсию перед XIII съездом. Поэтому прошел слух о том, что Дэн Сяопин однажды в присутствии Яобана и в моем присутствии, что он уйдет на XIII съезде партии. Говорили, что Яобан ответил, что он «поднимет обе руки в знак одобрения», в то время, как я ответил: «Вы не должны уходить в отставку, ни в коем случае не должны!» Этот инцидент, как предполагали, заставил Дэн Сяопина почувствовать, что Яобана зря повысили. Вся эта история выдумана с начала и до конца.

Перед тем, как Яобан ушел, Дэн никогда не выражал в моем присутствии, или в присутствии Яобана и моем присутствии, свое желание уйти на покой. Впервые я услышал о том, что Дэн говорил о том, что он уйдет из Постоянного комитета Политбюро и с поста председателя Центральной комиссии советников после лета 1986 года, когда Яобан рассказал мне о своем разговоре с Дэном. Не было такого случая, когда Дэн просил нас обоих высказать наше мнение.

Я действительно просил Дэна оставаться на его официальных постах, просил его не уходить из Постоянного комитета Политбюро. Это было в 1987 году после ухода Яобана, и я был уже исполняющим обязанности генерального секретаря. Поскольку Дэн все еще оставался тем, кто был во главе, я предпочитал, чтобы он делал это, находясь внутри Постоянного комитета в партии.

В политике кому-то приходится быть впереди. Ху Яобан был впереди. Он констатировал, что люди не вечны, что людям старшего поколения придется уходить на покой.

У Дэн Сяопина и прочих «хозяев» партии это вызывало ненависть к Ху Яобану.

Чжао Цзыян предпочитал быть и в этом вопросе реалистом. Он был в принципе согласен с Ху Яобаном. Более того, он предлагал систему руководства со стороны личности, монополию на власть со стороны личности, заменить системой руководства со стороны институтов в партии и в государстве.

Чжао Цзыян предпочитал также, чтобы Дэн Сяопин оставался в составе ПК ПБ ЦК КПК, а не руководил из-за «бамбукового занавеса».

Было и еще одно событие, о котором стоит упомянуть. На заседании Постоянного комитета Политбюро в марте или в апреле 1983 года товарищ Чэнь Юнь критиковал Яобана, что вызвало некоторое волнение.

И даже хотя этот инцидент не находился в связи с отставкой Яобана в 1987 году, слухи об этом инциденте распространялись, в некоторых случаях говорилось и обо мне.

На упомянутом заседании главным вопросом повестки дня был доклад Дэну и Постоянному комитету Политбюро о работе в области экономики. Дэн Сяопин в то время чувствовал, что плановые задания на два предшествовавших года были занижены. Результатом было значительное превышение плановых заданий, что Дэн не одобрил. (С. 179) Но товарищи из Плановой комиссии и я чувствовали, что не принесет вовсе никакой пользы, если установить слишком высокие плановые задания. (С. 179-180) Лучше было бы оставить место для маневра. Доклад был предназначен для того, чтобы ясно разъяснить наши резоны.

Яо Илин и Сун Пин докладывали от имени Госплана (Плановой комиссии). После их доклада, я высказался. Одобрив их суждения, я говорил о том факте, что имело место значительное снижение финансовых доходов в ВВП. Это было нормально, поскольку мы возвращали долги. Однако это не могло продолжаться на протяжении длительного периода времени, так как финансы на центральном уровне могли оказаться в опасности.

Когда я кончил говорить, не оставляя возможности обсудить то, что я сказал, товарищ Чэнь Юнь выступил с заранее заготовленной речью, в которой специально поднял много вопросов относительно некоторых недавних высказываний Яобана по вопросам экономики. Критика была очень резкой. Например, Яобан говорил о том, что министерство финансов преувеличивает дефицит год за годом, просто для того, чтобы пугать народ (людей). Чэнь Юнь сказал, что доложенные размеры дефицита были фактически реальными. Он также критиковал Яобана, сказав, что первый пятилетний план был рассчитан на крупные предприятия, но в нем игнорировались мелкие и средние фирмы.

Поскольку Яобан не ожидал этого, после речи Чэнь Юня он ничего не сказал в ответ, и только заметил, что он допустил много ошибок и будет тщательно пересматривать их. Было очевидно, что Чэнь Юнь выплеснул на Ху Яобана свой гнев, который он накапливал на протяжении длительного времени.

Товарищ Сяопин не хотел критиковать Яобана на такого рода заседаниях и не хотел обсуждать этот вопрос. Он казался недовольным. Он сказал, что дискуссия по такого рода вопросам может быть продолжена в другое время, и что мы находимся здесь, главным образом, чтобы выслушать доклад. Из-за этого дискуссия не имела продолжения.

Было трудно остальным высказывать свое мнение после того, как товарищ Чэнь Юнь выступил со своей речью. Ху Цяому, однако, встал и заговорил. Он сказал, что замечания, сделанные Яобаном, и раскритикованные товарищем Чэнь Юнем, широко распространены, что оказывает гро-

Вот то, что я думал в то время. Я сказал: «Они интеллектуалы. Что же до Чэнь Юня, то у него даже меньше амбиций. Мы должны держаться вместе и не беспокоиться слишком много».

Яобан согласился с тем, что я сказал. Позднее я встретил Ху Цици, который немедленно сказал мне, что после разговора со мной Яобан был в хорошем настроении и сказал ему: «То, что сказал Цзыян, это очень хорошо. То, что мы должны делать сейчас – это переправиться через реку вместе в одной лодке».

Здесь Чжао Цзыян со всей определенностью говорит о том, что он полагал, что они с Ху Яобаном находились в одной лодке. Чжао Цзыян сам сказал об этом Ху Яобану. Это обрадовало Ху Яобана.

Наскоки на Ху Яобана со стороны Чэнь Юня Чжао Цзыян предлагал Ху Яобану воспринимать как взрыв эмоций.

Чжао Цзыян также говорил Ху Яобану о том, что ни Ху Цяому, ни Дэн Лицюнь не способны заменить его на посту генерального секретаря ЦК КПК. По мнению Чжао Цзыяна, Чэнь Юнь еще менее того стремился занять этот пост.

В ситуации того времени Чжао Цзыян исходил из того, что Дэн Сяопин будет сохранять статус-кво.

Вот что произошло. Возможно, ходили слухи о том, что люди критиковали Яобана на заседании Постоянного комитета Политбюро. Фактически этого не было (дело не обстояло таким образом). Чэнь Юнь был единственным, кто выступил с речью, и, поскольку она была направлена против Яобана, никто не мог комментировать ее, так или иначе. Изначально у меня также были некоторые оговорки относительно усилий Яобана в области экономики, и я также имел критические взгляды на то, каким образом он повсюду выступает с ремарками, не соблюдая осторожности. Однако я не думаю, что было правильным поднимать такие вопросы при существовавших обстоятельствах, поэтому я ничего не сказал.

Спустя несколько дней, Дэн Сяопин пригласил для разговора Яо Илия и меня. Дэн сказал, что первоначально (или изначально) должно было состояться заседание относительно Яобана. Однако, обдумав воздействие (последствия), которые это могло бы иметь, такое заседание было отменено. Он сказал, что у Яобана много личных недостатков, но его все еще должно поддерживать. (С. 181)

Я немедленно высказал свои соображения. Сяопин затем критиковал Яо Илия, потому что до этого инцидента Яо Илия и Сун Пин написали письмо Постоянному комитету Политбюро и Дэн Сяопину, в котором они осуждали (обвиняли) Яобана за то, что он делал неосторожные замечания, которые не совпадали с духом XII съезда. В результате Госплан испытывал трудности в работе.

*Дэн осудил Яо Илия: «Ты изливаешь свой гнев в письме!»
Яо Илия немедленно сказал: «Да, я так поступал». (С. 182)*

Чжао Цзыян последовательно показывает, что Дэн Сяопин на протяжении определенного времени поддерживал Ху Яобана, не соглашался с нападками на него. В то же время очевидно, что те, кто нападал на Ху Яобана продолжали занимать свои посты. Дэн Сяопин их не трогал. Более того, если принять во внимание все, что происходило в годы, когда Ху Яобан был генеральным секретарем ЦК КПК, то становится понятно, что Дэн Сяопин постепенно накапливал силы, выжидал, и тогда, когда время пришло, сместил Ху Яобана с руководящего поста. Устранение Ху Яобана явилось общей победой Дэн Сяопина, Чэнь Юня, Ли Сяньбяня, Ху Цяому, Дэн Лицюня, Ван Чжэня и прочих «старейшин», той номенклатуры, которая стремилась увековечить политический режим, созданный Мао Цзэдуном. Дэн Сяопин и прочие допустили Ху Яобана к власти на «первой линии» вынужденно, так как понимали, что никто, кроме Ху Яобана, не мог столь успешно завоевать признание людей в Китае борьбой за исправление последствий всего того, что натворил Мао Цзэдун во время своих массовых политических кампаний, прежде всего, «культурной революции». Без возвращения доброго имени миллионам репрессированных, что сделал Ху Яобан, в Китае не удалось бы создать стабильную обстановку, а только в этой обстановке могли сохранить в своих руках теньевую власть Дэн Сяопин и другие «хозяева» партии и государства.

БОРЬБА ВОКРУГ «ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ»

414

ИСТОРИЯ МЕСЯЦА УЖЕ ПЕРИОДИК

Итак, Ху Яобан внезапно для партии и населения Китая, да и для интересующихся Китаем людей вне Китая, перестал быть генеральным секретарем ЦК КПК.

Для смещения Ху Яобана у Дэн Сяопина не было оснований, если исходить из интересов народа Китая.

Пожалуй, можно упомянуть два больших достижения Ху Яобана, чтобы это стало ясно.

Ху Яобан возвратил доброе имя многим миллионам людей, которых Мао Цзэдун попытался необоснованно лишить их доброго имени в ходе своих массовых политических кампаний, прежде всего, «культурной революции». Речь шла о миллионах погибших в результате репрессий Мао Цзэдуна и миллионах потерявших здоровье в тюрьмах, лагерях концентрации и воспитания», «школах трудового перевоспитания» и т.д. Речь шла об их многочисленных родственниках, которых в КПК при Дэн Сяопине относили к людям из «плохих семей».

Ху Яобан на протяжении первой половины 1980-х гг. ежегодно начинал свою деятельность в качестве генерального секретаря ЦК КПК с опубликования «Документа ЦК КПК № 1» по вопросу о политике в отношении крестьянства и сельского хозяйства. Ху Яобан выступал в качестве защитника интересов китайского крестьянства.

Итак, миллионы реабилитированных, миллионы крестьян Китая – вот опора Ху Яобана в его внутренней политике.

Смещение Ху Яобана было, в первую очередь, делом рук Дэн Сяопина, который нанес свойственный ему, как интригану, удар из-за угла, удар в спину. Дэн Сяопин был при этом выразителем интересов высшего слоя номенклатуры, которая испугалась того, что при Ху Яобане Китай начал движение в сторону свободы и демократии, прежде всего, в сфере внутривластной жизни.

Дэн Сяопин возглавил процесс торможения политических реформ, политической либерализации, под знаменем борьбы против «буржуазной либерализации», своеобразного продолжения классовой борьбы Мао Цзэдуна в новых условиях.

Вместо Ху Яобана Дэн Сяопин выдвинул на пост генерального секретаря ЦК КПК Чжао Цзяяна.

Очевидно, что, с одной стороны, Дэн Сяопин нуждался в продолже-

нии экономических реформ, в некоторой степени экономической либерализации, по крайней мере, на время, а также в том, чтобы успокоить людей в Китае тем, что у прогрессивного движения Китая после смерти Мао Цзэдуна оставалось хотя бы одно крыло – крыло экономических реформ, экономической либерализации.

Чжао Цзыян предпочитал заниматься вопросами экономики. Однако в создавшейся обстановке он принял пост генерального секретаря, ощущая свою ответственность за продолжение в возможных пределах прогрессивного политического курса.

Чжао Цзыян был вынужден работать в сложнейших условиях, когда народ Китая требовал продолжения экономических реформ, и Чжао Цзыян был твердым сторонником таких реформ, их производителем и мотором. Одновременно Чжао Цзыян был вынужден работать в условиях, когда ему приходилось формально и официально возглавлять и осуществлять навязанную Дэн Сяопином партии и стране борьбу против «буржуазной либерализации».

В 1980-х гг. наша реформа находилась на трудной стадии, когда закладывались ее основы. События того периода имели значительное влияние на модернизацию и процесс развития, и они заслуживают того, чтобы вспомнить о них. Здесь я перечислю некоторые из этих событий, воспроизводя детали и подробности. Если мне когда-либо представится шанс, я попытаюсь вспомнить и рассказать о большем.

Все 1980-е годы были для Китая трудным временем. Китай нуждался в том, чтобы, наконец, начать реформы. Реформы, целью которых была смена одной системы другой системой. Требовалось уйти от системы, существовавшей при Мао Цзэдуна.

Именно такой смысл вкладывал в понятие реформ, в частности, Чжао Цзыян. С его точки зрения, без реформ Китай не смог бы развиваться.

Мао Цзэдун и возглавлявшаяся им КПК пришли к власти при определенной поддержке большинства китайского крестьянства, части городского населения, в том числе части интеллектуалов.

На практике оказалось, что весь период пребывания Мао Цзэдуна у власти в Китае был периодом топтания на месте и регресса. Мао Цзэдун, действуя как интриган, как жестокий самодержец, сумел удержать власть в своих руках до конца жизни. Но завел практически политическую, экономическую и духовную жизнь в Китае в тупики.

Из этих тупиков и требовалось ее выводить путем творческого предложения реформ.

На это оказались способны, прежде всего, Ху Яобан и Чжао Цзыян.

Им пришлось действовать в условиях существования народа и номенклатуры, разрыва между интересами народа и номенклатуры. Под номенклатурой здесь понимается часть кадровых работников КПК, которые

идейно и организационно были неразрывно связаны с Мао Цзэдуном и Дэн Сяопином.

Прежде всего, я хочу рассказать о кампании борьбы против либерализации (также известной как Кампания борьбы против буржуазной либерализации), которая осуществлялась после отставки Яобана в 1987 году.

4 января 1987 г. Дэн Сяопин провел заседание у себя дома, и было принято решение принять отставку Яобана. С 10 по 15 января проходило заседание с обсуждением вопросов внутривнутрипартийной жизни, созванное Центральной комиссией советников и проходившее под председательством Бо Ибо. 16 января было созвано расширенное заседание Политбюро с тем, чтобы объявить о принятии отставки Яобана. Вслед за тем была развернута во всекитайских масштабах кампания борьбы против либерализации. (С. 183)

Обращение к воспоминаниям Чжао Цзыяна позволяет составить представление о политических позициях ряда деятелей КПК. В частности, в данном случае, становится более ясно, что одним из наиболее активных сторонников Дэн Сяопина и наиболее активных противников либерализации, то есть начала движения к свободе, свободе, прежде всего, политической и духовной, но и экономической, был Бо Ибо.

В свое время, при правлении Мао Цзэдуна, Бо Ибо выступил с известной статьей под названием «Никогда не забывать о классовой борьбе». (Думается, что в дальнейшем, в начале XXI века, дело своего отца продолжал его сын Бо Силай.)

Широко развернутая кампания началась с нового подчеркивания (еще раз) Четырех Основных Принципов и превратилась (дошла в своем развитии до) в движение борьбы против либерализации и борьбы против правых тенденций (правого уклона). (С. 183–184) Она закончилась с XIII съездом партии (позднее в 1987 г.), на котором акцент был сделан на реформах и на борьбе против «окостенения» и левых тенденций. Через год в политическом климате был совершен поворот на 180 градусов. Конечно, путь, который пришлось пройти на практике, оказался крайне извилистым.

1987 год оказался годом напряженной борьбы двух линий внутри КПК. Одна линия навязывалась Дэн Сяопином. Она проводилась под знаменем выступления против либерализации и против правых. Иными словами, это было своего рода возрождением или попыткой возрождения борьбы против правых, которую в свое время вел Мао Цзэдун.

Другая линия, которую осуществлял Чжао Цзыян, была линией борьбы за то, чтобы главным содержанием работы партии были реформы. Это была линия борьбы против «окостенения» сознания, идеологии. Линия борьбы против левых тенденций, то есть тех тенденций, которые расцветали во времена правления Мао Цзэдуна.

Чжао Цзыян считает одним из своих самых крупных достижений то, что за этот год ему удалось добиться победы своей линии над линией Дэн Сяопина.

Мою работу в 1987 году можно грубо разделить на две фазы. С января по апрель, когда я только что начал выступать в качестве преемника Яобана на посту генерального секретаря (исполняющего обязанности), я занимался предписанной задачей осуществления борьбы против либерализма во всекитайских масштабах. Большая часть моих усилий (энергии) и того, на чем я сосредоточился, (концентрации) – это был вопрос о том, как удержать кампанию от перехлестов (чрезмерной реакции на призыв подняться на эту кампанию), на то, чтобы контролировать и ограничивать (лимитировать) «левое крыло», которое надеялось использовать кампанию с тем, чтобы противодействовать реформам. Эта борьба, которую вело «левое крыло», по сути дела, была направлена на противодействие принципам, которые были установлены 3-им пленумом ЦК КПК 11-го созыва (в 1978 г.).

Чжао Цзыян констатировал, что в особенности в первой половине 1987 г. внутри партии активно действовало «левое крыло». Его усилия были сосредоточены на противодействии реформам, на противодействии принципам, определенным 3-м пленумом ЦК КПК 11-го созыва в 1978 г.

Суть того, о чем здесь говорил Чжао Цзыян, состояла в следующем.

После смерти Мао Цзэдуна и нескольких лет осознания того, что Мао Цзэдун умер и больше не вернется, а также понимания того, что Китаю необходимо идти вперед, внутри самой КПК созрело мощное требование по-новому определить основные принципы практической деятельности партии. Это подспудное движение было непреодолимым. Его результатом явились два явления.

Во-первых, в решениях 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва, был зафиксирован отказ от классово-борьбы, постановка в центр работы партии вопросов экономики, курс на реформы и открытость Китая. Все это шло вразрез с прежними установками Мао Цзэдуна.

Во-вторых, понадобились люди, которым бы доверяли и внутри партии, и в стране дело выдвижения и осуществления реформ. Такими людьми стали, прежде всего, Ху Яобан и Чжао Цзыян.

Итак, изменилась идеология практической деятельности партии и ее организационное руководство.

При этом внутри партии сохранилась система теневого руководства партией со стороны старой номенклатуры, «старейшин» или «хозяев» партии. Во главе с Дэн Сяопином, Чэнь Юнем, Ли Сяньнянем.

Это было похоже на деление руководства партией на «первую» и «вторую линии» при правлении Мао Цзэдуна, когда люди, находившиеся на «первой линии», на протяжении некоторого времени имели возможность

исправлять положение, выводить страну из тупиков, а тот, кто находился на «второй линии» (то есть Мао Цзэдун) имел возможность использовать случай с тем, чтобы сбросить со своих постов руководителей, делавших практические дела, решавших вопросы в интересах народа, и находившихся на «первой линии». Так поступил Мао Цзэдун с Лю Шаоци. Так поступил Дэн Сяопин с Ху Яобаном и Чжао Цзыяном.

И в том, и в другом, случае, за этими шоковыми операциями без анестезии на «сердце страны и народа» последовало торможение продвижения вперед, застой на дальнейшем пути Китая. В случае с Мао Цзэдуном длившийся до конца его жизни. В случае с Дэн Сяопином до 1992 года.

Вторая фаза продолжалась с мая по начало XIII съезда партии (в октябре). На протяжении этого периода я еще раз (снова, заново) делал упор на значении реформ, выступал против закостенелости мышления – все это я делал, имея в уме подготовку к XIII съезду партии.

Кампания борьбы за очищение от духовного загрязнения, которая проводилась в 1983 году, научила нас тому, что недопустимо, чтобы такие люди, как (консервативные идеологи) Дэн Лицунь и Ху Цяому использовали возможность начать кампанию с чрезмерным усердием. С самого начала я оговорил строгие правила относительно характера, масштабов, главных моментов, политических установок и методов в ходе этой кампании. При составлении проекта документа «Уведомление ЦК КПК относительно некоторых вопросов в ходе ныне проводящейся кампании борьбы против либерализации», а этим составлением я руководил, я определил эту кампанию как сфокусированную на разрешении вопросов, касающихся основных политических принципов и направлений политики. Эта кампания должна была проводиться только внутри партии и только в сфере духовности (идеологии) и политики. Она не должна была затрагивать политику в деревне, науку и технику. Она также не должна была распространяться на область литературы или художественного стиля. Эта кампания не должна была осуществляться в деревне; и на предприятиях и в государственных учреждениях допускалось только позитивное обучение активного характера. И даже в сфере духовности (идеологии) и политики кампания должна была быть лимитирована (ограничена) образовательной (воспитательной) деятельностью относительно направлений и принципов политики. Эта кампания борьбы против либерализации должна была проводиться в соответствии с принципами 3-го пленума; во время нее не были разрешено применение никаких старых левых методов.

Дэн Сяопин в 1980-х гг. дважды пытался затормозить реформы. В 1983 году с помощью кампании борьбы против того, что он именовал «духовным загрязнением». В 1987 году с помощью кампании борьбы против того, что он именовал кампанией борьбы против «буржуазной либерализации».

В обоих случаях Дэн Сяопин брал термины из багажа Мао Цзэдуна. Мао Цзэдун, приходя к власти над Китаем, говорил о необходимости очищаться от «грязи», которую нанесли в Китай. Далее Мао Цзэдун непрерывно вел борьбу против всего того, что ему не нравилось, и что они именовал «буржуазным». Вспомним, что Мао Цзэдун во время «культурной революции» считал Лю Шаоци «идушим по капиталистическому пути».

Иными словами, Дэн Сяопин стремился сохранять «идеи» и установки Мао Цзэдуна под разными предлогами, а Ху Яобан и Чжао Цзыян вели борьбу за очищение от идейного и политического «наследия» Мао Цзэдуна.

Чжао Цзыян умело использовал все то, что было в его силах. При этом он прямо отвергал «старые левые методы». Он не допускал распространения кампании на деревню, науку и технику, а также на область культуры, на людей творческих профессий. Именно благодаря этому, удалось сдержать расширение масштабов этой кампании.

Собственно говоря, в конце 1980-х гг. происходило столкновение номенклатуры во главе с Дэн Сяопином с народом Китая во главе, в данном случае, с Чжао Цзыяном. Рычаги власти в значительной степени были в руках Дэн Сяопина. Но в принципе и в исторической перспективе с народом не справиться

Так как Праздник Весны в 1987 году пришелся на 29 января, уведомление Центрального Комитета должно было быть одобрено (утверждено) на заседании Политбюро, намеченном на вторую половину дня 28 января. Таким образом, оказывалось невозможно распространить это Уведомление до Праздника Весны. (С. 184) И в то же время обычай навещать друзей и родственников во время Праздника Весны создавал самую эффективную возможность распространения этой новости. (С. 184-185)

Для того чтобы дать возможность людям узнать о правилах проведения кампании, я выступил с речью 28 января в Пекине на собрании руководящих кадровых работников Центрального Комитета, различных партийных правительственных и военных органов. В своем выступлении я определил сферу, политику, основные вопросы и методы кампании, обрисовал в общих чертах подход Центрального Комитета, поэтому новости могли распространяться во время Праздника Весны.

Я специально заявил, что «3-й пленум принял решение о том, что больше не будет массовых кампаний. Однако люди привыкли к старым методам, поэтому, против чего бы мы не выступали, эти методы все еще применяются. В настоящее время в нашем подходе к разгрому (нанесению поражения) либерализму, для того, чтобы избежать таких методов проведения Кампании, которые существовали в прошлом, очень важно с самого начала проявлять бдительность в отношении появления возможных предубеждений, особенно «левых» тенденций. Мы не можем поступать

так же, как поступали в прошлом, то есть делать ударение только на том, что следует действовать смело и твердо, игнорируя при этом все политические установки и ограничения. Результатом таких действий такого подхода бывают ошибки, которые допускаются с самого начала, и выход за все рамки (границы), что в конечном счете потребует исправления положения. На сей раз, мы будем руководствоваться определенно отличным от прежнего подходом; подходом, отличным от того подхода, который был характерен для массовых кампаний в прошлом. С самого начала мы со всей ясностью, определяем то, какими должны быть ограничения. Вот таким образом мы избежим еще одной массовой кампании». (В это время кампания уже началась, и у нас не было возможности остановить ее совсем.)

Чжао Цзыян был против того, чтобы действовать так, как во времена правления Мао Цзэдуна. Чжао Цзыян противопоставлял разумный подход к вопросам прежнему, «левому» подходу. Тогда, при Мао Цзэдуне, не надо было ума. Тогда, при Мао Цзэдуне, считалось, что все вопросы можно решать одними только «смелостью и твердостью».

На стороне Чжао Цзыяна был разум. На стороне Дэн Сяопина оружие Мао Цзэдуна – «смелость и твердость» в навязывании своей власти.

Мое выступление и «Уведомление Центрального Комитета относительно кампании борьбы против либерализма» были осмеяны как цепи теми, кто питал надежду на кампанию со всем размахом, то есть такими, как Дэн Лицюнь, Ху Цяому и Ван Жэньчжи. Они чувствовали, что это Уведомление (известное в народе как Документ № 4) связывало их по рукам и ногам и защищало буржуазных либералов. Они выступали против этого документа, однако из-за того, что в нем определялись размах, основные вопросы, и политические установки с самого начала, кампания закончилась, нанеся вред немногим людям. Не было общенационального шока, не было разрушения экономики, и не было нанесено большого ущерба реформам. Общий итог был довольно хорошим.

Чжао Цзыян последовательно называет имена тех, кто стремился сохранить или восстановить порядки, существовавшие при власти Мао Цзэдуна. В данном случае он называет Дэн Лицюня, Ху Цяому, Ван Жэньчжи.

Чжао Цзыян подчеркивает, что при нем не было общенационального шока, под которым разумеется осуществление массовой политической кампании в стиле Мао Цзэдуна. Именно таким шоком Дэн Сяопин хотел бы парализовать страну и отбросить ее к временам Мао Цзэдуна. Чжао Цзыяну удалось в 1987 г. не допустить этого.

Чжао Цзыян не допустил разрушения экономики. Дело в том, что массовые кампании, за которые ратовали Мао Цзэдун и Дэн Сяопин, вели, в конечном итоге, к разрушению экономики. Когда Мао Цзэдун уже исчез

с политической сцены, когда Китай начал приступать к политической и экономической, а также духовной либерализации, Дэн Сяопин был не архитектором реформ, а тем, кто стремился с помощью шоковой хирургии в стиле Мао Цзэдуна затормозить движение по пути к свободам.

Чжао Цзыян констатировал, что в 1987 году, очевидно на волне всеобщей поддержки в народе курса на реформы, ему удалось не допустить нанесения большого ущерба реформам.

На протяжении этого периода времени, каждый раз, когда я принимал гостей из-за рубежа, или выступал на публике, я повторял и подтверждаю, что принципы, установленные на 3-м пленуме не будут изменены. (Были сомнения и дома, и за рубежом, потому что тогда, когда люди слышали термин «борьба против либерализма», они думали, что это означало отход от реформ.) (С. 185) Я подчеркивал, что не будет отхода назад от реформ, но скорее дело будет только улучшаться. Я повторял, что нынешняя политика в городе и в деревне не будет изменена; общий подход к реформам не будет изменен; политика открытости по отношению к внешнему миру не будет изменена; импульс в пользу внесения нового заряда энергии в развитие экономики внутри страны не будет изменен; и политика поощрения индивидуальных знаний и качеств (заслуг, достоинств) не будет изменена. (С. 185–186) Более того, мы будем пытаться осуществлять строительство на приложении усилий именно в этой области.

Когда Чжао Цзыян оказался на месте Ху Яобана, тогда, естественно, выяснилось, что генеральному секретарю ЦК КПК приходится занимать четкую позицию по отношению к массовой кампании Дэн Сяопина под лозунгом борьбы против «буржуазного либерализма».

Чжао Цзыян, ранее, когда он был премьером ГС КНР, мог ограничиваться вопросами экономики. Теперь это стало невозможным.

Чжао Цзыян с достоинством делал то, что отвечало интересам народа Китая.

Он подчеркивал, что не будет отхода назад от пути реформ, что политика в городе и в деревне не будет изменена, что политика открытости по отношению к внешнему миру не будет изменена, что будут продолжать придавать импульс развитию экономики Китая, а это было продолжением поощрения индивидуальных знаний и качеств.

Все это означало, что вся политика будет строиться на основе перехода к новой системе, к рынку и демократии.

В 1987 г. Дэн Сяопин и иже с ним лишний раз убедились, что им не по пути с Чжао Цзыяном. Они выступали за Китай в цепях идеологии и системы Мао Цзэдуна. Он выступал за Китай без цепей Мао Цзэдуна.

Давая ответ тем, кто был обеспокоен тем, что кампания может быть распространена на Сянган, я сказал некоторым посетителям из

Сянгане, что пока на континенте твердо придерживаются Четырех Основных Принципов и противостоят либерализму в своем стремлении к социализму, значение установки «Одно государство, два строя» будет состоять в том, чтобы допускать продолжение существования капиталистического строя в Сянгане и в Аомэне и допускать там либерализм. Как же мы можем осуществлять нашу кампанию борьбы против либерализма в Сянгане и в Аомэне?

Главная мысль, которую я выдвигал, состояла в следующем: «Существуют два основных пункта (две основы) принципов 3-го пленума. Один состоит в том, чтобы придерживаться Четырех Основных Принципов, а другой – в том, чтобы осуществлять политику реформ и открытости. Мы не можем игнорировать ни один из этих пунктов. Отказ от любого из них означал бы неудачу (крушение) социализма со своеобразием Китая (со спецификой Китая, с характеристиками Китая). В предшествующий период мы (с небрежением относились) пренебрегали Четырьмя Основными Принципами. Поэтому в настоящее время мы снова подчеркиваем их. Однако если мы откажемся от политики реформ и открытости (политики открытых дверей), мы сделаем поворот на 180 градусов, то есть совершим уклон в другое, но тоже ошибочное, направление».

Я надеялся, во-первых, избавить людей от сомнений, которые у них были, и, во-вторых, сдерживать тех, кто, делая акцент на Четырех Основных Принципах, в то же время сопротивлялся реформам. Кампания борьбы против либерализма явилась причиной большого ошибочного понимания, потому что люди не осознавали (ухватывали) истинное (реальное) значение (того, что реально означают) принципов 3-го пленума. Были такие люди, которые были убеждены, что они (эти принципы) означали выступление только за реформы. Поэтому, когда была предложена кампания борьбы против либерализма, это показалось изменением политики. Я разъяснял, что принципы 3-го пленума включают в себя два основных пункта (две основы). Эти мои разъяснения имели эффект. Они успокаивали людей, и в огромной степени сокращали сферу активности левых в их борьбе против правых и стремлении превращать борьбу с либерализмом в борьбу против реформ. Силы, находившиеся за спиной закостеневшего (заскорузлого) мышления и догматизма, возглавлявшиеся Дэн Лицюнем, Ху Цяому и Ван Жэньчжи, были в высшей степени недовольны моей стратегией. Они пытались овладеть общественным мнением и оказывать давление любым возможным способом, чтобы разрушать и изменять ту колею, по которой Центральный Комитет направлял кампанию борьбы против либерализма.

Чжао Цзыян выдвигал и со всей твердостью отстаивал свою принципиальную позицию. С его точки зрения, после смерти Мао Цзэдуна на 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва было принято главное решение. Оно состояло из двух частей.

Подтверждалась верность Четырем Основным Принципам. Одновременно утверждалась политика реформ и открытости.

Чжао Цзыян, учитывая позицию Дэн Сяопина и прочих, допускал, что на протяжении некоторого времени в 1980-х гг. партия пренебрегала Четырьмя Основными Принципами.

В то же время Чжао Цзыян настаивал на том, что только при соблюдении и Основных Принципов и осуществлении политики реформ и открытости возможно проведение политики, которая позволяет создавать социализм со своеобразием Китая.

Итак, и социализм, и демократическая диктатура народа, и руководство со стороны Коммунистической партии, и марксизм-ленинизм и идеи Мао Цзэдуна; и рыночная экономика, и демократия – все это в совокупности и представляет собой социализм со своеобразием Китая.

Чжао Цзыян с помощью такого построения не допускал перегиба в сторону массовых политических кампаний, в частности, с осуждением «буржуазного либерализма».

Осуждать этот «либерализм», по Чжао Цзыяну, можно было лишь в тех рамках, которые не препятствовали движению Китая в сторону рыночной экономики и демократии.

С самого начала, когда Ван Жэньчжи стал преемником Чжу Хоуцзе в качестве заведующего отделом пропаганды, я сказал, что он должен запомнить, что существуют два основных пункта, и не игнорировать один из них, осуществляя кампанию борьбы против либерализма. (С. 186) Я также сказал ему, что в своей работе он должен думать сам. Это означало, что он не должен только подчиняться (бывшему заведующему отделом пропаганды) Дэн Лицюню, и должен с уважением относиться к политике Центрального Комитета. (С. 186–187)

Однако во время совещания заведующих отделами пропаганды провинций и городов центрального подчинения Ван Жэньчжи сказал: «Кампания борьбы против либерализма означает второе “восстановление порядка из хаоса” после (со времени) падения Группы Четырех». Смысл того, что он говорил, был очевиден. Это означало, что в первом случае порядок восстанавливался после левацкого хаоса, внесенного Группой Четырех. На сей раз порядок восстанавливался после 3-го пленума и реформ. Когда мне доложили об этом, я упрекнул Ван Жэньчжи, спросив: не Дэн Лицюнь ли попросил его сказать такое, но он отказался отвечать прямо, признавая (допуская), что он выразил «несформировавшиеся мысли». У меня никогда ранее не было дурного впечатления о Ване. Когда он работал в Госплане, он был скромн и честен в своих экономических разысканиях, поэтому я надеялся, что он сможет сохранять некоторую дистанцию от Дэн Лицюня. Поэтому, я лишь покритиковал его устно и в дальнейшем не расследовал это дальше. В равной степени я не раскрывал

для общественности то, что он сказал, или как я критиковал его, в надежде дать ему еще шанс.

Сопротивление действиям Чжао Цзыяна было существенным. Заведующий отделом пропаганды ЦК партии Ван Жэньчжи, отражая мнение Дэн Лицюня, ориентировал заведующих отделами пропаганды провинциальных комитетов КПК следующим образом.

Сначала, после смерти Мао Цзэдуна, в идеологию партии хаос внесла «группа четырех». Партии пришлось наводить порядок.

Затем в идеологию партии был внесен хаос «буржуазной либерализацией». После этого партии вторично приходится наводить порядок.

Иными словами, Дэн Лицюнь и те, кто придерживался того же мнения, позволяли себе сравнивать идеологию и действия тех, кто определял идеологическую и внутривластную жизнь партии в 1980-х гг. с тем, что делали «выдвиженцы» «культурной революции». Так Ху Яобана и Чжао Цзыяна пытались зачислить в ряды тех, кто якобы вносил хаос в идеологию партии.

Это и было главным обвинением в их адрес со стороны Дэн Сяопина и иже с ним, если рассматривать вопрос по существу.

Чжао Цзыян со всей решительностью возражал против такой постановки вопроса.

Это означало, что он отстаивал и политическую, и экономическую либерализацию, то есть действовал так же, как и Ху Яобан.

Летом 1987 года Ван Жуйлинь (секретарь Дэн Сяопина) направил мне письмо Ван Даомина (в прошлом заместителя заведующего отделом пропаганды). В письме содержалось заявление о том, что некоторые заведующие секторами в отделе пропаганды, услышав заявление Дэн Сяопина о том, что главная повестка дня в ближайшем будущем – это оппозиция левым, реагировали на это недостойными эмоциональными замечаниями, например: «Мы должны держаться и сопротивляться!» и «Все еще нельзя сказать, кто победит!»

Ситуация была сложной. Дэн Сяопин хотел определенного продолжения экономических реформ. При этом он понимал, что слишком левые наскоки на реформаторов могут помешать ходу экономических реформ. Время от времени Дэн Сяопин на словах осаживал левых.

В то же время, никаких действий против них Дэн Сяопин не предпринимал. Это были с его стороны только мягкие словесные упреки.

Левые, то есть сторонники возрождения и насаждения идей Мао Цзэдуна, в этой обстановке чувствовали, что Дэн Сяопин мог менять свою позицию. Именно по этой причине они и заявляли, что в 1987 году еще нельзя было сказать, кто победит.

Чжао Цзыян, конечно, тоже прекрасно осознавал это.

11 июля, после того как Ху Цили возглавил фронт пропаганды, я пригласил товарищей, работающих на этом фронте, на брифинг по вопросам политики, который был в то же самое время и заседанием по вопросу о работе в процессе перехода. Во время этого заседания я жестко критиковал Ван Жэньчжи и Ван Вэйчэна (заместителя заведующего отделом пропаганды) в соответствии с тем, о чем говорилось в этом письме.

Я сказал, что отдел пропаганды находится в плохом состоянии. «Как только вы услышали, что Дэн Сяопин выступает против левизны, вы реагировали так, как будто бы Небо обрушилось, и выглядели убитыми горем, как будто бы ваши родители только что умерли. Как сможете вы проводить политику 3-го пленума правильно с таким отношением к делу, с таких позиций?» Я потребовал, чтобы они произвели реальные изменения в позиции отдела пропаганды, но они не выразили никаких угрызений совести, и ушли от вопроса, заявив, что им об этом ничего не известно.

Из этого, в частности, следует, что в ЦК КПК сотрудники отдела, занимавшегося пропагандой, продолжали находиться во власти идеологии, основанной на «идеях» и установках Мао Цзэдуна.

Иными словами, на протяжении всех 1980-х гг. внутри самого центрального партийного аппарата имел место разрыв между частью людей, настроенных в пользу реформ, и другой частью чиновников, которые не желали менять привычное толкование идеологических вопросов.

Оказывалось, что можно осуществлять некоторые экономические реформы, можно иметь подряд двух генеральных секретарей ЦК КПК, настроенных на осуществление реформ и в сфере политики, и в сфере экономики, и в сфере духовности, и в тоже время сосуществовать со старой номенклатурой, продолжавшей ориентироваться на порядки, существовавшие при правлении Мао Цзэдуна.

Такая ситуация сложилась потому, что, с одной стороны, Дэн Сяопин и прочие стремились идеологически оставаться в одном строю с Мао Цзэдуном, и, с другой стороны, допускали некоторые, особенно экономические, реформы, так как только в этом случае в стране появлялась стабильность, необходимая для того, чтобы прежняя номенклатура могла продолжать находиться в власти.

В марте 1987 года в уезде Чжоусянь провинции Хэбэй была проведена конференция с целью дискуссии по вопросам теории. (С. 187) В конференции участвовали три организации, находившиеся под контролем левого крыла, которым руководили Дэн Лицзюнь и Ху Цяому: журнала «Хунци», журнала «Вэньсюе лилунь юй тунпин» и газеты «Гуанмин жибао». (Директор Агентства Синьхуа) Сюн Фу и другие заняли позицию «восстановления порядка» из «хаоса» 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва, жалуясь на то, что 8 лет после 3-го пленума были ночным кошмаром. На протяжении всех этих лет марксисты находились под прессом (под

давлением), и имела место свирепая борьба между антилибералами и либералами.

Вопрос о теории, которой руководствуется в своей политике Коммунистическая партия Китая, важен и для самой партии, и для страны.

Чжао Цзыян вынужден обращаться к этому вопросу, прежде всего, потому что сложившиеся у него убеждения были несовместимы с устойчивым и преобладавшим пониманием теории в отделе пропаганды ЦК КПК, в среде тех, кто относил себя к числу главных теоретиков и идеологов партии.

Средства пропаганды, в основном, находились в их руках.

Это был и главный теоретический орган ЦК КПК журнал «Хунци» (то есть «Красное Знамя»), и журнал «Вэньсюе юйлунь юй пинпин» (то есть «Теория литературы и литературная критика»), и главная газета для интеллигенции «Гуанмин жибао» (то есть «Свет»). Сюда же примыкало единственное и главное агентство печати – агентство «Синь Хуа» (то есть «Новый Китай»).

В 1987 году было проведено совещание по вопросам теории.

Направленность этого совещания была не только очевидна, но и воинственна.

Идеологи и теоретики партии, очевидно, вдохновленные отстранением Ху Яобана, то есть действиями Дэн Сяопина, напали на решения 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва. То есть того пленума, который сыграл в истории КПК роль поворотного пункта в политике партии. Именно на основе документов этого пленума было решено, по сути дела, пойти по новому пути. Речь шла об осуществлении политики реформ и открытости, об отказе от классово-борьбы, о критике «культурной революции» и проявлений самовластия Мао Цзэдуном, хотя это имя прямо и не звучало.

Одним словом, пленум открывал возможность начала движения Китая по пути к рыночному хозяйству и демократии.

Настроение людей в стране после смерти Мао Цзэдуна было таково, что партийная номенклатура не могла в момент проведения пленума защищать режим Мао Цзэдуна, а также, в известной мере, теорию, которой руководствовались при правлении Мао Цзэдуна.

И вот после смерти Мао Цзэдуна прошли десять лет.

Ситуация в стране изменилась. Стало спокойнее. Стало стабильнее, Реформы принесли успех в экономике. Жизненный уровень повысился. Изменилось к лучшему положение большинства населения – крестьянства.

Оказалось, что для коммунистической партии, спустя десять – пятнадцать лет после смерти «великого вождя» и некоторых перемен, приходит время, когда определенные силы внутри руководства партии прилагают усилия с целью реставрации существовавшего при «вожде» режима, реставрации авторитета «вождя».

В КНР в 1987 году «теоретики» заговорили о том, что 3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва был, дескать, «хаосом». А теперь пришло время «восстановить порядок» в теории.

Прозвучали утверждения, которые фактически означали, что при Ху Яобане жизнь для марксистов в Китае оказалась ночным кошмаром, марксисты, дескать, находились под прессом. 1980-е годы характеризовались как время свирепой борьбы либералов против антилибералов.

Иными словами, раздались требования покончить, наконец, со свободой во всех ее, даже и немногочисленных, проявлениях.

С такой позицией пришлось столкнуться Чжао Цзыяну.

Всем известно, что Сюн Фу был главным составителем проекта «Двух абсолютно».

Он (Сюн Фу) рисовал людей, вроде себя, как героев борьбы против либерализма, и отрицал, что в те 8 лет, которые прошли, начиная с 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва, произошло хотя бы что-то позитивное. Сюн Фу подвергся критике со стороны некоторых кадровых работников на 3-м пленуме. Хотя Дэн Лицюнь выступал против «Двух абсолютно», его образ мыслей во многом был общим с Сюн Фу, поэтому Дэн Лицюнь дружил с ним и доверял ему важную ответственную работу.

Одним из тех, кто занимал важные посты в сфере руководства идеологической и пропагандистской деятельностью партии был руководитель агентства «Синь Хуа» Сюн Фу.

После смерти Мао Цзэдуна прошли 10 лет, а он все еще находился на этом посту.

Причем было хорошо известно, что почти сразу после смерти Мао Цзэдуна в 1977 году появился ряд статей, в которых пропагандировалась установка на то, чтобы действовать, исходя из «Двух АБСОЛЮТНО». Имелось в виду, что нужно было придерживаться АБСОЛЮТНО всех решений, которые принял Мао Цзэдун, а также следовать АБСОЛЮТНО всем указаниям, которые он дал.

Это был курс на сохранение в качестве теории и идеологии «идей» и установок Мао Цзэдуна.

Так в Китае на протяжении более 10 лет после смерти Мао Цзэдуна духовная жизнь состояла из двух не смешивавшихся, а параллельно существовавших и развивавшихся потоков: начал экономической и политической либерализации и демонстрации «верности идеям председателя Мао».

Сюн Фу дождался момента, когда Дэн Сяопин снял с поста генерального секретаря ЦК КПК Ху Яобана. После этого он стал активно выступать, рекомендуя себя как последовательного борца против либерализма. Сюн Фу утверждал, что за 8 лет, которые прошли после 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва, в Китае не было ничего положительного.

По сути дела, речь шла о том, чтобы вслед за отстранением от руководства Ху Яобана, добиться полного перевода теоретической и идеологической работы партии на прежние рельсы почитания Мао Цзэдуна и его «идей». Это означало бы «идейную смерть» стремления к свободе и в духовной области, и в политике, и в экономике. Более того, речь, фактически, шла о том, чтобы отвергнуть все решения и весь политический курс, провозглашенный на 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва.

Поэтому Чжао Цзыян так озаботился создавшимся положением.

В это время Дэн Лицзюнь, Ху Цяому, Ван Жэньчжи и другие, находившиеся под их воздействием, критиковали Документ ЦК № 4, который, как они утверждали: «связывает по рукам и по ногам кампанию борьбы против либерализма и душит (удушает) дух борьбы активистов, в то же время, усиливая опасения тех, кто находился в оппозиции либерализму». Они также говорили, что ограничения, выдвинутые (подчеркнутые) в Документе № 4, вселяли храбрость в тех, кто был вовлечен в либерализацию. Некоторые даже жаловались, что Документ № 4; «выливает ушат холодной воды» на кампанию борьбы против либерализма. Более ранняя кампания борьбы против духовного загрязнения продолжалась всего лишь 27 дней; эта (нынешняя) кампания, говорили эти люди, не продлится даже столько времени.

Отстранение Ху Яобана могло вылиться в подавление внутри партии тех, кто действовал в духе свободы. Их осуждали как тех, кто заглушил в 1983 году кампанию борьбы против «духовного загрязнения» всего за 27 дней; их осуждали, как тех, кто хотел заглушить кампанию борьбы против «буржуазного либерализма» даже за еще более короткий срок.

Одним словом, борьба на идейно-теоретическом фронте приобретала острейший характер.

Их цель состояла в том, чтобы оказать давление на меня, чтобы я пересмотрел свой подход и чтобы я позволил им разворачивать кампанию без ограничений. Они также жаловались на то, что «дозволяется критика тех, кто говорит о либерализации; не допускается критика тех, кто на самом деле осуществляет либерализацию». Они наклеивали либералам, работавшим в области идеологии и теории, ярлык тех, кто рассуждает о либерализме, а тем, кто осуществляет экономические реформы, ярлык тех, кто «осуществляет либерализм». Они говорили: «Либерализм в идеологии и в теории охватывает надстройку, в то время как либерализация в экономике охватывает (вовлекает сюда) базис, то есть источник (либерализма). Если мы не затронем либерализм в сфере экономики, проблема базиса (основная проблема) не будет решена». (С. 188)

Борьба велась применительно к основным понятиям из области марксизма.

Чжао Цзыяну в 1980-х гг. удавалось в определенных пределах осуществлять экономические реформы, экономическую либерализацию.

После отстранения Ху Яобана атака против Чжао Цзыяна и тех, кто на практике осуществлял экономические реформы, то, что тогда именовалось в КПК экономической либерализацией, была развернута на фронте идеологии и теории.

Противники реформ утверждали, что в 1980-х гг. в Китае происходило наступление сторонников свободы или либерализации. Это наступление велось в области «надстройки», то есть на фронте теории и идеологии, и в области «базиса», то есть на фронте экономики.

Противники свободы развернули наступление на обоих фронтах. Они добивались свертывания реформ и сфере теории и идеологии, а также их свертывания в сфере экономики. Они добивались «чистоты», то есть «очищения» и «надстройки» и «базиса» от «буржуазной либерализации». Речь шла о полном изменении духовной и экономической жизни в Китае.

Начало этому наступлению положил Дэн Сяопин.

Манера Дэн Сяопина была такова, что он предпочитал, чтобы его сторонники сами добивались успехов в той или иной области. Он в это время выжидал, находясь как бы «в стороне». Он «не высовывался», предпочитая выступать на сцену позднее в роли победителя или верховного арбитра.

Они активно пытались разрушить (стереть) границы, установленные Документом № 4 и пытались распространить кампанию борьбы против либерализации на сферу политики в области экономики, сельского хозяйства и науки и техники. (С. 188–189) Они пытались критиковать, и выступали против реформ на всех фронтах.

После отстранения Ху Яобана от поста генерального секретаря ЦК КПК противники реформ под знаменем «борьбы против буржуазной либерализации», которое им дал в руки Дэн Сяопин, попытались развернуть борьбу в сфере экономики, сельского хозяйства, науки и техники, а не только идеологии. Речь шла о том, чтобы добиться свертывания реформ на всех направлениях.

Таким образом, Дэн Сяопин фактически в это время был не архитектором реформ, а закулисным вдохновителем всеобъемлющей борьбы против идеологии реформ, а, следовательно, и их практического осуществления.

Во время Нового года и праздника Весны и во время бесед с зарубежными гостями я выдвигал (предлагал) мысль о «двух основных пунктах» (о «двух основах») принципов 3-го пленума. И не прошло много времени, как кто-то предложил считать, что «два основных пункта» («исходных пункта», «две основы») не могут рассматриваться на одном

уровне, то есть как пункты, находящиеся на том же самом уровне: Четыре Основных Принципа – это принципы; в то время как реформы – это только методы.

Это предложил Ли Чжичао – левый, руководитель отдела теоретических разработок в отделе пропаганды. Дэн Лицюнь одобрил это, и в нескольких случаях предлагал сделать его заместителем заведующего отделом пропаганды. Однако, поскольку я всегда противился этому, он так никогда и не занял этот пост. Позднее я настоял на его удалении из отдела пропаганды. (Заведующий организационным отделом) Сун Пин обсудил этот вопрос с Дэн Лицюнем, и они направили его на пост заместителя генерального секретаря ВК НПКСК.

Левые организовали конференцию в целях проведения теоретической дискуссии с помощью руководителя отдела образования Центральной Партийной Школы Цзян Лю. Повестка дня этой конференции состояла в том, чтобы обсудить вопрос о «принципах против методов», то есть относительно соотношения Четырех Основных Принципов и политики реформ и открытости. Дискуссия означала намерение указать на то, что я ставил две этих мысли параллельно, или даже принижал принципы, одновременно чрезмерно возвышая методы. Они пытались снизить значение реформ, прикрываясь лозунгом (именем) поддержки Четырех Принципов. Когда я услышал об этом событии, я попросил ректора Центральной Партийной Школы расследовать это дело. Когда конференция была созвана, Цзян Лю нашел предлог для того, чтобы не участвовать в ней. Так из этого ничего и не вышло.

Чжао Цзыяну пришлось столкнуться с еще одной атакой против него. В ответ на его утверждение о том, что политический курс 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва основывается на двух основах: на Четырех Основных Принципах и на осуществлении политики реформ и открытости, противники Чжао Цзыяна выдвинули положение о том, что Принципы – это принципы, а реформы – это всего лишь методы. Далее они обвиняли Чжао Цзыяна в том, что он, дескать, неправомерно ставит «на одну доску» принципы и методы и даже принижает принципы, преувеличивая значение методов.

Чжао Цзыяну пришлось бороться против таких нападков и в отделе пропаганды ЦК КПК, и в Центральной партийной школе ЦК КПК. Чжао Цзыяну удалось одержать победу в этой борьбе. Тем не менее все это свидетельствовало о том, что борьба в 1987 году развернулась не шуточная.

Оказавшись перед лицом такого сопротивления со стороны левых, я выступил на Всекитайском совещании руководителей отделов пропаганды парткомов провинций и городов центрального подчинения 13 марта 1987 года и заявил, что мы должны продолжать добиваться единства наших взглядов на Документ № 4 Центрального Комитета, и должны пол-

ностью, внимательно и точно проводить в жизнь дух этого Документа. Я критиковал те заявления, которые характеризовали Документ № 4 как ограничивающий (сдерживающий), и выступал против попыток (против усилий, направленных на усиление) распространить кампанию борьбы против либерализации на сферу экономики.

Поскольку нужное время еще не наступило, критика мной такого неправильного поведения оставалась туманной и мягкой (снисходительной, терпимой). Я думал в это время, что для того, чтобы сделать полный поворот, мне надо найти такую (правильную) возможность (такой точный предлог), которая позволила бы нанести ответный удар со всей силой. Мне нужно было сопротивляться действиям этих сил (противостоять этим силам), чтобы сдерживать (ограничивать) кампанию борьбы против либерализации.

Ситуация в КПК–КНР в эти годы, в 1980-х гг., в том десятилетии после смерти Мао Цзэдуна, когда генеральными секретарями ЦК КПК последовательно были Ху Яобан и Чжао Цзыян, а за кулисами действовали Дэн Сяопин, Чэнь Юнь, Ли Сяньнянь, была такова, что оказывалось возможным для Чжао Цзыяна мягкими методами на протяжении некоторого времени удерживать партию от острой и открытой борьбы внутри нее разных идеологических направлений. Время Дэн Сяопина в этом смысле не было временем Мао Цзэдуна.

Другой вопрос заключался в том, как обращаться с теми людьми, которые были вовлечены во всю эту деятельность. (С. 189)

Все дело было в том, что кампания борьбы против либерализации являлась не только теоретическим вопросом. Моя самая большая головная боль имела своим источником ту проблему, что надо было решать вопрос о том, наказывать ли людей, и как уменьшить тот вред, который наносился людям, и как ограничить круг тех людей, которым наносился вред. С самого начала кампании некоторые старейшие в партии были также очень большими ее энтузиастами и хотели наказать множество людей. Дэн Сяопин всегда был уверен в том, что те, кто осуществлял либерализацию внутри партии, должны быть наказаны со всей суровостью. Ван Чжэнь и другие старейшие были также уверены в этом. Такие как Дэн Лицзюнь и Ху Цяому, были даже в еще большей степени настроены на то, чтобы использовать представившуюся возможность для того, чтобы истреблять (уничтожить) людей и испытать удовольствие от последствий этого.

Здесь Чжао Цзыян обращается к одному из самых важных вопросов, касающихся сущности политической системы при власти коммунистической партии.

Речь идет о том, как обращаться с теми, кто вовлечен в политическую деятельность, кто политически активен.

Партийная работа, в том числе работа генерального секретаря Коммунистической партии, в данном случае в Китае, имела, с этой точки зрения, две стороны.

Одна сторона – область теории, теоретической борьбы. Здесь, с точки зрения Чжао Цзыяна, в условиях Китая его времени, в 1980-х гг., было важно одновременно добиваться продвижения по пути к «запускам рынка и демократии», а также к «снятию этих застав», то есть к переходу Китая в состояние, при котором в области экономики там господствовала бы рыночная система, а в области политической жизни – демократия.

И это нужно было осуществлять в условиях, когда работу ограничивали взгляды «старейшин», теневого «хозяева» партии. Нужно было добиваться прогресса, убеждая их в том, что иначе они не усидят на своих местах. Нужно было внушать, что только продвижение по пути экономических реформ приносит политическую стабильность, при которой власть продолжает оставаться в руках коммунистической партии.

Кроме теоретической стороны дела была и практическая сторона.

Чжао Цзыян откровенно говорил о том, что не теоретическая сторона была его самой большой головной болью. С этим можно было как-то справиться. Очевидно, что Чжао Цзыян имел в виду то, что старые «хозяева» партии были людьми преклонного возраста. Речь шла о том, чтобы перетерпеть, пережить их, сохранить страну на верном пути, по которому она будет продолжать двигаться после их ухода из жизни.

Самой большой головной болью Чжао Цзыяна был вопрос о том, наказывать ли людей, как уменьшить вред, который наносился людям, как ограничить круг людей, которым наносился вред.

Политическая система, созданная при правлении Мао Цзэдуна, сформировала традиционные представления у «хозяев» партии: наказания неизбежны, без «твердости» никаких вопросов не решить.

Конкретика ситуации в начале кампании борьбы против «буржуазной либерализации» состояла в том, что «старейшины» хотели наказать множество людей.

Чжао Цзыян фактически в одиночку боролся против общего настроения этих «старейшин». Он боролся и против настроений Дэн Сяопина, который считал, что те, кто, с его точки зрения, осуществлял либерализацию внутри партии, должны быть сурово наказаны. С точки зрения Дэн Сяопина речь шла о применении методов «диктатуры пролетариата». Это означало применение насилия, а то и оружия, против несогласных.

Такие, как Дэн Лицунь, были намерены истреблять множество людей, получая от этого удовольствие. Внутри КПК существовал политический садизм. Это проявилось во время «культурной революции».

Чжао Цзыян не хотел допустить ничего из того, чего хотели Дэн Сяопин и примыкавшие к нему теневые «хозяева» партии.

В их противостоянии находило свое проявление столкновение взглядов Мао Цзэдуна и взглядов тех, кто считал необходимым навсегда покончить с политической системой Мао Цзэдуна, с уничтожением людей по политическим мотивам.

Это было столкновение человечности со стороны Чжао Цзыяна и бесчеловечности со стороны Дэн Сяопина и иже с ним.

После смерти Мао Цзэдуна возникла возможность покончить с политической системой Мао Цзэдуна. В то же время сохранялись те силы, прежде всего, Дэн Сяопин, которые стремились продолжать удерживать власть в своих руках путем истребления людей, если этого потребуют интересы самовластия в Китае.

При такого рода обстоятельствах, было трудно защитить определенных людей или ограничить число тех, кому наносился вред, и даже уменьшить степень того вреда, который наносился. Исходя из этого, тогда, когда составлялся проект Документа № 4, были установлены строгие ограничения наказания тех, кого во время осуществления кампании сочтут совершившими ошибки. В документе это определялось следующим образом: «Те наказания, которые будут преданы гласности, и наказания административного характера, должны быть, прежде всего, утверждены Центральным Комитетом, и должны применяться к тем немногим членам партии, которые открыто, ратуют за буржуазный либерализм, отказываются изменить свое поведение, несмотря на неоднократные увещевания, и оказывали широкое влияние». В документе также содержалось заявление: «Что касается тех, кто имеет некоторые ошибочные взгляды, критика в их адрес со стороны членов партии может осуществляться на носящих административный характер собраниях партийных групп. Им должно быть позволено оставаться при своих взглядах, и методы критики в их адрес должны носить спокойный характер».

На Всекитайском совещании руководителей отделов пропаганды парткомов провинций и городов центрального подчинения, равно как и в других случаях, я также говорил о том, как завоевать на свою сторону громадное большинство тех, кто работает в сфере теории и культуры. Я предлагал, чтобы мы сотрудничали даже с теми, у кого были предубеждения или фальшивые идеи. Я указывал на следующее: «Среди членов партии, которые работают на поле теории и культуры, есть и те, кто со всей ясностью придерживаются Четырех Основных Принципов, но немного консервативны и им присуща косность; некоторые проявляют энтузиазм относительно реформ, и в то же время все еще делают заявления не должного характера. Мы не должны просто (или только) наклеивать одним из них ярлыки догматиков, а другим – сторонников либерализации. Мы должны воспитывать их и сотрудничать со всеми ними».

Когда осуществлялась кампания борьбы против либерализации, я сознательно (намеренно) делал ударение на том, что мы должны классифицировать и тех, кто совершал ошибочные либеральные действия, и, в равной степени, тех, кто были слишком консервативны и проявляли косность, включать и тех, и других в одну и ту же группу людей, которые были слишком пристрастны. Цель при этом состояла в том, чтобы избежать или уменьшить тот вред, который наносился людям.

Чжао Цзыян делал то, что было в его силах. Он, в частности, предлагал одинаково относиться и к тем, кто делал ошибки либерального характера, и к тем, кто выступал против реформ. Чжао Цзыян стремился максимально ограничить число тех, кого наказывали в ходе этой кампании.

Дэн Сяопин предложил составить список либералов, и наказывать их одного за другим. (С. 190) Плюс к (либеральному редактору) Ван Жовану и (диссиденту астрофизику) Фан Личжи, которых Дэн на протяжении длительного времени хотел исключить из партии, в первый проект упомянутого списка был включен (известный экономист) Юй Гуаньюань, а сам этот проект был предложен Дэн Лицюнем и Ху Цяому. (С. 190-191) Я предложил, чтобы, в соответствии с духом Документа № 4, критика Юй Гуаньюаня осуществлялась на заседании по вопросам внутрипартийной жизни Центральной комиссии советников без вынесения какого бы то ни было административного взыскания (наказания). 2 марта 1987 г. Дэн у себя дома спросил меня, как должна проходить критика Чжан Гуаньяня (известного поэта и литературного критика). Я ответил, что я думаю, что лучше всего тут применить тот же метод, который применен к Юй Гуаньюаню. В списке были и другие, но они не прошли через процесс утверждения списка.

Некоторые люди в Центральной комиссии по проверке дисциплины горели желанием наказывать за либерализм, и Дэн Лицюнь сотрудничал с ними. Он пользовался помощью Канцелярии по исследованиям (вопросов или проблем) Секретариата Центрального Комитета. Они собирали материалы и составляли досье с перечислением того, что люди сделали, как доказательство того, что у них есть неправильные мнения. Затем они составили список имен, который был направлен в Центральную комиссию по проверке дисциплины для замечаний, а затем направили его, как список группы подлежащих критике, в Секретариат Центрального Комитета.

Если бы все это продолжалось, группа за группой, можно было себе представить, как много людей было бы наказано. Я не выразил мнения, но применил в этот раз прием «складирования» (откладывания в долгий ящик). Поскольку эти списки должны были обсуждаться Секретариатом, я созывал заседания не часто, и ставил на обсуждение только несколько дел на каждом заседании. При этом неизбежно возникали разногласия во мнениях во время обсуждения. И если обсуждение не приходило к выводам,

дело должно было обсуждаться на следующем заседании. Не многие были наказаны, и дела, которые никогда не обсуждались, канули в вечность, были преданы забвению.

Во время этой кампании Секретариат принял решение исключить из партии (влиятельного журналиста) Лю Биньяня и (либерального интеллектуала) Чжан Сяньяна. (Драматург) У Цзуануан первоначально намечался как кандидат на исключение из партии, но дело кончилось тем, что «его убеждали выйти» из партии. (Заместитель главного редактора газеты «Жэньминь жибао») Ван Жован первоначально был отнесен к тем, кого «побуждают выйти» из партии, но дело кончилось тем, что он был освобожден от своей должности. (Либеральный интеллектуал) Су Шаочжи первоначально был намечен к исключению из партии, но я предложил перевести его с его поста директора института марксизма-ленинизма, идей Мао Цзэдуна, но сохранить за ним членство в партии.

(Интеллектуал) Сунь Чанцзян намечался к исключению, но в силу того, что маршал Не Жунчжэнь заступился за него, он не был наказан. Маршал Не сделал хорошее дело. Когда он узнал, что дело Сунь Чанцзяна обсуждается на заседании Секретариата, он написал записку Чэнь Юню, похвалив работу Сунь Чанцзяна в газете «Кэсое цзишу жибао» и предложив не наказывать его. (С. 191) Чэнь Юнь, который в то время был секретарем Центральной комиссии по проверке дисциплины, согласился с маршалом Не. (С. 191–192) Я воспользовался этим шансом, чтобы прокомментировать этот документ следующим образом: «Другие дела необходимо решать в духе указаний маршала Не и Чэнь Юня». Это означало, что другие дела должны были решаться так же, как и дело Сунь Чанцзяна. После этого наказания практически прекратились.

Чжао Цзыяну принадлежит заслуга, заключающаяся в том, что он не допустил ничего подобного репрессиям в ходе политических кампаний, проводившихся при правлении Мао Цзэдуна. Чжао Цзыян спас много людей, сохранил доброе имя значительного числа знаменитых интеллектуалов.

Что же касается вопроса о том, должны ли предаваться гласности имена людей, которые подвергались критике, то в Документе № 4 были введены ограничения и льготы: не допускалась публикация статей, в которых содержались персональные атаки или оскорбительные выражения, должно было избегать наводнения средств массовой информации бессмысленными утверждениями. Было запрещено неуместное использование языка прошлых массовых кампаний в стиле культурной революции. Если те, кто подвергался критике, предоставляли конкретные и разумные доводы в свою защиту это, должно было также публиковаться. Что касается публикаций, не связанных с кампанией, то следовало избегать публикации таких статей.

Однако, как только кампания началась, Дэн Лицюнь организовал группу для применения методов, использовавшихся в ходе критики со стороны масс во время культурной революции: сбор статей и высказываний тех, кого они считали совершившими ошибки, выражавшиеся в либерализации; составление сборников их так называемых «неправильных мнений», которые издавались в виде буклетов; организация и осуществление атак на ре-марки, вырванные из контекста; распространение такого рода материалов штатным авторам из соответствующих организаций, с приглашением им писать свои критические материалы с использованием предоставленных сборников. Они публиковали статью за статьей, используя методы критики со стороны масс, цитируя то, что было вырвано из контекста, и нагнетая нападки на людей – все это в спорной и тиранической манере.

На заседании Секретариата я критиковал Дэн Лицюня, и попросил эту группу прекратить такую деятельность. На совещании руководителей отделов пропаганды парткомов провинциального уровня и городов центрального подчинения, я похвалил только статьи Чэнь Цзюньшэна (секретаря парткома провинции Хэйлуцзян) и Бао Туна (руководителя мозгового центра по политическим реформам). Я был уверен в том, что их статьи были тщательно продуманы и производили позитивный эффект, не как иные, в которых не содержались разумные доводы, были примитивны и грубы, и представляли собой попытку оказывать давление на людей, наклеивая им ярлыки.

Я сказал, что в будущем при публикации любых критических статей следует думать о том эффекте, который они производят; это означало, что надо было исходить из ответа на вопрос о том, обладают ли они силой убеждения, и смогут ли люди вынести само чтение таких статей. Статьи, написанные группой Дэн Лицюня, в общем, и целом не приветствовались (читателями), поскольку они были наполнены методами критики со стороны масс времен культурной революции. В результате стало появляться все меньше и меньше статей с критикой либерализма.

Весьма показательным было то, что критики реформ оказались способны лишь на применение методов «культурной революции». Это означало, что сторонники «идей» Мао Цзэдуна и установок Дэн Сяопина о борьбе против «буржуазного либерализма» не могли убеждать людей доводами разума. Их позиция в основе своей была не обоснована.

После отставки Яобана в ходе кампании борьбы против либерализации возник еще один вопрос: стали говорить о «виноватых по ассоциации (из-за наличия связи)». (С. 192) Многие люди, в том числе старейшие в партии, на протяжении длительного времени выступали против решений, которые принимал Яобан. (С. 192–193)

Они осуждали его за продвижение людей, исходя из их способностей, и не принимая во внимание их (политические) качества. Плюс к тому за

то, что он продвигал тех, кто говорил мягко; продвигал на важные посты людей из «Фракции комсомола». Во время заседания по вопросам внутрипартийной жизни, на котором критиковали Ху, некоторые старейшие поднимали вопрос о так называемой «Фракции комсомола», обвиняя Яобана в том, что он оказывал покровительство этой группе.

Я думал, что если бы этому вопросу было дозволено оставаться в повестке дня, последствия могли бы стать чрезмерными. Поэтому я рекомендовал, чтобы, как бы там ни было, а они не должны поднимать вопрос о «Фракции комсомола», то есть обвинять Яобана в попытке создания фракции. Я объяснил, что выносить суждение по такому делу очень трудно, принимая во внимание то, что комсомол это та организация, которая несет ответственность за подготовку и пополнение кадрами партии.

Однако этот вопрос так никогда и не исчез. В марте 1987 года даже Дэн Сяопин высказывался в том духе, что Яобан, кажется, продвигал кадры из определенной фракции. В Документе № 4, и во многих своих выступлениях, я заявлял, что мы ни в коем случае не должны считать людей виновными по ассоциации; мы не должны поступать так, как это делалось во время культурной революции, наклеивать людям ярлыки по той причине, что они связаны с кем-то еще. Я поднимал этот вопрос в беседе с Дэн Сяопином и вносил предложение о том, чтобы мы минимизировали изменения персонального состава (партии) во время этой кампании. В любом случае, когда существующая ситуация приемлема (терпима), мы должны избегать реформирования (перестановок). Даже если реформирование (кадров) будет сочтено необходимым, мы должны сделать все возможное, чтобы отложить изменения и продвигаться в этом направлении медленно, чтобы уменьшить шок. Дэн согласился.

Именно Ху Яобан предложил назначить Ван Мэна на пост министра культуры. Дэн Лицюнь и его партнеры всегда видели в нем представителя либерализма. Естественно, что они хотели вынудить его уйти. Как только Ху Яобан ушел в отставку, и началась кампания борьбы против либерализации, эти изменения были предложены. Я твердо возражал. Я сказал Дэн Лицюню и Ван Жэньчжи, что Ван Мэн не должен быть смещен. Руководитель «Жэньминь жибао» Цянь Лижэнь, который также был выдвиженцем из «комсомола», был относительно прогрессивным человеком, поэтому Дэн Лицюнь хотел воспользоваться возможностью, чтобы сместить и его; я также возражал против этого. Бо Ибо сказал мне, что секретарь парткома провинции Шаньдун Лян Бутин был членом фракции Яобана, и сохранял тесные отношения с Яобаном; поскольку Шаньдун был важной провинцией, его надо было заменить. Я нашел предлог для того, чтобы воспрепятствовать этому изменению.

Было невозможно предотвратить все персональные изменения. Чжу Хоуцзе, заведующий отделом пропаганды, находился в весьма уязвимом по-

ложении, поэтому его отставка была неизбежной, как и отставка Вэй Цзяньсяна, заведующего организационным отделом и отставка Жуань Чуньзу, министра общественной безопасности. (С. 193) В этих чувствительных органах власти старейшие в партии были намерены (чрезвычайно устремлены к тому, чтобы) иметь там во главе тех, кто был им знаком. (С. 193–194) В этих случаях не было иного выбора, как производить изменения. Я делал все, что было в моих силах, при таких обстоятельствах, чтобы обеспечить им другие посты. Женицина – секретарь парткома в Цзянси была также смещена, главным образом, за некомпетентность, не связанную с кампанией. Также Чжан Шугуан, секретарь парткома Внутренней Монголии, был смещен потому, что он отпустил некоторые неподобающие замечания и, после отставки Яобана, вел себя так, что это вызвало бурю критики. Все эти решения о прекращении пребывания на постах делались с осторожностью, и всем были предоставлены новые посты.

В целом во время кампании удалось избежать нанесения слишком большого вреда и массовых перестановок, привычка подразумевать (что кто-то замешан в преступлениях) или награждать ярлыками людей исключительно по ассоциации не была повторена.

После отстранения Ху Яобана «старейшие» попытались организовать массовую кампанию отстранения от постов всех тех, кого подозревали в «связях» с Ху Яобаном или в принадлежности к «Фракции комсомольцев».

Чжао Цзыяну удалось сдержать этот натиск. Думается, что это оказалось возможным благодаря тому, что в партии было сильным скрытое противодействие методам, которые применял в свое время Мао Цзэдун.

Даже хотя и не было выбора, и пришлось осуществлять кампанию борьбы против либерализации, но вышеуказанные меры в основном сдержали попытки, предпринимавшиеся Дэн Лицюнем, Ху Цяому и прочими старейшими с целью расширить кампанию. Однако открытое неодобрение реформ продолжалось под предлогом осуществления кампании. Кампания все еще обладала самым громким голосом в средствах массовой информации во всекитайских масштабах, в то время как голос реформ оставался еще исключительно слабым. Большинство кадровых работников, которые находились на переднем крае реформ, оказались в трудном положении. Всего за несколько месяцев до XIII съезда партии я ощущал, что будет трудно при существующем политическом климате провести такой съезд, который поддержит реформы. Наступал момент, когда надо было решительно изменить ситуацию.

Разрывы между разными областями жизни в Китае в 1980-х гг. были громадными.

Представим себе народ и страну, которые в 1976 г. в значительной сте-

пени неожиданно, вдруг избавились от Мао Цзэдуна, освободились от этой тяжелой колоссальной плиты, которая придавливала весь Китай.

Естественным было физическое желание выпрямиться, дышать полной грудью.

Народ, само физическое существо народа требовало вдохнуть воздух свободы.

При всем этом общественно-политический строй, политическая система в стране осталась прежней. Правящей партией оставалась все та же КПК.

Более того, оказалось, что вместе с народом, стремившемся вздохнуть свободно, претендовали на то, что и они пострадали при правлении Мао Цзэдуна целый ряд «старейшин» или теневых «хозяев» партии, которые, так или иначе, пережили «культурную революцию». Они оказались, как бы частью освободившегося народа.

Правда, представления о том, от чего надо было освобождаться, у народа и многих функционеров правящей партии было разным.

На протяжении первых пятнадцати лет жизни после ухода из жизни и с политической сцены Мао Цзэдуна народ и большая часть партийной номенклатуры жили «разными жизнями».

В результате получилось так, что народ или его значительная часть, а также часть партийно-государственных чиновников занялись реформами, прежде всего, экономическими реформами.

В то же время сфера идеологии, пропаганды, область внутривнутрипартийной борьбы за власть на всех этажах властной структуры, существовали отдельно от той сферы, где занимались осуществлением экономических реформ.

Дэн Сяопин ощущал, что Ху Яобан, Чжао Цзыян, Вань Ли и их сторонники при поддержке народа в ходе дальнейшего развития событий в направлении осуществления реформ, выведут народ из-под монополярной власти правящей партии, выведут народ к свободе от власти единственной правящей партии, выведут народ из-под тоталитаризма или системы предельной концентрации власти.

Дэн Сяопин и другие теневые «хозяева» партии путем интриг добились ухода Ху Яобана с поста генерального секретаря ЦК КПК.

Далее он навязали партии и государству, попытались навязать стране и народу, всекитайскую кампанию под лозунгом борьбы против того, что они именовали «буржуазным либерализмом».

Чжао Цзыян, оказавшийся в этот момент на посту генерального секретаря ЦК КПК, сумел в какой-то степени сдерживать полное возвращение к временам правления Мао Цзэдуна в области идеологии. Однако воздействие на жизнь людей в стране сторонников идеологии времен Мао Цзэдуна было столь сильным, что, с точки зрения Чжао Цзыяна, следовало принять самые решительные меры перед очередным съездом пар-

тии. В ином случае возникала перспектива свертывания реформ и возвращения к временам правления Мао Цзэдуна без Мао Цзэдуна, с Дэн Сяопином в роли Мао Цзэдуна.

28 апреля 1987 г. у меня была продолжительная беседа с Дэн Сяопином. Я доложил ему, что после нескольких месяцев осуществления кампании борьбы против либерализации, преобладающий климат (настроения) изменился. В ситуации, которая существовала ранее, и при которой средства массовой информации находились в руках сторонников либерализма, произошел поворот в противоположную сторону. Однако некоторые люди используют кампанию для того, чтобы оказывать сопротивление реформам. Такое отношение не совместимо с целями XIII съезда партии, форума, который поддержал бы реформы, поэтому было необходимо, если мы хотим, чтобы XIII съезд партии был успешным, начать прямо сейчас делать реформы главной темой в средствах массовой информации.

Дэн Сяопин пытался сочетать несовместимое. Он действовал, то в одном, то в другом направлении. Дэн Сяопин понимал необходимость экономических реформ. Одновременно Дэн Сяопин не желал отступать от Четырех Основных Принципов.

В данном случае Чжао Цзыяну удалось убедить Дэн Сяопина в том, что влияние либеральных взглядов в результате массовой кампании уменьшилось. В то же время нельзя допускать уклона влево. Только в этом случае можно обеспечить правильное направление предстоявшего тогда съезда партии, как съезда, обеспечивающего дальнейшее движение по пути реформ.

Дэн поддержал мой взгляд. Он попросил меня тщательно подготовиться и произнести речь по этому вопросу в ближайшее время.

13 мая 1987 г. я выступил на совещании кадровых работников в области пропаганды, теории и средств массовой информации и из Центральной Партийной Школы. Приблизительно в это же время Дэн Сяопин сказал зарубежным гостям, что социализм не означает только бедность, и что такая ошибка, как находиться слишком далеко влево – это самые важные уроки, которые Китай усвоил в своем стремлении к социализму. Благодаря этим высказываниям, мое выступление имело гораздо большее влияние. (С. 194) Во время заседаний Секретариата и Политбюро, в дополнение к суровой критике нарушений порядка с помощью попыток использовать левых в борьбе против правых, во время кампании борьбы против либерализации и игнорировать ограничения, установленные Документом № 4, я заявил следующее: (С. 194–195)

В-первых, в результате усилий, которые предпринимались на протяжении нескольких месяцев, общий климат изменился. Распространение либерализации было с успехом остановлено. С настоящего времени мы

должны сделать ударение на реформах. XIII съезд партии должен явиться форумом, который поддержит политику реформ и открытости. Мы должны осуществить подготовку к успешному XIII съезду партии.

Начиная с мая 1987 года, Чжао Цзяян удалось сделать главным тезисом пропаганды акцент на необходимости продолжения реформ.

Во-вторых, эта кампания означала решение проблемы распространения либерализации. Распространения можно было избежать с самого начала; это была просто проблема провала в руководстве. Это не тот вопрос, который трудно решить.

Но после того как мы разрешили проблему распроропанения, следующий шаг состоит в том, чтобы посмотреть на то, какие усилия следует приложить в долгосрочном плане. Прежде всего, мы должны полагаться на образование; далее, мы должны опираться на продолжающиеся усилия в направлении осуществления реформ. Только программа реформ обеспечит повышение продуктивности и повышение уровня жизни людей таким образом, чтобы люди могли увидеть преимущества социализма – и тогда воздействие либерализма естественно уменьшится. С этой точки зрения, только реформы принесут осуществление такой цели, как необходимость твердо придерживаться Четырех Основных Принципов. Провал в деле осуществления реформ положит конец воплощению в жизнь Четырех Основных Принципов.

Поэтому мы не можем опираться на повторяющиеся кампании с целью разрешить фундаментальные проблемы либерализации. Мы не можем позволить вопросу о распространении либерализации изменить нашу решимость (повышать) производительность труда благодаря программе реформ. Для того чтобы разрешить проблему распространения либерализации было правильно на протяжении некоторого времени искоренить беспорядок, который вносится справа, но в долгосрочном плане и с фундаментальной точки зрения, барьеры против реформ исходят слева.

Чжао Цзяян осуждал сторонников левых взглядов, то есть сторонников идеологии Мао Цзэдуна, как главное препятствие на пути построения социализма с помощью осуществления реформ, направленных на повышение производительности труда и уровня жизни людей в стране.

В-третьих, Четыре Основных Принципа – это основа нашей политической системы. Реформы – это наше генеральное направление и политика в целях построения социализма со своеобразием Китая (с характеристиками Китая). Характеристика Четырех Основных Принципов, как принципов, а политики реформ и открытости, как всего лишь методов, была попыткой свернуть реформы под предлогом утверждения Четырех Основных Принципов, иными словами это означает намерение отменить (деконсировать) политику, принятую на 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва

во имя утверждения Четырех Основных Принципов. Если реформы – это всего лишь методы, и только специфическая тактика, тогда что же такое социализм со своеобразием Китая? Мы не должны относиться к реформам таким образом, как будто это либерализация, мы не должны придерживаться Четырех Основных Принципов в догматической манере. Мы должны использовать концепцию реформ для того, чтобы интерпретировать Четыре Основных Принципа. В противном случае результат будет таким, что мы опрокинем реформы и попадем в ловушку догмы. (С. 195) И если это так, тогда термин «твердо придерживаться» будет иметь только утопическое значение, и получившийся в результате социализм будет социализмом в советском стиле, а не социализмом со своеобразием Китая. (С. 195–196)

Чжао Цзыян отрицал социализм в советском стиле. Он выступал за термин «социализм со своеобразием Китая». Свообразие, с точки зрения Чжао Цзыяна, было экономическими реформами с целью повышения производительности труда и уровня жизни людей, было созданием рыночной экономики, было осуществлением экономической, политической и духовной либерализации.

В-четвертых, мы должны понять (осознать) важность производительности труда. Достижения в области производительности труда – это критерий при ответе на вопрос о том, является ли общество прогрессивным или находится в состоянии упадка (рецессии). Особенно в нашей стране, которая находится на начальной стадии социализма, повышение производительности – это то, чего нужно добиваться (что должно делать). Левая точка зрения на протяжении длительного времени поддерживала свое существование, только рассуждая о производственных отношениях, не занимаясь реально повышением производительности труда.

Что же до вопроса о том, что же такое социализм, то было очень много определений, которые прикреплялись к нему на протяжении многих лет. Например, модель экономики в советском стиле – это фактически модель экономики на время войны, а мы принимали ее так, как будто бы это было то, что внутренне присуще социализму через экономическое планирование. В теоретических исследованиях некоторые считают (награждают) те методы, которые приносят выгоду развитию производительности труда и социалистической модернизации, капиталистическими, в то же время награждают другие методы ярлыками, считая те методы, которые предотвращают развитие (повышение) производительности труда социалистическими. И даже в настоящее время эти точки зрения, которые не связаны с реалиями и являются жесткими, если говорить о том, что вкладывается в их рациональное обоснование, превалируют в сфере теории. Мы должны продолжать расковырять наше мышление и поощрять смелые изыскания.

После моего выступления многие кадровые работники показали, что они его поддерживают, и преобладающий климат (атмосфера) изменился в пользу реформ. А это было благоприятно для выработки проекта доклада на XIII съезде партии. (С. 196)

Чжао Цзыян осуждал взгляд на социализм в СССР и в КНР, согласно которому рассуждали о производственных отношениях, и не принимали в расчет производительность труда.

Чжао Цзыян также полагал, что модель экономики в советском стиле, которая была присуща КНР при правлении Мао Цзэдуна, это модель на случай войны. С его точки зрения, плановая экономика, экономическое планирование вовсе не внутренне присущи социализму.

Чжао Цзыян осуждал тех в КНР, в КПК, да и в СССР, кто считал, что методы, содействующие повышению производительности труда, это капиталистические методы.

Из всего этого можно делать выводы о том, как именно Чжао Цзыян понимал социализм.

Более того, из этого также следует, что именно Чжао Цзыян и теоретически, и на практике творчески находил пути развития экономики в такой стране, какой тогда была КНР.

Ни Дэн Сяопин, ни Чэнь Юнь, ни Ли Сяньнянь не поднялись до уровня теоретического осмысления необходимых в Китае экономических реформ.

БОРЬБА В СФЕРЕ ИДЕОЛОГИИ

444

ИСТОРИЯ
МЕССАЖ
ТЕЛО
ПЛАНИ

Чжао Цзыян оказался на посту генерального секретаря ЦК КПК, то есть получил возможность, и был поставлен перед необходимостью, играть активную роль при определении направлений идеологической и пропагандистской работы партии, в тот момент в истории КПК, когда интересы народа требовали утверждать новый не маоцздуновский подход к этим вопросам.

Дело было в том, что после ухода с политической сцены и из жизни Мао Цзэдуна перед Китаем действительно встала задача произвести изменения и в экономической жизни и системе страны, то есть перейти к рынку, и в духовной или политической жизни и системе страны, то есть перейти к демократии. При этом две эти задачи были взаимосвязаны. Жизнь требовала продвижения на обоих этих направлениях одновременно.

Внутри партии, внутри ее кадрового или номенклатурного состава, внутри ее руководства действовали значительные силы, препятствовавшие продвижению, как в том, так и в другом направлении. В сфере идеологической работы партии это были, прежде всего. Ху Цяому и Дэн Лицюнь.

Ху Цяому родился в 1912 г. Умер в 1992 г. С 1941 г. по 1966 г. был политическим секретарем Мао Цзэдуна. Иными словами, оформлял мысли Мао Цзэдуна для их распространения в целях пропаганды и агитации. В свое время Мао Цзэдун доверил Ху Цяому написание истории Коммунистической партии Китая. После смерти Мао Цзэдуна Ху Цяому был одним из наиболее известных защитников «идей» Мао Цзэдуна. С 1982 г. по 1987 г. был членом Политбюро ЦК КПК. С 1987 г. по 1992 г. был членом постоянного комитета Центральной комиссии советников. В свое время он также занимал посты заведующего отделом пропаганды ЦК КПК и руководителя отдела исследований по истории партии.

Дэн Лицюнь родился в 1915 г. Был заведующим отделом пропаганды ЦК КПК с 1982 по 1987 год. Рьяно защищал «идеи» и установки Мао Цзэдуна. Дэн Лицюнь стал голосом тех, кто тормозил реформы. Пользовался поддержкой Чэнь Юня, Ли Сяньняня и других «старейшин» партии.

Таким образом, карьера Ху Цяому и Дэн Лицюня в то время, когда Чжао Цзыян стал генеральным секретарем ЦК КПК, оказалась на излете. Чжао Цзыян объясняет, почему это произошло.

Даже до кампании борьбы против либерализации положение Ху Цяому и Дэн Лицюня не было хорошим. Начиная с 1986 года, Дэн Сяопин дистанцировался от Ху Цяому и не встречался с ним на протяжении длительного времени. Ху предпринял несколько попыток добиться встречи, но каждый раз получал от ворот поворот; это его сильно нервировало. Он просил Ян Шанкуня поговорить с Дэном от его имени.

Дэн Сяопин обращался с Дэн Лицюнем немного лучше, но заметил, что тот предпочитал быть вовлечен в действия левого крыла. Однажды Дэн высказался о том, как Дэн Лицюнь предлагал внести поправки в проект «Резолюции о строительстве духовой цивилизации» во время дискуссии в Бэйдайхэ. Он обильно цитировал Дэн Сяопина, но фактически пытался добиться решающего поворота влево. Дэн все еще говорил об этом в разговоре со мной в марте 1987 года. Дэн сказал, что Дэн Лицюнь был очень упрям, как хунаньский мул.

В это время, в условиях общего климата реформ под защитой Ху Яобана, Чжу Хоуцзе возглавил отдел пропаганды ЦК КПК и настойчиво содействовал созданию среды терпимости и свободы действий для интеллектуалов. Люди из интеллектуальных кругов осмеливались высказывать свое мнение (решались поднимать свой голос) и игнорировали левых. (С. 197–198) На некоторое время времени силы, ратовавшие за консерватизм, узость взглядов и догматизм, представителями чего были Ху Цяому и Дэн Лицюнь, оказались в маргинальном положении.

Во времена Ху Яобана Ху Цяому и Дэн Лицюнь на время оказались в стесненном положении. Тем более что Дэн Сяопин не давал им развернуться, очевидно, нуждаясь и в Ху Яобане, и в Чжао Цзыяне. Можно также предположить, что Дэн Сяопин не доверял тем, кто занимался идеологической работой, исполняя поручения Мао Цзэдуна.

Однако после отставки Яобана и начала осуществления в серьезной степени кампании борьбы против либерализма, они (Ху Цяому и Дэн Лицюнь) стали выступать в качестве героев борьбы против либерализма и преподносить себя как победителей. Они надеялись взять реванш, воспользоваться ситуацией, чтобы выплеснуть подавлявшееся до сих пор своей бешенство. В то время, когда Яобан отвечал за работу Центрального Комитета, я был занят вопросами экономики и внешней политики, и очень мало был вовлечен в то, что происходило в области теории и духовности.

Откровенно говоря, я не испытывал к этому никакого интереса. Я чувствовал, что Яобан ошибался, игнорируя указания Дэн Сяопина. Я был уверен в том, что он не принимал во внимание всю полноту картины, и что его действия не помогали ситуации в целом. И это не было благоприятно для самого Яобана. Поэтому я был в относительно нейтральном положении (я занимал относительно нейтральную позицию) в борьбе между Яобаном и Ху Цяому с Дэн Лицюнем.

Да и Ху Цяому, и Дэн Лицюнь не видели во мне соперника. Даже хотя я выступал против их попыток распространить кампанию борьбы против духовного загрязнения на сферу экономики. В области экономики я всегда защищал раскованность ума, защищал тех, кто смело мыслил и разрушал ограничения. Однако я редко был вовлечен в то, что происходило в сфере культуры, поэтому у меня и не было никаких прямых столкновений с ними обоими.

Пока Чжао Цзыян ведал только сферой экономики, у него не было прямых столкновений или пересечений по работе с Ху Цяому и Дэн Лицюнем. В то же время было очевидно, что Чжао Цзыян выступал за то, чтобы смело и свободно мыслить, а это было недопустимо, с точки зрения, как Мао Цзедуна, так и его приверженцев и последователей, в том числе Ху Цяому и Дэн Лицюня.

Однако после отставки Яобана я ведал работой Центрального Комитета. Положение вскоре изменилось, по мере того, как я попытался успокоить (охладить) кампанию борьбы против либерализации и действовать, проявляя сдержанность. Я пытался добиться того, чтобы как можно меньше людей пострадали, и активно защищал реформы. Ху Цяому и Дэн Лицюнь хотели развернуться во всю ширь, они создавали ситуацию прямого столкновения, которого было трудно избежать. Вскоре они пришли к тому, чтобы видеть во мне своего принципиального противника.

В марте я предложил товарищу Сяопину, чтобы Ли Жуйхуань был переведен из Тяньцзиня (где он был секретарем парткома) в Отдел пропаганды с тем, чтобы помочь Дэн Лицюню в теоретической работе; Дэн Сяопин одобрил это предложение. Когда двое отвечают за дело, можно услышать различные мнения. Вопросы, поднимающиеся внизу, могут быть доложены; в отличие от того, когда за дело отвечает один человек. Однако Чэнь Юнь воспротивился осуществлению этой идеи, поэтому она не была проведена в жизнь.

Позднее я почувствовал, что решение по этому вопросу необходимо, потому что реформы настоятельно требовали новых теорий и руководящих идей. Теоретические исследования были нужны для того, чтобы они сопровождали актуальную практику реформ. (С. 198) Однако тогда, когда во главе находился Дэн Лицюнь, в этой области нельзя было сделать ничего; наоборот, он был контрпродуктивной силой. (С. 198–199) Я выразил свое мнение, а именно: если Дэн Лицюнь будет продолжать возглавлять теоретические исследования, то не только не будет прогресса в теории, но возникнут дополнительные барьеры на пути ее развития. Поэтому я предложил, чтобы на XIII съезде партии Дэн Лицюнь стал членом Политбюро, то есть дать ему пост, находясь на котором он мог бы выступать и выражать свое мнение, но также передвинуть его из Секретариата, чтобы он больше не занимался теорией и работой в сфере духовности.

Чжао Цзыян здесь показал, что, с его точки зрения, означало проявление внимания к высказываниям Дэн Сяопина относительно «духовного загрязнения» и «буржуазной либерализации» внутри партии. Чжао Цзыян сумел так представить состояние дел Дэн Сяопину, что деятельность Дэн Лицюня предстала как уклон слишком влево, как препятствие на пути продвижения экономических реформ. Более того, Чжао Цзыян сыграл по правилам, которые были понятны и близки Дэн Сяопину. Чжао Цзыян предложил переместить Дэн Лицюня на более высокий, с точки зрения формального положения в аппарате партии пост, но отстранить его от практического руководства вопросами партийной пропаганды.

В то время, когда этот вопрос находился в стадии планирования, товарищ Ли Жуй (старейший, настроенный в пользу реформ) написал мне письмо, чтобы доложить о том, что в свое время в Яньани Дэн Лицюнь отличался аморальным и позорным поведением, а потому не подходит для того, чтобы руководить работой в области идеологии и пропаганды. Я направил это письмо Дэн Сяопину, который ответил, то есть издал распоряжение о том, что Дэн Лицюнь больше не должен отвечать за пропаганду. И то, и другое было направлено Чэнь Юню и Ли Сяньняню для прочтения. Оба написали свои резолюции, высказав похвалу в адрес Дэн Лицюня, однако они не могли прямо возражать против указания Дэн Сяопина, и Дэн Лицюнь был перемещен с поста ответственного за пропаганду. Таким было окончательное решение.

Сторонник реформ Ли Жуй помог Чжао Цзыяну, снабдив его фактами, свидетельствующими об аморальном поведении Дэн Лицюня в свое время в Яньани. Чжао Цзыян довел эти сведения до «хозяев» партии. Дэн Сяопин согласился с тем, что Дэн Лицюнь больше не может руководить пропагандистской работой в КПК. Это было крупное достижение Чжао Цзыяна перед XIII съездом партии.

7 июля 1987 г. Дэн Сяопин созвал у себя дома заседание Группы из пяти человек (созданной для осуществления функций Постоянного комитета до XIII съезда партии) и официально объявил свое решение. Я предложил, чтобы Ху Цили занялся этой работой, и все согласилось. Было также принято решение распустить Канцелярию по исследовательской работе в Секретариате ЦК, которой руководил Дэн Лицюнь, поскольку она выступала с публичными комментариями, являвшимися причиной возникновения сомнений относительно реформ. Дэн сказал, что Дэн Лицюнь должен был продолжать быть членом Политбюро и после XIII съезда партии. Изменения были произведены немедленно. Бо Ибо было поручено поговорить с Дэн Лицюнем. Все было сделано в соответствии с желаниями Дэна.

В июле 1987 г. Чжао Цзыян одержал крупную победу. Вместо Дэн Лицюня ведать пропагандой стал сторонник реформ Ху Цили. В Секре-

тариате ЦК КПК была ликвидирована структура, которая ранее под руководством Дэн Лицюня активно противодействовала делу реформ.

Дело повернулось таким образом, что, поскольку противодействие реформам со стороны Дэн Лицюня сделало его непопулярным, он не был избран членом ЦК партии на XIII съезде. Когда Дэн Сяопин узнал об этом, он сказал, что уважает результаты выборов. Таким образом, для Дэн Лицюня оказалось невозможным быть членом Политбюро. (С. 199) Я предложил президиуму XIII съезда, чтобы Дэн Лицюнь был включен в список кандидатов в члены Центральной комиссии советников с тем, чтобы он мог быть членом Постоянного комитета этой комиссии. (С. 199–200) В результате он был избран в состав Центральной комиссии советников, но снова не был избран членом Постоянного Комитета этой комиссии.

Чжао Цзыян упоминает о том, что Дэн Лицюнь на XIII съезде партии не был избран членом ЦК партии, а далее не был избран в состав руководства Центральной комиссии советников.

Таким образом, и после устранения Ху Яобана с поста генерального секретаря ЦК КПК ситуация не только в стране, но и в партии, и даже в руководящем слое кадровых работников партии, являвшихся делегатами съезда партии, характеризовалась тем, что там преобладали сторонники реформ. Это было так потому, что реформы были необходимы Китаю, отвечали интересам народа Китая. Дэн Сяопин и прочие «хозяева» партии не смогли добиться всех своих целей сразу, устранив Ху Яобана. Они продолжали плести интриги. В то же время они вынуждены были идти навстречу пожеланиям и предложениям Чжао Цзыяна и сторонников реформ вплоть до конца 1987 года, то есть и в период подготовки XIII съезда партии и во время его проведения.

Далеко не случайным был жест Дэн Сяопина, который был вынужден согласиться с тем, что Дэн Лицюня не избрали в состав ПБ ЦК КПК при тайном голосовании на съезде партии.

А ведь Дэн Лицюнь претендовал на то, чтобы занять пост генерального секретаря ЦК КПК, пользуясь при этом поддержкой Чэнь Юня, Ли Сяньняня и прочих «хозяев» партии.

В то же время Дэн Сяопин сделал этот свой жест как «хорошую мину при плохой игре». Дело в том, что в 1980-х гг. в ходе осуществления реформ внутри самой КПК сформировалась обстановка, при которой в случае тайного голосования Ху Яобан и Чжао Цзыян набирали большинство. Дэн Сяопин и другие теньевые «хозяева» партии не могли манипулировать тайным голосованием. Поэтому им пришлось, с одной стороны, согласиться с результатами выборов, когда речь шла о Дэн Лицюне. С другой стороны при устранении с руководящих постов Ху Яобана и Чжао Цзыяна Дэн Сяопин действовал в обход тайного голосования на форумах партии.

На XIII съезде партии мы несколько изменили процедуру выборов, предоставив делегатам съезда некоторые демократические права. Делегаты воспользовались этими правами при голосовании (делая свой выбор).

XIII съезд партии был первым съездом КПК, на котором Чжао Цзяну удалось, сделать пусть небольшой шаг вперед в осуществлении «политической либерализации». Делегаты съезда получили возможность выбирать членов ЦК, так как им был представлен список, в котором число кандидатов превышало число членов ЦК партии.

Результаты голосования могли побудить Дэн Сяопина и других «хозяев» партии еще больше укрепиться в своем решении покончить с реформами Чжао Цзяна.

Смещение Дэн Лицуня с поста руководителя пропаганды, ликвидация Канцелярии по исследованиям в Секретариате и прекращение издания журнала «Хунци» – все это побудило некоторых старых товарищей, включая Чэнь Юня, Ван Чжэня и Ли Сяньняня, проявлять неудовольствие мной. Им казалось, что те вещи, которые Ху Яобан хотел сделать, но не смог, в конечном счете были осуществлены мной. Я совершил то, чего Яобан был сделать не в состоянии. Поэтому они обратили свой антагонизм против меня.

В это время я не понимал, что такого рода обстоятельства имели под собой глубокие ответвления. Однако когда возникли проблемы с ценами на потребительские товары в 1988 г., чему сопутствовал ажиотаж спроса, изъятие вкладов из банков и инфляция, они подняли кампанию против меня, в ходе которой старейшие в партии обвиняли меня в том, что я поступал неправильно, и даже требуя моей отставки; причем все это было во многом связано с инцидентом, о котором я рассказал выше.

Чжао Цзян называет то, что произошло при голосовании на съезде партии инцидентом. На самом деле это было, возможно, главным проявлением отказа от политической системы Мао Цзэдуна после его смерти.

Проявление демократии внутри партии в любом виде, даже в таком, в каком это имело место на XIII съезде партии, крайне обеспокоило Дэн Сяопина, Чэнь Юня и прочих «старейшин» партии.

Оказалось, что отставка Ху Яобана не испугала Чжао Цзяна. Этого Дэн Сяопин и прочие ранее представить себе не могли. Чжао Цзян в этот момент произвел целый залп по системе пропаганды, по механизму пропаганды, созданному Мао Цзэдуном, при правлении Мао Цзэдуна.

Ведь тогда, летом 1987 года, одновременно был отстранен от руководства органом пропаганды лидер промаоцзэдуновских сил в области идеологии, был распущен центр в Секретариате ЦК КПК, до той поры непрерывно производивший идеологическую продукцию в пользу сохранения «идей» Мао Цзэдуна, был ликвидирован главный теоретический журнал

ЦК партии, существовавший несколько десятилетий при правлении Мао Цзэдуна. Такого удара по идеологии Мао Цзэдуна, по организационному ядру этой идеологии никто и никогда внутри партии еще не наносил.

Чжао Цзыян прекрасно видел, что его главными противниками с этого момента стали Чэнь Юнь, Ли Сяньнянь, Ван Чжэнь (а Ван Чжэнь всегда повторял то, что говорил Дэн Сяопин).

Чжао Цзыян тем не менее продолжал идти вперед и делать то, что было, с его точки зрения, и было обоснованно, в интересах народа Китая.

Дэн Лицюнь был чрезвычайно близок к Чэнь Юню, Ли Сяньняню и Ван Чжэню. Они высоко ценили его, и он заслужил их признание. В 1980 году Дэн Лицюнь активно продвигал мысли Чэнь Юня и его предложения через Канцелярию исследований Секретариата ЦК, находившуюся под его контролем. Дэн Лицюнь продвигал мысли Чэнь Юня относительно экономики в очевидной попытке использовать их для того, чтобы сопротивляться идеям Дэн Сяопина относительно реформ.

Чжао Цзыян использовал разногласия между Дэн Сяопином и Чэнь Юнем по поводу экономических реформ.

С точки зрения Чжао Цзыяна, то, что предлагал Чэнь Юнь, не могло решить проблемы экономики Китая.

Дэн Сяопин поддерживал правильные предложения в этой области, которые вносил Чжао Цзыян.

Чжао Цзыян показывал Дэн Сяопину, что Дэн Лицюнь идеологически хотел обосновать предложения Чэнь Юня относительно экономических реформ. Поэтому Дэн Сяопин поддержал Чжао Цзыяна и выступил против Дэн Лицюня.

Как я уже упоминал, в 1987 году я предложил, чтобы Ли Жуйхуань был переведен, чтобы помочь Дэн Лицюню в организации теоретических исследований. Чэнь Юнь не выступил с комментариями немедленно, но, подумав день, он сказал мне через своего секретаря, что было бы лучше, чтобы эту работу выполнял один Дэн Лицюнь. Он (Чэнь Юнь) отверг мое предложение.

3 июля (1987 года) он (Чэнь Юнь) говорил с Бо Ибо и опубликовал речь под заголовком: «Тому, на ком лежит значительная ответственность, нужно лучше знать кое-что из философии». Это было предназначено для моих ушей. Бо Ибо сделал свои заметки (при беседе с Чэнь Юнем) и препроводил их мне. Внешне это было предложение, чтобы я занялся изучением диалектики; фактически же это была критика в мой адрес. Он был уверен, что я не был в состоянии терпимо относиться к другим, то есть к противоположным моим, мнениям. (С. 200)

Главная причина этого состояла в том, что я вынудил Дэн Лицюня уйти из пропаганды, как только я получил власть. Другой причиной была

критика, моя критика в адрес левых. В особенности имелась в виду моя речь 13 мая, в которой я критиковал Ху Цяому и Дэн Лицюня за их высказывания. Когда текст (моей речи) был напечатан и направлен Чэнь Юню, он не согласился со следующим моим высказыванием: «Та модель экономики, которую мы копировали в 1950-х гг., фактически представляла собой временную модель экономики, предназначенную для военного времени».

После того как Дэн Лицюнь не прошел на выборах на XIII съезде партии, товарищ Чэнь Юнь дал специальные инструкции с тем, чтобы все политические привилегии и все бытовые условия Дэн Лицюня сохранялись в неизменном виде.

Здесь самым важным представляется обратить внимание на разногласия между Чжао Цзыяном и Чэнь Юнем в вопросе об отношении к модели экономики СССР.

Чэнь Юнь полагал, что в КНР необходимо использовать модель экономики СССР. Считал, что в этой модели можно находить методы и средства решения трудностей, которые возникали в КНР.

Чжао Цзыян был, очевидно, представителем тех политических сил внутри КПК, которые отвергали мысль о пригодности для КНР экономической модели, существовавшей в СССР.

С точки зрения Чжао Цзыяна, это была модель, которая позволяла лишь временно решать некоторые проблемы. Это была модель, рожденная во времена войны, приспособленная к временам войны или подготовки к войнам.

Это не была модель для мирного времени. Это не была модель, которая позволяла создать экономическую систему на все времена. Это не была модель, которая позволяла избавиться от коренных недостатков и пороков модели экономики, присущей всем государствам социалистического лагеря во времена Мао Цзэдуна.

Следовательно, с точки зрения Чжао Цзыяна, если и считать то, что существовало или создавалось в Китае социализмом, или своеобразным, самобытным социализмом Китая, то это должен был быть социализм не с советской системой (именно системой, а не только структурой) экономики, а социализм с рыночной системой экономики, социализм, в котором осуществлена «экономическая либерализация», при котором осуществлены экономические реформы.

Из всего этого, в частности, вытекало и то, что после смерти Мао Цзэдуна, в 1980-х гг., в КПК-КНР Чэнь Юнь и прочие выступали за нормализацию отношений с СССР, имея в виду и общность экономической системы, существовавшей тогда в СССР и продолжавшей существовать в КНР со времен правления Мао Цзэдуна.

Чжао Цзыян выступал за иной взгляд на экономическую систему СССР.

Можно предположить, что Дэн Сяопин поддерживал Чжао Цзыяна не только потому, что он понимал необходимость осуществления в КНР реформ, предлагавшихся Чжао Цзыяном, но и потому, что Чжао Цзыян никоим образом не был «просоветским элементом» внутри КПК.

Когда мы здесь употребляем термин «просоветский», мы имеем в виду то, что Чжао Цзыян отвергал существовавшую в СССР систему экономики.

В то же время Чжао Цзыян отвергал и утверждение Мао Цзэдуна о неизбежности мировой термоядерной войны. Чжао Цзыян исходил из того, что не существует фатальной неизбежности мировой ядерной войны. Это давало основания сближать идеологические и политические позиции Москвы и Пекина по целому ряду вопросов. Это также могло служить основанием для нормализации двусторонних отношений между КПК и КПСС, КНР и СССР, причем Чжао Цзыян не выдвигал, в отличие от Дэн Сяопина, никаких предварительных и ультимативных условий такой нормализации.

Все это свидетельствует о чрезвычайно сложной ситуации в руководстве КПК-КНР в 1980-х гг.

Дэн Лицунь был также важным помощником Ли Сяньняня. Ли Сяньнянь возглавлял Пятую Канцелярию Государственного Совета, где Дэн Лицунь также работал. Он участвовал в выработке решений и в подготовке проектов документов для Ли Сяньняня. В 1987 году Дэн Лицунь персонально отвечал за работу группы, которая занималась редактированием и публикацией избранных работ Ли Сяньняня. Когда было распространено решение Дэн Сяопина о смещении Дэн Лицуня с поста руководителя, отвечавшего за пропаганду, Ли Сяньнянь написал: «Дэн Лицунь – ценный кадр (хороший товарищ). Мы все же должны полностью использовать его способности».

Отношения между Дэн Лицюнем и Ван Чжэнем были еще глубже. Еще при создании Республики Народов Дэн Лицунь был руководителем отдела пропаганды в агентстве Синьхуа при Центральном Комитете, которое возглавлял Ван Чжэнь. Ван Чжэнь позднее был раскритикован Центральным Комитетом за безрассудное навязывание коллективных промышленных предприятий в деревне. Дэн Лицунь стоял тогда рядом с ним и пытался защищать его. С тех пор Ван Чжэнь всегда доверял ему, и они были очень близки. После 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва, когда Дэн Лицунь нуждался в том, чтобы было сказано то, что он считал трудным сказать публично, он обращался к Ван Чжэню, чтобы тот высказывал его идеи.

Примерно летом 1987 года сын маршала Е Цзяньпина Е Сюаньнин позвонил мне и сказал, что Ван Чжэнь хотел бы поговорить со мной. Поэтому я пошел домой к Ван Чжэню. Ван Чжэнь посоветовал мне: «Ты не должен принимать пост генерального секретаря. Есть много работы в Государственном совете, которая не может быть сделана без тебя; в то

время как в Секретариате (ЦК КПК) не так много дел. Мы попросим Яо Илина взять на себя эту работу вместо тебя». Е Сюаньнин присутствовал при этом разговоре. В этот момент я тоже действительно не был заинтересован в том, чтобы занять пост генерального секретаря, поэтому я попросил Ван Чжэня убедить в этом Дэн Сяопина. (С. 201) Позднее я узнал, что фактически Ван Чжэнь уже предлагал выдвинуть на пост генерального секретаря Дэн Лицюня. (С. 201–202) Это намерение вызвало беспокойство у многих людей, которые все предостерегали меня, говоря, что я никоим образом не должен уступать этот пост Дэн Лицюню, что только усилило мою бдительность в этом отношении. Все эти события говорят о том, почему нет ничего удивительного в том, что недовольство мной у старейших в партии углубилось после того, как Дэн Лицюнь не был избран. (С. 202)

Чжао Цзыян раскрывает планы «старейшин», прежде всего, Ван Чжэня, на XIII съезде партии сделать генеральным секретарем ЦК КПК Дэн Лицюня. Это могло бы означать конец реформ в Китае. Однако осуществить эти планы без согласия и самого Чжао Цзыяна и Дэн Сяопина было невозможно.

Чжао Цзыян постепенно осознавал опасность для народа Китая захвата руководства КПК ставленниками Чэнь Юня, Ли Сяньняня, Ван Чжэня, прежде всего, Дэн Лицюнем. Именно и по этой причине такое важное значение имел тот факт, что Чжао Цзыяну удалось добиться устранения Дэн Лицюня и от руководства отделом пропаганды ЦК КПК, и, благодаря демократизации порядка выборов членов ЦК партии, и из состава ЦК партии. Это были важные достижения Чжао Цзыяна. Они были бы невозможны, если бы и народ Китая, и большая часть членов партии не поддерживали реформы Чжао Цзыяна. Несмотря на отстранение Ху Яобана, Чжао Цзыяну в 1987 г. удалось продолжать вести Китай по пути реформ, прежде всего, в области экономики.

ПОДГОТОВКА XIII СЪЕЗДА КПК

454

ПЕЧАТНИКОВ
И
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПЕЧАТНИКОВ»

Чжао Цзыян фактически стал исполнять обязанности генерального секретаря ЦК КПК в самом начале 1987 года. Большую часть этого года он использовал для того, чтобы подготовить очередной XIII съезд партии, состоявшийся во второй половине года.

Съезды партии в истории КПК были важными событиями. XIII съезд стал высшим достижением тех сил внутри КПК, которые стремились осуществлять реформы в стране, поставить ее на путь, альтернативный тому, по которому ее заставлял идти Мао Цзэдун.

В ходе подготовки к XIII съезду партии приходилось решать (существовали) два главных вопроса: первый – это подготовка проекта политического отчета (доклада); второй – это заполнение постов в руководстве. Политический доклад готовился группой, созданной еще до отставки Яобана. Когда он ушел, работа замерла. Я собрал группу и назначил Бао Туна ее руководителем с тем, чтобы она работала под моим наблюдением.

Чжао Цзыян взял исключительно в свои руки дело подготовки политического отчета ЦК КПК съезду партии. Этот документ был важен потому, что в нем определялась генеральная политическая линия работы партии на ближайшие годы.

Еще 21 мая я написал Дэн Сяопину письмо с идеями для проекта доклада. Я предложил использовать концепцию «начальной стадии социализма», как теоретическую основу доклада. Доклад должен был в систематизированном виде охватывать (покрывать) вопросы теории, принципов и задач строительства социализма со своеобразием Китая. Кроме того (помимо этого), в нем нужно было подчеркнуть два (исходных пункта) основных пункта, определенных 3-м пленумом ЦК КПК 11-го созыва (1978 год): твердо придерживаться Четырех Основных Принципов и твердо придерживаться реформ с тем, чтобы вдохнуть жизнь в экономику. Доклад быстро получил одобрение Дэна, который сказал, что основные линии великолепны. Благодаря улучшившемуся политическому климату, процесс подготовки проекта проходил относительно гладко. (С. 203)

Чжао Цзыян проявил себя главным теоретиком партии в этот период. Именно он выдвинул мысль о том, что Китай тогда находился на «началь-

ной стадии социализма». Это его формулировка. С ней были вынуждены согласиться и Дэн Сяопин, и все старейшины партии.

Чжао Цзыян также положил в основу теории, которой должна была руководствоваться партия, два равноценных элемента: Четыре Основных Принципа и осуществление политики реформ и открытости. Осуществление реформ в условиях нахождения Китая в начальной стадии социализма – вот что предложил Чжао Цзыян народу Китая, правившей в КНР политической партии. Только реформы могли вдохнуть жизнь в экономику страны, а экономика во времена правления Мао Цзэдуна была лишена этой жизни, вот что Чжао Цзыян предлагал считать социализмом со своеобразием Китая. Своеобразие заключалось в переходе к иной системе экономики, к рыночной системе экономики.

Теоретическая платформа Чжао Цзыяна проистекала из понимания глубин реальной жизни в Китае. Из требований, которые предъявляла эта жизнь. Вот почему никто не мог открыто возражать против концепции Чжао Цзыяна.

Мне бы хотелось прокомментировать две формулировки из политического доклада: «начальная стадия социализма» и «один центральный фокус и два отправных (основных) пункта».

Многие люди находятся под впечатлением, что я впервые употребил формулировку «начальная стадия социализма» в докладе на XIII съезде партии. Это не точно. Еще на 6-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва (в 1981 году) резолюция по вопросам истории содержала фразу: «Хотя социалистическая система в нашей стране все еще остается на начальной стадии своего развития...» Ху Яобан в своем политическом докладе на XII съезде партии (в 1982 году) повторил, что «социалистическая система (социалистический строй) в нашей стране все еще остается на начальной стадии своего развития».

И все же в двух этих положениях еще не был разработан во всех деталях (глубокий) смысл этой формулировки или то, что из нее следует. Вместо того, в этих случаях подчеркивалась следующая точка зрения; «Нет никаких сомнений в том, что мы уже создали социалистическую систему и вступили на социалистическую стадию общества. Любые взгляды, которые отрицают эту реальность, неправильны». Другими словами, имелось намерение добиваться того, чтобы эта формулировка показывала, что, хотя мы все еще на начальной стадии, но мы уже установили социалистическую систему, и должны быть способны создать продвинутую (развитую) социалистическую духовную цивилизацию, в то же время, создавая материальную цивилизацию. Цель при этом состояла в том, чтобы дать ответ на сомнения некоторых людей относительно того, является ли наша страна (нация) социалистической или стремимся ли мы к социализму.

Политическая жизнь в КНР при правлении Мао Цзэдуна, особенно в последнее десятилетие его жизни, определялась только лично самим Мао Цзэдуном. Его слово было законом.

Когда же Мао Цзэдуна не стало, объективно возникла возможность и необходимость нового определения сущности политической жизни в стране. Такая необходимость вызывалась реалиями КНР.

Слишком многое предстояло исправить и сделать. Это все или многие понимали. Поэтому и родилась формула «начальная стадия социализма».

Однако, она появилась как некий компромисс. С одной стороны, «хозяева» партии, привыкшие к формулам Мао Цзэдуна, были вынуждены говорить о «начальной стадии», признавая необходимость большой работы. С другой стороны, с их точки зрения, главное было в утверждении мысли о том, что КНР – это социалистическая страна и только социалистическая страна, что допустимо только такое толкование того, что существует в КНР. Более того, они при этом имели в виду, что социалистическая система в КНР уже существует, и остается ее только развивать в направлении совершенствования материальной и духовной цивилизации.

Социализм, но с необходимостью некоторых исправлений – вот что имели в виду «старейшины» партии, допуская формулировку «начальная стадия социализма» в начале 1980-х гг.

После смерти Мао Цзэдуна в Китае, так или иначе, возникал вопрос о том, что существует в Китае: социализм или не социализм; к чему стоит стремиться: к социализму или не к социализму. «Старейшины» партии требовали, чтобы все такого рода сомнения подавлялись.

Во время теоретической дискуссии в Центральном Комитете в 1979 году был поднят важный вопрос тогда, когда партия рассматривала левые ошибки, совершенные партией. А именно: поскольку в прошлом Китай был полуфеодальным и полукOLONиальным, раз уж революция оказалась победоносной, имелись ли должные (правильные) условия для установления социалистической системы? Должны ли мы продвигаться вперед с «новой демократией»? Центральный Комитет был настроен критически в отношении таких сомнений в то время.

Чжао Цзыян напоминает о том, что в истории КПК вопрос о социализме и «новом демократизме» или «новой демократии» существовал практически еще до прихода КПК к власти в стране и создания КНР.

В частности, после смерти Мао Цзэдуна, в 1979 году, в ходе теоретических дискуссий в ЦК партии поднимался, фактически, вопрос о том, не был ли прав Лю Шаоци, когда он в момент прихода КПК к власти в континентальном Китае выступал за то, чтобы определять ту стадию развития как «новый демократизм», как своего рода прокладку между полуфеодальным и полукOLONиальным состоянием страны и социалистической стадией ее развития. Тогда высказывались сомнения в том, что, имен-

но в силу полуфеодалного и полуколониального характера Китая, в стране еще не было условий для прямого перехода сразу к социализму. Очевидно, что Чжао Цзыян симпатизировал взглядам Лю Шаоци. И дело тут не просто в симпатиях, а в том, что взгляды Лю Шаоци и Чжао Цзыяна основывались на реалиях Китая.

Заявления относительно начальной стадии социализма были предназначены для того, чтобы что-то противопоставлять таким сомнениям. Но сама эта концепция еще не привлекала (тогда) большого внимания. Затем, в сентябре 1986 г., в «Резолюции (Решении) Центрального Комитета относительно строительства социалистической духовной цивилизации» было сказано, что, поскольку наша страна (нация) все еще находится на «начальной стадии социализма», мы можем (позволить) допустить различные типы экономики при доминирующей системе общественной собственности. Мы позволим части населения обогатиться первыми (раньше остальных). Намерение здесь состояло в том, чтобы установить связь между утверждениями о том, что мы все еще находимся на «начальной стадии социализма», и той политикой реформ, которую мы осуществляли.

Этот документ главным образом был сфокусирован на «Строительстве социалистической духовной цивилизации», и в нем это положение не детализировалось глубже (далее). Я не припомню никаких дальнейших дискуссий относительно этой формулировки в тех трех случаях, когда она уже была использована ранее; большое внимание общественности в равной степени не было приковано к ней. (С. 204)

Ху Яобан настойчиво стремился продвигаться вперед к принятию партией мысли о «начальной стадии социализма» с тем, чтобы на этом основании содействовать дальнейшим реформам в сфере экономики.

Таким образом, Лю Шаоци начал, Ху Яобан продолжил, а Чжао Цзыян довел до высшей точки размышления на тему о «начальной стадии социализма».

Эта формулировка вызвала большой отклик (сильную реакцию) в стране и за рубежом только после того, как она появилась в политическом докладе на XIII съезде партии в качестве теоретической основы при осуществлении нами реформ.

Итак, теоретической основой при осуществлении реформ в Китае стала мысль о «начальной стадии социализма» в КНР и толкование смысла этой формулировки, предложенное Чжао Цзыяном на XIII съезде КПК. Чжао Цзыян – автор теоретической основы реформ в Китае, осуществление которых началось после ухода из жизни и с политической сцены Мао Цзэдуна.

Когда я начал организацию подготовки проекта доклада на XIII съезде партии, моя цель состояла в том, (мое видение состояло в том) что-

бы продвинуть дальше вперед основные политические и стратегические установки в целях осуществления реформ, но также и в том, чтобы сформулировать теоретическую основу для их всестороннего осуществления. Поскольку осуществление реформ на практике началось после 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва, производительность труда повышалась, темпы развития ускорялись, жизненный уровень народа повысился, и наша страна (нация) стала намного сильнее. Это были те факты, которые были восприняты и приняты широко.

И все же, каким же было теоретическое основание для осуществления реформ? Тут не было никакого объяснения, и многие кадровые работники и граждане были обеспокоены этим. С одной стороны, они делали все, что было в их силах, чтобы поддерживать реформы и активно осуществлять их, но, с другой стороны, они не чувствовали себя надежно (в безопасности), опасаясь, что политика может совершить поворот в ином направлении. Реформы нуждались в мощном подкреплении теорией.

В Китае практика шла впереди теории. Жизнь потребовала осуществления реформ, и реформы начались с 1978 года.

Партии пришлось сосредоточиться на осуществлении реформ. При этом в КПК выработывались основные политические и стратегические установки, которыми руководствовались в практике реформ.

Итак, практика и правила, которыми следовало руководствоваться на практике – вот чего потребовала жизнь.

В то же время люди в Китае хорошо познали на своем опыте, что политические и даже стратегические установки партии могли меняться по воле того или иного вождя. Определенности и устойчивости при осуществлении реформ не было.

Какую-то, большую, чем стратегические и практические установки, устойчивость и уверенность могло дать теоретическое обоснование реформ. Необходимость в таком теоретическом обосновании ощущалась во все возрастающей степени. Наконец, она стала непреодолимой.

Случилось так, что это совпало по времени с успехом «хозяев» партии в их закулисной борьбе против одного из главных моторов реформ – генерального секретаря ЦК КПК Ху Яобана, которого Дэн Сяопин и прочие вынудили уйти с его поста. Однако во главе партии официально остался реформатор Чжао Цзяян. Это произошло в тот момент, когда формально следовало подготовить доклад очередному съезду партии. Чжао Цзяян использовал эту возможность для выдвижения теоретической основы осуществления реформ.

Дэн Сяопин и прочие «теневые» партии не могли воспрепятствовать этим действиям Чжао Цзяяна. Однако они продолжали и в это время искать пути к устранению от власти вслед за Ху Яобаном теперь уже и Чжао Цзяяна.

Такова была обстановка в 1987–1988 гг.

На практике, в те годы реформы, честно говоря, состояли в том, чтобы отвергать и исправлять плановую экономику, исключительность общественной формы собственности, и тот единственный способ распределения материальных благ, который был введен, начиная с 1950-х гг. Практика реформ доказала, что это было правильно и необходимо. Было также доказано, что практика осуществления ортодоксальных принципов социализма в стиле СССР была излишней для того уровня социально-экономического развития и уровня производительности труда, который был присущ Китаю. Это была левая ошибка. Только в том случае, если мы заново установили бы должную политику и подходы, которые более подходят для Китая, мы могли бы спасти Китай. В этом была суть дела.

Итак, внутри КПК интриги были и продолжали оставаться интригами; борьба за власть продолжалась и оставалась непримиримой борьбой за власть.

И в то же время интересы экономической жизни страны, собственно наполнение жизнью той мертвечины, в которую экономику страны превратил Мао Цзэдун, требовали отказа от плановой экономики, коренного исправления недостатков плановой экономики, перехода к рыночной экономике, отказа от исключительности общественной формы собственности, то есть признания множественности форм собственности, в том числе частной собственности, отказа от того единственного до той поры для КНР способа распределения, который был навязан стране при правлении Мао Цзэдуна в 1950-х гг., когда все питались из «одного общего котла»; требовалось переходить к частной инициативе и к опоре на усилия каждой личности в отдельности.

Практика осуществления реформ на протяжении десяти лет, с 1978 года по 1987 год, доказала, что все это было правильно и необходимо в условиях Китая.

Уровень социально-экономического развития Китая, уровень производительности труда в Китае требовали отказа от ортодоксальных принципов социализма в стиле, присущем СССР.

Мао Цзэдун, пойдя в свое время на это, допустил ошибку. Чжао Цзыян именовал это левой ошибкой.

Чжао Цзыян также прямо заявил, что Китай погибал, мог окончательно погибнуть, если бы он продолжал идти по пути Мао Цзэдуна или если бы в Китае осуществлялся социализм, навязанный Мао Цзэдуном, подобный социализму в СССР. Китай можно было спасти только путем отказа от социализма Мао Цзэдуна и перехода на путь, который больше подходил для Китая. Чжао Цзыян назвал это движением по пути в условиях начальной стадии социализма.

Иными словами, Мао Цзэдун, его приверженцы и последователи считали, что социализм в Китае уже существовал, и его требовалось только улучшать и совершенствовать.

Чжао Цзыян исходил из того, что в Китае условия материального и духовного порядка были таковы, что при них можно было считать, что Китай находится лишь на начальной стадии социализма, а это означало, что предстояло «начать и кончить», то есть предстояло лишь приступить к строительству социализма, делая то, что возможно в реальных условиях Китая для наполнения жизнью, прежде всего, реально существовавшую тогда экономику Китая.

Тем не менее мы практиковали социализм на протяжении более чем 30 лет. Как могли мы объяснить все это тем, кто придерживался ортодоксальных методов социализма? Одно возможное объяснение состояло в том, что социализм стали осуществлять слишком рано, и что мы нуждаемся в том, чтобы вернуться к началу и начать устанавливать демократию. Другое возможное объяснение состояло в том, что Китай стал осуществлять социализм, не пройдя до того практику капитализма, и поэтому было необходимо ввести дозу капитализма.

Нельзя сказать, что и в том, и в другом аргументе не было доли разума, но в них был заложен потенциал взрыва громадных (важных) теоретических дебатов, которые могли привести к беспорядку. И аргументы такого рода никогда не получили бы политического одобрения. При худшем сценарии они могли даже стать причиной того, что реформы могли быть убиты в своем младенчестве.

Планируя весной 1987 г. доклад на XIII съезде партии, я потратил много времени, размышляя о том, как решить этот вопрос. (С. 205) Я пришел к убеждению, что формулировка «начальная стадия социализма» была наилучшим подходом, и не только потому, что она принимала и утверждала в позитивном свете наше осуществление социализма на протяжении десятилетий; в то же самое время, в силу того, что мы, как предполагалось и подразумевалось, находились только на «начальной стадии», мы были полностью свободны от ограничений, которые накладывали на нас ортодоксальные принципы социализма. (С. 205–206) Поэтому мы могли отступить назад от нашей позиции в прошлом, и осуществлять такую политику в области реформ, которая в большей степени подходила Китаю.

Итак, с 1949 года по 1978 год, то есть на протяжении около 30 лет, КПК приучала массы населения КНР к тому, что государство является социалистическим, что в КНР строится социализм. В результате у значительной массы людей возникло определенное представление о социализме и отношение к самому этому термину.

После смерти Мао Цзэдуна руководители партии, во всяком случае, часть этих руководителей, пришла к мысли о том, что в Китае требуется

строить не то, что строили в СССР, что-то иное, самобытное, что, только перейдя на иной путь, можно оживить экономику страны.

Встал вопрос о том, как объяснить это массам, привыкшим к лозунгу Мао Цзэдуна: «Только социализм может спасти Китай».

Можно было оповестить население Китая о том, что придется вернуться в 1949 год, к самому началу, и начать строить в Китае демократию, пойти по пути «нового демократизма» или «новой демократии».

Можно было оповестить людей в Китае, что через стадии развития перепрыгивать нельзя, поэтому, Китаю придется пройти через этап како-го-то капитализма.

И то, и другое объяснение было, с точки зрения Чжао Цзыяна, разумным, до известной степени. В этих объяснениях содержалось рациональное зерно.

Однако, с точки зрения Чжао Цзыяна, пойти на такие шаги было нельзя.

Состояние умов в Китае было таково, что это вызвало бы громадные дебаты теоретического характера. Причем, почти наверняка, все это могло бы вылиться в беспорядки в обществе, в стране. А это, в свою очередь, могло погубить осуществление реформ в правильном направлении.

Нужно было сохранять спокойствие, нужно было идти не революционным путем, а эволюционным путем.

КПК находилась у власти. Поэтому у нее была возможность предложить на съезде партии такое теоретическое обоснование реформ, которое позволяло бы людям продолжать думать, что речь шла, и будет продолжать идти, о социализме. И в то же время нужно было открыть путь к таким изменениям в стратегии и тактике партии, в политике партии, которые позволяли бы менять саму систему, сложившуюся при Мао Цзэду-не, как в области экономики, так и в сфере политики.

Более того, теоретическая концепция, предложенная Чжао Цзыяном, позволяла Китаю сойти с пути, по которому шел СССР, другие социалистические государства, и прокладывать свой самобытный путь, соответствовавший реальным условиям Китая, осуществлять такую политику в области реформ, которая в большей степени подходила бы Китаю.

Чжао Цзыян нашел Путь Китая.

Еще более важным было то, что это не было новым заявлением. Как я уже упоминал, это уже было спокойно воспринято без возражений в решениях 6-го пленума ЦК КПК 11-го созыва, и на XII съезде партии. И, таким образом, это было в настоящее время просто использовано в качестве базы для теоретического обоснования реформ. Это не должно было вызвать острых дебатов, и должно было быть легко принято.

В первый раз я представил эти мысли публично на заседании Секретариата Центрального Комитета в мае 1987 года. Я сказал, что мы дол-

жны уделять внимание той оценке, что мы находимся «на начальной стадии социализма». Поэтому все то, что касается вопросов относительно политики реформ, могло бы решаться в соответствии с этим.

Позже я официально попросил группу, готовившую проект доклада, использовать формулировку «начальная стадия социализма», как теоретическую основу доклада на XIII съезде партии. Затем я написал письмо Постоянному комитету Политбюро и Группе из пяти человек относительно такого подхода. Это было то самое письмо, о котором я уже упоминал; письмо, которое я направил Дэн Сяопину, в котором в общих чертах была изложена эта мысль. Дэн Сяопин, Чэнь Юнь и Ли Сяньнянь, все они, ответили или позвонили, чтобы выразить свое одобрение.

Никто из теневых «хозяев» партии, ни Дэн Сяопин, ни Чэнь Юнь, ни Ли Сяньнянь, не возражали против такой теоретической постановки вопроса.

Очевидно, что их устраивало то, что, во-первых, это открывало и подтверждало возможность решать реальные экономические проблемы страны; и, во-вторых, это означало утверждение Китая на своем отдельном и особом пути, то есть утверждало формулу: «социализм со своеобразием Китая».

Основной подход к строительству социализма со своеобразием Китая выражался в трех вещах: сделать экономическое развитие «центральным фокусом», твердо придерживаться Четырех Основных Принципов, и твердо придерживаться осуществления политики реформ и открытости. Существовали три компонента, которые формировали генеральное направление после 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва. В процессе выработки проекта доклада, было предложено, чтобы мы суммировали эти приоритеты в разговорную формулировку; «один фокус два основных пункта».

Мысль о том, чтобы сделать экономическое развитие центром (фокусом) была уже закреплена на 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва в 1978 года: «С этого дня в будущем мы отказываемся от классовой борьбы как от центра, и, вместо этого, принимаем в качестве центра (нашей деятельности) экономическое развитие (развитие экономики)». Это затем неоднократно повторялось в документах и в выступлениях (руководителей) партии. Концепции «Придерживаться Четырех Основных (Кардинальных) Принципов и Придерживаться Реформ» также настойчиво подчеркивались, начиная со времен Конференции по вопросам теоретической дискуссии 1978 года и 3-го пленума 11-го съезда партии, однако никогда прежде эти положения (вещи) не соединялись вместе в качестве главных составных частей (компонентов) генеральной линии (направления деятельности) партии. (С. 206) Придерживаться Четырех Основных Принципов и Придерживаться Реформ – эти формулировки уже появились как два отдель-

ных компонента в проекте «Резолюции о строительстве Духовной Цивилизации» в 1980-м году. (С. 206–207) У большинства людей было такое впечатление, что принципом 3-го пленума были реформы. Я предложил внести изменения в принцип 3-го пленума 11-го созыва с тем, чтобы это могло включать в себя Четыре Основных Принципа; и чтобы мы не могли уделять внимание (придавать значение) только одной их стороне, игнорируя другую их сторону. Формулировка «Два Основных (исходных) пункта» тогда еще не вошла в обиход, не стала привычной.

Особенность политической тактики Чжао Цзыяна состояла в том, что он соединял в одно целое положения, которые порознь нравились или воспринимались людьми разной политической ориентации.

Таким образом, появлялась формулировка, которая устраивала всех или большинство. В то же время, на ее основе можно было проводить разумную политику, прежде всего, в сфере экономики.

Попутно можно отметить, что одним из уроков, вынесенных практически всеми «старейшинами» партии из периода правления Мао Цзэдуна, было понимание того, что в такой стране, как Китай, КПК больше не может ставить в центр своей политической деятельности классовую борьбу внутри страны. Китайское население, китайское общество, испытав на себе последствия политики Мао Цзэдуна, требовало сделать главным стержнем политики партии внутри страны решение экономических проблем. Это было требование, которому никто не мог противостоять. Дэн Сяопин и прочие подчинялись ему. Чжао Цзыян шел в авангарде тех, кто умел осуществлять такого рода требования.

С точки зрения Чжао Цзыяна, смысл формулировки «социализм со своеобразием Китая» или «социализм с самобытностью Китая» (в КПК – КНР нам навязывают свой перевод этого выражения на русский язык: «социализм со спецификой Китая») состоял в том, что в Китае его национальные интересы, реальные социально-экономические условия страны требовали сочетания трех неразрывно связанных между собой положений:

- 1) Сделать экономическое развитие центром всей работы правящей партии;
- 2) Твердо придерживаться Четырех Основных Принципов;
- 3) Твердо придерживаться курса на осуществление политики реформ и открытости.

Это и был Путь Китая по Чжао Цзыяну, или, если хотите. Путь *Нового* Нового Китая сравнительно с Путем Нового Китая, навязанным стране в 1949 г. Мао Цзэдуном.

В первый раз я формально выступил с заявлением о том, что эти два принципа взаимосвязаны и не могут существовать друг без друга в своей речи по случаю Праздника Весны 30 января 1987 г. До того я использовал

эту формулировку в своей беседе с руководителями Коммунистической партии Болгарии 19 января 1987 г., которое было распространено в качестве пресс-релиза.

Выступая на собрании по случаю Праздника Весны, я был намерен ослабить опасения, что Кампания борьбы против либерализации может опрокинуть принципы, утвержденные 3-м пленумом. Для того чтобы погасить эти опасения (страхи) я и сказал, что 3-й пленум (решения 3-го пленума) включал в себя оба аспекта: Четыре Основных Принципа и реформы. Что же касается борьбы против либерализации, то это имело специфическое содержание (значение): противодействовать отказу от Четырех Основных Принципов. Поэтому упомянутая кампания и не подразумевает никаких изменений, касающихся принципов 3-го пленума, и фактически означала их еще более последовательное осуществление. В это время формулировка «два основных пункта» означала намерение подчеркнуть, что принципы партии, определенные 3-м пленумом ЦК 11-го созыва включают в себя и Четыре Основных Принципа, поэтому мы не должны говорить только о реформах.

К моему удивлению, моя речь на Празднике Весны относительно «двух основных принципов» была встречена в штыки некоторыми людьми, особенно теми, кто был настроен относительно консервативно или отличались жестким (не гибким) мышлением. Они говорили, что мы не можем поднимать (ставить) Четыре Основных Принципа на тот же самый уровень, что и реформы, превращая их в «два основных пункта». Четыре Основных Принципа являются основными, а реформы – это только, или просто, тактика и методы.

Я уже упоминал о том, что один кадровый работник, Лу Чжичао из отдела пропаганды, даже дал указание руководителю учебной частью Центральной партийной школы провести собрание с обсуждением мысли о «двух основных пунктах» с намерением раскритиковать эту формулировку. Эта кампания вызвала довольно сильное потрясение.

Я был вынужден раскритиковать такое мнение 13 мая на заседании отделов пропаганды теоретических исследований и медийных средств вместе с Центральной партийной школой. Еще раньше на заседании секретариата ЦК и Группы Пяти я заявил, что мы обсуждаем не направление в сторону социализма в целом, но скорее направление социализма со своеобразием Китая. (С. 207) Четыре Основных Принципа обеспечивают основные принципы и основу нашей политической системы, в то время как реформы – это наш общий подход. (С. 207–208) И то, и другое представляют собой те основы, на которых мы базируем нашу политику. И если принимать одну из них за принцип, а другую только за метод, то это фактически будет означать умаление важности реформ. Можно задаться вопросом о том, где окажется социализм со своеобразием Китая без подхода, предложенного 3-м пленумом, при опоре только на Четыре Ос-

новых Принципа? Четыре Основных Принципа продолжают оставаться одним из наших основных принципов, даже в том случае, если сюда добавляются еще и реформы.

Собственно говоря, толкование, предложенное Чжао Цзяном, было, по его выражению, встречено в штыки именно противниками реформ.

Они, то есть приверженцы и последователи Мао Цзэдуна, допускали некоторые изменения в экономической политике, с помощью которых надеялись укрепить свое положение у власти, свою политическую систему. Иначе говоря, они хотели сохранять только те основы политики КПК в Новом Китае, которые внедрил Мао Цзэдун, то есть формулировки, которые повторил за Мао Цзэдуном Дэн Сяопин.

Борьба Чжао Цзяна за то, чтобы спасти Китай, вдохнуть жизнь в экономику Китая оказалась в этот момент, по сути дела, борьбой против ошибочного и преступного курса Мао Цзэдуна и его последователей.

Чжао Цзян был тверд в своем намерении убеждать людей в том, что без осуществления политики реформ и открытости окажется невозможным спасти Китай. Учитывая уровень сознания людей, членов партии в КНР, Чжао Цзян пользовался формулировкой «социализм со своеобразием Китая», чтобы, таким образом, с одной стороны, отличать свою политику от политики при правлении Мао Цзэдуна, получить возможность проводить политику реформ и открытости, и, с другой стороны, в то же время сохранять сам термин «социализм».

После моей речи 13 мая атаки на «два исходных пункта» стали носить более сдержанный характер. При этом стало возможным включить формулировку «один центр сосредоточения усилий и два исходных пункта» в ее полном виде в политический доклад (отчет) XIII съезду партии в качестве трех основных компонентов нашего общего подхода к политике. Выражение разговорного языка «один центр, два исходных пункта» было создано Бао Туном и остальными членами группы, составлявшей отчетный доклад в процессе написания этого проекта. На Дэн Сяопина эта формулировка произвела сильное впечатление; он много раз при разных обстоятельствах говорил: «Формулировка “один центральный пункт и два исходных пункта” – это очень хорошо сказано!»

Создается ощущение, что Дэн Сяопин жил в своем, во многом отдельном от внешнего, мире. У него был узкий круг общения.

Он считал себя всегда и во всем правым.

Дэн Сяопин пришел к выводу о том, что в экономике страны нужно поступать не так, как это делали при Мао Цзэдуна. Именно поэтому он одобрял деятельность Чжао Цзяна, полагая, что от нее будет польза для экономики. В то же время Дэн Сяопин делал все, от него зависящее, чтобы не допускать «политической либерализации».

И все еще оставался вопрос о политических реформах. В свое время в прошлом Дэн Сяопин высказывался очень положительно относительно реформирования политической системы в Китае, а в 1986 году даже предложил двинуться вперед в деле осуществления политической реформы. Однако в процессе составления проекта политического доклада XIII съезду партии он раз за разом предостерегал: «Как бы там ни было, в докладе не должно быть ничего такого, что напоминало бы “разделение трех властей”». Он даже сказал, что там не должно быть даже и «следа этого». В этот период при приеме иностранных гостей он говорил что-то вроде: «Разделение трех ветвей власти означает, что каждая их ветвь ограничивает остальные ветви», или что «Такая система не эффективна, и с ее помощью невозможно делать дело».

Откровенно говоря, если и было что-то новое в области политических реформ в политическом докладе XIII съезду партии, это появилось там определенно не благодаря Дэну. Наоборот, он делал все возможное, чтобы уничтожить любые признаки (следы) парламентарного характера политики и ставил преграды на пути самой мысли о сбалансированной политике в политическом докладе. Он выступал с такого рода замечаниями каждый раз, когда мы направляли проект доклада ему на прочтение. И даже тогда, когда наш доклад не содержал больше ничего такого, он все-таки повторял свои предостережения каждый раз. Если бы не вмешательство Дэна, содержание того, что касалось политических реформ, могло бы быть написано много лучше.

Чжао Цзыян прямо писал о том, что если в докладе на XIII съезде партии и было что-то новое в области политических реформ, то оно появилось там не благодаря, а вопреки Дэн Сяопину.

Собственно говоря, когда Чжао Цзыян действовал в качестве генерального секретаря ЦК КПК, стало совершенно ясно, что их взгляды на политическую систему расходились коренным образом.

Дэн Сяопин, как и Мао Цзэдун, как и вообще руководители коммунистических партий в мире, находившиеся у власти и руководствовавшиеся марксистским учением, исходили из необходимости предельной и максимальной концентрации политической власти, потому что, с его точки зрения, только в этом случае можно было «делать дело».

Чжао Цзыян полагал, что в Китае в конечном счете следует прийти к парламентаризму и разделению властей. Иными словами, Дэн Сяопин был против демократии, Чжао Цзыян был сторонником демократии.

Другим важнейшим вопросом в процессе подготовки XIII съезда партии было назначение новых лидеров. Даже еще до того, как Ху Яобан должен был уйти в отставку, Дэн Сяопин назначил группу из семи человек, которая несла ответственность за внесение предложений относительно изменений в руководстве на XIII съезде партии. Самые значительные решения

таря ЦК партии. В то же время они были вынуждены «слушать» то, что говорил Дэн Сяопин.

Именно исходя из этих реалий, Чжао Цзыян и настаивал на том, чтобы Дэн Сяопин оставался в составе ПК ПБ ЦК КПК. Помимо всего прочего это, хотя бы в минимальной степени, сохраняло декорум: придавало важную роль ПК ПБ ЦК КПК, как главному органу руководства деятельностью партии.

Чжао Цзыян стремился сохранять принцип легитимности власти в такой форме ее проявления.

Дэн, однако же, настаивал на том, что если положение Чэнь Юня в качестве первого секретаря Центральной комиссии по проверке дисциплины, Ли Сяньняня в качестве председателя КНР и Пэн Чжэня в качестве председателя ПК ВСНП останется неизменным в результате XIII съезда партии, это будет рассматриваться как откат назад (задержка, регресс), или, говоря языком зарубежных СМИ, «победа консерваторов». И, как бы там ни было, а мы не должны создавать у людей такое впечатление. Именно это Дэн говорил мне в ходе нашего разговора с ним в марте 1987 года. Однако если предполагалось попросить всех их уйти в отставку, было бы трудно обосновать продолжение пребывания Дэна в составе ПК ПБ.

Дэн Сяопина занимали совсем иные соображения. Подражая Мао Цзэдуну, Дэн Сяопин предпочитал внутри Китая действовать «по делу». В данном случае, для Дэн Сяопина речь шла о том, чтобы, наконец, изменить положение после 10 лет формального дележа власти с тремя другими главными «хозяевами» партии. А в это время эти четверо занимали главные официальные посты: Дэн Сяопин – председателя Военного совета ЦК КПК, Ли Сяньнянь – председателя КНР, Пэн Чжэнь – председателя ПК ВСНП, Чэнь Юнь – первого секретаря Центральной комиссии по проверке дисциплины.

Дэн Сяопин хотел добиться создания на практике такого положения, при котором только он один остался бы возглавлять орган главной реальной власти в Китае – остался бы председателем Военного совета ЦК КПК.

Остальных трех «хозяев» партии Дэн Сяопин замыслил удалить с властных постов или перевести на менее значимые официальные посты.

В беседе с Чжао Цзыяном Дэн Сяопин обосновывал эти свои намерения необходимостью считаться с зарубежным общественным мнением о ситуации в Китае. Перемещение упомянутой «тройки», по мнению Дэн Сяопина, могло бы дать возможность утверждать, что от власти в Китае «отстраняются» «консерваторы». У власти, следовательно, остается только Дэн Сяопин в качестве сторонника реформ и прогрессивного политика. Такое впечатление во внешнем мире хотел создавать Дэн Сяопин. При

этом сохраняя свою власть над Китаем, даже добиваясь, по сути дела, положения единственного «верховного вождя» партии и государства.

Дэн предложил, чтобы один из них ушел в отставку полностью, а трое остальных были бы передвинуты и сохранили за собой статус тех, кто ушел в отставку наполовину. Это означало, что Пэн Чжэнь уйдет в отставку (полностью), в то время как Дэн, Чэнь и Ли уйдут в отставку наполовину. Для Дэн Сяопина это означало, что он будет находиться вне ПК ПБ, но будет продолжать занимать пост председателя Военного совета ЦК КПК; положение Чэнь Юня изменится, и он станет председателем Центральной комиссии советников; а Ли Сяньнянь станет председателем ПК НПКСК. При этом только один (первый) из этих постов означал обладание реальной властью, в то время как два других поста были всего лишь почетными должностями.

Здесь необходимо отметить еще одну особенность предложений Дэн Сяопина. Он добивался, прежде всего, того, чтобы с поста ушел Пэн Чжэнь, который среди членов всей упомянутой «четверки» был единственным человеком, выступавшим за то, чтобы в Китае «правил закон».

Сначала никто из этих троих – Чэнь Юнь, Ли Сяньнянь и Пэн Чжэнь – не желали принять такое предложение.

И тогда Дэн попросил (еще одного старейшего) Бо Ибо быть посредником в отношениях с этими троими. Сначала это было не просто. И только 3 июля Чэнь Юнь выразил свое согласие в беседе с Бо Ибо, сказав, что он будет выполнять решения партии. А когда Чэнь Юнь пошел на уступки, остальных стало легче уговорить. Предложение было принято.

После этого Дэн Сяопин встретился с Бо Ибо и Ян Шанкунем, чтобы обсудить вопрос о том, как будет обстоять дело после того, как трое упомянутых старейших покинут ПК ПБ: будут ли они заниматься всеми вопросами или участвовать в принятии решений по ключевым проблемам. Мне не известны детали обсуждения ими этого вопроса, но я слышал о следующем предложении: у ПК ПБ должна быть только одна «свекровь»; у ПК ПБ не может быть несколько «свекровей». Это означало, что после того, как упомянутые трое уйдут в отставку, только один Дэн должен будет действовать в качестве такой «свекрови», что характеризовало обстановку во взаимоотношениях весьма точно. Позиция Дэна не изменялась; он был «свекровью» ПК ПБ, но остальные не должны были брать на себя эту роль. (С. 209)

Однако позднее, когда возникли новые обстоятельства, отказались от того положения, что Дэн должен был консультироваться с Чэнь Юнем и Ли Сяньнянем по всем важным вопросам (в особенности с Чэнь Юнем). (С. 209–210) Мне не известно, какие переговоры конкретно вел Бо Ибо с Чэнь Юнем и Ли Сяньнянем. (С. 210) Только 7 июля 1987 года на заседа-

нии Группы Пяти в доме Дэна был окончательно решен вопрос о том, должны ли старейшие оставаться у власти.

Именно во время этого заседания Бо Ибо предложил, чтобы я выступил с речью на 1-м пленуме ЦК КПК 13-го созыва с тем, чтобы объявить, что мы будем продолжать просить товарища Дэн Сяопина руководить нами при решении важных вопросов, и что при этом Дэн будет принимать окончательные решения. Когда Бо Ибо сказал об этом, Дэн выразил свой взгляд, который заключался в том, что пока международное сообщество будет знать, что он будет оставаться в качестве того, кто принимает решения, оно будет оставаться спокойным, потому что преемственность будет им воспринята как показатель стабильности положения в Китае. Вот почему я и объявил на 1-м пленуме ЦК КПК 13-го созыва, что мы будем продолжать запрашивать мнение Дэна и просить его принимать окончательное решение.

Дэн Сяопин накануне XIII съезда КПК был занят, очевидно, прежде всего, упрочением своего положения в качестве «одного хозяина в доме». При этом он плел интриги, делал маневры. Добивался согласия сначала с одной частью его предложений, а затем с другой. Так Дэн Сяопин добился согласия Чэнь Юня, Ли Сяньняня и Пэн Чжэня с тем, что в партии будет «только одна свекровь», то есть только один Дэн Сяопин будет распоряжаться делами в «партийной семье», подобно тому, как традиционно стоятся отношения в китайской семье.

Затем Дэн Сяопин через Бо Ибо добился утверждения своего предложения о том, чтобы ЦК КПК обращался к нему с просьбами принимать окончательные решения по всем важным вопросам, а также о предоставлении ему права созывать руководителей ЦК партии и навязывать им свои решения. Именно после того, как было принято такое решение, Чжао Цзыян и объявил на 1-ом пленуме ЦК КПК 13-го созыва, что «мы будем запрашивать мнение Дэна и просить его принимать окончательное решение».

Можно, очевидно, сказать, что XIII съезд КПК имел два главных результата: в партийных документах была зафиксирована возможность для Чжао Цзыяна и его сторонников продолжать политику реформ; в то же время Дэн Сяопин добился утверждения в качестве единоличного «хозяина» партии. Дэн Сяопин вернулся во власть в 1977 году. В 1987 году он остался единственным главным «хозяином» КПК.

На том же заседании Группы Пяти, которое проходило в доме Дэна, были также окончательно приняты решения о назначении новых членов ПК ПБ, председателя КНР, премьера ГС КНР, председателя ПК ВСНП. Что же касается состава ПК ПБ, то первоначально предлагался список из 7 человек, и таким это число оставалось вплоть до указанного заседания.

Были высказаны возражения против Вань Ли. Временами он был не очень осторожен и обидел многих, поэтому старейшие возражали против его кандидатуры. Мне довелось слышать, что тогда, когда составлялся список членов ПК ПБ, Яо Илинь упомянул о том, что Вань Ли относится к тому сорту людей, которые всплывают в момент кризиса. Другими словами, что он – это фактор нестабильности. Во время заседания Группы Пяти Бо Ибо говорил, выступая в качестве представителя Группы Семи, что эта группа «не санкционирует назначение Вань Ли в состав ПК ПБ». Яо Илинь затем назвал Тянь Цзюня проблемой, сказав, что есть донесения о том, что Тянь продвинул своего родственника, относительно которого «есть проблемы», чему, дескать, есть доказательства. Бо Ибо также назвал некоторые нерешенные проблемы, связанные с Тянь Цзюнем. В тот момент не было времени для того, чтобы провести дополнительное расследование. Поэтому, выслушав эти мнения, Дэн сказал: «Вань Ли и Тянь Цзюнь не будут входить в состав Постоянного комитета; поэтому список из семи человек сокращается до пяти человек».

И именно в этот момент я начал осознавать, что Яо Илинь, который обычно производил впечатление человека прямого и открытого и всегда казался объективным и честным, фактически был расчетливым интриганом, способным на грязные трюки. Ведь он не поднимал вопрос о Тянь Цзюне ни до, ни после, а именно в тот самый момент, когда надо было принимать решение. И уж, поскольку сомнения были высказаны, вопрос можно было только «положить под сукно». (С. 210)

И также на этом заседании было принято решение назначить Ян Шанкуня председателем КНР. Дэн предложил Вань Ли на пост председателя ПК ВСНП. Вань Ли скромно заметил, что он не является специалистом в области юриспруденции. Дэн сказал: «Ну, ты определенно сможешь этому научиться! Ну и к тому же ты можешь попросить других помогать тебе». После того, как это решение было принято, Дэн боялся, что кое-кто не воспримет Вань Ли в качестве председателя ПК ВСНП, поскольку многие из старейших имели возражения против его кандидатуры. У него даже был разговор с Вань Ли. Дэн предложил Вань Ли нанести визиты некоторым старейшим, одному за другим, самому покритиковать себя и таким образом заручиться их поддержкой. Вань Ли поступил по совету Дэна.

При формировании ПК ПБ ЦК КПК силы, враждебные реформам и Чжао Цзыяну, а к числу таких деятелей тогда, неожиданно для Чжао Цзыяна, оказался причастен и Яо Илинь, добились того, чтобы из первоначального списка были исключены Вань Ли и Тянь Цзюнь. Так Чжао Цзыян лишился большинства из своих сторонников в составе ПК ПБ ЦК КПК.

В то же время, Дэн Сяопин, очевидно будучи вынужден считаться с Пэн Чжэнем и Чжао Цзыяном, настоял на назначении Вань Ли на пост

председателя ПК ВСНП. Вспомним, что Вань Ли в свое время работал в Пекине под руководством Пэн Чжэня.

Обсуждение кандидатуры премьера потребовало длительного времени, прежде чем пришли к окончательному решению. Дело было тут в том, что люди проявляли беспокойство в связи с тем, что Ли Пэн не был в достаточной степени компетентен, особенно в области экономических реформ, поскольку до этого он занимался вопросами проектирования, технологии и производства электроэнергии, и у него было очень мало опыта в экономике. В том, что касалось экономических реформ, у него не было вообще никакого опыта. Однако Чэнь Юнь и Ли Сяньнянь оба оказали ему мощную поддержку.

Рассматривалось еще одно предложение, а именно назначить Яо Илия действовать в качестве премьера на двухлетний переходный период, поскольку он был в большей степени знаком с проблемами экономики, а также потому, что у людей было хорошее впечатление от Яо Илия. Однако Дэн нашел такое предложение неприемлемым, сказав, что Яо страдает из-за плохого состояния здоровья, а также что он имеет опыт только в очень узкой сфере, так как он работал в основном в сфере финансов и торговли. В то время было трудно найти кого-нибудь нового, да и эти новые люди, скорее всего не были бы приемлемы для Чэнь Юня и Ли Сяньняня. Поэтому в конечном счете не было другого выбора, кроме как согласиться с кандидатурой Ли Пэна.

Поскольку Ли Пэн не был знаком с тем, как управлять делами в сфере экономики и не имел опыта осуществления экономических реформ, Дэн принял решение: «На данный период, заняв пост генерального секретаря, Чжао будет продолжать заниматься делами в области экономики и будет продолжать возглавлять Центральную Руководящую Группу по вопросам экономики и финансов». Дэн также заметил, что у Ли Пэна плохая репутация среди части людей, которые выступают с заявлениями о том, что он был пристрастен к Советскому Союзу (в пользу Советского Союза), в то время, когда он учился там. Однажды во время своей поездки в Европу, он, не согласовав это ни с кем, сделал крюк и проехал через СССР. В силу того, что, по мнению Дэна, репутация Ли Пэна не была безупречной, в силу того, что он у него было пристрастное отношение к СССР, Дэн попросил Ли Пэна выступить с публичным заявлением при вступлении на пост премьера, дабы рассеять сомнения, имеющиеся у людей.

Насколько мне известно, Вань Ли, который в мое время был при мне вице-премьером, никогда не планировался и не предлагался на пост премьера. Это имело две причины. Во-первых, Вань Ли обидел многих людей. Во-вторых, Дэн хотел видеть в качестве премьера кого-нибудь помоложе. (С. 211)

На пост премьер-министра ГС КНР Чэнь Юнь и Ли Сяньнянь продвинули Ли Пэна. Чжао Цзыян отмечал, что Ли Пэн не имел никакого опыта в осуществлении экономических реформ.

Он был специалистом в области энергетики. (Попутно можно отметить, что именно Ли Пэн настоял на строительстве гидроэлектростанции в Санься на реке Янцзы, против чего многие, в том числе такой известный деятель как Фэй Сяотун, обоснованно возражали в Китае.)

Примечательно и то, с какой безумной подозрительностью Дэн Сяопин относился ко всем тем, кто имел хотя бы малейшие контакты с людьми из нашей страны, из СССР. При обсуждении вопроса о назначении Ли Пэна на пост премьер-министра ГС КНР возражения против этой кандидатуры состояли и в том, что он был пристрастен к СССР, так как в свое время учился в нашей стране. С точки зрения Дэн Сяопина, именно это обстоятельство делало репутацию Ли Пэна не безупречной. Дэн Сяопин обязал Ли Пэна выступить в этой связи с заявлением. В дальнейшем Ли Пэн всячески доказывал Дэн Сяопину, что он относится к нашей стране столь же враждебно, как и сам Дэн Сяопин, как и Мао Цзэдун.

В то время, когда планировался XII съезд партии (партийный функционер) Юй Цюли отвечал за подбор группы кандидатов на руководящие посты, действуя под руководством Ху Яобана. (С. 211–212) При этом все вопросы сначала докладывались секретариату ЦК, которым непосредственно руководил Ху Яобан, а уж потом докладывались старейшим. Однако дело обстояло иначе, если говорить о группе, ведавшей назначениями на XIII съезде партии. Эту группу возглавлял Бо Ибо, а ее членами были Ян Шанкунь, Ван Чжэнь, Яо Илин, Сун Жэньцун, У Сюцюань и Гао Ян. Эта группа находилась под прямым контролем Дэн Сяопина. До своей отставки Ху Яобан не вмешивался в эти вопросы. Не занималась этим впоследствии и Группа Пяти. Возможно, что ситуация отличалась от сложившейся перед XII съездом партии потому, что на кону (в повестку дня встал) был вопрос об отставке старейших. По этой причине Дэн взял дело в свои руки и претворял в жизнь свои идеи через Группу Семи.

Чжао Цзыян показал в своих воспоминаниях, что при подготовке XIII съезда партии ему удалось взять в свои руки руководство работой по составлению отчетного доклада на съезде. В какой-то степени, думается, это было связано с тем, что Дэн Сяопин считал выгодным для себя обеспечивать некое продолжение осуществления реформ.

В то же время работа по распределению руководящих постов оказалась полностью в руках Дэн Сяопина.

Очевидно, что это и было одним из следствий того, что Дэн Сяопину удалось устранить Ху Яобана с поста генерального секретаря ЦК КПК.

Перед предыдущим XII съездом партии подбор группы кандидатов на руководящие посты производился группой людей внутри ЦК партии, за-

тем вопрос обсуждался на заседаниях Секретариата ЦК. Здесь свою роль играл Ху Яобан.

После отстранения Ху Яобана Дэн Сяопин взял всю эту работу под свой контроль. Он фактически создал структуру, параллельную ЦК партии. Это была группа из семи человек, которых назначил Дэн Сяопин. Группа подбирала кандидатуры и представляла свои соображения Дэн Сяопину. После того, как он утверждал кандидатуры, официальным органам руководства партией оставалось лишь проштамповать принятые Дэн Сяопином решения.

Так Дэн Сяопин полностью заменил Мао Цзэдуна в качестве единоличного «хозяина» партии. Так была ликвидирована та демократия, которая существовала в партии при Ху Яобане.

После отставки Ху Яобана Группа Пяти заменила собой Постоянный комитет Политбюро, и таким образом возникло то, что было параллельно Группе Семи. Группа Пяти занималась повседневными делами. Группа Семи осуществляла подготовку к назначению на посты в результате XIII съезда партии. Этим также объясняется то, что она присвоила себе роль ЦК партии в деле общих изменений персонального характера (руководства). Министр лесного хозяйства был смещен со своего поста из-за лесного пожара в районе хребта Дасиньаньлин (в провинции Хэйлуцзян) в 1987 году, поэтому было внесено предложение о кандидатуре нового министра. Однако из-за вмешательства Группы Семи это предложение не прошло. В этот момент я был за границей с государственным визитом, оставив Вань Ли «на хозяйстве» дома. Вань Ли протестовал против того, что произошло, и доложил Дэн Сяопину. Дэн объявил, что Группа Семи должна будет находиться под руководством Группы Пяти. Персональные изменения каждодневного характера будут по-прежнему осуществляться секретариатом и Государственным советом. Бо Ибо, не имея выбора, был вынужден согласиться. Однако он продолжал действовать обманом. Он часто просил заведующего организационным отделом (Сун Пина) докладывать ему; затем он излагал свое мнение Сун Пину и просил его действовать в соответствии с этим мнением. Бо Ибо говорил, что организационный отдел должен консультироваться с Группой Семи перед принятием решений о перестановке кадров, потому что сфера персональных назначений руководства на XIII съезде партии обнимает (включает в себя) оценку всех руководителей провинциального, городского (городов центрального подчинения) и министерского уровня. Перед XIII съездом он, также через Сун Пина, передал мне предложение о том, что было бы предпочтительно, чтобы ныне существующая Группа Семи продолжала в той или иной форме действовать и после XIII съезда партии с тем, чтобы помогать Центральному Комитету вести работу с кадрами. Первоначально цель создания Группы Семи состояла в том, чтобы сформиро-

вать руководство на XIII съезде партии, а теперь он предлагал, чтобы эта группа продолжала действовать и после съезда партии. Было очевидно, что они надеялись контролировать назначение кадров бесконечно. (С. 212) Я не мог с этим согласиться. (С. 213) Я велел Сун Пину передать мое мнение: мы будем придерживаться изначального решения, а именно решения о том, что после XIII съезда партии миссия Группы Семи будет завершена. Что же касается вопроса о том, как использовать потенциал (компетентность) старейших товарищей при работе с кадрами, то мы обсудим это позднее. Бо, человек, который всегда был склонен к тому, чтобы захватить власть, должен был быть глубоко уязвлен, когда я отверг его идею. (С. 213)

Руководителем группы семи Дэн Сяопин назначил Бо Ибо. Бо Ибо был одним из самых последовательных приверженцев и продолжателей политики Мао Цзэдуна. Бо Ибо, думается, с санкции Дэн Сяопина, попытался навязать решение о том, чтобы и после XIII съезда партии решения о назначении на руководящие посты в партии принимались группой семи.

Чжао Цзыян решительно возразил против этого предложения. Так к числу врагов Чжао Цзыяна прибавился Бо Ибо.

1988 ГОД - ВТОРОЙ ГОД ЧЖАО ЦЗЫЯНА

476

ИСТОРИЯ
ИССЛЕДОВАНИЯ
ОБЩЕСТВА
И ПОЛИТИКИ

1987 год, то есть первый год пребывания Чжао Цзыяна на посту генерального секретаря ЦК КПК, стал самым успешным годом в деле продвижения реформ в Китае. Этим годом заканчивалось первое десятилетие реформ. Его называли «золотым веком реформ».

После смерти Мао Цзэдуна выяснилось, что Китай нужно срочно спасти, что социализм по Мао Цзэдуну – это не «спасение» Китая, а сам Мао Цзэдун вовсе не «ЖЭНЬМИНЬ ДЫ ДА ЦЗЮСИН», то есть не «Великая Звезда Спасения Народа», как пелось в песне «ДУНФАН ХУН ТАЙЯН ШЭН, ЧЖУНГО ЧУЛА ГЭ МАО ЦЗЭДУН», то есть «И стал Восток Красным. Это Солнце взошло. Это в Китае родился Мао Цзэдун». Эта песня при правлении Мао Цзэдуна стала ритуальной для правившей там политической партией. Именно под ее мелодию перед народом появлялся Мао Цзэдун на торжественных мероприятиях.

И вот оказалось, что Китай остро нуждается в реформах. В реформах и экономической и политической системы.

В экономике надо было переходить к рынку. Во внутривнутриполитической жизни – к демократии.

Чжао Цзыян был тем человеком, который понял, что можно и нужно делать в области осуществления экономических реформ.

При этом очень важным представляется подчеркнуть, что Мао Цзэдуну не удалось даже за четверть века своего правления ликвидировать китайское крестьянство.

То, что крестьян в Китае было слишком много, оказалось спасением Китая.

Китайских крестьян Мао Цзэдун попытался загнать в прокрустово ложе кооперативов, а затем коммун народа или народных коммун. Многие умерли, но большинство выжило.

И этот факт стал благоприятной основой возвращения Китая на пригодный для него разумный путь развития, на путь признания возможности существования частной собственности, который, учитывая привычки, сформировавшиеся в мышлении людей, пришлось назвать «социализмом со своеобразием Китая». Это оказалась рыночная экономика с тоталитарной политической системой управления страной.

Чжао Цзыян первым или одним из первых поддержал движение китайских крестьян за возвращение ими себе своих семейных земельных

наделов. Так в Китае был воссоздан или создан класс собственников земли, пусть формально земля и не стала тогда их частной собственностью.

Далее Чжао Цзыян предложил создавать сельские поселковые предприятия. Затем он предложил принять концепцию «золотого побережья», то есть начать развитие Китая с прибрежных районов, где создать условия для превращения их в часть всемирного торгово-экономического механизма.

Чжао Цзыян как итог первого «золотого десятилетия» реформ в Китае добился принятия на съезде партии программы дальнейшего движения по Пути Спасения Китая, программы, которая предусматривала повторение провозглашенного еще в 1978 году отказа от классовой борьбы, как центра в деятельности партии, перенос фокуса в действиях партии на решение экономических проблем, а далее при оставлении лозунга «Твердо Придерживаться Четырех Основных Принципов», сосредоточение усилий на осуществлении политики реформ и открытости.

Итак, Чжао Цзыян фактически к концу 1987 года, к началу 1988 года открыл Путь дальнейшего движения по пути реформ.

Оказалось, однако, что весь этот путь, начиная с 1978 года и до настоящего времени, вовсе не представляет собой стабильное, якобы свободное от «шоков», продвижение вперед, а сопряжен с преодолением больших трудностей и барьеров, преодолением торможения, решением небывалых задач, поиском неизвестных решений.

Оказалось также, что в то время, пока Чжао Цзыян и его сторонники занимались делом, решением и поиском решений насущных проблем народа Китая, Дэн Сяопин и остатки «старой гвардии» Мао Цзэдуна, те же «хозяева» партии, искали случай для того, чтобы либо повернуть Китай вспять, либо затормозить осуществление экономических реформ, не допустить начала политических реформ.

На XIII съезд партии последовали хорошие отклики и дома, и за рубежом. Этот съезд получил высокую хвалебную оценку. Более всего важно то, что этот съезд дал надежду людям по всей стране. Честно говоря (говоря по справедливости), он возродил у людей энтузиазм.

В ходе осуществления реформ бывают моменты или кратковременные периоды, когда может создаваться впечатление, что все идет хорошо. И для этого есть реальные основания.

Чжао Цзыян испытал удовлетворение, пусть краткое, тогда, когда решения съезда партии были встречены с одобрением и внутри Китая, и за его рубежами.

Реальные действия Чжао Цзыяна действительно приносили надежду людям Китая, порождали у них энтузиазм. Это не были искусственный энтузиазм и искусственные надежды времен правления Мао Цзэдуна. Это

были естественные и обоснованные надежды и энтузиазм. Такое впервые случилось в Китае, во всяком случае, в XX веке.

Экономическое положение в 1987 году также было лучше, чем в предшествующие годы. Не только продолжался рост быстрыми темпами экономики нации, но и становились видимыми признаки плавного и стабильного развития. Баланс между различными частями экономики нации был также хорошим, за исключением сельского хозяйства. Мы получили обильный урожай, однако проблемы возникли из-за стагнации в этом секторе в предшествующие несколько лет. Однако снабжение деньгами оставалось в рамках плана, запасы иностранной валюты значительно выросли, и состояние внешней торговли было здоровым.

Наши усилия контролировать макроэкономику и в то же время давать свободу развитию микроэкономики также приносили улучшение дел. Макроэкономика не вышла из-под контроля, а микроэкономика также не задыхалась. Проблемы экономического перегрева и чрезмерного снабжения денежными знаками (чрезмерности денежной массы) также были облегчены.

Произошло совпадение в сущности несовместимых вещей.

Одновременно улучшалась реальная экономическая ситуация в стране и происходили опасные для народа страны, для его материального и духовного будущего, процессы за занавесом большой политики.

Более того, можно предположить, что именно занятость Дэн Сяопина вопросами «расстановки кадров», распределения властных полномочий, потребовавшая значительного времени, дала возможность Чжао Цзыяну, даже в условиях, когда с поста генерального секретаря был смещен Ху Яобан и Чжао Цзыяну самому пришлось перейти из правительства в ЦК партии, сделать, пожалуй, самые крупные шаги в реформе экономической системы в Китае после смерти Мао Цзэдуна.

На протяжении нескольких предшествующих лет проблемы возникали тогда, когда мы пытались поставить макроэкономическую ситуацию под контроль, в то же время, осуществляя улучшения применительно к самому механизму экономики. Наш опыт 1987 года говорил о том, что стабилизация экономики и рост ее при определенных темпах могут осуществляться одновременно. Постановка макроэкономической ситуации под контроль может осуществляться одновременно с предоставлением свободы деятельности на микроэкономическом уровне. (С. 217)

Один из важных выводов из руководства экономикой страны для Чжао Цзыяна состоял в том, что оказывалось возможным сочетание контроля на макроэкономическом уровне и свободы на микроэкономическом уровне. Это оказалось практически возможным. В этом было существенное отличие подхода к вопросам экономического развития между Чжао Цзы-

яном и его сторонниками, с одной стороны, и Чэнь Юнем, а также Ли Сяньнянем и их сторонниками, с другой стороны.

После XIII съезда партии общая ситуация экономического и политического характера была хорошей. (С. 218) Если бы мы продолжали применять меры и политику, которым мы научились на опыте успешных экспериментов за последние несколько лет, ситуация в 1988 году могла бы продолжаться улучшаться.

Однако, это совсем не то, что произошло на самом деле. Вместо того чтобы улучшаться, она стала ухудшаться, и в конце стала довольно плохой. Есть очень много уроков, которые можно вынести из того, что тогда произошло. (С. 218)

Эпоха Чжао Цзяяна или эра правления Чжао Цзяяна продолжалась всего два года с половиной. 1987 год – первый год был годом наивысших достижений Чжао Цзяяна.

1988 год – второй и последний полный год его правления оказался для него самым трудным. По целому ряду причин не удалось действовать на основе опыта осуществления реформ, накопленного в предшествующий период.

ПЕРЕХОД К СВОБОДНОМУ ЦЕНООБРАЗОВАНИЮ

480

Т
Е
С
И
С
Т
Е
М
А
С
О
Ц
И
А
Л
И
З
М
С
К
И
Й
У
Ч
Е
Б
Н
И
К

В ходе необходимых людям экономических реформ, направленных на перевод экономики социалистической страны на рельсы рыночной экономики, неизбежно возникает вопрос об отказе от установления цен на товары и услуги государством и о переходе к свободному ценообразованию.

До того времени, как в КНР, в других в прошлом социалистических странах стали осуществлять рыночные преобразования, никто не знал, как именно проводить реформу цен.

Без реформы цен, без введения свободного ценообразования на этом Пути Спасения Китая обойтись было невозможно. Это самая трудная часть реформ. Только после этого перехода оказывается возможным создать фундамент рыночной системы.

В КНР на протяжении некоторого времени в стране одновременно существовали и цены, устанавливавшиеся государством, и цены, определявшиеся рынком.

Это порождало возможность разложения чиновничества, возможность широких спекуляций товарами, которые путем обмена по принципу «власть – товар – деньги» коммерсантам и предпринимателям, имевшим «связи», сросшимся с чиновничеством, с номенклатурой КПК, удавалось получать по более низким государственным ценам и продавать по более высоким рыночным ценам.

Справиться с возникшими в этой связи трудностями оказалось в КНР нелегко. Опыт давался с трудом. Пришлось продвигаться путем проб, ошибок и их исправления.

Рост цен был горячей проблемой в 1988 году; и это было неизбежно в ходе самого процесса реформ. Семипроцентный рост в 1987 году не был слишком высоким, однако он был выше, чем в предшествующие годы.

В первом квартале 1988 года цены продолжали расти, особенно цены на продовольствие. Причиной было посредственное производство сельскохозяйственной продукции (посредственный урожай) в предшествующие годы. В то же самое время и наш подход к этой проблеме был довольно проблематичным, поскольку мы не следовали правилам рынка. Цены на зерно были повышены, а цены на мясо и яйца не были повышены. Результатом явилась нехватка мяса и яиц. Во время праздника Весны в 1988 году в некоторых больших городах даже рассматривали вопрос о возвраще-

нии к карточной системе. Если бы мы немедленно привели в порядок цены на продукцию сельского хозяйства, чтобы поднять этот сектор, и в то же самое время выплатили компенсацию городским жителям, проблема могла бы быть разрешена.

Рост цен был неизбежным явлением, сопутствующим реформам.

Ошибка, допущенная властями, в том числе Чжао Цзяном, в 1988 г. состояла в том, что применительно к ситуации в сельском хозяйстве не следовали правилам рынка. Повысили цены на зерно и не повысили цены на мясо и яйца.

Чжао Цзян вынес из этого урок: следовало привести в порядок цены на продукцию сельского хозяйства, одновременно выплачивая компенсацию городским жителям. Этого не сделали.

Однако тут имелись свои опасения. Цены росли ежегодно, и кумулятивный их рост был значительным. (С. 219) Люди жаловались, а мы реагировали на это, производя дальнейшее урегулирование цен, – и при этом вся система цен не выводилась из стесненных обстоятельств. (С. 219–220) Мы рассчитывали быстро повысить цены до их корректного уровня на протяжении нескольких лет, чтобы тем самым сделать терпимой боль, и действуя в интересах преодоления трудностей при реформировании всей системы. (С. 220) В то же самое время мы повышали заработную плату рабочих.

Чжао Цзян понимал, что приведение системы ценообразования в соответствие с правилами рынка – болезненная операция. Власти в КНР, в том числе Чжао Цзян, стремились сделать эту боль терпимой. Поэтому они хотели бы растянуть преобразование системы цен на сельскохозяйственную продукцию на несколько лет, тем самым, облегчив бремя крестьянства. В то же время они хотели в эти годы постепенно повышать заработную плату рабочих.

Можно сказать и по-иному: Чжао Цзян пытался обойтись без «шоковых» операций. Надеялся на то, что порог терпения людей в деревне и в городе не будет при этом превышен.

(Из собственного опыта, вынесенного из поездок в то время в Китай, могу вспомнить о том, что еще в 1984 году рабочие в больших городах жаловались на то, что крестьянам при проведении политики реформ стало жить лучше, в то время как городским жителям, в том числе рабочим, становилось жить все труднее.)

Одним словом, без болезненных операций в ходе реформ обойтись было невозможно. В Китае без них не обошлось. Ходульное и навязывающееся представление, заключающееся в утверждении, что в КНР, дескать, не в пример иным-прочим, удалось обойтись без «шока», не имеет под собой оснований.

При видимой выгоде, эта идея была не практична. В те годы сосуществование двух рынков, с их системой двойных цен, создавала так много трений и коррупции, что институционализировать рынок было невозможно. Мы хотели выйти с согласованным планом, направленным на ликвидацию сосуществования упомянутых двух систем и чем скорее, тем лучше.

Мы также были уверены в том, что реформы, стоящие на уровне современных требований, было осуществить относительно легко; в то время как результаты всего сделанного были хорошими, то, что оставалось сделать, было еще более трудным. Первоочередная задача состояла в том, чтобы справиться с острыми проблемами и добиться прорыва; ведь если бы мы уклонялись от столкновения с ними (от конфронтации с этими проблемами), дело бы не улучшалось, и ситуация могла бы стать хуже.

Чжао Цзыян хорошо понимал, что нужно было сделать: ликвидировать сосуществование двух рынков, двух систем (плановой и рыночной) и их двойной системой цен,

Чжао Цзыян также понимал, что здесь придется пойти на прорыв, то есть не обойтись без решения самых трудных и острых проблем.

В то же время весь вопрос состоял в том, как именно все это осуществить. Никто не знал, как это делать. Опыта у предшественников не было.

При продвижении от плановой экономики к рыночной экономике мы всегда придерживались постепенного подхода, особенно в тех случаях, когда речь шла о принятии новых элементов. Экономика нашей нации была разделена на два сектора. Мы увеличивали рыночный сектор и постепенно ослабляли плановый сектор. При этом мы согласовывали (координировали) между собой усилия, которые прилагались и в том, и в другом секторе.

Правительство прямо не вмешивалось в дела рыночного сектора, особенно с помощью административных методов. Производство товаров осуществлялось по личной инициативе производителей, а цены устанавливались свободно в соответствии с рыночными силами. В рыночном секторе семейные предприятия, фирмы, которыми управляли частные лица, и совместные предприятия – все они все действовали по личной инициативе их владельцев, которые сами несли ответственность и за свои доходы и за свои убытки.

Плановый сектор в основном находился под контролем государства, и здесь государство устанавливало цены. Некоторая часть продукции этого сектора тоже выносилась на рынок, однако все это главным образом не соответствовало рыночным механизмам. Предприятия, находившиеся в собственности государства, не обладали реальной самостоятельностью.

В рыночном секторе предприятия были свободны при установлении своих цен. В плановом секторе цены предприятий устанавливались государ-

ством, или, по крайней мере, государство сохраняло власть над этим процессом. То же самое было правдой и относительно заработной платы. В рыночном секторе предприятия сами обладали свободой при установлении заработной платы. В плановом секторе заработную плату устанавливало государство или, даже если государство уступало часть этой власти предприятиям, оно все равно сохраняло в своих руках полный контроль над происходящим. Рыночный сектор в те годы рос практически из ничего, на пустом месте; он развивался из младенческого состояния до степени возмужания, в то время как плановый сектор постепенно сокращался. И все же в 1988 году плановый сектор занимал более 60 процентов (всей экономики).

Хотя двойная система и была источником трений и создавала возможности для коррупции, в общем и целом, она вносила жизнь в состояние экономики, особенно если говорить о рыночном секторе. (С. 220)

Чжао Цзыян всегда выступал за постепенные преобразования.

При этом направление движения было для него ясным: от плановой экономики к рыночной экономике.

Чжао Цзыян смело пошел на создание фактически на пустом месте рыночного сектора экономики. За 10 лет реформ этот сектор не стал преобладающим. Плановый сектор продолжал составлять 60%; экономики. В то же время жизнь в экономику страны вносил именно рыночный сектор. Вот то, чего удалось добиться Чжао Цзыяну в ходе экономических реформ в КНР в 1980-х гг.

С помощью одномоментной реформы всей системы, цен и заработной платы было невозможно трансформировать крупные и средних масштабов предприятия, находившиеся в собственности государства, в рыночные субъекты. (С. 220–221)

Они могут быть трансформированы только шаг за шагом путем постепенных реформ системы планирования, ценообразования и системы собственности. Постепенный подход был более стабильным, менее рискованным и обществу было легче его воспринять. И мы действовали таким образом все это время, хотя и не всегда осознанно.

Мы знали, что здесь решающее значение имела реформа цен. И мы всегда думали, что в какой-то момент созреют должные условия для того, чтобы можно было принимать соответствующие меры, либо все сразу, либо в несколько этапов, для того чтобы трансформировать предприятия, находящиеся в собственности государства. Это подразумевало, что развитие рыночного сектора было своего рода прелюдией к финальному прорыву.

Чжао Цзыян вел дело к тому, чтобы преобразовать крупные и средних масштабов предприятия, находившиеся в собственности государства, в субъекты рынка.

Он исходил из того, что со временем развитие рыночного сектора создаст возможность преобразовать и государственный сектор в рыночный сектор.

В мае 1988 года я сделал доклад на заседании Политбюро с повесткой дня «Установить Новый Экономический Порядок: Социалистическая Рыночная Экономика». В этом докладе я сказал, что наша задача была в том, чтобы реформировать систему цен в следующие несколько лет, в то же время соответственно повышая заработную плату рабочих. Мы верили, что это и есть решающая битва в ходе трансформирования в рыночную экономику: окончание сосуществования двух систем и двойственной системы цен.

Само существование или наличие такого рода опасений показывало, что реформа цен была не простой проблемой. После августа я пришел к выводу, что успех при осуществлении реформы цен и реформы в сфере заработной платы зависит от глубины реформы в целом. Ведь если реформа цен и заработной платы в конечном счете требовали от нас трансформации всех средних и крупных государственных предприятий и придания им статуса предприятий рыночной модели, тогда имел место вопрос о реальной возможности осуществить все это. А это представляло собой трудность на пути планирования всей нашей работы.

В 1987 г. на XIII съезде КПК Чжао Цзыян теоретически обосновал продолжение курса на экономические реформы, успокаивая сторонников Мао Цзэдуна лозунгом приверженности Четырем Основным Принципам.

В мае 1988 г. Чжао Цзыян на заседании Политбюро ЦК КПК добился принятия практической программы создания в КНР рыночной экономики, успокаивая сторонников Мао Цзэдуна лозунгом или характеристикой «Социалистическая Рыночная Экономика».

Представляется, что эти два шага Чжао Цзыяна, с одной стороны, показали его твердое намерение идти по пути реализации таких экономических преобразований, которые формировали в Китае нормальную экономическую рыночную систему; с другой стороны, осознав смысл этих шагов, противники Чжао Цзыяна, приверженцы и последователи Мао Цзэдуна, во главе с Дэн Сяопином окончательно уверились в том, что Чжао Цзыян своими действиями и планами лишает их политическую систему экономической основы. Думается, что из этого они сделали вывод о необходимости отстранить Чжао Цзыяна, остановить его реформы, разрешать лишь дозированные преобразования в экономике, не допускать никаких политических реформ.

Существовали также и проблемы тактического характера, в особенности те, которые касались реформы цен. Наш первоначальный план представлялся проблематичным – однако он был в высокой степени раз-

рекламирован (сделан публичным) еще до того, как он начал осуществляться, причем это было сделано, не принимая во внимание психологию народа. Экономические условия были хорошими в 1987 году, но в 1988 году на рынке существовало напряжение.

За границей все это известно под именем психологического предчувствия инфляции. Если народу известно, что государство повысит цены, если даже люди знают, что правительство будет выплачивать компенсации, и что их жизненный уровень не снизится, люди все равно будут проявлять беспокойство относительно того, как сберечь свои сбережения.

Из-за того, что мы во время не повысили банковский процент с тем, чтобы реагировать на проблему сохранности банковских сбережений, среди людей началась паника, они начали все скупать и старались сохранить цену своих денег. Все это было психологическими явлениями, И даже хотя мы и неоднократно объявляли, что повышение цен не приведет к снижению уровня жизни народа, мы недоучли проблему сбережений людей. Это был вопрос здравого смысла. Однако нам в то время не хватило опыта.

В августе мы обсуждали вопрос о реформе цен в Бэйдайхэ. Газеты немедленно начали пропагандировать прорыв, сообщать о том, что принято решение поднять цены. И тогда среди людей началась паника. (С. 221) Они ринулись в банки, чтобы забрать свои сбережения и в полном безумии раскупали товары. (С. 222) И тогда внезапно возникла нехватка товаров и это представлялось таким образом, как будто бы экономическая ситуация ухудшалась.

Чжао Цзыян признает, что руководители КПК–КНР в 1988 году допустили ошибку, которая состояла в том, что они не учли психологию народа.

В XX веке у китайского народа накопился большой опыт: люди, прежде всего, стремились выживать, сохранять нажитое непосильным трудом, они не верили властям.

Власти же допустили распространение информации о том, что цены будут повышаться. Это привело к массовому изъятию людьми своих сбережений из банков и к массовой же скупке товаров людьми, стремившимися хотя бы таким образом сохранить что-то на черный день.

Фактически же в 1988 году экономическое положение вовсе не было плохим; не было и избыточного выпуска денежной массы. Главной проблемой оказался психологический фактор; люди впали в панику. Конечно, тут имело место и некоторое похмелье, вызванное перегревом экономики и увеличения денежной массы в предшествующие годы. Покупательные способности людей еще не материализовались в такую форму как крупные денежные сбережения. В банках находился примерно один триллион юаней; и как только люди запаниковали, они стали изымать свои вклады и начали скупать товары.

Проблема была в не надлежащей пропаганде того, что собой представляла реформа цен. Если бы мы объявили о прекращении реформы цен и затем повысили банковский процент сбережений и обещали гарантированные сбережения, люди почувствовали себя в большей безопасности. Если бы мы сократили на десятки миллиардов юаней расходы на инфраструктуру, сэкономили несколько миллионов тонн стали, в экономике у нас бы не было никаких проблем.

И в то время Центральная Руководящая Группа по экономике и финансам неоднократно предлагала Государственному Совету как можно скорее повысить банковский процент на сбережения и ввести в практику гарантию сберегательных вкладов. Однако в Государственном Совете Ли Пэн и Яо Илинь беспокоились о том, что если повысить банковский процент применительно к вкладам населения, тогда окажется невозможным соответственно повысить банковский процент по займам, которые выдаются предприятиям, находящимся в государственной собственности, а это ляжет слишком большим бременем на банки. Они находились в нерешительности на протяжении определенного времени, прежде чем в конечном счете ввели систему гарантирования вкладов.

Чжао Цзыян предложил осуществить меры, которые могли нормализовать положение.

Ли Пэн и Яо Илинь, действуя в качестве руководителей Госсовета КНР, не приняли своевременно предложенные Чжао Цзыяном меры. Оказалось, что для Ли Пэна и Яо Илия важнее государственная собственность, то есть собственность номенклатуры КПК, чем интересы людей Китая.

Фактически, как только была ведена система гарантирования вкладов, объем вкладов снова вырос. Это началось в четвертом квартале 1988 года, и этот процесс ускорился в первом квартале 1989 года. Ситуация быстро стабилизировалась. Это доказывало, что в экономике не было никаких серьезных проблем. Инфляция не росла. Однако тогда, когда люди паниковали, люди забирали из банков наличные; это были суммы равные многолетним сбережениям, и на эти деньги покупали товары, и таким образом создавалось впечатление, что инфляция становится все больше. Фактически инфляция шла на спад после 1987 года, хотя она и не полностью улеглась. (С. 222)

После осуществления мер, предложенных Чжао Цзыяном, ситуация в экономике в конце 1988 года и в начале 1989 года нормализовалась. Чжао Цзыян констатировал, что фактически в экономике при правильном подходе не было никаких серьезных проблем.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ НАСЕЛЕНИЯ

В 1988 году возникла резкая разница между реальным положением в экономике и психологией населения, субъективной оценкой ситуации массами людей в Китае.

В конце первого десятилетия реформ в Китае, т. е. в конце 1980-х гг., заканчивался относительно благополучный период реформ.

Вспомним о том, что в Китае после смерти Мао Цзэдуна общепризнанной стала необходимость вывода страны из экономического тупика, необходимость экономических реформ.

Для этих реформ имелись благоприятные условия. Их оказалось возможным начать в ситуации, когда в Китае стихийно возродился самый многочисленный в стране класс собственников или фактических собственников земли – китайских крестьян, которые самовольно ликвидировали навязанную Мао Цзэдуном кооперативную систему в деревне и вернули себе свои земельные наделы.

Среднего класса в Китае не было, а вот класс собственников в деревне был.

На этой основе оказалось возможным начать экономические реформы с деревни. Собственно говоря, это было оформление фактического положения, придание законного характера тому, что уже произошло в деревне.

После смерти Мао Цзэдуна китайские крестьяне стихийно осознали, что в свое время они зря поверили Мао Цзэдуну и помогли ему взять власть в руки, потому что Мао Цзэдун обманул крестьян, отнял у них их собственность – их земельные семейные наделы.

После смерти Мао Цзэдуна в Китае произошла антимаоцзэдуновская революция: крестьяне в ходе этой революции вернули себе свою землю.

Тогда и возникла возможность начать создавать в Китае рыночную систему экономики на уже возникшей основе владения или праве пользования крестьянами своими земельными наделами.

Это позволило улучшить положение самых крестьян, большинства населения страны, решить проблему прокорма населения всего Китая.

На такой благоприятной основе и началась экономические реформы в Китае.

Стал создаваться рыночный сектор экономики. Прежде всего, в него вошли или его частью стали сельские или поселковые предприятия.

Рыночная экономика стала создаваться на пустом месте, ибо иного места для нее Мао Цзэдун не оставил.

Рыночная экономика за первые 10 лет реформ стала составлять 40% всей экономики Китая. Рыночная экономика представляла собой живую часть экономики Китая. Это и была Жизнь Китая, Спасение Китая.

Однако после периода оформления того, что реально существовало или что можно было относительно легко создать в Китае, наступил период, когда нужно было сокращать сектор плановой экономики. Реформировать средние и крупные промышленные предприятия, находившихся в собственности государства.

Это было связано с реформой ценообразования.

А это – болезненная операция для всего населения страны.

Вот тут-то и наступил период испытаний, возникновения новых проблем, поисков их решения.

Эти поиски оказались далеко не всегда удачными.

Ситуация осложнялась психологическим состоянием населения. Населения, узнав о предстоящем и начавшемся повышении цен, обеспокоилось столь сильно, что это требовало принятия быстрых и существенных экономических мер.

Это не удалось сделать.

Более того, власти, в том числе Чжао Цзяян, переоценили опасность создавшейся ситуации и совершили ряд ошибок.

Изъятие вкладов из банков и скупка товаров привели к всеобщим паническим настроениям, которые приобрели силу приливной волны. Каждый главный город находился в напряженной ситуации. Критические выступления внутри и вне партии нарастали. Поэтому власти на всех уровнях испытывали на себе давление.

Это стало причиной того, что мы переоценили серьезность экономических проблем и поверили в то, что инфляция взлетела вверх. Мы не применяли термин «запредельная инфляция», но называли ее «инфляцией на высоком уровне». Фактически мы не проанализировали должным образом эту инфляцию.

Мы решили навести порядок в экономических делах в 1988 году. Мы начали смещать акцент с реформ на «регулирование и реорганизацию». При этом нашим намерением было обуздать панические настроения в народе, однако эффект от всего этого был чрезвычайно негативным и если рассматривать то, что тогда происходило, в ретроспективе, то не следовало действовать таким образом.

Вероятно, сказалось воздействие привычек, традиций, возникших во времена правления Мао Цзэдуна. Тогда после провалов в экономике прибегали к «регулированию» и «реорганизации». Это были «регулирование» и «реорганизация» все той же плановой системы экономики; это было

обращение к административным, а не к экономическим методам решения экономических проблем.

В конце 1980 гг. применили тот же прием. Иными словами, действовали так, как будто бы еще и не была рыночного сектора экономики, как будто бы и не было пути выхода из ситуации на пути продолжения рыночных реформ.

Мы должны были бы стабилизировать экономику, устанавливая контроль над расходами на инфраструктуру и на денежную массу. Если бы мы это сделали, экономику можно было бы стабилизировать. Не было никакой необходимости для массовой реорганизации и сокращения. Если бы мы углубляли реформы, что означало дальнейшее сокращение сектора плановой экономики при развитии сектора рыночной экономики, ситуация могла бы развиваться плавно. (С. 223) Одной из целей предложенных тогда «урегулирования и реорганизации» состояла в том, чтобы быстро создать условия для новой попытки реформировать систему цен и заработной платы, чтобы покончить с двойной системой цен. (С. 223–224) Но в настоящее время я понимаю, что эта идея не была реалистичной. (С. 224)

Такие люди, как Ли Пэн и Яо Илунь, всегда с предубеждением относились к реформам. Поэтому, как только был предложен лозунг «урегулирование и реорганизация», а также, учитывая то обстоятельство, что экономические вопросы находились в сфере их прямого подчинения, они затянули гайки на всех фронтах. Они восстановили прежние методы, осуществили большой откат с помощью административных мер. Были снова введены в действие властные полномочия, которые в свое время передавались вниз, на места. Были отменены те меры, которые существенным образом учитывали действие рыночных механизмов.

Спустя несколько месяцев после этого, произошло замедление экономического развития; сокращение продолжалось на протяжении двух или трех лет. Это показывает, что не было проблемы, если говорить об экономике Китая в целом; напротив, можно задать вопрос о том, почему эти слабости обнаружились только после введения мер административного контроля?

Чжао Цзяян пришел к выводу о том, что в 1988 году имелись возможности продолжения политики развития сектора рыночной экономики и сокращения сектора плановой экономики.

Однако в то время все руководители, в том числе и он сам, согласились с переходом к политике «урегулирования и реорганизации».

На практике дело осуществления этой установки попало в руки Ли Пэна и Яо Илуна, которые ведали экономикой в ГС КНР. Они были противниками реформ. Поэтому их усилия были сосредоточены на том, чтобы всемерно возвращать административные методы руководства экономикой.

В результате произошло замедление экономического развития, которое продолжалось на протяжении двух или трех лет, то есть в 1989–1991 гг.

Именно этот отрицательный опыт привел многих людей к осознанию необходимости продолжения экономических реформ, начатых Чжао Цзыяном, продолжению, которое по сути своей имело своим содержанием сокращение сектора плановой экономики и развитие сектора рыночной экономики.

490
И
С
Т
О
Р
И
Я
К
И
Т
А
Й
С
К
О
Й
Э
К
О
Н
О
М
И
К
И
И
П
О
Л
И
Т
И
К
И

В конечном счете результаты «урегулирования и реорганизации» не были хорошими. Мое намерение состояло в том, чтобы использовать этот лозунг для того, чтобы быстро добиться стабилизации экономики и создать благоприятные условия для того, чтобы заново осуществлять реформу цен и заработной платы, и продолжать действовать в соответствии с первоначальным планом. Если взглянуть на это в ретроспективе, то это была ошибка.

Чжао Цзыян признает свою ошибку. Он полагает, что не было оснований для отступления к политике «урегулирования и реорганизации», а надо было продолжать осуществление экономических реформ.

Экономика не проявляла признаков оживления снова вплоть до поездки Дэн Сяопина на юг в 1992 году. Тогда он раскритиковал «урегулирование и реорганизацию», и предложил нам воспользоваться возможностями для того, чтобы ускорить развитие и реформы. Это было встречено людьми с одобрением, и лишь один раз доказало, что прямодушный откат назад и сокращения в экономике не согласуются с реалиями Китая. Если бы экономика Китая действительно находилась в бедственном состоянии, и если бы инфляция была столь серьезной, тогда было бы невозможно для экономики восстановиться так быстро, реагируя на высказывания Дэна, сделанные им во время поездки на юг.

Чжао Цзыян указывает на то, что быстрый рост экономики после указания Дэн Сяопина в 1992 году отказаться от политики «урегулирования и реорганизации» свидетельствует о том, что состояние экономики Китая после 10 лет реформ позволяло продолжать реформы.

Существуют два важных вопроса из тех времен, которые есть необходимость пересмотреть.

Один вопрос касается реформ: при наличии двойной системы единственный путь реформ состоит в том, чтобы осуществлять переход постепенно, шаг за шагом мало-помалу увеличивая, расширяя рыночные механизмы, и в то же время, в возрастающей степени сокращая сектор плановой экономики. Мы должны продвигаться при расширении рыночного сектора шагжок за шагжком. Невозможно трансформировать плановую экономику в рыночную экономику одним махом. В ретроспективе метод,

соответствующий принципу «все и сразу», представляется не подходящим; такого рода основной подход к проблеме был ошибочным.

Чжао Цзыян анализирует свои ошибки и делает выводы относительно тактики осуществления экономических реформ.

Он решительно отвергает намерения трансформировать плановую экономику в рыночную экономику одним махом.

В КНР перед началом реформ стихийно возникла ситуация, при которой была основа для создания рыночного сектора экономики. Речь идет о деревне.

Когда в стране есть две системы экономики, плановая и рыночная, тогда, по мнению Чжао Цзыяна, необходимо постепенно, шаг за шагом, продвигаться в направлении преобразования плановой экономики в рыночную экономику. Иные подходы, в особенности, действия по принципу «все и сразу» могут окончиться крайне неблагоприятно.

Другой вопрос состоял в том, что тогда, когда из банков стали забирать сбережения, и возникла паника на покупательском рынке, была переоценена серьезность ситуации. Необходимые меры могли быть приняты, однако не должно было начать двигаться в новом направлении. Скорее, надо было бы принять меры с целью углубления реформ для того, чтобы стабилизировать ситуацию. (С. 224) Если бы мы поступили таким образом, можно было бы избежать и паники на покупательском рынке в 1988 году и стагнации и отката в следующие несколько лет. (С. 224–225)

Чжао Цзыян признает, что в 1988 году в КНР политика в области экономики была ошибочной. В результате имели место стагнация на рынке и откат на протяжении нескольких последующих лет. Ход реформ в КНР вовсе не был всегда ровным, плавным и удачным.

Проблема заключалась тогда в том, что мы думали тогда о реформе цен. Мы не следовали по тому пути, по которому шли до того на протяжении нескольких лет, а вместо того мы попытались использовать грубую силу с целью совершить прорыв. При этом мы верили, что трансформация рыночного характера сама себя завершит впоследствии. Фактически это было лечение методом шоковой терапии.

Чжао Цзыян прямо называет методом шоковой терапии действия руководства КПК–КНР в 1988 г. в целях осуществления реформы цен.

Далее, ошибочными были и время, выбранное для осуществления реформы цен, и реклама осуществления политики реформы цен. Весной 1988 г. проблема взлета цен, возникшая в масштабах всей страны, появилась не из-за перегрева экономики в 1987 г., она не была инициирована и чрезмерным вбросом денежной массы. Главная причина состояла в том, что тогда, когда мы установили цены на продукты сельского хозяйства, мы не

сделали это должным образом. Цены на мясо, овощи, и яйца были подняты; сам факт того, что цены были подняты, уже оказался в фокусе внимания. Поэтому когда мы затем выработали планы реформы цен, мы выбрали для этого неудачный (плохой) момент, и это, естественно, породило панику. Реклама этого нашего плана была в особенности не такой, какой она должна была бы быть; поэтому мы так сильно пострадали от этого в результате. Именно это и явилось главной причиной возникновения паники на покупательском рынке: люди покупали не потому, что нуждались в этих именно товарах, но скорее для того, чтобы сохранить хотя бы в виде этих ценностей свои сбережения.

Во время всего процесса выработки плана реформы цен, его обсуждения и формирования его в окончательном виде, газеты продолжали и продолжали публиковать статьи. Кто-то сообщал о том, что сказал Дэн Сяопин; другие приводили мои высказывания. Это придавало проблеме какой-то спортивный колорит. Они говорили, что самая легкая часть реформ уже осуществлена, и что теперь у нас будут проблемы с ценами.

Все эти факторы в их совокупности заставили людей паниковать. Таким образом, ситуация того времени имела своей причиной те неподходящие меры, которые мы приняли. Когда вклады стали изымать из банков, когда началась паника и стали скупать товары, мы не сумели хладнокровно проанализировать и оценить ситуацию. Мы слишком поторопились с выдвиганием лозунга «урегулирования и реорганизации», а в результате те, кто находились в оппозиции к реформам, получили шанс, что стало причиной экономического спада на протяжении нескольких последующих лет. (С. 225)

Очень важным представляется признание Чжао Цзыяном своих ошибок в 1988 году.

Не менее важно и то, что Чжао Цзыян в последующем внимательно разобрался в том, что тогда происходило, и что можно было сделать для того, чтобы не допустить тех негативных последствий, которые имели место. Это означает, что ошибок можно было избежать. Чжао Цзыян знает, как их избежать и прямо пишет об этом.

Наконец, Чжао Цзыян указывает на то, что противники экономических реформ использовали его ошибки и стали осуществлять свою политику, результатом чего стал экономический спад в КНР. Этот спад имел место в 1989–1991 гг.

Итак, реформы в Китае начались в конце 1970-х гг. На протяжении ряда лет их удавалось осуществлять довольно успешно.

Затем, в конце 1980-х гг., были совершены ошибки, применены методы шоковой терапии. За этим последовал спад на несколько лет. Таким был процесс реформ в Китае с конца 1970-х гг. до начала 1990-х гг.

ПОПЫТКИ РЕФОРМЫ СИСТЕМЫ ЦЕН

Чжао Цзыян специально останавливается на перипетиях процесса попыток реформировать систему цен.

Попытка добиться прорыва в реформе цен состояла в следующем. В мае 1988 года я выступил с докладом на расширенном заседании политбюро ЦК КПК: «Установить Новый Экономический Порядок: Социалистическая Рыночная Экономика». Я предложил, чтобы за пять лет мы урегулировали цены и не надлежащий уровень заработной платы ценой повышения цен каждый год. На заседании было решено, что Государственный Совет выработает соответствующий план. (Вице-премьер) Яо Илун со своими коллегами (помощниками) составил проект детального плана. Этот проект обсуждался однажды в Бэйдайхэ, после чего они внесли туда поправки, и документ был возвращен в Политбюро на рассмотрение.

Чжао Цзыян в мае 1988 г. выступил с предложением осуществить реформу цен. На заседании Политбюро ЦК КПК было принято его предложение на протяжении следующих пяти лет ежегодно повышать постепенно цены, одновременно производя урегулирование заработной платы. Очевидно, что в принципе все руководители Китая понимали, что осуществлять прорыв в области ценообразования, то есть вести дело к ликвидации двойной системы цен, необходимо, что это неизбежно.

В то время, когда мы обсуждали этот вопрос, по стране началась широко распространяться паника, выразившаяся в закупках товаров. Тогда люди стали в ходе этого обсуждения выражать опасения относительно того, что реформа цен будет вызывать проблемы. Я сказал на заседании Политбюро, что при осуществлении упомянутой реформы каждый ее шаг не должен быть слишком большим, и в то же время мы должны сократить расходы на инфраструктуру, выразившиеся в миллиардах юаней, с тем, чтобы сократить потребности рынка в стали и в других ресурсах. Время для этого воспринималось как относительно подходящее: экономика росла, доходы людей увеличивались. Плюс к тому, у нас в запасе были и еще некоторые меры. (С. 226) Например, у нас было много пустых домов, которые могли быть проданы с тем, чтобы изъять из обращения некоторую сумму денег. (С. 226–227) Мы также могли продать некоторые малые и средние предприятия. (С. 227) Наша главная

цель при осуществлении реформы цен состояла в том, чтобы скорректировать уровень цен и дать возможность предприятиям примениться к условиям рынка путем честной конкуренции, а также повысить их эффективность.

Реформа цен, с точки зрения Чжао Цзыяна, была неотъемлемой составной частью перехода от плановой к рыночной экономике. В ходе осуществления реформы цен предполагалось дать возможность предприятиям примениться к условиям рынка путем честной конкуренции, а также повысить их эффективность.

В августе региональные власти, особенно в Тяньцзине и Шанхае, были озабочены, однако никто не выражал со всей ясностью свое мнение. И поэтому в Бэйдайхэ план был одобрен. В процессе его осуществления не возникало явного несогласия, даже со стороны Яо Илня и его коллег (помощников) в Государственном совете, поскольку именно они и составляли детальный план. Товарищ Дэн Сяопин всегда верил в реформу цен. В 1988 году он несколько раз говорил о том, что с реформой цен слишком запаздывают. И что дело обстоит бы лучше, если бы это было сделано несколькими годами ранее.

Упоминание о позиции Дэн Сяопина свидетельствует о том, что Чжао Цзыян был наиболее осторожным политиком тогда, когда дело касалось экономических реформ. У Дэн Сяопина неоднократно проявлялось нечто общее в характере с Мао Цзэдуном. Он иной раз стремился действовать слишком быстро.

В мае на расширенном заседании Политбюро я предложил, чтобы мы добились значительного продвижения вперед в реформе цен на протяжении нескольких предстоящих лет. До этого я обсуждал этот вопрос с Дэн Сяопином, и он очень поддержал эту мысль. Позднее он сказал публично, что в реформе цен необходим прорыв, и что мы должны преодолеть трудности. Он также сказал, что наша проблема состоит не в том, что мы, возможно, решимся на слишком смелые шаги, но скорее в том, что мы, возможно, будем проявлять колебания и нерешительность, а затем, встретившись с проблемами, будем сомневаться или отступим. Я думаю, что в своем понимании того, что такое реформа цен, Дэн Сяопин основывался в основном на озабоченности теми потерями, которые понесут при этом предприятия, находящиеся в собственности государства и надеялся на то, что удастся уменьшить субсидии, предоставляемые государством. Он часто говорил, что из-за неправильного ценообразования мы тратим миллиарды юаней на упомянутые субсидии. Он спрашивал Яо Илня несколько раз: «Если мы двинемся вперед с этой реформой, сколько миллиардов мы сможем сэкономить на субсидиях? Если мы не пойдем на реформу, насколько они возрастут?»

Он был очень твердо настроен в пользу поддержки реформы цен. Он любил делать смелые шаги, и он вдохновлял все, что было связано с реформами.

Дэн Сяопин сыграл свою роль в 1988 году. Чжао Цзыян берет ответственность за ошибки в осуществлении реформы цен на себя. Это говорит о том, что, в отличие от многих политиков, Чжао Цзыян был ответственным человеком, он не был приверженцем установки: «власть без ответственности». В то же время объективно на Дэн Сяопине лежит доля ответственности за то, что тогда произошло, за допущенные в то время ошибки. Именно настрой Дэн Сяопина на шоковую терапию и в этом случае с реформой цен стал, пожалуй, одной из главных причин, которые привели к ошибочным шагам властей.

Конечно, если мы считали, что что-то было выполнить слишком трудно, он не настаивал. Поэтому ответственность за попытку реформировать цены в 1988 году лежит не на нем, но в основном за это несу ответственность я. Это я предложил все это. Весь процесс, начиная с разработки плана, и вплоть до обсуждения этого вопроса в Государственном совете, проходил под моим председательством, и был утвержден (одобрен) мной. В последний момент, когда мы столкнулись с трудностями, я предложил отложить осуществление реформ с согласия (Дэна).

В характере Чжао Цзыяна всегда проявлялось сочетание двух важных побудительных мотивов. Прежде всего, и это необходимо подчеркнуть со всей возможной силой, Чжао Цзыян был творческим человеком, его творческая мысль работала непрерывно. Именно он рождал идеи экономических реформ в Китае. Он был их генератором и мотором. При этом Чжао Цзыян не только не уходил от ответственности, не перекладывал ее на других, а смело и решительно брал на себя ответственность и за выдвижение предложений, и за выработку планов, и за осуществление реформ, и за ошибки и недостатки в ходе «делания» реформ.

В конечном счете я решил остановить реформу цен и вернуться к «урегулированию и реорганизации». И как раз перед тем, как принять такое решение, в сентябре я говорил с Яо Иллинем. Я сказал тогда, что все мы должны быть едины в том, что касается решения отложить реформу. (С. 227) Он сказал, что это можно отложить на несколько месяцев, до второй половины 1988 года, когда мы сможем пересмотреть оценку ситуации. (С. 227–228) Позднее, из-за воздействия реформы цен, и из-за напряженности во многих районах страны, я пришел к выводу о том, что мы должны отложить осуществление этой реформы, и сконцентрироваться на улучшении экономической обстановки и на снижении опасений, которые испытывали люди. Мы можем осуществить эту битву позднее. После того, как я принял это решение, я снова говорил с Ли Пэнном и Яо

Илинем, и они согласились со мной. Я ощущал необходимость доложить товарищу Дэн Сяопину. Как раз перед тем, как я принял решение, Дэн Сяопин говорил с Ли Пэном и вдохновил нас, сказав: «Не бойтесь». Он сказал, что существуют риски, связанные с реформой цен. Но речь идет о таких рисках, на которые нужно идти. А если что-то случится, то он возьмет ответственность на себя. Учитывая все это, если я собирался остановить реформу цен, я должен был доложить об этом Дэну. Проблему было очень трудно объяснить; ведь это предполагало изменение в направлении, что было не легко изложить в нескольких фразах. Плюс к тому, Дэн Сяопин плохо слышал. Поэтому я попросил (секретаря Дэна) Ван Жуйлиня прийти ко мне в кабинет, и обрисовал ему ситуацию в деталях. Я объяснил, почему я принял решение отложить исполнение плана, и объяснил, почему дело будет плохо, если мы не отложим его осуществление. Я попросил его передать это Дэн Сяопину, потому что он работал тесно с Дэном и мог ясно разъяснить вопрос. После того как это было доложено Дэну, решение приняло окончательный вид на заседании Политбюро. (С. 228)

В 1988 году Чжао Цзыян выдвигал предложения относительно хода реформ, в том числе и относительно изменения их темпов.

Его предложения были в известной степени обоснованы. Чжао Цзыян исходил из необходимости улучшить экономическую обстановку в стране и считаться с опасениями, возникшими у массы населения Китая. Поэтому он предложил отложить осуществление реформ. Чжао Цзыян побудил принять его предложение Ли Пэна и Яо Илия.

Самое трудное было в том, как разъяснить в деталях сложившуюся в экономике страны ситуацию Дэн Сяопину. Ведь тогда Дэн Сяопин призывал действовать смелее, идти на прорыв. Чжао Цзыян добился понимания со стороны Дэн Сяопина, доведя до него свои соображения через секретаря Дэн Сяопина Ван Жуйлиня.

Решение Чжао Цзыяна остановить реформу, приостановить на некоторое время ее осуществление, перейти к «урегулированию и реорганизации», было вынужденным и на короткое время правильным. Все дело было в том, какими методами осуществлять это решение и на протяжении какого времени проводить в жизнь установку на «урегулирование и реорганизацию».

Чрезмерное увеличение сроков действия этой установки, осуществление ее с помощью возвращения к административным методам руководства экономикой – вот что оказалось самой крупной ошибкой. Но это была ошибка Ли Пэна и Яо Илия, а не Чжао Цзыяна.

НЕОБХОДИМОСТЬ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ

Чжао Цзыян убежден в том, что экономические реформы были совершенно необходимы в Китае.

Он также убежден в том, что за 10 лет, с 1978 года по 1987 год, в КНР успешно осуществлялись экономические реформы.

Чжао Цзыян в своих мыслях возвращается к тому, что удалось сделать в ходе осуществления реформ, и что же произошло в 1988 году.

Мы планировали достичь великого прогресса в 1988 году в области осуществления политики реформ и открытости. В конце 1987 года было предложено сделать остров Хайнань отдельной провинцией, и планировалось объявить ее специальной экономической зоной (СЭЗ) с администрацией провинциального уровня, превратив ее в самую большую из всех СЭЗ. Началось создание проекта Закона о предприятиях. В марте 1988 года ВСНП принял предложение создать провинцию Хайнань в качестве СЭЗ, а также и Закон о предприятиях и правила функционирования частных предприятий. ВСНП также принял поправки к Конституции, касающиеся права пользования землей и развития частных предприятий.

В начале 1987 года Дэн Сяопину путем закулисных интриг удалось добиться ухода Ху Яобана с поста генерального секретаря ЦК КПК.

Это оказалось в русле общего направления политики Дэн Сяопина.

Дэн Сяопин допускал осуществление тех или иных экономических реформ. Вместе с тем он видел своей главной задачей сохранение политического режима, установленного в Китае Мао Цзэдуном.

В мыслях Дэн Сяопина главное место занимала забота о том, чтобы сохранить власть КПК – КНР, то есть, прежде всего, и главным образом, его собственную власть, над континентальным Китаем. Условием для этого являлось экономически устойчивое положение или стабильность.

Дэн Сяопин закрепил эту установку с помощью выдвижения призыва твердо придерживаться Четырех Основных Принципов:

- Пути Социализма;
- Демократической Диктатуры Народа;
- Политической Власти КПК;
- Марксизма и Идей Мао Цзэдуна.

Этот лозунг стал признанным в партии.

Дэн Сяопин считал, что главная опасность для Четырех Основных Принципов внутри партии исходила со стороны Ху Яобана. Ху Яобан действительно был антиподом Мао Цзэдуна, прежде всего, в том, что касалось понятий свободы и демократии.

Добившись отстранения Ху Яобана с поста генерального секретаря ЦК КПК, Дэн Сяопин считал возможным и нужным доказывать населению Китая, что он выступает за продвижение по пути экономических реформ, то есть стремится содействовать улучшению материальной жизни людей в Китае.

Очевидно, что именно в такой обстановке для Чжао Цзыяна и возникла возможность существенно продвинуться по пути экономических реформ в 1987–1988 гг. Поэтому Чжао Цзыян и говорил о планах достижения великого прогресса в 1988 г.

В этой связи имелись намерения сделать в 1988 г. два крупных шага.

Во-первых, превратить весь довольно крупный остров Хайнань в самую большую по площади в КНР специальную экономическую зону (СЭЗ).

Во-вторых, разработать закон о предприятии.

Иными словами, Чжао Цзыян хотел добиться существенного продвижения на пути осуществления своего предложения о создании «золотого побережья», которое дало бы возможность Китаю стать частью мировой экономики и начать процесс бурного рыночного экономического развития Китая. Чжао Цзыян стремился также создать юридическую основу для превращения предприятий в субъекты рыночной системы.

В Законе о предприятии были отделены одно от другого понятия о праве (власти, полномочиях) собственности и праве управления. При этом намерение состояло в том, чтобы сделать упор на праве (полномочиях) использовать собственность и управлять собственностью как то, что отличается от права собственности. Было признано, что предприятие – это юридическое (законное) лицо (понятие). Государство предоставляло свою собственность предприятию с тем, чтобы оно могло ее использовать и управлять ею. В соответствии с новым законом, государство больше не разрешалось вмешиваться незаконно в дела предприятий. Благодаря чему таким образом уменьшалась важность права (сокращалась сфера прав) государства на собственность. Мы также установили «систему ответственности» директора предприятия (фабрики), подчеркнув тем самым роль директора как юридического представителя предприятия.

В этом документе также была закреплена (принята) политика, которая формально (официально) позволяла (разрешала, допускала) существование и развитие (рост) семейного предпринимательства (семейного бизнеса) и частных предприятий. Им был придан законный статус. (С. 229) Поправки к Конституции также включали в себя право пользо-

вания земель, что означало разрешение сдавать землю в аренду. (С. 229–230) Все это представляло собой части процесса продвижения реформ вперед. (С. 230)

Закон о предприятии предусматривал разделение права собственности и права пользования.

В условиях КНР в то время было важно, с точки зрения Чжао Цзяна, постепенно, шаг за шагом, продвигаться вперед от плановой системы экономики к рыночной системе.

Иными словами, с одной стороны, продвижение должно было быть неизбежным и непрерывным, а, с другой стороны, оно не должно было происходить в форме рывков, скачков, революций, но лишь медленно, постепенно, шагком за шагком. Этим и занимался Чжао Цзян. В этом и заключалась тактика осуществления им экономических преобразований или реформ в Китае.

Для Дэн Сяопина, для теневых «хозяев» партии, для ее «старейшин», для значительной части правящего партийно-государственного аппарата, то есть для номенклатуры, для власть предержащих было важно иметь в руках рычаги, с помощью которых они надеялись вечно держать в своих руках политическую власть над Китаем.

Такими рычагами могли выступать лозунги и термины: «социализм со своеобразием Китая (социализм со спецификой Китая)», «социалистическая рыночная экономика», а также сохранение права собственности официально и формально в руках государства, предоставление людям, частным лицам, семьям, коллективам только права управления и на предприятия и, что чрезвычайно важно, на землю.

Чжао Цзян, понимая это, шел на удовлетворение запросов номенклатуры. Ее нужно было, по крайней мере, нейтрализовать, добиться того, чтобы она не мешала развитию рыночных преобразований в Китае, и в деревне, где дело касалось земли и поселковых предприятий, и в городе, где речь тогда шла, главным образом, о предприятиях.

В это время было сформулировано много важных идей относительно реформы предприятий. В 1987 году мы продвигали схему заключения внешних контрактов (вовне предприятий), которая также была направлена на разделение двух властей (права собственности и права хозяйствования). В 1988 году мы ввели механизм соревновательности (или конкуренции) в упомянутую схему заключения внешних (для предприятий) контрактов. Позднее мы предложили подход, состоявший в создании сельских предприятий (с большой степенью свободы от контроля со стороны государства) применительно к средним и крупным предприятиям, находившимся в собственности государства. Мы ввели систему акционирования для средних и крупных предприятий. Мы предложили «метод заимствования», чтобы перенимать зарубежную систему финансирования, технологии, уп-

равления и маркетинга. Фактически мы использовали механизм совместных предприятий для наших средних и крупных государственных предприятий. Иными словами, мы заимствовали подход и «внедрили» его в наши предприятия с тем, чтобы трансформировать их.

Применительно к предприятиям Чжао Цзыян предложил разделить право собственности и право хозяйствования. При этом постепенно внедрялись рыночные правила функционирования на средних и крупных государственных предприятиях.

Позднее мне довелось знакомиться с новостями о таких государственных предприятиях, которые восприняли свободный стиль управления в Ланьси, что в провинции Чжэцзян, и это было довольно вдохновляющим. В дальнейшем, я предложил позволить средним и крупным предприятиям принимать свободный стиль управления и брать на себя ответственность и за свои доходы, и за свои убытки.

Далее Чжао Цзыян стал автором предложения о свободном стиле управления средними и крупными предприятиями. В принципе это означало, что предприятия продолжали считаться находящимися в собственности государства, однако им предоставлялось право нести ответственность и за свои доходы, и за свои убытки. Так Чжао Цзыян постепенно вел экономику Китая к рынку.

То, что называется «свободным стилем управления» означает, что правительственные учреждения больше не должны были вмешиваться в управление предприятиями. Предприятия должны были все решать сами: устанавливать цены, определять то, какую продукцию производить, как распределять доходы, и все то, что имеет отношение к бизнесу. При условии, что они не нарушают законы, они могли независимо управлять своими делами.

В августе и в сентябре я рассматривал концепцию «свободного стиля при управлении (менеджменте)» и «ответственности каждого самого и за свои доходы, и за свои убытки», как важный аспект реформы предприятий. Я подчеркивал, что это две неотделимых одна от другой части целого: ведь только при том условии, если мы допустим свободное управление хозяйственными делами, предприятия смогут взять на себя ответственность за свои доходы и за свои убытки; и если только они будут нести ответственность за это, они смогут по-настоящему иметь возможность действительно хорошо сами вести свои дела. В противном случае, нам придется столкнуться с ситуацией, при которой «предприятия будут пользоваться доходами, а бремя убытков возлагать на государство».

Кое-кто говорил, что при таком ведении дел (бизнеса) «предприятия окажутся без руководства сверху». Это не верно. Действительно, это были предприятия, не находящиеся под административным управлением

правительства. Все упомянутые подходы были направлены на улучшение эффективности и на то, чтобы дать предприятиям возможность хозяйствовать должным образом и усиливаться при приспособлении к ситуации в процессе реформы цен.

Отделение административного управления со стороны властей от хозяйственной деятельности предприятий, то есть освобождение экономики от «узды» государства – вот к чему вел дело Чжао Цзыян.

С его точки зрения, неразрывно связанными оказывались две стороны этого процесса: предоставление предприятиям права самим решать все свои хозяйственные вопросы и принятие предприятиями ответственности за результаты своей хозяйственной деятельности, за ее успехи и за ее провалы.

Чжао Цзыян предостерегал против повторения известного в истории Китая опыта, когда предприятия старались пользоваться доходами, а бремя убытков возлагать на государство.

Чжао Цзыян сталкивался с возражениями: «При таком подходе предприятия окажутся без руководства сверху». Чжао Цзыян считал такой подход не верным. С его точки зрения, главное было в том, чтобы с помощью всех этих приемов добиваться повышения производительности труда, повышения эффективности. Он полагал, что только при таком подходе предприятия могут сами хорошо вести свои дела.

После того как была предложена реформа цен, я ощутил, что все это зависит полнейшим образом от эффективности и гибкости предприятий. Ведь только в этом случае мы могли избежать возврата к старой системе цен. Нам было необходимо углублять реформы, особенно реформу предприятий. (С. 230)

В это время я также проявлял очень большой интерес к системе акционирования. В сентябре 1988 г. я встретился с известным американским экономистом Милтоном Фридманом. Я сказал: «Наша самая большая проблема заключается в том, что у нас все находится в собственности государства, и в то же время не ясно, у кого в руках находится власть управленческого характера. Моя она? Или его? Это может означать, что никто не несет ответственность». В то время реформа предприятий столкнулась с проблемой права собственности. Система акционирования была предложена с тем, чтобы справиться с этой проблемой и углубить реформу.

Итак, с приходом к власти в Китае в 1949 г. Мао Цзэдуна и Коммунистической партии Китая в первые годы существования КНР были осуществлены реформы. В результате земля и предприятия стали государственной собственностью.

Человека, таким образом, лишили заинтересованности в повышении производительности труда, ибо результаты работы оценивались не с экономических позиций, а административной системой.

Самая большая проблема в Китае осенью 1988 года, по словам Чжао Цзыяна, состояла в том, что не было четкого разделения между государственной собственностью и властью управленческого характера.

Собственно говоря, это и создавало благоприятные условия для того, чтобы никто ни за что не отвечал.

Следовательно, возникала задача разграничить функции административного и хозяйственного управления. Чжао Цзыян предложил сделать это с помощью системы акционирования.

Чжао Цзыян думал о том, что собой представляет, с экономической точки зрения, весь тот механизм, вся та система, которая была создана Мао Цзэдуном. При этом выяснялось, что улучшению жизни китайцев, повышению уровня их жизни мешает то обстоятельство, что все в Китае является государственной собственностью (собственно и самого человека рассматривали как частицу собственности государства-партии), и в то же время не ясно, у кого в руках находится власть управленческого характера. Становилось очевидно, что у номенклатуры эту власть надо было отобрать, потому что номенклатура предпочитала руководствоваться принципом: «власть – да; ответственность – нет».

Зимой 1987 года была также предложена стратегия развития морского побережья. Это был чрезвычайно важный вопрос. Я также предложил превратить всю провинцию Гуандун в испытательный полигон политики реформ, то есть в то место, где все можно было бы начинать делать в первую очередь.

Все эти усилия позволяли нам продвигаться гладко, при этом политика реформ и открытости могла продвигаться вперед. Все нужные условия имелись. Вослед успешному XIII съезду партии реформы могли совершить гигантский шаг вперед.

Чжао Цзыян зимой 1987 г. предложил стратегию развития морского побережья Китая.

Тогда же он выдвинул идею превращения всей провинции Гуандун в полигон для испытания эффективности новых экономических реформ.

С точки зрения Чжао Цзыяна, тогда имелись все условия для того, чтобы совершить гигантский шаг вперед в области экономических реформ.

К сожалению, из-за ошибочных шагов в ходе реформы цен, оказалось невозможно не только продвинуться вперед в попытках осуществления реформ во всей их совокупности, но эти реформы пострадали от отката, что кончилось политикой «урегулирования и реорганизации». Когда я думаю об этом сейчас, я все еще глубоко сожалею об этом.

С точки зрения Чжао Цзыяна, в Китае к концу первого десятилетия реформ имелись условия для продвижения вперед в деле осуществления реформ во всей их совокупности.

Думается, что так думал далеко не один Чжао Цзыян, но и та часть руководителей и членов партии, которая активно продвигала дело реформ. Еще более важным здесь представляется то, что для этого действительно имелись объективные, прежде всего, экономические, но не только, условия. Это совпадало с интересами народа Китая.

Однако руководители партии и государства, в том числе Чжао Цзыян, совершили ошибки, сделали ошибочные шаги. В результате этих ошибок имел место откат назад в деле реформ, переход к осуществлению установок на «урегулирование и реорганизацию».

Иными словами, в конце первого десятилетия реформ в Китае реформы экономического порядка были остановлены или приостановлены, более того, произошло определенное возвращение к экономическим порядкам предшествующего периода, то есть периода правления Мао Цзэдуна.

Некоторые ситуации, которые возникли после (внесения и начала осуществления) предложения об «урегулировании и реорганизации», оказались даже гораздо хуже того, что я предвидел. В Госсовете Ли Пэн и Яо Илинъ использовали «урегулирование и реорганизацию» для того, чтобы полностью восстановить старые методы и целиком повернуть реформы вспять.

Чжао Цзыян видел недостатки политики «урегулирования и реорганизации». Однако он считал, что их можно было минимизировать.

Так не случилось. Сыграло свою роль то, что после того, как Дэн Сяопин добился ухода Ху Яобана с поста генерального секретаря ЦК КПК и перемещения на этот пост Чжао Цзыяна, он же, то есть Дэн Сяопин, поставил во главе правительства КНР Ли Пэна и Яо Илина. Тем самым Дэн Сяопин отдал реальную власть в области руководства экономикой страны именно Ли Пэну и Яо Линю, которые были противниками реформ Чжао Цзыяна.

Ли Пэн и Яо Илинъ совершили два «действия», которые есть основания считать преступлениями перед народом Китая.

В конце 1987 г. и в 1988 г. они использовали «урегулирование и реорганизацию» для того, чтобы полностью восстановить методы руководства экономикой страны, применявшиеся при правлении Мао Цзэдуна, а также целиком повернули реформы вспять. Из-за этого «откат назад» в реформах продолжался с 1988 г. по 1992 г.

Они же помогли Дэн Сяопину сместить с поста Чжао Цзыяна в 1989 г. и первыми выступили с нападками на него и с предложениями ввести в Пекине военное положение.

Они использовали много правил, законов и ограничений, и установили контроль над расходами на инфраструктуру. Они отменили большую часть мер, которые были осуществлены в предшествующие годы с тем,

чтобы оживить работу предприятий. Они отобрали права, которые были ранее предоставлены властям и предприятиям на местах.

Рост индекса потребительских цен в 1989 году не был больше, чем в 1988 году, и достиг уровня, который я изначально планировал. Однако они (Ли Пэн и Яо Илин) превратили цель в порядок, и возложили на административные власти на всех уровнях ответственность за это (введение такого порядка). Это означало, что некоторые из цен на товары, которые были отпущены, снова попали под жесткий административный контроль.

На протяжении некоторого времени сельские районы страны обладали свободой выбора в том, что касалось урожая, после выполнения квот, установленных государством: то есть они решали производить или не производить (выращивать или не выращивать) и, если выращивать, то (что и) в каких количествах. Это их право было также отменено. Все это было вновь возвращено в сферу, планированием которой занималось государство. Стратегия развития побережья, которая была только что предложена, и осуществление которой должно было начаться, была полностью выброшена.

Все это означало полное возвращение старой системы, и огромный откат назад в области реформ. (С. 231) Власть была сконцентрирована в руках нескольких лиц в Госсовете и в нескольких органах ЦК партии. (С. 231–232) Например, с той целью, чтобы контролировать займы и кредиты, изъятие сбережений из банков простыми людьми было заморожено, допускались только депозитные вклады. (С. 232)

И как только они стали осуществлять «урегулирование и реорганизацию» в такой форме, экономика стала быстро идти ко дну: рынки упали, и производство стало стагнировать. Если бы не сектор семейного хозяйства (бизнеса), который не находился в собственности государства, и не совместные предприятия, всю экономику страны могло бы постигнуть ужасное бедствие. (С. 232)

Чжао Цзыян переводил экономику Китая из сферы планирования в сферу рынка.

Ли Пэн и Яо Илин перевели ее снова в сферу государственного планирования.

Итак, Ли Пэн и Яо Илин при попустительстве или при поощрении Дэн Сяопина (который, во всяком случае, им тут не противодействовал) предприняли попытку остановить экономические реформы Чжао Цзыяна в Китае, перевести рыночную экономику в состояние плановой экономики. Они отказались от осуществления стратегии развития морского побережья Китая. Власть была снова сконцентрирована в руках нескольких лиц в Госсовете КНР (то есть в руках Ли Пэна и Яо Илина) и в ЦК КПК (но не в руках Чжао Цзыяна). Тем самым от децентрализации по

Чжао Цзыяну вернулись на путь централизации по Мао Цзэдуну. Все это нанесло ущерб и сельскому, и городскому населению Китая.

Все это привело к упадку экономики, падению рынков, стагнации производства.

Одним словом, после смерти Мао Цзэдуна крестьяне вернули себе свои земельные наделы. Затем Чжао Цзыян осуществил реформы. Потом Ли Пэн прекратил реформы. Однако земельные наделы остались у крестьянских семей (отнять землю у крестьян Дэн Сяопин и его приверженцы не осмелились), продолжали существовать совместные предприятия. Только это и составило ту основу, на которой оказалось возможным как-то пережить три года стагнации, а затем снова начать продвижение по пути реформ в области экономики, по Пути Спасения Китая, который указал своими реформами Чжао Цзыян.

ИЗМЕНЕНИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ЧЖАО ЦЗЫЯНА У ВЛАСТИ

В том же 1988 г. изменилось реальное положение Чжао Цзыяна у власти.

В ходе процесса «урегулирования и реорганизации» высшая власть перекочевала в руки Государственного совета, и уплыла из моих рук и из Центральной руководящей группы по экономике и финансам. Я продолжал изучать вопрос о решениях экономического характера внутри упомянутой группы; однако они не обсуждались, не говоря уже о претворении в жизнь моих предложений.

Чжао Цзыян констатировал факт: после того, как был принят курс на «урегулирование и реорганизацию», высшая власть перекочевала в руки Госсовета КНР. Эта власть уплыла из рук генерального секретаря ЦК КПК, из специально созданной ранее Центральной руководящей группы по экономике и финансам. Предложения Чжао Цзыяна не только не претворялись в жизнь, но даже и не обсуждались.

В оригинале создать Центральную руководящую группу по экономике и финансам предложил Дэн Сяопин. Цель при этом состояла в том, чтобы позволить мне руководить экономическим развитием и реформами даже после того, как я оставил пост премьера. Когда Ли Пэн стал премьером, многие выражали беспокойство, потому что я был более компетентен в такого рода вопросах. Более того, отношение Ли Пэна к экономическим реформам всегда было весьма туманным, поэтому люди и выражали свои сомнения. И тогда Дэн Сяопин решил, что я буду продолжать заниматься вопросами экономики, и группа была создана.

Когда же начались «урегулирование и реорганизация», они (Ли Пэн и прочие) думали, что мои позиции в сфере экономики ослабли. Они взяли в свои руки контролирующие функции, а это означало, что Постоянный комитет Политбюро, Центральная руководящая группа по экономике и финансам и я не могли больше руководить делами в области экономики. (С. 233) И таким образом они оказались в состоянии восстановить многие из старых методов, прикрываясь лозунгом «урегулирования и реорганизации», с чем Постоянный комитет Политбюро и Руководящая группа никогда не согласились бы. (С. 233–234)

Здесь приходится говорить о механизме власти в современном Китае. Дело, очевидно, в том, что само то, что у власти в КНР находится Ком-

мунистическая партия Китая, предопределяет одновременное существование в стране двух механизмов политической власти. Один – это механизм реальной власти или реальный механизм власти. Другой – это механизм декоративной власти или декоративный механизм власти.

Реально у власти в современном Китае, начиная с момента прихода к власти в стране Мао Цзэдуна, находится либо вождь, один «хозяин» партии, либо один главный «хозяин» партии и несколько «хозяев» партии, то есть представителей тех или иных, группировок высоких кадровых работников или высоких чинов партийной номенклатуры, прежде всего, из числа военных, а далее представителей тех или иных частей страны. Эта теневая структура решает вопрос о власти, о распределении власти, о распределении постов и полномочий.

Одновременно с этим создана декоративная, по сути дела, структура, сложенная из органов руководства вооруженными силами, партией и государством. На руководящие посты в этой декоративной структуре назначаются те, кого решают на них назначить «хозяева» партии или главный «хозяин» партии.

Поэтому обычно реальная власть распределяется и перераспределяется этим главным «хозяином» или им и другими «хозяевами» партии. Вот и в данном случае, Дэн Сяопин и другие «хозяева» партии, то есть руководители реального механизма власти в Китае, перераспределили власть. Отняли ее у формально и официально первого лица в партийной иерархии, то есть у генерального секретаря ЦК КПК, и передали ее руководителям Госсовета КНР.

Так в конце 1980-х гг. реальная власть в КНР стала принадлежать не ЦК КПК, а Госсовету КНР. Она не принадлежала и ПК ВСНП. Попутно можно отметить, что, по сути дела, эта операция производилась Дэн Сяопином и другими «хозяевами» партии не одновременно, а на протяжении нескольких лет.

Первым проявлением их действий было удаление Ху Яобана с поста генерального секретаря ЦК КПК. Возможно, что и сам перевод Чжао Цзыяна по пост генерального секретаря ЦК КПК тоже был частью этого плана полного устранения из руководства сторонников реальных экономических и политических реформ.

Решающую роль в системе реальной власти в КНР всегда играл Военный совет ЦК КПК и его председатель. Председателем Военного совета ЦК КПК в это время был Дэн Сяопин.

Итак, здесь было необходимо обратить внимание на механизм власти в КПК – КНР, на то, что там одновременно существовали два механизма власти – реальный и декоративный.

Далее, необходимо обратить внимание на то, что при таком механизме власти играл существенную роль характер того, кто занимал место главного из «хозяев» партии, то есть Дэн Сяопина.

Перемещая Чжао Цзыяна на пост генерального секретаря ЦК КПК, Дэн Сяопин назначил его одновременно руководителем Центральной руководящей группы по экономике и финансам, заявляя, что Чжао Цзыян будет продолжать руководить экономическими реформами. Дэн Сяопин, как и Мао Цзэдун, многократно применял такой прием, убаякивавший, успокаивавший и вводивший в заблуждение тех, с кем «играли» эти главные «хозяева» партии.

Когда же Дэн Сяопину понадобилось начать кампанию постепенного отстранения Чжао Цзыяна от власти, постепенной дискредитации его как руководителя, дискредитации курса Чжао Цзыяна на продолжение экономических реформ, Дэн Сяопин просто передал реальную власть Ли Пэну и Яо Илиню, как своим приверженцам в руководстве, и реальная власть из ЦК партии переместилась в правительство страны.

Так по воле одного лица, по воле Дэн Сяопина, по воле главного теневого «хозяина» партии, власть из ПК ПБ ЦК КПК была передана в Госсовет КНР. Стало очевидным, что в декоративном механизме власти возможны любые перемены. При этом реальная власть продолжает находиться в руках главного «хозяина» партии, в руках у тех, кто распоряжается реальным механизмом власти. Оказалось, и стало очевидно, что реальным механизмом власти в КНР не являлись ни ПК ВСНП, ни ГС КНР, ни ЦК КПК, а только Военный совет ЦК КПК, а точнее, его реальный «хозяин», то есть Дэн Сяопин.

Как я уже упоминал ранее, люди бросились в банки и начали скупать товары, чтобы хоть как-то сохранить свои сбережения. Если бы банковский процент по сбережениям был поднят незамедлительно, проблему можно было бы решить. На заседании Руководящей группы я неоднократно предлагал повысить банковский процент по вкладам. Другие товарищи из этой группы, например Чжан Цзинфу и Ду Жуньшэн, согласились. Однако Государственный совет продолжал заниматься пустяками, он не повышал банковский процент по вкладам и не вводил гарантии на сбережения в банках. И хотя, в конце концов, они и повысили банковский процент на сбережения, это повышение оказалось столь незначительным, что положение не изменилось. Метод, которым действовал Госсовет, состоял в том, чтобы использовать административные способы для того, чтобы сокращать квоты по кредитам. Результатом явилась недостаточная ликвидность и отсутствие фондов для обеспечения продукции сельского хозяйства или для повышения технологии для промышленных предприятий. Продуктивность (производительность) стагнировала.

Чжао Цзыян показывает, что в руководстве страной в это время существовали два подхода к решению экономических проблем.

Один подход был профессиональным. За него выступали сам Чжао Цзыян, а также самые компетентные тогда специалисты в области финан-

сов и сельского хозяйства: Чжан Цзинфу и Ду Жуньшэн. Все они считали необходимым незамедлительно повысить банковский процент по вкладам населения. Это означало, что внутри КПК, в ее руководстве разумные люди были на стороне реформ Чжао Цзыяна. Это также означало, что все эти люди заботились, прежде всего, о решении главных проблем, возникавших у народа страны.

(Попутно я еще раз хотел бы вспомнить о том, что в конце 1980-х гг. мне, выступая в качестве представителя Общества советско-китайской дружбы, довелось сопровождать в Москве Ду Жуньшэна. Ду Жуньшэн тогда, в частности, говорил, что он гордится тем, что в свое время он «спас от голодной смерти сто миллионов китайских крестьян». Речь шла о том, что после смерти Мао Цзэдуна Ду Жуньшэн, возглавляя в ЦК КПК работу с китайским крестьянством, выступил в поддержку массового стихийного движения китайских крестьян за то, чтобы взять обратно свои семейные земельные наделы из сельских кооперативов и «народных коммун».)

Другой подход был не профессиональным, а проистекавшим из приверженности решению вопросов исключительно административными методами. Это приводило к стагнации в экономике. Нельзя исключать и того, что здесь играли свою роль расчеты, связанные с такой целью, как дискредитация экономической политики Чжао Цзыяна.

Другая проблема заключалась в том, что в то время, когда сбережения людей сокращались, выброс денежной массы фактически увеличивался. Поэтому во второй половине 1988 г. и в начале 1989 г. самой большой была проблема жесткого сокращения кредитов и займов, что привело к разрушению и производства, и распределения, даже в условиях, когда возрастал и выпуск денежной массы, и объем ее, находившийся в обращении. Все это доказывало, что те меры, к которым они обратились, были ошибкой.

Я предложил, поставив кредитование под контроль, но не столь жесткий, с тем, чтобы можно было бы все же проявлять заботу о выпуске продукции, в то же время предпринять усилия, чтобы решить вопрос о сбережениях, дабы уменьшить опасения людей. Мое предложение не было принято.

Чжао Цзыян отмечает, что не было принято и другое его предложение. Ли Пэн и Яо Илунь делали одну ошибку за другой, усугубляя экономическое положение в конце 1988 г. и в начале 1989 г.

Некоторые старые товарищи предъявляли претензии; они считали, что поскольку я стал генеральным секретарем и больше не был премьером, я должен был сфокусировать свое внимание на партии и на вопросах политической теории, оставив вопросы экономики Госсовету. Фактически

было ясно, что Госсовет пытался блокировать мою работу и уклонялся от решений Центральной руководящей группы по экономике и финансам, в то же самое время, распространяя такие соображения, которые были предназначены для того, чтобы вынудить меня либо сократить, либо прекратить мою работу над проблемами экономики. Не могло быть совпадением то, что и то, и другое случилось в одно и то же время.

Кампания, развернутая против меня, была мощной. В газетах Сянган писали, что я был лишен реальной власти и больше не занимаюсь экономическими вопросами. Ходили слухи о том, что я лишусь своего поста генерального секретаря и стану председателем Военного совета ЦК КПК или председателем КНР. Цель всех этих слухов состояла в том, чтобы внушать, что я больше не нахожусь у власти. (С. 234) Однажды, когда мы фотографировались с делегатами в зале Хуайжэньтан, Дэн Сяопин спросил меня: «Почему газеты в Сянгане сообщают, что ты больше не занимаешься делами экономики? Как ты можешь больше не заниматься экономикой?» (С. 234–235)

Итак, с одной стороны, Дэн Сяопин практически лишил Чжао Цзыяна возможности руководить экономикой страны. Он же, то есть Дэн Сяопин, фальшивил и говорил Чжао Цзыяну, что тот не может больше не заниматься вопросами экономики. Наступление на Чжао Цзыяна было организовано внутри партии рядом «старейшин» или «хозяев» партии, которые распространяли свое мнение, заключавшееся в том, что Чжао Цзыян, дескать, должен сосредоточиться на партийных делах и не заниматься вопросами экономики. Одновременно через сянганскую печать распространялись слухи о непрочности положения Чжао Цзыяна, о скором перемещении Чжао Цзыяна с поста генерального секретаря ЦК КПК. Наконец, повторим, очевидно, что с ведома Дэн Сяопина, Ли Пэн и Яо Илинь перестали считаться с Чжао Цзыяном в вопросах экономики. Так Дэн Сяопин после XIII съезда КПК планомерно вел дело к вытеснению Чжао Цзыяна из руководства и к прекращению реформ Чжао Цзыяна или по Чжао Цзыяну.

Другой вопрос был в том, что «урегулирование и реорганизация» создавали у людей впечатление, что экономические реформы столкнулись с серьезными трудностями; в противном случае, почему не говорится об «углублении реформ» как о пути стабилизации экономики? Это позволяло определенным людям начать поворачивать реформы вспять, отрицать их достижения и осуществлять кампанию, направленную на то, чтобы свергнуть меня.

В КПК–КНР политические установки играют и прямую и побочную роль. Введение лозунга «урегулирование и реорганизация» использовалось теми силами, которые вели борьбу против Чжао Цзыяна, создавая впе-

чатление, что в ходе экономических реформ появились серьезные трудности, поэтому и не говорится об «углублении реформ». Таким образом, намекали на то, что Чжао Цзыян, дескать, не способен стабилизировать экономику, а это под силу только Ли Пэну и Яо Илиню с их административными методами управления плановой экономикой.

Чжао Цзыян понимал, что вся эта организационная и пропагандистская кампания имела две цели: выступление против него самого и отрицание достижений в ходе реформ, поворот реформ вспять.

Некоторые старые товарищи требовали, чтобы Постоянный комитет Политбюро, а фактически они имели в виду меня, взял на себя ответственность и допустил, что он несет вину за это. (Заместитель премьера) Ван Жэньчжун не раз поднимал на заседаниях Политбюро вопрос о расследовании вопроса о том, кто несет ответственность. Он говорил, что поскольку возникла столь серьезная ситуация, те, кто за это несут ответственность, должны принять участие в самокритике.

В этот период до меня по многим каналам доходили сообщения о том, что группа старых руководителей написала коллективное письмо Дэн Сяопину, осуждая меня и утверждая, что я не компетентен, а, также требуя, чтобы я ушел. Дэн Сяопин говорил несколько раз в это время, что «структура центрального руководства не должна изменяться».

Политические процессы внутри руководства КПК происходят сложным путем. Тут все не так просто. Даже если главный «хозяин» партии или «хозяева» партии» вознамерились чего-то добиться, то для осуществления этих целей требуется длительная подготовка.

Вот и в данном случае началась осада Чжао Цзыяна как генерального секретаря ЦК КПК. Появились требования, чтобы он взял на себя ответственность за сложности, возникшие в экономическом положении, и, следовательно, ушел в отставку.

Дэн Сяопин фактически занял позицию, которую можно охарактеризовать словами: «Еще не время, условия еще не созрели».

Ситуация в партии и в стране была чрезвычайно сложной. Чжао Цзыян раскрывает детали того, что происходило в то время.

Примерно в конце 1988 года некая газета в Сянгане сообщила о том, что тогда, когда Дэн был в Шанхае, Ли Сяньнянь предложил ему, чтобы Дэн попросил меня уйти, но Дэн не принял это предложение. После того, как я прочитал это сообщение, я написал короткую записку Ван Жуйлиню (секретарю Дэн Сяопина) и попросил его показать эту записку Дэну. В ней я сказал тогда что-то вроде того, что «циркулируют слухи в стране и за границей; мне не известно, знает ли Дэн об этих слухах».

Чжао Цзыян обратил внимание Дэн Сяопина на то, что ему стало известно о слухах, распространявшихся в Сянгане. А там говорили, что

Ли Сяньнянь потребовал, чтобы Дэн Сяопин отправил в отставку Чжао Цзыяна. Дэн Сяопин не ответил на соответствующую записку Чжао Цзыяна. Для стиля поведения или политического руководства Дэн Сяопина это было весьма характерным явлением: не отвечать на обращения к нему, когда речь шла об острых вопросах.

Есть основания думать, что Ли Сяньнянь всегда был настроен против Чжао Цзыяна, и в конце 1988 года обращался к Дэн Сяопину с требованием сместить Чжао Цзыяна с поста генерального секретаря ЦК КПК. Это означало, что «старейшины» постепенно формировали общее мнение относительно Чжао Цзыяна.

В ходе этой кампании люди и в стране, и за рубежом проявляли беспокойство в связи с тем, что я могу оказаться «вторым Ху Яобаном».

Очевидно, что именно эти опасения играли некоторую роль, сказываясь на планах Дэн Сяопина. Фактически получалось, что и внутри Китая, и за его рубежами у думающих людей имелись основания для того, чтобы приходиться к мысли о том, что в КПК – КНР, что-то «не ладно», что там «снимают с поста генерального секретаря» сначала «одного Ху Яобана», а потом «другого Ху Яобана». А ведь это означало, что внутри КПК есть два отношения к реформам политической и экономической системы, к политической и экономической либерализации, есть два разных отношения к рынку и демократии. Речь шла о том, что Дэн Сяопин, очевидно, намерен подвергнуть КПК и КНР двум «шокам» подряд, сначала сместить «одного Ху Яобана», а затем «другого Ху Яобана».

Вот почему Дэн Сяопин искал, в частности, такой предлог для смещения Чжао Цзыяна, чтобы это не было связано со смещением Ху Яобана.

Госсовет и некоторые старые товарищи преувеличивали экономические проблемы, представляя их как чрезвычайно серьезные. Госсовет неоднократно критиковал «два» так называемых «состязания в погоне за результатами»: «погоню за результатами в деле строительства» и «погоню за результатами в деле реформ». Возможно, имелись основания для атаки на «погоню за результатами в деле строительства», ссылаясь на расходы на создание инфраструктуры, которые были слишком велики. Однако не было оснований для атаки на «погоню за результатами в деле реформ». Они просто использовали эту формулировку с тем, чтобы противостоять реформам и попытаться повернуть вспять политику, которая осуществлялась в прошлом.

Ли Пэн и Яо Илинъ были в авангарде борьбы против Чжао Цзыяна.

При этом они использовали такой прием, как выдвижение в его адрес критики одновременно по двум направлениям. Одно направление имело под собой некоторые основания. Речь шла о слишком больших расходах на инфраструктуру в строительстве.

Однако главное здесь было в том, что Ли Пэн и Яо Илинъ выступали против самой основы взглядов Чжао Цзыяна на реформы. Они обвиняли Чжао Цзыяна в «погоне за результатами в деле реформ».

Внешне у людей могло создаваться впечатление, что и тут у Ли Пэна и Яо Илиня были основания для критики. Чжао Цзыян действительно добивался реального продвижения по пути реформ.

Однако суть вопроса состояла в том, что Чжао Цзыян впервые в КПК-КНР обратил внимание на необходимость при развитии экономики добиваться повышения производительности труда, а именно это игнорировалось и Мао Цзэдуном, и Чэнь Юнем, и Ли Сяньнянем, и Ли Пэном, и Яо Илинем.

Собственно говоря, Чжао Цзыян показывал иной Путь Спасения Китая, Путь Повышения Производительности Труда, и именно и только такой Путь и был, с точки зрения Чжао Цзыяна, тем, что он именовал «социализмом со своеобразием Китая». Это не был прежний путь социализма Мао Цзэдуна.

Некоторые старые члены партии кооперировались с Ли Пэном и Яо Илинем, и с Государственным советом. Как раз перед празднованием Нового года в 1989 г. Постоянный комитет Политбюро провел заседание по вопросам партийной жизни, на котором Ли Пэн и Яо Илинъ возглавили критику в мой адрес. (С. 235) К этому времени они уже блокировали мое влияние; однако на этом заседании они обвиняли меня в том, что я слишком много вмешиваюсь, делая слишком трудной его (Ли Пэна) работу в качестве премьера.

Они также задавали много старых вопросов относительно реформ. Яо Илинъ спрашивал: «Что означает формулировка “прорыв в реформе цен”? Как могло появиться такое предложение?» В то время он не знал о том, что эта формулировка была предложена не мной, а Дэн Сяопином. Он думал, что ее придумал я, и пытался использовать это для атаки против меня.

Они хотели свести старые счеты. Их намерение во время этого заседания состояло в том, чтобы обвинить меня в появлении проблем, которые возникли из-за экономических реформ.

Когда я доложил Дэну о том, что произошло на заседании, он, казалось, был очень недоволен. Он долго говорил в поддержку реформ и позитивно оценивал их. Он считал, что без реформ у Китая нет будущего.

Яо Илинъ никогда прежде не выражал свое мнение недвусмысленно; он также никогда ранее не выступал в качестве зачинщика. На сей раз, однако, он выражался со всей ясностью, прямо и, казалось, бесстрашно. Его отношение и отношение Ли Пэна, казалось, выражали общее настроение и то, что кто-то поддерживал их за сценой. Кампания набирала ход.

Итак, есть основания отметить, что в самом начале 1987 г. противники реформ вынудили Ху Яобана уйти с поста генерального секретаря ЦК

КПК. В самом начале 1989 г. они же на заседании ПК ПБ ЦК КПК провели атаку на Чжао Цзыяна, обвиняя его в том, что он «мешает» работать Ли Пэну. В этом, вероятно, находило свое проявление желание Дэн Сяопина постепенно готовить Ли Пэна в качестве следующего генерального секретаря ЦК КПК.

Иными словами, в конце 1980-х гг. те разумные политики, которые творчески разрабатывали, предлагали реформы, осуществляли реформы, то есть Ху Яобан и Чжао Цзыян, подверглись атакам с целью смещения их с руководящих постов в партии и в правительстве, и, следовательно, поворота экономических реформ вспять и в недопущения политических реформ.

Именно это происходило внутри руководства КПК, начиная, по крайней мере, с 1986 г. В 1989 г. во время атаки на Чжао Цзыяна на заседании ПК ПБ ЦК КПК Дэн Сяопин не присутствовал. Это тоже был один из его обычных приемов.

Чжао Цзыян, описывая сложившуюся тогда ситуацию, сопоставляет два факта. Высказывания Дэн Сяопина в беседе с ним в пользу реформ, и поведение Яо Илия, который впервые говорил на заседании так, как будто бы его кто-то поддерживал за сценой.

Если принять во внимание, что точно таким же образом Яо Илия вел себя на заседании 17 мая 1989 г. в доме Дэн Сяопина, когда решался вопрос о введении в столице КНР военного положения, причем первым и самым резким образом напал на Чжао Цзыяна, то нельзя не подумать о том, что Дэн Сяопин давно стоял за спиной Яо Илия.

Ходили также слухи с нападкамии на меня и на мою семью. Некоторые выступали, обвиняя моих детей в спекуляциях: в торговле цветными телевизорами, автомобилями, в поставках зерна, в выдаче разрешений на операции со сталью, и, таким образом, обогащаясь. Все это было вымыслом, но слухи распространялись широко. Позднее, когда я ушел, они поторопились начать расследование этого дела, что фактически помогло. После того, как они искали «и наверху, и внизу», оказалось, что они не могут найти ничего.

До того слухи такого рода обо мне были редкими. Почему же они вдруг так возросли, создавая впечатление, что моя семья коррумпирована, во второй половине 1988 года? Возникновение этой кампании не было случайным, но, скорее всего, было концентрированной попыткой измарать меня грязью и разрушить мой образ как реформатора. (С. 236)

Чжао Цзыян также обращает внимание на то, что именно во второй половине 1988 года распространились слухи, порочившие его детей, обвинявшие их в спекуляциях и обогащении. Под этими слухами не было оснований. Как обычно, в КНР коммунистические власти организовали расследование «подозреваемого и его семьи» и, как обычно, ничего не

обнаружили. Это происходит и в Китае, и при политических режимах сходного типа в других странах. Чжао Цзыян говорит о том, что это была часть кампании с целью разрушить его образ как реформатора. Представляется, что действительно Дэн Сяопин и те, кто стремились «ограничить» реформы, дискредитировать реформы по Чжао Цзыяну и образ самого Чжао Цзыяна, который поистине был главным реформатором в Китае.

В то же время можно упомянуть и о том, что все это было частью масштабной и концентрированной кампании всекитайских масштабов по дискредитации самого понятия реформ в Китае после того, как на протяжении большей части 1980-х гг. в КНР у людей стало вкладываться естественное одобрение реформ и их результатов.

КАМПАНИЯ БОРЬБЫ ПРОТИВ ЧЖАО ЦЗЫЯНЯ

Чжао Цзыян осмысливает характер и ход той кампании, которая была развернута против него.

Кампания набирала силу внутри самой партии: оппозиция реформам, попытки «свергнуть Чжао», кампания с целью формирования общественного мнения. За всем этим были те товарищи, которые глубоко верили в плановую экономику, которые считали, что реформы – это неудача (провал или поражение), и что именно реформы несут ответственность за такие проблемы как изъятие сбережений из банков в массовом порядке и паника на покупательском рынке. На фоне таких событий было легко распространять эту кампанию.

Очевидно, придется принять во внимание некоторые особенности положения в Китае, чтобы глубже понять происходившее.

Огромная страна с самым многочисленным в мире населением. Здесь каждый привык ежесекундно вести борьбу за выживание. За выживание себя лично, себя единственного.

Неспроста Сунь Ятсен в свое время ставил первой задачей сплочение китайцев как нации, Сплотить их далеко не просто. При возникновении угрозы существованию человека каждый борется за жизнь сам.

После более четверти века измывательств Мао Цзэдуна, после предшествовавших многих десятилетий войн, 1980-е гг. стали первым за более чем столетие десятилетием мира и созидания для Китая, для китайцев.

Именно в эти годы Ху Яобану удалось в известной степени выправить последствия массовых репрессий при правлении Мао Цзэдуна. Люди глотнули воздух свободы и демократии. Глоток был неглубокий, но все же общество начало жить в иной атмосфере.

Всем властителям пришлось признать необходимость того, что в КНР стали именовать экономической либерализацией или экономическими реформами.

Во главе процесса реформ, – Китаю тут повезло, – стал реформатор Чжао Цзыян. Его отличала способность творчески осмыслить прошлое, понять, что надо делать, вносить разумные предложения и начать практически осуществлять экономические реформы.

Это оказалось возможным благодаря тому, что крестьяне в буквальном смысле этого слова сумели выжить и пережить Мао Цзэдуна. При его

правлении они были заключены Мао Цзэдуном в клетку кооперативных хозяйств. Там они, как связанные свиньи, которых везут в Китае на рынок, застыли, впали в анабиоз. После смерти Мао Цзэдуна они проснулись, вернулись к жизни, самовольно стихийно по всему Китаю разрушили систему кооперативов и народных коммун Мао Цзэдуна и вернули себе на практике свои земельные наделы.

Так в КНР после 25 лет правления Мао Цзэдуна оказалось возможным опереться на самовозродившийся класс собственников в деревне, а это – большинство населения страны.

При таких благоприятных условиях Чжао Цзыяну удалось за первые почти 10 лет реформ добиться значительных и явных успехов. Люди это ощутили.

Оказалось, однако, что главные трудности в процессе реформ были впереди.

Пришлось переходить к реформе ценообразования.

Путь был неизведанным.

Были допущены ошибки.

Положение не было катастрофическим. Ошибки можно было исправить.

Однако историческая память населения Китая дала о себе знать. Люди вспомнили об инфляции, обесценении денег, о нехватке товаров.

Они бросились в банки, стали изымать сбережения. Стали скупать все, что не попадется, лишь бы сохранить хоть какие-то материальные ценности.

Психология населения Китая отстала от реальной экономической ситуации.

С этим пришлось считаться.

Ужас ситуации был в том, что одни, такие, как Чжао Цзыян, хотели исправить положение и продолжать углублять реформы, имея на то основания. Другие, последователи Мао Цзэдуна, захотели воспользоваться страхом людей, их недовольством, и внушить им, что «во всем виноват Чжао Цзыян», создать волну возмущения Чжао Цзыяном и добиться его ухода из политики, от власти.

Чжао Цзыян сделал вывод о том, что кампания борьбы против реформ, то есть против него, была начата и развернута, прежде всего, внутри самой правящей партии. Эта борьба велась с целью встать в оппозицию реформам и свергнуть Чжао Цзыяна.

Внутри партии были те, кто давно понаторел в умении создавать общественное мнение против Чжао Цзыяна, обвиняя его в создавшемся положении

И здесь имел место главный спор внутри КПК после смерти Мао Цзэдуна. Столкнулись два мнения. Одно – мнение тех, кто выступал за рыночную экономику. Другое – мнение тех, кто выступал за плановую экономику. Одни хотели вести Китай вперед, в будущее; другие тащили его в прошлое.

Сторонники плановой экономики полагали, что реформы в принципе надо считать неудачей, поражением, потому что они представляют собой отступление от теоретически единственно верного подхода – плановой экономики.

Населению страны они трактовали создавшиеся трудности, то есть рост цен, изъятие сбережений из банков и паника на покупательском рынке как негативные последствия реформ.

Из этого, в частности, следует, что в Китае было довольно легко манипулировать тогда общественным мнением, а также то, что противники реформ специально неверно ориентировали общественное мнение, ставили интересы собственной борьбы за власть выше интересов народа. Именно в этом можно видеть преступление Дэн Сяопина и его сторонников перед народом Китая в эти годы.

Давайте, однако, вернемся в прошлое. До 1987 года я был премьером ГС КНР, и главным образом отвечал за вопросы экономики. Наша политика в то время, конечно же, была политикой реформ и открытости. Делами в сфере политики, то есть тем, что относилось к области политики и идеологии, занимался товарищ Ху Яобан. В моих руках находилось многое; я часто совершал поездки за границу и принимал гостей из-за рубежа. Я не был часто вовлечен в дела в сфере политики.

Яобан и я имели разные взгляды на то, как вести дела в сфере экономики. Меня считали боле осторожным и не выступающим небрежно. Я не ратовал за безудержное развитие, я противодействовал проектам, связанным с широкомасштабной инфраструктурой, и я верил в методичное продвижение. Яобан был иным: он был идеологически свободен (либерален) и не был сдержан. (С. 237)

В том, как Чжао Цзыян описывает ситуацию первой половины 1980-х гг., можно увидеть и практические состояние дел, и особенности взглядов Чжао Цзыяна.

В те годы, когда генеральным секретарем ЦК КПК был Ху Яобан, он ведал вопросами политики и идеологии. Чжао Цзыян, будучи главой правительства, ведал вопросами экономики. Как он говорил сам: его политика была политикой реформ и открытости.

Чжао Цзыян при этом полагал, что ему присуща большая сдержанность, большая осторожность и осмотрительность, в то время как Ху Яобану – большая открытость, большая либеральность. И это действительно было так. Это помогало каждому из них в работе. Политика и идеология требовали либеральности и открытости. Экономика требовала осторожности и сдержанности.

Думается, что такова действительно была фактическая сторона дела в те годы. С этим должны были смириться «старейшины» партии, «хозяева» партии. Это позволяло создавать политическую и экономическую ста-

бильность в стране, что было залогом продолжения нахождения КПК, ее номенклатуры у власти.

Сами «старейшины» или теневые «хозяева» партии решать те политические, идеологические и экономические задачи, которые тогда решали Ху Яобан и Чжао Цзыян, не могли, не были на это способны. Они цеплялись за догмы Мао Цзэдуна. Они называли их по-разному. Одни говорили о «Двух Абсолютно» (как Хуа Гофэн), другие говорили о «Четырех Основных Принципах» (как Дэн Сяопин), но суть при этом оставалась одной и той же: неизменность максимальной или предельной концентрации власти, существование самовластия, тоталитарной политической системы, созданной при правлении Мао Цзэдуна.

Итак, к власти на некоторое время им пришлось допустить Ху Яобана и Чжао Цзыяна.

При этом, как бы само собой, на практике возникло деление на «реальную власть» и, так сказать, «декоративную власть». «Декоративную» в том смысле, что Ху Яобана и Чжао Цзыяна реально властвовавшие «хозяева» партии могли поставить на их посты, а могли и сменить.

Традицией со времен правления Мао Цзэдуна в КПК стало деление власти по временам на «первую линию» и «вторую линию». На «первую линию» выдвигались те, кто официально занимал руководящие посты. На «второй линии» оставался тот, или оставались те, кто имел возможность сменять официальных руководителей. При этом на тех, кто был на «первой линии» падала вся тяжелая практическая работа по разрешению реальных трудностей и проблем экономической жизни в стране, других проблем.

Мы говорили о «реальной власти». «Реальной властью» была власть тех, кто находился на «второй линии». Мы говорили о декоративной власти. «Декоративной властью» была власть тех, кто находился на «первой линии». В 1980-х гг. «реальной властью» были Дэн Сяопин и другие «хозяева» партии. «Декоративной властью» или «рабочими лошадками», были Ху Яобан и Чжао Цзыян.

В этой ситуации существовало и разделение властей. Власть идеологическая и политическая, то есть власть партийная, была у Ху Яобана. Она оказалась отделена от власти экономической, которая была у Чжао Цзыяна. По сути дела, во многом Ху Яобан и Чжао Цзыян работали самостоятельно.

Они не были ни в коем случае политическими противниками. В конечном счете оба исходили из интересов народа. Однако практическая работа у каждого была своя. И это позволяло в условиях того времени решать проблемы Китая лучше, чем, если бы они в какой-то степени связывали один другого.

Итак, «хозяева» партии допускали их деятельность. Сами они работали каждый автономно и самостоятельно.

При этом «хозяева» партии выжидали, пока ситуация в стране успокоится, стабилизируется, когда возникнут предлоги для нападков на Ху Яобана и Чжао Цзыяна, чтобы сместить и того, и другого с их постов.

Внутри партии существовала консервативная фракция, которая упорно противодействовала либерализации и реформам. В среде старейшин партии эта фракция была представлена Ли Сяньнянем и Ван Чжэнем; в сфере идеологии ее представителями были Ху Цяому и, особенно, Дэн Лицюнь. Совместно, вместе со своими коллегами и организациями, они формировали влиятельную силу.

Чжао Цзыян работал в условиях, когда внутри КПК, внутри ее руководства, существовал блок «старейшин» или «хозяев» партии, представителями которых Чжао Цзыян называет Ли Сяньняня и Ван Чжэня, и «руководителей фронта идеологии и пропаганды», которыми он считает Ху Цяому и Дэн Лицюня». Этот блок объединялся на основе общей вражды к либерализму и реформам.

В реальной жизни оказывалось, что в Китае в те годы большинство людей страны и выразители их интересов в руководстве КПК, прежде всего Ху Яобан и Чжао Цзыян, стремились осуществлять экономическую и политическую либерализацию. На протяжении большей части 1980-х гг. это у них получалось. В то же время внутри партии существовали влиятельные силы, в руках у которых на протяжении значительного времени находились средства агитации и пропаганды, а также рычаги назначения на руководящие посты. Эти силы не выражали подлинные интересы народа, но обладали реальной властью. Именно по этой причине история Китая после смерти Мао Цзэдуна была столь сложной и состояла из различных периодов. Китайский народ не смог добиться того, чтобы его интересы были воплощены в жизнь в той мере, в какой это удовлетворяло бы людей Китая. Ху Яобан и Чжао Цзыян сделали максимум того, что можно было сделать в их положении в этих условиях.

Яобан был первой целью их оппозиции. Они не делали меня своей целью, поскольку меня видели как относительно нейтрального человека. Они могли даже думать, что в некоторых областях я был ближе к ним. Поэтому, когда Яобан ушел, и имело место обсуждение вопроса о том, чтобы сделать меня генеральным секретарем, они не возражали.

Это означает, что (влиятельный старейший в партии) Ли Сяньнянь сначала возражал. При этом он говорил, что я научился слишком многому заграничному и потребовал, чтобы я изменил свое поведение. Поскольку я проявил желание измениться, он поддержал меня как замену Ху Яобана. Другой видимой оппозиции не было.

Рассказывая о том, как и почему он стал генеральным секретарем ЦК КПК, Чжао Цзыян обращает внимание на то, что тут свою роль сыграл

тот факт, что Ху Яобан и Чжао Цзыян никогда не находились в близких или дружественных отношениях.

Сама жизнь, сам опыт работы, само осознание того, что творил Мао Цзэдун, привело Ху Яобана и Чжао Цзыяна, да и многих в КПК, к отрицательному отношению к политике Мао Цзэдуна, к пониманию необходимости экономической и политической либерализации в Китае.

Чжао Цзыян также упоминает о том, что Ли Сяньнянь, проявляя неприменную для вельможи времен Мао Цзэдуна подозрительность, считал, что Чжао Цзыян слишком многому учится у Запада. От Чжао Цзыяна потребовали, чтобы он изменил свое поведение. Чжао Цзыян дал такое обещание.

Здесь бросается в глаза, что при назначении Чжао Цзыяна на пост генерального секретаря ЦК КПК играло свою роль то, что он никоим образом не был причастен к делам, связанным с нашей страной. Далее то, что он фактически не принадлежал к какой-либо фракции. Наконец, то, что у него не было «связей» с Ху Яобаном. И в то же время всем было очевидно, что именно и только Чжао Цзыян способен решать небывалые до того времени реальные экономические проблемы Китая.

Также можно отметить, что критика Ли Сяньняня может восприниматься как интуитивное ощущение Ли Сяньнянем того, что Чжао Цзыян сумел объективно анализировать проблемы экономики, причем не только экономики Китая, но и мировой экономики. Возможно, что Ли Сяньнянь почувствовал или начал ощущать, что Чжао Цзыян вырвался из шор того понимания экономики, которое допускали Мао Цзэдун, Чэнь Юнь, сам Ли Сяньнянь.

Ван Чжэнь (другой старейший в партии) попытался побудить меня остаться в качестве премьера, предложив, чтобы генеральным секретарем стал вместо меня Яо Илин, (руководитель Госплана). Поскольку я никогда не стремился занять пост генерального секретаря, и предпочитал остаться на посту премьера, я подумал, что меня устраивает такое положение, и мне все равно, кто будет генеральным секретарем. Когда он вносил такое предложение, у меня не было оснований для подозрений. Позднее мне рассказали о том, что Ван Чжэнь на самом деле хотел было, чтобы генеральным секретарем стал Дэн Лицюнь (ультраконсервативный идеолог), однако встретился с затруднениями, пытаясь найти поддержку своей идеи.

Это замечание Чжао Цзыяна проливает свет на то, что в среде руководителей КПК чрезвычайно распространены тайные замыслы. Чжао Цзыян лишь впоследствии узнал о том, что было намерение вместо Ху Яобана посадить на место генерального секретаря Дэн Лицюня.

При этом нельзя исключать того, что Ван Чжэнь намеренно уговаривал Чжао Цзыяна самого отказаться от поста генерального секретаря ЦК КПК. А этот пост ему предлагал Дэн Сяопин.

При этом известно, что Ван Чжэнь был одним из самых близких к Дэн Сяопину военачальников. Может быть, если бы Чжао Цзыян отказался быть генеральным секретарем, Дэн Сяопин и Ван Чжэнь и поставили бы на это место Дэн Лицюня.

Таковы некоторые хитросплетения внутрисполитической жизни в высшем руководстве КПК.

Когда я стал исполняющим обязанности генерального секретаря, то первый вопрос, с которым я столкнулся, был вопрос о кампании борьбы против буржуазной либерализации. Я полагал, что эта кампания должна носить строго ограниченный характер, что ее размах должен быть сокращен, а ее накал снижен. Я не был согласен с их планом провести полномасштабную кампанию и расширить ее масштабы. Они подготовили проект списка имен с намерением раскритиковать и того и другого. Я изъясил этот список и выступил с речами, направленными на то, чтобы защитить некоторых из тех, кто числился в этом списке. Они также хотели развернуть широкую критическую кампанию в газетах с критикой Яобана. Мне не нравилось такое поведение в стиле культурной революции, и я с самого начала установил правило, согласно которому те, кого затрагивает кампания борьбы против либерализма, не будут считаться виноватыми, что не будет никакой охоты на «представителей» («либерализма») на различных уровнях. Я также блокировал распространение этой кампании на сферу экономики.

Судя по тому, о чем поведал Чжао Цзыян, отношения в среде руководителей КПК после смерти Мао Цзэдуна оставались исключительно сложными.

Многое не договаривали. Многого пытались добиться намеками. Прямо и честно объяснять свои намерения не было в обычае.

В случае с Чжао Цзыяном сыграло свою роль его качество смело и решительно проводить в жизнь свою политику, не оглядываясь на вероятных оппонентов. Чжао Цзыян обращался с разъяснением некоторых своих предложений прямо и только к Дэн Сяопину, но не к другим «старейшинам». Дэн Сяопин сам часто действовал по принципу «не высываться», то есть стремился, как можно дольше выжидать и готовить свои решительные действия.

Это давало Чжао Цзыяну возможность на протяжении некоторого времени проводить в жизнь свою совершенно самостоятельную линию.

Оказавшись на посту генерального секретаря ЦК КПК, Чжао Цзыян, возможно к удивлению Дэн Сяопина и прочих, со всей решительностью не допускал возвращения к методам «культурной революции» при осуществлении массовой политической кампании борьбы против «буржуазной либерализации», начатой по инициативе того же Дэн Сяопина. И Дэн Сяопин был вынужден мириться с этим. Хотя, конечно же, это ему на-

столько не понравилось, что он стал строить планы смещения Чжао Цзыяна. На это понадобилось время. Для этого нужно было создать условия или использовать ситуацию в стране.

В результате после событий 4 июня (1989 года) я подвергся критике за то, что наложил такие ограничения на эту кампанию. Фактически, эти обвинения были правдой. (С. 238) Центральный Комитет выпустил документ, которым устанавливались строгие правила и вводились ограничения на кампанию. И отрицалось утверждение о том, что так называемая «либерализация» – это оппозиция руководству со стороны Коммунистической партии и поддержка всесторонней вестернизации. (С. 238–239) Это было сделано с тем, чтобы не допустить ошибок прежних кампаний.

Итак, Чжао Цзыяна подвергли критике за то, что он от имени ЦК партии ограничил кампанию борьбы против «буржуазной либерализации».

Чжао Цзыян гордился тем, что он это сделал. Он даже подчеркивал свое убеждение в том, что «либерализация», которую он называл «так называемая» «либерализация», не была оппозицией руководящей роли Коммунистической партии и не была поддержкой того, что именовали всесторонней вестернизацией.

Из этого следует, что Чжао Цзыян стремился осуществлять реформы в Китае при продолжении пребывания КПК у власти в стране. Никто не мог доказать обратное. Важно, что Чжао Цзыян исходил из того, что можно и нужно осуществлять экономическую либерализацию» в рамках власти КПК в Китае. Речь для Чжао Цзыяна шла о мирной эволюции от плановой к рыночной экономике в Китае.

В то же время, с его точки зрения, либерализация была необходима. Без нее экономика Китая так и осталась бы мертвой, то есть такой, какой ее сделал Мао Цзэдун.

Далее, Чжао Цзыян не был согласен с обвинением, что он, дескать, ратовал за «всестороннюю вестернизацию». Чжао Цзыян отвергал осуждение Запада просто за то, что он Запад. Он был против того, чтобы Китай отгораживался от кого бы то ни было, в том числе от того, что его противники именовали Западом. Более того, Чжао Цзыян был против того, чтобы априори считать Запад врагом Китая.

Чжао Цзыян полагал, что экономические реформы, которые он инициировал и проводил, были необходимы Китаю. Чжао Цзыян выдвигал предложения о таких реформах на основе изучения опыта развития экономики земного шара в целом.

Реформы Чжао Цзыяна дали результаты, оказались полезны Китаю именно потому, что он не делил мир на Восток и Запад, не отгораживался от Запада, считал, что в области экономики в мире действуют одни законы. Именно по этой причине Чжао Цзыян и выступал за рыночную экономику в Китае.

Из всего этого следует, что события 4 июня 1989 года, уход Чжао Цзыяна с поста генерального секретаря ЦК КПК, были следствием столкновения двух позиций в руководстве ЦК КПК. Сторонники одной позиции выступали за рыночную экономику и за демократизацию. Сторонники другой выступали за поворот вспять в экономических реформах и за недопущение демократии в Китае.

Если бы эта кампания продолжалась полным ходом вплоть до XIII съезда партии, тогда это съезд было бы невозможно провести. Нам было абсолютно необходимо сделать его съездом реформ и открытости.

История в какой-то степени повторилась. Сначала Мао Цзэдун не согласился с решениями VIII съезда КПК. По его повелению решения этого съезда были пересмотрены на том, что именовалось второй сессией этого съезда.

Затем Дэн Сяопин не согласился с решениями XIII съезда КПК. После событий 4 июня 1989 г. решения этого съезда фактически были пересмотрены.

Чжао Цзыяну удалось сделать упомянутый съезд съездом реформ и открытости. Это означало, прежде всего, согласие партии с углублением экономических реформ, с продолжением осуществления экономической либерализации, с переходом от плановой к рыночной экономике.

Левые силы, то есть Дэн Лицюнь и его сообщники, использовали все возможные методы, чтобы расширить кампанию и восстановить старые левые методы и пути. Они всячески пытались распространить эту кампанию на сферу экономики. Используя их терминологию, они хотели атаковать не только тех, кто говорил о либерализации, но и тех, кто «осуществлял либерализацию». Термин «осуществление либерализации» означал, что под ним подразумеваются те, кто осуществлял реформы. В соответствии с предложением Дэн Лицюня, некоторые в Центральной партийной школе ЦК КПК находились в оппозиции к формулировке: «один центральный фокус и два исходных пункта», аргументируя свою позицию тем, что положение о необходимости твердо придерживаться Четырех Основных Принципов не может быть поставлено на один уровень с реформами, поскольку Четыре Основных Принципа – это принцип, а реформы – это метод, способ. Они также говорили, что схема контрактов на землю в деревне разрушает основы сельскохозяйственных кооперативов и разрушает коллективизацию в сельском хозяйстве.

В конце 1980-х гг., особенно после отставки Ху Яобана, в партии, по сути дела, оказались два политика, которые шли к тому, чтобы стать на XIII съезде партии генеральным секретарем ЦК КПК. В партии были две силы. Знаменем одних сил был Чжао Цзыян. Знаменем других – Дэн Лицюнь.

Дэн Сяопин при этом действовал по принципу: дать возможность обеим сторонам сразиться между собой. В то же время история показала, что Дэн Сяопин, если бы Дэн Лицюнь победил, воспринял бы это с удовлетворением. По сути дела, именно Дэн Сяопин давал возможность Дэн Лицюню действовать против Чжао Цзыяна. Именно взгляды Дэн Сяопина относительно «буржуазной либерализации» и были основой всей политической деятельности Дэн Лицюня.

Дэн Лицюнь воспользовался лозунгом Дэн Сяопина, его призывом к борьбе против «буржуазной либерализации». Стремясь возглавить эту кампанию и дать политические установки для ее проведения, Дэн Лицюнь выдвинул мысль о том, что в ходе кампании необходимо бороться и против тех, «кто говорит о либерализации», а также против тех, кто «осуществлял либерализацию». Под теми, кто «говорит о либерализации» Дэн Лицюнь имел в виду, прежде всего, Ху Яобана и его сторонников, а под теми, кто «осуществлял либерализацию», он имел в виду Чжао Цзыяна и его сторонников.

Чжао Цзыян, по сути дела, говорил о том, что Дэн Лицюнь хотел возродить методы, применявшиеся при правлении Мао Цзэдуна. У Дэн Лицюня получалось, что либерализация – это враг одновременно и политико-идеологический и экономический. Иными словами, он видел платформу Чжао Цзыяна и Ху Яобана, как платформу, враждебную его пониманию взглядов Мао Цзэдуна как в области политики и идеологии, так и в области экономики.

Фактически, по Дэн Лицюню, термин либерализация был антиподом термина социализм и коммунизм. И действительно, Дэн Лицюнь не хотел допускать ни рынка, ни демократии. Чжао Цзыян был и за рынок, и за демократию.

Собственно говоря, речь шла о совместимости или несовместимости понятий социализм, рынок и демократия.

Дэн Лицюнь выступил против главного положения той программы действий КПК, которая по предложению Чжао Цзыяна была выражена в документах XIII съезда партии. Чжао Цзыян настоял на том, что в деятельности партии есть один фокус (экономика) и два исходных пункта (Четыре Основных Принципа и реформы). Дэн Лицюнь возражал, отвергая мысль о равном отношении к Четырем Основным Принципам и к политике реформ и открытости. С точки зрения Дэн Лицюня, Четыре Основных Принципа это – принцип, а реформы – это всего лишь метод осуществления принципа.

Таким образом, столкновение взглядов Чжао Цзыяна и Дэн Лицюня было столкновением старого Пути Спасения Китая, то есть Пути по Мао Цзэдуну (а это, собственно говоря, были общие взгляды всех теневых «хозяев» партии), и Нового Пути Спасения Китая, то есть Пути по Чжао Цзыяну.

Программа Дэн Лицюня была всеобъемлющим наступлением на реформы и изменения, которые произошли в Китае после смерти Мао Цзэдуна, прежде всего, наступлением и на решения 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва и на решения XIII съезда партии. Дэн Лицюнь утверждал, что «схема контрактов на землю в деревне разрушает основы сельскохозяйственных кооперативов и разрушает коллективизацию в сельском хозяйстве».

Итак, Дэн Лицюнь хотел полного возврата к временам правления Мао Цзэдуна, к его идеологии и политике, в том числе и в отношении крестьянства.

Чжао Цзыян был с этим решительно не согласен.

Я обсуждал эти вопросы с Дэном и изложил ему свое мнение. Я ощущал, что некоторые старейшие в партии пытались использовать кампанию борьбы против либерализации для того, чтобы противостоять реформам. Поэтому-то и был необходим соответствующий ответ с тем, чтобы оказывать влияние на общественное мнение; в противном случае было бы трудно для XIII съезда поддержать реформы. Я был готов выступить с речью на эту тему. Дэн полностью поддержал мою мысль.

В 1987 г., перед съездом партии, Чжао Цзыян имел беседу с Дэн Сяопином. Дэн Сяопин поддержал его намерение публично изложить свои взгляды.

С точки зрения Чжао Цзыяна, было важно не только оставить Китай на пути реформ, но и нацелить на углубление реформ.

Дэн Сяопин, вероятно, исходил из того, что пока за Чжао Цзыяном еще много сторонников. Кроме того, он считал, что нужно осуществлять те или иные экономические реформы. Наконец, Дэн Сяопин видел, что платформа и взгляды Дэн Лицюня не пользуются мощной поддержкой; многие в партии считали, что взгляды Дэн Лицюня «слишком отдают» «культурной революцией» Мао Цзэдуна. Дэн Сяопин также, очевидно, с точки зрения тактики, считал не выгодным сразу же после отстранения Ху Яобана отстранять и Чжао Цзыяна.

13 мая 1988 г. (фактически 1987 г.) я выступал перед товарищами, которые работали в сфере теории и идеологии. Я сказал, что после осуществления кампании борьбы против либерализации общий климат изменился, поэтому кампанию можно завершить. Впереди ждут задачи, главным образом, в сфере образования. Я также сказал, что нарушения, вызванные либерализацией, были временными, в то время как нарушения, вызванные левыми, долговременны и фундаментальны. Я перечислил много ошибочных левых соображений в сфере теории и идеологии, которые противостояли реформам.

После событий 4 июня они также критиковали меня за то, что я передвинул цель борьбы справа налево и 13 мая превратил кампанию борьбы

против либерализации в кампанию борьбы против левого догматизма. Это также было правдой.

Все это показывает, что они ожидали, что я приму их идеи относительно осуществления кампании борьбы против либерализации. Однако моя речь 13 мая оказалась выступлением не против либерализации, а против них. (С. 239)

Чжао Цзыян стоял на той точке зрения, что взгляды и политика, по сути дела, Мао Цзэдуна были причиной долговременных фундаментальных нарушений. Нарушения, вызванные либерализацией, Чжао Цзыян назвал временными.

Чжао Цзыян резко критиковал идеологию левых, то есть идеологию Мао Цзэдуна.

Чжао Цзыян отмечал, что после событий 4 июня 1989 года его критиковали за то, что он превратил кампанию борьбы против либерализации в кампанию борьбы против левого догматизма. Чжао Цзыян не только не оправдывался, но с гордостью заявлял, что это действительно так.

Итак, Чжао Цзыян – это решительный противник идеологии и взглядов Мао Цзэдуна и его сторонников. С его точки зрения, все это – левый догматизм, против которого следует постоянно вести борьбу. Это борьба долговременная и по фундаментальным вопросам.

В целом стало ясно, что у Дэн Сяопина и его сторонников главными врагами, в том числе в области теории и идеологии, были Ху Яобан и Чжао Цзыян. Оба выступали за свободу и демократию.

Позднее, на XIII съезде партии, я установил тональность съезда, и представил доклад Дэну доклад, в который были включены формулировки о «начальной стадии социализма» и о «двух исходных пунктах», и в целом встал в оппозицию к левым. Это вызвало еще больший антагонизм с их стороны.

В моем докладе на XIII съезде партии была фраза о рыночной экономике, где об этом было сказано, не употребляя самих этих слов. Я подчеркнул, что «государство присутствует на рынке, а рынок ведет за собой предприятия». Это и есть механизм рыночной экономики, в котором государство играет всего лишь регулирующую роль, причем исключительно экономическими методами. Рынок же ведет за собой предприятия и производство. Я также сказал, что рыночные механизмы должны покрывать собой все стороны жизни общества.

Пользуясь ситуацией и тем, что Дэн Сяопин не только не мог в это время открыто выступить против его предложений, но даже в какой-то степени поддерживал его, Чжао Цзыян наполнил свой доклад на XIII съезде партии содержанием, совершенно неприемлемым для его противников.

Чжао Цзыян подчеркивал, что в этом докладе он «в целом встал в оппозицию к левым». Это означало, что Чжао Цзыян делил людей в партии на «левых» и «не левых», то есть, по сути дела, на сторонников и противников Мао Цзэдуна.

Чжао Цзыян сказал о том, что государство присутствует на рынке, а рынок ведет за собой предприятия. Это и была, с его точки зрения, характеристика рыночного механизма. С точки зрения Чжао Цзыяна, это означало, что в этом механизме государство играет всего лишь регулирующую роль, причем исключительно экономическими методами. Рынок же ведет за собой предприятия и производство.

Мало того, Чжао Цзыян сказал, что рыночные механизмы должны покрывать собой все стороны жизни общества.

Итак, Чжао Цзыян фактически отделял государство от экономики. Исключал административные методы руководства экономикой. Рыночные механизмы Чжао Цзыян видел как пригодные для действия во всех сторонах жизни общества.

Путь Чжао Цзыяна, сформулированный на XIII съезде партии был действительно совершенно новым для Китая, для социалистических государств. Принять этот путь оказалось далеко не просто. Собственно говоря, первый мощный забор на этом пути был поставлен Дэн Сяопином событиями 4 июня 1989 г.

Еще до того, как эти положения были включены в текст доклада на XIII съезде партии, я написал письмо Дэн Сяопину, но не направил копии Чэнь Юню и Ли Сяньняню. Им не нравились мои идеи, однако им было трудно противостоять этому открыто.

Несколько случаев побуждали их быть мной недовольными в особенности. Один – это смещение Дэн Лицюня с поста руководителя идеологической работы перед XIII съездом партии и замена его Ху Цили. Я предложил, чтобы Дэн Лицюнь продолжал быть членом Политбюро и участвовал в заседаниях Политбюро. Он прочитал много книг, и ему было, что сказать. Я также сказал, что если Дэн Лицюню будет позволено продолжать заниматься теоретической работой, тогда не только не будет надежды на развитие марксизма в Китае, но не будет и надежды на теорию, которая благотворна для реформ. Вскоре до него дошли мои убийственные замечания.

Чжао Цзыян в последний год пребывания на посту генерального секретаря ЦК КПК сделал максимум возможного для того, чтобы расчистить путь реформ.

Он добился отстранения Дэн Лицюня от руководства идеологической работой партии.

Это было большое достижение. Вспомним только, что до этого момента на протяжении некоторого времени в КПК одновременно осуществля-

лись экономические реформы и проводилась идеологическая работа, направленная на разрушение этих реформ.

Чжао Цзыян раскрыл и суть разногласий между ним и Дэн Лицюнем по вопросам идеологии.

Он говорил, что это были разногласия по вопросу о марксизме. Марксизм по Дэн Лицюню, с точки зрения Чжао Цзыяна, не оставлял надежды на развитие марксизма. Во времена правления Мао Цзэдуна его «идеи» называли «вершиной» или «пиком» в развитии марксизма. Те, кто с этим не соглашались, указывали на то, что с такого «пика» одна дорога – вниз.

Дэн Лицюнь, как и многие приверженцы и сторонники Мао Цзэдуна, оставался на таких позициях, которые означали «вечную стоянку» в понимании теоретических проблем, отсутствие творчества и развития теории, которой нужно или можно было руководствоваться в условиях Китая.

Чжао Цзыян также указывал на то, что если бы Дэн Лицюнь продолжал заниматься вопросами теории, тогда в Китае не было бы никакой надежды на теорию, которая благотворна для реформ.

Иными словами, позиция Чжао Цзыяна и его сторонников, заключалась в таком понимании марксизма, которое помогало осознать, что необходимо делать в Китае, помогало осуществлять реформы.

Позиция, на которой находились противники Чжао Цзыяна, убивала всякие надежды на реформы.

В конце 1980-х гг. в высшем руководстве КНР возник спор по вопросу о реформах. Речь шла не больше не меньше, как о решении продолжать или не продолжать реформы. Идти вперед или повернуть вспять к временам правления Мао Цзэдуна.

Я также ликвидировал штаб-квартиру писарей левого крыла, то есть Кабинет исследований Секретариата ЦК партии, как и журнал «Хунци (Красное Знамя)». Конечно, Дэн принял окончательное решение закрыть их, но предложение исходило от меня.

Во времена правления Мао Цзэдуна казалось вечным существование центрального теоретического журнала ЦК КПК, который назывался «Хунци», то есть «Красный Флаг», «Красное Знамя».

Чжао Цзыян добился перед XIII съездом партии закрытия этого журнала.

Он также добился ликвидации в структуре Секретариата ЦК КПК подразделения, которое занималось разработкой теории и находилось под руководством Дэн Лицюня.

Собственно говоря, все это в совокупности было демонстрацией для всей партии, всей страны возможности освобождения от «идей» Мао Цзэдуна.

Дэн Сяопин был вынужден в условиях того времени не возражать против этих решений.

Вероятно, Дэн Сяопин исходил из того, что Дэн Лицюнь и его теоретические позиции связывались в сознании людей с идеологией времен правления Мао Цзэдуна, особенно с тем, что большинство членов партии и населения отвергало как «левую» идеологию.

Дэн Сяопин очевидно, решил пожертвовать откровенно «левыми», продолжая готовить отстранение Чжао Цзыяна с иных позиций, с позиций критики политики «сегодняшнего дня». Для Дэн Сяопина и других «старейшин» или «хозяев» партии важен был результат, то есть отстранение в конечном счете Чжао Цзыяна, а форма или идеологическое объяснение этого шага для них было не столь важно. Более того, они считали для себя выгодным, чтобы в сознании людей в Китае их прямо не связывали с «левыми» взглядами времен правления Мао Цзэдуна.

Эти действия усилили общественную поддержку реформ. Дэн Лицюнь и консерваторы левого крыла, которые противодействовали повестке дня реформ, вдруг были показаны публике в Китае и за границей; они были изолированы. Мы выдвинули Дэн Лицюня кандидатом в члены ЦК партии на XIII съезде партии с тем, чтобы он получил шанс стать членом Политбюро, однако он проиграл выборы. Позднее он был выдвинут кандидатом в члены постоянного комитета Центральной комиссии советников, но снова проиграл выборы. Они думали, что я манипулировал результатами; в результате Ли Сяньнянь, Ван Чжэнь, Ху Цяому и даже товарищ Чэнь Юнь, изливали свой гнев на меня.

Думается, что здесь необходимо подчеркнуть, что Дэн Сяопин занимал совершенно определенные политические позиции. С точки зрения стратегии, Дэн Сяопин был до конца своей жизни последовательным приверженцем и сторонником Мао Цзэдуна. Это касалось, прежде всего, политической системы, политического режима, а также идеологии; это касалось также осуществления враждебного нашей стране и народу политического курса Мао Цзэдуна.

При этом Дэн Сяопин был чрезвычайно изобретателен и искусен в интригах политического характера. Собственно говоря, его жизнь, особенно после смерти Мао Цзэдуна, в основном была жизнью политика, погруженного в интриги с целью удержания власти в своих руках.

Забываясь о сохранении власти в своих руках, он был вынужден удовлетворить требования людей в Китае: требования восстановления доброго имени или реабилитации репрессированных, требования возвращения крестьянам семейных земельных наделов, требования определенных экономических реформ, стабилизировавших политическую и экономическую ситуацию в стране.

В этих целях Дэн Сяопин допустил деятельность «на первой линии» в качестве своего рода «декоративной власти» Ху Яобана и Чжао Цзыяна, сама оставаясь на «второй линии» или удерживая в своих руках реальную власть.

В то же время Дэн Сяопин и другие «старейшины» или «хозяева» партии, прежде всего Чэнь Юнь, Ли Сяньнянь, Бо Ибо, Ван Чжэнь, занимали общие позиции в вопросе о необходимости сохранения в Китае монополю политической власти КПК, существования в Китае того, что именовалось демократической диктатурой народа, «идей» Мао Цзэдуна, утверждения о том, что в Китае существует и совершенствуется социализм.

Таковы были их стратегические позиции. Тактика при обеспечении прочности этих позиций могла варьироваться. Здесь было допустимо жертвовать такими фигурами как Дэн Лицюнь. Позволять сначала Ху Яобану, а затем Чжао Цзыяну, осуществлять некоторые шаги в сфере идеологии, политики и экономики. Однако в конечном счете «хозяева» партии вели дело к постановке экономических реформ под свой контроль и к недопущению политических реформ.

На XIII съезде партии Чжао Цзыян предоставил Дэн Лицюню возможность баллотироваться в руководящие органы партии. При голосовании, где была некоторая возможность выбора, Дэн Лицюнь не прошел ни в ЦК партии, ни в руководство Центральной комиссии советников.

Ли Сяньнянь, и даже Чэнь Юнь, считали, что это – результат манипуляций со стороны Чжао Цзыяна. Поэтому они в еще большей степени возненавидели его уже в конце 1987 года.

На самом деле, и это, вероятно, учитывал Дэн Сяопин, партия, съезд поддерживали Чжао Цзыяна, поддерживали реформы, поддерживали курс на Спасение Китая, вывод его из тупиков политики, проводившейся при правлении Мао Цзэдуна.

Дэн Сяопин выжидал удобного случая для того, чтобы либо переломить настроения в партии, в народе, либо воспользоваться ситуацией, чтобы добиться отстранения Чжао Цзыяна. В 1987 и 1988 гг. такой возможности у Дэн Сяопина объективно не было. Вот чем, вероятно, можно объяснить его позицию.

Товарищ Ван Чжэнь активно выступал против либерализации, однако он верил в открытость, поэтому я был удивлен тем, что он в конечном счете возненавидел меня до такой степени. (С. 240)

Позиция Ван Чжэня, его отношение к Чжао Цзыяну были отражением позиции Дэн Сяопина, на которого всегда ориентировался Ван Чжэнь. Это Дэн Сяопин, а за ним и Ван Чжэнь, выступали за политику открытости Китая.

Думается, что, с точки зрения Дэн Сяопина, открытость, в его понимании, была продолжением линии Мао Цзэдуна на выход Китая в мир, на утверждение Китая в мире, на навязывание своих взглядов и своей позиции миру, на извлечение выгод для Китая из такого рода открытости.

В то же время Дэн Сяопин, вероятно, ненавидел и Ху Яобана, и Чжао Цзыяна, прежде всего за то, что они были сторонниками свободы в ее

проявлениях как в области экономики, так и политики. И здесь Ван Чжэнь отражал настроения Дэн Сяопина.

Наконец, Ху Яобан и Чжао Цзыян исходили из мысли о том, что Китай и китайцы – это неотъемлемая составная часть человечества, что китайцы – такие же люди, как и все остальные люди на Земле. Это означало признание общих для человечества понятий, ценностей и законов и в том, что касалось рынка, или экономики, и в том, что касалось демократии, или политической жизни. Дэн Сяопин, будучи последователем Мао Цзэдуна, исходил из желания отделять Китай, выделять Китай и китайцев, выдвигать на первый план их «специфику», «особость», «своеобразие», «самобытность», то есть, фактически, мысль об особом месте Китая в мире, по отношению к любой другой части человечества, к любой другой нации на Земле.

После XIII съезда партии Ли Сяньнянь открыто обвинял меня в Шанхае и в Хубэе перед лицом местных официальных лиц. (С. 240–241) Он обвинял меня в том, что я не создаю социализм и в том, что я обучился слишком многому у иностранцев. Он говорил, что я не понимаю в экономике, и внес хаос в экономику. Товарищ Чэнь Юнь был более сдержан и приводил разумные аргументы.

Позднее они пришли к выводу, что я был «более Ху Яобаном, чем сам Ху Яобан». То, что не осмеливался делать Ху Яобан, или то, что он не был способен осуществить, я совершил.

Ситуация внутри партии в 1987 и 1988 гг. характеризовалась открытой борьбой разных взглядов. Чжао Цзыян проводил свою политику. При этом он никого из «хозяев» партии не обвинял и не осуждал. Они же делали это.

В истории КПК, во всяком случае, в годы КНР, такое уже случалось во времена «культурной революции», когда открыто критиковали председателя КНР Лю Шаоци.

Теперь открыто критиковали генерального секретаря ЦК КПК Чжао Цзыяна.

Ли Сяньнянь обвинял Чжао Цзыяна в том, что он не создает социализм, слишком многому научился у иностранцев, и вносит хаос в экономику.

Все это означало, что несовместимыми оказались две линии внутри руководства КПК.

Линия Чжао Цзыяна на то,

– чтобы исходить из своеобразия социализма, то есть из необходимости при социализме иметь рыночную экономику, считать главной целью повышение производительности труда, обеспечивающее рост жизненного уровня народа;

– чтобы не исходить априори из того, что ничто в капитализме не пригодно в Китае, а видеть мир как единое целое;

– чтобы вдохнуть жизнь в экономику Китая, создав реальные стимулы для людей работать и жить в Китае.

Линия Ли Сяньняня на то,

– чтобы в принципе просто продолжать то, что делалось при правлении Мао Цзэдуна;

– чтобы не допускать никакой экономической либерализации;

– чтобы сохранять в идеологической и материальной чистоте социализм по Мао Цзэдуну.

Представляется также, что в ходе реформ в Китае в 1980-х гг. можно выделять две стадии этих реформ.

На первой стадии действовал, главным образом, Ху Яобан. На второй – Чжао Цзыян. Это было последовательное продвижение вперед по пути реформ, по пути экономической и политической либерализации или экономических и политических свобод. Благодаря действиям Ху Яобана и Чжао Цзыяна перед Китаем открывался путь мирного эволюционного разумного преобразования экономической и политической системы страны.

«Старейшины», или «хозяева» партии, терпели все это около десяти лет, затем сплотились и устранили сначала Ху Яобана, а затем Чжао Цзыяна от руководства партией и государством.

Вот что произошло в Китае в 1980-х гг. В результате всего этого Дэн Сяопин и прочие затормозили экономические реформы на три года, на 1989–1991 гг., и не допустили начала политических реформ в Китае еще, по крайней мере, на 20 лет.

До того как началась паника, выразившаяся в скупке товаров в массовых количествах и до того, как было предложено проводить политику по принципу «урегулирования и реорганизации», они тайно пытались подорвать мое положение. После того, как вышеупомянутое произошло, они сочли, что у них появилась возможность, так как они полагали, что я разрушил политику в сфере экономики и погубил реформы. Они стали распространять враждебные по отношению ко мне мнения и затеяли кампанию под лозунгом «свергнуть Чжао».

Я не был тогда в достаточной степени информирован об этом. Поскольку я провел много лет, работая на местном уровне, и лишь недавно пришел в центральное руководство, у меня было мало каналов. Кое-что из того, что осуществлялось за сценой оставалось скрытым от меня, и остается скрытым даже сейчас. Например, группа людей написала письмо Дэн Сяопину, атакуя меня, но мне не известно, кто это сделал.

Перед событиями 4 июня, во время кампании за то, чтобы «свергнуть Чжао», Дэн Сяопин всегда со всей твердостью поддерживал меня и его не

поколебали их попытки воздействовать на него. Это следует из целого ряда событий.

Например, Дэн говорил во многих случаях, что структура центрального руководства не может быть изменена. Было очевидно, что то, что сказал Дэн, было ответом тем, кто хотел произвести такие изменения. Дэн даже сказал прямо мне и другим товарищам, что я должен оставаться генеральным секретарем на два срока. Конечно, это было всего лишь его личное мнение.

Чжао Цзыян констатировал, что в 1988 году в Китае была поднята кампания под лозунгом «Свергнуть Чжао». Это говорит об остроте борьбы и о характере борьбы в руководстве КПК и внутри самой правящей партии.

Важно, пожалуй, видеть то, что организаторы этой кампании, по сути дела, главные противники реформ в Китае, настраивали людей против Чжао Цзыяна, утверждая, что он, дескать, погубил реформы.

Дэн Сяопин продолжал выжидать. Он говорил, что изменений в руководстве не должно быть. В то же время он не пресекал кампанию под лозунгом «Свергнуть Чжао».

Чжао Цзыян также отметил ту особенность ситуации, что у него, как у «человека из Сычуани», «из провинции» не было связей в центре, поэтому он во многих случаях не знал о том, что происходит внутри руководства КПК.

После празднования Нового года в 1989 году Ли Пэн и Яо Илинь начали атаку против реформ на заседании Политбюро с повесткой дня: внутренняя жизнь партии. Дэн был расстроен, когда он услышал об этом событии, поэтому Ли Пэн отправился к Дэну домой, чтобы дать разъяснения и защитить себя. Во время разговора Дэн сказал ему: «Чжао будет оставаться генеральным секретарем еще на два срока», и попросил его передать это послание другим членам Постоянного комитета Политбюро. Конечно же, Ли Пэн должен был сказать мне о том, что говорил Дэн.

Чжао Цзыян констатирует, что в начале 1989 г. Ли Пэн и Яо Илинь начали атаку против реформ, то есть против Чжао Цзыяна как генерального секретаря ЦК КПК и его политической линии прямо на заседании ПБ ЦК КПК.

Если в начале 1987 г. было проведено заседание с повесткой дня «Внутренняя жизнь партии» с целью осуждения Ху Яобана, то в 1989 г. заседание с такой же повесткой дня было проведено с целью осуждения Чжао Цзыяна.

Это означало, что Ли Пэн имел возможность провести такое заседание. Следовательно, Дэн Сяопин не препятствовал этому.

Заседание не привело к результатам, которых хотел добиться Ли Пэн.

После этого Дэн Сяопин побеседовал с Ли Пэном, сказал, что Чжао Цзыян будет продолжать действовать в качестве генерального секретаря ЦК КПК. Ли Пэн передал эти слова Дэн Сяопина Чжао Цзыяну.

Все эти детали свидетельствуют о сложности ситуации внутри КПК, а также о «политической натуре» Дэн Сяопина, который перед XIII съездом КПК, когда Чжао Цзыян по инициативе Дэн Сяопина исполнял обязанности генерального секретаря ЦК партии и готовил политический доклад съезду, допустил соперничество двух претендентов на пост генерального секретаря: Чжао Цзыяна и Дэн Лицюня.

Далее Дэн Сяопин был вынужден согласиться с избранием Чжао Цзыяна генеральным секретарем ЦК КПК. Более того, он пропагандировал свое намерение «держат» Чжао Цзыяна два срока на посту генерального секретаря ЦК КПК.

Одновременно Дэн Сяопин допустил действия Ли Пэна практически в качестве «другого генерального секретаря ЦК КПК», который даже имел возможность и полномочия созвать заседание Политбюро ЦК КПК для осуждения действий Чжао Цзыяна.

Перед событиями 4 июня, как раз перед моей поездкой в Северную Корею, я нанес визит Дэну. Он сказал мне, что после моей поездки он хотел бы обсудить вопрос о продолжении пребывания меня на посту генерального секретаря еще на два дополнительных срока. Был подготовлен список тех, кто должен был присутствовать при обсуждении этого вопроса. (С. 241) В добавление к членам Постоянного комитета Политбюро, в список были включены некоторые старейшие в партии. (С. 241–242) Он также сказал мне, что Чэнь Юнь и Ли Сяньнянь согласились. Как проходило обсуждение этого вопроса, мне не известно.

Перед поездкой Чжао Цзыяна в Северную Корею Дэн Сяопин встретился с ним. Во время этой встречи Дэн Сяопин говорил о планах продолжения пребывания Чжао Цзыяна на посту генерального секретаря ЦК КПК. Следовательно, Дэн Сяопин намеренно «усыплял бдительность» Чжао Цзыяна. Мало того, после отъезда Чжао Цзыяна в Северную Корею, Дэн Сяопин при встрече с Ли Пэном назвал демонстрации студентов антипартийными и антисоциалистическими.

Таким образом. Чжао Цзыян был лишен возможности не допустить этих высказываний или реагировать на них тут же, находясь в Пекине.

Дэн Сяопин действовал продуманно. Он поставил Чжао Цзыяна в безвыходное положение, вынудив его из Северной Кореи согласиться с неверной характеристикой студенческих демонстраций. При этом Дэн Сяопин фактически одобрил линию поведения Ли Пэна.

Во время Праздника Весны в 1989 году, как раз перед отъездом в Шанхай, я еще раз побывал у него дома. На сей раз обсуждение зашло еще

дальше. Он сказал, что думал на протяжении некоторого времени, но никому не говорил о том, о чем хотел поговорить со мной первым, то есть о том, что он хочет уйти с поста председателя Военного совета ЦК КПК и хочет, чтобы я сменил его на этом посту. Он сказал, что если он не уйдет (от работы) полностью (на отдых) и все еще будет сохранять за собой этот пост, тогда будет трудно убедить других старейших прекратить вмешательство (в дела). Он сказал, что это представляется ему единственным выходом из ситуации. Было очевидно, что он ощущал, что старейшие слишком навязчивы со своими мнениями и это затрудняет мои действия. Возможно, что он рассматривал такой шаг после того, как старейшие приходили к нему, чтобы выразить свою оппозицию по отношению ко мне. С той целью, чтобы дать мне возможность работать, не будучи связанным по рукам и ногам, он решил оставить свой пост.

Когда он предложил уйти в отставку, я со всей твердостью не согласился с этим. Я сказал: «В ситуации, когда мы в настоящее время столкнулись с такими проблемами в сфере экономики, люди ведут между собой разговоры. Если вы полностью отойдете от дел в отставку, нам будет очень трудно справиться с делами. Политика на Востоке отличается от политики на Западе; здесь, то есть на Востоке, ваша отставка не будет означать прекращение вмешательства с их стороны, не будет означать этого и сам тот факт, что они больше не будут занимать никаких официальных постов. До той поры, пока эти героические основатели нашей нации (страны, государства) будут живы, будет невозможно убедить их не вмешиваться в дела государства. А если вы прекратите вмешиваться, а они будут продолжать делать это, то будет даже еще труднее для нас справляться с делами. В ситуации, когда дело находится в ваших руках, для нас будет все же легче делать дело». Я предложил ему: «Вне зависимости от чего бы то ни было, вы действительно не должны поднимать этот вопрос снова, по крайней мере, еще год».

После того как я сказал это, он немного подумал. Затем ответил: «Очень хорошо. Я поступлю так, как ты предложил. Я не буду упоминать об этом еще год».

Этот разговор с Дэном заставил меня понять, что некоторые люди, возможно, многие старейшие, оказывают давление на Дэна, плохо говоря обо мне. Дэн открыто заявил, что не будет поддаваться их воздействию. Он отверг их давление (нажим). С того момента, как я стал генеральным секретарем в 1987 году, консервативные силы стали постепенно формироваться с тем, чтобы встать в оппозицию по отношению ко мне. И хотя они были агрессивны в этой своей оппозиции, используя (применяя) всевозможные тактические приемы, без поддержки Дэн Сяопина они не были в состоянии добиться успеха.

Дэн Сяопин намеренно создавал у Чжао Цзыяна впечатление о том, что он поддерживает пребывание Чжао Цзыяна на посту генерального секретаря ЦК КПК. Дэн Сяопин говорил Чжао Цзыяну, что он хочет передать ему пост председателя Военного совета ЦК КПК.

Представляется, что это была очередная уловка Дэн Сяопина. Он делал это с той целью, чтобы прощупать настроения Чжао Цзыяна.

Чжао Цзыян не поддавался на такие провокации. Более того, Чжао Цзыян настаивал на том, чтобы Дэн Сяопин не уходил от дел, так как только благодаря этому удастся сдерживать натиск противников реформ.

Чжао Цзыян говорил, что, с его точки зрения, Дэн Сяопин вплоть до событий 4 июня 1989 года не поддавался на давление со стороны «старейшин» партии. Поддерживал Чжао Цзыяна.

Думается, что есть основания видеть все это и в ином свете.

Но даже если принять точку зрения Чжао Цзыяна, трудно согласиться с тем, что Дэн Сяопин до 17 мая 1989 г. относился к Чжао Цзыяну по-одному, а затем внезапно стал относиться по-другому.

Такая ситуация изменилась только после политического переворота (политических потрясений) 1989 года. Из-за того, что между Дэном и мной возникло несогласие по вопросу о том, как поступить со студенческими демонстрациями, и из-за того, что я отказался выполнять его решение, отношение Дэна ко мне изменилось. (С. 242) И когда это случилось, старейшие, которые находились в оппозиции по отношению ко мне на протяжении более года, в финале оказались в состоянии прийти к консенсусу с Дэном. (С. 242–243) Объединившись, они приняли решение сместить меня с поста.

Думается, что Чжао Цзыян сказал главное о своих отношениях с Дэн Сяопином, когда он констатировал, что между ним и Дэн Сяопином возникло несогласие по вопросу о том, как поступать со студенческими демонстрациями, а также из-за того, что Чжао Цзыян отказался принять решение Дэн Сяопина. Речь шла о решении вести военное положение в Пекине.

Чжао Цзыян при этом напоминает, что «старейшины» партии к этому времени уже более года добивались его смещения. Поэтому-то и решение сместить его стало в связи с событиями 4 июня 1989 г. общим решением Дэн Сяопина и других «старейшин» или «хозяев» партии.

Итак, речь шла об отношении к студенческим демонстрациям. Дэн Сяопин считал, что эти демонстрации представляют собой смертельную угрозу для КПК и для КНР, угрозу политическому строю в Китае.

Чжао Цзыян считал, что они такой угрозы не представляют.

Дэн Сяопин закрывал любую возможность продвижения по пути политических реформ или, как тогда говорили в Китае, политической либерализации.

Чжао Цзыян полагал, что существует реальная возможность идти по пути политических реформ.

Вопрос о политической демократии, вопрос об отношении к политической системе, созданной при правлении Мао Цзэдуна, разделил Чжао Цзыяна и Дэн Сяопина.

Это был в то же время вопрос о том, что такое социализм, что такое политическая система при социализме.

Дэн Сяопин и Чжао Цзыян разошлись в понимании политической природы социализма.

Далее, Дэн Сяопин, как и Мао Цзэдун, не терпел, чтобы кто бы то ни было не соглашался с его решением. Дэн Сяопин, как и Мао Цзэдун, унаследовал из конфуцианства принцип самовластия. Чжао Цзыян был против принципа самовластия, соглашаясь с важной ролью Дэн Сяопина лишь как ограничителя давления сил, выступавших против реформ.

Чжао Цзыян не согласился с решением Дэн Сяопина применить вооруженные силы против собственного народа, и не считал, что студенческие демонстрации в Пекине следовало подавлять с помощью военной силы.

Это означало, что Чжао Цзыян был за диалог власти с народом. Он полагал, что такой диалог возможен, что возможно мирное решение проблем и выполнение ряда требований демонстрантов.

Дэн Сяопин такой возможности не допускал.

Следовательно, Чжао Цзыян и Дэн Сяопин разошлись в вопросе о демократии, об отношении к народу и его требованиям при социализме. Они по-разному смотрели на вопрос о соотношении воли народа и воли номенклатуры правящей политической партии, о соотношении прав народа, с одной стороны, и номенклатуры и ее «лидера», с другой стороны. Речь шла о правах, о законе. Понимание этих вопросов Чжао Цзыяном и Дэн Сяопином было несовместимым.

Даже при той трактовке, которую предлагает Чжао Цзыян, после событий 4 июня 1989 г. он видит несовместимость своей позиции и объединенной позиции всех «старейшин» или «хозяев» партии, включая Дэн Сяопина.

Вопрос о свободе и демократии, о месте свободы и демократии в социализме, при социализме разделил Чжао Цзыяна и Дэн Сяопина.

Здесь я хочу сказать о Ли Сяньняне и Дэн Лицюне. Дэн Лицюнь был предводителем консерваторов в сфере идеологии, теории и пропаганды. В число тех, кто его поддерживал за кулисами, входили Ли Сяньнянь, Ван Чжэнь и товарищ Чэнь Юнь. Конечно, были и другие старейшие, которые также находились в оппозиции к реформам. У Дэн Лицюня были чрезвычайно тесные отношения с ними.

Его отношения с Ван Чжэнем брали свое начало в первые годы после освобождения, когда Ван Чжэнь был секретарем парткома Бюро ЦК КПК

по Синьцзяну, в то время как Дэн Лицюнь заведовал там отделом пропаганды. У него также были хорошие отношения с Ли Сяньнянем; на протяжении длительного времени он служил у Ли Сяньняня помощником. Когда Ли Сяньнянь руководил Пятым отделом Государственного совета, Дэн Лицюнь был его советником.

Товарищ Чэнь Юнь также очень хорошо относился к нему. Дэн Лицюнь высоко оценивал мнение товарища Чэнь Юня по экономическим вопросам. Что же касается собственных взглядов Дэн Лицюня на экономику, то, он, конечно же, не одобрял методы культурной революции; он с очень большим одобрением относился к тому, что делалось до культурной революции, особенно методы, применявшиеся во время первой пятилетки. По крайней мере, с начала 1980-х гг. он способствовал распространению представлений о том, что экономических идей товарища Чэнь Юня достаточно для того, чтобы направлять нашу новую экономическую политику.

Он (Дэн Лицюнь) часто использовал свой пост руководителя (пропаганды) для того, чтобы публиковать сборники выступлений старейших в партии, льстил им и таким образом заручался благожелательным отношением к нему с их стороны. Примерами могут служить издание «Избранных трудов Чэнь Юня» и «Избранных трудов Ли Сяньняня». Поэтому-то тогда, когда Дэн Сяопин принял решение переместить Дэн Лицюня с его поста руководителя идеологической и теоретической работы, оба они, и Чэнь Юнь, и Ли Сяньнянь, не согласились с этим. Они открыто выражали это свое мнение, утверждая, что «Дэн Лицюнь – это хороший товарищ». Однако, поскольку Дэн Сяопин уже принял решение, они ничего не могли сделать, чтобы изменить его.

Немедленно после того, как Дэн Лицюнь проиграл выборы на XIII съезде партии, товарищ Чэнь Юнь написал письмо с тем, чтобы за Дэн Лицюнем была сохранена его заработная плата и другие компенсации. К настоящему времени Дэн Лицюнь по-прежнему пользуется всем пакетом компенсаций (привилегий) секретаря Секретариата ЦК КПК или члена постоянного комитета Центральной комиссии советников, даже, несмотря на то, что он никогда не был членом этого органа. Это в высшей степени не нормально. (С. 243)

Чжао Цзыян стал членом центрального руководства КПК только в 1980-х гг. До этого он много лет работал вне Пекина, в провинциях Гуандун и Сычуань. Чжао Цзыян не был выдвинут в состав центрального руководства какой-либо группировкой партийных руководителей, скажем, нескольких провинций. Он был своего рода «одиночкой». Обстоятельства сложились таким образом, что на посту главы правительства, руководителя экономики страны потребовался новый человек, способный решать существовавшие проблемы. Чжао Цзыян оказался, возможно, самым удачным кандидатом на этот пост.

Он успешно осуществлял экономические преобразования, причем был автором главных экономических реформ в 1980-х гг.

Реалии политической жизни в КНР таковы, что ему пришлось действовать в условиях нескончаемых политических интриг внутри центрального руководства партии.

Чжао Цзыяну пришлось также столкнуться с самыми активными противниками реформ, а также иметь дело с целым рядом закулисных руководителей, «старейшин» партии или теневых «хозяев» партии.

Конечно же, он давно знал об их существовании. Однако ему впервые пришлось иметь с ними непосредственно, либо с их интригами.

Чжао Цзыян оказался на посту руководителя правительства, а затем и ЦК партии при поддержке Дэн Сяопина.

Он понимал, что нужен Дэн Сяопину. У Дэн Сяопина были свои причины видеть Чжао Цзыяна на этих постах. В то же время существовали объективные обстоятельства, побуждавшие Дэн Сяопина поддерживать Чжао Цзыяна. Прежде всего, это была необходимость осуществлять успешные экономические преобразования, гарантировавшие стабильность в стране.

Чжао Цзыян пользовался поддержкой Дэн Сяопина. стремился до последней возможности сохранять для себя такую поддержку.

Оказалось, что имелись основания для того, чтобы использовать Дэн Сяопина при противостоянии с Дэн Лицюнем. Дэн Лицюнь ориентировался на Ли Сяньняня, на некоторых других политиков. Между Ли Сяньнянем и Дэн Сяопином были свои не простые отношения. Взгляды на политику реформ и открытости у Дэн Сяопина и Ли Сяньняня не совпадали. В частности, да и в значительной степени, именно это обстоятельство помогло Чжао Цзыяну бороться с наскоками Дэн Лицюня.

Очевидно, что Чжао Цзыяну помогало то, что Дэн Лицюнь, в борьбе за пост генерального секретаря ЦК КПК проявлял особое внимание к Чэнь Юню и Ли Сяньняню. Будучи руководителем идеологической работы в партии, Дэн Лицюнь опубликовал труды Чэнь Юня и Ли Сяньняня, но не Дэн Сяопина. Это могло не понравиться Дэн Сяопину.

Конечно, тут Дэн Лицюнь был в безвыходном положении. Он угрожал тем, кто его поддерживал, а это были Ли Сяньнянь и, в какой-то степени, Чэнь Юнь. Но не Дэн Сяопин.

Одним словом, все эти хитросплетения помогли Чжао Цзыяну удержаться на посту генерального секретаря ЦК КПК в 1987 году. В какой-то степени устранение Дэн Лицюня было и в интересах Дэн Сяопина.

Однако в 1988 году и в 1989 году Дэн Сяопин начал продвигать в качестве реального конкурента Чжао Цзыяна своего ставленника Ли Пэна.

Если в 1987 году на пост генерального секретаря ЦК КПК наряду с Чжао Цзыяном претендовал ставленник Ли Сяньняня Дэн Лицюнь, то в 1988–1989 гг. это был ставленник Дэн Сяопина Ли Пэн.

Именно в этой связи, изменилась и политическая ситуация для Чжао Цзыяна.

Фактически Дэн Лицюнь – это самый сильный (могущественный) автор (писатель) среди тех, кто находится в оппозиции к реформам Дэн Сяопина. (С. 243–244) Было бы ошибкой недооценивать воздействие Дэн Лицюня. После того, как были упразднены журнал «Хунци (Красное Знамя)» и Кабинет исследований Секретариата ЦК КПК, Дэн Лицюнь пристроил в другие места тех, кто поддерживал его работу. Дэн Лицюнь вплоть до настоящего времени сохраняет посты во многих организациях, где он контролирует сферу идеологии и теории, особенно историю партии и другие издания партии.

Чжао Цзыян стремился использовать для укрепления своего положения тот аргумент, что он только осуществлял реформы Дэн Сяопина, что он защищал реформы Дэн Сяопина.

Дэн Лицюня Чжао Цзыян представлял как противника реформ Дэн Сяопина.

Попутно Чжао Цзыян обращал внимание на то, что именно Дэн Лицюнь был главным писарем или автором всех тех «теорий», которые подрывали реформы.

Наконец, Чжао Цзыян оставил в качестве своего политического завещание и мысль о необходимости никогда не терять бдительности в отношении деятельности тех внутри КПК, кто продолжает линию Дэн Лицюня, иными словами, продолжает сохранять идеологию времен правления Мао Цзедуна. А это имеет место и в настоящее время.

Ли Сяньнянь был самым известным из старейших, кто находился в оппозиции к реформам Дэн Сяопина. Он ненавидел меня за то, что я осуществлял реформы Дэн Сяопина. Однако, поскольку для него было трудно открыто противостоять Дэн, он превратил меня в мишень своей оппозиции. Ли Сяньнянь заявлял, что я слушал только то, что говорил Дэн Сяопин, игнорируя его. Однажды он направил свое послание через (заместителя премьера) Ван Жэньчжуна, который, в свою очередь, послал (секретаря парткома провинции Хубэй) Ван Цюаньго сказать мне: «Ты должен слушать всех старейших в партии, и не должен быть пристрастен только к одному!» Фактически, я не слушал его, потому что он находился в оппозиции к реформам.

Чжао Цзыян стремился разбивать фронт противников реформ. Он выделял в качестве главного противника реформ Дэн Сяопина такого «старейшего» в партии, как Ли Сяньнянь.

Чжао Цзыян при этом использовал тот факт, что Ли Сяньнь призывал его слушать слово не только «одного человека» в партии. Этим человеком был Дэн Сяопин. Ли Сяньнянь хотел, чтобы Чжао Цзыян слушал и его.

Думается, что Чжао Цзыяну помогало то, что между Дэн Сяопином и Ли Сяньнянем были серьезные разногласия, во всяком случае, по вопросу о том, кто должен играть главную роль в партии.

Еще одним вопросом было то, что товарищ Чэнь Юнь настаивал на применении методов первой пятилетки, которые, как он говорил, не должны подвергаться критике. Он считал, что реформа во многих отношениях отрицает методы первого пятилетнего плана, поэтому он зачастую находился в оппозиции по отношению к реформам.

Оппозиция со стороны Ли Сяньняня, по контрасту, не базировалась в первую очередь на первом пятилетнем плане. Вместо этого он ратовал за политику, которая проводилась во время культурной революции или на протяжении тех трех лет стагнации, которые последовали за культурной революцией, то есть тогда, когда он ведал политикой в сфере экономики. Когда товарищ Чэнь Юнь утратил благосклонность председателя Мао в 1958 году, именно Ли Сяньнянь взял в свои руки эту власть в качестве постоянного заместителя премьера Госсовета КНР, и на протяжении длительного времени отвечал за политику в сфере экономики. Он был удручен тем, что результаты его экономических успехов в эру культурной революции и на протяжении трех лет стагнации после культурной революции не были признаны. Он часто говорил: «Успехи в сфере экономики не являются все результатом реформ. Разве не было успехов в прошлом также? Не были ли основы заложены в прошлом?» (С. 244)

Чжао Цзыян отмечал тот факт, что Ли Сяньняня и Чэнь Юня объединяло общее отношение к политике в области экономики во времена правления Мао Цзэдуна. Каждый из них видел свою роль в те времена как безупречную.

Вместе с тем, оба они считали, что и после смерти Мао Цзэдуна можно было продолжать действовать прежними методами в экономике. Это сближало Ли Сяньняня и Чэнь Юня.

В то же время Дэн Сяопин понимал, что нужны новые методы и соглашался с рядом предложений Чжао Цзыяна.

Это было еще одно обстоятельство, объяснявшее сам феномен Чжао Цзыяна и его пребывания на руководящих постах в 1980-х гг.

ВЗГЛЯДЫ ДЭН СЯОПИНА

Чжао Цзыян в результате своих раздумий приходит к выводам о том, кто и какую роль сыграл в его время? и по какому Пути необходимо идти Китаю.

Разрешите мне начать с обсуждения вопроса о взглядах Дэн Сяопина. С 1980 г. и вплоть до 4 июня 1989 г. Дэн многократно говорил о противостоянии либерализму. С другой стороны, он также много раз говорил, что политические реформы необходимы. В этой связи и возникает вопрос о том, как точно должны были бы осуществляться эти реформы в соответствии с идеей Дэн Сяопина о политических реформах?

Я думаю, что Дэн был в определенной степени не удовлетворен ныне существующей политической системой. Его вера в политические реформы была искренней. Однако те реформы, которые он имел в виду, не были модернизацией и демократизацией политики. Скорее это было что-то типа административных реформ, типа реформ, которые предполагали только специфического характера регулирование, организацию, методологию и мораль общего плана. Дэн считал, что предпосылка реформ состоит в том, чтобы твердо придерживаться однопартийного правления Коммунистической партии. Такие реформы были, собственно говоря, предназначены для того, чтобы в еще большей степени консолидировать однопартийное правление Коммунистической партии. Дэн со всей твердостью отрицал какие бы то ни было реформы, которые ослабляли это правление. (С. 247)

Чжао Цзыяну пришлось действовать в ситуации, когда, даже обладая властью главы правительства, руководителя партии, приходилось считаться с мнением Дэн Сяопина.

Первое, о чем говорит Чжао Цзыян, излагая свое понимание взглядов, Дэн Сяопина, это тот факт, что на протяжении всех первых 10 лет реформ в Китае, с 1980 г. по 1989 г., всех тех лет, когда Чжао Цзыяну пришлось иметь дело с Дэн Сяопином, которому было невозможно возразить, Дэн Сяопин неизменно выступал против либерализации.

Из этого следует, что реформы приходилось осуществлять в обстановке, когда слово либерализация, понятие либерализации, понятие свобод было под запретом в среде высшего руководства КПК-КНР.

В то же время Дэн Сяопин говорил о политических реформах.

Иными словами, была возможность ставить вопрос о политических реформах и даже осуществлять политические реформы, но таким образом, чтобы они не показались бы Дэн Сяопину политической либерализацией.

Дэн Сяопин не был полностью удовлетворен той политической системой, которая была сформирована при правлении Мао Цзэдуна.

Думается, что недовольство Дэн Сяопина вызывал тот факт, что система не была настолько прочной, как того хотелось бы Дэн Сяопину. В частности, представляется, что Дэн Сяопин был недоволен тем, что не удалось удержать китайских крестьян в узде «народных коммун» по Мао Цзэдуну. Отсюда могло вытекать его желание так «подправить» политическую систему, чтобы и в своем новом положении фактических распорядителей семейными земельными наделами китайские крестьяне оставались бы под властью КПК. А это означало, что и собственник, в различных его формах, а не только неимуций, должен был оставаться «принадлежностью» или «собственностью», «имуществом» КПК.

Дэн Сяопин считал, что у этой системы есть некоторые недостатки, которые желательно исправлять, однако с тем, чтобы укреплять саму эту систему. Система однопартийного правления Коммунистической партии должна была, по Дэн Сяопину, оставаться неизменной.

Дэн Сяопин не допускал ни демократизации, ни модернизации политики, то есть политической системы.

В реальной жизни все это означало, что Дэн Сяопин был приверженцем и наследником Мао Цзэдуна, продолжателем дела Мао Цзэдуна, то есть политиком, который исходил из того, что в конечном счете власть в стране должна быть сосредоточена в одних руках, в его руках.

Механизм власти, с его точки зрения, можно было совершенствовать, но лишь с тем, чтобы власть была в максимальной степени сконцентрирована в его руках, в руках полностью подчиненной ему номенклатуры правящей политической партии, то есть КПК. Без этого Дэн Сяопин не видел не только настоящего, но и будущего Китая при КПК в качестве правившей в стране политической партии, обладавшей монополией на политическую власть.

Дэн Сяопин отрицал любые реформы, ослаблявшие власть КПК. Следовательно, такие реформы были немыслимы при жизни Дэн Сяопина. Те китайские политики, которые считают себя последователями Дэн Сяопина, так же, как и он не допускают никаких реформ, ослабляющих монопольное положение КПК у власти.

У большинства людей впечатление относительно идеи политических реформ по Дэн Сяопину складывалось под воздействием той речи, которую он произнес на расширенном заседании Политбюро в августе 1980 года. Это была речь под названием «Относительно реформы системы руководства со стороны партии и государства». Он критиковал бюрократизм,

сверхконцентрацию власти, и патриархат, которые представляли собой часть системы в то время. Он подчеркнул, что корни этих проблем гнездятся в существующей системе, и что хорошая система препятствует тому, чтобы бессовестные, неразборчивые в средствах люди были в состоянии (имели возможность) делать все, что им заблагорассудится, в то время как нездоровая система создает ограничения на том пути, на котором хорошие люди могут в полной мере реализовать свои добрые начинания, или даже подталкивает их в оппозицию. В этой речи он даже процитировал председателя Мао, который однажды сказал, что такие эпизоды, как то, что Сталин растоптал социалистическую систему законов, никогда не могли бы иметь место на Западе, в Англии, в США или во Франции. Также, анализируя корни существующих недостатков, он обращался к воздействию феодализма. Он подчеркивал, что даже хотя мы работали над построением новой демократической революции на протяжении двадцати восьми лет, и свергли господство феодализма, а в равной степени и феодальную собственность на землю, мы все же недооцениваем задачу очищения от воздействия феодализма на наше политическое мышление, и мы не выполнили эту задачу.

Здесь необходимо вернуться к тому, что происходило в Китае в первые годы после смерти Мао Цзэдуна.

КПК осталась у власти.

Однако партия лишилась привычной структуры власти. Больше не было одной политической фигуры, которая держала в страхе всех и вся. Физическое уничтожение оппонентов внутри руководства стало невозможным. Стали, во всяком случае, на какое-то время невозможны и массовые политические кампании, чистки, физическое насилие и уничтожение людей по политическим обвинениям.

В то же время внутри партии сохранились те, кто претендовал на роль «старейших» или «старейшин», или «хозяев» партии. Ни одно из этих «хозяйств» не было партией в целом. «Старейшины» не имели возможности уничтожить друг друга. Они могли в большей степени считаться с мнением одного или двух «самых уважаемых» из их числа, но не допускали ущемления власти в своих «владениях».

В целом после исчезновения диктатора естественным ходом событий была образована теневая структура управления, составленная из многих центров, представителями которых были упомянутые «старейшины». При этом не все они предпочитали или имели возможность официально занимать соответствующие руководящие посты.

Так была образована «реальная власть», главной функцией которой было распределение властных полномочий и постов в своего рода «декоративной власти», то есть в официальных органах руководства партией и государством.

Так возникли снова, как и в конце 1950-х – начале 1960-х гг. «две линии» руководства.

На «второй линии» расположились представители «реальной власти».

На «первую линию» выдвинулись те, кому выпало на долю решать реальные политические и экономические проблемы. Такая ответственность на них легла, такая власть у них была. В то же время их судьба, карьера, положение зависели от решения «реальной власти», то есть «старейшин», «хозяев» партии.

Сами «хозяева» партии не могли занять посты на «первой линии» по двум причинам.

Во-первых, они не были способны решать практически, прежде всего, экономические проблемы.

Во-вторых, они не пользовались доверием и поддержкой народа, когда речь шла, скажем, о возвращении доброго имени, то есть о реабилитации тех, кто пострадал от репрессий при правлении Мао Цзэдуна. Имена многих «старейшин» были тесно связаны в сознании людей с именем Мао Цзэдуна, а это в тот момент не способствовало укреплению их положения в официальном порядке. Многие «хозяева» партии благополучно пережили «культурную революцию»; в те времена они просто были отведены Мао Цзэдуном на «запасный путь».

В такой обстановке, прежде всего, от власти после смерти Мао Цзэдуна были отстранены сначала главные выдвиженцы Мао Цзэдуна, активисты «культурной революции», в том числе его вдова Цзян Цин, а со временем и «преемник» Мао Цзэдуна, «мудрый вождь» (так его предписывалось именовать в отличие от Мао Цзэдуна, которого полагалось называть только «великим вождем») Хуа Гофэн.

На «первую линию» при поддержке народа и масс членов партии выдвинулись Ху Яобан и Чжао Цзыян.

На «второй линии» главными среди «старейшин» стали Дэн Сяопин и Чэнь Юнь, плюс Ли Сяньнянь и Е Цзяньин.

В конце 1978 г. состоялся форум партии, на котором были сделаны главные выводы того времени из переосмысления «культурной революции».

Это был 3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва. На нем было решено поставить в центр всей работы партии решение экономических вопросов, а не классовую борьбу. Было также решено осуществлять политику реформ и открытости.

Это означало, что «старейшинам» пришлось смириться с требованием людей Китая о том, чтобы массовых политических кампаний, то есть массовых политических репрессий больше не было. Это же означало требование внести изменения в политическую систему.

Однако на 3-м пленуме ЦК КПК поправки коснулись только политики в сфере экономики, но не политики.

Вопрос о политических реформах оказался как бы в стороне. Это произошло не случайно.

«Старейшины» пошли на перемены в сфере экономической политики, но они зарезервировали свою позицию по вопросу о политических реформах.

Однако мнение относительно этих реформ у них сформировалось.

В 1980 г., когда стало очевидно, что какие-то экономические изменения начали происходить, когда положение людей, особенно в деревне, начало явно улучшаться, «старейшины» решили, что пришло время «определиться» и в вопросе о политических реформах.

В 1980 г. Дэн Сяопин выступил с докладом на расширенном заседании Политбюро ЦК КПК. Это означало, что кроме официальных членов Политбюро там присутствовали реальные «хозяева» партии.

Доклад Дэн Сяопина был чрезвычайно важен, прежде всего, по той причине, что большинство членов партии, да и многие люди в Китае, воспринимали его слова как ориентир в том, что касалось политической ситуации в стране, политической системы в стране, направления возможных политических перемен.

Дэн Сяопин осудил бюрократизм, систему концентрации власти и патриархат. Все это ощущалось многими в Китае как существенные недостатки политической системы, которая существовала при Мао Цзэдуна и продолжала существовать после его смерти.

Дэн Сяопин объявлял тем самым войну именно этим явлениям.

Собственно говоря, это было продолжение той линии, которая уже присутствовала в докладе Дэн Сяопина на VIII съезде КПК, в котором он критиковал то, что именовалось тогда культом личности. Это было веяние своего времени.

В 1980 г. набор недостатков партии по Дэн Сяопину был в значительной степени лозунговым.

На словах требовалось осуждать некие проявления самовластия или властолюбия. Это был намек на Мао Цзэдуна. В то же время Дэн Сяопин не называл имени Мао Цзэдуна и прямо не обвинял его. Тут Дэн Сяопину пригодились осуждение патриархата.

Дэн Сяопин шел навстречу местным руководителям, вообще «старейшинам», «хозяевам» партии, когда призывал бороться против чрезмерной концентрации власти. В то же время в принципе система не изменялась.

Наконец, Дэн Сяопин осуждал бюрократизм. Это делалось с тем, чтобы привлечь на свою сторону массы простых людей, которые ненавидели чиновничество, номенклатуру. Собственно говоря, тут, как бы «про запас», оставлялась возможность при необходимости снова поднять массы на борьбу против бюрократов, как это делал Мао Цзэдун, призывая «открыть огонь по штабам».

И в то же время бюрократизм виделся как тот недостаток, который надо было ликвидировать, однако эта борьба не требовала изменения в принципе системы власти в Китае.

Дэн Сяопин сказал, что в СССР Сталин растоптал систему законов. Он также сказал, что этого не могло бы произойти в государствах Запада, в том числе в США.

Для Дэн Сяопина характерны высказывания, которые имели разнонаправленный характер, которые можно было трактовать в зависимости от обстоятельств.

Прежде всего, здесь важно видеть, что Дэн Сяопин критиковал Сталина, как бы призывал к соблюдению законов. На практике Дэн Сяопин никогда этого не делал. В то же время линия осуждения Сталина и его партии и государства, проводившаяся Мао Цзэдуном, здесь была продолжена Дэн Сяопином.

Дэн Сяопин этим высказыванием как бы поощрял открытость Китая, произнес нечто положительное о государствах Запада. Более того, это было проявление желания Дэн Сяопина налаживать отношения с государствами Запада, с США, причем, в частности, на такой общей основе, как осуждение Сталина и незаконий в стране Сталина.

Мало того, ссылаясь на Мао Цзэдуна, Дэн Сяопин показывал, что и после «культурной революции» к Мао Цзэдуну следует относиться с уважением.

Наконец, Дэн Сяопин обратился к осуждению феодализма, в особенности, феодального мышления в области политики.

Это было перенесение акцента с осуждения того, что делал Мао Цзэдун, на то, что можно было списать на то, что было еще до Мао Цзэдуна, на феодализм, на тот феодализм, против которого Мао Цзэдун, дескать, и вел борьбу на протяжении многих лет.

К достижениям борьбы против феодализма Дэн Сяопин отнес и отмену феодальной собственности на землю. В этом проглядывало недовольство Дэн Сяопина новым положением в деревне после смерти Мао Цзэдуна, тем, что возродился фактический собственник земли – крестьянин.

Дэн Сяопин обращал особое внимание на необходимость борьбы против воздействия феодализма на политическую идеологию КПК.

Исходя из этого и изменения, политические реформы должны были направляться словесно против остатков воздействия феодализма на КПК, а не на ту систему, которую сформировал Мао Цзэдун.

Содержание речи Дэн Сяопина могло с легкостью побудить людей считать, что Дэн вел подготовку к политической модернизации и демократизации и к изменению фундаментальных основ политической системы. Однако это было не так. Раскритиковав упомянутые недостатки, он предложил такие меры, которые не выходили за рамки специфического ре-

гулирования, организации, методологии и морали, и не затрагивали фундаментальную систему. Его реформа должна была быть административной реформой по своей сущности.

Чжао Цзыян обращал внимание на особенность обращения Дэн Сяопина с массами. Он так строил свое выступление, что у многих людей могло сложиться впечатление, что Дэн Сяопин стоит на их стороне, критикует главные пороки существовавшей политической системы.

Так, добившись поддержки со стороны масс, Дэн Сяопин переходил к конкретным предложениям. И тут оказывалось, что речь у Дэн Сяопина никоим образом не идет об изменении фундаментальных основ политической системы, а всего лишь об административной реформе, об изменениях организационного, методологического характера, о словесном приведении в порядок норм морали.

В добавление к этому речь Дэна прозвучала в специфическом контексте, то есть в то время, когда он сосредоточился на вопросе о том, как быть с Хуа Гофэном (преемником, которого выбрал Мао). Оба они, Дэн Сяопин и Чэнь Юнь считали, что Хуа представлял собой препятствие на пути осуществления политики 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва (в 1978 году, когда были начаты реформы). Чэнь Юнь даже полагал, что, поскольку Хуа поднялся наверх из маоцзэдуновской «фракции поднявшихся на бунт», ему доверять нельзя. Пребывание Хуа на руководящих постах было недопустимо для обоих, и для Дэна, и для Чэня.

В то время (в 1980 году) Хуа был председателем ЦК партии, премьером ГС КНР, председателем Военного совета ЦК КПК, поэтому в его руках находилась вся власть в партии, в государстве и над вооруженными силами. Поэтому тогда, когда Дэн выступил против сверхконцентрации власти, одна из его целей состояла в том, чтобы разрушить власть Хуа. Прежде всего, попросить Хуа уйти с поста премьера ГС КНР. (С. 248)

По сути дела, Дэн Сяопин, вкупе с Чэнь Юнем, добивался решения практического вопроса, отстранения от власти Хуа Гофэна, который остался после смерти Мао Цзэдуна его преемником. Хуа Гофэн в то время официально бы занимал все высшие официальные посты: председателя Военного совета ЦК КПК, председателя ЦК КПК, председателя КНР, премьера Госсовета КНР. Дэн Сяопин критиковал сверхконцентрацию власти с тем, чтобы готовить почву для отстранения Хуа Гофэна с этих постов.

Это не была критика Мао Цзэдуна.

Здесь необходимо подчеркнуть, что Дэн Сяопин и Чэнь Юнь выдвигали лозунги общего характера, а на практике вели главную борьбу за то, чтобы самим утвердиться в роли «самовластных» правителей на вершине реальной власти в КПК и КНР.

В то время готовился документ с изложением тех уроков, которые надо было вынести из культурной революции: «Решение по некоторым вопросам истории». Вся партия занималась тем, что рассматривала вопрос о том, как патриархальная диктатура Мао поставила его выше партии и привела к такому результату, как культурная революция, во время которой Дэн сам был серьезной жертвой и непосредственно пострадал. Поэтому, когда товарищ Ли Вэйхань (заместитель председателя Центральной комиссии советников) предложил очиститься от воздействия феодализма, Дэн принял это предложение без колебаний.

Партия ощущала необходимость недопущения повторения ситуации, при которой была бы возможной новая «культурная революция».

Чжао Цзыян прямо говорил о том, что патриархальная диктатура Мао поставила его выше партии.

В то же время из-за глухого сопротивления «хозяев» партии осуждать Мао Цзэдуна оказалось невозможным. Поэтому Ли Вэйхань и предложил такую формулировку как «очищение от воздействия феодализма». Собственно говоря, это был китайский вариант осуждения культа личности.

Дэн Сяопин ухватился за возможность избежать упоминания Мао Цзэдуна по имени в критическом плане и стал говорить о борьбе против феодализма.

Дэн Сяопин спасал имя и дело Мао Цзэдуна.

Чжао Цзыян отвергал и патриархальную диктатуру Мао Цзэдуна и его «культурную революцию», не говоря уже о политике Мао Цзэдуна в отношении крестьянства. Именно это и составляло основу взглядов Чжао Цзыяна, когда он начинал реформы в Китае.

В июне 1986 года во время брифинга по экономическому положению и снова на расширенном заседании Политбюро Дэн поднял вопрос о необходимости двинуться вперед в деле осуществления политических реформ. Он сказал, что если мы не иницируем политические реформы, мы не сможем приспособиться к новой ситуации. Политические реформы должны быть превращены в веху реформ; успех всех остальных реформ зависит от реформы политической системы. В сентябре того же года во время брифинга в Центральной руководящей группе по экономике и финансам Дэн снова упомянул о политических реформах и сказал, что необходим бюллетень. В июне 1987 года во время беседы с делегацией из Югославии и снова в июле при встрече с делегацией из Бангладеш, он повторил, что политические реформы должны стать важным пунктом повестки дня. Он также сказал, что политические реформы будут одним или двумя самыми важными вопросами на XIII съезде партии.

Здесь просматривается еще одна особенность политической тактики Дэн Сяопина.

Он остро ощущал опасность для своего положения у власти. Он чувствовал, что в стране есть стремление осуществлять политические реформы. Он понимал, что невозможно долго продвигаться по пути экономических реформ и не сдвигаться с места в области осуществления политических реформ. Одним словом, какая-то имитация политических реформ, с точки зрения Дэн Сяопина, была необходима и неизбежна.

Поэтому Дэн Сяопин и применил следующий прием.

Он сам неоднократно заявлял, что выступает за политические реформы. Он говорил о необходимости того, что он называл политическими реформами. Он говорил о том, что от успеха политических реформ зависит успех всех остальных реформ.

Думается, что и в этом случае Дэн Сяопин копировал в новых условиях Мао Цзэдуна, который сначала призывал к «расцвету всех цветов», а потом к тому, чтобы «убить змею, которая выползла из логова». Дэн Сяопин очевидно занимался политической провокацией, хотел иметь доказательство «не правильного» отношения к реформам их сторонников в партии, чтобы затем обрушиться на них, обвиняя их в «духовном загрязнении» и в «буржуазном либерализме».

Однако значение (содержание) «политических реформ» в этих его замечаниях было даже еще более ограниченным, чем то, о котором он говорил в 1980 году. Он имел в виду только административные реформы, то есть только те вопросы, которые были связаны с организациями административного характера, и такого же рода правила. В его определении политических реформ, во-первых, речь шла о разделении (функций) партии и государства; эти реформы были направлены на решение вопроса о том, как партия может обеспечить руководство, и как обеспечить хорошее руководство. Это был ключ. Во-вторых, имелась в виду передача властных полномочий на места, на более низкий административный уровень, что затрагивало вопрос об отношениях между центральными и провинциальными властями, а также вопрос о передаче власти провинциальными властями на различные низовые уровни. В-третьих, речь шла о сокращении размеров администрации. Еще один пункт состоял в улучшении эффективности.

В своей речи 13 сентября 1986 года Дэн сказал: «Я считаю, что должны быть три пункта. Во-первых, партия и административные органы и вся система государственного управления должны улучшить свою жизнеспособность. Это означает, что они не должны закостеневать и должны мыслить по-новому (обладать новым мышлением), чтобы справиться с новыми возникающими вопросами. Во-вторых, действительно повысить эффективность. В-третьих, мы должны в полной мере мобилизовать народ, предприятия и администрацию на всех уровнях управления обладать большим энтузиазмом и обладать возобновленной жизненностью (жизнен-

ной силой). (С. 249) *Самый важный вопрос в настоящее время состоит в том, чтобы выдвигать молодые кадры. (С. 249–250) Другие важные вопросы – это стимулирование энтузиазма народа и передача больших властных полномочий вниз, на низовые уровни».*

В 1980 г. выступление Дэн Сяопина на тему о политических реформах было своего рода реакцией на необходимость устранения с политической сцены Хуа Гофэна, а также на необходимость дать оценку периоду правления Мао Цзэдуна.

К 1986 г. ситуация в стране стала иной. Вопросы о Хуа Гофэне больше не было. Вопрос об оценке Мао Цзэдуна в известной степени потерял свою остроту.

Реформы принесли явное улучшение жизни народа. Оказалось, то улучшение экономической ситуации влечет за собой стремление к демократизации.

Дэн Сяопин понимал, что необходимо реагировать на эти настроения.

В то же время он исходил из того, что в памяти людей эпоха правления Мао Цзэдуна отходила в прошлое. Поэтому Дэн Сяопин чувствовал себя увереннее, исходил из стабильности политической обстановки в стране и, упоминая о политических реформах, сводил все к незначительным административным изменениям.

По Дэн Сяопину это должны быть реформы, которые имели бы своим результатом укрепление руководящего положения партии и обеспечение успехов при осуществлении экономических реформ.

Дэн Сяопин говорил о разделении функций партии и государства, имея в виду именно эти цели, то есть функционирование государства, ответственность государства, находящегося под абсолютным руководством и контролем со стороны партии. Он говорил о передаче властных полномочий на места, учитывая интересы «старейшин». Он говорил о сокращении численности администрации, о повышении эффективности. Все это не затрагивало основы политической системы.

Дэн Сяопин говорил о жизнеспособности, о повышении энтузиазма, о выдвижении молодых кадров, о необходимости решать новые проблемы. Все это были призывы общего и административного характера. Это не было обращение к главным реформам, в которых нуждалась вся политическая система.

Некоторые люди ощущают, что Дэн всего лишь отдавал дань говорить (болтал) о политических реформах снова и снова с той целью, чтобы производить на людей благоприятное впечатление. Другие считали, что политические реформы Дэна никогда не осуществляются, потому что они блокируются (политической) ситуацией или из-за того, что они сталкиваются с силами оппозиции. Я думаю, что и тому, и другому представлению недостает достаточных доказательств.

Чжао Цзыян упоминал о том, что в Китае одни считали, что Дэн Сяопин говорил о реформах, вовсе не имея намерений их осуществлять, а другие считали, что осуществить предлагавшиеся реформы невозможно из-за сопротивления оппозиционеров. Такие настроения были в стране. Чжао Цзыян считал, что главное было не в этом.

Суть вопроса заключается в том, какого рода политические реформы Дэн имел в виду. В представлениях Дэна не существовало противоречия между политическими реформами, твердым следованием Четырем Основным Принципам и борьбой против либерализации; все они могли существовать одновременно. Поэтому каждый раз, когда он говорил о политических реформах, он почти всегда в одно и то же время или даже в одной и той же речи говорил о борьбе против либерализации и об усилении демократической диктатуры народа и т. д.

Иными словами, Чжао Цзыян обращал внимание на то, что представлялось ему реальным отношением Дэн Сяопина к политической системе, и к тому, что и как в ней можно или нужно было изменять.

Дэн Сяопин сохранял приверженность основам политической системы, сформированной Мао Цзэдуном. Он исходил из того, что КПК пришла к власти на основе такой системы и находится у власти, благодаря этой политической системе. Политическая система с ядром в виде одной монополюльно правящей партии, с «демократической диктатурой народа», с «идеями» Мао Цзэдуна и социализмом в представлении о нем Мао Цзэдуна и его последователей – это незыблемая система. Дэн Сяопин допускал изменения, которые направлены лишь на то, чтобы укреплять именно эту систему. Это он и называл политическими реформами. Иные предложения и намерения Дэн Сяопин считал либерализацией, недопустимой «буржуазной либерализацией». Таким образом, по Дэн Сяопину осуществление политических реформ должно было на практике оборачиваться бескомпромиссной борьбой против любых попыток демократизировать существовавшую политическую систему.

Перед его знаменитым выступлением в августе 1980 г. «О реформе системы руководства партией и государством», в марте 1979 г. во время теоретической дискуссии он говорил о необходимости «Твердо придерживаться Четырех Основных Принципов» – это было подобно произнесению заклинания, с помощью которого он добивался того, что на головах у людей сжимался стягивающий их обруч как раз в то самое время, когда на арене теории и духовности люди начинали пользоваться некоторой свободой.

Фактически сразу же после 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва Дэн Сяопин в марте 1979 г. произнес как заклинание формулу: «Твердо придерживаться Четырех Основных Принципов».

Чжао Цзыян со всей решительностью осуждает это, то есть центр идеологии Дэн Сяопина. Чжао Цзыян сравнивает это «заклинание» с обручем, который стягивался на голове у людей Китая как раз в тот момент, когда они едва вдохнули воздух некоторой свободы, узнав о решениях упомянутого пленума.

Дэн Сяопин, как и Мао Цзэдун, не встречался с лучшими современными писателями Китая, ни с Лао Шэ, ни с Ба Цзинем.

Зато оба они, Мао Цзэдун и Дэн Сяопин, любили одни и те же старые книги «Сон в Красном тереме», «Речные заводы», «Путешествие на Запад». В последнем романе и говорилось о золотом обруче, который можно было с помощью заклинания сжимать на голове, причиняя страшную боль. Мао Цзэдун и Дэн Сяопин стремились с помощью своего рода «обруча» подчинять себе тех, у кого он находился на голове.

Мао Цзэдун и Дэн Сяопин навязывали людям Китая такую идеологию, которая не давала им думать и действовать свободно, как подобает человеку, руководствующемуся чувством собственного достоинства, не являющемуся рабом чужой воли или холопом политической партии, ее государства.

После его августовской речи в беседе в декабре на тему «Осуществление политики урегулирования и сохранение мира и солидарности», он делал упор на поддержании стабильности и единства на политической сцене, и в равной степени усиления государственного аппарата и демократической диктатуры народа. Он подчеркивал, что хотя классовая борьба больше не представляет собой главный конфликт в обществе, она продолжает существовать и ее нельзя недооценивать. Он подчеркивал, что органы государства должны использовать соответствующие законы и правила с тем, чтобы обеспечить посредничество и разрешение загодя забастовок рабочих и студентов, и что уличные демонстрации должны иметь место только после того, как они разрешены; активность нелегальных организаций и нелегальных публикаций должна быть запрещена; военное положение может вводиться, если это необходимо, в тех районах, где имеют место события, которые могут иметь серьезные последствия.

В том же 1980 г. Дэн Сяопин выдвинул на первый план вопрос о поддержании стабильности и единства. Это – обычный аргумент политиков типа Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина. Они всегда твердят, что стабильность превыше всего, что стабильность – высшее проявление заботы об интересах народа. Так они обосновывают необходимость самовластия и диктатуры.

Вот и Дэн Сяопин дал четкие указания об усилении государственного аппарата и «демократической диктатуры народа».

Дэн Сяопин был вынужден согласиться на 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва с тем, что классовая борьба больше не представляет собой главный конфликт в обществе.

Однако Дэн Сяопин, как и почти все остальные «старейшины» или «хозяева» партии по сути дела, стремились на практике сохранять тот подход к проявлениям либерализации, к требованиям свободы и демократии, который был присущ Мао Цзэду.

Иными словами, можно констатировать, что народ требовал свободы и демократии, Ху Яобан, Чжао Цзыян и их сторонники выступали за движение в этом направлении. Дэн Сяопин и прочие были против всего этого. Они вынуждено согласились под давлением народа и большинства людей в партии с решениями 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва, но согласились формально, по существу оставаясь на позициях Мао Цзэдуна, то есть на позициях диктатуры и самовластия.

Поэтому Дэн Сяопин, использовал стабилизацию обстановки и заявил, что классовая борьба продолжает существовать, и ее нельзя недооценивать.

Думается, что это был один из главных пунктов разногласий между сторонниками реформ, либерализации в экономике и в политике, то есть между Ху Яобаном и Чжао Цзыяном, с одной стороны, и их противниками во главе с Дэн Сяопином, с другой стороны.

Дэн Сяопин говорил в этой связи о разрешительном характере уличных демонстраций и о введении военного положения.

Иными словами, на протяжении всего первого десятилетия реформ Дэн Сяопин держал в запасе угрозу введения военного положения в случае необходимости, то есть по своему личному усмотрению. Силовые структуры были инструктированы Дэн Сяопином именно таким образом.

1986 и 1987 годы были тем временем, когда Дэн Сяопин сконцентрировался на борьбе против либерализма. Как я уже упоминал, в то же самое время в разных случаях он упоминал о политических реформах. (С. 250) Это показывает, что то, что Дэн имел в виду под политическими реформами, отличалось от того, что большинство людей понимают под этим, то есть от модернизации государства и демократизации. (С. 250–251) Его мысль главным образом состояла в том, чтобы добиться жизнестойкости и эффективности Коммунистической партии и государства; другими словами, имелась в виду административная реформа.

Чжао Цзыян также констатирует, что, начиная с 1986 года, Дэн Сяопин сконцентрировался на борьбе против «либерализма». Это, очевидно, означало, что и до того времени экономические реформы не находились в центре внимания Дэн Сяопина. Он и не был ни генератором реформ, ни их архитектором. А в конце 1980-х гг. Дэн Сяопин практически все свое время отдавал борьбе в разных формах против того, что он именовал «либерализмом» или «буржуазным либерализмом».

Дэн Сяопин употреблял термин «политические реформы». Однако при этом имелись в виду не модернизация государства и не демократизация.

Чжао Цзыян выступал именно за модернизацию государства и за модернизацию.

Дэн Сяопин был озабочен исключительно тем, чтобы укреплять власть КПК в КНР, укреплять государство в противодействии всем попыткам осуществлять политические реформы, направленные на демократизацию и модернизацию.

Фактически в 1987–1989 гг. внешне сохранялась ситуация, при которой одновременно действовали и Чжао Цзыян, и Дэн Сяопин. По сути дела вся деятельность Дэн Сяопина была направлена на подготовку к устранению Чжао Цзыяна и на недопущение политических реформ, что было сопряжено с ограничениями экономических реформ и их торжеством.

Деятельность Чжао Цзыяна была направлена на то, чтобы максимально использовать время и ситуацию для продолжения в возможных пределах политики реформ, экономической и политической либерализации.

В июне 1987 года, когда Дэн говорил с гостями из Югославии о политических реформах в Китае, он сказал, что в целом, политические реформы ассоциируются с демократизацией, однако не ясно, что означает эта демократизация. Демократия была важным средством осуществления реформ, но то, как именно демократия могла осуществляться – это проблема была для нас вновь.

Дэн в особенности был против многопартийной системы, против разделения трех властей и парламентской системы, существующей на Западе – и со всей твердостью отвергал все это. Почти каждый раз, упоминая о политических реформах, он со всей определенностью утверждал, что западная политическая система абсолютно не может быть принята. Это был тот первостепенный компонент «буржуазной либерализации», которому он противодействовал. В сентябре 1980 г., когда Дэн сказал, что отделение партии от государства должно быть первым пунктом повестки дня политических реформ, он также подчеркнул, что осуществление либерализации и копирование Запада было абсолютно запрещено. В июне 1987 г. в беседе с гостями из Югославии у него был длинный пассаж, где он сказал: «Демократия буржуазии – это фактически демократия для тех, в руках у кого находится монополия на капитал, и тут нет ничего больше чем множественность партий (многопартийность), выборы и разделение трех ветвей власти. Как мы можем пойти на это?»

Дэн Сяопин был против многопартийной системы, против парламентской системы, против настоящих выборов, и против разделения трех властей.

Это означало, что Дэн Сяопин защищал до конца жизни общую с Мао Цзедуном платформу: предельная концентрация власти, сосредоточение

власти, прежде всего, в одних руках, в руках одного «хозяина» партии; неверие в выборы; недопущение настоящих выборов, отрицание роли парламента; подчинение всех ветвей власти одному центру, номинально, правящей политической партии (в КНР это КПК), а по сути дела, Военному совету ЦК КПК, который и должен действовать как главный орган сохранения этой политической системы и должен применять все средства, в том числе вводить военное положение по решению председателя Военного совета ЦК КПК. При этом председатель Военного совета ЦК КПК может не быть председателем КНР, может не быть генеральным секретарем ЦК КПК, может не быть даже членом ЦК КПК. В итоге именно военная власть – это высшая власть в КНР. Такую систему создал в свое время Мао Цзэдун. Такую систему сохранял Дэн Сяопин.

Дэн Сяопин был против того, что он именовал либерализацией и копированием Запада.

Таким образом, по Дэн Сяопину, в КНР следовало осуществлять политику реформ и открытости, полностью сохраняя и укрепляя при этом политическую систему предельной концентрации власти. Дэн Сяопин рассчитывал, что Запад смирится с этим. Особенно Дэн Сяопин уповал на понимание США и других государств Запада, подчеркивая свой призыв к ним создавать единый всемирный фронт борьбы против нашей страны и народа.

Когда составлялся проект доклада на XIII съезде партии, он несколько раз предостерегал меня: «Мысль о политических реформах ни в коем случае не должна находиться под влиянием парламентаристских политических идей Запада. Пусть тут не будет ни малейшего следа всего этого!» Во многих иных случаях, когда он упоминал о функциях ВСНП и НПКСК, он критиковал тех, кто хотел превратить ВСНП и НПКСК в две палаты, с ВСНП в качестве нижней палаты, в НПКСК – верхней палаты.

Мао Цзэдуну было относительно проще. Во времена его правления никто не мог и заикнуться о каких-либо политических реформах. Во времена Дэн Сяопина такие голоса раздавались то тут, то там. Чжао Цзыян упоминает о предложении перейти на парламент из двух палат. Казалось бы, что это чисто организационное или формальное преобразование. Дэн Сяопин был против, не допуская даже следа «воздействия» Запада и западной демократии на КНР.

В связи с упоминаем об этом, можно предположить, что Чжао Цзыян мог предлагать создание парламента из двух палат, делая следующий шаг вслед за Лю Шаоци, который в свое время предложил принять Конституцию и провести выборы, чтобы создать ВСНП.

В 1988 году, когда я предложил расширить участие других политических партий, он выступил против того, чтобы позволить им создавать

партийные группы или осуществлять свою деятельность во время работы ВСНП. Что же касается отбора людей из других партий для того, чтобы они занимали посты с реальной властью в правительстве, он говорил: «Им должно быть позволено только присоединяться к правительству в личном качестве, но не в качестве представителей их партий». Он не хотел даже малейшего послабления в этом вопросе.

В 1988 г. мне довелось сопровождать в Москве делегацию фактически представителей Чжао Цзяяна при посещении ею помощника генерального секретаря ЦК КПСС Шахназарова. Шахназаров не смог ответить на вопрос членов делегации о том, как в КПСС отнеслись бы к созданию политическими партиями партийных групп в парламенте страны. Думается, что это можно рассматривать, как попытку Чжао Цзяяна обменяться в то время с КПСС мнениями о политических реформах, о политической либерализации.

Дэн Сяопин со всей твердостью продолжал линию Мао Цзэдуна на то, чтобы в стране была реально только одна правящая политическая партия – КПК.

При этом допускалось и существование нескольких, по сути дела декоративных, политических партий, которые содержались на средства из бюджета КНР.

Дэн Сяопин допускал присоединение членов или руководителей этих партий к правительству, однако, не в качестве представителей своих партий, а лишь в личном качестве.

Таким образом, в КНР Мао Цзэдун и Дэн Сяопин сохраняли принцип подчинения всех и вся (в политике, религии, культуре и т.д.) одной правящей силе – КПК, которая сама была инструментом в руках своего «хозяина».

Дэн высоко ценил, и ему очень нравилась, политическая система в социалистических государствах, где власть была сконцентрирована в руках одного или немногих. Он презирал системы, где власть была разделена сдержками и (балансами) противовесами. (С. 251) Когда он говорил с гостями из Югославии, он сказал: «Одно из величайших преимуществ социалистических стран состоит в том, что как только что-то решено и решение принято, оно может быть исполнено немедленно и без каких-либо ограничений; это совсем не похоже на парламентский демократический процесс, который так сложен, при котором происходят движения назад и вперед, при котором только говорят, но не делают, занимаются чем-то, не доводя дело до конца. (С. 251–252) В этом отношении наша эффективность выше; мы делаем дело, как только мы приходим к решению (определяемся в уме). Я имею в виду всеобъемлющую эффективность. В этом наша сила, и мы должны сохранять это наше преимущество». Дэн видел систему без ограничений, или без сдержек и

противовесов, и с абсолютной концентрацией власти как наше подавляющее преимущество.

Чжао Цзяян указывал на то, что речь шла о политической системе во всех социалистических государствах. Руководствуясь одной идеологией, марксизмом, ленинизмом, а в КНР еще и «идеями» Мао Цзэдуна, там исходили из необходимости превзойти врага, классового врага, во всем, в том числе и в методах осуществления принятых решений (это относится и к действиям спецслужб со всем тем инструментарием, который они применяют).

Дэн Сяопин особо подчеркивал, что в КНР дело обстоит не так как, в США. В КНР мы, китайцы, – говорил Дэн Сяопин в беседе с президентом США Дж. Картером в 1979 году, затрагивая вопрос о войне против Вьетнама, – как говорим, так и делаем. Это, собственно говоря, означало желание Дэна единолично решать вопрос о начале войны.

Все, что входило в понятие демократии, Дэн Сяопин видел как помехи на пути решительных действий. Он считал своим преимуществом абсолютную концентрацию власти.

«Мы ни в коем случае не должны принимать западную систему разделения трех властей! Мы должны сохранять преимущества социалистической системы». Дэн говорил это несколько раз.

Я помню, как однажды, в начале 1980-х гг., на пике советской вооруженной интервенции в Афганистане, Дэн сказал: «Я бы сказал, что американцы не могут состязаться с СССР. Советские могут делать что-либо сразу же после одного заседания Политбюро. Разве американцы способны на это?»

В другой раз, когда Дэн говорил с гостями из-за рубежа, он сказал: «В США три правительства. Когда мы имеем дело с ними, мы не знаем, кто на самом деле принимает решения. Они стараются взять верх одно над другим в ходе балансирования и пререкаются друг с другом. Тут трудно чего-либо добиться (сделать что-либо)».

Дэн Сяопин, как и Мао Цзэдун, считал преимуществом существование в социалистических странах политической системы, при которой решения принимаются в одном центре, и не требуется никакого согласования вопросов между ветвями власти.

Вот почему тогда, когда он говорил о политических реформах, он с уверенностью напоминал людям о необходимости сохранять и использовать преимущества социалистической системы, не двигаться в сторону чего-либо подобного западному разделению трех властей, каждая из которых накладывает ограничения на остальные. С тех пор, как Дэн Сяопин взял в свои руки власть как верховный лидер (в 1978 году), он сделал мощный упор на сохранении политической стабильности. Стабильность

подавляла все остальное, и тут ничего нельзя было осуществить. В целях сохранения стабильности диктатура была всеподавляющим средством (орудием).

Чжао Цзыян объясняет, в каких условиях ему приходилось осуществлять реформы в Китае в 1980-х гг.

Понятие политической стабильности Дэн Сяопин считал своим главным оружием.

Дело было в том, что он не рассматривал фактическую ситуацию в стране, не допускал мысли о том, что политической стабильности не угрожает развитие демократии.

В понимании Дэн Сяопина существовала неразрывная «связка»: стабильность – диктатура, диктатура – стабильность.

По сути дела, Дэн Сяопин для публики выдвигал лозунг: «Сохранить КПК, сохранить КНР».

Но за этим лозунгом была истинная цель: сохранить власть в своих руках, в руках беспрекословно выполняющей его приказы номенклатуры.

Поэтому главным в мышлении Дэн Сяопина, как и Мао Цзэдуна, было понятие диктатуры.

Только с помощью диктатуры в различных ее формах удалось завоевать власть, только в опоре на диктатуру можно было сохранять власть в своих руках.

Поэтому человек, его интересы в понимании Дэн Сяопина ничего не значили. Человек с его интересами должен был подчиняться власти, диктатуре, а власть должна была находиться «в одних руках». Вот ядро «философии» Дэн Сяопина как последователя Мао Цзэдуна.

Дэн всегда стоял среди старейших в партии как тот, кто делало упор на методах диктатуры. Он всегда напоминал людям о ее пользе. Каждый раз, когда гон упоминал о стабильности, он также подчеркивал диктатуру.

Вот, пожалуй, ответ на вопрос о том, почему именно Дэн Сяопин оказался главным «хозяином» партии, главным среди «старейшин» партии.

После смерти Мао Цзэдуна все они стремились сохранить ту часть власти, которая оказалась в руках каждого из них. В то же время они нуждались в «ядре», защищавшем в центре их интересы, выражавшем их волю.

Для этой роли «ядра» более всего подошел именно Дэн Сяопин. Именно он, и только он, был самым последовательным приверженцем и последователем Мао Цзэдуна в вопросе о применении диктатуры с целью удержания власти в руках КПК, в своих руках и в руках других «хозяев» партии.

Дэн Сяопин был способен без колебаний пустить в ход танки, армию для подавления выступлений народа под лозунгами свободы и демокра-

тии. Это и сделало его главным среди наследников политики Мао Цзэдуна, «старейшин» партии. Именно ему удалось доказать остальным, что единственным средством сохранения КПК у власти в КНР после смерти Мао Цзэдуна была связка: стабильность – диктатура.

Он не только противодействовал созданию системы сдержек и противовесов в политической системе, он находил чрезвычайно раздражающим использование уличных демонстраций, петиций и протестов как путей для народа выражать свое мнение. Фактически он полагал, необходимым составление законов, запрещающих людям такого рода действия. (С. 252) Когда бы не происходили такого рода события, он выступал за то, чтобы «острым ножом разрубить это узел», иными словами, пустить в ход силы принуждения с целью подавить их. (С. 252–253) В представлении Дэна о политических реформах диктатура была тем, что не подлежало изменениям.

Дэн Сяопин всегда выступал за то, чтобы «острым ножом разрубать узел», то есть без колебаний пускать в ход силы принуждения, не допуская никаких путей выражения народом своих мнений: уличных демонстраций, петиций и т.д. Мнение людей для Дэн Сяопина ничего не значило. В этом находило свое проявление отношение к людям и их интересам политиков типа Мао Цзэдуна.

Вынеся серьезные уроки из последних лет (правления) Сталина и Мао и из своего (Дэна) личного опыта во время культурной революции, Дэн не был тем, кто ничего не знал о недостатках политической системы в социалистических странах. По этой причине он часто говорил о расширении демократии внутри партии и общества, об упразднении патриархальной системы и об очищении от советского воздействия.

Думается, что существовал некий разрыв между тем, о чем иной раз говорил Дэн Сяопин, и тем, чем он руководствовался, осуществляя свои действия. Дэн Сяопин мог, как бы в принципе, говорить о расширении демократии внутри партии и общества, об упразднении патриархальной системы и «об очищении от советского воздействия». Все это, с точки зрения Дэн Сяопина, было недостатками, существовавшими при правлении Мао Цзэдуна в Китае и Сталина в нашей стране. Однако слова в этом случае у Дэн Сяопина оставались словами.

Однако с той целью, чтобы полностью разрешить эти проблемы, нужно было изменить сверхконцентрацию власти в политической системе. Кредо Дэна было не только в том, что положение коммунистической партии в качестве правящей партии не должно быть изменено; он также восхищался высокой концентрацией власти и диктатурой, и считал, что они должны сохраняться. Поэтому, та демократия, о которой он го-

ворил, устранение специального статуса руководства и очищение от феодального воздействия, никогда не могли быть реализованы. Все это оставалось не более чем пустыми словами. (С. 253)

Чжао Цзыян стоял на своих позициях. Он считал, что следовало устранить положение единственного руководителя правящей партии как властителя с абсолютной властью, устранить сверхконцентрацию или сверхсосредоточение власти в политической системе. Чжао Цзыян был в корне не согласен с позицией Дэн Сяопина, который не допускал изменения положения КПК в качестве правящей партии, считал необходимым сохранять высокую концентрацию власти и диктатуру. Чжао Цзыян был прав, констатируя, что при правлении Дэн Сяопина было невозможно устранить специальный статус руководства, очиститься от феодального воздействия.

ВЗГЛЯДЫ ХУ ЯОБАНА

Изложив свое видение позиции Дэн Сяопина, Чжао Цзыян обращается к тому, что собой представляли взгляды Ху Яобана.

Ху Яобан был обвинен много раз Дэн Сяопином в том, что он потворствовал буржуазной либерализации и в конечном счете он был вынужден уйти из-за этого. Люди обычно видят Ху как часть той фракции, мысли которой были устремлены к реформам и к демократии. Каковы же именно были взгляды Ху на политические реформы? Что он предлагал?

Чжао Цзыян начинает с противопоставления позиций Ху Яобана и Дэн Сяопина.

Главное противоречие между Ху Яобаном и Дэн Сяопином заключалось в различии взглядов на демократию. Если Ху Яобан был устремлен к реформам и демократии, то Дэн Сяопин считал эти устремления «буржуазной либерализацией». Иными словами, в представлении Дэн Сяопина, Ху Яобан был либо человеком с классово враждебной идеологией, либо просто классовым врагом.

Дэн Сяопин занимался закулисными политическими интригами и добился ухода Ху Яобана с поста генерального секретаря ЦК КПК, хотя открыто и при честном сопоставлении мнений на партийных форумах Дэн Сяопин не мог ничего противопоставить разумной позиции Ху Яобана.

Яобан был великодушным и терпимым человеком. Он выступал за проведение более толерантной социальной политики, особенно применительно к интеллектуалам, отношение к которым у него было трогательным и терпимым. В последние десятилетия, когда классовая борьба и постоянные политические кампании доминировали на сцене, он редко прибегал к экстремальным действиям.

Впервые в истории КПК во главе ее ЦК оказался великодушный и терпимый человек – Ху Яобан.

Отношение Ху Яобана к обществу, к людям вообще, в особенности к интеллектуалам, было трогательным и толерантным.

В те десятилетия, когда у власти в Китае находился Мао Цзэдун и по его инициативе одна политическая кампания тут же сменяла другую, Ху Яобан был явным противником экстремистских действий. Под экстремизмом Чжао Цзыян имел здесь в виду политику Мао Цзедуна.

После 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва, тогда, когда он был заведующим отделом пропаганды ЦК и генеральным секретарем ЦК партии, он активно пересматривал дела тех, кого обвиняли в правых взглядах, снял ярлыки «помещиков» и «кулаков (богатых крестьян)», и восстановил (доброе имя, реабилитировал) многих из тех, кого ошибочно осудили. Когда речь шла об оппозиции и сопротивлении, он настоял на пересмотре всех такого рода дел, вне зависимости от того, когда они имели место. Когда он был генеральным секретарем, всегда при возникновении социальных проблем, включая демонстрации, он всегда ратовал за принцип уменьшения напряженности и противостоял жестоким методам. (С. 254) Даже тогда, когда речь шла о хулиганстве и незначительных преступлениях, он ратовал за не однозначный подход к ним. (С. 254–255) Он был против кампании с целью нанесения «тяжелых ударов», во время которых арестовывали и задерживали под стражей большое число людей. Он был решительно против того, чтобы часто (обычно) применять методы диктатуры.

После смерти Мао Цзэдуна именно Ху Яобан оказался тем смелым человеком, который смог со всей решительностью на практике исправлять положение в духовной жизни страны, изменять атмосферу в обществе.

При правлении Мао Цзэдуна целые слои населения были превращены в изгоев, над которыми обществу было предписано издеваться как над «людьми с дурным или плохим происхождением», как над «классовыми врагами». Мао Цзэдун сохранял то, что при нем именовалось классовым расслоением китайского общества. Он хотел увековечить классовую борьбу внутри Китая. Дело в том, что к числу «классовых врагов» относили не только тех, кто до образования КНР были капиталистами, помещиками, кулаками, но и их потомков, детей и внуков, а также их родственников.

Ху Яобан совершил подвиг и имеет такую заслугу перед народом Китая, как снятие этих политических ярлыков с китайских людей.

Он активно пересматривал дела тех, кого относили к числу людей с «правыми взглядами» (а это и есть взгляды «классовых врагов»), а также к помещикам и кулакам. В результате в деревне исчезло деление людей на «хорошие» и «плохие» семьи.

Далее, Ху Яобан реабилитировал многих из тех, кого ошибочно осудили.

Ху Яобан настоял на пересмотре дел тех, кого обвиняли в оппозиции и сопротивлении установкам или «идеям» Мао Цзэдуна. Ху Яобан разрешил не обращать при этом внимания на то, что решения по этим делам выносились со ссылкой на мнение или указание Мао Цзэдуна. Так Ху Яобан фактически убрал «священный ореол» с имени и образа Мао Цзэдуна.

В 1980-х гг. при возникновении социальных проблем Ху Яобан всегда ратовал за принцип уменьшения напряженности и противостоял жестоким методам.

Именно здесь разошлись взгляды Ху Яобана, Чжао Цзыяна, с одной стороны, и Дэн Сяопина, с другой стороны.

В 1980-х гг., вплоть до того времени, когда Дэн Сяопин применил танки и армию для подавления мирных демонстраций в Пекине, Ху Яобану удавалось решать подобные проблемы мирным путем, идя на договоренности с протестующими.

Ху Яобан был против методов Дэн Сяопина, т. е. против нанесения «тяжелых ударов», против массовых арестов и применения диктатуры. И в этом Чжао Цзыян и Ху Яобан были едины, противостояли Дэн Сяопину.

В истории КПК практически почти всегда имело место противостояние сторонников диктатуры, а это Мао Цзэдун, Дэн Сяопин и их последователи, и сторонников решения проблем на путях диалога, обмена мнениями, поисков договоренности, а за это выступали Лю Шаоци, Ху Яобан, Чжао Цзыян.

Даже хотя он специально или четко не выражал свои взгляды на вопрос о политических реформах, тот идеал, к которому он стремился, состоял в наличии большей демократии и свободы в социализме Китая с тем, чтобы дать возможность народу жить в демократической и свободной среде (в окружающей среде демократии и свободы) при существовании духа энтузиазма. Как раз перед тем, как он ушел со своего поста, он персонально отвечал за составление проекта «Решения о построении социалистической духовной цивилизации», который включал в себя следующее положение:

В истории человечества, в ходе борьбы между новой нарождавшейся буржуазией и рабочим классом против феодальной диктатуры формирование идей демократии, свободы, равенства и братства в величайшей степени освободило человеческий дух. Самые важные (негативные) уроки, вынесенные из развития социализма, состояли в следующем: во-первых, в пренебрежении развитием экономики, и, во-вторых, в провале создания реальной демократической политики. После 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва наша партия подчеркнула, что без демократии не может быть социалистической модернизации, и что она готова действительно способствовать демократизации политических дел партии и государства. Недавно Центральный Комитет сделал особое ударение на вопросе о политических реформах, целью которых является распространение социалистической демократии и совершенствование системы социалистической законности.

Социализм в понимании Ху Яобана должен был быть таким социализмом, при котором существовали бы большая демократия и свобода. С точки зрения Ху Яобана, понятия социализма, демократии и свободы были неразрывно связаны между собой. Следовательно, демократию и свободу можно и нужно было создавать и развивать в Китае.

Для Китая было необходимо, чтобы существовала демократическая и свободная окружающая среда для жизни человека. Именно в такой среде, с точки зрения Ху Яобана, мог рождаться энтузиазм человека, который не мог рождаться тогда, когда такая среда не существовала. Следовательно, все это возможно с точки зрения двух подряд генеральных секретарей ЦК КПК. Они стремились вести страну к этим целям, по этому пути. К несчастью, Дэн Сяопин поставил преграду на этом пути.

В документе, который Ху Яобан готовил как раз в тот момент, когда его вынудили уйти с поста, говорилось об освобождении человеческого духа, благодаря формированию идей демократии, свободы, равенства и братства.

Вот те идеи, те ценностные понятия, которые, с точки зрения Ху Яобана и Чжао Цзыяна, являются общими для всего человечества при том понимании, что китайцы представляют собой неотъемлемую часть человечества.

Ху Яобан и Чжао Цзыян полагали, что в Китае борьба шла между новой нарождавшейся буржуазией и рабочим классом, с одной стороны, и феодальной диктатурой, с другой стороны.

И так думали не только Ху Яобан и Чжао Цзыян. Маршал Е Цзяньин в 1979 году говорил о том, что в стране, во всяком случае, в период «культурной революции», существовали те вещи, которые можно было характеризовать как проявления феодально-фашистской диктатуры.

Можно, очевидно, сказать и иначе. Борьба между Ху Яобаном, Чжао Цзыяном, с одной стороны, и Дэн Сяопином, с другой стороны, в понимании Ху Яобана и Чжао Цзыяна, была борьбой демократии против феодализма.

Мао Цзэдун и Дэн Сяопин – это порождение феодализма, проявление феодализма, против которого необходимо вести борьбу за демократию.

Демократия не только возможна, но необходима в Китае.

Думается, что именно такова позиция Ху Яобана и Чжао Цзыяна.

С точки зрения Ху Яобана, главные пороки политического курса Мао Цзэдуна состояли, в частности, в пренебрежении строительством экономики.

Чжао Цзыян называл это пренебрежительным отношением к вопросу о повышении производительности труда.

Эти пороки состояли также в провале дела создания реальной демократической политики.

Следовательно, при Мао Цзэдуне не было реальной демократической политики.

Чжао Цзыян также считал, что в КНР в годы правления Мао Цзэдуна не существовало демократии, и ее следовало начинать создавать с самого начала.

Иными словами, Ху Яобан и Чжао Цзыян пришли к общему выводу о том, что положение дел и в сфере экономики, и в области политики при

Мао Цзэдуне, во-первых, нельзя считать социализмом, и, во-вторых, требовало системных реформ.

Модернизации в Китае не может быть без демократии и законности – вот о чем говорил Ху Яобан.

Из вышесказанного можно видеть, что Ху Яобан вне всяких сомнений стремился к демократии. Даже несмотря на то, что он еще не выступил с предложениями относительно определения специфической структуры или модели социалистической демократии, я думаю, что если бы он продолжал действовать в качестве лидера партии и государства, по мере того как развивалась бы ситуация и внутри нашей страны, и за ее пределами, и принимая во внимание существующую в глобальных масштабах тенденцию в сторону демократии, он бы продвинул политические реформы в Китае вперед по пути модернизации политической системы и демократизации. (С. 255)

Чжао Цзыян был уверен в том, что Ху Яобан, если бы у него была такая возможность, продвинул политические реформы в КНР вперед по пути модернизации политической системы и демократизации.

Все это свидетельствовало о том, что в вопросе о демократии взгляды Ху Яобана и Чжао Цзыяна, по сути дела, совпадали.

ВЗГЛЯДЫ ЧЖАО ЦЗЫЯНА НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ

Далее Чжао Цзыян переходит к изложению своих взглядов на политические реформы. Не сразу, но он пришел к мысли о необходимости одновременного осуществления экономических и политических реформ.

После 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва (в 1978 году) я на некоторое время сосредоточил все свое внимание на реформировании экономической системы, оставляя в стороне вопрос о политических реформах. Хотя еще тогда, когда я находился в Сычуани, я начал эксперименты, предоставляя самостоятельность предприятиям. Я никогда не думал о том, как осуществлять политические реформы.

После смерти Мао Цзэдуна Чжао Цзыян получил возможность применить на практике свои способности при управлении экономикой в новых условиях, когда в центре не было «главного хозяина», с разрешения которого только и можно было действовать.

Жизнь и работа на протяжении предшествующих почти 30 лет помогли Чжао Цзыяну сформировать позицию, прежде всего, в вопросе об экономических реформах.

Кроме того, условия того времени потребовали, в первую очередь, проявить свое отношение к стихийному массовому движению крестьян за возвращение себе своих семейных земельных наделов, то есть за антимаоцзэдуновскую аграрную революцию в Китае.

Чжао Цзыян в качестве первого секретаря парткома КПК провинции Сычуань со всей решительностью поддержал крестьян. Он стал, наряду с первым секретарем парткома КПК провинции Аньхой Вань Ли, первыми из функционеров такого уровня, кто поддержал крестьян. Оказалось, что в условиях того времени можно было действовать самостоятельно и творчески без согласования с центром, без получения санкции из центра.

Чжао Цзыян имел в то время вполне сформировавшееся представление о первых необходимых шагах с целью осуществления реформ. Поэтому наряду с действиями в деревне он предпринял первые шаги в деле предоставления определенной хозяйственной самостоятельности промышленным предприятиям. А это было уже кое-что из области политических реформ. Хотя и только их самое начало. В то время Чжао Цзыян полностью сосредоточился на реформе экономической системы. И это отвечало велению времени.

Я также чувствовал, что история дала нам несколько уроков, и что нам необходимо перевернуть (отказаться) ту политику, следствием которой стали не нормальные события в партии и обществе, начиная с 1957 года, и во время культурной революции. Однако я не думал, что нам необходимы коренные изменения нашей фундаментальной политической системы.

Чжао Цзыян откровенно признает, что сначала он не думал о необходимости коренных изменений фундаментальной политической системы в Китае.

Эта мысль пришла к нему позднее. Процесс прозрения начался для Чжао Цзыяна с осмысления того, что, начиная с 1957 года, то есть с того момента, когда Мао Цзэдун стал проводить свои политические и экономические «опыты», эксперименты над народом Китая: сначала «великий скачок», потом «народные коммуны», затем «культурная революция». Тут и пришлось понять, что это были «не нормальные события в партии и в обществе».

Чжао Цзыян понял, что необходимо отказаться от проведения этой политики. Иными словами, у здравомыслящих людей в Китае, в КПК, в руководстве партии появлялись такого рода мысли, начиная с 1957 года. Они созрели за 20 лет.

При жизни Мао Цзэдуна добиться отказа от его политики было невозможно. Существовала диктатура, которая не позволяла сделать это. Со смертью Мао Цзэдуна диктатура ослабла, возникла возможность осуществлять реформу экономической системы, появилось осознание необходимости осуществлять одновременно с этим и реформу политической системы.

Причем не реформу политической структуры, не, как утверждали сторонники Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина, совершенствование якобы уже имеющейся демократии, а именно коренные изменения фундаментальной политической системы.

Таким образом, действия Ху Яобана, Чжао Цзыяна, Вань Ли, многих других людей в КПК не были спонтанными, случайными, а были результатом обдумывания ситуации, поисков ответа на вопрос о том, что делать, были итогом размышлений на протяжении 20 лет.

Ху Яобан, Чжао Цзыян полагали, что те реформы, которые они стремились осуществлять, и представляют собой обеспечение нормальной жизни для людей в Китае.

Некий рабочий из провинции Шэньси как-то прислал мне письмо, в котором говорилось, что он читал многие мои выступления и считает, что в вопросах экономики я предстаю как реформатор, однако в вопросах политики я остаюсь консерватором. Это действительно было точное описание моего мышления в то время и вплоть до середины 1980-х гг. Поэтому известное выступление Дэн Сяопина в 1980 г. о реформировании руко-

водства со стороны партии и государства даже не привлекло моего внимания и в еще меньшей степени изменило мое отношение к этим вопросам. И только в 1985–1986 гг. я начал по-иному понимать эти вопросы. Мое внимание привлекло что-то в событиях, имевших отношение к широкому международному окружению, и в проблемах, которые возникли в Восточном блоке. (С. 256) И все же главной причиной изменений стало то, что я пришел к видению необходимости политических реформ, исходя из перспектив экономических реформ. (С. 256–257)

Чжао Цзыян до середины 1980-х гг. был занят исключительно экономическими реформами. Он не задумывался над тем, почему и для чего Дэн Сяопин выступил с политической установкой о необходимости твердо придерживаться Четырех Основных Принципов.

Думается, что это помогло Чжао Цзыяну в том смысле, что Дэн Сяопин выдвигал его на пост главы правительства КНР, а затем и на пост генерального секретаря ЦК КПК, очевидно, основываясь не только на соответствующих способностях Чжао Цзыяна, но на сообщениях органов безопасности, которые, как мне представляется, могли доносить Дэн Сяопину, что Чжао Цзыян не интересуется политикой, а также не испытывает интереса или влечения к СССР.

Можно предположить, что тот факт, что Чжао Цзыян в те годы сосредоточился исключительно на экономических реформах, помог их более широкому и глубокому осуществлению.

В то же время Чжао Цзыян обладал мощным умом. У него постепенно формировался и свой взгляд на политические реформы. Он был в курсе того, что происходило, в частности, в СССР. Именно под влиянием изменений, которые начались в нашей стране, начиная с 1985 года, Чжао Цзыян начал по-иному понимать вопросы, относящиеся к политическим реформам.

А далее главной причиной изменений в представлениях Чжао Цзыяна стало то, что он пришел к видению необходимости политических реформ, исходя из перспектив экономических реформ.

Чжао Цзыян начал с самого насущного, с обеспечения выживания людей в Китае, китайского крестьянства. Это требовало осуществления экономических реформ. Причем реформ не по форме, не реформ экономической структуры, а реформ по сути, то есть реформ экономической системы. А это, в свою очередь, требовало переосмысления подхода к марксизму, не говоря уже об «идеях» Мао Цзэдуна. Оказалось, что экономическую систему, созданную при правлении Мао Цзэдуна, скопированную с системы в СССР, требовалось отбросить.

В ходе осуществления экономических преобразований Чжао Цзыян убедился в том, что продолжение реформ, доведение этих реформ до конца невозможно без реформы политической системы. Таким образом, на

основе собственных размышлений, своей практической деятельности Чжао Цзыян пришел в своей стране к мысли о неразделимости экономических и политических реформ, о необходимости изменения не только экономической, но и политической системы.

До того времени я думал, что политические реформы в Китае не должны быть ни чрезвычайно прогрессивными, ни далеко отставать от экономических реформ. По мере углубления экономических реформ сопротивление со стороны консервативных сил внутри партии становилось все более интенсивным. Без политических реформ было трудно продолжать экономические реформы. А без реформ на политической арене силам реформ было бы трудно развернуть во всей полноте свой потенциал. Кроме того, социальные проблемы, которые возникали в процессе реформ, было трудно решать должным образом без политических реформ. Например, развитие рыночной экономики создавало проблемы: обмен власти на деньги и использование власти в интересах личной выгоды.

Сама реальная жизнь в Китае, сами обстоятельства, возникавшие в ходе осуществления экономических преобразований в КНР, выдвигали на первый план необходимость осуществления наряду с экономическими и политических реформ.

В первое время при осуществлении экономических реформ Чжао Цзыяну казалось, что политические реформы должны как бы только сопровождать экономические реформы.

Чжао Цзыян начал осуществлять экономические реформы, будучи совершенно убежден в том, что это отвечает насущным коренным интересам народа, что народ поддерживает такие реформы, требует их осуществления.

Чжао Цзыян в первое время, когда реформы в деревне были на подъеме, когда это движение в массовом порядке распространялось по стране, и никто не оказывал этому значительного сопротивления, потому что требование возвращения семейных земельных наделов было непреодолимо, имел основания считать, что и партия в целом выступает за такого рода реформы.

Со временем эта часть реформ была осуществлена. В результате наступило некоторое успокоение в настроениях крестьянства. Тогда пришла определенная стабильность политического и экономического положения в стране.

В это время Чжао Цзыян ощутил, что в партии были весьма значительные силы, которые он называет консервативными силами, которые стали предпринимать попытки замедлить реформы, затормозить их, а то и прекратить, и даже повернуть вспять.

Эти силы хотели бы вернуть страну к экономической системе, существовавшей при правлении Мао Цзэдуна.

Сами эти силы были частью политической системы, созданной при правлении Мао Цзэдуна.

Поэтому без устранения воздействия этих сил на ситуацию было невозможно продолжать реформы и довести их до конца.

Исходя из этого, Чжао Цзыян и пришел к пониманию необходимости политических реформ, реформы политической системы в Китае.

В процессе создания рыночной экономики в КНР возникали условия для возникновения таких явлений, как обмен власти на деньги или маркетизация власти и использование власти в интересах личной выгоды.

Иными словами власть превращалась в товар, партийно-государственное чиновничество, номенклатура КПК, получила возможность торговать своими властными полномочиями, требовать деньги от участников рынка в обмен на предоставление тех или иных прав, лицензий и т. п.

Справиться с этим, ставшим всеобщим для КНР, явлением можно было, только осуществив политическую реформу существующей политической системы.

Итак, с точки зрения Чжао Цзыяна, были две причины, по которым политические реформы стали неизбежными: устранение внутри партии консервативных сил, то есть тех, кто выступал против реформ, и исключение возможности для чиновников получать материальные выгоды, благодаря воздействию на положение на рынке.

Начиная с 1987 года я стал исполняющим обязанности генерального секретаря, а затем генеральным секретарем ЦК (КПК). По мере того, как я во все возрастающей степени вовлекался в политические вопросы, я обретал все более твердое убеждение в том, что напряженность во взаимоотношениях партии и интеллигенции требует решения. А без политического участия интеллектуалов было невозможно улучшить эти отношения фундаментальным образом.

В КПК вопросами взаимоотношений с интеллигенцией, политикой в отношении интеллигенции традиционно ведает первый по рангу руководитель ЦК КПК. Поэтому Чжао Цзыяну, когда ему пришлось стать генеральным секретарем ЦК КПК, довелось вплотную столкнуться с этими проблемами, заниматься этим вопросом.

Чжао Цзыян был самой своей предшествующей жизнью подготовлен к тому, чтобы глубоко понять значение интеллигенции для успешного осуществления реформ в Китае.

Заняв пост, на котором ранее находился Ху Яобан, Чжао Цзыян, очевидно, впервые ощутил в полном объеме, что между партией и интеллигенцией существуют напряженные отношения.

Когда Чжао Цзыян употребляет здесь слово «партия», имеется в виду то, что «старейшины» партии, «хозяева» партии, а вслед за ними и большая часть номенклатуры, воспитанные в годы правления Мао Цзэдуна,

традиционно не доверяли интеллигенции, относились к ней с подозрением. С их точки зрения, интеллигенцию следовало оставлять вне поля активной работы партии, в том числе и в том, что касалось реформ. Интеллигенцию отсекали от реформ.

В то же время интеллигенция – неотъемлемая часть народа, у нее общие интересы с народом, поэтому интеллигенция – это творческий активный авангард реформ, если рассматривать вопрос по существу.

Чжао Цзяян понял, что существует необходимость открыть возможность политического участия интеллектуалов в деле осуществления экономических и политических реформ в Китае, благодаря этому фундаментальным образом улучшить отношения между партией и интеллигенцией.

Снять напряженность во взаимоотношениях партии и интеллигенции, привлечь интеллигенцию к делу реформ, дать ей возможность возглавлять дело реформ в Китае, все это можно было сделать, только проведя реформу политической системы в Китае.

Мао Цзэдун загнал крестьянство в клетку «народных коммун», а интеллигенцию, ее значительную и творческую часть, либо в «лагеря трудового перевоспитания», либо в деревню. И то и другое в Китае Мао Цзэдуна было, по сути дела, тем же «ГУЛАГОМ со спецификой Китая».

Дело в том, что ситуация в деревне для отправленных туда интеллигентов или студентов, была, по сути дела, тюрьмой без тюремных стен. Бежать им было некуда. Документов у них не было. Крестьяне по преимуществу относились к ним, как к «низшему сословию».

Крестьяне и сами жили в ужасных условиях, но Мао Цзэдун спекулировал на том, что крестьянам давалась возможность думать, что к ним в деревню присылают «городских белоручек», которых можно пинать, оскорблять и презирать как «классовых врагов».

Ху Яобан, Чжао Цзяян и их сторонники, пережив правление Мао Цзэдуна, выступили в поддержку движения крестьян и интеллигенции за свое спасение, за освобождение от «пут системы Мао Цзэдуна», за возвращение к нормальной жизни.

Крестьяне сделали это в форме антияоцзэдуновской революции в деревне. Интеллигенция в форме участия в мирных демонстрациях с требованиями свободы и демократии в 1989 году.

Так в Китае после ухода из жизни Мао Цзэдуна произошли, по сути дела, две революции: революция крестьянства и революция интеллигенции. Обе революции вели к созданию социальной и политической основы для осуществления реформы и экономической и политической системы в Китае. Процесс этот, однако, затянулся. Потребовал десятилетий. Пока он далеко не завершен.

Конечно, те политические реформы для Китая, которые я в то время имел в виду, вплоть до 1989 года, не состояли в принятии многопартий-

ной системы или во введении парламентской системы западного типа. Не думал я и о том, что положение Коммунистической партии как руководящей партии должно быть изменено.

Моя мысль состояла в том, что руководящее положение партии не нуждалось в изменении, однако метод, с помощью которого она правила (управляла), должен был быть изменен. Более того, для того, чтобы реализовать «правление закона», ныне существующая ситуация, при которой «правили люди», должна была быть изменена. Социалистические нации тоже должны быть нациями с правлением закона.

Чжао Цзыян обладал способностью творчески мыслить. Он никогда не останавливался. Его мысль постоянно работала.

Вот и при осмыслении того, что необходимо делать в процессе осуществления политических реформ, он поднимался все выше и шел все дальше.

Он упоминал о том, что выступление Дэн Сяопина с требованием твердо придерживаться Четырех Основных Принципов не вызвало у него в свое время никаких вопросов. Он, собственно говоря, не придал этому выступлению никакого значения и продолжал активно осуществлять экономические реформы.

Затем сама жизнь потребовала от Чжао Цзыяна обратиться и к политическим реформам. Приступая к политическим реформам, Чжао Цзыян не думал о том, что положение Коммунистической партии, как руководящей партии в КНР, должно быть изменено.

Однако он считал, что требует изменения тот метод, с помощью которого правила в стране КПК.

Чжао Цзыян здесь, очевидно, интуитивно и изначально, как и, скажем, Пэн Чжэнь, не говоря уже о Лю Шаоци и Ху Яобане, считал, что при правлении Мао Цзэдуна существовало самовластие, все решалось по воле одного вождя, одного человека, первого лица в партии, в то время как в стране должен был «править закон», а также «все люди должны быть равны (человек должен быть равен человеку – ЖЭНЬ ЖЭНЬ ПИНДЭН)».

Чжао Цзыян хорошо понимал тех, кто столкнулся с этой проблемой ранее. В 1965 году Пэн Чжэнь публично заявлял, что «перед законом все равны». Во время «культурной революции» Лю Шаоци говорил о необходимости соблюдения Конституции КНР.

Чжао Цзыян, который, конечно же, не был в этом одинок, тоже полагал, что на смену «правления по воле человека (то есть одного «вождя»)» в Китае должно наступить «правление закона».

Это и есть истоки позиции Чжао Цзыяна по вопросу о реформе политической системы в Китае.

Чжао Цзыян считал, что социалистические нации, то есть все социалистические государства, тоже должны быть нациями с правлением закона.

Таким образом, понятие «законности» предстало как универсальное для всего человечества ценностное понятие.

С течением времени Чжао Цзыян должен был прийти и к принятию многопартийной и парламентской системы. Путь к этому открывало принятие понятия «законности».

Я слышал, но никогда не читал сам, что в воспоминаниях Горбачева содержится заявление о том, что в нашей беседе в ходе его визита в Китай в 1989 году, я намекал на то, что Китай должен был бы продвигаться в направлении многопартийной и парламентской системы. Я не имел в виду доносить никаких такого рода идей в моих замечаниях. Я сделал упор в беседе с ним на двух положениях. Одно состояло в том, что положение коммунистической партии как партии, находящейся у власти (правлящей партии), не должно изменяться. Но методы, с помощью которых она правила, должны изменяться. Другое состояло в том, что социалистические страны должны управляться не «правлением людей», но «правлением закона». Я намерено употребил в данном случае термин «правила, нормы, правление» вместо термина «система, строй». Эти идеи точно суммировали мою позицию по вопросу о политических реформах в то время, позицию, которая у меня сформировалась в своем развитии на протяжении двух предшествующих лет.

Чжао Цзыян упоминает о своей беседе с М.С.Горбачевым 16 мая 1989 г. в Пекине. Он подчеркивает, что в то время он говорил лишь об изменении методов, с помощью которых Коммунистическая партия управляет страной и о необходимости «правления закона».

Чжао Цзыян подчеркивает, что он намеренно не употреблял термин «система, строй», но пользовался только термином «правление, правила, нормы».

Чжао Цзыян подчеркивает, что то, что М.С.Горбачев, как довелось слышать Чжао Цзыяну впоследствии, усмотрел в его высказываниях намек на необходимость для Китая продвигаться к многопартийной и парламентской системе, это только мнение М.С.Горбачева.

Вместе с тем, в высказываниях человека, в его словах, проступают и те его мысли, которые еще не оформились в точные слова. Но представление о направлении мыслей дает уже и то, что человек говорит сегодня и о чем он, возможно, скажет завтра.

Мы должны были изменить метод, которым мы управляли (правили); но как мы должны были осуществить эти изменения? У меня постепенно созрели некоторые мысли относительно того, как это осуществить. (С. 257)

Принимая во внимание то, что коммунистическая партия была правящей партией, как должна была она править (управлять)? (С. 258) Моя

мысль состояла в том, чтобы модернизировать то, как она управляла с тем, чтобы это было более современным (модернизированным), цивилизованным, просвещенным и открытым. Я не ощущал этого в то время, но когда я думаю об этом сейчас, я понимаю, что мое общее направление (намерение) состояло в том, чтобы изменить как методы, так и систему давнишней (застарелой, долгое время существовавшей) «диктатуры пролетариата». Эта мысль состояла в следующем.

Чжао Цзыян отталкивался от мысли о том, что система, при которой в Китае правила воля человека, должна быть отброшена и заменена системой, при которой в Китае должен править закон.

Далее он пришел к мысли о необходимости изменить методы, которыми КПК правила в стране.

С его точки зрения, это правление по своим методам должно было стать современным, цивилизованным, просвещенным и открытым.

Это предполагало осовременивание, то есть выход на передовой по сравнению с Китаем времен правления Мао Цзэдуна уровень. А это означало необходимость изучения и применение мирового опыта управления, вне зависимости от того, в какой стране такой опыт существует.

Далее Чжао Цзыян выступал за цивилизованность. Здесь явно просвещивало желание покончить в Китае с не цивилизованностью, прежде всего, с проявлениями феодализма в различных сферах политической жизни.

Чжао Цзыян употреблял термин «просвещенный». Таким должен быть, с его точки зрения, политический порядок в стране. Просвещение, очевидно, предполагало подход к решению проблем на основе науки.

И, наконец, Чжао Цзыян ратовал за открытость, прозрачность. Иными словами, он отрицал традиционный для КПК времен Мао Цзэдуна закрытый порядок работы КПК и управления ею государством, да и вообще закрытость жизни в стране, включая отгороженность от внешнего мира.

Одним словом, у Чжао Цзыяна в уме был целый набор понятий, которые никак не согласовывались с привычными правилами и методами управления людьми и страной в понимании Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина и их приверженцев и последователей.

Чжао Цзыян полагал, что все это вело к тому, чтобы изменить как методы, так и систему того, что именовалось в КНР «диктатурой пролетариата». Иными словами, под воздействием практики осуществления Мао Цзэдуном на протяжении четверти века в КНР диктатуры пролетариата, у Чжао Цзыяна сформировалось убеждение в необходимости покончить именно с этой системой и ее методами.

Прежде всего, мы нуждались в прозрачности того, как принимаются решения в партии и в государстве. Горбачев называл это «гласностью (открытостью)», а мы называли это «прозрачностью». Главная деятельность и решения партии и государства нуждались в том, чтобы сделать

их публичными. Это изменило бы давнишние «манипуляции (операции) в черном ящике», при которых публика получала только конечный результат решения. Как только правительство объявляло о решении, оно бралось за его осуществление; но народ не посвящался (не участвовал, не допускался) в процесс, посредством которого это решение принималось. Это очень важно. Народ имеет право знать.

Термины в разных странах могут быть разными. В Китае «прозрачность», в СССР «гласность». Суть дела от того не меняется. В этом термине находила признание мысль о том, что народ имеет право знать.

Мысль простая, общечеловеческая.

Она выстрадана и в нашей стране, и в Китае.

Очевидно, что партии, осуществляющие в той или иной форме принцип концентрации власти, считают, что, захватив власть, они смогут удерживать ее в своих руках только в условиях, когда народ не будет знать «тайн власти», «тайн властвования». Деятельность и решения таких партий не являются гласными, публичными. Партии занимаются манипуляциями в «черном ящике», а публика получает только результаты принятых решений. От народа скрывается процесс, посредством которого решение принималось.

Это присуще политике Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина и их последователей. Против этого выступал Чжао Цзыян.

Следующее: мы нуждались в том, чтобы установить множественные каналы диалога с различными сегментами общества, силами и интересами. Решения по главным вопросам должны приниматься при имеющих место консультациях и диалоге с разными социальными группами, а не только внутри коммунистической партии, и не только после просто консультации с ключевыми фигурами в других политических партиях.

В свое время, тогда, когда КПК приходила к власти в Китае, Лю Шаоци выступал за то, чтобы в КНР осуществлялось то, что именовалось «новым демократизмом». Это, в частности, подразумевало участие в разработке политики различных политических сил. Мао Цзэдун по форме сохранил присутствие нескольких «малых» политических партий в системе органов НПКСК.

По сути дела, все они находятся под руководством КПК. Именно и только КПК владеет всей полнотой политической власти в КНР. Такова особенность политической системы, созданной при правлении Мао Цзэдуна, и сохраняющейся до сих пор при последователях Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина.

Чжао Цзыян предлагал совершенно иной подход.

С его точки зрения, решения в стране должны приниматься не исключительно внутри руководства КПК, но только после консультаций и диа-

лога с разными социальными группами, с различными сегментами общества, с различными силами, с учетом различных интересов.

По сути дела, он предлагал путь к демократизации и многопартийности.

Конечно, мы должны допустить (разрешить, позволить) существование социальных групп; ведь в противном случае как можно вести диалог? Самое важное тут состоит в том, что нам необходимо изменить положение, при котором все социальные группы (группы общества), включая профессиональные союзы рабочих, организации молодежи, организации женщин, торговые палаты и иные, находятся в монотонном единстве с коммунистической партией. Они должны быть в состоянии действительно представлять народ, который они, как это подразумевается, представляют.

Только диалог с группами такого рода будет иметь реальное значение. Другими словами, их функции, как организаций посреднического толка, должны быть развиты (осуществляться) в полной мере. Коммунистическая партия не должна контролировать все или вмешиваться в (нынешней) такой большой степени в их дела, и должна предоставить им возможность для независимой деятельности. При таких условиях коммунистическая партия должна вести диалог и консультироваться с различными социальными группами (группами общества), давая этим людям возможность реально участвовать в политике.

В рамках политической системы, созданной Мао Цзэдуном и существующей в КНР, все социальные группы, включая профессиональные союзы рабочих, организации молодежи, женщин, торговые палаты, то есть организации предпринимателей, не должны находиться в «монотонном единстве», по выражению Чжао Цзыяна, с КПК.

В КНР декларируется, что и упомянутые политические партии, и эти организации представляют народ. На самом деле они являются только декоративными.

Чжао Цзыян предлагал изменить ситуацию и добиться того, чтобы они действительно играли роль посредников и представляли народ.

Это предложение означало, что КПК должна отказаться от контроля над всей их деятельностью, от вмешательства во все их дела.

КПК должна предоставить им возможности для независимой деятельности. Она должна вести диалог, консультироваться с ними, предоставляя им возможности реально участвовать в политике.

Очевидно, что Чжао Цзыян начинал с предложения изменить методы управления страной, однако было ясно, что при полном осуществлении его предложений речь идет о подлинной революции в системе управления Китаем.

Если сначала Чжао Цзыян поддержал революцию крестьян против системы, навязанной Мао Цзэдуном крестьянству, то теперь Чжао Цзы-

ян предлагал осуществить революцию в обществе, прежде всего, в городах, против системы, навязанной обществу Мао Цзэдуном.

Чжао Цзыян повел себя как революционер, выступающий против системы концентрации политической власти, против политической системы Мао Цзэдуна.

Попутно выяснилось, что изменять только методы управления невозможно, Методы можно изменять только как следствие изменения всей существующей системы.

Нам также необходимо произвести изменения в нашей системе выборов: расширить сферу демократических выборов и «выборов при дифференцированной квоте». (С. 258)

Чжао Цзыян шел дальше. Он предлагал изменить систему выборов, также созданную при правлении Мао Цзэдуна.

При этой системе обычно голосовали по списку, предложенному руководством, причем по списку, где число кандидатов точно совпадало с числом мест, на которые их избирали.

Чжао Цзыян предлагал расширить сферу, внутри которой осуществляются «выборы при дифференцированной квоте». Под «выборами при дифференцированной квоте» имеются в виду выборы внутри партии, при которых голосующим предоставляют больше кандидатов, чем имеется постов, на которые их избирают, и таким образом эффективно исключают тех кандидатов, которые менее популярны.

В ситуации того времени предложение Чжао Цзыяна было прорывом демократического характера.

В то время мы предполагали предлагать больше кандидатов, чем мест, при избрании руководства ВСНП; окончательный выбор делали бы депутаты ВСНП, после того, как Коммунистическая партия предложила своих кандидатов. (С. 258–259) В то время выборы при дифференцированной квоте дозволялись только при выборах депутатов, но не при выборах на высокие посты в центральном руководстве. И даже хотя мы не могли сразу же принять методы выборов в стиле Запада, коммунистическая партия, по крайней мере, увеличивала число предлагаемых кандидатов, включая посты председателя ПК ВСНП, премьер-министра ГС КНР. Когда кандидатов больше, чем постов, у людей появляется реальный выбор.

До того времени метод «выборов при дифференцированной квоте» применялся только при выборах депутатов, но не руководства ВСНП и правительства. Чжао Цзыян предложил выбирать таким способом руководителей парламента и правительства.

Более того, правящая партия должна с уважением относиться к разделению функций между партией и государством. Руководство со сторо-

ны партии должно быть в существенной степени политическим, и партия не должна вмешиваться в столь много других сфер. Большая терпимость должна демонстрироваться особенно в отношении к культуре и искусству; партия не должна в такой степени контролировать все это или столь сурово контролировать все это.

Политическая либерализация по Чжао Цзыяну предполагала ограничение руководства со стороны партии только сферой политики. При этом предполагалось, что партия должна демонстрировать большую терпимость, особенно там, где речь идет о культуре и искусстве.

И это было совершенно недопустимо, с точки зрения последователей Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина.

Чжао Цзыян начинал с понимания недопустимости такого обращения с людьми, какое навязывал Мао Цзэдун.

Затем у Чжао Цзыяна рождались предложения относительно методов управления страной со стороны правящей политической партии.

Далее оказалось, что методы можно изменить, только поменяв систему.

Наконец, стало очевидно, что изменению подлежат одновременно и экономическая и политическая система.

В итоге Чжао Цзыян пришел к осознанию необходимости того, что он называл политическими реформами или политической либерализацией, и что, очевидно, можно понимать как мирную политическую революцию в Китае.

Нам также было необходимо обогатить уровень кооперации (сотрудничества) с другими политическими партиями и позволять другим партиям осуществлять реальное участие при диалоге и при взаимных сдержках и противовесах. Я также предполагал дозволить другим политическим партиям осуществлять их собственную активность в ходе сессий ВСНП и создавать их собственные руководящие группы.

Чжао Цзыян предлагал в парламенте страны создать порядок, при котором все присутствующие там политические партии могли бы на равных участвовать в обсуждении вопросов.

Чжао Цзыян предлагал, чтобы каждая политическая партия могла создавать в ВСНП свою руководящую группу. В случае осуществления такого предложения оказывалось, что в парламенте КПК пришлось бы перед принятием решения обсуждать предложения на совещании с участием представителей всех упомянутых руководящих групп.

Это было бы реальное продвижение в сторону парламентаризма.

Более того, нам было необходимо защищать (обеспечивать) права граждан совершенно конкретно. Это было чрезвычайно важно. Наша Конституция была замечательной, однако не было законов, с помощью которых поддерживалось претворение Конституции в жизнь. Вот поче-

му многие гражданские права, определенные в Конституции, не могли быть реализованы.

Я говорил об этом с Горбачевым. Я сказал: «Есть многое, что определено в Конституции, однако не может быть реализовано конкретно. Поэтому мы должны учреждать законы, которые гарантировали бы защиту специфических сторон, например, свободу ассоциаций, собраний, демонстраций, петиций и забастовок. Все это должно обеспечиваться специальными законами».

Чжао Цзыян указывал на недостаток, который был также присущ политической системе, созданной при правлении Мао Цзэдуна.

Можно вспомнить, что Конституция КНР появилась в результате маневра Лю Шаоци, который заручился поддержкой Сталина, и в этой ситуации Мао Цзэдун был вынужден согласиться на разработку и принятие Конституции, да и на образование парламента.

Однако, как всегда, Мао Цзэдун допускал лишь декоративную демократию. На практике не было законов, которые обеспечивали выполнение Конституции, соблюдение прав граждан, которые им предоставляла Конституция.

Именно на это указывал Чжао Цзыян в упомянутой беседе с Горбачевым.

При этом Чжао Цзыян в момент, когда на площади Тяньаньмэнь в Пекине проходили демонстрации с требованиями свободы и демократии, говорил о необходимости принимать законы, которые обеспечивали бы свободу ассоциаций, собраний, демонстраций, петиций и забастовок.

Чжао Цзыян предлагал Горбачеву встретиться с демонстрантами.

Если Мао Цзэдун был за декоративную демократию, то Чжао Цзыян был против декоративной и за реальную демократию. Переход к такой демократии действительно был бы равнозначен осуществлению мирной революции в Китае.

Нам также было необходимо допустить большую свободу прессы, хотя и при определенном управлении и руководстве. В 1989 году я обсуждал с Ху Цзизем (главным редактором «Жэньминь жибао») вопрос о том, должны ли мы позволять появление независимых газет. В настоящее время все средства массовой информации монополизированы партией и государством: это не правильно. В то время я не допускал разрешение полностью свободной прессы, но хотел позволить контролируемый процесс открытости. По крайней мере, те материалы, которые медиа, контролируемые партией и государством, не хотели распространять, могли бы публиковаться другими СМИ. Даже в эпоху Чан Кайши (до того, как КПК пришла к власти) существовали независимые газеты. Если мы даже не позволим полной свободы прессы, мы должны позволить циркулирование (пронетивание) общественного мнения. (С. 259)

Представляется важным обратить внимание на то, что генеральный секретарь ЦК КПК, а также его сторонники, в том числе главный редактор газеты «Жэньминь жибао», считали, что в КНР можно осуществлять демократизацию.

Чжао Цзыян предлагал идти по этому пути постепенно. Сначала допустить существование СМИ, которые не были бы полностью подконтрольны КПК.

Собственно говоря, все, о чем говорил Чжао Цзыян, свидетельствовало о возможности появления демократии в Китае.

В то время я думал о том, как допустить большее политическое участие, – при том, что коммунистическая партия продолжает занимать правящее положение, – различных социальных групп и групп по интересам и в особенности интеллектуалов. (С. 259–260) Даже без многопартийной системы мы должны были расширить сферу политического участия различных сил настолько, насколько это было возможно.

Некоторые из этих мыслей были включены в документы и мои беседы и вписаны доклад на XIII съезде партии. Конечно, в этих текстах некоторые идеи не могли быть выражены в полном виде, а некоторые не могли быть включены туда вообще.

Вот таковы те мысли, которые постепенно формировались у меня с 1986 по 1989 год. Положение партии в качестве правящей партии не должно было изменяться, но методы, которыми она осуществляла это, должны были. Это означало, что в рамках Устава партии мы должны были допустить большее политическое участие различных социальных групп; «правление закона» должно было постепенно заменить «правление людей»; и многие из прекрасных вещей, определенных в Конституции, должны были быть реализованы, одна за другой. (С. 260)

Находясь на посту главы правительства, а затем генерального секретаря ЦК КПК, Чжао Цзыян пришел к убеждению в необходимости при неизменном положении КПК в качестве правящей партии изменять методы, с помощью которых партия управляла страной, перейти к «правлению закона», не допускать самовластия.

Собственно говоря, Чжао Цзыян предлагал превратить Конституцию из декорации в действующий Закон. На практике это означало бы изменение по существу политической системы, созданной при правлении Мао Цзэдуна и сохранявшейся Дэн Сяопином.

СОБЫТИЯ НАКАНУНЕ XIII СЪЕЗДА КПК

Чжао Цзыян обращается к анализу событий, которые происходили, начиная с XIII съезда партии.

На XIII съезде партии (в 1987 году) мы обсуждали не только экономические реформы, но и политические реформы. Этот вопрос поднимался в контексте размышлений о том, как улучшить социалистическую демократию. В то время политическая обстановка характеризовалась отсутствием напряженности (расслабленностью). Исследования духовного и теоретического характера, культура и искусство – все это вибрировало (жило и трепетало). В то же самое время на протяжении 10 лет реформы подвергались воздействию из-за рубежа, влиянию ценностей, концепций и политической системы Запада. Более того, политика Советского Союза в отношении политических диссидентов изменилась благодаря гласности. Все это вдохновляло интеллектуалов в Китае, молодежь и молодых рабочих на требования большей демократии.

Чжао Цзыяну удалось добиться того, что на XIII съезде КПК речь шла и об экономических реформах, и о политических реформах. Это Чжао Цзыян считал одним из своих достижений.

При этом употребляется термин «социалистическая демократия». Это вызвано общей атмосферой внутри КПК. Все, что делает партия, должно именоваться «социалистическим», хотя в том или ином случае необходимо внимательно присматриваться, каким является содержание той или иной политической установки и что вкладывается при этом в понятие «социализма».

Одним словом, ситуация в КНР, положение в КПК в 1980-х гг. было таково, что был обязательный декорум и оказывалась возможной та или иная реальная политика.

Чжао Цзыян подчеркивал, что во время проведения XIII съезда КПК обстановка в стране характеризовалась отсутствием напряженности, своего рода спокойствием и даже давала возможность расслабиться.

Думается, что такое впечатление могло складываться под воздействием двух обстоятельств.

С одной стороны, в значительной степени благодаря усилиям Ху Яобана, Чжао Цзыяна и их сторонников, сторонников реформ, атмосфера действительно была такой.

С другой стороны, вообще это десятилетие, 1980-е гг., оказалось единственным к тому времени за все предшествующие полтора столетия, когда страна смогла, наконец, в данном случае в значительной мере благодаря уходу с политической сцены Мао Цзэдуна, перевести дух и свободно дышать.

Эта обстановка и такая атмосфера возникли и благодаря несомненным достижениям этого десятилетия экономических реформ.

Наконец, Дэн Сяопин, другие «старейшины», в этот исторический момент под напором непреодолимых тогда общественных настроений отошли в тень, не выступали активно против реформ, готовили свое наступление.

Чжао Цзыян также отмечает, что в этот момент культура, искусство, исследования в сфере теории и духовной жизни, пожалуй, впервые за все время существования КНР, получили такую большую возможность развиваться, трепетать, жить и дышать.

Оказалось, что успешные экономические реформы, начало движения вперед в области политических реформ, начало новой жизни в духовной жизни, в культуре искусстве – все это взаимосвязано и поощряет развитие одного другого. И это происходило, благодаря и работе Ху Яобана и Чжао Цзыяна.

Чжао Цзыян также говорит о том, что в 1980-х гг. Китай испытывал на себе влияние из-за рубежа, на протяжении 10 лет реформ подвергался воздействию ценностей, концепций и политической системы Запада. Со всем этим китайцы впервые получили возможность знакомиться в массовом порядке. Это был прорыв из «запретного мира» Мао Цзэдуна в страну человечества, да и человечности.

Свою роль играло появление гласности в СССР.

Все это вместе взятое, с точки зрения Чжао Цзыяна, играло свою роль

Вдохновляло интеллектуалов в Китае, молодежь и молодых рабочих на требования большей демократии.

Если по Чжао Цзыяну все это приносило вдохновение, было связано с впервые полученной возможностью относительно свободно дышать и жить, то Дэн Сяопин и «старейшины», то есть весь закулисный аппарат КПК, считал все это смертельной угрозой своему положению у власти.

Мы должны были использовать преимущества создавшейся ситуации с тем, чтобы осуществлять меры в русле политических реформ, которые были одобрены на XIII съезде партии: разделение функций партии и государства, учреждение и установление системы государственной гражданской службы, информирование людей о важнейших вещах в области развития, консультации с людьми по главным вопросам, осуществление в опытный порядок (экспериментирование) демократических процедур в организациях, созданных интеллектуалами, удовлетворение требований

интеллектуалов участвовать в политике и так далее. (С. 261) Если бы мы были в состоянии осуществить то, что уже было решено, мы могли бы благодаря этим каналам завоевать на свою сторону огромное большинство народа, который стремился к демократии. (С. 261–262) Мы могли бы расширить демократию путем постепенного осуществления этих мер, то есть подхода, одобренного XIII съездом партии и таким образом усилить развитие демократической политики. Требования большинства народа были бы удовлетворены, не считая только небольшие и незначительные группы экстремистов.

Чжао Цзыян считает, что все те люди в Китае, которые были сторонниками реформ, в том числе те функционеры партии, которые вырабатывали и осуществляли политику, были обязаны выполнять решения партии.

В каком-то смысле обстановка напоминала ту, которая существовала в Китае в момент окончания первой сессии VIII съезда КПК. Теперь все это было поднято на гораздо более высокий уровень.

Чжао Цзыян считает, что партия была обязана выполнять решения своего съезда.

К несчастью, ситуация за кулисами в КПК была такова, что осуществить на практике решения XIII съезда, как и решения первой сессии VIII съезда, не удалось.

В свое время из-за позиции Мао Цзэдуна. После XIII съезда из-за позиции Дэн Сяопина и других «хозяев» партии.

Решения XIII съезда предусматривали:

- разделение функций партии и государства (Чжао Цзыян и его сторонники могли при этом подразумевать действительное разделение сферы действий правящей партии и аппарата, прежде всего, исполнительной, но и законодательной и судебной, власти, относительную самостоятельность этих ветвей власти; Дэн Сяопин и другие «хозяева» партии могли иметь в виду всего лишь предоставление органам исполнительной власти возможности решать реальные проблемы, но находиться при этом под абсолютным руководством правящей политической партии);

- учреждение системы государственной гражданской службы;

- информирование людей о важнейших вещах в области развития;

- консультации с людьми по главным вопросам;

- осуществление в опытном порядке демократических процедур в организациях, созданных интеллектуалами.

Это была программа, которую удалось утвердить в решениях съезда, и которая отражала интересы и требования людей Китая в момент, когда давление на них со стороны последователей системы, созданной Мао Цзэдуном, ослабло.

В этой программе на первый план выходила задача отделения партии от государства и осуществление прозрачности в сфере информации лю-

дей о политике властей. И это произошло в КНР в 1987 г., спустя десять лет после смерти Мао Цзэдуна.

Чжао Цзыян полагал, что народ Китая стремился к демократии. Чжао Цзыян напоминал партии, что она имела тогда возможность привлечь большинство народа Китая на свою сторону, если бы партия выполнила решения своего собственного съезда. Чжао Цзыян выступал за постепенность в развитии демократической политики.

Он еще раз подчеркивал, что осуществление упомянутых решений XIII съезда партии могло бы удовлетворить требования большинства народа. Против партии в то время, с его точки зрения, выступали лишь незначительные группы экстремистов.

Из всего этого следует вывод, что действия, которые Дэн Сяопин и другие «старейшины» партии осуществили в 1988–1989 гг., были направлены против интересов большинства народа Китая. Подавить желания народа при власти, существующей в КНР, оказалось возможно, причем на десятилетия. В то же время, в исторической перспективе народ не откажется от своих требований.

Однако после XIII съезда партии было трудно осуществлять политические реформы. Прежде всего, у каждого из старейшин партии, включая товарища Дэн Сяопина, имелось свое мнение об экономических реформах, в то же время у всех у них было одно (единое) мнение относительно политических реформ: они были против того, чтобы изменять основы существующей системы. Они боялись того, что любая реальная политическая реформа приведет к появлению вызова власти Коммунистической партии, что в свою очередь ослабит партию или даже станет причиной того, что партия утратит свое положение правящей партии.

После смерти Мао Цзэдуна КПК оказалась разделена на сторонников и противников существенных реформ.

Сторонникам реформ внутри КПК удалось на протяжении 1980-х гг. начать осуществлять экономические реформы. «Старейшины», находившиеся за кулисами, но обладавшие реальной властью, не имели общего мнения относительно экономических реформ. Это и дало возможность осуществить некоторые экономические реформы.

В то же время «старейшины» нашли общее понимание в вопросе о политических реформах.

Все они, и в первую очередь Дэн Сяопин, были против того, чтобы изменять основы существующей политической системы, то есть системы концентрации власти, созданной во времена правления Мао Цзэдуна.

Самым решительным из них был Дэн Сяопин.

Они боялись того, что любая реальная политическая реформа будет создавать угрозу для КПК и КНР. Они стремились не допускать изменения положения КПК у власти в качестве ее монопольного обладателя.

В процессе составления проекта доклада на XIII съезде партии Дэн Сяопин неоднократно предостерегал меня не поддаваться воздействию западной концепции разделения трех ветвей власти. При этом он заходил настолько далеко, что говорил, что нельзя допускать появления в политическом докладе даже малейшего следа всего этого. Под «реформой политической системы» он подразумевал фактически только изменения (реформы) административного (то есть технического) характера: упрощение организации, улучшение качества персонала, сокращение бюрократии или канцелярского бюрократизма, повышение эффективности и т. п. Ничто из этого не затрагивало наиболее существенные проблемы политической системы.

Чжао Цзыяну пришлось готовить политический доклад XIII съезду партии в условиях, когда Дэн Сяопин требовал, чтобы в докладе не было и следа концепции разделения трех ветвей власти. С точки зрения Дэн Сяопина, как и Мао Цзэдуна, КПК должна была сама, и только сама, решать все вопросы, обладать всей полнотой власти, осуществлять принцип предельной концентрации власти.

Ощущается, что Чжао Цзыян рассказывает об этом так, чтобы дать понять, что у него иной взгляд на этот вопрос.

Чжао Цзыян также отмечает, что политические реформы в представлении Дэн Сяопина не должны были затрагивать вопросы существенно характера, должны были оставаться только реформами технического или административного характера. Дэн Сяопин не допускал отхода Китая от политической системы, созданной при правлении Мао Цзэдуна.

И тогда я подумал об обогащении и улучшении системы «сотрудничества (кооперации) путем консультаций с другими политическими партиями под руководством Коммунистической партии». Эти, то есть другие, политические партии могли бы быть сделаны (превращены) действительно полезными, если бы им было позволено реальное политическое участие (участие в политике), если бы эта система действительно функционировала вместо того, чтобы существовать только номинально. Мы могли бы сделать другие политические партии активными и действительно полезными в случае, если бы они участвовали в политике, играя сдерживающую роль. Надо было бы позволить тем людям в обществе, у которых есть сильное желание участвовать в политике, осуществлять это свое желание через участие в политических партиях, чего не происходит тогда, когда они находятся в оппозиции к партии; что-то, что находилось бы вне ныне существующей конструкции. Если бы мы сделали это, это могло бы создать своего рода распределение власти с тем, чтобы Коммунистическая партия не монополизировала всю эту власть. Однако это абсолютно не представляло бы собой вызов положению Коммунистической партии как правящей партии. В этих целях я и предложил изменить «си-

стему многопартийного сотрудничества под руководством Коммунистической партии» на «систему многопартийного сотрудничества при руководстве со стороны Коммунистической партии». Это изменение не было главным, однако термин «при руководстве» носил тут политический характер (был тут политической субстанцией), в то время как термин «под руководством» также включал в себя и организационный аспект. (С. 262)

Чжао Цзыян предлагал изменить характер взаимоотношений между КПК и другими, то есть «малыми» политическими партиями в стране. Мао Цзэдун ввел принцип, в соответствии с которым эти партии должны были находиться «ПОД руководством» КПК. Чжао Цзыян предложил, чтобы эти партии действовали «ПРИ руководстве» со стороны КПК. Это должно было бы освободить эти партии от прямого организационного подчинения КПК.

Я также предложил, чтобы компетентные (квалифицированные) люди из других политических партий продвигались бы на посты заместителей министров и даже министров в различных структурах Государственного совета. (С. 262-263) Это делалось в первые годы существования КНР. А также, по некоторым вопросам, другие политические партии больше не должны были дожидаться, пока их информирует Коммунистическая партия, причем только после того, как она уже приняла окончательное решение. Мы должны были бы слышать мнения других партий прежде, чем принимать решения. Мы должны были сделать «консультации» реальными, а не только имеющими место только на словах. Продвижение членов других политических партий на руководящие посты в министерствах получило одобрение Дэн Сяопина, и он сказал: «Делайте это как можно скорее».

Дэн Сяопин согласился с предложением Чжао Цзыяна назначать на руководящие посты в министерствах представителей «малых» партий.

Чжао Цзыян уже упоминал о том, что Дэн Сяопин допускал их назначение только в личном качестве, а не как представителей своих политических партий. Таким образом, Дэн Сяопин шел лишь на декоративные уступки, которые на практике оказались временными.

Был также и вопрос о том, как развивать потенциал других партий. Поскольку они хотели быть политическими партиями, они должны были быть партиями, которые реально участвовали бы в политике. Это означало, что они должны были функционировать как реальные политические партии, а не только в форме участия их членов в личном качестве в работе ВСНП.

Чжао Цзыян считал, что следовало дать возможность «малым» политическим партиям реально играть активную роль в политике. В частно-

сти, разрешить их представителям действовать от имени своих партий в ВСНП, где им позволялось быть только в личном качестве.

По всем этим вопросам Дэн Сяопин практически стремился сохранить порядки, созданные при Мао Цзэдуне.

Таковы были те мысли, которые были у меня в то время, хотя и абсолютной уверенности (в их правильности) не было.

Некоторые люди задавали вопрос: если Коммунистическая партия могла учреждать руководящие группы во время сессий ВСНП, не может ли другим партиям быть позволено создавать свои собственные руководящие группы? Я не знаю, как этот вопрос был донесен до Дэн Сяопина, но (его дочь) Дэн Маомао прислала мне записку через моего секретаря Ли Юна: «Когда Дэн говорил о расширении участия других политических партий, он просто говорил об этом. Как можно принимать это всерьез? Мы ни в коем случае не должны позволять другим политическим партиям создавать свои руководящие группы во время сессий ВСНП». Дэн выступал против этой идеи. И прислал это послание.

Чжао Цзыян обращает внимание на то, что, с точки зрения Дэн Сяопина, было «нормальным» «просто говорить» о каких-то политических переменах, на самом деле не допуская таких перемен.

Мао Цзэдун, Дэн Сяопин, политические партии, руководствующиеся принципом концентрации в своих руках всей политической власти, используют такой прием, который сами же характеризуют словами «просто говорить». Таким образом, они обманывают людей, обманывают свои народы.

Мы даже не могли завершить и придать реальное содержание той системе, которая уже существовала, системе, которая получила всеобщее одобрение. Представьте себе, как трудно было продвигать какие-либо иные реформы.

Что же касается вопроса о разделении функций между партией и государством, то многие члены партии проявляли беспокойство в связи с воплощением в жизнь схемы, при которой ответственность несли руководители (менеджеры) предприятий – и их сопротивление было яростным. Этому противились многие партийные комитеты на местах. Они привыкли к тому, что партийные комитеты занимались всем, имели монополию власти на все, над партией и над администрацией. Окончательное решение принимал секретарь партийной организации.

Введение разделения функций партии и государства лишило бы партийного секретаря реальной власти. Поэтому чиновники на местах отказывались превращать директора фабрики в главного руководителя (лидера) и легального представителя. Результатом этого было бы то, что партийный секретарь больше не принимал бы все решения, касавшиеся

фабрики, но в основном отвечал бы за дела партии и за политические вопросы. (С. 263)

Разделение функций партии и государства и система ответственности директоров предприятий (фабрик) фактически затрагивала вопрос о распределении власти, поэтому те, кто уже обладали властью, не хотели уступать ее. (С. 263–264) Поэтому было чрезвычайно трудно осуществлять реформу.

Чжао Цзыян предлагал дать руководителям предприятий власть распоряжаться хозяйственными делами этих предприятий. Предложение Чжао Цзыяна было шагом в направлении демократизации жизни в стране. Оно могло содействовать повышению производительности труда.

Внутри КПК имело место яростное сопротивление этому предложению. При правлении Мао Цзэдуна была создана система, в соответствии с которой на предприятиях фактически распоряжался секретарь парткома.

Таким образом, Чжао Цзыян предлагал лишить прав номенклатуру партии. Вот откуда рождалось недовольство Чжао Цзыяном не только со стороны «старейшин», но и в среде кадровых работников КПК. Это также говорило о том, что собой представляла номенклатура КПК.

Я уже говорил о том, что нам было необходимо усиливать и реформировать нашу политическую и пропагандистскую работу, и что это был главный (существенный) вопрос. Усиление политики и пропаганды при одновременном осуществлении реформ, конечно же, было правильным; вопрос был в том, как усиливать эту работу.

Чжао Цзыян был убежден в необходимости одновременно осуществлять реформы и усиливать политико-пропагандистскую работу партии. С принципиальной точки зрения, у Чжао Цзыяна в этом не было сомнений.

Весь вопрос был в том, как именно добиться усиления пропагандистской работы.

Если бы мы следовали прежним методам при претворении этого в жизнь, итогом было бы нечто противоположное тому, что мы намеревались сделать. Даже хотя в нашей работе в сфере политики и пропаганды у нас в прошлом было нечто позитивное, однако, начиная с 1957 года и на протяжении последующих почти 20 лет, наши политика и пропаганда были сфокусированы (сконцентрированы) на классовой борьбе. Политика и пропаганда, фокусом (или центром) которой является классовая борьба, рассматривают людей как тот объект, который должно изменять и контролировать. Поэтому работа в сфере политики и пропаганды никогда не использовала такой метод, как разумные доказательства (убеждение в разумности чего-то) или пыталась убеждать людей, но (напротив) опиралась на насилие (принуждение) и наклеивание ярлыков. Политика и пропаганда, основанные на классовой борьбе, наносили серьезный

вред и создавали вредные (худшие) привычки. В то же самое время, существовали проблемы, которые находили свое выражение в том, что политические дела в серьезной степени бюрократизировались. Организация (компартии) была громадной (неповоротливым монстром) с огромным числом тех людей, которые ничего не производили.

На протяжении, по крайней мере, 20 лет, с 1957 года по 1976 год, то есть в эти годы правления Мао Цзэдуна, Чжао Цзыяну довелось глубоко прочувствовать, что собой представляла пропагандистская работа КПК.

В результате он пришел к пониманию того, что в центре политической и пропагандистской работы КПК находилась классовая борьба.

Вообще, очевидно, здесь можно упомянуть, что для коммунистических партий, для партий, в основу действий которых положен принцип предельной концентрации власти именно и только в руках этих партий, незыблемой теоретической основой их деятельности является принцип классовой борьбы, то есть принцип обязательного выделения в обществе все новых и новых слоев населения, которые объявляются смертельными врагами и против которых не только допустима, но обязательна борьба с применением всех мыслимых и немыслимых методов.

Борьба против человека, человека как личности, недопущение появления свободной человеческой личности – вот основа политики, а, следовательно, и пропаганды, таких партий, в данном случае, КПК.

С точки зрения классовой борьбы людей рассматривают, как объект, который должно изменять и контролировать. Это делалось в форме принуждения, осуществления массовых политических кампаний, наклеивания политических ярлыков.

В истории КПК имел место спор между Лю Шаоци, который считал, что человек может и должен воспитывать себя сам, и Мао Цзэдун, который навязывал отношение к человеку, как к листу белой бумаги, на которой он, Мао Цзэдун, или его приверженцы, могут писать «красивые иероглифы». Во время последнего разговора с Лю Шаоци Мао Цзэдун, очевидно, не случайно советовал Лю Шаоци «читать Хайдеггера».

КПК исключала такой метод пропагандистской работы, как убеждение, как обращение к человеку с доводами разума.

В результате пропагандистской работы на протяжении многих десятилетий людям наносился серьезный ущерб.

С одной стороны, одних людей репрессировали, подвергали мучениям, довели до болезней и смерти.

С другой стороны, у тех, кто участвовал в этой травле, воспитывались привычки: доносить, клеветать, бить и издеваться над «классовыми врагами», то есть воспитывалось бесчеловечное отношение к людям. Мао Цзэдун сам был бесчеловечен. Поэтому он и свою партию воспитывал в духе бесчеловечности.

Для осуществления пропаганды по Мао Цзэдуна был создан громадный пропагандистский аппарат, который был громоздким, неповоротливым, бюрократическим. Этот аппарат, то есть эти функционеры партии, эта часть партийной номенклатуры, ничего не производила, и ничего не создавала.

Чжао Цзыян фактически предлагал ликвидировать этот аппарат.

Поэтому-то я и предложил реформировать работу в области политики и пропаганды, что означало фундаментальное изменение того, как она велась в то время; иными словами имелось в виду продолжение добрых традиций, которые формировались в годы войны, и, в то же время, поиск в области изобретения заново методов работы в сфере политики и пропаганды. Прежде всего, мы нуждались в обновлении и изобретении заново.

То, что я поднял этот вопрос, вызвало великое беспокойство. Многие старые товарищи встали в оппозицию к этому, точно так же, как и парткомы различных уровней на местах. Те же люди, кому довелось заниматься политической работой и работой в сфере пропаганды на фабриках, и множество людей по всей стране, для которых работа в области политики и пропаганды была источником их существования, думали, что они находятся на грани того, что их просто выбросят за борт.

Чжао Цзыян осуществлял экономические реформы. Он пришел к убеждению в том, что одновременно требуется проводить и политические реформы.

По сути дела, это было воплощение в практику решения 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва о переносе центра деятельности партии с классовой борьбы на экономику.

Это предполагало отказ в пропагандистской работе от принципов классовой борьбы, от принуждения и насилия.

Все это начало вызывать борьбу внутри партии.

Со стороны Чжао Цзыяна, это была борьба за решения 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва.

Со стороны противников реформ, это была борьба против решений этого партийного форума.

Вообще оказалось, что Чжао Цзыян отстаивал партийные решения, а Дэн Сяопин и его сторонники фактически выступали против партийных решений: против решений 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва и решений XIII съезда партии.

В этом случае в эту борьбу на стороне противников Чжао Цзыяна включались парткомы и работники сферы пропаганды. Дело тут было в том, что предложения Чжао Цзыяна лишали власти, в случае их осуществления, лишали власти секретарей, прежде всего, на предприятиях, а также делали не нужной значительную часть чрезвычайно многочисленного идеологического и пропагандистского аппарата партии.

Возвращаясь мыслями к тому, что тогда происходило, я ощущаю, насколько трудным был каждый шаг в сфере политических реформ, и каким небольшим был простор для того, чтобы тут идти на риск. Любая маленькая проблема, которая при этом возникла, провоцировала появление оппозиции.

В том, что касалось политических реформ, однако каждый шаг был в еще большей степени трудным. Дело тут было в том, что политические реформы в определенном смысле (с определенной стороны) изменяли тот метод, с помощью которого Коммунистическая партия управляла (страной), метод, с помощью которого она осуществляла свою власть, метод, исходя из которого, она подходила к вопросам, и в конечном счете это должно было изменить метод, с помощью которого партия сама рассматривала власть и свою монополию на власть. Поэтому-то сопротивление было громадным.

Сопротивление политическим реформам исходило, прежде всего, со стороны руководства на всех уровнях внутри партии. (С. 164). Причем, если экономические реформы, можно так сказать, легко заручались поддержкой «князьков», то политические реформы наталкивались с отвержением и сопротивлением с их стороны. (С. 264–265)

Джао Цзыян обращает внимание на то, с каким трудом давался каждый шаг при осуществлении политических реформ. Он вызывал все новое и новое сопротивление оппозиции реформам.

Чжао Цзыян также указывает на то, что это было так потому, что речь шла об изменении метода, с помощью которого партия рассматривала власть и свою монополию на власть.

Если при правлении Мао Цзэдуна таким методом была классовая борьба, то сам отказ от этого метода в решениях 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва подрывал систему политической власти, навязанной Мао Цзэдуном.

Чжао Цзыян также говорит о том, что сопротивление реформам оказывали, в первую очередь, руководители КПК на разных уровнях. При этом провинциальные руководители КПК, которых Чжао Цзыян именуется «князьками», которые обладали в ряде случаев определенной самостоятельностью и независимостью от центральных властей, поддерживали экономические реформы, но яростно сопротивлялись политическим реформам.

Это объяснялось тем, что номенклатура КПК поняла, что экономические реформы необходимы, а затем сообразила, что они дают возможность прибрать к своим, по сути дела, частным, рукам «экономические высоты», стать обладателями одновременно и власти и денег, стать, по сути дела, собственниками богатств страны.

Политические реформы, с точки зрения партийной номенклатуры, которая становилась партийно-предпринимательской номенклатурой,

были недопустимы потому, что могли лишить эту номенклатуру власти в стране.

Итак, если Чжао Цзыян, отвечая на чаяния народа, стремился осуществлять экономические и политические интересы народа, то Дэн Сяопин и партийная номенклатура стремились извлечь личную выгоду из экономических реформ и не допустить политических реформ. Их цель при этом состояла в том, чтобы и сохранить в руках монополию на политическую власть, и распределить между собой экономическую власть в стране в условиях рынка.

У меня есть сильное ощущение, что в Китае при реформировании экономической системы принцип (действий) сверху-вниз и постепенное осуществление (этого процесса) работают, но в том, что касается политической системы, ситуация намного труднее.

Опыт осуществления реформ в Китае привел Чжао Цзыяна к выводу о том, что в КНР оказалось возможным осуществлять экономические реформы при соблюдении двух принципов тактики этих действий.

Во-первых, инициировать и проводить политику реформ сверху, усилиями, прежде всего, центрального руководства КПК и КНР.

Во-вторых, продвигаться шаг за шагом, постепенно, не делая следующего шага, пока не утвердишься на позициях, занятых при предыдущем шаге.

Конечно, как об этом уже упоминалось, реформам способствовало возрождение фактических собственников своих земельных наделов в деревне, то есть тот факт, что класс этих собственников, находясь в состоянии политического анабиоза, пережил Мао Цзэдуна, а также быстрое осознание номенклатурой того, что экономические реформы дают ей шанс самим или через родственников, доверенных лиц стать фактическими собственниками крупных и средних по размеру «кусков» бывшей государственной собственности. Иными словами, экономические реформы создали возможность для чиновничества, кадровых работников партии, превращаться, так или иначе, в разных формах, в класс новых частных собственников.

Чжао Цзыян убедился в том, что осуществлять, или даже просто пытаться начинать осуществлять, политические реформы в КНР гораздо труднее, если не сказать, почти невозможно, при существующем положении в партии, при отношении к этим реформам и «старейшин» или хозяев партии, как в центре, так и на местах, и большей части партийной номенклатуры. Здесь их эгоизм, собственнический инстинкт берет верх.

В итоге, экономические реформы в КНР оказалось возможным начать и осуществлять в рамках соблюдения материальных интересов класса новых собственников или капиталистов, который фактически складывается из самих представителей номенклатуры или их родственников, доверенных лиц.

На пути политических реформ встал заслон из все той же партийной номенклатуры.

Однако я также ощущаю, что если политическая система не будет реформирована, тогда и экономические реформы столкнутся с трудностями, и эти трудности будут продолжать углубляться. Например, критерии (стандарты) при продвижении кадров не изменялись. И даже хотя в Китае реформы осуществлялись уже 10 лет, мы никогда не пытались решить такую проблему, как соответствие императиву, требующему выдвигать тех, кто поддерживает реформы, на ответственные посты различных уровней руководства. Поэтому реформы и не могли противостоять никакому раскачиванию лодки.

Чжао Цзяян пришел также к выводу о том, что без проведения политических реформ экономические реформы не только будут продолжать сталкиваться с трудностями, но эти трудности будут увеличиваться.

В КНР в 1980-х гг. удалось осуществить успешные экономические реформы. В то же время Чжао Цзяяну не удалось добиться того, чтобы партия приняла принцип, в соответствии с которым на руководящие посты необходимо выдвигать тех людей, которые поддерживают реформы.

Таким образом, за 10 первых лет реформ внутри партии не удалось создать слой новых людей, тех людей, которые были бы выдвинуты на руководящие посты благодаря тому, что они доказали свою приверженность реформам.

Это означало, что партийная номенклатура сначала была вынуждена согласиться на начало экономических реформ, затем поняла, что у нее есть возможность извлекать для себя лично выгоду из этих реформ. Отсюда нежелание существовавшей номенклатуры допускать в свои ряды новых людей «со стороны», по принципу их талантливости в деле способствования осуществлению экономических реформ.

В то же время партия, в своем большинстве, осталась ограничителем или тормозом на пути экономических реформ.

Поэтому и Дэн Сяопину удалось затормозить и временно остановить реформы при выгодной для него ситуации в 1989 году.

Некоторые руководители на местах прагматически относились к реформам; они делали то, что было выгодно для них и сопротивлялись тому, что могло ущемлять их интересы. Они распространяли то, что работало к их выгоде, и они ограничивали масштабы того, что работало против их интересов.

Чжао Цзяян отметил, что партийные руководители в провинциях и в уездах в ходе реформ принимали и делали лишь то, что было в их личных интересах. Они не допускали осуществления тех изменений, которые могли ущемить их интересы. Это было распространенное в масштабах

всей страны явление. Оно ограничивало реформы и формировало соответствующий характер реформ, делая их односторонними и ущербными.

Реформы в 1980-х гг. были успешными, но могли бы принести гораздо большую пользу людям в Китае, если бы не позиция партийной номенклатуры.

Собственно говоря, здесь Чжао Цзыян размышляет о том, в чем состоят особенности осуществления экономических реформ при том положении, что власть продолжает оставаться в руках номенклатуры, при той ситуации, что в КНР сохранялась политическая система, навязанная Мао Цзэдуном.

Кроме того, существовала также и проблема коррупции (разложения). В 1988 г. во время Праздника Весны я находился в провинции Гуандун, В результате подробного ознакомления с положением, которое там сложилось, у меня возникло глубокое чувство, складывавшееся из двух частей: реформирование экономики придает жизненную силу экономике, однако это приводит также к возникновению коррупции. В то время я предложил (следующую установку): «экономика должна расцвести, но правительство (власть) должно оставаться чистым». Под «правительством» в данном случае я имел в виду тех кадровых работников (КПК), которые находились у власти. Впоследствии я во все возрастающей степени был обеспокоен тем, что «быть чистым» и представляет собой для нас главный вызов.

Чжао Цзыян отмечает и такую особенность осуществления экономических реформ в КНР, как то, что реформы придавали экономике жизненную силу, но при этом неизбежно сопровождались ростом коррупции или разложения чиновничества, партийной номенклатуры.

«Рецепт», выписанный в этой связи Чжао Цзыяном был характерен для его подхода к вопросам.

Он обычно стремился сочетать действия одновременно в нескольких направлениях.

Вот и в данном случае Чжао Цзыян предложил продолжать осуществление реформ, то есть поддерживать и развивать, углублять процесс насыщения экономики жизненной силой, продолжать добиваться расцвета экономики.

Не ослабляя усилий в этом направлении, Чжао Цзыян предложил одновременно вести бескомпромиссную борьбу за то, чтобы чиновники оставались «чистыми», то есть борьбу против воровства, взяточничества, коррупции партийного чиновничества. Это Чжао Цзыян называл борьбой за «чистое правительство» или за «чистую (от разложения) власть».

Таким образом, Чжао Цзыян стремился сохранять массовую поддержку политики экономических реформ, и одновременно поднять на борьбу против нечестных разложившихся коррупционеров-чиновников партийного и государственного аппарата людей и в партии, и в обществе.

Эта борьба, при том условии, что ее поддержала бы КПК в целом, могла стать борьбой Чжао Цзыяна и народа, сторонников реформ, против разложившейся части партийной номенклатуры. К несчастью, этого не случилось.

Во время переходного периода от старой к новой экономической системе коррупция без контроля растет в форме обмена власти на деньги, получения прибыли официальными лицами, монополии на бизнес со стороны официальных лиц и взяток. Ключ к решению проблемы этих видов коррупции состоял в прозрачности и демократическом контроле, включая испытующий взгляд прессы и общественного мнения, а также независимого правосудия.

Чжао Цзыян столкнулся в своей практической деятельности с новыми проблемами. При этом он практически вел борьбу почти в одиночестве. В лучшем случае, в условиях, когда сопротивление «хозяев» партии, а также номенклатуры, противившихся реформам и борьбе с коррупцией, становилось менее активным.

Чжао Цзыяну было ясно, что во время переходного периода от старой к новой экономической системе, то есть во время перехода от плановой экономики времен правления Мао Цзэдуна к рыночной экономике, необходим самый жесткий контроль над властями, над чиновниками, над номенклатурой. Если такой контроль отсутствует, коррупция растет.

В это время коррупция принимает разные формы: (1) обмен власти на деньги; (2) спекуляции официальными лицами; (3) монополия на бизнес со стороны официальных лиц; (4) взятки.

Итак, при проведении экономических реформ в КНР среди китайского чиновничества фактически повсеместно распространилось такое явление, которое в Китае называют «маркетизацией власти» или обменом власти на деньги. Это означает, что власть, право что-то разрешать, чиновники превращают в «товар». Они продают этот «товар», то есть берут взятки, получают деньги, а те, кто покупают этот «товар», то есть дают взятки, извлекают прибыль из полученных привилегий.

Чиновники занимаются разного рода спекуляциями.

Чиновники пользуются своей монополией на решение вопросов в той или иной отрасли экономики. Продают соответствующие разрешения за деньги.

Наконец, чиновники просто берут взятки.

Чжао Цзыян предлагал бороться с этими явлениями, соединяя усилия всех сторон: самой партии, ее руководящих органов, действий всех членов партии, добиваясь прозрачности всей рыночной экономической деятельности и всей деятельности чиновников при их связях с рынком, контроля над разложением чиновничества со стороны прессы, общественно-го мнения и правосудия.

Одним словом, Чжао Цзыян призывал к всекитайской кампании борьбы, установления постоянного контроля над действиями чиновничества.

На осуществление этих предложений было мало шансов при существующем положении внутри самой правящей партии. Номенклатура не желала контролировать саму себя.

Иными словами, все это входило в вопрос о политических реформах. Без независимого правосудия суды не могли слушать дела объективно, прокурор не мог применять свою власть независимо, и даже те законы, которые уже существовали, не могли исполняться. Это затрагивало вопрос о взаимоотношениях правосудия и партии. (С. 265) Я был глубоко уверен, что политическая система нуждается в соответствующем реформировании; конечно же, не путем полного копирования Запада, однако скорее таким образом, чтобы это соответствовало положению в Китае: постепенное добавление демократии и сдержек и противовесов в систему, с помощью которой партия управляла делами. (С. 265–266) Власть никоим образом не могла быть монополизирована и она нуждалась в контроле.

Чжао Цзыян предлагал добиться независимого правосудия.

Этого требовали интересы народа. Этого требовало углубление экономических реформ.

Но это входило в противоречие с интересами партийной номенклатуры.

Дело было в том, что в КНР со времен правления Мао Цзэдуна существует система, при которой и суд, и прокуратура, и законы «подчиняются» партии, то есть партийной номенклатуре, как в центре, так и на местах.

В КНР суд, прокуратура действуют по указанию «первого лица» в партийной иерархии на том или ином уровне. Законы толкуются в соответствии с указаниями того же «первого лица».

Партийная номенклатура не желает расставаться с властью над судом, прокуратурой и законами.

Чжао Цзыян предлагал не копировать систему, существующую в других государствах, на Западе, а лишь постепенно добавлять сдержки и противовесы в систему, существующую в Китае. Иными словами, и в данном случае он исходил из того, что продвигаться в этой области необходимо, но делать это следует шаг за шагом.

Чжао Цзыян был убежден в том, что политическая система, которую Китаю навязал Мао Цзэдун, страдала таким пороком как монополия на власть.

Чжао Цзыян был против монополии на власть.

Он полагал, что власть, вся система политической власти в КНР, должна находиться под контролем со стороны народа, общества, общественного мнения, прессы, правосудия. При этом правосудия, освобожденного от подчинения партийному чиновничеству, партийным органам власти.

Взгляды Чжао Цзыяна отвечали интересам народа Китая. В случае их осуществления они способствовали бы углублению реформ. Но они входили в противоречие не только с системой, навязанной Мао Цзэдуном, но и с феодальными традициями и с интересами партийной номенклатуры. Таким образом, и в этом случае добиться прогресса было практически невозможно.

Почти никто из старейшин партии не поддержали реформы такого рода. Реальное положение вещей было таково, что политические реформы оказались в тупике. А это создавало проблему. С одной стороны, был народ, который выражал все более мощные требования демократии, и ускорения политических реформ; с другой стороны, после XIII съезда партии не было предпринято ничего в области политических реформ. Существовал широкий разрыв между требованиями народа, особенно требованиями интеллектуалов, и намерениями партии.

Чжао Цзыян констатирует, что почти никто из «старейшин», или «хозяев» партии, не поддержал реформы.

Это означало, что тот высший слой партийной номенклатуры, который был отстранен Мао Цзэдуном во время «культурной революции» от активной деятельности, «отведен на запасный путь», пережил Мао Цзэдуна, вернулся на свое место «хозяев» партии, оказался пропитан «идеями» и установками Мао Цзэдуна, оказался настолько заинтересован материально и политически в политической системе, созданной и навязанной Мао Цзэдуном, что «стоял насмерть», сопротивляясь каким бы то ни было изменениям или реформам политической системы.

Чжао Цзыян вошел в непримиримое противоречие с этим руководящим слоем партийной номенклатуры.

Чжао Цзыян был убежден в необходимости политических реформ. Он даже добился утверждения их проведения на съезде партии.

После съезда оказалось, что партия продолжала жить «по понятиям» Мао Цзэдуна. Поэтому политические реформы оказались в тупике.

Чжао Цзыян видел, что это создавало проблемы.

С одной стороны, был народ, который все более настойчиво требовал демократии и ускорения реформ. Чжао Цзыян был на стороне народа, выражал его интересы. С другой стороны, была партийная номенклатура, то есть партия, которая была настроена не допускать реформы. Дэн Сяопин был на стороне номенклатуры, выражал ее интересы.

Возникало противостояние номенклатуры, даже партии, и народа.

Поэтому Чжао Цзыян и отмечал, что назревал широкий разрыв между требованиями народа, особенно требованиями интеллектуалов, и намерениями партии.

Чжао Цзыян сделал свой выбор. Он был на стороне народа, в том числе и интеллектуалов, которые требовали демократии, потому что без демократии было невозможно осуществление необходимых народу реформ.

В силу того, что политическая обстановка была все еще относительно смягченной (свободной), люди высказывались смело – не так, как после 4 июня (1989 года), когда политическая обстановка стала в высшей степени репрессивной. Контраст между реалиями и требованиями общественности только интенсифицировал желание демократии, причем до такой степени, что были выражены экстремальные идеи, и были предприняты действия, которые сделали конфликт еще более серьезным. Были внесены предложения о том, чтобы была введена западная парламентская система. Студент по имени Чэнь Цзюнь, который учился в США, вернулся в Китай с тем, чтобы организовать хорошо известных интеллектуалов на выдвижение требования выпустить из тюрьмы (известного диссидента) Вэй Цзиншэна. В США был развернут сбор подписей под открытым письмом Дэн Сяопину с требованием выпустить Вэй Цзиншэна. Похожее происходило в Сянгане. В 1989 году во время сессии ВСНП делегация Сянгана потребовала прав человека и освобождения Вэй Цзиншэна. Такого рода активность наблюдалась во многих университетах. Появлялись разного рода клубы и форумы, где выражались экстремальные требования. Некоторые интеллектуалы, у которых были экстремальные взгляды, направлялись в университеты и колледжи, чтобы выступать там с речами, выражая свое неудовлетворение. (Диссидент-астрофизик) Фан Личжи, находившийся за границей, атаковал персонально и прямо по имени Дэн Сяопина.

Чжао Цзыян не занимался политическими интригами, не занимался закулисной деятельностью. Он также не был связан с интеллектуалами, тем более не руководил их деятельностью. В то же время он стремился делать все возможное внутри партии с целью способствовать и демократии, и реформам.

Чжао Цзыян отмечал, что с конца 1987 г., то есть со съезда партии, и до событий 4 июня 1989 г., обстановка в стране давала возможность выражать демократические взгляды, а после упомянутых событий обстановка стала, по выражению Чжао Цзыяна, «в высшей степени репрессивной».

Это означало, что Дэн Сяопин уподобился Мао Цзэдуну, жестоко подавляя людей демократических взглядов в стране.

Перед событиями 4 июня 1989 г. существовал контраст между реалиями, то есть нежеланием партии начинать политические реформы, и требованиями общественности.

Естественно, что в этой обстановке появлялись и слишком резкие, с точки зрения Чжао Цзыяна, требования. Предлагали ввести парламентскую систему, требовали освободить из тюрьмы известного инакомыслящего Вэй Цзиншэна. Дело дошло до того, что прямо и поименно критиковали Дэн Сяопина.

Все это давало возможность оправдывать свою позицию тем, кто был в оппозиции к реформам под флагом выступления против либерализации. Они использовали эти обстоятельства, чтобы провоцировать старейшин партии и добиваться того, чтобы озабоченность ситуацией с их стороны и со стороны Дэна еще более возрастала, а также убеждать их в том, что в политической сфере нельзя допускать даже малейших следов смягчения (свободы).

Чжао Цзыян в ряде случаев стремился так описывать ситуацию, чтобы давать возможность, прежде всего, Дэн Сяопину, да и другим «старейшинам», «сохранять лицо».

Чжао Цзыян рисовал положение такими красками, как будто бы они просто подвергались сильному давлению со стороны неких сил внутри партии, находившихся в оппозиции к реформам, и, против своей воли, понимая реальное положение вещей, были вынуждены поддерживать силы оппозиции реформам.

Чжао Цзыян применял этот прием с тем, чтобы возлагать вину за сопротивление реформам на чиновников, находившихся не на верхнем этаже в иерархии, то есть на чиновников, которые рвались к власти.

Чжао Цзыян до последней возможности оставлял Дэн Сяопину и другим «старейшинам» возможность встать на сторону реформ и демократии. Он подчеркивал недопустимость прямых и поименных нападок на Дэн Сяопина.

Эта сложная ситуация возникла после 1988 года, в ситуации большего расслабления, которая последовала за XIII съездом партии. Напряженность усилилась между некоторыми интеллектуалами и партией. Политический сдвиг (переворот, смещение пластов), который произошел в 1989 г., не был целиком и полностью случайным. Разве Дэн Сяопин не заявил, что его причиной явились международный климат в целом и климат у нас в стране? Я думаю, что если бы это был (только) климат у нас в стране, это были те условия, о которых я уже описал выше. (С. 266) Некоторые люди были не довольны ростом цен. Но в еще большей степени их недовольство, особенно недовольство интеллектуалов и молодежи, было вызвано тупиком в области экономических реформ и восстановлением прежних методов. (С. 266–267)

Чжао Цзыян считал, что в ситуации, которая возникла после XIII съезда КПК, были неизбежны события, вызывавшиеся противоречиями, о которых он говорил. При этом Чжао Цзыян отмечал, что люди были недовольны тупиком в области экономических реформ и восстановлением методов, к которым прибегали в области экономики при правлении Мао Цзэдуна.

У них были сомнения относительно будущего экономических реформ, тем временем политические реформы находились «в состоянии безмолвия»,

и тут не было никакого прогресса. Люди с ненавистью относились к коррупции, и они считали, что без политических реформ, то есть без установления контроля над правлением Коммунистической партии, проблема коррупции не может быть решена. В самой своей основе дух студенческих демонстраций представлял собой требование углубления реформ и оппозицию консервативным силам. Самым убедительным доказательством этого был тот факт, что даже в ситуации, когда в сфере внимания общественности доминировала инфляция, студенты самым внимательным образом обходили этот деликатный (острый) вопрос, исходя из того, что это повело бы только к оппозиции реформам. Их первичная мотивация состояла в том, чтобы способствовать реформам, встать в оппозицию не демократическим методам и официальным спекуляциям.

Чжао Цзыян видел причину возникновения демонстраций 1989 г. в том, что люди протестовали против «двух тупиков». Тупика в экономических реформах. Тупика в политических реформах.

Начиная с 1980-х гг. и вплоть до настоящего времени люди в Китае с ненавистью относятся к разложению чиновничества. При этом осознанно или неосознанно, но в китайском обществе стало всеобщим убеждение в том, что без контроля над деятельностью КПК невозможно решить проблему коррупции.

Таким образом, Мао Цзэдун умер, а сформировавшаяся при нем и по его указаниям система продолжала существовать. Это была система, при которой партия не находилась под контролем народа,

Вот в чем главный порок политической системы и политической партии Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина. Существование этой политической системы и вызывало появление коррупции.

Номенклатура партии Мао Цзэдуна была пропитана эгоизмом и стяжательством. Именно эгоизм и стяжательство неизбежно порождались системой монополии на власть, бесконтрольностью власти, деятельностью по принципу: власть – да, ответственность – нет.

Как только появился рынок, как только возникли условия для личного обогащения, номенклатура стала использовать свое положение у власти в интересах личного обогащения, менять власть на деньги, превращать власть в товар, добиваться наряду с политической властью и власти собственников, богатых людей, которые разобрали по частям государственное достояние.

В КНР это произошло и происходит при продолжении пребывания у власти Коммунистической партии Китая. В этой ситуации меняется и сам характер политической власти в КНР. Эта власть оказывается во все большей степени оторвана от народа.

Плановая экономика там заменяется рыночной, а партия власти вписывается в рыночную экономику, становясь обладателем политической

власти, и обладателем собственности. Причем всем этим владеют лично, персонально и в частном порядке члены номенклатуры.

Таким образом, в современной КПК политическая власть и рыночная собственность становятся частной собственностью номенклатуры КПК, партийного чиновничества.

Именно этим были вызваны массовые, прежде всего, студенческие, демонстрации в 1989 г.

Люди выступали за установление контроля со стороны народа над правящей партией, за политические реформы, против не демократических методов и спекуляций представителей власти, которые, все, были членами КПК.

Народ против разложившейся партии – вот в чем была суть выступлений 1989 г. И здесь Чжао Цзыян в конечном счете был на стороне народа, а Дэн Сяопин на стороне разложившейся партийной номенклатуры.

(Старейшина партии) Ли Сяньнянь проявлял очень большую активность в ходе кампании за то, чтобы «Свергнуть Чжао»; и в качестве того, кто находился на передовой линии этой кампании, и за сценой (за кулисами).

В октябре 1988 г. на 3-м пленуме ЦК КПК 13-го созыва существовали планы одобрить публичное объявление о реорганизации вплоть до того времени, пока (старейшина партии) Ван Чжэнь вдруг начал атаку на «Плач по реке» и потребовал, чтобы Центральный Комитет выступил с официальной критикой этого сериала. Мне удалось отделаться от него (осадить его).

После этого инцидента Е Сюаньнин (сын маршала Е Цзяньина) сказал мне, что Ван Чжэнь горячо (гневно) осуждал Бао Туна (помощника Чжао Цзыяна) в его присутствии, утверждая, что Бао Тун был тем негодяем (подлецом), который поддерживал производство сериала «Плач по Реке», – это голословное утверждение, которое Ван Чжэнь слышал от Ли Сяньняня.

Фактически все это было полной выдумкой. Бао Тун не имел никакой связи с сериалом «Плач по Реке», и он даже никогда не говорил со мной о нем.

Было еще многое такое, о чем Ван Чжэнь не сказал. Когда Ли Сяньнянь называл имя «Бао Тун», он фактически имел в виду меня. Подразумеваемая, что это я поддерживал создание телесериала «Плач по Реке». Вполне возможно, что Ван Чжэнь и сам был недоволен «Плачем по Реке», и Ли Сяньнянь воспользовался возможностью, связать меня с «Плачем по Реке», чтобы спровоцировать Ван Чжэня с тем, чтобы тот излил свой гнев на меня (против меня). Для того чтобы спровоцировать неудовлетворение мной у некоторых старых товарищей Ли Сяньнянь стремился зайти так далеко, что фабриковал слухи. (С. 267)

Чжао Цзыян считает, что внутри партии была организована кампания под лозунгом: «Свергнуть Чжао (Цзыяна)». Главным вдохновителем этой кампании был Ли Сяньнянь. Активную роль при этом играл Ван Чжэнь. Атака против Чжао Цзыяна была начата с критики телевизионного сериала под названием «Плач по Реке».

Многосерийный публицистический телевизионный фильм «Плач по Реке (ХЭ ШАН)» был показан по телевидению в КНР в 1988 году. В этом фильме подвергалась критике традиционная изоляция Китая и одобрялась открытость других стран, открытость Запада.

Ли Сяньнянь распространял слухи о том, что Чжао Цзыян и его помощник по вопросам политической реформы Бао Тун были якобы причастны к созданию этого фильма и к его пропаганде. Чжао Цзыян заявляет, что все эти слухи не имеют под собой никаких оснований.

После 4 июня (1989 года) они опубликовали критические статьи против меня в газетах; при этом «Плач по Реке» был главной темой. (С. 267–268) Многие обвинения были полной выдумкой, например, заявление о том, что я поддерживал производство «Плача по Реке», приказал изготовить столько-то копий для видеомagnитофонов, чтобы распространить его по всей стране, подавлял критику этого фильма. Здесь не было ни слова правды. (С. 268)

При правлении Дэн Сяопина для борьбы против Чжао Цзыяна использовались слухи, необоснованные обвинения. В частности, в том, что Чжао Цзыян поддерживал производство сериала «Плач по реке», приказывал изготовить много его копий, распространять их по стране, не допускать критики сериала. Все это Чжао Цзыян обоснованно называет выдумкой.

Такое поведение характеризует и Дэн Сяопина, и Ли Сяньняня и всех противников Чжао Цзыяна. Они действовали в опоре на ложь.

БУДУЩЕЕ КИТАЯ

Чжао Цзыян излагает свое видение будущего Китая.

После того, как я ушел с поста в 1989 году, и вслед за теми изменениями, которые произошли и дома, и за рубежом, у меня началось развиваться новое понимание политических реформ в Китае.

Когда-то я верил в то, что люди – это хозяева своей судьбы не в парламентских демократиях развитых наций на Западе, но только в Советском Союзе и при (политических) системах социалистических наций (в социалистических странах) с собраниями народа (советским общественно-политическим строем; системой советов сверху донизу в стране), потому что они превращают свои упомянутые системы в более продвинутые и лучше осуществленные формы демократии. Фактически дело обстоит не так. Демократические системы в наших социалистических нациях все являются всего лишь декоративными (внешними, поверхностными и неглубокими); это не те системы, где народы находятся у власти, но скорее это те системы, где правят немногие или даже одна персона.

Чжао Цзыян с юных лет стал членом КПК. Много десятилетий, вплоть до своей смерти, он оставался в ее рядах. Чжао Цзыян прошел все ступени в партийной иерархии, от руководителя уездного масштаба до генерального секретаря ЦК КПК. Ему довелось познать на своем опыте и то, как партия шла к власти, и как она эволюционировала, находясь у власти. Он пережил времена Мао Цзэдуна. Ему удалось многое сделать для перехода от плановой экономики к рыночной экономике. Он прилагал усилия для того, чтобы начать реформу политической системы. Чжао Цзыян в знак несогласия с решением Дэн Сяопина применить вооруженные силы для подавления мирных демонстраций собственного народа ушел с поста генерального секретаря ЦК КПК. Последние 16 лет своей жизни Чжао Цзыян провел фактически под домашним арестом. Именно в эти годы, учитывая весь свой опыт, Чжао Цзыян пришел к выводам относительно будущего Китая.

Первый вывод Чжао Цзыяна состоит в том, что в КНР, в других государствах, которые называют себя социалистическими, то, что там именуется демократическими системами, системами политической власти, общественно-политическим строем, является лишь декоративным. На самом деле в таких странах у власти находится либо «одна персона», либо «немногие».

Из всех различных политических систем, которые существовали в мире на протяжении двадцатого столетия, были уничтожены абсолютные монархии и фашистские диктатуры в Германии и Италии. Существовали военные диктатуры, но период их существования оказывался коротким или они теряли поддержку. И даже хотя они зачастую появлялись в неразвитых нациях, – например, военное правление в нациях Южной Америки, – они все становились кратковременными эпизодами в ходе постепенного марша этих наций к парламентской политике. (С. 269) На протяжении нескольких десятилетий в XX веке так называемая «новая демократическая система» (то есть то, что в КПК именовалось СИНЬ МИНЬЧЖУ ЧЖУИ – новый демократизм, и за что выступал в свое время Лю Шаоци)», диктатура пролетариата соревновалась с западной парламентской системой. (С. 269–270) Однако в подавляющем большинстве таких наций они с тех пор сошли с исторической сцены.

Еще один вывод Чжао Цзыяна состоит в том, что абсолютные монархии, фашистские диктатуры, военные диктатуры и то, что именуется «диктатурой пролетариата» в подавляющем большинстве стран сошли с исторической сцены, не выдержав соревнования с парламентской системой, утвердившейся на Западе.

Фактически, именно западная парламентская демократическая система продемонстрировала наибольшую жизнеспособность (жизненность). Эта система в настоящее время является наилучшей из имеющихся. Она в состоянии прокламировать дух демократии и удовлетворять (встречать) требованиям современного общества, и это относительно зрелая система.

Чжао Цзыян считает наилучшей из имеющихся систем западную парламентскую демократическую систему.

Конечно, эта система не идеальна. Она несет в себе много проблем. И все же именно эта система наилучшим образом соответствует современной цивилизации; она более всего приспособлена к поворотам в общественном мнении и обладает наибольшими возможностями при реализации демократии. Более того, она более стабильна. Жизнеспособность (жизненность) этой системы явно возрастает. Почти все развитые нации приняли парламентскую демократию.

На протяжении нескольких последних десятилетий новые возникшие нации, которые развиваются быстрыми темпами, с еще большей ясностью проиллюстрировали тенденцию к приходу к демократической парламентской системе. Я уверен в том, что это не случайно. Почему ни одна развитая нация не практикует иную систему? Это показывает, что если страна стремится к модернизации, к созданию модернизированной рыночной экономики, она должна практиковать парламентскую демократию в качестве своей политической системы.

Конечно, возможно, что в будущем будут возникать еще более прогрессивные (продвинутые) политические системы, чем парламентская демократия. Но это дело будущего. В настоящее время других нет.

По мнению Чжао Цзыяна, именно парламентская демократия наилучшим образом отвечает потребностям как развитых, так и развивающихся государств.

Основываясь на сказанном, мы можем сказать, что если страна стремится модернизироваться, она не только должна ввести у себя рыночную экономику, она также должна принять парламентскую демократию в качестве своей политической системы. В противном случае нация не будет в состоянии обладать такой рыночной экономикой, которая является здоровой и современной; она не сможет стать современным обществом, в котором правит закон. Вместо этого она свернется в ситуацию, которая присуща так многим развивающимся странам, включая Китай: коммерциализация власти, безудержная коррупция, общество, разделенное на два полюса – богатые и бедные.

Чжао Цзыян указывает на то, что переход в КНР к рыночной экономике при отсутствии парламентской демократической системы привел к коммерциализации власти, то есть к ситуации, при которой политическая власть стала товаром на рынке, к безудержной коррупции, к разделению общества на два полюса – богатые и бедные.

Мне думается, что в связи с этим можно сказать, что реализация лозунга или установки Дэн Сяопина: «Обогащайтесь наперегонки» имела своим результатом именно то, о чем говорит Чжао Цзыян.

Однако здесь нужно заметить, что парламентарная демократия существует, прежде всего, в развитых нациях и в растущих нациях. Некоторые из развивающихся стран практиковали парламентарную политику на ранней стадии, однако не смогли в полной мере реализовать ее потенциал; при этом развивались проблемы: у правительства (у властей) возникли затруднения при использовании своего властного ресурса; общество не было в достаточной степени стабильно; совершались военные перевороты, оправданием которых служили эти проблемы. Это также показывает, что парламентская демократия, которая является модернизированной, прогрессивной (продвинутой), цивилизованной и зрелой должна обладать определенными необходимыми условиями, и вовсе не каждая нация сможет воспринять ее и пользоваться ею.

Принимая во внимание те условия, которые в настоящее время существуют в Китае, мы должны констатировать, что конечная цель реформ состоит в том, чтобы осуществить эту прогрессивную (продвинутую) политическую систему. (С. 270) И если мы не будем продвигаться вперед к этой цели, тогда окажется невозможным разрешить вопрос о ненормаль-

ных условиях для рыночной экономики Китая, то есть такие вопросы, как нездоровый рынок, извлечение прибыли (выгоды) из положения у власти, безудержная социальная коррупция и расширяющийся разрыв между богатыми и бедными. (С. 271) И никогда не материализуется правление закона. Для того чтобы разрешить эти проблемы, мы должны в определенные сроки осуществлять политические реформы, что и представляет собой нашу цель.

Чжао Цзыян учитывает то, что в странах, которые вступают на путь построения парламентской демократии, могут возникать проблемы, которые вызываются затруднениями у властей при использовании своего властного ресурса и нестабильностью в обществе.

По мнению Чжао Цзыяна, в Китае необходимо поставить перед собой цель создания парламентской демократии, то есть создания прогрессивной политической системы.

Если такая цель не будет поставлена, если к ней не будут продвигаться, тогда в Китае окажется невозможным разрешить вопрос о ненормальных условиях для рыночной экономики Китая, а рыночная экономика Китая сегодня существует именно в таких ненормальных условиях:

- нездоровый рынок;
- извлечение выгоды чиновниками из своего положения у власти;
- безудержная коррупция в обществе в целом;
- расширяющийся разрыв между богатыми и бедными.

Кроме того, в этих условиях в Китае никогда не материализуется правление закона.

Для того чтобы разрешить эти проблемы, по мнению Чжао Цзыяна, необходимо в определенные сроки осуществить политические реформы, то есть необходимо достижение той цели, которую в современном Китае необходимо непременно перед собой поставить.

С другой стороны, принимая во внимание реалии Китая, нам необходимо относительно длительный период перехода. Опыт других наций Азии достоин нашего внимания в этом отношении. Например, такие территории и нации, как Тайвань и Южная Корея, постепенно совершили переход от своих прежних (старых) систем к парламентской системе, и у них имеется позитивный опыт, который может принести нам пользу в случае его изучения.

Чжао Цзыян был не просто современным человеком. Он обладал способностью прозорливо видеть будущее, широко и глубоко оценивать то, что происходило в мире.

Попутно можно отметить, что Чжао Цзыян не уподоблялся тем, кто обращался к заклинаниям типа «СЯО КАН – малое благосостояние или безбедное существование», или к догмам, извлеченным из марксизма и

«идей» Мао Цзэдуна. Здесь возникает необходимость глубоко задуматься над вопросом о том, как и почему Дэн Сяопин обратился к заклинанию «СЯО КАН», и в каком соотношении находится марксистское мировоззрение Дэн Сяопина и это заклинание.

Чжао Цзыян был убежденным сторонником Госпожи Науки и Госпожи Демократии, которые, как отмечал в свое время Ху Яобан, пришли в Китай «раньше марксизма».

Думается, что здесь можно добавить: что Китай и китайцы, прежде всего, нуждаются в Науке и Демократии. В писаниях древних мудрецов можно найти и что-то полезное, в то же время в принципе не допуская воздействия на Китай принципа самовластия, который приняли Мао Цзэдун и Дэн Сяопин.

Чжао Цзыян предлагал учиться на опыте Тайваня и Южной Кореи, которые пришли к парламентской системе только постепенно в процессе длительного перехода к этой системе.

Здесь видны два принципа, которыми руководствовался Чжао Цзыян: он не боялся говорить о положительном опыте Тайваня или Южной Кореи, любых стран;

он всегда выступал за движение шаг за шагом, не торопясь, за постепенное продвижение, но продвижение к цели, которую должно поставить и к которой обязательно необходимо двигаться.

В Китае в интересах плавного перехода, по крайней мере, на некоторое время мы должны сохранять положение Коммунистической партии, как партии, находящейся у власти, и при этом изменять то, каким образом партия осуществляет управление страной. Это может быть правильным подходом.

Чжао Цзыян, очевидно основываясь на своем опыте, полагал возможным эволюционное продвижение Китая к упомянутой политической системе.

Это означает, что он видел возможность трансформации политической системы в условиях, когда Коммунистическая партия Китая будет на протяжении некоторого времени оставаться у власти в Китае.

Чжао Цзыян настойчиво советует применять такой прием, как сохранение неизменности официального положения КПК у власти, с последовательными изменениями тех методов, которыми партия управляет страной.

Очевидно, что, с точки зрения Чжао Цзыяна, незаметно и постепенно, плавно изменяя метод за методом, можно в конечном счете осуществить политические реформы, ввести контроль над партией со стороны народа, добиться создания в Китае парламентской демократической системы.

Это будет хорошим стартовым пунктом: во-первых, потому, что это поможет сохранить стабильность в обществе и создать хорошую среду для экономического, социального и культурного развития; и, во-вторых, это облегчит плавный переход к более зрелой, цивилизованной и демократической политической системе по мере изменения экономических, социальных и культурных условий. Другими словами, мы не должны торопиться копировать (новую политическую систему) целиком и сразу. Однако мы должны идти к этой цели, и ни в коем случае не должны двигаться в противоположном направлении. Мы должны воздерживаться от тех ошибочных действий, которые не облегчают, а даже подрывают достижение этой цели.

Чжао Цзыян полагал, что предложенный им метод «плавного перехода» помогает сохранять стабильность в обществе. А это будет создавать благоприятную среду для экономического, социального и культурного развития.

Возможно, что именно это и побуждало Дэн Сяопина и прочих активно действовать с целью устранить Чжао Цзыяна от власти и не допустить воплощения его предложений в жизнь.

Дэн Сяопин и прочие не хотели, чтобы политические реформы осуществлялись как бы «исподволь», как бы незаметно, шагком за шагом, не нарушая стабильности, а наоборот укрепляя ее, а также не разрушая среду, в которой развивались экономика, общество, культура, а наоборот, содействуя этому развитию.

Против методов Чжао Цзыяна у Дэн Сяопина и прочих не было разумных доводов. Они не имели оснований для обвинения Чжао Цзыяна в том, что его политика, дескать, разрушает стабильность в стране.

Таким образом, Чжао Цзыян своей постановкой вопроса выбивал козыри из рук Дэн Сяопина. Дэн Сяопину и прочим оставалось лишь добиваться отстранения Чжао Цзыяна от поста генерального секретаря ЦК КПК путем интриг, незаконными методами.

Чжао Цзыян предлагал осуществлять переход к демократической системе, именно сначала создавая для этого соответствующие экономические, социальные и культурные условия.

Наконец, Чжао Цзыян предлагал не торопиться и не менять «все сразу». В то же время он выступал против всего того, что было ошибочными действиями, побуждавшими двигаться в противоположном направлении.

Это означало, что Чжао Цзыян твердо возражал против попыток затормозить политические реформы и, тем более, не допустить осуществления политических реформ. А это связывало руки Дэн Сяопину и другим «старейшинам» партии в их стремлении удержать монополию на власть в своих руках.

Насколько долгим будет этот переход должно определяться общественным развитием. Здесь критический момент в том, что руководство Коммунистической партии должно твердо придерживаться веры в это. Тогда оно сможет должным образом (мастерски) реагировать на возникающие обстоятельства по мере их появления, и постепенно, шаг за шагом действовать в соответствии с правильно расставленными приоритетами.

Фактически Чжао Цзыян предлагал руководителям КПК, кадровым работникам партии, путь, при котором и они сохраняли бы власть в своих руках, и в то же время, постепенно происходила мирная эволюция в направлении трансформации политической системы.

Сосуществование пребывания у власти в стране Коммунистической партии и перехода к демократической политической системе – вот что предлагал Чжао Цзыян.

При этом Чжао Цзыян отмечал, что длительность этого процесса будет определяться характером процесса общественного развития.

С точки зрения Чжао Цзыяна, для руководителей КПК здесь важно твердо верить и в необходимость, и в осуществимость такого перехода.

При такого рода переходе нельзя полагаться полностью на тенденции внутри самой правящей партии (на склонности внутри самой правящей партии). Общественное мнение и другие социальные силы должны давать импульс этому движению. Мы не должны пассивно ждать пока вдруг будет объявлено о создании условий экономического и культурного развития для прогресса вплоть до парламентской демократии. Этот процесс должен быть постепенным и прогрессивным.

Чжао Цзыян пришел к выводу о том, что политическая система, созданная Мао Цзэдуном и навязанная им Китаю, основывалась, по сути дела, на отделении партии от общества. На той мысли, что только партия должна обладать властью, осуществлять властные полномочия, а обществу надлежит «слушать слово партии».

Чжао Цзыян предлагал разрушить стену между партией и обществом, искусственно возведенную Мао Цзэдуном, его «идеями». Чжао Цзыян выступал за то, чтобы партия и общество представляли собой единое целое.

С точки зрения Чжао Цзыяна, все то, что касалось осуществления политических реформ, не должно было определяться одной лишь правящей партией, не должно было зависеть исключительно от того, какие настроения возобладают в партии.

Чжао Цзыян полагал, что осуществление политических реформ – это совместное дело партии и общества. Партия должна здесь прислушиваться к обществу, действовать, учитывая то, что исходит из общества.

Сами изменения в направлении создания в конечном счете парламентской демократии должны происходить постепенно, рождаться и обществом, и различными социальными силами, и партией. Это должно быть их совместное творчество. При этом все они должны исходить из того, что у них одна цель, и между ними нет враждебности, конфронтации по этим вопросам.

По мере того как будут изменяться экономические и культурные условия, должны иметь место (проводиться) постоянные реформы и улучшения в политической системе, чтобы изменения и условия влияли друг на друга и содействовали продвижению и того и другого вперед. Что же до вопроса о том, как должен осуществляться этот переход, то мы должны добиваться тех улучшений, о которых я говорил ранее, когда излагал вопрос о том, как должна управлять (править) Коммунистическая партия.

Мысль Чжао Цзыяна заключалась и в том, чтобы одновременно влияли друг на друга постоянно улучшающиеся условия экономической, социальной и культурной жизни общества, с одной стороны, и постепенно осуществляющиеся перемены, изменения, реформы политической системы, с другой стороны.

Если нашим конечным пунктом назначения является парламентская демократия, тогда правящая партия должна добиться двух прорывов. Один состоит в том, чтобы позволить другим политическим партиям и свободной прессе существовать. Это может произойти постепенно, но к этому надо стремиться. (С. 271)

Итак, Чжао Цзыян полагал, что конечным пунктом процесса осуществления политических реформ должна быть парламентская демократия. Партии, с его точки зрения, было целесообразно согласиться с этим.

Далее, Чжао Цзыян считал, что после того, как КПК примет эту конечную цель, ей следовало позволить существовать и другим политическим партиям и свободной прессе. Все это было недопустимо, с точки зрения Мао Цзедуна, Дэн Сяопина и их приверженцев и последователей.

По этим вопросам предстояла борьба внутри КПК.

Чжао Цзыян предлагал делать это постепенно, но твердо идти к этой цели.

Второй прорыв состоит в том, чтобы иметь демократию внутри партии: это означает, что партии необходимо принять демократические процедуры и использовать демократические методы для того, чтобы реформировать себя. (С. 272)

Чжао Цзыян полагал, что спасение Китая зависит от того, будут ли там осуществлены экономические и политические реформы.

Если КПК согласится с этим тезисом, тогда, по мнению Чжао Цзыяна, ей необходимо не только допустить демократию вне самой себя, то есть допустить существование равноправных с ней политических партий и свободной прессы, но и отказаться от самовластия внутри самой партии и создать демократию внутри Коммунистической партии Китая, принять демократические методы и процедуры внутри КПК.

Все это было полным переворотом сравнительно с тем, что навязал партии Мао Цзэдун, и за что выступали Дэн Сяопин и «старейшины» или «хозяева» партии, как в центре, так и на местах. Практически почти все они были против Чжао Цзыяна. Сила Чжао Цзыяна была в том, что путь спасения страны и народа, который он предлагал, был единственным в условиях своего времени путем, отвечавшим коренным интересам народа Китая, то есть и членов Коммунистической партии Китая.

В прошлом, в годы войны и в первые годы существования Республики, существовала необходимость подчеркивать централизацию и дисциплину. Однако будет невозможно совершить переход от революционной партии к правящей партии и возглавлять переход общества к системе парламентской политики (к парламентской политической системе), если партия не будет практиковать полную демократическую систему внутри самой партии. Существование законных расхождений во мнениях должно быть позволено (допустимо) внутри партии. Даже председатель Мао говорил, что меньшинство должно быть защищено внутри партии. Различию во мнениях должно быть позволено существовать, и различные фракции должны быть сделаны легальными (законными). При дебатах и конкуренции различные стороны внутри партии должны все соблюдать одни и те же правила.

Чжао Цзыян предлагал отделять период, когда партия идет к власти, ведет борьбу за захват власти, и первый период после прихода к власти и захвата власти, с одной стороны, и период мирной жизни страны в условиях, когда партия полностью держит в своих руках политическую власть внутри страны.

В ходе борьбы за захват власти и утверждения у власти Чжао Цзыян признавал необходимость подчеркивать централизацию и дисциплину.

В то же время Чжао Цзыян считал, что в стране, после прихода коммунистической партии к власти необходимо совершать переход от революционной партии к правящей партии.

По сути дела, Чжао Цзыян предлагал разделять время войны и время мира. Во времена войны, во времена революции, нужна была и партия войны, партия революции. Во времена мира нужна была партия мира, партия, управляющая страной в условиях мирного времени.

В мирные времена невозможно продолжать навязывать народу политическую власть партии, законность положения которой у власти продолжает основываться только на том, что она во времена войны, во времена

революции была партией революции, революционной партией. Во времена мира требуется каждый день, каждый час доказывать людям, что у власти находится партия, способная управлять делами страны, решать задачи мирного времени.

До сих пор в КПК и КНР идут споры по этому вопросу.

С одной стороны, особенно в период нахождения у власти Ху Цзиньтао, мултировалась мысль о необходимости обслуживания партией народа.

С другой стороны, внутри КПК очень сильны настроения в пользу сохранения политической системы, созданной для времен войны и революции.

Отсюда и политический курс Мао Цзэдуна на «подготовку войны». Может быть, с этим как-то связан и призыв Ху Цзиньтао в начале второго десятилетия XXI в. к тому, чтобы армия страны «готовилась к войне», а также призывы готовить армию, вооруженные силы к локальным войнам.

Чжао Цзыян утверждал, что КПК сможет оставаться правящей партией и возглавлять переход страны к парламентской системе только при том условии, что внутри партии будет существовать демократия, будет допустимо расхождение во мнениях, существование фракций и разного рода дебатов.

Будет ошибкой (не верно), если наша партия никогда не совершит переход от состояния, которое пригодно для времен войны к состоянию, которое более пригодно к демократическому обществу. Этот прорыв должен произойти. Конечно, тут будет вопрос о национализации вооруженных сил. Еще более важна реформа системы законов и независимое правосудие должно этому предшествовать.

Чжао Цзыян разделяет и противопоставляет, считая их неизбежными, два этапа в жизни партии: времена войны и жизнь в демократическом обществе.

Следовательно, с его точки зрения, КПК придется осознать, что времена войны закончились, что сохранять и поддерживать политическую систему, пригодную для времен войны, не только нет необходимости, но это грозит гибелью всему современному обществу.

У Китая, по мнению Чжао Цзыяна, есть только один выход: создание демократического общества.

С точки зрения Чжао Цзыяна, демократическое общество в Китае будет существовать, в частности, при выполнении двух условий.

Первое условие – это национализация вооруженных сил.

Второе условие – это создание системы законов и независимого правосудия.

В настоящее время вооруженные силы в КНР подчинены КПК. Чжао Цзыян полагает, что они не должны подчиняться правящей партии, в том числе и КПК. Это должны быть вооруженные силы всей нации Китая,

вооруженные силы государства, не находящиеся под «абсолютным руководством» КПК, как это имеет место в настоящее время.

Чжао Цзыян также считает, что в настоящее время система правосудия в КНР находится в зависимости от КПК, а точнее, суд и прокуратура в КНР решают дела по слову «первого секретаря» соответствующего партийного комитета. Чжао Цзыян полагает, что эту практику следует прекратить. Правосудие должно быть независимым от любой политической партии, в том числе и от КПК.

Наша надежда в том, что положение Коммунистической партии в качестве правящей партии будет сохранено на определенный период времени с тем, чтобы переход можно было осуществить под ее руководством, и подготовка к этому была бы проведена должным образом. Что же до вопроса о том, как долго Коммунистическая партия будет сохранять свое положение правящей партии, то это будет определяться последствиями политической открытости общества и соревнованием между Коммунистической партией и другими политическими силами. Если мы возьмем в свои руки инициативу, и будем делать это должным образом, положение Коммунистической партии в качестве правящей партии сможет сохраняться на протяжении очень длительного времени. Однако это положение правящей партии не должно поддерживаться с использованием Конституции, с помощью которой партия монополизировала свое положение. Скорее партия должна соревноваться в борьбе за это. Я считаю, что это тенденция, которая имеет место во всем мире без исключений, и мы не можем этого отрицать.

Чжао Цзыян также считает, что в Конституции государства на китайском континенте, то есть в настоящее время в Конституции КНР, не должно быть положения, согласно которому КПК является правящей партией. КПК должна добиваться положения правящей партии в конкурентной борьбе с другими политическими партиями.

Если мы будем действовать инициативно, это будет в интересах партии и народа. Любой иной подход будет вредным. Тенденция неопровержима: выживает тот, кто более других приспособится. Дело обстоит так, как говорил Сунь Ятсен: «тенденции, существующие в мире, огромны и могущественны; те, кто будут следовать им, будут процветать, а те, кто будет им противостоять (сопротивляться) погибнут».

Я верю в то, что для нас придет время самым серьезным образом иметь дело с этой проблемой. (С. 272)

Для Чжао Цзыяна главное – это не «специфика», «своеобразие» или «самобытность» китайцев и Китая, а то, что китайцы – такие же люди, как и люди в любых других странах. При этом для современных китайцев важно то, что важно для современного человечества в целом.

Думается, что, с точки зрения Чжао Цзыяна, «особость» и «отдельность», а также «превосходство», «способность к ассимиляции» Китая и китайцев, что, собственно говоря, является основой взглядов Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина и их последователей, не просто неприемлемы и неверны, но грозят тупиком и гибелью для китайцев, как нации.

Чжао Цзыян предлагает Путь Спасения Китая, Рецепты Спасения Китая от такой «болезни», как взгляды Мао Цзэдуна, его приверженцев и последователей.

В своих размышлениях Чжао Цзыян приходит к выводу о том, что китайцы – это неотъемлемая часть человечества, что мир и человечество, в определенном смысле, едины, что существуют тенденции, которые могут быть настолько густыми, что они непреодолимы для всего человечества, для любой из его частей. Поэтому и человечеству в целом, и любой его части, включая китайцев, придется приспособливаться к общечеловеческим тенденциям.

Чжао Цзыян обращается к мысли Сунь Ятсена, с которой он солидаризируется:

В мире будут процветать и выживать те, кто лучше других приспособится к мировым тенденциям, а те, кто будет им противостоять, погибнут.

Собственно говоря, думается, что Чжао Цзыян пришел к мысли о том, что при правлении Мао Цзэдуна китайцы оказались в положении тех, кто противостоит упомянутым мировым тенденциям. Поэтому Чжао Цзыян и оставил свои размышления для нынешних и будущих поколений китайцев в надежде на то, что они откажутся от противостояния, и будут следовать непреодолимым мировым тенденциям, общим тенденциям развития всего человечества.

ПЕРВЫЕ ДЕСЯТЬ ЛЕТ РЕФОРМ

РЕФОРМЫ В КИТАЕ ГЛАЗАМИ ИХ УЧАСТНИКА

618

РЕФОРМЫ
ДЕЛЮТ
СЕТЬ

Представление о первом десятилетии реформ в Китае дает книга директора Института реформы экономической структуры Китая Чэнь Ицзы «Чжунго ши нянь гайгэ юй ба цзю минь юнь – Бэйзин лю сы туша бэйхоу (Десять лет реформ в Китае и демократическое движение 1989 года. – О том, что скрывается за бойней в Пекине Четвертого Июня)», Тайбэй, 1990. Книга опубликована в переводе на русский язык под заглавием: Чэнь Ицзы. «Китай: десятилетие реформ»*.

В годы реформ Чэнь Ицзы был директором Института реформы экономической структуры Китая, а практически даже своего рода таинственной фигурой серого кардинала реформ в Пекине того времени.

Чэнь Ицзы либо активно участвовал в разработке и осуществлении экономических реформ в деревне, затем в городе, и, наконец, в разработке политических реформ, либо даже руководил составлением важных проектов такого рода. Ему известна вся кухня китайских реформ; он знал, как за кулисами делались реформы; знал многое о том, что происходило в высшем руководстве партии и страны.

Чэнь Ицзы был и остается последовательным сторонником самых решительных реформ в Китае; в то же время он не прожектер. Он прекрасно понимает и подчеркивает, что точно так же, как в свое время нельзя было за три года «вскочить» в коммунизм, также и невозможно мгновенно создать новый демократический Китай с процветающей рыночной экономикой.

После событий 4 июня 1989 г/ Чэнь Ицзы был вынужден спасаться и покинуть КНР, а впоследствии был исключен из КПК. (Попутно отметим, что уже в те годы, когда Чэнь Ицзы находился в эмиграции, у него на родине тяжело заболела его мать. Несмотря на многочисленные просьбы Цзян Цзэминь дал разрешение сыну приехать и увидеть мать только после ее смерти.) Свою книгу он написал в вынужденной эмиграции. Эта книга – свидетельство очевидца, рассказ о реформах изнутри. Ее необхо-

* Чэнь Ицзы. «Китай: десятилетие реформ» / Пер. с кит. и вступ. статья Ю.М.Галеновича. Ч. 1 // Информационный бюллетень № 10; ч. 2 // Информационный бюллетень № 11). – М.: ИДВ РАН, 1996. (В тексте данного раздела работы ссылки будут делаться с указанием номера бюллетеня и его страницы.)

димо прочитать каждому, кто хочет знать о событиях, происходивших в Китае в годы реформ.

Это – уникальная книга, неофициальная история реформ, написанная выдающимся китайским восьмидесятником.

Книга Чэнь Ицзы рассказывает без прикрас о том, каким было положение в Китае до начала реформ. Здесь многое неизвестно нашему читателю.

Автор говорит в своем труде о том, что именно принесли реформы Китаю, какие позитивные и негативные последствия они имели. Здесь многое также отличается от той картины, которую обычно официально рисуют и в Китае, и в нашей стране.

Наконец, книга Чэнь Ицзы рассказывает о том, как и почему потерпели поражение китайские реформы в конце 1980-х гг., а также к каким мыслям пришли сторонники реформ, обдумывая свое временное поражение.

Книга Чэнь Ицзы предлагает ответы на вопросы о будущем Китая.

В 1988 г. Чэнь Ицзы побывал в нашей стране. Мне довелось сопровождать его в качестве сотрудника Института Дальнего Востока РАН. В беседе с академиком Л.И.Абалкиным Чэнь Ицзы говорил, в частности, о том, что переход от прежней системы к новой системе потребует длительного времени. Здесь проявилось понимание того, что отказ от существующей системы и переход к рынку и демократии потребует больших усилий и времени.

Чэнь Ицзы также считал разумным дать возможность владельцам приусадебных участков в нашей стране свободно заниматься выращиванием продуктов сельского хозяйства. Это было выступление за предоставление экономической свободы частным предпринимателям, частникам, прежде всего, в деревне.

Во время этой поездки состоялась беседа делегации во главе с Чэнь Ицзы с помощником генерального секретаря ЦК КПСС Горбачева Шахназаровым, во время которой с китайской стороны был поставлен вопрос о целесообразности создания в парламенте партийных групп не только коммунистической партии, но и других партий.

Предложения и высказывания Чэнь Ицзы не нашли тогда понимания у советской стороны.

В 1992 г. Чэнь Ицзы снова побывал в нашей стране. Его предложения создать канал обмена мнениями с представителями нашей стороны, в том числе с партией «Яблоко», повисли в воздухе.

В 1979 г. Чэнь Ицзы написал письмо Ху Яобану, высказав свои соображения о путях исправления ситуации в деревне. Его вызвали в Пекин, где он стал работать в Академии общественных наук Китая. Чэнь Ицзы активно разрабатывал предложения относительно реформ в китайской деревне.

В 1984 г. Чэнь Ицзы было дано поручение создать Институт реформы экономической структуры Китая и стать его директором, принять участие в разработке и продвижении реформы структуры экономики города.

В сентябре 1986 г. он также принял участие в создании Канцелярии ЦК КПК по реформе политической структуры, принял участие в разработке реформы политической структуры.

Чэнь Ицзы пишет, что три организации, то есть его группа для изучения проблем развития деревни Китая, Институт реформы экономической структуры Китая, разрабатывавший реформу структуры экономики города, Канцелярия ЦК КПК по реформе политической структуры, организации, всеми помыслами преданные делу реформ в Китае, делу возрождения, которые внесли в него громадный вклад, в связи с событиями 4 июня 1989 года были названы премьером Госсовета КНР Ли Пэном «тремя черными руками» (10, 12), которые манипулировали движением молодежи, и подверглись разгрому. (10, 13) (Здесь и далее ссылки составлены по следующему образцу: сначала указывается номер информационного бюллетеня, а затем страница этого бюллетеня.)

От реформы в деревне, до реформы в городе, от реформы экономики до реформы в политике – везде Чэнь Ицзы довелось приложить свои усилия.

Чэнь Ицзы писал, что тогда, когда реформы затронули экономические интересы и политическую власть, по сути говоря, меньшинства, небольшого числа людей, тогда противоречия стали обостряться.

Десятилетние реформы дали возможность человеку Китая увидеть мир, увидеть свою отсталость, он разглядел, в каком кризисе находится его страна.

И когда студенты, народные массы выразили неудовлетворение темпами реформ, когда они настойчиво потребовали демократии, свободы, тогда меньшинство, стоявшее у власти, исходя из своих корыстных интересов, не заботясь о перспективах ни государств, ни нации, пулями и танками разгромило лучшие надежды народных масс.

Меньшинство тех, в руках у кого была приобретенная власть, привыкло произносить великолепно звучащие слова, но, по сути дела, исходило из чувства вражды ко всем тем, кто покушался на их собственнические эгоистические интересы; они проявили свое подлинное звериное обличье преступников, во всей наготе продемонстрировали его перед народом. Коммунистическая партия сама себя уничтожила, честные люди Китая больше не могут поддерживать такую политическую власть, которая устроила кровавую расправу над собственным народом. (10, 13)

В рассматриваемой работе автор предложил ответ на ряд вопросов:

- на каком фоне разворачивались реформы в Китае;
- В чем состоял прогресс реформ в Китае;

- с какими трудностями столкнулись реформы в Китае;
- почему в Китае возникло мощное демократическое движение;
- почему было подавлено мирное и разумное демократическое движение в Китае.

Чэнь Ицзы писал о том, что ему всегда хотелось иметь свою голову на плечах, ему всегда нравилось думать, сомневаться, Ради того, чтобы не допускать несправедливого обращения с друзьями, он всегда, несмотря ни на что, вступал в борьбу, выражал протест, боролся против несправедливости.

Когда один из моих друзей, — пишет Чэнь Ицзы, — человек талантливый, с головой, был объявлен контрреволюционером, за то, что высказал свое мнение, я выступил в его защиту; с этого времени злой рок стал преследовать меня. Это было в 1964 году.

Я написал пространное письмо в 30 тыс. иероглифов Мао Цзэду, это письмо тут же было названо «антипартийной и антисоциалистической» большой ядовитой травой. Затем меня критиковали, против меня вели борьбу, меня терзали, и это продолжалось 15 лет.

Во время «великой культурной революции» меня зачислили в «контрреволюционеры». Сколько же раз меня избивали так, что все тело было одним сплошным кровоподтеком; я умирал и снова возвращался к жизни. В нашей семье пострадали все, репрессии разрушили семью, извели всех ее членов. Люди просто пропали, исчезли.

После того, как в 1969 г. меня отправили в деревню, так сказать, «на низовку», я увидел, в каких бесчеловечных условиях живут столь простодушные и милые сердцу крестьяне при этой системе, не отвечающей голосу разума; я глубоко прочувствовал всю несправедливость из положения. (10, 11)

Чэнь Ицзы знакомит читателя с ситуацией, в которой Китай оказался в результате правления Мао Цзэдуна.

Перед началом реформ, то есть в итоге «культурной революции», Китай находился «в состоянии глубокого и серьезного кризиса». (10, 16)

В 1978 г. средний доход на каждого из 800 млн. крестьян страны составлял всего 76 юаней; в том числе 200 млн. крестьян имели доход ниже 50 юаней в год; на душу населения в год приходилось менее 150 кг грубого зерна. Крестьяне жили в впроголодь, им нечем было прикрыться, царила страшная бедность.

За 20 лет, с 1958 по 1978 г., вложения в капитальное строительство достигли 600 млрд. юаней; из них треть пошла прахом из-за ошибок в решениях по вопросам вложения капиталов; другая треть не сформировала производительные силы; и всего лишь одна треть пошла на формирование производительных сил.

Чэнь Ицзы вспоминал, что в 1979 г. на одном из заседаний Государственного совета КНР (ГС КНР) первый секретарь парткома КПК провинции Аньхой Вань Ли говорил: «Узнай об этом рабочие, крестьяне, интеллигенция, удивляться пришлось бы лишь тому, что Компартия не оказалась свергнутой!» (10, 17)

В целом по стране число людей, которые подвергались критике, стали объектом борьбы, или привлекались по такого рода обвинениям, достигло 200 млн. человек. (10, 17)

В то время разруха в идейной жизни и в культуре была, по крайней мере, такой же, если не еще более серьезной, чем разруха в экономике и в политической сфере. Ни одно из научных исследований не могло вестись в соответствии с принципами науки; все они превращались в орудия репрессий. Такая действительность, характеризовавшаяся упором на классовую борьбу, приводила к тому, что все самое низменное в природе и наследственности людей взбаламучивалось и поднималось на поверхность. (10, 18)

На этом фоне я, – пишет Чэнь Ицзы, – написал письмо Ху Яобану, в то время заведующему организационным отделом ЦК КПК. В феврале 1979 г. с его согласия я возвратился в Пекин.

Еще в 1957 г. во время III съезда КСМК мне довелось познакомиться с Ху Яобаном. Я тогда же ощутил, что он является вождем молодежи, который преисполнен энтузиазмом, полон идеалов, полон энергии; я просто преклонялся перед ним и очень уважал его. Впоследствии Ху Яобан одно время углубленно знакомился с опытом работы в такой низовой организации, как физический факультет Пекинского университета, на котором я тогда учился, занимаясь к тому же общественной работой, и тогда встреч и контактов с ним стало больше. Во время «культурной революции» он подвергся критике и сидел без работы дома, а я подвергся критике и был отправлен в деревню.

В августе 1978 г. я написал ему письмо, содержание которого сводилось к следующему: после разгрома «четверки» (имеются в виду активные организаторы «культурной революции», выдвинутые Мао Цзэдуном: его жена Цзян Цин, а также шанхайцы Чжан Чуньцяо, Ван Хунвэнь и Яо Вэньюань) люди воодушевились; ущерб, который нанесен классовой борьбой, ныне невозможно выправить за короткое время; Китаю необходима модернизация; если крестьяне будут лишены активности, то им не выжить; крестьяне хотят обрести активность; нельзя обойтись без изменения методов руководства и управления хозяйством, которые в настоящее время господствуют в производстве в деревне. В то время я прямо не критиковал «народные коммуны» Я написал, что в прошлом я учился в Пекинском университете, сначала на физическом, а затем на факультете китайского языка и литературы; провел в деревне 10 лет, работал в про-

изводственной бригаде, большой производственной бригаде, коммуне, в уезде, в округе, принимал участие в физическом труде, занимался сельскохозяйственным производством, занимался также вопросами образования, (10, 19), вопросами научно-технической политики, проводил также самые разнообразные обследования; я верил в то, что сумею сделать кое-что для того, чтобы изменить облик деревни. В этой связи я выражал желание поработать в одном из учреждений ЦК КПК, где исследуются вопросы политики в деревне. Ху Яобан очень быстро принял решение о переводе меня на работу во вновь созданный тогда Институт исследования экономики сельского хозяйства Академии общественных наук Китая.

По приезде в Пекин я окупился в бесчисленные разнообразные обсуждения. ... Все приходили к следующему общему пониманию вопроса о том, как же избавиться от самой той почвы, которая породила «четверку»: если не решить эту проблему, то Китай по-прежнему будет барахтаться в трясине отсталости и смуты. Дело было в том, что в современном обществе было бесперспективным полагаться на ситуацию, которая существовала в прошлом, когда один человек – Мао Цзэдун определял быть ли в Поднебесной спокойствию или кризису.

В этой ситуации существовали три различных идейных уклона при осмыслении основ существующего в Китае строя.

В первом случае склонялись к тому, чтобы считать, что социалистический строй сам по себе хорош, вот только «четверка» подрывала его. Этого взгляда придерживались в основном некоторые патриархи в партии и правительстве, а также кое-кто из работавших в Госплане. (10, 20)

Вышеописанный уклон в идеологии, с точки зрения теории, представляется догматической моделью, сформировавшейся в результате того, что общество пытались строить по книгам, жизнь кроить по теории.

Те, кто придерживались второго идейного уклона, полагали, что социалистический строй по сути своей является хорошим, но у него имеются изъяны, и к тому же он был подорван действиями «четверки». (10, 21)

Они полагали, что, исправив ущерб, можно будет наладить и сам социалистический строй; это то и стало называться «совершенствованием социалистического строя». Эти взгляды получили тогда повсеместное распространение среди большинства кадровых работников среднего звена и интеллигентов.

Третий взгляд главным образом был распространен среди немногочисленных молодых интеллигентов. Они сопоставили опыт практики социализма в различных странах за несколько десятилетий и полагали, что такого рода плановая экономика, является нарушением объективных законов, и что с ее помощью невозможно стимулировать активность людей; они полагали также, что такого рода система концентрации политической власти не дает возможности удовлетворить самые минимальные потребности людей в свободе и в правах. Без изменения такого строя, без осу-

ществления рыночной экономики и демократической политики у Китая не будет перспектив. (10, 22)

Конечно, прозрение молодого поколения тоже прошло через ряд стадий, представляло собой процесс. В начале «культурной революции» многие чистые душой и искренние молодые люди, горя энтузиазмом «критики капитализма», «критики ревизионизма», бросились в это движение. Подоплекой этого фактически было скрытое недовольство реалиями китайского общества того времени. (10, 22) Дело было в том, что они, судя по действиям партийных и правительственных чиновников всех рангов, видели нерациональный характер этого общества. Когда же «культурная революция» была тут же использована Мао Цзэдуном, чтобы покарать инакомыслящих, и превратилась в орудие борьбы за власть, очень многие начали испытывать разочарование. В то время некоторые руководители Компартии тоже говорили об этом. Например, Ли Фучунь (член Политбюро ЦК КПК) в свое время говорил: «Культурная революция дала нам глубокие уроки; спрашивается, почему так много людей из народных масс обращали острее своей борьбы против наших кадровых работников? Да потому, что Компартия задолжала и задолжала слишком много». Однако стремление с помощью такого метода как движение народных масс, изменить этот строй фактически не могло привести к осмысленному продвижению вперед.

После гибели Линь Бяо (зам. председателя ЦК КПК, погиб в 1971 г. в авиакатастрофе) в Пекине и в крупных городах начали возникать небольшие группы, которые обсуждали следующий коренной вопрос: является ли, в конце концов, рациональным тот строй, который сконструировал и создал Мао Цзэдуном, и почему могло случиться так, что такой авантюрист, как Линь Бяо, стал преемником вождя? Этот вопрос имел подоплеку, он тянул за собой еще две проблемы. Первая проблема – сохраняет ли еще свою жизненную силу и гибкость марксизм? Вторая проблема – осуществим ли социализм? Мне помнится, однако, что в 1971 и в 1972 гг., когда я дважды во время праздника Весны возвращался в Пекин, то слышал, что почти все молодые люди, собираясь группами, обсуждали такого рода вопросы.

После того, как «четверка» была низвергнута со сцены, обсуждение этих вопросов стало еще более оживленным. В то время в основном были две точки зрения. Одни считали, что марксизм – это живое учение, что он жизнеспособен и гибок; дело, однако, в том, что в Китае просто не осуществляли марксизм; что же до социализма, то он осуществим; весь вопрос в том, что Китай не шел путем социализма. Поэтому необходимо изменить линию или путь, которым Китай шел в то время, осуществить подлинный марксизм и подлинный социализм. (10, 23) Другая точка зрения состояла как раз в том, что марксизм не осуществим, что марксизм уже потерпел поражение, что социализм – это пустая фантазия и что опыт

его осуществления не привел к успеху. Конечно, в то время среди молодых людей превалировала первая из этих двух точек зрения.

Однако и та, и другая точки зрения в то время рассматривались как теории, идущие вразрез с канонами и истинными взглядами. Вскоре после своего возвращения в Пекин в 1979 г., выступая на одном идейно-политическом мероприятии в Академии общественных наук Китая, я говорил об этих двух вопросах. Я тогда сказал, что если марксизм – это истина, социализм правилен, а мы построили социалистический строй в соответствии с марксизмом, то тогда уровень экономического развития нашего государства должен быть самым высоким среди всех стран мира, прогресс должен быть самым быстрым, наш народ должен пользоваться наибольшей демократией и свободой. Фактически, на деле все обстояло как раз наоборот. Уровень нашего экономического развития был самым низким. Уровень жизни нашего народа повышался медленнее всего. Наш народ в самой минимальной степени пользовался свободой и демократией. Находясь перед лицом такой реальности, мы обязаны сделать логический вывод, а именно: или сказать, что марксизм – это истина, что социалистический путь является правильным, но мы не осуществили марксизм, не продвинулись вперед по социалистическому пути; или сказать, что марксизм – это не истина, социализм неправилен. Мы должны выбрать одно из двух. О моем выступлении очень быстро доложили руководству, заявив, что я сомневаюсь в социализме, отрицаю марксизм.

Далее Чэнь Ицзы пишет о различном отношении руководителей и молодежи к преобразованиям.

Понять, что существующий строй имеет коренные пороки, и требовать изменения этого строя – это предпосылка, вслед за которой приходит вопрос о том, как же, в конце концов, нужно изменять этот строй. По этому вопросу существует очень много различных точек зрения. (10. 24) В то время среди руководителей, которые подверглись тяжелым ударам во время «культурной революции», также было много людей, которые по-настоящему серьезно задумывались над этими вопросами; однако они зачастую были слишком сильно привязаны к прежнему строю и были не способны последовательно и до конца переосмыслить свое отношение к нему. Когда они подверглись тяжелым ударам, когда был нанесен ущерб их политическим и экономическим интересам, они считали линию или путь Мао Цзэдуна ошибочным. Однако когда они возвратили себе свои экономические и политические интересы, они стали защищать этот строй и вовсе не желали изменить его в корне. Если бы после разгрома «четверки» для них оказалось возможным глубокое покаяние в своем отношении к самому существующему строю, если бы оказалось возможным выработать план будущего экономического и политического развития, тогда Китай, вероятно, смог бы быстрее продвигаться вперед. Однако, к

сожалению, некоторые руководители, обретя однажды определенную власть, коренным образом не желают изменять этот строй.

После визита в США Дэн Сяопин говорил своему сыну Дэн Пуфану:... было бы чрезвычайно хорошо, если бы нам в Китае удалось точно так же, как в США, в студенческих городках демократическим путем организовать разнообразные общественные организации, обсуждать различные вопросы, и это было бы очень хорошо в целях создания демократической атмосферы для обучения, для воспитания кадров. Дэн Пуфан тут же довел эти соображения до Пекинского университета, где очень многие студенты организовали студенческий союз. «Стена демократии», которая впоследствии появилась в пекинском районе Сидань, была местом высказывания множества очень глубоких соображений, постановки многих глубоких проблем. Перед тем, как со сцены сошел Хуа Гофэн (преемник, назначенный Мао Цзэдуном), «Стена демократии» существовала фактически с молчаливого согласия Дэн Сяопина и при его поощрении. Ху Яобан (генеральный секретарь ЦК КПК), Дэн Инчао (вдова Чжоу Эньляя) высказывались в поддержку «Стены демократии». (10, 25) Однако, как только Хуа Гофэн, Ван Дунсин сошли со сцены, так Дэн Сяопин немедленно положил конец «Стене демократии».

Дискуссия в среде молодых интеллигентов относительно того, как изменить строй, значительно углубилась. Мне помнится, что тогда в домах многих моих друзей велись споры. В 1979 г. и в первой половине 1980 г. они стали особенно острыми и оживленными. Причем в одном вопросе сформировалось общее понимание, а именно: если мы хотим избавиться от самой той почвы, на которой произросла «четверка», изменить те условия, то окружение и ту обстановку, в которой появилась «четверка», то нужно осуществить всесторонние социально-политические реформы.

Все молодые люди были не согласны с фракцией «АБСОЛЮТИСТОВ» (тех, кто считал, что следует выполнять АБСОЛЮТНО все указания и АБСОЛЮТНО все политические установки Мао Цзэдуна) и были согласны с тем, что необходимо коренным образом осуществлять всесторонние преобразования социально-политической структуры.

Чэнь Ицзы переходит к вопросу о поисках реального пути преобразований: с чего начать?

Трудность была в том, чтобы определить, с чего начинать преобразования, чтобы добиться успеха. (10, 26)

В то время все считали, что десятилетняя «культурная революция» внесла глубокий раскол, как в народные массы, так и в среду кадровых работников. Очень многие по-прежнему находились под воздействием левоуклонистских идей, не желали отбрасывать ту точку зрения, что «программным должно быть положение о классовой борьбе»; значительная часть народных масс уже не желала, чтобы в политической области были очень большие потрясения, выражала надежду на то, что будет сохранять-

ся стабильная обстановка. Дело обстояло именно так, как об этом писал Эрхард в своей работе «Возвышение четвертой империи»: после Второй мировой войны народные массы всей Германии уже не испытывали интереса к разговорам о чистой политике; всех интересовал хлеб, дом; все заботились о том, чтобы самим хорошо есть и хорошо одеваться. При таких обстоятельствах, если бы мы сейчас выдвинули вопрос о всесторонних политических преобразованиях, то такую постановку вопроса оказалось бы нелегко воспринять не только тем, кто находился у власти, но с ней было бы не очень-то согласно (10, 27) и большинство населения, потому что большинству народа осточертели политические движения; оно от них устало до крайности энтузиазма тут бы тут не было.

В этих обстоятельствах мы считали, что возможно, если начать с вопросов экономики, то тут будет легче всего завоевать большинство в поддержку этих начинаний, а разрешение в определенной степени экономических проблем будет и способствовать постановке и разрешению политических вопросов. А если начинать с экономических преобразований, то с чего именно? (10, 28)

А, может быть, нужно приступать к делу, начиная все-таки с самого слабого звена? Мы проанализировали этот вопрос. Основа плановой структуры состоит в том, что по низким ценам закупаются продукты сельского хозяйства, а затем, изменяя стоимость, осуществляют большие накопления, чтобы развивать тяжелую промышленность. И если бы ситуация, при которой при плановой экономике по низким ценам закупают продукцию сельскохозяйственного производства, перестала существовать, тогда возникли бы предпосылки для того, чтобы затем изменять всю плановую систему в целом. Если бы оказалось возможным изменить народные коммуны, тогда можно было бы поднять активность народа, а также добились бы того, чтобы плановая экономика утратила свою основу; тогда реформы в Китае, возможно, вступили бы на тот путь, с которого невозможно повернуть вспять. В Китае 800 млн. крестьян; если у 800 млн. крестьян отсутствует активность, тогда, конечно, нет надежд на модернизацию Китая. Если же 800 млн. крестьян смогут освободиться от той системы народных коммун, при которой труд их является принудительным, тогда есть надежды и на развитие Китая в дальнейшем. (10, 29)

В конечном счете пришли к следующему общему пониманию вопроса: во-первых, преобразования в Китае – это политические преобразования, однако начинать надо с экономики; во-вторых, начиная с экономики, исходить из того, что сердцевина проблемы состоит в том, чтобы изменить плановую экономику, однако надо начинать со слабого звена, надо начинать с деревни; в-третьих, начиная с деревни, надо обобщить опыт и уроки социалистических преобразований в сельском хозяйстве, но тут надо начинать со стимулирования реальных изменений; в-четвертых, стимулировать реальные изменения – это означает именно начинать с про-

движения установки о «закреплении производственных заданий за крестьянскими дворами». (10, 31)

В 1978 г. Чэнь Ицзы своими глазами видел, каким было существование крестьян в деревне в пригороде Пекина. Дети там зимой ходили голышадыми; у них не было никакой одежды; от холода кожа их была фиолетовой; они пытались согреться на солнце. Треть работоспособных мужчин в деревне не были женаты; они не могли содержать жену. Крестьяне работали круглый год, а зарабатывали при этом столько, что этого хватало на пропитание в лучшем случае на полгода; зимой приходилось питаться только жиденькой рисовой кашей. (10, 32)

Чэнь Ицзы в 1979 г. спросил старых крестьян в провинции Гуандун: на что вы больше всего жалуетесь в последние годы? Они ответили: «Вот уже 30 лет как коммунисты и есть нам досыта не дают, и раскрыть рот нам не позволяют». (10, 33)

У крестьян спросили, чем сейчас лучше, чем до 1949 года? Один крестьянин очень долго думал, а затем сказал: «Сейчас, если идти просить подавание, можно получить документ». (10, 34)

В 1978 году в деревнях по всей стране жизненный уровень населения в двух третях районов страны был ниже, чем в начале 1950-х гг., а для одной трети он был хуже, чем в 1930-х гг. (10, 34)

В то время самые низкие доходы были в уезде Пинду провинции Шаньдун. Там доходы крестьян от коллективного хозяйства в год составляли всего 21 юань 97 фэней, то есть в месяц приходилось меньше 2 юаней. (10, 35)

В 1959 году от голода занимались людоедством. (1, 36)

В Китае сельское население с 81,4% в 1949 г. увеличилось до 84% в 1978 г. Одновременно с увеличением численности рабочих рук в 2 раза проявилась тенденция к снижению производительности труда. ...В Китае имел место рост и овеществленного и живого труда, а производительность труда наоборот снижалась. (10, 37)

Источником несчастий и бед были народные коммуны, в которых на рабский труд накладывалась еще и уравниловка. (10, 37)

При этой системе крестьяне потеряли почти все свои свободы и права. Каждый день они работали коллективно: бил колокол, раздавался свисток либо бригадир зычно орал, и крестьяне немедленно шли на поля; не позволялось ни опоздать, ни уйти пораньше... весь день трудились дотемна, работали круглый год; за детьми некому было присмотреть и воспитать их; дома некому было заниматься домашними делами... (10, 38)

Ежедневно, вне зависимости от того, много работал или мало, был ли трудолюбив или работал спустя рукава, почти во всех случаях начислялось одинаковое число трудовых единиц.... Так складывалось положение, при котором каждый учился тому, как быть лентяем. (10, 39)

Когда началась реформа в деревне, тогда метод «закрепления производственных заданий за крестьянскими дворами» распространился столь же мгновенно и повсеместно как «куриная чума»; и в то же время попытки решить проблему методами «выправления» и «критики» отдельных недостатков оказались неэффективными и негибкими. (10, 41)

Вплоть до 1982 г. в Госплане КНР были люди, которые показывали на меня (на Чэнь Ицзы) пальцем и ругались: «Вы обманули 800 миллионов крестьян, вы обманули ЦК! Закрепление производственных заданий за крестьянскими дворами – это подрыв социалистической коллективной экономики!». (10, 46)

Великий творческий вывод крестьян Китая: «главное направление именно в том и состоит, чтобы есть досыта». (10, 46)

При закреплении производственных заданий за крестьянскими дворами фактически разрешаются три проблемы. (10, 46)

Первая проблема. Разрешается вопрос о праве на независимость, на самостоятельность. Иначе говоря, вопросы о том, что именно, какую культуру выращивать, как выращивать, как распределять выращенный урожай, – все это крестьяне решают сами. ...Появление системы контрактов в области производства в деревне было намного лучше, чем то, что существовало в прошлом, когда происходил внеэкономический грабеж.

Вторая проблема. Был решен вопрос об общем котле, или, как говорится, о питании по принципу – все черпают из общего котла. Иными словами, больше уже не было такой ситуации, когда, вне зависимости от того, много ты работаешь или мало, это все равно; работаешь ли ты или вообще не работаешь – это тоже все едино; и, тем более, больше не было такой ситуации, когда ты работал больше, а твой чистый доход был меньше. Теперь, по крайней мере, можно было, больше работая, больше получить.

Третья проблема. Был решен вопрос о привилегированности кадровых работников. В прошлом кадровые работники в деревне, так или иначе, а могли грабить людей, творя произвол; когда приезжали с проверкой из вышестоящих учреждений (в народную коммуну), то их закармливали и поили, сколько влезет. Когда же проверялась нижестоящая большая производственная бригада, тогда кадровых работников кормили и поили до отвала. По моим многолетним наблюдениям, – продолжает Чэнь Ицзы, – в деревне, даже относительно чистые на руку кадровые работники в деревнях были заняты, главным образом, лишь следующим. Во-первых, проводили собрания и распространяли информацию из руководящих организаций, пропагандировали политику партии; во-вторых, занимались проверками и оценкой итогов работы; в-третьих, торопили людей с посевной и с уборкой (10, 47); в-четвертых, командовали закупками и сбытом; в-пятых, занимались налаживанием взаимоотношений между людьми. Кроме этого, они ничем другим не занимались, ничего не делали.

Поэтому практически после того, как был применен метод закрепления производственных заданий за крестьянскими дворами, кадровых работников в деревнях значительно поубавилось; стало также значительно меньше и возможностей для кадровых работников в деревнях, используя свою власть над коллективным хозяйством, грабить и обирать крестьян, вволю есть и пить, управлять по своему произволу делами, давать волю своим порокам. (10, 48)

В тех местах, где закрепили производственные задания за крестьянскими дворами, кому бы вы не задавали вопрос – мужчинам или женщинам, старикам или молодым: «Ну, как вы оцениваете закрепление производственных заданий за крестьянскими дворами?», большинство людей радостно улыбались и, прежде всего, отвечали так: «Обрели свободу», «Зажили радостно», «Стали хозяевами», «Освободились», а потом уже могли сказать: «Амбары для зерна полны, в семье живем зажиточно». (10, 48)

А кто же (кроме самих кадровых работников) не радовался закреплению производственных заданий за крестьянскими дворами? Родственники кадровых работников бригады, родственники кадровых работников государства, родственники учителей, родственники военнослужащих, то есть как раз те, кого называют «крестьянскими дворами родственников людей четырех категорий». (10, 48)

Осенью 1980 г. Чэнь Ицзы обобщил результаты инспекционной поездки, продолжавшейся три месяца, и написал отчет. Это был доклад под названием: «Заря для деревни – это надежда Китая». Чэнь Ицзы утверждал: «Закрепление производственных заданий за крестьянскими дворами – это великий творческий вывод крестьян Китая. Благодаря ему, крестьяне обрели второе освобождение, активность крестьян действительно стимулирована, сельское хозяйство Китая будет иметь громадное развитие. Таким путем была прорвана сталинская модель коллективизации, была прорвана установка, «во-первых, на крупномасштабность и, во-вторых, на общественную собственность», характерная для народных коммун (Мао Цзэдуна), и была изменена старая структура управления сельским хозяйством, при которой действовали командно-административными методами и с помощью плана командовали сельским хозяйством. Великое творчество китайских крестьян привело к тому, что люди увидели зарю для деревни Китая, а заря для китайской деревни – это как раз и есть надежда для Китая». (10, 51)

В 1979 г. в Китае только в некоторых районах страны, по площади составляющих всего несколько десятых долей процента ее территории, было начато в экспериментальном порядке осуществление установки на закрепление производственных заданий (10, 51) за крестьянскими дворами. При этом разгорелась весьма острая дискуссия среди кадровых работников в высшем эшелоне. Некоторые из них полагали, что тем самым подрывается система коллективной собственности.

Помнится, что осенью 1979 г. Ван Жэньчжун, который в то время занимал пост председателя комиссии по сельскому хозяйству (в ЦК КПК), позвонил первому секретарю парткома провинции Аньхой Вань Ли... и сказал: «Известно ли тебе, что у вас там кое-кто ратует за то, чтобы разделить поля по звеньям, и возможно найдутся и такие, что и захотят разделить поля между крестьянскими дворами. Да разве в результате этого трехступенчатая система собственности народных коммун не превратится в систему собственности уже в три с половиной ступени?» Вань Ли ответил: «Да мне плевать на три с половиной ступени или даже на четыре ступени; главное, чтобы крестьяне ели досыта и все. А если ты будешь предлагать еще лучший, с твоей точки зрения, способ, а крестьяне при этом будут голодными, то это никакой не хороший способ; хорошим же метод будет только при том условии, что крестьяне будут сыты». Между ними возникла жаркая дискуссия.

В конце 1979 г. созданный тогда 3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва принял решение по вопросам сельского хозяйства, в котором говорилось, что можно осуществлять подсчет выплат при совместном производстве нескольких крестьянских дворов по контракту, что надо повышать цены на сельскохозяйственную продукцию, однако «не разрешается закреплять производственные задания за крестьянскими дворами и делить поля для работы в одиночку». (10, 52)

В 1980 г. Чэнь Ицзы, завершив инспекционную поездку, возвратился в Пекин и беседовал со многими руководителями по вопросу о продвижении закрепления производственных заданий за крестьянскими дворами: все руководители были с этим не согласны. Потом я (Чэнь Ицзы) продолжал свою пропагандистскую деятельность. Имел четырех-пятичасовые беседы отдельно с Дэн Лицюнем и Ху Яобаном. При этом я излагал те же мысли, которые развивал в своей статье «Заря для деревни – это надежда Китая». Впоследствии Ху Яобан говорил мне: «Твое мнение сыграло важную роль при принятии решений ЦК партии». Что же касается Дэн Лицюня, то он мне говорил, что мой доклад сыграл решающую роль. Конечно, они не во всем были согласны с некоторыми положениями упомянутой статьи, полагая, что оценка, которую я давал закреплению производственных заданий за крестьянскими дворами, является завышенной. Однако уже в 1982 году Вань Ли говорил мне: «В 1980 г. ты утверждал, что закрепление в деревне производственных заданий за крестьянскими дворами – это великое творчество крестьян Китая. Такая постановка вопроса чрезвычайно хороша; в настоящее время все более очевидно, что твое мнение является правильным». (10, 53)

На рабочем совещании ЦК КПК, созванном в августе 1980 г., дискуссия по вопросу о закреплении производственных заданий за крестьянскими дворами опять была весьма жаркой. В то время только Аньхой (первый секретарь провинциального комитета КПК Вань Ли) и Сычуань (пер-

вый секретарь провинциального комитета КПК Чжао Цзыян) соглашались в отсталых районах провести эксперименты, а остальные провинции все еще не соглашались, не допускали этого. В решении по вопросу о сельском хозяйстве, которое было принято на упомянутом рабочем совещании, допускались эксперименты с закреплением производственных заданий за крестьянскими дворами в отсталых районах, это был еще один шаг по сравнению с 1979 г, то есть речь уже не шла о недопущении закрепления производственных заданий за крестьянскими дворами, конечно, в этом документе все еще делали упор на коллективном хозяйстве.

Так вот и возникла борьба между «столбовой дорогой» и «мостком из одного бревнышка». Большинство, исходя из традиционных догм, полагало, что народные коммуны – это «столбовая дорога», а закрепление производственных заданий за крестьянскими дворами – это «мосток из одного бревнышка». (10, 53)

Они в пределах своей власти никак не предполагали, что этот «мосток из одного бревнышка» в конечном счете стает столбовой дорогой, а бывшая «столбовая дорога» превратится в мосток из одного бревнышка. (10, 54)

Группа по вопросам развития деревни – это успешно действовавшая молодежная научно-исследовательская организация. В 1980 г. я, – продолжает Чэнь Ицзы, – создал Группу по исследованию вопросов развития китайской деревни. Членами группы были люди, получившие специальное университетское образование; во время «культурной революции» всем им пришлось жить и трудиться в деревне, поэтому они понимали жизнь деревни, прочувствовали, как живут крестьяне. (10, 55)

Чиновники партийного и государственного аппарата, находясь в деревне, выслушивали доклады, а затем писали отчеты, которые были сугубо бюрократическими; составляли они эти документы, ориентируясь на взгляды вышестоящего начальства; докладывали о приятном и скрывали неприятные вещи.

Ученые из некоторых исследовательских учреждений очень редко выходили за ворота и обследовали, как идет дело на местах; они не разбирались в реальной ситуации, не владели материалами обследований, а потому их продукция представляла собой большей частью теоретизирования на основе понятийных рассуждений; они стремились пропагандировать уже существовавшие понятия; они были толкователями уже определенной руководством политики, политических решений верхов. А Группа по проблемам развития деревни Китая овладела огромным массивом фактов и статистических данных; при этом она пользовалась передовыми методами анализа; в области теории смело занималась творчеством; разбиралась и в том, какие вырабатывались политические установки и как проходил процесс их воплощения в практику, в жизнь. Поэтому результаты исследований этой группы со временем получали все более положительную оценку как людьми в центре, которые принимали реше-

ния, так и во всех слоях общества, Работа этой группы сыграла важную стимулирующую роль в том, что касалось реформы в деревне.

В конце 1980 г. мы составили и распространили два тома «Избранных материалов по вопросу о закреплении производственных заданий за крестьянскими дворами».

Осенью 1981 г. я имел беседу с руководителем Кабинета КПК по изучению политики в деревне Ду Жуньшэном. (10, 56)

В 1981 г. группа составила доклад по обследованию деревень в провинции Аньхой. После того, как этот доклад прочитал Чжао Цзыян, он наложил на нем следующую резолюцию: «В этом докладе с исчерпывающей ясностью изложены проблемы деревни; предлагаю серьезно ознакомиться с ним всем секретарям парткомов и председателям правительств всех провинций».

25 октября 1981 г. на заседании Секретариата ЦК КПК была одобрена работа нашей Группы. Когда наша Группа только начинала создаваться, то слышались разнообразные возражения; группу называли «бандой карьеристов, цзаофаней (по-китайски «цзаофань» – бунтарь времен «культурной революции») (10, 57), теми, кто «хотел бы повести борьбу за власть с партией, желают подорвать социализм».

Затем такие напевы постепенно стихали, а наша Группа по развитию деревни стала превращаться из общественной организации в полуофициальную. Это было исключительным явлением, невиданным в истории КПК со времени 1949 г.; это также показывало мудрость руководителей, которые то время принимали решения (Ху Яобан, Чжао Цзыян). (10, 58)

Вслед за повсеместным распространением закрепления производственных заданий за крестьянскими дворами, реформа в деревне в основном встала на ноги; 800 млн. крестьян, больше не хлебали горюшко народных коммун. Возникли, однако, новые проблемы.

Во-первых, крестьяне использовали землю, но не улучшали почвы; никто не желал сберечь то, что раньше считалось коллективным достоянием: тракторы, буйволы, небольшие предприятия.

Во-вторых, крестьяне нуждались в новых методах, которые помогали бы им ведать землей, водохранилищами, развивать многоотраслевое хозяйство, осуществлять экономическое сотрудничество между отдельными крестьянскими дворами.

В-третьих, кадровые работники прежних народных коммун, производственных бригад все никак не могли приспособиться к новым проблемам. Требовалось воспитывать низовых кадровых работников в деревне и руководить ими. (10, 58)

В-четвертых, народные коммуны стали теперь волостями и поселками. были разделены административные и хозяйственные вопросы. Очень большой стала проблема создания в низовом слое политической власти и экономических организаций.

В-пятых, руководство на уровне уезда не соответствовало постреформенному положению в деревне.

Всем этим пришлось заниматься упомянутой группе.

Далее Чэнь Ицзы предлагает читателям краткий обзор и обобщение сделанного при осуществлении первого шага реформ в деревне.

Первый шаг реформ в деревне действительно стал очень большим успехом.

Например, если в 1979 г. доходы крестьян от коллективного хозяйства плюс доходы от домашнего подсобного хозяйства в среднем на одного человека составляли всего 120 юаней, то после реформы в 1984 г. они достигли более 480 юаней, а впоследствии 600 юаней. В это время 80 млн. крестьян – сельскохозяйственной рабочей силы переквалифицировались на несельскохозяйственное производство. (10, 60) Перераспределение рабочей силы, особенно появление поселковых предприятий, сыграло чрезвычайно важную роль в деле смягчения напряженности в снабжении рынков в городах и в деревне, в разрешении вопроса о рабочей силе и проблемы устройства на работу, в разрешении вопроса о сочетании промышленности и сельского хозяйства, в налаживании связей между городом и деревней.

Доходы крестьян увеличивались, улучшалось снабжение рынка продукцией сельскохозяйственных подсобных промыслов и снабжения промышленности сырьем. В результате первого шага реформ в деревне действительно возникала очень хорошая обстановка.

Первый шаг реформ в деревне все-таки сопровождался целым рядом ограничений. Это главным образом находило свое выражение в следующем.

Во-первых, крестьяне ничего не планировали в расчете на длительный срок. Хотя то, что должно было находиться в собственности крестьян, то есть остаточная продукция, и было возвращено в собственность крестьян, однако осталось неясным, в чьей собственности находятся средства производства, особенно земля, леса, заливные луга, отмели, то есть самые основные средства производства. Поэтому крестьяне и не строили расчетов по вложению капиталов на длительные сроки. Например, во время сева крестьяне зачастую варварски, грабительски вели хозяйство; они вовсе не заботились о том, чтобы земля становилась более плодородной, чтобы производительность ее еще больше повышалась. Вследствие того, что леса находились в коллективной собственности, в лесных районах очень серьезные масштабы приобрели порубки и вырубка леса крестьянами. (10, 61) Заливные луга и отмели не принадлежали крестьянам, и потому крестьяне вылавливали рыбу сверх меры, что наносило огромный ущерб. В результате всего этого возникли противоречия между ближайшими и долгосрочными интересами крестьян. Так как крестьяне не

имели в своих руках самых основных источников сельскохозяйственного производства, поэтому было очень трудно формировать эффективное сочетание сырья, труда и капитала. Это не благоприятствовало широкомащтабному и эффективному повышению производительности труда в процессе развития сельского хозяйства. Что же делали крестьяне после того, как у них появились деньги? Они строили дома, женились, ели, пили, жили в свое удовольствие.

Для того чтобы разрешить вопросы, возникшие на первом этапе реформы в деревне, надо было осуществить свободу хозяйствования на земле, разрешить вопрос о праве собственности на землю. Предлагались самые различные способы решения вопроса о праве собственности на землю. Однако этот вопрос по-прежнему оставался трудным вопросом.

Практика нескольких предшествующих десятилетий лишила крестьян достаточно ясных представлений о праве собственности; в прошлом при коллективном хозяйстве, в условиях того времени, крестьяне говорили: «В общественном строении крыша обязательно прохудится; в общественном хозяйстве лошадь непременно будет тощей; в общественном доме и мыши не будут толстеть». С одной стороны, отдельный человек всегда мог взять по своему усмотрению что-то из тех вещей, которые принадлежали обществу; с другой стороны, общество тоже всегда могло ограбить отдельного человека. В этой ситуации, когда обсуждался вопрос о праве собственности на землю, мы спрашивали крестьянина: «Не хочешь ли ты купить этот участок (кусочек) земли?» (10, 62) Крестьянин, в свою очередь, задавал вопрос: «Вы хотите, чтобы я купил? А если потом Компартия (Гунчань дан, то есть Партия Общего Имущества) снова конфискует, что я буду делать тогда?» Поэтому этот вопрос, будучи осложнен за несколько десятилетий политикой Компартии, оставался чрезвычайно трудным вопросом, и было неясно то, как же, в конце концов, решить его.

Ограниченность первого шага реформ в деревне, во-вторых, состояла именно в том, что возникало острое столкновение, конфликт между потребностями деревни как таковой после проведенных преобразований и планами деревни, обращенными вовне ее. В связи с тем, что экономика деревни стала жизнеспособной, остаточный продукт можно было относительно свободно пускать в оборот, и в то же время не изменились и не были созданы заново целый набор или комплекс систем, которые существовали прежде, а именно структура закупки и сбыта продуктов сельскохозяйственного производства, структура материального снабжения деревни, кредитная структура, система налогов и т.п. и т.д. Все эти структуры и системы превратились в препятствие на пути развития новой структуры деревни, влекли за собой множество проблем. Например, если продукции сельского хозяйства производилось больше, то ее не удавалось продать; а если ее производилось меньше, тогда государство усиленно настаивало на том, чтобы насильно произвести закупки. Еще пример:

структура транспортировки и продажи была нерациональной, очень многое просто сгнивало в деревне, так как все это никак не удосуживались вывезти оттуда. В то же время средства производства, которые были необходимы крестьянам, также оказывалось невозможно доставить вовремя. В силу того, что невозможно было во всей полноте обеспечить поставку и снабжение средствами производства, все организации управленческого характера поднимали цены, а тем самым увеличивалось бремя, падающее на плечи крестьян. Поэтому вслед за углублением реформы в деревне на повестку дня встали с все большей настойчивостью стучаться вопросы связи деревни с окружающим миром.

Что касается самой по себе реформы в деревне, то можно следующим образом рассматривать реформу за эти десять лет. (10, 63)

Во-первых, в силу того, что крестьяне больше не подвергались эксплуатации, существовавшей при системе народных коммун, когда рабский труд накладывался на уравнилельные принципы распределения, они, то есть крестьяне, выступая против грабежа, стремясь обеспечить свое существование, прежде всего, разорвали эти путы и осуществили преобразования, которые действительно принесли им большую пользу. Они называли закрепление производственных заданий за крестьянскими дворами «вторым по счету Освобождением».

Во-вторых, с 1979 по 1984 г. уровень сельскохозяйственного производства в деревне вырос довольно значительно. Такое продвижение вперед стало возможным главным образом потому, что крестьянин ощутил себя хозяином, потому что остающийся продукт производства стал принадлежать ему, крестьянину-хозяину; значительно повысилась производственная активность.

После 1984 г. уровень сельскохозяйственного производства начал снижаться. Главная причина этого состояла в том, что не был решен вопрос о собственности на землю. (10, 64) А так как не был решен вопрос о собственности на землю, то оказывалось возможным получить большие доходы, большую выгоду, занимаясь другими видами хозяйственной деятельности, и потому крестьяне больше стремились заниматься промышленностью, торговлей, строительством, работать в сфере обслуживания.

В-третьих, реформу в деревне инициировали вовсе не руководители Китая; она явилась результатом стихийного нахождения крестьянами пути к жизни. В то время подавляющее большинство руководителей выступали против такого метода. Отдельные руководители ощущали, что есть смысл провести эксперимент, не ставили преград на пути этого метода, что в то время сыграло определенную роль; однако дело вовсе не обстояло так, что сначала они стали ратовать за этот метод или он стал применяться по их инициативе. Сказать по справедливости, они, оказавшись перед лицом требований крестьян изменить ситуацию, заняли относительно реалистическую разумную позицию, открыли шлюзы, дав возмож-

ность реформе в деревне добиться успехов. И в этом случае, в этой ситуации простодушные крестьяне Китая питают неизбывные добрые чувства по отношению к ним. В то время крестьяне говорили: «Хочешь пищи без изъяна, ищи Чжао Цзяяна; хочешь лучшей доли, ищи Вань Ли».

Затем, вослед за углублением реформы, особенно после 1984 г., в деревне очень многие проблемы основного характера стали требовать для своего решения нового этапа реформ. Руководители Китая не нашли в себе решительности, чтобы разрешить эти проблемы. Например, так и не получили разрешения такие вопросы, как проблема системы землепользования в деревне, проблемы организации, проблемы снабжения сырьем, ресурсами, включая сюда и проблему создания системы взаимосвязи и обращения с внешним для деревни миром, проблемы системы снабжения и сбыта, проблемы кредитования и взимания налогов. (10, 65)

Чэнь Ицзы далее говорит о поисках путей экономической реформы.

Он говорит о новой деревне и старом городе.

При этом имеется в виду, что структура экономического планирования в Китае имела своей основой государственные предприятия; ее центральным звеном был контроль над городской экономикой. И как только развернулась реформа в деревне, так очень быстро вошла в острые противоречия новая структура в деревне и старая структура в городе. Становилось совершенно очевидно, что без реформирования старой структуры в городе сельской экономике было невозможно успешно развиваться. (10, 70)

В 1987 г. Чжао Цзяян начал проводить в Сычуани некоторые эксперименты в области реформы предприятий. Он ставил тогда вопрос следующим образом: тот экономический план, который у нас сейчас существует, оторван от реальной действительности, это пустое дело; план должен основываться на рынке; план бесполезен, если он не отвечает требованиям рынка.

В этой связи дискуссия внутри ЦК КПК в то время была главным образом конфликтом между, с одной стороны, утверждениями о том, что плановая экономика должна быть главной, а рыночное регулирование вспомогательным (вспомним, что так ставил вопрос Чэнь Юнь), и постановкой вопроса Чжао Цзяяном, с другой стороны. Конечно, в то время Чжао Цзяян еще не выдвинул свою ясную систематизированную точку зрения на вопросы экономики. (10, 82)

«Сокращение управленческой структуры, передача власти на места, ослабление жесткого контроля» – так Чэнь Ицзы характеризует первый период реформ городской экономической структуры.

В ходе этого процесса были произведены следующие изменения в деле управления предприятиями.

Во-первых, благодаря сокращению административной структуры и передаче власти на места, положение предприятий было облегчено.

Во-вторых, была уменьшена доля директивного планирования, расширено индикативное планирование.

В-третьих, была осуществлена система, при которой на предприятии оставалась определенная часть прибыли.

В-четвертых, была восстановлена система премий для рабочих и служащих.

В-пятых, материальное снабжение, которое ранее было полностью государственным, частично было заменено рыночным.

В-шестых, система, при которой ранее государство в едином порядке закупало продукцию и само занималось ее сбытом, была изменена и была увеличена та часть продукции, которую предприятия имели право сбывать сами.

В-седьмых, различными формами подряда (частичного или полного) была стимулирована активность предприятий. (10, 85)

В-восьмых, была осуществлена система, при которой каждый рабочий и служащий брал на себя ответственность на своем рабочем месте.

В-девятых, на небольшом числе заводов была осуществлена система, при которой всю ответственность брал на себя директор завода, а партийная организация из руководящего положения переходила на положение контролирующего органа.

В-десятых, были созданы собрания представителей рабочих и служащих; это была попытка гарантировать определенные основные права рабочих и служащих. (10, 86)

Далее Чэнь Ицзы рассказывает об эксперименте с открытой политикой; о создании особых экономических зон.

С 1949 по 1978 г. экономика Китая по своей сути принадлежала к закрытым экономикам; она была, по крайней мере, полужакрытой экономикой. (10, 86) Пресловутая закрытая экономика или полужакрытая экономика характеризовалась тем, что экономика Китая фактически была совершенно отрезана от мировой экономики, хотя Китай, с одной стороны, хотел вести межгосударственную торговлю, с другой – одновременно импортировать кое-какие передовое оборудование. В 1960-х и вплоть до конца 1970-х годов Китай (то есть Мао Цзэдун) считал своей государственной политикой пресловутые установки «Независимость и самостоятельность», «опираться на собственные силы» и выдвинул две основополагающие экономические идеи: во-первых, Китай должен независимо строить целостную и законченную экономическую систему национального хозяйства; во-вторых, Китай должен стать единственным в мире государством, у которого нет ни внешних, ни внутренних долгов. Вне всяких сомнений эта позиция шла вразрез с тенденциями в мировой экономике, где все существовали, находясь во взаимной зависимости один от другого. Эта позиция в определенном смысле является экономической

идеей самодостаточности, самоудовлетворения своих потребностей; это расширительное толкование идеологии мелкого крестьянина.

В это время Китай, начиная с 1950-х годов, особенно на протяжении определенного времени в 1960-х и 1970-х годах, высшим принципом своей межгосударственной политики считал выступление против так называемых «империализма, ревизионизма, реакционеров». И таким образом Китай не мог, да и не желал, устанавливать всесторонние экономические связи с западным миром. (10, 87)

После «культурной революции» Китай обнаружил, что он намного отстал.

На этом фоне Дэн Сяопин около 1979 г. неоднократно заявлял: модернизацию Китая необходимо строить на той предпосылке, что он «будет открыт для внешнего мира, и что внутри страны добьется оживления». Это и было официальным выдвиганием политики открытости по отношению к внешнему миру. (10, 88)

Дэн Сяопин, Ху Яобан, Чжао Цзяян с самого начала занимали активную позицию в вопросе о специальных экономических зонах и поддерживали их создание. Чэнь Юнь никогда не отказывался от предвзятого отношения к специальным зонам.

Чэнь Ицзы рассказывает о трудностях экономической реформы.

Первым шагом всесторонней экономической реформы он называет «признание товарной экономики».

Самым важным достижением 3-го пленума ЦК КПК 12-го созыва, состоявшегося в октябре 1984 года, было именно признание того, что товарную экономику нельзя обойти, что нельзя отвергать товарно-денежные отношения. За 35 лет, с 1949 по 1985 г., китайцы заплатили за эти знания и за это понимание цену крови, неисчислимыми потерями в людях, материальных силах, денежных средствах. (10, 96)

Затем Чэнь Ицзы говорит о вынужденных ограничениях, то есть о правиле: «Переходить через реку ощупью, по камушкам». Речь идет об ограничениях в ходе осуществления реформы экономической системы.

Чэнь Ицзы констатирует, что после 3-го пленума ЦК КПК 12-го созыва началась всесторонняя реформа экономической структуры в городах. (10, 97)

В 1984 г. меня (Чэнь Ицзы) назначили директором Института реформы экономической структуры Китая. Бао Тун (помощник Чжао Цзяяна) сказал мне, что институт должен стать таким научно-исследовательским учреждением, где исследования политики и стратегии по уровню были бы выше работ его предшественников. (10, 101)

В 1985 г. ЦК выдвинул предложения относительно седьмого пятилетнего плана; можно сказать, что действительно сформировались мысли от-

носителем всесторонней экономической реформы. Центральная идея этого документа была изложена в трех положениях, то есть во взаимосвязанных трех звеньях. Во-первых, предприятия должны быть самоокупаемыми, то есть должны сами нести ответственность за прибыли и убытки. Во-вторых, необходимо построить законченную рыночную систему. В-третьих, правительство должно осуществлять управление косвенными методами. Три звена, о которых шла речь, в этом документе, со всей ясностью очерчивали в основном будущую экономическую систему. (10, 106)

После 1984 г. в политике открытости Китая для внешнего мира имели место явные успехи: во-первых, уже приобрели некоторый размах четыре специальные экономические зоны; во-вторых, в экономике двух провинций – Гуандун и Фуцзянь, особенно в провинции Гуандун, складывалась совершенно новая атмосфера; в-третьих, очень быстро по всей стране росло привлечение в Китай иностранного капитала, иностранной передовой техники.

Начиная с лета 1984 г. все главные города всех провинций юго-восточного морского побережья выдвинули планы и соображения относительно проведения открытой политики. За этот год центральное правительство приняло решение о дальнейшем открытии 14 прибрежных городов. Это были главные портовые города от Северо-востока до Юго-запада страны: Далянь, Циньхуандао, Тяньцзинь, Яньтай, Циндао, Ляньюньган, Наньгун, Шанхай, Нинбо, Вэньчжоу, Фучжоу, Гуанчжоу, Чжаньцзян, Бэйхай.

Открытие 14 прибрежных городов создало общую ситуацию открытости всей страны. (10, 111)

В 1988 г. политика открытости в Китае уже фактически оказалась в относительно затруднительном положении. Предложенная Чжао Цзыяном «стратегия развития прибрежных районов» имела своим начальным импульсом именно желание прорваться через эти трудности. К несчастью эта стратегия встретилась с возражениями со стороны фракции защищающих прежние порядки, ... не будучи осуществлена, канула в вечность. (10, 113)

Далее Чэнь Ицзы переходит к вопросу об инфляции и проблеме права собственности. Он утверждает, что, начиная со второй половины 1985 г. разбуканье потребления и капиталовложений вызвало инфляцию. (10, 113)

Чэнь Ицзы останавливается в этой связи на вопросе о борьбе по вопросу о стратегии реформ, то есть о реформе цен и реформе системы собственности. (10, 118)

Впоследствии в ходе непрерывных обсуждений все осознали, что необходимо в сочетании, в комплексе осуществлять реформу цен и реформу системы собственности предприятий. Реформа цен – это ключевой момент; реформа системы собственности предприятий – это коренной вопрос. Если не реформировать систему собственности предприятий, тогда и реформа цен может оказаться безрезультатной. (10, 120)

В 1989 г. лауреат Нобелевской премии М.Фридман беседовал в Пекине с Чжао Цзяном о реформе экономики Китая. При этом М.Фридман рассуждал об экономике при общественной собственности и об управлении при плановой системе.

Чжао Цзян тогда высказал два соображения. С одной стороны, об экономике при общественной собственности. Исходя исключительно из того, что общественная экономика является неэффективной, следует осуществлять экономические реформы; без реформ нет и развития. В этом случае встает, однако, вопрос, как проводить реформы? Чжао Цзян говорил: мы, прежде всего, расширим самостоятельность предприятий, затем уменьшаем налогообложение и допускаем получение прибыли. Отчисления прибыли заменяем взиманием налога, предприятие берется на подряд. В конечном итоге пытаемся применить метод акционерных предприятий, в особенности метод, при котором ослабляется право собственности, усиливается право хозяйствования, и некоторую часть государственной экономики преобразовываем в акционерную экономику, и потом решаем вопрос о праве хозяйствования, повышаем эффективность.

Второе соображение заключается в том, что берем вопрос о плановом управлении, готовимся от управления всем и вся перейти к управлению частичному, к управлению большей частью, затем к управлению меньшей частью и, в конечном итоге, к регулированию с помощью рынка.

Вслушав эти соображения относительно последовательности действий, профессор М.Фридман с чрезвычайной похвалой отозвался о таком подходе, сказав, что если вам удастся осуществить ваши замыслы, то это будет действительно (10, 123) талантливое решение. Однако, к сожалению, эти замыслы реформ не удалось впоследствии продвинуть вперед. (10, 124)

Чэнь Ицзы далее переходит к вопросу о препятствиях политического характера, то есть о трудных проблемах в ходе экономической реформы.

При экономических реформах необходимо иметь в качестве гарантии политические реформы. Не была должным образом подготовлена политическая реформа; одновременно встретились препятствия в сфере идеологии. (10, 126)

Когда, реформируя общественную экономику, надо было решить вопрос о праве собственности, то фактически столкнулись с вопросом о политической власти части людей. Экономические реформы натолкнулись также и на препятствия идеологического характера. Это выразилось в том, что в соответствии с догмами традиционной идеологии такая экономическая формация, как общественная экономика, не может быть изменена; (10, 127) когда же впоследствии стали проводить эксперимент с акционерной системой, тогда многие руководители стали бросать упреки, утверждая, что тут водится капиталистическая экономика. (10, 128)

Чэнь Ицзы полагает, что политическая реформа закончилась в то время выкидышем.

С его точки зрения, постановка вопроса о реформе политической структуры – это необходимость, на пути реализации которой возникали многочисленные препятствия и зигзаги.

Значительная часть руководителей, которые в то время держали власть в своих руках, включая Дэн Сяопина, с одной стороны, выражали надежды на то, что Китай станет развитым, богатым и сильным государством, с другой – не допускали и мысли о коренных изменениях существующего строя, системы. (10, 131)

После 1978 г. определенная часть старых кадровых работников снова заняла свои прежние чиновничьи должности, восстановила свои права и власть, положение и интересы, снова стала играть решающую роль на политической арене, что привело к полному и всестороннему восстановлению и возвращению прежней политической структуры. Воплощение в жизнь политики в отношении старых кадровых работников, с одной стороны, являлось исправлением ошибок, которые состояли в том, что в период своего господства «четверка» (а по сути, Мао Цзэдун) нанесла им безжалостные удары, однако, с другой стороны, это привело к тому, что их привилегии или особые права, их власть стали еще более широкими и в еще большей степени, чем раньше, приобрели характер, присущий системе, строю. В то время, когда в ходе «культурной революции» они испытывали на себе удары и репрессии, они как бы очнулись, осознали и попытались изменить существующую систему; но как только впоследствии были восстановлены их политические и экономические привилегии, так они тут же после этого перестали думать об изменении этой системы, этого строя. Последовавшее в дальнейшем так называемое упразднение системы пожизненного нахождения на руководящих постах свелось к тому, что эта система была упразднена лишь номинально, фактически же по-прежнему продолжала существовать. И хотя их власть принимать решения по повседневным текущим делам, и уменьшилась, они, однако, сохранили свою власть принимать решения по важнейшим вопросам путем применения самых разнообразных методов. (10, 132) Определенная часть старых кадровых работников после ухода на пенсию по-прежнему в той или иной степени сохранила всевозможные властные полномочия.

Кроме того, в то время с целью омоложения кадров осуществляли создание так называемого «третьего эшелона», что по сути дела представляло собой метод негласного отбора по воле руководителей относительно молодых кадровых же работников в качестве «преемников» руководителей различных ступеней. Поэтому, хотя отряд кадровых работников и был омоложен, однако метод отбора и выдвижения их стал еще более недемократичным и в высшей степени не соответствовал установлениям законного порядка. Иначе говоря, одновременно с выдвижением линии на

реформы и открытую политику еще более расширились особые властные полномочия, привилегии, как патриархов Коммунистической партии, так и их потомства.

В этих обстоятельствах изменения политической системы не осуществлялись, а возрождение в экономической области могло носить лишь ограниченный характер. Точно таким же образом, в условиях, когда реформа политической системы не осуществлялась, новая идеологическая ситуация, возникшая в ходе реформ и политики открытости, также непрерывно подвергалась давлению и ограничению. (10, 133)

После того, как патриархи, используя «Стену демократии», свалили Хуа Гофэна, Ван Дунсина и других, они быстро ликвидировали «Стену демократии», а ее активистов, таких, как, например, Вэй Цзиньшэн, схватили и посадили в тюрьмы. Был положен конец происходившему тогда переосмыслению десяти лет «культурной революции» и критике Мао Цзэдуна. (10, 133)

В конце 1986 г., после того, как стала углубляться экономическая реформа, когда стали все громче из народа подниматься голоса в пользу политической реформы, когда реформы затронули благоприобретенные права и интересы находившихся у власти, они тут же, опять, теперь уже в начале 1987 г., развернули движение (10, 134) «против буржуазной либерализации», противозаконно сняли с поста и заменили генерального секретаря ЦК КПК Ху Яобана, который настаивал на том, чтобы твердо придерживаться реформ и политики открытости. (10, 135)

В 1986 г. была создана Группа по изучению и обсуждению вопросов реформы политической структуры ЦК КПК во главе с Чжао Цзыяном. (10, 136) Под руководством этой Группы действовала Канцелярия по политической реформе, повседневной работой которой руководил Чэнь Ицзы (10, 137)

Группа направила Дэн Сяопину доклад. В нем выдвигались следующие положения: наша система руководства, существующая в настоящее время, – это система руководства, соответствующая эпохе войн, классово-вой борьбы и массовых движений, а не система, соответствующая потребностям периода мира, периода строительства.

Была создана группа по вопросу о разделении функций между партией и правительством. За ее работу отвечал тогдашний начальник Канцелярии ЦК КПК Вэнь Цзябао. (10, 138)

Многие старики были этим недовольны. Ударам подвергались тогда главным образом следующие из руководителей, которые поддерживали реформы: Ху Яобан, Вань Ли и Чжао Цзыян. Эти три человека в ходе реформы играли роль авангарда. После того, как незаконными методами Ху Яобана убрали с поста генерального секретаря, эти левые начали острее во все большей степени направлять против Вань Ли и Чжао Цзыяна, то есть против людей, которые в то время в ЦК КПК решительно высту-

пали за реформы. Они при этом говорили: «Существует структура, состоящая из Ху Яобана и Чжао Цзяяна; критикуя Ху Яобана, надо непременно критиковать Чжао Цзяяна; если не критиковать Чжао Цзяяна, то не удастся раскритиковать Ху Яобана». Они также утверждали: «Либерализация в политике вызвана либерализацией в экономике; либерализация в экономике создала почву для либерализации в политике». Они заявляли: «Либерализация в экономике как раз и началась с того, что в деревне стали осуществлять доведение подряда до каждого двора». (10, 142)

Ху Цяому, на протяжении длительного времени ведавший работой в сфере идеологии и несущий ответственность за то, что идеология зашла в тупик, заявлял: «В настоящее время в ЦК партии марксисты находятся в меньшинстве; в самые последние несколько лет руководство в нашей партии уже не находилось в руках марксистов». (10, 143)

После XIII съезда КПК Чжао Цзяян, хотя и стал генеральным секретарем, но имел лишь номинальную власть, и уже не имел права принимать экономические решения, которым он пользовался, будучи премьером ГС КНР; он не имел также власти в области расстановки кадров, которой должен был бы пользоваться как генеральный секретарь. В это время главные решения при назначении на посты принимал Чэнь Юнь и группа по кадровым вопросам, составленная из восьми стариков. (11, 3)

КОНЕЦ ДЕСЯТИЛЕТИЯ РЕФОРМ И КРИЗИС 1989 ГОДА

16 мая 1989 г. при встрече с Чжао Цзяном Горбачев сказал: «Встреча генеральных секретарей наших двух партий показывает, что отношения между нашими двумя партиями нормализовались; это имеет важное историческое значение». Чжао Цзян ответил: «Утром Вы встретились с товарищем Дэн Сяопином; именно это и была встреча на высшем уровне наших двух партий». Затем он сделал в этой связи пояснение: «Я сообщу Вам секрет: на 1-ом пленуме ЦК КПК 13-го созыва мы приняли решение по самым важным вопросам по-прежнему просить товарища Дэн Сяопина держать руль в своих руках».

Я спрашиваю: как же должен был поступить Чжао Цзян в ситуации, когда Горбачев именно так поставил этот вопрос? Если бы Чжао Цзян не сделал пояснения, то это было бы равнозначно тому, что он молчаливо согласился со словами Горбачева; только поэтому он и дал такое разъяснение. (11, 44)

Вечером 17 мая в доме Дэн Сяопина состоялось заседание. Дэн Сяопин спросил: что делать? Чжао Цзян предложил применить мягкий метод. Яо Илинь говорил о четырех преступлениях Чжао Цзяна. (11, 45) Первое преступление – Чжао Цзян завел экономику в состояние беспорядка, осуществлял экономику капиталистического рынка, а не социалистическую товарную экономику; второе – Чжао Цзян поддерживал студентов, поддерживал беспорядки, не сохранял единство с ЦК партии, не сохранял единство с товарищем Дэн Сяопином; третье – Чжао Цзян расколол партию; четвертое – два сына Чжао Цзяна являются самыми крупными «разложившимися чиновниками», а Чжао Цзян санкционировал их разложение. Затем было принято решение о введении чрезвычайного положения. Чжао Цзян в связи с этим ушел с поста генерального секретаря ЦК КПК. (11, 46)

Высказали свое несогласие с применением войск три заместителя председателя ПК ВСНП, которые служили в армии. Среди более 800 находящихся в отставке генералов более 500 человек ясно высказались против использования армии в целях подавления движения. (11, 49)

8 мая Дэн Сяопин начал вызывать к себе руководителей больших военных округов, родов войск и видов вооруженных сил, планируя передислокацию войск, к 17 мая он практически уже провел подготовку к подавлению. (11, 50)

Немногочисленные старики, которые не имели никаких постов в Политбюро и в ЦК КПК (например, Дэн Сяопин не был членом ЦК КПК), опираясь на десятки тысяч солдат, на армию, подавили город, вынудили ЦК КПК и Политбюро принять их политическую волю; такое случилось все-таки впервые. Именно в такой обстановке Чжао Цзыян потерял власть, а кадровые работники среднего и высшего звена были поставлены перед фактом; Ли Пэн объявил о введении чрезвычайного положения. После того, как в опоре на вооруженную силу, на армию был осуществлен политический переворот, после того, как свели счеты с фракцией реформ, внутри партии были подавлены силы, сочувствующие демократическому движению, постепенно воцарилась тишина. (11, 51)

После того, как 19 мая было объявлено о введении чрезвычайного положения, в тот же вечер площадь Тяньаньмэнь заполнили миллион или даже два миллиона человек. Это было явной противоположностью тому, что происходило во время событий 5 апреля 1976 г. Тогда (при жизни и правлении Мао Цздуна), после того, как У Дэ (первый секретарь парткома города Пекина) объявил о введении чрезвычайного положения, большинство людей разбежались, ушли, осталась меньшая часть людей, которые были избиты и схвачены. (11, 51)

А на сей раз после того, как Ли Пэн объявил о введении чрезвычайного положения, люди стали группами за группой стекаться бегом на площадь Тяньаньмэнь. Это показывает, что 10 лет реформ привели к огромным изменениям в социальной основе китайского общества; теперь уже большинство населения требовало демократии, свободы, выступало против диктатуры, разложения, привилегий, особых прав.

Введение чрезвычайного положения не дало ожидаемого результата; демократическое движение не пошло на убыль. Тогда Дэн Сяопин, Ян Шанкунь и Ли Пэн и иже с ними, в конце концов, двинули вперед регулярные войска, применили танки, бронемашину, автоматическое оружие и устроили редкую и для Китая и для внешнего мира кровавую расправу, подавили демократическое движение 1989 г. После этого снова в масштабах всей страны провели широкую волну арестов. С помощью кровавого террора, устрашения добились временного «порядка» и «стабильности», чтобы сохранить и защитить свою власть. (11, 52)

Чэнь Ицзы называет следующую часть своей книги: «Размышления после поражения».

В этой части он говорит о том, что нынешнее патриотическое демократическое движение 1989 г. является движением, авангард которого составили студенты и в котором приняли широкое участие различные слои населения. Если бы не авангардная роль студентов, не их смелость, не отсутствие у них страха, то движение не затронуло бы в такой степени различные слои общества. (11, 52) Без широкого участия и поддержки различных слоев общества студенческое движение испытывало бы боль-

шие трудности в своем желании сохраняться и продолжаться в течение длительного времени.

Демократическое движение 1989 г. и борьба внутри партии взаимно дополняли друг друга. Основные противоречия в обществе носили долговременный характер и не находили решения; это было результатом того, что внутри партии велась борьба, проблемы не решались, лишь все больше затягивались их решения. (11, 53)

Дэн Сяопин полностью репрессировал и искоренил тех людей, которые находились рядом с ним и поддерживали реформы и открытую политику. Чжао Цзыян – тот человек внутри КПК и правительства, которому в наибольшей степени присущи идеи реформ (11, 57); в этот исторически важный ключевой момент он продемонстрировал смелость и личные качества, которых никогда не было у руководителей Компартии Китая. Более 10 лет он прилагал максимальные усилия, однако из-за того, что перед ним находилась старая структура и группа находящихся в состоянии маразма, омертвления и имеющих влияние стариков, а также в силу того, что он также считал, что его выдвинул и поддерживал Дэн Сяопин, и, учитывая то, что он вырос при этой системе, Чжао Цзыян в конечном счете и превратился в героя трагедийного плана. (11, 58) (Чэнь Ицзы закончил эту свою книгу в 1990 г.)

Чэнь Ицзы далее говорит о глубоком кризисе системы.

С его точки зрения, кризис в Китае – это синдром социализма плюс синдром развития.

Перед китайским обществом давно уже маячит огромный и широчайший кризис. Он многосторонен в своих проявлениях; сюда включается политический кризис, экономический кризис, социальный кризис, кризис в области культуры и даже кризис расы. Когда я говорю о кризисе расы, – подчеркивает Чэнь Ицзы, – то я не имею в виду, что плоха или не хороша раса Китая, а имею в виду то, что нынешняя система или нынешний строй в Китае, такой, какой он есть, привел к тому, что на протяжении 40 лет население не перемещалось, не происходило движение населения, а потому близкие родственники вступали в брак, что несло с собой невиданное снижение качества населения. (11, 59)

Обобщая, можно сказать, что кризис, проявившийся в Китае, является и синдромом, которым страдают развивающиеся страны (например, в развивающихся странах обычно проявляются инфляция, нехватка валюты, несправедливое распределение, разложение чиновников, утечка кадров за границу ит.д.), в то же время это и тот синдром, который поразил все страны сталинской модели, синдром социализма; это зачастую проявляется в следующем: не разграничиваются функции партии и государственной власти, не разграничиваются функции государственных учреждений и предприятий, у народа нет стимула и активности, общественная

экономика неэффективна; все, как говорится, едят из большого общего котла, берут себе железную чашку риса (11, 59), и все это приводит к разного рода порокам и злоупотреблениям.

Кроме того, имеет место также и кризис духа нации; возник синдром национального духа. Можно сказать, что такого рода кризис возник и уже имел место, начиная с Опиумной войны 1840 г. Во время движения 4 мая 1919 г. ратовали за демократию и науку, за то, чтобы отвергнуть конфуцианство, и это сыграло огромную роль в деле освобождения людей от пут устаревших идей. Однако, с другой стороны, возникло и слепое преклонение перед Западом, полное отрицание культуры Востока, а в результате целое поколение, а затем два и даже три поколения стали слепо поклоняться перед заграничным, заокеанским; возникли и национальный нигилизм и национальное самоуничтожение. Такие люди слепо преклонялись либо перед Европой и Америкой, либо перед Советским Союзом. Они поклонялись единственному божеству – марксизму, а это еще более усилило, углубило и обострило кризис национального духа Китая. (11, 60)

Чэнь Ицзы называет пороки и болезни строя: военный коммунизм плюс сталинская модель да плюс к тому восточный деспотизм.

Говоря по сути дела, нынешний кризис Китая порожден самим строем, который был создан на протяжении этих 40 с лишним лет.

В таком случае, какой же строй создан в Китае спустя упомянутые 40 лет?

Можно сказать, что он формировался под воздействием трех факторов: (11, 60)

Первый фактор – продолжение военного коммунизма. Коммунистическая партия завоевала власть с помощью вооруженной борьбы; большая группа кадровых работников из армии была переведена в руководящие учреждения повсеместно; система военного коммунизма, которая была создана в годы войны, продолжала использоваться для строительства государства.

Второй фактор – сталинская модель. Перенесенная на китайскую почву, сталинская модель возникла на особом международном и внутреннем фоне. И эта система, при которой сочетались строгая плановая экономика и сконцентрированная в центре государственная политическая власть, на короткое время оказывалась эффективной в целях распределения ресурсов, переброски рабочей силы, материальных сил, финансов. В Китай была пересажена такая система, был создан такой строй, основой которого стала общественная собственность, а особенностью, которой стала политическая диктатура.

Третий фактор – продолжение и наследование феодальных традиций Китая; люди часто называют это восточной диктатурой, восточным деспотизмом, абсолютизмом.

Зависимость и иждивенчество, с одной стороны, всесилие и универсальность, с другой стороны, – таковы две особенности современного строя в Китае.

Три вышеозначенных фактора в совокупности привели к тому, что в Китае сложилась система государственного социализма, которая является еще более строгой, плотной или глухой, чем в СССР и в странах Восточной Европы.

Этот государственный социализм несет в себе махровые особенности феодально-военной диктатуры. При этом строе Коммунистическая партия строжайшим образом контролирует все политические, законодательные, административные, судебные, военные, экономические организации, организации в сфере общественного мнения, культуры, образования, общественные и религиозные организации; этот контроль распространяется и доходит даже до каждого отдельного человека; партия все строжайшим образом себе подчиняет и все контролирует. (11, 61)

Свобода и демократические права, которые человек получает со своим рождением, у индивида отняты. И нет никакой организации, которая могла бы самостоятельно представлять интересы народных масс.

Я говорю об этом, – подчеркивает Чэнь Ицзы, – прежде всего, по той именно причине, что данная система общественной собственности является системой собственности государства, которая в свою очередь является монопольной собственностью небольшого числа руководителей. Каждый отдельный человек лишен права на собственность, его минимальное существование зависит от экономической организации (то есть от учреждения, предприятия, где он работает), которую контролируют партия и правительство. Поэтому данная система государственной собственности страшнее политической власти любой политической диктатуры древности и современности. Свобода слова всех людей, их политические права также находятся в зависимости от партии и государства. В случае инакомыслия людей могут репрессировать, могут исключить и отлучить и даже могут преследовать и их родных, друзей, детей.

Китай отличается от СССР и Восточной Европы. Это отличие состоит именно в том, что в Китае к плановой экономике и политике концентрации власти присовокупляются еще экономические идеи крестьянской уравнительности и политические представления, структуры и формы, архитекtonика феодального характера, в которых находится место и для князей. Например, можно сказать, что когда в 1958 г. создавали народные коммуны, то в Китае было осуществлено то, что не удалось провести в жизнь даже во времена Тайпинского восстания, а ведь тогда речь шла о «системе, при которой все поля принадлежали бы Небесной династии». При создании «народных коммун» мужчин сконцентрировали вместе, женщин тоже собрали вместе, создали из них взводы, роты, батальоны, полки и с помощью армейской системы ввели организацию по военному

образцу; даже муж и жена не могли жить вместе как супруги, и распределение доходов было целиком и полностью уравнилельным. Каждый руководитель определенного ранга был главой семьи соответствующего уровня; был маленьким императором того или иного ранга, имея на своем уровне высшую власть, породить или убить, дать или отнять. (11, 62)

Поэтому мы могли бы обобщить все это следующим образом: коммунистическая структура в Китае имеет две чрезвычайно выпуклые особенности. Первая – это зависимость и иждивенчество. Вторая – это всесилие и универсальность. Говоря о зависимости и иждивенчестве, мы имеем в виду следующее: самые различные экономические и социальные организации, все как одна, входят в структуру рангов или уровней в той золотой пагоде, где низшие подчиняются высшим. Такого рода отношения, при которых каждый слой (или этаж) зависит от другого слоя, приводит к тому, что каждой организации не хватает минимума жизненной силы, жизнеспособности. Говоря о всесии и универсальности, мы имеем в виду то, что любая экономическая или социальная организация, развивая свои функции, одновременно вынуждена выполнять почти все, то есть всесторонние функции общественной жизни общества, иначе говоря, быть универсальной. От центра, то есть от ЦК, до организаций на местах, до низовых организаций, каждая единица или организация должна выполнять свою собственную работу и должна заниматься всеми вопросами в своей организации – рождение, старость, болезни, смерть, пища, транспорт; в результате теряется эффективность. (11, 63)

Далее Чэнь Ицзы прямо ставит вопрос следующим образом: «Что это за штука такая “Четыре Основных Принципа”?»

По официальной китайской версии, власти считают «Четыре Основных Принципа» основой основ государства. С тех пор, как в течение 10 лет осуществляются реформы и политика открытости Китая для внешнего мира, хотя Дэн Сяопин и соглашался с тем, что практика является единственным критерием истины, хотя он и говорил, что вне зависимости от того, белая кошка или черная, хороша та кошка, что схватит мышшь, однако как только реформы стали разбивать и прорывать рамки прежней системы, он в опоре на так называемые «Четыре Основных Принципа» ограничил дальнейшие реформы.

Что же такое на практике эти «Четыре Основных Принципа»? (11, 63)

Прежде всего, речь идет о пресловутом намерении «твердо придерживаться марксизма». Практически же это только ширма, вывеска. Однако практически и фактически все социалистические государства сталинской модели как раз и отличаются тем, что в них степень демократии народа испытывает ограничения, таланты и способности человека не могут получать развития, у людей нет свободы выбора, нет свободы жить там, где они хотят, нет свободы слова, нет никаких свобод. При этом эффективность производства падает, потому что у человека отсутствует активность.

Что же касается такого направления, как демократизация в ходе политической реформы, то Ли Пэн, Цзян Цзэминь – все они уже много раз говорили, что политическая реформа ослабляет руководящее положение и руководящую роль партии, разваливает или разлагает партийную организацию. (11, 79)

Особое, чрезвычайно глубокое и далеко идущее влияние на широкие массы народа, на интеллигенцию и на кадровых работников в Китае оказало то, что в СССР, где впервые был создан социализм и осуществлена сталинская модель, было покончено с диктатурой одной партии. (11, 88)

652

Ядро реформ, их суть состоит в преобразовании общественной собственности в экономике и однопартийной диктатуры в политике, в развале всемогущей универсальной системы или структуры, в которой сочетаются план и тоталитаризм. Если в этом деле удастся добиться успеха, тогда эта система, этот строй больше никогда не возродятся и не будут существовать. (11, 142)

В истории Китая были люди, которые полностью отрицали свои традиции, слепо преклонялись или создавали себе культ из Европы, Америки, а затем из Советской России, однако их сон сменился пробуждением и на смену крайностям приходит трезвый и спокойный взгляд.

Вполне вероятно, что мы сможем создать новую систему, новый строй, который будет, с одной стороны, наследовать лучшие традиции Востока и, с другой стороны, будет впитывать цивилизацию Запада. (11, 143)

**ТЕЛЕСЕРИАЛ
«ПЛЯЧ ПО РЕКЕ»**

ИСТОРИЯ КИТАЯ В ТЕЛЕ- СЕРИАЛЕ «ПЛАЧ ПО РЕКЕ»

654

ТА
И
С
Т
О
Р
И
Я
К
И
Т
А
Я
В
Т
Е
Л
Е
С
Е
Р
И
А
Л
Е
«
П
Л
А
Ч
П
О
Р
Е
К
Е
»

События 1987–1989 гг. в Китае – это противостояние и сшибка двух политических сил: сторонников экономических и политических реформ, с одной стороны, и тех, кто стремился удержаться у власти, затормозить или даже повернуть вспять экономические реформы и не допустить осуществления политических реформ, с другой стороны.

В свое время мне довелось написать работу на эту тему*. Эта работа состояла из трех частей.

В первой части была приведена хроника событий 1989 г., изложены версии властей и студентов, а также их авторское видение.

Далее анализировались положение студентов, вызревание движения, начало выступлений, появление студенческих организаций и объявление их незаконными, обращение с петициями, обострение противостояния и начало голодовки студентов, введение чрезвычайного положения, вооруженное подавление движения студентов, позиция интеллигенции, акция Лю Сяобо, взгляды Су Шаочжи, Янь Цзяци, Ху Цзивэя, Чэнь Ицзы.

Во второй части рассматривалось состояние КПК, деятельность Ху Яобана, шанхайский конфликт вокруг газеты «Шицзе цзинци даоба», предложения Чжао Цзыяна, встречи Чжао Цзыяна и Дэн Сяопина с М.С. Горбачевым, уход Чжао Цзыяна с поста генерального секретаря ЦК КПК, введение чрезвычайного положения и подавление студенческого движения.

В третьей части подробно излагается содержание телесериала «Плач по Реке», рассказывается о позиции в этой связи Чжао Цзыяна, анализируются взгляды его противников.

Нам представляется необходимым в данном случае сосредоточиться на телевизионном сериале «Плач по Реке», так как остальные вопросы в той или иной степени уже затрагивались. Интересующиеся могут дополнительно обратиться к полному тексту упомянутой здесь работы о противостоянии в Пекине в 1989 г.

* См.: Галенович Ю.М. Противостояние: Пекин, Тяньаньмэнь, 1989 год. Часть 1. Студенчество и интеллигенция // Информационный бюллетень № 6; Часть 2. Коммунистическая партия Китая // Информационный бюллетень № 7. Часть 3. Телесериал «Плач по Реке» // Информационный бюллетень № 8. – М.: ИДВ РАН, 1995.

Многим крупным внутривосточным событиям в КНР сопутствует борьба по идеологическим вопросам, проявляющаяся в спорах вокруг того или иного произведения литературы и искусства.

В свое время, в 1965 г., прологом «культурной революции» были события, связанные с публикацией статьи, в которой критике подвергалась историческая драма «Разжалование Хай Жуя» и ее автор известный историк У Хань.

Событиям 1989 г. предшествовала история, связанная с показом по телевидению публицистического фильма-размышления, состоявшего из нескольких серий, название которого по-китайски звучит «ХЭ ШАН».

«ХЭ» в переводе на русский язык означает «река». В данном случае имеется в виду река Хуанхэ («Желтая река») как символ Китая, его цивилизации. «ШАН» в переводе на русский язык означает понятие, не существующее у нас, но имеющееся в Китае: «ранняя смерть, смерть до достижения совершеннолетия»¹.

Таким образом, представляется, что название этого телесериала вмещает в себя следующее содержание: «О том, как и почему погибла древняя китайская цивилизация, не достигнув возраста зрелости; о том, как мы скорбим в этой связи, но осознаем этот факт и ищем выход из создавшегося положения». В названии звучит скорбь по неприкаянности Китая, бесприютности его духа. Это Плач по Реке, по усопшей и не принесшей Китаю выхода на уровень развития современного мира китайской цивилизации. Для простоты и краткости и чисто условно мы будем пользоваться терминами «Плач по Реке» или просто «Плач».

Авторы фильма, как нам представляется, полагают, что погибла не сама Река (то есть не сам Китай и не сама его цивилизация); мертвыми на время стали ее воды, будучи заключены в тюрьму стенами экономических и политических порядков, способами управления обществом в стране. Однако другой Реки нет, ее не существует в природе. Существовать и жить придется на этой реке. Но есть другое направление развития, другие методы организации жизни общества. Следовательно, стоит вопрос о выживании, Спасении нации, о путях Спасения.

Авторы фильма считают, что необходимо снова одушевить Китай, наполнить новым содержанием китайскую цивилизацию, видя ее как часть общемировой цивилизации, а не продолжать по инерции замыкаться в любовании ее специфической усопшей красотой и совершенством. Авторы фильма ищут пути выхода Китая на уровень современных развитых стран. При этом они полагают, что надо избавляться от многих старых представлений и от старого образа мышления, так как именно он и заводил в прошлом Китай в тупики экономической, социальной и политической жизни.

Обширная литература об этом фильме появлялась в КНР волнами дважды. В первый раз в связи с его выходом на телеэкран в июне 1988 г.

Тогда о нем писали одобрительно. Второй раз фильм оказался в центре внимания уже после событий 4 июня 1989 г. Тогда о нем говорили исключительно в отрицательном тоне².

Для того чтобы иметь основу для сопоставления различных точек зрения по важным вопросам и, прежде всего взглядов на историю Китая, историю китайской и мировой цивилизации, необходимо привести здесь ряд высказываний авторов телевизионного фильма «Плач по Реке», содержащихся в пояснительном тексте к фильму.

Составителями пояснительного текста к фильму были Су Сяокан, Ван Лусян, а также Чжан Ган, Се Сюаньцзюнь, Юань Чжимин. В пояснительный текст вкраплены рассуждения целого ряда политических деятелей, писателей, ученых – специалистов в области мифологии и т. д.

Авторы телефильма полагали, что цивилизация, порожденная на берегах реки Хуанхэ, действительно является чрезвычайно рано созревшей цивилизацией в истории человечества. Борьба с суровым климатом и наводнениями привела к тому, что китайцы, по крайней мере, на 1000 лет раньше, чем на Западе, овладели такими техническими навыками, как водопользование, летоисчисление, землемерие, а также земледелие, разведение домашнего скота, гончарное мастерство, выплавка металла. Однако по этой же причине в Китае пошли по пути чисто восточного типа в области исторической эволюции, управления общественным механизмом, политической ориентации.

И далее авторы указывали на то, что демократию, свободу, равноправие – все эти вещи очень трудно превратить в «азиатские»³.

Авторы телефильма считали, что «заря цивилизации взошла из Азии, как солнце поднимается с Востока. Однако прошло 5 тыс. лет, азиатское солнце померкло. Все эти древние цивилизации, которые засверкали самими первыми, также раньше или позже одна за другой меркнут»⁴.

«В процессе продвижения человечества от дикости и варварства к цивилизации обычный путь, имеющий всемирный характер, это фактически азиатская форма восточного типа. Профессор Чжан Гуанчжи (Хартфордский университет) исследовал сходство китайской цивилизации и цивилизации майя и пришел к выводу о том, что обе они имеют единого предка и являются его наследниками, относясь к различным эпохам, а также, будучи географически расположены в различных районах мира. Он полагает, что древние цивилизации Азии, Африки и Америки имеют сходные общие свойства.

Поэтому китайская цивилизация вовсе не является в высшей степени особой, специфичной и необычной. Ее продолжительность – это не что иное, как последние конвульсии древнего мира. Вызов, с которым встретилась Азия – это вызов, брошенный Европой всему человечеству»⁵.

Каково же отношение современных поколений китайцев к своей древней цивилизации?

«Преклонение перед драконом как будто бы может подтвердить, что в душе нашей нации, в самой ее глубине все еще лелеется та древняя культура, которую породила река Хуанхэ. Она все еще сохраняется в царстве исторических теней наших предков. Так вот и живет эта душа во сне. Сегодня действительно пришло для нее время окончательно проснуться.

Наш сон о тысячелетней империи давно уже закончился, это случилось при императоре Канси. Сегодня же самое важное состоит в том, чтобы снова не обманывать себя. Цивилизация угасла. Но мы не должны убиваться по этому поводу. Все без исключения мировые цивилизации, существовавшие в бассейнах великих рек, погибли. Английский историк Тойнби подсчитал, что из 21 цивилизации, возникшей в истории человечества, следы 14 уже утеряны, утрачены, 6 как раз сейчас находятся в состоянии упадка, и только цивилизация древней Греции преобразовалась в промышленную цивилизацию, волны которой захлестывают весь мир. Мы должны смело смотреть в глаза подлинной истории»⁶.

Авторы «Плача» продолжают: «история бесчисленное число раз доказывала, что истоки угасания цивилизации – это не удары внешних сил, а регресс внутреннего механизма.

Тойнби говорил, что внешний враг способен самое большее на то, чтобы нанести последний удар по тому обществу, которое совершило самоубийство, но еще не испустило последний вздох.

На протяжении нескольких тысячелетий цивилизация реки Хуанхэ многократно испытывала на себе удары из-за рубежа, однако в конечном счете она не рушилась. В прошлом мы восхищались силой ассимиляции, заложенной в этой могучей цивилизации. Однако сегодня, в конце XX века, хотя внешние удары больше не сопровождаются громом могучих артиллерийских орудий и железной пятой захватчика, тем не менее, наша древняя цивилизация более не способна поставить преграду на пути этого вмешательства.

Она уже одряхла. Она требует дополнительных новых семян цивилизации. То, что Хуанхэ могла дать нам, она уже давно дала нашим предкам. Наши предки уже создали цивилизацию. Хуанхэ не способна породить ее еще раз. Мы же должны создать новую цивилизацию. Она не может снова выйти из бассейна реки Хуанхэ. Отбросы старой цивилизации подобно речному илу уже покрыли берега Хуанхэ, они забили кровеносные сосуды нашей нации. Необходимо наводнение, чтобы прочистить русло и каналы.

Это наводнение уже здесь. Это – промышленная цивилизация. Она зовет нас под свои знамена!»⁷

Как же происходило знакомство Китая с Западом?

Авторы фильма подают это следующим образом:

«2 февраля 1972 г. президент США Никсон пожал руку Чжоу Эньлаю. С тех пор, как родился Новый Китай, Китай впервые пожал руку Западу.

Спустя 7 лет Дэн Сяопин посетил США. Это тоже было первым настоящим продвижением Китая на Запад.

Как же трудно было Китаю совершить этот шаг. Не ныряя в глубины истории, вспомним следующее: разве во времена “культурной революции” “четверка” не вопила о том, что “покупать иностранные суда – это означает заниматься компрадорством (продажей своей родины. – Ю.Г.)”? И когда мы, наконец, объявили всему миру, что мы открываем двери во внешний мир, когда мы внезапно распахнули ворота государства, какими незнакомцами мы оказались перед этой планетой...

Жители государства, которое на протяжении слишком долгого времени отгораживалось и закрывалось, представители нации, которая изначально определила себя и считала себя нацией “Центрального Великого Государства”, могли осознать и воспринять необходимость того, чего от них требовали, то есть открыть ворота страны, пойти навстречу всему миру, только пройдя через бесчисленные трудности и унижения. Это был трудный выбор. Но это был и мудрый выбор.

Этот выбор, если добраться до самой сути, до самых корней или истоков, является также и исторической судьбой (Китая. – Ю.Г.). Если сегодня мы обратимся к истории, то обнаружим, что то, что вершило судьбу наших предков, как раз и вынуждает нас сделать этот выбор!»⁸

Авторы фильма считают, что китайская нация, нация Китая, китайская цивилизация, цивилизация Китая, изначально была связана с лессовыми желтыми почвами бассейна реки Хуанхэ. Судьба нации и цивилизации неразрывно и естественно связана с желтой землей. При этом предки современных китайцев вполне обоснованно гордились тем, что их цивилизация, порожденная на желтой земле, земледельческая цивилизация, была по своему уровню выше цивилизаций соседних с ними северных кочевников-скотоводов.

В этой связи ставится риторический вопрос: «Разве можно отрицать прогрессивный характер сельскохозяйственной цивилизации древних китайцев в период до появления промышленной цивилизации?»⁹

Вполне естественным было стремление оградить эту цивилизацию, защитить ее от северных враждебных кочевников. В этой ситуации возникла и великая китайская стена. Она принесла с собой и мысли о том, что таким образом можно и нужно поставить преграду от разбоя со стороны скотоводческих наций; внутри же страны, то есть самого Китая, это порождало стремление к сцеплению, центробежные силы. Все это давило на народ внутри страны, подталкивало его к концентрации власти в одном центре, в ядре. Тому, кто был способен овладеть землями, горами, реками и самим народом внутри великой китайской стены, она казалась стеной, как бы огораживающей ее собственный двор¹⁰.

Горы на севере, и на западе, море на востоке и юге отрезали Китай от других частей мира, от взаимодействия с могущественными империями

и государствами. В замкнутом пространстве китайцы привыкли к тому, что все вращается вокруг одних и тех же понятий, в одной и той же среде; неизменность и повторяемость всего сущего стала привычной для мышления китайцев. Китайцы привыкли к ходу столетий и тысячелетий, к тому, что что-то дряхлеет, что-то приходит на смену, но в принципе ничто не меняется. Огромные потрясения в обществе и страдания людей – все это представлялось только небольшими эпизодами в бесконечной истории. «В мире не было другой такой нации, как китайцы, которая обладала бы таким глубоким чувством истории; и в то же время никому, кроме китайцев, не была присуща такая философия жизни, философия уникальная, философия покорности велению Неба, велению судьбы»¹¹.

Великая китайская стена не удержала орды Чингисхана. Попытки в середине XV века подновлять стену были уже совершенно безнадежны. Через некоторое время император Канси признал, что строить стену бесполезно¹².

Авторы напоминают, что при династии Мин знаменитый китайский полководец Ци Цзигуан (умер в 1588 г.) прилагал огромные усилия для того, чтобы оградить Китай от нападений. При этом он даже создал военно-морской флот Китая, который был предназначен для того, чтобы служить продолжением Великой китайской стены на море и охранять рубежи Китая. Авторы фильма спрашивают: почему так случилось в истории, что другие государства выходили в моря и океаны для того, чтобы открывать новые страны, брать за морями полезное для себя, а в Китае флот создавался лишь для того, чтобы оградить недвижный Китай?¹³

В Китае Великую китайскую стену и сейчас весьма почитают. Знают и говорят о том, что она является единственным инженерным сооружением, которое можно увидеть из космоса. (Со своей стороны заметим, что из космоса, как говорят, можно увидеть и морские дамбы, защищающие земли Нидерландов. – Ю.Г.) В Китае гордятся этим. Люди в Китае даже настаивают на том, чтобы считать Великую китайскую стену символом мощи своей страны. Но если бы эта стена смогла заговорить, то она могла бы честно сообщить потомкам древних китайцев, что она является памятником великой трагедии, которая была порождена исторической судьбой. Она никак не может служить символом мощи и силы, прогресса и процветания. Она символизирует только закрытость и обособленность, консерватизм, бессилие в обороне и неспособность на продвижение вперед. Почему мы должны воспевать ее, спрашивают авторы фильма¹⁴.

Авторы фильма напоминают о том, что ученые давно обнаружили, что Великая китайская стена проходит именно там, где пролегла естественная разграничительная линия между земледельческими и неземледельческими регионами¹⁵.

«Наши предки никоим образом не могли выбраться за рамки земли и сельского хозяйства». Их самым значительным поступком оказалось со-

здание стены, которой они ограждали свои занятия на земле. Главное, что было характерно для действий китайцев на севере их земель до XV столетия, это оказание отпора северянам.

XV век явился ключевым для человечества в целом. Человечество начало переносить свои взоры с суши на моря и океаны. И на Востоке и на Западе история справедливо предоставила всем делать выбор¹⁶.

Император Чжу Юаньчжан, конечно, сделал великое дело для китайцев. Он изгнал кочевников-завоевателей. Однако Чжу Юаньчжан просто панически боялся того, чтобы китайцы покидали сушу и землю. Он издавал строгие указы, запрещавшие выход китайцев на кораблях в моря и океаны, а также не допускал ухода людей с земель, на которых они жили. Он полагал, что его империя будет прочной только тогда, когда люди будут привязаны к земле. Именно при нем был установлен порядок, согласно которому каждый китаец, снимающийся с насиженного места, должен был иметь соответствующий документ¹⁷.

В результате в Китае не было ни передвижений людей, ни торговли. Земля, как источник существования, и диктатура (абсолютная власть монарха) намертво связали людей Китая; как мог в этих условиях на протяжении сотен лет человек Китая понять, что такое свобода и торговля?

И все-таки китайцы стояли на берегу моря. Они привыкли к суше. Какой же выбор они сделали?

Начиная с 1405 г. большой китайский флот под водительством Чжэн Хэ на протяжении 28 лет 7 раз бороздил океаны и моря, побывал в Юго-Восточной и в Южной Азии, в арабских странах и на восточном побережье Африки. Это было грандиозное и неповторимое в истории человечества того времени предприятие. Это свершилось раньше, чем в моря вышли европейцы в этом районе. Каков же был результат? Все эти путешествия были совершены не с торговыми целями и не принесли никакой прибыли китайцам. Они были чисто политическими акциями. Они были проделаны для того, чтобы утвердить «самую священную власть» китайского монарха за рубежами. Китайские мореплаватели не могли выйти за рамки своих ограниченных представлений и идей. «Хотя люди Китая и вышли в море, однако они по-прежнему не смогли преодолеть существовавший для них на суше узкий круг идей и действий. История избрала людей Китая, но люди Китая не смогли избрать историю»¹⁸.

Спустя 40 лет после путешествий Чжэн Хэ, когда исчезли и следы его эскадры, слабые суденышки португальца Васко да Гамы появились в Индийском океане, европейцы начали эпоху великих исторических открытий¹⁹. В «Плаче» утверждается, что «это было и историческим совпадением и исторической неизбежностью».

Азия – «место, где восходит солнце», место, где началась история человечества; из-за того, что Азия упустила великий исторический выбор, она перестала быть тем местом, откуда восходит солнце.

Цивилизация Китая, которая когда-то была передовой на этой планете, в этой ситуации была вынуждена готовиться принимать судьбу, которая несла ей унижения и пассивное состояние²⁰.

Со стороны моря пришла в Китай новая цивилизация. Она была никак не похожа на ту культуру, которая была присуща скотоводам-кочевникам, затоплявшим (нападавшим на) Китай с севера. Древняя земледельческая цивилизация китайцев больше не могла ассимилировать новую культуру, которая шла с Запада. И тогда одновременно разразились и гибель расы, и кризис цивилизации²¹.

Возникло противоречие: для того, чтобы спасти нацию от гибели, нужно было удерживать пришедших извне разбойников за пределами Китая; а для того спасти цивилизацию от умирания, нужно было открыть двери государства, встречать новую зарю Науки и Демократии²².

Сегодня требуется понять, что какой бы длинной ни была Хуанхэ, она, в конце концов, впадает в море, в океан. Китай не должен больше отказываться от приглашения, которое посылает ему море²³.

В фильме задается вопрос о том, почему свет китайской цивилизации, который горел впереди на протяжении тысячелетий, начиная с XVII века, померк? Почему такая мудрая нация, как китайская, стала столь отсталой и одряхлела? Почему она утратила то, чем только вчера владела?²⁴

Авторы фильма считают, что китайская культура с самого начала была сплавом различных элементов и предков у китайцев было два, а не один²⁵.

Расцвет литературы и искусства Китая приходится на эпоху Тан, а наивысшие достижения в области науки и техники имели место в эпоху Сун²⁶. Многие были изобретены в Китае, но затем Китай оказался бессильным перед последствиями своих же изобретений, когда их применяли и развивали иностранцы.

XVI и XVII века были тем временем, когда китайцы отстали в области науки и техники.

Авторы фильма приводят высказывание Ху Ши, который считал, что в то время как китайцы умножали свои книжные знания, естественные науки на Западе создали целый «Новый мир»²⁷.

И вот начиная с XVII века этот «Новый Мир» стал стучаться в двери Китая, который замуровал себя. В 1582 г. в Китай приехал Матео Риччи. Он умер в Пекине в 1610 г. Его обычно считали в Китае «орудием агрессии Запада в области культуры». Очевидно, так произошло потому, что Китай уже не был тогда так открыт для внешнего мира, как в эпоху Тан. А ведь М. Риччи впервые сказал китайцам, что они находятся не в центре мироздания, а в некоем месте в северной половине земного шара. Сочинения, которые привез с собой М. Риччи, до сих пор хранятся в Пекинской библиотеке. М. Риччи надо было считать таким же носителем знаний, как и древних индийцев, культуру которых в свое время восприняли в Китае. М. Риччи был представителем той новой цивилизации, того хри-

стианства, которые были носителями просвещения и которые отбросили средневековую тьму²⁸.

В фильме говорится, что корень зла состоял для Китая в том, что императоры династии Цин, последней царствовавшей в Китае династии, сложили из огромных каменных глыб стену вокруг всей страны, вокруг царства своих сновидений, своих представлений о мире и о Китае. При этом они не отказывались от предметов роскоши и личных удобств, которые с удовольствием ввозили с Запада. Но для того, чтобы изолировать Китай от воздействия Запада, они использовали свои вооруженные силы, восьмизнаменные войска. Они накрепко заперли ворота Китая. Они закрыли, законопатили все щели на всей береговой линии Китая, во всех торговых портах. Они преграждали путь военным кораблям, приплывавшим из стран Запада, ставя заслоны из человеческой плоти, допотопного оружия, самодельных устаревших орудий. Результатом явилось разрушение их «снов золотых»²⁹.

В Пекине есть два места, которые любят посещать китайцы. Это развалины дворца Юаньминъюань и развалины или остатки Великой китайской стены. Людям, которые взобрались на остатки стены, кажется, что она символизирует мощь и расцвет Китая; оттуда, сверху, со стены человек кажется себе находящимся над вселенной, а вся Поднебесная раскинулась у его ног. Но перед этими каменными развалинами (дворца Юаньминъюань) сердце китайского человека наполняется болью, он скрежещет зубами. Конечно же, он негодует и пышет гневом, он жаждет очиститься от унижений.

В этой связи авторы фильма задают вопрос: «Дорогой соотечественник, задумывались ли Вы о причинно-следственной связи между этими двумя развалинами?».

Объясняя это, авторы фильма напоминают, что даже такие выдающиеся люди, как Линь Цзэсуй, и то советовали императору держать пришельцев-англичан «за закрытыми воротами», предполагая, что в этом случае Англия погибнет. Отсутствие элементарных знаний об окружающем мире отбрасывало китайцев той эпохи во времена, предшествовавшие прибытию в Китай Маттео Риччи.

Чего же могла ожидать нация, лучшие силы которой были столь недальновидны, а мировоззрение нации уже отбрасывалось самим временем, эпохой?

В то время был лишь один человек, который прозрел, проснулся и именно по этой причине более других страдал. Он говорил, что Китай живет в эпоху упадка, когда души людей находятся в смятении, когда во дворцах нет талантливых министров, в военных лагерях нет талантливых генералов, в школах нет талантливых учителей, на полях нет талантливых крестьян, в домах нет талантливых ремесленников, на фабриках нет талантливых мастеров, на городских улицах нет талантливых купцов, и

даже нет ни талантливых мелких воришек, ни талантливых крупных мошенников. Он взывал к Небу, прося его навести порядок, а в случае невозможности сделать это, – просил у Неба больших беспорядков для Китая! Это был Гун Цзычжэнь³⁰.

Возникал вопрос о том, по какой причине эта нация, которая породила Цюй Юаня, Ли Бо, которой принадлежали четыре великих изобретения (порох, компас, бумага и книгопечатание), которая на протяжении тысячелетий находилась на ведущем месте в мире и является выдающейся нацией, а также ее цивилизация, пали до такой низкой ступени, и почему все это продолжается и до сих пор и, пожалуй, будет продолжаться еще при жизни нескольких поколений людей.

Возникает вопрос о том, почему свет науки и техники, культуры Китая помог Западу сформировать новую эру в истории, а свет науки и техники, культуры, который приходил из-за стен в Китай, не принес пока Китаю подобного результата.

Китай в настоящее время мучительно размышляет и ищет. Молодежь стремится найти ответ на вопросы, поставленные историей³¹.

Раздумывая над вопросами, люди принимают во внимание то, как относятся к интеллигенции (т. е. к людям, обладающим знаниями, знанием. – Ю. Г.) в Китае. Если тем, кто занимал высокое служебное положение, ставят памятники, то образ интеллигента и писателя, ученого не вызывает высокого уважения у людей. Иной раз не найти и могилы знаменитого ученого, интеллигента.

Если говорить о китайской интеллигенции в XX веке, то сегодня она, кажется, уже избавилась от ярлыка «девятого (т. е. последнего, самого худалого в семье. – Ю. Г.) поганца», ее престиж, по сравнению с прошлым, как представляется, несколько повысился. Но экономически она по-прежнему живет очень и очень стесненно и трудно. Огромные нагрузки на интеллигентов безвременно сводят в могилу многих и многих лучших ее представителей в так называемом среднем возрасте³².

Но еще страшнее то, что в Китае, где более всего почитают такого предка, как Конфуций, престиж и уважение к учителям сегодняшнего дня упал до крайней степени, старое поколение уходит, обращается в прах, а новое поколение не решается пойти по его стопам. Кризис в области образования, в сфере просвещения стал самым настоящим кризисом в Китае. Интеллигенцию, молодежь заставляют поклоняться старым канонам, это оборачивается горькими слезами неисчислимого количества учителей начальных и средних школ и интеллигентов.

Эти люди – интеллигенты, учителя – это лучики света, которые способны слиться в огромное солнце. Они слабы телом, они измождены. Но они в своих каморках мыслят о том, как бы сделать так, чтобы в Млечном Пути Цивилизации Человечества засияла новая звезда, принадлежащая людям Китая.

Среди всех профессий, существующих на земле, нет ни одной другой, представители которой в большей степени нуждались бы в атмосфере свободы и в неограниченном пространстве.

Если их дух перечеркнуть черным крестом или придавить серой стеной, тогда лучики света никогда не обратятся в светило, в солнце!

Хочется, чтобы история больше никогда не смеялась над интеллигенцией (людьми знания. – Ю. Г.) Китая!³³

Авторы фильма обращаются к истории развития марксизма. Они отмечают, что Маркс, предсказав гибель капитализма, был в то же время очень осторожен, он только в общих чертах рисовал будущее. В его представлении коммунистическое общество должно было быть обществом, в котором производительные силы будут находиться на высокой ступени развития, где будет изобилие богатств людей, где товарно-денежные отношения исчезнут с исторической сцены, только благодаря изменению характера труда и трудовых затрат.

Плеханов вел острую дискуссию с Лениным, настаивая на правильности мысли Маркса о том, что история не может перескакивать через обязательные этапы развития, что не следует досрочно захватывать власть, считая, что излишняя торопливость в стремлении к социализму может завести экономику в тупики тяжелейшего кризиса.

И хотя сомнения Плеханова были разбиты победой Октябрьской революции, однако тот вызов, который он бросил Ленину, вовсе не был поглотен историей. Вопрос, поставленный Плехановым, то есть вопрос о том, способно ли экономически неразвитое социалистическое государство перепрыгнуть через этап развития товарной экономики и добиться успеха, вот уже более полувека будоражит социалистический лагерь³⁴.

Сталин – «железная рука» – в 1930-х годах в опоре на эксплуатацию крестьянства, и снижая уровень потребления общества, насильственным путем увеличил накопления и добился того, что промышленность в СССР совершила удививший мир стремительный взлет. Бухарин, который протестовал против таких методов Сталина, был объявлен «врагом народа» и расстрелян. Однако за «сталинскую модель» СССР заплатил такую громадную непомерную цену, что после смерти Сталина в Советском Союзе прозвучал призыв к реформам.

Страны Восточной Европы, которые были скованы «сталинской моделью», одни раньше, другие позже «начали отходить от священных канон», приступили к реформам. Югославия первой подняла восстание и нанесла удар по советской модели, начала поиски своего пути. За ней поднялись Венгрия, Польша, Чехословакия. Все они стали на путь реформ. История как будто бы снова выдвинула вопрос – сомнение Плеханова. История вовсе не пошла вспять. Это просто люди попытались перескочить, перепрыгнуть ее³⁵.

Авторы фильма далее утверждают, что этот непреодолимый поток истории, наконец, 18 декабря 1978 г. вовлек в свое русло и Китай, в русло реформ в социалистических странах. Китай – это государство, все тело которого было покрыто рубцами и шрамами, которое только-только выкарабкалось из смуты; эта нация, на которой висело и висит тяжкое бремя многотысячелетних традиций, должен был решать в ходе реформ такие вопросы и проблемы, которые были намного сложнее, и которых было намного больше, чем в СССР и в Восточной Европе³⁶.

Далее авторы задают вопрос: сколько сейчас найдется в Китае людей, которые ясно и осознанно понимают, что реформы это не только прибавка к зарплате, приобретение цветного телевизора и холодильника и, пожалуй, также не только достижение уровня малого благосостояния в 1000 американских долларов на человека в год?

Реформы во многих отношениях имеют гораздо более глубокий смысл. Это огромные изменения в цивилизации. Это – очень опасное дело. Это исторический процесс, который потребует тяжелых жертв и от ныне живущего, и от нескольких последующих, поколений. Мы, утверждают авторы фильма, как раз сейчас находимся на перекрестке: что мы предпочтем – допустим, чтобы наша древняя цивилизация вечно дряхла и умирала, или мы обратим ее в систему, которая будет напоена новой жизнью, И как бы ни обстояли дела, мы не сможем сложить с себя эту историческую ответственность³⁷.

Когда было положено начало реформам в Китае, тогда бедные китайцы с удивлением увидели, – так как открылись двери во внешний мир, – насколько развитыми оказались страны капиталистического Запада, да и Япония, как богато там живут люди!

И тогда мозг людей снова стал сверлить старый вопрос: ну почему же все-таки в истории Китая не появилась промышленная цивилизация, которая означает огромное богатство?

Ведь в истории Китая дело обстояло иначе. Тогда, когда в Европе торговые города насчитывали не более 100 тыс. жителей, в Китае существовали города с миллионным населением. И ведь не случайно венецианский купец Марко Поло, прибыв в Китай, был доволен, рад и не спешил возвращаться домой.

А ведь даже при Марко Поло столь изумившая его китайская цивилизация уже находилась в состоянии упадка. История перемещала центр своего развития в Средиземноморье. Родина Марко Поло была всего-навсего купеческой республикой, без сельского хозяйства и без собственной территории, но ее правительство было по существу акционерной компанией, а ее руководитель – главным управляющим этой компании, ее законодательный орган был по существу правлением этой кампании, а все венецианцы были держателями ее акций. Венеция стала самым ранним очагом капиталистической цивилизации³⁸.

В 1160 г. правительство Венеции выпустило заем, взяло в долг у купцов города. Впервые в истории человечества правительство полностью превратилось в компанию, а граждане Венеции стали владельцами облигаций правительственного займа. И тогда товарно-денежные отношения стали главными отношениями в экономике и в обществе, непреложными стали законы, охраняющие частную собственность. Только спустя целых 500 лет в Англии стали применять метод выпуска займов банком. Что же касается Китая, говорили авторы фильма, то мы боимся, что у нас поймут, как это делается, только еще через 800–900 лет.

Хотя Китай – это большое государство мелких крестьянских хозяйств, и торговля в нем всегда была очень развитой, однако ранее настоящего понимания того, что такое товар, в Китае не было. Император в Китае был единственным собственником. Он мог произвольно взыскивать с народа налоги, безнаказанно эксплуатировать крестьян. Под крылом императора чиновники грабили простой народ. Такая система центральной или централизованной власти, которая характеризуется словами «большая, единая и объединенная» страна или государство, основой которого является сельскохозяйственная цивилизация, стала тяжелыми оковами, сдерживавшими развитие экономики древнего Китая, особенно его промышленности. Поэтому некоторые западные ученые считают, что в Китае никогда не было подлинной системы частной собственности, поэтому и неоткуда было появиться и росткам капитализма³⁹.

При династии Мин проводилась политика самоизоляции государства, вся прибрежная полоса Китая была как бы зоной пустыни и безмолвия, а в это время на берегах Средиземного моря рождалась великая мировая торговая революция; она продвигалась в Атлантический океан, Индийский океан, Тихий океан. Европа постепенно выходила из средневекового варварства, выходила на авансцену, на середину мировой арены. В этот решающий момент истории цивилизация, возникшая на морских берегах, без сомнений развивала свои преимущества, свои жизненные силы, которые рождались и умножались⁴⁰.

В январе 1649 г. английский народ сверг своего короля Карла I Стюарта. Королевская власть испарилась. Диктатура одного человека уступила место общей власти группы людей. Успех английской буржуазной революции привел к тому, что эта островная нация вышла на первый план в истории человечества, первой вступила в новую эру истории⁴¹.

Произошла промышленная революция. Революция в сфере производства ускорила разделение труда между государствами. В результате развития капиталистического машинного производства бедные государства Азии, Африки, Латинской Америки, которые являлись государствами сельскохозяйственной цивилизации, стали поставщиками сельскохозяйственного, горнорудного сырья для промышленных стран Европы и рынком для сбыта их продукции. Такова историческая судьба. И поскольку

весь мир уже превратился в один и единый рынок, то Китаю невозможно было выскочить из него, невозможно было избежать судьбы, вовлечения во всемирный обмен товарами. Промышленно развитый Запад никоим образом не мог упустить Китай – огромный рынок сбыта товаров, объект вложения капитала и обширную сырьевую базу. Поэтому до конца XV века, то есть до эпохи великих географических открытий, когда еще не возникли столкновения Китая с Западом, Китай уже упустил счастливый случай развития капитализма. И капитализм уже больше не мог родиться изнутри Китая, а мог только, явившись из-за морей, обитать в Китае.

В 1895 г. Кан Ювэй начал свою активную работу, предлагая провести реформы. Он и его товарищи считали, что в тот момент единственным выходом для Китая было развитие капитализма. Они просто поняли это. Они ратовали за реформы. Однако весь период реформ продолжался всего 100 дней. И после того, как головы реформаторов покатались по земле, Китай еще раз утратил шанс стать передовым промышленным обществом. Утрата этого шанса вне всяких сомнений увеличила ту тяжелую цену, которую Китаю пришлось платить за 100–200 лет отсталости⁴².

Возникают вопросы: почему же капитализм, означавший цивилизацию современной промышленности, никак не мог найти связь с Китаем?

Почему китайцы так ненавидели его, почему они даже в 1960-х и 1970-х гг. все еще в крупных масштабах «отсекали хвосты капитализма», то есть боролись против любых его проявлений или того, что считалось проявлениями капитализма?⁴³

Если посмотреть в самую суть, то все это по-прежнему определялось характером китайской цивилизации. Ведь эти высокогорные плато, прорезанные рекой Хуанхэ, все эти равнины, сформированные все той же рекой Хуанхэ, – это и есть жизненное пространство, уготованное для нашей нации, отмечали авторы фильма «Плач по Реке». Подтверждением упорного труда многих поколений, бесчисленных поколений крестьян являются зеленые поля, которые возделаны везде, куда можно воткнуть хотя бы иголку, застроенные как пчелиные соты деревни, переплетения оросительных каналов. Здесь слишком много людей теснится на слишком малой земельной площади, отсюда и истощение почвы, отсюда же и то мастерство и настойчивость, которых требует от крестьян борьба за поддержание существования⁴⁴.

В этой обстановке с самой древности экономика Китая шла своим путем развития. У него имелась одна особенность. А именно то, что оказывалось возможным прокормить очень плотное население. В 1800 году, когда Запад повсюду грабил свои заморские колонии, Китай на этой земле прокормил одну третью часть населения Земли. Некоторые ученые вовсе не считают, будто тот факт, что китайская цивилизация не породила развитой промышленности, превращение экономики в промышлен-

ную, именно и подтверждает, что это была своего рода «потерпевшая поражение цивилизация». Они восхищаются тем, что удавалось произвести на этих полях при или в условиях низкого уровня крестьянской или сельской цивилизации.

Однако, замечают авторы телефильма, весь вопрос в том, как такого рода культура кормит китайцев. Вплоть до 1980 г. всего в 20 км от города Ланьчжоу в одной коммуне на человека в среднем приходилось от 40 до 100 цзиней (от 20 до 50 кг) зерна в год; две трети крестьян в своих домах на каннах не имели даже циновки, в среднем на трех человек приходилась только одна порванная верхняя одежда, подбитая ватой, оческами хлопка, более 60% людей зимой не имели теплой одежды⁴⁵.

Крестьяне жили в нищенских условиях и при этом имели много детей.

Авторы приводят названные ими неразумными крылатые слова и фразы: «Самое драгоценное в мире – это люди», «Чем больше людей, тем больше сила». А ведь вплоть до настоящего времени бремя перенаселенности – это самый крупный из всех трудных вопросов для Китая. Сколько поколениям китайцев придется решать этот вопрос?⁴⁶

В условиях, когда на таком ограниченном участке земли прикладывает свои усилия такое множество людей, затруднительным становится не только развитие механизации, но и применение высвобождающейся рабочей силы в деревне. В этих условиях использование многочисленных рабочих рук становится житейским правилом, а любая экономия рабочей силы, скрупулезные подсчеты эффективности живого труда, погоня за богатством – все это считается появлением «разжиревших дворов». Разве не по этой же самой причине и сегодня так трудно изжить такую болезнь, когда у людей «глаза становятся от зависти красными», когда они видят кого-либо из односельчан разбогатевшим?⁴⁷

С другой стороны, нет возможности разбогатеть в условиях равной борьбы, соревнования или конкуренции. Созданный из чиновников слой, обладающий монопольными и особыми правами или привилегиями, имеет право распределения товаров. Он может по собственному произволу подорвать социалистическую систему, а также отравить атмосферу в правящей партии и обществе, допустить такую ситуацию, при которой любой человек, в руках которого имеется хоть толика власти, может легко и просто обратить право пользования, право хозяйственного управления в право присвоения, и тем самым сделать так, что то, что принадлежит государству, обратился в собственность отрасли, собственность одного человека. Разве не подтверждают это ужасающие масштабы взяточничества и коррупции, наличие явлений, когда на поверхности что-то является общественным, а по существу частным, и прочих явлений разложения?

Способ мелкого производства также создает мировоззрение, при котором цели становятся низкими, малыми, когда ценность того или иного продукта самоуравнивается, нивелируется. Разве среди большинства лю-

дей и по сей день не распространены стремление только получать удовольствие, плыть по волнам и быть тем довольным, не рисковать, разве не считается, что достойно умереть – это хуже, чем жить ни шатко, ни валко? Когда мы в бедной многодетной крестьянской семье спросили молодого человека, почему он не хочет выйти в бурлящий мир, то он сказал, что отец и мать не наградили его такой смелостью!⁴⁸

Среди широких масс китайских крестьян распространены настроения иждивенчества, они покорны воле судьбы, не предприимчивы, не желают брать на себя ответственность. Суть «отсталости» Китая в том, что низким является качество самого человеческого материала, самих крестьян. При этом качество снижается именно в силу того, что увеличивается численность населения. Таково зло, которое приносит сельская цивилизация, причем здесь одно звено цепляется за другое и получается круговорот. Какие же у нас есть основания для того, чтобы восхищаться и слепо любить эту цивилизацию? – спрашивают авторы фильма⁴⁹.

В годы безумного великого скачка получил распространение миф о том, что «земля способна родить столько зерна, насколько хватит смелости у людей», и вот на севере Китая стали трубить о том, что с каждого му земли (му – одна пятнадцатая часть гектара) собрали свыше 7 тыс. цзиней (один цзинь – 500 граммов) пшеницы, а на юге – свыше 50 тыс. цзиней (25 тонн) риса. Сидевший наверху и сочинявший свой труд «Относительно практики» великий вождь (Мао Цзэдун), а также ученые и всегда неразрывно связанные с практикой китайские крестьяне очень просто и спокойно поверили в этот миф. И на 9 миллионах 600 тысячах квадратных километрах территории Китая сотни миллионов людей семья за семьей дырявили свои котлы (для приготовления пищи в каждом доме), разбивали их, запирали двери своих жилищ и отправлялись есть от пуза в общественные столовые. Можно было подумать, что именно так приходит коммунизм. Неужели эта историческая трагедия, когда от экономической «Утопии» пошли к политическому кризису, а, в конечном итоге, дошли до огромных беспорядков в обществе, не является поистине неизбежным результатом сельской цивилизации?⁵⁰

В середине нынешнего (двадцатого) столетия на протяжении приблизительно 20 лет Китаю вновь представлялся хороший случай для экономического развития. Мы же, однако, заперли все двери, зажмурились, чтобы «обогнать Англию и перегнать Америку». Мало того, мы проводили одно за другим широкие политические движения, с воплями и плачем клялись, что на земле Китая «лучше растет трава социализма, но не допустим всходов капитализма». И додумались до того, что экономика оказалась на грани развала. История вновь безжалостно выставила нас в задние ряды⁵¹.

Китай сильно отстает от других, особенно развитых, стран. При этом в Китае всегда считали, что продвигаются вперед, на самом же деле тем-

пы развития были низкими. Если же все будет продолжаться таким же образом, тогда через 50–60 лет Китай окажется в той же ситуации, что и во время «Опиумной войны»: иностранцы будут с современным оружием, а Китай – с длинными мечами и копьями. Не удивительно, что кто-то говорил, что Китай может лишиться мирового гражданства⁵².

И именно в этой связи авторы фильма и сделали следующий вывод: Будь то Ленин или Плеханов, будь то Сталин или Бухарин, а также будь то Мао Цзэдун и его многочисленные соратники, – всем им в прошлом досталось дорогой ценой познание этой таинственной неуловимой закономерности развития экономики. И, наконец, сегодня Чжао Цзыян может здесь (на XIII съезде КПК) уверенно и смело заявить: «Социалистическое хозяйство является плановым товарным хозяйством, основанным на общественной форме собственности. Научный вывод нашей партии относительно социалистического хозяйства является важнейшим развитием марксизма, основным теоретическим обоснованием реформы нашей сельскохозяйственной системы».

Сегодня западная часть Тихого океана, которая ранее на протяжении почти 100 лет приносила Китаю унижения и трудности, сулит Китаю богатства, которые его привлекают. Япония предложила США и «четырем малым драконам» урегулировать экономическую структуру. Западная часть Тихого океана становится новой ареной мировой экономики. Судьба снова дает нам шанс. Пребывавшее в молчании сотни лет наше морское побережье – это золотой берег Китая, мы должны стремиться к Тихому океану⁵³.

Авторы фильма заявляют: «Мы сегодня наконец-то поняли, что нам нужна экономика, ориентированная на внешний мир. Однако у нас есть только одно единственное преимущество – дешевая рабочая сила. Она сконцентрирована на перерабатывающих промышленных предприятиях с низким техническим уровнем. Конечно, в долгосрочном плане она не конкурентоспособна.

Мы также поняли, наконец, сегодня, что надо участвовать в “мировой циркуляции”. Китаю надо выходить в мир, но одновременно и миру нужно дать возможность проникнуть в Китай. В противном случае мы снова упустим хороший шанс!»⁵⁴

В настоящее время развивающиеся государства стремятся иметь выгоду за счет развитых стран. Однако до тех пор, пока в развивающихся странах не будет такого же рынка, как в развитых государствах, их экономика будет зачастую оставаться маргинальной.

В развивающихся странах существуют источники неравенства, которые заключаются в том, что в обществе нет или не хватает системы конкуренции, предполагающей равные возможности для использования шансов, нет общего мерила – то есть рынка. Перевернутым является соотношение между оплатой умственного и физического труда: «играющий на

рояле пианист получает денег меньше, чем такелажник, перетаскивающий рояль с места на место». Только развитие здорового рынка даст возможность создать правильное взаимоотношение и структуру отношений между тремя элементами: возможностью или шансом, равноправием или равенством и соревнованием или конкуренцией. А это-то и есть самая незнакомая вещь для нашей нации с ее древней цивилизацией.

Ведь в ситуации, при которой не существует такой предпосылки соревнования, соревновательности, конкуренции, как равные возможности, равенство шансов, только на первый взгляд возможно открытое или свободное формирование цен на основе закономерностей товарной экономики. На самом деле такая ситуация, наоборот, может вызвать беспорядок в экономической деятельности и утрату согласованности. Одновременное существование старой и новой систем также сдерживает развитие активных факторов обеих систем; и в то же время бюрократизм, феодализм и различные пороки, когда власть используется в целях личного обогащения, – все это создает новое «мерило», все это через цены отражается на обществе⁵⁵.

А в условиях, когда в государстве со сложившимися традициями уравниловки теряется контроль над ценами, с неизбежностью также возникают панические настроения среди населения и даже социальные потрясения. И если в результате всего этого мы потеряем поддержку большинства людей экономическим реформам, то Китай снова попадет в состояние застоя. Как же еще глубоко неизжитая неприязнь и старая ненависть Ван Аньши, который жил 800 лет назад, или Тань Сытуна, который жил 90 лет тому назад!⁵⁶

Поражение экономической реформы в Китае, возможно, последует в результате поражения реформы цен. Успех экономической реформы в Китае будет с неизбежностью определяться успехом в деле реформы системы собственности. Реформируя систему собственности, необходимо разрешить ключевой вопрос, а именно вопрос о том, что та система общественной собственности, или, вернее, то представление о системе общественной собственности, которое имеется в нашем сознании, в наших головах, – это традиционная система общественной собственности, которую нужно преобразовать в новую систему общественной собственности. Необходимо решить вопросы об отношениях в сфере производственного права и о развитии товарной экономики.

Дело также в том, и это – глубоко спрятанный трудный вопрос, что в экономическом развитии Китая существует неравномерность; степень этого развития неодинакова в различных районах страны. И получается так, что отсталые районы становятся еще более отсталыми, а вырвавшиеся вперед – все более передовыми. С каждым днем растет разница между богатством одних районов страны и бедностью других. А это приводит к тому, что внутри самого Китая возникли уже так называемые «три мира».

В этой-то связи и возникла в КНР дискуссия, одни участники которой ратуют за «лестничное, ступенчатое развитие», а другие выступают против него⁵⁷.

В то время как в городах Южного Китая потребительские взоры горожан уже устремлены на Сянган и Аомэнь, и им уже хочется достичь такого же уровня, на Севере Китая крестьяне, определенная или значительная часть их, все силы кладут только для того, чтобы обеспечить себе тепло и пропитание (одежду и пищу).

В то время как в восточной части страны товарная экономика уже проникла в такую ячейку общества, как семья, в западной части страны в некоторых отсталых районах все еще ждут, когда государство «перелетит им кровь» или «вольет им новую кровь»⁵⁸.

В свое время сельская или сельскохозяйственная цивилизация Китая из внутренних районов бассейна реки Хуанхэ распространялась и продвигалась по направлению к морскому побережью. В настоящее время наблюдается движение в обратном направлении: промышленная цивилизация продвигается с востока, из районов морского побережья она продвигается во внутренние районы страны. И только тогда, когда эти земли, которые когда-то вскормили нашу нацию, в конце концов, выйдут из рамок сельскохозяйственной цивилизации, нация Китая по-настоящему вступит в XXI век.

Китайцы проявляют нетерпение. Говорят, что «время не ждет», что надо «ускорять шаг». Однако если так торопиться и не действовать должным образом, то может повториться та же самая история, которая произошла с посевами риса в Китае в годы великого скачка. Отсталая техника, плохое качество, высокие расходы, низкая эффективность – вся эта модель развития, для которой характерна трата впустую всего и вся, уже приносила нам огромный ущерб.

Эпоха старой экономики, ценой за которую явились огромные растраты, низкая оплата труда и низкие цены на сырье, уже завершилась во второй половине двадцатого столетия. Уже наступила новая эпоха прогрессивной техники, эпоха развития человеческих знаний, то есть эпоха новой экономики. Те преимущества, которые мы имеем сегодня, больше не являются преимуществами.

Китай, если мы будем говорить о нем с воодушевлением, покажется огромным и богатым, с большими запасами сырья и даже способным запускать ракеты вместо развитых государств, а если посмотреть на него трезво, то можно увидеть, что людей в стране много, а земли мало, сырьевые ресурсы недостаточны, наука и техника находятся в отсталом состоянии, система образования является сморщенной и усохшей, а качество рабочей силы – очень низким⁵⁹.

Мао Цзэдун в свое время вовсе не ошибался, когда говорил, что мы действительно страна бедная и представляем собой чистый лист бумаги.

Вполне естественно, что эта бедная страна, представляющая собой как бы чистый лист бумаги, вовсе не является таким листом, на котором можно произвольно писать все, что угодно. Наша страна является бедной именно потому, что она еще девственно бела, а девственно белой она является потому, что она бедна. Перед нами стоит задача осуществить реформу в двух областях и строительство в двух областях⁶⁰.

Итак, великая нация, которая в прошлом создала самую блестящую сельскохозяйственную цивилизацию в истории человечества, древняя нация, которая именно в силу того, что эта самая сельскохозяйственная цивилизация оказалась слишком перезревшей, такой, которой трудно стало продвигаться вперед, в тот момент, когда она оказалась перед дверями, за которыми находилась промышленная цивилизация, иной раз может проявлять себя как наивный ребенок, бояться и впадать в растерянность, в беспорядочное состояние и не знать, не понимать, что же делать. Но ведь все это не столь важно, если только в конечном счете мы решимся смело и большими шагами двинуться к этим дверям, преисполнимся решимости и войдем в них, тогда наша эта нация сможет снова обрести свою весну!⁶¹

Природа внезапно становится неведомой для человека. Человеческое общество также превращается на глазах своих создателей во что-то странное и неведомое, во что-то, чем все труднее становится управлять.

Тот похоронный звон, который давно уже предвещал Маркс, говоря о похоронах капитализма, так и не прозвучал, все откладывается и откладывается. Промышленная цивилизация Запада, которая как в сказке творила чудеса и прославилась на протяжении двухсот лет, хотя и проявила свои разнообразные хвори и болезни, но все еще в трудной обстановке непрерывно саморегулируется и обновляется. Социалистические государства, которые, начиная с первых десятилетий XX века, прорывали слабые звенья цепи империализма, в настоящее время одно за другим в больших масштабах осуществляют реформы в обществе⁶².

Природа и общество. Это – основа человеческой цивилизации. Почему и природа и общество переполнены бедствиями? Неужели есть некая связь между бедствиями в этих двух сферах – в природе и в человеческом обществе?

Во всей истории цивилизации река Хуанхэ всегда была «Горем Китая» или «Бедствием для Китая». Но сегодня китайцы до глубины души взволнованы еще одним вопросом: ну почему для нас эпоха феодализма оказалась столь продолжительно-мучительной, ну прямо-таки такой же, как нескончаемые наводнения на реке Хуанхэ. Это просто бесконечный злобещий сон. Это все продолжается уже 2000 лет.

Неужели наводнения на Хуанхэ могут опять повториться? Навсегда ли ушли смута и беспорядки? Нам надо спросить об этом у Хуанхэ, надо бы спросить и историю⁶³.

Река Хуанхэ впервые разлилась в 602 г. до нашей эры. С тех пор и до 1938 г., то есть за 2440 лет, произошло 1590 наводнений. Среди рек мира Хуанхэ, вероятно, самая свирепая. Итак, наводнения на Хуанхэ периодически происходили на протяжении тысячелетий. Какая страна мира, какая нация могла бы вытерпеть такие периодически или циклически повторяющиеся разрушения?⁶⁴

Весь ужас в том, что эти периодически повторяющиеся, имеющие циклический характер, бедствия и разрушения – не только явление природы, но и явление истории китайского общества. В истории Китая каждые 200–300 лет возникали острые и болезненные большие потрясения. Так было при прежних царствовавших династиях, и тут снова проявилась цикличность, периодичность. Опять все происходило по приталике: «Если нечто (скажем, общество) долго находится в состоянии раскола, то оно непременно объединится, а если долго находится в состоянии единства, то оно непременно расколется». Кажется, что и тут дело обстоит так же, как с разливами реки Хуанхэ⁶⁵.

Причем дело вовсе не обстоит так, как это толкуют некоторые ученые. Крах структуры общества вовсе не имеет некоего революционного смысла. Отнюдь нет, он выражает или является всего-навсего проявлением поражающих воображение разрушительных сил и жестокости. В эти периоды гибли миллионы и десятки миллионов людей⁶⁶.

Носящие циклический, периодический характер огромные потрясения раз за разом безжалостно разрушали то, что было накоплено в результате работы производительных сил. И более всего от этого страдали наиболее развитые районы. Все разрушалось дотла, после чего приходилось даже вновь и вновь изобретать то, что уже было когда-то изобретено. Например, компас. Терялись научные достижения. Все приходилось начинать сначала.

По существу, ужасающие социальные потрясения для людей современного Китая тоже не нечто далекое и вовсе неизвестное. Смута времен «культурной революции» хотя и отделена от наших дней (имеется в виду 1987 г. – Ю.Г.) одиннадцатью годами, однако воспоминания о ней по-прежнему живы в душах людей. Задумывались ли добрые люди по-настоящему о том, что всего 10 коротких лет отделяют эту смуту (авторы, очевидно, имеют в виду одновременно и «великий скачок», а также последовавшие за ним три года стихийных бедствий», и, наконец, «культурную революцию», иными словами все то, что происходило с 1958 по 1976 год. – Ю.Г.) от потрясений, предшествовавших Освобождению? (имеется в виду 1949 год и образование КНР. – Ю.Г.) Не означает ли это, что имеющие циклический, периодический характер социальные потрясения древних эпох все еще продолжают? Разве ушли в прошлое вселяющие страх предвидения о том, что «один раз в каждые 7–8 лет все будет вновь возвращаться на круги своя», и разве исчезли зловещие отри-

цательные персонажи из известной повести (о временах все той же «великой смуты» или «великой пролетарской культурной революции». – Ю. Г.) «Деревня лотосов»?⁶⁷

Китайский народ надеется, что никогда более не будет беспорядков и потрясений в обществе. Это именно и походит на пожелания о том, чтобы река Хуанхэ больше никогда не разливалась, чтобы на ней не было наводнений.

Однако наводнения невозможно предвидеть. Новое разрушительное наводнение Хуанхэ возможно. Над нашими головами висит дамоклов меч, и мы не знаем, когда он опустится!⁶⁸

Мао Цзэдун многократно смело высказывался относительно различных гор и рек, обходился с ними легко. Однако он очень мало говорил о Хуанхэ. Он был в этом случае чрезвычайно осторожен. Когда ему исполнилось 70 лет, он побывал на реке Хуанхэ и сказал: «Вот люди говорят, что человек, не побывав на реке Хуанхэ, не может обрести покоя, а я побывал на Хуанхэ, но покоя не обрел». Говорят также, что, глядя на Хуанхэ, Мао Цзэдун задавался вопросом: «А что же будет, что же делать, если река Хуанхэ вздыбится до самых Небес?»⁶⁹.

В Китае есть старое изречение: «Когда появится в стране святой, тогда Хуанхэ станет чистой, прозрачной» (Вода в реке Хуанхэ желтого цвета, в ней содержится лесс. – Ю. Г.). После образования КНР появились планы усмирения Хуанхэ с помощью плотины. Один из руководителей ЦК КПК Дэн Цзыхой в 1955 г. даже заявлял, что с окончанием строительства в ущелье Саньмэнься сбудется «сон золотой» и «река Хуанхэ станет прозрачной».

Но Хуанхэ не стала прозрачной. Вод Хуанхэ не сдержала плотина Саньмэнься⁷⁰.

В настоящее время река Хуанхэ на большом протяжении фактически является «висячей рекой», она помещена между двумя береговыми дамбами. При этом русло реки в некоторых местах, например в районе города Кайфэн, находится на 9 метров выше города и его окрестностей. Угроза со стороны Хуанхэ буквально висит над Китаем. Люди просто стараются не думать о страшной опасности⁷¹.

Ученые, однако, не забывают о пугающей Хуанхэ. Они высказывают разные мнения. Вопрос этот сложен. Пожалуй, обуздать ее сложнее, чем любую другую реку мира. Китайцы получили ее в наследство, и им предстоит сделать правильный выбор метода обращения с этой рекой, чтобы оправдать надежды своих потомков⁷².

Что касается Хуанхэ и природы в целом, то тут одно приобретешь, другое потеряешь. Здесь дело обстоит точно так же, как с взаимоотношениями природы и человечества. Если человечество что-то берет у природы, то природа найдет, чем отомстить человечеству. И это же применимо к истории общества в Китае.

Разве не напоминают две высокие береговые дабы, стиснувшие ложе реки Хуанхэ, социальную структуру нашего общества, которая отличается огромными размерами, единообразием и монолитностью?⁷³

Если рассмотреть карты средневекового мира, то можно увидеть, что в Европе было множество государств. Их было много в Индии и в Японии, и только Китай на карте представлял единым широким и объединенным куском. Хотя время от времени трещины там были, но они быстро затягивались. На этом фоне империя Тамерлана, арабская империя, даже империя Чингисхана, были недолговечны, как проблески молнии.

Какая же громадная сила смогла на протяжении 2000 лет удерживать вместе воедино такое громадное государство? Загадка «большого, одного и объединенного» государства мучила и китайских, и иностранных ученых.

Марк сравнивал социальную структуру, построенную на натуральной феодальной экономике, с «мешком картофеля». Хотя все картофелины находятся в мешке, но они отдельные. В древнем Китае мелкие крестьянские хозяйства были неисчислимы как звезды на небесах; они представляли собой плотную массу и в то же время были блюдом песка. Интеллигенты конфуцианского толка, которым были присущи способности устанавливать связи между членами общества и которые веровали в объединение, в тезис о единстве и объединении, эффективно организовывали в общество разобщенных мелких крестьян⁷⁴.

Такая своеобразная социальная структура в прошлом принесла Китаю высокую степень процветания. Хотя внутри этого чуда объединения воедино огромной страны, за внешним обликом зрелой цивилизации, обликом, которое сверкало и блистало, за пурпурным облаком преклонения перед императором, святыми стариками, предками, внутри этой социальной структуры постепенно шел процесс тления и разложения. Все это весьма походило на тот процесс, при котором дамбы по обоим берегам реки Хуанхэ прорывали своими ходами медведки, муравьи и полевые мыши, действуя скрытно и потихоньку. Что же касается армии бюрократов, которая была составлена из конфуцианцев, то ей был присущ непреодолимый уклон или непреодолимое стремление к разложению; власть, сама власть в их руках, превращалась в средство, вызывавшее разложение и гниение. В результате дело приходило к развалу императорской власти и к падению династии.

Однако когда старая династия разрушалась, ей на смену приходила новая, социальная структура восстанавливалась и принимала прежний характер, и движение продолжалось в том же направлении, к новому крушению династии. Опять-таки дело обстояло так же, как с рекою Хуанхэ, дамба прорывалась, люди ремонтировали ее, ждали следующего прорыва дамбы. Почему мы попали в такие тиски судьбы, когда все это повторяется снова и снова?⁷⁵

И эта мистическая сверхстабильная структура властвовала над нами 2 тысячи лет. Сегодня, однако, трон императора в Пурпурном городе или в Запретном городе давно пустует, стал историческим музейным экспонатом, огромная сеть конфуцианской бюрократии сторела, и пепел ее развеян. Однако в материковой части Китая кажется все еще господствует старая идея о едином, огромном и одном Китае. Зловещие сны, в которых перед нами предстает картина социального потрясения, свежи в памяти людей. И тем более никак нельзя пренебрегать тем, что бюрократизм, идея исключительных прав и, частично, явления разложения, по-прежнему разрушают наши великие планы «модернизации и в четырех областях». Эти старые социальные болезни несколько напоминают ситуацию, при которой река Хуанхэ ежегодно приносит свой ил и на нем, осаждающемся на дно, поднимается над дамбами, и так накапливается опасность.

Разве не должна вызывать опасения эта вечная сверхстабильность? Неужели нам мало было предостережений истории?⁷⁶

Феодальное общество в Китае существует на протяжении очень продолжительного времени. Через каждые 200–300 лет периодически или циклически происходят большие потрясения, большие разрушения, большой развал всего общества.

Это взаимосвязано между собой: длительность существования и периодические развалы общества.

Почему происходят разрушения общества каждые 200–300 лет? Почему эти развалы приводят к длительному застою феодального общества в Китае? Упрощенно можно ответить на этот вопрос следующим образом. В мире нет таких вещей, которые оставались бы неизменными. Это относится и к любому обществу. Если проанализировать разнообразные тенденции к изменениям внутри любого общества, то можно обнаружить два фактора. Один – прогрессивный и организующий фактор. Другой – не несущий организующего начала, неконструктивный и разрушающий фактор. Рост сил, не несущих организующего начала, – это фактор, который разлагает общество.

История – это факты прошлого. Однако история – это нескончаемый диалог прошлого и настоящего. История открыла китайцам следующее: в Китае в ходе социальных перемен следует избегать потрясений, которые носят разрушительный характер. Необходимо непременно заменять потрясения прогрессом и творчеством. Когда старые вещи разваливаются, нужно дать возможность расти факторам, которые заменяют старое⁷⁷.

Авторы вспоминают о судьбе Лю Шаоци, который, будучи председателем КНР и руководителем разработки и Конституции страны, и Устава партии, был замучен и умер в Кайфэне.

Судьба Председателя Республики может символизировать судьбу эпохи. С другой стороны, если закон не может защитить простого граждани-

на, он в конечном счете не может защитить и главу государства – Председателя Республики. Истоки смуты – это причина судьбы Лю Шаоци и многих других людей. Это – трагедия нации в целом. Если не изменить структуру китайского общества, если не осовременить политику, экономику, культуру и даже идеологию Китая, то кто может гарантировать, что эта трагедия не повторится?⁷⁸

Авторы фильма с одобрением замечают, что после начала продвижения по пути реформы экономической системы, в конце концов, начали в экспериментальном порядке реформу политической системы. Сегодня (речь идет о 1988 г. – Ю. Г.) на заседании ВСНП нашелся человек, осмелевший до того, что проголосовал против; но как все это оказалось не просто? Кто может сказать, что это не прогресс? Какие бы силы сопротивления, и какие бы опасности ни возникали на пути реформ, нам остается только идти вперед. За нашей спиной только наводнения Хуанхэ и потрясения в обществе, и больше ничего. Мы должны идти вперед и прорывать это кольцо истории, этот замкнутый цикл. Возможно, мы встретимся с зигзагами, тогда мы опытом своего поражения проложим дорогу нашим потомкам. Нам надо взять на себя решение этих проблем, чтобы не оставлять их нашим детям и внукам⁷⁹.

Красный цвет – это символ жизни, жизненной силы. Голубой цвет – это цвет космоса, цвет Неба. Когда человек поднялся в Небо, то он впервые с удивлением увидел, что наша планета имеет голубой цвет. Моря, занимающие семь десятых площади планеты, голубого цвета.

Моря – родина жизни. Моря хранили жизнь предков человечества, когда на Земле происходили изменения. Затем, когда человечество снова возвратилось на сушу, моря перестали ему подходить. Будучи вынужденным приспосабливаться к суше, человечество создало цивилизацию⁸⁰.

Авторы выделяют морскую цивилизацию и континентальную цивилизацию. В Китае внутриконтинентальная цивилизация распространялась до морских берегов, и не было преград этой цивилизации. В истории Китая случилось так, что внутриконтинентальная желтая цивилизация одержала победу над голубой цивилизацией.

Желтая цивилизация выразила жизненные нормы и идеи внутриконтинентальной цивилизации. Вполне очевидно, что в период расцвета феодалного общества на Востоке она была довольно рациональной. Однако идейное единство с помощью одной идеологии ослабило плюралистическое развитие. Факторы морской цивилизации, которые имелись в изобилии в древние эпохи, представляли собой живительный источник, когда же они попадали на желтую (лессовую) почву внутриконтинентальной цивилизации, то они немедленно бесследно испарялись.

И в тоже время как внутриконтинентальная цивилизация произрастала на земле древних китайцев, голубая морская цивилизация как раз тогда постепенно закреплялась на берегах Средиземного моря.

Давным-давно, в эпоху Древней Греции, демократические идеи в Афинах развивались именно вслед за и вместе с морским правом, властью на морях. Морской суверенитет, господство на море привели к демократической революции.

В новое время социальными предпосылками буржуазных революций на Западе явилось также открытие морских путей из Европы. В XV веке начались морская торговля и колониальные захваты. Одновременно имелись надежды на развитие Науки и Демократии⁸¹.

Капитализм, запустив в ход два колеса – промышленную революцию и свободную торговлю, положил начало могучему хору истории, в котором сплелись голоса Науки и Демократии. Все это было неразрывно связано с морями и океанами⁸².

Что же в это время делал Китай? Когда Магеллан совершил свое кругосветное путешествие, император Цзя-цин из династии Мин начал официальную политику «закрытия застав» в ответ на действия Японии

В 1776 г. Адам Смит писал, что в Китае история и культура находятся в состоянии застоя, что закрытие застав, изоляция ведут к самоуничтожению.

Жаль, что эти слова китайцы не смогли услышать вовремя⁸³.

И когда, наконец, над пристанью Хумэнь (в Гуанчжоу в 1840 г. – Ю. Г.) поднялось знаменитое пламя костра, в котором сжигали опиум, когда была открыта новая эпоха унижения Китая, между Китаем и Западом уже пролегал, образовался глубокий ров в области культуры и в духовной сфере. Вне всяких сомнений совершенно несовместимыми оказались две цивилизации, создалось противостояние двух культур: с одной стороны, экспансионистская, захватническая, осуществляющая торговлю между государствами и ведущая войны голубая цивилизация и, с другой стороны, упорно цепляющаяся за сельскохозяйственную экономику и систему политического управления с помощью бюрократов, желтая цивилизация.

Однако как только Запад со своими кораблями и пушками показал китайским чиновникам и местным господам силу голубой цивилизации, тут же в Китае возникло «движение за овладение заморскими вещами», появилось стремление «использовать западное, оставаясь в основе китайским».

Сановники, выступавшие за изучение и использование опыта стран Запада, закупили могучие западные военные корабли, построили арсеналы для производства оружия. В овладении техникой изготовления оружия Китай превзошел Японию. Российский эксперт в 1870 г. удивлялся мастерству китайцев на работе в арсенале в Ланьчжоу. Перед китайско-японскими морскими сражениями 1894–1895 гг. у Китая было больше военных кораблей, чем у Японии.

И, несмотря на все это, Цины потерпели поражение в войне с Францией, в войне с Японией. Самой непосредственной причиной поражений в морских баталиях с Японией было то, что продажные купцы помести-

ли в снаряды глину и песок вместо пороха, а китайский флот всего за полчаса до сражения все еще не знал, чьи команды ему слушать. Все это показывает, что разложившаяся система не спасется даже в опоре на новую технику⁸⁴.

Любопытный и примечательный факт – все члены самой первой группы китайских студентов, которые изучали в Англии военно-морское дело, после возвращения не стали капитанами морских военных кораблей, а превратились в идеологов-просветителей.

Самый выдающийся просветитель нового времени Янь Фу после длительного изучения дел в Европе пришел к выводу, что великие успехи европейской культуры проистекают из того, что она способна развивать потенциальные силы, заложенные в человеке.

К сожалению, Янь Фу под ударами феодальных сил постепенно отбросил реформаторские идеи и в конечном счете скатился в объятия конфуцианства и даосизма. А в это время японец, вместе с которым он учился в Англии, стал премьер-министром своей страны и возглавил ее быстрое продвижение в ряды могучих стран современного ему мира.

Трагическая судьба Янь Фу, а также Кан Ювэя, Лян Цичао, Чжан Тайлэя, кажется, подтверждает тот вывод, что даже самые выдающиеся китайцы, некоторое время осуществляя революцию и совершив продвижение вперед, в конечном счете не смогли избежать отката назад и возвращения к конфуцианству⁸⁵.

В 1980-х гг. в ходе «горячей дискуссии о культуре Китая», которая развернулась в КНР, люди по-прежнему продолжали вести незавершенный спор по вопросу о преимуществах и пороках, недостатках культур Китая и Запада. Здесь представлена и точка зрения тех, кто питает иллюзии относительно возможностей «полной вестернизации» или «полного озапаивания», и взгляды тех, кто желает, чтобы наступило «третье возрождение или третий расцвет конфуцианской цивилизации». И похоже на то, что все они по-прежнему топчутся на одном и том же месте, на исходных позициях. Тут уж не приходится удивляться тому, что молодые ученые вздыхают: великое культурное наследие превратилось в великое бремя культуры, преимущества великой культуры обратились в великое ощущение вины культуры. Приходится констатировать, что все это является огромным психологическим препятствием на пути прогресса в деле осовременивания Китая⁸⁶.

Изменения осуществлять трудно, пожалуй, потому, что мы (в Китае) все время беспокоимся: «А останется ли китаец китайцем?» Нам, как будто бы и вовсе не известно о том, что в прошлом на протяжении 200–300 лет, и в эпоху возрождения, и во время церковного реформаторства, и в эпоху просвещения, европейцы, по крайней мере, никогда не были озабочены вопросом о том, не перестанут ли итальянцы быть итальянцами после реформ, не перестанут ли немцы быть немцами после этого, не

перестанут ли французы быть французами. И только в Китае – это предмет величайших опасений.

Очевидно, именно это и есть самые глубины и самые внешние проявления того, что называется желтой цивилизацией⁸⁷.

Человек поднимается на новую ступень познания тогда, когда он осознает свою ограниченность или ограниченность своих прошлых знаний.

Эта желтая земля не может научить нас (китайцев) тому, что такое подлинный дух Науки, что такое настоящая Демократия.

Эта желтая земля уже не способна прокормить это огромное население, она не может породить новую культуру, у нее больше нет ее прежней жизненной силы.

Вероятно, конфуцианская культура обладала различными секретами, которые позволяли ей в древности быть совершенной, однако за несколько тысячелетий она так и не вышла за рамки духа одной нации, за рамки системы законов и управления в одном государстве, не создала обновленного механизма культуры. Наоборот, она шла по пути к старению и умиранию, и на этом пути сформировалась страшная машина самоубийства, которая непрестанно калечила лучшее в себе, убивала те факторы внутри себя, которые обладали жизненной силой, заставляла замолкать элиту, отборную часть поколений и поколений этой нации⁸⁸.

История подтвердила, что если осуществлять модернизацию или процесс осовременивания в соответствии с традиционной моделью управления, являющейся частью внутриконтинентальной культуры, то, хотя и можно вместить туда некоторые новые достижения современной науки и техники, и даже спутник можно запустить в небо, и атомную бомбу можно взорвать, но невозможно произвести коренные изменения, то есть придать мощные жизненные силы нации в целом⁸⁹.

Когда в 1988 г. была создана провинция Хайнань, то эта провинция тут же заявила, что своей целью она считает следующее: бросить вызов «четырем малым драконам Азии». Итак, древний азиатский континент (т. е., в данном случае, Китай, КНР. – Ю. Г.) наконец отбросил высокомерие великого государства⁹⁰.

Очень немногие китайцы готовы сознательно участвовать в осуществлении реформ. 62% опрошенных заявляют, что они с большой осторожностью обсуждают политические вопросы, 73% граждан предпочитают не вмешиваться в политику. Все это, как последствия прошлого, тормозит продвижение вперед по пути демократизации⁹¹.

В 1919 г. во время движения 4 мая впервые последовательно и бескомпромиссно был выдвинут лозунг, было поднято знамя «Науки» и «Демократии». В Китае началось широкое распространение культуры и мысли Запада, включая марксизм. Однако этому потоку культуры не удалось смыть феодальный нагар в политике, экономике, в том, что касается человека как личности. Затем на протяжении нескольких десятилетий

наступали то заморозки, то оттепели. Кажется, что во многих областях жизни Китая необходимо новое начало движения 4 мая⁹².

Авторы фильма утверждали, что традиционная культура построена на основе натуральной мелкокрестьянской экономики, при этом во всем делался упор на политизирование, политизацию. Непременно нужно разбить эту политизацию, изменить традиционные представления, создать и укрепить идеологию демократии, добиться того, чтобы нации был присущ дух демократии. Самая большая особенность традиционной культуры состоит в том, что ей недостает теории, что она лишена теории или, можно сказать, что в центре традиционной культуры лежат принципы морали. Необходимо разрушить этот ценностной принцип, это принцип подхода к ценности всех вещей, добиться того, чтобы субъект измерял себя по своим законам, по законам субъекта. Итак, с одной стороны, дух Демократии, и, с другой стороны, дух Науки, научности – это как раз то, чего более всего недостает нашей нации. Если мы не станем обладателями духа и того и другого, тогда нечего и мечтать и строить предположения об осовременивании Китая, о выходе Китая на уровень современных представлений и на уровень современности во всем. Вопрос о национальной специфике или о национальном своеобразии (самобытности), об учете специфики нации нельзя решать, только прославляя национальные традиции или возвращаясь к ним. Напротив, необходимо открытие Китая для внешнего мира и открытие внешнего мира для Китая, осуществление прорыва к культуре внешнего мира. Наша нация находится в процессе осуществления осовременивания, а это и есть решение вопроса о национальной специфике. Сама национальная специфика – это и есть историческое созидание и исторический выбор нашей нации в ходе открытия для себя внешнего мира, осуществления прорыва к культуре внешнего мира, в ходе процесса осовременивания. В противном случае окажется невозможным изменить мутно-желтый цвет вод реки Хуанхэ, хотя она и будет продолжать свой стремительный бег в открытое море. Открытое море или океан – это открытое море, а Хуанхэ по-прежнему остается только Хуанхэ. Выход для нашей культуры, для культуры Китая только в сломе структуры традиционной культуры и в создании культуры, которая соответствует требованиям строительства социализма⁹³.

История не предоставила возможности китайцам сформировать средний класс, как класс людей со средним достатком, что, в свою очередь, способствовало бы победе (в Китае) Науки и Демократии. Культура Китая также не воспитала в стране идеологию гражданина, гражданское сознание или правосознание, более того, наоборот, она внушила, воспитала и сформировала психологию господина и простолюдина или раба. Психология господина и простолюдина или рабская психология могла произвести на свет только послушных и покорных рабов или простолю-

динов, и безумных мятежников, которые несутся навстречу опасностям, безумцев, которые, сломя голову, бросаются в опасные авантюры. Но история все же создала в Китае совершенно особую группу людей – ЧЖИ-ШИФЭНЫЦЗЫ – интеллигенцию, людей, обладающих знаниями.

Им было очень трудно иметь единые экономические интересы и самостоятельные политические позиции, на протяжении нескольких тысяч лет они находились в подчиненном, вассальном положении, были придатком к чему-то иному. Они также не могли преобразоваться в сплоченную социальную общность и, используя мощные экономические силы, во всеоружии критиковать старое общество. Их таланты могли использовать, их волю можно было искривлять, их душа, вероятно, была вся исполосована порезами, их спина была согнута, их плоть можно было уничтожить. Однако в их руках было то оружие, с помощью которого можно покончить с глупостью и суевериями. И именно они являлись теми людьми, которые способны вести прямой диалог с морской цивилизацией. И это они орошают живительной влагой из голубого источника Науки и Демократии желтую почву (Китая)⁹⁴.

Авторы фильма заявляли: «Если мы хотим изменить свою психологию, изменить свои человеческие качества, то мы непременно должны перенести огромные страдания и трудности. И на протяжении истории это наиболее остро ощущали именно люди знания – интеллигенция. Дело в том, что именно интеллигенты первыми обнаружили пороки традиций, но у них не было возможностей и сил, чтобы изменить положение, избавиться от них. Исполненные надежд, они бросились на штурм традиций, но и тут им зачастую не хватало смелости. Сегодня, в эпоху великих перемен, на нас лежит двойное бремя, на нас лежит задача разрушения и строительства. Как же поступить?».

«Мне думается, – утверждает один из авторов фильма, – что здесь существует только один выход: подвергаясь напору всемирного течения, под давлением окружения нам необходимо заставить себя продвигаться вперед, чтобы соответствовать новой обстановке или, другими словами, преодолевая страдания и трудности, создавать новую жизнь. Надежда Китая в нашем общем мире. Для того чтобы эта надежда воплотилась в жизнь, нужно опираться на тех людей Китая, которых пробудил и призвал весь наш мир. Нашему поколению неизбежно придется перенести муки совести, духа, души, интеллекта и, возможно, благодаря этому, изменения будут великими»⁹⁵.

Авторы фильма полагали, что в Китае есть сегодня и еще одна группа людей, которые обладают большей, чем интеллигенция, реальной силой. Это – новые предприниматели. Нельзя принижать значения этой новой силы общества: владельцев небольших магазинов, торговцев, крестьян, которые покинули свои земельные участки и занялись полезной деятельностью в других местах. Их силы накапливаются. Их призывы и замыс-

лы, возможно, будут вписаны в историю и станут манифестом голубого цвета, то есть цвета морской цивилизации⁹⁶.

В конце 1986 г. и вначале 1987 г., – продолжали авторы пояснительного текста к телефильму «Плач по Реке», – вдруг вспыхнуло в масштабах всей страны студенческое движение, и оно ввергло в состояние напряженности все и вся, и наверху и в низах. Возможно, сейчас еще рановато давать оценку этому студенческому движению. Однако в ходе него возник такой институт как непосредственный прямой диалог политических руководителей со студентами, с учащимися, и тем самым как раз и достигалась цель, которую ставит перед собой большинство участников студенческого движения, а именно достижение прозрачности политики и принятия политических решений, гласности при осуществлении политики и принятия политических решений.

В телефильме демонстрировались кадры выступлений для прессы официальных лиц о работе XIII съезда КПК. При этом в пояснительном тексте говорилось, что даже в этом случае, в случае такого поднятия завесы строжайшей тайны вокруг самого крупного политического события, что ранее было невозможно, наконец-то прорезывается прозрачность, присущая той самой голубизне (морской цивилизации). Представители средств массовой информации Китая впервые находились в относительно центральном положении, оказались в роли посредника в диалоге между теми, кто определяет политику в высшем эшелоне, и массами⁹⁷.

И, тем не менее, для того, чтобы люди Востока, в которых глубоко сидят традиции диктатуры, по-настоящему осознали, что же такое демократия, необходимо очень многое: дело это весьма и весьма непростое. История оставила нам здесь много крайне любопытных случаев.

В конце 1940 г. Ф. Д. Рузвельт был в третий раз избран президентом США. В этой связи господин Чан Кайши в своем дневнике записал: «Демократия в Америке вызывает беспредельное восхищение, специально направил Ф. Рузвельту телеграмму, поздравил его с успехом». Однако три года спустя как-то вечером супруга Чан Кайши и по совместительству посол по особым поручениям Сун Мэйлин ужинала в Белом доме с Ф. Рузвельтом и его женой. Когда разговор при этом зашел о забастовках американских рабочих, то Ф. Рузвельт спросил Сун Мэйлин, какова была бы позиция правительства Китая в том случае, если бы в военное время оно столкнулось с таким же положением? Сун Мэйлин преспокойно провела по горлу длинным наманикюренным ногтем, то есть сделала красноречивый жест, означающий предание смертной казни, и это повергло в беспредельный ужас всех присутствовавших при этом американцев. Впоследствии супруга Ф. Д. Рузвельта говорила: «Сун Мэйлин была способна очень хорошо рассуждать о демократической системе, однако она просто-напросто не имела ни малейшего представления о том, как на деле ее осуществить»⁹⁸.

Авторы фильма завершали пояснительный текст к нему следующими рассуждениями:

«Особенностями политики, которая проводится в условиях диктатуры, являются окружение политики тайной, таинственностью, придание ей характера личной диктатуры, произвол.

Особенностями политики, которая проводится в условиях Демократии, должны быть прозрачность, то есть гласность, отражение в ней воли и дума народа, ее Научный характер.

В настоящее время мы как раз выбираемся из мути в прозрачные воды.

Мы уже идем от изоляции, замкнутости к открытости. Самой судьбой определено, что река Хуанхэ должна пробиться через лессовые желтоземельные плато. В конце концов. Хуанхэ должна влиться в голубое море. Страдания, надежды реки Хуанхэ создали ее величие. Величие реки Хуанхэ, пожалуй, в том, что она сформировала огромный континент между морем и горным плато. Река Хуанхэ принесла свои воды к великому и трудному устью – впадению в море. Массы песка здесь накопятся и создадут новый континент. Морские волны тут будут сливаться с водами реки Хуанхэ. Река Хуанхэ должна избавиться от своего страха перед открытым морем. Река Хуанхэ должна сохранить свою нестигаемую волю и порыв, принесенные с горных плато. Влага жизни приходит из моря и возвращается в море. Река Хуанхэ, которая тысячелетиями была одинокой и изолированной, наконец-то увидела голубое огромное море».

Телефильм заканчивается словами песни:

*«И я уразумел,
Что на реке Хуанхэ, текущей по Поднебесной, 99 поворотов,
На 99 поворотах 99 лодок,
На 99 лодках 99 бамбуковых шестов,
с помощью которых управляют этими лодками,
99 поворотов и 99 рулевых,
Они удержат лодки на верном пути»⁹⁹.*

РЕЦЕНЗИИ НА ТЕЛЕСЕРИАЛ «ПЛАЧ ПО РЕКЕ»

После событий 4 июня 1989 г. в 1990 г. в центральной печати были опубликованы статьи с критикой продолжения сериала «Плач по Реке». Оказалось, что Су Сяокан и его товарищи выработали отправные пункты, которыми следовало руководствоваться при съемках продолжения сериала. При этом исходной была мысль о том, что спасти Китай от грозящей ему гибели может только Просвещение.

В этой связи Су Сяокан считал, что «будучи обуреваемы сильными национальными чувствами, люди легко забывают главное для Китая, то есть забывают о том, что только постоянное Просвещение может по-настоящему принести Китаю избавление от гибели, что только продолжая воспринимать у Запада методы решения вопросов с той целью, чтобы усилить свою страну, можно найти те средства, которые дадут эффект внутри страны. Когда же преобладают сильные национальные чувства, тогда голое стремление к спасению от гибели подавляет идею и дело Просвещения, тогда права личности, индивидуальности, каждого конкретного и отдельного человека ставятся в подчиненное положение по отношению к иллюзорно-пустой коллективной воле, тогда принцип, согласно которому надо воспринимать чужое и брать у других, обращается в принцип закрытия застав на границах и самоизоляции государства, тогда создаваемые вновь формы литературы уступают свое место существовавшим встарь литературным формам... В этом случае не только оказывается отброшенной задача продолжения строительства новой культуры, но и гибнут плоды того, что уже было достигнуто в ходе движения за просвещение»¹⁰⁰.

В наметках сценария продолжения телесериала «Плач по Реке» далее говорилось, что «демократическая политика должна получить необходимые предпосылки в сфере культуры, а также соответствующую базу в народе и в государстве».

Авторы сценария делали упор на пропаганде деятельности Лян Цичао, Янь Фу и, особенно Чэнь Дусю, Ху Ши и других интеллигентов, которые, по мнению Су Сяокана, «имеют немеркнущие заслуги и излучали тот свет, который давал простор ветрам и освежающему воздуху».

В сценарии приводились высказывания участников движения 4 мая 1919 г. При этом, как писала газета «Жэньминь жибао», намеренно подстрекали к студенческому движению, выпячивая такие высказывания

людей прошлого, как их мнение о том, что «правительство несовершенно, а потому студенты должны исправить его промахи».

Авторы сценария также утверждали, что с момента начала движения 4 мая 1919 г. прошли 70 лет, а «положение Господина Состязательность» в Китае по-прежнему является подвешенным, и он не играет решающей роли», «его место как конечного мерила ценностей, то есть положение знаний в Китае, по-прежнему является неустойчивым».

В сценарии также выдвигался тезис о том, что день 4 мая не должен рассматриваться только как «День молодежи», что, по мнению авторов сценария, снижает и сужает значение 4 мая 1919 г., а должен считаться «Днем Науки», «Днем Ученых», «Днем Интеллигентов». Они считают, что это «великий праздник... современного интеллигента Китая».

Су Сяокан, внося исправления в первоначальные наброски сценария, особенно остановился на отношении к Мао Цзэдуну. При этом он утверждал, что Мао Цзэдун, будучи лидером харизматического типа, «сплавил в себе воедино элементы непонимания масс и элементы одурачивания масс». В результате Мао Цзэдуну удалось добиться того, что Китай «направился в сторону отрицания модернизации», отрицания необходимости осовременить страну.

Авторы сценария считали, что после 4 мая 1919 г. «интеллигенция Китая, если говорить о ней в целом, погибла». В этой связи они заявляли: «Сегодня главная проблема для интеллигенции состоит в том, что надо создавать независимую и свободную человеческую личность; в противном случае нет никакой возможности вести речь о чем бы то ни было ином».

В ходе начавшихся уже съемок продолжения телесериала «Плач по Реке» Су Сяокан, в частности, утверждал, что в свое время Чэнь Дусю был последователем Троцкого и выступал против советской компартии, что было «большой мудростью, предвидением»; Чэнь Дусю «раньше любого другого деятеля внутри Компартии Китая разглядел трагедию компартии в Советском Союзе».

Далее авторы сценария также утверждали, что они испытывали «крайне тягостные чувства» в связи с вопросом о том, кто же оказался прав и кто неправ по большому счету в борьбе линий внутри КПК. При этом они превозносили высказывание Ху Ши, который считал, что «надо бы поменьше талдычить о разного рода Принципах и побольше вникать в суть проблем», полагая, что это «тот язык, который проливает свет разуму». Они также утверждали, что в «революционной армии маршбросков», состоявшей из вспыльчивых и взрывных по характеру китайцев, единственным трезвомыслящим и по настоящему прозревшим человеком был Ху Ши. Они также использовали высказывания Цай Юаньпэя, который отмежевывался от теории классово-борьбы.

Наконец, Су Сяокан и его коллеги пропагандировали следующие взгляды: «освобождение человеческой личности, свобода мысли, незави-

симость индивида, обновление всех существенных составных частей народа и государства».

Авторы статьи в «Жэньминь жибао» в этой связи завершали свою критическую статью вопросами: «Уже в “Плаче по Реке” нападки на Четыре Основных Принципа достигли степени крайней разнузданности, а в продолжении этого сценария его авторы сделали шаги еще дальше. Почему, спрашивается, было такое время, когда всему этому позволяли распространяться в нашем обществе? Почему не ставили преград? Разве мы не должны извлечь из этого уроки?»¹⁰¹.

688

И
С
Т
О
Р
И
Я
К
И
Т
А
Й
С
К
О
Й
Ц
И
В
И
Л
И
З
А
Ц
И
И

Итак, какие мысли составляли основу миропонимания некоторых китайских интеллигентов, включая Чжао Цзыяна? Телефильм «Плач по Реке» можно рассматривать как манифест демократического движения в Китае в свое время.

Этот документ эпохи представляется начисто лишенным всякого национализма и классового подхода к истории.

При этом ему присущ искренний и глубокий патриотизм. Его авторы гордятся тем, что цивилизация или культура, родившаяся в бассейне реки Хуанхэ, была чрезвычайно рано созревшей цивилизацией во всемирной истории человечества. Их отличает стремление искать корни отсталости Китая. Они считают, что издревле китайцы овладевали, причем на 1000 лет раньше, чем это было сделано на Западе, целым рядом технических навыков. В то же время они отставали в своей исторической эволюции в области управления механизмом существования общества в сфере его политической организации. Понятия демократии, свободы, равноправия вплоть до настоящего времени не освоены в Китае.

Авторы этой исторической концепции отвергают тезис о специфичности, необычности, особом характере китайской цивилизации, начиная с самых ее истоков. Китайская цивилизация. С их точки зрения, это консервировавшаяся древняя цивилизация обычного типа. Китайцы продолжают и поныне жить в царстве теней своих предков. И именно это мешает им вырваться на уровень нынешней всемирной передовой цивилизации. Старая китайская цивилизация, по их мнению, утонула. И это вполне естественно, это нужно осознать, не цепляться за старое, а вовлекаться в современную общемировую цивилизацию.

Китайские интеллигенты, разделяющие эти взгляды, также полагают, что цивилизация древнего Китая утонула в силу внутренних причин. Они не согласны с мыслью о том, что внешние силы убивали эту цивилизацию. Они вообще считают, что вопрос о жизни и смерти той или иной цивилизации решается внутри нации, то есть народа, страны, а не внешними силами. Конечно, применительно к Китаю это переворачивает все представления, которые были обычными для многих китайцев, в том числе в годы КНР.

Получается, что некого винить, кроме самих себя, в отсталости Китая. Если даже в древней и более близкой истории сила ассимиляции позволяла выживать китайской цивилизации, то ныне в этом нет необходимости; китайцам следует искать пути приобщения к мировой цивилизации, а не продолжать пытаться отгораживаться от мира, любоваться своей исключительностью и специфичностью.

Авторы исходят из единства человечества, из мысли о существовании единого пути передовой человеческой цивилизации, из того, что Китай – это часть человечества, а китайская цивилизация не должна быть отдельной от общечеловеческой цивилизации. Вступление в русло общемировой промышленной цивилизации не означает утрату китайцами своей принадлежности к китайской нации. Нужно, чтобы принадлежность к китайской нации не мешала обретению Китаем мировой цивилизации.

Авторы считают, что необходимо пересмотреть вопрос о национальной исключительности, о китаецентризме, понять, что Китай – это не центр, а органическая равноправная часть мира.

У каждой нации есть своя, при этом законная, гордость. Китайцы могли гордиться своей сельскохозяйственной цивилизацией в то время, когда она была прогрессивной, когда она стояла по уровню развития производительных сил выше цивилизации скотоводческой.

Авторы не осуждают своих предков. Более того, они гордятся многими их достижениями. Они объясняют их действия стремлением защитить свою передовую цивилизацию от отсталой цивилизации скотоводческих наций. Они гордятся чувством истории, присущим китайцам.

В то же время они постоянно ищут и стараются объяснить истоки отсталости Китая. Они видят, что вполне естественные действия древних китайцев по защите своей передовой тогда цивилизации привели с течением времени к застою, к консерватизму, породили в конечном счете философию покорности року, судьбе, воле Неба, философию неизменности мира, а все это мешает нации распрямиться и стать мобильной, осовремениться. Очевидно, что по их логике нации нужно не только встать и выпрямиться, но и безостановочно идти вперед.

При этом они осуждают и попытки огородить Китай стенами со всех сторон. Они считают, что Китай отстал именно потому, что он стал недвижимым на столетия и тысячелетия. Они вообще полагают, что вся концепция внешнего врага, который грозит Китаю, устарела. Политика отпора на Севере и закрытия ворот Китая на Юге не принесла китайской нации ничего полезного. Это – пересмотр трафаретных представлений, которые практически господствуют в умах части людей в Китае до настоящего времени.

Застой в области политической теории привел Китай к застою в сфере экономики. Источником существования людей в Китае стала земля, а общество было связано абсолютной властью монарха. В этих условиях

китайцы не имели возможности понять, что такое свобода и что такое торговля с внешним миром.

Авторы считают, что китайцы – такие же способные люди, как и другие нации. Иной раз они в области техники, науки опережали других людей, другие народы, но они никак не могли избавиться от понятий, ограничивающих развитие Науки и Демократии, торговли и свободы.

Авторы считают, что у китайцев в древности были все условия для того, чтобы успешно развиваться. Более того, были периоды в истории Китая, когда, благодаря плюрализму они достигали расцвета культуры или науки и техники. Китай шел впереди тогда, когда он приоткрывал себя миру и открывал мир для себя, то есть когда он делал шаги по общему мировому пути. Китай дряхлел и коснел, когда он снова становился затворником.

Наука в Китае стала в этих условиях книжной, оторванной от жизни.

Здесь очень важно отметить, что авторы фильма выступают против того, чтобы всех иностранцев, которые достигали пределов Китая, считать «орудием агрессии Запада» в той или иной области. Сами китайцы виноваты в том, что не сумели на протяжении длительного времени смотреть на людей из других стран как на равных себе. Самосознание или уверенность в национальной исключительности мешали Китаю понять людей иных стран, которые искренне хотели сделать достоянием Китая достижения своей науки. Китайцы никак не могли понять, что Китай находится не в центре мироздания, что такого центра вообще не существует. Это – не обвинение, а констатация факта и попытка авторов фильма объяснить создавшееся положение. Они вовсе не осуждают своих предков, а глубоко переживают, что так получилось, и ищут причины отсталости Китая, чтобы их устранить.

Авторы фильма предлагают китайцам избавиться от трафаретных мыслей о том, что люди Запада унижали Китай. То, что произошло в истории, на самом деле было порождено, прежде всего, стремлением древних китайцев отгородиться от мира, сохранить китайскую исключительность.

Важной причиной застоя и отсталости Китая авторы «Плача по Реке» считают отношение в Китае к интеллигенции, к людям знания. Кризис в области просвещения, в сфере просвещения стал кризисом, наиболее настоятельно требующим принятия решительных мер.

Далее авторы «Плача» утверждают, что экономически неразвитые страны не могут, как показала история, перепрыгнуть через этап развития товарной экономики. Жизнь заставила все такие страны, в том числе СССР и КНР, начать в 1980–1990-х гг. изменения, реформы. Смысл здесь один: искать и найти пути прохождения своими странами каждой по-своему, этапа развития товарной экономики. Все, что делалось (в СССР и в КНР) до этапа реформ, в «Плаче по Реке» расценивается, как попытка переско-

чить, перепрыгнуть через этапы исторического, естественноисторического развития. Попытки эти оказались неудачными, они и не могли привести к успеху. Поэтому нынешние действия руководителей в этих странах, действительно осуществляющих реформы, это не движение вспять, а стремление идти в соответствии с естественным ходом истории. Реформы для Китая означают изменения в цивилизации, обращение древней цивилизации в систему, напоенную жизненной силой. В Китае традиционно не было понимания того, что такое товар и что такое собственность. Император в Китае был единственным собственником. Чиновники помогали ему грабить народ. Издревле в Китае существовала централизованная система, которая мешала развитию, в частности, капитализма, прогрессивному развитию цивилизации. С созданием КНР, как нам представляется, можно сделать и такой вывод: эта централизованная система была только еще более усилена. Самоизоляция, присущая Китаю прошлых веков, также стала только еще более глухой.

В Китае диктатура одного человека или группы «хозяев» партии, не свергнута до сих пор. Она еще не уступила место демократии.

Авторы настойчиво повторяют, вновь и вновь возвращаются к мысли о том, что Китай – это часть мира, а китайцы – это часть человечества, что Китаю никак не избежать включения во всемирный обмен товарами.

Авторы говорят о 100–200-летней отсталости Китая, доказывая, что причиной этого являются внутренние обстоятельства в развитии самого Китая. Они не согласны с обычным до сего времени толкованием этого вопроса. Ведь и до сих пор обычно в КНР, да и за ее рубежами, часто говорили, что страна была отсталой из-за того, что на нее навалились такие «горы», как иностранная агрессия, империализм, вдобавок к собственному феодализму. Да при этом еще считали, что отсталость Китая только усугублялась из-за деятельности компрадоров. Иначе говоря, трафаретные стереотипные взгляды прошлого сводились к тому, что Китаю мешали развиваться иностранцы, а также те китайцы, которые внутри страны помогали иностранцам. Отсюда действия против иностранцев и против китайцев, помогавших приобщению Китая к мировой цивилизации, рассматривались как революционные, как борьба в интересах китайской нации. Авторы «Плача по Реке» полагают, что революционными следовало бы считать, напротив, действия, направленные на открытие дверей Китая в мир и для мира. Национальные интересы Китая – не в абсолютизации сопротивления иностранцам в эти ближайшие к нам последние 100–200 лет исторического развития страны.

При этом имело место также стереотипное соединение понимания национальных и социальных задач.

Можно высказать предположение о том, что по-иному в свете позиции авторов «Плача» выглядят и задачи КПК и революционного движения в Китае. Ранее было типичным мнение о том, что КПК решила две зада-

чи, что отвечало интересам китайского народа, китайской нации, китайских трудящихся. Одна – это задача Освобождения Нации (национального Освобождения), другая – это задача Освобождения Общества (социального Освобождения).

Ныне можно повернуть этот вопрос таким образом. Задача национального освобождения, в какой-то степени, состояла в том, что нужно было утвердить и сохранить Китай в качестве субъекта на мировой арене. Эту задачу выполняли в XX веке все китайские революционеры, в том числе и члены КПК. Однако, особенно в КПК, ее гипертрофировали: оказывалось, что борьба против иностранцев затмевала даже интересы прогресса самого Китая. Другая задача, то есть задача социального освобождения, также стояла перед Китаем. Эксплуатацию человека человеком нужно было исключить, ликвидировать. В то же время нужно было не увлекаться быстрым построением социализма и коммунизма, а искать пути к нормальному движению Китая по естественноисторическому пути, то есть пути развития товарной экономики.

Авторы «Плача по Реке» выступают за изменение отношения к капитализму.

Они видят существо, корень отсталости Китая в низком качестве самого человеческого материала, самих крестьян.

То, что делал Мао Цзэдун и КПК до сих пор, в значительной части было продолжением движения по пути сельской цивилизации, то есть по пути отсталости Китая.

Чжао Цзыян выступал за то, чтобы покончить с характерными для исторического идеализма абстрактными толкованиями социализма в отрыве от развития производительных сил и в корне отделить Научный социализм от всякого рода утопий.

«Плач по Реке» – это разъяснение многих мыслей, заложенных в докладе Чжао Цзыяна на XIII съезде КПК.

Главный вывод из практики существования социализма в различных странах и из теоретических исследований был сделан Чжао Цзыяном и приводился в пояснительном тексте к «Плачу по Реке»: «Социалистическое хозяйство является плановым товарным хозяйством, основанным на общественной собственности. Научный вывод нашей партии относительно социалистического хозяйства является важнейшим развитием марксизма, основным теоретическим обоснованием реформы нашей хозяйственной системы». Центральный пункт здесь – указание на необходимость признания товарного хозяйства, рыночной экономики.

Авторы фильма полагают, что даже образование КНР не принесло вступления на правильный путь развития производительных сил, что компартия занималась построениями, оторванными от того, что было необходимо для развития производительных сил. И это продолжалось все 30 с лишним лет существования КНР.

И в настоящее время Китай все еще не избавился от угрозы продолжения движения по старому пути.

Авторы фильма считают, что Мао Цзэдун так и не смог найти решение проблемы, даже не пришел к пониманию того, что следует развивать производительные силы.

В целом, та часть китайской интеллигенции, взгляды которой отражены в «Плаче», а также в планировавшемся его продолжении, приходила к выводу о том, что Китай оказался связан на тысячелетия таким методом организации жизни общества, который не позволяет ему вплоть до настоящего времени действительно встать на путь прогрессивной общемировой цивилизации, путь, который раскрывает возможность нормального развития и экономики рыночного типа, и демократии, и политической жизни общества. По сути говоря, авторы, очевидно, согласны с тем, что имевшие место в истории реальные попытки применять в КНР теорию марксизма ничего позитивного не дали и не могут дать, что социализм, понимаемый как формация Мао Цзэдуном, его приверженцами и последователями, в стране не пройдет, и что руководителям КПК в годы КНР удалось создать тоталитарное государство, существующее под лозунгами борьбы за социализм и коммунизм, но на деле подавляющее человека, человеческую личность, гражданина и концентрирующее и экономическую и политическую власть в руках высшего руководителя партии и страны или группы таких руководителей, а также обслуживающего их слоя политических бюрократов, кадровых работников или номенклатуры КПК-КНР.

Думается, что есть основания сделать вывод о том, что культурная или духовная либерализация, реформы в сфере духовности, культуры – вот в чем нуждается Китай наряду с реформами в экономике и в политике.

В газете «Жэньминь жибао» после событий 4 июня 1989 г. утверждалось, что после того, как летом 1988 г. центральное телевидение КНР показало телесериал «Плач по Реке», Чжао Цзыян сразу же отметил его выдающиеся художественные достоинства. Он возглавил кампанию по восхвалению телесериала в печати. Чжао Цзыян дал указание изготовить 500 копий телесериала. Вскоре после показа фильма КНР посетил руководитель одной из зарубежных стран. Чжао Цзыян рекомендовал ему посмотреть этот фильм, видеозапись которого генеральный секретарь ЦК КПК направил этому иностранцу. При этом Чжао Цзыян сказал, что этот фильм «стоит посмотреть». (Ранее мы уже упоминали о том, что Чжао Цзыян считал все эти утверждения не имеющими под собой никаких оснований.)

В конце сентября 1988 г. на 3-ем пленуме ЦК КПК 13-го созыва один из тех, кто обладал реальной властью и был тесно связан с влиятельными группировками в партии и в армии, близкий к Дэн Сяопину, замести-

тель председателя КНР Ван Чжэнь перед закрытием пленума поднял вопрос о телефильме «Плач по Реке», критически отозвавшись о нем. Ван Чжэнь потребовал, чтобы ЦК КПК придал значение этому делу. Тогда Чжао Цзыян «отделался ничего не значащими словами, ушел от этого дела, сказал несколько слов и закрыл пленум»¹⁰².

Все это означает, что противоречия на 3-ем пленуме ЦК КПК 13-го созыва в сентябре 1988 г. были очень острыми. Помимо вопросов, касавшихся реформы экономической системы, где столкнулись точки зрения Чжао Цзыяна и Ли Пэна, которые представляли различные подходы к этой реформе и ее продолжению, был поднят вопрос о столкновении двух разных мировоззрений, имевшихся в КПК.

Тогда Чжао Цзыян смог, это было в его власти, не допустить развертывания дискуссии, однако важно, что Ван Чжэнь прямо критиковал телесериал «Плач по Реке», прекрасно зная отношение к нему Чжао Цзыяна. Противоречия по идеологическим вопросам проявились уже тогда, осенью 1988 г., на уровне участников пленума ЦК КПК, но вопрос остался в подвешенном состоянии. Ни та, ни другая сторона не имела возможности тогда настоять на своем.

Скрытая политическая борьба по этому вопросу продолжалась и после пленума. В октябре в ЦК КПК был представлен доклад по вопросу о том, как подходить к вопросам, поднятым в этом фильме. В докладе предлагалось опубликовать статьи критического характера, чтобы разъяснить «односторонность и ошибочность» точки зрения, нашедшей отражение в телесериале. Можно предположить, что это было сделано с ведома Дэн Сяопина.

Внешне Чжао Цзыян не высказал возражений против этого доклада. Очевидно, тактика Чжао Цзыяна в это время состояла в том, чтобы спускать все на тормозах, надеясь, что развитие событий принесет ему более прочное положение и подорвет позиции его политических оппонентов.

Затем, очевидно, в соответствии с мнением, содержащемся в упомянутом докладе в ЦК КПК в октябре 1988 г., была представлена статья, подписанная псевдонимом «И ЦЗЯНЬ». Статья называлась «Что пропагандирует “Плач по Реке”?». Тогда Чжао Цзыян дал указание: «Не нужно публиковать»¹⁰³.

Политическая позиция Чжао Цзыяна была по этому вопросу четкой. Он, с одной стороны, никак не был связан с авторами фильма, и, с другой стороны, несомненно, симпатизировал взглядам, выраженным авторами телефильма «Плач по Реке»¹⁰⁴.

После событий 4 июня 1989 г. и смещения Чжао Цзыяна с поста генерального секретаря ЦК КПК, 19 июля 1989 г. в газете «Жэньминь жибао» была напечатана упомянутая статья под заголовком «Что пропагандирует “Плач по Реке”?». Автор или авторы статьи до сих пор остаются неизвес-

тными. Они скрываются за псевдонимом «И ЦЗЯНЬ», что в переводе на русский язык означает: «Высказывания одного человека», или, скорее, «Голос некой (одной) научной школы».

В статье, прежде всего, содержалась общая оценка телесериала «Плач», как «переосмысления в общем и целом» всей насчитывающей 5 тыс. лет истории цивилизации. Авторы телесериала исходили из желания изменить отсталый облик Китая. Однако, автор статьи «И ЦЗЯНЬ» полагал, что создателям телефильма не хватило ни теоретических знаний, ни знаний вообще; они не обладают строгим подходом и не стоят на серьезных позициях, а потому многие положения теоретического плана, содержащиеся в пояснительном тексте к фильму, а также многие сюжетные ходы фильма, его эпизоды являются неточными и даже вредными.

Далее «И ЦЗЯНЬ» излагал свои критические замечания.

Во-первых, «Плач» – это по существу реквием, поминальная песнь по всей китайской нации. Телефильм не только провозгласил крах и умирание «желтой цивилизации», но и огульно, полностью отрицает эту великую нацию и ее древние традиции в области культуры.

Во-вторых, в «Плаче» история Китая разъясняется не с точки зрения материалистического движения истории, изменения методов производства, а также изменения разнообразных элементов производства, а с помощью идеалистического взгляда на историю, с точки зрения теории, которая состоит в том, что решающую роль играют географические условия, окружение, среда, с той точки зрения, что человек Китая от рождения является глупым, и так объясняется в фильме история Китая. Авторы «Плача» считают, что история (нации) определяется характером цивилизации, а характер цивилизации определяется географическими условиями.

В-третьих, в телесериале и река Хуанхэ и Великая китайская стена, то есть символы нации Китая, подвергаются осмеянию, причем без всякого анализа. Дело доходит до того, что «желтая вода», «желтые бобы», «желтый рис» и даже «желтая кожа» – все это становится показателем отсталости и бесперспективности культуры Китая. Это – величайшее оскорбление, которое наносится миллиардному народу, включая десятки миллионов «детей и внуков, потомков Даньхуана, Хуанди», живущих в Сянгане, Аомэне, на Тайване и в самых различных районах всего мира. «И ЦЗЯНЬ» заявлял, что все это уже вызвало решительный протест и критику со стороны немалого числа живущих за границей соотечественников.

В-четвертых, по мнению «И ЦЗЯНЯ», нация Китая обладает мощной притягательной силой, поэтому, хотя на протяжении истории и имели место разделы страны милитаристами, которые вели между собой братоубийственные войны, хотя зарубежные могучие державы и совершили агрессию против Китая и отхватывали от него куски, однако, благодаря непрерывной борьбе, все-таки была сохранена обширная объединенная

единая территория государства. Что же касается авторов «Плача», продолжал «И ЦЗЯНЬ», то они стоят на позициях сомнения и даже осмеяния, когда речь идет обо всех усилиях, которые предпринимались в истории Китая для того, чтобы добиться единства родины, отчизны.

В-пятых, в «Плаче» не проводится разграничения между борьбой, которую на протяжении истории Китая вел трудовой народ против угнетения, эксплуатации, давая отпор агрессии из-за рубежа, в целях отстаивания независимости нации, и имевшими место в истории междоусобными войнами милитаристов, то есть беспорядками. Напротив, вся справедливая борьба, которая была в истории, включая восстания рабов, восстания крестьян, оказание отпора иностранным империалистическим силам, – все это огульно выдается за «то, что вовсе не было, как это толкуется в некоторых теоретических размышлениях, борьбой, имевшей некий революционный смысл», а было приносившей зло деятельностью, в ходе которой «проявлялись ужасающие разрушительные силы, и проявлялся жестокий характер», «когда раз за разом беспощадно разрушались накопления, созданные производительными силами». Однако, с другой стороны, говорится, что «в мире не было другой такой философии жизни, какая была у китайского народа, и которая была бы настолько исключительной, прислушивавшейся к Небу, искавшей в его решениях свою судьбу».

«И ЦЗЯНЬ» продолжал: в телевизионном фильме ни слова не говорится о героической борьбе, которая велась со времен «Опиумных войн» в целях отпора агрессии империализма, принижаются Линь Цзэсюй и другие, они осмеиваются; все это также подтверждает, что авторы телесериала занимают неподобающую позицию в отношении борьбы, которую вел в истории народ Китая, отстаивая свою национальную независимость.

«И ЦЗЯНЬ» подчеркивал: так в «Плаче» в корне извращается история Китая, особенно история нового и новейшего времени, начиная с «Опиумных войн».

В этом телефильме, очевидно не случайно, ничего не говорится о великих революционерах, мыслителях, Сунь Ятсене, Лу Сине и других, которые вели выдающуюся идейную борьбу и действовали на практике для того, чтобы изменить историческую судьбу Китая.

В-шестых, в «Плаче» не уделяется никакого исторического места ни революции народа, которая осуществлялась под руководством КПК и в результате которой были сброшены «три большие горы», давившие на китайский народ, на Китай (феодализм, империализм, милитаризм), ни рождению КНР, которое изменило соотношение сил в мире. Ни ликвидации эксплуататорского строя, ни строительству социализма в нашей стране, – утверждал «И ЦЗЯНЬ». Единственными историческими событиями со времени создания КНР, о которых упоминается в этом телесериале, являются «безумный великий скачок» и «беспрецедентная в исто-

рии великая культурная революция». Компартия и ее вождь Мао Цзэдун многократно появляются в фильме в качестве объектов, к которым проявляется негативное отношение и которые подвергаются осмеянию. Авторы фильма сетуют на то, что в новое и новейшее время Китай потерял возможность избрать капитализм. Они фактически провозглашают, что историческая практика, в ходе которой китайский народ под руководством КПК проанализировал ситуацию, с помощью марксизма избрал путь через новую демократическую революцию (революцию нового демократизма) к социализму, целиком и полностью, то есть с начала и до конца, последовательно является практикой поражения. Это, – как подчеркивал «И ЦЗЯНЬ», – величайшее искажение истории Китая.

«Плач» не только отрицает необходимость осуществления в Китае социализма, но и отрицает необходимость Октябрьской (1917 г.) революции в России. Устами Плеханова фильм подтверждает, что захват политической власти под руководством Ленина «был осуществлен слишком рано», что тем самым «перескочили» «необходимый этап развития», «привели экономику к величайшему краху».

В «Плаче» содержится такое утверждение: «Похоронный звон по капитализму, который предвещал Маркс, все откладывался и откладывался, и так и не прозвучал». Смысл этого высказывания состоит в том, что мысль о неизбежной замене капитализма социализмом является всего-навсего пустой мечтой типа «Утопии». «И ЦЗЯНЬ» возражал, задавая вопрос: не является ли, однако, Октябрьская революция (в России), революция в Китае и установление социалистического строя в целом ряде государств живым выражением и проявлением исторического процесса неизбежного умирания, неизбежной гибели капитализма? Точно так же, как капиталистический строй не может появиться во всех государствах в одно и то же время, и социалистический строй не может точно таким же образом быть построен одновременно во всех странах. Для авторов «Плача» совершенно не существует великой направляющей роли марксизма в практике революции в Китае и в историческом прогрессе. В том «переосмыслении культуры» Китая и переосмыслении «исторической эволюции» Китая, которое имеет место в телефильме, как будто бы нет никакого места для полезной роли марксизма; марксизм фактически отбрасывается в кучу таких «традиционных представлений», которые необходимо изменить в корне и которые видятся отсталыми.

В-седьмых, по мнению «И ЦЗЯНЯ», в «Плаче» всемерно воспевается и приукрашивается цивилизация Запада или цивилизация Европы, голубая цивилизация, то есть капиталистическая цивилизация: «запустив в ход два колеса – промышленную революцию и свободный рынок, – капитализм начал великий взлет, положил начало звучанию объединенного, великого, составленного из двух частей, хора, то есть хора Науки и Демократии». «И ЦЗЯНЬ» возражал следующим образом: но ведь на протяже-

нии более 100 лет империализм старого толка под прикрытием знамени свободной внешней торговли осуществлял в отношении Китая агрессию, грабеж, топтал Китай, творил кровавые преступления и убийства, такова история, и об этом ни одним словом не упомянуто в фильме; все это целиком и полностью загушевывается, прикрывается и стирается.

«Плач» проповедует ту точку зрения, что «Европа является центром», проповедует «европоцентристские взгляды». В фильме утверждается, что только капитализм может спасти Китай, что только «полное» или «огульное» озападнивание («вестернизация»), только движение по пути «голубой цивилизации», то есть по пути капиталистической цивилизации, может быть выходом для Китая. «И ЦЗЯНЬ» также писал, что появились рассуждения, авторы которых считают, то «сеттльменты» иностранцев в Китае – это не «очаги преступлений и зла», а «предвестники цивилизации».

В-восьмых, хотя в «Плаче» имеется множество призывов к реформам и расширению внешних связей, однако эти заявления и призывы – совсем не то же, что курс на реформы и расширение внешних связей, предложенный ЦК партии и товарищем Дэн Сяопином., – считал «И ЦЗЯНЬ». Они идут вразрез с целями реформ (Дэн Сяопина), которые состоят в том, чтобы создать модернизированное или осовремененное сильное социалистическое государство, котором присуще своеобразие (самобытность) или специфика Китая. О чем бы ни шла речь, о реформах или о политике расширения внешних связей, призывы ЦК КПК и Дэн Сяопина не означают осуществления «огульной» или «полной вестернизации» и следование по капиталистическому пути. Давно, еще в 1979 г., Дэн Сяопин четко указывал: «Сейчас находятся некоторые люди, которые распространяют утверждения о том, что социализм, дескать, хуже капитализма. Нужно непременно выкорчевать и опрокинуть эти теории». «И ЦЗЯНЬ» подчеркивал, что сегодня (то есть в октябре 1988 года) время действия этого предостережения никоим образом не истекло.

В-девятых, авторы «Плача» заявляют следующее: «Китайская интеллигенция всегда, с самого начала и до конца, была поставлена в подчиненное положение по отношению к политической власти»; «не имелось возможности сформировать независимое общественное мнение, и недоставало понимания того, что такое независимая человеческая личность». «И ЦЗЯНЬ» в этой связи риторически вопрошал: неужели же передовые интеллигенты, которым несть числа, действовали неосознанно под руководством КПК и в единении с широкими массами трудового народа, совместно осуществляя великую революцию и строительство, развивая свои таланты, разум и силы? Неужели же предвестники нынешних китайских идеологов и деятелей культуры, действовавшие в новое и новейшее время, не обладали даже «ощущением независимой личности»?

Одновременно, утверждал «И ЦЗЯНЬ», авторы «Плача» считали себя представителями «слоя элиты» в области культуры в целом, который бо-

ролся за то, чтобы Китай освободился от исторической «ограниченности». Иными словами, говорил «И ЦЗЯНЬ», они практически рассматривали себя в качестве той независимой и самостоятельной, «не зависящей от политической власти», руководящей силы, которая осуществляет социальные реформы в Китае.

В-десятых, фильм, по мнению «И ЦЗЯНЯ», только выдергивает отдельные образы, дает отдельные высказывания и не обладает цельностью. В нем искажаются и произвольно трактуются классические марксистские труды. Например, в телефильме говорится о том, что после движения 4 мая 1919 года «в Китае начали широко распространяться культура и идеология Запада, включая марксизм». В этом высказывании полностью отрицается, что «Запад» – это политическое понятие, отрицается, что «культура и идеология Запада» носят буржуазный характер. Отрицается положение о том, что марксизм в корне расходится и не имеет ничего общего по характеру с «культурой и идеологией Запада». При этом марксизм снижается до роли лишь одной из частей «культуры и идеологии Запада», то есть марксизм ставится в подчиненное положение.

«И ЦЗЯНЬ» приводил еще некоторые примеры и высказывал свои соображения. В частности, он указывал на то, что культуру Германии трудно назвать «морской или океанской цивилизацией»; существует много морских и океанских государств, которые являются экономически отсталыми. Какова же в этом случае их цивилизация, – спрашивал «И ЦЗЯНЬ».

В целом он делал вывод о том, что телефильм «Плач по Реке» представляет собой винегрет, а не прорыв и не высшее достижение¹⁰⁵.

Вопрос о телефильме «Плач по Реке», о взглядах создателей этого фильма после событий 4 июня 1989 года в КНР стали тесно связывать с деятельностью Чжао Цзяна.

Прежде всего, Чжао Цзяна осуждали за его политику в отношении произведений литературы и искусства.

Приводилось высказывание, которое Чжао Цзян сделал в бытность свою генеральным секретарем ЦК КПК, и которое стало популярно в кругах творческой интеллигенции в КНР:

«У меня имеется следующая исходная позиция. На основании многолетнего опыта и уроков я считаю, что поступать следует таким образом: поменьше влезать, поменьше вмешиваться, то есть не следует легко хвалить что-то, поддерживать что-то, не следует также и с легкостью критиковать что-то... Я абсолютно не считаю нужным заявлять, что такое-то произведение является таким-то, а другое произведение – таким-то». Чжао Цзян также подчеркивал: «Я не смотрю те кинофильмы, которые мне предлагают посмотреть и оценить. Я также не буду высказывать или опубликовывать свое мнение о них»¹⁰⁶.

Эти высказывания Чжао Цзыяна в данном случае приводились в партийной печати лишь для того, чтобы доказывать, что Чжао Цзыян, дескать, не следовал собственным обещаниям и был пристрастен, когда дело касалось политики. В то же время, в общем и целом, такая позиция руководителя ЦК КПК, безусловно, нравилась творческой интеллигенции, так как партийных руководителей твердо выражал намерение не вмешиваться в вопросы творчества писателей и художников, деятелей литературы и искусства.

В статье «Жэньминь жибао», опубликованной 15 августа 1989 г., также содержались критические замечания в адрес фильма «Плач», в частности, говорилось, что вред этого телесериала состоит в выдвигании в нем мысли о «новой эре» в развитии Китая.

При этом утверждалось, что в «Плаче» выделяются две «новые эры» в историческом развитии всего мира и Китая: первая «новая эра» была открыта в 1649 г. буржуазной революцией в Англии, а вторая «новая эра» была начата приходом Чжао Цзыяна на пост генерального секретаря ЦК КПК в 1987 г. Обе «новые эры» связывались в фильме одной нитью. Такая постановка вопроса служила делу создания общественного мнения в интересах Чжао Цзыяна и его реальной политики.

Прежде всего, в телесериале говорилось о «новой эре» для того, чтобы выпятить Чжао Цзыяна, всемерно и специально утверждать «новый авторитет» Чжао Цзыяна.

Далее критики утверждали, что телесериал зачеркивает историю цивилизации китайской нации, насчитывающую 5 тысячелетий. Зачеркивает историю борьбы китайского народа против империализма и против феодализма, которая велась с момента первой «Опиумной войны». Зачеркивает историю новой демократической революции (революции нового демократизма), социалистической революции и социалистического строительства (строительства социализма), которые осуществлялись под руководством Компартии Китая. Принижает успехи, которые достигнут за 10 лет реформ, политики расширения внешних связей и строительства в сфере модернизации или осовременивания. В статье «Жэньминь жибао» утверждалось, что единственное, что заботит авторов телесериала, что они стараются выпятить, это тот период, когда Чжао Цзыян стал генеральным секретарем.

В телесериале Парижская коммуна – это не «новая эра». Октябрьская революция (в России) – это тоже не «новая эра». Революционная война, которая велась внутри Китая под руководством КПК, Антияпонская война, война за Освобождение – все это «социальные потрясения периодического характера» и «беспорядки». А после образования КНР, как утверждалось, имели место только «безумный великий скачок» и «беспрецедентная великая культурная революция». В фильме утверждалось, что вплоть до 1985 г. другие страны по-прежнему «продвигались вперед значительно

быстрее нас», и только тогда, когда в 1987 г. Чжао Цзыян стал генеральным секретарем ЦК КПК, в истории Китая открылась «новая эра».

Конечно, в телесериале не могли не упомянуть об открытии 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва, которое состоялось 18 декабря 1978 г. Но при этом было всего-навсего сказано, что «в этот день» история «наконец двинула Китай вперед», внесла его в течение реформ. И тут же говорилось, что «мы именно сейчас стоим на перекрестке». Очевидно, что мысль авторов телесериала состояла в том, что в то время Китай лишь чуть-чуть «приоткрыл ворота в огораживающей его стене», что руководители Китая еще не сделали своего сознательного исторического выбора.

Авторы фильма даже специально указывали на следующее: «Ни Ленин, ни Плеханов, ни Сталин, ни Бухарин, а в равной степени и ни Мао Цзэдун и многие его соратники» (Здесь в текст статьи, напечатанной в «Жэньминь жибао», вкраплено примечание ее авторов о том, что «сюда, вне сомнения, включаются Дэн Сяопин и другие представители старшего поколения пролетарских революционеров». – Примечание Ю.Г.) не нашли тех «священных неуловимых экономических закономерностей», которые открывают новую эру, и один лишь только Чжао Цзыян нашел эти закономерности.

Как раз в этот момент на экране вдруг возникает кадр: показывают Чжао Цзыяна, звучит отрывок из его речи, звук еще не замолкает, а на экране появляется крупная надпись: «НОВАЯ ЭРА». Так авторы искажают историю: историю Китая до Чжао Цзыяна представляют белым пятном, используют все методы, чтобы выпятить Чжао Цзыяна, создают у зрителей впечатление, что Чжао Цзыян – это знаменосец реформ и политики расширения внешних связей, что только он способен дать Китаю надежду. Авторы статьи, напечатанной в «Жэньминь жибао», в этой связи задавали риторический вопрос: «Если это не утверждение всеми средствами “нового” авторитета Чжао Цзыяна, если это не создание общественного мнения с той целью, чтобы вручить Чжао Цзыяну возможность единовластия и огромные права, то что же это?»¹⁰⁷.

Далее в статье, опубликованной в газете «Жэньминь жибао», также утверждалось, что телесериал «Плач по Реке», говоря о «новой эре», создает общественное мнение и общественную атмосферу, да и теоретические основания для того, чтобы товарищ Чжао Цзыян мог учредить свой «новый порядок». (Со своей стороны можно напомнить, что упор на термине «новый порядок» делал Цзян Цзэминь, поставленный Дэн Сяопином на пост генерального секретаря ЦК КПК за заслуги в подавлении демократического движения в Шанхае. В 1990-х и в 2000-х гг. в КПК-КНР говорится о «новом порядке» во всем мире.)

В телесериале со всей решительностью утверждается, что на протяжении длительного времени Китай был отсталым главным образом по той причине, что в нем с глубокой древности постоянно существовала «зак-

рытая, замкнутая, консервативная» «желтая цивилизация». Авторы телесериала намерено зачеркивают коренные различия между Новым Китаем и старым Китаем, основные различия между социалистическим обществом и феодальным обществом, и даже Китай начала 1980-х гг. тоже по-прежнему рисуют как «желтую землю», на которой существует все та же «желтая цивилизация». При этом они подчеркивают, что эта «желтая цивилизация» уже «не способна учить нас тому, что такое подлинный дух Науки», «что такое настоящее понятие о Демократии», и что если идти все дальше по этому пути вниз, то можно прийти лишь к «самоубийству».

Одновременно они всемерно приукрашивают «голубую цивилизацию», то есть капиталистическую цивилизацию, утверждая, что «капитализм запустил в ход два колеса: промышленную революцию и свободный рынок, начал великий скачок, положил начало великому историческому хору, в котором сплетаются два голоса – Науки и Демократии», открыл первую «новую эру» в истории человечества.

Авторы также говорят, что в силу того, что «голубая цивилизация» представляет собой Науку и Демократию, капитализм вплоть до сегодняшнего дня по-прежнему «непрерывно совершенствуется и обновляется».

Отсюда следует ясный вывод: «только блага голубой цивилизации способны оросить иссохшую желтую почву». Только в этом случае Китай «получит возможность выжить», вскочить в «новую эру». Другими словами, только капитализм может спасти Китай. Только продвижение по пути капитализма Запада и есть тот выбор, который несет единственное спасение. Таким образом, телесериал с помощью новомодной «теории большой (или всемирной) культуры» умело оказывает поддержку Чжао Цзыяну в создании им своего «нового порядка».

В статье, напечатанной в «Жэньминь жибао», говорилось, что после того, как Чжао Цзыян занял пост генерального секретаря ЦК КПК, он вовсе не стал активно проводить в жизнь курс и политические установки ЦК КПК, а, напротив, все силы отдавал тому, чтобы учреждать тот «новый порядок», за который он ратовал и который соответствовал в его представлении так называемому «прогрессивному течению в межгосударственных отношениях».

Что же это за «новый порядок»? В сфере политики он заключается именно в том, чтобы ослаблять и сводить на нет идейно-политическую работу и отряд работников идейно-политического фронта, разжигать руководство партии вплоть до того, чтобы «реорганизовать» партию, свергнуть те силы, которые по-настоящему отстаивают Четыре Основных Принципа, реформы и политику расширения внешних связей. Он (Чжао Цзыян) выступал как раз за то, чтобы не говорить о руководящей роли марксизма, за то, чтобы не заниматься строительством социалистической духовной культуры, проповедовал теорию неизбежности разложения (чиновничества) на начальной стадии (социализма).

В сфере экономики имели место следующие явления. В сентябре 1988 г. некий профессор сянганского университета, который присутствовал при встрече Чжао Цзыяна с «ультралиберальным» западным ученым-экономистом М. Фридманом, указывал на то, что «нет никаких отличий между теориями Фридмана и взглядами Чжао Цзыяна».

В одной из своих речей, предназначенной для распространения внутри партии, Чжао Цзыян также прямо утверждал, что надо «управлять Китаем с помощью варваров», а также говорил, что не следует бояться того, что кое-кто может сказать, что «мы теряем власть и унижаем государство».

В «Жэньминь жибао» делался следующий вывод: если сказать все до конца, то тот «новый порядок», за который ратовал Чжао Цзыян, это, главным образом, «новый порядок» современного капитализма на Западе¹⁰⁸.

Таким образом, совершенно очевидно, что в вопросе об отношении к телефильму «Плач по Реке» столкнулись, оказались в состоянии противостояния, два мировоззрения. Представителем одного из них являлся Ван Чжэнь. Он выражал взгляд на эти проблемы Дэн Сяопина и других «хозяев» партии.

Представителем другой точки зрения являлся Чжао Цзыян, который поддерживал интеллектуалов, людей знания, творческих работников, развивавших взгляды, изложенные в телефильме «Плач по Реке».

Следовательно, имело место столкновение идеологических позиций внутри руководства КПК, внутри высшего эшелона руководителей партии.

Это противопоставление точек зрения являлось всеобъемлющим и максимально широким. Между взглядами сторон не было точек соприкосновения, если не считать того, что и те, и другие говорили о социализме, но представляли его себе по-разному.

Ван Чжэнь и другие стремились сохранить традиционный для Мао Цзэдуна, его приверженцев и последователей взгляд на историю развития китайского общества, производственных отношений в нем, сохранить традиционный взгляд на революционный процесс в Китае, на соотношение китайской культуры и цивилизации, с одной стороны, и мировой или иностранной культуры и цивилизации, с другой стороны. Сердцевиной их позиции являлось утверждение исключительности всего китайского – китайской цивилизации, культуры, китайской нации, ее истории, революционного процесса в Китае.

Центральным пунктом другой точки зрения являлось утверждение мысли о единстве мира, общества людей на Земле, мировой истории, мировой цивилизации; при этом китайская культура, цивилизация, история Китая, история революции в Китае рассматривались как неотъемлемая составная часть мирового развития, мировой истории, подчиняющейся общим законам.

Примечания:

- 1 Попутно представляется уместным упомянуть о том, что в народном сознании на Руси все умершие делились на два больших разряда – родителей и заложных. Родителями считались все, кто умер «правильной», естественной смертью. Заложными считались все, кто умер раньше положенного естественного срока – самоубийцы, утопленники, ведьмы, колдуны и т.д. считалось, что заложные доживали за гробом отмеренный срок до своего естественного конца, но поступали в услужение к нечистой силе и вредили живым, «наводили» голод и неурожай. К разряду заложных народные поверья относили и казненных преступников, доносчиков. Сохранились народные предания, в которых рассказывается о трудной и мучительной жизни за гробом казненных разбойников, ночных нападениях на живущих повешенных убийц. (Записки криминалистов. Выпуск 1. Московский юридический институт. – М., 1993. С. 250. Страничка истории. Владимир Рогов. Уголовные наказания в допетровской Руси.) К этому можно также добавить, что, согласно словарю Владимира Ивановича Даля, заложник – «человек, данный или взятый в виде залога, в обеспечение верности договора», а заложный – «к залого относящийся».
- 2 См., например: *Чжун Хуаминь и др.* Чун пин «ХЭ ШАН» (Заново оценивая «Плач по Реке»). – Ханчжоу, 1989.
- 3 *Цуй Вэньхуа* (составитель). Хай вай «ХЭ ШАН» да таолунь (Широкая дискуссия за рубежом о телефильме «Плач по Реке»). – Харбин, 1988, С. 95.
- 4 Там же. С. 96.
- 5 Там же. С. 97.
- 6 Там же. С. 99.
- 7 Там же. С. 100.
- 8 Там же. С. 101.
- 9 Там же. С. 105.
- 10 Там же. С. 106.
- 11 Там же. С. 107.
- 12 Там же. С. 108.
- 13 Там же. С. 109.
- 14 Там же. С. 109.
- 15 Там же. С. 110.
- 16 Там же.
- 17 Там же.
- 18 Там же. С. 111.
- 19 Там же.
- 20 Там же.
- 21 Там же. С. 112.
- 22 Там же.
- 23 Там же.
- 24 Там же. С. 114.
- 25 Там же.
- 26 Там же. С. 118.
- 27 Там же. С. 120.
- 28 Там же. С. 120–121.
- 29 Там же. С. 121–122.
- 30 Там же. С. 122–123.
- 31 Там же. С. 123.
- 32 Там же. С. 124.
- 33 Там же. С. 124–125.
- 34 Там же. С. 126–127.
- 35 Там же. С. 127.
- 36 Там же.
- 37 Там же. С. 127–128.
- 38 Там же. С. 128–129.
- 39 Там же. С. 129.
- 40 Там же.
- 41 Там же. С. 130.
- 42 Там же.
- 43 Там же. С. 131.
- 44 Там же.
- 45 Там же.
- 46 Там же. С. 131–132.
- 47 Там же. С. 132.
- 48 Там же.
- 49 Там же. С. 132–133.
- 50 Там же. С. 133.

- 51 Там же.
 52 Там же. С. 134.
 53 Там же.
 54 Там же. С. 135.
 55 Там же.
 56 Там же. С. 136.
 57 Там же.
 58 Там же. С. 136–137.
 59 Там же. С. 138–139.
 60 Там же. С. 139.
 61 Там же.
 62 Там же. С. 140.
 63 Там же. С. 141.
 64 Там же. С. 142.
 65 Там же.
 66 Там же. С. 143.
 67 Там же.
 68 Там же. С. 144.
 69 Там же.
 70 Там же. С. 145.
 71 Там же. С. 146.
 72 Там же. С. 147.
 73 Там же. С. 148.
 74 Там же.
 75 Там же. С. 149.
 76 Там же.
 77 Там же. С. 150.
 78 Там же. С. 151.
 79 Там же. С. 151–152.
 80 Там же. С. 153.
 81 Там же. С. 155.
 82 Там же. С. 156.
 83 Там же.
 84 Там же. С. 156–157.
 85 Там же. С. 157–158.
 86 Там же. С. 158.
 87 Там же.
 88 Там же. С. 159.
 89 Там же.
 90 Там же. С. 160.
 91 Там же. С. 160–161.
 92 Там же. С. 161.
 93 Там же. С. 161–162.
 94 Там же. С. 162.
 95 Там же. С. 162–163.
 96 Там же. С. 163.
 97 Там же.

⁹⁸ Там же. С. 163–164.

¹⁰⁰ Там же. С. 164–165.

¹⁰¹ См. «Вэнь бао», 7 апреля 1990 г.; «Жэньминь жибао» (далее – «ЖЖ»), 24 апреля 1990 г. Под руководством отдела пропаганды ЦК КПК отдел пропаганды горкома КПК Шэньчжэня снял 4-серийный телевизионный публицистический фильм «Путь столетия. Всесторонние размышления о Четырех Основных Принципах» («Шицзи син. Сы сян цзибэнь юаньцзэ цзунхэн тань»). Этот фильм был показан по центральному телевидению в августе 1990 г. Пояснительный текст был специально и полностью опубликован в четырех номерах газеты «Гуанмин жибао» (3–6 августа). Главной сюжетной линией фильма, как указывала газета «Гуанмин жибао», был показ изменений в более чем 100-летней истории международного коммунистического движения и огромных перемен в новой истории Китая. Главная мысль фильма состояла в следующем: «Нация Китая сможет избавиться от страданий и трудностей, обрести новую жизнь, завоевать будущее, только если она будет твердо придерживаться Четырех Основных Принципов». Представляется, что этот телефильм, пояснительный текст которого заслуживает отдельного подробного анализа, был сделан в расчете на то, чтобы стать своего рода противовесом иным взглядам, в том числе и тем, которые были отражены в сценарии телесериала «Плач по Реке». В конце августа 1990 г. в КНР началась демонстрация новой серии телевизионных фильмов, создатели которых напоминали зрителям о национальных унижениях Китая, китайской нации. Первый фильм из этой серии был посвящен «первому по счету унижению, которому под-

вергли китайское государство» (имеется в виду подписание 29 августа 1840 года договора между Китаем и Великобританией, в котором ущемлялись права Китая).

¹⁰¹ «ЖЖ», 24 апреля 1990 г.

¹⁰² «ЖЖ», 15 августа 1989 г.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ «ЖЖ» утверждала, что Чжао Цзыян нуждался в таких людях, как авторы телесериала «Плач по Реке», и, в частности, в Су Сяокане. Су Сяокану, очевидно, было известно о столкновении по вопросу о «Плаче по Реке» на 3-м пленуме ЦК КПК 13-го созыва в сентябре 1988 г. В октябре 1989 г. Су Сяокан критиковал Ван Чжэня за то, что тот мыслит посолдатски и не способен понять интеллигентного человека, ученого. Су Сяокан также говорил и о том, что «не следует вмешиваться в вопросы искусства».

Какую позицию занимал Су Сяокан в первой половине 1989 г.?

В феврале 1989 г. он был активным участником обращения, подписанного 33 деятелями науки и искусства, в ПК ВСНП и ЦК КПК с требованием широкой амнистии, освобождения политических заключенных. 28 апреля Су Сяокан был среди 30 человек, которые выступили с требованием к Шанхайскому горкому КПК пересмотреть вопрос о газе-

те «Шицзе цзинци даобяо» и ее главным редакторе Цинь Бэньли. 14 мая Су Сяокан в числе 12 человек подписал призыв видных представителей интеллигенции признать законными студенческие самоуправляющиеся организации. Он также требовал признать движение студентов патриотическим и демократическим. 16 мая Су Сяокан одним из первых подписал заявление с призывом дезавуировать редакционную статью «ЖЖ» от 26 апреля и признать законной студенческую организацию. 20 мая Су Сяокан в числе 10 человек поклялся «никогда не склонить головы перед последним императором Китая конца 1980-х гг.». После того, как Государственный Совет КНР ввел чрезвычайное положение в ряде районов Пекина, он вместе с Янь Цзяци потребовал срочного созыва ПК ВСНП. Су Сяокан активно участвовал в создании ассоциации интеллигенции столицы. Он помогал объявившим голодовку студентам и содействовал акциям, направленным против введения чрезвычайного положения («ЖЖ», 15 августа 1989 г.)

¹⁰⁵ *И Цзянь*. Что пропагандирует телефильм «Плач по Реке»? // «ЖЖ», 19 июля 1989 г.

¹⁰⁶ «ЖЖ», 15 августа 1989 г.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Там же.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

КИТАЙ НА ПЕРЕПУТЬЕ ИЛИ ТЯНЬАНЬМЭНЬ 20 ЛЕТ СПУСТЯ

708

В
С
В
Е
Д
Е
Н
И
Е
С
О
У
В
Е
С
Т
В
Е
Н
И
Е

Двадцать с небольшим лет тому назад, в конце 1980-х гг., в Китае произошли события, которые представляли собой переплетение студенческих движений и выступлений интеллигенции; устранения от власти с помощью, по сути дела, интриг и нелегитимных методов подряд двух генеральных секретарей ЦК КПК, то есть формально первых лиц в партийной иерархии; и применения армии для подавления выступлений собственного народа под лозунгами, осуждавшими разложение чиновничества и требовавшими демократии, прежде всего в столице КНР на ее главной площади в Пекине. В результате этих событий развитие начавшегося после смерти Мао Цзэдуна, на рубеже 1970–1980-х годов, процесса перемен в политической жизни Китая было остановлено. Первый «золотой век реформ» закончился. Реальную власть над армией, партией и государством продолжал на протяжении еще десятка лет держать в своих руках Дэн Сяопин, формально не являвшийся не только членом Политбюро ЦК КПК, но даже просто членом ЦК партии.

Отстраненные подряд, в 1987 и в 1989 годах, практически им, от власти первые по рангу руководители партии Ху Яобан и Чжао Цзыян предпочли, или были вынуждены, молчать (такова традиционно форма протеста в КПК; вспомним хотя бы о годичном предсмертном молчании Лю Шаоци после того, как в 1968 г. Мао Цзэдун «навсегда» исключил его из партии, продолжая гноить в своих застенках) и не выступать публично вплоть до своей смерти (Ху Яобана в 1989 году, а Чжао Цзыяна в 2005 г.). Вопрос об оценке подлинного характера происходивших тогда событий, особенно 1989 г., завис в воздухе. (В то же время заметим и то, что о смерти Чжао Цзыяна после того, как на протяжении 16 лет его имя не упоминалось в печати, было сообщено в газете «Жэньминь жибао».)

В более широком плане вопрос заключается в оценке действий Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина, их приверженцев, с одной стороны, и Лю Шаоци, Пэн Дэхуая, Ху Яобана, Чжао Цзыяна, с другой стороны. Это – вопрос о демократии в Китае, о принципиальном подходе к демократии и о путях ее осуществления в Китае. Нерешенность этого вопроса представляет собой одно из двух главных препятствий на пути развития современного Китая.

Другое главное препятствие – это проблема разложения внутри партии, ее аппарата, ее функционеров, прежде всего, на самом верху. К самовла-

стию, доставшемся партии в наследство от режима Мао Цзэдуна, добавилась оторванность значительной части функционеров партии от народа в силу того, что они, под предлогом осуществления экономических реформ, захватили в свои, теперь уже, по сути дела, в весьма значительной степени, частные, руки рычаги управления экономикой и финансами страны, переведя значительную часть государственного имущества в собственность компаний, которые фактически принадлежат тем или иным кланам внутри партии или их представителям (родственникам, знакомым, доверенным лицам и т.д.)

Для этой части партии представляется совершенно необходимым сохранять, по существу в нетронутом виде, режим самовластия, деспотический механизм, скрывающийся за лозунгом «абсолютного руководства» со стороны партии, прежде всего, армией и всеми силовыми ведомствами, а далее партийным и государственным аппаратом.

Вместе с тем требования социальной справедливости, давление со стороны массы простонародья в пользу реальной демократизации жизни общества в стране постепенно нарастают. Они находят свое проявление, прежде всего, в призывах к решительной и бескомпромиссной борьбе против того, что получило в КНР наименование «разложения» партийно-государственного, то есть чиновничьего, аппарата. При этом в партии уже существует понимание того, что такого рода разложение может иметь своим результатом гибель и крах и КПК, и КНР.

Перед КПК продолжают стоять нерешенные до сих пор задачи: определение заново подхода к оценке деятельности и политических установок Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина, так как именно это позволит вскрыть причины разложения, а также реальная решительная борьба против упомянутого разложения, против всех его проявлений на практике.

В этой связи представляется важным обратить внимание на оценку положения в партии видным партийным функционером, в свое время (в 1980-х годах) главным редактором центральной партийной газеты «Жэньминь жибао» и членом Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей Ху Цзивэем.

Он занимал все эти посты во время событий 1989 года на площади Тяньаньмэнь в Пекине. Он тогда первым поставил подпись под публичным заявлением с требованием рассмотреть предложения студентов, собравшихся на площади.

После этих событий Ху Цзивэй потерял свои посты. Однако он до сих пор продолжает при возможности и необходимости выражать свое мнение.

Его позиция, очевидно, совпадает с взглядами той части членов КПК, которые одобряют политическую линию Лю Шаоци, Пэн Дэхуая, Ху Яобана, Чжао Цзыяна и критикуют линию Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина, Цзян Цзэминя.

Итак, 15 февраля 2008 года в интернете (см. <http://www.secretchina.com/print/231505.html>) под заголовком «Ху Цзивэй укоряет Ху Цзиньтао и дает ему советы» было помещено интервью, которое дал в прошлом главный редактор газеты «Жэньминь жибао» Ху Цзивэй.

В этом сообщении говорилось следующее:

В октябре 2007 года Ху Цзивэй, который в период событий 1989 года занимал посты члена Постоянного комитета (ПК) ВСНП и главного редактора газеты «Жэньминь жибао» и первым поставил свою подпись под призывом созвать экстренное заседание ПК ВСНП, чтобы рассмотреть вопросы, поднятые студентами, и впоследствии снятый с указанных постов, высказал следующие соображения.

Ху Цзивэй счел необходимым высказаться в интернете, то есть, очевидно, в единственной доступной ему форме выражения публично и прямо своего мнения, в связи с проводившемся тогда, в октябре 2007 года, XVII съездом КПК.

Высказывания Ху Цзивэя можно воспринимать как мнение и его самого, и тех людей в КПК и в КНР, которые разделяют его взгляды. Очевидно, что им были известны основная политическая направленность упомянутого съезда и содержание доклада генерального секретаря ЦК КПК Ху Цзиньтао. Именно в этой связи они и сочли необходимым обратиться к нему с укором и дать ему советы.

Иными словами, речь идет не об осуждении Ху Цзиньтао и его деятельности, а о надеждах определенной части членов КПК на то, что генеральный секретарь ЦК КПК сможет воспринять критические соображения и последует советам товарищей по партии. Вообще говоря, перед нами своего рода приглашение к дискуссии в рамках современной КПК. Во всяком случае, это выражение мнения одной части партийцев.

Думается, что в соображениях, высказанных Ху Цзивэем, нашли свое отражение мысли различных возрастных категорий его единомышленников. С одной стороны, старых функционеров партии примерно того же возраста, что и Ху Цзивэй, то есть самых пожилых людей, тех, на чьей памяти практически вся история КПК и КНР. В то же время это могут быть и мысли, которых продолжает придерживаться определенная часть тех, кто в свое время был в студенческом возрасте и принимал то или иное участие в демонстрациях и событиях второй половины 1980-х годов. Наконец, нельзя исключать и того, что и часть современной молодежи может разделять воззрения Ху Цзивэя.

Можно обратить внимание и на то, что при этом, прежде всего, напоминают о poste, который Ху Цзивэй занимал в свое время в парламенте страны, его руководящем органе – Постоянном комитете ВСНП. Так возникает мысль о первостепенном значении и выражения мнения самим народом или его частью, в данном случае студенчеством, и о том, что именно парламент, собрание депутатов или представителей народа, дол-

жно быть органом выражения мнения народа в современном Китае. Понятие народа выносится при этом на первый план.

Ху Цзивэй критиковал Ху Цзиньтао за то, что тот только рассуждает о демократии, но на практике не осуществляет ее. Он сказал, что Ху Цзиньтао произнес что-то одобрительное о демократии; однако он должен был бы реально осуществлять ее; нельзя только говорить, но ничего не делать. Ху Цзивэй также считает, что Ху Цзиньтао, прежде всего, должен выполнить два реальных дела: во-первых, повести борьбу против разложения; во-вторых, дать заново оценку Мао Цзэду.

Обращение к взглядам Ху Цзиньтао начинается с упоминания о том, что у него есть положительные высказывания о демократии. Представляется, что это и актуально, и важно.

При этом известно, что в свое время, в начале 1990-х годов, в открытой печати КНР имела место критика взглядов Ху Цзивэя, который ставил понятие народа выше понятия партии. Это – больной вопрос для современного Китая. Партия практически настолько оторвана от народа, от простых людей, что нынешние ее руководители, впервые в истории КПК, вынуждены говорить о том, что «человек – это корень всего и вся», поднимать само понятие «народа».

В китайском языке термин миньчжу – «демократия» буквально заключает в себе следующий смысл: «Народ – это хозяин, он – главное». В то же время внутри самой КПК одновременно и по отдельности, раздельно употребляются, например, термины «народ» и «рабочий класс». В Уставе КПК партия называется сегодня «трижды авангардом», то есть одновременно и «авангардом рабочего класса», и «авангардом народа» и «авангардом нации». Это, в частности, означает, что существует возможность в одном случае выпячивать понятие «класса», скажем, «рабочего класса» (заметим, что не «крестьянства», не «класса крестьян», что также важно), а в ином случае – понятие «народа». В этом смысле, очевидно, можно сказать, что КПК «находится на своеобразном перепутье».

Первый упрек в адрес Ху Цзиньтао состоит в том, что он пока только говорит о демократии, но не осуществляет ее на практике. Это означает, что ситуация в современном Китае такова, что не говорить о демократии уже просто невозможно. В то же время Ху Цзиньтао пока не может, или не способен, начать реальное движение по пути демократии в партии и в государстве.

Демократизация политической жизни в КПК и в КНР предстает в этом случае как своего рода необходимое условие начала выполнения или решения двух главных задач, которые, по мнению Ху Цзивэя, стоят перед партией и государством.

Это – реальная, а не мнимая, борьба против разложения, и оценка заново практической деятельности и теоретических и политических установок Мао Цзэдуна.

Обе задачи появились в повестке дня после ухода Мао Цзэдуна из жизни. В 1980-х годах кое-что в этих областях было сделано. В 1990-х годах процесс был заторможен и приостановлен.

Ныне назрела необходимость продолжить движение в этих направлениях.

Это и означает, что есть «два тяжелых бремени», которые тянут КПК «на дно»: разложение партийного чиновничества и «неприкасаемость» имени и дел Мао Цзэдуна.

Ху Цзивэй сказал, что при проведении проверки деятельности тех, кто разложился, необходимо идти до конца, вне зависимости от того, идет ли речь о том, чья фамилия Хуан (намек на Хуан Цзюя – члена ПК ПБ ЦК КПК 16-го созыва) или чья фамилия Цзян (намек на Цзян Цзэминя). Двадцать лет тому назад Ху Яобан, Чжао Цзыян дерзнули провести проверку деятельности компании Дэн Пуфана (сына Дэн Сяопина) называвшейся «КАН ХУА ГУНСЫ». Сегодня Ху Цзиньгао уже не сталкивается с таким множеством «свекровей» (имеются в виду Дэн Сяопин, Чэнь Юнь и прочие в прошлом руководители КПК, не занимавшие официальных постов, но командовавшие в партии), и именно по этой причине он и должен смело выступить против разложения. Вполне очевидно, что высказывания Ху Цзивэя – это атака против «клики Цзян Цзэминя»; «клика Цзян Цзэминя» – это «старое логово» разложения в Китае, это также и самое большое препятствие на пути борьбы против разложения.

Разложение разъело весь аппарат партии сверху донизу. Ху Цзивэй прямо называет фамилию Хуан Цзюя, который был членом Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК 16-го созыва, а до того – членом Политбюро 15-го созыва, иначе говоря, пользовался поддержкой тогда генерального секретаря ЦК КПК Цзян Цзэминя. Мало того, Ху Цзивэй называет и фамилию «Цзян». Очевидно, что имеется в виду и сам Цзян Цзэминь. Одним словом, с точки зрения Ху Цзивэя, «эпоха Дэн Сяопина» оставила прогнивший партийный аппарат.

Далеко не случайно в пример Ху Цзиньгао ставятся действия в свое время, в 1980-х годах, генеральных секретарей ЦК КПК Ху Яобана и Чжао Цзыяна, которые смело вели борьбу против разложения и тогда, когда это коснулось сына Дэн Сяопина, и осуществили проверку деятельности возглавлявшейся им компании. Следовательно, речь идет о возобновлении на новом этапе столь же бескомпромиссной борьбы против разложения, как та, которую вели Ху Яобан и Чжао Цзыян.

В истории КПК после смерти Мао Цзэдуна, с точки зрения Ху Цзивэя, есть два светлых образа, на которые могут и должны равняться современные руководители КПК. Это образы Ху Яобана и Чжао Цзыяна.

Более того, Ху Цзивэй исходит из того, что «линия Ху – Чжао» должна возобладать над «линией Мао – Дэна», над «фракцией Мао-Дэна – МАО ДЭН ПАЙ», то есть над теми в КПК, кого, очевидно, можно назы-

вать «маодэнистами». В этом он видит путь к «спасению партии». Вот к чему призывает Ху Цзивэй нынешних лидеров КПК.

При этом он указывает на благоприятные изменения внутри партии. На протяжении длительного времени после смерти Мао Цзэдуна официальные руководители ЦК КПК оказывались в положении «зятьев», которыми командуют то одна, то другая «свекровь» или «старшие в семейных кланах», из которых, по сути дела, в значительной степени и состояла и, в определенной степени, продолжает состоять КПК.

И для Китая, и для КПК постепенно настает новое время. Меняется и китайское общество, и сама КПК. Клань остаются, хотя «авторитетов» или представителей старших поколений, которым приходится подчиняться, учитывая их связи внутри партии, почти не осталось. Больше нет Дэн Сяопина, при жизни которого, даже тогда, когда он был номинально рядовым членом партии и не занимал никаких постов в ее руководстве, ЦК КПК принимал решение запрашивать его мнение при рассмотрении важных вопросов. Нет и Чэнь Юня, который обладал почти такой же властью. Одним словом, Ху Яобану и Чжао Цзыяну было особенно трудно, так как им приходилось иметь дело со «старой КПК». Ху Цзивэй подводит читателей к мысли о том, что нынешняя КПК – это своего рода «новая партия» или партия, которая должна обновиться.

Он, как уже было отмечено, указывает на существование «клана Цзян Цзэминя». Сторонники взглядов Ху Цзивэя расшифровывают это упоминание, утверждая, что именно «клан Цзян Цзэминя» и является в настоящее время тем «осиным гнездом» или «логовом», из которого и распространяется разложение внутри партийно-государственного аппарата.

Результаты XVII съезда КПК говорят о том, что позиции Цзян Цзэминя и его сторонников остаются сильными. В современном Уставе КПК положительно говорится о трех в прошлом руководителях партии. О двух ушедших из жизни. Это Мао Цзэдун и Дэн Сяопин. И об одном, который не входит в нынешнее руководство партии, в ее Центральный комитет, но числится одной из «неприкасаемых» «великих фигур» в истории партии. Это Цзян Цзэминь. Таким образом, «силы воздействия» на партию тех, кто связывает в единое целое и одобряет деятельность Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина и Цзян Цзэминя, настолько мощны, что это нашло свое отражение даже в ее Уставе, принятом с поправками на последнем съезде партии.

Ху Цзивэй вскрыл тот факт, что в 1993 году Дэн Сяопин на заседании политбюро ЦК КПК (лишний раз подчеркнем, что Дэн Сяопин не был тогда ни членом политбюро, ни членом ЦК партии) говорил, что Пэн Чжэнь, Тань Чжэньлинь, Лу Динъи (до «культурной революции» Пэн Чжэнь был членом ПБ ЦК КПК и председателем ПК ВСНП; Тань Чжэньлинь был членом ПБ ЦК КПК, секретарем ЦК КПК и заместителем премьера Госсовета КНР; Лу Динъи был кандидатом в члены Политбюро,

секретарем ЦК КПК и заведующим отделом пропаганды ЦК КПК) *правы* (критикуя Мао Цзэдуна), *однако, принимая во внимание политическое положение в настоящее время, дать оценку Мао Цзэдуну можно было бы в начале следующего (то есть двадцать первого) столетия. Ху Цзивэй предложил Ху Цзиньтао учредить «Чрезвычайный комитет» с тем, чтобы всесторонне оценить Мао Цзэдуна; в этих целях необходимо опубликовать исторические архивы и материалы и провести открытую дискуссию в газетах и журналах, дать народным массам возможность свободно высказать свое мнение, то есть вернуть поставленную с ног на голову историю в нормальное положение. Ху Цзивэй сказал, что если не осуществит должным образом оба упомянутых реальных дела, крах Коммунистической партии окажется неизбежным.*

Следовательно, уже после событий 1989 г., в первой половине 1990-х годов, часть «ветеранов – руководителей» ЦК КПК прямо поставила вопрос о необходимости пересмотреть оценку деятельности Мао Цзэдуна. Из этого следует, что и старые члены партии не были едины во мнениях. Более того, это означает, что Дэн Сяопин практически остался в меньшинстве и был вынужден в принципе согласиться с мнением тех, кто требовал пересмотра отношения к Мао Цзэдуну. Дэн Сяопину при этом удалось лишь добиться принятия его предложения перенести рассмотрение этого вопроса на начало двадцать первого века, то есть на десять лет.

К моменту выступления Ху Цзивэя десять лет прошли. Дэн Сяопин умер в 1997 г. Вопрос о пересмотре отношения к Мао Цзэдуну, очевидно, становится внутри КПК и ее руководства все более острым и актуальным и требует решения.

К этому можно присовокупить упоминание о том, что все упомянутые здесь старые партийные руководители старшего поколения были подвергнуты разного характера репрессиям со стороны Мао Цзэдуна во время «культурной революции».

Важным представляется и то, что они при жизни Мао Цзэдуна занимали свои позиции, отличавшиеся от позиций Мао Цзэдуна, по целому ряду важных вопросов и партийной жизни, и жизни страны.

Пэн Чжэнь, который был сторонником Лю Шаоци и занимал в партии фактически пост заместителя ее генерального секретаря, а также руководителя парторганизации Пекина, еще до «культурной революции» в 1965 г. открыто ратовал за принцип: «Перед истиной все равны». Это было направлено непосредственно против стиля и действий Мао Цзэдуна, особенно в том, что касалось «великого скачка» и «народных коммун». Пэн Чжэнь был и остался сторонником верховенства закона.

Тань Чжэньлинь был видной фигурой в партии. Его обычно называли «Хозяин Тань». Во время «культурной революции» он позволил себе демонстративно покинуть одно из совещаний руководства, заявив, что до того «сорок лет следовал за председателем Мао, но может и не поступать

так в дальнейшем». При этом он ведал политикой в отношении крестьянства. Очевидно, что и тут дело было в том, что Тань Чжэньлинь не только был против методов осуществления «культурной революции», но и не соглашался с политикой Мао Цзэдуна по отношению к крестьянству.

Лу Динъи ведал работой с интеллигенцией. Во время «культурной революции» его осуждали за то, что он «на протяжении 17 лет» осуществлял «черную линию Лю Шаоци». Иными словами, он также проводил линию, которая не совпадала с взглядами Мао Цзэдуна.

Таким образом, три старых руководителя пережили и «культурную революцию», и Мао Цзэдуна, и, уже после событий 1989 г. и отстранения от занимавшихся ими постов Ху Яобана и Чжао Цзыяна, в 1993 г. фактически, требовали исправить политику партии в том, что касается места и роли законов в жизни государства, общества и партии. В том, что касается политики в отношении крестьянства, то есть, очевидно, считали необходимым открыто осудить эксперименты Мао Цзэдуна над сельским населением Китая. И в том, что касается места и положения, роли интеллигенции в Китае. Собственно говоря, в тех трех областях, где Мао Цзэдун действовал самовластно и ущемлял законные интересы самого многочисленного слоя китайского общества – крестьянства, «ума, творческого начала и совести» нации – ее интеллигенции, и китайского народа в целом, лишая его права «быть хозяином в своем доме», обладать демократией.

Ху Цзивэй, со своей стороны, фактически потребовал создать «Чрезвычайный комитет», то есть орган с максимально широкими полномочиями, который должен раскрыть перед китайским обществом, а не только перед партией, архивы, представить для обсуждения во время всенародной дискуссии все материалы, касающиеся деятельности Мао Цзэдуна.

При этом Ху Цзивэй прямо утверждал, что в настоящее время история партии и страны поставлена в КПК и в КНР с ног на голову.

С точки зрения Ху Цзивэя, положение в Китае и в КПК настолько серьезно, что без решения двух упомянутых задач (борьба против разложения и пересмотр отношения к Мао Цзэдуну) крах Коммунистической партии Китая является неизбежным. Очевидно, что, по мнению Ху Цзивэя, в случае продолжения «скольжения вниз по инерции», это лишь вопрос времени. «Спасение» партии Ху Цзивэй видел в понимании руководством КПК чрезвычайного характера ситуации, в создании партией «Чрезвычайного комитета» и в организации широкой дискуссии с участием всего народа Китая.

Ху Цзивэй неоднократно подчеркивал, что Ху Цзиньтао, должен идти по пути Ху Яобана, Чжао Цзыяна; осуществить те реформы, которые не завершили Ху Яобан, Чжао Цзыян; проводить линию Ху Яобана, Чжао Цзыяна, хотя и без самих Ху Яобана и Чжао Цзыяна. Дело в том, что, только учась у Ху Яобана, Чжао Цзыяна, только при этом условии, окажется возможным поднять авторитет Ху Цзиньтао, и только при этом

условии Китай сможет пойти в направлении создания гармоничного общества. Ху Цзивэй искренне надеется, что Ху Цзиньтао сможет действовать в духе тех, кто сметает все препятствия на своем пути, и непрерывно осуществляет реформы. Если же Ху Цзиньтао не найдет в себе смелости осуществлять политические перемены, тогда он останется в истории только филистером, бездарностью, своего рода просто прохожим на обочине истории, фигурой, которая так ничего и не совершит, и будет предана забвению самой историей, а Китай тоже может упустить хороший исторический шанс.

Ху Цзивэй видит два пути развития Китая. Они существовали в прошлом; есть возможность выбора пути и в настоящем. Один путь – путь Мао Цзэдуна и его последователей. Это путь тупиковый и ведущий к гибели самой КПК, ибо она оказывается при этом в полном отрыве от народа.

Другой путь – путь перемен, необходимых народу Китая преобразований, путь реформ. Это – путь, который в свое время проложили и по которому шли Ху Яобан, а затем Чжао Цзыян. После их насильственного и несправедливого устранения с политической сцены, партия и страна перестали идти по пути подлинных реформ. На этом никуда не ведущем пути они зашли в закоулок, где оказались перед двумя громадными препятствиями.

Во-первых, перед «гнездами (или язвами) разложения» внутри самой партии, перед разложением таких масштабов и столь серьезного характера, которое создало смертельную угрозу для партии, ибо простые люди, масса людей в Китае, отворачиваются от разложившихся чиновников, именуя их просто «они» в отличие от себя, а, следовательно, и от партии, к которой эти чиновники принадлежат.

Во-вторых, перед препятствующим продвижению вперед запретом вскрыть, обсудить и дать объективную оценку и теоретической и практической деятельности Мао Цзэдуна. Имя и дело Мао Цзэдуна при таком взгляде на ситуацию оказываются не тем, что сегодня утверждается в официальном порядке, то есть не основой единства партии, легитимности ее нахождения у власти, не основой правильности всего ее исторического пути, а тем, что сковывает мышление, мешает творчеству и инновациями в области теории и в сфере практической деятельности. А без творчества и новизны во всех областях Китай не сможет использовать свои благоприятные исторические шансы. Иными словами, без освобождения от бремени разложения чиновничества, и от груза мертвых и тупиковых схем, и от политического режима самовластия, то есть от наследства Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина, КПК и КНР не смогут преодолеть высящиеся перед ними препятствия и, более того, существует вероятность их краха и гибели. Фактически так ставят вопрос и Ху Цзивэй, и все те в Китае, кто разделяет его взгляды.

Поэтому он и призывает Ху Цзиньтао учиться у Ху Яобана и Чжао Цзыяна смелости и решительности в деле осуществления реформ, идти по их пути, завершить начатые ими реформы. Речь идет о необходимости возвращения КПК и КНР сегодня на тот путь, движение по которому было начато при жизни и под руководством Ху Яобана и Чжао Цзыяна.

Ху Цзивэй все еще возлагает надежды на Ху Цзиньтао. Он понимает трудность его положения, сложность ситуации и в партии и в стране, где силы инерции, а также предрассудки, своего рода «слепая вера» в «социальную справедливость по-маоцзэдуновски», еще очень велики.

Поэтому он приветствует проявление решительности, политической воли в деле реформ.

При этом он предостерегает Ху Цзиньтао, утверждая, что и предлагаемая Ху Цзиньтао социальная гармония, и вся его нынешняя деятельность могут остаться пустыми словами, если Ху Цзиньтао не вернется на путь Ху Яобана и Чжао Цзыяна. Более того, Ху Цзивэй предрекает Ху Цзиньтао судьбу бездарности, политика, который «пройдет стороной, останется незаметным прохожим», и не оставит следа в истории Китая. Ху Цзивэй также предупреждает Ху Цзиньтао, говоря, что в случае, если он будет бездействовать, и сам Китай упустит свой исторический шанс, а вследствие этого и Ху Цзиньтао окажется виноват перед партией и народом Китая.

Ху Цзивэй выразил надежду на то, что Ху Цзиньтао будет учиться у Хуа Гофэна его терпимости и великодушию, и не будет копировать Дэн Сяопина, то есть не пойдет по его пути – пути жестокости и деспотизма. Ху Цзивэй критиковал Дэн Сяопина за то, что тот самовластно захватил всю верховную власть, превратил партию в «И ЯНЬ ТАН», то есть в «аудиторию, где витийствует только один оратор» (то есть он сам), который упорствовал в своих ошибках и не раскаялся до самого конца. Дэн Сяопин, не будучи членом политбюро ЦК КПК, тем не менее занимал пост председателя военного совета ЦК КПК, и таким образом, опираясь на штыки (с помощью винтовки), держал в своих руках партию. Все это в Китае называется «необоснованным и несправедливым» (МИН БУ ЧЖЭН. ЯНЬ БУ ШУНЬ, то есть ситуацией, при которой наименование не отражает сути явлений, слова и термины, лозунги и призывы обманчивы, пропаганда не является убедительной), а потому в совокупности и представляет собой «путь жестокости и деспотизма» (самовластия). В 1989 г. Дэн Сяопин, не проведя принятие решений ни через Политбюро ЦК КПК, ни через Постоянный комитет ВСНП, ни через Военный совет ЦК КПК, действуя деспотично, поставил клеймо контрреволюционного мятежа на движении студентов, применив армию, подавил народ, что привело к назреванию большой беды, которая носит исторический характер.

И снова речь идет о двух путях, двух подходах к политике.

Ху Цзивэй отвергает жестокость и деспотизм, проявление самовластия, что было характерно, с его точки зрения, для действий Дэн Сяопина.

Ху Цзивэй, проявляя участие к судьбе народа, к жизни масс простых людей в Китае, бескомпромиссно осуждает действия Дэн Сяопина.

По сути дела, он не только ставит его в один ряд с Мао Цзэдуном по степени жестокости и деспотизма, но и подчеркивает то, в чем Дэн Сяопин сумел «отличиться» от Мао Цзэдуна в еще более худшую сторону.

Если Мао Цзэдун формально занимал высший пост в партии, был председателем ее Центрального комитета, то Дэн Сяопин, формально будучи лишь рядовым членом партии, то есть не легитимно, не имея на то никаких законных прав, фактически самовольно захватил всю верховную власть, восстановил существовавший и при Мао Цзэдуне порядок, когда партия и страна были превращены в «аудиторию, где витийствует только один оратор». Во времена господства режима Дэн Сяопина в КПК было распространено следующее высказывание: «Если иным членам официального руководства партии по тому или иному вопросу приходится делать длинные доклады, чтобы убеждать людей в своей правоте, то Дэн Сяопину достаточно сказать всего два слова, и все действуют так, как им сказано». Это, в какой-то степени напоминает и призыв, звучавший во времена «культурной революции»: «Следует выполнять указания председателя Мао и тогда, когда их смысл ясен, и тогда, когда вы их еще не поняли».

Мао Цзэдун в свое время выдвинул лозунг, призыв, установку на то, что «винтовка рождает власть». Это произошло в ситуации, когда в Китае шла «внутренняя война», то есть в военное время, в условиях военного времени.

Дэн Сяопин в мирное время действовал в духе той же установки. Фактически он «держал в своих руках винтовку», то есть все вооруженные силы партии и государства, и в опоре на винтовку командовал и партией и государством. При Дэн Сяопине винтовка была властью и подчинила себе КПК.

Ху Цзивэй далее обвинил Дэн Сяопина в том, что его лозунги и слова были фальшивы, что его пропаганда была не убедительной.

Ху Цзивэй использовал при этом широко известное в Китае выражение: «МИН БУ ЧЖЭН. ЯНЬ БУ ШУНЬ» – «Имя (то есть наименование, характеристика суть происходящего) не правильно. Слова не приемлемы (логика рассуждений не убедительна)». Так традиционно китайцы говорят о тех, у кого слова расходятся с делом, кто говорит одно, а делает другое.

Такова, с точки зрения Ху Цзивэя, цена тому, что и сегодня в КПК именуют «теорией Дэн Сяопина».

Такова цена и утверждению Дэн Сяопина о том, что в деятельности Мао Цзэдуна было якобы «70% правильного и 30% ошибочного».

Пересмотр отношения к Мао Цзэдуну, оценка заново фигуры Мао Цзэдуна и содеянного им, предполагает, очевидно, полный отказ от упомянутого подхода и взгляда Дэн Сяопина. Собственно говоря, Ху Цзивэй исходит из того, что время пришло, что сохранение позитивного, или по преимуществу позитивного, отношения к Мао Цзэдуну – это препятствие на пути дальнейшего развития Китая.

Наконец, пожалуй, впервые так откровенно, старый член КПК, входивший в круг ее важных функционеров, обвиняет Дэн Сяопина в его действиях в 1989 году.

Ху Цзивэй прямо говорит о том, что Дэн Сяопин не провел решение о подавлении армией демонстраций студентов, народа на площади Тяньаньмэнь ни через Политбюро ЦК КПК, ни через Постоянный комитет ВСНП, ни через Военный совет ЦК КПК.

Важно и то, что Ху Цзивэй прямо относит тогдашние события к числу традиционных и прогрессивных в истории Китая двадцатого века движений студентов. Он отвергает клеймо Дэн Сяопина, то есть утверждение о том, что это был «контрреволюционный мятеж». События 4 июня 1989 г. на площади Тяньаньмэнь Ху Цзивэй называет подавлением народа с помощью армии. Это деяние видится Ху Цзивэю как двойной позор: позор Дэн Сяопина и позор армии, подчинившейся Дэн Сяопину.

Ху Цзивэй также считает, что тем самым были посеяны семена «большой беды» в Китае, беды, которая носит исторический характер. По сути дела, Ху Цзивэй требует пересмотра оценки случившегося в 1989 г., требует справедливого одобрения движения студентов и справедливого осуждения самовластия диктатора – Дэн Сяопина.

По мнению Ху Цзивэя, нарывы исторического характера не будут вскрыты, и их яд будет продолжать «разъедать» Китай до тех пор, пока действия Дэн Сяопина 4 июня 1989 г. не будут осуждены.

Из высказываний Ху Цзивэя также следует, что вопрос об оценке событий 4 июня 1989 г. на площади Тяньаньмэнь не закрыт и ждет, требует пересмотра и нового решения.

Ху Цзивэй также призвал Ху Цзиньтао, по крайней мере, учиться у Хуа Гофэна его терпимости и великодушию.

Здесь в словах Ху Цзивэя просвечивает, прежде всего, больная для КПК проблема, то есть отсутствие великодушия и терпимости и в действиях Мао Цзэдуна, и в действиях Дэн Сяопина. В истории тому немало примеров.

Хуа Гофэн волей судеб, по сути дела случайно, на некоторое относительно короткое время, оказался после смерти Мао Цзэдуна его преемником и занимал одновременно все высшие посты и в партии, и в вооруженных силах, и в государстве.

Можно предполагать, что он был вынужден исходить из того, что в партии в то время оставалось довольно много тех, кто и по своему партийному

стажу и по заслугам фактически находился в реальной партийной иерархии значительно выше него, обладал большим авторитетом и даже фактической властью. Хуа Гофэн должен был считаться с их мнением и соглашаться с возвращением к практической работе многочисленных старых функционеров, отстранявшихся во время «культурной революции» Мао Цзэдуном от своих постов, так как только в этом случае он и мог удерживаться на своих постах. Вместе с тем, это позволяло создавать атмосферу некой политической терпимости, по крайней мере, в узком кругу высоких руководителей партии, что с удовлетворением отмечает Ху Цзивэй.

Собственно говоря, в его словах содержится прозрачный намек на то, что и при более трудных и сложных обстоятельствах лидер партии, при желании, и, проявляя волю, может и должен действовать решительнее и, прежде всего, проявлять общепризнанное в партии положительным качеством великодушие и терпение. Таков товарищеский совет, обращенный Ху Цзивэем к Ху Цзиньгао.

Ху Цзивэй также вскрыл тот факт, что в свое время Ху Яобан, Чжао Цзыян, Гу Му, Ду Жуньшэн и он сам, то есть целый отряд старых кадровых работников (в свое время Гу Му был членом ПБ ЦК КПК и заместителем премьера Госсовета КНР; Ду Жуньшэн был членом ПБ ЦК КПК и заместителем премьера Госсовета КНР), смогли снова вернуться к работе, благодаря великодушному подходу к работе Хуа Гофэна. В ходе широкой дискуссии вокруг тезиса о том, что «практика представляет собой единственный критерий истины», Хуа Гофэн не подавлял, не наносил ударов, не сдерживал носителей иного мнения, а проявлял терпение и великодушие. Ху Цзивэй вспомнил о том, как на одном из совещаний ЦК партии он в глаза критиковал Хуа Гофэна, Ван Дунсина за то, что оба они поддерживали установку на «два абсолютно» («Защищать абсолютно все высказывания Мао Цзэдуна, выполнять абсолютно все указания Мао Цзэдуна»); при этом Хуа Гофэн не зажимал силой выступавших, не покрывал и не защищал Ван Дунсина, и не выступил с речью – подведением итогов совещания, а, после того, как собрание было закрыто, по своей инициативе пожал руку Ху Цзивэю.

Ху Цзивэй привел несколько фактов исторического характера, связанных с деятельностью Хуа Гофэна.

По его словам, будучи председателем ЦК КПК, Хуа Гофэн проявил великодушие, что позволило вернуться к работе целому ряду отстраненных от работы и подвергавшихся разного рода ограничениям и репрессиям при режиме Мао Цзэдуна видным деятелям партии. Упоминаются имена Ху Яобана, Чжао Цзыяна, а также Гу Му и Ду Жуньшэна. Двое первых стали впоследствии последовательно генеральными секретарями ЦК КПК. Двое последних возглавляли работу в сфере экономики промышленности и сельского хозяйства. Вполне очевидно, что Ху Цзивэй говорит о своих единомышленниках. При этом он делает это главным

образом с тем, чтобы побудить Ху Цзиньгао, находящегося ныне во главе партии, действовать смелее, выдвигая разумных и прогрессивно мыслящих людей на руководящие посты.

Далее Ху Цзивэй, также ссылаясь на пример Хуа Гофэна, призывает Ху Цзиньгао проявлять великодушие и терпимость, когда речь идет о необходимости развернуть широкую дискуссию внутри партии. А такая необходимость сегодня, с точки зрения Ху Цзивэя, назрела.

При этом Ху Цзивэй напоминает о принципе «практика – это единственный критерий истины», который сыграл главную роль в первичном высвобождении мышления членов КПК после смерти Мао Цзэдуна, когда требовалось пересмотреть его установки и политику хотя бы на некоторых направлениях деятельности партии. Теперь, очевидно, речь идет о вновь назревшей необходимости руководствоваться тем же принципом, дабы заново дать оценку Мао Цзэдуну, да и его последователям и приверженцам.

Ху Цзивэй прямо напоминает об имевшей в то время внутри руководства партии борьбе против «неприкасаемости» имени и деятельности Мао Цзэдуна. Он снова приводит в пример Хуа Гофэна, который, сам будучи сторонником «канонизации» Мао Цзэдуна, все-таки сумел проявить великодушие, широту взглядов и терпимость, и подал руку Ху Цзивэю, даже после того, как тот публично на заседании ЦК партии раскритиковал его. Вероятно, что и здесь содержится намек на характер Ху Цзиньгао, да и на взаимоотношения в руководстве партии в настоящее время.

Далее характерно, что Ху Цзивэй вспоминает и казус с в свое время заместителем председателя ЦК КПК Ван Дунсином, который после смерти Мао Цзэдуна, был наиболее ярким сторонником его «неприкасаемости». Ху Цзивэй напоминает о том, что Хуа Гофэн, который в то время был первым по рангу руководителем ЦК КПК, фактически сумел отделить себя от Ван Дунсина, когда речь пошла о необходимости критиковать некоторые стороны деятельности Мао Цзэдуна.

Нельзя исключать и того, что и здесь присутствует намек на современную ситуацию в руководстве КПК.

Ху Цзивэй также выразил надежду на то, что Ху Цзиньгао и Вэнь Цзябао устранят ограничения на свободу мыслить и высказываться, будут уважать предоставленные людям Конституцией права на свободу слова, на свободу печати, на свободу (получения) информации, будут реально осуществлять «гарантии права народа на получение информации на участие во власти, на выражение своего мнения, на контроль над властью», не будут то и дело запрещать издание книг, закрывать органы печати, смещать главных редакторов, переводить с места на место корреспондентов, своевольно определять, кто является «тем писателем, который затрагивает чувствительные (деликатные, болезненные) вопросы, и что является теми произведениями, в которых затрагиваются чувстви-

тельные вопросы». Ху Цзивэй сказал, что если Ху Цзиньтао не сможет продолжить дело реформ Ху Яобана, Чжао Цзяня, то пусть уж он хотя бы учился у Хуа Гофэна терпимости, проявлению великодушия, и ни в коем случае не пошел снова по пути Дэн Сяопина, то есть по пути жестокости и деспотизма, предотвращал бы возможность повторения заново ошибок Дэн Сяопина.

И, наконец, Ху Цзивэй дает советы нынешнему тандему в руководстве партией и страной – Ху Цзиньтао (генеральному секретарю ЦК КПК) и Вэнь Цзябао (премьеру Государственного совета КНР). Он ставит рядом их имена, очевидно, отражая преобладающее в партии видение ситуации, когда они действуют в одном направлении.

Первый совет состоит в необходимости устранения ограничений на свободу мыслить и высказываться. С точки зрения Ху Цзивэя, Китай созрел для того, чтобы «позволить» людям свободно выражать свое мнение.

Второй – в необходимости уважать права, которые предоставлены действующей Конституцией страны: свобода слова, печати, получения информации; участие народа во власти, предоставление народу возможности выражать свое мнение и осуществлять контроль над властью. Речь идет об установлении в Китае системы, при которой все, в том числе и сама правящая партия, должно находиться под контролем народа.

Недопустимой называет Ху Цзивэй ныне весьма распространенную практику запрещения издания тех или иных книг и печатных материалов, закрытия органов печати, смещения главных редакторов, перемещения на «незаметные места, в глушь» тех или иных корреспондентов; отнесение то и дело писателей или их произведений к категории «затрагивающих слишком деликатные или болезненные, чувствительные, темы».

Китаю, современным китайцам необходимы от властей великодушие и терпимость, а не жестокость и деспотизм. Вот главный вывод Ху Цзивэя и его главный совет Ху Цзиньтао.

И, наконец, последний совет Ху Цзивэя состоит в том, что если Ху Цзиньтао, по тем или иным причинам, не сможет снова пойти по пути реформ Ху Яобана и Чжао Цзяня, то он, по крайней мере, не должен идти по пути Дэн Сяопина и не должен повторять его ошибки.

В целом, представляется, что мысли Ху Цзивэя свидетельствуют о том, что Китай, китайский народ, члены ныне правящей в КНР политической партии, то есть члены КПК, находились в начале двадцать первого века на своеобразном историческом перепутье. У них была возможность избрать путь, который позволил бы им освободиться от «мертвого груза прошлого» и найти способы решения стоящих перед Китаем чрезвычайно трудных проблем и задач.

КПК ПЕРЕД СВОИМ XVIII СЪЕЗДОМ

В марте 2012 г. состоялись сессии ВСНП и ПК НПКСК, последние такого рода форумы перед намеченным на осень того же года съездом КПК.

Обращаясь к вопросу о ситуации в КПК перед ее XVIII съездом, думается, что, прежде всего, целесообразно привести официальные оценки, которые даны положению в КНР органами пропаганды ЦК КПК.

Газета «Жэньминь жибао» 13 марта 2012 г. подчеркивала ряд положений:

Экономика Китая будет не только расти, но улучшится качество роста. В Китае существует стабильность.

У КПК есть прочная политическая база.

Повышается благосостояние людей.

Происходит продвижение по пути демократизации и защиты прав человека.

Реформы вступили в период твердого претворения их в жизнь.

Есть намерение продвигать реформы политической и экономической системы.

Партия и государство идут по пути самобытного социализма Китая.

Что касается проблем, то они, естественны и закономерно возникают просто в ходе преобразований.

КНР выступает за мирный путь развития.

КНР не воинственна, не навязывает другим свои ценности, не завоевывает мировые ресурсы.

Си Цзиньпин, которого прочили вместо Ху Цзиньтао на посты будущего генерального секретаря ЦК КПК, председателя КНР и председателя Военного совета ЦК КПК, перед визитом в США в феврале 2012 г. сказал: «В обширном Атлантическом океане достаточно пространства для того, чтобы вместить две крупные страны – Китай и США».

В связи с этим высказыванием бросается в глаза то, что у Си Цзиньпина речь идет не о Тихом океане, что могло бы показаться более естественным, так как Китай и США расположены на западном и восточном берегах Тихого океана, а об Атлантическом океане, на берегах которого США присутствуют, а Китай пока нет.

Нельзя исключать того, что Тихий океан Си Цзиньпин может видеть, как одно из «стратегических пространств» Китая, которые в КНР в последнее время выделяют, говоря о различных регионах земного шара.

Можно также обратить внимание на то, что Си Цзиньпин выделяет две страны – Китай и США – и характеризует их одинаково, как «крупные» государства. В современном толковании внешней политики КНР устойчиво выделяется группа «крупных» государств мира.

10 марта 2012 г. «Жэньминь жибао» писала, что «экономика Китая является вторым экономическим субъектом мира, став важным «двигателем» экономического роста для всего мира. Китайская экономика – надежда мира».

Все сказанное дает пищу для раздумий. В КПК–КНР теперь уже традиционно в пропагандистском плане такого рода обобщающие характеристики ситуации в Китае и в мире даются с той целью, чтобы оказывать воздействие на окружающий Китай остальной мир, и на народонаселение КНР. При этом в эти характеристики вкладывается желание именно в таком плане официально обсуждать все эти вопросы, а также желание, чтобы в мире именно так воспринимали и толковали ситуацию.

В то же время каждое из этих положений может свидетельствовать о проблемах, реально существующих для КПК как внутри КНР, так и на мировой арене.

Эти характеристики появляются чаще всего как реакция на существование проблем, как предложение заменять подлинную картину предложенным здесь исключительно позитивным и во многом декоративным ее описанием.

В ходе «двух сессий» появлялись сообщения, также привлекающие внимание.

Вот типичный «народный представитель» – депутат ВСНП Шэнь Цилян. «Жэньминь жибао» в марте 2012 г. писала о том, что ей 82 года. Она передовик труда от провинции Шаньси. Единственный депутат, участвовавший во всех сессиях ВСНП с 1954 г. Ни разу не голосовала против. Говорит, что «свое красное сердце отдала партии».

Иными словами, людям в Китае предлагается пример поведения человека, который, с точки зрения ныне правящей в КНР политической партии, правильно соотносит свое поведение с генеральной линией партии и, не рассуждая, «колеблется» вместе с этой линией, а точнее, линией «хозяина» или «хозяев» партии. Например, то одобряет, то осуждает Дэн Сяопина, «культурную революцию» и т. д. и т. п.

В то же время оказывается, что эта крестьянка и передовик труда – генеральный директор торговой компании с 1996 г. с капиталом в 8 млн. долларов с офисом в Пекине. Должность ее сына – начальник управления. Дочь служит в армии, имеет звание полковника.

Представляется полезным вспомнить, что в марте 2011 г. председатель ПК ВСНП У Банго на сессии ВСНП заявил, что в Китае:

- не будет многопартийности с ротацией партий у власти,
- не будет плюрализма в руководящей идеологии,
- не будет разделения трех властей и двухпалатного парламента,
- не будет федеративной системы (в Китае появляются предложения ликвидировать национальные автономные районы; таким образом, происходит столкновение точки зрения, выраженной в Хартии 008, и этих взглядов)

- и не будет приватизации (попутно можно упомянуть, что в Китае существует и та точка зрения, что вся государственная собственность уже поделена между партийными кланами, а приватизации для народа не будет).

Судя по этим высказываниям, в которых находят свое отражение взгляды значительной части руководителей КПК, в том числе и в настоящее время, внутри руководства КПК есть силы, которые предпочитают, прежде всего, заботиться о том, что они именуют «стабильностью», причем готовы поддерживать и сохранять эту «стабильность» в опоре на диктатуру, то есть на применение всех средств, в том числе вооруженных сил и силовых ведомств.

В то же время, судя по настроениям в стране, о которых есть основания говорить, ожидания в Китае перед XVIII съездом КПК таковы: политические реформы, демократизация, выборность руководителей разных уровней.

Официальная трактовка «двух сессий» 2012 года включает в себя и следующие моменты.

В докладе премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао на сессии ВСНП упоминается о том, что экономическое и социальное развитие КНР сталкивается с множеством трудностей и вызовов.

Китайский народ беспокоят такие проблемы как:

- состояние морали и нравственности общества,
- состояние контроля над безопасностью продуктов питания,
- возрастающий и углубляющийся разрыв между богатыми и бедными,
- вопрос о ценах на недвижимость,
- многочисленность населения,
- слабая экономическая база,
- неравномерное развитие.

На примере богатых приморских районов страны нельзя говорить об общем уровне развития Китая

Складывается устойчивое представление о Вэнь Цзябао, как о человеке, который делает все, что в его силах, для продвижения Китая по пути реформ.

Газета «Жэньминь жибао» 14 марта 2012 г. сообщила о следующих высказываниях Вэнь Цзябао: «Нужно проводить не только реформу экономической системы, но и реформу политической системы, особенно реформу руководящей системы партии и государства».

Думается, что речь идет о реформе структуры управления партией и государством, о чем в свое время говорил и писал генеральный секретарь ЦК КПК Чжао Цзяян.

По окончании работы сессии ВСНП Вэнь Цзябао напомнил, что хотя после разгрома «группы четырех» КПК и приняла постановление по некоторым вопросам истории и в КНР начали осуществлять политику реформ и открытости, однако ошибки «культурной революции» и феодальное влияние (точнее, воздействие феодализма) не были устранены в корне. По мере развития экономики в стране зародились и такие новые проблемы, как несправедливость распределения, отсутствие честности, коррупция и разложение. «Я глубоко уверен, что для решения этих проблем нужно проводить не только реформу экономической системы, но и реформу политической системы, особенно реформу системы руководства партией и государства.

Сейчас реформа вступила в решающий этап, без успеха реформы политической системы не может быть доведена до конца и реформа экономической системы, могут быть потеряны и достигнутые плоды, новые социальные проблемы не могут быть разрешены в корне, такая историческая трагедия как «культурная революция», может и повториться, каждый член партии, ощущающий свою ответственность, каждый руководящий кадровый работник (партии) должен почувствовать актуальность (сказанного)», – подчеркнул Вэнь Цзябао.

«Я глубоко понимаю трудности реформы. Главное заключается в том, что для любой реформы необходимы пробуждение народа, поддержка народа, инициативность и творческий дух народа. В такой крупной стране, как Китай, где проживают 1,3 млрд. человек, надо создавать социалистическую демократическую политику последовательно, исходя из реальных условий страны. Это не простое дело, но реформа может только продвигаться вперед, а не топтаться на месте, тем более, не может двигаться вспять, ведь при топтании на месте и отступлении назад не будет выхода». – отметил Вэнь Цзябао.

Вэнь Цзябао также заявил, что со дня вступления в должность премьер-министра Госсовета КНР он не допустил никаких просчетов из-за безответственности.

Известно, что Чжу Жунци, который был премьером Госсовета КНР в 1990-х гг. критиковал Вэнь Цзябао за его деятельность на посту премьера.

Вэнь Цзябао также сказал, что 2012 год может быть самым трудным, но одновременно и самым многообещающим годом.

«Я уверен, что демократические институты в Китае обретут постепенное и последовательное развитие в соответствии с реалиями ситуации в стране. Никакие силы не смогут воспрепятствовать этому.

Я неоднократно подчеркивал необходимость твердо и неизменно превратить в жизнь режим самоуправления населения деревень и гарантиро-

вать законное право жителей деревни на прямые выборы», – сказал Вэнь Цзябао. Он также добавил к этому, что многочисленный опыт сельских комитетов свидетельствует об удачности прямых выборов в комитеты жителей деревни.

В целом, высказывания Вэнь Цзябао говорят о том, что внутри КНР, внутри КПК и ее руководства есть силы, ратующие за продолжение курса на сочетание экономических и политических реформ, начатого генеральными секретарями ЦК КПК Ху Яобаном и Чжао Цзяном в 1980-х гг.

На предстоящем съезде партии возможна острая борьба по всем вопросам, которые имеют к этому отношение, в том числе и переоценка событий 4 июня 1989 г., а также деятельности Ху Яобана и Чжао Цзяна.

Вместе с тем, высказывания Вэнь Цзябао говорят о том, что проблемы в Китае сегодня настолько велики и трудны, что без возвращения на путь осуществления и политических реформ, у Китая нет выхода.

В то же время согласно официальной позиции, выраженной в газете «Жэньминь жибао», власти говорят о том, что они ищут пути решения этих проблем, стремятся к консенсусу в обществе, но пока в руководстве никто, кроме Вэнь Цзябао не ставит вопрос о политических реформах в партии и государстве, хотя и ощущается, что при желании и возможности здесь есть, что сказать и сделать.

Генеральный прокурор Цао Цзяньмин 11 марта 2012 г. говорил на сессии ВСНП, что в 2011 г. задержан 1631 государственный служащий, пытавшийся бежать за границу; у этих чиновников были полученные незаконным путем деньги и вещи на сумму в 1,2 млрд. долларов. Таких чиновников в 2011 г. было на 27% больше, чем в 2010 г.

В КНР в 2011 г. обвинены в разложении 44506 человек. Этот год – десятый год борьбы Ху Цзиньтао против коррупции.

Бегство чиновников началось в 1990-х гг., то есть после событий 4 июня 1989 г., когда Дэн Сяопин и его сторонники остановили реформы до 1992 г.

В настоящее время появились те, кого называют «голыми чиновниками», то есть такие, кто перевез семьи и капиталы за границу.

Заместитель председателя комитета по законодательству ВСНП, в прошлом заместитель секретаря Центральной комиссии ЦК КПК по проверке дисциплины Лю Сижун 10 марта 2012 г. на сессии ВСНП сказал, что численность чиновников становится тяжелой обузой для народа. Идет торговля должностями. Каким бы трудолюбивым ни был народ, невозможно прокормить так много чиновников. В 2008 г. государственных служащих было более 6 миллионов, а сейчас их более 10 миллионов. Иными словами ежегодно добавляется по миллиону чиновников.

Все это говорит о том, что в Китае нарастает возмущение народа чиновничеством, номенклатурой КПК.

На «двух сессиях» говорилось о достижениях, утверждалась правильность нынешнего курса, способность решать проблемы, которые называются.

Думается, что объективность требует видеть и проблемы и успехи, как писал в свое время «маршал правды» Пэн Дэуай, и чем был недоволен Мао Цзэдун, который считал, что говорить надо сначала об успехах, и только потом о неудачах. Думается, что и сегодня в руководстве КПК есть немало последователей Мао Цзэдуна.

При этом для нас, вероятно, важно думать о том, что и то, и другое, то есть и достижения, и проблемы в Китае, означают с точки зрения интересов нашего народа и нашей страны.

В последнее время сама жизнь обращает внимание на три события в Китае.

Речь идет о столкновении интересов:

- внутри общества, точнее, между властями и людьми,
- между национальными общностями в Китае,
- внутри правящей партии.

Иными словами, о социальных, национальных и внутривластных противоречиях, которые все более обостряются.

Итак, речь идет о событиях в деревне Укань на юге Китая, где крестьяне защищали свои права на землю и вошли в конфликт с чиновниками от правящей партии. Это сегодня довольно типичное явление (ЦЮНЬ ТИ ШИ ЦЗЯНЬ). Таких столкновений интересов становится все больше.

Можно вспомнить, что это произошло именно в тех местах, где в 1922 г. Пэн Бай, которого называли «Великий князь Крестьянского движения – Нун юнь Да Ван» создавал Хайлуфэнскую республику. Прошло 90 лет, а крестьяне продолжают бороться с властями, теперь властями КПК, за свою землю. Трудно сказать, как обернется эта борьба. Важно, что она носит серьезный характер, а также то, что речь идет о главной ценности, с точки зрения современных китайских крестьян, то есть о земле.

На «двух сессиях» обсуждался вопрос о выборах в деревне Укань. Там проведены прямые выборы нового руководителя деревни.

О высказывании Вэнь Цзябао по этому вопросу мы уже упоминали.

Руководитель парторганизации Гуандуна Ван Ян сказал, что прямые выборы – это не что-то новое, а реализация закона о выборах в деревне.

Представитель МИД Ли Чжаосин сказал, что прямые выборы не для всего Китая, так как людей в стране много, экономическое развитие является неравномерным, трудно будет проводить прямые выборы.

Это говорит о противоречиях в руководстве КПК и по вопросу о собственности на землю, о праве пользования землей, и по вопросу о прямых выборах крестьянами своих органов власти в деревнях. Важно подчеркнуть, что премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао считает, что китайс-

кие крестьяне созрели для того, чтобы избирать власть в деревне путем прямых демократических выборов.

Бывший секретарь парторганизации деревни Укань тайно продал землю деревни. Крестьяне в сентябре 2011 года потребовали его убрать. Теперь прошли выборы. Стоит задача вернуть землю.

В связи с этим необходимо лишний раз подчеркнуть, что в Китае земля продолжает представлять собой главную ценность, главное имущество для крестьян. До сих пор вопрос о собственности на землю в Китае не решен. Думается, что предстоит острая борьба по этому вопросу. Эта борьба может иметь самые серьезные последствия, вплоть до смены политической власти в стране.

В стране существует вопрос о политической стабильности, особенно перед съездом партии. Подчеркивается такая функция вооруженных сил КНР, как обеспечение того, что именуется «стабильностью». Стабильность должны обеспечивать и кадровые работники партии. Например, в провинции Хэбэй на предвыборное время отправили в деревню 15 тысяч кадровых работников.

Усилена полиция в Тибете и в СУАР, где постоянными являются разного рода конфликты населения с властями. В СМИ промелькнуло сообщение о столкновении сотен вооруженных полицейских (возможно чжунанов по национальности) и солдат Армии Освобождения Народа Китая (вероятно ханьцев по национальности) в ГЧАР.

Напряженной продолжает оставаться ситуация во всех национальных автономных районах.

Если говорить о Тибете, то можно вспомнить, что в 1959 г. Далай-лама и 20 тысяч тибетцев ушли в Индию. Тибетцы не прекращают борьбу за свою самостоятельность и автономию. Далай-лама говорил: «Мой народ погибает на своей собственной территории».

В настоящее время в ТАР живут 1,9 млн. тибетцев. В то же время 2,9 млн. тибетцев живут на своей исконной земле, которая, а это провинции Амдо и Кхам, в 1965 г. была отрезана от Тибета и включена в состав соседних районов, населенных преимущественно ханьцами или не тибетцами: Цинхай, Ганьсу, Сычуань, Юньнань. В Лхасе сегодня 260 тысяч ханьцев и 40 тысяч тибетцев.

У тибетцев низкий жизненный уровень. Они считают, что их культура и язык находятся в опасности. В монастырях власти приказывают вывешивать государственные флаги КНР и портреты руководителей КПК.

Во время «культурной революции» разграблению и разрушению подверглись 6 тысяч монастырей.

Сегодня лам заставляют клеймить Далай-ламу как предателя отечества и народа. Монастыри превращают в туристические объекты, в аттракционы для туристов.

Все это побуждает тибетцев протестовать. Протесты продолжаются на протяжении всех 60 лет власти КПК-КНР над Тибетом. Протесты в настоящее время приобрели форму самосожжения монахов.

Внешний мир предпочитает не портить отношения с властями КПК-КНР и не поддерживает тибетцев в их стремлении выжить, не быть ассимилированными ханьцами и сохраниться в качестве самостоятельной национальной общности.

Наконец, проявляются практически накануне съезда КПК противоречия среди руководящих кадровых работников партии.

6 февраля 2012 г. начальник полиции Чунцина Ван Лицзюнь, спасаясь от первого по рангу руководителя Чунцина Бо Силая, явился в консульство США в Чэнду, где пробыл сутки. Ранее Бо Силай и его заместитель Ван Лицзюнь были символами «чунцинской модели». Они действовали под лозунгами «Петь красные песни» и «Наносить удар по черным силам», то есть быть верными политике Мао Цзэдуна и решительно бороться с преступностью.

Собственно говоря, это своего рода возрождение действий Мао Цзэдуна во время «культурной революции», а также проявление желания части нынешних руководителей КПК спекулировать на недовольстве своим материальным положением и разложением чиновничества значительной страты китайского общества. В связи с этим складывается впечатление, что в КПК есть силы, которые хотели бы перевести страну снова на рельсы политики Мао Цзэдуна.

В результате событий в Чунцине, раздора между Бо Силаем и Ван Лицзюнем, последний, кадровый работник КПК, который выступал за Мао Цзэдуна и КПК, бежал спасаться в консульство США в Чэнду. В Китае в связи с этим вспоминали случай с Линь Бяо, намекая на ситуацию внутри руководства КПК перед ее очередным съездом. В 1971 г. Линь Бяо попытался улететь в СССР, а в 2012 г. Ван Лицзюнь спас свою жизнь, обратившись в американское консульство в Китае.

Можно вспомнить, что в начале двадцатого века Юго-запад Китая не выступал вместе с ихэтуанями против династии Цин. В 1911 г. Синьхайская революция произошла также не в центре, а в Учане.

Из всего этого следует, что взаимоотношения центра и регионов требуют внимания. Нельзя исключать и того, что регионы будут бороться в связи с очередным съездом КПК за большую самостоятельность и за то, чтобы их представители входили в состав высших руководящих органов партии и государства. Предстоит, да собственно и происходит, бескомпромиссная жестокая борьба.

В связи с делом Ван Лицзюня появились утверждения о схватке внутри руководства. В частности, говорилось, что Бо Силай и Чжоу Юнкан при поддержке Цзян Цзэминя выступают против Ху Цзиньгао, Вэнь Цзя-

Обращает на себя внимание «военный» аспект ситуации в Китае в настоящее время.

Вэнь Цзябао 6 марта 2012 г. говорил: «Мы будем наращивать потенциал вооруженных сил для выполнения разного спектра военных задач, наиболее важной из которых является ведение локальных войн в эпоху информационных технологий».

Недавно Ху Цзиньтао употребил термин «готовиться к войне».

Начальник политуправления ВВС генерал-лейтенант Лю Яжоу выступает за укрепление абсолютного руководства (господства) КПК.

(Попутно можно обратить внимание на то, что, как говорят, он – сын Ли Сяньняня, а дочь Ли Сяньняня недавно стала председателем КНОДЗ вместо сына Чэнь И.)

Заведующий отделом пропаганды ЦК КПК Лю Юньшань в октябре 2011 г. заявил, что недавно опубликованная книга, в которую вошли взгляды Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина, Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао, то есть своего рода «новый цитатник», представляет собой «авторитетные учебные материалы по культурной истории партии (то есть по такому аспекту как культура в истории партии)». В КПК связывают внешнюю политику с идеологией и культурной безопасностью (то есть с тем, что именую безопасностью с точки зрения состояния дел в области культуры).

Лю Юньшань стремится войти в ПК ПБ ЦК КПК. При этом он предстает как политик, сохраняющий «имя и дело» Мао Цзэдуна. Очевидно, что он пользуется определенной поддержкой и в руководстве партии, и в партии в целом, и в стране. В то же время у такой позиции есть много противников и в КПК и в КНР. Поэтому необходимо внимательно следить за развитием событий в этом направлении.

В КНР–КПК ведется кампания патриотического воспитания. Издана серия из «ста книг по патриотическому воспитанию». В КНР созданы 356 «баз патриотического воспитания». По наименованию это должно напоминать «опорные базы» КПК в годы, когда она шла к власти в стране. В том числе «Парк памяти павших героев боев на острове Чжэньбаодао». В КПК–КНР продолжают вести пропаганду на население всей страны в духе оправдания войны Мао Цзэдуна против нашей страны и народа.

Попутно можно упомянуть о том, что все три последние десятилетия в Китае иной раз характеризуют как «годы ухода от России» (ЦЮЙ ЭЛОСЫ ХУА). Здесь можно подумать о том, что сама мысль об «удалении» России от Китая – это продолжение курса Мао Цзэдуна на противопоставление наших народов и стран. В этой связи могут повисать в воздухе закливания чиновников в нашей стране о том, что руководители КПК–КНР – это наши «хорошие соседи» и «близкие друзья».

В официально изданной истории КПК, в частности, говорится о том, что в 1945–1949 гг. наша страна оказала «некоторую» помощь КПК.

Для «равновесия» можно упомянуть, что в Китае также говорят, что «желание американского империализма уничтожить нас (китайцев) не исчезло» (МЭЙ ДИ ВАН ВО ЧЖИ СИНЬ БУ СЫ).

Все это свидетельствует о том, что в долгосрочном плане идея превосходства нации Чжунхуа или нации Китая над остальными нациями хранится в идеологическом багаже КПК.

Вернемся к кампании патриотического воспитания.

В ходе кампании провозглашается лозунг: «За доверие вооруженных сил правящей партии». Одно это лишний раз подтверждает, что в настоящее время, в том числе перед очередным съездом КПК, в Китае остро стоит вопрос о доверии КПК и ее вооруженным силам со стороны народа Китая. Власти Китая обеспокоены большим недостатком такого доверия, особенно номенклатуре КПК.

В современном Китае пропагандируется «военная культура Китая». Иными словами, в идеологии КПК сегодня специально выделяется «военная культура». Это говорит об обеспокоенности руководителей КПК вопросом о «войне», о «войнах», в том числе о «войнах между культурами», и о роли культуры в обеспечении безопасности страны, в военном сознании жителей страны.

В 2001 году в КНР был принят Закон о воспитании в целях обороны государства.

В Китае сегодня говорят о противодействии антикитайским силам Запада. Выступают за патриотизм и централизованное управление со стороны КПК всеми аспектами развития государства и вопросами оборонного строительства. Утверждается, что без этого Китай прекратит свое существование как единая страна.

Иными словами, КПК стремится соединить в сознании жителей Китая понятия отечества, его единства, то есть воссоединения всех земель Китая, с такими понятиями как КПК, КНР, НОАК. Итак, патриотизм, партия, армия, народ, война во всех аспектах, в том числе в сфере культуры – вот неразрывный комплекс понятий современной идеологии КПК.

* * *

Начальник Канцелярии по делам Тайваня при ГС КНР и Канцелярии ЦК КПК по делам Тайваня Ван И 9 марта 2012 г. сказал: «Континентальная часть Китая и Тайвань принадлежат к одному Китаю, соотечественники двух берегов – члены одной семьи. Два берега Тайваньского пролива должны сохранить это коренное согласие, таким образом, связи между двумя берегами смогут развиваться стабильно и долго, их сотрудничество сможет быть продолжительным».

ПРОБЛЕМЫ И ПРОГНОЗЫ

В 2012 г. КПК отметила 63-ю годовщину своей деятельности в качестве правящей политической партии в КНР.

За плечами у КПК уже почти вековая история, разнородные, в том числе феодальные, традиции, груз «зигзагов» прошлого, 33 года осуществления политики реформ и открытости с ее достижениями и торможениями на этом пути.

В настоящее время КПК стоит перед необходимостью искать пути решения небывало сложных, порой представляющихся неразрешимыми, новых проблем. КПК занята и будет занята в обозримом будущем именно поисками решения своих внутренних проблем.

КПК самая многочисленная политическая партия в мире. Она насчитывает более 80 миллионов членов. Она управляет страной с населением около одного миллиарда четырехсот миллионов человек.

При создании КНР ее в КПК назвали Новым Китаем. Во второе десятилетие XXI века КПК вступила в качестве правящей партии Нового Китая.

Современный Китай – это уже не Китай времен Мао Цзэдуна (умер в 1976 г.) или Дэн Сяопина (умер в 1997 г.). У него новое лицо, и это видит весь остальной мир. Китайское общество сегодня – это новое общество, отличающееся от общества времен Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина.

Нынешний Китай уже стал неотъемлемой частью многообразного глобализирующегося мира, состоящего из самоутверждающихся наций. При этом он представляет собой столь большую часть человечества, что являются основания принимать во внимание деление мира на две части: Китай и остальное человечество.

Китаю предстоит теперь в своем нынешнем качестве приспособливаться к остальному человечеству, а остальному человечеству придется приспособливаться к Китаю. Процесс взаимного приспособления неизбежен, но сопряжен с большими трудностями. Каждая из этих двух частей человечества имеет свое достоинство, свое представление о себе, стремится самоутвердиться, не позволяя ущемлять то, что ей представляется ее коренными интересами. Найти согласование этих интересов трудно, но необходимо. При этом речь может идти только о взаимном приспособлении, а не о подчинении одного другому. Взаимное приспособление требует со-

хранения мира на Земле на вечные времена. Оно же предполагает соблюдение принципов полной независимости и абсолютного равноправия.

Другая проблема, стоящая перед КПК, состоит в том, что Китай подошел к такому моменту в своем развитии, что прежние методы поддержания существования громадного населения Китая исчерпаны или исчерпываются.

Некоторые китайские ученые полагают, что земля Китая способна обеспечить существование лишь 700 миллионов человек. Вопрос о численности населения и о его существовании становится для КПК первоочередной проблемой. Китай с каждым днем во все большей степени превращает свою землю в субстанцию, непригодную для жизни людей. КПК не находит ответа на вопрос о том, как сохранить окружающую среду, пригодную для жизни людей. Китай обрел такое громадное по численности население, что возникает необходимость недопущения дальнейшего роста его численности.

В свое время КПК проводила политику неограниченной свободы при наращивании численности населения. При этом, в частности, исходили из необходимости обеспечить свое выживание как нации на Земле даже в случае мировой ядерной войны.

Эта задача решена. Более того, сегодня Китай имеет возможность проводить исключительно мирную политику, исходя из того, что никто и никогда в мире не нападет на Китай. Справиться с Китаем в войне не сможет ни одна страна. Ныне только от самого Китая зависит вопрос о начале войны против любой страны на земном шаре. Китай имеет возможность оставаться в стороне от любой будущей войны на земном шаре при условии, что не будет нападения на Китай, а это практически исключено.

К настоящему времени проблемы внутри общества в Китае также настоятельно требуют решения.

Противоречия между относительно зажиточной и относительно бедной частями населения, разрыв в уровне жизни между ними, увеличивается. Умножаются и углубляются социальные противоречия. Остро стоит вопрос о коррупции чиновничества на всех уровнях.

Обостряется вопрос о земле. Земля была и остается главным богатством для большинства людей в Китае. Крестьяне добиваются превращения права хозяйствования на земле в вечное и неотъемлемое право. Стоит вопрос о собственности людей на землю.

В стране более 200 миллионов рабочих – мигрантов, выходцев из деревни. Они ведут борьбу за статус полноценных граждан городов, где они работают.

Имеются сведения о том, что теперь уже более половины населения Китая проживает в городах, а не в деревнях. Приводились данные о том, что в Китае 2% богатых людей и 18% тех, кого относят к среднему классу. Таким образом, около 20% населения Китая, то есть около 300 мил-

лионов человек – это «золотые 300 миллионов», а остальной миллиард – это «не золотой миллиард». Так разница между богатыми и бедными людьми становится пока неразрешимой проблемой для Китая.

В стране постоянно тлеет и может взорваться национальный вопрос. В Китае ханьцев около 90%, людей других национальностей – менее 10%, но это более ста миллионов человек. Причем 64% территории КНР – это земли не ханьцев.

Люди многих национальностей пока продолжают находиться в состоянии политического анабиоза.

Однако тибетцы, уйгуры, монголы, мусульмане, чжуаны убеждены в том, что у них есть своя история и культура, помимо общей истории нации Китая. Они стремятся обрести реальную автономию и, по крайней мере, духовную и культурную независимость. С их точки зрения, речь идет об их выживании, о борьбе против угрозы поглощения их ханьцами.

В стране сокращаются посевные площади, все больше ощущается нехватка воды для питья, скоро может возникнуть недостаток воздуха для дыхания. И это при том, что Китай сидит на игле поставок туда необходимых китайцам природных ресурсов практически из всех районов земного шара.

Китай за три десятилетия реформ стал частью мировой экономической системы. Однако он занял в ней то место, которое ему позволили это сделать объективные обстоятельства. Это место обрабатывающей промышленности.

Пути изменения характера экономики страны пока не найдены.

Китай уже не может жить без постоянного притока природных ресурсов из других частей планеты. И нужда в этом притоке возрастает.

Вот некоторые из тех внешних и внутренних проблем, которые и по отдельности, и в совокупности представляются либо неразрешимыми, либо трудно разрешимыми. С этими проблемами сталкивается Китай сегодня. Эти проблемы стоят перед КПК.

Такой характер проблем побуждает политиков в Китае искать любые пути их решения, в том числе рассматривать и применение «твердой» и «мягкой» силы. С их точки зрения, речь идет о решении проблем выживания нации Китая. Некоторые из них могут обращаться к возможности и допустимости применения военной силы, скажем, при защите путей доставки в КНР природных ресурсов.

Обращает на себя внимание прозвучавший со стороны руководства КПК призыв к вооруженным силам страны «готовиться к войне», быть нацеленными на победы в локальных войнах.

В то же время очевидно, что вооруженные силы страны, включая все так называемые «силовые ведомства», находящиеся под «абсолютным руководством», то есть в полном и исключительном подчинении председателя Военного совета ЦК КПК, предназначены сегодня, прежде всего,

для поддержания того, что именуется «стабильностью» в стране, то есть для поддержания диктатуры КПК в КНР.

Это положение можно пояснить более подробно. Коммунистическая партия Китая исходит из необходимости на каждых 20 человек населения иметь не менее одного члена партии. Своей главной функцией КПК считает поддержание того, что она именуется стабильностью в стране, то есть вечного положения КПК в качестве правящей партии. Связка «стабильность–диктатура» тяготеет над умами части политиков в Китае.

Эта стабильность обеспечивается в опоре на структуру власти, стержнем которой являются вооруженные силы КПК. По Конституции они подчинены КПК. Для руководства ими выделен специальный отдельный орган: Военный совет ЦК КПК. Председатель этого совета практически является «хозяином» вооруженных сил и всей структуры власти в стране. Военная власть в КНР – главная ветвь власти. Вооруженные силы в КНР предназначены, прежде всего, и главным образом, для гарантии диктатуры власти КПК в КНР. Иными словами, они предназначены для внутренних целей.

Партийный аппарат представляет собой основу политической власти в стране. По форме он предстает в виде партийно-государственного аппарата. Существуют отдельно партийные и государственные органы управления, но все они подчиняются партийному руководству.

Система законодательных органов, органов суда и прокуратуры находится в полном подчинении правящей партии.

Существуют несколько политических партий, кроме КПК, которые находятся на финансовом содержании государства, однако они играют декоративную роль.

Структура власти внутри КПК состоит из двух частей. Реальная, но неофициальная власть и официальная, но декоративная власть.

В КПК продолжает существовать разделение власти на две «линии». На «первой линии», то есть на официальных постах, находятся те, на кого падает бремя решения реальных проблем. На «второй линии», то есть за кулисами политической сцены, находятся «старейшины» партии, «хозяева» партии, те, кто реально распределяет рычаги власти и властные полномочия. В частности, на «второй линии» продолжает находиться Цзян Цзэминь.

КПК – это преимущественно партия чиновников и военных.

КПК в значительной степени оторвана от крестьянства. Она фактически не присутствует в среде 200 миллионов рабочих – мигрантов из деревни. Она не может считаться партией рабочего класса.

Значительная часть молодежи образованных людей по сути дела находится вне сферы воздействия партии.

Это частично и те, кто «живет в Интернете», а сегодня Интернетом в Китае пользуются около 500 миллионов человек.

В то же время в партию существует приток молодежи, которая идет туда в значительной степени из карьерных соображений. Более того, вопрос о выживании продолжает быть существенным для Китая, а пребывание в партии в какой-то степени обеспечивает такое выживание.

В целом, связь КПК с массами населения Китая представляется проблематичной.

КНР считает себя социалистической страной. Сегодня в мире четыре социалистических государства: КНР, КНДР, Вьетнам и Куба. Связи с ними, в каждом случае отдельно, продолжают рассматриваться как важные для КПК. Хотя, в то же время, в случае с Вьетнамом преобладает стремление навязывать свое представление о прохождении линии границы в Южно-Китайском море.

В КПК больше не говорят о международном коммунистическом движении. Однако исходят из причастности КПК к мировому социалистическому движению.

КПК развивает межпартийные связи.

Далеко не случайно Си Цзиньпин во время своего визита в нашу страну предложил установить межпартийные связи КПК с «Единой Россией». С согласия руководства «Единой России» наши межгосударственные отношения были превращены в межгосударственно- межпартийные отношения. У КПК существуют связи и с КПРФ.

КПК провела обмен мнениями по китайско-американским отношениям с Демократической и Республиканской партиями США. У нее есть связи с политическими партиями Европы и других регионов земного шара.

Одним словом, КПК разрабатывает и осуществляет доктрину всеобъемлющих разнородных связей с политическими партиями всех стран. Она не ставит задачи создания под своей эгидой международного коммунистического, социалистического или национально-освободительного движения.

В уставе КПК в настоящее время называются три имени: Мао Цзэдун, Дэн Сяопин, Цзян Цзэминь.

С другой стороны, вопрос об именах вообще становится все более не простым для КПК. В партии одновременно присутствуют и восхваление, и критика Мао Цзэдуна. Неоднозначным является отношение к Дэн Сяопину.

В Уставе КПК партию называют одновременно авангардом рабочего класса, народа и нации. В этом находит свое проявление общая установка на соединение, объединение под руководством КПК самых разнородных частей китайского населения. В то же время здесь возникает вопрос о целостности идеологии, которой ныне должна руководствоваться, или номинально руководствуется, КПК.

В частности в 2011 г. была предпринята попытка сделать знаменем идеологии сочетание имен Мао Цзэдуна и Конфуция. В результате пока

Конфуция «переместили в сторонку». Его имя используют в форме создания Институтов Конфуция для продвижения своей пропаганды и влияния в других странах.

В первом десятилетии нынешнего столетия падение нравственности выразилось во всеобщем распространении нечестности. Ху Цзиньтао призвал партию бороться с аморальностью. Результатов его призыв не имел. В начале второго десятилетия Ху Цзиньтао призвал бороться за социалистическую культуру. Это также остается пустым звуком в стране.

Внутри КПК время от времени раздаются требования пересмотреть оценку событий 1989 г. на площади Тяньаньмэнь в Пекине. Так как это влечет за собой осуждение действий Дэн Сяопина и Цзян Цзэминя, вопрос остается подвешенным. Но он не снимается с повестки дня.

В КПК продолжают споры о внешней политике. Складывается впечатление, что борьбу между собой ведут «партия мира» и «партия войны». Ху Цзиньтао в 2012 г. употребил термин «готовиться к войне», говоря о задачах китайской армии. В то же время он подчеркивает желание мирно решать вопрос о Тайване.

Внешняя политика, с точки зрения Ху Цзиньтао, должна основываться на «трех китах»: мир, развитие, сотрудничество.

Это, как и вообще взгляды Ху Цзиньтао, слишком неопределенно, поэтому времена Ху Цзиньтао, вероятно, останутся как период уклонения от решения проблем.

По-иному, чем раньше, предстает и вопрос о зарубежных китайцах. Перестала быть первостепенной проблема взаимоотношений двух частей этой массы: прокоммунистической и прогоминьдановской. Различия остались, но отошли на задний план.

Важным представляется иное. Кажется, что возникает тенденция «отстраненности». Зарубежные китайцы начинают вести себя так, чтобы в тех странах, где они живут, их не слишком ассоциировали с КПК и КНР. Они хотели бы, чтобы их воспринимали нейтрально. Это происходит из-за того, что континентальный Китай и его представители в последнее время ведут себя во внешней политике все более наступательно, особенно в деловых отношениях с иностранцами, любыми иностранцами. В связи с этим для КПК возникает проблема поисков нового взаимопонимания с зарубежными китайцами.

В вопросе о Тайване также проступают некие новые черты. Активно происходит процесс смешения народов. Много смешанных браков, много «детей смешанной крови». В то же время жители Тайваня практически поголовно не желают изменения ныне существующего положения, при котором у них есть свое государство, своя страна, они не находятся в подчинении властей КНР.

Одновременно на Тайване внимательно отслеживают наращивание «ракетного навеса» с берега континентального Китая над Тайванем.

После окончания периода формирования нового руководства партии и государства в Китае при развитии связей с китайской стороной желательно продолжать обмены на высшем уровне, обращать особое внимание на связи по линии военнослужащих (делегации ветеранов с организацией встреч между военачальниками). Оказывать поддержку со стороны государства работе Общества российско-китайской дружбы; добиваться взаимопонимания по вопросу об отношении к дружбе и союзу в истории наших двусторонних отношений. Именовывать наши культурные центры в КНР Институтами Льва Толстого, исходя из обязательности принципа равноправия и в случае с «именами» или «знаменами», представляющими нацию в целом. Не допускать нанесения нам пропагандистского и идеологического, а также иного вреда деятельностью Институты Конфуция в нашей стране. Активно предлагать диалог в форме открытого обмена мнениями на телевидении между властителями умов в нашей стране и в Китае. Исходить из того, что достижение духовного взаимопонимания — это единственная надежная основа наших двусторонних отношений.

Думается, что КНР и США не вступят между собой в отношения союза в борьбе против РФ; обе стороны будут сохранять сложившиеся ныне благоприятные для них отношения.

В Китае возможны политические события, которые приведут к изменению политической системы.

Накапливаются и проявляются противоречия между простым людом и властями, между национальными сообществами и властями, между партией и народом, внутри правящей партии. Ощущается необходимость экономической, политической, духовной либерализации; начала, продолжения и доведения до конца реформ во всех этих трех областях: в экономике, политике, духовной культуре.

* * *

Вот уже целых сто лет в Китае люди этой страны постепенно, преодолевая невероятные трудности, революционным и эволюционным путями ведут борьбу за свое высвобождение из-под власти деспотов, диктатуры, самодержавия, самовластия.

Совершив революцию 1911 г., китайцы освободились от Великой Цинской империи, отвергли монархический строй, провозгласили Республику.

Затем почти 15 лет им пришлось избавляться от местных региональных и провинциальных деспотов, даже от попытки реставрации монархии в столице.

Далее на протяжении почти четверти века в континентальном Китае существовала Китайская Республика с правившей в стране Партией Гоминьдан Китая, не решившая ни крестьянского вопроса, ни вопроса об установлении демократического строя.

После прихода Мао Цзэдуна и Партии Гунчаньдан Китая (Коммунистическая партия Китая, сокращено КПК) к власти в континентальном Китае и образования в 1949 г. Китайской Народной Республики, которую в КПК предпочитают именовать Новым Китаем, территория Китайской Республики сократилась до острова Тайвань и прилегающих островков.

В конце двадцатого столетия на Тайване перешли к многопартийной системе, и политические партии в результате выборов стали сменять одна другую у власти. С самовластием там было покончено. Для этой части нации Китая возобладала свобода и демократия.

КНР в континентальной части Китая существует 63 года. Мао Цзэдун и его сторонники пришли к власти, обещав дать землю крестьянам и осуществить новую демократию в политической жизни страны.

Придя к власти, Мао Цзэдун на протяжении 27 лет, вплоть до конца жизни, оставался диктатором, самовластно правил страной.

В то же время КПК не была и не является монолитом. И при правлении Мао Цзэдуна внутри ее руководства действовали люди, которое хотели, каждый по-своему, изменить политическую систему, насаждавшуюся Мао Цзэдуном. Это были Лю Шаоци, Пэн Дэхуай, Линь Бяо.

После смерти Мао Цзэдуна напор осознанного и неосознанного стремления людей в Китае к изменению политической ситуации, их протест против диктатуры, самовластия, накопившийся за годы правления Мао Цзэдуна, оказался настолько мощным, что все в руководстве партии либо были вынуждены, либо, исходя из своих убеждений, стали говорить об изменениях, о реформах.

Для Дэн Сяопина термин реформы в политической жизни граждан Китая был лишь декорацией, прикрытием его желания продолжать властвовать единолично. Дэн Сяопин под предлогом сохранения стабильности даже применял вооруженные силы с целью подавления выступлений людей против деспотизма, диктатуры, единовластия.

За подлинными реформами выступали Ху Яобан и Чжао Цзыян.

В настоящее время в Китае продолжается борьба между приверженцами и последователями Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина, которые представляют собой, так сказать, «партию прошлого», и противниками самовластия, сторонниками реальных изменений в политической жизни страны, сторонниками демократии, которых, в свою очередь, можно называть «партией будущего».

В начале второго десятилетия двадцать первого века имеет место обострение борьбы «партии прошлого» и «партии будущего» внутри КПК.

Все это происходит на фоне реалий нынешней жизни людей в Китае, ситуации внутри КПК, современного состояния отношений между китайцами и остальным человечеством.

Каково же сегодня, спустя 36 лет после смерти Мао Цзэдуна, приходится людям в Китае?

Людей в Китае стало еще больше, чем раньше. Огромная численность населения страны играет свою роль; она сама по себе давит на ситуацию в стране. Для такой массы людей трудно обеспечить даже минимальные условия существования. Это такая масса людей, внутри которой практически почти неизменно существует озабоченность, прежде всего, необходимостью выжить, а, следовательно, предельный эгоизм и забота лишь о своей жизни, что сказывается отсутствием мыслей о жизни других людей. В жизнь быстро входят все новые многочисленные поколения молодежи. Это влечет за собой укорачивание исторической памяти. Каждое новое поколение начинает жизнь как бы заново, без прошлого.

Далеко не случайно «святая троица Китая», то есть те трое руководителей народа и страны, которые в 1980-х гг. возглавили правящую партию (председатель, а затем генеральный секретарь ЦК КПК Ху Яобан), правительство (премьер Госсовета КНР Чжао Цзяян) и парламент страны (председатель ПК ВСНП Вань Ли) и стали твердыми убежденными сторонниками полных реформ в Китае. Эти трое обеспечили Китаю и китайцам жизнь в единственном за последние полтора века десятилетиях – 1980-е гг. – мира. Они использовали в возможной степени открывшуюся после смерти Мао Цзэдуна возможность начать осуществление политики реформ и открытости. На основе созревших у них за годы правления Мао Цзэдуна убеждений они дали глубокую характеристику состояния, к которому Мао Цзэдун привел страну за годы своего правления. Они сказали, какие трудности, следовало преодолеть китайцам после смерти Мао Цзэдуна для того, чтобы постепенно выходить на передовой мировой уровень во всех отношениях, стать одной из передовых и неотъемлемых частей человечества, а не тащиться по своему «специфически китайскому пути».

Ху Яобан говорил, что двумя главными «водными преградами», которые необходимо преодолеть людям Китая, являются «Две Могучих Реки – Река Нищеты и Река Невежества». И то, и другое продолжает в значительной степени существовать в Китае.

Чжао Цзяян говорил, что китайцам необходимо пройти через «Две Заставы – Заставу Рынка и Заставу Демократии». Если движение через заставу рынка в 1980-х гг., в значительной степени именно благодаря усилиям упомянутой «троицы» началось, то путь через заставу демократии еще предстоит пройти.

Наконец, Вань Ли говорил, что если бы люди в Китае узнали о том, в каком ужасающем положении оставил Мао Цзэдун экономику Китая, в какой тупик он ее завел именно своей политикой, то пришлось бы удивляться тому, что китайцы еще не прогнали Коммунистическую партию Китая. К этому можно добавить и упоминание о том, что маршал Е Цзяньин, тот, кто устранил от власти «четверку» ярых последователей Мао Цзэдуна, за что получил от ЦК КПК благодарственное письмо (а

это – единственный случай в истории партии), сказал, что при правлении Мао Цзэдуна в Китае существовала феодально-фашистская диктатура.

Таким образом, для людей Китая и сегодня главное – это все упомянутые проблемы и поиски путей их решения.

Одной из важных проблем в современном Китае является снижение качества населения страны.

Еще одной проблемой является резкое деление людей страны на бедных, которых около миллиарда, и богатых и относительно обеспеченных, которых около 300 миллионов. Разрыв между этими двумя частями населения увеличивается. Путей решения этой проблемы пока не видно.

В последние годы становится все более очевидным, что главным богатством для китайских крестьян является их земля. Попытки лишать крестьян даже тех урезанных прав на землю, которые у них имеются, приводят к нарастанию противоречий между крестьянами и номенклатурой правящей партии, ее кадровым составом, ее чиновничеством. Во что все это может вылиться, трудно предсказать, однако ясно, что дело идет к столкновению во всевозможных формах.

Мао Цзэдун своей политикой подорвал еще имевшуюся тогда веру части населения страны в коммунистические идеалы, разрушил даже номинальную коммунистическую нравственность. Дэн Сяопин своим призывом: «Обогащайтесь наперегонки! Кто обогатится первым или раньше других, тот молодец!» разрушил традиционную нравственность китайцев.

Вместо всего этого возникла духовная пустота. Однако и в Китае свято место пусто не бывает.

В Китае возникло религиозное движение под названием «Колесо Закона Будды» – Фалуньгун. На протяжении нескольких лет в 1990-е гг. руководители КПК допускали существование этого движения, надеясь вписать его в «социализм со спецификой Китая». Они надеялись сделать его ручным. Однако это не получилось. Численность последователей этого религиозного течения превысила численность самой КПК.

Можно вспомнить о том, что в XIX веке в Китае 14 лет существовало движение тайпинов, которые в известной степени следовали христианскому учению. С этим властям тогда удалось справиться, однако в войне погибли, как пишут в КНР, 160 миллионов человек.

В настоящее время нельзя исключать того, что, несмотря на жестокое бесчеловечное подавление фалуньгуна, сторонников этого движения не удастся истребить. При определенном повороте событий в Китае может возникнуть и религиозная партия на основе движения фалуньгун.

В Китае продолжается борьба людей нескольких неханьских национальных общностей против властей КПК–КНР. Это тибетцы, уйгуры, в известной степени монголы и чжуаны. Эта борьба либо принимает резкие формы, как в Тибете, либо тлеет где-то «под землей», но «из искры может разгореться пожар», огонь может вырваться наружу.

К этому можно добавить и продолжающее существовать определенное различие между национальными общностями ханьцев, живущих в различных районах Китая. Здесь возможны при ослаблении центральной власти проявления сепаратизма, стремления отделиться или обрести большую автономию и самостоятельность.

Перейдем теперь к вопросу о власти, то есть об отношениях между правящей партией и людьми в Китае, и о том, каково положение в самой КПК.

Современная КПК представляет собой, прежде всего, партию тех, кого там именуют кадровыми работниками, то есть партию чиновников, партию номенклатуры. Эта партия оторвана от народа. В первую очередь, и это важно подчеркнуть, она оторвана от крестьянства.

В начале второго десятилетия XXI столетия в КПК произошел практически открытый раскол в ее руководстве.

Столкнулись между собой, насколько об этом можно судить по информационным сообщениям, «партия прошлого», к которой относятся бывший генеральный секретарь ЦК КПК Цзян Цзэминь, члены ПК ПБ ЦК Чжоу Юнкан, Ли Чанчунь, бывший партийный руководитель Чунцина Бо Силай, и «партия будущего», к которой, возможно, принадлежат генеральный секретарь ЦК КПК Ху Цзиньтао и член ПК ПБ ЦК КПК Вэнь Цзябао. Все это находит свое выражение в сфере идеологии и пропаганды в том, что часть партийных руководителей усиливает прославление Мао Цзэдуна, его «верного рядового бойца» Лэй Фэна.

Борьба внутри КПК обостряется. Перед съездом в партии усилились требования переоценки событий 1989 г., а также проведения демократических реформ.

В связи с обострением внутрипартийной борьбы можно вспомнить о том, что в 2005 г. на улицах в Пекине КПК пропагандировала лозунг-вопрос: «Откуда есть пошел Новый Китай?». На этот вопрос давался ответ: «Из Сибайпо!». В связи с такой постановкой вопроса тогда пропагандировали «пятерку руководителей», которые работали в Сибайпо и создали Новый Китай: Мао Цзэдун, Лю Шаоци, Чжу Дэ, Чжоу Эньлай, Жэнь Биши. При этом не упоминалось имя Дэн Сяопина.

В 2011 г. в Китае была издана «История Коммунистической партии Китая», одобренная Ху Цзиньтао и Цзян Цзэминем. В этой книге есть портреты Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина, Цзян Цзэминя, Ху Цзиньтао. В ней нет портрета Сунь Ятсена, которого в КНР до «культурной революции» считали революционером. Нет и портретов Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Ныне в основу идеологии КПК кладут «китайский социализм» и «китаизированный марксизм».

Ху Цзиньтао, находясь у власти, начинал борьбу против самого опасного, по его словам, явления в современном Китае, то есть против нече-

тности, против того, что люди в Китае обманывают друг друга. Ху Цзиньгао был также обеспокоен дисгармонией в обществе в Китае. Он начинал соответствующие идеологические кампании, но они не дали результата.

Наконец, важным представляется вопрос о взаимоотношениях между китайцами и остальным человечеством. Существуют и необходимость и трудности взаимного приспособления.

Достижению взаимопонимания мешает национальная идея современного Китая, в которую включены несколько составных частей.

Первая часть – единство китайцев по крови. Не по идеологии или на основе религии, а по крови. Это считается самым прочным и вечным единством. Цзян Цзэминь говорил, что кровь китайцев гуще, чем вода в Тайваньском проливе.

Вторая составная часть – численность населения. Речь идет о том, что китайцев больше всего на Земле. Это также не способствует налаживанию отношений между китайцами и некитайцами. Пропаганда КНР распространяет утверждение о том, что китайцы нигде в мире за пределами Китая не должны быть и никогда не будут национальным меньшинством.

Третьей составной частью национальной идеи является предъявление исторических счетов другим народам за их отношение к Китаю в истории, как его трактуют в КПК–КНР.

Наконец, четвертой составной частью считается обвинения в адрес других народов в том, что они, дескать, ранили национальные чувства китайцев.

Китай становится проблемой и для самого себя, и для остального человечества. Этим двум частям человечества будет не просто приспособиться друг к другу, хотя это и необходимо обеим сторонам.

Общий вывод из всего этого может быть таков: в Китае для его жителей на первом месте стоят их собственные проблемы. Эти проблемы множатся. Решения иных из этих проблем не видно, если у власти в Китае не окажутся разумные люди, которые осуществят демократические политические реформы.

Иллюстрации на переплете

1	2	3	4
6	5	7	
8		9	
10		11	
12	13	14	15

1. Маргарет Тэтчер, Чжао Цзян и Дэн Сяопин. Решена судьба Гонконга. 1984 г.;
2. Чжао Цзян и Рональд Рейган под зонтиками на дорожке у Белого Дома. 1 октября 1984 г.;
3. Чжао Цзян на трибуне;
4. Обложка книги с публикацией тайных записей Чжао Цзяна, сделанных и во время ареста (дословный перевод заголовка: «Находящийся в заточении у государства. Тайные записи китайского премьера Чжао Цзяна»);
5. Одна из многочисленных копий статуи «Богини Демократии», сооруженной на площади Тяньаньмэнь во время студенческих демонстраций в Пекине в апреле-июне 1989 г.;
- 6-11. Противостояние на площади Тяньаньмэнь. 1989 г.;
- 12-13. Жертвы разгона демонстраций войсками на площади Тяньаньмэнь. 4 июня 1989 г.;
14. Памятник во Вроцлаве (Польша), посвященный 10-й годовщине событий на площади Тяньаньмэнь 4 июня 1989 г.
15. Студенты Академии искусств Пекина сооружают статую «Богини Демократии» на площади Тяньаньмэнь (пенوپласт, гипс, высота 10 м). 1989 г.

Перечень основных работ автора

«Культурная революция» в Китае. Борьба в китайском руководстве. Май 1966 года – апрель 1969 года. (В 4-х кн.). – М.: ИДВ АН, 1974–1977. (для служебного пользования)

Кн. 1: Май – декабрь 1966 г. – М., 1974. – 13,75 п.л.;

кн. 2: Январь – июнь 1967 г. – М., 1974. – 15 п.л.;

кн. 3: Июнь – ноябрь 1967 г. – М., 1975. – 14 п.л.;

кн. 4: Декабрь 1967 г. – апрель 1969 г. (в 2-х частях) – М., 1977.

Часть 1 – 12,75 п.л.; часть 2. – 15 п.л.

Становление доктрины военно-политической конфронтации с СССР в ходе «культурной революции» 1966–1969 гг. в Китае: Проблемы внешнеполитической стратегии во внутривластной борьбе в высшем китайском руководстве. Автореф. дисс. на соиск. ст. д. ист. н. – М., 1980. (ДСП)

Из истории политической борьбы в КПК (1966–1969 гг.). – М.: ИДВ АН СССР, 1988. – 298 с.

Дэн Сяопин: личность, судьба, политика. – М.: «Знание», 1989. – 33 с.

«Белые пятна» и «болевые точки» в истории советско-китайских отношений. В 2-х т. – М.: ИДВ РАН, 1992.

Т. 1: От октября 1917 г. до октября 1949 г. – 170 с.;

т. 2: СССР и КНР (1949–1991 гг.). В 2-х книгах: Кн. 1. – 140 с., кн. 2. – 132 с.

Противостояние: Пекин, Тяньаньмэнь, 1989 год. (В 3-х ч.) – М.: ИДВ РАН, 1995.

Ч. 1: Студенчество и интеллигенция // Инф. бюл. № 6. – 121 с.;

ч. 2: Коммунистическая партия Китая // Инф. бюл. № 7. – 169 с.;

ч. 3: Телесериал «Плач по реке» // Инф. бюл. № 8. – 88 с.

Чэнь Ицзы. Китай: десятилетие реформ. В 2 частях / Пер. с кит. и вступ. статья Ю.М.Галеновича: «Неофициальная история реформ или исповедь китайского восьмидесятника». – М.: ИДВ РАН, 1996.

Ч. 1 // Инф. бюл. № 10 – 161 с.;

ч. 2 // Инф. бюл. № 11. – 147 с.

О китайско-американских и китайско-российских отношениях в свете встреч Цзян Цзэминя с Б. Клинтоном (октябрь–ноябрь 1997 г.) и Б. Ельциным (ноябрь 1997 г.) // ЭИ ИДВ РАН, М., 1998, № 6. – 74 с.

К вопросу о национальном самосознании китайцев в конце XX века. – М.: ИДВ РАН, 1999. – 139 с.

Рубеж перед стартом: китайская проблема для России и США на пороге XXI века. – М.: Московский общественный научный фонд; ООО «Издательский центр научных и учебных программ», 1999. – 316 с. – (Серия «Научные доклады», выпуск 99).

Гибель Лю Шаоци. – М.: «Восточная литература» РАН, 2000. – 144 с.

- Новые тенденции в духовной жизни КНР на рубеже тысячелетий // Инф. бюллетень ИДВ РАН, М., 2000, № 6. – 116 с.
- Прав ли Дэн Сяопин, или Китайские инакомыслящие на пороге XXI века. – М.: «Изограф», 2000. – 288 с.
- Цзян Чжунчжэн, или неизвестный Чан Кайши. – М.: ИД «Муравей», 2000. – 358 с. – (Политические деятели Китая. XX век)
- Нации и государства: Сб. статей о китайско-американских отношениях. – М.: ИДВ РАН, 2001. – 184 с.
- Россия и Китай в XX веке: граница. – М.: «Изограф», 2001. – 336 с.
- Заметки китаевода. – М.: «Муравей», 2002. – 328 с.
- Китай и сентябрьская трагедия Америки. – М.: Научно-образовательный ФОРУМ по международным отношениям, 2002. – 168 с.
- Китайское чудо или китайский тупик? – М.: «Муравей», 2002. – 144 с.
- Москва–Пекин, Москва–Тайбэй. – М.: «Изографус», 2002. – 656 с.
- Призрак Мао. – М.: «Время», 2002. – 208 с.
- Путешествие на родину Дэн Сяопина. – М.: ИДВ РАН, 2002. – 156 с.
- Самоутверждение сыновей Тайваня. – М.: «Муравей», 2002. – 200 с.
- Наказы Цзян Цзэминя: принципы внешней и оборонной политики современного Китая. – М.: «Муравей», 2003. – 335 с.
- От императора Николая II и императрицы Цыси до Ленина и Сунь Ятсена. – М.: ИДВ РАН, 2003. – 200 с.
- Россия–Китай: шесть договоров. – М.: «Муравей», 2003. – 408 с.
- Пэн Дэхуай и Мао Цзэдун. Политические лидеры Китая XX века. – М.: «Огни», 2005. – 264 с.
- Смерть Мао Цзедуна. – М.: «ИзографЪ», 2005, – 672 с.
- Девиз Ху Цзиньгао: социальная гармония в Китае. – М.: «Памятники исторической мысли», 2006. – 392 с.
- Китайские метаморфозы. Китай на пороге XXI века. – М.: «Муравей», 2006. – 384 с.
- Мао Цзэдун вблизи. – М.: «Русская панорама», 2006. – 325 с. – (Серия «Лидеры Китая»).
- Россия–Китай–Америка: От соперничества к гармонии интересов? – М.: «Русская панорама», 2006. – 575 с. – (Серия «Размышления историка»).
- История КПСС и СССР в трактовке китайских ученых. – М.: ИДВ РАН, 2007. – 132 с.
- Российско-китайские отношения (конец XIX – начало XXI вв.). – М.: ИДВ РАН, 2007. – 272 с.
- Возвращение Лю Шаоци. – М.: «Русская панорама», 2008. – 407 с. – (Серия «Лидеры Китая»).
- Дао Ху-гуна. В 2-х книгах. – М.: «Русская панорама», 2008. – (Серия «Лидеры Китая»)
- Кн. 1: Жизненный путь Ху Яобана. – 448 с.;

кн. 2: Подвиг Ху Яобана. – 540 с.

Два генералиссимуса: И.В.Сталин и Цзян Чжунчжэн (Чан Кайши). – М.: ИДВ РАН, 2008. – 372 с.

Новое лицо Китая. В 3-х кн. – М.: ИДВ РАН, 2008.

Кн. I: Положение в партии. – 376 с.;

кн. II: Состояние общества. – 376 с.;

кн. III: XVII съезд КПК: программа Ху Цзиньтао. – 306 с.

Китайская мозаика. Сб. статей о современном Китае и наших взаимоотношениях с ним – М.: ИДВ РАН, 2009. – 416 стр.

О чем пишут авторы сборника «Китай недоволен». – М.: ИДВ РАН, 2009. – 126 с.

Сталин и Мао. Два вождя. – М.: «Восточная книга», 2009. – 574 с.

Взгляд на Россию из Китая. Прошлое и настоящее России и наших отношений с Китаем в трактовке китайских ученых. – М.: «Время», 2010. – 304 с.

Китайские сюжеты. Чем доволен и недоволен Китай. – М.: «Восточная литература», 2010. – 480 с.

Сань-цзы-цзин или Троеслобие / Перевод с кит. языка и комм. Ю.М.Галеновича. – М.: ИДВ РАН, 2010. – 370 с.

История взаимоотношений России и Китая. В 4-х кн. – М.: «СПСЛ»; «Русская панорама», 2011. – (Серия «Размышления историка»).

Книга I: Две нации – две трансформации (XVII – начало XX в.) и
Книга II: Два государства – три партии (1917 – 1949 гг.). – 464 с.,
карты.

Книга III: Один строй – два государства (1949 – 1991 гг.). Часть 1:
Главы 1 – 11. – 464 с.

Книга III: Один строй – два государства (1949 – 1991 гг.). Часть 2:
Главы 12 – 21. – 336 с.

Книга IV: Две нации – три партнера (1991 – начало XXI в. – 600 с.,
карта.

Китайские интерпретации. – М.: «Восточная книга», 2011. – 400 с.

Китайские поминки по КПСС и СССР. – М.: «Восточная книга», 2011. – 264 с.

Пятьдесят лет с Китаем. – М.: «Вагриус», «Изограф», 2011. – 352 с.

Россия в «китайском зеркале». Трактовка в КНР в начале XXI века истории России и русско-китайских отношений. – М.: «Восточная книга», 2011. – 416 с.

Четыреста лет соседства России с Китаем. – М.: «Восточная книга», 2011. – 256 с.

Два «первых лица»: Хрущев и Мао Цзэдун. – М.: ИДВ РАН, 2012. – 322 с.

Великий Мао. «Гений и злодейство» – М.: «Яуза»; «Эксмо», 2012. – 784 с.

«Войны Нового Китая» и его дипломатическая служба. – М.: «Восточная книга», 2012. – 640 с.

От Брежнева и Мао Цзэдуна до Горбачева и Дэн Сяопина. – М.: ИДВ РАН, 2012. – 224 с.

Троесловие (Сань-цзы-цзин) / Пер. с кит., предисл. и комм. Ю.М.Галеновича. – М.: «СПСЛ», «Русская панорама», 2012. – На рус. и кит. яз. – 296 с. – (ANTIQUA: литературные памятники и источники).

В КНР в 1999 г. издательством «Сычуань жэньминь чубаньшэ» издана серия работ на китайском языке под общим названием «Россия и Китай в XX веке. Нации и их лидеры».

Серия состоит из следующих книг:

Нигула юй Цыси. Ленин юй Сунь Чжуншань (Николай и Цыси. Ленин и Сунь Ятсен). – 243 с. – D.616;

Лян да юаньшуйай: Сыдалинь юй Цзян Цзеши (Два генералиссимуса: Сталин и Чан Кайши). – 287 с. – D.617;

Лян да линсю: Сыдалинь юй Мао Цзэдун (Два вождя Сталин и Мао Цзэдун). – 485 с. – D.618;

Лянгэ ибашоу: Хэлусяофу юй Мао Цзэдун (Два «первых лица»: Хрущев и Мао Цзэдун). – 294 с. – D.619;

Булэжинефу юй Мао Цзэдун. Гээрбацяофу юй Дэн Сяопин (Брежнев и Мао Цзэдун. Горбачев и Дэн Сяопин). – 205 с. – D.620;

Шицзи чжи цзяо ды Элосы юй Чжунго (Россия и Китай на рубеже веков). – 338 с. – D.623.

Готовятся к изданию рукописи:

«Исторический счет» к России и к СССР в «Истории Коммунистической партии Китая»;

Шесть главных проблем в истории взаимоотношений России и Китая, или Виновата ли Россия перед Китаем?

**Издательством «Русская панорама» в серии «Лидеры Китая»
выпущены следующие книги:**

Галенович Ю.М. Мао Цзэдун вблизи. – М., 2006. – 325 с. – 1000 экз.

Книга знакомит читателя с Мао Цзэдуном как человеком, с его родными и близкими, его домом и бытом, его «ближним кругом», его характером, его жизнью и с тем, как он умер. Впервые среди изданий на русском языке председатель Мао представлен не как застывшая икона, в ореоле многолетних пропагандистских изысков, а таким, каким его видели близкие и окружавшие его люди в непосредственном общении, в том числе в неофициальной обстановке. В приложениях приведены фрагменты воспоминаний о Мао Цзэдуне его телохранителя, личного врача и женщины, «помогавшей ему в быту».

Галенович Ю.М. Возвращение Лю Шаоци. – М., 2008. – 407 с. – 1000 экз.

Монография посвящена жизни и деятельности Лю Шаоци – выдающегося лидера Китая, который после образования КНР на протяжении 17 лет существования республики был общепризнанным «вторым человеком» в Китае, занимал посты председателя КНР, заместителя председателя ЦК КПК. В ходе «культурной революции» Мао Цзэдун отнесся к Лю Шаоци как к главному противнику своих идей и политики. В нарушение законов КНР и устава КПК, «навечно исключил его из партии», и заточил в тюрьму, варварски обращался с ним и довел до смерти в тюрьме. Книга построена в необычной форме комментариев к фильму о Лю Шаоци, выпущенного в 2005 г. и возвращавшего доброе имя Лю Шаоци в сознание широких кругов китайской общественности. Выход фильма и публикация целого ряда книг о Лю Шаоци говорят о признании его заслуг, о переоценке роли в истории Китая этого лидера поистине национального масштаба.

Галенович Ю.М. Дао Ху-гуна. В двух книгах. – М., 2008. – 1000 экз.

Кн. 1: Жизненный путь Ху Яобана. – 448 с.; кн. 2: Подвиг Ху Яобана. – 540 с. Монография посвящена жизни и деятельности Ху Яобана – выдающегося лидера Китая 2-й половины XX века. Почти 10 лет его пребывания на высшем руководящем посту в КПК, в противовес десятилетиям диктатуры Мао Цзэдуна, остались в памяти многих китайцев «золотым веком реформ» в Китае, временем мира и созидания. В *первой* книге настоящего издания рассказывается об этапах жизненного пути Яобана: юности, годах становления и годах власти. Во *второй* книге рассказывается о подвиге Яобана: не побоявшись открыто усомниться в непогрешимости «великого Мао», он помог реабилитации и возвращению к нормальной жизни миллионов китайцев, репрессированных по так называемым «сфабрикованным и ошибочным» делам в период «культурной революции». Для огромного числа китайских семей Яобан стал олицетворением честности и справедливости. Празднование 90-летия Ху Яобана в Китае и последовавшая публикация ряда книг о нем говорят о признании его заслуг, о переоценке роли в истории Китая.

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЕ ИЗДАНИЕ

Юрий Михайлович Галенович

ЧЖАО ЦЗЫЯН И РЕФОРМЫ В КИТАЕ

«Утверждено к печати»:

от НП ИД «Русская панорама» – Ю.В. Яшнев;

от ООО «СПСЛ» – И.А. Настенко

ISBN 978-5-93165-304-4

Публикуется в авторской редакции

Художественное оформление: И.А. Настенко

Техническое редактирование: О.Е. Пугачева

НП ИД «Русская панорама»; ООО «СПСЛ».
109028, Россия, Москва, Серебряническая
наб., 27, оф. 103. Телефон: (495) 917 5983;
917 7094. E-mail: in@rus-pan.ru

Подп. в печать 24.10.2012. Формат 60x90/16.
Бумага офсетная № 1. Гарнитура SPSL-Dutch.
Печать цифровая ролевая. Объем 47 п./л.
Тир. 1000 экз. (1-й завод: 1–500). Зак. № 1925

Отпечатано способом ролевой струйной пе-
чати в ОАО «Первая Образцовая типография»
филиал «Чеховский Печатный Двор». 142300,
Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, 1

